Герберт Джордж

УЭЛЛС

Лучшие романы

в одном томе

Лучшие романы
Герберт Джордж Уэллс

Аннотация
Герберт Уэллс. Лучшие романы
Машина времени
Глава 1. Изобретатель
Глава 2. Машина времени
Глава 3. Путешественник по времени возвращается
Глава 4. Путешествие по времени
Глава 5. В золотом веке
Глава 6. Закат человечества
Глава 7. Внезапный удар
Глава 8. Все становится ясным
Глава 9. Морлоки
Глава 10. Когда настала ночь
Глава 11. Зеленый дворец
Глава 12. Во мраке
Глава 13. Ловушка белого сфинкса
Глава 14. Новые видения
Глава 15. Возвращение путешественника по времени
Глава 16. Когда история была рассказана
Эпилог

Человек-невидимка
Глава 1. Появление незнакомца
Глава 2. Первые впечатления мистера Тедди Хенфри
Глава 3. Тысяча и одна бутылка
Глава 4. Мистер Касс интервьюирует незнакомца
Глава 5. Кража со взломом в доме викария
Глава 6. Взбесившаяся мебель
Глава 7. Разоблачение незнакомца
Глава 8. Мимоходом
Глава 9. Мистер Томас Марвел
Глава 10. Мистер Марвел в Айпинге
Глава 11. В трактире «Кучер и кони»
Глава 12. Невидимка приходит в ярость
Глава 13. Мистер Марвел ходатайствует об отставке
Глава 14. В Порт-Стоу
Глава 15. Бегущий человек
Глава 16. В кабачке «Веселые крикетисты»
Глава 17. Гость доктора Кемпа
Глава 18. Невидимка спит
Глава 19. Некоторые основные принципы
Глава 20. В доме на Грейт-Портленд-стрит
Глава 21. На Оксфорд-стрит
Глава 22. В универсальном магазине

Глава 23. На Друри-лейн
Глава 24. Неудавшийся план
Глава 25. Охота на невидимку
Глава 26. Убийство Уикстида
Глава 27. В осажденном доме
Глава 28. Травля охотника
Эпилог
Война миров
Книга первая. Прибытие марсиан
Глава I. Накануне войны
Глава II. Падающая звезда
Глава III. На Хорселлской пустоши
Глава IV. Цилиндр открывается
Глава V. Тепловой луч
Глава VI. Тепловой луч на Чобхемской дороге
Глава VII. Как я добрался до дому
Глава VIII. В пятницу вечером
Глава IX. Сражение начинается
Глава X. Гроза
Глава XI. У окна
Глава XII. Разрушение Уэйбриджа и Шеппертона
Глава XIII. Встреча со священником
Глава XIV. В Лондоне
Глава XV. Что случилось в Суррее
Глава XVI. Уход из Лондона

Глава XVII. «Сын Грома»
Книга вторая. Земля под властью марсиан
Глава I. Под пятой
Глава II. Что мы видели из развалин дома
Глава III. Дни заточения
Глава IV. Смерть священника
Глава V. Тишина
Глава VI. Что сделали марсиане за две недели
Глава VII. Человек на вершине Патни-Хилла
Глава VIII. Мертвый Лондон
Глава IX. На обломках прошлого
Эпилог
Остров доктора Моро
Предисловие
I. В ялике с «Леди Вейн»
II. Человек ниоткуда
III. Странное лицо
IV. У борта
V. Безвыходное положение
VI. Ужасная команда баркаса
VII. Запертая дверь
VIII. Крик пумы
IX. Встреча в лесу
X. Человеческий крик
XI. Охота за человеком
XII. Глашатаи закона

XIII. Переговоры
XIV. Объяснения доктора Моро
XV. Звероподобные люди
XVI. Зверолюди узнают вкус крови
XVII. Катастрофа
XVIII. Мы находим Моро
XIX. Праздник Монтгомери
XX. Один среди зверолюдей
XXI. Зверолюди возвращаются к прежнему состоянию
XXII. Наедине с собой
Первые люди на Луне
Глава I. Мистер Бедфорд встречается с мистером Кейвором в Лимпне
Глава II. Первое изготовление кейворита
Глава III. Сооружение шара
Глава IV. Внутри шара
Глава V. Путешествие на Луну
Глава VI. Высадка на Луну
Глава VII. Восход солнца на Луне
Глава VIII. Утро на Луне
Глава IX. Первые изыскания
Глава X. Заблудившиеся на Луне
Глава XI. Пастбища лунных коров
Глава XII. Лицо селенита
Глава XIII. Мистер Кейвор высказывает пред-

положение
Глава XIV. Попытка объясниться
Глава XV. Головокружительный мост
Глава XVI. Различные точки зрения
Глава XVII. Битва в пещере лунных мясников
Глава XVIII. В солнечном свете
Глава XIX. Мистер Бедфорд остался один
Глава XX. Мистер Бедфорд в бесконечном пространстве
Глава XXI. Мистер Бедфорд в Литлстоуне
Глава XXII. Невероятное сообщение мистера Юлиуса Вендиджи
Глава XXIII. Краткий обзор шести первых сообщений мистера Кейвора
Глава XXIV. Естественная история селенитов
Глава XXV. Великий Лунарий
Глава XXVI. Последнее сообщение Кейвора на Землю
Пища богов
Книга I. Рождение пищи
Глава I. Открытие пищи
Глава II. Опытная ферма
Глава III. Гигантские крысы
Глава IV. Гигантские дети
Глава V. Мистер Бенсингтон стушевывается
Книга II. Пища в деревне

Глава I. Появление Пищи
Глава II. Гигантская обуза
Книга III. Пища приносит плоды
Глава I. Преображенный мир
Глава II. Влюбленные великаны
Глава III. Молодой Кэддлс в Лондоне
Глава IV. Два дня из жизни Редвуда
Глава V. Осажденный лагерь
Спящий просыпается
Глава I. Бессонница
Глава II. Летаргия
Глава III. Пробуждение
Глава IV. Шум мятежа
Глава V. Движущиеся мостовые
Глава VI. Зал атланта
Глава VII. В комнатах безмолвия
Глава VIII. На крышах
Глава IX. Народ поднимается
Глава X. Схватка в темноте
Глава XI. Старик, который все знал
Глава XII. Острог
Глава XIII. Конец старого порядка
Глава XIV. Вид из «Вороньего гнезда»
Глава XV. Высшее общество
Глава XVI. Моноплан
Глава XVII. Три дня

Глава XVIII. Грэм вспоминает
Глава XIX. Точка зрения острога
Глава XX. На городских путях
Глава XXI. Подземелье
Глава XXII. Борьба в здании Совета
Глава XXIII. Грэм говорит свое слово
Глава XXIV. Пока приближались аэропланы
Глава XXV. Налет аэропланов

Аннотация

Герберт Уэллс (1866–1946) – популярнейший английский писатель, автор таких известных романов, как «Война миров», «Человек-невидимка», «Машина времени», «Остров доктора Моро» и многих других. Уэллс испытывал сильную тревогу за судьбы мира, понимая, что новые научные открытия и стремительное развитие технологий не соответствуют нравственному состоянию общества и вследствие этого могут привести к катастрофе. Писатель страстно увлекался футурологией и в своих литературных произведениях проигрывал самые разные сценарии будущего в поисках решения проблем, с которыми неизбежно столкнется человечество.

Кажется, сложно найти такую тему, которая не занимала бы великого писателя.

Он предсказал войны с применением отравляющих газов и лазеров, а также атомную бомбу. Ввел в фантастику тему параллельных миров, антигравитацию, а также высказал огромное количество идей, которыми до сих пор пользуются писатели-фантасты.

В этот том вошли семь самых известных романов Уэллса, проверенных временем и согретых любовью нескольких поколений читателей всего мира.

Герберт Уэллс
Лучшие романы

Машина времени

Посвящается Уильяму Эрнесту Хеши

Глава 1
Изобретатель

Путешественник по Времени (будем называть его так) рассказывал нам невероятные вещи. Его серые глаза искрились и сияли, лицо, обычно бледное, покраснело и оживилось. В камине ярко пылал огонь, и мягкий свет электрических лампочек, ввинченных в серебряные лилии, переливался в наших бокалах. Стулья собственного его изобретения были так удобны, словно ласкались к нам; в комнате царила та блаженная послеобеденная атмосфера, когда мысль, свободная от строгой определенности, легко скользит с предмета на предмет. Вот что он нам сказал, отмечая самое важное движениями тонкого указательного пальца, в то время как мы лениво сидели на стульях, удивляясь его изобретательности и тому, что он серьезно относится к своему новому парадоксу (как мы это называли):

— Прошу вас слушать меня внимательно. Мне придется опровергнуть несколько общепринятых представлений. Например, геометрия, которой вас обучали в школах, построена на

недоразумении…

— Не думаете ли вы, что это слишком широкий вопрос, чтобы с него начинать? — сказал рыжеволосый Филби, большой спорщик.

— Я и не предполагаю, что вы согласитесь со мной, не имея на это достаточно разумных оснований. Но вам придется согласиться со мной, я вас заставлю. Вы, без сомнения, знаете, что математическая линия, линия без толщины, воображаема и реально не существует. Учили вас этому? Вы знаете, что не существует также и математической плоскости. Все это чистые абстракции.

— Совершенно верно, — подтвердил Психолог.

— Но ведь точно так же не имеет реального существования и куб, обладающий только длиной, шириной и высотой…

— С этим я не могу согласиться, — заявил Филби. — Без сомнения, твердые тела существуют. А все существующие предметы…

— Так думает большинство людей. Но подождите минуту. Может ли существовать вневременной куб?

— Не понимаю вас, — сказал Филби.

— Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не существует ни

единого мгновения?

Филби задумался.

— А из этого следует, — продолжал Путешественник по Времени, — что каждое реальное тело должно обладать четырьмя измерениями: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования. Но вследствие прирожденной ограниченности нашего ума мы не замечаем этого факта. И все же существуют четыре измерения, из которых три мы называем пространственными, а четвертое — временным. Правда, существует тенденция противопоставить три первых измерения последнему, но только потому, что наше сознание от начала нашей жизни и до ее конца движется рывками лишь в одном-единственном направлении этого последнего измерения.

— Это, — произнес Очень Молодой Человек, делая отчаянные усилия раскурить от лампы свою сигару, — это… право, яснее ясного.

— Замечательно. Однако это совершенно упускают из виду, — продолжал Путешественник по Времени, и голос его слегка повеселел. — Время и есть то, что подразумевается под Четвертым Измерением, хотя некоторые трактующие о Четвертом Измерении не знают, о чем говорят. Это

просто иная точка зрения на Время. *Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется по нему.* Некоторые глупцы неправильно понимают эту мысль. Все вы, конечно, знаете, в чем заключаются их возражения против Четвертого Измерения?

— Я не знаю, — заявил Провинциальный Мэр.

— Все очень просто. Пространство, как понимают его наши математики, имеет три измерения, которые называются длиной, шириной и высотой, и оно определяется относительно трех плоскостей, расположенных под прямым углом друг к другу. Однако некоторые философские умы задавали себе вопрос: почему же могут существовать только три измерения? Почему не может существовать еще одно направление под прямым углом к трем остальным? Они пытались даже создать Геометрию Четырех Измерений. Всего около месяца тому назад профессор Саймон Ньюком излагал эту проблему перед Нью-Йоркским математическим обществом. Вы знаете, что на плоской поверхности, обладающей только двумя измерениями, можно представить чертеж трехмерного тела. Предполагается, что точно так же при помощи трехмерных моделей можно

представить предмет в четырех измерениях, если овладеть перспективой этого предмета. Понимаете?

— Кажется, да, — пробормотал Провинциальный Мэр. Нахмурив брови, он углубился в себя и шевелил губами, как человек, повторяющий какие-то магические слова.

— Да, мне кажется, я теперь понял, — произнес он спустя несколько минут, и его лицо просияло.

— Ну, я мог бы рассказать вам, как мне пришлось заниматься одно время Геометрией Четырех Измерений. Некоторые из моих выводов довольно любопытны. Например, вот портрет человека, когда ему было восемь лет, другой — когда ему было пятнадцать, третий — семнадцать, четвертый — двадцать три года и так далее. Все это, очевидно, трехмерные представления его четырехмерного существования, которое является вполне определенной и неизменной величиной.

Ученые, — продолжал Путешественник по Времени, помолчав для того, чтобы мы лучше усвоили сказанное, — отлично знают, что Время — только особый вид Пространства. Вот перед вами самая обычная диаграмма, кривая погоды. Линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра. Вчера он стоял вот на та-

кой высоте, к вечеру упал, сегодня утром снова поднялся и полз понемногу вверх, пока не дошел вот до этого места. Без сомнения, ртуть не нанесла этой линии ни в одном из общепринятых пространственных измерений. Но так же несомненно, что ее колебания абсолютно точно определяются нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена в Четвертом Измерении — во Времени.

— Но, — сказал Доктор, пристально глядя на уголь в камине, — если Время действительно только Четвертое Измерение Пространства, то почему же всегда, вплоть до наших дней, на него смотрели как на нечто отличное? И почему мы не можем двигаться во Времени точно так же, как движемся во всех остальных измерениях Пространства?

Путешественник по Времени улыбнулся.

— А вы так уверены в том, что мы можем свободно двигаться в Пространстве? Правда, мы можем довольно свободно пойти вправо и влево, назад и вперед, и люди всегда делали это. Я допускаю, что мы свободно движемся в двух измерениях. Ну а как насчет движения вверх? Сила тяготения ограничивает нас в этом.

— Не совсем, — заметил Доктор. — Существуют

же аэростаты.

— Но до аэростатов, кроме неуклюжих прыжков и лазанья по неровностям земной поверхности, у человека не было иной возможности вертикального движения.

— Все же мы можем двигаться немного вверх и вниз, — сказал Доктор.

— Легче, значительно легче вниз, чем вверх!

— Но двигаться во Времени совершенно немыслимо, вы никуда не уйдете от настоящего момента.

— Мой дорогой друг, тут-то вы и ошибаетесь. В этом-то и ошибался весь мир. Мы постоянно уходим от настоящего момента. Наша духовная жизнь, нематериальная и не имеющая измерений, движется с равномерной быстротой от колыбели к могиле по Четвертому Измерению Пространства — Времени. Совершенно так же, как если бы мы, начав свое существование в пятидесяти милях над земной поверхностью, равномерно падали бы вниз.

— Однако главное затруднение, — вмешался Психолог, — заключается в том, что можно свободно двигаться во всех направлениях Пространства, но нельзя так же свободно двигаться во Времени!

— В этом-то и заключается зерно моего великого открытия. Вы совершаете ошибку, говоря, что нельзя двигаться во Времени. Если я, например, очень ярко вспоминаю какое-либо событие, то возвращаюсь ко времени его совершения и как бы мысленно отсутствую. Я на миг делаю прыжок в прошлое. Конечно, мы не имеем возможности остаться в прошлом на какую бы то ни было частицу Времени, подобно тому как дикарь или животное не могут повиснуть в воздухе на расстоянии хотя бы шести футов от земли. В этом отношении цивилизованный человек имеет преимущество перед дикарем. Он вопреки силе тяготения может подняться вверх на воздушном шаре. Почему же нельзя надеяться, что в конце концов он сумеет также остановить или ускорить свое движение по Времени или даже повернуть в противоположную сторону?

— Это совершенно невозможно… — начал было Филби.

— Почему нет? — спросил Путешественник по Времени.

— Это противоречит разуму, — ответил Филби.

— Какому разуму? — сказал Путешественник по Времени.

— Конечно, вы можете доказывать, что черное

— белое, — сказал Филби, — но вы никогда не убедите меня в этом.

— Возможно, — сказал Путешественник по Времени. — Но все же попытайтесь взглянуть на этот вопрос с точки зрения Геометрии Четырех Измерений. С давних пор у меня была смутная мечта создать машину…

— Чтобы путешествовать по Времени? — прервал его Очень Молодой Человек.

— Чтобы двигаться свободно в любом направлении Пространства и Времени по желанию того, кто управляет ею.

Филби только рассмеялся и ничего не сказал.

— И я подтвердил возможность этого на опыте, — сказал Путешественник по Времени.

— Это было бы удивительно удобно для историка, — заметил Психолог. — Можно было бы, например, отправиться в прошлое и проверить известное описание битвы при Гастингсе!

— А вы не побоялись бы, что на вас нападут обе стороны? — сказал Доктор. — Наши предки не очень-то любили анахронизмы.

— Можно было бы изучить греческий язык из уст самого Гомера или Платона, — сказал Очень Молодой Человек.

— И вы, конечно, провалились бы на экзамене.

Немецкие ученые так удивительно усовершенствовали древнегреческий язык!

— В таком случае уж лучше отправиться в будущее! — воскликнул Очень Молодой Человек. — Подумайте только! Можно было бы поместить все свои деньги в банк под проценты — и вперед!

— А там окажется, — перебил я, — что общество будущего основано на строго коммунистических началах.

— Это самая экстравагантная теория!.. — воскликнул Психолог.

— Да, так казалось и мне, но я не говорил об этом до тех пор…

— Пока не могли подтвердить это опытом! — подхватил я. — И вы можете доказать…

— Требую опыта! — закричал Филби, которому надоели рассуждения.

— Покажите же нам свой опыт, — сказал Психолог, — хотя, конечно, все это чепуха.

Путешественник по Времени, улыбаясь, обвел нас взглядом. Затем все с той же усмешкой засунул руки в карманы и медленно вышел из комнаты. Мы услышали шарканье его туфель по длинному коридору, который вел в лабораторию.

Психолог посмотрел на нас.

— Интересно, зачем он туда пошел?

— Наверно, это какой-нибудь фокус, — сказал Доктор. Филби принялся рассказывать о фокуснике, которого он видел в Барслеме, но тут Путешественник по Времени вернулся, и рассказ Филби остался неоконченным.

Глава 2
Машина времени

Путешественник по Времени держал в руке искусно сделанный блестящий металлический предмет немного больше маленьких настольных часов. Он был сделан из слоновой кости и какого-то прозрачного, как хрусталь, вещества. Теперь я постараюсь быть очень точным в своем рассказе, так как за этим последовали совершенно невероятные события. Хозяин придвинул один из маленьких восьмиугольных столиков, расставленных по комнате, к самому камину так, что две его ножки очутились на каминном коврике. На этот столик он поставил свой аппарат. Затем придвинул стул и сел на него. Кроме аппарата, на столе стояла еще небольшая лампа под абажуром, от которой падал яркий свет. В комнате теперь горело еще около дюжины свечей: две в бронзовых подсвечниках на камине, остальные в канделябрах, — так что вся она была освещена. Я сел в низкое кресло поближе к огню и выдвинул его вперед так, что оказался почти между камином и Путешественником по Времени. Филби

уселся позади и смотрел через его плечо. Доктор и Провинциальный Мэр наблюдали с правой стороны, а Психолог — слева. Очень Молодой Человек стоял позади Психолога. Все мы насторожились. Мне кажется невероятным, чтобы при таких условиях нас можно было обмануть каким-нибудь фокусом, даже самым хитрым и искусно выполненным.

Путешественник по Времени посмотрел на нас, затем на свой аппарат.

— Ну? — сказал Психолог.

— Этот маленький механизм — только модель, — сказал Путешественник по Времени, облокотившись на стол и сплетя пальцы над аппаратом. — По ней я делаю машину для путешествия по Времени. Вы замечаете, какой у нее необычный вид? Например, вот у этой пластинки очень смутная поверхность, как будто бы она в некотором роде не совсем реальна.

Он указал пальцем на одну из частей модели.

— Вот здесь находится маленький белый рычажок, а здесь другой.

Доктор встал со стула и принялся рассматривать модель.

— Чудесно сделано, — сказал он.

— На это ушло два года, — ответил Путеше-

ственник по Времени. Затем, после того как мы все по примеру Доктора осмотрели модель, он добавил: — А теперь обратите внимание на следующее: если нажать на этот рычажок, машина начинает скользить в будущее, а второй рычажок вызывает обратное движение. Вот седло, в которое должен сесть Путешественник по Времени. Сейчас я нажму рычаг — и машина двинется. Она исчезнет, умчится в будущее и скроется из наших глаз. Осмотрите ее хорошенько. Осмотрите также стол и убедитесь, что тут нет никакого фокуса. Я вовсе не желаю потерять свою модель и получить за это только репутацию шарлатана.

Наступило минутное молчание. Психолог как будто хотел что-то сказать мне, но передумал. Путешественник по Времени протянул палец по направлению к рычагу.

— Нет, — сказал он вдруг. — Пусть кто-нибудь даст мне руку. — Обернувшись к Психологу, он взял его за локоть и попросил вытянуть указательный палец.

Таким образом, Психолог сам отправил модель Машины Времени в ее бесконечное путешествие. Мы все видели, как рычаг повернулся. Я глубоко убежден, что здесь не было обмана. Произошло колебание воздуха, и пламя лампы задрожало.

Одна из свечей, стоявших на камине, погасла. Маленькая машина закачалась, сделалась неясной, на мгновение она представилась нам как тень, как призрак, как вихрь поблескивавшего хрусталя и слоновой кости — и затем исчезла, пропала. На столе осталась только лампа.

С минуту мы все молчали. Затем Филби пробормотал проклятие.

Психолог, оправившись от изумления, заглянул под стол. Путешественник по Времени весело рассмеялся.

— Ну! — сказал он, намекая на сомнения Психолога. Затем, встав, он взял с камина жестянку с табаком и преспокойно принялся набивать трубку. Мы посмотрели друг на друга.

— Слушайте, — сказал Доктор, — неужели вы это серьезно? Неужели вы действительно верите, что ваша машина отправилась путешествовать по Времени?

— Без сомнения, — ответил он, наклонился к камину и сунул в огонь клочок бумаги. Затем, закурив трубку, посмотрел на Психолога. (Психолог, стараясь скрыть свое смущение, достал сигару и, позабыв обрезать кончик, тщетно пытался закурить.) — Скажу более, — продолжал наш хозяин, — у меня почти окончена большая

машина… Там. — Он указал в сторону своей лаборатории. — Когда она будет готова, я предполагаю сам совершить путешествие.

— Вы говорите, что эта машина отправилась в будущее? — спросил Филби.

— В будущее или в прошлое — наверняка не знаю.

— Постойте, — сказал Психолог с воодушевлением. — Она должна была отправиться в прошлое, если вообще можно допустить, что она куда-нибудь отправилась.

— Почему? — спросил Путешественник по Времени.

— Потому что если бы она не двигалась в Пространстве и отправилась в будущее, то все время оставалась бы с нами: ведь и мы путешествуем туда же!

— А если бы она отправилась в прошлое, — добавил я, — то мы видели бы ее еще в прошлый четверг, когда были здесь, и в позапрошлый четверг, и так далее!

— Серьезные возражения! — заметил Провинциальный Мэр и с видом полного беспристрастия повернулся к Путешественнику по Времени.

— Вовсе нет, — сказал тот и, обращаясь к Психологу, сказал: — Вы сами легко можете им это

объяснить. Это вне восприятия, не уловимо чувством.

— Конечно, — ответил Психолог, обращаясь к нам. — С психологической точки зрения это очень просто. Я должен был бы подумать раньше. Это подтверждает ваш парадокс. Мы действительно не можем видеть, не можем воспринять движение этой машины, как не можем видеть спицу быстро вертящегося колеса или пулю, летящую в воздухе. И если машина движется в будущее со скоростью в пятьдесят или сто раз большей, чем мы сами, если она проходит хотя бы минуту времени, пока мы проходим секунду, то восприятие ее равняется, безусловно, только одной пятидесятой или одной сотой обычного восприятия. Это совершенно ясно. — Он провел рукой по тому месту, где стоял аппарат. — Понимаете? — сказал он смеясь.

Целую минуту мы не сводили взгляда с пустого стола. Затем Путешественник по Времени спросил, что мы обо всем этом думаем.

— Все это кажется сегодня вполне правдоподобным, — ответил Доктор, — но подождем до завтра. Утро вечера мудренее.

— Не хотите ли взглянуть на саму Машину Времени? — спросил Путешественник по Времени.

И, взяв лампу, он повел нас по длинному холодному коридору в свою лабораторию. Ясно помню мерцающий свет лампы, его темную крупную голову впереди, наши пляшущие тени на стенах. Мы шли за ним, удивленные и недоверчивые, и увидели в лаборатории, так сказать, увеличенную копию маленького механизма, исчезнувшего на наших глазах. Некоторые части машины были сделаны из никеля, другие из слоновой кости; были и детали, несомненно, вырезанные или выпиленные из горного хрусталя. В общем, машина была готова. Только на скамье, рядом с чертежами, лежало несколько прозрачных, причудливо изогнутых стержней. Они, по-видимому, не были окончены. Я взял в руку один из них, чтобы получше рассмотреть. Мне показалось, что он был сделан из кварца.

— Послушайте, — сказал Доктор, — неужели это действительно серьезно? Или это фокус вроде того привидения, которое вы показывали нам на прошлое Рождество?

— На этой машине, — сказал Путешественник по Времени, держа лампу высоко над головой, — я собираюсь исследовать Время. Понимаете? Никогда еще я не говорил более серьезно, чем сейчас.

Никто из нас хорошенько не знал, как отне-

стись к этим его словам. Выглянув из-за плеча Доктора, я встретился взглядом с Филби, он многозначительно подмигнул мне.

Глава 3
Путешественник по времени возвращается

Мне кажется, в то время никто из нас серьезно не верил в Машину Времени. Дело в том, что Путешественник по Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны, чтобы им можно было слепо верить. Всегда казалось, что он себе на уме, никогда не было уверенности в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или хитроумной уловки. Если бы ту же самую модель показал нам Филби, объяснив сущность дела теми же словами, мы проявили бы значительно больше доверия. Мы понимали бы, что им движет: всякий колбасник мог бы понять Филби. Но характер Путешественника по Времени был слишком причудлив, и мы инстинктивно не доверяли ему. Открытия и выводы, которые доставили бы славу человеку менее умному, у него казались лишь хитрыми трюками. Достигая своих целей слишком легко, он совершал большую ошибку. Серьезные, умные люди, с уважением относившиеся к нему, нико-

гда не были уверены в том, что он не одурачит их просто ради шутки, и всегда чувствовали, что их репутация в его руках подобна тончайшему фарфору в руках ребенка. Вот почему, как мне кажется, ни один из нас всю следующую неделю, от четверга до четверга, ни словом не обмолвился о путешествии по Времени, хотя, без сомнения, оно заинтересовало всех: кажущаяся правдоподобность и вместе с тем практическая невероятность такого путешествия, забавные анахронизмы и полный хаос, который оно вызвало бы, — все это очень занимало нас. Что касается меня лично, то я особенно заинтересовался опытом с моделью. Помню, я поспорил об этом с Доктором, встретившись с ним в пятницу в Линнеевском обществе. Он говорил, что видел нечто подобное в Тюбингене, и придавал большое значение тому, что одна из свечей во время опыта погасла. Но как все это было проделано, он не мог объяснить.

В следующий четверг я снова поехал в Ричмонд, так как постоянно бывал у Путешественника по Времени, и, немного запоздав, застал уже в гостиной четверых или пятерых знакомых.

Доктор стоял перед камином с листком бумаги в одной руке и часами в другой. Я огляделся: Путешественника по Времени не было.

— Половина восьмого, — сказал Доктор. — Мне кажется, пора садиться за стол.

— Но где же хозяин? — спросил я.

— Ага, вы только что пришли? Знаете, это становится странным. Его, по-видимому, что-то задержало. В этой записке он просит нас сесть за стол в семь часов, если он не вернется, и обещает потом объяснить, в чем дело.

— Досадно, если обед будет испорчен, — сказал Редактор одной известной газеты.

Доктор позвонил.

Из прежних гостей, кроме меня и Доктора, был только один Психолог. Зато появились новые: Бленк, уже упомянутый нами Редактор, один Журналист и еще какой-то тихий, застенчивый бородатый человек, которого я не знал и который, насколько я мог заметить, за весь вечер не проронил ни слова. За обедом высказывались всевозможные догадки о том, где сейчас хозяин. Я шутливо намекнул, что он путешествует по Времени. Редактор захотел узнать, что это значит, и Психолог принялся длинно и неинтересно рассказывать об «остроумном фокусе», очевидцами которого мы были неделю назад. В самой середине его рассказа дверь в коридор медленно и бесшумно отворилась. Я сидел напротив нее и

первый заметил это.

— А! — воскликнул я. — Наконец-то! — Дверь распахнулась настежь, и мы увидели Путешественника по Времени.

У меня вырвался крик изумления.

— Господи, что с вами? — воскликнул и Доктор. Все сидевшие за столом повернулись к двери.

Вид у него был действительно странный. Его сюртук был весь в грязи, на рукавах проступали какие-то зеленые пятна; волосы были всклокочены и показались мне поседевшими от пыли или оттого, что они за это время выцвели. Лицо его было мертвенно-бледно, на подбородке виднелся темный, едва затянувшийся рубец, глаза дико блуждали, как у человека, перенесшего тяжкие страдания. С минуту он постоял в дверях, как будто ослепленный светом. Затем, прихрамывая, вошел в комнату. Так хромают бродяги, когда натрут ноги. Мы все выжидающе смотрели на него.

Не произнося ни слова, он заковылял к столу и протянул руку к бутылке. Редактор налил шампанского и пододвинул ему бокал. Он осушил бокал залпом, и ему, казалось, стало лучше: он обвел взглядом стол, и на лице его мелькнуло подобие обычной улыбки.

— Что с вами случилось? — спросил Доктор.

Путешественник по Времени, казалось, не слышал вопроса.

— Не беспокойтесь, — сказал он запинаясь. — Все в порядке.

Он замолчал и снова протянул бокал, затем выпил его, как и прежде, залпом.

— Вот хорошо, — сказал он.

Глаза его заблестели, на щеках показался слабый румянец. Он взглянул на нас с одобрением и два раза прошелся из угла в угол теплой и уютной комнаты… Потом заговорил, запинаясь и как будто с трудом подыскивая слова:

— Я пойду приму ванну и переоденусь, а затем вернусь и все вам расскажу… Оставьте мне только кусочек баранины. Я смертельно хочу мяса.

Он взглянул на Редактора, который редко бывал в его доме, и поздоровался с ним. Редактор что-то спросил у него.

— Дайте мне только одну минутку, и я вам отвечу, — сказал Путешественник по Времени. — Видите, в каком я виде. Но через минуту все будет в порядке.

Он поставил бокал на стол и направился к двери. Я снова обратил внимание на его хромоту и на глухой звук его шагов. Привстав со стула как раз в то мгновение, когда он выходил из комнаты, я

поглядел на его ноги. На них не было ничего, кроме изорванных и окровавленных носков. Дверь закрылась. Я хотел его догнать, но вспомнил, как он ненавидит лишнюю суету. Несколько минут я не мог собраться с мыслями.

— «Странное Поведение Знаменитого Ученого», — услышал я голос Редактора, который по привычке мыслил всегда в форме газетных заголовков. Эти слова вернули меня к ярко освещенному обеденному столу.

— В чем дело? — спросил Журналист. — Что он, разыгрывает из себя бродягу, что ли? Ничего не понимаю.

Я встретился взглядом с Психологом и на его лице прочел отражение собственных мыслей. Я подумал о путешествии по Времени и о самом Путешественнике, ковылявшем теперь наверх по лестнице. Кажется, никто, кроме меня, не заметил его хромоты.

Первым опомнился Доктор. Он позвонил — Путешественник по Времени не любил, чтобы прислуга находилась в комнате во время обеда, — и велел подать следующее блюдо.

Проворчав что-то себе под нос, Редактор принялся орудовать ножом и вилкой, и Молчаливый Гость последовал его примеру. Все снова приня-

лись за еду. Некоторое время разговор состоял из одних удивленных восклицаний, перемежавшихся молчанием. Любопытство Редактора достигло предела.

— Не пополняет ли наш общий друг свои скромные доходы нищенством? — начал он снова. — Или с ним случилось то же самое, что с Навуходоносором?

— Я убежден, что это имеет какое-то отношение к Машине Времени, — сказал я и стал продолжать рассказ о нашей предыдущей встрече с того места, где остановился Психолог. Новые гости слушали с явным недоверием. Редактор принялся возражать.

— Хорошенькое путешествие по Времени! — воскликнул он. — Подумайте только! Не может же человек покрыться пылью только потому, что запутался в своем парадоксе!

Найдя эту мысль забавной, он принялся острить:

— Неужели в Будущем нет платяных щеток?

Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, легко нанизывая одну на другую насмешки и несообразности. Оба они были журналистами нового типа — веселые разбитные молодые люди.

— Наш специальный корреспондент из послезавтрашнего дня сообщает! — сказал или скорее выкрикнул Журналист в то мгновение, когда Путешественник по Времени появился снова. Он был теперь в своем обычном костюме, и, кроме блуждающего взгляда, во внешности его не осталось никаких следов недавней перемены, которая меня так поразила.

— Вообразите, — весело сказал Редактор, — эти шутники утверждают, что вы побывали в середине будущей недели!.. Не расскажете ли вы нам что-нибудь о Розбери? Какой желаете гонорар?

Не произнося ни слова, Путешественник по Времени подошел к оставленному для него месту. Он улыбался своей обычной спокойной улыбкой.

— Где моя баранина? — спросил он. — Какое наслаждение снова воткнуть вилку в кусок мяса!

— Выкладывайте! — закричал Редактор.

— К черту! — сказал Путешественник по Времени. — Я умираю с голоду. Не скажу ни слова, пока не подкреплюсь. Благодарю вас. И, будьте любезны, передайте соль.

— Одно только слово, — проговорил я. — Вы путешествовали по Времени?

— Да, — ответил Путешественник по Времени с набитым ртом и кивнул головой.

— Готов заплатить по шиллингу за строчку! — сказал Редактор.

Путешественник по Времени пододвинул к Молчаливому Человеку свой бокал и постучал по нему пальцем; Молчаливый Человек, пристально смотревший на него, нервно вздрогнул и налил вина.

Обед показался мне бесконечно долгим. Я с трудом удерживался от вопросов, и, думаю, то же самое было со всеми остальными. Журналист пытался поднять настроение, рассказывая анекдоты. Но Путешественник по Времени был поглощен обедом и ел с аппетитом настоящего бродяги. Доктор курил сигару и, прищурившись, незаметно наблюдал за ним. Молчаливый Человек, казалось, был застенчивее обыкновенного и нервно пил шампанское. Наконец Путешественник по Времени отодвинул тарелку и оглядел нас.

— Я должен извиниться перед вами, — сказал он. — Простите! Я умирал с голоду. Со мной случилось удивительнейшее происшествие.

Он протянул руку за сигарой и обрезал ее конец.

— Перейдемте в курительную. Это слишком длинная история, чтобы рассказывать ее за сто-

лом, уставленным грязными тарелками.

И, позвонив прислуге, он отвел нас в соседнюю комнату.

— Рассказывали вы Бленку, Дэшу и Чоузу о Машине? — спросил он меня, откидываясь на спинку удобного кресла и указывая на троих новых гостей.

— Но ведь это просто парадокс, — сказал Редактор.

— Сегодня я не в силах спорить. Рассказать могу, но спорить не в состоянии. Если хотите, я расскажу вам о том, что со мной случилось, но прошу не прерывать меня. Я чувствую непреодолимую потребность рассказать вам все. Знаю, что едва ли не весь мой рассказ покажется вам вымыслом. Пусть так! Но все-таки это правда — от первого до последнего слова… Сегодня в четыре часа дня я был в своей лаборатории, и с тех пор… за три часа прожил восемь дней… Восемь дней, каких не переживал еще ни один человек! Я измучен, но не лягу спать до тех пор, пока не расскажу вам все. Тогда только я смогу заснуть. Но не прерывайте меня. Согласны?

— Согласен, — сказал Редактор. И все мы повторили хором:

— Согласны!

И Путешественник по Времени начал свой рассказ, который я привожу здесь. Сначала он сидел, откинувшись на спинку кресла, и казался крайне утомленным, но потом понемногу оживился. Пересказывая его историю, я слишком глубоко чувствую полнейшее бессилие пера и чернил и, главное, собственную свою неспособность передать все эти характерные особенности. Вероятно, вы прочтете его со вниманием, но не увидите бледного искреннего лица рассказчика, освещенного ярким светом лампы, и не услышите звука его голоса. Вы не сможете представить себе, как по ходу рассказа изменялось выражение этого лица. Большинство из нас сидело в тени: в курительной комнате не были зажжены свечи, а лампа освещала только лицо Журналиста и ноги Молчаливого Человека, да и то лишь до колен.

Сначала мы молча переглядывались, но вскоре забыли обо всем и смотрели только на Путешественника по Времени.

Глава 4
Путешествие по времени

— В прошлый четверг я объяснял уже некоторым из вас принцип действия моей Машины Времени и показывал ее, еще не законченную, в своей мастерской. Там она находится и сейчас, правда, немного потрепанная путешествием. Один из костяных стержней надломлен, и бронзовая полоса погнута, но все остальные части в исправности. Я рассчитывал закончить ее еще в пятницу, но, собрав все, заметил, что одна из никелевых деталей на целый дюйм короче, чем нужно. Пришлось снова ее переделывать. Вот почему моя Машина была закончена только сегодня. В десять часов утра первая в мире Машина Времени была готова к путешествию. В последний раз я осмотрел все, испробовал винты и, снова смазав кварцевую ось, сел в седло. Думаю, что самоубийца, который подносит револьвер к виску, испытывает такое же странное чувство, какое охватило меня, когда одной рукой я взялся за пусковой рычаг, а другой — за тормоз. Я быстро повернул первый и почти тотчас же второй. Мне

показалось, что я покачнулся, испытав, будто в кошмаре, ощущение падения. Но, оглядевшись, я увидел свою лабораторию такой же, как и за минуту до этого. Произошло ли что-нибудь? На мгновение у меня мелькнула мысль, что все мои теории ошибочны. Я посмотрел на часы. Минуту назад, как мне казалось, часы показывали начало одиннадцатого, теперь же — около половины четвертого!

Я вздохнул и, сжав зубы, обеими руками повернул пусковой рычаг. Лаборатория стала туманной и неясной. Вошла миссис Уотчет и, по-видимому, не замечая меня, двинулась к двери в сад. Для того чтобы перейти комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне показалось, что она пронеслась с быстротой ракеты. Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее. У меня шумело в ушах, и странное ощущение падения стало сильнее.

Боюсь, что не сумею передать вам своеобразных ощущений путешествия по Времени. Чтобы

понять меня, их надо испытать самому. Они очень неприятны. Как будто мчишься куда-то, беспомощный, с головокружительной быстротой. Предчувствие ужасного, неизбежного падения не покидает тебя. Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам черных крыльев. Скоро смутные очертания моей лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу от востока до запада, и каждую минуту наступал новый день. Я решил, что лаборатория разрушена и я очутился под открытым небом. У меня было впечатление, что здесь что-то строится, но я мчался слишком быстро, чтобы воспринимать подробности. Самая медленная из улиток двигалась для меня слишком быстро. Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния до полнолуния, видел слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал мчаться так со всевозрастающей скоростью, день и ночь слились наконец в сплошную серую пелену; небо окрасилось в ту удивительную синеву, приобрело тот чудесный оттенок, который появляется в ранние сумерки; метавшееся солнце превратилось в огненную

полосу, дугой сверкавшую от востока до запада, а луна — в такую же полосу слабо струившегося света; я уже не мог видеть звезд и только изредка замечал то тут, то там светлые круги, опоясавшие небесную синеву.

Вокруг меня все было смутно и туманно. Я все еще находился на склоне холма, на котором и сейчас стоит этот дом, и вершина его поднималась надо мной, серая и расплывчатая. Я видел, как деревья вырастали и изменяли форму подобно клубам дыма: то желтея, то зеленея, они росли, увеличивались и исчезали. Я видел, как огромные великолепные здания появлялись и таяли, словно сновидения. Вся поверхность земли изменялась на моих глазах. Маленькие стрелки на циферблатах, показывавшие скорость Машины, вертелись все быстрее и быстрее. Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу — от летнего солнцестояния к зимнему, — показывая, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой весенней зеленью.

Первые неприятные ощущения полета стали уже не такими острыми. Меня вдруг охватило какое-то исступление. Я заметил странное кача-

ние Машины, но не мог понять причины этого. В голове моей был какой-то хаос, и я в припадке безумия летел в будущее. Я не думал об остановке, забыл обо всем, кроме своих новых ощущений. Но вскоре эти ощущения сменились любопытством, смешанным со страхом. «Какое удивительное развитие человечества, какие чудесные достижения прогресса по сравнению с нашей зачаточной цивилизацией, — думал я, — могут открыться передо мной, если я взгляну поближе на смутный, мелькающий мир, несущийся и меняющийся перед моими глазами!» Я видел, как вокруг меня вздымались огромные сооружения чудесной архитектуры, гораздо более величественные, чем здания нашего времени, но они казались как бы сотканными из мерцающего тумана. Я видел, как склон этого холма покрылся пышной зеленью и она оставалась на нем круглый год — летом и зимой. Даже сквозь дымку, окутавшую меня, зрелище показалось мне удивительно прекрасным. И я почувствовал желание остановиться.

Риск заключался в том, что пространство, необходимое для моего тела или моей Машины, могло оказаться уже занятым. Пока я с огромной скоростью мчался по Времени, это не имело значения: я находился, так сказать, в разжиженном

состоянии, подобно пару, скользил между встречавшимися предметами. Но остановка означала, что я должен молекула за молекулой втиснуться в то, что оказалось бы на моем пути; атомы моего тела должны были войти в такое близкое соприкосновение с атомами этого препятствия, что между теми и другими могла произойти бурная химическая реакция — возможно, мощный взрыв, после которого я вместе с моим аппаратом оказался бы по ту сторону всех возможных измерений, в Неизвестности. Эта возможность не раз приходила мне на ум, пока я делал Машину, но тогда я считал, что это неизбежный риск, на который необходимо идти. Теперь же, когда опасность казалась неминуемой, я уже не смотрел на нее так беззаботно. Дело в том, что новизна окружающего, утомительные колебания и дрожание Машины, а главное, непрерывное ощущение падения — все это незаметно действовало на мои нервы. Я говорил себе, что уже больше не смогу никогда остановиться, и вдруг, досадуя на самого себя, решил это сделать. Как глупец, я нетерпеливо рванул тормоз. Машина в то же мгновение перевернулась, и я стремглав полетел в пространство.

В ушах у меня словно загремел гром. На мгно-

вение я был оглушен. Потом с трудом сел и осмотрелся. Вокруг меня со свистом падал белый град, а я сидел на мягком дерне перед опрокинутой Машиной. Все вокруг по-прежнему казалось серым, но вскоре я почувствовал, что шум в ушах прошел, и еще раз осмотрелся: я находился, по-видимому, в саду, на лужайке, обсаженной рододендронами, лиловые и алые цветы падали на землю под ударами града. Отскакивая от земли, градины летели над моей Машиной, таяли и сырым покровом стлались по земле. В одно мгновение я промок до костей.

«Нечего сказать, хорошенькое гостеприимство, — сказал я, — так встречать человека, который промчался сквозь бесчисленное множество лет».

Решив, что мокнуть дольше было бы глупо, я встал и осмотрелся. Сквозь туман за рододендронами я смутно различил колоссальную фигуру, высеченную, по-видимому, из какого-то белого камня. Больше ничего видно не было.

Трудно передать мои ощущения. Когда град стал падать реже, я подробно разглядел белую фигуру. Она была очень велика — высокий серебристый тополь достигал только до ее половины. Высечена она была из белого мрамора и похо-

дила на сфинкса, но крылья его не прилегали к телу, а были распростерты, словно он собирался взлететь. Пьедестал показался мне сделанным из бронзы и был густо покрыт медной зеленью. Лицо Сфинкса было обращено прямо ко мне, его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня, и по губам скользила улыбка. Он был сильно потрепан непогодами, словно изъеден болезнью. Я стоял и глядел на него, быть может, полминуты, а может, и полчаса. Казалось, он то приближался, то отступал, смотря по тому, гуще или реже падал град. Наконец я отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо прояснилось и скоро должно появиться солнце.

Я снова взглянул на белую фигуру Сфинкса и вдруг понял все безрассудство своего путешествия. Что увижу я, когда совершенно рассеется этот туман? Разве люди не могли за это время измениться до неузнаваемости? Что, если они стали еще более жестокими? Что, если они совершенно утратили свой человеческий облик и превратились во что-то нечеловеческое, мерзкое и неодолимо сильное? А может быть, я увижу какое-нибудь дикое животное, еще более ужасное и отвратительное, чем первобытные ящеры, в силу своего человекоподобия, — мерзкую тварь,

которую следовало бы тотчас же уничтожить?

Я взглянул кругом и увидел вдали какие-то очертания — огромные дома с затейливыми перилами и высокими колоннами, они отчетливо выступали на фоне лесистого холма, который сквозь утихающую грозу смутно вырисовывался передо мной. Панический страх вдруг овладел мной. Как безумный, я бросился к Машине Времени и попробовал снова запустить ее. Солнечные лучи пробились тем временем сквозь облака. Серая завеса расплылась и исчезла. Надо мной в густой синеве летнего неба растаяло несколько последних облаков. Ясно и отчетливо показались огромные здания, блестевшие после обмывшей их грозы и украшенные белыми грудами нерастаявших градин. Я чувствовал себя совершенно беззащитным в этом неведомом мире. Вероятно, то же самое ощущает птичка, видя, как парит ястреб, собирающийся на нее броситься. Мой страх граничил с безумием. Я собрался с силами, сжал зубы, руками и ногами уперся в Машину, чтобы перевернуть ее. Она поддалась моим отчаянным усилиям и наконец перевернулась, сильно ударив меня по подбородку. Одной рукой держась за сиденье, другой — за рычаг, я стоял, тяжело дыша, готовый снова взобраться на нее.

Но вместе с возможностью отступления ко мне снова вернулось мужество. С любопытством, к которому примешивалось все меньше страха, я взглянул на этот мир далекого будущего. Под аркой в стене ближайшего дома я увидел несколько фигур в красивых свободных одеждах. Они меня тоже увидели: их лица были обращены ко мне.

Затем я услышал приближающиеся голоса. Из-за кустов позади Белого Сфинкса показались головы и плечи бегущих людей. Один из них выскочил на тропинку, ведущую к лужайке, где я стоял рядом со своей Машиной. Это было маленькое существо — не более четырех футов ростом, одетое в пурпуровую тунику, перехваченную у талии кожаным ремнем. На ногах у него были не то сандалии, не то котурны. Ноги до колен были обнажены, и голова не покрыта. Обратив внимание на эту легкую одежду, я впервые почувствовал, какой теплый был там воздух.

Подбежавший человек показался мне удивительно прекрасным, грациозным, но чрезвычайно хрупким существом. Его залитое румянцем лицо напомнило мне лица больных чахоткой, — ту чахоточную красоту, о которой так часто приходится слышать. При виде его я внезапно почувствовал доверие. Я отдернул руку от Ма-

шины.

Глава 5
В золотом веке

Через мгновение мы уже стояли лицом к лицу — я и это хрупкое существо далекого будущего. Он смело подошел ко мне и приветливо улыбнулся. Это полное отсутствие страха чрезвычайно поразило меня. Он повернулся к двум другим, которые подошли вслед за ним, и заговорил с ними на странном, очень нежном и певучем языке.

Тем временем подоспели другие, и скоро вокруг меня образовалась группа из восьми или десяти очень изящных созданий. Один из них обратился ко мне с каким-то вопросом. Не знаю почему, но мне пришло вдруг в голову, что мой голос должен показаться им слишком грубым и резким. Поэтому я только покачал головой и указал на свои уши. Тот, кто обратился ко мне, сделал шаг вперед, остановился в нерешительности и дотронулся до моей руки. Я почувствовал еще несколько таких же нежных прикосновений на плечах и на спине. Они хотели убедиться, что я действительно существую. В их движениях не было решительно ничего внушающего

опасение. Наоборот, в этих милых маленьких существах было что-то вызывающее доверие, какая-то грациозная мягкость, какая-то детская непринужденность. К тому же они были такие хрупкие, что, казалось, можно совсем легко в случае нужды разбросать их, как кегли, — целую дюжину одним толчком. Однако, заметив, что маленькие руки принялись ощупывать Машину Времени, я сделал предостерегающее движение. Я вдруг вспомнил то, о чем совершенно забыл, — что она может внезапно исчезнуть, вывинтил, нагнувшись над стержнями, рычажки, приводящие Машину в движение, и положил их в карман. Затем снова повернулся к этим людям, раздумывая, как бы мне с ними объясниться.

Я пристально разглядывал их изящные фигурки, напоминавшие дрезденские фарфоровые статуэтки. Их короткие волосы одинаково курчавились, на лице не было видно ни малейшего признака растительности, уши были удивительно маленькие. Рот крошечный, с ярко-пунцовыми, довольно тонкими губами, подбородок остроконечный. Глаза большие и кроткие, но — не сочтите это за тщеславие! — в них недоставало выражения того интереса ко мне, какого я был вправе ожидать.

Они больше не делали попыток объясняться со мной и стояли, улыбаясь и переговариваясь друг с другом нежными, воркующими голосами. Я первым начал разговор. Указал рукой на Машину Времени, потом на самого себя. После этого, поколебавшись, как лучше выразить понятие о Времени, указал на солнце. Тотчас же одно изящное существо, одетое в клетчатую пурпурно-белую одежду, повторило мой жест и, несказанно поразив меня, издало звук, подражая грому.

На мгновение я удивился, хотя смысл жеста был вполне ясен. Мне вдруг пришла мысль: а не имею ли я дело просто-напросто с дураками? Вы едва ли поймете, как это поразило меня. Я всегда держался того мнения, что люди эпохи восемьсот второй тысячи лет, куда я залетел, судя по счетчику моей Машины, уйдут невообразимо дальше нас в науке, искусстве и во всем остальном. И вдруг один из них задает мне вопрос, показывающий, что его умственный уровень не выше уровня нашего пятилетнего ребенка: он всерьез спрашивает меня, не упал ли я с солнца во время грозы? И потом эта их яркая одежда, хрупкое, изящное сложение и нежные черты лица. Я почувствовал разочарование и на мгновение подумал, что напрасно трудился над своей Машиной Времени.

Кивнув головой, я указал на солнце и так искусно изобразил гром, что все они отскочили от меня на шаг или два и присели от страха. Но тотчас снова ободрились, и один, смеясь, подошел ко мне с гирляндой чудесных и совершенно неизвестных мне цветов. Он обвил гирляндой мою шею под мелодичные одобрительные возгласы остальных. Все принялись рвать цветы и, смеясь, обвивать ими меня, пока наконец я не стал задыхаться от благоухания. Вы, никогда не видевшие ничего подобного, вряд ли можете представить себе, какие чудесные и нежные цветы создала культура невообразимого числа лет. Кто-то, видимо, подал мысль выставить меня в таком виде в ближайшем здании, и они повели меня к высокому серому, покрытому трещинами каменному дворцу, мимо Сфинкса из белого мрамора, который, казалось, все время с легкой усмешкой смотрел на мое изумление. Идя с ними, я едва удержался от смеха при воспоминании о том, как самоуверенно предсказывал вам несколько дней назад серьезность и глубину ума будущих поколений.

Здание, куда меня вели, имело огромный портал, да и все оно было колоссальных размеров. Я с интересом рассматривал огромную, все расту-

щую толпу этих маленьких существ и зияющий вход, темный и таинственный. Общее впечатление от окружающего было таково, как будто весь мир покрыт густой порослью красивых кустов и цветов, словно давно запущенный, но все еще прекрасный сад. Я видел высокие стебли и нежные головки странных белых цветов. Они были около фута в диаметре, имели прозрачный восковой оттенок и росли дико среди разнообразных кустарников; в то время я не мог хорошенько рассмотреть их. Моя Машина Времени осталась без присмотра среди рододендронов.

Свод был украшен чудесной резьбой, но я, конечно, не успел ее как следует рассмотреть, хотя, когда я проходил под ним, мне показалось, что он сделан в древнефиникийском стиле, и меня поразило, что резьба сильно попорчена и стерта.

Под взрывы мелодичного смеха и веселые разговоры меня встретило на пороге несколько существ, одетых в еще более светлые одежды, и я вошел внутрь в своем неподходящем темном одеянии девятнадцатого века. Я не мог не чувствовать, что вид у меня довольно забавный, — я был весь увешан гирляндами цветов и окружен волнующейся толпой людей, облаченных в светлые, нежных расцветок одежды, сверкавших

белизной обнаженных рук и смеявшихся и мелодично ворковавших.

Большая дверь вела в огромный, завешанный коричневой тканью зал. Потолок его был в тени, а через окна с яркими цветными стеклами, а местами совсем незастекленные, лился мягкий, приятный свет. Пол состоял из какого-то очень твердого белого металла — это были не плитки и не пластинки, а целые глыбы, но шаги бесчисленных поколений даже в этом металле выбили местами глубокие колеи. Поперек зала стояло множество низких столов, сделанных из полированного камня, высотой не больше фута, — на них лежали груды плодов. В некоторых я узнал что-то вроде огромной малины, другие были похожи на апельсины, но большая часть была мне совершенно неизвестна.

Между столами было разбросано множество мягких подушек. Мои спутники расселись на них и знаками указали мне мое место. С милой непринужденностью они принялись есть плоды, беря их руками и бросая шелуху и огрызки в круглые отверстия по бокам столов. Я не заставил себя долго просить, так как чувствовал сильный голод и жажду. Поев, я принялся осматривать зал.

Меня особенно поразил его запустелый вид.

Цветные оконные стекла, представлявшие простые геометрические фигуры, во многих местах были разбиты, а тяжелые занавеси покрылись густым слоем пыли. Мне также бросилось в глаза, что угол мраморного стола, за которым я сидел, отбит. Несмотря на это, зал был удивительно живописен. В нем находилось, может быть, около двухсот человек, и большинство из них с любопытством теснилось вокруг меня. Их глаза весело блестели, а белые зубы изящно грызли плоды. Все они были одеты в очень мягкие, но прочные шелковистые ткани.

Фрукты были их единственной пищей. Эти люди далекого будущего были строгими вегетарианцами, и на время я принужден был сделаться таким же травоядным, несмотря на потребность в мясе. Впоследствии я узнал, что лошади, рогатый скот, овцы, собаки в это время уже вымерли, как вымерли когда-то ихтиозавры. Однако плоды были восхитительны, в особенности один плод (который, по-видимому, созрел во время моего пребывания там), с мучнистой мякотью, заключенной в трехгранную скорлупу. Он стал моей главной пищей. Я был поражен удивительными плодами и чудесными цветами, но не знал, откуда они берутся: только позднее я начал это

понимать.

Таков был мой первый обед в далеком будущем. Немного насытившись, я решил сделать попытку научиться языку этих новых для меня людей. Само собой разумеется, это было необходимо. Плоды показались мне подходящим предметом для начала, и, взяв один из них, я попробовал объясниться при помощи вопросительных звуков и жестов. Мне стоило немалого труда заставить меня понять. Сначала все мои слова и жесты вызывали изумленные взгляды и бесконечные взрывы смеха, но вдруг одно белокурое существо, казалось, поняло мое намерение и несколько раз повторило какое-то слово. Все принялись болтать и перешептываться друг с другом, а потом наперебой начали весело обучать меня своему языку. Но мои первые попытки повторить их изящные короткие слова вызывали у них новые взрывы неподдельного веселья. Несмотря на то что я брал у них уроки, я все-таки чувствовал себя как школьный учитель в кругу детей. Скоро я заучил десятка два существительных, а затем дошел до указательных местоимений и даже до глагола «есть». Но это была трудная работа, быстро наскучившая маленьким существам, и я почувствовал, что они уже избегают моих во-

просов. По необходимости пришлось брать уроки понемногу и только тогда, когда мои новые знакомые сами этого хотели. А это бывало не часто — я никогда еще не встречал таких беспечных и быстро утомляющихся людей.

Глава 6
Закат человечества

Всего более поразило меня в этом новом мире почти полное отсутствие любознательности у людей. Они, как дети, подбегали ко мне с криками изумления и, быстро оглядев меня, уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки. Когда все поели и я перестал их расспрашивать, то впервые заметил, что в зале уже нет почти никого из тех людей, которые окружали меня вначале. И, как это ни странно, я сам быстро почувствовал равнодушие к этому маленькому народу. Утолив голод, я вышел через портал на яркий солнечный свет. Мне всюду попадалось на пути множество этих маленьких людей будущего. Они недолго следовали за мной, смеясь и переговариваясь, а потом, перестав смеяться, предоставляли меня самому себе.

Когда я вышел из зала, в воздухе уже разлилась вечерняя тишина и все вокруг было окрашено теплыми лучами заходящего солнца. Сначала окружающее казалось мне удивительно странным. Все здесь так не походило на тот мир,

который я знал, — все, вплоть до цветов. Огромное здание, из которого я вышел, стояло на склоне речной долины, но Темза по меньшей мере на милю изменила свое теперешнее русло. Я решил добраться до вершины холма, лежавшего от меня на расстоянии примерно полутора миль, чтобы с его высоты поглядеть на нашу планету в восемьсот две тысячи семьсот первом году нашей эры — именно эту дату показывала стрелка на циферблате моей Машины.

По дороге я искал хоть какое-нибудь объяснение тому гибнущему великолепию, в состоянии которого я нашел мир, так как это великолепие, несомненно, гибло. Немного выше на холме я увидел огромные груды гранита, скрепленные полосами алюминия, гигантский лабиринт отвесных стен и кучи расколовшихся на мелкие куски камней, между которыми густо росли удивительно красивые растения. Возможно, что это была крапива, но ее листья были окрашены в чудесный коричневый цвет и не были жгучими, как у нашей крапивы. Вблизи были руины какого-то огромного здания, непонятно для чего предназначенного. Здесь мне пришлось впоследствии сделать одно странное открытие, но об этом я вам расскажу потом.

Я присел на уступе холма, чтобы немного отдохнуть, и, оглядевшись вокруг, заметил, что нигде не видно маленьких домов. По-видимому, частный дом и частное хозяйство окончательно исчезли. То тут, то там среди зелени виднелись огромные здания, похожие на дворцы, но нигде не было тех домиков и коттеджей, которые так характерны для современного английского пейзажа.

«Коммунизм», — сказал я сам себе.

А следом за этой мыслью возникла другая.

Я взглянул на маленьких людей, которые следовали за мной, и вдруг заметил, что на всех одежда всевозможных светлых цветов, но одинакового покроя, у всех те же самые безбородые лица, та же девичья округленность конечностей. Может показаться странным, что я не заметил этого раньше, но все вокруг меня было так необычно. Теперь это бросилось мне в глаза. Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами, одним словом, ничем, что теперь отличает один пол от другого. И дети, казалось, были просто миниатюрными копиями своих родителей. Поэтому я решил, что дети этой эпохи отличаются удивительно ранним развитием, по крайней

мере в физическом отношении, и это мое мнение подтвердилось впоследствии множеством доказательств.

При виде довольства и обеспеченности, в которой жили эти люди, сходство полов стало мне вполне понятно. Сила мужчины и нежность женщины, семья и разделение труда являются только жестокой необходимостью века, управляемого физической силой. Но там, где народонаселение многочисленно и достигло равновесия, где насилие — редкое явление, рождение многих детей нежелательно для государства, и нет никакой необходимости в существовании семьи. А вместе с тем и разделение полов, вызванное жизнью и потребностью воспитания детей, неизбежно исчезает. Первые признаки этого явления наблюдаются и в наше время, а в том далеком будущем оно уже было вполне закончено. Таковы были мои тогдашние выводы. Позднее я имел возможность убедиться, насколько они были далеки от действительности.

Размышляя так, я невольно обратил внимание на хорошенькую маленькую постройку, похожую на колодец, прикрытый куполом. У меня мелькнула мысль: как странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузил-

ся в раздумья. До самой вершины холма больше не было никаких зданий, и, продолжая идти, я скоро очутился один, так как остальные за мной не поспевали. С чувством свободы, ожидая необыкновенных приключений, я направился к вершине холма.

Дойдя до вершины, я увидел скамью из какого-то желтого металла; в некоторых местах она была разъедена чем-то вроде красноватой ржавчины и утопала в мягком мхе; ручки ее были отлиты в виде голов грифонов. Я сел и принялся смотреть на широкий простор, освещенный лучами догоравшего заката. Картина была небывалой красоты. Солнце только что скрылось за горизонтом; запад горел золотом, по которому горизонтально тянулись легкие пурпурные и алые полосы. Внизу расстилалась долина, по которой, подобно полосе сверкающей стали, дугой изогнулась Темза. Огромные старые дворцы, о которых я уже говорил, были разбросаны среди разнообразной зелени; некоторые уже превратились в руины, другие были еще обитаемы. Тут и там, в этом огромном, похожем на сад мире, виднелись белые или серебристые изваяния; кое-где поднимались кверху купола и остроконечные обелиски. Нигде не было изгородей,

не было даже следов собственности и никаких признаков земледелия: вся земля превратилась в один цветущий сад.

Наблюдая все это, я старался объяснить себе то, что видел, и сделал вот какие выводы из своих наблюдений. (Позже я убедился, что они были односторонними и содержали лишь половину правды.)

Мне казалось, что я вижу человечество в эпоху увядания. Красноватая полоса на западе заставила меня подумать о закате человечества. Я впервые увидел те неожиданные последствия, к которым привели общественные отношения нашего времени. Теперь я прихожу к убеждению, что это были вполне логические последствия. Сила есть только результат необходимости; обеспеченное существование ведет к слабости. Стремление к улучшению условий жизни — истинный прогресс цивилизации, делающий наше существование все более обеспеченным — неизбежно привело к своему конечному результату. Объединенное человечество поколение за поколением торжествовало победы над природой. То, что в наши дни кажется несбыточными мечтами, превратилось в искусно задуманные и осуществленные проекты. И вот какова оказалась жатва!

В конце концов охрана здоровья человечества и земледелие находятся в наше время еще в зачаточном состоянии. Наука объявила войну лишь малой части человеческих болезней, но она неизменно и упорно продолжает свою работу. Земледельцы и садоводы то тут, то там уничтожают сорняки и выращивают лишь немногие полезные растения, предоставляя остальным бороться как угодно за свое существование. Мы улучшаем немногие избранные нами виды растений и животных путем постепенного отбора лучших из них; мы выводим новый, лучший сорт персика, виноград без косточек, более душистый и крупный цветок, более пригодную породу рогатого скота. Мы улучшаем их постепенно, потому что наши представления об идеале смутны и вырабатываются путем опыта, а знания крайне ограниченны, да и сама природа робка и неповоротлива в наших неуклюжих руках. Когда-нибудь все это будет организовано лучше. Несмотря на водовороты, поток времени неуклонно стремится вперед. Весь мир когда-нибудь станет разумным, образованным, все будут трудиться коллективно; это поведет к быстрейшему и полнейшему покорению природы. В конце концов мы мудро и заботливо установим равновесие животной и

растительной жизни для удовлетворения наших потребностей.

Это должно было свершиться и действительно свершилось за то время, через которое промчалась моя Машина. В воздухе не стало комаров и мошек, на земле — сорных трав и плесени. Везде появились сочные плоды и красивые душистые цветы; яркие бабочки порхали повсюду. Идеал профилактической медицины был достигнут. Болезнетворные микробы были уничтожены. За время своего пребывания там я не видел даже и признаков заразных болезней. Благодаря всему этому даже процессы гниения и разрушения приняли совершенно новый вид.

В общественных отношениях тоже была одержана большая победа. Я видел, что люди стали жить в великолепных дворцах, одеваться в роскошные одежды и освободились от всякого труда. Не было и следов борьбы, политической или экономической. Торговля, промышленность, реклама — все, что составляет основу нашей государственной жизни, исчезло из этого мира Будущего. Естественно, что в тот золотистый вечер я невольно счел окружающий меня мир земным раем. Опасность перенаселения исчезла, так как население, по-видимому, перестало расти.

Но изменение условий неизбежно влечет за собой приспособление к этим изменениям. Что является движущей силой человеческого ума и энергии, если только вся биология не представляет собой бесконечного ряда заблуждений? Только труд и свобода; такие условия, при которых деятельный, сильный и ловкий переживает слабого, который должен уступить свое место; условия, дающие преимущество честному союзу талантливых людей, преимущество умению владеть собой, терпению и решительности. Семья и возникающие отсюда чувства: ревность, любовь к потомству, родительское самоотвержение — все это находит себе оправдание в неизбежных опасностях, которым подвергается молодое поколение. Но где теперь эти опасности? Уже сейчас начинает проявляться протест против супружеской ревности, против слепого материнского чувства, против всяческих страстей, и этот протест будет нарастать. Все эти чувства даже теперь уже не являются необходимыми, они делают нас несчастными и, как остатки первобытной дикости, кажутся несовместимыми с приятной и возвышенной жизнью.

Я стал думать о физической слабости этих маленьких людей, о бессилии их ума и об огромных

развалинах, которые видел вокруг. Все это подтверждало мое предположение об окончательной победе, одержанной над природой. После войны наступил мир.

Человечество было сильным, энергичным, оно обладало знаниями; люди употребляли все свои силы на изменение условий жизни. А теперь измененные ими условия оказали свое влияние на их потомков.

При новых условиях полного довольства и обеспеченности неутомимая энергия, являющаяся в наше время силой, должна была превратиться в слабость. Даже в наши дни некоторые склонности и желания, когда-то необходимые для выживания человека, стали источником его гибели. Храбрость и воинственность, например, не помогают, а скорее даже мешают жизни цивилизованного человека. В государстве же, основанном на физическом равновесии и обеспеченности, превосходство — физическое или умственное — было бы совершенно неуместно. Я пришел к выводу, что на протяжении бесчисленных лет на Земле не существовало ни опасности войн, ни насилия, ни диких зверей, ни болезнетворных микробов, не существовало и необходимости в труде. При таких условиях

те, кого мы называем слабыми, были точно так же приспособлены, как и сильные, они уже не были слабыми. Вернее, они были даже лучше приспособлены, потому что сильного подрывала не находящая выхода энергия. Не оставалось сомнения, что удивительная красота виденных мной зданий была результатом последних усилий человечества перед тем, как оно достигло полной гармонии жизни, — последняя победа, после которой был заключен окончательный мир. Такова неизбежная судьба всякой энергии. Достигнув своей конечной цели, она еще ищет выхода в искусстве, в любви, а затем наступает бессилие и упадок.

Даже эти художественные порывы в конце концов должны были заглохнуть, и они почти заглохли в то Время, куда я попал. Украшать себя цветами, танцевать и петь под солнцем — вот что осталось от этих стремлений. Но и это в конце концов должно было смениться бездействием. Все наши чувства и способности обретают остроту только на точиле труда и необходимости, а это неприятное точило было наконец разбито.

Пока я сидел в сгущавшейся темноте, мне казалось, что этим простым объяснением я разрешил загадку мира и постиг тайну прелестного ма-

ленького народа. Возможно, они нашли удачные средства для ограничения рождаемости, и численность населения даже уменьшалась. Этим можно было объяснить пустоту заброшенных дворцов. Моя теория была очень ясна и правдоподобна — как и большинство ошибочных теорий!

Глава 7
Внезапный удар

Пока я размышлял над этим слишком уж полным торжеством человека, из-за серебристой полосы на северо-востоке выплыла желтая полная луна. Маленькие светлые фигурки людей перестали праздно двигаться внизу, бесшумно пролетела сова, и я вздрогнул от вечерней прохлады. Я решил спуститься с холма и поискать ночлега.

Я стал отыскивать глазами знакомое здание. Мой взгляд упал на фигуру Белого Сфинкса на бронзовом пьедестале, и, по мере того как восходящая луна светила все ярче, фигура яснее выступала из темноты. Я мог отчетливо рассмотреть стоявший около него серебристый тополь. Вон и густые рододендроны, черные при свете луны, вон и лужайка. Я еще раз взглянул на нее. Ужасное подозрение закралось в мою душу.

«Нет, — решительно сказал я себе, — это не та лужайка».

Но это была та самая лужайка. Бледное, словно изъеденное проказой, лицо Сфинкса было обра-

щено к ней. Можете ли вы представить себе, что я почувствовал, когда убедился в этом! Машина Времени исчезла!

Как удар хлыстом по лицу, меня обожгла мысль, что я никогда не вернусь назад, навеки останусь беспомощный в этом новом, неведомом мире! Сама мысль об этом была мучительна. Я почувствовал, как сжалось мое горло, пресеклось дыхание. Ужас овладел мной, и дикими прыжками я кинулся вниз по склону. Раз я упал и расшиб лицо; но я даже не пытался остановить кровь, вскочил на ноги и снова побежал, чувствуя, как теплая струйка стекает по щеке. Я бежал и не переставал твердить себе: «Они просто немного отодвинули ее, поставили под кустами, чтобы она не мешала на дороге». Но, несмотря на это, бежал изо всех сил. С уверенностью, которая иногда рождается из самого мучительного страха, я с самого начала знал, что это вздор; чутье говорило мне, что Машина унесена куда-то, откуда мне ее не достать. Я едва переводил дыхание. От вершины холма до лужайки было около двух миль, и я преодолел это расстояние за десять минут. А ведь я уже не молод. Я бежал и громко проклинал свою безрассудную доверчивость, побудившую меня оставить Машину, задыхаясь от этого еще

больше. Я попробовал громко кричать, но никто мне не отвечал. Ни одного живого существа не было видно на залитой лунным светом земле!

Когда я добежал до лужайки, худшие мои опасения подтвердились: Машины нигде не было видно. Похолодев, я смотрел на пустую лужайку среди черной чащи кустарников, потом быстро обежал ее, как будто Машина могла быть спрятана где-нибудь поблизости, и резко остановился, схватившись за голову. Надо мной на бронзовом пьедестале возвышался Сфинкс, все такой же бледный, словно изъеденный проказой, ярко озаренный светом луны. Казалось, он насмешливо улыбался, глядя на меня.

Я мог бы утешиться мыслью, что маленький народец спрятал Машину под каким-нибудь навесом, если бы не знал наверняка, что у них не хватило бы на это ни сил, ни ума. Нет, меня ужасало теперь другое: проявление какой-то новой, до сих пор неведомой мне силы, захватившей мое изобретение. Я был уверен только в одном: если в какой-либо другой век не изобрели точно такого же механизма, моя Машина не могла без меня отправиться путешествовать по Времени. Не зная способа закрепления рычагов — я потом покажу вам, в чем он заключается, — невозмож-

но воспользоваться ею для путешествия. К тому же рычаги были у меня. Мою Машину перенесли, спрятали где-то в Пространстве, а не во Времени. Но где же?

Я совершенно обезумел. Помню, как я неистово метался взад и вперед среди освещенных луной кустов вокруг Сфинкса; помню, как вспугнул какое-то белое животное, которое при лунном свете показалось мне небольшой ланью. Помню также, как поздно ночью я колотил кулаками по кустам до тех пор, пока не исцарапал все руки о сломанные сучья. Потом, рыдая, в полном изнеможении, я побрел к большому каменному зданию, темному и пустынному, поскользнулся на неровном полу и упал на один из малахитовых столов, чуть не сломав ногу, зажег спичку и прошел мимо пыльных занавесей, о которых я уже рассказывал вам.

Дальше был второй большой зал, устланный подушками, на которых спали два десятка маленьких людей. Мое вторичное появление, несомненно, показалось им очень странным. Я так внезапно вынырнул из ночной тишины с отчаянными нечленораздельными криками и с зажженной спичкой в руке. Спички давно уже были позабыты в их время.

«Где моя Машина Времени?» — кричал я во все горло, как рассерженный ребенок. Я хватал их и тряс полусонных. Вероятно, это их поразило. Некоторые смеялись, другие казались рассеянными. Когда я увидел, что они встают, то понял, что поступаю самым безрассудным образом, стараясь пробудить в них чувство страха. Вспоминая их поведение днем, я вообразил, что это чувство совершенно ими позабыто.

Бросив спичку и сбив с ног кого-то, попавшегося на пути, я снова ощупью прошел по большому обеденному залу и вышел на лунный свет. Позади меня вдруг раздались громкие крики и топот маленьких спотыкающихся ног, но тогда я не понял причины этого. Не помню всего, что я делал при лунном свете. Неожиданная потеря довела меня почти до безумия. Я чувствовал себя теперь безнадежно отрезанным от своих современников, каким-то странным животным в неведомом мире. В исступлении я бросался в разные стороны, плача и проклиная Бога и судьбу. Помню, как я измучился в эту длинную отчаянную ночь, как рыскал в самых неподходящих местах, как ощупью пробирался среди озаренных лунным светом развалин, натыкаясь в темных углах на странные белые существа; помню, как в конце

концов я упал на землю около Сфинкса и рыдал в отчаянии. Вместе с силами исчезла и злость на себя за то, что я так безрассудно оставил Машину… Я ничего не чувствовал, кроме ужаса. Потом незаметно я уснул, а когда проснулся, уже совсем рассвело и вокруг меня по траве, на расстоянии протянутой руки, весело и без страха прыгали воробьи.

Я сел, овеваемый свежестью утра, стараясь вспомнить, как я сюда попал и почему все мое существо полно чувства одиночества и отчаяния. Вдруг я вспомнил обо всем, что случилось. Но при дневном свете у меня хватило сил спокойно взглянуть в лицо обстоятельствам. Я понял всю нелепость своего вчерашнего поведения и принялся рассуждать сам с собой.

«Предположим самое худшее, — говорил я. — Предположим, что Машина навсегда утеряна, может быть, даже уничтожена. Из этого следует только то, что я должен быть терпеливым и спокойным, изучить образ жизни этих людей, разузнать, что случилось с Машиной, попытаться добыть необходимые материалы и инструменты; в конце концов я, может быть, сумею сделать новую Машину. На это теперь моя единственная надежда, правда, очень слабая, но все же надежда

лучше отчаяния. И во всяком случае, я очутился в прекрасном и любопытном мире. Но вполне вероятно, что моя Машина где-нибудь спрятана. Значит, я должен спокойно и терпеливо искать то место, где она спрятана, и постараться взять ее силой или хитростью».

С такими мыслями я встал на ноги и осмотрелся вокруг в поисках места, где можно было бы выкупаться. Я чувствовал себя усталым, мое тело одеревенело и покрылось грязью. Утренняя свежесть вызывала желание стать самому чистым и свежим. Волнение истощило меня. Когда я принялся размышлять о своем положении, то удивился вчерашним опрометчивым поступкам. Я тщательно исследовал лужайку. Некоторое время ушло на напрасные расспросы проходивших мимо маленьких людей. Никто не понимал моих жестов: одни казались просто тупыми, другие принимали мои слова за шутку и смеялись. Мне стоило невероятных усилий удержаться и не отхлестать их по смеющимся лицам. Безумный порыв! Но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан и пытался овладеть мной.

Очень помогла мне густая трава. На полпути между пьедесталом Сфинкса и моими следами,

там, где я возился с опрокинутой Машиной, на земле оказалась свежая борозда. Были видны и другие следы: странные узкие отпечатки ног, похожие, как мне казалось, на следы ленивца. Это побудило меня тщательнее осмотреть пьедестал. Я уже, кажется, сказал, что он был из бронзы. Однако он не состоял из одной цельной плиты, а был с обеих сторон украшен искусно выполненными панелями. Я подошел и постучал. Пьедестал оказался полым. Внимательно осмотрев панели, я понял, что они не составляют одного целого с пьедесталом. На них не было ни ручек, ни замочных скважин, но, возможно, они открывались изнутри, если, как я предполагал, служили входом в пьедестал. Во всяком случае, одно было мне ясно: Машина Времени находилась внутри пьедестала. Но как она попала туда — это оставалось загадкой.

Я увидел головы двух людей в оранжевой одежде, шедших ко мне между кустами и цветущими яблонями. Улыбаясь, я повернулся к ним и поманил их рукой. Когда они подошли, я указал им на бронзовый пьедестал и постарался объяснить, что хотел бы открыть его. Но при первом же моем жесте они стали вести себя очень странно. Не знаю, сумею ли я объяснить вам, какое выраже-

ние появилось на их лицах. Представьте себе, что вы сделали бы неприличный жест перед благовоспитанной дамой — именно с таким выражением она посмотрела бы на вас. Они ушли, как будто были грубо оскорблены. Я попытался подозвать к себе миловидное существо в белой одежде, но результат оказался тот же самый. Мне стало стыдно. Но Машина Времени была необходима, и я сделал новую попытку. Малыш с отвращением отвернулся от меня. Я потерял терпение. В три прыжка я очутился около него и, захлестнув его шею полой его же одежды, потащил к Сфинксу. Тогда на лице у него вдруг выразились такой ужас и отвращение, что я тотчас же выпустил его.

Однако я не сдавался. Я принялся бить кулаками по бронзовым панелям. Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось, вернее, это был звук, похожий на хихиканье, но, должно быть, это мне только почудилось. Подобрав у реки большой камень, я вернулся и принялся колотить им до тех пор, пока не расплющил одно из украшений и медная зелень не стала сыпаться на землю мелкими крошками. Маленький народец, должно быть, слышал грохот моих ударов на расстоянии мили вокруг, но ничего у меня не вышло. Я видел

целую толпу на склоне холма, украдкой смотревшую на меня. Злой и усталый, я опустился на землю, но нетерпение не давало мне долго сидеть на месте, я был слишком деятельным человеком для неопределенного ожидания. Я мог годами трудиться над разрешением какой-нибудь проблемы, но сидеть в бездействии двадцать четыре часа было свыше моих сил.

Скоро я встал и принялся бесцельно бродить среди кустарника. Потом направился к холму.

«Терпение, — сказал я себе. — Если хочешь вновь получить свою Машину, оставь Сфинкса в покое. Если кто-то решил отнять ее у тебя, ты не принесешь себе никакой пользы тем, что станешь портить бронзовые панели Сфинкса; если же у похитителя не было злого умысла, ты получишь ее обратно, как только найдешь способ попросить об этом. Бессмысленно торчать здесь, среди незнакомых вещей, становясь в тупик перед каждым новым затруднением. Это прямой путь к безумию. Осмотрись лучше вокруг. Изучи нравы этого мира, наблюдай его. Остерегайся слишком поспешных заключений! В конце концов ты найдешь ключ ко всему!»

Мне ясно представлялась и комическая сторона моего приключения: я вспомнил о годах напря-

женной учебы и труда, потраченных только для того, чтобы попасть в будущее и изучить его, и сопоставил с этим свое нетерпение поскорее выбраться отсюда. Я своими руками изготовил себе самую сложную и самую безвыходную ловушку, какая когда-либо была создана человеком. И хотя смеяться приходилось только над самим собой, я не мог удержаться и громко расхохотался.

Войдя в залу огромного дворца, я заметил, что маленькие люди стали избегать меня. Быть может, это мне только казалось, но их отчуждение могло быть связано с моей попыткой разбить бронзовые двери. Я ясно чувствовал, что они избегали меня, но постарался не придавать этому значения и не пытался более заговаривать с ними. Через день-другой все пошло своим чередом. Насколько было возможно, я продолжал изучать их язык и урывками производил исследования. Не знаю, был ли их язык слишком прост, или же я упускал в нем какие-нибудь тонкие оттенки, но, по-моему, он почти исключительно состоял из существительных и глаголов. Отвлеченных понятий было мало, или, скорее, совсем не было, так же как и слов, имеющих переносный смысл. Фразы обыкновенно были несложны и состояли всего из двух слов, и мне не удавалось высказать

или понять ничего, кроме простейших вопросов или ответов. Мысли о моей Машине Времени и о тайне бронзовых дверей под Сфинксом я решил запрятать в самый дальний уголок памяти, пока накопившиеся знания не приведут меня к ним естественным путем. Но чувство, без сомнения, понятное вам, все время удерживало меня поблизости от места моего прибытия.

Глава 8
Все становится ясным

Насколько я мог судить, весь окружавший меня мир был отмечен той же печатью изобилия и роскоши, которая поразила меня в долине Темзы. С вершины каждого нового холма я видел множество великолепных зданий, бесконечно разнообразных по материалу и стилю; видел повсюду те же чащи вечнозеленых растений, те же цветущие деревья и высокие папоротники. Кое-где отливала серебром зеркальная гладь воды, а вдали тянулись голубоватые волнистые гряды холмов, растворяясь в прозрачной синеве воздуха. С первого взгляда мое внимание привлекли к себе круглые колодцы, казалось, достигавшие во многих местах очень большой глубины. Один из них был на склоне холма, у тропинки, по которой я поднимался во время своей первой прогулки. Как и другие колодцы, он был причудливо отделан по краям бронзой и защищен от дождя небольшим куполом. Сидя около этих колодцев и глядя вниз, в непроглядную темноту, я не мог увидеть в них отблеска воды или отражения

зажигаемых мной спичек. Но всюду слышался какой-то стук: «Тук, тук, тук», — похожий на шум работы огромных машин. По колебанию пламени спички я убедился, что в глубь колодца постоянно поступал свежий воздух. Я бросил в один из них кусочек бумаги, и, вместо того чтобы медленно опуститься, он быстро полетел вниз и исчез.

Вскоре я заметил, что между этими колодцами и высокими башнями на склонах холмов существует какая-то связь. Над ними можно было часто увидеть марево колеблющегося воздуха, вроде того, какое бывает в жаркий день над берегом моря. Сопоставив все это, я пришел к заключению, что башни вместе с колодцами входили в систему какой-то загадочной подземной вентиляции. Сначала я подумал, что она служит каким-нибудь санитарным целям. Это заключение само напрашивалось, но оказалось потом неверным.

Вообще должен сознаться, что во время своего пребывания в Будущем я очень мало узнал относительно водоснабжения, связи, путей сообщения и тому подобных жизненных удобств. В некоторых прочитанных мной утопиях и рассказах о грядущих временах я всегда находил множество подробностей насчет домов, обще-

ственного порядка и тому подобного. Нет ничего легче, как придумать сколько угодно всяких подробностей, когда весь будущий мир заключен только в голове автора, но для путешественника, находящегося, подобно мне, среди незнакомой действительности, почти невозможно узнать обо всем этом в короткое время. Вообразите себе негра, который прямо из Центральной Африки попал в Лондон. Что расскажет он по возвращении своему племени? Что будет он знать о железнодорожных компаниях, общественных движениях, телефоне и телеграфе, транспортных конторах и почтовых учреждениях? А ведь мы охотно согласимся все ему объяснить! Но даже то, что он узнает из наших рассказов, как передаст он своим друзьям, как заставит их поверить себе? Учтите при этом, что негр сравнительно недалеко отстоит от белого человека нашего времени, между тем как пропасть между мной и этими людьми Золотого Века была неизмеримо громадна! Я чувствовал существование многого, что было скрыто от моих глаз, и это давало мне надежду, но, помимо общего впечатления какой-то автоматически действующей организации, я, к сожалению, могу передать вам лишь немногое.

Я нигде не видел следов крематория, могил

или чего-либо, связанного со смертью. Однако было весьма возможно, что кладбища (или крематории) были где-нибудь за пределами моих странствий. Это был один из тех вопросов, которые я сразу поставил перед собой и разрешить которые сначала был не в состоянии. Отсутствие кладбищ поразило меня и повело к дальнейшим наблюдениям, которые поразили меня еще сильнее: среди людей будущего совершенно не было старых и дряхлых.

Должен сознаться, что мои первоначальные теории об автоматически действующей цивилизации и о приходящем в упадок человечестве недолго удовлетворяли меня. Но я не мог придумать ничего другого. Вот что меня смущало: все большие дворцы, которые я исследовал, служили исключительно жилыми помещениями — огромными столовыми и спальнями. Я не видел нигде машин или других приспособлений. А между тем на этих людях была прекрасная одежда, требовавшая обновления, и их сандалии, хоть и без всяких украшений, представляли собой образец изящных и сложных изделий. Как бы то ни было, но вещи эти нужно было сделать. А маленький народец не проявлял никаких созидательных наклонностей. У них не было ни цехов, ни ма-

стерских, ни малейших следов ввоза товаров. Все свое время они проводили в играх, купании, полушутливом флирте, еде и сне. Я не мог понять, на чем держалось такое общество.

К этому добавилось происшествие с Машиной Времени: кто-то, мне неведомый, спрятал ее в пьедестале Белого Сфинкса. Для чего? Я никак не мог ответить на этот вопрос! То же самое — безводные колодцы и башни с колеблющимся над ними воздухом. Я чувствовал, что не нахожу ключа к этим загадочным явлениям. Я чувствовал… как бы это вам объяснить? Представьте себе, что вы нашли бы надпись на хорошем английском языке, перемешанном с совершенно вам незнакомыми словами. Вот как на третий день моего пребывания представлялся мне мир восемьсот две тысячи семьсот первого года!

В этот день я приобрел в некотором роде друга. Когда я смотрел на группу маленьких людей, купавшихся в реке на неглубоком месте, кого-то из них схватила судорога, и маленькую фигурку понесло по течению. Течение было здесь довольно быстрое, но даже средний пловец мог бы легко с ним справиться. Чтобы дать вам некоторое понятие о странной психике этих существ, я скажу лишь, что никто из них не сделал ни малейшей

попытки спасти бедняжку, которая с криками тонула на их глазах. Увидя это, я быстро сбросил одежду, побежал вниз по реке, вошел в воду и, схватив ее, легко вытащил на берег. Маленькое растирание привело ее в чувство, и я с удовольствием увидел, что она совершенно оправилась. Я сразу же оставил ее, поскольку был такого невысокого мнения о ней и ей подобных, что не ожидал никакой благодарности. Но на этот раз я ошибся.

Все это случилось утром. После полудня я снова встретил ту же маленькую женщину, возвращаясь к своим исследованиям. Она подбежала с громкими криками радости и поднесла мне огромную гирлянду цветов, очевидно, приготовленную специально для меня. Это создание очень меня заинтересовало. Вероятно, я чувствовал себя слишком одиноким. Но как бы то ни было, я, насколько сумел, высказал ей, что мне приятен подарок. Мы оба сели в небольшой каменной беседке и завели разговор, состоявший преимущественно из улыбок. Дружеские чувства этого маленького создания радовали меня, как радовали бы чувства ребенка. Мы обменялись цветами, и она целовала мои руки. Я отвечал ей тем же. Когда я попробовал заговорить, то узнал, что ее

зовут Уина, и хотя не понимал, что это значило, но все же чувствовал, что между ней и ее именем было какое-то соответствие. Таково было начало нашей странной дружбы, которая продолжалась неделю, а как окончилась — об этом я расскажу потом.

Уина была совсем как ребенок. Ей хотелось всегда быть со мной. Она бегала за мной повсюду, так что на следующий день мне пришло в голову нелепое желание утомить ее и, наконец, бросить, не обращая внимания на ее жалобный зов. Мировая проблема, думал я, должна быть решена. Я не для того попал в Будущее, повторял я себе, чтобы заниматься легкомысленным флиртом. Но ее отчаяние было слишком велико, а в ее сетованиях, когда она начала отставать, звучало исступление. Ее привязанность тронула меня, я вернулся, и с этих пор она стала доставлять мне столько же забот, сколько и удовольствия. Все же она была для меня большим утешением. Мне казалось сначала, что она испытывала ко мне лишь простую детскую привязанность, и только потом, когда было уже слишком поздно, я ясно понял, чем я сделался для нее и чем стала она для меня. Уже потому, что эта малышка выказывала мне нежность и заботу, я, возвращаясь к Белому

Сфинксу, чувствовал, будто возвращаюсь домой, и каждый раз, добравшись до вершины холма, отыскивал глазами знакомую фигурку в белой, отороченной золотом одежде.

От нее я узнал, что чувство страха все еще не исчезло в этом мире. Днем она ничего не боялась и испытывала ко мне самое трогательное доверие. Однажды у меня возникло глупое желание напугать ее страшными гримасами, но она весело засмеялась. Она боялась только темноты, густых теней, черных предметов.

Страшнее всего была ей темнота. Она действовала на нее настолько сильно, что это натолкнуло меня на новые наблюдения и размышления. Я открыл, между прочим, что с наступлением темноты эти маленькие люди собирались в больших зданиях и спали все вместе. Войти к ним ночью значило произвести среди них смятение и ужас. Я ни разу не видел, чтобы после наступления темноты кто-нибудь вышел на воздух или спал один под открытым небом. Но все же я был таким глупцом, что не обращал на это внимания и, несмотря на ужас Уины, продолжал спать один, не в общих спальнях.

Сначала это очень беспокоило ее, но наконец привязанность ко мне взяла верх, и пять ночей за

время нашего знакомства, считая и самую последнюю ночь, она спала со мной, положив голову на мое плечо. Но, говоря о ней, я отклоняюсь от главной темы своего рассказа. Кажется, в ночь накануне ее спасения я проснулся на рассвете. Ночь прошла беспокойно, мне снился очень неприятный сон: будто бы я утонул в море и морские анемоны касались моего лица мягкими щупальцами. Вздрогнув, я проснулся, и мне почудилось, что какое-то сероватое животное выскользнуло из комнаты. Я попытался снова заснуть, но мучительная тревога уже овладела мной. Был тот ранний час, когда предметы только начинают выступать из темноты, когда все вокруг кажется бесцветным и каким-то нереальным, несмотря на отчетливость очертаний. Я встал и, пройдя по каменным плитам большого зала, вышел на воздух. Желая извлечь хоть какую-нибудь пользу из этого случая, я решил посмотреть восход солнца.

Луна закатывалась, ее прощальные лучи и первые бледные проблески наступающего дня смешивались в таинственный полусвет. Кусты казались совсем черными, земля — темно-серой, а небо — бесцветным и туманным. На верху холма мне почудились привидения. Поднимаясь по его склону, я три раза видел смутные белые фигуры.

Дважды мне показалось, что я вижу какое-то одинокое белое обезьяноподобное существо, быстро бегущее к вершине холма, а один раз около руин я увидел их целую толпу: они тащили какой-то темный предмет. Двигались они быстро, и я не заметил, куда они исчезли. Казалось, они скрылись в кустах. Все вокруг было еще смутным, поймите это. Меня охватило то неопределенное, предрассветное ощущение озноба, которое вам всем, вероятно, знакомо. Я не верил своим глазам.

Когда на востоке заблестела заря и лучи света возвратили всему миру обычные краски и цвета, я тщательно обследовал местность. Но нигде не оказалось и следов белых фигур. По-видимому, это была просто игра теней.

«Может быть, это привидения, — сказал я себе. — Желал бы я знать, к какому Времени они принадлежат...»

Я сказал это потому, что вспомнил любопытный вывод Грант Аллена, говорившего, что если б каждое умирающее поколение оставляло после себя привидения, то в конце концов весь мир переполнился бы ими. По этой теории, их должно было накопиться бесчисленное множество за восемьсот тысяч прошедших лет, и потому не было ничего удивительного, что я увидел сразу

четырех. Эта шутливая мысль, однако, не успокоила меня, и я все утро думал о белых фигурках, пока наконец появление Уины не вытеснило их из моей головы. Не знаю почему, я связал их с белым животным, которое вспугнул при первых поисках своей Машины. Общество Уины на время развлекло меня, но, несмотря на это, белые фигуры скоро снова овладели моими мыслями.

Я уже говорил, что климат Золотого Века значительно теплее нашего. Причину я не берусь объяснить. Может быть, солнце стало горячее, а может быть, земля приблизилась к нему. Принято считать, что солнце постепенно охлаждается. Однако люди, незнакомые с такими теориями, как теория Дарвина-младшего, забывают, что планеты должны одна за другой приближаться к центральному светилу и в конце концов упасть на него. После каждой из таких катастроф солнце будет светить с обновленной энергией; и весьма возможно, что эта участь постигла тогда одну из планет. Но какова бы ни была причина, факт остается фактом: солнце грело значительно сильнее, чем в наше время.

И вот в одно очень жаркое утро — насколько помню, четвертое по моем прибытии, — когда я собирался укрыться от жары и ослепительного

света в гигантских руинах (невдалеке от большого здания, где я ночевал и питался), со мной случилось странное происшествие. Карабкаясь между каменными грудами, я обнаружил узкую галерею, конец и окна которой были завалены обрушившимися глыбами. После ослепительного дневного света галерея показалась мне непроглядно темной. Я вошел в нее ощупью, потому что после яркого солнечного света цветные пятна поплыли у меня перед глазами и ничего нельзя было разобрать. И вдруг я остановился как вкопанный. На меня из темноты смотрела пара блестящих глаз, отражая проникавший в галерею дневной свет.

Древний инстинктивный страх перед дикими зверями охватил меня. Я сжал кулаки и уставился в светившиеся глаза. Мне было страшно повернуть назад. На мгновение в голову мне пришла мысль о той абсолютной безопасности, в которой, как казалось, жило человечество. И вдруг я вспомнил его странный ужас перед темнотой. Пересилив свой страх, я шагнул вперед и заговорил. Мой голос, вероятно, звучал хрипло и дрожал. Я протянул руку и коснулся чего-то мягкого. В то же мгновение блестящие глаза метнулись в сторону и что-то белое пробежало мимо меня.

Испугавшись, я повернулся и увидел маленькое обезьяноподобное существо со странно опущенной вниз головой, бежавшее по освещенному пространству за моей спиной. Оно налетело на гранитную глыбу, отшатнулось в сторону и в одно мгновение скрылось в черной тени под другой грудой каменных обломков.

Мое впечатление о нем было, конечно, неполное. Я заметил только, что оно было грязно-белое и что у него были странные, большие, сероватo-красные глаза; его голова и спина были покрыты светлой шерстью. Но, как я уже сказал, оно бежало слишком быстро, и мне не удалось его отчетливо рассмотреть. Не могу даже сказать, бежало ли оно на четвереньках, или же руки его были так длинны, что почти касались земли. После минутного замешательства я бросился за ним ко второй груде обломков. Сначала я не мог ничего найти, но скоро в кромешной темноте наткнулся на один из тех круглых безводных колодцев, о которых я уже говорил. Он был частично прикрыт упавшей колонной. В голове у меня блеснула внезапная мысль. Не могло ли это существо спуститься в колодец? Я зажег спичку и, взглянув вниз, увидел маленькое белое создание с большими блестящими глазами, которое уда-

лялось, упорно глядя на меня. Я содрогнулся. Это было что-то вроде человекообразного паука. Оно спускалось вниз по стене колодца, и я впервые заметил множество металлических скобок для рук и ног, образовавших нечто вроде лестницы. Но тут догоревшая спичка обожгла мне пальцы и, выпав, потухла; когда я зажег другую, маленькое страшилище уже исчезло.

Не знаю, долго ли я просидел, вглядываясь в глубину колодца. Во всяком случае, прошло немало времени, прежде чем я пришел к заключению, что виденное мной существо тоже было человеком. Понемногу истина открылась передо мной. Я понял, что человек разделился на два различных вида. Изящные дети Верхнего Мира не были единственными нашими потомками: это беловатое отвратительное ночное существо, которое промелькнуло передо мной, также было наследником минувших веков.

Вспомнив о дрожании воздуха над колодцами и о своей теории подземной вентиляции, я начал подозревать их истинное значение. Но какую роль, хотелось мне знать, мог играть этот лемур в моей схеме окончательной организации человечества? Каково было его отношение к безмятежности и беззаботности прекрасных

жителей Верхнего Мира? Что скрывалось там, в глубине этого колодца? Я присел на его край, убеждая себя, что мне, во всяком случае, нечего опасаться и что необходимо спуститься туда для разрешения моих недоумений. Но вместе с тем я чувствовал какой-то страх! Пока я колебался, двое прекрасных наземных жителей, увлеченные любовной игрой, пробежали мимо меня через освещенное пространство в тень. Мужчина бежал за женщиной, бросая в нее цветами.

Они, казалось, очень огорчились, увидя, что я заглядываю в колодец, опираясь на упавшую колонну. Очевидно, было принято не замечать эти отверстия. Как только я указал на колодец и попытался задать вопросы на их языке, смущение их стало еще очевиднее, и они отвернулись от меня. Но спички их заинтересовали, и мне пришлось сжечь несколько штук, чтобы позабавить их. Я снова попытался узнать что-нибудь про колодцы, но снова тщетно. Тогда, оставив их в покое, я решил вернуться к Уине и попробовать узнать что-нибудь у нее. Все мои представления о новом мире теперь перевернулись. У меня был ключ, чтобы понять значение этих колодцев, а также вентиляционных башен и таинственных привидений, не говоря уже о бронзовых дверях и

о судьбе, постигшей Машину Времени! Вместе с этим ко мне в душу закралось смутное предчувствие возможности разрешить ту экономическую проблему, которая до сих пор приводила меня в недоумение.

Вот каков был мой новый вывод. Ясно, что этот второй вид людей обитал под землей. Три различных обстоятельства приводили меня к такому заключению. Они редко появлялись на поверхности земли, по-видимому, вследствие давней привычки к подземному существованию. На это указывала их блеклая окраска, присущая большинству животных, обитающих в темноте, — например, белые рыбы в пещерах Кентукки. Глаза, отражающие свет, — это также характерная черта ночных животных, например, кошки и совы. И наконец, это явное замешательство при дневном свете, это поспешное, неуклюжее бегство в темноту, эта особая манера опускать на свету лицо вниз — все это подкрепляло мою догадку о крайней чувствительности сетчатки их глаз.

Итак, земля у меня под ногами, видимо, была изрыта тоннелями, в которых и обитала новая раса. Существование вентиляционных башен и колодцев по склонам холмов — всюду, кроме

долины реки, — доказывало, что эти тоннели образуют разветвленную сеть. Разве не естественно было предположить, что в искусственном подземном мире шла работа, необходимая для благосостояния дневной расы? Мысль эта была так правдоподобна, что я тотчас же принял ее и пошел дальше, отыскивая причину раздвоения человеческого рода. Боюсь, что вы с недоверием отнесетесь к моей теории, но что касается меня самого, то я убедился в скором времени, насколько она была близка к истине.

Мне казалось ясным как день, что постепенное углубление теперешнего временного социального различия между Капиталистом и Рабочим было ключом к новому положению вещей. Без сомнения, это покажется вам смешным и невероятным, но ведь уже теперь есть обстоятельства, которые указывают на такую возможность. Существует тенденция использовать подземные пространства для нужд цивилизации, не требующих особой красоты: существует, например, подземная железная дорога в Лондоне, строятся новые электрические подземные дороги и тоннели, существуют подземные мастерские и рестораны, все они растут и множатся. Очевидно, думал я, это стремление перенести работу под

землю существует с незапамятных времен. Все глубже и глубже уходили подземные мастерские, где рабочим приходилось проводить все больше времени, пока, наконец... Да разве и теперь какой-нибудь уэст-эндский рабочий не живет в таких искусственных условиях, что, по сути дела, отрезан от поверхности земли?

А вслед за тем кастовая тенденция богатых людей, вызванная все большей утонченностью жизни, — тенденция расширить пропасть между ними и оскорбляющей их грубостью бедняков тоже ведет к захвату привилегированными сословиями все большей и большей части поверхности земли исключительно для себя. В окрестностях Лондона и других больших городов уже около половины самых красивых мест недоступно для посторонних! А эта неуклонно расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными, результат продолжительности и дороговизны высшего образования и стремления богатых к утонченным привычкам, — разве не поведет это к тому, что соприкосновения между классами станут все менее возможными? Благодаря такому отсутствию общения и тесных отношений браки между обоими классами, тормозящие теперь разделение человеческого рода на два различных вида, ста-

нут в будущем все более и более редкими. В конце концов на земной поверхности должны будут остаться только Имущие, наслаждающиеся в жизни исключительно удовольствиями и красотой, а под землей окажутся все Неимущие — рабочие, приспособившиеся к подземным условиям труда. А раз очутившись там, они, без сомнения, должны будут платить Имущим дань за вентиляцию своих жилищ. Если они откажутся от этого, то умрут с голода или задохнутся. Неприспособленные или непокорные вымрут. Мало-помалу при установившемся равновесии такого порядка вещей выжившие Неимущие сделаются такими же счастливыми на свой собственный лад, как и жители Верхнего Мира. Таким образом, естественно возникнут утонченная красота одних и бесцветная бледность других.

Окончательный триумф Человечества, о котором я мечтал, принял теперь совершенно иной вид в моих глазах. Это не был тот триумф духовного прогресса и коллективного труда, который я представлял себе. Вместо него я увидел настоящую аристократию, вооруженную новейшими знаниями и деятельно потрудившуюся для логического завершения современной нам индустриальной системы. Ее победа была не только

победой над природой, но также и победой над своими собратьями-людьми. Такова была моя теория. У меня не было проводника, как в утопических книгах. Может быть, мое объяснение совершенно неправильно. Но все же я думаю и до сих пор, что оно самое правдоподобное. Однако даже и эта по-своему законченная цивилизация давно прошла свой зенит и клонилась к упадку. Чрезмерная обеспеченность жителей Верхнего Мира привела их к постепенной дегенерации, к общему вырождению, уменьшению роста, сил и умственных способностей. Это я видел достаточно ясно. Что произошло с Подземными Жителями, я еще не знал, но все виденное мной до сих пор показывало, что «морлоки», как их называли обитатели Верхнего Мира, ушли еще дальше от нынешнего человеческого типа, чем «элои» — прекрасная наземная раса, с которой я уже познакомился.

Во мне возникли тревожные опасения. Для чего понадобилась морлокам моя Машина Времени? Теперь я был уверен, что это они похитили ее. И почему элои, если они господствующая раса, не могут возвратить ее мне? Почему они так боятся темноты? Я попытался было расспросить о Подземном Мире Уину, но меня снова ожидало

разочарование. Сначала она не понимала моих вопросов, а затем отказалась на них отвечать. Она так дрожала, как будто не могла вынести этого разговора. Когда я начал настаивать, быть может, слишком резко, она горько расплакалась. Это были единственные слезы, которые я видел в Золотом Веке, кроме тех, что пролил я сам. Я тотчас же перестал мучить ее расспросами о морлоках и постарался, чтобы с ее глаз исчезли эти следы человеческих чувств. Через минуту она уже улыбалась и хлопала в ладоши, когда я торжественно зажег перед ней спичку.

Глава 9
Морлоки

Вам может показаться странным, что прошло целых два дня, прежде чем я решился продолжать свои изыскания в новом и, очевидно, верном направлении. Я ощущал какой-то ужас перед этими белыми фигурами. Они походили на почти обесцвеченных червей и другие препараты, хранящиеся в спирту в зоологических музеях. А прикоснувшись к ним, я почувствовал, какие они были отвратительно холодные! Этот страх отчасти объяснялся моей симпатией к элоям, чье отвращение к морлокам стало мало-помалу передаваться и мне.

В следующую ночь я спал очень плохо. Вероятно, мое здоровье расстроилось. Страхи и сомнения угнетали меня. Порой на меня нападало чувство ужаса, причину которого я не мог понять. Помню, как я тихонько пробрался в большую залу, где, освещенные луной, спали маленькие люди. В эту ночь с ними спала и Уина. Их присутствие успокоило меня. Мне еще тогда пришло в голову, что через несколько дней луна будет в последней

четверти и наступят темные ночи, когда должны участиться появления этих белых лемуров, этих новых червей, пришедших на смену старым. В последние два дня меня не оставляло тревожное чувство, какое обыкновенно испытывает человек, уклоняясь от исполнения неизбежного долга. Я был уверен, что смогу вернуть Машину Времени, только проникнув без страха в тайну Подземного Мира. Но я все еще не решался встретиться с этой тайной. Будь у меня товарищ, возможно, все сложилось бы иначе. Но я был так ужасно одинок, что даже самая мысль спуститься в мрачную глубину колодца была невыносима для меня. Не знаю, поймете ли вы мое чувство, но мне непрестанно казалось, что за спиной мне угрожает страшная опасность.

Вероятно, это беспокойство и ощущение неведомой опасности заставляли меня уходить все дальше и дальше на разведку. Идя на юго-запад к возвышенности, которая в наше время называется Ком Вуд, я заметил далеко впереди, там, где в девятнадцатом веке находится городок Бэнстид, огромное зеленое здание, совершенно не похожее по стилю на все дома, виденные мной до сих пор. Размерами оно превосходило самые большие дворцы. Его фасад был отделан в восточном

духе; выкрашенный блестящей бледно-зеленой краской с голубоватым оттенком, он походил на дворец из китайского фарфора. Такое отличие во внешнем виде невольно наводило на мысль о его особом назначении, я и намеревался получше осмотреть дворец. Но впервые я увидел его после долгих и утомительных скитаний, когда день уже клонился к вечеру; поэтому, решив отложить осмотр до следующего дня, я вернулся домой к ласкам приветливой маленькой Уины. На следующее утро я ясно понял, что мое любопытство к Зеленому Фарфоровому Дворцу было вроде самообмана, изобретенного мной для того, чтобы еще на день отложить страшившее меня исследование Подземного Мира. Без дальнейших проволочек я решил пересилить себя и в то же утро спуститься в один из колодцев; я направился прямо к ближайшему из них, расположенному возле обломков гранита и алюминия.

Маленькая Уина бежала рядом со мной. Она, танцуя, проводила меня до колодца, но когда увидела, что я перегнулся через край и принялся смотреть вниз, пришла в ужасное волнение.

«Прощай, маленькая Уина», — сказал я, целуя ее.

Отпустив ее и перегнувшись через стенку, я

принялся ощупывать металлические скобы. Не скрою, что делал я это торопливо из страха, что решимость меня покинет. Уина сначала смотрела на меня с изумлением. Потом, испустив жалобный крик, бросилась ко мне и принялась оттаскивать меня прочь своими маленькими ручками. Мне кажется, ее сопротивление и побудило меня действовать решительно. Я оттолкнул ее руки, может быть, немного резко и мгновенно спустился в шахту колодца. Взглянув вверх, я увидел полное отчаяния лицо Уины и улыбнулся, чтобы ее успокоить. Но тотчас же вслед за тем я должен был обратить все свое внимание на скобы, едва выдерживавшие мою тяжесть.

Мне нужно было спуститься примерно на глубину двухсот ярдов. Так как металлические скобы были приспособлены для спуска небольших существ, то очень скоро я почувствовал усталость. Нет, не только усталость, но и подлинный ужас! Одна скоба неожиданно прогнулась под моей тяжестью, и я едва не полетел вниз, в непроглядную темноту. С минуту я висел на одной руке и после этого случая не решался более останавливаться. Хотя я скоро ощутил жгучую боль в руках и спине, но все же продолжал спускаться быстро, как только мог. Посмотрев наверх, я увидел в

отверстии колодца маленький голубой кружок неба, на котором виднелась одна звезда, а головка Уины казалась на фоне неба черным круглым пятнышком. Внизу все громче раздавался грохот машин. Все, кроме небольшого кружка вверху, было темным. Когда я снова поднял голову, Уина уже исчезла.

Мучительная тревога овладела мной. У меня мелькнула мысль вернуться наверх и оставить Подземный Мир в покое. Но все-таки я продолжал спускаться вниз. Наконец, не знаю через сколько времени, я с невероятным облегчением увидел или скорее почувствовал справа от себя небольшое отверстие в стене колодца. Проникнув в него, я убедился, что это был вход в узкий горизонтальный тоннель, где я мог прилечь и отдохнуть. Это было необходимо. Руки мои ныли, спину ломило, и я весь дрожал от страха перед падением. К тому же непроницаемая темнота сильно угнетала меня. Все вокруг было наполнено гулом машины, накачивавшей в глубину воздух.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Очнулся я от мягкого прикосновения чьей-то руки, ощупывавшей мое лицо. Вскочив в темноте, я торопливо зажег спичку и разглядел при ее свете три сутуловатые белые фигуры, подобные той,

какую я видел в развалинах наверху. Они быстро отступили при виде огня. Морлоки, как я уже говорил, проводили всю жизнь в темноте, и потому глаза их были необычайно велики. Они не могли вытерпеть света моей спички и отражали его, совсем как зрачки глубоководных океанских рыб. Я нимало не сомневался, что они видели меня в этой густой темноте, и их пугал только свет. Едва я зажег новую спичку, чтобы разглядеть их, как они обратились в бегство и исчезли в темных тоннелях, откуда сверкали только их блестящие глаза.

Я попытался заговорить с ними, но их язык, видимо, отличался от языка наземных жителей, так что волей-неволей пришлось мне положиться на свои собственные силы. Снова мелькнула у меня мысль бежать, бросив все исследования. Но я сказал самому себе: «Надо довести дело до конца». Двигаясь ощупью по тоннелю, я заметил, что с каждым шагом гул машины становится все громче. Внезапно стены раздвинулись, я вышел на открытое место и, чиркнув спичкой, увидел, что нахожусь в просторной сводчатой пещере. Я не успел рассмотреть ее всю, потому что спичка скоро погасла.

Разумеется, мои воспоминания очень смут-

ны. В темноте проступали контуры огромных машин, отбрасывавших при свете спички причудливые черные тени, в которых укрывались похожие на привидения морлоки. Было очень душно, и в воздухе чувствовался слабый запах свежепролитой крови. Чуть подальше, примерно в середине пещеры, стоял небольшой стол из белого металла, на котором лежали куски свежего мяса. Оказалось, что морлоки не были вегетарианцами! Помню, как уже тогда я с изумлением подумал, — что это за домашнее животное сохранилось от наших времен, мясо которого лежало теперь передо мной. Все вокруг было видно смутно; тяжелый запах, громадные контуры машин, отвратительные фигуры, притаившиеся в тени и ожидающие только темноты, чтобы снова приблизиться ко мне! Догоревшая спичка обожгла мне пальцы и упала на землю, тлея красной точкой в непроглядной тьме.

С тех пор много раз я думал, как плохо был я подготовлен к такому исследованию. Отправляясь в путешествие на Машине Времени, я был исполнен нелепой уверенности, что люди Будущего опередили нас во всех отношениях. Я пришел к ним без оружия, без лекарств, без табака, а временами мне так ужасно хотелось

курить! Даже спичек у меня было мало. Ах, если б я только сообразил захватить фотографический аппарат! Можно было бы запечатлеть этот Подземный Мир и потом спокойно рассмотреть его. Теперь же я стоял там, вооруженный лишь тем, чем снабдила меня Природа, — руками, ногами и зубами; только это да четыре спасительные спички еще оставались у меня.

Я побоялся пройти дальше в темноте среди машин и только при последней вспышке зажженной спички увидел, что моя коробка кончается. До этой минуты мне и в голову не приходило, что нужно беречь спички, и я истратил почти половину коробки, удивляя наземных жителей, для которых огонь сделался диковинкой. Теперь, когда у меня оставалось только четыре спички, а сам я очутился в темноте, я снова почувствовал, как чьи-то тонкие пальцы принялись ощупывать мое лицо, и меня поразил какой-то особенно неприятный запах. Мне казалось, что я слышу дыхание целой толпы этих ужасных существ. Я почувствовал, как чьи-то руки осторожно пытаются отнять у меня спичечную коробку, а другие тянут меня сзади за одежду. Мне было нестерпимо ощущать присутствие невидимых созданий. Там, в темноте, я впервые ясно осознал,

что не могу понять их побуждений и поступков. Я крикнул на них изо всех сил. Они отскочили, но тотчас же я снова почувствовал их приближение. На этот раз они уже смелее хватали меня и обменивались какими-то странными звуками. Я задрожал, крикнул опять, еще громче прежнего. Но в этот раз они уже не так испугались и тотчас приблизились снова, издавая странные звуки, похожие на тихий смех. Признаюсь, меня охватил страх. Я решил зажечь еще спичку и бежать под защитой света. Сделав это, я вынул из кармана кусок бумаги, зажег его и отступил назад в узкий тоннель. Но едва я вошел туда, мой факел задул ветер и стало слышно, как морлоки зашуршали в тоннеле, словно осенние листья. Их шаги звучали негромко и часто, как капли дождя…

В одно мгновение меня схватило несколько рук. Морлоки пытались втащить меня назад в пещеру. Я зажег еще спичку и помахал ею прямо перед их лицами. Вы едва ли можете себе представить, какими омерзительно нечеловеческими они были, эти бледные лица без подбородков, с большими, лишенными век красновато-серыми глазами! Как они дико смотрели на меня в своем слепом отупении! Впрочем, могу вас уверить, что я недолго разглядывал их. Я снова отступил

и, едва догорела вторая спичка, зажег третью. Она тоже почти догорела, когда мне наконец удалось добраться до шахты колодца. Я прилег, потому что у меня кружилась голова от стука огромного насоса внизу. Затем сбоку я нащупал скобы, но тут меня схватили за ноги и потащили обратно. Я зажег последнюю спичку… она тотчас же погасла. Но теперь, ухватившись за скобы и рассыпая ногами щедрые пинки, я высвободился из цепких объятий морлоков и принялся быстро взбираться по стене колодца. Все они стояли внизу и, моргая, смотрели на меня, кроме одной маленькой твари, которая некоторое время следовала за мной и чуть не сорвала с меня башмак в качестве трофея.

Подъем показался мне бесконечным. Преодолевая последние двадцать или тридцать футов, я почувствовал ужасную тошноту. Невероятным усилием я овладел собой. Последние несколько ярдов были ужасны. Сил больше не было. Несколько раз у меня начинала кружиться голова, и тогда падение казалось неминуемым. Сам не знаю, как я добрался до отверстия колодца и, шатаясь, выбрался из руин на ослепительный солнечный свет. Я упал ничком. Даже земля показалась мне здесь чистой и благоуханной. Помню,

как Уина осыпала поцелуями мои руки и лицо и как вокруг меня раздавались голоса других элоев. А потом я потерял сознание.

Глава 10
Когда настала ночь

После этого я оказался еще в худшем положении, чем раньше. Если не считать минут отчаяния в ту ночь, когда я лишился Машины Времени, меня все время ободряла надежда на возможность бегства. Однако новые открытия пошатнули ее. До сих пор я видел для себя препятствие лишь в детской непосредственности маленького народа и в каких-то неведомых мне силах, узнать которые, казалось мне, было равносильно тому, чтобы их преодолеть. Теперь же появилось совершенно новое обстоятельство — отвратительные морлоки, что-то нечеловеческое и враждебное. Я инстинктивно ненавидел их. Прежде я чувствовал себя в положении человека, попавшего в яму: думал только о яме и о том, как бы из нее выбраться. Теперь же я чувствовал себя в положении зверя, попавшего в западню и чующего, что враг близко.

Враг, о котором я говорю, может вас удивить: это темнота перед новолунием. Уина внушила мне этот страх несколькими сначала непонят-

ными словами о Темных Ночах. Теперь нетрудно было догадаться, что означало это приближение Темных Ночей. Луна убывала, каждую ночь темнота становилась все непроницаемее. Теперь я хоть отчасти понял наконец причину ужаса жителей Верхнего Мира перед темнотой. Я спрашивал себя, что за мерзости проделывали морлоки в безлунные ночи. Я был уже окончательно убежден, что моя гипотеза о господстве элоев над морлоками совершенно неверна. Конечно, раньше жители Верхнего Мира были привилегированным классом, а морлоки — их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей, возникшие вследствие эволюции общества, переходили, или уже перешли, к совершенно новым отношениям. Подобно династии Каролингов, элои переродились в прекрасные ничтожества. Они все еще из милости владели поверхностью земли, тогда как морлоки, жившие в продолжение бесчисленных поколений под землей, в конце концов стали совершенно неспособными выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали для них одежду и заботились об их повседневных нуждах, может быть, вследствие старой привычки работать на них. Они делали это так же бессознательно, как

конь бьет о землю копытом или охотник радуется убитой им дичи: старые, давно исчезнувшие отношения все еще накладывали свою печать на человеческий организм. Но ясно, что изначальные отношения этих двух рас стали теперь прямо противоположны. Неумолимая Немезида неслышно приближалась к изнеженным счастливцам. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишил своего ближнего счастья и солнечного света. А теперь этот ближний стал совершенно неузнаваем! Элои снова получили начальный урок жизни. Они заново познакомились с чувством страха. Я неожиданно вспомнил о мясе, которое видел в Подземном Мире.

Не знаю, почему мне это пришло в голову: то было не следствие моих мыслей, а как бы вопрос извне. Я попытался припомнить, как выглядело мясо. Оно уже тогда показалось мне каким-то знакомым, но что это было, я не мог понять.

Маленький народ был беспомощен в присутствии существ, наводивших на него этот таинственный страх, но я был не таков. Я был сыном своего века, века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека и таинственность потеряла свои чары. Во всяком

случае, я мог защищаться. Без промедления я решил приготовить себе оружие и найти безопасное место для сна. Имея такое убежище, я мог бы сохранить по отношению к этому неведомому миру некоторую долю той уверенности, которой я лишился, узнав, какие существа угрожали мне по ночам. Я знал, что не засну до тех пор, пока сон мой не будет надежно защищен. Я содрогнулся при мысли, что эти твари уже не раз рассматривали меня.

Весь день я бродил по долине Темзы, но не нашел никакого убежища, которое было бы для них недосягаемым. Все здания и деревья казались легкодоступными для таких ловких и цепких существ, какими были морлоки, судя по их колодцам. И тут я снова вспомнил о высоких башенках и гладких блестящих стенах Зеленого Фарфорового Дворца. В тот же вечер, посадив Уину, как ребенка, на плечо, я отправился по холмам на юго-запад. Я полагал, что до Зеленого Дворца семь или восемь миль, но, вероятно, до него были все восемнадцать. В первый раз я увидел это место в довольно пасмурный день, когда расстояния кажутся меньше. А теперь, когда я двинулся в путь, у меня, кроме всего остального, еще оторвался каблук и в ногу впивался гвоздь — это

были старые башмаки, которые я носил только дома. Я захромал. Солнце давно уже село, когда показался дворец, вырисовывавшийся черным силуэтом на бледно-желтом фоне неба.

Уина была в восторге, когда я понес ее на плече, но потом она захотела сойти на землю и семенила рядом со мной, перебегая то на одну, то на другую сторону за цветами и засовывая их мне в карманы. Карманы всегда удивляли Уину, и в конце концов она решила, что это своеобразные вазы для цветов. Во всяком случае, она их использовала для этой цели… Да! Кстати… Переодеваясь, я нашел…

(Путешественник по Времени умолк, опустил руку в карман и положил перед нами на столик два увядших цветка, напоминавших очень крупные белые мальвы. Потом возобновил свой рассказ.)

— Землю уже окутала вечерняя тишина, а мы все еще шли через холм по направлению к Уимблдону. Уина устала и хотела вернуться в здание из серого камня. Но я указал на видневшиеся вдалеке башенки Зеленого Дворца и постарался объяснить ей, что там мы найдем убежище. Знакома ли вам та мертвая тишина, которая наступает перед сумерками? Даже листья на

деревьях не шелохнутся. На меня эта вечерняя тишина всегда навевает какое-то неясное чувство ожидания. Небо было чистое, высокое и ясное; лишь на западе виднелось несколько легких облачков. Но к этому гнету вечернего ожидания примешивался теперь страх. В тишине мои чувства, казалось, сверхъестественно обострились. Мне чудилось, что я мог даже ощущать пещеры в земле у себя под ногами, мог чуть ли не видеть морлоков, кишащих в своем подземном муравейнике в ожидании темноты. Мне казалось, что они примут мое вторжение как объявление войны. И зачем взяли они мою Машину Времени?

Мы продолжали идти в вечерней тишине, а сумерки тем временем постепенно сгущались. Голубая ясность дали померкла, одна за другой стали загораться звезды. Земля под ногами становилась смутной, деревья — черными. Страх и усталость овладели Уиной. Я взял ее на руки, успокаивая и лаская. По мере наступления темноты она все крепче и крепче прижималась лицом к моему плечу. По длинному склону холма мы спустились в долину, и тут я чуть было не свалился в маленькую речку. Перейдя ее вброд, я взобрался на противоположный склон долины, прошел мимо множества домов, мимо статуи, изображав-

шей, как мне показалось, некое подобие фавна, но только без головы. Здесь росли акации. До сих пор я еще не видел морлоков, но ведь ночь только началась и самые темные часы, перед восходом ущербной луны, были еще впереди.

С вершины следующего холма я увидел густую чащу леса, которая тянулась передо мной широкой и черной полосой. Я остановился в нерешительности. Этому лесу не было видно конца ни справа, ни слева. Чувствуя себя усталым — у меня нестерпимо болели ноги, — я осторожно снял с плеча Уину и опустился на землю. Я уже не видел Зеленого Дворца и не знал, куда идти. Взглянув на лесную чащу, я невольно подумал о том, что могла скрывать она в своей глубине. Под этими густо переплетенными ветвями деревьев, должно быть, не видно даже звезд. Если б в лесу меня даже и не подстерегала опасность — та опасность, самую мысль о которой я гнал от себя, — там все же было достаточно корней, чтобы споткнуться, и стволов, чтобы расшибить себе лоб. К тому же я был измучен волнениями этого дня и решил не идти в лес, а провести ночь на открытом месте.

Я был рад, что Уина уже крепко спала. Заботливо завернув ее в свою куртку, я сел рядом с ней и стал ожидать восхода луны. На склоне

холма было тихо и пустынно, но из темноты леса доносился по временам какой-то шорох. Надо мной сияли звезды, ночь была очень ясная. Их мерцание успокаивало меня. На небе уже не было знакомых созвездий: они приняли новые очертания благодаря тем медленным перемещениям звезд, которые становятся ощутимы лишь по истечении сотен человеческих жизней. Один только Млечный Путь, казалось, остался тем же потоком звездной пыли, что и в наше время. На юге сияла какая-то очень яркая, неизвестная мне красная звезда, она была ярче даже нашего Сириуса. И среди всех этих мерцающих точек мягко и ровно сияла большая планета, как будто спокойно улыбающееся лицо старого друга.

При свете звезд все заботы и горести земной жизни показались мне ничтожными. Я подумал о том, как они бесконечно далеки, как медленно движутся из неведомого прошлого в неведомое будущее. Подумал о кругах, которые описывает в пространстве земная ось. Всего сорок раз описала она этот круг за восемьсот тысяч лет, которые я преодолел. И за это время вся деятельность, все традиции, вся сложная организация, все национальности, языки, вся литература, все человеческие стремления и даже самое воспо-

минание о Человеке, каким я его знал, исчезли. Взамен этого в мире появились хрупкие существа, забывшие о своем высоком происхождении, и белесые твари, от которых я в ужасе бежал. Я думал и о том Великом Страхе, который разделил две разновидности человеческого рода, и впервые с содроганием понял, что за мясо видел я в Подземном Мире. Нет, это было бы слишком ужасно! Я взглянул на маленькую Уину, спавшую рядом со мной, на ее личико, беленькое и ясное, как звездочка, и тотчас же отогнал страшную мысль.

Всю эту долгую ночь я старался не думать о морлоках и убивал время, стараясь найти в путанице звезд следы старых созвездий. Небо было совершенно чистое, кроме нескольких легких облачков. По временам я дремал. Когда такое бдение совсем истомило меня, в восточной части неба показался слабый свет, подобный зареву какого-то бесцветного пожара, и вслед за тем появился белый тонкий серп убывающей луны. А следом, как бы настигая и затопляя его своим сиянием, блеснули первые лучи утренней зари, сначала бледные, но потом с каждой минутой все ярче разгоравшиеся теплыми алыми красками. Ни один морлок не приблизился к нам; в эту ночь

я даже не видел никого из них. С первым светом наступающего дня все мои ночные страхи стали казаться почти смешными. Я встал и почувствовал, что моя нога в башмаке без каблука распухла у лодыжки, пятка болела. Я сел на землю, снял башмаки и отшвырнул их прочь. Разбудив Уину, я спустился с ней вниз. Мы вошли в лес, теперь зеленый и приветливый, а не черный и зловещий, как ночью. Мы позавтракали плодами, а потом встретили несколько прекрасных маленьких существ, которые смеялись и танцевали на солнышке, как будто в мире никогда и не существовало ночей. Но тут я снова вспомнил о том мясе, которое видел у морлоков. Теперь мне стало окончательно ясно, что это было за мясо, и я от всей души пожалел о том слабом ручейке, который остался на земле от некогда могучего потока Человечества. Ясно, что когда-то давно, века назад, пища у морлоков иссякла. Возможно, что некоторое время они питались крысами и всякой другой мерзостью. Даже и в наше время человек гораздо менее разборчив в пище, чем когда-то, — значительно менее разборчив, чем любая обезьяна. Его предубеждение против человеческого мяса не есть глубоко укоренившийся инстинкт. И теперь вот что делали эти бесчело-

вечные потомки людей!.. Я постарался взглянуть на дело с научной точки зрения. Во всяком случае, морлоки были менее человекоподобны и более далеки от нас, чем наши предки-каннибалы, жившие три или четыре тысячи лет назад. А тот высокоразвитый ум, который сделал бы для нас людоедство истинной пыткой, окончательно исчез. «О чем мне беспокоиться? — подумал я. — Эти элои просто-напросто откормленный скот, который разводят и отбирают себе в пищу муравьеподобные морлоки, — вероятно, они даже следят за тем, чтобы элои были хорошо откормлены...» А маленькая Уина тем временем танцевала около меня.

Я попытался подавить отвращение, заставляя себя думать, что такое положение вещей — суровая кара за человеческий эгоизм. Люди хотели жить в роскоши за счет тяжкого труда своих собратьев и оправдывались необходимостью, а теперь, когда настало время, та же необходимость повернулась к ним своей обратной стороной. Я даже, подобно Карлейлю, пытался возбудить в себе презрение к этой жалкой, упадочной аристократии. Но мне это не удалось. Как ни велико было их духовное падение, все же элои сохранили в своей внешности слишком много человече-

ского, и я невольно сочувствовал им, разделяя с ними унижение и страх.

Что мне делать, я еще не знал. Прежде всего я хотел найти безопасное убежище и раздобыть какое-нибудь металлическое или каменное оружие. Это было необходимо. Затем я надеялся найти средства для добывания огня, чтобы иметь факел, так как знал, что это оружие было самым действенным против морлоков. А еще я хотел сделать какое-нибудь приспособление для того, чтобы выломать бронзовые двери в пьедестале Белого Сфинкса. Я намеревался сделать таран. Я был уверен, что если войду в эти двери, неся с собой факел, то найду там Машину Времени и смогу вырваться из этого ужасного мира. Я не думал, чтобы у морлоков хватило сил утащить мою Машину куда-нибудь очень далеко. Уину я решил взять с собой в наше время. Обдумывая все эти планы, я продолжал идти к тому зданию, которое избрал для своего жилища.

Глава 11
Зеленый дворец

Когда около полудня мы дошли до Зеленого Дворца, то нашли его полуразрушенным и пустынным. В окнах торчали только осколки стекол, а большие куски зеленой облицовки отвалились от проржавевшего металлического каркаса. Дворец стоял на высоком травянистом склоне, и, взглянув на северо-восток, я изумился, увидя большой эстуарий, или, скорее, бухту, там, где, по моим соображениям, были наши Уондсворт и Бэттерси. И я сразу подумал, — что же произошло или происходит теперь с существами, населяющими морскую глубину, но долго раздумывать об этом не стал.

Оказалось, что дворец был действительно сделан из фарфора, и вдоль его фасада тянулась надпись на каком-то незнакомом языке. Мне пришла в голову нелепая мысль, что Уина может помочь разобрать ее, но оказалось, что она и понятия не имеет о письме. Она всегда казалась мне более человеком, чем была на самом деле, может быть, потому, что ее привязанность ко мне

была такой человеческой.

За огромными поломанными створчатыми дверями, которые были открыты настежь, мы увидели вместо обычного зала длинную галерею с целым рядом окон. С первого же взгляда я понял, что это музей. Паркетный пол был покрыт густым слоем пыли, и такой же серый покров лежал на всех удивительных и разнообразных предметах, сваленных повсюду. Среди прочего я увидел что-то странное и высохшее посреди зала — несомненно, это была нижняя часть огромного скелета. По форме его ног я определил, что это вымершее животное типа мегатерия. Рядом в густой пыли лежали его череп и кости верхних конечностей, а в одном месте, где крыша протекала, часть костей почти совершенно рассыпалась. Далее в галерее стоял огромный скелет бронтозавра. Мое предположение, что это музей, подтвердилось. По бокам галереи я нашел то, что принял сначала за покосившиеся полки, но, стерев с них густой слой пыли, убедился, что это стеклянные витрины. Вероятно, они были герметически закупорены, судя по некоторым прекрасно сохранившимся экспонатам.

Ясно, что мы находились среди развалин огромного музея, подобного Южно-Кенсингтонскому,

но относившегося к более поздним временам. Здесь, по-видимому, был палеонтологический отдел, обладавший чудеснейшей коллекцией ископаемых, однако неизбежное разрушение, искусственно остановленное на некоторое время и утратившее благодаря уничтожению бактерий и грибков девяносто девять сотых своей силы, все же верно и медленно продолжало свою работу. То тут, то там находил я следы посещения музея маленьким народом: кое-где попадались редкие ископаемые, разломанные ими на куски или нанизанные гирляндами на тростник. В некоторых местах витрины были сорваны. И я решил, что это сделали морлоки. Дворец был совершенно пуст. Густой слой пыли заглушал звук наших шагов. Пока я с изумлением осматривался, ко мне подошла Уина, которая до тех пор забавлялась тем, что катала морского ежа по наклонному стеклу витрины. Она тихонько взяла меня за руку и встала рядом со мной.

Я был так изумлен при виде этого разрушающегося памятника интеллектуального периода существования человечества, что не подумал о той пользе, какую отсюда мог бы для себя извлечь. Даже мысль о Машине вылетела у меня на время из головы.

Судя по размерам, Зеленый Дворец должен был заключать в себе не только палеонтологическую галерею: вероятно, тут были и исторические отделы, а может быть, даже библиотека. Для меня это было бы неизмеримо интереснее, чем геологическая выставка времен упадка. Принявшись за дальнейшие исследования, я открыл вторую, короткую, галерею, пересекавшую первую. По-видимому, это был минералогический отдел, и вид куска серы навел меня на мысль о порохе. Но я нигде не мог отыскать селитры или каких-нибудь азотнокислых солей. Без сомнения, они разложились много столетий назад. Но сера не выходила у меня из головы и натолкнула меня на целый ряд мыслей. Все остальное здесь мало меня интересовало, хотя, в общем, пожалуй, этот отдел сохранился лучше всего. Я не специалист по минералогии, и потому я отправился дальше в полуразрушенное крыло здания, параллельное первой галерее, через которую я вошел. По-видимому, этот новый отдел был посвящен естественной истории, но все в нем давным-давно изменилось до неузнаваемости. Несколько съежившихся и почерневших остатков того, что прежде было чучелами зверей, высохшие коконы в банках, когда-то наполненных спиртом, темная

пыль, оставшаяся от засушенных растений, — вот и все, что я здесь нашел. Я пожалел об этом; мне было бы интересно проследить те медленные, терпеливые усилия, благодаря которым была достигнута полная победа над животным и растительным миром. Оттуда мы попали в огромную плохо освещенную галерею. Пол постепенно понижался, хотя и под небольшим углом, от того конца, где мы стояли. С потолка через одинаковые промежутки свешивались белые шары; некоторые из них были треснуты или разбиты вдребезги, и у меня невольно явилась мысль, что это помещение когда-то освещалось искусственным светом. Тут я больше чувствовал себя в своей среде, так как по обе стороны от меня поднимались остовы огромных машин, все сильно попорченные и многие даже поломанные; некоторые, однако, были еще в сравнительной целости. Вы знаете, у меня слабость к машинам; мне захотелось подольше остаться здесь, тем более что большая часть их поразила меня новизной и непонятностью, и я мог строить лишь самые неопределенные догадки относительно целей, которым они служили. Мне казалось, что если я разрешу эти загадки, то найду могущественное оружие для борьбы с морлоками.

Вдруг Уина прижалась ко мне. Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Если бы не она, я, по всей вероятности, не обратил бы внимания на покатость пола. Тот конец галереи, откуда я вошел, поднимался довольно высоко над землей и был освещен через немногие узкие окна. Но по мере того как мы шли дальше, склон холма подступал к самым окнам, постепенно заслоняя их, так что наконец осталось только углубление, как в Лондоне перед полуподвалом, а в неширокую щель просачивалась лишь едва заметная полоска света. Я медленно шел вперед, с любопытством рассматривая машины. Это занятие совершенно поглотило меня, и поэтому я не заметил постепенного ослабления света, пока наконец возрастающий страх Уины не привлек моего внимания. Я заметил тогда, что галерея уходит в непроглядную темноту.

Остановившись в нерешительности и осмотревшись вокруг, я увидел, что слой пыли здесь был тоньше и местами лежал неровно. Еще дальше, в темноте, на пыльном полу как будто виднелись небольшие узкие следы. При виде их я вспомнил о близости морлоков. Я почувствовал, что даром теряю время на осмотр машин, и спохватился, что уже перевалило далеко за полдень,

а я все еще не имею оружия, убежища и средств для добывания огня. Вдруг далеко, в глубине темной галереи, я услышал тот же своеобразный шорох, те же странные звуки, что и тогда в глубине колодца.

Я взял Уину за руку. Но вдруг мне в голову пришла новая мысль, я оставил ее и направился к машине, из которой торчал рычаг, вроде тех, какие употребляются на железнодорожных стрелках. Взобравшись на подставку и ухватившись обеими руками за рычаг, я всей своей тяжестью навалился на него. Уина, оставшись одна, начала плакать. Я рассчитал правильно: рычаг сломался после минутного усилия, и я вернулся к Уине с палицей в руке, достаточно надежной для того, чтобы проломить череп любому морлоку, который повстречался бы на пути. А мне ужасно хотелось убить хотя бы одного! Быть может, вам это желание убить одного из наших потомков покажется бесчеловечным. Но к этим отвратительным существам невозможно было относиться по-человечески. Только мое нежелание оставить Уину и уверенность, что может пострадать Машина Времени, если я примусь за избиение морлоков, удержали меня от попытки тотчас же спуститься по галерее вниз и начать

истребление копошившихся там тварей.

И вот, держа палицу в правой руке, а левой обнимая Уину, я вышел из этой галереи и направился в другую — с виду еще большую, — которую я с первого взгляда принял за военную часовню, обвешанную изорванными знаменами. Но скоро в этих коричневых и черных лоскутьях, которые висели по стенам, я узнал остатки истлевших книг. Они давным-давно рассыпались на куски, на них не осталось даже следов букв. Лишь кое-где валялись покоробленные корешки и треснувшие металлические застежки, достаточно красноречиво свидетельствовавшие о своем прошлом назначении. Будь я писателем, возможно, при виде всего этого я пустился бы философствовать о тщете всякого честолюбия. Но так как я не писатель, меня всего сильнее поразила потеря колоссального труда, о которой говорили эти мрачные груды истлевшей бумаги. Должен сознаться, впрочем, что в ту минуту я вспомнил о «Трудах Философского общества» и о своих собственных семнадцати статьях по оптике.

Поднявшись по широкой лестнице, мы вошли в новое помещение, которое было когда-то отделом прикладной химии. У меня была надежда найти здесь что-нибудь полезное. За исключением

одного угла, где обвалилась крыша, эта галерея прекрасно сохранилась. Я торопливо подходил к каждой уцелевшей витрине и наконец в одной из них, закупоренной поистине герметически, нашел коробку спичек. Горя от нетерпения, я испробовал одну из них. Спички оказались вполне пригодными: они нисколько не отсырели. Я повернулся к Уине.

«Танцуй!» — воскликнул я на ее языке.

Теперь у нас действительно было оружие против ужасных существ, которых мы боялись. И вот в этом заброшенном музее, на густом ковре пыли, к величайшему восторгу Уины, я принялся торжественно исполнять замысловатый танец, весело насвистывая песенку «Моя Шотландия». Это был частью скромный канкан, частью полонез, частью вальс (так что развевались фалды моего сюртука) и частью мое собственное оригинальное изобретение. Вы же знаете, что я в самом деле изобретателен.

Эта коробка спичек, которая сохранилась в течение стольких лет вопреки разрушительному действию времени, была самой необычайной и счастливой случайностью. К своему удивлению, я сделал еще одну неожиданную находку — камфору. Я нашел ее в запечатанной банке, которая,

я думаю, случайно была закупорена герметически. Сначала я принял ее за парафин и разбил банку. Но запах камфоры не оставлял сомнений. Это летучее вещество среди общего разрушения пережило, быть может, многие тысячи столетий. Она напомнила мне об одном рисунке, сделанном сепией, приготовленной из ископаемого белемнита, погибшего и ставшего окаменелостью, вероятно, миллионы лет тому назад. Я хотел уже выбросить камфору, как вдруг вспомнил, что она горит прекрасным ярким пламенем, так что из нее можно сделать отличную свечку. Я положил ее в карман. Зато я нигде не нашел взрывчатых веществ или каких-либо других средств, чтобы взломать бронзовые двери. Железный рычаг все же был самым полезным орудием, на которое я до сих пор наткнулся. Тем не менее я с гордым видом вышел из галереи.

Не могу пересказать вам всего, что я видел за этот долгий день. Пришлось бы сильно напрячь память, чтобы по порядку рассказать о всех моих изысканиях. Помню длинную галерею с заржавевшим оружием и свои размышления: не выбрать ли мне топор или саблю вместо моего железного рычага? Я не мог унести то и другое, а железный лом был более пригоден для взлома

бронзовых дверей. Я видел множество ружей, пистолетов и винтовок. Почти все они были совершенно изъедены ржавчиной, хотя некоторые, сделанные из какого-то неизвестного металла, прекрасно сохранились. Но патроны и порох давно уже рассыпались в пыль.

Один угол галереи обгорел и был совершенно разрушен; вероятно, это произошло вследствие взрыва патронов. В другом месте оказалась большая коллекция идолов: полинезийских, мексиканских, греческих, финикийских, собранных со всех концов земли. И тут, уступая непреодолимому желанию, я написал свое имя на носу каменного урода из Южной Америки, особенно меня поразившего.

К вечеру мое любопытство ослабело. Одну за другой проходил я галереи, пыльные, безмолвные, часто разрушенные, все содержимое которых представляло собой по временам груды ржавчины и обуглившихся обломков. В одном месте я неожиданно наткнулся на модель рудника, а затем, также совершенно случайно, нашел в плотно закупоренной витрине два динамитных патрона.

«Эврика!» — воскликнул я с радостью и разбил витрину.

Но вдруг на меня напало сомнение. Я остановился в раздумье. Выбрав маленькую боковую галерею, я сделал опыт. Никогда в жизни не чувствовал я такого разочарования, как в те пять — десять минут, когда ждал взрыва и ничего не дождался. Без сомнения, это были модели, я мог бы догадаться об этом уже по их виду. Уверен, что иначе я тотчас же кинулся бы к Белому Сфинксу и отправил бы его одним взрывом в небытие вместе с его бронзовыми дверями и (как оказалось впоследствии) уже никогда не получил бы обратно Машину Времени.

Насколько я могу припомнить, мы вышли в маленький открытый дворик внутри главного здания. Среди зеленой травы росли три фруктовых дерева. Здесь мы отдохнули и подкрепились. Приближался закат, и я стал обдумывать наше положение. Ночь уже надвигалась, а безопасное убежище все еще не было найдено. Однако теперь это меня мало тревожило. В моих руках была лучшая защита от морлоков: спички! А на случай, если бы понадобился яркий свет, у меня в кармане была камфора. Самое лучшее, казалось мне, — провести ночь на открытом месте под защитой костра. А наутро я хотел приняться за розыски Машины Времени. Единственным сред-

ством для этого был железный лом. Но теперь, лучше зная что к чему, я совершенно иначе относился к бронзовым дверям. Ведь до сих пор я не хотел их ломать, не зная, что находилось по другую их сторону. Они не казались мне очень прочными, и я надеялся, что легко взломаю их своим рычагом.

Глава 12
Во мраке

Мы вышли из Зеленого Дворца, когда солнце еще не скрылось за горизонтом. Я решил на следующий же день, рано утром, вернуться к Белому Сфинксу, а пока, до наступления темноты, предполагал пробраться через лес, задержавший нас по пути сюда. В этот вечер я рассчитывал пройти возможно больше, а затем, разведя костер, лечь спать под защитой огня. Дорогой я собирал сучья и сухую траву и скоро набрал целую охапку. С этим грузом мы продвигались вперед медленнее, чем я предполагал, и к тому же Уина очень устала. Мне тоже ужасно хотелось спать. Когда мы дошли до леса, наступила полная темнота. Из страха перед ней Уина хотела остаться на склоне холма перед опушкой, но чувство опасности толкало меня вперед, вместо того чтобы образумить и остановить. Я не спал всю ночь и два дня находился в лихорадочном, раздраженном состоянии. Я чувствовал, как ко мне подкрадывается сон, а вместе с ним и морлоки.

Пока мы стояли в нерешительности, я увидел

сзади на темном фоне кустов три притаившиеся твари. Нас окружали высокая трава и мелкий кустарник, так что они могли коварно подкрасться вплотную. Чтобы пересечь лес, надо было, по моим расчетам, пройти около мили. Мне казалось, что если бы нам удалось выйти на открытый склон, то мы нашли бы там безопасное место для отдыха. Спичками и камфорой я рассчитывал освещать дорогу. Но, чтобы зажигать спички, я, очевидно, должен был бросить сучья, набранные для костра. Волей-неволей мне пришлось это сделать. И тут у меня возникла мысль, что я могу позабавить наших друзей, если подожгу кучу хвороста. Впоследствии я понял, какое это было безумие, но тогда такой маневр показался мне отличным прикрытием нашего отступления.

Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, какой редкостью бывает пламя в умеренном климате, где нет человека. Солнечный жар редко способен зажечь какое-нибудь дерево даже в том случае, если его лучи собирают, словно зажигательные стекла, капли росы, как это иногда случается в тропических странах. Молния разит и убивает, но редко служит причиной большого пожара. Гниющая растительность иногда тлеет от теплоты внутренних химических реакций, но

редко загорается. А в этот период упадка на земле было позабыто самое искусство добывания огня. Красные языки, которые принялись лизать груду хвороста, были для Уины чем-то совершенно новым и поразительным.

Она хотела подбежать и поиграть с пламенем. Вероятно, она даже бросилась бы в огонь, не удержи я ее. Я схватил ее и, несмотря на сопротивление, смело увлек за собой в лес. Некоторое время костер освещал нам дорогу. Потом, оглянувшись назад, я увидел сквозь частые стволы деревьев, как занялись ближние кустарники и пламя, змеясь, поползло вверх на холм. Я засмеялся и снова повернулся к темным деревьям. Там царил полнейший мрак; Уина судорожно прижалась ко мне, но мои глаза быстро освоились с темнотой, и я достаточно хорошо видел, чтобы не натыкаться на стволы. Над головой было черным-черно, и только кое-где сиял клочок неба. Я не зажигал спичек, потому что руки мои были заняты. На левой руке сидела малышка Уина, а в правой я держал свой лом.

Некоторое время я не слышал ничего, кроме треска веток под ногами, легкого шелеста ветра, своего дыхания и стука крови в ушах. Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал

идти вперед. Топот становился все громче, и вместе с ним долетали странные звуки и голоса, которые я уже слышал в Подземном Мире. Очевидно, за нами гнались морлоки; они настигали нас. Действительно, в следующее же мгновение я почувствовал, как кто-то дернул меня за одежду, а потом за руку. Уина задрожала и притихла.

Необходимо было зажечь спичку. Но, чтобы достать ее, я должен был спустить Уину на землю. Я так и сделал, но пока я рылся в кармане, около моих ног в темноте началась возня. Уина молчала, и только морлоки что-то бормотали. Чьи-то маленькие мягкие руки скользнули по моей спине и даже прикоснулись к шее. Спичка чиркнула и зашипела. Я подождал, пока она не разгорелась, и тогда увидел белые спины убегавших в чащу морлоков. Поспешно вынув из кармана кусок камфоры, я приготовился его зажечь, как только начнет гаснуть спичка. Я взглянул на Уину. Она лежала ничком, обхватив мои колени, совершенно неподвижная. Со страхом я наклонился над ней. Казалось, она едва дышала. Я зажег кусок камфоры и бросил его на землю; расколовшись, он ярко запылал, отгоняя от нас морлоков и ночные тени. Я встал на колени и поднял Уину. В лесу, позади нас, слышался шум и бормотание

огромной толпы.

По-видимому, Уина лишилась чувств. Я осторожно положил ее к себе на плечо, встал и собрался идти дальше, но вдруг ясно понял безвыходность нашего положения. Возясь со спичками и с Уиной, я несколько раз повернулся и теперь не имел ни малейшего понятия, куда мне идти. Может быть, я снова шел назад к Зеленому Дворцу. Меня прошиб холодный пот. Нельзя было терять времени; приходилось действовать. Я решил развести костер и остаться на месте.

Положив все еще неподвижную Уину на мшистый пень, я принялся торопливо собирать сучья и листья, пока догорал кусок камфоры. Вокруг меня то тут, то там, подобно рубинам, светились в темноте глаза морлоков.

Камфора в последний раз вспыхнула и погасла. Я зажег спичку и увидел, как два белые существа, приближавшиеся к Уине, поспешно метнулись прочь. Одно из них было так ослеплено светом, что прямо натолкнулось на меня, и я почувствовал, как под ударом моего кулака хрустнули его кости. Морлок закричал от ужаса, сделал, шатаясь, несколько шагов и упал. Я зажег другой кусок камфоры и продолжал собирать хворост для костра. Скоро я заметил, что листья здесь

совершенно сухие, так как со времени моего прибытия, то есть целую неделю, ни разу не было дождя. Я перестал разыскивать меж деревьями хворост и начал вместо этого прыгать и обламывать нижние ветви деревьев. Скоро разгорелся удушливо дымный костер из свежего дерева и сухих сучьев, и я сберег остаток камфоры. Я вернулся туда, где рядом с моим ломом лежала Уина. Я всеми силами старался привести ее в чувство, но она лежала как мертвая. Я не мог даже понять, дышала она или нет.

Тут мне пахнуло дымом прямо в лицо, и голова моя, и без того тяжелая от запаха камфоры, отяжелела еще больше. Костра должно было хватить примерно на час. Смертельно усталый, я присел на землю. Мне почудилось, что по лесу носился какой-то непонятный сонливый шепот. Мне казалось, что я вздремнул на миг, и тотчас же открыл глаза. Вокруг меня была темнота, и руки морлоков касались моего тела. Стряхнув с себя их цепкие пальцы, я торопливо принялся искать в кармане спички, но их там не оказалось. Морлоки снова схватили меня, окружив со всех сторон. В одну секунду я сообразил, что случилось. Я заснул, костер погас. Меня охватил смертельный ужас. Весь лес, казалось, был наполнен запахом

гари. Меня схватили за шею, за волосы, за руки и старались повалить. Ужасны были в темноте прикосновения этих мягкотелых созданий, облепивших меня. Мне казалось, что я попал в какую-то чудовищную паутину. Они пересилили меня, и я упал. Чьи-то острые зубы впились мне в шею. Я перевернулся, и в то же мгновение рука моя нащупала железный рычаг. Это придало мне силы. Стряхнув с себя всю кучу человекообразных крыс, я вскочил и, размахнувшись рычагом, принялся бить им наугад, стараясь попасть по их головам. Я слышал, как под моими ударами обмякали их тела, как хрустели кости. На минуту я освободился.

Мной овладело то странное возбуждение, которое, говорят, так часто приходит во время боя. Я знал, что мы оба с Уиной погибли, но решил дорого продать свою жизнь. Я стоял, опираясь спиной о дерево и размахивая перед собой железной палицей. Лес оглашали громкие крики морлоков. Прошла минута. Голоса их, казалось, уже не могли быть пронзительнее, движения становились все быстрее и быстрее. Но ни один не подходил ко мне близко. Я все время стоял на месте, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. В душу мою закралась надежда: может

быть, морлоки испугались? И тут произошло нечто необычайное. Казалось, окружающий меня мрак стал проясняться. Я смутно начал различать фигуры морлоков, трое корчились у моих ног, а остальные непрерывным потоком бежали мимо меня в глубь леса. Спины их казались уж не белыми, а красноватыми. Застыв в недоумении, я увидел красную полосу, скользившую между деревьев, освещенных светом звезд. Я сразу понял, откуда взялся запах гари и однообразный шорох, перешедший теперь в страшный рев, и красное зарево, обратившее в бегство морлоков.

Отойдя от дерева и оглянувшись назад, я увидел между черными стволами пламя лесного пожара. Это меня догонял мой первый костер. Я искал Уину, но ее не было… Свист и шипенье позади, треск загоревшихся ветвей — все это не оставляло времени для размышлений. Схватив свой лом, я побежал за морлоками. Пламя следовало за мной по пятам. Пока я бежал, оно обогнало меня справа, так что я оказался отрезанным и бросился влево. Наконец я выбежал на небольшую поляну. Один из морлоков, ослепленный, наткнулся на меня и промчался мимо прямо в огонь.

После этого мне пришлось наблюдать самое потрясающее зрелище из всех, какие я видел в Бу-

дущем. От зарева стало светло, как днем. Посреди огненного моря был холмик или курган, на вершине которого рос полузасохший боярышник. А дальше, в лесу, бушевали желтые языки пламени, и холм был со всех сторон окружен огненным забором. На склоне холма толпилось около тридцати или сорока морлоков; ослепленные, они метались и натыкались в замешательстве друг на друга. Я забыл об их слепоте и, как только они приближались, в безумном страхе принимался яростно наносить им удары. Я убил одного и искалечил многих. Но, увидев, как один из них ощупью пробирался в багровом свете среди боярышника, и услыхав стоны, я убедился в полной беспомощности и отчаянии морлоков и не трогал уже больше никого.

Иногда некоторые из них натыкались на меня и так дрожали, что я сразу давал им дорогу. Однажды, когда пламя немного угасло, я испугался, что эти гнусные существа скоро меня увидят. Я даже подумывал о том, не убить ли мне нескольких из них, прежде чем это случится; но пламя снова ярко вспыхнуло. Я бродил между морлоками по холму, избегая столкновений, и старался найти хоть какие-нибудь следы Уины. Но Уина исчезла.

Я присел наконец на вершине холма и стал

смотреть на это необычайное сборище слепых существ, бродивших ощупью и перекликавшихся нечеловеческими голосами при вспышках пламени. Огромные клубы дыма плыли по небу, и сквозь красное зарево изредка проглядывали звезды, такие далекие, как будто они принадлежали какой-то иной вселенной. Два или три морлока сослепу наткнулись на меня, и я, задрожав, отогнал их ударами кулаков.

Почти всю ночь продолжался этот кошмар. Я кусал себе руки и кричал в страстном желании проснуться, колотил кулаками по земле, вставал, потом садился, бродил взад-вперед и снова садился на землю. Я тер глаза, умолял Бога дать мне проснуться. Три раза я видел, как морлоки, опустив головы, обезумевшие, кидались прямо в огонь. Наконец над утихшим пламенем пожара, над клубами дыма, над почерневшими стволами деревьев и над жалким остатком этих мерзких существ блеснули первые лучи рассвета.

Я снова принялся искать Уину, но не нашел ее. По-видимому, ее маленькое тельце осталось в лесу. Все же она избегла той ужасной участи, которая, казалось, была ей уготована. При этой мысли я чуть снова не принялся за избиение беспомощных отвратительных созданий, но сдержался.

Холмик, как я сказал, был чем-то вроде острова в лесу. С его вершины сквозь пелену дыма я теперь мог разглядеть Зеленый Дворец и определить путь к Белому Сфинксу. Когда окончательно рассвело, я покинул кучку проклятых морлоков, все еще стонавших и бродивших ощупью по холму, обмотал ноги травой и по дымящемуся пеплу, меж черных стволов, среди которых еще трепетал огонь, поплелся туда, где была спрятана Машина Времени. Шел я медленно, так как почти выбился из сил, и, кроме того, хромал: я чувствовал себя глубоко несчастным, вспоминая об ужасной смерти бедной Уины. Это было тяжко. Теперь, когда я сижу здесь у себя, в привычной обстановке, потеря Уины кажется мне скорее тяжелым сном, чем настоящей утратой. Но в то утро я снова стал совершенно одинок, ужасно одинок. Я вспомнил о своем доме, о вас, друзья мои, и меня охватила мучительная тоска.

Идя по дымящемуся пеплу под ясным утренним небом, я сделал одно открытие. В кармане брюк уцелело несколько спичек. По-видимому, коробка разломалась, прежде чем ее у меня похитили.

Глава 13
Ловушка белого сфинкса

В восемь или девять часов утра я добрался до той самой скамьи из желтого металла, откуда в первый вечер осматривал окружавший меня мир. Я не мог удержаться и горько посмеялся над своей самоуверенностью, вспомнив, к каким необдуманным выводам пришел я в тот вечер. Теперь передо мной была та же дивная картина, та же роскошная растительность, те же чудесные дворцы и великолепные руины, та же серебристая гладь реки, катившей свои воды меж плодородными берегами. Кое-где среди деревьев мелькали яркие одежды очаровательно-прекрасных маленьких людей. Некоторые из них купались на том самом месте, где я спас Уину, и у меня больно сжалось сердце. И над всем этим чудесным зрелищем, подобно черным пятнам, подымались купола, прикрывавшие колодцы, которые вели в Подземный Мир. Я понял теперь, что таилось под красотой жителей Верхнего Мира. Как радостно они проводили день! Так же радостно, как скот, пасущийся в поле. Подобно

скоту, они не знали врагов и ни о чем не заботились. И таков же был их конец.

Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы прийти к такому концу… Когда-то Человечество дошло до того, что жизнь и собственность каждого оказались в полной безопасности. Богатый знал, что его благосостояние и комфорт неприкосновенны, а бедный довольствовался тем, что ему обеспечены жизнь и труд. Без сомнения, в таком мире не было ни безработицы, ни нерешенных социальных проблем. А за всем этим последовал великий покой.

Мы забываем о законе природы, гласящем, что гибкость ума является наградой за опасности, тревоги и превратности жизни. Существо, которое живет в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простую машину. Природа никогда не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычка и инстинкт. Там, где нет перемен и нет необходимости в переме-

нах, разум погибает. Только те существа обладают им, которые сталкиваются со всевозможными нуждами и опасностями.

Таким путем, мне кажется, человек Верхнего Мира пришел к своей беспомощной красоте, а человек Подземного Мира — к чисто механическому труду. Но даже и для этого уравновешенного положения вещей, при всем его механическом совершенстве, недоставало одного — полной неизменности. С течением времени запасы Подземного Мира истощились. И вот Мать-Нужда, сдерживаемая в продолжение нескольких тысячелетий, появилась снова и начала внизу свою работу. Жители Подземного Мира, имея дело со сложными машинами, что, кроме навыков, требовало все же некоторой работы мысли, невольно удержали в своей озверелой душе больше человеческой энергии, чем жители земной поверхности. И когда обычная пища пришла к концу, они обратились к тому, чего до сих пор не допускали старые привычки. Вот как все это представилось мне, когда я в последний раз смотрел на мир восемьсот две тысячи семьсот первого года. Мое объяснение, быть может, ошибочно, поскольку вообще человеку свойственно ошибаться. Но таково мое мнение, и я высказал его вам.

После трудов, волнений и страхов последних дней, несмотря на тоску по бедной Уине, эта скамья, мирный пейзаж и теплый солнечный свет все же казались мне прекрасными. Я смертельно устал, меня клонило ко сну, и, размышляя, я вскоре начал дремать. Поймав себя на этом, я не стал противиться и, растянувшись на дерне, погрузился в долгий освежающий сон.

Проснулся я незадолго до заката солнца. Теперь я уже не боялся, что морлоки захватят меня во сне. Расправив члены, я спустился с холма и направился к Белому Сфинксу. В одной руке я держал лом, другой перебирал спички у себя в кармане.

Но там меня ждала самая большая неожиданность. Приблизившись к Белому Сфинксу, я увидел, что бронзовые двери открыты и обе половинки задвинуты в специальные пазы.

Я остановился как вкопанный, не решаясь войти.

Внутри было небольшое помещение, и в углу на возвышении стояла Машина Времени. Рычаги от нее лежали у меня в кармане. Итак, здесь после всех приготовлений к осаде Белого Сфинкса меня ожидала покорная сдача. Я отбросил свой лом, почти недовольный тем, что не пришлось им

воспользоваться.

Но в ту самую минуту, когда я уже наклонился, чтобы войти, у меня мелькнула внезапная мысль. Я сразу понял нехитрый замысел морлоков. С трудом удерживаясь от смеха, я перешагнул через бронзовый порог и направился к Машине Времени. К своему удивлению, я видел, что она была тщательно смазана и вычищена. Впоследствии мне пришло в голову, что морлоки даже разбирали машину на части, стараясь своим слабым разумом понять ее назначение.

И пока я стоял и смотрел на свою Машину, испытывая удовольствие при одном прикосновении к ней, случилось то, чего я ожидал. Бронзовые панели скользнули вверх и с треском закрылись. Я попался. Так по крайней мере думали морлоки. Эта мысль вызвала у меня только веселый смех.

Они уже бежали ко мне со своим противным хихиканьем. Сохраняя хладнокровие, я чиркнул спичкой. Мне оставалось только укрепить рычаги и умчаться от них, подобно призраку. Но я упустил из виду одно маленькое обстоятельство. Это были отвратительные спички, которые зажигаются только о коробки.

Куда подевалось мое спокойствие! Маленькие гадкие твари уже окружили меня. Кто-то при-

коснулся ко мне. Отбиваясь рычагами, я полез в седло. Меня схватила чья-то рука, потом еще и еще. Мне пришлось с трудом вырывать рычаги из цепких пальцев и в то же время ощупывать гнезда, в которых они крепились. Один раз морлоки вырвали у меня рычаг. Когда он выскользнул из моих рук, мне пришлось, чтобы найти его на полу в темноте, отбиваться от них головой. Под моими ударами трещали черепа морлоков. Мне кажется, эта последняя схватка была еще упорнее, чем битва в лесу.

В конце концов я укрепил рычаги и повернул их. Цепкие руки соскользнули с моего тела. Темнота исчезла из моих глаз. Вокруг не было ничего, кроме туманного света и шума, о которых уже вам говорил.

Глава 14
Новые видения

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени. Но на этот раз я к тому же плохо сидел в седле, неловко свесившись набок. Не знаю, долго ли я провисел таким образом, не замечая, как моя Машина дрожит и раскачивается. Когда я пришел в себя и снова посмотрел на циферблаты, то был поражен. На одном из циферблатов отмечались дни, на другом тысячи, на третьем миллионы и на четвертом миллиарды дней. Оказалось, что вместо того, чтобы повернуть рычаги назад, я привел их в действие таким образом, что Машина помчалась вперед, и, взглянув на указатели, я увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, вертелась с быстротой секундной стрелки часов — я уносился в Будущее.

По мере движения все вокруг начало принимать какой-то необыкновенный вид. Дрожащая серая пелена стала темнее; потом снова — хотя я все еще продолжал двигаться с невероятной скоростью — началась мерцающая смена ночи

и дня, обычно указывавшая на не очень быстрое движение Машины. Это чередование становилось все медленнее и отчетливее. Сначала я очень удивился. День и ночь уже не так быстро сменяли друг друга. Солнце тоже постепенно замедляло свое движение по небу, пока наконец мне не стало казаться, что сутки тянутся целое столетие. В конце концов над землей повисли сумерки, которые лишь по временам прорывались ярким светом мчавшейся по темному небу кометы. Красная полоса над горизонтом исчезла; солнце больше не закатывалось — оно просто поднималось и опускалось на западе, становясь все более огромным и кровавым. Луна бесследно исчезла. Звезды, медленно описывавшие свои круговые орбиты, превратились из сплошных полосок света в отдельные, ползущие по небу точки. Наконец, незадолго до того, как я остановился, солнце, кровавое и огромное, неподвижно застыло над горизонтом; оно походило на огромный купол, горевший тусклым светом и по временам на мгновения совершенно потухавший. Один раз оно запылало прежним своим ярким огнем, но быстро вновь приобрело угрюмо-красный цвет. Из того, что солнце перестало всходить и закатываться, я заключил, что периодическое

торможение наконец завершилось. Земля перестала вращаться, она была обращена к солнцу одной стороной, точно так же, как в наше время обращена к земле луна. Помня свое предыдущее стремительное падение, я с большой осторожностью принялся замедлять движение Машины. Стрелки стали крутиться все медленнее и медленнее, пока наконец та, что указывала тысячи дней, не замерла неподвижно, а та, что указывала дни, перестала казаться сплошным кругом. Я еще замедлил движение, и передо мной стали смутно вырисовываться очертания пустынного берега.

Наконец я осторожно остановился и, не слезая с Машины Времени, огляделся. Небо утратило прежнюю голубизну. На северо-востоке оно было как чернила, и из глубины мрака ярким и неизменным светом сияли бледные звезды. Прямо над головой небо было темно-красное, беззвездное, а к юго-востоку оно светлело и становилось пурпурным; там, усеченное линией горизонта, кровавое и неподвижное, огромной горой застыло солнце. Скалы вокруг меня были темно-коричневые, и единственным признаком жизни, который я увидел сначала, была темно-зеленая растительность, покрывавшая все юго-западные выступы на скалах. Эта густая, пышная зелень

походила на лесные мхи или лишайники, растущие в пещерах, — растения, которые живут в постоянной полутьме.

Моя Машина стояла на отлогом берегу. К юго-западу вплоть до резкой линии горизонта расстилалось море. Не было ни прибоя, ни волн, так как не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. Только слабая ровная зыбь слегка вздымалась и опускалась, море как будто тихо дышало, сохраняя еще признаки своей вечной жизни. Вдоль берега, там, где вода отступила, виднелась кора соли, красноватая под лучами солнца. Голова у меня была словно налита свинцом, и я заметил, что дыхание мое участилось. Это напомнило мне мою единственную попытку восхождения в горы, и я понял, что воздух стал более разреженным, чем прежде.

Вдали, на туманном берегу, я услышал пронзительный писк и увидел нечто похожее на огромную белую бабочку. Она взлетела и, описав несколько неровных кругов, исчезла за невысокими холмами. Писк ее был таким зловещим, что я невольно вздрогнул и поплотнее уселся в седле. Оглядевшись снова, я вдруг увидел, как то, что я принимал за красноватую скалу, стало медленно приближаться ко мне. Это было чудовищное су-

щество, похожее на краба. Представьте себе краба величиной с этот стол, со множеством медленно и нерешительно шевелящихся ног, с огромными клешнями, с длинными, как хлысты, щупальцами и выпуклыми глазами, сверкающими по обе стороны отливающего металлом лба! Спина его была вся в отвратительных буграх и выступах, местами покрытая зеленоватым налетом. Я видел, как шевелились и дрожали многочисленные щупальца у его рта.

С ужасом глядя на это подползающее чудище, я вдруг почувствовал щекочущее прикосновение на щеке. Казалось, будто на нее села муха. Я попробовал согнать ее взмахом руки, но ощущение сразу же возобновилось, и почти одновременно я почувствовал такое же прикосновение возле уха. Я отмахнулся и схватил рукой нечто похожее на нитку. Она быстро выдернулась. Дрожа от ужаса, я обернулся и увидел, что это было щупальце другого чудовищного краба, очутившегося как раз у меня за спиной. Его свирепые глаза вращались, рот был разинут в предвкушении добычи, огромные, неуклюжие клешни, покрытые слизью водорослей, нацелились прямо на меня! В одно мгновение я схватился за рычаг, и между мной и чудовищами сразу же легло расстояние

целого месяца. Но я по-прежнему находился на том же берегу и, как только остановился, снова увидел тех же самых чудовищ. Они десятками ползали взад и вперед под мрачным небом, среди скользкой зелени мхов и лишайников.

Не могу передать вам, какое страшное запустение царило в мире. На востоке — багровое небо, на севере — темнота, мертвое соленое море, каменистый берег, по которому медленно ползали эти мерзкие чудовища. Однообразные ядовито-зеленые лишайники, разреженный воздух, вызывающий боль в легких, — все это производило подавляющее впечатление! Я перенесся на столетие вперед. И увидел все то же багровое солнце — только немного больше и тусклее, — тот же умирающий океан, тот же серый холодный воздух и то же множество ракообразных, ползающих среди красных скал и зеленых лишайников. А на западе, низко над горизонтом, я увидел бледный серп, похожий на огромную нарождающуюся луну.

Так продолжал я передвигаться по времени огромными скачками, каждый в тысячу лет и больше, увлеченный тайной судеб Земли и в состоянии какого-то гипноза наблюдая, как солнце на западе становится все огромнее и тусклее,

как угасает жизнь. Наконец больше чем через тридцать миллионов лет огромный красный купол солнца заслонил собой десятую часть потемневшего неба. Я остановился, так как многочисленные крабы уже исчезли, а красноватый берег казался безжизненным и был покрыт лишь мертвенно-бледными мхами и лишайниками. Местами виднелись пятна снега. Ужасный холод окружал меня. Редкие белые хлопья медленно падали на землю. На северо-востоке под звездами, усеивавшими траурное небо, блестел снег и высились волнистые вершины красновато-белых гор. Прибрежная полоса моря была скована льдом, и огромные ледяные глыбы уносились на простор; однако большая часть соленого океана, кровавая от лучей негаснущего заката, еще не замерзла.

Я огляделся в поисках каких-нибудь животных. Смутное опасение все еще удерживало меня в седле Машины. Но ни в небе, ни на море, ни на земле не было признаков жизни. Лишь зеленые водоросли на скалах свидетельствовали, что жизнь еще не совсем угасла. Море далеко отступило от прежних берегов, обнажив песчаное дно. Мне показалось, что на отмели что-то движется, но когда я вгляделся пристальнее, то не увидел никакого движения; я решил, что зрение обману-

ло меня и это был просто черный камень. На небе горели необычайно яркие звезды, и мне казалось, что они почти перестали мерцать.

Вдруг я увидел, что диск солнца на западе стал менять свои очертания. На его краю появилась какая-то трещина или впадина. Она все более увеличивалась. С минуту я в ужасе смотрел, как на солнце наползала темнота, а потом понял, что это начинается затмение. Должно быть, луна или Меркурий проходили перед его диском. Разумеется, прежде всего я подумал о луне, но дальнейшие соображения привели меня к выводу, что в действительности очень близко к Земле прошла перед солнцем одна из крупных планет нашей системы.

Темнота быстро надвигалась. Холодными порывами задул восточный ветер, и в воздухе гуще закружились снежные хлопья. С моря до меня донеслись всплески волн. Но, кроме этих мертвенных звуков, в мире царила тишина. Тишина? Нет, невозможно описать это жуткое безмолвие. Все звуки жизни, блеяние овец, голоса птиц, жужжание насекомых, все то движение и суета, которые нас окружают, — все это отошло в прошлое. По мере того как мрак сгущался, снег падал все чаще, белые хлопья плясали у меня

перед глазами, мороз усиливался. Одна за другой погружались в темноту белые вершины далеких гор. Ветер перешел в настоящий ураган. Черная тень ползла на меня. Через мгновение на небе остались одни только бледные звезды. Кругом была непроглядная тьма. Небо стало совершенно черным.

Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо. Холод, пронизывавший до мозга костей, и боль при дыхании стали невыносимы. Я дрожал и чувствовал сильную тошноту. Потом, подобно раскаленной дуге, на небе снова появилось солнце. Я слез с Машины, чтобы немного прийти в себя. Голова у меня кружилась, и не было сил даже подумать об обратном путешествии. Измученный и растерянный, я вдруг снова увидел на отмели, на фоне красноватой морской воды, какое-то движение. Теперь сомневаться уже не приходилось. Это было нечто круглое, величиной с футбольный мяч, а может быть, и больше, и с него свисали длинные щупальца; мяч этот казался черным на колыхавшейся кроваво-красной воде, и передвигался он резкими скачками. Я почувствовал, что начинаю терять сознание. Но ужас при мысли, что я могу беспомощно упасть на землю в этой далекой и страшной полутьме,

заставил меня снова взобраться на седло.

Глава 15
Возвращение путешественника по времени

И я отправился назад. Долгое время я лежал без чувств на своей Машине. Снова началась мерцающая смена дней и ночей, снова солнце заблистало золотом, а небо — прежней голубизной. Дышать стало легче. Внизу подо мной быстро изменялись контуры Земли. Стрелки на циферблатах вертелись в обратную сторону. Наконец я снова увидел неясные очертания зданий периода упадка человечества. Они изменялись, исчезали, и появлялись другие. Когда стрелка, показывавшая миллионы дней, остановилась на нуле, я уменьшил скорость. Я стал узнавать знакомую архитектуру наших домов. Стрелка, отмечавшая тысячи дней, возвращалась ко времени отправления, ночь и день сменяли друг друга все медленнее. Стены лаборатории снова появились вокруг меня. Осторожно замедлил я движение Машины.

Мне пришлось наблюдать странное явление. Я уже говорил вам, что, когда я отправился в путь и

еще не развил большой скорости, через комнату промчалась миссис Уотчет, двигаясь, как мне показалось, с быстротой ракеты. Когда же я возвратился, то снова миновал ту минуту, в которую она проходила по лаборатории. Но теперь каждое ее движение казалось мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла.

Незадолго перед этим мне показалось, что я вижу Хилльера, но он мелькнул мгновенно, как вспышка.

Я остановил Машину и снова увидел свою любимую лабораторию, свои инструменты и приборы в том же виде, в каком я их оставил. Совершенно разбитый, я сошел с Машины и сел на скамью. Сильная дрожь пробежала по моему телу. Но понемногу я начал приходить в себя. Лаборатория была такой же, как всегда. Мне казалось, что я заснул и все это мне приснилось.

Но нет! Не все было по-прежнему. Машина Времени отправилась в путешествие из юго-восточного угла лаборатории, а вернулась она в северо-западный и остановилась напротив той стены, у которой вы ее видели. Точно такое же расстояние было от лужайки до пьедестала Бе-

лого Сфинкса, в котором морлоки спрятали мою Машину.

Не знаю, долго ли я был не в состоянии ни о чем думать. Наконец я встал и прошел сюда через коридор, хромая, потому что пятка моя еще болела. Я был весь перепачкан грязью. На столе у двери я увидел номер «Пелл-Мелл газетт». Она была сегодняшняя. Взглянув на часы, я увидел, что было около восьми. До меня донеслись ваши голоса и звон тарелок. Я не сразу решился войти: так я был слаб и утомлен! Но я почувствовал приятный запах еды и открыл дверь. Остальное вы знаете. Я умылся, пообедал и вот теперь рассказываю вам свою историю.

Глава 16
Когда история была рассказана

— Я знаю, — сказал он, помолчав, — все это кажется вам совершенно невероятным; для меня же самое невероятное состоит в том, что я сижу здесь, в этой милой, знакомой комнате, вижу ваши дружеские лица и рассказываю вам свои приключения.

Он взглянул на Доктора.

— Нет, я даже не надеюсь, что вы поверите мне. Примите мой рассказ за ложь или… за пророчество. Считайте, что я видел это во сне, у себя в лаборатории. Представьте себе, что я раздумывал о грядущих судьбах человечества и придумал эту сказку. Отнеситесь к моим уверениям в ее достоверности как к простой уловке, к желанию придать ей побольше интереса. Но, относясь ко всему этому, как к выдумке, что вы скажете?

Он вынул изо рта трубку и начал по старой привычке нервно постукивать ею о прутья каминной решетки. Наступило минутное молчание. Потом послышался скрип стульев и шарканье ног по полу. Я отвел глаза от лица Путешественника по

Времени и взглянул на его слушателей. Все они сидели в тени, и блики от огня в камине скользили по их лицам. Доктор пристально вгляделся в лицо рассказчика. Редактор, закурив шестую сигару, уставился на ее кончик. Журналист вертел в руках часы. Остальные, насколько помню, сидели неподвижно.

Глубоко вздохнув, Редактор встал.

— Какая жалость, что вы не пишете статей, — сказал он, кладя руку на плечо Путешественника по Времени.

— Вы не верите?

— Ну, знаете…

— Я так и думал.

Путешественник по Времени повернулся к нам.

— Где спички? — спросил он.

Он зажег спичку и, дымя трубкой, сказал:

— Признаться… я и сам верю с трудом, но все же…

Его глаза с немым вопросом устремились на белые увядшие цветы, лежавшие на столе. Потом он повернул руку, в которой была трубка, и посмотрел на едва затянувшиеся шрамы на своих пальцах.

Доктор встал, подошел к лампе и принялся

рассматривать цветы.

— Какие странные у них пестики, — сказал он. Психолог наклонился вперед и протянул руку за одним из цветков.

— Ручаюсь головой, что уже четверть первого, — сказал Журналист. — Как же мы доберемся до дому?

— У станции много извозчиков, — сказал Психолог.

— Странная вещь, — произнес Доктор. — Я не могу определить вид этих цветов. Не позволите ли мне взять их с собой?

На лице Путешественника по Времени мелькнула нерешительность.

— Конечно, нет, — сказал он.

— Серьезно, откуда вы их взяли? — спросил Доктор. Путешественник по Времени приложил руку ко лбу. Он имел вид человека, который старается собрать разбегающиеся мысли.

— Их положила мне в карман Уина, когда я путешествовал по Времени.

Он оглядел комнату.

— Все плывет у меня в глазах. Эта комната, вы и вся знакомая обстановка не вмещаются в моей голове. Строил ли я когда-нибудь Машину Времени или ее модель? Может быть, все это был

сон? Говорят, вся жизнь — это сон и к тому же скверный, жалкий, короткий сон, хотя ведь другой все равно не приснится. С ума можно сойти. И откуда взялся этот сон?.. Я должен взглянуть на мою Машину. Существует ли она?..

Он схватил лампу и пошел по коридору. Пламя колебалось и по временам вспыхивало красным огнем. Мы последовали за ним. Освещенная трепетавшим пламенем лампы, низкая, изуродованная, погнутая, перед нами, несомненно, была та же самая Машина, сделанная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и прозрачного блестящего кварца. Я потрогал ее. Она была тут, ощутимая и реальная. Темные полосы и пятна покрывали слоновую кость, а на нижних частях висели клочья травы и мха, одна из металлических полос была изогнута.

Поставив лампу на скамью, Путешественник по Времени ощупал поврежденную полосу.

— Теперь ясно, — сказал он. — То, что я вам рассказал, правда. Простите, что я привел вас в этот холод…

Он взял лампу. Никто из нас не произнес ни слова, и мы вернулись обратно в курительную.

Провожая нас в переднюю, он помог Редактору надеть пальто. Доктор посмотрел ему в лицо

и сказал несколько неуверенно, что он переутомлен. Путешественник по Времени громко рассмеялся. Помню, как он, стоя в дверях, крикнул нам вслед несколько раз: «Спокойной ночи!»

Я поехал в одном кебе с Редактором. По его словам, весь рассказ был «эффектным вымыслом». Что касается меня, я не мог ничего решить. Этот рассказ был таким невероятным и фантастическим, а тон рассказчика так искренен и правдив. Почти всю ночь я не спал и думал об этом. На другое утро я решил снова повидать Путешественника по Времени. Мне сказали, что он в лаборатории. Я запросто бывал у него в доме и поэтому пошел прямо туда. Но лаборатория была пуста. На минуту я остановился перед Машиной Времени, протянул руку и дотронулся до рычага. В то же мгновение она, такая тяжелая и устойчивая, заколыхалась, как листок от порыва ветра. Это поразило меня, и в голове моей мелькнуло забавное воспоминание о том, как в детстве мне запрещали трогать разные вещи. Я вернулся обратно. Пройдя по коридору, я столкнулся в курительной с Путешественником по Времени, который собирался уходить. В одной руке у него был небольшой фотографический аппарат, в другой — сумка. При виде меня он рассмеялся и

протянул мне для пожатия локоть.

— Я очень занят, хочу побывать там, — сказал он.

— Значит, это правда? — спросил я. — Вы действительно путешествуете по Времени?

— Да, действительно и несомненно.

Он посмотрел мне в глаза. На его лице отразилась нерешительность.

— Мне нужно только полчаса, — сказал он. — Я знаю, зачем вы пришли, это очень мило с вашей стороны. Вот здесь журналы. Если вы подождете до завтрака, я, безусловно, докажу вам возможность путешествия по Времени, доставлю вам образцы и все прочее. Вы позволите оставить вас?

Я согласился, едва ли понимая все значение его слов. Он кивнул мне и вышел в коридор. Я услышал, как хлопнула дверь его лаборатории, потом сел и стал читать газету. Что он собирается делать до завтрака? Взглянув на одно из объявлений, я вдруг вспомнил, что в два часа обещал встретиться с Ричардсоном по издательским делам. Я посмотрел на часы и увидел, что опаздываю. Я встал и пошел по коридору, чтобы сказать об этом Путешественнику по Времени.

Взявшись за ручку двери, я услышал отрыви-

стое восклицание, треск и удар. Открыв дверь, я очутился в сильном водовороте воздуха и услышал звук разбитого стекла. Путешественника по Времени в лаборатории не было. Мне показалось, что на миг передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак фигура человека, сидевшего верхом на кружившейся массе из черного дерева и бронзы, настолько призрачная, что скамья позади нее, на которой лежали чертежи, была видна совершенно отчетливо. Но едва я успел протереть глаза, как это видение исчезло. Исчезла и Машина Времени. Дальний угол лаборатории был пуст, и там виднелось легкое облако оседавшей пыли. Одно из верхних стекол окна было, очевидно, только что разбито.

Я стоял в изумлении. Я видел, что случилось нечто необычное, но не мог сразу понять, что именно. Пока я так стоял, дверь, ведущая в сад, открылась и на пороге показался слуга.

Мы посмотрели друг на друга. В голове у меня блеснула внезапная мысль.

— Скажите, мистер… вышел из этой двери? — спросил я.

— Нет, сэр, никто не выходил. Я думал, он здесь.

Теперь я все понял. Рискуя рассердить Ричард-

сона, я остался ждать возвращения Путешественника по Времени, ждать его нового, быть может, еще более странного рассказа и тех образцов и фотографий, которые он мне обещал. Теперь я начинаю опасаться, что никогда его не дождусь. Прошло уже три года со времени его исчезновения, и все знают, что он не вернулся.

Эпилог

Нам остается теперь лишь строить догадки. Вернется ли он когда-нибудь? Может быть, он унесся в прошлое и попал к кровожадным дикарям палеолита, или в пучину мелового моря, или же к чудовищным ящерам и огромным земноводным юрской эпохи? Может быть, и сейчас он бродит в одиночестве по какому-нибудь кишащему плезиозаврами оолитовому рифу или по пустынным берегам соленых морей триасового периода? Или, может быть, он отправился в будущее, в эпоху расцвета человеческой расы, в один из тех менее отдаленных веков, когда люди оставались еще людьми, но уже разрешили все сложнейшие вопросы и все общественные проблемы, доставшиеся им в наследство от нашего времени? Я лично не могу поверить, чтобы наш век только что начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так по крайней мере думаю я. Что же касается до него, то он держался другого мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была

сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остается, как продолжать жить. Для меня будущее неведомо, полно загадок и только кое-где освещено его удивительным рассказом. И я храню в утешение два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как свидетельство того, что даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах.

1895

Перевод К. Морозовой

Человек-невидимка

Глава 1
Появление незнакомца

Незнакомец появился в начале февраля; в тот морозный день бушевали ветер и вьюга — последняя вьюга в этом году; однако он пришел с железнодорожной станции Брэмблхерст пешком; в руке, обтянутой толстой перчаткой, он держал небольшой черный саквояж. Он был закутан с головы до пят, широкие поля фетровой шляпы скрывали все лицо, виднелся только блестящий кончик носа; плечи и грудь были в снегу, так же как и саквояж. Он вошел в трактир «Кучер и кони», еле передвигая ноги от холода и усталости, и бросил саквояж на пол.

— Огня! — крикнул он. — Во имя человеколюбия! Комнату и огня!

Стряхнув с себя снег, он последовал за миссис Холл в приемную, чтобы договориться об условиях. Разговор был короткий. Бросив ей два соверена, незнакомец поселился в трактире.

Миссис Холл затопила камин и покинула гостя, чтобы собственноручно приготовить ему поесть. Заполучить в Айпинге зимой постояльца, да еще

такого, который не торгуется, — это была неслыханная удача, и миссис Холл решила показать себя достойной счастливого случая, выпавшего ей на долю.

Когда ветчина поджарилась, а Милли, вечно сонная служанка, выслушала несколько уничтожающих замечаний, что, видимо, должно было подстегнуть ее энергию, миссис Холл отнесла в комнату приезжего скатерть, посуду и стаканы, после чего стала с особым шиком сервировать стол. Огонь весело трещал в камине, но приезжий, к величайшему ее удивлению, до сих пор не снял шляпы и пальто; он стоял спиной к ней, глядя в окно на падающий снег. Руки его, все еще в перчатках, были заложены за спину, и он, казалось, о чем-то глубоко задумался. Хозяйка заметила, что снег у него на плечах растаял и вода капает на ковер.

— Позвольте, мистер, ваше пальто и шляпу, — обратилась она к нему, — я отнесу их на кухню и повешу сушить.

— Не надо, — ответил он, не оборачиваясь.

Она решила, что ослышалась, и уже готова была повторить свою просьбу.

Но тут незнакомец повернул голову и посмотрел на нее через плечо.

— Я предпочитаю не снимать их, — заявил он.

При этом хозяйка заметила, что на нем большие синие очки-консервы и что у него густые бакенбарды, скрывающие лицо.

— Хорошо, мистер, — сказала она, — как вам будет угодно. Комната сейчас нагреется.

Незнакомец ничего не ответил и снова повернулся к ней спиной. Видя, что разговор не клеится, миссис Холл торопливо накрыла на стол и вышла из комнаты. Когда она вернулась, он все так же стоял у окна, подобно каменному изваянию, сгорбленный, с поднятым воротником и низко опущенными полями шляпы, скрывавшими лицо и уши. Поставив на стол яичницу с ветчиной, она почти крикнула:

— Завтрак подан, мистер!

— Благодарю вас, — ответил он тотчас же, но не двинулся с места, пока она не закрыла за собой дверь. Тогда он круто повернулся и подошел к столу.

— Ох, уж эта девчонка! — сказала миссис Холл. — А я и забыла про нее! Вот канительщица! — Взявшись сама растирать горчицу, она отпустила несколько колкостей по адресу Милли за ее необычайную медлительность. Сама она успела поджарить яичницу с ветчиной, накрыть

на стол, сделать все, что нужно, а Милли — хороша помощница! — оставила гостя без горчицы. А ведь он только приехал и хочет, видно, здесь пожить. Поворчав, миссис Холл наполнила горчичницу и, поставив ее не без торжественности на черный с золотом чайный поднос, понесла к постояльцу.

Она постучала и тут же вошла. Незнакомец сделал быстрое движение, и она едва успела увидеть что-то белое, мелькнувшее под столом. Он, очевидно, что-то подбирал с полу. Она поставила горчицу на стол и при этом заметила, что пальто и шляпа гостя лежат на стуле у камина, а на стальной решетке стоит пара мокрых башмаков. Решетка, конечно, заржавеет. Миссис Холл решительно приблизилась к камину и заявила тоном, не допускающим возражений:

— Теперь, я думаю, можно взять ваши вещи и просушить.

— Оставьте шляпу, — сказал приезжий сдавленным голосом. Обернувшись, она увидела, что он сидит выпрямившись и смотрит на нее.

С минуту она стояла, вытаращив глаза, потеряв от удивления дар речи.

Нижнюю часть лица он прикрывал чем-то белым, по-видимому, салфеткой, которую привез с

собой, так что ни его рта, ни подбородка не было видно. Потому-то голос и прозвучал так глухо. Но не это поразило миссис Холл. Лоб незнакомца от самого края синих очков был обмотан белым бинтом, а другой бинт закрывал уши, так что неприкрытым оставался только розовый острый нос. Нос был такой же розовый и блестящий, как в ту минуту, когда незнакомец появился впервые. Одет он был в коричневую бархатную куртку; высокий темный воротник, подшитый белым полотном, был поднят. Густые черные волосы, выбиваясь в беспорядке из-под перекрещенных бинтов, торчали пучками и придавали незнакомцу чрезвычайно странный вид. Его закутанная и забинтованная голова так поразила миссис Холл, что от неожиданности она остолбенела.

Он не отнял салфетки от лица и, по-прежнему придерживая ее рукой в коричневой перчатке, смотрел на хозяйку сквозь непроницаемые синие стекла.

— Оставьте шляпу, — снова невнятно сказал он сквозь салфетку.

Миссис Холл, оправившись от испуга, положила шляпу обратно на стул.

— Я не знала, сударь… — начала она, — что вы… — И смущенно замолчала.

— Благодарю вас, — сухо сказал он, многозначительно поглядывая на дверь.

— Я сейчас все высушу, — сказала она и вышла, унося с собой платье. В дверях она снова посмотрела на его забинтованную голову и синие очки; он все еще прикрывал рот салфеткой. Закрывая за собой дверь, она вся дрожала, и на лице ее было написано смятение. — В жизни своей… — прошептала она. — Ну и ну! — Она тихо вернулась на кухню и даже не спросила Милли, чего она там возится.

Незнакомец между тем внимательно прислушивался к удаляющимся шагам хозяйки. Прежде чем отложить салфетку и снова приняться за еду, он испытующе посмотрел на окно. Проглотив кусок, он опять, уже с подозрением, посмотрел на окно, потом встал и, держа салфетку в руке, спустил штору до белой занавески, прикрывавшей нижнюю часть окна. Комната погрузилась в полумрак. Несколько успокоенный, он вернулся к столу и продолжал завтрак.

— Бедняга, он расшибся, или ему сделали операцию, или еще что-нибудь, — сказала миссис Холл. — Весь перевязанный, даже смотреть страшно.

Она подбросила угля в печку, придвинула под-

ставку для сушки платья и разложила на ней пальто приезжего.

— А очки! Да что говорить, водолаз какой-то, а не человек. — Она повесила на подставку шарф. — А лицо прикрывает тряпкой! И говорит сквозь нее!.. Может быть, у него рот тоже болит? — Тут она обернулась, видимо, внезапно вспомнив о чем-то. — Боже милостивый! — воскликнула она. — Милли! Неужели блинчики еще не готовы?

Когда миссис Холл вошла в гостиную, чтобы убрать со стола, она нашла новое подтверждение своей догадке, что рот незнакомца изуродован или искалечен несчастным случаем: незнакомец курил трубку и все время, пока она была в комнате, ни разу не приподнял шелковый платок, которым была обвязана нижняя часть его лица, и не взял мундштук в рот. А ведь он вовсе не забыл про свою трубку: миссис Холл заметила, что он поглядывает на тлеющий понапрасну табак. Он сидел в углу, спиной к опущенной шторе; подкрепившись и согревшись, он, очевидно, почувствовал себя лучше и говорил уже не так отрывисто и раздраженно. В красноватом отблеске огня его огромные очки как будто ожили.

— На станции Брэмблхерст, — сказал он, — у

меня остался кой-какой багаж. Нельзя ли послать за ним? — Выслушав ответ, он вежливо наклонил забинтованную голову. — Значит, только завтра? — сказал он. — Неужели нельзя раньше? — И очень огорчился, когда она ответила, что нельзя. — Никак нельзя? — переспросил он. — Быть может, все-таки найдется кто-нибудь, кто съездил бы с повозкой на станцию?

Миссис Холл охотно отвечала на все вопросы, надеясь таким образом вовлечь его в беседу.

— Дорога к станции очень крутая, — сказала она и, пользуясь случаем, добавила: — В прошлом году на этой дороге опрокинулся экипаж. Седок и кучер оба убились насмерть. Долго ли до беды? Одна минута — и готово, не правда ли, мистер?

Но гостя не так-то легко было втянуть в разговор.

— Правда, — сказал он, спокойно глядя на нее сквозь непроницаемые очки.

— А потом когда еще поправишься, правда? Вот, к примеру сказать, мой племянник Том порезал себе руку косой, — косил, знаете, споткнулся и порезал, — так, поверите ли, три месяца ходил с перевязанной рукой. С тех пор я ужас как боюсь этих кос.

— Это неудивительно, — сказал приезжий.

— Одно время мы даже думали, ему придется сделать операцию, так ему было худо.

Приезжий отрывисто засмеялся, словно залаял.

— Так ему было худо? — повторил он.

— Да, мистер. И это было вовсе не смешно для тех, кому приходилось с ним возиться. Вот хоть бы и мне, мистер, потому что сестра все нянчилась со своими малышами. Только и знай завязывай да развязывай ему руку, так что, ежели позволите…

— Дайте мне, пожалуйста, спички, — вдруг прервал он ее. — Моя трубка погасла.

Миссис Холл замолчала. Несомненно, с его стороны несколько грубо прерывать ее таким образом. С минуту она сердито смотрела на него, но, вспомнив про два соверена, пошла за спичками.

— Благодарю, — коротко сказал он, когда она положила спички на стол, и, повернувшись к ней спиной, стал снова глядеть в окно. Очевидно, разговор о бинтах и операциях был ему неприятен. Она решила не возвращаться к этой теме. Нелюбезность незнакомца рассердила ее, и Милли пришлось это почувствовать на себе.

Приезжий оставался в гостиной до четырех часов, не давая решительно никакого повода

зайти к нему. Почти все это время там было очень тихо, вероятно, он сидел у догорающего камина и курил трубку, а может быть, просто дремал.

Однако если бы кто-нибудь внимательно прислушался, то мог бы услышать, как он поворошил угли, а потом минут пять расхаживал по комнате и разговаривал сам с собой. Потом он снова сел, и под ним скрипнуло кресло.

Глава 2
Первые впечатления мистера Тедди Хенфри

В четыре часа, когда уже почти стемнело и миссис Холл собралась с духом заглянуть к постояльцу и спросить, не хочет ли он чаю, в трактир вошел Тедди Хенфри, часовщик.

— Что за скверная погода, миссис Холл! — сказал он. — А я еще в легких башмаках.

Снег за окном валил все гуще.

Миссис Холл согласилась, что погода ужасная, и вдруг, увидев чемоданчик с инструментами, просияла.

— Знаете что, мистер Хенфри, раз вы уже здесь, взгляните, пожалуйста, на часы в гостиной. Идут они хорошо и бьют как следует, но часовая стрелка как остановилась на шести часах, так ни за что не хочет сдвинуться с места.

Она провела часовщика до двери гостиной, постучала и вошла.

Приезжий, — как она успела заметить, открывая дверь, — сидел в кресле у камина и, казалось, дремал: его забинтованная голова склонилась к

плечу. Комнату освещал красный отблеск пламени; стекла очков сверкали, как сигнальные огни на железной дороге, а лицо оставалось в тени; последние блики зимнего дня пробивались в комнату сквозь приоткрытую дверь. Миссис Холл все показалось красноватым, причудливым и неясным, тем более что она еще была ослеплена светом лампы, которую только что зажгла над стойкой в распивочной. На секунду ей показалось, что у постояльца чудовищный, широко раскрытый рот, пересекающий все лицо. Видение было мгновенное — белая забинтованная голова, огромные очки вместо глаз и под ними широкий, разинутый, как бы зевающий рот. Но вот спящий пошевельнулся, выпрямился в кресле и поднял руку. Миссис Холл распахнула дверь настежь, в комнате стало светлее; теперь она получше рассмотрела его и увидела, что лицо у него прикрыто шарфом, так же, как раньше салфеткой. И она решила, что все это ей только померещилось, было игрой теней.

— Не разрешите ли, мистер, часовщику осмотреть часы? — сказала она, приходя в себя.

— Осмотреть часы? — спросил он, сонно озираясь. Потом, как бы очнувшись, добавил: — Пожалуйста!

Миссис Холл пошла за лампой, а он встал с кресла и потянулся. Появилась лампа, и мистер Тедди Хенфри, войдя в комнату, очутился лицом к лицу с забинтованным человеком. Он был, по его собственному выражению, «огорошен».

— Добрый вечер, — сказал незнакомец, глядя на него, «как морской рак», по выражению Тедди, на такое сравнение его навели, очевидно, темные очки.

— Надеюсь, я вас не обеспокою? — сказал мистер Хенфри.

— Нисколько, — ответил приезжий. — Хотя я думал, — прибавил он, обращаясь к миссис Холл, — что эта комната отведена мне для личного пользования.

— Я полагала, сударь, — сказала хозяйка, — что вы не будете возражать, если часы…

Она хотела добавить: «починят», — но осеклась.

— Конечно, — прервал он ее. — Правда, вообще я предпочитаю оставаться один и не люблю, когда меня беспокоят. Но я рад, что часы будут починены, — продолжал он, видя, что мистер Хенфри остановился в нерешительности. Он уже хотел извиниться и уйти, но слова приезжего успокоили его.

Незнакомец повернулся спиной к камину и заложил руки за спину.

— Когда часы починят, я выпью чаю, — заявил он. — Но не раньше.

Миссис Холл уже собиралась выйти из комнаты — на этот раз она не делала никаких попыток завязать разговор, не желая, чтобы ее грубо оборвали в присутствии мистера Хенфри, — как вдруг незнакомец спросил, позаботилась ли она о доставке его багажа. Она сказала, что говорила об этом с почтальоном и что багаж будет доставлен завтра утром.

— Вы уверены, что раньше его невозможно доставить? — спросил он.

— Уверена, — ответила она довольно холодно.

— Мне следовало сразу сказать вам, кто я такой, но я до того промерз и устал, что еле ворочал языком. Я, видите ли, исследователь…

— Ах, вот как, — проговорила миссис Холл, на которую эти слова произвели сильнейшее впечатление.

— Багаж мой состоит из всевозможных приборов и аппаратов.

— Очень даже полезные вещи, — вставила миссис Холл.

— И я с нетерпением жду возможности продол-

жать свои исследования.

— Это понятно, мистер.

— Приехать в Айпинг, — продолжал он медленно, как видно, тщательно подбирая слова, — меня побудило… м-м… стремление к тишине и покою. Я не хочу, чтобы меня тревожили во время моих занятий. Кроме того, несчастный случай…

«Так я и думала», — заметила про себя миссис Холл.

— …вынуждает меня к уединению. Дело в том, что мои глаза иногда до того слабеют и начинают так мучительно болеть, что приходится запираться в темной комнате на целые часы. Это случается время от времени. Сейчас этого, конечно, нет. Но когда у меня приступ, малейшее беспокойство, появление чужого человека заставляют меня мучительно страдать… Я думаю, лучше предупредить вас об этом заранее.

— Конечно, мистер, — сказала миссис Холл. — Осмелюсь спросить вас…

— Это все, что я хотел сказать вам, — прервал ее приезжий тоном, не допускавшим возражения.

Миссис Холл замолчала и решила отложить расспросы и изъявления сочувствия до более удобного случая… Хозяйка удалилась, а приезжий остался стоять перед камином, свирепо глядя на

мистера Хенфри, чинившего часы (так по крайней мере говорил потом сам мистер Хенфри). Часовщик поставил лампу возле себя, и зеленый абажур отбрасывал яркий свет на его руки и на части механизма, оставляя почти всю комнату в тени. Когда он поднимал голову, перед глазами у него плавали разноцветные пятна. Будучи от природы человеком любопытным, мистер Хенфри вынул механизм, в чем не было решительно никакой надобности, надеясь затянуть работу и, кто знает, быть может, даже вовлечь незнакомца в разговор. Но тот стоял молча, не двигаясь с места. Он стоял так тихо, что это начало действовать мистеру Хенфри на нервы. Ему показалось даже, что он один в комнате, но, подняв глаза, перед которыми сразу поплыли зеленые пятна, он увидел в сером полумраке неподвижную фигуру с забинтованной головой и выпуклыми синими очками. Это было до того жутко, что мистер Хенфри с минуту стоял неподвижно, глядя на незнакомца. Потом опустил глаза. Какая неловкость! Надо бы заговорить о чем-нибудь. Не сказать ли, что погода не по сезону холодная?

Он снова поднял глаза, как бы прицеливаясь.

— Погода… — начал он.

— Скоро вы кончите и уйдете? — сказал непо-

движный человек, видимо, еле сдерживая ярость. — Вам только и надо было сделать, что прикрепить часовую стрелку к оси, а вы тут возитесь без толку.

— Сейчас, мистер… одну минутку… Я упустил из виду… — И мистер Хенфри, быстро закончив работу, удалился, сильно, однако, раздосадованный.

— Черт подери! — ворчал Хенфри про себя, шагая сквозь мокрый снегопад. — Надо же когда-нибудь проверить часы… Скажите пожалуйста, и посмотреть-то на него нельзя. Черт знает что!.. Видно, нельзя. Он так забинтован и закутан, как будто полиция его разыскивает.

Дойдя до угла, он увидел Холла, недавно женившегося на хозяйке трактира «Кучер и кони», где остановился незнакомец. Холл возвращался со станции Сиддербридж, куда возил в айпингском омнибусе случайных пассажиров. По тому, как он правил, было ясно, что Холл малость «хватил» в Сиддербридже.

— Как поживаешь, Тедди? — окликнул он Хенфри, поравнявшись с ним.

— У вас остановился какой-то подозрительный малый, — сказал Тедди.

Холл, радуясь случаю поговорить, натянул

вожжи.

— Что такое? — спросил он.

— У вас в трактире остановился какой-то подозрительный малый, — повторил Тедди. — Ей-богу… — И он стал с живостью описывать Холлу странного гостя. — С виду ни дать ни взять ряженый. Будь это мой дом, я бы, конечно, предпочел знать в лицо своего постояльца, — сказал он. — Но женщины всегда доверчивы, когда дело касается незнакомых мужчин. Он поселился у вас, Холл, и даже не сказал своей фамилии.

— Неужели? — спросил Холл, не отличавшийся быстротой соображения.

— Да, — подтвердил Тедди. — Он заплатил за неделю вперед. Значит, кто бы он там ни был, вам нельзя будет отделаться от него раньше чем через неделю. И он говорит, у него куча багажа, который доставят завтра. Будем надеяться, что это не ящики с камнями.

Тут он рассказал, как какой-то приезжий с пустыми чемоданами надул его тетку в Гастингсе. В общем, разговор с Тедди возбудил в Холле какое-то смутное подозрение.

— Ну, трогай, старуха! — прикрикнул Холл на свою лошадь. — Надо будет навести порядок.

А Тедди, облегчив душу, пошел своей дорогой

уже в лучшем настроении.

Однако вместо того, чтобы наводить порядок, Холлу по возвращении домой пришлось выслушать множество упреков за то, что он так долго пробыл в Сиддербридже, а на свои робкие вопросы о новом постояльце он получил резкие, но уклончивые ответы. Но все же семена подозрения, зароненные часовщиком в душу Холла, дали ростки.

— Вы, бабы, ничего не смыслите, — сказал мистер Холл, решив при первом же удобном случае разузнать подробнее, кто такой приезжий.

И после того как постоялец ушел в свою спальню — это было около половины десятого, — мистер Холл с весьма вызывающим видом вошел в гостиную и стал внимательно оглядывать мебель, как бы желая показать этим, что тут хозяин он, а не приезжий; он презрительно взглянул на лист бумаги с математическими выкладками, который оставил незнакомец. Ложась спать, мистер Холл посоветовал жене внимательно присмотреться, что за багаж завтра доставят постояльцу.

— Не суйся не в свое дело, — оборвала его миссис Холл. — Смотри лучше за собой, а я без тебя управлюсь.

Она тем более сердилась на мужа, что приез-

жий действительно был какой-то странный, и в душе она сама беспокоилась. Ночью она вдруг проснулась, увидев во сне огромные глазастые головы, похожие на брюквы, которые тянулись к ней на длинных шеях. Но, будучи женщиной рассудительной, она подавила свой страх, повернулась на другой бок и снова уснула.

Глава 3
Тысяча и одна бутылка

Итак, девятого февраля, когда только начиналась оттепель, неведомо откуда появился в Айпинге странный незнакомец. На следующий день в слякоть и распутицу его багаж доставили в трактир. И багаж этот оказался не совсем обычным. Оба чемодана, правда, ничем не отличались от тех, какие обычно бывают у путешественников; но, кроме них, прибыл ящик с книгами — большими, толстыми книгами, причем некоторые были не напечатаны, а написаны чрезвычайно неразборчивым почерком, — и с дюжину, если не больше, корзин, ящиков и коробок, в которых лежали какие-то предметы, завернутые в солому; Холл, не преминувший поворошить солому, решил, что это бутылки. В то время как Холл оживленно болтал с Фиренсайдом, возницей, собираясь помочь ему перенести багаж в дом, в дверях показался незнакомец в низко надвинутой шляпе, в пальто, перчатках и шарфе. Он вышел из дому и даже не взглянул на собаку Фиренсайда, лениво обнюхивавшую

ноги Холла.

— Несите ящики в комнату, — сказал он. — Я и так уж заждался.

С этими словами он спустился с крыльца и подошел к задку подводы, собираясь собственноручно унести небольшую корзину.

Завидев его, собака Фиренсайда злобно зарычала и ощетинилась; когда же он спустился с крыльца, она подскочила и вцепилась ему в руку.

— Куш! — крикнул Холл, вздрагивая, так как всегда побаивался собак, а Фиренсайд заорал:

— Ложись! — и схватился за кнут.

Они видели, как зубы собаки скользнули по руке незнакомца, услышали звук пинка; собака подпрыгнула и вцепилась в ногу незнакомца, после чего раздался треск разрываемых брюк. В это время кончик кнута Фиренсайда настиг собаку, и она, заскулив от обиды и боли, спряталась под повозку. Все это произошло за какие-нибудь полминуты. Никто не говорил, все кричали. Незнакомец быстро взглянул на разорванную перчатку и штанину, сделал движение, будто хотел нагнуться, затем повернулся и бегом взбежал на крыльцо. Они услышали, как он торопливо прошел по коридору и застучал каблуками по де-

ревянной лестнице, которая вела в его комнату.

— Ах ты, тварь эдакая! — выругался Фиренсайд, слезая на землю с кнутом в руке, в то время как собака зорко следила за ним из-за колес. — Иди сюда! — крикнул Фиренсайд. — Не то хуже будет!

Холл стоял в смятении, разинув рот.

— Она укусила его, — заговорил он. — Пойду посмотрю, что с ним. — И он зашагал вслед за незнакомцем. В коридоре он встретил жену и сказал ей: — Постояльца искусала собака Фиренсайда.

Он поднялся по лестнице. Дверь незнакомца была приоткрыта, он распахнул ее и вошел в комнату без особых церемоний, спеша выразить свое сочувствие.

Штора была спущена, и в комнате царил полумрак. Холл успел заметить что-то в высшей степени странное, похожее на руку без кисти, занесенную над ним, и лицо, состоявшее из трех больших расплывчатых пятен на белом фоне, очень похожее на бледный цветок анютиных глазок. Потом сильный толчок в грудь отбросил его в коридор, дверь захлопнулась перед самым его носом, и он услышал, как щелкнул ключ в замке. Все это произошло так быстро, что Холл ничего не успел сообразить. Мелькание каких-то смутных

теней, толчок, боль в груди. И вот он стоит на темной площадке перед дверью, спрашивая себя, что же это он такое видел.

Немного погодя он присоединился к кучке людей, собравшейся на улице перед трактиром. Здесь был и Фиренсайд, который уже второй раз рассказывал всю историю с самого начала, и миссис Холл, твердившая, что его собака не имеет никакого права кусать ее постояльцев; тут же стоял и Хакстерс, владелец лавки напротив, сильно заинтересованный происшествием, и Сэнди Уоджерс, кузнец, слушавший Фиренсайда с глубокомысленным видом. Сбежались и женщины и дети, каждый изрекал какую-нибудь глупость вроде: «Попробовала бы она меня укусить», «Нельзя держать таких собак» и так далее.

Мистер Холл глядел на них с крыльца, прислушивался к их разговорам, и ему уже начало казаться, что ничего необычайного он там, наверху, увидеть не мог. Да ему и слов не хватило бы, чтобы описать свои впечатления.

— Он сказал, что ему ничего не нужно, — только и ответил он на вопрос жены. — Пожалуй, надо внести багаж.

— Лучше бы сразу прижечь, — сказал мистер Хакстерс, — в особенности если получилось вос-

паление.

— Я пристрелила бы ее, — сказала одна из женщин. Вдруг собака снова зарычала.

— Давайте вещи, — послышался сердитый голос, и на пороге появился незнакомец, закутанный, с поднятым воротником и в низко надвинутой шляпе. — Чем скорее вы внесете их, тем лучше, — продолжал он. По свидетельству одного из очевидцев, он успел переменить перчатки и брюки.

— Сильно она вас искусала, сударь? — спросил Фиренсайд. — Очень это мне неприятно, что моя собака…

— Пустяки, — ответил незнакомец. — Даже следа никакого нет. Поторопитесь-ка лучше с вещами!

Тут он, по утверждению мистера Холла, выругался вполголоса.

Как только первую корзину внесли по его указанию в гостиную, незнакомец нетерпеливо принялся ее распаковывать, без зазрения совести разбрасывая солому по ковру миссис Холл. Он начал вытаскивать из корзины бутылки — маленькие пузатые пузырьки с порошками, небольшие узкие бутылки с окрашенной в разные цвета или прозрачной жидкостью, изогнутые

склянки с надписью «яд», круглые бутылки с тонкими горлышками, большие бутылки из зеленого и белого стекла, бутылки со стеклянными пробками и с вытравленными на них надписями, бутылки с притертыми пробками, бутылки с деревянными затычками, бутылки из-под вина и прованского масла. Все эти бутылки он расставил рядами на комоде, на каминной доске, на столе, на подоконнике, на полу, на этажерке — всюду. В брэмблхерстской аптеке не набралось бы и половины такой уймы бутылок. Получилось внушительное зрелище. Он распаковывал корзину за корзиной, и во всех были бутылки. Наконец все ящики и корзины опустели, а на столе выросла гора соломы; кроме бутылок, в корзинах оказалось еще немало пробирок и тщательно упакованные весы.

Распаковав корзины, незнакомец отошел к окну и немедля принялся за работу, не обращая ни малейшего внимания на кучу соломы, на потухший камин, на ящик с книгами, оставшийся на улице, на чемоданы и остальной багаж, который был уже внесен наверх.

Когда миссис Холл подала ему обед, он был совсем поглощен своей работой, которая заключалась в том, что он вливал по каплям жидкости

из бутылок в пробирки, и даже не заметил ее присутствия. И только когда она убрала солому и поставила поднос на стол, быть может, несколько более шумно, чем обычно, так как ее взволновало плачевное состояние ковра, он быстро взглянул в ее сторону и тотчас отвернулся. Она успела заметить, что он был без очков: они лежали возле него на столе, и ей показалось, что его глазные впадины необычайно глубоки. Он надел очки, повернулся и посмотрел ей в лицо. Она собиралась уже высказать свое недовольство по поводу соломы на полу, но он предупредил ее.

— Я просил бы вас не входить в комнату без стука, — сказал он с необычайным раздражением, которое, видимо, легко вспыхивало в нем по малейшему поводу.

— Я постучалась, но, должно быть…

— Быть может, вы и стучали. Но во время моих исследований — исследований чрезвычайно важных и необходимых — малейшее беспокойство, скрип двери… Я попросил бы вас…

— Конечно, мистер. Если вам угодно, вы можете запирать дверь на ключ. В любое время.

— Очень удачная мысль! — сказал незнакомец.

— Но эта солома, сударь… Осмелюсь заметить…

— Не надо! Если солома вас беспокоит, поставьте ее в счет. — И он пробормотал про себя что-то очень похожее на ругательство.

Он стоял перед хозяйкой с воинственным и раздраженным видом, держа в одной руке бутылку, а в другой пробирку, и весь его облик был так странен, что миссис Холл смутилась. Но она была особа решительная.

— В таком случае, — заявила она, — я бы хотела знать, сколько вы полагаете…

— Шиллинг. Поставьте шиллинг. Я думаю, этого достаточно?

— Хорошо, пусть будет так, — сказала миссис Холл, принимаясь накрывать на стол. — Конечно, если вы согласны…

Незнакомец отвернулся и сел спиной к ней.

До самого вечера он работал, запершись на ключ и, как уверяла миссис Холл, почти в полной тишине. Только один раз послышался стук и звон стекла, как будто кто-то толкнул стол и с размаху швырнул на пол бутылку, а затем раздались торопливые шаги по ковру. Опасаясь, уж не случилось ли чего-нибудь, хозяйка подошла к двери и, не стуча, стала прислушиваться.

— Ничего не выйдет! — кричал он в ярости. — Не выйдет! Триста тысяч, четыреста тысяч! Это

необъятно! Обманут! Вся жизнь уйдет на это! Терпение! Легко сказать! Дурак, дурак!

Тут кто-то вошел в трактир, послышались тяжелые шаги, и миссис Холл должна была волей-неволей отойти от двери, не дослушав.

Когда она вернулась, в комнате снова было совсем тихо, если не считать слабого скрипа кресла и случайного позвякивания бутылок. Очевидно, незнакомец снова принялся за работу.

Когда она принесла чай, то увидела в углу комнаты, под зеркалом, разбитые бутылки и золотистое небрежно вытертое пятно. Она обратила на это его внимание.

— Поставьте все это в счет, — огрызнулся он. — И, ради Бога, не мешайте мне. Если я причиняю вам какой-нибудь убыток, ставьте в счет. — И он снова принялся делать пометки в лежавшей перед ним тетради…

— Знаете, что я вам скажу? — таинственно начал Фиренсайд. Разговор происходил вечером того же дня в пивной.

— Ну? — спросил Тедди Хенфри.

— Этот человек, которого укусила моя собака… Ну, так вот он чернокожий. По крайней мере ноги у него черные. Я это заметил, когда собака порвала ему штаны и перчатку. Можно было

ожидать, что сквозь дыры будет видно розовое тело, правда? Ну а на самом деле ничего подобного. Одна только чернота. Верно вам говорю: он так же черен, как моя шляпа.

— Господи помилуй! — воскликнул Хенфри. — Вот тебе на! А ведь нос-то у него самый что ни на есть розовый.

— Так-то оно так, — сказал Фиренсайд. — Это верно. Только вот что я тебе скажу, Тедди. Малый этот пегий: где черный, а где белый, пятнами. И он этого стыдится. Он вроде какой-нибудь помеси, а масти, вместо того чтобы перемешаться, пошли пятнами. Я и раньше слышал о таких случаях. А у лошадей это бывает сплошь и рядом — спроси кого хочешь.

Глава 4
Мистер Касс интервьюирует незнакомца

Я так подробно изложил обстоятельства, сопровождавшие приезд незнакомца в Айпинг, для того, чтобы читателю стало понятно всеобщее любопытство, вызванное его появлением. Что же касается его пребывания там до знаменательного дня клубного праздника, то на этом, за исключением двух странных происшествий, можно почти не останавливаться. Иногда у него бывали столкновения с миссис Холл на хозяйственной почве, из которых постоялец всегда выходил победителем, тотчас же предлагая дополнительную плату, и так продолжалось до конца апреля, когда у него стали обнаруживаться первые признаки безденежья.

Холл недолюбливал его и при всяком удобном случае повторял, что надо от него избавиться, но неприязнь эта выражалась главным образом в том, что Холл старался по возможности избегать встреч с постояльцем.

— Потерпи до лета, — урезонивала его миссис

Холл. — Начнут съезжаться художники, тогда посмотрим. Он, конечно, нахал, не спорю, но зато аккуратно платит по счетам, этого у него отнять нельзя, что ни толкуй.

Постоялец в церковь не ходил и не делал никакого различия между воскресеньем и буднями, даже одевался, и то всегда одинаково. Работал он, по мнению миссис Холл, весьма нерегулярно. В иные дни он спускался в гостиную с раннего утра и работал подолгу. В другие же вставал поздно, расхаживал по комнате, целыми часами громко ворчал, курил или дремал в кресле у камина. Сношений с внешним миром у него не было никаких. Настроение его по-прежнему оставалось чрезвычайно неровным: по большей части он вел себя как человек до крайности раздражительный, а несколько раз у него были припадки бешеной ярости, и он швырял, рвал и ломал все, что попадалось под руку. Казалось, он постоянно находился в чрезвычайном возбуждении. Он все чаще разговаривал вполголоса с самим собой, но миссис Холл ничего не могла понять, хотя усердно подслушивала.

Днем он редко выходил из дому, но в сумерки гулял, закутанный так, что его нельзя было увидеть — все равно, было ли на дворе холодно или теп-

ло, и выбирал для прогулок самые уединенные тропинки, затененные деревьями или огражденные насыпью. Его темные очки и страшное забинтованное лицо под широкополой шляпой иногда пугали в темноте возвращавшихся домой рабочих; а Тедди Хенфри однажды, выйдя, пошатываясь, из трактира «Красный камзол» в половине десятого вечера, чуть не умер со страху, увидев похожую на череп голову незнакомца (тот гулял со шляпой в руке). Детям, увидевшим его в сумерках, ночью снились страшные сны. Мальчишки терпеть его не могли, и он их тоже; трудно сказать, кто кого больше не любил, но, во всяком случае, неприязнь была взаимная и очень острая.

Нет ничего удивительного, что человек такой поразительной наружности и такого странного поведения доставлял жителям Айпинга обильную пищу для разговоров. Относительно его занятий мнения расходились. Миссис Холл в этом деле была весьма щепетильна. На вопрос, что он делает, она обыкновенно отвечала с большой торжественностью, что он занимается «экспериментальными исследованиями», — эти слова она произносила очень медленно и осторожно, точно боясь оступиться. Когда же ее спрашивали,

что это означает, она говорила с оттенком некоторого превосходства, что это известно всякому образованному человеку, и поясняла: «Он делает разные открытия». С ее постояльцем произошел несчастный случай, рассказывала она, руки и лицо его потеряли свой естественный цвет, а так как он человек весьма чувствительный, то старается не показываться в таком виде на людях.

Но за спиной миссис Холл распространялся упорный слух, что ее постоялец — преступник, который скрывается от правосудия и старается с помощью своего удивительного наряда сбить с толку полицию. Впервые эта догадка зародилась в голове мистера Тедди Хенфри. Впрочем, ни о каком сколько-нибудь громком преступлении, которое имело бы место за последние недели, не было известно. Поэтому мистер Гоулд, школьный учитель, несколько видоизменил эту догадку: по его мнению, постоялец миссис Холл был анархист, занимающийся изготовлением взрывчатых веществ, и он решил посвятить свое свободное время слежке за незнакомцем. Слежка заключалась главным образом в том, что при встречах с незнакомцем мистер Гоулд упорно глядел на него и расспрашивал о нем людей, которые никогда его не видели. Тем не менее мистеру Гоулду не

удалось ничего узнать.

Было много сторонников версии, выдвинутой Фиренсай-дом, что незнакомец пегий или что-нибудь в этом роде. Так, например, Сайлас Дэрган не раз говорил, что если бы незнакомец решился показывать себя на ярмарках, то нажил бы состояние, и даже ссылался на известный из Библии случай с человеком, зарывшим свой талант в землю. Другие считали, что незнакомец страдает тихим помешательством. Этот взгляд имел то преимущество, что разом объяснял все.

Кроме стойких приверженцев этих основных течений в общественном мнении Айпинга, были люди колеблющиеся и готовые на уступки.

Жители графства Сассекс мало подвержены суеверию, и первые догадки о сверхъестественной природе незнакомца появились лишь после апрельских событий, да и то этому верили одни женщины.

Но каковы бы ни были мнения о незнакомце отдельных жителей Айпинга, неприязнь к нему была всеобщей и единодушной. Его раздражительность, которую мог бы понять горожанин, занимающийся умственным трудом, неприятно поражала уравновешенных сассекских жителей. Яростная жестикуляция, стремительная

походка, ночные прогулки, когда он неожиданно в темноте выскакивал из-за угла в самых безлюдных местах, бесцеремонное пресечение всех попыток вовлечь его в беседу, страсть к потемкам, побуждавшая его запирать двери, спускать шторы, тушить свечи и лампы, — кто мог бы примириться с этим? Когда незнакомец проходил по улице, встречные сторонились его, а за его спиной местные шутники, подняв воротники пальто и низко надвинув шляпы, подражали его нервной походке и загадочному поведению. В то время пользовалась популярностью песенка «Человек-призрак». Мисс Стэтчел спела ее на концерте в школе, — сбор пошел на покупку ламп для церкви; и после этого, как только на улице появлялся незнакомец, тотчас же кто-нибудь начинал насвистывать — громко или тихо — мотив этой песенки. Даже запоздавшие ребятишки, спеша вечером домой, кричали ему вслед: «Человек-призрак!» — и мчались дальше, замирая от страха и восторга.

Касс, местный врач, сгорал от любопытства. Забинтованная голова вызывала в нем чисто профессиональный интерес; слухи же о тысяче и одной бутылке возбуждали его завистливое почтение. Весь апрель и май он искал случая

заговорить с незнакомцем. Наконец не выдержал и накануне Троицы решил пойти к нему, воспользовавшись как предлогом подписным листом в пользу сиделки местной больницы. Он был поражен, узнав, что миссис Холл не знает имени своего постояльца.

— Он назвал себя, — сказала миссис Холл (это утверждение было лишено всякого основания), — но я не расслышала.

Ей неловко было сознаться, что постоялец и не думал называть себя.

Касс постучал в дверь гостиной и вошел. Оттуда послышалась невнятная брань.

— Прошу извинения за то, что вторгаюсь к вам, — проговорил Касс, после чего дверь закрылась, и дальнейшего разговора миссис Холл уже не слышала.

В течение десяти минут до нее долетал только неясный гул голосов; затем раздался возглас удивления, шарканье ног, грохот отброшенного стула, отрывистый смех, быстрые шаги, и на пороге появился Касс, бледный, с вытаращенными глазами. Оставив дверь открытой и не взглянув на хозяйку, он прошел по коридору, спустился с крыльца и быстро зашагал по улице. Шляпу он держал в руке. Миссис Холл зашла за стойку,

стараясь заглянуть через открытую дверь в комнату постояльца. Она услышала негромкий смех, потом шаги. Со своего места она не могла видеть его лица. Потом дверь гостиной захлопнулась, и все стихло.

Касс направился прямо к викарию Бантингу.

— Скажите, я сошел с ума? — произнес он отрывисто, едва войдя в скромный кабинет викария. — Похож я на помешанного?

— Что случилось? — спросил викарий, кладя раковину, заменявшую ему пресс-папье, на листы своей очередной проповеди.

— Этот субъект, постоялец Холлов…

— Ну?

— Дайте мне выпить чего-нибудь, — сказал Касс и опустился на стул.

Когда Касс несколько успокоился с помощью стакана дешевого хереса — других напитков у добрейшего викария не бывало, — он стал рассказывать о своей встрече с незнакомцем.

— Вхожу, — начал он задыхающимся голосом, — и прошу подписаться в пользу сиделки. Как только я вошел, он сунул руки в карманы и плюхнулся в кресло. «Вы интересуетесь наукой, как я слышал?» — начал я. «Да», — ответил он и фыркнул. Все время фыркал. Простудился,

должно быть. Да и не мудрено, раз человек так кутается. Я стал распространяться насчет сиделки, а сам озираюсь по сторонам. Повсюду бутылки, химические препараты. Тут же весы, пробирки, и пахнет ночными фиалками. Не угодно ли ему подписаться? «Подумаю», — говорит. Тут я прямо спросил его, занимается ли он научными изысканиями. «Да», — говорит. «Длительные изыскания?» Его, видно, злость взяла. «Чертовски длительные!» — выпалил он. «Вот как?» — говорю я. Ну, тут и пошло. Он уже раньше весь так и кипел, и мой вопрос был последней каплей. Он получил от кого-то рецепт — чрезвычайно ценный рецепт; для какой цели, этого он не может сказать. «Медицинский?» — «Черт побери! А вам какое дело?» Я извинился. Он снисходительно фыркнул, откашлялся и продолжал. Рецепт он прочел. Пять ингредиентов. Положил на стол, отвернулся. Вдруг шорох: бумажку подхватило сквозняком. Каминная труба была открыта. Пламя вспыхнуло, и не успел он оглянуться, как рецепт сгорел и пепел вылетел в трубу. Бросился к камину — поздно. Вот! Тут он безнадежно махнул рукой.

— Ну?

— А руки-то и нет — пустой рукав. «Господи, —

подумал я, — вот калека-то. Вероятно, у него деревянная рука, и он ее снял. И все-таки, — подумал я, — тут что-то неладно. Как же это рукав не повиснет, если в нем ничего нет?» А в нем ничего не было, уверяю вас. Совершенно пустой рукав, до самого локтя. Я видел, что рукав пуст, и, кроме того, прореха светилась насквозь. «Боже милосердный!» — воскликнул я. Тогда он замолчал. Уставился своими синими очками сначала на меня, потом на свой рукав.

— Ну?

— И все. Не сказал ни слова, только глянул на меня и быстро засунул рукав в карман. «Я, кажется, остановился на том, как рецепт сгорел?» Он вопросительно кашлянул. «Как это вы, черт возьми, умудряетесь двигать пустым рукавом?» — спросил я. «Пустым рукавом?» — «Ну да, — сказал я, — пустым рукавом». — «Так это, по-вашему, пустой рукав? Вы видели, что он пустой?» Он поднялся с кресла. Я тоже встал. Тогда он медленно сделал три шага. Подошел ко мне и стал совсем вплотную. Язвительно фыркнул. Я стоял спокойно, хотя, честное слово, это забинтованное страшилище с круглыми очками хоть кого испугало бы.

«Так вы говорите, рукав пустой?» — сказал он.

«Конечно», — ответил я. Тогда этот нахал снова уставился на меня своими стеклами. А потом преспокойно вытянул рукав из кармана и протянул его мне, как будто хотел снова показать. Все это он проделал очень медленно. Я посмотрел на рукав. Казалось, прошла целая вечность. «Ну вот, — сказал он, откашлявшись, — в нем ничего нет». Что-то надо было сказать. Мне стало страшно. Я видел весь рукав насквозь. Он вытягивал его медленно-медленно — вот так, пока обшлаг не очутился дюймах в шести от моего лица. Странное это ощущение — видеть, как приближается пустой рукав… А потом…

— Ну?

— Чем-то — мне показалось, большим и указательным пальцами, — он потянул меня за нос.

Бантинг засмеялся.

— Но там не было ничего! — сказал Касс, чуть не взвизгнув, когда произносил «ничего». — Хорошо вам смеяться, а я был так ошеломлен, что ударил по обшлагу рукава, повернулся и выбежал из комнаты…

Касс замолчал. В непритворности его испуга нельзя было сомневаться. Он беспомощно повернулся и выпил еще стакан скверного хереса, которым угощал его добрейший викарий.

— Когда я хватил его по рукаву, — сказал он, — то, уверяю вас, я почувствовал, что бью по руке. А руки там не было. И намека на руку не было.

Мистер Бантинг задумался. Потом подозрительно посмотрел на Касса.

— Это в высшей степени любопытная история, — сказал он с весьма глубокомысленным и серьезным видом. — Безусловно, история в высшей степени любопытная, — повторил он еще более внушительно.

Глава 5
Кража со взломом в доме викария

О краже со взломом в доме викария мы узнали главным образом из рассказов самого викария и его жены. Это случилось перед рассветом в Духов день; в этот день айпингский клуб устраивает ежегодные празднества. Миссис Бантинг внезапно проснулась в предрассветной тишине с отчетливым ощущением, что дверь спальни хлопнула. Сначала она решила не будить мужа, а села на кровати и стала прислушиваться. Она явственно различила шлепанье босых ног; словно кто-то вышел из туалетной комнаты и направился по коридору к лестнице. Тогда она как можно осторожнее разбудила мистера Бантинга. Проснувшись и узнав, в чем дело, он решил не зажигать огня, но, надев очки, капот жены и сунув ноги в купальные туфли, вышел на площадку. Он совершенно ясно услышал возню в своем кабинете внизу, потом там кто-то громко чихнул.

Тогда он вернулся в спальню, вооружился самым надежным оружием, какое нашлось, — кочергой и сошел с лестницы, стараясь не шуметь.

Миссис Бантинг вышла на площадку.

Было около четырех часов; ночной мрак редел. В прихожей уже брезжил свет, но дверь кабинета зияла черной дырой. В тишине слышен был только слабый скрип ступенек под ногами мистера Бантинга и легкое движение в кабинете. Потом что-то щелкнуло, слышно было, как открылся ящик, зашуршали бумаги. Послышалось ругательство, вспыхнула спичка, и кабинет осветился желтым светом. В это время мистер Бантинг был уже в прихожей и через приотворенную дверь увидел письменный стол, выдвинутый ящик и свечу, горевшую на столе. Но вора ему не было видно. Он стоял в прихожей, не зная, что предпринять, а позади него медленно спускалась с лестницы бледная, перепуганная миссис Бантинг. Одно обстоятельство поддерживало мужество мистера Бантинга: убеждение, что вор принадлежит к числу местных жителей.

Затем они услышали звон монет и поняли, что вор нашел деньги, отложенные на хозяйство, — два фунта полусоверенами и десять шиллингов. Звон монет мгновенно вывел мистера Бантинга из состояния нерешительности. Крепко сжав в руке кочергу, он ворвался в кабинет; миссис Бантинг следовала за ним по пятам.

— Сдавайся! — яростно крикнул мистер Бантинг и остановился, пораженный: в комнате никого не было.

И все же, вне всякого сомнения, минуту назад здесь кто-то двигался. С полминуты супруги стояли, разинув рты, потом миссис Бантинг заглянула за ширмы, а мистер Бантинг, побуждаемый тем же чувством, посмотрел под стол. Затем миссис Бантинг отдернула оконные занавеси, а мистер Бантинг осмотрел камин и пошарил в трубе кочергой. Миссис Бантинг перерыла корзину для бумаг, а мистер Бантинг открыл ящик с углем. Проделав все это, они в недоумении уставились друг на друга.

— Я готов поклясться… — сказал мистер Бантинг. — А свеча! — воскликнул он. — Кто зажег свечу?

— А ящик! — сказала миссис Бантинг. — И куда девались деньги?

Она поспешно пошла к дверям.

— В жизни своей ничего подобного…

В коридоре кто-то громко чихнул. Они выбежали из комнаты и тут же услышали, как хлопнула дверь кухни.

— Принеси свечу, — сказал мистер Бантинг и пошел вперед. Оба ясно слышали стук торопливо

отодвигаемых засовов.

Открывая дверь на кухню, мистер Бантинг увидел, что парадная дверь отворяется и в слабом утреннем свете мелькнула темная зелень сада. Но он уверял, что в дверь никто не вышел. Она открылась, а потом со стуком захлопнулась. Пламя свечи, которую несла миссис Бантинг, замигало и вспыхнуло ярче. Прошло несколько минут, прежде чем они вошли в кухню.

Там никого не оказалось. Они снова заперли на засов входную дверь, тщательно обыскали кухню, чулан, буфетную и, наконец, спустились в погреб. Но, несмотря на самые тщательные поиски, они никого не обнаружили.

Утро застало викария и его жену в весьма странном наряде; они все еще сидели в нижнем этаже своего домика при ненужном уже свете догоравшей свечи и терялись в догадках.

— В жизни своей ничего подобного… — в двадцатый раз начал викарий.

— Дорогой мой, — прервала его миссис Бантинг, — вот идет Сюзи. Пусть она придет в кухню, и пойдем оденемся…

Глава 6
Взбесившаяся мебель

В это же утро, на рассвете Духова дня, когда даже служанка Милли еще спала, мистер и миссис Холл встали с постели и бесшумно спустились в погреб. Там у них было дело совершенно особого характера, имевшее некоторое отношение к специфической крепости их пива.

Не успели они войти в погреб, как миссис Холл вспомнила, что забыла захватить бутылочку с сарсапарелью, которая стояла у них в спальне. Так как главным знатоком и мастером предстоявшего дела была она, то наверх за бутылкой отправился Холл.

На площадке лестницы он с удивлением заметил, что дверь в комнату постояльца приоткрыта. Пройдя в спальню, он нашел бутылку на указанном женой месте.

Но возвращаясь обратно в погреб, он заметил, что засовы выходной двери отодвинуты и дверь закрыта просто на щеколду. Осененный внезапной мыслью, он сопоставил это обстоятельство с открытой дверью в комнату постояльца и пред-

положениями мистера Тедди Хенфри. Он ясно помнил, что сам держал свечку, когда миссис Холл задвигала засовы на ночь. Он остановился, пораженный; затем, все еще держа бутылку в руке, снова поднялся наверх и постучал в дверь постояльца. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, затем распахнул дверь настежь и вошел в комнату.

Все оказалось так, как он и ожидал. Комната была пуста, постель не тронута. На кресле и на спинке кровати была разбросана одежда незнакомца и его бинты, широкополая шляпа, и та торчала на столбике кровати. Это обстоятельство показалось чрезвычайно странным даже не слишком сообразительному Холлу, тем более что другого платья, насколько он знал, у постояльца не было.

Стоя в недоумении посреди комнаты, он услышал снизу, из погреба, голос своей жены; захлебывающаяся скороговорка и высокие, визгливые ноты, характерные для жителей Западного Сассекса, изобличали крайнее нетерпение.

— Джордж! — кричала она. — Ты нашел, что нужно? — Он повернулся и поспешил к жене.

— Дженни! — крикнул он, нагибаясь над лестницей, ведущей в погреб. — А ведь Хенфри-то

прав. Жильца в комнате нет. И засов на парадной двери снят.

Сначала миссис Холл не поняла, о чем речь, но, сообразив, в чем дело, решила сама осмотреть пустую комнату. Холл все еще с бутылкой в руках пошел вперед.

— Его самого нет, а одежда тут, — сказал он. — Где же он шляется голый? Странное дело.

Когда они поднимались по лестнице из погреба, им обоим, как выяснилось впоследствии, почудилось, что кто-то открыл и снова закрыл парадную дверь; но так как они нашли ее закрытой, то в ту минуту они об этом ничего друг другу не сказали. В коридоре миссис Холл опередила своего мужа и взбежала по лестнице первая. В это время на лестнице кто-то чихнул. Холл, отставший от жены на шесть ступенек, подумал, что это она чихает; она же была убеждена, что чихнул он. Поднявшись наверх, она распахнула дверь и стала осматривать комнату незнакомца.

— В жизни своей ничего подобного не видела! — сказала она.

В это время сзади над самым ее ухом кто-то фыркнул, она обернулась и, к величайшему своему удивлению, увидела, что Холл стоит шагах в двенадцати от нее, на верхней ступеньке лестни-

цы. Он сразу же подошел к ней. Она наклонилась и стала ощупывать подушку и белье.

— Холодные, — сказала она. — Его нет уже с час, а то и больше.

Не успела она произнести эти слова, как произошло нечто в высшей степени странное: постельное белье свернулось в узел, который тут же перепрыгнул через спинку кровати. Казалось, чья-то рука скомкала одеяло и простыни и бросила на пол. Вслед за этим шляпа незнакомца соскочила со своего места, описала в воздухе дугу и шлепнулась прямо в лицо миссис Холл. За ней с такой же быстротой полетела с умывальника губка; затем кресло, небрежно сбросив с себя пиджак и брюки постояльца и рассмеявшись сухим смехом, чрезвычайно похожим на смех постояльца, повернулось всеми четырьмя ножками к миссис Холл и, нацелившись, бросилось на нее. Она вскрикнула и повернулась к двери, а ножки кресла осторожно, но решительно уперлись в ее спину и вытолкали ее вместе с Холлом из комнаты. Дверь захлопнулась, замок щелкнул. Кресло и кровать, по-видимому, еще поплясали немного, как бы торжествуя победу, а затем все стихло.

Миссис Холл почти без чувств повисла на руках у мужа. Мистеру Холлу с величайшим трудом

удалось при помощи Милли, которая успела проснуться от крика и шума, снести ее вниз и дать ей укрепляющих капель.

— Это духи, — сказала миссис Холл, придя наконец в себя. — Я знаю, это духи. Я читала про них в газетах. Столы и стулья начинают прыгать и танцевать…

— Выпей еще немножко, Дженни, — прервал ее Холл. — Это подкрепит тебя.

— Запри дверь, — сказала миссис Холл. — Смотри не впускай его больше. Я все время подозревала… Как это я не догадалась! Глаз не видно, голова забинтована, и в церковь по воскресеньям не ходит. А сколько бутылок!.. На что порядочному человеку столько бутылок? Он напустил духов в мебель… Моя милая старая мебель! В этом самом кресле любила сидеть моя дорогая матушка, когда я была еще маленькой девочкой. И подумать только, оно поднялось теперь против меня…

— Выпей еще капель, Дженни, — сказал Холл, — у тебя нервы совсем расстроены.

Было уже пять часов, лучи утреннего солнца заливали улицу. Супруги послали Милли разбудить мистера Сэнди Уоджерса, кузнеца, который жил напротив.

— Хозяин вам кланяется, — сказала ему Мил-

ли. — И у нас что-то стряслось с мебелью. Может, вы зайдете и поглядите?

Мистер Уоджерс был человек весьма сведущий и смышленый. Он отнесся к рассказу Милли серьезно.

— Это колдовство, головой ручаюсь, — сказал он. — Такому постояльцу только копыт не хватает.

Он пришел, сильно озабоченный. Мистер и миссис Холл хотели было подняться с ним наверх, но он, по-видимому, с этим не спешил. Он предпочитал продолжать разговор в коридоре. Из табачной лавки Хакстерса вышел приказчик и стал открывать ставни. Его пригласили принять участие в обсуждении случившегося. За ним через несколько минут подошел, конечно, сам мистер Хакстерс. Англосаксонский парламентский дух проявился здесь полностью: говорили много, но за дело не принимались.

— Установим сначала факты, — настаивал мистер Сэнди Уоджерс. — Обсудим, вполне ли будет правильно с нашей стороны взломать дверь в его комнату? Запертую дверь всегда можно взломать, но раз дверь взломана, ее не сделаешь невзломанной.

Но вдруг, ко всеобщему удивлению, дверь ком-

наты постояльца открылась сама, и, взглянув наверх, они увидели закутанную фигуру незнакомца, спускавшегося по лестнице и пристально смотревшего на них зловещим взором сквозь свои темно-синие очки. Медленно, деревянной походкой, он спустился с лестницы, прошел по коридору и остановился.

— Смотрите, — сказал он, вытянув палец в перчатке.

Взглянув в указанном направлении, они увидели у самой двери погреба бутылку с сарсапарелью. А незнакомец вошел в гостиную и неожиданно быстро, со злостью захлопнул дверь перед самым их носом.

Никто не произнес ни слова, пока не замер стук захлопнутой двери. Все молча переглядывались.

— Признаюсь, это уже верх… — начал мистер Уоджерс и не докончил фразы. — Я бы на вашем месте пошел и спросил его, что все это значит, — сказал Уоджерс Холлу. — Я потребовал бы объяснения.

Понадобилось некоторое время, чтобы убедить хозяина решиться на это. Наконец он постучался в дверь, открыл ее и начал:

— Простите…

— Убирайтесь к черту! — крикнул в бешенстве

незнакомец. — Затворите дверь!

На этом объяснение и закончилось.

Глава 7
Разоблачение незнакомца

Незнакомец вошел в гостиную около половины шестого утра и оставался там приблизительно до полудня; шторы в комнате были спущены, дверь заперта, и после неудачи, постигшей Холла, никто не решался войти туда.

Все это время незнакомец, очевидно, ничего не ел. Три раза он звонил, причем в третий раз долго и сердито, но никто не отозвался.

— Ладно, я ему покажу «убирайтесь к черту», — ворчала про себя миссис Холл.

Слух о ночном происшествии в доме викария уже успел распространиться, и между обоими событиями усматривали некую связь. Холл в сопровождении Уоджерса отправился к судье мистеру Шэклфорсу, чтобы с ним посоветоваться. Наверх подняться никто не решался. Чем занимался все это время незнакомец, неизвестно. Иногда он нетерпеливо шагал из угла в угол, два раза из его комнаты доносились ругательства, шуршание разрываемой бумаги и звон разбиваемых бутылок.

Кучка испуганных, но сгоравших от любопытства людей все росла. Пришла миссис Хакстерс. Подошли несколько бойких молодых парней, вырядившихся по случаю праздника в черные пиджаки и галстуки из белого пике; они стали задавать нелепые вопросы. Арчи Харкер оказался смелее всех: он пошел во двор и постарался заглянуть под опущенную штору. Разглядеть он не мог ничего, но дал понять, что видит, и еще кое-кто из айпингского молодого поколения присоединился к нему.

День для праздника выдался на славу — теплый и ясный. На деревенской улице появилось с десяток ларьков и тир для стрельбы, а на лужайке перед кузницей стояли три полосатых желто-коричневых фургона, и какие-то люди в живописных костюмах устраивали приспособление для метания кокосовых орехов. Мужчины были в синих свитерах, дамы — в белых передниках и модных шляпах с большими перьями. Уоджер из «Красной лани» и мистер Джэггерс, сапожник, торговавший также подержанными велосипедами, протягивали поперек улицы гирлянду из национальных флагов и королевских штандартов (оставшихся от празднования юбилея королевы Виктории).

А в полутемной гостиной с занавешенными окнами, куда проникал лишь слабый свет, незнакомец, вероятно, голодный и злой, задыхаясь от жары в своих повязках, глядел сквозь темные очки на листок бумаги, позвякивал грязными бутылками и неистово ругал собравшихся под окном невидимых мальчишек. В углу у камина валялись осколки полдюжины разбитых бутылок, а в воздухе стоял едкий запах хлора. Вот все, что нам известно по рассказам очевидцев, и такой вид имела комната, когда в нее вошли.

Около полудня незнакомец внезапно открыл дверь гостиной и остановился на пороге, пристально глядя на трех-четырех человек, сгрудившихся у стойки.

— Миссис Холл! — крикнул он.

Кто-то нехотя вышел из комнаты позвать хозяйку.

Появилась миссис Холл, несколько запыхавшаяся, но весьма решительная. Мистер Холл еще не вернулся. Она все уже обдумала и явилась с небольшим подносиком в руках, на котором лежал неоплаченный счет.

— Вы хотите уплатить по счету? — спросила она.

— Почему мне не подали завтрака? Почему вы

не приготовили мне поесть и не отзывались на звонки? Вы думаете, я могу обходиться без еды?

— А почему вы не уплатили по счету? — возразила миссис Холл. — Вот что я желала бы знать.

— Еще третьего дня я сказал вам, что жду денежного перевода…

— А я еще вчера сказала вам, что не намерена ждать никаких переводов. Нечего ворчать, что завтрак запаздывает, если по счету уже пять дней не плачено.

Постоялец кратко, но энергично выругался.

— Легче, легче! — раздалось из распивочной.

— Я прошу вас, мистер, держать свои ругательства при себе, — сказала миссис Холл.

Постоялец замолчал и стоял на пороге, похожий в своих очках на рассерженного водолаза. Все посетители трактира чувствовали, что перевес на стороне миссис Холл. Дальнейшие слова незнакомца подтвердили это.

— Послушайте, голубушка… — начал он.

— Я вам не голубушка, — сказала миссис Холл.

— Говорю вам, я еще не получил перевода…

— Уж какой там перевод! — сказала миссис Холл.

— Но в кармане у меня…

— Третьего дня вы сказали, что у вас и соверена

не наберется.

— Ну а теперь я нашел побольше.

— Ого! — раздалось из распивочной.

— Хотела бы я знать, где это вы нашли деньги, — сказала миссис Холл.

Это замечание, по-видимому, не понравилось незнакомцу. Он топнул ногой.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Только то, что я хотела бы знать, откуда у вас деньги, — сказала миссис Холл. — И прежде чем подавать вам счета, готовить завтрак или вообще что-либо делать для вас, я попрошу вас объяснить некоторые вещи, которых я не понимаю и никто не понимает, но которые мы все хотим понять. Я хочу знать, что вы делали наверху с моим креслом; хочу знать, как это ваша комната оказалась пустой и как вы опять туда попали. Мои постояльцы входят и выходят через двери: так у меня заведено; вы же делаете по-другому, и я хочу знать, как вы это делаете. И еще…

Незнакомец вдруг поднял руки, обтянутые перчатками, сжал кулаки, топнул ногой и крикнул: «Стойте!» — так исступленно, что миссис Холл немедленно умолкла.

— Вы не понимаете, — сказал он, — кто я и чем занимаюсь. Я покажу вам. Как бог свят, пока-

жу! — При этих словах он приложил руку к лицу и сейчас же отнял ее. Посреди лица зияла пустая впадина. — Держите, — сказал он и, шагнув к миссис Холл, подал ей что-то. Не сводя глаз с его преобразившегося лица, миссис Холл машинально взяла протянутую ей вещь. Затем, рассмотрев, что это, она громко вскрикнула, уронила ее на пол и попятилась. По полу покатился нос — нос незнакомца, розовый, лоснящийся.

Затем он снял очки, и все вытаращили глаза от удивления. Он снял шляпу и стал яростно срывать бакенбарды и бинты. Они не сразу поддались его усилиям. Все замерли в ужасе.

— О Господи! — вымолвил кто-то. Наконец бинты были сорваны.

То, что предстало взорам присутствующих, превзошло все ожидания. Миссис Холл, стоявшая с разинутым ртом, дико вскрикнула и побежала к дверям. Все вскочили с мест. Ждали ран, уродства, видимого глазом ужаса, а тут — ничего. Бинты и парик полетели в распивочную, едва не задев стоявших там. Все кинулись прочь с крыльца, натыкаясь друг на друга, ибо на пороге гостиной, выкрикивая бессвязные объяснения, стояла фигура, похожая на человека вплоть до воротника пальто, а выше не было ничего. Реши-

тельно ничего!

Жители Айпинга услышали крики и шум, доносившиеся из трактира «Кучер и кони», и увидели, как оттуда стремительно выбегают посетители. Они увидели, как миссис Холл упала и как мистер Тедди Хенфри подпрыгнул, чтобы не споткнуться о нее. Потом они услышали истошный крик Милли, которая, выскочив из кухни на шум, неожиданно наткнулась на безголового незнакомца. Крик сразу оборвался.

После этого все, кто был на улице — продавец сладостей, владелец балагана для метания в цель и его помощник, хозяин качелей, мальчишки и девчонки, деревенские франты, местные красотки, старики в блузах и цыгане в фартуках, — ринулись к трактиру. Не прошло и минуты, как перед заведением миссис Холл собралось человек сорок, толпа быстро росла, все шумели, толкались, орали, вскрикивали, задавали вопросы, строили догадки. Никто никого не слушал, и все говорили сразу — настоящее столпотворение! Несколько человек поддерживали миссис Холл, которую подняли с земли почти без памяти. Среди общего смятения один из очевидцев, стараясь перекричать всех, давал ошеломляющие показания.

— Оборотень!

— Что же он натворил?

— Ранил служанку.

— Кажется, кинулся на них с ножом.

— Не так, как говорится, а в самом деле без головы!

— Говорят вам, нет головы на плечах!

— Пустяки, наверное, какой-нибудь фокус.

— Как снял он бинты…

Стараясь заглянуть в открытую дверь, толпа образовала живой клин, острие которого, направленное в дверь трактира, составляли самые отчаянные смельчаки.

— Он стоит на пороге. Вдруг девушка как вскрикнет, он обернулся, а девушка бежать. Он за ней. Минутное дело — уж он идет обратно, в одной руке — нож, в другой — краюха хлеба. Остановился и будто глядит. Вот только сейчас. Он вошел в эту самую дверь. Говорят вам: головы у него совсем нет. Приди вы на минуточку раньше, вы бы сами…

В задних рядах произошло движение. Рассказчик замолчал и посторонился, чтобы дать дорогу небольшой процессии, которая с весьма воинственным видом направлялась к дому; во главе ее шел мистер Холл, очень красный, с решительным видом, далее мистер Бобби Джефферс, констебль,

и, наконец, мистер Уоджерс, из осторожности державшийся позади. У них был приказ об аресте незнакомца.

Им наперебой сообщали последние новости — один кричал одно, другой — совсем другое.

— С головой он там или без головы, — сказал мистер Джефферс, — а я получил приказ арестовать его, и приказ этот я выполню.

Мистер Холл поднялся на крыльцо, направился прямо к двери гостиной и распахнул ее.

— Констебль, — сказал он, — исполняйте свой долг. — Джефферс вошел первый, за ним — Холл и последний — Уоджерс. В полумраке они разглядели безголовую фигуру с недоеденной коркой хлеба в одной руке и с куском сыра в другой; обе руки были в перчатках.

— Вот он, — сказал Холл.

— Это еще что? — раздался сердитый возглас из пустого пространства над воротником.

— Таких, как вы, я еще не видывал, сударь, — сказал Джефферс. — Но есть ли у вас голова или нет, в приказе сказано: «Препроводить», — а долг службы прежде всего…

— Не подходите! — крикнул незнакомец, отступая на шаг. В одно мгновение он бросил хлеб и сыр на пол, и мистер Холл едва успел вовремя убрать

нож со стола. Незнакомец снял левую перчатку и ударил ею Джефферса по лицу. Джефферс сразу, оборвав свои разъяснения относительно смысла приказа, схватил одной рукой кисть невидимой руки, а другой сдавил невидимое горло. Тут он получил здоровый пинок по ноге, заставивший его вскрикнуть, но добычи своей он не выпустил. Холл через стол передал нож Уоджерсу, который, желая помочь Джефферсу, действовал, так сказать, в качестве голкипера. В яростной схватке противники наткнулись на стул, он с грохотом отлетел в сторону, и оба упали на пол.

— Хватайте его за ноги, — прошипел сквозь зубы Джефферс.

Мистер Холл, попытавшийся выполнить его распоряжение, получил сильный удар в грудь и на минуту выбыл из строя, а мистер Уоджерс, видя, что безголовый незнакомец извернулся и начал одолевать Джефферса, попятился с ножом в руках к двери, где столкнулся с мистером Хакстерсом и сиддербриджским извозчиком, спешившими на выручку блюстителю закона и порядка. В это самое время с полки посыпались бутылки, и комната наполнилась едкой вонью.

— Сдаюсь! — крикнул незнакомец, несмотря на то что подмял под себя Джефферса. Он встал,

тяжело дыша, без головы и без рук, ибо во время борьбы стянул обе перчатки. — Все равно ничего не выйдет, — сказал он, еле переводя дух.

В высшей степени странно было слышать голос, исходивший как бы из пустого пространства, но жители Сассекса, вероятно, самые трезвые люди на свете. Джефферс также встал и вынул из кармана пару наручников. Но тут он остановился в полном недоумении.

— Вот так штука! — сказал он, смутно начиная сознавать несообразность всего происходящего. — Черт возьми! Похоже, что они без надобности.

Незнакомец провел пустым рукавом по пиджаку, и пуговицы, словно по волшебству, расстегнулись. Затем он сказал что-то о своих ногах и нагнулся. По-видимому, он трогал свои башмаки и носки.

— Постойте! — воскликнул вдруг Хакстерс. — Ведь это совсем не человек! Тут только пустая одежда. Посмотрите-ка, можно заглянуть в воротник, и подкладку пиджака видно. Я могу просунуть руку…

С этими словами он протянул руку. Казалось, он наткнулся на что-то в воздухе, ибо тотчас же с криком отдернул ее.

— Я бы вас попросил держать свои пальцы подальше от моих глаз! — раздались из пустоты слова, произнесенные яростным тоном. — Суть в том, что я весь тут — с головой, руками, ногами и всем прочим, но только я невидимка. Это чрезвычайно неудобно, но ничего не поделаешь. Однако это обстоятельство еще не дает права каждому дураку в Айпинге тыкать в меня руками.

Перед ним стоял, подбоченясь, костюм, весь расстегнутый и свободно висящий на невидимой опоре.

Тем временем с улицы вошли еще несколько мужчин, и в комнате стало людно…

— Что? Невидимка? — сказал Хакстерс, не обращая внимания на оскорбительный тон незнакомца. — Такого же не бывает.

— Вам это может показаться странным, но ведь преступного тут ничего нет. На каком основании на меня набрасывается констебль?

— А, это совсем другое дело, — сказал Джефферс. — Правда, здесь темновато, и видеть вас трудно, но у меня есть приказ о вашем аресте, и приказ по всей форме. Вы подлежите аресту не за то, что вы невидимка, а по подозрению в краже со взломом. Неподалеку отсюда был ограблен дом и украдены деньги.

— Ну?

— Некоторые обстоятельства указывают…

— Вздор! — воскликнул Невидимка.

— Надеюсь, что так, сударь. Но я получил приказ.

— Хорошо, — сказал незнакомец, — я пойду с вами. Пойду. Но без наручников.

— Так полагается, — сказал Джефферс.

— Без наручников, — упорствовал незнакомец.

— Нет уж, извините, — сказал Джефферс.

Вдруг фигура Невидимки осела на пол, и, прежде чем кто-либо успел сообразить, что происходит, башмаки, брюки и носки полетели под стол. Затем Невидимка вскочил и сбросил с себя пиджак.

— Стой, стой! — закричал Джефферс, вдруг сообразив, в чем дело. Он схватился за жилетку, та стала сопротивляться; затем оттуда выскочила рубашка, и в руках у Джефферса остался пустой жилет. — Держите его! — крикнул Джефферс. — Стоит ему только раздеться!..

— Держи его! — закричали все и бросились на мелькавшую в воздухе белую рубашку — все, что осталось видимого от незнакомца.

Рукав рубашки нанес Холлу сильнейший удар по лицу, что пресекло его решительную атаку

и толкнуло его назад, прямо на Тутсома, причетника; в тот же миг рубашка приподнялась в воздухе, где она стала извиваться, как всякая рубашка, которую снимают через голову. Джефферс крепко ухватился за рукав, но этим только помог снять ее. Что-то из воздуха ударило его в нижнюю челюсть; он тотчас выхватил свою дубинку и, размахнувшись изо всей мочи, ударил Тедди Хенфри прямо по макушке.

— Берегись! — кричали все, наугад рассыпая удары по воздуху. — Держи его! Заприте дверь! Не выпускайте! Я что-то поймал! Вот он!

Началось настоящее вавилонское столпотворение. Тумаки, казалось, сыпались на всех сразу, и мудрый Сэнди Уоджерс, чья сообразительность обострилась благодаря сокрушительному удару, который расквасил ему нос, отворил дверь и первый выбежал из комнаты. Все тотчас же последовали за ним. В дверях началась страшная давка. Удары продолжали сыпаться. Сектанту Фипсу выбили передний зуб, а Генри поранили ушную раковину. Джефферс получил удар в подбородок и, обернувшись, ухватился за что-то невидимое, втиснувшееся в суматохе между ним и Хакстерсом. Он нащупал мускулистую грудь, и в ту же минуту весь клубок борющихся, разгоря-

ченных людей выкатился в коридор.

— Поймал! — крикнул Джефферс, задыхаясь. Не выпуская из рук невидимого врага, весь багровый, со вздувшимися венами, он кружил в толпе, расступавшейся перед этим странным поединком. Наконец все скатились с крыльца на землю. Джефферс закричал придушенным голосом, все еще сжимая в объятиях что-то невидимое и энергично работая коленом, потом зашатался и упал навзничь, грохнувшись затылком о камни. Только тогда он разжал пальцы.

Раздались крики: «Держи его!», «Невидимка!». Какой-то молодой человек не из Айпинга, чьего имени так и не удалось установить, подбежал, схватил что-то, но тут же выпустил из рук и упал на распростертое тело констебля. Посреди улицы вскрикнула едва не сбитая с ног женщина; собака, видимо, получившая пинок, завизжала и с воем кинулась во двор к Хакстерсу. Этим и закончился побег Невидимки. С минуту толпа стояла изумленная и взволнованная, затем бросилась врассыпную, словно палая листва, развеянная порывом ветра.

Только Джефферс лежал неподвижно, обратив лицо к небу и согнув колени.

Глава 8
Мимоходом

Восьмая глава необычайно коротка. В ней рассказывается о том, как Джиббинс, местный натуралист-любитель, дремал на холмике в полной уверенности, что по крайней мере на две мили окрест нет ни души, и вдруг услышал совсем близко от себя шаги какого-то человека, который кашлял, чихал и отчаянно ругался; обернувшись, он не увидел никого. И тем не менее голос раздавался вполне явственно. Невидимый прохожий продолжал ругаться той отборной витиеватой бранью, по которой сразу можно узнать образованного человека. Голос поднялся до самых высоких нот, потом стал тише и, наконец, совсем замер, удалившись, как показалось Джиббинсу, по направлению к Эддердину. Последнее громкое чиханье — и все стихло. Джиббинсу ничего не было известно об утренних событиях, но явление это до того поразило и смутило его, что все его философское спокойствие исчезло. Вскочив, он со всей быстротой, на какую был способен, спустился с холма и направился в селение.

Глава 9
Мистер Томас Марвел

Чтобы получить представление о мистере Томасе Марвеле, вы должны вообразить себе человека с толстым дряблым лицом, с широким длинным носом, слюнявым подвижным ртом и растущей вкривь и вкось щетинистой бородой. Он был явно предрасположен к полноте, что было особенно заметно благодаря очень коротким конечностям. Он носил потрепанный шелковый цилиндр, а то, что на самых ответственных частях туалета вместо пуговиц красовались бечевки и ботиночные шнурки, свидетельствовало, что он закоренелый холостяк.

Мистер Томас Марвел сидел, спустив ноги в канаву, у дороги, ведущей к Эддердину, примерно в полутора милях от Айпинга. На ногах у него не было ничего, кроме рваных носков; вылезшие из дыр большие пальцы ног, широкие и приподнятые, напоминали уши насторожившейся собаки. Неторопливо — он все делал не торопясь — Томас Марвел рассматривал башмаки, которые собирался примерить. Это были очень крепкие

башмаки, какие ему давно уже не попадались, но они оказались ему слишком велики; между тем старые башмаки его, вполне подходящие для сухой погоды, не годились для сырой, так как у них была слишком тонкая подошва. Мистер Марвел терпеть не мог свободной обуви, но он не выносил и сырости. Собственно говоря, он еще не установил, что ему неприятнее — просторная обувь или сырость, — но день был погожий, других дел не предвиделось, и он решил поразмыслить. Поэтому он поставил на землю все четыре башмака, расположив их в виде живописной группы, и стал смотреть на них. Глядя, как они стоят среди буйно разросшегося репейника, он вдруг решил, что обе пары очень безобразны. Он нисколько не удивился, услыхав позади себя чей-то голос.

— Как-никак обувь, — сказал Голос.

— Это пожертвованная обувь, — сказал мистер Томас Марвел, склонив голову набок и с неудовольствием глядя на башмаки. — И я, черт возьми, не могу даже решить, какая из этих пар хуже.

— Гм… — сказал Голос.

— Я носил обувь и похуже. По правде говоря, мне случалось обходиться и совсем без нее. Но таких наглых уродов, если можно так выразиться,

я не носил никогда. Давно уже подыскиваю себе башмаки, потому что мои мне осточертели. Они крепкие, что и говорить. Но человек, который постоянно на ногах, все время видит свои башмаки. И, поверите ли, сколько я ни старался, во всей округе не мог достать других башмаков, кроме этих. Вы только взгляните! А ведь, вообще-то говоря, в здешней округе обувь хорошая.

Только мое уж счастье такое. Я лет десять ношу здешнюю обувку. И вот какую дрянь мне подсунули.

— Это отвратительная округа, — сказал Голос, — и народ здесь прескверный.

— Верно ведь? — сказал Томас Марвел. — Ну и обувка! Чтоб она пропала!

С этими словами он через плечо покосился вправо, чтобы посмотреть на обувь собеседника и сравнить ее со своей, но, к величайшему его изумлению, там, где он ожидал увидеть пару башмаков, не оказалось ни башмаков, ни ног. Он посмотрел через левое плечо, но и там не обнаружил ни башмаков, ни ног. Это ошеломило его.

— Где же вы? — спросил Томас Марвел, поворачиваясь на четвереньках. Перед ним расстилалась пустая холмистая равнина, только далекие кусты вереска качались на ветру. — Пьян я, что

ли? — сказал Томас Марвел. — Померещилось мне? Или я сам с собой разговаривал? Что за черт…

— Не пугайтесь, — сказал Голос.

— Оставьте, пожалуйста, ваши шутки! — воскликнул Томас Марвел. — Где вы! «Не пугайтесь» — скажите на милость!

— Не пугайтесь, — повторил Голос.

— Ты сам сейчас испугаешься, болван ты этакий! — сказал Томас Марвел. — Где ты? Вот я до тебя доберусь.

Молчание.

— Под землей ты, что ли? — спросил Томас Марвел.

Ответа не было. Томас Марвел продолжал стоять в одних носках, в распахнутом пиджаке, и лицо его выражало полное недоумение.

«Фю-ить», — раздался вдали свист.

— Вот тебе и «фю-ить». Что вы, в самом деле, дурачитесь? — сказал Томас Марвел.

Местность была безлюдная. В какую бы сторону он ни поглядел, никого не было видно. Дорога с глубокими канавами, окаймленная рядами белых придорожных столбов, гладкая и пустынная, тянулась на север и на юг, в безоблачном небе тоже ничего не было заметно, кроме пеночки.

— С нами крестная сила! — воскликнул Томас Марвел, застегивая пиджак. — Все водка проклятая. Так я и знал.

— Это не водка, — сказал Голос. — Не волнуйтесь.

— Ох! — простонал Марвел, побледнев. — Все водка, — беззвучно повторили его губы. Он постоял немного, мрачно глядя прямо перед собой, потом стал медленно поворачиваться. — Готов поклясться, что слышал голос, — прошептал он.

— Конечно, слышали.

— Вот опять, — сказал Марвел, закрывая глаза и трагическим жестом хватаясь за голову. Но тут его вдруг взяли за шиворот и так встряхнули, что у него совсем помутилось в голове.

— Брось дурить, — сказал Голос.

— Я рехнулся… — сказал Марвел. — Ничего не поможет. И все из-за проклятых башмаков. Прямо-таки рехнулся! Или это привидение?..

— Ни то, ни другое, — сказал Голос. — Послушай…

— Рехнулся! — повторил Марвел.

— Да погоди же! — сказал Голос, еле сдерживая раздражение.

— Ну? — сказал Марвел, испытывая странное ощущение, как будто кто-то коснулся пальцем

его груди.

— Ты думаешь, я тебе только почудился, да?

— А как же иначе? — ответил Томас Марвел, почесывая затылок.

— Отлично, — сказал Голос. — В таком случае я буду швырять в тебя камнями, пока ты не убедишься в противном.

— Да где же ты?

Голос не ответил. Свист — и камень, по-видимому, пущенный из воздуха, пролетел у самого плеча мистера Марвела. Обернувшись, мистер Марвел увидел, как другой камень, описав дугу, взлетел вверх, повис на секунду в воздухе и затем полетел к его ногам с почти неуловимой быстротой. Он был до того поражен, что даже не попробовал увернуться. Камень, ударившись о голый палец ноги, отлетел в канаву. Томас Марвел подскочил и взвыл от боли. Потом кинулся бежать, но споткнулся обо что-то и, перекувырнувшись, очутился в сидячем положении.

— Ну-с, что скажешь теперь? — спросил Голос, и третий камень, описав дугу, взлетел вверх и повис в воздухе над бродягой. — Что я такое? Воображение?

Марвел вместо ответа встал на ноги, но немедленно был снова брошен на землю. С минуту он

лежал не двигаясь.

— Сиди смирно, — сказал Голос, — не то я разобью тебе камнем голову.

— Ну и дела! — сказал мистер Марвел, садясь и потирая ушибленную ногу, но не сводя глаз с камня. — Ничего не понимаю. Камни сами летают. Камни разговаривают. Не кидайся. Сгинь. Мне крышка.

Камень упал на землю.

— Все очень просто, — сказал Голос. — Я невидимка.

— Расскажите что-нибудь поновее, — сказал мистер Марвел, охая и корчась от боли. — Где вы прячетесь, как вы это делаете? Не могу догадаться. Сдаюсь.

— Я невидимка, только и всего. Понимаешь ты или нет? — сказал Голос.

— Да это ясней ясного. И нечего, мистер, злиться. А теперь скажите-ка лучше, как вы прячетесь.

— Я невидимка, в этом вся суть. Пойми ты…

— Но где же вы? — прервал его Марвел.

— Да тут, перед тобой, в пяти шагах.

— Рассказывай! Я не слепой. Еще скажешь, что ты воздух. Я ведь не какой-нибудь неуч…

— Да, я воздух. Ты смотришь сквозь меня.

— Что? И в тебе так-таки ничего нет? Один

только болтливый голос, и все?

— Я такой же человек, как все, из плоти и крови, мне нужно есть, пить и прикрыть свою наготу. Но я невидимка. Понятно? Невидимка. Это очень просто. Невидимый человек.

— Настоящий человек?

— Да.

— Ну, если так, — сказал Марвел, — дайте-ка мне руку. Это будет все-таки на что-то похоже… Ох! — воскликнул он вдруг. — Как вы меня напугали! Надо же так вцепиться!

Он ощупал руку, которая стиснула его кисть, затем нерешительно ощупал плечо, мускулистую грудь, бороду. Лицо его выражало крайнее изумление.

— Здорово! — сказал он. — Это почище петушиного боя. Просто поразительно. Я могу увидеть сквозь вас зайца в полумиле отсюда. А вас самого нисколечко не видать… Впрочем…

Тут Марвел стал внимательно всматриваться в пространство, казавшееся пустым.

— Скажите, вы не ели хлеб с сыром? — спросил он, не выпуская невидимой руки.

— Правильно. Эта пища еще не усвоена организмом.

— А-а, — сказал мистер Марвел. — Все-таки это

странно.

— Право же, это далеко не так странно, как вам кажется.

— Для моего скромного разума это достаточно странно, — сказал Томас Марвел. — Но как вы это устраиваете? Как вам, черт возьми, удается?

— Это слишком длинная история. И кроме того…

— Я просто в себя не могу прийти, — сказал Марвел.

— Я хочу тебе вот что сказать: я нуждаюсь в помощи, — меня довели до этого. Я наткнулся на тебя неожиданно. Шел взбешенный, голый, обессиленный. Готов был убить… И я увидел тебя…

— Господи! — вырвалось у Марвела.

— Я подошел к тебе сзади… подумал и пошел дальше… — Лицо мистера Марвела весьма красноречиво выражало его чувства.

— Потом остановился. «Вот, — подумал я, — такой же отверженный, как я. Вот человек, который мне нужен». Я вернулся и направился к тебе. И…

— Господи! — сказал мистер Марвел. — У меня голова идет кругом. Позвольте спросить: как же это так? Невидимка! И какая вам нужна помощь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне достать одежду,

кров и еще кое-что… Всего этого у меня нет уже давно. Если же ты не хочешь… Но ты поможешь мне, должен помочь!

— Постойте, — сказал Марвел. — Дайте мне собраться с мыслями. Нельзя же так — обухом по голове. И не трогайте меня! Дайте прийти в себя. Ведь вы чуть не перебили мне палец. Все это так нелепо: пустые холмы, пустое небо. На много миль кругом ничего не видать, кроме красот природы. И вдруг голос. Голос с неба. И камни. И кулак. Ах ты Господи!

— Ну, нечего нюни распускать, — сказал Голос. — Делай лучше то, что я приказываю.

Марвел надул щеки, и глаза его стали совсем круглыми.

— Я остановил свой выбор на тебе, — сказал Голос, — ты единственный человек, если не считать нескольких деревенских дураков, который знает, что на свете есть невидимка. Ты должен мне помочь. Помоги мне, и я многое для тебя сделаю. В руках человека-невидимки большая сила. — Он остановился и громко чихнул. — Но если ты меня выдашь, — продолжал он, — если ты не сделаешь то, что я прикажу…

Он замолчал и крепко стиснул плечо Марвела. Тот взвыл от ужаса.

— Я не собираюсь выдавать вас, — сказал он, стараясь отодвинуться от Невидимки. — Об этом и речи быть не может. С радостью вам помогу. Скажите только, что я должен делать. (Господи!) Все, что пожелаете, я сделаю с величайшим удовольствием.

Глава 10
Мистер Марвел в Айпинге

После того как паника немного улеглась, жители Айпинга стали прислушиваться к голосу рассудка. Скептицизм внезапно поднял голову — правда, несколько шаткий, неуверенный, но все же скептицизм. Ведь не верить в существование Невидимки было куда проще, а тех, кто видел, как он рассеялся в воздухе, или почувствовал на себе силу его кулаков, можно было пересчитать по пальцам. К тому же один из очевидцев, мистер Уоджерс, отсутствовал, он заперся у себя в доме и никого не пускал, а Джефферс лежал без чувств в трактире «Кучер и кони». Великие, необычайные идеи, выходящие за пределы опыта, часто имеют меньше власти над людьми, чем малозначительные, но зато вполне конкретные соображения. Айпинг разукрасился флагами, жители разрядились. Ведь к празднику готовились целый месяц, его предвкушали. Вот почему несколько часов спустя даже те, кто верил в существование Невидимки, уже предавались развлечениям, утешая себя мыслью, что он исчез навсегда; что же

касается скептиков, то для них Невидимка превратился в забавную шутку. Как бы то ни было, среди тех и других царило необычайное веселье.

На Хайсменском лугу разбили палатку, где миссис Бантинг и другие дамы приготовляли чай, а вокруг ученики воскресной школы бегали взапуски по траве и играли в разные игры под шумным руководством викария, мисс Касс и мисс Сэкбат. Правда, чувствовалось какое-то легкое беспокойство, но все были настолько благоразумны, что скрывали свой страх. Большим успехом у молодежи пользовался наклонно натянутый канат, по которому, держась за блок, можно было стремглав слететь вниз, на мешок с сеном, лежавший у другого конца веревки. Не меньшим успехом пользовались качели, метание кокосовых орехов и карусель с паровым органом, непрерывно наполнявшим воздух пронзительным запахом масла и не менее пронзительной музыкой. Члены клуба, побывавшие утром в церкви, щеголяли разноцветными значками, а большинство молодых людей разукрасили свои котелки яркими лентами. Старик Флетчер, у которого были несколько суровые представления о праздничном отдыхе, стоял на доске, положенной на два стула, как это можно было видеть

сквозь цветы жасмина на подоконнике или через открытую дверь (как кому угодно было смотреть), и белил потолок своей столовой.

Около четырех часов в Айпинге появился незнакомец; он пришел со стороны холмов. Это был невысокий толстый человек в чрезвычайно потрепанном цилиндре, сильно запыхавшийся. Он то втягивал щеки, то надувал их до отказа. Лицо у него было в красных пятнах, выражало страх, и двигался он хотя и быстро, но явно неохотно. Он завернул за угол церкви и направился к трактиру «Кучер и кони». Среди прочих обратил на него внимание и старик Флетчер, который был поражен необычайно взволнованным видом незнакомца и до тех пор смотрел ему вслед, пока известка, набранная на кисть, не затекла ему в рукав.

Незнакомец, по свидетельству хозяина тира, вслух разговаривал сам с собой. То же заметил и мистер Хакстерс. Он остановился у крыльца гостиницы и, по словам мистера Хакстерса, по-видимому, долго колебался, прежде чем решился войти в дом. Наконец он поднялся по ступенькам, повернул, как это успел заметить мистер Хакстерс, налево и открыл дверь в гостиную. Мистер Хакстерс услыхал голоса изнутри, а также оклики

из распивочной, указывавшие незнакомцу на его ошибку.

— Не туда! — сказал Холл.

Тогда незнакомец закрыл дверь и вошел в распивочную.

Через несколько минут он снова появился на улице, вытирая губы рукой, с видом спокойного удовлетворения, показавшимся Хакстерсу напускным. Он немного постоял, огляделся, а затем мистер Хакстерс увидел, как он, крадучись, направился к воротам, которые вели во двор, куда выходило окно гостиной. После некоторого колебания незнакомец прислонился к створке ворот, вынул короткую глиняную трубку и стал набивать ее табаком. Руки его дрожали. Наконец он кое-как раскурил трубку и, скрестив руки, начал дымить, приняв позу скучающего человека, чему отнюдь не соответствовали быстрые взгляды, которые он то и дело бросал во двор.

Все это мистер Хакстерс видел из-за жестянок, стоявших в окне табачной лавочки, и странное поведение незнакомца побудило его продолжать наблюдение.

Вдруг незнакомец порывисто выпрямился, сунул трубку в карман и исчез во дворе. Тут мистер Хакстерс, решив, что на его глазах совершает-

ся кража, выскочил из-за прилавка и выбежал на улицу, чтобы перехватить вора. В это время незнакомец снова показался в сбитом набекрень цилиндре, держа в одной руке большой узел, завернутый в синюю скатерть, а в другой — три книги, связанные, как выяснилось впоследствии, подтяжками викария. Увидев Хакстерса, он охнул и, круто повернув влево, бросился бежать.

— Держи вора! — крикнул Хакстерс и пустился вдогонку.

Последующие ощущения мистера Хакстерса были сильны, но мимолетны. Он видел, как вор бежал прямо перед ним по направлению к церкви. Он запомнил мелькнувшие впереди флаги и толпу гуляющих, причем только двое или трое оглянулись на его крик.

— Держи вора! — завопил он еще громче.

Но не пробежал он и десяти шагов, как что-то ухватило его за ноги, и вот уже он не бежит, а пулей летит по воздуху! Не успел он опомниться, как уже лежал на земле. Мир рассыпался на миллионы кружащихся искр, и дальнейшие события перестали его интересовать.

Глава 11
В трактире «Кучер и кони»

Чтобы ясно понять все, что произошло в трактире, необходимо вернуться назад, к тому моменту, когда мистер Марвел впервые появился перед окном мистера Хакстерса.

В это самое время в гостиной находились мистер Касс и мистер Бантинг. Они самым серьезным образом обсуждали утренние события и с разрешения мистера Холла тщательно исследовали вещи, принадлежавшие Невидимке. Джефферс несколько оправился от своего падения и ушел домой, сопровождаемый заботливыми друзьями. Разбросанная по полу одежда Невидимки была убрана миссис Холл, и комната приведена в порядок. У окна, на столе, за которым приезжий обыкновенно работал, Касс сразу же наткнулся на три рукописные книги, озаглавленные «Дневник».

— Дневник! — воскликнул Касс, кладя все три книги на стол. — Теперь уж мы, во всяком случае, кое-что узнаем.

Викарий подошел и оперся руками на стол.

— Дневник, — повторил Касс, усаживаясь на стул. Он подложил две книги под третью и открыл верхнюю. — Гм… На заглавном листе никакого названия. Фу ты!.. Цифры. И чертежи.

Викарий обошел стол и заглянул через плечо Касса. Касс переворачивал страницу одну за другой, и лицо его выражало горькое разочарование.

— Эхма! Тут одни цифры, Бантинг!

— Нет ли тут диаграмм? — спросил Бантинг. — Или рисунков, проливающих свет…

— Посмотрите сами, — ответил Касс. — Тут и математика, и по-русски или еще на каком-то языке (если судить по буквам), а кое-что написано и по-гречески. Ну а греческий-то, я думаю, вы уж разберете…

— Конечно, — сказал мистер Бантинг, вынимая очки и протирая их. Он сразу почувствовал себя крайне неловко, ибо от греческого языка в голове у него осталась самая малость. — Да, греческий, конечно, может дать ключ…

— Я сейчас покажу вам место…

— Нет, лучше уж я просмотрю сначала все книги, — сказал мистер Бантинг, все еще протирая очки. — Сначала, Касс, необходимо получить общее представление, а потом уж, знаете, можно

будет поискать ключ.

Он кашлянул, медленно надел очки и мысленно пожелал, чтобы что-нибудь случилось и предотвратило его позор. Затем он взял книгу, которую ему передал Касс.

А затем действительно случилось нечто.

Дверь вдруг отворилась.

Касс и викарий вздрогнули от неожиданности, но, подняв глаза, с облегчением увидели красную физиономию под потрепанным цилиндром.

— Распивочная? — прохрипела физиономия, тараща глаза.

— Нет, — ответили в один голос оба джентльмена.

— Это напротив, милейший, — сказал мистер Бантинг.

— И пожалуйста, закройте дверь, — добавил с раздражением мистер Касс.

— Ладно, — сказал вошедший вполголоса. — Есть! — прохрипел он. — Полный назад! — скомандовал он сам себе, исчезая и закрывая дверь.

— Матрос, наверное, — сказал мистер Бантинг. — Забавный народ. «Полный назад» — слыхали? Это, должно быть, морской термин, означающий выход из комнаты.

— Вероятно, так, — сказал Касс. — Вот только

нервы у меня ни к черту. Я даже подскочил, когда дверь вдруг открылась.

Мистер Бантинг снисходительно улыбнулся, словно он сам не подскочил точно так же.

— А теперь, — сказал он со вздохом, — займемся книгами.

— Одну секунду, — сказал Касс, вставая и запирая дверь. — Теперь, я думаю, нам никто не помешает.

В этот миг кто-то фыркнул.

— Одно не подлежит сомнению, — заявил мистер Бантинг, придвигая свое кресло к креслу Касса. — В Айпинге за последние дни имели место какие-то странные события, весьма странные. Я, конечно, не верю в эту нелепую басню о Невидимке…

— Это невероятно, — сказал Касс, — невероятно. Но факт тот, что я видел… да, да, я заглянул в рукав…

— Но вы уверены… верно ли, что вы видели? Быть может, там было зеркало… Ведь вызвать оптический обман очень легко. Я не знаю, видели вы когда-нибудь настоящего фокусника…

— Не будем спорить, — сказал Касс. — Ведь мы уже обо всем этом толковали. Обратимся к книгам… Ага, вот это, по-моему, написано по-гре-

чески. Ну, конечно, это греческие буквы.

Он указал на середину страницы. Мистер Бантинг слегка покраснел и склонился над книгой: с его очками, очевидно, опять что-то случилось. Его познания в греческом языке были весьма слабы, но он полагал, что все прихожане считают его знатоком и греческого и древнееврейского. И вот… Неужели сознаться в своем невежестве? Или сочинить что-нибудь? Вдруг он почувствовал какое-то странное прикосновение к своему затылку. Он попробовал поднять голову, но встретил непреодолимое препятствие.

Он испытывал непонятное ощущение тяжести, как будто чья-то крепкая рука пригибала его книзу, так что подбородок коснулся стола.

— Не шевелитесь, милейшие, — раздался шепот, — или я размозжу вам головы.

Он взглянул в лицо Касса, близко придвинувшееся к нему, и увидел на нем отражение собственного испуга и безмерного изумления.

— Я очень сожалею, что приходится принимать крутые меры, — сказал Голос, — но это неизбежно.

— С каких это пор вы научились залезать в частные записи исследователей? — сказал Голос, и два подбородка одновременно ударились о стол,

а две пары челюстей одновременно щелкнули.

— С каких это пор вы научились вторгаться в комнату человека, попавшего в беду? — И снова удар по столу и щелканье зубов.

— Куда вы дели мое платье?

— А теперь слушайте, — сказал Голос. — Окна закрыты, а из дверного замка я вынул ключ. Человек я очень сильный, и под рукой у меня кочерга, не говоря уж о том, что я невидим. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, если б я только захотел, мне не стоило бы никакого труда убить вас обоих и преспокойно удалиться. Понятно? Так вот. Обещаете ли вы не делать глупостей и исполнить все, что я вам прикажу, если я вас не трону?

Викарий и доктор посмотрели друг на друга, и доктор скорчил гримасу.

— Обещаем, — сказал викарий.

— Обещаем, — сказал доктор.

Тогда Невидимка выпустил их, и они выпрямились. Лица у обоих были очень красные, и они усиленно вертели головами.

— Попрошу вас оставаться на местах, — сказал Невидимка. — Видите, вот кочерга. Когда я вошел в эту комнату, — продолжал он, по очереди поднося кочергу к носу своих собеседников, — я не

ожидал встретить здесь людей. И кроме того, я надеялся найти, помимо своих книг, еще платье. Где оно?.. Нет, нет, не вставайте. Я вижу: его унесли отсюда. Хотя дни теперь стоят достаточно теплые для того, чтобы невидимка мог ходить нагишом, по вечерам все же довольно прохладно. Поэтому я нуждаюсь в одежде и в некоторых других вещах. Кроме того, мне нужны эти три книги.

Глава 12
Невидимка приходит в ярость

Здесь необходимо снова прервать наш рассказ ввиду весьма тягостного обстоятельства, о котором сейчас пойдет речь. Пока в гостиной происходило все описанное выше и пока мистер Хакстерс наблюдал за Марвелом, курившим трубку у ворот, ярдах в двенадцати от него, в распивочной, стояли мистер Холл и мистер Хенфри; озадаченные, они обсуждали единственную айпингскую злобу дня.

Вдруг раздался сильный удар в дверь гостиной, оттуда донесся пронзительный крик, потом все смолкло.

— Эй! — воскликнул Тедди Хенфри.

— Эй! — раздалось в распивочной.

Мистер Холл усваивал происходящее медленно, но верно.

— Там что-то неладно, — сказал он, выходя из-за стойки и направляясь к двери гостиной.

Он и Тедди вместе подошли к двери с напряженным вниманием на лицах. Взгляд у них был задумчивый.

— Что-то неладно, — сказал Холл, и Хенфри кивнул головой в знак согласия.

На них пахнуло тяжелым запахом химикалиев, а из комнаты послышался приглушенный разговор, очень быстрый и тихий.

— Что у вас там? — быстро спросил Холл, постучав в дверь.

Приглушенный разговор круто оборвался, на минуту наступило полное молчание, потом снова послышался громкий шепот, после чего раздался крик: «Нет, нет, не надо!» Затем поднялась возня, послышался стук падающего стула и шум короткой борьбы. И снова тишина.

— Что за черт! — воскликнул Хенфри вполголоса.

— Что у вас там? — снова поспешно спросил мистер Холл.

Викарий ответил каким-то странным, прерывающимся голосом:

— Все в порядке. Пожалуйста, не мешайте.

— Странно! — сказал Хенфри.

— Странно! — сказал Холл.

— Просят не мешать, — сказал Хенфри.

— Слышал, — сказал Холл.

— И кто-то фыркнул, — добавил Хенфри.

Они продолжали стоять у дверей, прислушива-

ясь. Разговор в гостиной возобновился, такой же приглушенный и быстрый.

— Я не могу, — раздался голос мистера Бантинга. — Говорю вам, я не хочу.

— Что такое? — спросил Хенфри.

— Говорит, что не хочет, — сказал Холл. — Кому это он — нам, что ли?

— Возмутительно! — послышался голос мистера Бантинга.

— Возмутительно, — повторил мистер Хенфри. — Я ясно это слышал.

— А кто сейчас говорит?

— Вероятно, мистер Касс, — сказал Холл. — Вы что-нибудь разбираете?

Они помолчали. Разговор за дверью становился все невнятнее и загадочнее.

— Кажется, скатерть сдирают со стола, — сказал Холл.

За стойкой появилась хозяйка. Холл стал знаками внушать ей, чтобы она не шумела и подошла к ним. Это сейчас же пробудило в его супруге дух противоречия.

— Чего это ты там стоишь и слушаешь? — спросила она. — Другого дела у тебя нет, да еще в праздничный день?

Холл пытался объясниться жестами и мими-

кой, но миссис Холл не желала понимать. Она упорно повышала голос. Тогда Холл и Хенфри, сильно смущенные, на цыпочках подошли к стойке и объяснили ей, в чем дело.

Сначала она вообще отказалась признать что-либо необыкновенное в том, что услышала. Потом потребовала, чтобы Холл замолчал и говорил один Хенфри. Она была склонна считать все это пустяками, — может, они просто передвигали мебель.

— Я слышал, как он сказал «возмутительно», ясно слышал, — твердил Холл.

— И я слышал, миссис Холл, — сказал Хенфри.

— Так это или нет… — начала миссис Холл.

— Тсс! — прервал ее Хенфри. — Слышите — окно?

— Какое окно? — спросила миссис Холл.

— В гостиной, — ответил Хенфри.

Все замолчали, напряженно прислушиваясь. Невидящий взор миссис Холл был устремлен на светлый прямоугольник трактирной двери, на белую дорогу и фасад лавки Хакстерса, залитый июньским солнцем. Вдруг дверь лавки распахнулась, и появился сам Хакстерс, размахивая руками, с вытаращенными от волнения глазами.

— Держи вора! — крикнул он и бросился бежать

наискось к воротам трактира, где и исчез.

В ту же секунду из гостиной донесся громкий шум и хлопанье затворяемого окна.

Холл, Хенфри и все бывшие в распивочной гурьбой выбежали на улицу. Они увидели, как кто-то быстро кинулся за угол по направлению к проселочной дороге и как мистер Хакстерс совершил в воздухе сложный прыжок, закончившийся падением. Толпа гуляющих застыла в изумлении, несколько человек подбежали к нему.

Мистер Хакстерс был без сознания, как определил склонившийся над ним Хенфри. А Холл с двумя работниками из трактира добежал до угла, выкрикивая что-то нечленораздельное, и они увидели, как Марвел исчез за углом церковной ограды. Они, должно быть, решили, что это и есть Невидимка, внезапно сделавшийся видимым, и пустились вдогонку. Но не успел Холл пробежать и десяти шагов, как, громко вскрикнув от изумления, отлетел в сторону и, ухватившись за одного из работников, грохнулся вместе с ним наземь. Он был сбит с ног, совсем как на футбольном поле сбивают игрока. Второй работник обернулся и, решив, что Холл просто оступился, продолжал преследование один; но тут и он свалился так же, как Хакстерс. В это время первый работник,

успевший встать на ноги, получил сбоку такой удар, которым можно было бы свалить быка.

Он упал, и в эту минуту из-за угла показались люди, прибежавшие с лужайки, где происходило гулянье. Впереди всех бежал владелец тира, рослый мужчина в синей фуфайке. Он очень удивился, увидев, что на дороге нет никого, кроме трех человек, нелепо барахтающихся на земле. В ту же секунду с его ногой что-то случилось, он растянулся во всю длину и откатился в сторону, прямо под ноги следовавшего за ним брата и компаньона, отчего и тот распластался на земле. Все бежавшие следом спотыкались о них, падали кучей, валясь друг на друга, и осыпали их отборной руганью. Когда Холл, Хенфри и работники выбежали из трактира, миссис Холл, наученная долголетним опытом, осталась сидеть за кассой. Вдруг дверь гостиной распахнулась, оттуда выскочил мистер Касс и, даже не взглянув на нее, сбежал с крыльца и понесся за угол дома.

— Держите его! — кричал он. — Не давайте ему выпустить из рук узел! Пока он держит этот узел, его можно видеть!

О существовании Марвела никто не подозревал, так как Невидимка передал тому книги и узел во дворе. Вид у мистера Касса был сердитый

и решительный, но в костюме его кое-чего не хватало; по правде говоря, все одеяние его состояло из чего-то вроде легкой белой юбочки, которая могла бы сойти за одежду разве только в Греции.

— Держите его! — вопил он. — Он унес мои брюки! И всю одежду викария! Я сейчас доберусь до него! — крикнул он Хенфри, пробегая мимо распростертого на земле Хакстерса и огибая угол, чтобы присоединиться к толпе, гнавшейся за Невидимкой, но тут же был сшиблен с ног и шлепнулся на дорогу в самом неприглядном виде. Кто-то тяжело наступил ему на руку. Он взвыл от боли, попытался встать на ноги, снова был сшиблен, упал на четвереньки и наконец убедился, что участвует не в погоне, а в бегстве. Все бежали обратно. Он снова поднялся, но получил здоровый удар по уху. Шатаясь, он повернул к трактиру, перескочив через забытого всеми Хакстерса, который к тому времени уже очнулся и сидел посреди дороги.

Поднимаясь на крыльцо трактира, мистер Касс вдруг услышал позади себя звук громкой оплеухи и яростный крик боли, покрывший разноголосый гам. Он узнал голос Невидимки. Тот кричал так, словно его привела в бешенство неожиданная острая боль.

Мистер Касс кинулся в гостиную.

— Бантинг, он возвращается! — крикнул он, врываясь в комнату. — Спасайтесь! Он сошел с ума!

Мистер Бантинг стоял у окна и мастерил себе костюм из каминного коврика и листа «Западносэрейской газеты».

— Кто возвращается? — спросил он и так вздрогнул, что чуть не растерял весь свой костюм.

— Невидимка! — ответил Касс и подбежал к окну. — Надо убираться отсюда. Он дерется как безумный! Прямо как безумный!

Через секунду он был уже на дворе.

— Господи помилуй! — в ужасе воскликнул Бантинг, не зная, на что решиться.

Но тут из коридора трактира донесся шум борьбы, и это положило конец его колебаниям. Он вылез в окно, наскоро приладил свой костюм и пустился бежать по улице со всей скоростью, на которую только были способны его толстые, короткие ножки.

Начиная с той минуты, как послышался разъяренный крик Невидимки и мистер Бантинг пустился бежать, уже невозможно установить последовательность в ходе айпингских событий. Быть может, первоначально Невидимка хотел

только прикрыть отступление Марвела с платьем и книгами. Но так как он вообще не отличался кротким нравом, да еще случайно угодивший в него удар окончательно вывел его из себя, он стал сыпать ударами направо и налево, колотить всех, кто попадался под руку.

Представьте себе улицу, заполненную бегущими людьми, хлопанье дверей и драку из-за укромных местечек, куда можно было бы спрятаться. Представьте себе, как подействовала эта буря на неустойчивое равновесие доски, положенной на два стула в столовой старика Флетчера, и какая за этим последовала катастрофа. Представьте себе перепуганную парочку, застигнутую бедствием на качелях. А потом буря пронеслась, и айпингская улица, разукрашенная флагами и гирляндами, опустела: один только Невидимка продолжал бушевать среди раскиданных по земле кокосовых орехов, опрокинутых парусиновых щитов и разбросанных сластей с лотка торговца. Отовсюду доносился стук закрываемых ставней и задвигаемых засовов, и только кое-где, выдавая присутствие людей, мелькал сквозь щелку вытаращенный глаз под испуганно приподнятой бровью.

Невидимка некоторое время забавлялся тем,

что бил окна в трактире «Кучер и кони», затем просунул уличный фонарь в окно гостиной миссис Грогрем. Он же, вероятно, перерезал телеграфный провод за домиком Хиггинса на Эддердинской дороге. А затем, пользуясь своим необыкновенным свойством, бесследно исчез, и в Айпинге о нем больше не было ни слуху ни духу. Он скрылся навсегда.

Но прошло добрых два часа, прежде чем первые смельчаки решились вновь выйти на пустынную айпингскую улицу.

Глава 13
Мистер Марвел ходатайствует об отставке

Когда начало смеркаться и жители Айпинга стали боязливо выползать из домов, поглядывая на печальные следы побоища, разыгравшегося в праздничный день, по дороге в Брэмблхерст за буковой рощей тяжело шагал коренастый человек в потрепанном цилиндре. Он нес три книги, перетянутые чем-то вроде эластичной ленты, и какие-то вещи, завязанные в синюю скатерть. Его багровое лицо выражало уныние и усталость, а в походке была какая-то судорожная торопливость. Его подгонял чей-то голос, и он то и дело корчился от прикосновения невидимых рук.

— Если ты опять удерешь, — сказал Голос, — если ты опять вздумаешь удирать…

— Господи! — простонал Марвел. — И так уж живого места на плече не осталось.

— Я тебя убью, честное слово, — продолжал Голос.

— Я и не думал удирать, — сказал Марвел, чуть не плача. — Клянусь вам. Я просто не знал, где

нужно сворачивать, только и всего. И откуда я мог это знать? Мне и так досталось по первое число.

— И достанется еще больше, если ты не будешь слушаться, — сказал Голос, и Марвел сразу замолчал. Он надул щеки, и глаза его красноречиво выражали глубокое отчаяние. — Хватит с меня, что эти ослы узнали мою тайну, а тут ты еще вздумал улизнуть с моими книгами. Счастье их, что они вовремя попрятались… Иначе… Никто не знал, что я невидим. А теперь что мне делать?

— А мне-то что делать? — пробормотал Марвел.

— Все теперь известно. В газеты еще попадет! Все будут теперь искать меня, будут настороже… — Голос крепко выругался и замолк.

Отчаяние на лице Марвела усугубилось, и он замедлил шаг.

— Ну, пошевеливайся, — сказал Голос. Промежутки между красными пятнами на лице Марвела посерели.

— Не урони книги, болван, — сердито сказал Голос. — Одним словом, — продолжал он, — мне придется воспользоваться тобой… Правда, орудие неважное, но у меня выбора нет.

— Я жалкое орудие, — сказал Марвел.

— Это верно, — сказал Голос.

— Я самое скверное орудие, какое только вы могли избрать, — сказал Марвел. — Я слабосильный, — продолжал он. — Я очень слабый, — повторил он, не дождавшись ответа.

— Разве?

— И сердце у меня слабое. Ваше поручение я выполнил. Но, уверяю вас, мне казалось, что я вот-вот упаду.

— Да?

— У меня храбрости и силы такой нет, какие вам нужны.

— Я тебя подбодрю.

— Лучше уж не надо! Я не хочу испортить вам все дело, но это может случиться. Вдруг я струхну или растеряюсь…

— Уж постарайся, чтобы этого не случилось, — сказал Голос спокойно, но твердо.

— Лучше уж помереть, — сказал Марвел. — И ведь это несправедливо, — продолжал он. — Согласитесь сами… Мне кажется, я имею право.

— Вперед! — сказал Голос.

Марвел прибавил шагу, и некоторое время они шли молча.

— Очень тяжелая работа, — сказал Марвел.

Это замечание не возымело никакого действия. Тогда он решил начать с другого конца.

— А что мне это дает? — заговорил он снова тоном горькой обиды.

— Довольно! — гаркнул Голос. — Я тебя обеспечу. Только делай, что тебе велят. Ты отлично справишься. Хоть ты и дурак, а справишься…

— Говорю вам, мистер, я неподходящий человек для этого. Я не хочу вам противоречить, но это так…

— Заткнись, а не то опять начну выкручивать тебе руку, — сказал Невидимка. — Ты мешаешь мне думать.

Впереди сквозь деревья блеснули два пятна желтого света, и в сумраке стали видны очертания квадратной колокольни.

— Я буду держать руку у тебя на плече, — сказал Голос, — пока мы не пройдем через деревню. Ступай прямо и не вздумай дурить. А то будет худо.

— Знаю, — ответил со вздохом Марвел, — это-то я хорошо знаю.

Жалкая фигура в потрепанном цилиндре прошла со своей ношей по деревенской улице мимо освещенных окон и скрылась во мраке за околицей.

Глава 14
В Порт-Стоу

На следующий день в десять часов утра Марвел, небритый, грязный, растрепанный, сидел на скамье у входа в трактирчик в предместье Порт-Стоу; руки он засунул в карманы, и вид у него был крайне усталый, расстроенный и тревожный. Рядом с ним лежали книги, связанные уже веревкой. Узел был оставлен в лесу за Брэмблхерстом в связи с переменой в планах Невидимки. Марвел сидел на скамье, и, хотя никто не обращал на него ни малейшего внимания, волнение его все усиливалось. Руки его то и дело беспокойно шарили по многочисленным карманам.

После того как он просидел так добрый час, из трактира вышел пожилой матрос с газетой в руках и присел рядом с Марвелом.

— Хороший денек, — сказал матрос. Марвел стал испуганно озираться.

— Превосходный, — подтвердил он.

— Погода как раз по сезону, — продолжал матрос тоном, не допускавшим возражений.

— Вот именно, — согласился Марвел.

Матрос вынул зубочистку и несколько минут был занят исключительно ею. А между тем взгляд его был устремлен на Марвела и внимательно изучал запыленную фигуру и лежавшие рядом книги. Когда матрос подходил к Марвелу, ему показалось, что у того в кармане звенели деньги. Его поразило несоответствие между внешним видом Марвела и этим позвякиванием. И он заговорил о том, что владело его воображением.

— Книги? — спросил он вдруг, усердно орудуя зубочисткой.

Марвел вздрогнул и посмотрел на связку, лежавшую рядом.

— Да, — сказал он, — да-да, это книги.

— Удивительные вещи можно найти в книгах, — продолжал матрос.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Марвел.

— И не только в книгах, — заметил матрос.

— Правильно, — подтвердил Марвел. Он взглянул на своего собеседника, затем огляделся по сторонам.

— Вот, к примеру сказать, удивительные вещи иногда пишут в газетах, — начал снова матрос.

— Н-да, бывает.

— Вот и в этой газете, — сказал матрос.

— А! — сказал мистер Марвел.

— Вот здесь, — продолжал матрос, не сводя с Марвела упорного и серьезного взгляда, — напечатано про Невидимку.

Марвел скривил рот и почесал щеку, чувствуя, что у него покраснели уши.

— Чего только не выдумают! — сказал он слабым голосом. — Где это, в Австралии или в Америке?

— Ничего подобного, — возразил матрос, — здесь.

— Господи! — воскликнул Марвел, вздрогнув.

— То есть не то чтобы совсем здесь, — пояснил матрос, к величайшему облегчению мистера Марвела, — не на этом самом месте, где мы сейчас сидим, но поблизости.

— Невидимка, — сказал Марвел. — Ну а что он делает?

— Все, — сказал моряк, внимательно разглядывая Марвела. — Все, что угодно, — добавил он.

— Я уже четыре дня не видал газет, — заметил Марвел.

— Сперва он объявился в Айпинге, — сказал матрос.

— Вот как? — сказал Марвел.

— Там он объявился в первый раз, — продолжал

матрос, — а откуда он взялся, этого, видно, никто не знает. Вот: «Необыкновенное происшествие в Айпинге». И в газете сказано, что все это точно и достоверно.

— Господи! — воскликнул Марвел.

— Да уж и впрямь удивительная история. И викарий и доктор утверждают, что видели его совершенно ясно… то есть, вернее говоря, не видели. Тут пишут, что он жил в трактире «Кучер и кони», и, верно, никто сперва не подозревал о его несчастье, а потом в трактире случилась драка, и у него с головы сорвали бинты. Тогда-то и заметили, что голова у него невидимая. Тут сказано, что его сразу же хотели схватить, да ему удалось сбросить с себя остальную одежду и скрыться. Правда, ему пришлось выдержать отчаянную борьбу, во время которой он нанес серьезные ранения достойному и почтенному констеблю мистеру Джефферсу. Вот как тут сказано. Все начистоту, а? Имена названы полностью, и все такое.

— Господи! — проговорил Марвел, беспокойно оглядываясь по сторонам и пытаясь ощупью сосчитать деньги в карманах; ему пришла в голову странная и весьма любопытная мысль. — Как все это удивительно! — сказал он.

— Правда ведь? Просто необычайно. Никогда в

жизни не слыхал о невидимках. Да что говорить: в наше время порой слышишь о таких вещах, что…

— И это все, что он сделал? — спросил Марвел как можно непринужденнее.

— А этого разве мало? — сказал матрос.

— Он не вернулся в Айпинг? — спросил Марвел. — Просто скрылся, и все?

— Все, — сказал матрос. — Мало вам?

— Что вы, более чем достаточно, — проговорил Марвел.

— Еще бы не достаточно, — сказал моряк, — еще бы…

— А товарищей у него не было? Ничего не пишут об этом? — с тревогой спросил Марвел.

— Неужели вам мало одного такого молодца? — спросил матрос. — Нет, слава тебе Господи, он был один. — Матрос хмуро покачал головой. — Даже подумать тошно, что он тут где-то околачивается! Он на свободе, и, как пишут в газете, по некоторым данным вполне можно предположить, что он направился в Порт-Стоу. А мы как раз тут! Это уж вам не американское чудо какое-нибудь. Вы подумайте только, что он может тут натворить! Вдруг он выпьет лишнего и вздумает броситься на вас? А если захочет грабить, кто ему поме-

шает? Он может грабить, он может укокошить человека, может красть, может пройти сквозь полицейскую заставу так же легко, как мы с вами можем удрать от слепого. Еще легче! Слепые, говорят, замечательно хорошо слышат. А если он увидал винцо, которое ему пришлось бы по вкусу…

— Да, конечно, положение его очень выгодное, — сказал Марвел. — И…

— Правильно, — сказал матрос, — очень выгодное.

В течение всего этого разговора Марвел не переставал напряженно оглядываться по сторонам, прислушиваясь к едва слышным шагам и стараясь заметить неуловимые движения. Он, по-видимому, готов был принять какое-то важное решение.

Кашлянув в руку, он еще раз оглянулся, прислушался, потом наклонился к матросу и, понизив голос, сказал:

— Факт тот, что я случайно кое-что знаю об этом Невидимке. Из частных источников.

— Ого! — воскликнул матрос. — Вы?

— Да, — сказал Марвел. — Я.

— Вот как! — сказал матрос. — А разрешите спросить…

— Вы будете удивлены, — сказал Марвел, прикрывая рот рукой. — Это изумительно.

— Еще бы! — сказал матрос.

— Дело в том… — начал Марвел доверительным тоном. Но вдруг выражение его лица, как по волшебству, изменилось. — Ой! — простонал он и тяжело заворочался на скамье; лицо его искривилось от боли. — Ой-ой-ой! — простонал он опять.

— Что с вами? — участливо спросил матрос.

— Зубы болят, — сказал Марвел и приложил руку к щеке. Потом быстро взял книги. — Мне, пожалуй, пора, — сказал он и начал как-то странно ерзать на скамейке, удаляясь от своего собеседника.

— Но вы же собирались рассказать мне про Невидимку, — запротестовал матрос.

Марвел остановился в нерешительности.

— Утка, — сказал Голос.

— Это утка, — повторил Марвел.

— Да ведь в газете написано… — возразил матрос.

— Просто утка, — сказал Марвел. — Я знаю, кто все это выдумал. Никакого нет Невидимки. Враки.

— Как же так? Ведь в газете…

— Все враки от начала и до конца, — решитель-

но заявил Марвел.

Матрос встал с газетой в руках и выпучил глаза. Марвел судорожно оглядывался кругом.

— Постойте, — сказал матрос медленно и раздельно. — Вы хотите сказать…

— Да, — сказал Марвел.

— Так какого же черта вы сидели и слушали, что я болтаю? Чего же вы молчали, когда я перед вами тут дурака валял? А?

Марвел надул щеки. Матрос вдруг побагровел и сжал кулаки.

— Я тут, может, десять минут сижу и размазываю эту историю, а ты, толстомордый болван, невежа ты этакий, не мог…

— Пожалуйста, перестаньте ругаться, — сказал Марвел…

— Ругаться! Погоди-ка…

— Идем! — сказал Голос.

Марвела вдруг приподняло, завертело, и он зашагал какой-то странной, дергающейся походкой.

— Убирайся, покуда цел, — сказал матрос.

— Это мне-то убираться? — сказал Марвел. Он отступал какой-то неровной, торопливой походкой, почти скачками. Потом что-то забормотал виноватым и вместе с тем обиженным тоном.

— Старый дурак, — сказал матрос; широко расставив ноги и подбоченясь, он глядел вслед удалявшемуся Марвелу. — Вот она, газета, тут все сказано. Я тебе покажу, нахал этакий! Меня не проведешь!

Марвел ответил что-то бессвязное; потом он скрылся за поворотом, а матрос все стоял посреди дороги, пока тележка мясника не заставила его отойти. Тогда он повернул к Порт-Стоу.

— Сколько дураков на свете! — проворчал он. — Видно, хотел подшутить надо мной. Вот осел! Да ведь это в газете напечатано…

Вскоре ему пришлось услышать еще об одном удивительном событии, которое произошло совсем рядом. Это было видение «пригоршни денег» (ни больше ни меньше), путешествовавшей без видимых посредников вдоль стены на углу Сент-Майклс-лейн. Свидетелем этого поразительного зрелища в то самое утро оказался другой матрос. Он, конечно, попытался схватить деньги, но был тут же сшиблен с ног, а когда вскочил, деньги упорхнули, как бабочка. Наш матрос склонен был, по его собственным словам, многому поверить, но это было уж слишком. Впоследствии он, однако, изменил свое мнение.

История о летающих деньгах была вполне

достоверна. В этот день по всей округе, даже из великолепного филиала лондонского банка, из касс трактира и лавок — по случаю теплой погоды двери везде были открыты настежь — деньги спокойно и ловко выскакивали пригоршнями и пачками и летали по стенам и закоулкам, быстро ускользая от взоров приближающихся людей. Свое таинственное путешествие деньги заканчивали — хотя никто этого не проследил — в карманах беспокойного человека в потрепанном цилиндре, сидевшего у дверей трактира в предместье Порт-Стоу.

Глава 15
Бегущий человек

Ранним вечером доктор Кемп сидел в своем кабинете, в башенке дома, стоявшего на холме, откуда открывался вид на Бэрдок. Это была небольшая уютная комната с тремя окнами — на север, запад и юг, со множеством полок, уставленных книгами и научными журналами, и с массивным письменным столом; у северного окна стоял столик с микроскопом, стекляшками, всякого рода мелкими приборами, культурами бацилл и бутылочками, содержавшими реактивы. Лампа в кабинете была уже зажжена, хотя лучи заходящего солнца еще ярко освещали небо; шторы были подняты, так как не приходилось опасаться, что кто-нибудь вздумает заглянуть в окно. Доктор Кемп был высокий, стройный молодой человек с льняными волосами и светлыми, почти белыми усами. Работе, которой он был сейчас занят, доктор придавал большое значение, рассчитывая попасть благодаря ей в члены Королевского научного общества.

Случайно подняв глаза от работы, он увидел

пламенеющий закат над холмом против окна. С минуту, быть может, рассеянно прикусив кончик ручки, он любовался золотым сиянием над вершиной холма; затем внимание его привлекла маленькая черная фигурка, двигавшаяся по холму к его дому. Это был низенький человечек в цилиндре, и бежал он с такой быстротой, что ноги его так и мелькали в воздухе.

«Еще один осел, — подумал доктор Кемп. — Вроде того, который налетел на меня сегодня утром с криком: «Невидимка идет!» Не понимаю, что творится с людьми. Можно подумать, что мы живем в тринадцатом веке».

Он встал, подошел к окну и стал смотреть на холм, окутанный сумраком, и на темную фигуру бегущего человека.

— Видно, он отчаянно торопится, — сказал доктор Кемп, — но от этого что-то мало толку. Он бежит так тяжело, как будто карманы у него набиты свинцом. Ходу, сэр, ходу! — сказал доктор Кемп.

Через минуту одна из вилл на склоне холма со стороны Бэрдока скрыла бегущего из виду. Но через минуту он снова показался в просвете между виллами, потом опять скрылся и опять показался, и так три раза, пока не исчез окончательно.

— Ослы! — сказал доктор Кемп и, отвернувшись от окна, снова направился к письменному столу.

Но те, кому случилось быть в это время на дороге и видеть вблизи бегущего человека, видеть выражение дикого ужаса на его мокром от пота лице, не разделяли презрительного скептицизма доктора. Человек бежал, и от него при этом исходил звон, как от туго набитого кошелька, который бросают то туда, то сюда. Он не оглядывался ни направо, ни налево, он смотрел испуганными глазами прямо перед собой, туда, где у подножия холма один за другим вспыхивали фонари и толпился народ. Его уродливая нижняя челюсть отвисла, на губах выступила пена, дышал он хрипло и громко. Все прохожие останавливались, начинали оглядывать дорогу и с беспокойством расспрашивали друг друга, чем может быть вызвано столь поспешное бегство.

Вдруг в отдалении, на вершине холма, собака, резвившаяся на дороге, завизжала, кинулась в подворотню, и, пока прохожие недоумевали, мимо них пронеслось что-то: не то ветер, не то шлепанье ног, не то звук тяжелого дыхания.

Люди закричали. Люди шарахнулись в сторону. С воплем кинулись под гору. Их крики уже раздавались на улице, когда Марвел был еще на

середине холма. Добежав до дому, они лихорадочно запирали за собой двери и, еле переводя дух, сообщали страшную весть. Марвел слышал хлопанье дверей и бежал из последних сил.

Ужас пронесся мимо него, опередил его и в одно мгновение охватил весь город.

«Невидимка идет! Невидимка!..»

Глава 16
В кабачке «Веселые крикетисты»

Кабачок «Веселые крикетисты» находится у самого подножия холма, там, где начинается линия конки. Хозяин кабачка, опершись толстыми красными руками о стойку, разговаривал о лошадях с худосочным извозчиком, а чернобородый человек, одетый в серое, уплетал сухари с сыром, потягивал вино и беседовал с полисменом, только что сменившимся с дежурства. Судя по акценту, это был американец.

— Что это за крики? — сказал извозчик, вдруг прервав разговор и стараясь поверх грязной желтой занавески на низеньком окне кабачка рассмотреть тянувшуюся вверх по холму дорогу. Кто-то пробежал по улице мимо дверей.

— Уж не пожар ли? — сказал хозяин. Послышались приближающиеся шаги; кто-то тяжело бежал. С шумом распахнулась дверь, и в комнату влетел Марвел, плачущий, растрепанный, без шляпы, с разорванным воротником. Судорожно обернувшись, он попытался закрыть дверь, но ему помешал ремень, которым она была привя-

зана к стене.

— Идет! — завизжал Марвел не своим голосом — Он идет, Невидимка! Гонится за мной! Ради Бога… Спасите! Спасите! Спасите!

— Закройте дверь, — сказал полисмен. — Кто идет? В чем дело? — Он подошел к двери, отцепил ремень, и дверь захлопнулась. Американец закрыл вторую дверь.

— Пустите меня за стойку, — сказал Марвел, дрожа и плача, но крепко прижимая к себе книги. — Пустите меня. Спрячьте где-нибудь. Говорят вам, он гонится за мной. Я сбежал от него. Он сказал, что убьет меня. И убьет.

— Вам нечего бояться, — сказал чернобородый. — Двери заперты. А в чем дело?

— Спрячьте меня, — повторил Марвел и вдруг взвизгнул от страха: дверь затряслась от сильного удара, потом снаружи послышался торопливый стук и крики.

— Эй! — закричал полицейский. — Кто там?

Марвел, как безумный, заметался по комнате в поисках выхода.

— Он убьет меня! — кричал он. — У него нож! Ради Бога!

— Вот, — сказал хозяин, — идите сюда. — И он откинул стойку.

Марвел бросился к нему. Стук в дверь возобновился.

— Не открывайте! — закричал Марвел. — Пожалуйста, не открывайте! Куда мне спрятаться?

— Так это, значит, Невидимка? — спросил чернобородый, заложив одну руку за спину. — Я думаю, пора уж и посмотреть на него.

Вдруг окно кабачка разлетелось вдребезги, и снаружи послышались крики и беготня. Полисмен, встав на скамейку и высунув голову в окно, старался разглядеть, что делается у дверей. Потом слез и сказал, озадаченно подняв брови:

— Это он.

Хозяин постоял перед дверью в соседнюю комнату, где заперли Марвела, поглядел на разбитое окно и подошел к своим посетителям.

Все вдруг затихло.

— Жаль, что у меня нет при себе дубинки, — сказал полисмен, нерешительно подходя к двери. — Как откроем дверь, так он сейчас и войдет. Ничем его не остановишь.

— А вы не очень торопитесь открывать дверь, — боязливо сказал худосочный извозчик.

— Отодвиньте засов, — сказал чернобородый. — Пусть только войдет… — И он показал револьвер, который держал в руке.

— Это не годится, — сказал полицейский, — может выйти убийство.

— Я знаю, в какой стране нахожусь, — возразил чернобородый. — Я буду целиться в ноги. Отодвиньте засов.

— А если вы угодите мне в спину? — сказал хозяин, выглядывая из-под занавески в окно.

— Ладно, — бросил чернобородый и, нагнувшись, сам отодвинул засов, держа револьвер наготове. Хозяин, извозчик и полисмен повернулись лицом к двери.

— Войдите, — негромко сказал чернобородый, отступая на шаг и глядя на открытую дверь; револьвер он держал за спиной. Но никто не вошел, и дверь не открылась. Когда минут пять спустя другой извозчик осторожно заглянул в кабачок, то все они еще стояли в выжидательных позах, а из соседней комнаты выглядывала бледная, испуганная физиономия.

— Все ли двери в доме заперты? — спросил Марвел. — Он где-нибудь тут, вынюхивает. Ведь он хитер как черт.

— Боже мой! — воскликнул хозяин — А задняя дверь! Вы тут посторожите. Вот ведь… — Он беспомощно огляделся. Дверь в соседнюю комнату захлопнулась, и ключ щелкнул в замке. — Дверь

во двор и отдельный ход! Дверь во двор…

Он выбежал из комнаты.

Через минуту он вернулся с кухонным ножом в руках.

— Дверь во двор открыта! — сказал он, и его толстая нижняя губа отвисла.

— Может, он уже в доме? — сказал первый извозчик.

— В кухне его нет, — сказал хозяин. — Там две служанки, и я по всей кухне прошел вот с этим ножом, ни одного уголка не пропустил. Они тоже говорят, что он не входил. Они ничего не заметили…

— Вы заперли дверь? — спросил первый извозчик.

— Не маленький, слава Богу, — ответил хозяин. Чернобородый спрятал револьвер. Но в ту же секунду хлопнула откидная доска стойки, загремела задвижка, громко затрещал замок, и дверь в соседнюю комнату распахнулась настежь. Они услышали, как Марвел взвизгнул, точно пойманный заяц, и кинулись за стойку к нему на помощь. Чернобородый выстрелил, зеркало в соседней комнате треснуло, осколки со звоном разлетелись по полу.

Вбежав в комнату, хозяин увидел, что Марвел

корчится и барахтается перед дверью, которая вела через кухню во двор. Пока хозяин стоял в нерешительности, дверь открылась и Марвела втащили в кухню. Оттуда послышались крики и грохот падающих кастрюль. Марвел, нагнув голову, упирался, но его все же дотащили до двери во двор. Засов отодвинулся.

Полисмен, протиснувшись мимо хозяина, вбежал на кухню, сопровождаемый одним из извозчиков, и схватил кисть невидимой руки, которая держала за шиворот Марвела, но тут же получил удар в лицо, пошатнулся и отступил. Дверь раскрылась, и Марвел сделал отчаянную попытку спрятаться за ней. В это время извозчик что-то схватил.

— Я держу его! — закричал извозчик. Красные руки хозяина вцепились в невидимое.

— Поймал! — крикнул он.

Марвел, выпущенный из невидимых рук, упал на пол и попытался проползти между ногами боровшихся людей. Борьба сосредоточилась у двери. Впервые раздался голос Невидимки — он громко вскрикнул, так как полисмен наступил ему на ногу. Затем послышалось яростное рычание, и Невидимка заработал кулаками, точно цепами. Извозчик вдруг взвыл и скрючился, по-

лучив удар под ложечку. Дверь, которая вела в комнаты, захлопнулась и прикрыла отступление Марвела. Люди топтались в тесной кухне, пока вдруг не заметили, что борются с пустотой.

— Куда он сбежал?! — крикнул чернобородый.

— Сюда, — сказал полисмен, выходя во двор и останавливаясь.

Кусок черепицы пролетел над его ухом и упал на кухонный стол, уставленный посудой.

— Я ему покажу! — крикнул чернобородый.

Над плечом полисмена блеснула сталь, и в сумрак, в ту сторону, откуда была брошена черепица, вылетели одна за другой пять пуль. Стреляя, чернобородый описывал рукой дугу по горизонтали так, что выстрелы веером ложились по тесному дворику.

Наступила тишина.

— Пять пуль, — сказал чернобородый. — Это красиво! Козырная игра! Дайте-ка фонарь и пойдемте искать тело.

Глава 17
Гость доктора Кемпа

Доктор Кемп продолжал писать в своем кабинете, пока звук выстрелов не привлек его внимания. «Паф-паф-паф» — щелкали они один за другим.

— Ого! — воскликнул доктор, снова прикусив ручку и прислушиваясь. — Кто это в Бэрдоке палит из револьвера? Что еще эти ослы выдумали?

Он подошел к южному окну, открыл его и, высунувшись, стал вглядываться в ночной город — сеть освещенных окон, газовых фонарей и витрин с черными промежутками крыш и дворов.

— Как будто там, под холмом, у «Крикетистов», собралась толпа, — сказал он, всматриваясь. Затем взгляд его устремился туда, где светились огни судов и пристань, — небольшое, ярко освещенное строение сверкало, точно желтый алмаз. Молодой месяц всходил к западу от холма, а звезды сияли, почти как под тропиками.

Минут через пять, в течение которых мысль его уносилась к социальным условиям будущего и блуждала в дебрях беспредельных времен, доктор Кемп вздохнул, опустил окно и вернулся

к письменному столу.

Приблизительно через час после этого у входной двери позвонили. С тех пор как доктор Кемп услышал выстрелы, работа его шла вяло, он то и дело отвлекался и задумывался. Когда раздался звонок, он оставил работу и прислушался. Он слышал, как прислуга пошла открывать дверь, и ждал ее шагов на лестнице, но она не пришла.

— Кто бы это мог быть? — сказал доктор Кемп.

Он попытался снова приняться за работу, но это ему не удавалось. Тогда он встал, вышел из кабинета и спустился по лестнице на площадку. Там он позвонил и, когда в холле внизу появилась горничная, спросил ее, перегнувшись через перила:

— Письмо принесли?

— Нет, случайный звонок, сэр, — ответила горничная. «Я что-то нервничаю сегодня», — сказал Кемп про себя. Он вернулся в кабинет, решительно принялся за работу и через несколько минут был уже весь поглощен ею. Тишину в комнате нарушало лишь тиканье часов да поскрипывание пера, бегавшего по бумаге в самом центре светлого круга, отбрасываемого лампой на стол.

Было два часа ночи, когда доктор Кемп решил, что на сегодня хватит. Он встал, зевнул и спустил-

ся вниз, в свою спальню. Он снял уже пиджак и жилет, как вдруг почувствовал, что ему хочется пить. Взяв свечу, он спустился в столовую, чтобы поискать там содовой воды и виски.

Научные занятия сделали доктора Кемпа весьма наблюдательным; возвращаясь из столовой, он заметил темное пятно на линолеуме, возле циновки, у самой лестницы. Он поднялся уже наверх, как вдруг задал себе вопрос, откуда могло появиться это пятно. Это была, очевидно, подсознательная мысль. Но как бы то ни было, он вернулся в холл, поставил сифон и виски на столик и, нагнувшись, стал рассматривать пятно. Без особого удивления он убедился, что оно липкое и темно-красное, совсем как подсыхающая кровь.

Прихватив сифон и бутылку с виски, он поднялся наверх, внимательно глядя по сторонам и пытаясь объяснить себе, откуда могло появиться кровавое пятно.

На площадке он остановился и в изумлении уставился на дверь своей комнаты: ручка двери была в крови.

Он взглянул на свою руку. Она была совершенно чистая, и тут он вспомнил, что, когда вышел из кабинета, дверь в его спальню была открыта, следовательно, он к ручке совсем не прикасался.

Он твердым шагом вошел в спальню. Лицо у него было совершенно спокойное, разве только несколько более решительное, чем обыкновенно. Взгляд его, внимательно пройдя по комнате, упал на кровать. На одеяле темнела лужа крови, простыня была разорвана. Войдя в комнату в первый раз, он этого не заметил, так как направился прямо к туалетному столику. В одном месте постель была смята, как будто кто-то только что сидел на ней.

Тут ему почудилось, что чей-то голос негромко воскликнул: «Боже мой! Да ведь это Кемп!» Но доктор Кемп не верил в таинственные голоса.

Он стоял и смотрел на смятую постель. Должно быть, ему просто послышалось. Он снова огляделся, но не заметил ничего подозрительного, кроме смятой и запачканной кровью постели. Тут он ясно услышал какое-то движение в углу комнаты, возле умывальника. В душе всякого человека, даже самого просвещенного, гнездятся какие-то неуловимые остатки суеверия. Жуткое чувство охватило доктора Кемпа. Он затворил дверь спальни, подошел к комоду и поставил на него сифон. Вдруг он вздрогнул: в воздухе между ним и умывальником висела окровавленная повязка.

Пораженный, он стал вглядываться. Повязка

была пустая, аккуратно сделанная, но совершенно пустая. Он хотел подойти и схватить ее, но чье-то прикосновение остановило его, и он совсем рядом услыхал голос:

— Кемп!

— А? — сказал Кемп, разинув рот.

— Не пугайтесь, — продолжал Голос. — Я Невидимка. — Кемп некоторое время молча глядел на повязку.

— Невидимка? — сказал он наконец.

— Невидимка, — повторил Голос.

Кемпу сразу вспомнилась история, которую он так усердно высмеивал еще сегодня утром. Но в эту минуту он, по-видимому, не очень испугался и удивился. Только впоследствии он мог дать себе отчет в своих чувствах.

— Я считал, что все это выдумка, — сказал он. При этом у него в голове вертелись доводы, которые он приводил утром. — Вы в повязке? — спросил он.

— Да, — ответил Невидимка.

— О! — взволнованно сказал Кемп. — Вот так штука! — Но тут же спохватился. — Вздор. Фокус какой-нибудь. — Он быстро шагнул вперед, и рука его, протянутая к повязке, встретила невидимые пальцы.

При этом прикосновении он отпрянул и изменился в лице.

— Ради Бога, Кемп, не пугайтесь. Мне так нужна помощь! Постойте!

Невидимая рука схватила Кемпа за локоть. Кемп ударил по ней.

— Кемп! — крикнул Голос. — Кемп, успокойтесь! — И рука Невидимки еще крепче сжала его локоть.

Бешеное желание высвободиться овладело Кемпом. Перевязанная рука вцепилась ему в плечо, и вдруг Кемп был сшиблен с ног и брошен навзничь на кровать. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но в ту же секунду край простыни очутился у него между зубами. Невидимка держал его крепко, но руки у Кемпа были свободны, и он неистово колотил ими куда попало.

— Будьте благоразумны, — сказал Невидимка, который, несмотря на сыпавшиеся на него удары, крепко держал Кемпа. — Ради Бога, не выводите меня из терпения. Лежите смирно, болван вы этакий! — проревел Невидимка в самое ухо Кемпа.

Еще с минуту Кемп продолжал барахтаться, потом затих.

— Если вы крикнете, я размозжу вам голову, — сказал Невидимка, вынимая простыню изо рта

Кемпа. — Я Невидимка. Это не выдумка и не фокус. Я действительно Невидимка. И мне нужна ваша помощь. Я не причиню вам никакого вреда, если вы не будете вести себя, как обалделый мужлан. Неужели вы меня не помните, Кемп? Я Гриффин, мы же вместе учились в университете.

— Дайте мне встать, — сказал Кемп. — Я никуда не убегу. И дайте мне минуту посидеть спокойно.

Он сел на кровати и пощупал затылок.

— Я Гриффин, учился в университете вместе с вами. Я сделал себя невидимым. Я самый обыкновенный человек, которого вы знали, но только невидимый.

— Гриффин? — переспросил Кемп.

— Да, Гриффин, — ответил Голос. — В университете я был на курс моложе вас, белокурый, почти альбинос, шести футов росту, широкоплечий, лицо розовое, глаза красные. Получил награду за работу по химии.

— Ничего не понимаю, — сказал Кемп, — в голове у меня совсем помутилось. При чем тут Гриффин?

— Гриффин — это я. — Кемп задумался.

— Это ужасно, — сказал он. — Но какая чертовщина может сделать человека невидимым?

— Никакой чертовщины. Это вполне логичный и довольно несложный процесс…

— Это ужасно, — сказал Кемп. — Каким образом?

— Да, ужасно. Но я ранен, мне больно, и я устал. О Господи, Кемп, будьте мужчиной! Отнеситесь к этому спокойно. Дайте мне поесть и напиться, а пока что я присяду.

Кемп глядел на повязку, двигавшуюся по комнате; затем он увидел, как плетеное кресло протащилось по полу и остановилось возле кровати. Оно затрещало, и сиденье опустилось на четверть дюйма. Кемп протер глаза и снова пощупал затылок.

— Это почище всяких привидений, — сказал он и глупо рассмеялся.

— Вот так-то лучше. Слава Богу, вы становитесь благоразумным.

— Или глупею, — сказал Кемп и снова протер глаза.

— Дайте мне виски. Я еле дышу.

— Этого я бы не сказал. Где вы? Если я встану, то не наткнусь на вас? Ага, вы тут. Ладно. Виски?.. Пожалуйста. Куда же мне подать его вам?

Кресло затрещало, и Кемп почувствовал, что стакан берут у него из рук. Он выпустил его не без

усилия, невольно опасаясь, что стакан разобьется. Стакан повис в воздухе, дюймах в двадцати над креслом. Кемп глядел на стакан в полном недоумении.

— Это… Ну, конечно, это гипноз… Вы, должно быть, внушили мне, что вы невидимы.

— Чушь! — сказал Голос.

— Но ведь это — безумие!

— Выслушайте меня.

— Только сегодня я привел неоспоримые доказательства, — начал Кемп, — что невидимость…

— Плюньте на все доказательства, — прервал его Голос. — Я умираю с голоду, и для человека, совершенно раздетого, здесь довольно прохладно.

— Он чувствует голод! — сказал Кемп. Стакан виски опрокинулся.

— Да, — сказал Невидимка, со стуком ставя стакан. — Нет ли у вас халата?

Кемп пробормотал что-то вполголоса и, подойдя к платяному шкафу, вынул оттуда темно-красный халат.

— Подойдет? — спросил он.

Халат взяли у него из рук. С минуту он висел неподвижно в воздухе, затем как-то странно заколыхался, вытянулся во всю длину и, застегнувшись на все пуговицы, опустился в кресло.

— Хорошо бы кальсоны, носки и туфли, — отрывисто произнес Невидимка. — И поесть.

— Все, что угодно. Но со мной в жизни не случалось ничего более нелепого.

Кемп достал из комода вещи, которые просил Невидимка, и спустился в кладовку. Он вернулся с холодными котлетами и хлебом и, пододвинув небольшой столик, расставил все это перед гостем.

— Обойдусь и без ножа, — сказал Невидимка, и котлета повисла в воздухе; послышалось чавканье. — Я всегда предпочитал сперва одеться, а потом уже есть, — сказал Невидимка с набитым ртом, жадно глотая хлеб с котлетой. — Странная прихоть!

— Рука, по-видимому, действует? — сказал Кемп.

— Будьте спокойны, — сказал Невидимка.

— И все-таки как это странно!..

— Вот именно. Но самое странное то, что я попал именно к вам, когда мне понадобилась перевязка. Это моя первая удача! Впрочем, я все равно решил переночевать в этом доме. Вам не отвертеться! Страшно неудобно, что кровь мою видно, правда? Целая лужа натекла. Должно быть, она становится видимой по мере свертыва-

ния. Мне удалось изменить лишь живую ткань, я невидим, только пока жив… Уж три часа, как я здесь.

— Но как вы это сделали? — начал Кемп раздраженно. — Черт знает что! Вся эта история от начала до конца — сплошная нелепость.

— Напрасно вы так думаете, — сказал Невидимка. — Все это совершенно разумно.

Он протянул руку и взял бутылку с виски. Кемп с изумлением глядел на халат, поглощавший виски. Свет свечи, проходя сквозь дырку на правом плече халата, образовал светлый треугольник.

— Что это были за выстрелы? — спросил Кемп. — Отчего началась пальба?

— Там был один дурак, мой случайный компаньон, черт бы его побрал, который хотел украсть мои деньги. И украл-таки.

— Тоже невидимка?

— Нет.

— Ну а дальше что?

— Нельзя ли мне еще чего-нибудь поесть, а? Потом я все расскажу по порядку. Я голоден, и рука болит. А вы хотите, чтобы я вам рассказывал!

Кемп встал.

— Значит, это не вы стреляли? — спросил он.

— Нет, — ответил гость. — Стрелял наобум ка-

кой-то идиот, которого я прежде никогда и в глаза не видел. Они перепугались. Меня все пугаются. Черт бы их побрал. Но вот что, Кемп, я есть хочу.

— Пойду поищу, нет ли внизу еще чего-нибудь съестного, — сказал Кемп. — Боюсь, что найдется не много.

Покончив с едой — а поел он основательно, — Невидимка попросил сигару. Он жадно откусил кончик, прежде чем Кемп успел разыскать нож, и выругался, когда снаружи отстал листок табака. Странно было видеть, как он курил: рот, горло, зев и ноздри проступали, словно слепок, сделанный из клубящегося дыма.

— Славная штука табак! — сказал он, глубоко затянувшись. — Мне повезло, что я попал к вам, Кемп. Вы должны помочь мне. Подумать только, в нужный момент я натолкнулся на вас! Я в отчаянном положении. Я был как помешанный. Чего только я не перенес! Но теперь у нас дело пойдет. Уж поверьте…

Он выпил еще виски с содовой. Кемп встал, осмотрелся и принес из соседней комнаты еще стакан для себя.

— Все это дико… но, пожалуй, я тоже выпью.

— Вы почти не изменились, Кемп, за эти двенадцать лет. Блондины мало меняются. Все такой

же хладнокровный и методичный… Я должен вам все объяснить. Мы будем работать вместе!

— Но как это вам удалось? — спросил Кемп. — Как вы стали таким?

— Ради Бога, дайте мне спокойно покурить. Потом я вам все расскажу.

Но в эту ночь он не рассказал ничего. У него разболелась рука, его стало лихорадить, он очень ослабел. Ему все время мерещилась погоня на холме и драка возле кабачка. Он начал было рассказывать, но сразу отвлекся. Он бессвязно говорил о Марвеле, судорожно затягивался, и в голосе его слышалось раздражение. Кемп старался извлечь из его рассказа все, что мог.

— Он меня боялся… Я видел, что он меня боится, — снова и снова повторял Невидимка. — Он хотел удрать от меня, только об этом и думал. Какого я дурака свалял! Ах, негодяй! Надо было убить его…

— Где вы достали деньги? — вдруг спросил Кемп. Невидимка помолчал.

— Сегодня я не могу вам сказать, — ответил он.

Он вдруг застонал и сгорбился, схватившись невидимыми руками за невидимую голову.

— Кемп, — сказал он, — я не сплю уже третьи сутки, за все это время мне удалось вздремнуть

час-другой, не больше. Я должен выспаться.

— Хорошо, — сказал Кемп. — Располагайтесь тут, в моей комнате.

— Но разве мне можно спать? Если я засну, он удерет. Эх! Ладно, все равно!

— Рана серьезная? — отрывисто спросил Кемп.

— Пустяки, царапина. Господи, как спать хочется!

— Так ложитесь.

Невидимка, казалось, смотрел на Кемпа.

— У меня нет ни малейшего желания быть пойманным моими ближними, — медленно проговорил он.

Кемп вздрогнул.

— Ох и дурак же я! — воскликнул Невидимка, ударив кулаком по столу. — Сам подал вам эту мысль.

Глава 18
Невидимка спит

Несмотря на усталость и рану, Невидимка все же не положился на слово Кемпа, что на свободу его не будет никаких посягательств. Он осмотрел оба окна спальни, поднял шторы и открыл ставни, чтобы убедиться, что в случае надобности этим путем можно бежать. За окнами стояла мирная ночная тишина. Над холмами висел месяц. Затем Невидимка осмотрел замок спальни и двери уборной и ванной, чтобы убедиться, что и отсюда он может ускользнуть. Наконец он заявил, что удовлетворен. Он стоял перед камином, и Кемп услышал звук зевка.

— Мне очень жаль, — сказал Невидимка, — что я не могу сейчас рассказать вам обо всем, что я сделал. Но я положительно выбился из сил. Это нелепо, спору нет. Это чудовищно. Но верьте мне, Кемп, это вполне возможно. Я сделал открытие. Я думал сохранить его в тайне. Но это немыслимо. Мне необходим помощник. А вы... Чего только мы не сможем сделать!.. Впрочем, оставим все это до завтра. Теперь, Кемп, я должен заснуть,

иначе я умру.

Кемп стоял посреди комнаты, глядя на безголовый халат.

— Ладно, я оставлю вас, — сказал он. — Но это невероятно. Еще парочка таких фактов, переворачивающих вверх дном все мои теории, и я сойду с ума. И все же, по-видимому, это так! Не надо ли вам еще чего-нибудь?

— Только чтоб вы пожелали мне спокойной ночи, — сказал Гриффин.

— Спокойной ночи, — сказал Кемп и пожал невидимую руку.

Он боком пошел к двери. Вдруг халат быстро приблизился к нему.

— Помните, — произнес Невидимка. — Никаких попыток поймать или задержать меня. Не то…

Кемп слегка изменился в лице.

— Ведь я, кажется, дал вам слово, — сказал он.

Кемп вышел, тихонько притворил за собой дверь, и ключ немедленно щелкнул в замке. Пока Кемп стоял, не двигаясь, с выражением покорного удивления на лице, раздались быстрые шаги, и дверь ванной также оказалась запертой. Кемп хлопнул себя рукой по лбу.

— Сплю я, что ли? Весь мир сошел с ума, или

это я помешался? — Он засмеялся и потрогал запертую дверь. — Изгнан из собственной спальни — и кем? Призраком. Вопиющая нелепость!

Он подошел к верхней ступеньке лестницы, оглянулся и снова посмотрел на запертые двери.

— Неоспоримый факт, — произнес он, дотрагиваясь до слегка ноющего затылка. — Да, неоспоримый факт. Но… — Он безнадежно покачал головой, повернулся и спустился вниз.

Он зажег лампу в столовой, взял сигару и начал шагать по комнате, то бормоча что-то бессвязное, то громко споря сам с собой.

— Невидимка! — сказал он. — Может ли быть невидимое существо? В море — да. Там таких существ тысячи, миллионы! Все крохотные науплиусы и торнарии, все микроорганизмы… а медузы! В море невидимых существ больше, чем видимых! Прежде я никогда об этом не думал… А в прудах! Все эти крохотные организмы, живущие в прудах, — кусочки бесцветной, прозрачной слизи… Но в воздухе? Нет! Это невозможно. А впрочем, почему бы и нет? Будь человек сделан из стекла — и то он был бы видим.

Кемп глубоко задумался. Три сигары обратились в белый пепел, рассыпанный по ковру, прежде чем он заговорил снова. Или, вернее,

вскрикнул. Затем он вышел из комнаты, прошел в свою приемную и зажег там газовый рожок. Комната была небольшая. Так как доктор Кемп не занимался практикой, там лежали газеты. Утренний номер, развернутый, валялся на столе. Он схватил газету, быстро просмотрел ее и начал читать сообщение о «Необычайном происшествии в Айпинге», с таким усердием пересказанное Марвелу матросом в Порт-Стоу. Кемп быстро пробежал эти строки.

— Закутан! — воскликнул он. — Переодет! Скрывает свою тайну. По-видимому, никто не знал о его злоключениях! Что у него, черт возьми, на уме? — Он бросил газету и пошарил глазами по столу. — Ага! — сказал он и схватил «Сент-Джеймс газэтт», которая была еще не развернута. — Сейчас узнаем всю правду, — сказал он и развернул газету. В глаза ему бросились два столбца. «Целая деревня в Сассексе сошла с ума!» — гласил заголовок. — Боже милостивый! — воскликнул Кемп, жадно читая скептический отчет о вчерашних событиях в Айпинге, описанных нами выше. Заметке предшествовало сообщение, перепечатанное из утренней газеты.

Кемп перечитал все сначала. «Бежал по улице, рассыпая удары направо и налево. Джефферс в

бессознательном состоянии. Мистер Хакстерс получил серьезные увечья и не может ничего сообщить из того, что видел. Тяжкое оскорбление, нанесенное викарию. Женщина заболела от страха. Окна перебиты. Вся эта необычайная история, вероятно, выдумка, но так хороша, что ее нельзя не напечатать».

Кемп выронил газету и тупо уставился в одну точку.

— Вероятно, выдумка! — повторил он.

Потом схватил газету и еще раз перечел все от начала до конца.

— Но откуда взялся бродяга? Какого черта он гнался за бродягой?

Кемп бессильно опустился в хирургическое кресло.

— Он не только невидимка, — сказал он, — но и помешанный! У него мания убийства!..

Когда взошла заря и бледные лучи ее смешались в столовой со светом газового рожка и сигарным дымом, Кемп все еще шагал из угла в угол, стараясь понять непостижимое.

Он был слишком взволнован, чтобы думать о сне. Заспанные слуги, застав его утром в таком виде, подумали, что на него плохо подействовали усиленные занятия. Он отдал необычайное, но

совершенно ясное распоряжение сервировать завтрак на двоих в кабинете наверху, а затем уйти вниз и больше наверху не показываться. Он продолжал шагать по столовой, пока не подали утреннюю газету. О Невидимке говорилось много-словно, но новым было только очень бестолковое сообщение о вчерашних событиях в кабачке «Веселые крикетисты». Тут Кемпу впервые попалось упоминание о Марвеле. «Он силой держал меня при себе целые сутки», — заявил Марвел. Отчет об айпингских событиях был дополнен некоторыми мелкими фактами, в частности, упоминалось о повреждении телеграфного провода. Но во всех этих сообщениях не было ничего, что проливало бы свет на взаимоотношения между Невидимкой и бродягой, ибо мистер Марвел умолчал о трех книгах и о деньгах, которыми были набиты его карманы. Скептического тона как не бывало, и целая армия репортеров уже принялась за тщательное расследование.

Кемп внимательно прочел все сообщение до последней строчки и послал горничную купить все утренние газеты, какие только она сможет достать. Потом он жадно прочитал и их.

— Он невидим! — сказал Кемп. — И если судить по газетам, то ярость его граничит с помешатель-

ством. Чего только он не натворит! Чего только не натворит! Ведь он там, наверху, и свободен, как ветер. Что мне делать? Можно ли назвать предательством, если я… Нет!

Он подошел к маленькому, заваленному бумагами столику в углу и начал писать записку. Написав несколько строк, он разорвал ее и написал другую. Перечел и задумался. Потом взял конверт и написал адрес: «Полковнику Эдаю, Порт-Бэрдок».

Невидимка проснулся как раз в ту минуту, когда Кемп запечатывал письмо. Он проснулся в дурном настроении, и Кемп, который чутко прислушивался ко всем звукам, услышал яростное шлепанье ног в спальне наверху. Затем раздался стук упавшего стула и звон разбитого стакана. Кемп поспешил наверх и нетерпеливо постучал в дверь спальни.

Глава 19
Некоторые основные принципы

— Что случилось? — спросил Кемп, когда Невидимка впустил его в комнату.

— Да ничего, — ответил он.

— А шум почему?

— Припадок раздражительности, — сказал Невидимка. — Забыл про свою руку, а она болит.

— Вы, по-видимому, подвержены такого рода вспышкам?

— Да.

Кемп прошел через комнату и подобрал осколки разбитого стакана.

— Про вас теперь все известно, — сказал Кемп. — Все, что случилось в Айпинге и внизу, в кабачке. Мир узнал о своем невидимом гражданине. Но никто не знает, что вы тут.

Невидимка выругался.

— Тайна раскрыта, — продолжал Кемп. — Ведь это была тайна, я полагаю? Не знаю, что вы намерены делать, но, разумеется, я готов помочь вам.

Невидимка сел на кровать.

— Наверху сервирован завтрак, — сказал Кемп,

стараясь говорить непринужденным тоном, и с удовольствием заметил, что его странный гость охотно встал при этих словах.

Кемп повел его по узкой лестнице наверх.

— Прежде чем мы с вами что-либо предпримем, — сказал Кемп, — я хотел бы узнать поподробнее, как это вы стали невидимым.

И, бросив быстрый, беспокойный взгляд в окно, Кемп уселся с видом человека, которому предстоит долгая и основательная беседа. У него снова промелькнула мысль, что все происходящее — нелепость, бред, но мысль эта сейчас же исчезла, как только он взглянул на Гриффина: безголовый, безрукий халат сидел за столом и вытирал невидимые губы чудом державшейся в воздухе салфеткой.

— Это очень просто и вполне доступно, — сказал Гриффин, отложив в сторону салфетку и подперев невидимую голову невидимой рукой.

— Для вас, конечно, но… — Кемп засмеялся.

— Ну да, и мне это, конечно, сначала казалось волшебством, но теперь… Боже милостивый! Нам предстоят великие дела. Впервые эта идея возникла у меня в Чезилстоу.

— В Чезилстоу?

— Я переехал туда из Лондона. Вы знаете, я ведь

бросил медицину и занялся физикой. Не знали? Ну так вот. Меня увлекла проблема света.

— А-а!..

— Оптическая непроницаемость! Весь этот вопрос — сплошная сеть загадок, сквозь нее лишь смутно просвечивает неуловимое решение. А мне тогда было всего двадцать два года, и я был энтузиаст, вот и сказал себе: «Этому вопросу я посвящу свою жизнь. Тут есть над чем поработать». Вы ведь знаете, каким бываешь дураком в двадцать два года.

— Неизвестно, быть может, мы теперь еще глупее, — заметил Кемп.

— Как будто знание может удовлетворить человека! Но я принялся за дело и работал как каторжный. Прошло полгода усиленного труда и раздумий — и вот сквозь туманную завесу блеснул ослепительный свет. Я нашел общий закон пигментов и преломлений света — формулу, геометрическое выражение, включающее четыре измерения. Дураки, обыкновенные люди, даже обыкновенные математики и не подозревают, какое значение может иметь для изучающего молекулярную физику общее выражение. В книгах — в тех книгах, которые украл этот бродяга, — есть чудеса, магические числа! Но это не был еще

метод, это была идея, которая могла навести на метод. А при помощи этого метода оказалось бы возможным, не изменяя свойств материи — за исключением цвета в некоторых случаях, — свести коэффициент преломления некоторых веществ, твердых или жидких, к коэффициенту преломления воздуха.

Кемп присвистнул.

— Это любопытно. Но все же мне не совсем ясно... Я понимаю, что таким путем вы могли бы испортить драгоценный камень, но сделать человека невидимым, до этого еще далеко.

— Безусловно, — сказал Гриффин. — Однако подумайте: видимость зависит от того, как видимое тело реагирует на свет. Давайте уж я начну с азов, тогда вы лучше поймете дальнейшее. Вы прекрасно знаете, что тела либо поглощают свет, либо отражают, либо преломляют его, или, может быть, все вместе. Если тело не отражает, не преломляет и не поглощает света, то оно не может быть видимо само по себе. Так, например, вы видите непрозрачный красный ящик только потому, что он поглощает некоторую долю света и отражает остальное, а именно — все красные лучи. Если бы ящик не поглощал некоторой доли света, а отражал бы его весь, то он был бы бле-

стящим, белым. Вспомните серебро! Алмазный ящик не поглощал бы много света, и вместе с тем его поверхность отражала бы мало света, но в отдельных местах, в зависимости от расположения плоскостей, свет отражался и преломлялся бы, и мы видели бы блестящую паутину сверкающих отражений и прозрачных плоскостей, нечто вроде светового скелета. Стеклянный ящик столь отчетливо видим, как алмазный, потому что в нем меньше плоскостей отражения и преломления. Понятно? Под известным углом зрения такой ящик будет прозрачным; некоторые сорта стекла более видимы, чем другие; хрустальный ящик блестел бы сильнее, чем ящик из обыкновенного оконного стекла. Ящик из очень тонкого обыкновенного стекла было бы очень трудно различить при плохом освещении, потому что он не поглощает почти никаких лучей и отражает и преломляет совсем мало света. Если вы положите кусок обыкновенного стекла в воду или, еще лучше, в какую-нибудь жидкость, более плотную, чем вода, то вы стекла почти совсем не увидите, потому что свет, переходя из воды в стекло, преломляется и отражается очень слабо и вообще не подвергается почти никакому воздействию. Стекло в таком случае столь же невидимо, как

струи углекислоты или водорода в воздухе. И по той же причине.

— Да, — сказал Кемп, — все это ясно. В таких вещах теперь разбирается каждый школьник.

— А вот еще один факт, в котором разберется всякий школьник. Если разбить кусок стекла и мелко истолочь его, оно станет гораздо более заметным в воздухе и превратится в белый непрозрачный порошок. Это происходит потому, что превращение стекла в порошок увеличивает число плоскостей преломления и отражения. В стеклянной пластинке имеется всего две поверхности, в порошке же каждая крупинка представляет собой плоскость преломления и отражения света, и сквозь порошок света проходит очень мало. Но если белый стеклянный порошок высыпать в воду, то он почти совершенно исчезает. Стеклянный порошок и вода имеют почти одинаковый коэффициент преломления, и свет, переходя из одной среды в другую, почти не преломляется и не отражается. Вы делаете стекло невидимым, помещая его в жидкость с приблизительно таким же коэффициентом преломления; всякая прозрачная вещь делается невидимой, если поместить ее в среду, обладающую одинаковым с ней коэффициентом преломления. И

если вы чуточку подумаете, то поймете, что стеклянный порошок можно сделать невидимым и в воздухе, если только удастся довести коэффициент преломления света в нем до коэффициента преломления света в воздухе. Ибо в таком случае при переходе света из воздуха в порошок он не будет ни отражаться, ни преломляться.

— Все это так, — сказал Кемп. — Но ведь человек — не стеклянный порошок!

— Нет, — сказал Гриффин. — Он прозрачнее.

— Ерунда!

— И это говорит врач! Как легко все забывается! Неужели за десять лет вы успели перезабыть все, что знали из физики? А вы подумайте, сколько существует прозрачных веществ, которые вовсе не кажутся прозрачными. Бумага, например, состоит из прозрачных волокон, и если она представляется нам белой и непрозрачной, то это происходит по той же самой причине, по которой нам кажется белым и непрозрачным толченое стекло. Промаслите белую бумагу, заполните все поры между частицами бумаги маслом так, чтобы преломление и отражение света происходило только на поверхности, и бумага сделается такой же прозрачной, как стекло. И не только бумага, но и волокна хлопка, льна, шерсти, дерева, а

также — заметьте это, Кемп! — и кости, мышцы, волосы, ногти и нервы. Одним словом, весь человеческий организм состоит из прозрачных бесцветных тканей, за исключением красных кровяных шариков и темного пигмента волос; вот как мало нужно, чтобы мы могли видеть друг друга. По большей части ткани живого существа не менее прозрачны, чем вода.

— Верно, верно, — воскликнул Кемп, — только сегодня ночью я думал о морских личинках и медузах!

— Вот-вот! Теперь вы меня поняли! И все это я знал и продумал уже через год после отъезда из Лондона, шесть лет назад. Но я ни с кем не поделился своими мыслями. Мне пришлось работать в очень тяжелых условиях. Оливер, мой профессор, был мужлан в науке, человек, падкий до чужих идей, — он вечно за мной шпионил! Вы ведь знаете, какое жульничество царит в научном мире. Я не хотел публиковать свое открытие и делиться с ним славой. Я продолжал работать и все ближе подходил к превращению своей теоретической формулы в эксперимент, в реальный опыт. Я никому не сообщал о своих работах, хотел ослепить мир своим открытием и сразу стать знаменитым. Я занялся вопросом о пигментах,

чтобы заполнить некоторые пробелы. И вдруг, по чистой случайности, сделал открытие в области физиологии.

— Да?

— Вам известно красное вещество, окрашивающее кровь. Так вот: оно может стать белым, бесцветным, сохраняя в то же время все свои свойства!

У Кемпа вырвался возглас изумления. Невидимка встал и зашагал по тесному кабинету.

— Вы поражены, я понимаю. Помню ту ночь. Было очень поздно — днем мешали работать безграмотные студенты, смотревшие на меня, разинув рот, и я иной раз засиживался до утра. Открытие это осенило меня внезапно, оно появилось во всем своем блеске и завершенности. Я был один, в лаборатории царила тишина, вверху ярко горели лампы. В знаменательные минуты своей жизни я всегда оказываюсь один. «Можно сделать животное — его ткань — прозрачным! Можно сделать его невидимым! Все, кроме пигментов. Я могу стать невидимкой!» — сказал я, вдруг осознав, что значит быть альбиносом, обладая таким знанием. Я был ошеломлен. Я бросил фильтрование, которым был занят, и подошел к большому окну. «Я могу стать невидимкой», —

повторил я, глядя в усеянное звездами небо.

Сделать это — значит превзойти магию и волшебство. И я, свободный от всяких сомнений, стал рисовать себе великолепную картину того, что может дать человеку невидимость: таинственность, могущество, свободу. Оборотной стороны медали я не видел. Подумайте только! Я, жалкий, нищий ассистент, обучающий дураков в провинциальном колледже, могу сделаться всемогущим. Скажите сами, Кемп, вот если бы вы… Всякий, поверьте, ухватился бы за такое открытие. Я работал еще три года, и за каждым препятствием, которое я с таким трудом преодолевал, возникало новое! Какая бездна мелочей, и к тому же ни минуты покоя! Этот провинциальный профессор вечно подглядывает за тобой! Зудит и зудит: «Когда же вы наконец опубликуете свою работу?» А студенты, а нужда! Три года такой жизни… Три года я работал скрываясь, в непрестанной тревоге и наконец понял, что закончить мой опыт невозможно… невозможно…

— Почему? — спросил Кемп.

— Деньги… — ответил Невидимка и стал глядеть в окно. Вдруг он резко обернулся.

— Тогда я ограбил своего старика, ограбил родного отца… Деньги были чужие, и он застре-

лился.

Глава 20
В доме на Грейт-Портленд-стрит

С минуту Кемп сидел молча, глядя в спину стоявшей у окна безголовой фигуры. Потом вздрогнул, пораженный какой-то мыслью, встал, взял Невидимку за руку и отвел от окна.

— Вы устали, — сказал он. — Я сижу, а вы все время ходите. Сядьте в мое кресло.

Сам он сел между Гриффином и ближайшим окном. Гриффин опустился в кресло, помолчал немного, затем опять быстро заговорил:

— Когда это случилось, я уже расстался с колледжем в Чезилстоу. Это было в декабре прошлого года. Я снял комнату в Лондоне, большую комнату без мебели в огромном запущенном доме, в глухом квартале на Грейт-Портленд-стрит. Комната скоро заполнилась всевозможными аппаратами, которые я купил на отцовские деньги, и я продолжал работу, успешно подвигаясь к цели. Я был как человек, выбравшийся из густой чащи и неожиданно втянутый в какую-то нелепую трагедию. Я поехал на похороны отца. Я весь был поглощен своими опытами и палец о палец

не ударил, чтобы спасти его репутацию. Помню похороны, дешевый гроб, убогую процессию, поднимавшуюся по склону холма, холодный, пронизывающий ветер… старый университетский товарищ отца совершил над ним последний обряд, — жалкий, черный, скрюченный старик, страдавший насморком.

Помню, я возвращался с кладбища в опустевший дом по местечку, которое некогда было деревней, а теперь, на скорую руку перестроенное и залатанное, стало безобразным подобием города. Все дороги, по какой ни пойди, вели на изрытые окрестные поля и обрывались среди груд щебня и густых сорняков. Помню, как я шагал по скользкому блестящему тротуару — мрачная черная фигура — и какое странное чувство отчужденности я испытывал в этом ханжеском, торгашеском городишке.

Смерть отца ничуть меня не огорчила. Он казался мне жертвой своей собственной глупой чувствительности. Всеобщее лицемерие требовало моего присутствия на похоронах, в действительности же это меня мало касалось.

Но, идя по главной улице, я припомнил на миг свое прошлое. Я увидел девушку, которую знал десять лет назад. Наши глаза встретились…

Сам не знаю, почему я вернулся и заговорил с ней. Она оказалась самым заурядным существом.

Все мое пребывание на старом пепелище было как сон. Я не чувствовал тогда, что я одинок, что я перешел из живого мира в пустыню. Я сознавал, что потерял интерес к окружающему, но приписывал это пустоте жизни вообще. Вернуться в свою комнату значило для меня вновь обрести подлинную действительность. Здесь было все то, что я знал и любил: аппараты, подготовленные опыты. Почти все препятствия были уже преодолены, оставалось лишь обдумать некоторые детали.

Когда-нибудь, Кемп, я опишу вам все эти сложнейшие процессы. Не станем сейчас входить в подробности. По большей части, за исключением некоторых сведений, которые я предпочитаю хранить в памяти, все это записано шифром в тех книгах, которые утащил бродяга. Мы должны изловить его. Мы должны вернуть эти книги. Главная задача заключалась в том, чтобы поместить прозрачный предмет, коэффициент преломления которого требовалось понизить, между двумя светоизлучающими центрами эфирной вибрации, — о ней я расскажу вам после. Нет,

это не рентгеновские лучи. Не знаю, описывал ли кто-нибудь те лучи, о которых я говорю. Но они существуют, это несомненно. Я пользовался двумя небольшими динамо-машинами, которые приводил в движение при помощи дешевого газового двигателя. Первый свой опыт я проделал над куском белой шерстяной материи. До чего же странно было видеть, как эта белая мягкая материя постепенно таяла, как струя пара, и затем совершенно исчезла!

Мне не верилось, что я это сделал. Я сунул руку в пустоту и нащупал материю, столь же плотную, как и раньше. Я нечаянно дернул ее, и она упала на пол. Я не сразу ее нашел.

А потом я проделал следующий опыт. Я услышал у себя за спиной мяуканье, обернулся и увидел на водосточной трубе за окном белую кошку, тощую и ужасно грязную. Меня словно осенило. «Все готово для тебя», — сказал я, подошел к окну, открыл его и ласково позвал кошку. Она вошла в комнату, мурлыча, — бедняга, она чуть не подыхала от голода, и я дал ей молока. Вся моя провизия хранилась в буфете, в углу. Вылакав молоко, кошка стала разгуливать по комнате, обнюхивая все углы, — очевидно, она решила, что здесь будет ее новый дом. Невидимая тряпка

несколько встревожила ее — слышали бы вы, как она зафыркала! Я устроил ее очень удобно на своей складной кровати. Угостил маслом, чтобы она дала вымыть себя.

— И вы подвергли ее опыту?

— Да. Но напоить кошку снадобьями — это не шутка, Кемп! И опыт мой не совсем удался.

— Не совсем?

— По двум пунктам. Во-первых, когти, а во-вторых, пигмент — забыл его название — на задней стенке глаза у кошек, помните?

— Tapetum.

— Вот именно, tapetum. Этот пигмент не исчезал. После того как я ввел ей средство для обесцвечивания крови и проделал над ней разные другие процедуры, я дал ей опиума и вместе с подушкой, на которой она спала, поместил ее у аппарата. И потом, когда все обесцветилось и исчезло, остались два небольших пятна — ее глаза.

— Любопытно!

— Я не могу этого объяснить. Конечно, она была забинтована и связана, и я не боялся, что она убежит, но она проснулась, когда превращение еще не совсем закончилось, стала жалобно мяукать, и тут раздался стук в дверь. Стучала старуха, жившая внизу и подозревавшая меня в

том, что я занимаюсь вивисекцией, — пьяница, у которой на свете ничего и никого не было, кроме этой кошки. Я поспешил прибегнуть к помощи хлороформа. Кошка замолчала, и я приоткрыл дверь. «Это у вас кошка мяукала? — спросила она. — Уж не моя ли?» — «Вы ошиблись, здесь нет никакой кошки», — ответил я очень любезно. Она не очень-то мне поверила и попыталась заглянуть в комнату. Должно быть, странной ей показалась моя комната: голые стены, окна без занавесей, складная кровать, газовый двигатель в действии, свечение аппарата и слабый дурманящий запах хлороформа. Удовлетворившись этим, она отправилась восвояси.

— Сколько времени нужно на это? — спросил Кемп.

— На опыт с кошкой ушло часа три-четыре. Последними исчезли кости, сухожилия и жир, а также кончики окрашенных волосков шерсти. Но, как я уже сказал, радужное вещество на задней стенке глаза не исчезло.

Когда я закончил опыт, уже наступила ночь; ничего не было видно, кроме туманных пятен на месте глаз и когтей.

Я остановил двигатель, нащупал и погладил кошку, которая еще не очнулась, и, развязав ее,

оставил спать на невидимой подушке, а сам, чувствуя смертельную усталость, лег в постель. Но уснуть я не мог. В голове проносились смутные, бессвязные мысли. Снова и снова перебирал я все подробности только что произведенного опыта или же забывался лихорадочным сном, и мне казалось, что все окружающее становится смутным, расплывается, и наконец сама земля исчезает у меня из-под ног, и я проваливаюсь, падаю куда-то, как бывает только в кошмаре... Около двух часов ночи кошка проснулась и стала бегать по комнате, жалобно мяукая. Я пытался успокоить ее ласковыми словами, а потом решил выгнать. Помню, как я был потрясен, когда зажег спичку, — я увидел два круглых светящихся глаза и вокруг них — ничего. Я хотел дать ей молока, но его не оказалось. А она все не успокаивалась, села у самых дверей и продолжала мяукать. Я старался поймать ее, чтобы выпустить из окна, но она не давалась в руки и все исчезала. То тут, то там в разных концах комнаты раздавалось ее мяуканье. Наконец я открыл окно и стал метаться по комнате. Вероятно, она испугалась и выскочила в окно. Больше я ее не видел и не слышал.

Потом, бог весть почему, я стал вспоминать похороны отца, холодный ветер, дувший на склоне

холма… Так продолжалось до самого рассвета. Чувствуя, что мне не заснуть, я встал и, заперев за собой дверь, отправился бродить по тихим утренним улицам.

— Неужели вы думаете, что и сейчас по свету гуляет невидимая кошка? — спросил Кемп.

— Если только ее не убили, — ответил Невидимка. — А почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — повторил Кемп и извинился: — Простите, что я прервал вас.

— Вероятно, ее убили, — сказал Невидимка. — Четыре дня спустя она была еще жива — это я знаю точно: она, очевидно, сидела под забором на Грейт-Тичфилд-стрит, там собралась толпа зевак, старавшихся понять, откуда слышится мяуканье.

С минуту он молчал, потом снова быстро заговорил:

— Я очень ясно помню это утро. Я, вероятно, прошел всю Грейт-Портленд-стрит. Помню казармы на Олбэни-стрит и выезжавших оттуда кавалеристов. В конце концов я очутился на вершине Примроз-Хилл; я чувствовал себя совсем больным. Был солнечный январский день; в тот год снег еще не выпал, и погода стояла ясная, морозная. Я устало размышлял, стараясь охватить положение, наметить план действий.

Я с удивлением убедился, что теперь, когда я почти достиг заветной цели, это совсем меня не радует. Я был слишком утомлен; от страшного напряжения почти четырехлетней непрерывной работы все мои чувства притупились. Мной овладела апатия, и я тщетно пытался вернуть горение первых дней работы, вернуть то страстное стремление к открытиям, которое дало мне силу хладнокровно погубить старика отца. Я потерял интерес ко всему. Но я понимал, что это — преходящее состояние, вызванное переутомлением и бессонницей, и что если не лекарства, так отдых вернет мне прежнюю энергию.

Ясно я сознавал только одно: дело необходимо довести до конца. Навязчивая идея все еще владела мной. И сделать это надо как можно скорее, ведь я уже истратил почти все деньги. Я оглянулся кругом, посмотрел на играющих детей и следивших за ними нянек и начал думать о тех фантастических преимуществах, которыми может пользоваться невидимый человек. Я вернулся домой, немного поел, принял большую дозу стрихнина и лег спать, не раздеваясь, на неубранной постели. Стрихнин, Кемп, — замечательное укрепляющее средство, он не дает человеку упасть духом.

— Дьявольская штука, — сказал Кемп. — Он превращает вас в этакого первобытного дикаря.

— Я проснулся, ощущая прилив сил, но и какое-то раздражение. Вам знакомо это состояние?

— Знакомо.

— Кто-то постучал в дверь. Это был домохозяин, пришедший с угрозами и расспросами, старый польский еврей в длинном сером сюртуке и стоптанных туфлях. Я ночью мучил кошку, уверял он; старуха, очевидно, успела уже все разболтать. Он требовал, чтобы я объяснил ему, в чем дело. Вивисекция строго запрещена законом, ответственность может пасть и на него. Я утверждал, что никакой кошки у меня не было. Тогда он заявил, что запах газа от двигателя чувствуется по всему дому. С этим я, конечно, согласился. Он все вертелся вокруг меня, стараясь прошмыгнуть в комнату, заглядывая туда сквозь свои очки в серебряной оправе, и вдруг меня охватил страх, как бы он не проник в мою тайну. Я поспешил встать между ним и аппаратом, но это только подстегнуло его любопытство. Чем я занимаюсь? Почему я всегда один и скрываюсь от людей? Не занимаюсь ли я чем-нибудь преступным? Не опасно ли это? Ведь я ничего не плачу, кроме обычной квартирной платы. Его дом всегда

пользовался хорошей репутацией, в то время как соседние дома этим похвастать не могут. Наконец я потерял терпение. Попросил его убраться. Он запротестовал, что-то бормотал про свое право входить ко мне, когда ему угодно. Еще секунда — и я схватил его за шиворот… Что-то с треском порвалось, и он пулей вылетел в коридор. Я захлопнул за ним дверь, запер ее на ключ и, весь дрожа, опустился на стул.

Хозяин еще некоторое время шумел за дверью, но я не обращал на него внимания, и он скоро ушел.

Это происшествие принудило меня к решительным действиям. Я не знал ни того, что он намерен делать, ни что он вправе сделать. Переезд на новую квартиру означал бы задержку в моей работе, а денег у меня в банке осталось всего двадцать фунтов. Нет, никакой проволочки я не мог допустить. Исчезнуть! Искушение было неодолимо. Но тогда начнется следствие, комнату мою разграбят…

Одна мысль о том, что работу мою могут предать огласке или прервать в тот момент, когда она почти закончена, привела меня в ярость и вернула мне энергию. Я поспешно вышел со своими тремя томами заметок и чековой книж-

кой — теперь все это находится у того бродяги — и отправил их из ближайшего почтового отделения в контору хранения писем и посылок на Грейт-Портленд-стрит. Я постарался выйти из дому как можно тише. Вернувшись, я увидел, что мой домохозяин не спеша поднимается по лестнице, — он, очевидно, слышал, как я запирал дверь. Вы бы расхохотались, если б увидели, как он шарахнулся, когда я догнал его на площадке. Он бросил на меня испепеляющий взгляд, но я пробежал мимо него и влетел к себе в комнату, хлопнув дверью так, что весь дом задрожал. Я слышал, как он, шаркая туфлями, доплелся до моей двери, немного постоял перед ней, потом спустился вниз. Я немедленно стал готовиться к опыту. Все было сделано в течение этого вечера и ночи. В то время, когда я еще находился под одурманивающим действием снадобий, принятых мной для обесцвечивания крови, кто-то стал стучаться в дверь. Потом стук прекратился, шаги начали удаляться, но вот снова приблизились, и стук в дверь повторился. Кто-то попытался что-то просунуть под дверь — какую-то синюю бумажку. Терпение мое лопнуло, я вскочил, подошел к двери и распахнул ее настежь. «Ну, что еще там?» — спросил я.

Это оказался хозяин, он принес мне повестку о выселении или что-то в этом роде. Он протянул мне бумагу, но, по-видимому, его чем-то удивили мои руки, и он взглянул мне в лицо.

С минуту он стоял, разинув рот, потом выкрикнул что-то нечленораздельное, уронил свечу и бумагу и, спотыкаясь, бросился бежать по темному коридору к лестнице. Я закрыл дверь, запер ее на ключ и подошел к зеркалу. Тогда я понял его ужас. Лицо у меня было белое, как мрамор.

Но я не ожидал, что мне придется так сильно страдать. Это было ужасно. Вся ночь прошла в страшных мучениях, тошноте и обмороках. Я стискивал зубы, все тело горело, как в огне, но я лежал неподвижно, точно мертвый. Тогда-то я понял, почему кошка так мяукала, пока я не захлороформировал ее. К счастью, я жил один, без прислуги. Были минуты, когда я плакал, стонал, разговаривал сам с собой. Но я выдержал все… Я потерял сознание и очнулся только среди ночи, совсем ослабевший.

Боли я уже не чувствовал. Я решил, что умираю, но отнесся к этому совершенно равнодушно. Никогда не забуду этого рассвета, не забуду жути, охватившей меня при виде моих рук, словно сделанных из дымчатого стекла и постепенно,

по мере наступления дня, становившихся все прозрачнее и тоньше, так что я мог видеть сквозь них все предметы, в беспорядке разбросанные по комнате, хотя и закрывал свои прозрачные веки. Тело мое сделалось как бы стеклянным, кости и артерии постепенно бледнели, исчезали: последними исчезли тонкие нити нервов. Я скрипел зубами, но выдержал до конца… И вот остались только мертвенно-белые кончики ногтей и бурое пятно какой-то кислоты на пальце.

С большим трудом поднялся я с постели. Сначала я чувствовал себя беспомощным, как грудной младенец, ступая ногами, которых не видел. Я был очень слаб и голоден. Подойдя к зеркалу, перед которым я обыкновенно брился, я увидел пустоту, в которой еле-еле можно было еще различить туманные следы пигмента на сетчатой оболочке глаз. Я схватился за край стола и прижался лбом к зеркалу.

Только отчаянным напряжением воли я заставил себя вернуться к аппарату и закончить процесс.

Я проспал все утро, закрыв лицо простыней, чтобы защитить глаза от света; около полудня меня снова разбудил стук в дверь. Силы вернулись ко мне. Я сел, прислушался и услышал

шепот. Я вскочил и принялся без шума разбирать аппарат, рассовывая отдельные части его по разным углам, чтобы невозможно было догадаться о его устройстве. Снова раздался стук, и послышались голоса — сначала голос хозяина, а потом еще два, незнакомые. Чтобы выиграть время, я ответил им. Мне попались под руку невидимая тряпка и подушка, и я выбросил их через окно на соседнюю крышу. Когда я открывал окно, дверь оглушительно затрещала. По-видимому, кто-то налег на нее плечом, надеясь высадить замок. Крепкие засовы, приделанные мной за несколько дней до этого, не поддавались. Однако сама попытка встревожила и возмутила меня. Весь дрожа, я стал торопливо заканчивать свои приготовления.

Я собрал в кучу валявшиеся на полу черновики записей, немного соломы, оберточную бумагу и тому подобный хлам и открыл газ. В дверь посыпались тяжелые и частые удары. Я никак не мог найти спички. В бешенстве я стал колотить по стене кулаком. Я снова завернул газовый рожок, вылез из окна на соседнюю крышу, очень тихо опустил раму и сел — в полной безопасности, невидимый, но дрожа от гнева и нетерпения. Я видел, как от двери оторвали доску, затем отбили

скобы засовов и в комнату вошли хозяин и два его пасынка — два дюжих парня двадцати трех и двадцати четырех лет. Следом за ними семенила старая ведьма, жившая внизу.

Можете себе представить их изумление, когда они нашли комнату пустой. Один из парней сразу подбежал к окну, открыл его и стал оглядываться кругом. Его толстогубая бородатая физиономия с выпученными глазами была от меня на расстоянии фута. Меня так и подмывало хватить кулаком по этой глупой роже, но я сдержался. Он глядел прямо сквозь меня, как и все остальные, которые подошли к нему. Старик вернулся в комнату и заглянул под кровать, а потом все они бросились к буфету. Затем они стали горячо обсуждать происшествие, мешая еврейский жаргон с жаргоном лондонских предместий. Они пришли к заключению, что я вовсе не отвечал на стук и что им это только почудилось. Мой гнев уступил место чувству необычайного торжества: я сидел за окном и спокойно следил за этими четырьмя людьми — старуха тоже вошла в комнату, по-кошачьи подозрительно озираясь, — пытавшимися разрешить загадку моего поведения.

Старик, насколько я мог понять его двуязычный жаргон, соглашался со старухой, что я

занимаюсь вивисекцией. Пасынки возражали на ломаном английском языке, утверждая, что я электротехник, и в доказательство ссылались на динамо-машины и излучающие аппараты. Они все побаивались моего возвращения, хотя, как я узнал впоследствии, заперли наружную дверь. Старуха шарила в буфете и под кроватью, а на площадке лестницы появился один из моих соседей по квартире, уличный разносчик, живший вместе с мясником в комнате напротив. Его также пригласили в мою комнату и наговорили ему невесть что.

Мне пришло в голову, что если мои аппараты попадут в руки наблюдательного и толкового специалиста, то они слишком многое откроют ему; поэтому, улучив минуту, я влез в комнату, разъединил динамо-машины и разбил оба аппарата. До чего же они переполошились! Затем, пока они старались объяснить себе это, я выскользнул из комнаты и тихонько спустился вниз.

Я вошел в гостиную и стал ожидать их возвращения; вскоре они пришли, все еще обсуждая происшествие и стараясь найти ему объяснение. Они были немного разочарованы, не найдя никаких «ужасов», и в то же время сильно смущены, не зная, насколько законно они действовали

по отношению ко мне. Как только они спустились вниз, я снова пробрался к себе в комнату, захватив коробку спичек, зажег бумагу и мусор, придвинул к огню стулья и кровать, при помощи гуттаперчевой трубки подвел к пламени газ и простился с комнатой.

— Вы подожгли дом?! — воскликнул Кемп.

— Да. Это было единственное средство замести следы, а дом, безусловно, был застрахован… Я отодвинул засов наружной двери и вышел на улицу. Я был невидим и еще только начинал сознавать, какие преимущества это давало мне. Сотни самых дерзких и фантастических планов возникали в моем мозгу, и от сознания полной безнаказанности кружилась голова.

Глава 21
На Оксфорд-стрит

Спускаясь в первый раз по лестнице, я натолкнулся на неожиданное затруднение: ходить, не видя своих ног, оказалось делом нелегким, несколько раз я даже споткнулся. Кроме того, я ощутил какую-то непривычную неловкость, когда взялся за дверной засов. Однако, перестав глядеть на землю, я скоро научился сносно ходить по ровному месту.

Настроение у меня, как я уже сказал, было восторженное. Я чувствовал себя точно зрячий в городе слепых, расхаживающий в мягких туфлях и бесшумных одеждах. Меня все время подмывало подшучивать над людьми, пугать их, хлопать по плечу, сбивать с них шляпы и вообще упиваться необычайным преимуществом своего положения.

Но едва я очутился на Портленд-стрит (я жил рядом с большим мануфактурным магазином), как услышал звон и почувствовал сильный толчок в спину. Обернувшись, я увидел человека, несшего корзину сифонов с содовой водой и в

изумлении глядевшего на свою ношу. Удар был очень чувствительный, но человек этот выглядел так комично, что я громко расхохотался. «В корзине черт сидит», — сказал я и неожиданно выхватил ее у него из рук. Он покорно выпустил ее, и я поднял корзину на воздух.

Но тут какой-то болван извозчик, стоявший в дверях пивной, подскочил и хотел схватить корзину, и его протянутая рука угодила мне под ухо, причинив мучительную боль. Я выпустил корзину, которая с треском и звоном упала у ног извозчика, и только среди крика и топота выбежавших из лавок людей, среди остановившихся экипажей сообразил, что я наделал. Проклиная свое безумие, я прислонился к окну лавки и стал выжидать случая незаметно выбраться из сутолоки. Еще минута — и меня втянули бы в толпу, где мое присутствие было бы обнаружено. Я толкнул мальчишку из мясной лавки, к счастью, не заметившего, что его толкнула пустота, и спрятался за пролеткой извозчика. Не знаю, как они распутали эту историю. Я перебежал улицу, на которой, к счастью, не оказалось экипажей, и, напуганный разыгравшимся скандалом, торопливо шел, не разбирая дороги, пока не попал на Оксфорд-стрит, где в вечерние часы всегда полно народу.

Я пытался слиться с потоком людей, но толпа была слишком густа, и через минуту мне стали наступать на пятки. Тогда я спустился в водосточную канаву. Мне было больно ступать босиком, и через минуту оглоблей ехавшей мимо кареты мне угодило под лопатку, по тому самому месту, которое уже ушибли корзиной. Я кое-как уклонился от кареты, судорожным движением избежал столкновения с детской коляской и очутился позади какой-то пролетки. Счастливая мысль спасла меня: я пошел следом за медленно двигавшейся пролеткой, не отставая от нее ни на шаг. Мое приключение, принявшее столь неожиданный оборот, начинало пугать меня. И я дрожал не только от страха, но и от холода. В этот ясный январский день я был совершенно голый, а тонкий слой грязи на мостовой почти замерз. Как это ни глупо, но я не сообразил, что — прозрачный или нет — я все же подвержен действию погоды и простуде.

Тут мне пришла в голову блестящая мысль. Я забежал вперед и сел в пролетку. Дрожа от холода, испуганный, с первыми признаками насморка, с ушибами и ссадинами на спине, все сильнее дававшими себя чувствовать, я медленно ехал по Оксфорд-стрит и дальше по Тоттенхем-Корт-роуд.

Настроение мое совершенно не походило на то, с каким десять минут назад я вышел из дому. Вот она, моя невидимость! Меня занимала только одна мысль: как выбраться из скверного положения, в какое я попал?

Мы тащились мимо книжной лавки Мьюди; тут какая-то высокая женщина, нагруженная пачкой книг в желтых обложках, окликнула моего извозчика, и я едва успел выскочить, чуть не попав при этом под вагон конки. Я направился к Блумсбери-сквер, намереваясь свернуть за музеем к северу, чтобы добраться до малолюдных кварталов. Я окоченел, и нелепость моего положения так угнетала меня, что я всхлипывал на ходу. На углу Блумсбери-сквер из конторы Фармацевтического общества выбежала белая собачонка и немедленно погналась за мной, обнюхивая землю.

Раньше мне никогда не приходило в голову, что для собаки нос то же, что для человека глаза. Собаки чуют носом движения человека, подобно тому как люди видят их глазами. Мерзкая тварь стала лаять и прыгать вокруг меня, слишком ясно показывая, что она осведомлена о моем присутствии. Я пересек Грейт-Рассел-стрит, все время оглядываясь через плечо, и, только углубившись

в Монтегю-стрит, заметил, что движется мне навстречу.

До меня донеслись громкие звуки музыки, и я увидел большую толпу, шедшую со стороны Рассел-сквер, — красные куртки, а впереди знамя Армии спасения. Я не надеялся пробраться незаметно сквозь толпу, запрудившую всю улицу, а повернуть назад, уйти еще дальше на окраину я боялся. Поэтому я тут же принял решение: быстро вбежал на крыльцо белого дома, прямо напротив ограды музея, и остановился в ожидании, пока пройдет толпа. К счастью, собачонка, заслышав музыку, перестала лаять, постояла немного в нерешительности и, поджав хвост, побежала назад, к Блумсбери-сквер.

Толпа приближалась, во все горло распевая гимн, показавшийся мне ироническим намеком: «Когда мы узрим его лик?» Она тянулась мимо меня бесконечно. «Бум, бум, бум» — гремел барабан, и я не сразу заметил, что два мальчугана остановились возле меня. «Глянь-ка», — сказал один. «А что?» — спросил другой. «Следы. Да босиком. Как будто кто по грязи шлепал».

Я поглядел вниз и увидел, что мальчишки, выпучив глаза, рассматривают грязные следы, оставленные мной на свежевыбеленных сту-

пеньках. Прохожие немилосердно толкали их, но они, увлеченные своим открытием, продолжали стоять возле меня. «Бум, бум, бум, когда, бум, узрим мы, бум, его лик, бум, бум…» — «Верно тебе говорю, кто-то взошел босиком на это крыльцо, — сказал один. — А вниз не спускался, и из ноги кровь шла».

Шествие уже скрывалось из глаз. «Гляди, Тед, гляди!» — крикнул младший из глазастых сыщиков в крайнем изумлении, указывая прямо на мои ноги. Я взглянул вниз и сразу увидел смутное очертание своих ног, обрисованное кромкой грязи. На минуту я остолбенел.

«Ах, черт! — воскликнул старший. — Вот так штука! Точно привидение, ей-богу!» После некоторого колебания он подошел ко мне поближе и протянул руку. Какой-то человек сразу остановился, чтобы посмотреть, что это он ловит, потом подошла девушка. Еще секунда — и мальчишка коснулся бы меня. Тут я сообразил, как мне поступить. Шагнув вперед — мальчик с криком отскочил в сторону, — я быстро перелез через ограду на крыльцо соседнего дома. Но младший мальчуган уловил мое движение, и, прежде чем я успел спуститься на тротуар, он оправился от минутного замешательства и стал кричать, что

ноги перескочили через ограду.

Все бросились туда и увидели, как на нижней ступеньке и на тротуаре с быстротой молнии появляются новые следы.

«В чем дело?» — спросил кто-то. «Ноги! Глядите. Бегут ноги!»

Весь народ на улице, кроме моих трех преследователей, спешил за Армией спасения, и этот поток задерживал не только меня, но и погоню. Со всех сторон сыпались вопросы и раздавались возгласы изумления. Сбив с ног какого-то юношу, я пустился бежать вокруг Рассел-сквер, а человек шесть или семь изумленных прохожих мчались по моему следу. Объясняться, к счастью, им было некогда, а то вся толпа, наверное, кинулась бы за мной.

Дважды я огибал углы, трижды перебегал через улицу и возвращался назад той же дорогой. Ноги мои согрелись, высохли и уже не оставляли мокрых следов. Наконец, улучив минуту, я начисто вытер ноги руками и таким образом окончательно скрылся. Последнее, что я видел из погони, были человек десять, сбившиеся кучкой и с безграничным недоумением разглядывавшие медленно высыхавший отпечаток ноги, угодившей в лужу на Тэвисток-сквер, — единственный

отпечаток, столь же необъяснимый, как тот, на который наткнулся Робинзон Крузо.

Это бегство до некоторой степени согрело меня, и я стал пробираться по лабиринту малолюдных улочек и переулков уже в более бодром настроении. Спину ломило, под ухом ныло от удара, нанесенного извозчиком, кожа была расцарапана его ногтями, ноги сильно болели, и из-за пореза на ступне я прихрамывал. Ко мне приблизился какой-то слепой, но я вовремя заметил его и шарахнулся в сторону, опасаясь его тонкого слуха. Несколько раз я случайно сталкивался с прохожими; они останавливались в недоумении, оглушенные неизвестно откуда раздававшейся бранью. А потом я почувствовал на лице что-то мягкое, и площадь стала покрываться тонким слоем снега. Я, очевидно, простудился и не мог удержаться, чтобы время от времени не чихнуть. А каждая собака, которая попадалась мне на пути и начинала, вытянув морду, с любопытством обнюхивать мои ноги, внушала мне ужас.

Потом мимо меня с криком пробежал человек, за ним другой, третий, а через минуту целая толпа взрослых и детей стала обгонять меня. Они спешили на пожар и бежали по направлению к моему дому. Заглянув в переулок, я увидел густое

облако дыма, поднимавшееся над крышами и телефонными проводами. Я не сомневался, что это горит моя квартира; вся моя одежда, аппараты, все мое имущество осталось там, за исключением чековой книжки и трех томов заметок, которые ждали меня на Грейт-Портленд-стрит. Я сжег свои корабли — вернее верного! Весь дом пылал.

Невидимка умолк и задумался. Кемп тревожно посмотрел в окно.

— Ну? — сказал он. — Продолжайте.

Глава 22
В универсальном магазине

— Итак, в январе, в снег и метель, — а стоило снегу покрыть меня, и я был бы обнаружен! — усталый, простуженный, с ломотой во всем теле, невыразимо несчастный и все еще лишь наполовину убежденный в преимуществах своей невидимости, начал я новую жизнь, на которую сам себя обрек. У меня не было ни пристанища, ни средств к существованию, не было ни одного человека во всем мире, которому я мог бы довериться. Раскрыть тайну значило бы отказаться от своих широких планов на будущее: меня просто стали бы показывать как диковинку. Тем не менее я чуть было не решил подойти к какому-нибудь прохожему и отдаться на его милость. Но я слишком хорошо понимал, какой ужас и какую бесчеловечную жестокость возбудила бы такая попытка. Пока что мне было не до новых планов. Я старался только укрыться от снега, закутаться и согреться — тогда можно было бы подумать и о будущем. Но даже для меня, человека-невидимки, ряды запертых лондонских домов были

неприступны.

Только одно видел я тогда отчетливо перед собой: холод, бесприютность и страдания предстоящей ночи среди снежной вьюги. И вдруг меня осенила блестящая мысль. Я свернул на улицу, ведущую от Гауэр-стрит к Тоттенхем-Кортроуд, и очутился перед огромным магазином «Omnium», — вы знаете его, там торгуют решительно всем: мясом, бакалеей, бельем, мебелью, платьем, даже картинами. Это скорее гигантский лабиринт всевозможных лавок, чем один магазин. Я надеялся, что двери магазина будут открыты, но они были закрыты. Пока я стоял перед входом, подъехал экипаж, и швейцар в ливрее, с надписью «Omnium» на фуражке, распахнул дверь. Мне удалось проскользнуть внутрь, и, пройдя первое помещение — это был отдел лент, перчаток, чулок и тому подобное, — я попал в более обширное помещение, где продавались корзины и плетеная мебель.

Однако я не чувствовал себя в полной безопасности, так как тут все время толклись покупатели. Я стал бродить по магазину, пока не попал в огромный отдел на верхнем этаже, который весь был заставлен кроватями. Здесь я наконец нашел себе приют на огромной куче тюфяков. В

магазине уже зажгли огонь, было очень тепло; я решил остаться в своем убежище и, внимательно следя за приказчиками и покупателями, расхаживавшими по мебельному отделу, стал дожидаться часа, когда магазин закроют. «Когда все уйдут, — думал я, — я добуду себе и пищу и платье, обойду весь магазин, узнаю его запасы и, пожалуй, даже посплю на одной из кроватей». Этот план казался мне осуществимым. Я хотел достать платье, чтобы превратиться в закутанную, но все же не возбуждающую особых подозрений фигуру, раздобыть денег, получить свои книги из почтовой конторы, снять где-нибудь комнату и разработать план использования тех преимуществ над моими ближними, которые давала мне моя невидимость.

Время закрытия магазина наступило довольно скоро; с тех пор как я забрался на груду тюфяков, прошло не больше часа, и вот я заметил, что шторы на окнах спущены, а последних покупателей выпроваживают. Потом множество проворных молодых людей принялись с необыкновенной быстротой убирать товары, лежавшие в беспорядке на прилавках. Когда толпа стала редеть, я оставил свое логово и осторожно пробрался поближе к центральным отделам магазина.

Меня поразила быстрота, с какой целая армия юношей и девушек убирала все, что было выставлено днем для продажи. Все картонки, ткани, гирлянды кружев, ящики со сладостями в кондитерском отделении, всевозможные предметы, разложенные на прилавках, — все это убиралось, сворачивалось и складывалось на хранение, а то, чего нельзя было убрать и спрятать, прикрывалось чехлами из какой-то грубой материи вроде парусины. Наконец все стулья были нагромождены на прилавки, на полу не осталось ничего. Окончив свое дело, молодые люди поспешили уйти с выражением такой радости на лице, какой я никогда еще не видел у приказчиков. Потом появилась орава подростков с опилками, ведрами и щетками. Мне приходилось то и дело увертываться от них, но все же опилки попадали мне на ноги. Разгуливая по темным, опустевшим помещениям, я еще довольно долго слышал шарканье щеток. Наконец через час с лишним после закрытия магазина я услышал, что запирают двери. Воцарилась тишина, и я очутился один в огромном лабиринте отделений и коридоров. Было очень тихо: помню, как, проходя мимо одного из выходов на Тоттенхем-Корт-роуд, я услышал звук шагов прохожих.

Прежде всего я направился в отдел, где видел чулки и перчатки. Было темно, и я еле разыскал спички в ящике небольшой конторки. Но еще нужно было добыть свечку. Пришлось стаскивать покрышки и шарить по ящикам и коробкам, но в конце концов я все же нашел то, что искал: свечи лежали в ящике, на котором была надпись: «Шерстяные панталоны и фуфайки». Потом я взял носки и толстый шерстяной шарф, после чего направился в отделение готового платья, где взял брюки, мягкую куртку, пальто и широкополую шляпу вроде тех, что носят священники. Я снова почувствовал себя человеком и прежде всего подумал о еде.

На верхнем этаже оказалась закусочная, и там я нашел холодное мясо. В кофейнике осталось немного кофе, я зажег газ и подогрел его. В общем, я устроился недурно. Затем я отправился на поиски одеяла, — в конце концов мне пришлось удовлетвориться ворохом пуховых перин, — и попал в кондитерский отдел, где нашел целую груду шоколада и засахаренных фруктов, которыми чуть не объелся, и несколько бутылок бургундского. А рядом помещался отдел игрушек, которые навели меня на блестящую мысль: я нашел несколько искусственных носов — знаете, из

папье-маше — и тут же подумал о темных очках. К сожалению, здесь не оказалось оптического отдела. Но ведь нос был для меня очень важен; сперва я подумал даже о гриме. Раздобыв себе искусственный нос, я начал мечтать о париках, масках и прочем. Наконец я заснул на куче перин, где было очень тепло и удобно.

Еще ни разу, с тех пор как со мной произошла эта необычайная перемена, я не чувствовал себя так хорошо, как в тот вечер, засыпая. Я находился в состоянии полной безмятежности и был настроен весьма оптимистически. Я надеялся, что утром незаметно выберусь из магазина, одевшись и закутав лицо белым шарфом; затем куплю на украденные мной деньги очки, и таким образом экипировка моя будет закончена. Ночью мне снились вперемешку все удивительные происшествия, которые случились со мной за последние несколько дней. Я видел бранящегося еврея-домохозяина, его недоумевающих пасынков, сморщенное лицо старухи, справляющейся о своей кошке. Я снова испытывал странное ощущение при виде исчезнувшей белой ткани. Затем мне представился родной городок и простуженный старичок викарий, шамкающий над могилой моего отца: «Из земли взят и в землю

отыдешь»...

«И ты», — сказал чей-то голос, и вдруг меня потащили к могиле. Я вырывался, кричал, умолял могильщиков, но они стояли неподвижно и слушали отпевание; старичок викарий тоже, не останавливаясь, монотонно читал молитвы и прерывал свое чтение лишь чиханьем. Я сознавал, что, не видя меня и не слыша, они все-таки меня одолели. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, меня бросили в могилу, и я, падая, ударился о гроб, а сверху меня стали засыпать землей. Никто не замечал меня, никто не подозревал о моем существовании. Я стал судорожно барахтаться — и проснулся.

Бледная лондонская заря уже занималась: сквозь щели между оконными шторами проникал холодный серый свет. Я сел и долго не мог сообразить, что это за огромное помещение с железными столбами, с прилавками, грудами свернутых материй, кучей одеял и подушек. Затем вспомнил все и услышал чьи-то голоса.

Издали, из комнаты, где было светлее, так как шторы там были уже подняты, ко мне приближались двое. Я вскочил, соображая, куда скрыться, и это движение выдало им мое присутствие. Я думал, что они успели заметить только провор-

но удаляющуюся фигуру. «Кто тут?» — крикнул один. «Стой!» — закричал другой. Я свернул за угол и столкнулся с тощим парнишкой лет пятнадцати. Не забудьте, что я был фигурой без лица! Он взвизгнул, а я сшиб его с ног, бросился дальше, свернул еще за угол, и тут у меня мелькнула счастливая мысль: я распластался за прилавком. Еще минута — и я услышал шаги бегущих людей, отовсюду раздались крики: «Двери, заприте двери!», «Что случилось?» — и со всех сторон посыпались советы, как изловить меня.

Я лежал на полу, перепуганный насмерть. Как это ни странно, в ту минуту мне не пришло в голову, что надо раздеться, а между тем это было бы самое простое. Я решил уйти одетый, и эта мысль завладела мной. Потом по длинному проходу между прилавками разнесся крик: «Вот он!»

Я вскочил, схватил с прилавка стул и пустил им в болвана, который первый крикнул это, потом побежал, наткнулся за углом на другого, отшвырнул его и бросился вверх по лестнице. Он удержался на ногах и с улюлюканьем погнался за мной. На верху лестницы были нагромождены кучи этих пестрых расписных посудин, знаете?

— Горшки для цветов, — подсказал Кемп.

— Вот-вот, цветочные горшки. На верхней сту-

пеньке я остановился, обернулся, выхватил из кучи один горшок и швырнул его в голову подбежавшего болвана. Вся куча горшков рухнула, раздались крики, и со всех сторон стали сбегаться служащие. Я со всех ног кинулся в закусочную. Но там был какой-то человек в белом, вроде повара, и он тоже погнался за мной. Я сделал последний отчаянный поворот и очутился в отделе ламп и скобяных товаров. Я забежал за прилавок и стал поджидать повара. Как только он появился впереди погони, я пустил в него лампой. Он упал, а я, скорчившись за прилавком, начал поспешно сбрасывать с себя одежду. Куртка, брюки, башмаки — все это удалось скинуть довольно быстро, но эти проклятые фуфайки пристают к телу, как собственная кожа. Повар лежал неподвижно по другую сторону прилавка, оглушенный ударом или перепуганный до потери сознания, но я слышал топот, погоня приближалась, и я должен был снова спасаться бегством, точно кролик, выгнанный из кустов.

«Сюда, полисмен!» — крикнул кто-то. Я снова очутился в мебельном отделе, в конце которого стоял целый лес платяных шкафов. Я забрался в самую гущу, лег на пол и, извиваясь, как угорь, освободился наконец от фуфайки. Когда из-за уг-

ла появились полисмен и трое служащих, я стоял уже голый, задыхаясь и дрожа от страха. Они набросились на жилетку и кальсоны, уцепились за брюки. «Он бросил свою добычу, — сказал один из приказчиков. — Наверняка он где-нибудь здесь».

Но они меня не нашли.

Я стоял, глядя, как они ищут меня, и проклинал судьбу за свою неудачу, ибо одежды я все-таки лишился. Потом я отправился в закусочную, выпил немного молока и, сев у камина, стал обдумывать свое положение.

Вскоре пришли два приказчика и стали горячо обсуждать происшествие. Какой вздор они мололи! Я услышал сильно преувеличенный рассказ о произведенных мной опустошениях и всевозможные догадки о том, куда я подевался. Потом я снова стал обдумывать план действий. Стащить что-нибудь в магазине теперь, после всей этой суматохи, было совершенно невозможно. Я спустился в склад посмотреть, не удастся ли упаковать и как-нибудь отправить оттуда сверток, но не понял их системы контроля. Около одиннадцати часов я решил, что в магазине оставаться бессмысленно, и, так как снег растаял и было теплее, чем накануне, вышел на улицу. Я был в отчаянии от своей неудачи, а относительно

будущего планы мои были самые смутные.

Глава 23
На Друри-лейн

— Теперь вы можете себе представить, — продолжал Невидимка, — как невыгодно было мое положение. У меня не было ни крова, ни одежды. Одеться — значило отказаться от всех моих преимуществ, превратиться в нечто странное и страшное. Я ничего не ел, так как принимать пищу, то есть наполнять себя непрозрачным веществом, значило бы стать безобразно видимым.

— Об этом я не подумал, — сказал Кемп.

— Да и я тоже. А снег открыл мне глаза на другие опасности. Я не мог выходить на улицу, когда шел снег: он облеплял меня и таким образом выдавал. Дождь тоже выдавал бы мое присутствие, очерчивая меня водяным контуром и превращая в поблескивающую фигуру человека — в пузырь. А туман? При тумане я тоже превращался бы в мутный пузырь, в размытый силуэт человека. Кроме того, бродя по улицам при лондонском климате, я пачкал ноги, и на коже оседали сажа и пыль. Я не знал, скоро ли грязь выдаст меня. Но я ясно понимал, что это время не за горами, поскольку

речь шла о Лондоне. Я направился к трущобам в районе Грейт-Портленд-стрит и очутился в конце улицы, где жил прежде. Я не пошел этой дорогой, потому что перед еще дымившимися развалинами дома, который я поджег, стояла густая толпа. Мне необходимо было достать платье.

Я не знал, чем прикрыть лицо. Тут мне бросилась в глаза одна из тех лавчонок, где продается все: газеты, сласти, игрушки, канцелярские принадлежности, елочные украшения и так далее; в витрине я увидел целую выставку масок и носов. Это снова навело меня на ту же мысль, что и вид игрушек в «Omnium». Я повернул назад уже с определенной целью и, избегая многолюдных улиц, направился к глухим кварталам к северу от Стрэнда: я вспомнил, что где-то в этих местах торгуют своими изделиями несколько театральных костюмеров.

День был холодный, дул пронзительный северный ветер. Я шел быстро, чтобы на меня не натыкались сзади. Каждый перекресток представлял для меня опасность, за каждым прохожим я должен был зорко следить. В конце Бедфорд-стрит какой-то человек, мимо которого я проходил, неожиданно повернулся и, налетев на меня, сшиб меня на мостовую, где я едва не попал под колеса

пролетки. Оказавшиеся поблизости извозчики решили, что с ним случилось что-то вроде удара. Это столкновение так подействовало на меня, что я зашел на рынок Ковент-Гарден и там сел в уголок, возле лотка с фиалками, задыхаясь и дрожа от страха. Я, видно, сильно простудился и вынужден был вскоре уйти, чтобы не привлечь внимания своим чиханьем.

Наконец я достиг цели своих поисков, — это была грязная, засиженная мухами лавчонка в переулке близ Друри-лейн, где в окне были выставлены театральные костюмы, поддельные драгоценности, парики, туфли, домино и фотографии актеров. Лавка была старинная, низкая и темная, а над ней высились еще четыре этажа мрачного, угрюмого дома. Я заглянул в окно и, не увидев никого в лавке, вошел. Звякнул колокольчик. Я оставил дверь открытой, а сам шмыгнул мимо манекена и спрятался в углу за большим трюмо. С минуту никто не появлялся. Потом я услышал в лавке чьи-то тяжелые шаги.

Я успел уже составить план действий. Я предполагал пробраться в дом, спрятаться где-нибудь наверху, дождаться удобной минуты и, когда все стихнет, подобрать себе парик, маску, очки и костюм, а там незаметно выскользнуть на улицу,

может быть, в весьма нелепом, но все же правдоподобном виде. Между прочим, я надеялся унести и деньги, какие попадутся под руку.

Хозяин лавки был маленький тощий горбун с нахмуренным лбом, длинными неловкими руками и очень короткими кривыми ногами. По-видимому, мой приход оторвал его от еды. Он оглядел лавку, ожидание на его лице сменилось сначала изумлением, а потом гневом, когда он увидел, что в лавке никого нет. «Черт бы побрал этих мальчишек!» — проворчал он. Потом вышел на улицу и огляделся. Через минуту он вернулся, с досадой захлопнул дверь ногой и, бормоча что-то про себя, ушел внутрь дома.

Я выбрался из своего убежища, чтобы последовать за ним, но, услышав мое движение, он остановился как вкопанный. Остановился и я, пораженный тонкостью его слуха. Он захлопнул дверь перед самым моим носом.

Я стоял в нерешительности. Вдруг я снова услышал его быстрые шаги, и дверь опять открылась. Он стал оглядывать лавку: как видно, его подозрения еще не рассеялись окончательно. Затем, все также что-то бормоча, он осмотрел с обеих сторон прилавок, заглянул под стоявшую в лавке мебель. После этого он остановился, опасливо

озираясь. Так как он оставил дверь открытой, я шмыгнул в соседнюю комнату.

Это была странная каморка, убого обставленная, с грудой масок в углу. На столе стоял остывший завтрак. Поверьте, Кемп, мне было нелегко стоять там, вдыхая запах кофе, и смотреть, как он принялся за еду. А ел он очень неаппетитно. В комнате было три двери, из которых одна вела наверх, обе другие — вниз, но все они были закрыты. Я не мог выйти из комнаты, пока он был там, не мог даже двинуться с места из-за его дьявольской чуткости, а в спину мне дуло. Два раза я чуть было не чихнул.

Ощущения мои были необычны и интересны, но вместе с тем я чувствовал невыносимую усталость и насилу дождался, пока он кончил свой завтрак. Наконец он насытился, поставил свою жалкую посуду на черный жестяной поднос, на котором стоял кофейник, и, собрав крошки с запачканной горчицей скатерти, двинулся с подносом к двери. Так как руки его были заняты, он не мог закрыть за собой дверь, что ему, видимо, хотелось сделать. Никогда в жизни не видел человека, который так любил бы затворять двери! Я последовал за ним в подвал, в грязную, темную кухню. Там я имел удовольствие видеть,

как он мыл посуду, а затем, не ожидая никакого толка от моего пребывания внизу, где мои босые ноги вдобавок стыли на каменном полу, я вернулся наверх и сел в его кресло у камина. Так как огонь угасал, то я, не подумав, подбросил углей. Этот шум немедленно привлек хозяина, он прибежал в волнении и начал обшаривать комнату, причем один раз чуть не задел меня. Но и этот тщательный осмотр, по-видимому, мало удовлетворил его. Он остановился в дверях и, прежде чем спуститься вниз, еще раз внимательно оглядел всю комнату.

Я просидел в маленькой гостиной целую вечность. Наконец он вернулся и открыл дверь наверх. Мне удалось проскользнуть вслед за ним.

На лестнице он вдруг остановился, так что я чуть не наскочил на него. Он стоял, повернув голову, глядя мне прямо в лицо и внимательно прислушиваясь. «Готов поклясться…» — сказал он. Длинной волосатой рукой он пощипывал нижнюю губу. Взгляд его скользил по лестнице. Что-то пробурчав, он стал подниматься наверх.

Уже взявшись за ручку двери, он снова остановился с выражением того же сердитого недоумения на лице. Он явно улавливал шорох моих

движений. Этот человек, по-видимому, обладал исключительно тонким слухом. Вдруг им овладело бешенство. «Если кто-нибудь забрался в дом!..» — закричал он, крепко выругавшись, и, не докончив угрозы, сунул руку в карман. Не найдя там того, что искал, он шумно бросился мимо меня вниз. Но я за ним не последовал, а уселся на верхней ступеньке лестницы и стал ждать его возвращения.

Вскоре он появился снова, все еще что-то бормоча. Он открыл дверь, но, прежде чем я успел войти, захлопнул ее перед моим носом.

Я решил осмотреть дом и потратил на это некоторое время, стараясь двигаться как можно тише. Дом был совсем ветхий, до того сырой, что обои отстали от стен, и полный крыс. Почти все дверные ручки поворачивались очень туго, и я боялся их трогать. Некоторые комнаты были совсем без мебели, а другие завалены театральным хламом, купленным, если судить по его виду, из вторых рук. В небольшой комнате рядом со спальней я нашел ворох старого платья. Я стал нетерпеливо рыться в нем и, увлекшись, забыл о тонком слухе хозяина. Я услышал крадущиеся шаги и поднял голову как раз вовремя: хозяин появился на пороге со старым револьвером в руке и уставился на

развороченную кучу платья. Я стоял, не шевелясь, все время, пока он с разинутым ртом подозрительно оглядывал комнату. «Должно быть, это она, — пробормотал он. — Черт бы ее побрал!» Он бесшумно закрыл дверь и сейчас же запер ее на ключ. Я услышал его удаляющиеся шаги. И вдруг я понял, что заперт. В первую минуту я растерялся. Прошел от двери к окну и обратно, остановился, не зная, что делать. Меня охватило бешенство. Но я решил прежде всего осмотреть платье, и первая же моя попытка стащить узел с верхней полки снова привлекла хозяина. Он явился еще более мрачный, чем раньше. На этот раз он коснулся меня, отскочил и, пораженный, остановился, разинув рот, посреди комнаты.

Вскоре он несколько успокоился. «Крысы», — сказал он вполголоса, приложив палец к губам. Он явно был несколько испуган. Я бесшумно вышел из комнаты, но при этом скрипнула половица. Тогда этот дьявол стал ходить по всему дому с револьвером наготове, запирая подряд все двери и пряча ключи в карман. Сообразив, что он задумал, я пришел в такую ярость, что чуть было не упустил удобный случай. Я теперь точно знал, что он один во всем доме. Поэтому я без всяких церемоний хватил его по голове.

— Хватили по голове?! — воскликнул Кемп.

— Да, оглушил его, когда он шел вниз. Ударил стулом, который стоял на площадке лестницы; он покатился вниз, как мешок со старой обувью.

— Но, позвольте, простая гуманность…

— Простая гуманность годится для обыкновенных людей. Вы поймите, Кемп, мне во что бы то ни стало нужно было выбраться из этого дома одетым и так, чтобы он меня не видел. Другого способа я не мог придумать. Потом я заткнул ему рот камзолом эпохи Людовика Четырнадцатого и завязал его в простыню.

— Завязали в простыню?

— Сделал из него нечто вроде узла. Хорошее средство, чтобы напугать этого идиота и лишить его возможности кричать и двигаться, а выбраться из этого узла было не так-то просто. Дорогой Кемп, нечего сидеть и глазеть на меня, как на убийцу. У него ведь был револьвер. А если бы он увидел меня, то мог бы описать мою наружность…

— Но все же, — сказал Кемп, — в Англии, в наше время… И ведь человек этот был у себя дома, а вы… вы совершали грабеж!

— Грабеж? Черт знает что такое! Вы еще, пожалуй, назовете меня вором. Надеюсь, Кемп, вы

не настолько глупы, чтобы плясать под старую дудку. Неужели вы не можете понять, каково мне было?

— Могу. Но каково было ему! — сказал Кемп. Невидимка быстро вскочил.

— Что вы сказали? — спросил он.

Лицо Кемпа приняло суровое выражение. Он хотел было заговорить, но удержался.

— Впрочем, — сказал он, вдруг меняя тон, — пожалуй, ничего другого вам не оставалось. Ваше положение было безвыходным. А все же…

— Конечно, я был в безвыходном положении, в ужасном положении! Да и горбун довел меня до бешенства: гонялся за мной по всему дому, угрожал своим дурацким револьвером, отпирал и запирал двери… Это было невыносимо! Вы ведь не вините меня, правда? Не вините?

— Я никогда никого не виню, — ответил Кемп. — Это совершенно вышло из моды. Ну а что вы сделали потом?

— Я был голоден. Внизу я нашел каравай хлеба и немного прогорклого сыра, этого было достаточно, чтобы утолить мой голод. Потом я выпил немного коньяку с водой и прошел мимо завязанного в простыню узла — он лежал не шевелясь — в комнату со старым платьем. Окно этой комна-

ты, завешенное грязной кружевной занавеской, выходило на улицу. Я осторожно выглянул. День был яркий, ослепительно яркий по сравнению с сумраком угрюмого дома, в котором я находился. Улица была очень оживленная: тележки с фруктами, пролетки, ломовик с кучей ящиков, повозка рыботорговца. У меня зарябило в глазах, и я вернулся к полутемным полкам. Возбуждение мое улеглось, я трезво оценил положение. В комнате стоял слабый запах бензина, употреблявшегося, очевидно, для чистки платья.

Я начал тщательно осматривать комнату за комнатой. Очевидно, горбун уже давно жил в этом доме один. Любопытная личность… Все, что только могло мне пригодиться, я собрал в комнату, где лежали костюмы, потом стал тщательно отбирать. Я нашел саквояж, который мог оказаться мне очень полезным, пудру, румяна и липкий пластырь.

Сначала я хотел было накрасить и напудрить лицо, чтобы сделать его видимым, но тут же сообразил, что в этом есть большое неудобство: для того, чтобы снова исчезнуть, мне понадобился бы скипидар и некоторые другие средства, не говоря уж о том, что это отнимало бы много времени. Наконец я выбрал маску, слегка карикатурную, но

не более, чем многие человеческие лица, темные очки, бакенбарды с проседью и парик. Белья я не нашел, но его можно было приобрести впоследствии, а пока что я закутался в миткалевый плащ и белый кашемировый шарф; носков не было, но башмаки горбуна пришлись почти впору. В кассе оказалось три соверена и на тридцать шиллингов серебра, а взломав шкаф, я нашел восемь фунтов золотом. Снаряженный таким образом, я снова мог выйти на белый свет.

Тут на меня напало сомнение: действительно ли моя наружность правдоподобна? Я внимательно осмотрел себя в маленьком зеркальце, поворачиваясь то так, то этак, проверяя, не упустил ли я чего-нибудь. Нет, как будто все в порядке: фигура, конечно, гротескная, вроде театрального нищего, но общий вид сносный, бывают и такие люди. Немного успокоенный, я сошел с зеркальцем в лавку, опустил занавески и снова осмотрел себя со всех сторон в трюмо.

Несколько минут я собирался с духом, наконец отпер дверь и вышел на улицу, предоставив маленькому горбуну собственными силами выбираться из простыни. Сначала я сворачивал за угол на каждом перекрестке. Мой вид не привлекал ничьего внимания. Казалось, я перешагнул

через последнее препятствие.

Он замолчал.

— А горбуна вы так и бросили на произвол судьбы? — спросил Кемп.

— Да, — сказал Невидимка. — Не знаю, что с ним сталось. Вероятно, он развязал простыню, вернее, разорвал ее. Узлы были крепкие.

Он снова замолчал, поднялся и стал смотреть в окно.

— Ну а потом вы вышли на Стрэнд и что же дальше?

— О, снова разочарование! Я думал, что мытарства мои кончились. Воображал, что теперь я могу безнаказанно делать все, что вздумается, если только сохраню свою тайну. Так мне казалось. Я мог делать все что угодно, не считаясь с последствиями: стоило только скинуть платье, чтоб исчезнуть. Задержать меня никто не мог. Деньги можно брать где угодно. Я решил задать себе великолепный пир, поселиться в хорошей гостинице и обзавестись новым имуществом. Самоуверенность моя не знала границ, даже вспоминать неприятно, каким я был ослом. Я зашел в ресторан, стал заказывать обед и вдруг сообразил, что, не открыв лица, не могу начать есть. Я заказал обед и вышел взбешенный, сказав

официанту, что вернусь через десять минут. Не знаю, приходилось ли вам, Кемп, голодному, как волк, испытывать такое разочарование?

— Такое — никогда, — сказал Кемп, — но я вполне себе это представляю.

— Я готов был убить их, этих кретинов. Наконец, совсем измученный голодом, я зашел в другой ресторан и потребовал отдельную комнату. «Я изуродован, — сказал я. — Получил сильные ранения». Официанты смотрели на меня с любопытством, но расспрашивать, конечно, не смели, и я наконец пообедал. Сервировка оставляла желать лучшего, но я вполне насытился и, затянувшись сигарой, стал обдумывать, как быть дальше. На дворе начиналась вьюга.

Чем больше я думал, Кемп, тем яснее понимал, как беспомощен и нелеп невидимый человек в сыром и холодном климате, в огромном цивилизованном городе. До моего безумного опыта мне рисовались всевозможные преимущества. Теперь же я не видел ничего хорошего. Я перебрал в уме все, чего может желать человек. Правда, невидимость позволяла многого достигнуть, но не позволяла мне пользоваться достигнутым. Честолюбие? Но что в высоком звании, если обладатель его принужден скрываться? Какой

толк в любви женщины, если она должна быть Далилой? Меня не интересует ни политика, ни сомнительная популярность, ни филантропия, ни спорт. Что же мне оставалось? Чего ради я обратился в запеленатую тайну, в закутанную и забинтованную пародию на человека?

Он умолк и, казалось, посмотрел в окно.

— А как же вы очутились в Айпинге? — спросил Кемп, чтобы не дать оборваться разговору.

— Я поехал туда работать. У меня тогда мелькнула смутная надежда. Теперь эта мысль созрела. Вернуться в прежнее состояние. Вернуться, когда мне это понадобится, когда я невидимкой сделаю все, что хочу. Об этом-то прежде всего мне и надо поговорить с вами.

— Вы поехали прямо в Айпинг?

— Да. Получил свои заметки и чековую книжку, приобрел белье и все необходимое, заказал реактивы, при помощи которых хотел осуществить свой замысел (как только получу книги, покажу вам все вычисления), и поехал. Боже, что за метель была и как трудно было уберечь проклятый картонный нос, чтобы он не размок от снега!

— Если судить по газетам, — сказал Кемп, — третьего дня, когда вас обнаружили, вы немного…

— Да, немного… Укокошил я этого болвана

полисмена?

— Нет, — сказал Кемп, — говорят, он выздоравливает.

— Ну, значит, ему повезло. Я совсем взбесился. Вот дураки! Чего они пристали ко мне? Ну а этот остолоп лавочник?

— Смертных случаев не предвидится, — сказал Кемп.

— Что касается моего бродяги, — сказал Невидимка, зловеще посмеиваясь, — то это еще неизвестно. Ей-богу, Кемп, вам с вашим характером не понять, что такое бешенство! Работаешь долгие годы, придумываешь, строишь планы, и потом какой-нибудь безмозглый, тупой идиот становится тебе поперек дороги! Дураки всех сортов, какие только существуют на свете, старались помешать мне. Если так будет продолжаться, я взбешусь окончательно и начну крошить их направо и налево. Из-за них теперь все стало в тысячу раз труднее.

— В самом деле, положение незавидное, — сухо обронил Кемп.

Глава 24
Неудавшийся план

— Ну, — сказал Кемп, покосившись на окно, — что же мы теперь будем делать?

Он придвинулся ближе к Невидимке, чтобы заслонить от него троих людей, невероятно медленно, как казалось Кемпу, поднимавшихся по холму.

— Что вы собирались делать в Порт-Бэрдоке? У вас есть какой-нибудь план?

— Я хотел удрать за границу. Но, встретив вас, я переменил намерение. Так как стало теплее и мне легче быть невидимым, я думал, что лучше всего мне двинуться на юг. Ведь тайна моя раскрыта, и здесь все будут искать закутанного человека в маске. А отсюда есть пароходное сообщение с Францией. Я думал, что можно рискнуть переправиться туда на каком-нибудь пароходе. А из Франции я мог бы по железной дороге поехать в Испанию или даже в Алжир. Это было бы нетрудно. Там можно круглый год оставаться невидимкой. Бродягу этого я превратил бы в подвижной склад моих денег и книг,

пока не устроился бы с пересылкой того и другого по почте.

— Понятно.

— И вдруг этому скоту вздумалось поживиться моим имуществом! Он украл мои книги, Кемп! Мои книги! Попадись он мне только!..

— Первым делом надо отобрать у него книги.

— Да где же он? Разве вы знаете?

— Он заперт в городском полицейском управлении, в самой глухой тюремной камере, какая только там нашлась: сам об этом попросил.

— Негодяй! — вырвалось у Невидимки.

— Это несколько нарушает ваши планы.

— Нужно добыть книги, они необходимы.

— Конечно, — согласился Кемп, прислушиваясь к шагам на дворе. — Конечно, книги непременно надо добыть. Но это будет нетрудно, если только он не узнает, что их требуют для вас.

— Верно, — сказал Невидимка и задумался.

Кемп безуспешно пытался поддержать разговор, но тут Невидимка заговорил сам:

— Теперь, когда я очутился у вас, Кемп, все мои планы меняются. Вы человек, способный понять меня. Еще можно сделать многое, очень многое, несмотря на потерю книг, на огласку, несмотря на все, что случилось и что я перенес… Вы никому

не говорили обо мне? — спросил он вдруг.

Кемп на мгновение замялся.

— Ведь я обещал, — сказал он.

— Никому? — повторил Гриффин.

— Ни единой душе.

— Ну, тогда… — Невидимка встал и, сунув руки в карманы, зашагал по комнате. — Да, это была ошибка, Кемп, огромная ошибка, что я взялся один за это дело. Напрасно потрачены силы, время, возможности. Один… Удивительно, как беспомощен человек, когда он один! Мелкая кража, потасовка — и все.

Я нуждаюсь в пристанище, Кемп, мне нужен человек, который помог бы мне, спрятал бы меня, мне нужно место, где я мог бы спокойно, не возбуждая ничьих подозрений, есть, спать и отдыхать. Словом, мне нужен сообщник. Тогда возможно все. До сих пор я действовал наобум. Теперь мы обсудим все те выгоды, которые дает невидимость, и все трудности. Заниматься подслушиванием и тому подобным — толку мало: тебя тоже слышно. Воровать это помогает, но не очень. Хоть поймать меня трудно, но, поймав, ничего не стоит засадить в тюрьму. Невидимость полезна, когда надо бежать или, наоборот, подкрадываться. Значит, она хороша при убийстве.

Как бы человек ни был вооружен, я легко могу выбрать наименее защищенное место, ударить, спрятаться и удрать, как и куда пожелаю.

Кемп погладил усы. Кажется, кто-то движется внизу.

— Мы должны заняться убийствами, Кемп.

— Заняться убийствами, — повторил Кемп. — Я слушаю вас, Гриффин, но это не значит, что я соглашаюсь с вами. Зачем мы должны убивать?

— Не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом: они знают, что существует Невидимка, знают не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно. Но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь город, хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. Осуществить это можно тысячью способов, скажем, подсовывать под двери листки бумаги. И кто дерзнет ослушаться, будет убит, так же как и его заступники.

— Гм, — пробормотал Кемп, прислушиваясь больше к скрипу отворявшейся внизу двери, чем к словам Гриффина. — Я думаю, Гриффин, — сказал он, стараясь казаться внимательным, — что

положение вашего сообщника оказалось бы не из легких.

— Никто не будет знать, что он мой сообщник! — горячо возразил Невидимка и вдруг остановился. — Стойте, что там такое?

— Ничего, — сказал Кемп и вдруг заговорил громко и быстро: — Я не могу согласиться с вами, Гриффин. Поймите же, не могу. К чему вести заведомо проигранную игру? Разве это может дать вам счастье? Не уподобляйтесь одинокому волку. Опубликуйте ваше открытие; если не хотите рассказать о нем всему миру, то доверьте его по крайней мере своей стране. Подумайте, чего вы могли бы добиться с миллионом помощников…

Невидимка прервал Кемпа.

— Шаги на лестнице, — прошептал он, подняв руку.

— Не может быть, — сказал Кемп.

— Сейчас посмотрим.

И Невидимка шагнул к двери. После секундного колебания Кемп бросился ему наперерез. Невидимка, вздрогнув, остановился.

— Предатель! — крикнул Голос, и халат расстегнулся. Бросившись в кресло, Невидимка начал раздеваться. Кемп сделал несколько торопливых шагов к двери, и сейчас же Невидимка — ног его

уже не было видно — с криком вскочил. Кемп распахнул дверь настежь.

Снизу отчетливо донеслись голоса и топот бегущих ног.

Кемп оттолкнул Невидимку, выскочил в коридор и захлопнул дверь. Ключ заранее был вставлен снаружи. Еще мгновение — и Гриффин очутился бы в кабинете один под замком. Но помешала случайность. Наспех вставленный утром ключ от толчка выскочил и со стуком упал на ковер.

Кемп помертвел. Схватившись обеими руками за ручку, он изо всех сил старался удержать дверь. Несколько мгновений ему это удавалось. Потом дверь приоткрылась дюймов на шесть, он ее снова быстро прихлопнул. В другой раз она рывком открылась на фут, и в щель стал протискиваться халат. Невидимые пальцы схватили Кемпа за горло, и ему пришлось выпустить ручку двери, чтобы защищаться. Он был оттеснен, опрокинут и с силой отброшен в угол площадки. Пустой халат упал на него.

На лестнице стоял полковник Эдай, начальник бэрдокской полиции, которому Кемп написал письмо. Он с ужасом глядел на неожиданно появившегося Кемпа и на болтающиеся в воздухе

пустые предметы одежды. Он видел, как Кемп был опрокинут, как он с трудом поднялся, сделал шаг вперед и опять рухнул на пол.

И вдруг его самого что-то ударило. Удар из пустоты! Будто на него навалилась огромная тяжесть. Чьи-то пальцы сдавили ему горло, чье-то колено ударило его в пах, и он кубарем скатился с лестницы. Невидимая нога наступила ему на спину, кто-то зашлепал по лестнице босыми ногами; внизу, в прихожей, оба полицейских вскрикнули и побежали, входная дверь с шумом захлопнулась.

Полковник Эдай приподнялся и сел, бессмысленно озираясь. Сверху, пошатываясь, сходил Кемп, растрепанный и перепачканный; щека у него побелела от удара, из разбитой губы текла кровь, в руках он держал халат и другие части туалета.

— Удрал! — крикнул Кемп. — Плохо дело. Удрал!

Глава 25
Охота на невидимку

Сначала Эдай ничего не мог понять из бессвязного рассказа Кемпа. Они оба стояли на лестнице, и Кемп все еще держал в руках одежду, оставшуюся от Гриффина. Наконец Эдай начал понимать суть происшедшего.

— Он помешанный, — торопливо говорил Кемп, — это не человек, а зверь. Думает только о себе. Он не считается ни с чем, кроме собственной выгоды и безопасности. Я его выслушал сегодня — это злобный эгоист... Пока он только калечил людей. Но он будет убивать, если мы его не схватим. Он вызовет панику. Он ни перед чем не остановится. И он теперь на воле, обезумевший от ярости!

— Ясно одно: его надо поймать, — сказал Эдай.

— Но как? — воскликнул Кемп и вдруг разразился потоком слов: — Надо сейчас же принять меры. Надо всех поднять на ноги, чтобы Гриффин не ушел из этих мест. Иначе он будет колесить по стране, калечить и убивать людей. Он мечтает о царстве террора! Понимаете ли вы: террора!

Вы должны установить надзор на железных дорогах, на шоссе, на судах. Вызовите войска. Единственная надежда на то, что он не уйдет, пока не достанет своих заметок, которые очень ценит. Я вам потом объясню. У вас в полицейском управлении сидит некий Марвел…

— Знаю, — сказал Эдай. — Книги, да. Но ведь этот бродяга…

— Не сознается, что книги у него. Но Невидимка уверен, что Марвел их спрятал. А главное, надо не давать Невидимке ни есть, ни спать. Днем и ночью люди должны бодрствовать, сторожить, чтобы он не мог достать никакой еды. Все должно быть на запоре. Все дома на запор! Дай Бог, чтобы были холода и дожди! Все от мала до велика должны участвовать в охоте! Поймите, Эдай, его надо поймать во что бы то ни стало! Иначе нам грозят неисчислимые бедствия, подумать, и то страшно.

— Так мы и будем действовать, — сказал Эдай. — Сейчас же пойду и возьмусь за дело. А может, и вы пойдете со мной? Пойдемте! Мы устроим военный совет, пригласим Хопса, администрацию железной дороги. Ей-богу, нельзя терять ни минуты… А по дороге расскажете мне все подробно. Что же еще предпринять? Да брось-

те вы этот халат!

Через минуту Эдай и Кемп уже были внизу. Дверь была открыта настежь, и двое полицейских все еще глазели в пустоту.

— Сбежал, сэр, — доложил один из них.

— Мы сейчас отправляемся в Центральное управление, — сказал Эдай. — Один из вас пусть найдет извозчика и велит ему догнать нас. Да поворачивайтесь! Итак, Кемп, что же дальше?

— Собак надо, — сказал Кемп. — Найдите собак. Они не видят, но чуют. Найдите собак.

— Хорошо, — согласился Эдай. — Скажу вам по секрету: у тюремного начальства в Холстэде есть человек, который держит ищеек. Итак, собаки. Дальше?

— Не забудьте, — сказал Кемп, — что пища, поглощенная им, видна. Она видна, пока не усвоится организмом. Значит, после еды он должен прятаться. Надо обыскать каждый кустик, каждый уголок. Надо убрать все оружие и все, что может служить оружием. Ему ничего нельзя подолгу носить с собой. А все, чем можно воспользоваться, чтобы нанести удар, нужно спрятать подальше.

— Сделаем и это, — сказал Эдай. — Он от нас не уйдет, дайте срок.

— А по дорогам… — начал Кемп и запнулся.

— Что? — спросил Эдай.

— Насыпать толченого стекла. Это, конечно, жестоко, но если подумать, что он может натворить…

Эдай свистнул:

— Не слишком ли это? Нечестная игра. Впрочем, велю приготовить на случай, если он слишком зарвется.

— Говорю вам, что это уже не человек, а зверь, — сказал Кемп. — Не сомневаюсь, что он осуществит свою мечту о терроре, стоит ему только оправиться после бегства. Мы должны во что бы то ни стало его опередить. Он сам бросил вызов человечеству. Так пусть заплатит за это кровью!

Глава 26
Убийство Уикстида

Невидимка, по всем признакам, выбежал из дома Кемпа в совершенном бешенстве. Маленький ребенок, игравший у калитки, был поднят на воздух и с такой силой отброшен в сторону, что сломал ножку. После этого Невидимка на несколько часов исчез. Никто так и не узнал, куда он направился и что делал. Но можно легко представить себе, как он бежал в знойный июньский полдень в гору и дальше, по меловым холмам за Порт-Бэрдоком, кляня свою судьбу, и наконец, усталый и измученный, нашел приют в кустарнике близ Хинтондина, где решил собраться с мыслями и заново обдумать рухнувшие планы борьбы против себе подобных. Скорее всего он сразу же укрылся именно в этих местах, потому что около двух часов пополудни он обнаружил там свое присутствие самым зловещим, трагическим образом.

Каково было тогда его настроение и что он замышлял, можно только догадываться. Несомненно, он был до крайности взбешен предательством

Кемпа, и, хотя вполне понятны мотивы, руководившие Кемпом, все же нетрудно представить себе гнев, который должна была вызвать такая неожиданная измена, и даже отчасти оправдать его. Быть может, Невидимку снова охватило то чувство растерянности, которое он испытал во время событий на Оксфорд-стрит, — ведь он явно рассчитывал, что Кемп поможет ему осуществить жестокий план — подвергнуть человечество террору. Как бы то ни было, около полудня он исчез, и никто не знает, что он делал до половины третьего. Для человечества это, возможно, и к лучшему, но для него самого такое бездействие оказалось роковым.

В эти два с половиной часа за дело принялось множество людей, рассеянных по всей округе. Утром Невидимка был еще просто сказкой, пугалом; в полдень же благодаря сухому, но выразительному воззванию Кемпа он превратился уже в совершенно осязаемого противника, которого надо было ранить, захватить живым или мертвым, и все население с невероятной быстротой стало готовиться к борьбе. Даже в два часа дня Невидимка еще мог бы спастись, забравшись в поезд, но после двух это стало уже невыполнимо. По всем железнодорожным линиям на обширном

пространстве между Саутгемптоном, Манчестером, Брайтоном и Хоршэмом пассажирские поезда шли с запертыми дверями, а товарное движение почти прекратилось. В большом круге, радиусом миль в двадцать вокруг Порт-Бэрдока, по дорогам и полям рыскали группы по три-четыре человека с ружьями, дубинками и собаками.

Конные полицейские объезжали окрестные селения, останавливались у каждого дома и предупреждали жителей, чтобы они запирали двери и не выходили без оружия. В три часа закрылись школы, и перепуганные дети тесными кучками бежали домой. Часам к четырем воззвание, составленное Кемпом и подписанное Эдаем, было уже расклеено по всей округе. В нем кратко, но ясно были указаны все меры борьбы: не давать Невидимке есть и спать, быть все время настороже, чтобы принять решительные меры, если где-либо обнаружится его присутствие. Действия властей были так быстры и энергичны, а страх перед ужасной опасностью так силен, что до наступления ночи во всей округе на протяжении нескольких сот квадратных миль было введено осадное положение. И вот в тот же вечер по всему напуганному и насторожившемуся краю пронесся трепет ужаса: из уст в уста передавали

слух, молниеносный и достоверный, об убийстве мистера Уикстида.

Если наше предположение, что Невидимка укрылся в кустарнике близ Хинтондина, правильно, то он, очевидно, вскоре после полудня вышел оттуда с неким намерением, для выполнения которого требовалось оружие. Что это было за намерение, установить нельзя, но оно было. Это, на мой взгляд, неопровержимо; ведь не случайно еще до стычки с Уикстидом Невидимка где-то добыл железный прут.

О подробностях этой стычки мы, разумеется, ничего не знаем. Произошла она на краю песчаного карьера, ярдов за двести от ворот виллы лорда Бэрдока. Все указывает на отчаянную борьбу: утоптанная земля, многочисленные раны Уикстида, его сломанная трость; но трудно себе представить, что могло послужить причиной нападения, кроме мании убийства. Мысль о помешательстве напрашивается сама собой. Мистер Уикстид, управляющий лорда Бэрдока, человек лет сорока пяти, был самым безобидным существом на свете и уж, конечно, никогда первым не напал бы на такого страшного врага. Раны, по-видимому, были нанесены мистеру Уикстиду железным прутом, вытащенным из сломанной

ограды. Невидимка остановил этого мирного человека, спокойно направлявшегося домой завтракать, напал на него, быстро сломил его слабое сопротивление, перебил ему руку, повалил беднягу наземь и размозжил ему голову.

Железный прут он, вероятно, вытащил из ограды еще до встречи со своей жертвой, — должно быть, он держал его уже наготове. Еще две подробности проливают некоторый свет на это происшествие. Во-первых, песчаный карьер находился не совсем на пути мистера Уикстида к дому, а ярдов на двести в сторону. Во-вторых, по свидетельству маленькой девочки, которая возвращалась из школы, покойный какой-то странной походкой «трусил» через поле по направлению к карьеру. По тому, как она это изобразила, можно было заключить, что он словно преследовал что-то движущееся по земле, время от времени замахиваясь тростью. Девочка была последней, кто видел несчастного мистера Уикстида живым. Он шел прямо навстречу смерти; он спустился в ложбинку, и росшие там деревья скрыли от девочки последнюю схватку.

Эти подробности, по крайней мере в глазах пишущего эти строки, делают убийство Уикстида не столь беспричинным. Можно представить себе,

что Гриффин прихватил железный прут, конечно, как оружие, но без умысла совершить убийство. Тут мог попасться на дороге Уикстид и увидеть прут, который непонятным образом двигался по воздуху. Нисколько не думая о Невидимке — ведь от этих мест до Порт-Бэрдока десять миль, — он мог последовать за прутом. Весьма вероятно, что он даже и не слыхал о Невидимке. Легко далее допустить, что Невидимка стал потихоньку удаляться, не желая обнаруживать свое присутствие, а Уикстид, возбужденный и заинтересованный, не отставал от странного самодвижущегося предмета и наконец ударил по нему.

Конечно, при обычных обстоятельствах Невидимка мог бы без особого труда уйти от своего уже немолодого преследователя, но положение тела убитого Уикстида дает основание думать, что тот имел несчастье загнать своего противника в угол между густой зарослью крапивы и песчаным карьером. Помня крайнюю раздражительность Невидимки, нетрудно представить себе остальное.

Все это, впрочем, одни догадки. Единственные несомненные факты (ибо на рассказы детей не всегда можно полагаться) — это тело убитого Уикстида и окровавленный железный прут, ва-

лявшийся в крапиве. Очевидно, Гриффин бросил прут потому, что, охваченный волнением, забыл о цели, для которой им вооружился, если вначале такая цель и была. Конечно, он был большой эгоист и человек бесчувственный, но вид жертвы, его первой жертвы, окровавленной и жалкой, распростертой у его ног, мог пробудить в нем забытое раскаяние и на время отвратить его от злодейских намерений.

После убийства мистера Уикстида Невидимка, по всей вероятности, бежал в сторону холмов. Рассказывают, что два работника на поле у Ферн-Боттом слышали вечером какой-то таинственный голос. Кто-то рыдал, смеялся, охал и стонал, а порой громко вскрикивал. Должно быть, жутко было это слушать. Голос пронесся над клеверным полем и замер вдалеке у холмов. В этот вечер Невидимке, вероятно, пришлось узнать, как быстро воспользовался Кемп его откровенностью. Должно быть, он нашел все двери на замке, бродил по железнодорожным станциям, подкрадывался к гостиницам, без сомнения, прочел расклеенные повсюду воззвания и понял, какой предпринят против него поход. С наступлением вечера по полям разбрелись группы вооруженных людей и раздавался соба-

чий лай. Эти охотники на человека получили специальные указания, как помогать друг другу в случае схватки с врагом. Но Невидимке удалось избежать встречи с ними. Мы можем отчасти понять его ярость, если вспомним, что он сам сообщил все сведения, которые так беспощадно обращались теперь против него. В этот день по крайней мере он пал духом. Почти целые сутки, если не считать стычки с Уикстидом, он чувствовал себя как затравленный зверь. Ночью ему удалось, вероятно, поесть и поспать, ибо утром к нему снова вернулось присутствие духа: он опять стал сильным, деятельным, хитрым и злобным и был готов к своей последней великой борьбе со всем миром.

Глава 27
В осажденном доме

Кемп получил странное послание, написанное карандашом на засаленном клочке бумаги.

«Вы проявили изумительную энергию и сообразительность, — говорилось в письме, — хотя я не представляю себе, чего вы надеетесь этим достичь. Вы против меня. Весь день вы травили меня, хотели лишить меня отдыха и ночью. Но я насытился вопреки вам, выспался вопреки вам, и игра еще только начинается. Игра только начинается! Мне ничего не остается, как прибегнуть к террору. Настоящим письмом я провозглашаю первый день Террора. Отныне Порт-Бэрдок уже не под властью королевы, передайте это вашему начальнику полиции и его шайке, — он под моей властью, под Властью Террора. Нынешний день — первый день первого года новой эры — эры Невидимки. Я — Невидимка Первый. Сначала мое правление будет милосердным. В первый день будет совершена только одна казнь, для острастки, казнь человека по фамилии Кемп. Сегодня смерть настигнет этого человека. Пусть

запирается, пусть прячется, пусть окружает себя охраной, пусть оденется в броню, если угодно, — смерть, незримая смерть приближается к нему. Пусть принимает меры предосторожности: тем большее впечатление его смерть произведет на мой народ. Смерть двинется из почтового ящика сегодня в полдень. Письмо будет опущено в ящик перед самым приходом почтальона — и в путь! Игра началась. Смерть надвигается на него. Не помогай ему, дабы смерть не постигла и тебя. Сегодня Кемп должен умереть».

Кемп дважды прочел письмо.

— Это не шутки, — сказал он. — Это его голос! И он будет действовать.

Перевернув листок, он завидел на адресе штемпель «Хинтондин» и прозаическую записку: «Доплатить 2 пенса».

Кемп встал из-за стола, не докончив завтрака, — письмо пришло в два часа дня, — и поднялся в свой кабинет. Он позвонил экономке, велел ей немедленно обойти весь дом, осмотреть все задвижки на окнах и закрыть ставни. Из запертого ящика стола в спальне он вынул небольшой револьвер, тщательно осмотрел его и положил в карман домашней куртки. Затем он написал несколько записок, в том числе и полковнику

Эдаю, и поручил служанке отнести их, дав ей при этом точные наставления, как выйти из дому.

— Опасности нет никакой, — сказал он, прибавив про себя: «Для вас». После этого он некоторое время сидел задумавшись, а потом вернулся к остывшему завтраку.

Он ел рассеянно, погруженный в свои мысли. Потом сильно ударил кулаком по столу.

— Мы его поймаем! — воскликнул он. — И приманкой буду я. Он зарвется.

Кемп поднялся наверх, тщательно закрывая за собой все двери.

— Это игра, — сказал он. — И игра необычайная. Но все шансы на моей стороне, мистер Гриффин, хоть вы невидимы и храбры. Гриффин contra mundum[1].

Он стоял у окна, глядя на залитый солнцем косогор.

— Ведь ему надо добывать себе пищу каждый день. Не завидую ему. А верно ли, что прошлой ночью ему удалось поспать? Где-нибудь под открытым небом, чтобы никто не мог на него наткнуться… Вот если бы вместо этой жары наступили холода и слякоть… А ведь он, быть

---

[1] Notes: 1
против всего мира *(лат.)*.

может, в эту самую минуту наблюдает за мной.

Кемп вплотную подошел к окну и вдруг в испуге отскочил. Что-то с силой ударилось в стену над рамой.

— Однако нервы у меня расходились, — проговорил он про себя, но добрых пять минут не решался подойти к окну. — Воробей, должно быть, — сказал он.

Тут он услыхал звонок у входной двери и поспешил вниз. Он отодвинул засов, повернул ключ, осмотрел цепь, закрепил ее и осторожно приоткрыл дверь, не показываясь сам. Знакомый голос окликнул его. Это был полковник Эдай.

— На вашу служанку напали, — сказал Эдай из-за двери.

— Что?! — воскликнул Кемп.

— У нее отняли вашу записку. Он где-нибудь поблизости. Впустите меня.

Кемп снял цепь, и Эдай кое-как протиснулся в узкую щель чуть приоткрытой двери. Он облегченно вздохнул, когда Кемп снова наложил засов.

— Записку вырвали у нее из рук. Она страшно испугалась. Сейчас она у меня в управлении. С ней истерика. Он где-нибудь поблизости. Что было в записке?

Кемп выругался.

— И дурак же я! — сказал он. — Мог бы догадаться: ведь отсюда до Хинтондина меньше часу хода. Уже!

— В чем дело? — спросил Эдай.

— Вот взгляните, — сказал Кемп и повел Эдая в кабинет. Он протянул ему письмо Невидимки. Эдай прочел и тихонько свистнул.

— А вы? — спросил он.

— Подстроил ловушку, — сказал Кемп, — и, как дурак, послал план с горничной. Прямо ему в руки.

Эдай терпеливо выслушал проклятия Кемпа.

— Он убежит, — сказал Эдай.

— Ну нет, — возразил Кемп.

Сверху донесся звон разбитого стекла. Эдай заметил маленький револьвер, торчавший из кармана Кемпа.

— Это в кабинете! — сказал Кемп и первый стал подниматься по лестнице. Еще не дойдя до верха, они опять услышали звон.

В кабинете они увидели, что два окна из трех разбиты, пол усеян осколками, а на письменном столе лежит большой булыжник. Оба остановились на пороге, глядя на разрушение. Кемп снова выругался, и в ту же минуту третье окно тресну-

ло, точно выстрелили из пистолета, и на пол со звоном посыпались осколки.

— Зачем это? — сказал Эдай.

— Это начало, — ответил Кемп.

— А влезть сюда нет никакой возможности?

— Даже кошка не влезет, — сказал Кемп.

— Ставен нет?

— Здесь нет. Во всех нижних комнатах… Ого!

Снизу донесся звон стекла и треск досок от сильного удара.

— Это, должно быть… да, это в спальне. Он собирается обработать весь дом. Дурак он. Ставни закрыты, и стекло будет падать наружу. Он изрежет себе ноги.

Еще одно окно разлетелось вдребезги. Кемп и Эдай стояли на площадке, не зная, что делать.

— Вот что, — сказал Эдай, — дайте мне палку или что-нибудь в этом роде; я схожу в управление и велю прислать собак. Тогда мы его поймаем! Они будут здесь через каких-нибудь десять минут…

Еще одно окно разделило участь остальных.

— Нет ли у вас револьвера? — спросил Эдай. Кемп сунул руку в карман и замялся.

— Нет, — ответил он, — по крайней мере лишнего нет.

— Я принесу его обратно, — сказал Эдай. — Вы ведь в безопасности.

Кемп, пристыженный, отдал револьвер.

— Теперь пойдемте отворять дверь, — сказал Эдай.

Пока они стояли в прихожей, не решаясь подойти к двери, одно из окон в спальне на первом этаже затрещало. Кемп подошел к двери и начал как можно осторожнее отодвигать засов. Лицо его было несколько бледнее обыкновенного.

— Выходите, — сказал Кемп.

Еще секунда, и Эдай был уже на крыльце, а Кемп снова задвинул засов. Эдай помедлил немного: стоять, прислонившись к двери, было все-таки спокойнее. Потом выпрямился и твердо зашагал вниз по ступенькам. Он пересек лужайку и приблизился к калитке. Казалось, по траве пронесся ветерок. Что-то зашевелилось рядом с ним.

— Погодите минутку, — произнес Голос.

Эдай остановился как вкопанный, рука его крепко сжала револьвер.

— В чем дело? — сказал Эдай, бледный и угрюмый; каждый нерв его был напряжен.

— Вы весьма меня обяжете, если вернетесь в дом, — сказал Голос так же угрюмо и напряженно, как Эдай.

— К сожалению, не могу, — сказал Эдай несколько охрипшим голосом и провел языком по пересохшим губам. Голос был, как ему показалось, слева от него. А что, если попытать счастья и выстрелить?

— Куда вы идете? — спросил Голос.

Оба сделали быстрое движение, и в руке Эдая блеснул револьвер.

Но он отказался от своего намерения и задумался.

— Куда я иду — это мое дело, — проговорил он медленно. Не успел он произнести эти слова, как невидимая рука обхватила его за шею, в спину уперлось колено, и он упал. Вытащив кое-как револьвер, он выстрелил наугад; в ту же секунду он получил сильный удар по зубам, и револьвер вырвали у него из рук. Он сделал тщетную попытку ухватиться за ускользнувшую невидимую ногу, попробовал встать и снова упал.

— Проклятие! — воскликнул Эдай. Голос рассмеялся.

— Я убил бы вас, да жалко тратить пулю, — сказал он. Эдай увидел футах в шести перед собой дуло повисшего в воздухе револьвера.

— Ну? — сказал Эдай, садясь.

— Встаньте! — приказал Голос. Эдай встал.

— Смирно! — решительно произнес Голос. — Бросьте все свои затеи. Помните, что я ваше лицо хорошо вижу, а вы меня не видите. Вернитесь в дом.

— Он меня не впустит, — сказал Эдай.

— Очень жаль, — сказал Невидимка. — С вами я не ссорился.

Эдай снова провел языком по губам. Он отвел взгляд от револьвера, увидел вдали море, очень синее и темное в блеске полуденного солнца, шелковистые зеленые холмы, белый скалистый мыс, многолюдный город и вдруг почувствовал, как прекрасна жизнь. Он перевел взгляд на маленький металлический предмет, висевший между небом и землей в шести футах от него.

— Что же мне делать? — мрачно спросил он.

— А мне что делать? — спросил Невидимка. — Вы приведете подмогу. Нет, придется вам вернуться назад.

— Попытаюсь. Если он впустит меня, вы обещаете не врываться за мной в дом?

— С вами я не ссорился, — ответил Голос.

Кемп, выпустив Эдая, поспешил наверх: осторожно ступая по осколкам, подкрался к окну кабинета и глянул вниз. Он увидел Эдая, разговаривающего с Невидимкой.

— Что же он не стреляет? — пробормотал Кемп.

Тут револьвер переместился и засверкал на солнце. Заслонив глаза, Кемп старался проследить движение ослепительного луча.

— Так и есть! — воскликнул он. — Эдай отдал револьвер!

— Обещайте не врываться за мной, — говорил в это время Эдай. — Не увлекайтесь своей удачей. Уступите в чем-нибудь.

— Возвращайтесь в дом. Говорю вам прямо: я ничего не обещаю.

Эдай, видимо, вдруг принял решение. Он повернул к дому и медленно пошел вперед, заложив руки за спину. Кемп с недоумением наблюдал за ним. Револьвер исчез, затем снова сверкнул, снова исчез и появился, маленький блестящий предмет, неотступно следовавший за Эдаем. Дальнейшие события развертывались молниеносно: Эдай прыгнул назад, резко повернулся, хотел схватить револьвер, не поймал его, вскинул руки и упал ничком, а над ним взвилось маленькое синее облачко. Выстрела Кемп не слышал. Эдай сделал несколько судорожных движений, приподнялся, опираясь на руку, снова упал и остался недвижим.

Кемп постоял немного, глядя на безмятежно спокойную позу Эдая. День был жаркий и безветренный, казалось, весь мир замер, только в кустах между домом и калиткой две желтые бабочки гонялись одна за другой. Эдай лежал на лужайке возле калитки. Во всех виллах на холме шторы были спущены, но в маленькой зеленой беседке виднелась белая фигура — по-видимому, старик, который мирно дремал. Кемп внимательно всматривался, пытаясь разглядеть в воздухе револьвер, но он исчез. Взгляд Кемпа вернулся к Эдаю. Игра начиналась всерьез.

Кто-то начал звонить и стучаться в наружную дверь все громче, настойчивее, но прислуга, повинуясь распоряжениям Кемпа, сидела, запершись, по своим комнатам. Наконец все стихло. Кемп посидел немного, прислушиваясь, потом осторожно выглянул по очереди в каждое из трех окон. После этого вышел на лестницу и опять напряженно прислушался. Затем пошел в спальню, вооружился там кочергой и снова отправился проверять внутренние запоры окон в нижнем этаже. Все было прочно и надежно. Он вернулся наверх. Эдай по-прежнему неподвижно лежал у края посыпанной гравием дорожки. По дороге, мимо вилл, шли служанка и двое полисменов.

Стояла мертвая тишина. Кемпу показалось, что трое людей приближаются очень медленно. Он спрашивал себя, что делает его противник.

Вдруг он вздрогнул. Снизу донесся треск. После некоторого колебания Кемп сошел вниз. Внезапно весь дом огласился тяжелыми ударами и треском расщепляемого дерева. Звенели и лязгали железные задвижки на ставнях. Он повернул ключ, открыл дверь в кухню. Как раз в эту минуту в комнату полетели разрубленные и расщепленные ставни. Кемп остановился, оцепенев от ужаса. Оконная рама, кроме одной перекладины, была еще цела, но от стекла осталась только зубчатая каемка. Ставни были разрублены топором, который теперь со всего размаху ударял по раме и железной решетке, защищавшей окно. Но вдруг топор отскочил в сторону и исчез.

Кемп увидел лежавший на дорожке возле дома револьвер, и тотчас револьвер подпрыгнул. Кемп попятился. Еще секунда — раздался выстрел; щепка, оторванная от захлопнутой Кемпом кухонной двери, пролетела над его головой. Он запер дверь на ключ и сейчас же услышал крики и смех Гриффина. Потом под сокрушительными ударами топора снова затрещало дерево. Кемп постоял в коридоре, собираясь с мыслями. Через

минуту Невидимка будет на кухне. Эта дверь задержит его ненадолго, и тогда…

У наружной двери позвонили. Должно быть, полисмены. Кемп побежал в прихожую, укрепил цепь и отодвинул засов. Только окликнув служанку и услышав ее голос, он снял цепь; все трое гурьбой ввалились в дом, и Кемп снова захлопнул дверь.

— Невидимка! — сказал Кемп. — У него револьвер. Осталось два заряда. Он убил Эдая. Или, во всяком случае, ранил его. Вы не видели его на лужайке? Он там лежит.

— Кто? — спросил один из полицейских.

— Эдай, — сказал Кемп.

— Мы прошли задворками, — сказала служанка.

— Что это за треск? — спросил другой полицейский.

— Он на кухне… или скоро там будет. Он нашел топор…

Вдруг на весь дом раздались удары топора по кухонной двери. Служанка взглянула на дверь, задрожала и попятилась в столовую. Кемп отрывочно объяснял положение. Они услышали, как подалась кухонная дверь.

— Сюда! — крикнул Кемп, быстро вталкивая

полисменов в столовую. — Кочергу! — крикнул он и бросился к камину.

Кочергу, которую Кемп принес из спальни, он отдал первому из полисменов, а кочергу из столовой — другому. Вдруг он отскочил назад.

Один из полисменов пригнулся и, вскрикнув, поймал топор кочергой… Револьвер выпустил предпоследний заряд, пробив ценное полотно кисти Сиднея Купера. Второй полисмен ударил своей кочергой по маленькому смертоносному оружию, точно хотел убить осу, и револьвер со стуком упал на пол.

Как только началась схватка, служанка вскрикнула, постояла с минуту у камина и бросилась отворять ставни, вероятно, думая спастись через разбитое окно.

Топор выбрался в коридор и остановился футах в двух от пола. Слышно было тяжелое дыхание Невидимки.

— Вы оба отойдите, — сказал он. — Мне нужен Кемп.

— А нам нужны вы, — сказал первый полисмен и, выступив вперед, ударил кочергой в направлении Голоса. Но Невидимке удалось уклониться от удара, и кочерга попала в стойку для зонтиков.

Полисмен едва устоял на ногах, и в ту же мину-

ту топор стукнул его по голове, смяв каску, словно она была из бумаги, и он кубарем вылетел на кухонную лестницу. Но второй полисмен ударил кочергой позади топора и попал во что-то мягкое. Раздался крик боли, и топор упал на пол. Полисмен ударил опять, но попал в пустоту; потом он наступил ногой на топор и ударил еще раз. Затем, держа кочергу наготове, стал внимательно прислушиваться, стараясь уловить какое-нибудь движение.

Он услышал, как раскрылось окно в столовой и затем раздались быстрые шаги. Товарищ его приподнялся и сел; кровь текла у него по щеке.

— Где он? — спросил раненый.

— Не знаю. Я зацепил его. Стоит где-нибудь в прихожей, если только не шмыгнул мимо тебя. Доктор Кемп! Сэр!..

Никакого ответа.

— Доктор Кемп! — снова позвал полисмен. Раненый стал медленно подниматься на ноги. Наконец ему это удалось. Вдруг с кухонной лестницы донеслось шлепанье босых ног.

— Гоп! — крикнул первый полисмен и метнул кочергу: она расплющила газовый рожок.

Он пустился было преследовать Невидимку, но потом раздумал и вошел в столовую.

— Доктор Кемп… — начал он и сразу остановился. — Вот так храбрец этот доктор Кемп, — сказал он, обращаясь к заглянувшему через его плечо товарищу.

Окно в столовой было раскрыто настежь. Ни служанки, ни Кемпа.

Свое мнение о докторе Кемпе второй полисмен выразил кратко и энергично.

Глава 28
Травля охотника

Мистер Хилас, владелец соседней виллы, спал в своей беседке, когда началась осада дома Кемпа. Мистер Хилас принадлежал к тому упрямому меньшинству, которое ни за что не хотело верить «нелепым россказням о Невидимке». Жена его, однако, слухам верила и не раз впоследствии напоминала об этом мужу. Он вышел погулять по своему саду как ни в чем не бывало, а после обеда по давней привычке прилег. Все время, пока Невидимка бил окна в доме Кемпа, мистер Хилас преспокойно спал, но вдруг проснулся и почувствовал неладное. Он взглянул на дом Кемпа, протер глаза и снова взглянул. Потом он спустил ноги и сел, прислушиваясь. Он помянул черта, но странное видение не исчезло. Дом выглядел так, как будто его бросили с месяц назад после погрома. Все стекла были разбиты, и все окна, кроме окон кабинета на верхнем этаже, были изнутри закрыты ставнями.

— Готов поклясться, — мистер Хилас посмотрел на часы, — что двадцать минут назад все было

в порядке.

Вдалеке раздавались мерные удары и звон стекла. А затем, пока он сидел с разинутым ртом, произошло нечто еще более странное. Ставни столовой распахнулись, и служанка в шляпе и пальто появилась в окне, судорожно стараясь поднять раму. Вдруг возле нее появился еще кто-то и стал помогать ей. Доктор Кемп! Еще минута — окно открылось, и служанка вылезла из него; она бросилась бежать и исчезла в кустах. Мистер Хилас встал, нечленораздельными возгласами выражая свое волнение по поводу столь поразительных событий. Он увидел, как Кемп взобрался на подоконник, выпрыгнул в окно и в ту же минуту появился на дорожке, обсаженной кустами; он бежал, пригнувшись, словно прячась от кого-то. Он исчез за кустом, потом показался опять возле изгороди со стороны открытого поля. В один миг он перелез изгородь и кинулся бежать вниз по косогору, прямо к беседке мистера Хиласа.

— Господи! — воскликнул мистер Хилас, пораженный страшной мыслью. — Это тот мерзавец Невидимка! Значит, все правда!

Для мистера Хиласа такая мысль означала: немедленно действовать, и кухарка его, наблюдавшая за ним из окна верхнего этажа, с

удивлением увидела, как он ринулся к дому со скоростью добрых девяти миль в час.

— Чего это он так испугался? — пробормотала кухарка. — Мчится как угорелый.

Раздалось хлопанье дверей, звон колокольчика и голос мистера Хиласа, оравшего во все горло:

— Заприте двери! Заприте окна! Заприте все! Невидимка идет!

Весь дом тотчас же наполнился криками, шумом и топотом бегущих ног. Мистер Хилас сам побежал закрывать балконные двери, и тут из-за забора показалась голова, плечи и колени Кемпа. Еще минута — и Кемп, перемахнув через грядку спаржи, помчался по теннисной площадке к дому.

— Нельзя, — сказал мистер Хилас, задвигая засов. — Мне очень жаль, если он гонится за вами, но сюда нельзя.

К стеклу прижалось лицо Кемпа, искаженное ужасом. Он стал стучать в балконную дверь и неистово рвать ручку. Видя, что все напрасно, он пробежал по балкону, спрыгнул в сад и начал стучаться в боковую дверь. Потом выскочил через боковую калитку, обогнул дом и пустился бежать по дороге. И едва успел он скрыться из глаз мистера Хиласа, все время испуганно смотревшего

в окно, как грядку спаржи безжалостно смяли невидимые ноги. Тут мистер Хилас помчался по лестнице наверх и дальнейшего хода охоты уже не видел. Но, пробегая мимо окна, он услышал, как хлопнула боковая калитка.

Выскочив на дорогу, Кемп, естественно, побежал под гору. Таким образом, ему пришлось теперь самому совершить тот же пробег, за которым он следил столь критическим взором из окна своего кабинета всего лишь четыре дня тому назад. Для человека, давно не упражнявшегося, Кемп бежал неплохо, и хотя он побледнел и обливался потом, мысль его работала спокойно и трезво. Он несся крупной рысью, и когда попадались неудобные места, неровный булыжник или осколки разбитого стекла, ярко блестевшие на солнце, то бежал прямо по ним, предоставляя невидимым босым ногам своего преследователя избирать путь по собственному усмотрению.

Впервые в жизни Кемп обнаружил, что дорога по холму необычайно длинна и безлюдна и что до окраины города там, у подножия холма, необыкновенно далеко. На свете нет более трудного и медлительного способа передвижения, чем бег. Виллы, дремавшие под полуденным солнцем, по-видимому, были заперты наглухо. Правда, это

было сделано по его собственному указанию. Но хоть бы кто-нибудь догадался на всякий случай следить за происходящим! Вдали начал вырисовываться город, море скрылось из виду, внизу были люди. К подножию холма как раз подъезжала конка. А там полицейское управление. Но что это слышно позади, шаги? Ходу!

Люди внизу смотрели на него; несколько человек бросились бежать. Дыхание Кемпа стало хриплым. Теперь конка была совсем близко, в кабачке «Веселые крикетисты» шумно запирали двери. За конкой были столбы и кучи щебня для дренажных работ. У Кемпа мелькнула мысль вскочить в конку и захлопнуть двери, но он решил, что лучше направиться прямо в полицию. Через минуту он миновал «Веселых крикетистов» и очутился в конце улицы, среди людей. Кучер конки и его помощник, бросив выпрягать лошадей, смотрели на него разинув рты. Из-за куч щебня выглядывали удивленные землекопы.

Кемп немного замедлил бег, но, услышав за собой быстрый топот своего преследователя, опять поднажал.

— Невидимка! — крикнул он землекопам, неопределенно махнув рукой назад, и, по счастливому наитию, перескочил канаву, так что

между ним и Невидимкой очутилось несколько дюжих мужчин. Оставив мысль о полиции, он свернул в переулок, промчался мимо тележки зеленщика, помедлил мгновение у дверей колониальной лавки и побежал по бульвару, который выходил на главную улицу. Дети, игравшие под деревьями, с криком разбежались при его появлении, раскрылось несколько окон, и разгневанные матери что-то кричали ему вслед. Он снова выбежал на Хилл-стрит, ярдов за триста от станции конки, и увидел толпу кричащих и бегущих людей.

Он взглянул вдоль улицы по направлению к холму. Ярдах в двенадцати от него бежал рослый землекоп, громко бранясь и размахивая лопатой; следом за ним мчался, сжав кулаки, кондуктор конки. За ними бежали еще люди, громко крича и замахиваясь на кого-то. С другой стороны, по направлению к городу тоже спешили мужчины и женщины, и Кемп увидел, как из одной лавки выскочил человек с палкой в руке.

— Окружайте его! Окружайте! — крикнул кто-то. Кемп вдруг понял, что положение резко изменилось. Он остановился, переводя дух, и огляделся.

— Он где-то здесь! — крикнул он. — Оцепите…

— Ага! — раздался Голос.

Кемп получил жестокий удар по уху и зашатался; он попытался обернуться к невидимому противнику, но еле устоял на ногах и ударил в пустое пространство. Потом он получил сильный удар в челюсть и свалился на землю. Через секунду в живот ему уперлось колено и две руки яростно схватили его за горло, но одна из них действовала слабее другой. Кемпу удалось разжать кисти рук Невидимки, послышался громкий стон, и вдруг над головой Кемпа взвилась лопата землекопа и с глухим стуком опустилась. На лицо Кемпа что-то капнуло. Руки, державшие его за горло, вдруг ослабели, судорожным усилием он освободился, ухватил обмякшее плечо своего противника и навалился на него, прижимая к земле невидимые локти.

— Я поймал его! — взвизгнул Кемп. — Помогите, помогите! Он здесь. Держите его за ноги!

Секунда — и на место борьбы ринулась вся толпа. Посторонний зритель мог бы подумать, что тут разыгрывается какой-то ожесточенный футбольный матч. После выкриков Кемпа никто уже не сказал ни слова, слышался только стук ударов, топот ног и тяжелое дыхание.

Невидимке удалось нечеловеческим усилием

сбросить с себя нескольких противников и подняться на ноги. Кемп вцепился в него, как гончая в оленя, и десятки рук хватали, колотили и рвали невидимое существо. Кондуктор конки поймал его за шею и снова повалил на землю.

Опять образовалась груда барахтающихся тел. Били, нужно сознаться, немилосердно. Вдруг раздался дикий вопль: «Пощадите! Пощадите!» — и быстро замер в придушенном стоне.

— Оставьте его, дурачье! — крикнул Кемп глухим голосом, и толпа подалась назад. — Он ранен, говорят вам. Отойдите!

Наконец удалось оттеснить сгрудившихся разгоряченных людей, и все увидели, что доктор Кемп опустился на колени, как бы повиснув дюймах в пятнадцати от земли; он прижимал к земле невидимые руки. Полисмен держал невидимые ноги.

— Не выпускайте его! — крикнул землекоп, размахивая окровавленной лопатой. — Прикидывается!

— Он не прикидывается, — сказал Кемп, становясь на колени возле невидимого тела, — и, кроме того, я держу его крепко. — Лицо у Кемпа было разбито и уже начинало опухать; он говорил с трудом, из губы текла кровь. Он поднял

руку и, по-видимому, стал ощупывать лицо лежащего. — Рот весь мокрый, — сказал он и вдруг вскрикнул: — Боже праведный!

Кемп быстро встал и снова опустился на колени возле невидимого существа. Опять началась толкотня и давка, слышался топот подбегавших любопытных. Из всех домов выскакивали люди. Двери «Веселых крикетистов» распахнулись настежь. Говорили мало.

Кемп водил рукой, словно ощупывал пустоту.

— Не дышит, — сказал он. — И сердце не бьется. Бок у него… ох!

Какая-то старуха, выглядывавшая из-под локтя рослого землекопа, вдруг громко вскрикнула.

— Глядите! — сказала она, вытянув морщинистый палец.

И, взглянув в указанном ею направлении, все увидели контур руки, бессильно лежавшей на земле; рука была словно стеклянная, можно было разглядеть все вены и артерии, все кости и нервы. Она теряла прозрачность и мутнела на глазах.

— Ого! — воскликнул констебль. — А вот и ноги показываются.

И так медленно, начиная с рук и ног, постепенно расползаясь по всем членам до жизненных центров, продолжался этот странный переход к

видимой телесности. Это напоминало медленное распространение яда. Сперва показались тонкие белые нервы, образуя как бы слабый контур тела, затем мышцы и кожа, принимавшие сначала вид легкой туманности, но быстро тускневшие и уплотнявшиеся. Вскоре можно было различить разбитую грудь, плечи и смутный абрис изуродованного лица.

Когда наконец толпа расступилась и Кемпу удалось встать на ноги, то взорам всех присутствующих предстало распростертое на земле голое, жалкое, избитое и изувеченное тело человека лет тридцати. Волосы и борода у него были белые, не седые, как у стариков, а белые, как у альбиносов, глаза красные, как гранаты. Пальцы судорожно скрючились, глаза были широко раскрыты, а на лице застыло выражение гнева и отчаяния.

— Закройте ему лицо! — крикнул кто-то. — Ради всего святого, закройте лицо!

Тело накрыли простыней, взятой в кабачке «Веселые крикетисты», и перенесли в дом. Там, на жалкой постели, в убогой, полутемной комнате, среди невежественной, возбужденной толпы, избитый и израненный, преданный и безжалостно затравленный, окончил свой странный и

страшный жизненный путь Гриффин — первый из людей, сумевший стать невидимым. Гриффин — даровитый физик, равного которому еще не видел свет.

Эпилог

Так кончается повесть о необыкновенном и гибельном эксперименте Невидимки. А если вы хотите узнать о нем побольше, то загляните в маленький трактир возле Порт-Стоу и поговорите с хозяином. Вывеска этого трактира — доска, в одном углу которой изображена шляпа, а в другом — башмаки, а название его такое же, как заглавие этой книги. Хозяин — низенький, толстенький человек с длинным носом, щетинистыми волосами и багровым лицом. Выпейте побольше, и он не преминет подробно рассказать вам обо всем, что случилось с ним после описанных выше событий, и о том, как суд пытался отобрать найденные при нем деньги.

— Когда они убедились, что нельзя установить, чьи это деньги, то стали говорить, — вы только подумайте! — будто со мной надо поступить, как с кладом. Ну, скажите сами, похож я на клад? А потом один господин платил мне по гинее в вечер за то, что я рассказывал эту историю в мюзик-холле.

Если же вы пожелаете сразу остановить поток его воспоминаний, то вам стоит только спросить

его, не играли ли роль в этой истории какие-то рукописные книги. Он скажет, что книги действительно были, и начнет клятвенно утверждать, что, хотя все почему-то считают, будто они и посейчас находятся у него, это неправда, их у него нет!

— Невидимка сам забрал их у меня, спрятал где-то, еще когда я удрал от него и скрылся в Порт-Стоу. Это все мистер Кемп сочиняет, будто книги у меня.

После этого он всякий раз впадает в задумчивость, украдкой наблюдает за вами, нервно перетирает стаканы и наконец выходит из комнаты.

Он старый холостяк, у него издавна холостяцкие вкусы, и в доме нет ни одной женщины. Всю свою верхнюю одежду, части своего костюма он застегивает при помощи пуговиц — этого требует его положение, — но когда дело доходит до подтяжек и более интимных частей туалета, он все еще прибегает к веревочкам. В деле он не очень предприимчив, но весьма заботится о респектабельности своего заведения. Движения его медлительны, и он склонен к задумчивости. В местечке он слывет умным человеком, его бережливость внушает всем почтение, а о дорогах

Южной Англии он сообщит вам больше сведений, чем любой путеводитель.

А в воскресенье утром — каждое воскресенье в любое время года — и каждый вечер после десяти часов он отправляется в гостиную, прихватив стакан джина, чуть разбавленного водой, после чего тщательно запирает дверь, осматривает шторы и даже заглядывает под стол. Убедившись в полном своем одиночестве, он отпирает шкаф, затем ящик в шкафу, вынимает оттуда три книги в коричневых кожаных переплетах и торжественно кладет их на середину стола. Переплеты истрепаны и покрыты налетом зеленой плесени (ибо однажды эти книги ночевали в канаве), а некоторые страницы совершенно размыты грязной водой. Хозяин садится в кресло, медленно набивает глиняную трубку, не отрывая восхищенного взора от книг. Затем он пододвигает к себе одну из них и начинает изучать ее, переворачивая страницы то от начала к концу, то от конца к началу. Брови его сдвинуты, и губы шевелятся от усилий.

— Шесть, маленькое два сверху, крестик и закорючка. Господи, вот голова была!

Через некоторое время усердие его слабеет, он откидывается на спинку кресла и смотрит сквозь

клубы дыма в глубину комнаты, словно видит там нечто недоступное глазу обыкновенных смертных.

— Сколько тут тайн, — говорит он, — удивительных тайн… Эх, доискаться бы только! Уж я бы не так сделал, как он. Я бы… эх! — Он затягивается трубкой.

Тут он погружается в мечту, в неумирающую волшебную мечту его жизни. И, несмотря на все розыски, предпринимаемые неутомимым Кемпом, ни один человек на свете, кроме самого хозяина трактира, не знает, где находятся книги, в которых скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн. И никто этого не узнает до самой его смерти.

1897

Перевод Д. Вейса

Война миров

Книга первая
Прибытие марсиан
Глава I
Накануне войны

Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек, хотя такие же смертные, как и он; что в то время как люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, может быть, так же тщательно, как человек в микроскоп изучает эфемерных тварей, кишащих и размножающихся в капле воды. С бесконечным самодовольством сновали люди по всему земному шару, занятые своими делишками, уверенные в своей власти над материей. Возможно, что инфузория под микроскопом ведет себя так же. Никому не приходило в голову, что более старые миры Вселенной — источник опасности для человеческого рода; самая мысль о какой-либо жизни на них казалась недопустимой и невероятной. Забавно вспомнить некоторые общепринятые в те дни взгляды. Самое большее,

допускалось, что на Марсе живут другие люди, вероятно, менее развитые, чем мы, но, во всяком случае, готовые дружески встретить нас как гостей, несущих им просвещение. А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно вырабатывали свои враждебные нам планы. На заре двадцатого века наши иллюзии были разрушены.

Планета Марс — едва ли нужно напоминать об этом читателю — вращается вокруг Солнца в среднем на расстоянии 140 миллионов миль и получает от него вдвое меньше тепла и света, чем наш мир. Если верна гипотеза о туманностях, то Марс старше Земли; жизнь на его поверхности должна была возникнуть задолго до того, как Земля перестала быть расплавленной. Масса его в семь раз меньше земной, поэтому он должен был значительно скорее охладиться до температуры, при которой могла начаться жизнь. На Марсе есть воздух, вода и все необходимое для поддержания жизни.

Но человек так тщеславен и так ослеплен своим

тщеславием, что никто из писателей до самого конца девятнадцатого века не высказывал мысли о том, что на этой планете могут обитать разумные существа, вероятно, даже опередившие в своем развитии людей. Также никто не подумал о том, что так как Марс старше Земли, обладает поверхностью, равной четвертой части земной, и дальше отстоит от Солнца, то, следовательно, и жизнь на нем не только началась гораздо раньше, но уже близится к концу.

Неизбежное охлаждение, которому когда-нибудь подвергнется и наша планета, у нашего соседа, без сомнения, произошло уже давно. Хотя мы почти ничего не знаем об условиях жизни на Марсе, нам все же известно, что даже в его экваториальном поясе средняя дневная температура не выше, чем у нас в самую холодную зиму. Его атмосфера гораздо более разрежена, чем земная, а океаны уменьшились и покрывают только треть его поверхности; вследствие медленного круговорота времен года около его полюсов скопляются огромные массы льда и затем, оттаивая, периодически затопляют его умеренные пояса. Последняя стадия истощения планеты, для нас еще бесконечно далекая, стала злободневной проблемой для обитателей Марса. Под давлени-

ем неотложной необходимости их ум работал более напряженно, их техника росла, сердца ожесточались. И, глядя в мировое пространство, вооруженные такими инструментами и знаниями, о которых мы только можем мечтать, они видели невдалеке от себя, на расстоянии каких-нибудь 35 миллионов миль по направлению к Солнцу, утреннюю звезду надежды — нашу теплую планету, зеленую от растительности и серую от воды, с туманной атмосферой, красноречиво свидетельствующей о плодородии, с мерцающими сквозь облачную завесу широкими просторами населенных материков и тесными, заполненными флотилиями судов, морями.

Мы, люди, существа, населяющие Землю, должны были казаться им такими же чуждыми и примитивными, как нам — обезьяны и лемуры. Разумом человек признает, что жизнь — это непрерывная борьба за существование, и на Марсе, очевидно, думают так же. Их мир начал уже охлаждаться, а на Земле все еще кипит жизнь, но это жизнь каких-то низших тварей. Завоевать новый мир, ближе к Солнцу, — вот их единственное спасение от неуклонно надвигающейся гибели.

Прежде чем судить их слишком строго, мы должны припомнить, как беспощадно уничто-

жали сами люди не только животных, таких, как вымершие бизон и птица додо, но и себе подобных представителей низших рас. Жители Тасмании, например, были уничтожены до последнего за пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы. Разве мы сами уж такие поборники милосердия, что можем возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?

Марсиане, очевидно, рассчитали свой спуск с удивительной точностью — их математические познания, судя по всему, значительно превосходят наши — и выполнили свои приготовления изумительно согласованно. Если бы наши приборы были более совершенны, то мы могли бы заметить надвигающуюся грозу еще задолго до конца девятнадцатого столетия. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали Красную планету–любопытно, между прочим, что в течение долгих веков Марс считался звездой войны, — но им не удавалось выяснить причину периодического появления на ней пятен, которые они умели так хорошо заносить на карты. А все эти годы марсиане, очевидно, вели свои приготовления.

Во время противостояния, в 1894 году, на освещенной части планеты был виден сильный свет,

замеченный сначала обсерваторией в Ликке, затем Перротеном в Ницце и другими наблюдателями. Английские читатели впервые узнали об этом из журнала «Нэйчер» от 2 августа. Я склонен думать, что это явление означало отливку в глубокой шахте гигантской пушки, из которой марсиане потом обстреливали Землю. Странные явления, до сих пор, впрочем, не объясненные, наблюдались вблизи места вспышки во время двух последующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет назад. Когда Марс приблизился к противостоянию, Лавелль с Явы сообщил астрономам по телеграфу о колоссальном взрыве раскаленного газа на планете. Это случилось двенадцатого августа около полуночи; спектроскоп, к помощи которого он тут же прибег, обнаружил массу горящих газов, главным образом водорода, двигавшуюся к Земле с ужасающей быстротой. Этот поток огня перестал быть видимым около четверти первого. Лавелль сравнил его с колоссальной вспышкой пламени, внезапно вырвавшегося из планеты, «как снаряд из орудия».

Сравнение оказалось очень точным. Однако в газетах на следующий день не появилось никакого сообщения об этом, если не считать небольшой

заметки в «Дейли телеграф», и мир пребывал в неведении самой серьезной из всех опасностей, когда-либо угрожавших человечеству. Вероятно, и я ничего бы не узнал об извержении, если бы не встретился в Оттершоу с известным астрономом Оджилви. Он был до крайности взволнован сообщением и пригласил меня этой ночью принять участие в наблюдениях за Красной планетой.

Несмотря на все последовавшие бурные события, я очень ясно помню наше ночное бдение: черная, безмолвная обсерватория, завешенный фонарь в углу, бросающий слабый свет на пол, мерное тиканье часового механизма в телескопе, небольшое продольное отверстие в потолке, откуда зияла бездна, усеянная звездной пылью. Почти невидимый Оджилви бесшумно двигался около прибора. В телескоп виден был темно-синий круг и плававшая в нем маленькая круглая планета. Она казалась такой крохотной, блестящей, с едва заметными поперечными полосами, со слегка неправильной окружностью. Она была так мала, с булавочную головку, и лучилась теплым серебристым светом. Она словно дрожала, но на самом деле это вибрировал телескоп под действием часового механизма, державшего планету в поле зрения.

Во время наблюдения звездочка то уменьшалась, то увеличивалась, то приближалась, то удалялась, но так казалось просто от усталости глаза. Нас отделяли от нее 40 миллионов миль — больше 40 миллионов миль пустоты. Немногие могут представить себе всю необъятность той бездны, в которой плавают пылинки материальной Вселенной.

Вблизи планеты, я помню, виднелись три маленькие светящиеся точки, три телескопические звезды, бесконечно удаленные, а вокруг — неизмеримый мрак пустого пространства. Вы знаете, как выглядит эта бездна в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. И невидимо для меня, вследствие удаленности и малой величины, неуклонно и быстро стремясь ко мне через все это невероятное пространство, с каждой минутой приближаясь на многие тысячи миль, неслось то, что марсиане послали к нам, то, что должно было принести борьбу, бедствия и гибель на Землю. Я и не подозревал об этом, наблюдая планету; никто на Земле не подозревал об этом метко пущенном метательном снаряде.

В эту ночь снова наблюдался взрыв на Марсе. Я сам видел его. Появился красноватый блеск и чуть заметное вздутие на краю в то самое мгновение,

когда хронометр показывал полночь. Я сообщил об этом Оджилви, и он сменил меня. Ночь была жаркая, и мне захотелось пить; ощупью, неловко ступая в темноте, я двинулся к столику, где стоял сифон, как вдруг Оджилви вскрикнул, увидев несшийся к нам огненный поток газа.

В эту ночь новый невидимый снаряд был выпущен с Марса на Землю — ровно через сутки после первого, с точностью до одной секунды. Помню, как я сидел на столе в темноте; красные и зеленые пятна плыли у меня перед глазами. Я искал огня, чтобы закурить. Я совсем не придавал значения этой мгновенной вспышке и не задумывался над тем, что она должна повлечь за собой. Оджилви делал наблюдения до часу ночи; в час он окончил работу; мы зажгли фонарь и отправились к нему домой. Погруженные во мрак, лежали Оттершоу и Чертси, где мирно спали сотни жителей.

Оджилви в эту ночь высказывал разные предположения относительно условий жизни на Марсе и высмеивал вульгарную гипотезу о том, что его обитатели подают нам сигналы. Он полагал, что на планету посыпался целый град метеоритов или что там происходит громадное вулканическое извержение. Он доказывал мне, как маловероятно, чтобы эволюция организмов

проходила одинаково на двух, пусть даже и близких, планетах.

— Один шанс против миллиона за то, что Марс обитаем, — сказал он.

Сотни наблюдателей видели пламя каждую полночь, в эту и последующие десять ночей — по одной вспышке. Почему взрывы прекратились после десятой ночи, этого никто не пытался объяснить. Может быть, газ от выстрелов причинял какие-нибудь неудобства марсианам. Густые клубы дыма или пыли, замеченные в самый сильный земной телескоп, в виде маленьких серых, переливчатых пятен мелькали в чистой атмосфере планеты и затемняли ее знакомые очертания.

Наконец даже газеты заговорили об этих явлениях, там и сям стали появляться популярные заметки относительно вулканов на Марсе. Помнится, юмористический журнал «Панч» очень остроумно воспользовался этим для политической карикатуры. А между тем незримые марсианские снаряды летели к Земле через бездну пустого пространства со скоростью нескольких миль в секунду, приближаясь с каждым часом, с каждым днем. Мне кажется теперь диким, как это люди могли заниматься своими мелкими делишками, когда над ними уже нависла ги-

бель. Я помню, как радовался Маркхем, получив новый фотографический снимок планеты для иллюстрированного журнала, который он тогда редактировал. Люди нынешнего, более позднего времени с трудом представляют себе обилие и предприимчивость журналов в девятнадцатом веке. Я же в то время с большим рвением учился ездить на велосипеде и читал груду журналов, обсуждавших дальнейшее развитие нравственности в связи с прогрессом цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд находился тогда за 10 миллионов миль от нас) я вышел прогуляться вместе с женой. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки Зодиака и указал на Марс, на яркую точку света около зенита, куда было направлено столько телескопов. Вечер был теплый. Компания экскурсантов из Чертси или Айлворта, возвращаясь домой, прошла мимо нас с пением и музыкой. В верхних окнах домов светились огни, люди ложились спать. Издалека, с железнодорожной станции, доносился грохот маневрировавших поездов, смягченный расстоянием и звучавший почти мелодично. Жена обратила мое внимание на красные, зеленые и желтые сигнальные огни, горевшие на фоне ночного неба. Все казалось таким спокойным и

безмятежным.

Глава II
Падающая звезда

Затем наступила ночь первой падающей звезды. Ее заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. По описанию Элбина, она оставляла за собой зеленоватую полосу, горевшую несколько секунд. Деннинг, наш величайший авторитет по метеоритам, утверждал, что она стала заметна уже на расстоянии девяноста или ста миль. Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно за сто миль к востоку от того места, где он находился.

В этот час я был дома и писал в своем кабинете; но хотя мое окно выходило на Оттершоу и штора была поднята (я любил смотреть в ночное небо), я ничего не заметил. Однако этот метеорит, самый необычайный из всех когда-либо падавших на Землю из мирового пространства, должен был упасть, когда я сидел за столом, и я мог бы увидеть его, если бы взглянул на небо. Некоторые, видев-

шие его полет, говорят, что он летел со свистом, но сам я этого не слышал. Многие жители Беркшира, Суррея и Миддлсекса видели его падение, и почти все подумали, что упал новый метеорит. В эту ночь, кажется, никто не поинтересовался взглянуть на упавшую массу.

Бедняга Оджилви, наблюдавший метеорит и убежденный, что он упал где-нибудь на пустоши между Хорселлом, Оттершоу и Уокингом, поднялся рано утром и отправился его разыскивать. Уже рассвело, когда он нашел метеорит неподалеку от песчаного карьера. Он увидел гигантскую воронку, вырытую упавшим телом, и кучи песка и гравия, громоздившиеся среди вереска и заметные за полторы мили. Вереск загорелся и тлел, прозрачный голубой дымок клубился на фоне утреннего неба.

Упавшее тело зарылось в песок среди разметанных щепок разбитой им при падении сосны. Выступавшая наружу часть имела вид громадного обгоревшего цилиндра; его очертания были скрыты толстым чешуйчатым слоем темного нагара. Цилиндр был около тридцати ярдов в диаметре. Оджилви приблизился к этой массе, пораженный ее объемом и особенно формой, так как обычно метеориты бывают более или

менее шарообразны. Однако цилиндр был так сильно раскален от полета сквозь атмосферу, что к нему еще нельзя было подойти достаточно близко. Легкий шум, слышавшийся изнутри цилиндра, Оджилви приписал неравномерному охлаждению его поверхности. В это время ему не приходило в голову, что цилиндр может быть полым.

Оджилви стоял на краю образовавшейся ямы, изумленный необычайной формой и цветом цилиндра, начиная смутно догадываться о его назначении. Утро было необычайно тихое; солнце, только что осветившее сосновый лес около Уэйбриджа, уже пригревало. Оджилви говорил, что он не слышал пения птиц в это утро, не было ни малейшего ветерка и только из покрытого нагаром цилиндра раздавались какие-то звуки. На пустоши никого не было.

Вдруг он с удивлением заметил, что слой нагара, покрывавший метеорит, с верхнего края цилиндра стал отваливаться. Кусочки шлака падали на песок, точно хлопья снега или капли дождя. Внезапно отвалился и с шумом упал большой кусок; Оджилви не на шутку испугался.

Еще ничего не подозревая, он спустился в яму и, несмотря на сильный жар, подошел вплотную к

цилиндру, чтобы получше его разглядеть. Астроном все еще думал, что странное явление вызвано охлаждением тела, но этому противоречил тот факт, что нагар спадал только с края цилиндра.

И вдруг Оджилви заметил, что круглая вершина цилиндра медленно вращается. Он обнаружил это едва заметное вращение только потому, что черное пятно, бывшее против него пять минут назад, находилось теперь в другой точке окружности. Все же он не вполне понимал, что это значит, пока не услышал глухой скребущий звук и не увидел, что черное пятно продвинулось вперед почти на дюйм. Тогда он наконец догадался, в чем дело. Цилиндр был искусственный, полый, с отвинчивающейся крышкой! Кто-то внутри цилиндра отвинчивал крышку!

— Боже мой! — воскликнул Оджилви. — Там внутри человек! Эти люди чуть не изжарились! Они пытаются выбраться!

Он мгновенно сопоставил появление цилиндра со взрывом на Марсе.

Мысль о заключенном в цилиндре существе так ужаснула Оджилви, что он позабыл про жар и подошел к цилиндру еще ближе, чтобы помочь отвернуть крышку. Но к счастью, пышущий жар удержал его вовремя, и он не обжегся

о раскаленный металл. Он постоял с минуту в нерешительности, потом вылез из ямы и со всех ног побежал к Уокингу. Было около шести часов. Ученый встретил возчика и попытался объяснить ему, что случилось, но говорил так бессвязно и у него был такой дикий вид — шляпу он потерял в яме, — что тот просто проехал мимо. Так же неудачливо обратился он к трактирщику, который только что отворил дверь трактира у Хорселлского моста. Тот подумал, что это сбежавший сумасшедший, и попытался было затащить его в распивочную. Это немного отрезвило Оджилви, и, увидев Гендерсона, лондонского журналиста, копавшегося у себя в садике, он окликнул его через забор и постарался говорить как можно толковей.

— Гендерсон, — начал Оджилви, — прошлую ночь вы видели падающую звезду?

— Ну?

— Она на Хорселлской пустоши.

— Боже мой! — воскликнул Гендерсон. — Упавший метеорит! Это интересно.

— Но это не простой метеорит. Это цилиндр, искусственный цилиндр. И в нем что-то есть.

Гендерсон выпрямился с лопатой в руке.

— Что такое? — переспросил он. Он был туговат

на одно ухо.

Оджилви рассказал все, что видел. Гендерсон с минуту соображал. Потом бросил лопату, схватил пиджак и вышел на дорогу. Оба поспешно направились к метеориту. Цилиндр лежал все в том же положении. Звуков изнутри не было слышно, а между крышкой и корпусом цилиндра блестела тонкая металлическая нарезка. Воздух или вырывался наружу, или входил внутрь с резким свистом.

Они стали прислушиваться, постучали палкой по слою нагара и, не получив ответа, решили, что человек или люди, заключенные внутри, либо потеряли сознание, либо умерли.

Конечно, вдвоем они ничего не могли сделать. Они прокричали несколько ободряющих слов, пообещав вернуться, и поспешили в город за помощью. Возбужденные и растрепанные, запачканные песком, они бежали в ярком солнечном свете по узкой улице в тот утренний час, когда лавочники снимают ставни витрин, а обыватели раскрывают окна своих спален. Гендерсон прежде всего отправился на железнодорожную станцию, чтобы сообщить новость по телеграфу в Лондон. Газеты уже подготовили читателей к тому, чтобы услышать эту сенсационную новость.

К восьми часам толпа мальчишек и зевак направлялась к пустоши, чтобы посмотреть на «мертвецов с Марса». Такова была первая версия о происшедшем. Я впервые услышал об этом от своего газетчика в четверть девятого, когда вышел купить номер «Дейли кроникл». Разумеется, я был крайне поражен и немедленно пошел через Оттершоу-бридж к песчаному карьеру.

Глава III
На Хорселлской пустоши

Около огромной воронки, где лежал цилиндр, я застал человек двадцать. Я уже говорил, как выглядел этот колоссальный зарывшийся в землю снаряд. Дерн и гравий вокруг него обуглились, точно от внезапного взрыва. Очевидно, при ударе цилиндра вспыхнуло пламя. Гендерсона и Оджилви там не было. Вероятно, они решили, что пока ничего сделать нельзя, и ушли завтракать к Гендерсону.

На краю ямы, болтая ногами, сидели четверо или пятеро мальчишек; они забавлялись (пока я не остановил их), бросая камешки в чудовищную махину. Потом, выслушав меня, они начали играть в пятнашки, бегая вокруг взрослых.

Среди собравшихся были два велосипедиста, садовник-поденщик, которого я иногда нанимал, девушка с ребенком на руках, мясник Грегг со своим сынишкой, несколько гуляк и мальчиков, прислуживающих при игре в гольф и обычно снующих возле станции. Говорили мало. В то время в Англии немногие из простонародья имели представление об астрономии. Большинство зрителей спокойно смотрели на плоскую крышку цилиндра, которая находилась в том же положении, в каком ее оставили Оджилви и Гендерсон. Я думаю, все были разочарованы, найдя вместо обугливших тел неподвижную громаду цилиндра, некоторые уходили домой, вместо них подходили другие. Я спустился в яму, и мне показалось, что я ощущаю слабое колебание под ногами. Крышка была неподвижна.

Только подойдя совсем близко к цилиндру, я обратил внимание на его необычайный вид. На первый взгляд он казался не более странным, чем опрокинувшийся экипаж или дерево, упавшее на дорогу. Пожалуй, даже меньше. Больше всего он был похож на ржавый газовый резервуар, погруженный в землю. Только человек, обладающий научными познаниями, мог заметить, что серый нагар на цилиндре был не простой окисью, что

желтовато-белый металл, поблескивавший под крышкой, был необычного оттенка. Слово «внеземной» большинству зрителей было непонятно.

Я уже не сомневался, что цилиндр упал с Марса, но считал невероятным, чтобы в нем находилось какое-нибудь живое существо. Я предполагал, что развинчивание происходит автоматически. Несмотря на слова Оджилви, я был уверен, что на Марсе живут люди. Моя фантазия разыгралась: возможно, что внутри запрятан какой-нибудь манускрипт; сумеем ли мы его перевести, найдем ли там монеты, разные вещи? Впрочем, цилиндр был, пожалуй, слишком велик для этого. Меня разбирало нетерпение посмотреть, что там внутри. Около одиннадцати, видя, что ничего особенного не происходит, я вернулся домой в Мэйбэри. Но я уже не мог приняться за свои отвлеченные исследования.

После полудня пустырь стал неузнаваем. Ранний выпуск вечерних газет поразил весь Лондон:

ПОСЛАНИЕ С МАРСА
НЕБЫВАЛОЕ СОБЫТИЕ В УОКИНГЕ —

гласили заголовки, набранные крупным шрифтом. Кроме того, телеграмма Оджилви Астроно-

мическому обществу всполошила все британские обсерватории.

На дороге у песчаной ямы стояли полдюжины пролеток со станции, фаэтон из Чобхема, чья-то карета, уйма велосипедов. Много народу, несмотря на жаркий день, пришло пешком из Уокинга и Чертси, так что собралась порядочная толпа, было даже несколько разряженных дам.

Стояла удушливая жара; на небе ни облачка, ни малейшего ветра, и тень можно было найти только под редкими соснами. Вереск уже не горел, но равнина чуть не до самого Оттершоу почернела и дымилась. Предприимчивый хозяин бакалейной лавочки на Чобхемской дороге прислал своего сына с ручной тележкой, нагруженной зелеными яблоками и бутылками с имбирным лимонадом.

Подойдя к краю воронки, я увидел в ней группу людей: Гендерсона, Оджилви и высокого белокурого джентльмена (как я узнал после, это был Стэнт, королевский астроном); несколько рабочих, вооруженных лопатами и кирками, стояли тут же. Стэнт отчетливо и громко давал указания. Он взобрался на крышку цилиндра, которая, очевидно, успела остыть. Лицо у него раскраснелось, пот катился градом по лбу и щекам, и он явно был чем-то раздражен.

Большая часть цилиндра была откопана, хотя нижний конец все еще находился в земле. Оджилви увидел меня в толпе, обступившей яму, подозвал и попросил сходить к лорду Хилтону, владельцу этого участка.

Все увеличивающаяся толпа, говорил он, особенно мальчишки, мешают работам. Нужно отгородиться от публики и отдалить ее. Он сообщил мне, что из цилиндра доносится слабый шум и что рабочим не удалось отвинтить крышку, так как не за что ухватиться. Стенки цилиндра, по-видимому, очень толсты и, вероятно, приглушают доносившийся оттуда шум.

Я был очень рад исполнить его просьбу, надеясь таким образом попасть в число привилегированных зрителей при предстоящем вскрытии цилиндра. Лорда Хилтона я не застал дома, но узнал, что его ожидают из Лондона с шестичасовым поездом: так как было только четверть шестого, то я зашел домой выпить стакан чаю, а потом отправился на станцию, чтобы перехватить Хилтона на дороге.

Глава IV

Цилиндр открывается

Когда я вернулся на пустошь, солнце уже садилось. Публика из Уокинга все прибывала, домой возвращались только двое-трое. Толпа вокруг воронки все росла, чернея на лимонно-желтом фоне неба; собралось более ста человек. Что-то кричали; около ямы происходила какая-то толкотня. Меня охватило тревожное предчувствие. Приблизившись, я услышал голос Стэнта:

— Отойдите! Отойдите!

Пробежал какой-то мальчуган.

— Оно движется, — сообщил он мне, — все вертится да вертится. Мне это не нравится. Я лучше пойду домой.

Я подошел ближе. Толпа была густая — человек двести — триста; все толкались, наступали друг другу на ноги. Нарядные дамы проявляли особенную предприимчивость.

— Он упал в яму! — крикнул кто-то.

— Назад, назад! — раздавались голоса.

Толпа немного отхлынула, и я протолкался вперед. Все были сильно взволнованы. Я услышал какой-то странный, глухой шум, доносившийся из ямы.

— Да осадите же наконец этих идиотов! — крик-

нул Оджилви. — Ведь мы не знаем, что в этой проклятой штуке!

Я увидел молодого человека, кажется, приказчика из Уокинга, который влез на цилиндр, пытаясь выбраться из ямы, куда его столкнула толпа.

Верхняя часть цилиндра отвинчивалась изнутри. Было видно около двух футов блестящей винтовой нарезки. Кто-то, оступившись, толкнул меня, я пошатнулся, и меня чуть было не скинули на вращающуюся крышку. Я обернулся, и, пока смотрел в другую сторону, винт, должно быть, вывинтился весь и крышка цилиндра со звоном упала на гравий. Я толкнул локтем кого-то позади себя и снова повернулся к цилиндру. Круглое пустое отверстие казалось совершенно черным. Заходящее солнце било мне прямо в глаза.

Все, вероятно, ожидали, что из отверстия покажется человек; может быть, не совсем похожий на нас, земных людей, но все же подобный нам. По крайней мере я ждал этого. Но, взглянув, я увидел что-то копошащееся в темноте — сероватое, волнообразное, движущееся; блеснули два диска, похожие на глаза. Потом что-то вроде серой змеи, толщиной в трость, стало выползать кольцами из отверстия и двигаться, извиваясь, в мою сторону

— одно, потом другое.

Меня охватила дрожь. Позади закричала какая-то женщина. Я немного повернулся, не спуская глаз с цилиндра, из которого высовывались новые щупальца, и начал проталкиваться подальше от края ямы. На лицах окружающих меня людей удивление сменилось ужасом. Со всех сторон послышались крики. Толпа попятилась. Приказчик все еще не мог выбраться из ямы. Скоро я остался один и видел, как убегали люди, находившиеся по другую сторону ямы, в числе их был и Стэнт. Я снова взглянул на цилиндр и оцепенел от ужаса. Я стоял, точно в столбняке, и смотрел.

Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно, с трудом вылезала из цилиндра. Высунувшись на свет, она залоснилась, точно мокрый ремень. Два больших темных глаза пристально смотрели на меня. У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо. Под глазами находился рот, края которого двигались и дрожали, выпуская слюну. Чудовище тяжело дышало, и все его тело судорожно пульсировало. Одно его тонкое щупальце упиралось в край цилиндра, другим оно размахивало в воздухе.

Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли

может представить себе его страшную, отвратительную внешность. Треугольный рот, с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность в движениях — результат большей силы притяжения Земли, — в особенности же огромные пристальные глаза — все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас. Даже при первом впечатлении, при беглом взгляде я почувствовал смертельный страх и отвращение.

Вдруг чудовище исчезло. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму, шлепнувшись, точно большой тюк кожи. Я услышал своеобразный глухой звук, и вслед за первым чудовищем в темном отверстии показалось второе.

Мое оцепенение внезапно прошло, я повернулся и со всех ног побежал к деревьям, находившимся в каких-нибудь ста ярдах от цилиндра; но бежал я боком и то и дело спотыкался, потому что не мог отвести глаз от этих чудовищ.

Там, среди молодых сосен и кустов дрока, я остановился, задыхаясь, и стал ждать, что будет дальше. Простиравшаяся вокруг песчаной ямы пустошь была усеяна людьми, подобно мне, с любопытством и страхом наблюдавшими за чудовищами, вернее, за кучей гравия на краю ямы, в которой они лежали. И вдруг я заметил с ужасом что-то круглое, темное, высовывающееся из ямы. Это была голова свалившегося туда продавца, казавшаяся черной на фоне заката. Вот показались его плечи и колено, но он снова соскользнул вниз, виднелась одна голова. Потом он скрылся, и мне послышался его слабый крик. Первым моим движением было вернуться, помочь ему, но я не мог преодолеть страха.

Больше я ничего не увидел, все скрылось в глубокой яме и за грудами песка, взрытого упавшим цилиндром. Всякий, кто шел бы по дороге из Чобхема или Уокинга, был бы удивлен таким необычайным зрелищем: около сотни людей рассыпались в канавах, за кустами, за воротами и изгородями и молча, изредка обмениваясь отрывистыми восклицаниями, во все глаза смотрели на кучи песка. Брошенный бочонок с имбирным лимонадом чернел на фоне пламенеющего неба, а у песчаного карьера стояли пустые экипажи;

лошади ели овес из своих торб и рыли копытами землю.

Глава V
Тепловой луч

Вид марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они явились на Землю со своей планеты, казалось, зачаровал и парализовал меня. Я долго стоял среди кустов вереска, доходивших мне до колена, и смотрел на груды песка. Во мне боролись страх и любопытство.

Я не решался снова приблизиться к яме, но мне очень хотелось заглянуть туда. Поэтому я начал кружить, отыскивая более удобный наблюдательный пункт и не спуская глаз с груды песка, за которой скрывались пришельцы с Марса. Один раз в сиянии заката показались три какие-то черные конечности вроде щупалец осьминога, но тотчас же скрылись; потом поднялась тонкая коленчатая мачта с каким-то круглым, медленно вращающимся и слегка колеблющимся диском наверху. Что они там делают?

Зрители разбились на две группы: одна, побольше, — ближе к Уокингу, другая, поменьше, — к Чобхему. Очевидно, они колебались, так же как и

я. Невдалеке от меня стояли несколько человек. Я подошел к одному — это был мой сосед, я не знал, как его зовут, но попытался с ним заговорить. Однако момент для разговора был неподходящий.

— Что за чудовища! — сказал он. — Боже, какие они страшные! — Он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я, но он ничего не ответил.

Мы молча стояли рядом и пристально смотрели, чувствуя себя вдвоем более уверенно. Потом я встал на бугор высотой около ярда, чтобы удобнее было наблюдать. Оглянувшись, я увидел, что мой сосед пошел по направлению к Уокингу.

Солнце село, сумерки сгустились, а ничего нового не произошло. Толпа налево, ближе к Уокингу, казалось, увеличилась, и я услышал ее неясный гул. Группа людей по дороге к Чобхему рассеялась. В яме как будто все замерло.

Зрители мало-помалу осмелели. Должно быть, новоприбывшие из Уокинга приободрили толпу. В полумраке на песчаных буграх началось медленное прерывистое движение — казалось, царившая кругом тишина успокаивающе подействовала на людей. Черные фигуры, по двое и по трое, двигались, останавливались и снова

двигались, растягиваясь тонким неправильным полумесяцем, рога которого постепенно охватывали яму. Я тоже стал подвигаться к яме.

Потом я увидел, как кучера покинутых экипажей и другие смельчаки подошли к яме, и услышал стук копыт и скрип колес. Мальчик из лавки покатил тележку с яблоками. Затем в тридцати ярдах от ямы я заметил черную кучку людей, идущих от Хорселла; впереди кто-то нес развевающийся белый флаг.

Это была делегация. В городе, наскоро посовещавшись, решили, что марсиане, несмотря на свою безобразную внешность, очевидно, разумные существа, и надо сигнализировать им, что и мы тоже существа разумные.

Флаг, развеваясь по ветру, приближался — сначала справа от меня, потом слева. Я стоял слишком далеко, чтобы разглядеть кого-нибудь, но позже узнал, что Оджилви, Стэнт и Гендерсон вместе с другими принимали участие в этой попытке завязать сношения с марсианами. Делегация, казалось, притягивала к себе почти сомкнувшееся кольцо публики, и много неясных темных фигур следовало за ней на почтительном расстоянии.

Вдруг сверкнул луч света, и светящийся зеле-

новатый дым взлетел над ямой тремя клубами, поднявшимися один за другим в неподвижном воздухе.

Этот дым (слово «пламя», пожалуй, здесь более уместно) был так ярок, что темно-синее небо наверху и бурая, простиравшаяся до Чертси, подернутая туманом пустошь с торчащими кое-где соснами вдруг стали казаться совсем черными. В этот же миг послышался какой-то слабый шипящий звук.

На краю воронки стояла кучка людей с белым флагом, оцепеневших от изумления, маленькие черные силуэты вырисовывались на фоне неба над черной землей. Вспышка зеленого дыма осветила на миг их бледно-зеленоватые лица.

Шипение перешло сперва в глухое жужжание, потом в громкое непрерывное гудение; из ямы вытянулась горбатая тень, и сверкнул луч какого-то искусственного света.

Языки пламени, ослепительный огонь перекинулись на кучку людей. Казалось, невидимая струя ударила в них и вспыхнула белым сиянием. Мгновенно каждый из них превратился как бы в горящий факел.

При свете пожиравшего их пламени я видел, как они шатались и падали, находившиеся поза-

ди разбегались в разные стороны.

Я стоял и смотрел, еще не вполне сознавая, что это смерть перебегает по толпе от одного к другому. Я понял только, что произошло нечто странное. Почти бесшумная ослепительная вспышка света — и человек падает ничком и лежит неподвижно. От невидимого пламени загорались сосны, потрескивая, вспыхивал сухой дрок. Даже вдалеке, у Нэп-Хилла, занялись деревья, заборы, деревянные постройки.

Эта огненная смерть, этот невидимый неотвратимый пылающий меч наносил мгновенные, меткие удары. По вспыхнувшему кустарнику я понял, что он приближается ко мне, но я был слишком поражен и ошеломлен, чтобы спасаться бегством. Я слышал гудение огня в песчаном карьере и внезапно оборвавшееся ржание лошади. Как будто чей-то невидимый раскаленный палец двигался по пустоши между мной и марсианами, вычерчивая огненную кривую, и повсюду кругом темная земля дымилась и шипела. Что-то с грохотом упало вдалеке, где-то слева, там, где выходит на пустошь дорога к уокингской станции. Шипение и гул прекратились, и черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и скрылся.

Это произошло так быстро, что я все еще стоял неподвижно, пораженный и ослепленный блеском огня. Если бы эта смерть описала полный круг, она неизбежно испепелила бы и меня. Но она скользнула мимо и меня пощадила.

Окружающая темнота стала еще более жуткой и мрачной. Холмистая пустошь казалась черной, только полоска шоссе серела под темно-синим небом. Люди исчезли. Вверху мерцали звезды, а на западе светилась бледная зеленоватая полоса. Вершины сосен и крыши Хорселла четко выступали на вечернем небе. Марсиане и их орудия были невидимы, только на тонкой мачте беспрерывно вращалось зеркало. Тлели деревья, кое-где дымился кустарник, а в неподвижном вечернем воздухе над домами близ станции Уокинг поднимались столбы пламени.

Все осталось таким же, как было, словно и не пролетал этот смерч огня. Кучка черных фигурок с белым флагом была уничтожена, но мне казалось, что за весь этот вечер никто и не пытался нарушить тишину.

Вдруг я понял, что стою здесь, на темной пустоши, один, беспомощный, беззащитный. Точно что-то обрушилось на меня… Страх!

С усилием я повернулся и побежал, спотыкаясь,

по вереску.

Страх, охвативший меня, был не просто страхом. Это был безотчетный ужас и перед марсианами, и перед царившими вокруг мраком и тишиной. Мужество покинуло меня, и я бежал, всхлипывая, как ребенок. Оглянуться назад я не решался.

Помню, у меня было такое чувство, что мной кто-то играет, что вот теперь, когда я уже почти в безопасности, таинственная смерть, мгновенная, как вспышка огня, вдруг выпрыгнет из темной ямы, где лежит цилиндр, и уничтожит меня на месте.

Глава VI
Тепловой луч на Чобхемской дороге

До сих пор еще не объяснено, каким образом марсиане могут умерщвлять людей так быстро и так бесшумно. Многие предполагают, что они как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере. Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного веще-

ства, подобно тому как параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света. Но никто не сумел убедительно это доказать. Несомненно одно: здесь действуют тепловые лучи. Тепловые невидимые лучи вместо видимого света. Все, что только может гореть, превращается в языки пламени при их прикосновении; свинец растекается, как жидкость; железо размягчается; стекло трескается и плавится, а когда они падают на воду, она мгновенно превращается в пар.

В эту ночь около сорока человек лежали под звездами близ ямы, обугленные и обезображенные до неузнаваемости, и всю ночь пустошь между Хорселлом и Мэйбэри была безлюдна и над ней пылало зарево.

В Чобхеме, Уокинге и Оттершоу, вероятно, в одно и то же время узнали о катастрофе. В Уокинге лавки уже были закрыты, когда это произошло, и группы людей, заинтересованных слышанными рассказами, шли по Хорселлскому мосту и по дороге, окаймленной изгородями, направляясь к пустоши. Молодежь, окончив дневную работу, воспользовалась этой новостью, конечно, как предлогом пойти погулять и пофлиртовать. Вы можете представить себе, какой гул голосов раздавался на темной дороге…

В Уокинге лишь немногие знали, что цилиндр открылся, хотя бедняга Гендерсон отправил посыльного на велосипеде в почтовую контору со специальной телеграммой для вечерней газеты.

Когда гуляющие по двое и по трое выходили на открытое место, то видели людей, возбужденно что-то говоривших и посматривающих на вращающееся над песчаным карьером зеркало; волнение их, без сомнения, передавалось и вновь пришедшим.

Около половины девятого, незадолго до гибели делегации, близ ямы собралась толпа человек в триста, если не больше, не считая тех, которые свернули с дороги, чтобы подойти поближе к марсианам. Среди них находились три полисмена, причем один конный; они старались, согласно инструкциям Стэнта, осадить толпу и не подпускать ее к цилиндру. Не обошлось, конечно, без протеста со стороны горячих голов, для которых всякое сборище является поводом пошуметь и побалагурить.

Как только марсиане показались из своего цилиндра, Стэнт и Оджилви, предупреждая возможность столкновения, телеграфировали из Хорселла в казармы с просьбой прислать роту солдат для того, чтобы оградить эти странные

существа от насилия. После этого они вернулись во главе злополучной делегации. Находившиеся в толпе люди впоследствии описывали их смерть — они видели то же, что и я: три клуба зеленого дыма, глухое гудение и вспышки пламени.

Однако толпе зрителей грозила большая опасность, чем мне. Их спас только песчаный, поросший вереском холм, задержавший часть тепловых лучей. Если бы параболическое зеркало было поднято на несколько ярдов выше, не осталось бы ни одного живого свидетеля. Они видели, как вспыхивал огонь, как падали люди, как невидимая рука, зажигавшая кустарники, быстро приближалась к ним в сумерках. Потом со свистом, заглушившим гул из ямы, луч сверкнул над их головами; вспыхнули вершины буков, окаймлявших дорогу; в доме, ближайшем к пустоши, треснули кирпичи, разлетелись стекла, занялись оконные рамы и обрушилась часть крыши.

Когда затрещали и загудели пылающие деревья, охваченная паникой толпа несколько секунд нерешительно топталась на месте. Искры и горящие сучья падали на дорогу, кружились огненные листья. Загорались шляпы и платья. С пустоши послышался пронзительный крик.

Крики и вопли сливались в оглушительный

гул. Конный полисмен, схватившись руками за голову, проскакал среди взбудораженной толпы, громко крича.

— Они идут! — крикнул женский голос, и, нажимая на стоявших позади, люди стали прокладывать себе дорогу к Уокингу. Толпа разбегалась вслепую, как стадо баранов. Там, где дорога становилась уже и темнее, между высокими насыпями, произошла отчаянная давка. Не обошлось без жертв: трое — две женщины и один мальчик — были раздавлены и затоптаны; их оставили умирать среди ужаса и мрака.

Глава VII
Как я добрался до дому

Что касается меня, то я помню только, что натыкался на деревья и то и дело падал, пробираясь сквозь кустарник. Надо мной навис невидимый ужас; безжалостный тепловой меч марсиан, казалось, замахивался, сверкая над моей головой, и вот-вот должен был обрушиться и поразить меня. Я выбрался на дорогу между перекрестком и Хорселлом и побежал к перекрестку.

В конце концов я изнемог от волнения и быстрого бега, пошатнулся и упал у дороги, невдалеке

от моста через канал у газового завода. Я лежал неподвижно.

Пролежал я так, должно быть, довольно долго.

Я приподнялся и сел в полном недоумении. С минуту я не мог понять, как я сюда попал. Я стряхнул с себя недавний ужас, точно одежду. Шляпа моя исчезла, и воротничок соскочил с запонки. Несколько минут назад передо мной были только необъятная ночь, пространство и природа, моя беспомощность, страх и близость смерти. И теперь все сразу переменилось, и мое настроение было совсем другим. Переход от одного душевного состояния к другому совершился незаметно. Я стал снова самим собой, таким, каким я бывал каждый день, — обыкновенным скромным горожанином. Безмолвная пустошь, мое бегство, летучее пламя — все казалось мне сном. Я спрашивал себя: было ли это на самом деле? Мне просто не верилось, что это произошло наяву.

Я встал и пошел по крутому подъему моста. Голова плохо работала. Мускулы и нервы расслабли… Я пошатывался, как пьяный. С другой стороны, изогнутого аркой моста показалась чья-то голова, и появился рабочий с корзиной. Рядом с ним шагал маленький мальчик. Рабочий

прошел мимо, пожелав мне доброй ночи. Я хотел заговорить с ним и не мог. Я только ответил на его приветствие каким-то бессвязным бормотанием и пошел дальше по мосту.

На повороте к Мэйбэри поезд — волнистая лента белого искрящегося дыма и длинная вереница светлых окон — пронесся к югу: тут-тук… тук-тук… и исчез. Еле различимая в темноте группа людей разговаривала у ворот одного из домов, составлявших так называемую «Восточную террасу». Все это было так реально, так знакомо! А то — там, в поле?.. Невероятно, фантастично! «Нет, — подумал я, — этого не могло быть».

Наверное, я человек особого склада и мои ощущения не совсем обычны. Иногда я страдаю от странного чувства отчужденности от самого себя и от окружающего мира. Я как бы извне наблюдаю за всем, откуда-то издалека, вне времени, вне пространства, вне житейской борьбы с ее трагедиями. Такое ощущение было очень сильно у меня в ту ночь. Все это, быть может, мне просто почудилось.

Здесь такая безмятежность, а там, за каких-нибудь две мили, стремительная, летучая смерть. Газовый завод шумно работал, и электрические фонари ярко горели. Я остановился подле разго-

варивающих.

— Какие новости с пустоши? — спросил я.

У ворот стояли двое мужчин и женщина.

— Что? — переспросил один из мужчин, оборачиваясь.

— Какие новости с пустоши? — спросил я.

— Разве вы сами там не были? — спросили они.

— Люди, кажется, прямо помешались на этой пустоши, — сказала женщина из-за ворот. — Что они там нашли?

— Разве вы не слышали о людях с Марса? — сказал я. — О живых существах с Марса?

— Сыты по горло, — ответила женщина из-за ворот. — Спасибо. — И все трое засмеялись.

Я оказался в глупом положении. Раздосадованный, я попытался рассказать им о том, что видел, но у меня ничего не вышло. Они только смеялись над моими сбивчивыми фразами.

— Вы еще услышите об этом! — крикнул я и пошел домой.

Я испугал жену своим измученным видом. Прошел в столовую, сел, выпил немного вина и, собравшись с мыслями, рассказал ей обо всем, что произошло. Подали обед — уже остывший, — но нам было не до еды.

— Только одно хорошо, — заметил я, чтобы успокоить встревоженную жену. — Это самые неповоротливые существа из всех, какие мне приходилось видеть. Они могут ползать в яме и убивать людей, которые подойдут к ним близко, но они не сумеют оттуда вылезти… Как они ужасны!..

— Не говори об этом, дорогой! — воскликнула жена, хмуря брови и кладя свою руку на мою.

— Бедный Оджилви! — сказал я. — Подумать только, что он лежит там мертвый!

По крайней мере жена мне поверила. Я заметил, что лицо у нее стало смертельно бледным, и перестал говорить об этом.

— Они могут прийти сюда, — повторяла она.

Я настоял, чтобы она выпила вина, и постарался разубедить ее.

— Они еле-еле могут двигаться, — сказал я.

Я стал успокаивать и ее и себя, повторяя все то, что говорил мне Оджилви о невозможности для марсиан приспособиться к земным условиям. Особенно я напирал на затруднения, вызываемые силой тяготения. На поверхности Земли сила тяготения втрое больше, чем на поверхности Марса. Всякий марсианин поэтому будет весить на Земле в три раза больше, чем на Марсе, между

тем как его мускульная сила не увеличится. Его тело точно нальется свинцом. Таково было общее мнение. И «Таймс», и «Дейли телеграф» писали об этом на следующее утро, и обе газеты, как и я, упустили из виду два существенных обстоятельства.

Атмосфера Земли, как известно, содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона, чем атмосфера Марса. Живительное действие этого избытка кислорода на марсиан явилось, бесспорно, сильным противовесом увеличившейся тяжести их тела. К тому же мы упустили из виду, что при своей высокоразвитой технике марсиане смогут в крайнем случае обойтись и без физических усилий.

В тот вечер я об этом не думал, и потому мои доводы против мощи пришельцев казались неоспоримыми. Под влиянием вина и еды, чувствуя себя в безопасности за своим столом и стараясь успокоить жену, я и сам понемногу осмелел.

— Они сделали большую глупость, — сказал я, прихлебывая вино. — Они опасны, потому что, наверное, обезумели от страха. Может быть, они совсем не ожидали встретить живых существ, особенно разумных живых существ. В крайнем случае один хороший снаряд по яме, и все будет

кончено, — прибавил я.

Сильное возбуждение — результат пережитых волнений — очевидно, обострило мои чувства. Я и теперь необыкновенно ясно помню этот обед. Милое, встревоженное лицо жены, смотрящей на меня из-под розового абажура, белая скатерть, серебро и хрусталь (в те дни даже писатели-философы могли позволить себе некоторую роскошь), темно-красное вино в стакане — все это запечатлелось у меня в памяти. Я сидел за столом, покуривая папиросу для успокоения нервов, сожалел о необдуманном поступке Оджилви и доказывал, что марсиан нечего бояться.

Точно так же какая-нибудь солидная птица на острове Св. Маврикия, чувствуя себя полным хозяином своего гнезда, могла бы обсуждать прибытие безжалостных изголодавшихся моряков.

— Завтра мы с ними разделаемся, дорогая!

Я не знал тогда, что за этим последним моим обедом в культурной обстановке последуют ужасные, необычайные события.

Глава VIII

В пятницу вечером

Самым невероятным из всего того странного и поразительного, что произошло в ту пятницу, кажется мне полное несоответствие между неизменностью нашего общественного уклада и началом той цепи событий, которая должна была в корне перевернуть его. Если бы в пятницу вечером взять циркуль и очертить круг радиусом в пять миль вокруг песчаного карьера возле Уокинга, то я сомневаюсь, оказался ли бы хоть один человек за его пределами (кроме разве родственников Стэнта и родственников велосипедистов и лондонцев, лежавших мертвыми на пустоши), чье настроение и привычки были бы нарушены пришельцами. Разумеется, многие слышали о цилиндре и рассуждали о нем на досуге, но он не произвел такой сенсации, какую произвел бы, скажем, ультиматум, предъявленный Германии.

Полученная в Лондоне телеграмма бедняги Гендерсона о развинчивании цилиндра была принята за «утку»; вечерняя газета послала ему телеграмму с просьбой прислать подтверждение и, не получив ответа — Гендерсона уже не было в живых, — решила не печатать экстренного выпуска.

Внутри круга радиусом в пять миль большинство населения ровно ничего не предпринимало. Я уже описывал, как вели себя мужчины и женщины, с которыми мне пришлось говорить. По всему округу мирно обедали и ужинали, рабочие после трудового дня возились в своих садиках, укладывали детей спать, молодежь парочками гуляла в укромных аллеях, учащиеся сидели за своими книгами.

Может быть, о случившемся поговаривали на улицах и судачили в пивных; какой-нибудь вестник или очевидец только что происшедших событий вызывал кое-где волнение, беготню и крик, но у большинства людей жизнь шла по заведенному с незапамятных лет порядку: работа, еда, питье, сон — все, как обычно, точно в небе и не было никакого Марса. Даже на станции Уокинг, в Хорселле, в Чобхеме ничто не изменилось.

На узловой станции в Уокинге до поздней ночи поезда останавливались и отправлялись или переводились на запасные пути; пассажиры выходили из вагонов или ожидали поезда — все шло своим чередом. Мальчишка из города, нарушая монополию местного газетчика Смита, продавал вечернюю газету. Громыхание товарных составов, резкие свистки паровозов заглушали

его выкрики о «людях с Марса». Около девяти часов на станцию стали прибывать взволнованные очевидцы с сенсационными известиями, но они произвели не больше впечатления, чем пьяные, болтающие всякий вздор. Пассажиры, мчавшиеся к Лондону, смотрели в темноту из окон вагонов, видели редкие взлетающие искры около Хорселла, красный отблеск и тонкую пелену дыма, застилавшую звезды, и думали, что ничего особенного не случилось, что это горит вереск. Только на краю пустоши заметно было некоторое смятение. На окраине Уокинга горело несколько домов. В окнах трех прилегающих к пустоши селений светились огни, и жители не ложились до рассвета.

На Чобхемском и Хорселлском мостах все еще толпились любопытные. Один или двое смельчаков, как потом выяснилось, отважились в темноте подползти совсем близко к марсианам. Назад они не вернулись, ибо световой луч, вроде прожектора военного корабля, время от времени скользил по пустоши, а за ним следовал тепловой луч. Обширная пустошь была тиха и пустынна, и обугленные тела лежали неубранными всю ночь под звездным небом и весь следующий день. Из ямы слышался металлический стук.

Таково было положение в пятницу вечером. В кожный покров нашей старой планеты Земли отравленной стрелой вонзился цилиндр. Но яд только еще начинал оказывать свое действие. Кругом расстилалась пустошь, а черные, скорченные трупы, разбросанные на ней, были едва заметны; кое-где тлел вереск и кустарник. Дальше простиралась узкая зона, где царило смятение, и за эту черту пожар еще не распространился. В остальном мире поток жизни катился так же, как он катился с незапамятных времен. Лихорадка войны, которая должна была закупорить его вены и артерии, умертвить нервы и разрушить мозг, только начиналась.

Всю ночь марсиане неутомимо работали, стучали какими-то инструментами, приводя в готовность свои машины; иногда вспышки зеленовато-белого дыма, извиваясь, поднимались к звездному небу.

К одиннадцати часам через Хорселл прошла рота солдат и оцепила пустошь. Позднее через Чобхем прошла вторая рота и оцепила пустошь с северной стороны. Несколько офицеров из Инкерманских казарм уже раньше побывали на пустоши, и один из них, майор Иден, пропал без вести. В полночь командир полка появился у

Чобхемского моста и стал расспрашивать толпу. Военные власти, очевидно, поняли серьезность положения. К одиннадцати утра, как на следующий день сообщили газеты, эскадрон гусар и около четырехсот солдат Кардиганского полка с двумя пулеметами «максим» выступили из Олдершота.

Через несколько секунд после полуночи толпа на дороге в Чертси близ Уокинга увидела метеорит, упавший в сосновый лес на северо-западе. Он падал, сверкая зеленоватым светом, подобно летней молнии. Это был второй цилиндр.

Глава IX
Сражение начинается

Суббота, насколько мне помнится, прошла тревожно. Это был томительный день, жаркий и душный; барометр, как мне сказали, то быстро падал, то поднимался. Я почти не спал — жене удалось заснуть — и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и постоял там, прислушиваясь: со стороны пустоши слышалась только трель жаворонков.

Молочник явился, как обыкновенно. Я услышал скрип его тележки и подошел к калитке

узнать последние новости. Он рассказал мне, что ночью марсиан окружили войска и что ожидают артиллерию. Вслед за этим послышался знакомый успокоительный грохот поезда, несущегося в Уокинг.

— Убивать их не станут, — сказал молочник, — если только можно будет обойтись без этого.

Я увидел своего соседа за работой в саду, поболтал с ним немного и отправился завтракать. Утро было самое обычное. Мой сосед был уверен, что войска захватят в плен или уничтожат марсиан в тот же день.

— Жаль, что они так неприступны, — заметил он. — Было бы интересно узнать, как они живут на своей планете. Мы могли бы кое-чему научиться.

Он подошел к забору и протянул мне горсть клубники — он был ревностным и щедрым садоводом. При этом он сообщил мне о лесном пожаре около Байфлитского поля для гольфа.

— Говорят, там упала другая такая же штука, номер второй. Право, с нас довольно и первой, страховым обществам это обойдется недешево, — сказал он и добродушно засмеялся. — Леса все еще горят. — И он указал на пелену дыма. — Торф и хвоя будут тлеть несколько дней, — добавил он

и, вздохнув, заговорил о «бедняге Оджилви».

После завтрака, вместо того чтобы сесть за работу, я решил пойти к пустоши. У железнодорожного моста я увидел группу солдат — это были, кажется, саперы — в маленьких круглых шапочках, грязных красных расстегнутых мундирах, из-под которых виднелись голубые рубашки, в черных штанах и в сапогах до колен. Они сообщили мне, что за канал никого не пропускают. Взглянув на дорогу к мосту, я увидел часового, солдата Кардиганского полка. Я заговорил с солдатами, рассказал им о виденных мной вчера марсианах. Солдаты еще не видели их, очень смутно их себе представляли и закидали меня вопросами. Сказали, что не знают, кто распорядился двинуть войска; они думали, что произошли какие-то волнения в Конной гвардии. Саперы, более образованные, чем простые солдаты, со знанием дела обсуждали необычные условия возможного боя. Я рассказал им о тепловом луче, и они начали спорить между собой.

— Подползти к ним под прикрытием и броситься в атаку, — сказал один.

— Ну да! — ответил другой. — Чем же можно прикрыться от такого жара? Хворостом, что ли, чтобы получше зажариться? Надо подойти к ним

как можно ближе и вырыть укрытия.

— К черту укрытия! Ты только и знаешь что укрытия. Тебе бы родиться кроликом, Сниппи!

— Так у них совсем, значит, нет шеи? — спросил вдруг третий — маленький, задумчивый, смуглый солдат с трубкой в зубах.

Я еще раз описал им марсиан.

— Вроде осьминогов, — сказал он. — Значит, с рыбами воевать будем.

— Убить таких чудовищ — это даже не грех, — сказал первый солдат.

— Пустить в них снаряд, да и прикончить разом, — предложил маленький смуглый солдат. — А то они еще что-нибудь натворят.

— Где же твои снаряды? — возразил первый. — Ждать нельзя. По-моему, их надо атаковать, да поскорей.

Так разговаривали солдаты. Вскоре я оставил их и пошел на станцию за утренними газетами.

Но я боюсь наскучить читателю описанием этого томительного утра и еще более томительного дня. Мне не удалось взглянуть на пустошь, потому что даже колокольни в Хорселле и Чобхеме находились в руках военных властей. Солдаты, к которым я обращался, сами ничего толком не знали. Офицеры были очень заняты и

таинственно молчаливы. Жители чувствовали себя в полной безопасности под охраной войск. Маршалл, табачный торговец, сообщил мне, что его сын погиб около ямы. На окраинах Хорселла военное начальство велело жителям запереть и покинуть свои дома.

Я вернулся к обеду, около двух часов, крайне усталый, ибо день, как я уже сказал, был жаркий и душный; чтобы освежиться, я принял холодный душ. В половине пятого я отправился на железнодорожную станцию за вечерней газетой, потому что в утренних газетах было только очень неточное описание гибели Стэнта, Гендерсона, Оджилви и других. Однако и вечерние газеты не сообщили ничего нового. Марсиане не показывались. Они, видимо, чем-то были заняты в своей яме, и оттуда по-прежнему слышался металлический стук и все время вырывались клубы дыма. Очевидно, они уже готовились к бою. «Новые попытки установить контакт при помощи сигналов оказались безуспешными», — стереотипно сообщали газеты. Один из саперов сказал мне, что кто-то, стоя в канаве, поднял флаг на длинной жерди. Но марсиане обратили на это не больше внимания, чем мы уделили бы мычанию коровы.

Должен сознаться, что эти военные приготовления сильно взволновали меня. Мое воображение разыгралось, и я придумывал всевозможные способы уничтожения непрошеных гостей; я, как школьник, мечтал о сражениях и воинских подвигах. Тогда мне казалось, что борьба с марсианами неравная. Они так беспомощно барахтались в своей яме!

Около трех часов со стороны Чертси или Аддлстона послышался гул — начался обстрел соснового леса, куда упал второй цилиндр, с целью разрушить его прежде, чем он раскроется. Но полевое орудие для обстрела первого цилиндра марсиан прибыло в Чобхем только к пяти часам.

В шестом часу, когда мы с женой сидели за чаем, оживленно беседуя о завязавшемся сражении, послышался глухой взрыв со стороны пустоши, и вслед за тем блеснул огонь. Через несколько секунд раздался грохот так близко от нас, что даже земля задрожала. Я выбежал в сад и увидел, что вершины деревьев вокруг Восточного колледжа охвачены дымным красным пламенем, а колокольня стоявшей рядом небольшой церковки обваливается. Башенка в стиле минарета исчезла, и крыша колледжа выглядела так, словно ее обстреляли из стотонного орудия. Труба

на нашем доме треснула, как будто в нее попал снаряд. Рассыпаясь, обломки ее прокатились по черепице, и мгновенно появилась груда красных черепков на клумбе, под окном моего кабинета.

Мы с женой стояли ошеломленные и перепуганные. Потом я сообразил, что поскольку колледж разрушен, то вершина Мэйбэри-Хилла оказалась в радиусе действия теплового луча марсиан.

Схватив жену за руку, я потащил ее на дорогу. Потом я вызвал из дому служанку; мне пришлось пообещать ей, что я сам схожу наверх за ее сундуком, который она ни за что не хотела бросить.

— Здесь оставаться нельзя, — сказал я.

И тотчас же с пустоши снова послышался гул.

— Но куда же мы пойдем? — спросила жена с отчаянием.

С минуту я ничего не мог придумать. Потом вспомнил о ее родных в Лезерхэде.

— Лезерхэд! — крикнул я сквозь гул.

Она посмотрела на склон холма. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как же нам добраться до Лезерхэда? — спросила она.

У подножия холма я увидел отряд гусар, проезжавший под железнодорожным мостом. Трое

из них въехали в открытые ворота Восточного колледжа; двое спешились и начали обходить соседние дома. Солнце, проглядывавшее сквозь дым от горящих деревьев, казалось кроваво-красным и отбрасывало зловещий свет на все кругом.

— Стойте здесь, — сказал я. — Вы тут в безопасности.

Я побежал в трактир «Пятнистая собака», так как знал, что у хозяина есть лошадь и двухколесная пролетка. Я торопился, предвидя, что скоро начнется повальное бегство жителей с нашей стороны холма. Хозяин трактира стоял у кассы; он и не подозревал, что творится вокруг. Какой-то человек, стоя ко мне спиной, разговаривал с ним.

— Меньше фунта не возьму, — заявил трактирщик. — Да и везти некому.

— Я даю два, — сказал я через плечо незнакомца.

— За что?

— И доставлю обратно к полуночи, — добавил я.

— Боже! — воскликнул трактирщик. — Какая спешка! Два фунта и сами доставите обратно? Что такое происходит?

Я торопливо объяснил, что вынужден уехать

из дому, и нанял, таким образом, двуколку. В то время мне не приходило в голову, что трактирщику самому надо бы покинуть свое жилье. Я сел в двуколку, подъехал к своему саду и, оставив ее под присмотром жены и служанки, вбежал в дом и уложил самые ценные вещи, столовое серебро и тому подобное. Буковые деревья перед домом разгорелись ярким пламенем, а решетка ограды накалилась докрасна. Один из спешившихся гусар подбежал к нам. Он заходил в каждый дом и предупреждал жителей, чтобы они уходили. Он уже побежал дальше, когда я вышел на крыльцо со своим скарбом, завязанным в скатерть.

— Что нового? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернулся, поглядел на меня и крикнул, как мне послышалось: «Вылезают из ямы в каких-то штуках вроде суповой миски», — и побежал к дому на вершине холма. Внезапно туча черного дыма заволокла дорогу и на минуту скрыла его. Я подбежал к дверям соседа и постучался, чтобы удостовериться, уехал ли он с женой в Лондон, как мне сказали, и запер ли квартиру. Потом снова вошел в дом, вспомнив о сундуке служанки, вытащил его, привязал к задку двуколки и, схватив вожжи, вскочил на козлы. Через минуту мы выехали из дыма, грохот был уже где-то позади

нас; мы быстро спускались по противоположному склону Мэйбэри-Хилла к Старому Уокингу.

Перед нами расстилался мирный пейзаж — освещенные солнцем поля пшеницы по обе стороны дороги и гостиница Мэйбэри с покачивающейся вывеской. Впереди нас ехал доктор в своем экипаже. У подножия холма я оглянулся, чтобы посмотреть на холм, который я покидал. Густые столбы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, поднимались в неподвижном воздухе, отбрасывая черные тени на зеленые вершины деревьев. Дым расстилался далеко на восток и на запад до сосновых лесов Байфлита на востоке и до Уокинга на западе. Дорога позади нас была усеяна беглецами. Глухо, но отчетливо в знойном недвижном воздухе раздавался треск пулемета, потом он внезапно прекратился, и послышалась ружейная стрельба. Очевидно, марсиане поджигали все, что находилось в сфере действия их теплового луча.

Я плохой кучер и потому все свое внимание сосредоточил на лошади. Когда я снова обернулся, второй холм был также затянут черным дымом. Я пустил лошадь рысью и нахлестывал ее, пока Уокинг и Сэнд не отделили нас от этого смятения и ужаса. Я обогнал доктора между Уокингом и

Сэндом.

Глава X
Гроза

От Мэйбэри-Хилла до Лезерхэда почти двенадцать миль. На пышных лугах за Пирфордом пахло сеном, по сторонам дороги тянулась чудесная живая изгородь из цветущего шиповника. Грохот орудий, который мы слышали, пока ехали по Мэйбэри-Хиллу, прекратился так же внезапно, как и начался, и вечер стал тих и спокоен. К девяти часам мы благополучно добрались до Лезерхэда. Я дал лошади передохнуть с часок, поужинал у родных и передал жену на их попечение.

Жена почти всю дорогу как-то странно молчала и казалась подавленной, точно предчувствовала дурное. Я старался подбодрить ее, уверяя, что марсиане прикованы к яме собственной тяжестью и что вряд ли они смогут отползти далеко. Она отвечала односложно. Если бы немое обещание трактирщику, она, наверное, уговорила бы меня остаться на ночь в Лезерхэде. Ах, если бы я остался! Она была очень бледна, когда мы прощались.

Я же весь день был лихорадочно возбужден.

Что-то вроде той военной лихорадки, которая овладевает порой цивилизованным обществом, бродило в моей крови, и я был даже доволен, что мне нужно вернуться в Мэйбэри. Больше того — боялся, что прекращение стрельбы означает, что с захватчиками-марсианами покончено. Откровенно говоря, мне очень хотелось присутствовать при этом.

Выехал я часов в одиннадцать. Ночь была очень темная. Когда я вышел из освещенной передней, тьма показалась мне непроглядной; было жарко и душно, как днем. По небу быстро проносились облака, хотя на кустах не шелохнулся ни один листок. Слуга зажег оба фонаря. К счастью, я хорошо знал дорогу. Моя жена стояла в освещенной двери и смотрела, как я садился в двуколку. Потом вдруг повернулась и ушла в дом; оставшиеся на крыльце родные пожелали мне счастливого пути.

Испуг жены передался мне, но вскоре я снова стал думать о марсианах. Тогда я еще не знал никаких подробностей вечернего сражения. Мне даже не было известно, что вызвало столкновение. Проезжая через Окхем (я поехал по этому пути, а не через Сэнд и Старый Уокинг), я увидел на западе кроваво-красное зарево, которое по мере моего приближения медленно ползло вверх

по небу. Надвигавшиеся грозовые тучи смешивались с клубами черного и багрового дыма.

На Рипли-стрит не было ни души; селение словно вымерло, только в двух-трех окнах виднелся свет. У поворота дороги к Пирфорду я чуть не наехал на людей, стоявших ко мне спиной. Они ничего не сказали, когда я проезжал мимо. Не знаю, было ли им известно, что происходит за холмом. Не знаю также, царил ли мирный сон в тех безмолвных домах, мимо которых я проезжал, стояли ли они пустые и заброшенные или их обитатели с ужасом наблюдали за событиями этой ночи.

От Рипли до Пирфорда я ехал долиной Уэй, где не было видно красного зарева. Но когда я поднялся на небольшой холм за пирфордской церковью, зарево снова появилось, и деревья зашумели под первым порывом надвигавшейся бури. На пирфордской церкви пробило полночь, и впереди на багровом небе уже чернели крыши и деревья Мэйбэри-Хилла.

Вдруг зловещий зеленый свет озарил дорогу впереди и сосновый лес у Аддлстона. Я почувствовал, что вожжи натянулись. Узкая полоска зеленого огня прорезала свинцовую тучу и упала налево, в поле. Третья падающая звезда!

Вслед за ней сверкнула ослепительно фиолетовая молния начинающейся грозы и, словно разорвавшаяся ракета, грянул гром. Лошадь закусила удила и понесла.

Я мчался вниз по отлогому склону к подножию Мэйбэри-Хилла. Вспышки молнии следовали одна за другой почти непрерывно. Частые раскаты грома сопровождались каким-то странным потрескиванием, словно где-то работала гигантская электрическая машина. Вспышки света ослепляли меня, и мелкий град больно бил прямо в лицо.

Сначала я смотрел только на дорогу, потом мое внимание привлекло что-то двигавшееся очень быстро вниз по обращенному ко мне склону Мэйбэри-Хилла. Сперва я принял это за мокрую крышу дома, но при блеске молний, сверкнувших одна за другой, разглядел что-то быстро двигавшееся по противоположному склону холма. Затем минутная непроглядная тьма — и внезапный нестерпимый блеск, превративший ночь в день; красное здание приюта на холме, зеленые вершины сосен и загадочный предмет показались отчетливо и ярко.

Но что я увидел! Как мне это описать? Громадный, выше домов, треножник, шагавший по

молодой сосновой поросли и ломавший на своем пути сосны; машину из блестящего металла, топтавшую вереск; стальные, спускавшиеся с нее тросы; производимый ею грохот, сливавшийся с раскатами грома. Блеснула молния, и треножник четко выступил из мрака; он стоял на одной ноге, две другие повисли в воздухе. Он исчезал и опять появлялся при новой вспышке молнии уже на сотню ярдов ближе. Можете вы себе представить складной стул, который, покачиваясь, переступает по земле? Таково было это видение при мимолетных вспышках молнии. Но вместо стула представьте себе громадную машину, установленную на треножнике.

Внезапно сосны впереди расступились, как расступается хрупкий тростник, когда через него прокладывает путь человек. Они ломались и падали, и через секунду показался другой громадный треножник, шагавший, казалось, прямо на меня. А я мчался галопом навстречу ему! При виде второго чудовища мои нервы не выдержали. Не решаясь взглянуть на него еще раз, я изо всей силы дернул правую вожжу. В ту же минуту двуколка опрокинулась, придавив лошадь, оглобли с треском переломились, я отлетел в сторону и тяжело шлепнулся в лужу.

Я отполз и спрятался, скорчившись, за кустиками дрока. Лошадь лежала без движения (бедное животное сломало шею). При блеске молнии я увидел черный кузов опрокинутой двуколки и силуэт продолжавшего медленно вращаться колеса. Еще секунда — и колоссальный механизм прошел мимо меня и стал подниматься к Пирфорду.

Вблизи треножник показался мне еще более странным; очевидно, это была управляемая машина. Машина с металлическим звонким ходом, с длинными гибкими блестящими щупальцами (одно из них ухватилось за молодую сосну), которые свешивались вниз и гремели, ударяясь о корпус. Треножник, видимо, выбирал дорогу, и медная крышка вверху поворачивалась в разные стороны, напоминая голову. К остову машины сзади было прикреплено гигантское плетение из какого-то белого металла, похожее на огромную рыбачью корзину; из суставов чудовища вырывались клубы зеленого дыма. Через несколько мгновений оно уже скрылось.

Вот что увидел я очень смутно при свете молнии, среди ослепительных вспышек и черного мрака.

Проходя мимо, треножник издал торжеству-

ющий рев, заглушивший раскаты грома: «Элу… элу…» — и через минуту присоединился к другому треножнику за полмили дальше, наклонившемуся над чем-то в поле. Я не сомневаюсь, что там лежал третий из десяти цилиндров, которые были пущены к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем, в темноте, наблюдая при вспышках света, как эти чудовищные существа из металла двигались вдали. Пошел мелкий град, и очертания их то расплывались в тумане, то выступали при вспышках. В промежутках между молниями их поглощала ночь.

Я промок до нитки, сверху — град, снизу — лужа. Прошло некоторое время, пока я пришел в себя, выбрался из лужи на сухое место и стал соображать, куда мне спрятаться.

Невдалеке, на картофельном поле, стояла деревянная сторожка. Я поднялся и, пригнувшись, пользуясь всяким прикрытием, побежал к сторожке. Тщетно я стучался в дверь, ответа не последовало (может, там никого и не было). Тогда, прячась в канаве, я добрался ползком, не замеченный чудовищными машинами, до соснового леса возле Мэйбэри.

Здесь, под прикрытием деревьев, мокрый и

продрогший, я стал пробираться к своему дому. Тщетно старался я отыскать знакомую тропинку. В лесу было очень темно, потому что теперь молния сверкала реже, а град падал с потоком ливня сквозь просветы в густой хвое.

Если бы я понял, что происходит, то немедленно повернул бы назад и возвратился через Байфлит и Стрит-Кобхем к жене в Лезерхэд. Но загадочность всего окружающего, ночной мрак, физическая усталость лишили меня способности рассуждать; я устал, промок до костей, был ослеплен и оглушен грозой.

Я думал только об одном: как бы добраться домой; других побуждений у меня не было. Я плутал между деревьями, упал в яму, зашиб колено и, наконец, вынырнул на дорогу, которая вела к военному колледжу. Я говорю «вынырнул», потому что по песчаному холму несся бурный мутный поток. Тут в темноте на меня налетел какой-то человек и чуть не сбил с ног.

Он вскрикнул, в ужасе отскочил в сторону и скрылся, прежде чем я успел прийти в себя и заговорить с ним. Порывы бури были так сильны, что я с большим трудом взобрался на холм. Я шел по левой стороне, держась поближе к забору.

Невдалеке от вершины я наткнулся на что-то

мягкое и при свете молнии увидел под ногами кучу темной одежды и пару сапог. Я не успел рассмотреть лежащего: свет погас. Я нагнулся над ним, ожидая следующей вспышки. Это был коренастый человек в дешевом, но еще крепком костюме; он лежал ничком, прижавшись к забору, как будто с разбегу налетел на него.

Преодолевая отвращение, вполне естественное, так как мне никогда не приходилось дотрагиваться до мертвого тела, я наклонился и перевернул лежащего, чтобы узнать, бьется ли еще сердце. Человек был мертв. Очевидно, он сломал себе шею. Молния блеснула в третий раз, и я увидел лицо мертвеца. Я отшатнулся. Это был трактирщик, хозяин «Пятнистой собаки», у которого я нанял лошадь.

Я осторожно перешагнул через труп и стал пробираться дальше. Я миновал полицейское управление и военный колледж. Пожар на склоне холма прекратился, хотя со стороны пустоши все еще виднелось красное зарево и клубы красноватого дыма прорезали завесу града. Большинство домов, насколько я мог разглядеть при вспышке молнии, уцелело. Возле военного колледжа на дороге лежала какая-то темная груда.

Впереди, на дороге, в стороне моста, слышались

чьи-то голоса и шаги, но у меня не хватило сил крикнуть или подойти к людям. Я вошел в свой дом, затворил дверь, запер ее на ключ, наложил засов и в изнеможении опустился на пол возле лестницы. Перед глазами у меня мелькали шагающие металлические чудовища и мертвец около забора.

Я прислонился спиной к стене и, весь дрожа, так и остался сидеть возле лестницы.

Глава XI
У окна

Я уже говорил о том, что подвержен быстрой смене настроений. Очень скоро я почувствовал, что промок и что мне холодно. На ковре у моих ног набралась целая лужа. Я почти машинально встал, прошел в столовую и выпил немного виски, потом решил переодеться.

Переменив платье, я поднялся в свой кабинет, почему именно туда, я и сам не знаю. Из окна были видны деревья и железнодорожная станция около Хорселлской пустоши. В суматохе отъезда мы забыли закрыть это окно. В коридоре было темно, и комната тоже казалась темной по контрасту с пейзажем в рамке окна. Я остановился в

дверях как вкопанный.

Гроза прошла. Башни Восточного колледжа и сосны вокруг него исчезли; далеко вдали в красном свете виднелись пустошь и песчаный карьер. На фоне зарева метались гигантские причудливые черные тени.

Казалось, вся окрестность была охвачена огнем: по широкому склону холма пробегали языки пламени, колеблясь и извиваясь в порывах затихающей бури, и отбрасывали красный отсвет на стремительные облака. Иногда дым близкого пожарища заволакивал окно и скрывал тени марсиан. Я не мог рассмотреть, что они делали; их очертания вырисовывались неясно, они возились над темной грудой, которую я не мог разглядеть. Я не видел и ближайшего пожара, хотя отблеск его играл на стенах и на потолке кабинета. Чувствовался сильный запах горящей смолы.

Я тихо притворил дверь и подкрался к окну. Передо мной открылся более широкий вид — от домов вокруг станции Уокинг до обугленных, почерневших сосновых лесов Байфлита. Вблизи арки на линии железной дороги, у подножия холма, что-то ярко горело; многие дома вдоль дороги к Мэйбэри и на улицах вблизи станции тлели

в грудах развалин. Сперва я не мог разобрать, что горело на линии железной дороги; огонь перебегал по какой-то черной груде, направо виднелись желтые продолговатые предметы. Потом я разглядел, что это был потерпевший крушение поезд; передние вагоны были разбиты и горели, а задние еще стояли на рельсах.

Между этими тремя очагами света — домами, поездом и охваченными пламенем окрестностями Чобхема — тянулись черные полосы земли, кое-где пересеченные полосками тлеющей и дымящейся почвы. Это странное зрелище — черное пространство, усеянное огнями — напомнило мне гончарные заводы ночью. Сначала я не заметил людей, хотя и смотрел очень внимательно. Потом я увидел у станции Уокинг, на линии железной дороги, несколько мечущихся темных фигурок.

И этим огненным хаосом был тот маленький мирок, в котором я безмятежно жил столько лет! Я не знал, что произошло в течение последних семи часов; я только начинал смутно догадываться, что есть какая-то связь между этими механическими колоссами и теми неповоротливыми чудовищами, которые на моих глазах выползли из цилиндра. С каким-то странным любопытством стороннего зрителя я придвинул

свое рабочее кресло к окну, уселся и начал наблюдать; особенно заинтересовали меня три черных гиганта, расхаживавших в свете пожарища около песчаного карьера.

Они, видимо, были очень заняты. Я старался догадаться, что они там делают. Неужели это одухотворенные механизмы? Но ведь это невозможно. Может быть, в каждом из них сидит марсианин и двигает, повелевает, управляет им так же, как человеческий мозг управляет телом. Я стал сравнивать их с нашими машинами и в первый раз в жизни задал себе вопрос: какими должны казаться разумному, но менее развитому, чем мы, существу броненосцы или паровые машины?

Гроза пронеслась, небо очистилось. Над дымом пожарищ блестящий, крохотный, как булавочная головка, Марс склонялся к западу. Какой-то солдат полез в мой сад. Я услышал легкое царапанье и, стряхнув владевшее мной оцепенение, увидел человека, перелезающего через частокол. Мой столбняк сразу прошел, и я быстро высунулся в окно.

— Тс-с… — прошептал я.

Он в нерешительности уселся верхом на заборе. Потом спрыгнул в сад и, согнувшись, бесшумно

ступая, прокрался через лужайку к углу дома.

— Кто там? — шепотом спросил он, стоя под окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Я и сам не знаю.

— Вы ищете, где бы спрятаться?

— Да.

— Войдите в дом, — сказал я.

Я сошел вниз и открыл дверь, потом снова запер ее. Я не мог разглядеть лица солдата. Он был без фуражки, мундир был расстегнут.

— О Господи! — сказал он, когда я впустил его.

— Что случилось? — спросил я.

— И не спрашивайте. — Несмотря на темноту, я увидел, что он безнадежно махнул рукой. — Они смели нас, просто смели, — повторял он.

Почти машинально он вошел за мной в столовую.

— Выпейте виски, — предложил я, наливая ему солидную порцию.

Он выпил. Потом опустился на стул у стола, уронил голову на руки и расплакался, как ребенок. Забыв о своем недавнем приступе отчаяния, я с удивлением смотрел на него.

Прошло довольно много времени, пока он овладел собой и смог отвечать на мои вопросы. Он

говорил отрывисто и путано. Он был ездовым в артиллерии и принял участие в бою только около семи часов вечера. В это время стрельба на пустоши была в полном разгаре; говорили, что первая партия марсиан медленно ползет ко второму цилиндру под прикрытием металлической брони.

Потом эта металлическая броня превратилась в треножник, очевидно, в ту первую военную машину, которую я увидел. Орудие, при котором находился мой гость, было установлено близ Хорселла для обстрела песчаного карьера, и это ускорило события. Когда ездовые с лафетом отъезжали в сторону, его лошадь оступилась и упала, сбросив его в рытвину. В ту же минуту пушка взлетела на воздух вместе со снарядами; все было охвачено огнем, и он очутился погребенным под грудой обгорелых трупов людей и лошадей.

— Я лежал тихо, — рассказывал он, — полумертвый от страха. На меня навалилась передняя часть лошади. Они нас смели. А запах, Боже мой! Точно пригорелое жаркое. Я расшиб спину при падении. Так я лежал, пока мне не стало немного лучше. Только минуту назад мы ехали, точно на парад, — и вдруг разбиты, сметены, уничтожены. Нас смели! — повторял он.

Он долго прятался под тушей лошади, посмат-

ривая украдкой на пустошь. Кардиганский полк пытался броситься в штыки — его мигом уничтожили. Потом чудовище поднялось на ноги и начало расхаживать по пустоши, преследуя немногих спасавшихся бегством. Вращавшийся колпак на нем напоминал голову человека в капюшоне. Какое-то подобие руки держало металлический ящик сложного устройства, из которого вылетали зеленые искры и ударял тепловой луч.

Через несколько минут на пустоши, насколько он мог видеть, не осталось ни одного живого существа; кусты и деревья, еще не обратившиеся в обугленные остовы, горели. Гусары стояли на дороге в ложбинке, и он их не видел. Он слышал, как застрочили пулеметы, потом все смолкло. Гигант долго не трогал станцию Уокинг и окрестные дома. Потом скользнул тепловой луч, и городок превратился в груду пылающих развалин. После этого чудовище выключило тепловой луч и, повернувшись спиной к артиллеристу, зашагало по направлению к дымившемуся сосновому лесу, где упал второй цилиндр. В следующий миг из ямы поднялся другой сверкающий титан.

Второе чудовище последовало за первым. Тут артиллерист осторожно пополз по горячему пеп-

лу сгоревшего вереска к Хорселлу. Ему удалось доползти до канавы, тянувшейся вдоль края дороги, и таким образом он добрался до Уокинга. Дальнейший рассказ артиллериста состоял почти из одних междометий. Через Уокинг нельзя было пройти. Немногие уцелевшие жители, казалось, сошли с ума; другие сгорели заживо или получили ожоги. Он повернул в сторону от пожара и спрятался в дымящихся развалинах; тут он увидел, что чудовище возвращается. Оно настигло одного из бегущих, схватило его своим стальным щупальцем и размозжило ему голову о сосновый пень. Когда стемнело, артиллерист пополз дальше и добрался до железнодорожной насыпи.

Потом он, крадучись, направился через Мэйбэри в сторону Лондона, думая, что там будет безопасней. Люди прятались в погребах, канавах, и многие из уцелевших бежали к Уокингу и Сэнду. Его мучила жажда. Около железнодорожной арки он увидел разбитый водопровод: вода била ключом из лопнувшей трубы.

Вот все, что я мог у него выпытать. Он несколько успокоился, рассказав мне обо всем, что ему пришлось видеть. С полудня он ничего не ел; он упомянул об этом еще в начале своего рассказа;

я нашел в кладовой немного баранины, хлеба и принес ему поесть. Мы не зажигали лампу, боясь привлечь внимание марсиан, и наши руки часто соприкасались, нащупывая еду. Пока он рассказывал, окружающие предметы стали неясно выступать из мрака, за окном уже можно было различить вытоптанную траву и поломанные кусты роз. Казалось, по лужайке промчалась толпа людей или стадо животных. Теперь я мог рассмотреть лицо артиллериста, перепачканное, бледное, — такое же, вероятно, было и у меня.

Насытившись, мы осторожно поднялись в мой кабинет, и я снова выглянул в открытое окно. За одну ночь цветущая долина превратилась в пепелище. Пожар угасал. Там, где раньше бушевало пламя, теперь чернели клубы дыма. Разрушенные и развороченные дома, поваленные, обугленные деревья — вся эта страшная, зловещая картина, скрытая до сих пор ночным мраком, теперь, в предрассветных сумерках, отчетливо предстала перед нами. Кое-что чудом уцелело среди всеобщего разрушения: белый железнодорожный семафор, часть оранжереи, зеленеющей среди развалин. Никогда еще в истории войн не было такого беспощадного всеобщего разрушения. Поблескивая в утреннем свете, три металличе-

ских гиганта стояли около ямы, и их колпаки поворачивались, как будто они любовались произведенным ими опустошением.

Мне показалось, что яма стала шире. Спирали зеленого дыма беспрерывно взлетали навстречу разгоравшейся заре — поднимались, клубились, падали и исчезали.

Около Чобхема вздымались столбы пламени. Они превратились в столбы кровавого дыма при первых лучах солнца.

Глава XII
Разрушение Уэйбриджа и Шеппертона

Когда совсем рассвело, мы отошли от окна, откуда наблюдали за марсианами, и тихо спустились вниз.

Артиллерист согласился со мной, что в доме оставаться опасно. Он решил идти в сторону Лондона; там он присоединится к своей батарее номер 12 конной артиллерии. Я же хотел вернуться в Лезерхэд. Потрясенный могуществом марсиан, я решил немедля увезти жену в Ньюхэвен, чтобы оттуда выехать за границу. Мне было ясно, что окрестности Лондона неизбежно станут ареной разрушительной борьбы, прежде чем

удастся уничтожить чудовища.

Но на пути к Лезерхэду находился третий цилиндр, охраняемый гигантами. Будь я один, я, вероятно, положился бы на свою судьбу и пустился бы напрямик. Но артиллерист отговорил меня.

— Вряд ли вы поможете своей жене, если сделаете ее вдовой, — сказал он.

В конце концов я согласился идти вместе с ним, под прикрытием леса, к северу до Стрит-Кобхема. Оттуда я должен был сделать большой крюк через Эпсом, чтобы попасть в Лезерхэд.

Я хотел отправиться сейчас же, но мой спутник, солдат, был опытнее меня. Он заставил меня перерыть весь дом и отыскать флягу, в которую налил виски. Мы набили все свои карманы сухарями и ломтями мяса. Потом вышли из дому и пустились бегом вниз по размытой дороге, по которой я шел прошлой ночью. Дома казались вымершими. На дороге лежали рядом три обуглившихся тела, пораженных тепловым лучом. Кое-где валялись брошенные или потерянные вещи: часы, туфли, серебряная ложка и другие мелкие предметы. На повороте к почтовой конторе лежала на боку со сломанным колесом распряженная тележка, нагруженная ящиками и мебелью. Несгораемая

касса была, видимо, наспех открыта и брошена среди рухляди.

Дома в этой части не очень пострадали, горела только сторожка приюта. Тепловой луч сбрил печные трубы и прошел дальше. Кроме нас, на Мэйбэри-Хилле, по-видимому, не было ни души. Большая часть жителей бежала, вероятно, к Старому Уокингу по той дороге, по которой я ехал в Лезерхэд, или пряталась где-нибудь.

Мы спустились вниз по дороге, прошли мимо все еще лежавшего там намокшего от дождя трупа человека в черном костюме. Вошли в лес у подножия холма и добрались до полотна железной дороги, никого не встретив. Лес по ту сторону железной дороги казался сплошным буреломом, так как большая часть деревьев была повалена и только кое-где зловеще торчали обугленные стволы с темно-бурой листвой.

На нашей стороне огонь только опалил ближайшие деревья и не произвел больших опустошений. В одном месте лесорубы, очевидно, работали еще в субботу. Деревья, срубленные и свежеочищенные, лежали на просеке среди кучи опилок около паровой лесопилки. Рядом стояла пустая лачуга. Все было тихо; воздух казался неподвижным. Даже птицы куда-то исчезли. Мы

с артиллеристом переговаривались шепотом и часто оглядывались по сторонам. Иногда мы останавливались и прислушивались.

Немного погодя мы подошли к дороге и услышали стук копыт: в сторону Уокинга медленно ехали три кавалериста. Мы окликнули их, они остановились, и мы поспешили к ним. Это были лейтенант и двое рядовых 8-го гусарского полка с каким-то прибором вроде теодолита; артиллерист объяснил мне, что это гелиограф.

— Вы первые, кого я встретил на этой дороге за все утро, — сказал лейтенант. — Что тут творится?

И в его голосе, и в лице чувствовалась решительность. Солдаты смотрели на нас с любопытством. Артиллерист спустился с насыпи на дорогу и отдал честь.

— Пушку нашу взорвало прошлой ночью, сэр. Я спрятался. Догоняю батарею, сэр. Вы, наверное, увидите марсиан, если проедете еще с полмили по этой дороге.

— Какие они из себя, черт возьми? — спросил лейтенант.

— Великаны в броне, сэр. Сто футов высоты. Три ноги; тело вроде как алюминиевое, с огромной головой в колпаке, сэр.

— Рассказывай! — воскликнул лейтенант. — Что за чепуху ты мелешь?

— Сами увидите, сэр. У них в руках какой-то ящик, сэр; из него выпыхивает огонь и убивает на месте.

— Вроде пушки?

— Нет, сэр. — И артиллерист стал описывать действие теплового луча. Лейтенант прервал его и обернулся ко мне. Я стоял на насыпи у края дороги.

— Вы тоже видели это? — спросил он.

— Все чистейшая правда, — ответил я.

— Ну, — сказал лейтенант, — я думаю, и мне не мешает взглянуть на них. Слушай, — обратился он к артиллеристу, — нас отрядили сюда, чтобы выселить жителей из домов. Ты явись к бригадному генералу Марвину и доложи ему обо всем, что знаешь. Он стоит в Уэйбридже. Дорогу знаешь?

— Я знаю, — сказал я.

Лейтенант повернул лошадь.

— Вы говорите, полмили? — спросил он.

— Не больше, — ответил я и указал на вершины деревьев к югу. Он поблагодарил меня и уехал. Больше мы его не видели.

Потом мы увидали трех женщин и двух детей на дороге у рабочего домика, нагружавших руч-

ную тележку узлами и домашним скарбом. Они были так заняты, что не стали разговаривать с нами.

У станции Байфлит мы вышли из соснового леса. В лучах утреннего солнца местность казалась такой мирной! Здесь мы были уже за пределами действия теплового луча; если бы неопустевшие дома, не суетня и сборы жителей, не солдаты на железнодорожном мосту, смотревшие вдоль линии на Уокинг, день походил бы на обычное воскресенье.

Несколько подвод и фургонов со скрипом двигалось по дороге к Аддлстону. Через ворота в изгороди мы увидели на лугу шесть пушек-двенадцатифунтовок, аккуратно расставленных на равном расстоянии друг от друга и направленных в сторону Уокинга. Прислуга стояла подле в ожидании, зарядные ящики находились на положенном расстоянии. Солдаты стояли точно на смотру.

— Вот это здорово! — сказал я. — Во всяком случае, они дадут хороший залп.

Артиллерист в нерешительности остановился у ворот.

— Я пойду дальше, — сказал он.

Ближе к Уэйбриджу, сейчас же за мостом, солда-

ты в белых рабочих куртках насыпали длинный вал, за которым торчали пушки.

— Это все равно что лук и стрелы против молнии, — сказал артиллерист. — Они еще не видали огненного луча.

Офицеры, не принимавшие непосредственного участия в работе, смотрели поверх деревьев на юго-запад; солдаты часто отрывались от работы и тоже поглядывали в том же направлении.

Байфлит был в смятении. Жители укладывали пожитки, а двадцать гусар, частью спешившись, частью верхом, торопили их. Три или четыре черных санитарных фургона с крестом на белом круге и какой-то старый омнибус грузились на улице среди прочих повозок. Многие из жителей приоделись по-праздничному. Солдатам стоило большого труда растолковать им всю опасность положения. Какой-то сморщенный старичок сердито спорил с капралом, требуя, чтобы захватили его большой ящик и десятка два цветочных горшков с орхидеями. Я остановился и дернул старичка за рукав.

— Знаете вы, что там делается? — спросил я, показывая на вершины соснового леса, скрывавшего марсиан.

— Что? — обернулся он. — Я говорю им, что

этого нельзя бросать.

— Смерть! — крикнул я. — Смерть идет на нас! Смерть!

Не знаю, понял ли он меня, — я поспешил за артиллеристом. На углу я обернулся. Солдат отошел от старичка, а тот все еще стоял возле своего ящика и горшков с орхидеями, растерянно глядя в сторону леса.

Никто в Уэйбридже не мог сказать нам, где помещается штаб. Такого беспорядка мне еще нигде не приходилось наблюдать. Везде повозки, экипажи всех видов и лошади всевозможных мастей. Почтенные жители местечка, спортсмены в костюмах для гольфа и гребли, нарядно одетые женщины — все укладывались; праздные зеваки энергично помогали, дети шумели, очень довольные таким необычным воскресным развлечением. Среди всеобщей суматохи почтенного вида священник, не обращая ни на что внимания, под звон колокола служил раннюю обедню.

Мы с артиллеристом присели на ступеньку у колодца и наскоро перекусили. Патрули — уже не гусары, а гренадеры в белых мундирах — предупреждали жителей и предлагали им или уходить, или прятаться по подвалам, как только начнется стрельба. Переходя через железнодо-

рожный мост, мы увидели большую толпу на станции и вокруг нее; платформа кишела людьми и была завалена ящиками и узлами. Обычное расписание было нарушено, вероятно, для того чтобы подвезти войска и орудия к Чертси; потом я слышал, что произошла страшная давка и драка из-за места в экстренных поездах, пущенных во вторую половину дня.

Мы оставались в Уэйбридже до полудня. У шеппертонского шлюза, где сливаются Темза и Уэй, мы помогли двум старушкам нагрузить тележку. Устье реки Уэй имеет три рукава, здесь сдаются лодки и ходит паром. На другом берегу виднелась харчевня и перед ней лужайка, а дальше над деревьями поднималась колокольня шеппертонской церкви — теперь она заменена шпилем.

Здесь мы застали шумную, возбужденную толпу беглецов. Хотя паники еще не было, однако желающих пересечь реку оказалось гораздо больше, чем могли вместить лодки. Люди подходили, задыхаясь под тяжелой ношей. Одна супружеская пара тащила даже небольшую входную дверь от своего дома, на которой были сложены их пожитки. Какой-то мужчина сказал нам, что хочет попытаться уехать со станции в Шеппертоне. Все громко разговаривали, кто-то даже острил.

Многие думали, что марсиане — это просто люди-великаны; они могут напасть на город и разорить его, но, разумеется, в конце концов будут уничтожены. Все тревожно посматривали на противоположный берег, на луга около Чертси; но там было спокойно.

По ту сторону Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, тоже все было спокойно — резкий контраст с Сурреем. Народ, выходивший из лодок, подымался вверх по дороге. Большой паром только что перевалил через реку. Трое или четверо солдат стояли на лужайке возле харчевни и подшучивали над беглецами, не предлагая им помочь. Харчевня была закрыта, как и полагалось в эти часы.

— Что это? — крикнул вдруг один из лодочников.

— Тише ты! — цыкнул кто-то возле меня на лаявшую собаку. Звук повторился, на этот раз со стороны Чертси: приглушенный гул — пушечный выстрел.

Бой начался. Скрытые деревьями батареи за рекой направо от нас вступили в общий хор, тяжело ухая одна за другой. Вскрикнула женщина. Все остановились как вкопанные и повернулись в сторону близкого, но невидимого сражения. На

широких лугах не было ничего, кроме мирно пасущихся коров и серебристых ив, неподвижных в лучах жаркого солнца.

— Солдаты задержат их, — неуверенным тоном проговорила женщина возле меня.

Над лесом показался дымок.

И вдруг мы увидели — далеко вверх по течению реки — клуб дыма, взлетевшего и повисшего в воздухе, и сейчас же почва под ногами у нас заколебалась, оглушительный взрыв потряс воздух; разлетелись стекла в соседних домах. Все оцепенели от удивления.

— Вон они! — закричал какой-то человек в синей фуфайке. — Вон там! Видите? Вон там!

Быстро, один за другим, появились покрытые броней марсиане — один, два, три, четыре — далеко-далеко над молодым леском за лугами Чертси. Сначала они казались маленькими фигурками в колпаках и двигались как будто на колесах, но с быстротой птиц.

Они поспешно спускались к реке. Слева, наискось, к ним приближался пятый. Их броня блестела на солнце, и при приближении они быстро увеличивались. Самый дальний из них на левом фланге высоко поднял большой ящик, и страшный тепловой луч, который я уже видел

в ночь на субботу, скользнул к Чертси и поразил город.

При виде этих странных быстроходных чудовищ толпа на берегу оцепенела от ужаса. Ни возгласов, ни криков — мертвое молчание. Потом хриплый шепот и движение ног — шлепанье по воде. Какой-то человек, с перепугу не догадавшийся сбросить ношу с плеча, повернулся и углом своего чемодана так сильно ударил меня, что чуть не свалил с ног. Какая-то женщина оттолкнула меня и бросилась бежать. Я тоже побежал с толпой, но все же не потерял способности соображать. Я подумал об ужасном тепловом луче. Нырнуть в воду! Самое лучшее!

— Ныряйте! — кричал я, но никто меня не слушал.

Я повернул и бросился вниз по отлогому берегу прямо навстречу приближающемуся марсианину и прыгнул в воду. Кто-то последовал моему примеру. Я успел заметить, как только что отчалившая лодка, расталкивая людей, врезалась в берег. Дно под ногами было скользкое от тины, а река так мелка, что я пробежал около двадцати футов, а вода доходила мне едва до пояса. Когда марсианин показался у меня над головой ярдах в двухстах, я лег плашмя в воду. В ушах у меня, как

удары грома, отдавался плеск воды — люди прыгали с лодок. Другие торопливо высаживались, взбирались на берег по обеим сторонам реки.

Но марсианин обращал не больше внимания на мечущихся людей, чем человек на муравьев, снующих в муравейнике, на который он наступил ногой. Когда, задыхаясь, я поднял голову над водой, колпак марсианина был обращен к батареям, которые все еще обстреливали реку; приблизившись, он взмахнул чем-то, очевидно, генератором теплового луча.

В следующее мгновение он был уже на берегу и шагнул на середину реки. Колени его передних ног упирались в противоположный берег. Еще мгновение — и он выпрямился во весь рост уже у самого поселка Шеппертон. Вслед за тем шесть орудий — никто не знал о них на правом берегу, так как они были скрыты у околицы — дали залп. От внезапного сильного сотрясения сердце мое бешено заколотилось. Чудовище уже занесло камеру теплового луча, когда первый снаряд разорвался в шести ярдах над его колпаком.

Я вскрикнул от удивления. Я забыл про остальных четырех марсиан: все мое внимание было поглощено происходившим. Почти одновременно с первым разорвались два других снаряда;

колпак дернулся, уклоняясь от них, но четвертый снаряд ударил прямо в лицо марсианину.

Колпак треснул и разлетелся во все стороны клочьями красного мяса и сверкающего металла.

— Сбит! — закричал я не своим голосом.

Мой крик подхватили люди, стоявшие в реке вокруг меня.

От восторга я готов был выскочить из воды.

Обезглавленный колосс пошатнулся, как пьяный, но не упал, сохранив каким-то чудом равновесие. Никем не управляемый, с высоко поднятой камерой, испускавшей тепловой луч, он быстро, но нетвердо зашагал по Шеппертону. Его живой мозг, марсианин под колпаком, был разорван на куски, и чудовище стало теперь слепой машиной разрушения. Оно шагало по прямой линии, натолкнулось на колокольню шеппертонской церкви и, раздробив ее, точно тараном, шарахнулось, споткнулось и с грохотом рухнуло в реку.

Раздался оглушительный взрыв, и смерч воды, пара, грязи и обломков металла взлетел высоко в небо. Как только камера теплового луча погрузилась в воду, вода стала превращаться в пар. В ту же секунду огромная мутная волна, кипящая,

обжигающая, покатилась против течения. Я видел, как люди барахтались, стараясь выбраться на берег, и слышал их вопли, заглушаемые шумом бурлящей воды и грохотом бившегося марсианина.

Не обращая внимания на жар, позабыв про опасность, я поплыл по бурной реке, оттолкнув какого-то человека в черном, и добрался до поворота. С полдюжины пустых лодок беспомощно качалось на волнах. Дальше, вниз по течению, поперек реки лежал упавший марсианин, почти весь под водой.

Густые облака пара поднимались над местом падения, и сквозь их рваную колеблющуюся пелену по временам я смутно видел гигантские члены чудовища, дергавшегося в воде и выбрасывавшего в воздух фонтаны грязи и пены. Щупальца размахивали и бились, как руки, и если бы не бесцельность этих движений, то можно было бы подумать, что какое-то раненое существо борется за жизнь среди волн. Красновато-бурая жидкость с громким шипением струей била вверх из машины.

Мое внимание было отвлечено от этого зрелища яростным ревом, напоминавшим рев паровой сирены. Какой-то человек, стоя по колени в воде

недалеко от берега, что-то крикнул мне, указывая пальцем, но я не мог разобрать его слов. Оглянувшись, я увидел других марсиан, направлявшихся огромными шагами от Чертси к берегу реки. Пушки в Шеппертоне открыли огонь, но на этот раз безуспешно.

Я тут же нырнул и с трудом плыл, задерживая дыхание, пока хватало сил. Вода бурлила и быстро нагревалась.

Когда я вынырнул на минуту, чтобы перевести дыхание, и отбросил волосы с глаз, то увидел, что кругом белыми клубами поднимается пар, скрывающий марсиан. Шум был оглушительный. Затем я увидел серых колоссов, казавшихся в тумане еще огромнее. Они прошли мимо, и двое из них нагнулись над пенящимися, содрогающимися останками своего товарища.

Третий и четвертый тоже остановились, один — ярдах в двухстах от меня, другой — ближе к Лэйлхему. Генераторы теплового луча были высоко подняты, и лучи с шипением падали в разные стороны.

Воздух звенел от оглушительного хаоса звуков: металлический рев марсиан, грохот рушащихся домов, треск охваченных пламенем деревьев, заборов, сараев, гул и шипение огня. Густой черный

дым поднимался вверх и смешивался с клубами пара над рекой. Прикосновение теплового луча, скользившего по Уэйбриджу, вызывало вспышки ослепительно белого пламени, за которыми следовала дымная пляска языков огня. Ближайшие дома все еще стояли нетронутыми, ожидая своей участи, сумрачные, тусклые, окутанные паром, а позади них метался огонь.

С минуту я стоял по грудь в почти кипящей воде, растерянный, не надеясь спастись. Сквозь пар я видел, как люди вылезают из воды, цепляясь за камыши, точно лягушки, прыгающие по траве; другие в панике метались по берегу.

Вдруг белые вспышки теплового луча стали приближаться ко мне. От его прикосновения рухнули охваченные пламенем дома; деревья с громким треском обратились в огненные столбы. Луч скользил вверх и вниз по береговой тропинке, сметая разбегавшихся людей, и наконец спустился до края воды, ярдах в пятидесяти от того места, где я стоял, потом перенесся на другой берег, к Шеппертону, и вода под ним закипела и стала обращаться в пар. Я бросился к берегу.

В следующую минуту огромная волна, почти кипящая, обрушилась на меня. Я закричал и, полуслепой, обваренный, не помня себя от боли,

стал выбираться на берег. Поскользнись я — и все было бы кончено. Я упал, обессиленный, на глазах у марсиан на широкой песчаной отмели, где под углом сходятся Уэй и Темза. Я не сомневался, что меня ожидает смерть.

Помню как во сне, что нога марсианина прошла ярдах в двадцати от моей головы, увязая в песке, разворачивая его и снова вылезая наружу, потом, после долгого томительного промежутка, я увидел, как четыре марсианина пронесли останки своего товарища; они шли, то ясно различимые, то скрытые пеленой дыма, расползавшегося по реке и лугам. Потом очень медленно я начал осознавать, что каким-то чудом избежал гибели.

Глава XIII
Встреча со священником

Испытав на себе столь неожиданным образом силу земного оружия, марсиане отступили к своим первоначальным позициям на Хорселлской пустоши; они торопились унести останки своего разорванного снарядом товарища и поэтому не обращали внимания на таких жалких беглецов, как я. Если бы они бросили его и двинулись дальше, то не встретили бы на своем пути никакого

сопротивления, кроме нескольких батарей пушек-двенадцатифунтовок, и, конечно, достигли бы Лондона раньше, чем туда дошла бы весть об их приближении. Их нашествие было бы так же внезапно, губительно и страшно, как землетрясение, разрушившее сто лет назад Лисабон.

Впрочем, им нечего было спешить. Из межпланетного пространства каждые двадцать четыре часа, доставляя им подкрепление, падало по цилиндру. Между тем военные и морские власти готовились с лихорадочной поспешностью, уразумев наконец ужасную силу противника. Ежеминутно устанавливались новые орудия. Еще до наступления сумерек из каждого куста, из каждой пригородной дачи на холмистых склонах близ Кингстона и Ричмонда уже торчало черное пушечное жерло. На всем обугленном и опустошенном пространстве в двадцать квадратных миль вокруг лагеря марсиан на Хорселлской пустоши, среди пепелищ и развалин, под черными, обгорелыми остатками сосновых лесов, ползли самоотверженные разведчики с гелиографами, готовые тотчас же предупредить артиллерию о приближении марсиан. Но марсиане поняли мощь нашей артиллерии и опасность близости людей: всякий, кто дерзнул бы подойти к одному

из цилиндров ближе, чем на милю, поплатился бы жизнью.

По-видимому, гиганты потратили дневные часы на переноску груза второго и третьего цилиндров — второй упал у Аддлстона на площадке для игры в гольф, третий у Пирфорда — к своей яме на Хорселлской пустоши. Возвышаясь над почерневшим вереском и разрушенными строениями, стоял на часах один марсианин, остальные же спустились со своих боевых машин в яму. Они усердно работали до поздней ночи, и из ямы вырывались клубы густого зеленого дыма, который был виден с холмов Меррою и даже, как говорят, из Бенстеда и Эпсома.

Пока позади меня марсиане готовились к новой вылазке, а впереди человечество собиралось дать им отпор, я с великим трудом и мучениями пробирался от дымящихся пожарищ Уэйбриджа к Лондону.

Увидев вдали плывшую вниз по течению пустую лодку, я сбросил большую часть своего промокшего платья, подплыл к ней и таким образом выбрался из района разрушений. Весел не было, но я подгребал, сколько мог, обожженными руками и очень медленно подвигался к Голлифорду и Уолтону, то и дело, по вполне понятным

причинам, боязливо оглядываясь назад. Я предпочел водный путь, так как на воде легче было спастись в случае встречи с гигантами.

Горячая вода, вскипевшая при падении марсианина, текла вниз по реке, и поэтому почти на протяжении мили оба берега были скрыты паром. Впрочем, один раз мне удалось разглядеть черные фигурки людей, бежавших через луга прочь от Уэйбриджа. Голлифорд казался вымершим, несколько домов у берега горело. Странно было видеть под знойным голубым небом спокойное и безлюдное селение, над которым взлетали языки пламени и клубился дым. Первый раз видел я пожар без суетящейся кругом толпы. Сухой камыш на отмели дымился и вспыхивал, и огонь медленно подбирался к стогам сена, стоявшим поодаль.

Долго я плыл по течению, усталый и измученный всеми пережитыми передрягами. Даже на воде было очень жарко. Однако страх был сильнее усталости, и я снова стал грести руками. Солнце жгло мою обнаженную спину. Наконец, когда за поворотом показался Уолтонский мост, лихорадка и слабость преодолели страх, и я причалил к отмели Миддлсекса и в полном изнеможении упал на траву. Судя по солнцу, было около пяти

часов. Потом я встал, прошел с полмили, никого не встретив, и снова улегся в тени живой изгороди. Помню, я говорил сам с собой вслух, как в бреду. Меня томила жажда, и я жалел, что не напился на реке. Странное дело, я почему-то злился на свою жену; меня очень раздражало, что я никак не мог добраться до Лезерхэда.

Я не помню, как появился священник, — вероятно, я задремал. Я увидел, что он сидит рядом со мной в выпачканной сажей рубашке; подняв кверху гладко выбритое лицо, он, не отрываясь, смотрел на бледные отблески, пробегавшие по небу. Небо было покрыто барашками — грядами легких, пушистых облачков, чуть окрашенных летним закатом.

Я привстал, и он быстро обернулся ко мне.

— У вас есть вода? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Вы уже целый час просите пить, — сказал он.

С минуту мы молчали, разглядывая друг друга. Вероятно, я показался ему странным: почти голый — на мне были только промокшие насквозь брюки и носки, — красный от ожогов, с лицом и шеей черными от дыма. У него было лицо слабовольного человека, срезанный подбородок,

волосы спадали льняными завитками на низкий лоб, большие бледно-голубые глаза смотрели пристально и грустно. Он говорил отрывисто, уставясь в пространство.

— Что такое происходит? — спросил он. — Что значит все это?

Я посмотрел на него и ничего не ответил.

Он простер белую тонкую руку и заговорил жалобно:

— Как могло это случиться? Чем мы согрешили? Я кончил утреннюю службу и прогуливался по дороге, чтобы освежить голову и приготовиться к проповеди, и вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Содом и Гоморра! Все наши труды пропали, все труды… Кто такие эти марсиане?

— А кто такие мы сами? — ответил я, откашливаясь.

Он обхватил колени руками и снова повернулся ко мне. С полминуты он молча смотрел на меня.

— Я прогуливался по дороге, чтобы освежить голову, — повторил он. — И вдруг — огонь, землетрясение, смерть!

Он снова замолчал; подбородок его почти касался колен.

Потом опять заговорил, размахивая рукой:

— Все труды… все воскресные школы… Чем

мы провинились? Чем провинился Уэйбридж? Все исчезло, все разрушено. Церковь! Мы только три года назад заново ее отстроили. И вот она исчезла, стерта с лица земли! За что?

Новая пауза, и опять он заговорил, как помешанный.

— Дым от этого пожарища будет вечно возноситься к небу! — воскликнул он.

Его глаза блеснули, тонкий палец указывал на Уэйбридж.

Я начал догадываться, что это душевнобольной. Страшная трагедия, свидетелем которой он оказался — очевидно, он спасся бегством из Уэйбриджа, — довела его до сумасшествия.

— Далеко отсюда до Санбэри? — спросил я деловито.

— Что же нам делать? — сказал он. — Неужели эти исчадия повсюду? Неужели Земля отдана им во власть?

— Далеко отсюда до Санбэри?

— Ведь только сегодня утром я служил раннюю обедню...

— Обстоятельства изменились, — сказал я спокойно. — Не отчаивайтесь. Есть еще надежда.

— Надежда!

— Да, надежда, несмотря на весь этот ужас!

Я стал излагать ему свой взгляд на наше положение. Сперва он слушал с интересом, но скоро впал в прежнее безразличие и отвернулся.

— Это начало конца, — прервал он меня. — Конец. День Страшного суда. Люди будут молить горы и скалы упасть на них и скрыть от лица Сидящего на престоле.

Его слова подтвердили мою догадку. Собравшись с мыслями, я встал и положил ему руку на плечо.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Вы просто потеряли голову. Хороша вера, если она не может устоять перед несчастьем. Подумайте, сколько раз в истории человечества бывали землетрясения, потопы, войны и извержения вулканов. Почему Бог должен был сделать исключение для Уэйбриджа?.. Ведь Бог не страховой агент.

Он молча слушал.

— Но как мы можем спастись? — вдруг спросил он. — Они неуязвимы, они безжалостны…

— Может быть, ни то, ни другое, — ответил я. — И чем могущественнее они, тем разумнее и осторожнее должны быть мы. Один из них убит три часа назад.

— Убит? — воскликнул он, взглянув на меня. — Разве может быть убит вестник Божий?

— Я видел это, — продолжал я. — Мы с вами попали как раз в самую свалку, только и всего.

— Что это там мигает в небе? — вдруг спросил он.

Я объяснил ему, что это сигналы гелиографа и что они означают помощь, которую несут нам люди.

— Мы находимся как раз в самой гуще, хотя кругом все спокойно. Мигание в небе возвещает о приближающейся грозе. Вот там, думается мне, марсиане, а в стороне Лондона, там, где холмы возвышаются над Ричмондом и Кингстоном, под прикрытием деревьев роют траншеи и устанавливают орудия. Марсиане, вероятно, пойдут по этой дороге.

Не успел я кончить, как он вскочил и остановил меня жестом.

— Слушайте! — сказал он.

Из-за низких холмов за рекой доносился глухой гул отдаленной орудийной пальбы и какой-то далекий жуткий крик. Потом все стихло. Майский жук перелетел через изгородь мимо нас. На западе, высоко, над дымом, застилавшим Уэйбридж и Шеппертон, под великолепным, торжественным закатом, поблескивал бледный нарождающийся месяц.

— Нам надо идти этой тропинкой к северу, — сказал я.

Глава XIV
В Лондоне

Мой младший брат находился в Лондоне в то время, когда в Уокинге упал цилиндр. Он был студентом-медиком и готовился к предстоящему экзамену; до субботы он ничего не слышал о прибытии марсиан. Утренние субботние газеты в дополнение к длинным специальным статьям о Марсе, о жизни на нем и так далее напечатали довольно туманное сообщение, которое поражало своей краткостью.

Сообщалось, что марсиане, напуганные приближением толпы, убили нескольких человек при помощи какой-то скорострельной пушки. Телеграмма заканчивалась словами: «Марсиане, хотя и кажутся грозными, не вылезли из ямы, в которую упал их снаряд, и, очевидно, не могут этого сделать. Вероятно, это вызвано большей силой земного притяжения». В передовицах особенно подчеркивалось это последнее обстоятельство.

Конечно, все студенты, готовившиеся к экзамену по биологии в стенах университета, куда

отправился в тот день и мой брат, очень заинтересовались сообщением, но на улицах не замечалось особенного оживления. Вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками. Однако они сообщали только о движении войск к пустоши и о горящих сосновых лесах между Уокингом и Уэйбриджем. В восемь часов «Сент-Джеймс газетт» в экстренном выпуске кратко сообщила о порче телеграфа. Предполагали, что линия повреждена упавшими вследствие пожара соснами. В эту ночь — в ночь, когда я ездил в Лезерхэд и обратно, — еще ничего не было известно о сражении.

Брат не беспокоился о нас, так как знал из газет, что цилиндр находится по меньшей мере в двух милях от моего дома. Он собирался поехать ко мне в эту же ночь, чтобы, как он потом рассказывал, посмотреть на чудовищ, пока их не уничтожили. Он послал мне телеграмму в четыре часа, а вечером отправился в мюзик-холл; телеграмма до меня так и не дошла.

В Лондоне в ночь под воскресенье тоже разразилась гроза, и брат мой доехал до вокзала Ватерлоо на извозчике. На платформе, откуда обыкновенно отправляется двенадцатичасовой поезд, он узнал, что в эту ночь поезда почему-то

не доходят до Уокинга. Почему, он так и не мог добиться: железнодорожная администрация и та толком ничего не знала. На вокзале незаметно было никакого волнения; железнодорожники предполагали, что произошло крушение между Байфлитом и узловой станцией Уокинг. Вечерние поезда, шедшие обычно через Уокинг, направлялись через Вирджиния-Уотер или Гилдфорд. Много хлопот доставила железнодорожникам перемена маршрута экскурсии саутгемптонской и портсмутской Воскресной лиги. Какой-то репортер вечерней газеты, приняв брата по ошибке за начальника движения, на которого брат немного походил, пытался взять у него интервью. Почти никто, не исключая и железнодорожников, не ставил крушение в связь с марсианами.

Я потом читал в какой-то газете, будто бы еще утром в воскресенье «весь Лондон был наэлектризован сообщениями из Уокинга». В действительности ничего подобного не было. Большинство жителей Лондона впервые услышали о марсианах только в понедельник утром, когда разразилась паника. Даже те, кто читал газеты, не сразу поняли наспех составленное сообщение. Большинство же лондонцев воскресных газет не читают.

Кроме того, лондонцы так уверены в своей личной безопасности, а сенсационные «утки» так обычны в газетах, что никто не был особенно обеспокоен следующим заявлением:

«Вчера, около семи часов пополудни, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под защитой брони из металлических щитов, до основания разрушили станцию Уокинг и окрестные дома и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы «максим» оказались бессильными против их брони; полевые орудия были выведены из строя. В Чертси направлены разъезды гусар. Марсиане, по-видимому, медленно продвигаются к Чертси или Виндзору. В западном Суррее царит тревога. Возводятся земляные укрепления, чтобы преградить доступ к Лондону».

Это было напечатано в «Санди сан», а в «Рефери» остроумный фельетонист писал, что все это смахивает на панику в деревне, где неожиданно разбежался кочующий зверинец.

Никто в Лондоне толком не знал, что такое эти бронированные марсиане, но почему-то упорно держался слух, что чудовища очень неповоротливы; «ползают», «с трудом тащатся» — вот выражения, которые встречались почти во всех

первых сообщениях. Ни одна из телеграмм не составлялась очевидцами событий. Воскресные газеты печатали экстренные выпуски по мере получения свежих новостей и даже когда их не было. Только вечером газеты получили правительственное сообщение, что население Уолтона, Уэйбриджа и всего округа эвакуируется в Лондон, — и больше ничего.

Утром брат пошел в церковь при приютской больнице, все еще не зная о том, что случилось прошлой ночью.

В проповеди пастора он уловил туманные намеки на какое-то вторжение; кроме того, была прочтена особая молитва о ниспослании мира. Выйдя из церкви, брат купил номер «Рефери». Встревоженный новостями, он отправился на вокзал Ватерлоо узнать, восстановлено ли железнодорожное движение. На улицах было обычное праздничное оживление — омнибусы, экипажи, велосипеды, много разодетой публики; никто не был особенно взволнован неожиданными известиями, которые выкрикивали газетчики. Все были заинтригованы, но если кто и беспокоился, то не за себя, а за своих родных вне города. На вокзале он в первый раз услышал, что на Виндзор и Чертси поезда не ходят. Носильщики сказали

ему, что со станции Байфлит и Чертси было получено утром несколько важных телеграмм, но что теперь телеграф почему-то не работает. Брат не мог добиться от них более точных сведений. «Около Уэйбриджа идет бой» — вот все, что они знали.

Движение поездов было нарушено. На платформе стояла толпа ожидавших приезда родных и знакомых с юго-запада. Какой-то седой джентльмен вслух ругал Юго-Западную компанию.

— Их нужно подтянуть! — ворчал он.

Пришли один-два поезда из Ричмонда, Патни и Кингстона с публикой, выехавшей на праздник покататься на лодках; эти люди рассказывали, что шлюзы заперты и что чувствуется тревога. Мой брат разговорился с молодым человеком в синем спортивном костюме.

— Куча народу едет в Кингстон на повозках, на телегах, на чем попало, с сундуками, со всем скарбом, — рассказывал тот. — Едут из Молси, Уэйбриджа, Уолтона и говорят, что около Чертси слышна канонада и что кавалеристы велели им поскорей выбираться, потому что приближаются марсиане. Мы слышали стрельбу из орудий у станции Хэмптон-Корт, но подумали, что это гром. Что значит вся эта чертовщина? Ведь мар-

сиане не могут вылезти из своей ямы, правда?

Мой брат ничего не мог на это ответить.

Немного спустя он заметил, что какое-то смутное беспокойство передается и пассажирам подземной железной дороги; воскресные экскурсанты начали почему-то раньше времени возвращаться из всех юго-западных окрестностей: из Барнса, Уимблдона, Ричмонд-Парка, Кью и других; но никто не мог сообщить ничего, кроме туманных слухов. Все пассажиры, возвращающиеся с конечной станции, казалось, были чем-то обеспокоены.

Около пяти часов собравшаяся на вокзале публика была очень удивлена открытием движения между Юго-Восточной и Юго-Западной линиями, обычно закрытого, а также появлением воинских эшелонов и платформ с тяжелыми орудиями. Это были орудия из Вулвича и Чатама для защиты Кингстона. Публика обменивалась шутками с солдатами: «Они вас съедят», «Идем укрощать зверей» — и так далее. Вскоре явился отряд полицейских и стал очищать вокзал от публики. Мой брат снова вышел на улицу.

Колокола звонили к вечерне, и колонна девиц из Армии спасения шла с пением по Ватерлоо-роуд. На мосту толпа любопытных смотрела на

странную бурую пену, клочьями плывшую вниз по течению. Солнце садилось. Башни Биг-Бена и палаты парламента четко вырисовывались на ясном, безмятежном небе; оно было золотистое, с красновато-лиловыми полосами. Говорили, что под мостом проплыло мертвое тело. Какой-то человек, сказавший, что он военный из резерва, сообщил моему брату, что заметил на западе сигналы гелиографа.

На Веллингтон-стрит брат увидел бойких газетчиков, которые только что выбежали с Флит-стрит с еще сырыми газетами, испещренными ошеломляющими заголовками.

— Ужасная катастрофа! — выкрикивали они наперебой на Веллингтон-стрит. — Бой под Уэйбриджем! Подробное описание! Марсиане отброшены! Лондон в опасности!

Брату пришлось заплатить три пенса за номер газеты.

Только теперь он понял, как страшны и опасны эти чудовища. Он узнал, что это не просто кучка маленьких неповоротливых созданий, а разумные существа, управляющие гигантскими механизмами, что они могут быстро передвигаться и уничтожать все на своем пути и что против них бессильны самые дальнобойные пушки.

Их описывали, как «громадные паукообразные машины, почти в сто футов вышиной, способные передвигаться со скоростью экспресса и выбрасывать интенсивный тепловой луч». Замаскированные батареи, главным образом из полевых орудий, были установлены около Хорселлской пустоши и Уокинга по дороге к Лондону. Были замечены пять боевых машин, которые двигались к Темзе; одна из них благодаря счастливой случайности была уничтожена. Обычно снаряды не достигали цели и батареи мгновенно сметались тепловым лучом. Упоминалось также о тяжелых потерях, понесенных войсками; однако сообщения были составлены в оптимистическом тоне.

Марсиане-де все же отбиты; оказалось, что они уязвимы. Они отступили к треугольнику, образованному тремя упавшими около Уокинга цилиндрами. Разведчики с гелиографами окружили их. Быстро подводятся пушки из Виндзора, Портсмута, Олдершота, Вулвича и даже с севера. Между прочим, из Вулвича доставлены дальнобойные девяностопятитонные орудия. Установлено около ста шестидесяти пушек, главным образом для защиты Лондона. Никогда еще в Англии с такой быстротой и в таких масштабах

не производилась концентрация военных сил. Надо надеяться, что все последующие цилиндры будут впредь уничтожаться особой сверхмощной шрапнелью, которая уже изготовлена и рассылается. Положение, говорилось в сообщении, несомненно, серьезное, но население не должно поддаваться панике. Конечно, марсиане чудовищны и ужасны, но ведь их всего около двадцати против миллионов людей.

Власти имели все основания предполагать, принимая во внимание величину цилиндра, что в каждом из них не более пяти марсиан. Всего, значит, их пятнадцать. По крайней мере один из них уже уничтожен, может быть, даже и больше. Население будет своевременно предупреждено о приближении опасности, и будут приняты специальные меры для охраны жителей угрожаемых юго-западных предместий. Кончалось все это заверениями о безопасности Лондона и выражением твердой надежды, что правительство справится со всеми затруднениями.

Этот текст был напечатан очень крупно на еще не просохшей бумаге, без всяких комментариев. Любопытно было видеть, рассказывал брат, как безжалостно весь остальной материал газеты был скомкан и урезан, чтобы дать место этому

сообщению.

На Веллингтон-стрит нарасхват раскупали розовые листки экстренного выпуска, а на Стрэнде уже раздавались выкрики целой армии газетчиков. Публика соскакивала с омнибусов в погоне за газетой. Сообщение взволновало и обеспокоило толпу. Брат рассказывал, что ставни магазина географических карт на Стрэнде были раскрыты и какой-то человек в праздничном костюме, в лимонно-желтых перчатках, появившись в витрине, поспешно прикреплял к стеклу карту Суррея.

Проходя по Стрэнду к Трафальгар-сквер с газетой в руке, брат встретил беженцев из западного Суррея. Какой-то мужчина ехал в повозке, похожей на тележку зеленщика; в ней среди наваленного домашнего скарба сидели его жена и два мальчугана. Он ехал от Вестминстерского моста, а вслед за ним двигалась фура для сена; на ней сидели пять или шесть человек, прилично одетых, с чемоданами и узлами. Лица у беженцев были испуганные, они резко отличались от одетых по-воскресному пассажиров омнибусов. Элегантная публика, высовываясь из кебов, с удивлением смотрела на них. У Трафальгар-сквер беженцы остановились в нерешительности,

потом повернули к востоку по Стрэнду. Затем проехал человек в рабочей одежде на старинном трехколесном велосипеде с маленьким передним колесом. Он был бледен и весь перепачкан.

Мой брат повернул к Виктория-стрит и встретил новую толпу беженцев. У него мелькнула смутная мысль, что он, может быть, увидит меня. Он обратил внимание на необычно большое количество полисменов, регулирующих движение. Некоторые из беженцев разговаривали с пассажирами омнибусов. Один уверял, что видел марсиан. «Паровые котлы на ходулях, говорю вам, и шагают, как люди». Большинство беженцев казались взволнованными и возбужденными.

Рестораны на Виктория-стрит были переполнены беженцами. На всех углах толпились люди, читали газеты, возбужденно разговаривали или молча смотрели на этих необычных воскресных гостей. Беженцы все прибывали, и к вечеру, по словам брата, улицы походили на Хай-стрит в Эпсоме в день скачек. Мой брат расспрашивал многих из беженцев, но они давали очень неопределенные ответы.

Никто не мог сообщить ничего нового относительно Уокинга. Один человек уверял его, что Уокинг совершенно разрушен еще прошлой

ночью.

— Я из Байфлита, — сказал он. — Рано утром прикатил велосипедист, забегал в каждый дом и советовал уходить. Потом появились солдаты. Мы вышли посмотреть: на юге дым, сплошной дым, и никто не приходит оттуда. Потом мы услышали гул орудий у Чертси, и из Уэйбриджа повалил народ. Я запер свой дом и тоже ушел вместе с другими.

В толпе слышался ропот, ругали правительство за то, что оно оказалось неспособным сразу справиться с марсианами.

Около восьми часов в южной части Лондона ясно слышалась канонада. На главных улицах ее заглушал шум движения, но, спускаясь тихими переулками к реке, брат ясно расслышал гул орудий.

В девятом часу он шел от Вестминстера обратно к своей квартире у Риджент-парка. Он очень беспокоился обо мне, понимая, насколько положение серьезно. Как и я в ночь на субботу, он заразился военной истерией. Он думал о безмолвных, выжидающих пушках, о таборах беженцев, старался представить себе «паровые котлы на ходулях» в сто футов вышиной.

На Оксфорд-стрит проехало несколько повозок

с беженцами; на Мэрилебон-роуд тоже; но слухи распространялись так медленно, что Риджент-стрит и Портленд-роуд были, как всегда, полны воскресной гуляющей толпой, хотя кое-где обсуждались последние события. В Риджент-парке, как обычно, под редкими газовыми фонарями прогуливались молчаливые парочки. Ночь была темная и тихая, слегка душная; гул орудий доносился с перерывами; после полуночи на юге блеснуло что-то вроде зарницы.

Брат читал и перечитывал газету, тревога обо мне все росла. Он не мог успокоиться и после ужина снова пошел бесцельно бродить по городу. Потом вернулся и тщетно попытался засесть за свои записи лекций. Он лег спать после полуночи, ему снились зловещие сны, но не прошло и двух часов, как его разбудил стук дверных молоточков, топанье ног по мостовой, отдаленный барабанный бой и звон колоколов. На потолке вспыхивали красные отблески. С минуту он лежал и не мог понять, что случилось. Наступил уже день или все сошли с ума? Потом вскочил с постели и подбежал к окну.

Его комната помещалась в мезонине; распахнув окно, он услышал крики с обоих концов улицы. Из окон высовывались и перекликались

заспанные, полуодетые люди. «Они идут! — кричал полисмен, стуча в дверь. — Марсиане приближаются!» И спешил к следующей двери.

Из казармы на Олбэни-стрит слышался барабанный бой и звуки трубы; со всех церквей доносился бурный, нестройный набат. Хлопали двери; темные окна домов на противоположной стороне вспыхивали желтыми огоньками.

По улице во весь опор промчалась закрытая карета: шум колес раздался из-за угла, перешел в оглушительный грохот под окном и замер где-то вдали. Вслед за каретой пронеслись два кеба — авангард целой вереницы экипажей, мчавшихся к вокзалу Чок-Фарм, где можно было сесть в специальные поезда Северо-Западной дороги, вместо того чтобы спускаться к Юстону.

Мой брат долго смотрел из окна в тупом изумлении; он видел, как полисмены перебегали от двери к двери, стуча молотком и возвещая все ту же непостижимую новость. Вдруг дверь позади него отворилась, и вошел сосед, занимавший комнату напротив, он был в рубашке, брюках и туфлях, подтяжки болтались, волосы были взлохмачены.

— Что за чертовщина? — спросил он. — Пожар? Почему такая суматоха?

Оба высунулись из окна, стараясь разобрать, что кричат полисмены. Из боковых улиц повалил народ, останавливаясь кучками на углах.

— В чем дело, черт возьми? — спросил сосед.

Мой брат что-то ответил ему и стал одеваться, подбегая с каждой принадлежностью туалета к окну, чтобы видеть, что происходит на улице. Из-за угла выскочили газетчики с необычно ранними выпусками газет, крича во все горло:

— Лондону грозит удушение! Укрепления Кингстона и Ричмонда прорваны! Кровопролитное сражение в долине Темзы!

Повсюду вокруг, в квартирах нижнего этажа, во всех соседних домах и дальше, в Парк-террасис и на сотне других улиц этой части Мэрилебона; в районе Вестберн-парка и Сент-Панкрэса, на западе и на севере — в Кильберне, Сен-Джонс-Вуде и Хэмпстеде; на востоке — в Шордиче, Хайбэри, Хаггерстоне и Хокстоне; на всем громадном протяжении Лондона, от Илинга до Истхема, люди, протирая глаза, отворяли окна, выглядывали на улицу, задавали бесцельные вопросы и поспешно одевались. Первое дыхание надвигавшейся паники пронеслось по улицам. Страх завладевал городом. Лондон, спокойно и бездумно уснувший в воскресенье вечером, проснулся рано утром

в понедельник под угрозой смертельной опасности.

Так как брат из своего окна не смог ничего выяснить, он спустился вниз и вышел на улицу. Над крышами домов розовела заря. Толпа беженцев, шагавших пешком и ехавших в экипажах, с каждой минутой все увеличивалась.

— Черный дым! — слышал он выкрики. — Черный дым!

Было ясно, что паника неминуемо охватит весь город. Постояв в нерешительности у своего подъезда, брат окликнул газетчика и купил газету. Газетчик побежал дальше, продавая газеты на ходу по шиллингу, — гротескное сочетание корысти и паники.

В газете брат прочел удручающее донесение главнокомандующего:

«Марсиане пускают огромные клубы черного ядовитого пара при помощи ракет. Они подавили огонь нашей артиллерии, разрушили Ричмонд, Кингстон и Уимблдон и медленно приближаются к Лондону, уничтожая все на своем пути. Остановить их невозможно. От черного дыма нет иного спасения, кроме немедленного бегства».

И только. Но и этого было достаточно. Все население огромного, шестимиллионного города

всполошилось, заметалось, обратилось в бегство. Все устремились к северу.

— Черный дым! — слышались крики. — Огонь!

Колокола соседних церквей били в набат. Какой-то неумело управляемый экипаж налетел среди криков и ругани на колоду для водопоя. Тусклый желтый свет мелькал в окнах домов; у некоторых кебов еще горели ночные фонари. А вверху разгоралась заря, безоблачная, ясная, спокойная.

Брат слышал топот ног в комнатах и на лестнице. Его хозяйка вышла на улицу, наскоро накинув капот и шаль, за ней шел ее муж, бормоча что-то невнятное.

Когда брат наконец понял, что происходит, он поспешно вернулся в свою комнату, захватил все наличные деньги — около десяти фунтов, — сунул их в карман и вышел на улицу.

Глава XV
Что случилось в Суррее

Как раз в то время, когда священник вел со мной свой безумный разговор под изгородью в поле около Голлифорда, а брат смотрел на поток беженцев, устремившийся по Вестминстерскому

мосту, марсиане снова перешли в наступление. Если верить сбивчивым рассказам, большинство марсиан оставалось до девяти часов вечера в яме на Хорселлской пустоши, занятые какой-то спешной работой, сопровождавшейся вспышками зеленого дыма.

Установлено, что трое марсиан вышли оттуда около восьми часов и, продвигаясь медленно и осторожно через Байфлит и Пирфорд к Рипли и Уэйбриджу, неожиданно появились перед сторожевыми батареями на фоне освещенного закатом неба. Марсиане шли не шеренгой, а цепью, на расстоянии примерно полутора миль друг от друга. Они переговаривались каким-то ревом, похожим на вой сирены, издающей то высокие, то низкие звуки.

Этот вой и пальбу орудий Рипли и Сент-Джордж-Хилла мы и слышали около Верхнего Голлифорда. Артиллеристы у Рипли — неопытные волонтеры, которых не следовало ставить на такую позицию — дали всего один преждевременный безрезультатный залп и, кто верхом, кто пешком, бросились врассыпную по опустевшему местечку. Марсианин, то шагая через орудия, то осторожно ступая среди них и даже не пользуясь тепловым лучом, опередил их и, таким образом,

застал врасплох батареи в Пэйнс-Хилл-парке, которые он и уничтожил.

Артиллеристы в Сент-Джордж-Хилле оказались более опытными и храбрыми. Скрытые соснами от ближайшего к ним марсианина, который не ожидал нападения, они навели свои орудия спокойно, как на параде, и, когда марсианин находился на расстоянии около тысячи ярдов, дали залп.

Снаряды рвались вокруг марсианина. Он сделал несколько шагов, пошатнулся и упал. Все закричали от радости, и орудия снова поспешно зарядили. Рухнувший марсианин издал продолжительный вой, и тотчас второй сверкающий гигант, отвечая ему, показался над деревьями с юга. По-видимому, снаряд разбил одну из ног треножника. Второй залп пропал даром, снаряды перелетели через упавшего марсианина и ударились в землю. И тотчас же два других марсианина подняли камеры теплового луча, направляя их на батарею. Снаряды взорвались, сосны загорелись, из прислуги, обратившейся в бегство, уцелело всего несколько человек.

Марсиане остановились и стали о чем-то совещаться. Разведчики, наблюдавшие за ними, донесли, что они стояли неподвижно около полу-

часа. Опрокинутый марсианин неуклюже выполз из-под своего колпака — небольшая бурая туша, издали похожая на грибной нарост — и занялся починкой треножника. К девяти он кончил работать, и его колпак снова показался над лесом.

В начале десятого к этим трем часовым присоединились четыре других марсианина, вооруженных большими черными трубами. Такие же трубы были вручены каждому из трех первых. После этого все семеро растянулись цепью на равном расстоянии друг от друга, по кривой между Сент-Джордж-Хиллом, Уэйбриджем и Сэндом, на юго-западе от Рипли.

Как только они начали двигаться, с холмов взвились сигнальные ракеты, предупреждая батареи у Диттона и Эшера. В то же время четыре боевые машины, также снабженные трубами, переправились через реку, и две из них появились передо мной и священником, четко вырисовываясь на фоне послезакатного неба, когда мы, усталые и измученные, торопливо шли по дороге на север от Голлифорда. Нам казалось, что они двигаются по облакам, потому что молочный туман покрывал поля и подымался до трети их роста.

Священник, увидев их, вскрикнул сдавленным

голосом и пустился бежать. Зная, что бегство бесполезно, я свернул в сторону и пополз среди мокрого от росы терновника и крапивы в широкую канаву на краю дороги. Священник оглянулся, увидел, что я делаю, и подбежал ко мне.

Два марсианина остановились; ближайший к нам стоял, обернувшись к Санбэри; другой маячил серой бесформенной массой под вечерней звездой в стороне Стэйнса.

Вой марсиан прекратился, и каждый из них безмолвно занял свое место на огромной подкове, охватывающей ямы с цилиндрами.

Расстояние между концами подковы было не менее двенадцати миль. Ни разу еще со времени изобретения пороха сражение не начиналось среди такой тишины. Из Рипли было видно то же, что и нам: марсиане одни возвышались в сгущающемся сумраке, освещенные лишь бледным месяцем, звездами, отблеском заката и красноватым заревом над Сент-Джордж-Хиллом и лесами Пэйнс-Хилла.

Но против наступающих марсиан повсюду — у Стэйнса, Хаунслоу, Диттона, Эшера, Окхема, за холмами и лесами к югу от реки и за ровными сочными лугами к северу от нее, из-за прикрытия

деревьев и домов — были выставлены орудия. Сигнальные ракеты взвивались и рассыпались искрами во мраке; батареи лихорадочно готовились к бою. Марсианам стоило только ступить за линию огня, и все эти неподвижные люди, все эти пушки, поблескивавшие в ранних сумерках, разразились бы грозовой яростью боя.

Без сомнения, так же как и я, тысячи людей, бодрствуя в эту ночь, думали о том, понимают ли нас марсиане. Поняли они, что нас миллионы и что мы организованны, дисциплинированны и действуем согласованно? Или для них наши выстрелы, неожиданные разрывы снарядов, упорная осада их укреплений то же самое, что для нас яростное нападение потревоженного пчелиного улья? Или они воображают, что могут истребить всех нас? (В это время еще никто не знал, чем питаются марсиане.) Сотни таких вопросов приходили мне в голову, пока я наблюдал за стоявшим на страже марсианином. Вместе с тем я думал о том, какое встретит их сопротивление на пути в Лондон. Вырыты ли ямы-западни? Удастся ли заманить их к пороховым заводам в Хаунслоу? Хватит ли у лондонцев мужества превратить в новую пылающую Москву свой огромный город?

Нам показалось, что мы бесконечно долго ползли по земле вдоль изгороди, то и дело из-за нее выглядывая; наконец раздался гул отдаленного орудийного выстрела. Затем второй — несколько ближе — и третий. Тогда ближайший к нам марсианин высоко поднял свою трубу и выстрелил из нее, как из пушки, с таким грохотом, что дрогнула земля. Марсианин у Стэйнса последовал его примеру. При этом не было ни вспышки, ни дыма — только гул взрыва.

Я был так поражен этими раскатами, следовавшими один за другим, что забыл об опасности, о своих обожженных руках и полез на изгородь посмотреть, что происходит у Санбэри. Снова раздался выстрел, и огромный снаряд пролетел высоко надо мной по направлению к Хаунслоу. Я ожидал увидеть или дым, или огонь, или какой-нибудь иной признак его разрушительного действия, но увидел только темно-синее небо с одинокой звездой и белый туман, стлавшийся по земле. И ни единого взрыва с другой стороны, ни одного ответного выстрела. Все стихло. Прошла томительная минута.

— Что случилось? — спросил священник, стоявший рядом со мной.

— Один Бог знает! — ответил я.

Пролетела и скрылась летучая мышь. Издали донесся и замер неясный шум голосов. Я взглянул на марсианина; он быстро двигался к востоку вдоль берега реки.

Я ждал, что вот-вот на него направят огонь какой-нибудь скрытой батареи, но тишина ночи ничем не нарушалась. Фигура марсианина уменьшилась, и скоро ее поглотили туман и сгущающаяся темнота. Охваченные любопытством, мы взобрались повыше. У Санбэри, заслоняя горизонт, виднелось какое-то темное пятно, точно свеженасыпанный конический холм. Мы заметили второе такое же возвышение над Уолтоном, за рекой. Эти похожие на холмы пятна на наших глазах тускнели и расползались.

Повинуясь безотчетному импульсу, я взглянул на север и увидел там третий черный дымчатый холм.

Было необычайно тихо. Только далеко на юго-востоке среди тишины перекликались марсиане. Потом воздух снова дрогнул от отдаленного грохота их орудий. Но земная артиллерия молчала.

В то время мы не могли понять, что происходит, позже я узнал, что значили эти зловещие, расползавшиеся в темноте черные кучи. Каждый марсианин со своей позиции на упомянутой

мной громадной подкове по какому-то неведомому сигналу стрелял из своей пушки-трубы по каждому холму, лесочку, группе домов, по всему, что могло служить прикрытием для наших орудий. Одни марсиане выпустили по снаряду, другие по два, как, например, тот, которого мы видели. Марсианин у Рипли, говорят, выпустил не меньше пяти. Ударившись о землю, снаряды раскалывались — они не рвались, — и тотчас же над ними вставало облако плотного темного пара, потом облако оседало, образуя огромный черный газовый холм, который медленно расползался по земле. И прикосновение этого газа, вдыхание его едких хлопьев убивало все живое.

Этот газ был тяжел, тяжелее самого густого дыма; после первого стремительного взлета он оседал на землю и заливал ее, точно жидкость, стекая с холмов и устремляясь в ложбины, в овраги, в русла рек, подобно тому как стекает углекислота при выходе из трещин вулкана. При соприкосновении газа с водой происходила какая-то химическая реакция, и поверхность воды тотчас же покрывалась пылевидной накипью, которая очень медленно осаждалась. Эта накипь не растворялась, поэтому, несмотря на ядовитость газа, воду по удалении из нее осадка

можно было пить без вреда для здоровья. Этот газ не диффундировал, как всякий другой газ. Он висел пластами, медленно стекал по склонам, не рассеивался на ветру, мало-помалу смешивался с туманом и атмосферной влагой и оседал на землю в виде пыли. Мы до сих пор ничего не знаем о составе этого газа; известно только, что в него входил какой-то новый элемент, дававший четыре линии в голубой части спектра.

Этот черный газ так плотно прилегал к земле, раньше даже, чем начиналось оседание, что на высоте пятидесяти футов, на крышах, в верхних этажах высоких домов и на высоких деревьях можно было спастись от него; это подтвердилось в ту же ночь в Стрит-Кобхеме и Диттоне.

Человек, спасшийся в Стрит-Кобхеме, передавал странные подробности о кольцевом потоке этого газа; он смотрел вниз с церковной колокольни и видел, как дома селения выступали из чернильной темноты, точно призраки. Он просидел там полтора дня, полумертвый от усталости, голода и зноя. Земля под голубым небом, обрамленная холмами, казалась покрытой черным бархатом с выступавшими кое-где в лучах солнца красными крышами и зелеными вершинами деревьев: кусты, ворота, сараи, пристройки и стены

домов казались подернутыми черным флером.

Так было в Стрит-Кобхеме, где черный газ сам по себе осел на землю. Вообще же марсиане, после того как газ выполнял свое назначение, очищали воздух, направляя на газ струю пара.

То же сделали они и с облаком газа неподалеку от нас; мы наблюдали это при свете звезд из окна брошенного дома в Верхнем Голлифорде, куда мы вернулись. Мы видели, как скользили прожекторы по Ричмонд-Хиллу и Кингстон-Хиллу. Около одиннадцати часов стекла в окнах задрожали, и мы услышали раскаты установленных там тяжелых осадных орудий. С четверть часа с перерывами продолжалась стрельба наудачу по невиданным позициям марсиан у Хэмптона и Диттона; потом бледные лучи прожекторов погасли и сменились багровым заревом.

Затем упал четвертый цилиндр — яркий зеленый метеор — в Буши-парке, как я потом узнал. Еще раньше, чем заговорили орудия на холмах у Ричмонда и Кингстона, откуда-то с юго-запада слышалась беспорядочная канонада; вероятно, орудия стреляли наугад, пока черный газ не умертвил артиллеристов.

Марсиане, действуя методически, подобно людям, выкуривающим осиное гнездо, разливали

этот удушающий газ по окрестностям Лондона. Концы подковы медленно расходились, пока наконец цепь марсиан не двинулась по прямой от Гонвелла до Кумба и Молдена. Всю ночь продвигались вперед смертоносные трубы. Ни разу после того, как марсианин был сбит с треножника у Сент-Джордж-Хилла, не удалось нашей артиллерии поразить хотя бы одного из них. Они пускали черный газ повсюду, где могли быть замаскированы наши орудия, а там, где пушки стояли без прикрытия, они пользовались тепловым лучом.

В полночь горевшие по склонам Ричмонд-парка деревья и зарево над Кингстон-Хиллом осветили облака черного газа, клубившегося по всей долине Темзы и простиравшегося до самого горизонта. Два марсианина медленно расхаживали по этой местности, направляя на землю свистящие струи пара.

Марсиане в эту ночь почему-то берегли тепловой луч, может быть, потому, что у них был ограниченный запас материала для его производства, или потому, что они не хотели обращать страну в пустыню, а только подавить оказываемое им сопротивление. Это им, бесспорно, удалось. Ночь на понедельник была последней

ночью организованной борьбы с марсианами. После этого никто уже не осмеливался выступить против них, всякое сопротивление казалось безнадежным. Даже экипажи торпедных катеров и миноносцев, поднявшихся вверх по Темзе со скорострельными пушками, отказались оставаться на реке, взбунтовались и ушли в море. Единственное, на что люди решались после этой ночи, — это закладка мин и устройство ловушек, но даже это делалось недостаточно планомерно.

Можно только вообразить себе судьбу батарей Эшера, которые так напряженно выжидали во мраке. Там никого не осталось в живых. Представьте себе ожидание настороженных офицеров, орудийную прислугу, приготовившуюся к залпу, сложенные у орудий снаряды, обозную прислугу у передков лафетов с лошадьми, штатских зрителей, старающихся подойти возможно ближе, вечернюю тишину, санитарные фургоны и палатки походного лазарета с обожженными и ранеными из Уэйбриджа. Затем глухой раскат выстрелов марсиан и шальной снаряд, пролетевший над деревьями и домами и упавший в соседнем поле.

Можно представить себе изумление и испуг при виде быстро развертывающихся колец и за-

витков надвигающегося черного облака, которое превращало сумерки в густой осязаемый мрак: непонятный и неуловимый враг настигает свои жертвы; охваченные паникой люди и лошади бегут, падают; вопли ужаса, брошенные орудия, люди, корчащиеся на земле, — и все расширяющийся черный конус газа. Потом ночь и смерть — и безмолвная дымная завеса над мертвецами.

Перед рассветом черный газ разлился по улицам Ричмонда. Правительство теряло нити управления; в последнем усилии оно призвало население Лондона к бегству.

Глава XVI
Уход из Лондона

Легко представить себе ту бушующую волну страха, которая прокатилась по величайшему городу мира рано утром в понедельник, — ручей беженцев, быстро выросший в поток, бурно пенившийся вокруг вокзалов, превращающийся в бешеный водоворот у судов на Темзе и устремляющийся всеми возможными путями к северу и востоку. К десяти часам паника охватила полицию, к полудню — железнодорожную администрацию: административные единицы теряли

связь друг с другом, растворялись в человеческом потоке и уносились на обломках быстро распадавшегося социального организма.

Все железнодорожные линии к северу от Темзы и жители юго-восточной части города были предупреждены еще в полночь в воскресенье, уже в два часа все поезда были переполнены, люди отчаянно дрались из-за мест в вагонах. К трем часам давка и драка происходили уже и на Бишопсгейт-стрит; на расстоянии нескольких сот ярдов от вокзала, на Ливерпуль-стрит, стреляли из револьверов, пускали в ход ножи, а полисмены, посланные регулировать движение, усталые и разъяренные, избивали дубинками людей, которых они должны были охранять.

Скоро машинисты и кочегары стали отказываться возвращаться в Лондон; толпы отхлынули от вокзалов и устремились к шоссейным дорогам, ведущим на север. В полдень у Барнса видели марсианина; облако медленно оседавшего черного газа ползло по Темзе и равнине Ламбет, отрезав дорогу через мосты. Другое облако поползло по Илингу и окружило небольшую кучку уцелевших людей на Касл-Хилле; они остались живы, но выбраться не могли.

После безуспешной попытки попасть на се-

веро-западный поезд в Чок-Фарме, когда поезд, переполненный еще на товарной платформе, стал прокладывать себе путь сквозь исступленную толпу и несколько дюжих молодцов едва удерживали публику, собиравшуюся размозжить машинисту голову о топку, — мой брат вышел на Чок-Фарм-роуд, перешел дорогу, лавируя среди роя мчавшихся экипажей, и, по счастью, оказался одним из первых при разгроме велосипедного магазина! Передняя шина велосипеда, который он захватил, лопнула, когда он вытаскивал машину через окно, но тем не менее, только слегка поранив кисть руки в свалке, он сел и поехал. Путь по крутому подъему Хаверсток-Хилла был загроможден опрокинутыми экипажами, и брат свернул на Белсайз-роуд.

Таким образом он выбрался из охваченного паникой города и к семи часам достиг Эджуэра, голодный и усталый, но зато значительно опередив поток беженцев. Вдоль дороги стояли местные жители, любопытные и недоумевающие. Его обогнали несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля. За милю от Эджуэра лопнул обод колеса, ехать дальше было невозможно. Он бросил велосипед у дороги и пешком вошел в деревню. На главной улице

несколько лавок было открыто; жители толпились на тротуарах, стояли у дверей и окон и с удивлением смотрели на необычайное шествие беженцев, которое только еще начиналось. Брату удалось перекусить в гостинице.

Он бродил по Эджуэру, не зная, что делать дальше. Толпа беженцев все увеличивалась. Многие, подобно брату, не прочь были остаться там. О марсианах ничего нового не сообщалось.

Дорога уже наполнилась беженцами, но была еще проходима. Сначала было больше велосипедистов, потом появились быстро мчавшиеся автомобили, изящные кебы, коляски; пыль столбом стояла на дороге до самого Сент-Олбенса.

Вспомнив, очевидно, про своих друзей в Челмсфорде, брат решил свернуть на тихий проселок, тянувшийся к востоку. Когда перед ним вырос забор, он перелез через него и направился по тропинке к северо-востоку. Он миновал несколько фермерских коттеджей и какие-то деревушки, названий которых не знал. Изредка попадались беженцы. У Хай-Барнета, на заросшем травой проселке, он встретился с двумя дамами, ставшими его спутницами. Он догнал их как раз вовремя, чтобы помочь им.

Услышав крики, он поспешно завернул за угол

и увидел двух мужчин, пытавшихся высадить женщин из коляски; третий держал под уздцы испуганного пони. Одна из дам, небольшого роста, в белом платье, кричала; другая же, стройная брюнетка, била хлыстом по лицу мужчину, схватившего ее за руку.

Брат мгновенно оценил положение и с криком поспешил на помощь женщинам. Один из нападавших оставил даму и повернулся к нему; брат, отличный боксер, видя по лицу противника, что драка неизбежна, напал первым и одним ударом свалил его под колеса.

Тут было не до рыцарской вежливости, и брат, оглушив упавшего пинком, схватил за шиворот второго нападавшего, который держал за руку младшую из дам. Он услышал топот копыт, хлыст скользнул по его лицу, и третий противник нанес ему сильный удар в переносицу; тот, которого он держал за шиворот, вырвался и бросился бежать по проселку в ту сторону, откуда подошел брат.

Оглушенный ударом, брат очутился лицом к лицу с субъектом, который только что держал пони; коляска удалялась по проселку, вихляя из стороны в сторону; обе женщины, обернувшись, следили за дракой. Противник, рослый детина, готовился нанести второй удар, но брат опере-

дил его, ударив в челюсть. Потом, видя, что он остался один, брат увернулся от удара и побежал по проселку вслед за коляской, преследуемый по пятам своим противником; другой, удравший было, остановился, повернул обратно и теперь следовал за ним издали.

Вдруг брат оступился и упал; его ближайший преследователь, споткнувшись о него, тоже упал, и брат, вскочив на ноги, снова очутился лицом к лицу с двумя противниками. У него было мало шансов справиться с ними, но в это время стройная брюнетка быстро остановила пони и поспешила к нему на помощь. Оказалось, у нее был револьвер, но он лежал под сиденьем, когда на них напали. Она выстрелила с расстояния в шесть ярдов, чуть не попав в брата. Менее храбрый из грабителей пустился наутек, его товарищ последовал за ним, проклиная его трусость. Оба они остановились поодаль на проселке, около третьего из нападавших, лежавшего на земле без движения.

— Возьмите, — промолвила стройная дама, передавая брату свой револьвер.

— Садитесь в коляску, — сказал брат, вытирая кровь с рассеченной губы.

Она молча повернулась, и оба они, тяжело ды-

ша, подошли к женщине в белом платье, которая еле сдерживала испуганного пони.

Грабители не возобновили нападения. Обернувшись, брат увидел, что они уходят.

— Я сяду здесь, если разрешите, — сказал он, взобравшись на пустое переднее сиденье.

Брюнетка оглянулась через плечо.

— Дайте мне вожжи, — сказала она и хлестнула пони. Через минуту грабителей не стало видно за поворотом дороги.

Таким образом, совершенно неожиданно брат, запыхавшийся, с рассеченной губой, с опухшим подбородком и окровавленными пальцами, очутился в коляске вместе с двумя женщинами на незнакомой дороге.

Он узнал, что одна из них жена, а другая младшая сестра врача из Стэнмора, который, возвращаясь ночью из Пиннера от тяжелобольного, услышал на одной из железнодорожных станций о приближении марсиан. Он поспешил домой, разбудил женщин — прислуга ушла от них за два дня перед тем, — уложил кое-какую провизию, сунул, к счастью для моего брата, свой револьвер под сиденье и сказал им, чтобы они ехали в Эджуэр и сели там на поезд. Сам он остался оповестить соседей и обещался нагнать их около половины

пятого утра. Теперь уже около девяти, а его все нет. Остановиться в Эджуэре они не могли из-за наплыва беженцев и, таким образом, свернули на глухую дорогу.

Все это они постепенно рассказали моему брату по пути к Нью-Барнету, где они сделали привал. Брат обещал не покидать их по крайней мере до тех пор, пока они не решат, что предпринять, или пока их не догонит врач. Желая успокоить женщин, брат уверял, что он отличный стрелок, хотя в жизни не держал в руках револьвера.

Они расположились у дороги, и пони пристроился возле живой изгороди. Брат рассказал спутницам о своем бегстве из Лондона и сообщил им все, что слышал о марсианах и об их действиях. Солнце поднималось все выше, и скоро оживленный разговор сменился томительным ожиданием. По дороге прошли несколько беженцев; от них брат узнал кое-какие новости, еще более подтвердившие его убежденность в грандиозности разразившегося бедствия и необходимости дальнейшего бегства. Он сказал об этом своим спутницам.

— У нас есть деньги, — сказала младшая дама и тут же запнулась.

Ее глаза встретились с глазами брата, и она

успокоилась.

— У меня тоже есть деньги, — отвечал брат.

Она сообщила, что у них имеется тридцать фунтов золотом и одна пятифунтовая кредитка, и высказала предположение, что они смогут сесть в поезд в Сент-Олбенсе или Нью-Барнете. Брат считал, что попасть на поезд совершенно невозможно: он видел, как яростно поезда осаждались толпами лондонцев, и предложил пробраться через Эссекс к Гарвичу, а там пароходом переправиться на континент.

Миссис Элфинстон — так звали даму в белом — не слушала никаких доводов и хотела ждать своего Джорджа; но ее золовка оказалась на редкость хладнокровной и рассудительной и в конце концов согласилась с моим братом. Они поехали к Барнету, намереваясь пересечь Большую Северную дорогу; брат вел пони под уздцы, чтобы сберечь его силы. Солнце поднималось, и день становился очень жарким; белесый песок ослепительно сверкал и так накалился под ногами, что они очень медленно продвигались вперед. Живая изгородь посерела от пыли. Недалеко от Барнета они услышали какой-то отдаленный гул.

Стало попадаться больше народу. Беженцы шли изнуренные, угрюмые, грязные, неохотно

отвечая на расспросы. Какой-то человек во фраке прошел мимо них, опустив глаза в землю. Они слышали, как он разговаривал сам с собой, и, оглянувшись, увидели, что одной рукой он схватил себя за волосы, а другой наносил удары невидимому врагу. После этого приступа бешенства он, не оглядываясь, пошел дальше.

Когда брат и его спутницы подъезжали к перекрестку дорог южнее Барнета, то увидели в поле, слева от дороги, женщину с ребенком на руках; двое детей плелись за нею, а позади шагал муж в грязной черной блузе, с толстой палкой в одной руке и чемоданом в другой. Потом откуда-то из-за вилл, отделявших проселок от большой дороги, выехала тележка, в которую был впряжен взмыленный черный пони; правил бледный юноша в котелке, сером от пыли. В тележке сидели три девушки, с виду фабричные работницы Ист-Энда, и двое детей.

— Как проехать на Эджуэр? — спросил бледный, растерянный возница.

Брат ответил, что надо свернуть налево, и молодой человек хлестнул пони, даже не поблагодарив.

Брат заметил, что дома перед ним и фасад террасы, примыкающей к одной из вилл, стояв-

ших по ту сторону дороги, окутаны голубоватой дымкой, точно мглой. Миссис Элфинстон вдруг вскрикнула, увидев над домами красные языки пламени, взлетавшие в ярко-синее небо. Из хаоса звуков стали выделяться голоса, грохот колес, скрип повозок и дробный стук копыт. Ярдов за пятьдесят от перекрестка узкая дорога круто заворачивала.

— Боже мой! — вскрикнула миссис Элфинстон. — Куда же вы нас везете?

Брат остановился.

Большая дорога представляла собой сплошной клокочущий людской поток, стремившийся к северу. Облако белой пыли, сверкающей в лучах солнца, поднималось над землей футов на двадцать, окутывало все сплошной пеленой и ни на минуту не рассеивалось, так как лошади, пешеходы и колеса всевозможных экипажей вздымали все новые и новые клубы.

— Дорогу! — слышались крики. — Дайте дорогу!

Когда они приближались к перекрестку, им казалось, будто они въезжают в горящий лес; толпа шумела, как пламя, а пыль была жгучей и едкой. Впереди пылала вилла, увеличивая смятение, и клубы черного дыма стлались по дороге.

Мимо прошли двое мужчин. Потом какая-то женщина, перепачканная и заплаканная, с тяжелым узлом. Потерявшаяся охотничья собака, испуганная и жалкая, высунув язык, покружилась вокруг коляски и убежала, когда брат цыкнул на нее.

Впереди, насколько хватал глаз, вся дорога от Лондона казалась сплошным клокочущим потоком грязных и толкающих друг друга людей, катившимся между двумя рядами вилл. У поворота дороги из черного месива тел на миг выступали отдельные лица и фигуры, потом они проносились мимо и снова сливались в сплошную массу, полускрытую облаком пыли.

— Пропустите!.. — раздавались крики. — Дорогу, дорогу!

Руки идущих сзади упирались в спины передних. Брат вел под уздцы пони. Подхваченный толпой, он медленно, шаг за шагом продвигался вперед.

В Эджуэре чувствовалось беспокойство, в Чок-Фарме была паника — казалось, происходило переселение народов. Трудно описать эти полчища. Это была безликая масса, появлявшаяся из-за угла и исчезавшая за поворотом. По обочине дороги плелись пешеходы, увертываясь от

колес экипажей, сталкиваясь, спотыкаясь, падая в канаву.

Повозки и экипажи тянулись вплотную друг за другом. Более проворные и нетерпеливые иногда вырывались вперед, заставляя пешеходов жаться к окаймлявшим дорогу заборам и воротам вилл.

— Скорей, скорей! — слышались крики. — Дорогу! Они идут!

В одной повозке стоял слепой старик в мундире Армии спасения. Он размахивал руками со скрюченными пальцами и вопил: «Вечность, вечность!» Он охрип, но кричал так пронзительно, что брат еще долго слышал его после того, как тот скрылся в облаке пыли. Многие ехавшие в экипажах без толку нахлестывали лошадей и переругивались; некоторые сидели неподвижно, жалкие, растерянные; другие грызли руки от жажды или лежали, бессильно растянувшись, в повозках. Глаза лошадей налились кровью, удила были покрыты пеной.

Тут были бесчисленные кебы, коляски, фургоны, тележки, почтовая карета, телега мусорщика с надписью «Приход Св. Панкратия» — большая платформа для досок, переполненная оборванцами. Катилась фура для перевозки пива, колеса ее были забрызганы свежей кровью.

— Дайте дорогу! — раздались крики. — Дорогу!

— Вечность, вечность! — доносилось, как эхо, издалека.

Тут были женщины, бледные и грустные, хорошо одетые, с плачущими и еле передвигавшими ноги детьми; дети были все в пыли и заплаканы. Со многими женщинами шли мужья, то заботливые, то озлобленные и мрачные. Тут же прокладывали себе дорогу оборванцы в выцветших темных лохмотьях, с дикими глазами, зычно кричавшие и цинично ругавшиеся. Рядом с рослыми рабочими, энергично пробиравшимися вперед, теснились тщедушные растрепанные люди, похожие по одежде на клерков или приказчиков; брат заметил раненого солдата, железнодорожных носильщиков и какую-то жалкую женщину в пальто, наброшенном поверх ночной рубашки.

Но, несмотря на все свое разнообразие, люди в этой толпе имели нечто общее. Лица у всех были испуганные, измученные, чувствовалось, что всех гонит страх. Всякий шум впереди, на дороге, спор из-за места в повозке заставлял всю толпу ускорять шаг; даже люди, до того напуганные и измученные, что у них подгибались колени, вдруг, точно гальванизированные страхом, становились на мгновение более энергичными.

Жара и пыль истомили толпу. Кожа пересохла, губы почернели и потрескались. Всех мучила жажда, все устали, все натрудили ноги. Повсюду слышались споры, упреки, стоны изнеможения; у большинства голоса были хриплые и слабые. Вся толпа то и дело выкрикивала, точно припев:

— Скорей, скорей! Марсиане идут.

Некоторые останавливались и отходили в сторону от людского потока. Проселок, на котором стояла коляска, выходил на шоссе и казался ответвлением лондонской дороги. Его захлестывал бурный прилив, толпа оттесняла сюда более слабых; постояв здесь и отдохнув, они снова кидались в давку. Посреди дороги лежал человек с обнаженной ногой, перевязанной окровавленной тряпкой, и над ним склонились двое. Счастливец, у него нашлись друзья.

Маленький старичок, с седыми подстриженными по-военному усами, в грязном черно сюртуке, выбрался, прихрамывая, из давки, сел на землю, снял башмак — носок был в крови, — вытряс мелкие камешки и снова надел. Девочка лет восьми-девяти бросилась на землю у забора неподалеку от моего брата и расплакалась:

— Не могу больше идти! Не могу!

Брат, очнувшись от столбняка, стал утешать

девочку, поднял ее и отнес к мисс Элфинстон. Девочка испуганно притихла.

— Эллен! — жалобно кричала какая-то женщина в толпе. — Эллен!

Девочка вдруг вырвалась из рук брата с криком: «Мама!»

— Они идут, — сказал человек, ехавший верхом по проселку.

— Прочь с дороги, эй, вы! — кричал, привстав на козлах, какой-то кучер. Брат увидел закрытую карету, сворачивающую на проселок.

Пешеходы расступились, расталкивая друг друга, чтобы не попасть под лошадь. Брат отвел пони ближе к забору, карета проехала мимо и остановилась на повороте. Это была карета с дышлом для пары, но впряжена была только одна лошадь.

Брат смутно различил сквозь облако пыли, что двое мужчин вынесли кого-то из кареты на белых носилках и осторожно положили на траву у живой изгороди.

Один из них подбежал к брату.

— Есть тут где-нибудь вода? — спросил он. — Он умирает, пить просит… Это лорд Гаррик.

— Лорд Гаррик? — воскликнул брат. — Коронный судья?

— Где тут вода?

— Может быть, в одном из этих домов есть водопровод, — сказал брат. — У нас нет воды, и я боюсь оставить своих.

Человек стал проталкиваться сквозь толпу к воротам углового дома.

— Вперед! Вперед! — кричали люди, напирая на него. — Они идут! Не задерживайте!

Брат заметил бородатого мужчину с орлиным профилем, в руке он нес небольшой саквояж; саквояж раскрылся, из него посыпались золотые соверены, со звоном падая на землю и катясь под ноги двигавшихся людей и лошадей. Бородатый мужчина остановился, тупо глядя на рассыпавшееся золото; оглобля кеба ударила его в плечо, он пошатнулся, вскрикнул и отскочил в сторону, чуть не попав под колесо.

— Дорогу! — кричали ему. — Не останавливайтесь!

Как только кеб проехал, бородатый мужчина бросился на землю, протянул руки к куче монет и стал совать их пригоршнями в карманы. Вдруг над ним вздыбилась лошадь; он приподнялся, но тут же упал под копыта.

— Стой! — закричал брат и, оттолкнув какую-то женщину, бросился вперед, чтобы схватить

лошадь под уздцы.

Но, прежде чем брат успел это сделать, послышался крик, и сквозь клубы пыли он увидел, как колесо проехало по спине упавшего. Кучер хлестнул кнутом подбежавшего брата. Рев толпы оглушил его. Несчастный корчился в пыли среди золотых монет и не мог подняться; колесо, переехав его, повредило позвоночник, и нижняя часть его тела была парализована. Брат пытался остановить следующий экипаж. Какой-то человек верхом на вороной лошади вызвался помочь ему.

— Стащите его с дороги! — крикнул он.

Брат схватил за шиворот упавшего и стал тащить его в сторону, но тот все силился подобрать монеты и яростно бил брата по руке кулаком, сжимавшим пригоршню золота.

— Не останавливайтесь, проходите! — злобно кричали сзади. — Дорогу, дорогу!

Послышался треск, и дышло кареты ударилось о повозку, которую остановил мужчина на вороной лошади. Брат повернулся, и человек с золотыми монетами изловчился и укусил его за руку. Вороная лошадь шарахнулась, а лошадь с повозкой пронеслась мимо, чуть не задев брата копытом. Он выпустил упавшего и отскочил в

сторону. Он видел, как злоба сменилась ужасом на лице корчившегося на земле несчастного; в следующий момент брата оттеснили, он потерял его из виду и с большим трудом вернулся на проселок.

Он увидел, что мисс Элфинстон закрыла глаза рукой, а маленький мальчик с детским любопытством широко раскрытыми глазами смотрит на пыльную черную кучу под колесами катившихся экипажей.

— Поедемте обратно! — крикнул брат и стал поворачивать пони. — Нам не пробраться через этот ад. — Они проехали сто ярдов в обратном направлении, пока обезумевшая толпа не скрылась за поворотом. Проезжая мимо канавы, брат увидел под изгородью мертвенно-бледное, покрытое потом, искаженное лицо умирающего. Обе женщины сидели молча, их сотрясала дрожь.

За поворотом брат остановился. Мисс Элфинстон была очень бледна; ее невестка плакала и забыла даже про своего Джорджа. Брат тоже был потрясен и растерян. Едва отъехав от шоссе, он понял, что другого выхода нет, как снова попытаться его пересечь. Он решительно повернулся к мисс Элфинстон.

— Мы все же должны там проехать, — сказал

он и снова повернул пони.

Второй раз за этот день девушка обнаружила недюжинное присутствие духа. Брат бросился вперед и осадил какую-то лошадь, тащившую кеб, чтобы миссис Элфинстон могла проехать. Кеб зацепился колесом и обломал крыло коляски. В следующую секунду поток подхватил их и понес. Брат, с красными рубцами на лице и руках от бича кучера, правившего кебом, вскочил в коляску и взял вожжи.

— Цельтесь в человека позади, — сказал он, передавая револьвер мисс Элфинстон, — если он будет слишком напирать… Нет, цельтесь лучше в его лошадь.

Он попытался проехать по правому краю и пересечь дорогу. Это оказалось невозможным, пришлось смешаться с потоком и двигаться по течению. Вместе с толпой они миновали Чиппинг-Барнет и отъехали почти на милю от центра города, прежде чем им удалось пробиться на другую сторону дороги. Кругом был невообразимый шум и давка, но в городе и за городом дорога несколько раз разветвлялась, и толпа немного убавилась.

Они направились к востоку через Хэдли и здесь по обе стороны дороги увидели множество людей,

пивших прямо из реки и дравшихся из-за места у воды. Еще дальше, с холма близ Ист-Барнета, они видели, как вдали медленно, без гудков, друг за другом двигались на север два поезда; не только вагоны, но даже тендеры с углем были облеплены народом. Очевидно, поезда эти заполнялись пассажирами еще до Лондона, потому что из-за паники посадка на центральных вокзалах была совершенно невозможна.

Вскоре они остановились отдохнуть: все трое устали от пережитых волнений. Они чувствовали первые приступы голода, ночь была холодная, никто из них не решался уснуть. В сумерках мимо их стоянки проходили беженцы, спасаясь от неведомой опасности, — они шли в ту сторону, откуда приехал брат.

Глава XVII
«Сын Грома»

Если бы марсиане добивались только разрушения, то они могли бы тогда же, в понедельник, уничтожить все население Лондона, пока оно медленно растекалось по ближайшим графствам. Не только по дороге к Барнету, но и по дорогам к Эджуэру и Уолтхем-Эбби, и на восток к Саусэнду и

Шубэринесу, и к югу от Темзы, к Дилю и Бродстэрсу стремилась такая же обезумевшая толпа. Если бы в это июньское утро кто-нибудь, поднявшись на воздушном шаре в ослепительную синеву, взглянул на Лондон сверху, то ему показалось бы, что все северные и восточные дороги, расходящиеся от гигантского клубка улиц, испещрены черными точками, каждая точка — это человек, охваченный смертельным страхом и отчаянием. В конце предыдущей главы я передал рассказ моего брата о дороге через Чиппинг-Барнет, чтобы показать читателям, как воспринимал вблизи этот рой черных точек один из беженцев. Ни разу еще за всю историю не двигалось и не страдало вместе такое множество людей. Легендарные полчища готов и гуннов, огромные орды азиатов показались бы только каплей в этом потоке. Это было стихийное массовое движение, паническое, стадное бегство, всеобщее и ужасающее, без всякого порядка, без определенной цели; шесть миллионов людей, безоружных, без запасов еды, стремились куда-то очертя голову. Это было началом падения цивилизации, гибели человечества.

Прямо под собой воздухоплаватель увидел бы сеть длинных широких улиц, дома, церкви, площади, перекрестки, сады, уже безлюдные,

распростертые, точно огромная карта, запачканная в той части, где обозначены южные районы города. Над Илингом, Ричмондом, Уимблдоном словно какое-то чудовищное перо накапало чернильные кляксы. Безостановочно, неудержимо каждая клякса ширилась и растекалась, разветвляясь во все стороны и быстро переливаясь через возвышенности в какую-нибудь открывшуюся ложбину, — так расплывается чернильное пятно на промокательной бумаге.

Дальше, за голубыми холмами, поднимавшимися на юг от реки, расхаживали марсиане в своей сверкающей броне, спокойно и методически выпуская в тот или иной район ядовитые облака газа; затем они рассеивали газ струями пара и не спеша занимали завоеванную территорию. Они, очевидно, не стремились все уничтожить, хотели только вызвать полную деморализацию и таким образом сломить всякое сопротивление. Они взрывали пороховые склады, перерезали телеграфные провода и портили в разных местах железнодорожное полотно. Они как бы подрезали человечеству подколенную жилу. По-видимому, они не торопились расширить зону своих действий и в этот день не пошли дальше центра Лондона. Возможно, что значительное

количество лондонских жителей оставалось еще в своих домах в понедельник утром. Достоверно известно, что многие из них были задушены черным газом.

До полудня лондонский Пул представлял удивительное зрелище. Пароходы и другие суда еще стояли там, и за переезд предлагались громадные деньги. Говорят, что многие бросались вплавь к судам, их отталкивали баграми, и они тонули. Около часу дня под арками моста Блэкфрайер показались тонкие струйки черного газа. Тотчас же весь Пул превратился в арену бешеного смятения, борьбы и свалки; множество лодок и катеров стеснилось в северной арке моста Тауэр, и матросы и грузчики отчаянно отбивались от толпы, напирающей с берега. Некоторые даже спускались вниз по устоям моста…

Когда час спустя за Вестминстером появился первый марсианин и направился вниз по реке, за Лаймхаузом плавали лишь одни обломки.

Я уже упоминал о пятом цилиндре. Шестой упал возле Уимблдона. Брат, охраняя своих спутниц, спавших в коляске на лугу, видел зеленую вспышку огня далеко за холмами. Во вторник, все еще не теряя надежды уехать морем, они продолжали пробираться с толпой беженцев к

Колчестеру. Слухи о том, что марсиане уже захватили Лондон, подтвердились. Их заметили у Хайгета и даже у Нисдона. Мой брат увидел их только на следующий день.

Вскоре толпы беженцев стали нуждаться в продовольствии. Голодные люди не церемонились с чужой собственностью. Фермеры вынуждены были с оружием в руках защищать свои скотные дворы, амбары и еще не снятый с полей урожай. Некоторые беженцы, подобно моему брату, повернули на восток. Находились такие смельчаки, которые в поисках пищи возвращались обратно в сторону Лондона. Это были главным образом жители северных предместий, которые знали о черном газе лишь понаслышке. Говорили, что около половины членов правительства собралось в Бирмингеме и что большое количество взрывчатых веществ было заготовлено для закладки автоматических мин в графствах Мидлена.

Брат слышал также, что мидленская железнодорожная компания исправила все повреждения, причиненные в первый день паники, восстановила сообщение, и поезда снова идут к северу от Сент-Олбенса, чтобы уменьшить наплыв беженцев в окрестные графства. В Чиппинг-Онгаре висело объявление, сообщавшее, что в север-

ных городах имеются большие запасы муки и что в ближайшие сутки хлеб будет распределен между голодающими. Однако это сообщение не побудило брата изменить свой план; они весь день продвигались к востоку и нигде не видели обещанной раздачи хлеба. Да и никто этого не видел. В эту ночь на Примроз-Хилле упал седьмой цилиндр. Он упал во время дежурства мисс Элфинстон. Она дежурила ночью попеременно с братом и видела, как он падал.

В среду, после ночевки в пшеничном поле, трое беженцев достигли Челмсфорда, где несколько жителей, назвавшихся комитетом общественного питания, отобрали у них пони и не выдали ничего взамен, но пообещали дать долю при разделе пони на другой день. По слухам, марсиане были уже у Эппинга; говорили, что пороховые заводы в Уолтхем-Эбби разрушились при неудачной попытке взорвать одного из марсиан.

На церковных колокольнях были установлены сторожевые посты. Брат, — к счастью, как выяснилось позже, — предпочел идти пешком к морю, не дожидаясь выдачи съестных припасов, хотя все трое были очень голодны. Около полудня они прошли через Тиллингхем, который казался вымершим: только несколько мародеров рыскали

по домам в поисках еды. За Тиллингхемом они внезапно увидели море и огромное скопление всевозможных судов на рейде.

Боясь подниматься вверх по Темзе, моряки направились к берегам Эссекса — к Гарвичу, Уолтону и Клэктону, а потом к Фаулнессу и Шубэри, где забирали на борт пассажиров. Суда стояли в большом серповидном заливе, берега которого терялись в тумане у Нэйза. У самого берега стояли небольшие рыбачьи шхуны: английские, шотландские, французские, голландские и шведские; паровые катера с Темзы, яхты, моторные лодки; дальше виднелись более крупные суда — угольщики, грузовые пароходы, пассажирские, нефтеналивные океанские пароходы, старый белый транспорт, красивые, серые с белым, пароходы, курсирующие между Саутгемптоном и Гамбургом. Вдоль всего берега до Блэкуотера толпились лодки — лодочники торговались с пассажирами, стоявшими на взморье; и так почти до самого Молдона.

Мили за две от берега стояло одетое в броню судно, почти совсем погруженное в воду, как показалось брату. Это был миноносец «Сын грома». Других военных судов поблизости не было, но вдалеке, вправо, над спокойной поверхностью

моря — в этот день был мертвый штиль — змеился черный дымок; это броненосцы ла-маншской эскадры, вытянувшись в длинную линию против устья Темзы, стояли под парами, готовые к бою, и зорко наблюдали за победоносным шествием марсиан, бессильные, однако, ему помешать.

При виде моря миссис Элфинстон перепугалась, хотя золовка и старалась приободрить ее. Она никогда не выезжала из Англии, она скорей согласится умереть, чем уехать на чужбину. Бедняжка, кажется, думала, что французы не лучше марсиан. Во время двухдневного путешествия она часто нервничала и плакала. Она хотела возвратиться в Стэнмор. Наверное, в Стэнморе все спокойно и благополучно. И в Стэнморе их ждет Джордж…

С большим трудом удалось уговорить ее спуститься к берегу, где брату посчастливилось привлечь внимание нескольких матросов на колесном пароходе с Темзы. Они выслали лодку и сторговались на тридцати шести фунтах за троих. Пароход шел, по их словам, в Остенде.

Было уже около двух часов, когда брат и его спутницы, заплатив у сходней за свои места, взошли наконец на пароход. Здесь можно было достать еду, хотя и по баснословно дорогой

цене; они решили пообедать и расположились на носу.

На борту уже набралось около сорока человек; многие истратили свои последние деньги, чтобы получить место; но капитан стоял у Блэкуотера до пяти часов, набирая новых пассажиров, пока вся палуба не наполнилась народом. Он, может быть, остался бы и дольше, если бы на юге не началась канонада. Как бы в ответ на нее с миноносца раздался выстрел из небольшой пушки и взвились сигнальные флажки. Клубы дыма вырывались из его труб.

Некоторые из пассажиров уверяли, что пальба доносится из Шубэринеса, пока не стало ясно, что канонада приближается. Далеко на юго-востоке в море показались мачты трех броненосцев, окутанных черным дымом. Но внимание брата отвлекла отдаленная орудийная пальба на юге. Ему показалось, что он увидел в тумане поднимающийся столб дыма.

Пароходик заработал колесами и двинулся к востоку от длинной изогнутой линии судов. Низкий берег Эссекса уже оделся голубоватой дымкой, когда появился марсианин. Маленький, чуть заметный на таком расстоянии, он приближался по илистому берегу со стороны Фаулнесса.

Перепуганный капитан стал злобно браниться во весь голос, ругая себя за задержку, и лопасти колес, казалось, заразились его страхом. Все пассажиры стояли у поручней и смотрели на марсианина, который возвышался над деревьями и колокольнями на берегу и двигался так, словно пародировал человеческую походку.

Это был первый марсианин, увиденный братом; брат скорее с удивлением, чем со страхом, смотрел на этого титана, осторожно приближавшегося к линии судов и шагавшего по воде все дальше и дальше от берега. Потом — далеко за Краучем — показался другой марсианин, шагавший по переулку; а за ним — еще дальше — третий, точно идущий вброд через поблескивающую илистую отмель, которая, казалось, висела между небом и морем. Все они шли прямо в море, как будто намереваясь помешать отплытию судов, собравшихся между Фаулнес-сом и Нейзом. Несмотря на усиленное пыхтение машины и на бугры пены за колесами, пароходик очень медленно уходил от приближавшейся опасности.

Взглянув на северо-запад, брат заметил, что порядок среди судов нарушился: в панике они заворачивали, шли наперерез друг другу; пароходы давали свистки и выпускали клубы пара,

паруса поспешно распускались, катера сновали туда и сюда. Увлеченный этим зрелищем, брат не смотрел по сторонам. Неожиданный поворот, сделанный, чтобы избежать столкновения, сбросил брата со скамейки, на которой он стоял. Кругом затопали, закричали «ура», на которое откуда-то слабо ответили. Тут судно накренилось, и брата отбросило в сторону.

Он вскочил и увидел за бортом, всего в каких-нибудь ста ярдах от накренившегося и нырявшего пароходика, мощное стальное тело, точно лемех плуга, разрезавшее воду на две огромные пенистые волны; пароходик беспомощно махал лопастями колес по воздуху и накренялся почти до ватерлинии.

Целый душ пены ослепил на мгновение брата. Протерев глаза, он увидел, что огромное судно пронеслось мимо и идет к берегу. Надводная часть длинного стального корпуса высоко поднималась над водой, а из двух труб вырывались искры и клубы дыма. Это был миноносец «Сын грома», спешивший на выручку находившимся в опасности судам.

Ухватившись за поручни на раскачивавшейся палубе, брат отвел взгляд от промчавшегося левиафана и взглянул на марсиан. Все трое те-

перь сошлись и стояли так далеко в море, что их треножники были почти скрыты водой. Погруженные в воду, на таком далеком расстоянии они не казались уже чудовищными по сравнению со стальным гигантом, в кильватере которого беспомощно качался пароходик. Марсиане как будто с удивлением рассматривали нового противника. Быть может, этот гигант показался им похожим на них самих. «Сын грома» шел полным ходом без выстрелов. Вероятно, благодаря этому ему и удалось подойти так близко к врагу. Марсиане не знали, как поступить с ним. Один снаряд, и они тотчас же пустили бы его ко дну тепловым лучом.

«Сын грома» шел таким ходом, что через минуту уже покрыл половину расстояния между пароходиком и марсианами, — черное, быстро уменьшающееся пятно на фоне низкого, убегающего берега Эссекса.

Вдруг передний марсианин опустил свою трубу и метнул в миноносец тучи черного газа. Точно струя чернил залила левый борт миноносца, черное облако дыма заклубилось по морю, но миноносец проскочил. Наблюдателям, глядящим против солнца с низко сидящего в воде пароходика, казалось, что миноносец находится уже

среди марсиан.

Потом гигантские фигуры марсиан разделились и стали отступать к берегу, все выше и выше вырастая над водой. Один из них поднял генератор теплового луча, направляя его под углом вниз; облако пара поднялось с поверхности воды от прикосновения теплового луча. Он прошел сквозь стальную броню миноносца, как раскаленный железный прут сквозь лист бумаги. Вдруг среди облака пара блеснула вспышка, марсианин дрогнул и пошатнулся. Через секунду второй залп сбил его, и смерч из воды и пара взлетел высоко в воздух. Орудия «Сына грома» гремели дружными залпами. Один снаряд, взметнув водяной столб, упал возле пароходика, отлетел рикошетом к другим судам, уходившим к северу, и раздробил в щепы рыбачью шхуну. Но никто не обратил на это внимания. Увидев, что марсианин упал, капитан на мостике громко крикнул, и столпившиеся на корме пассажиры подхватили его крик. Вдруг все снова закричали: из белого хаоса пара, вздымая волны, неслось что-то длинное, черное, объятое пламенем, с вентиляторами и трубами, извергающими огонь.

Миноносец все еще боролся; руль, по-видимому, был не поврежден, и машины работали. Он

шел прямо на второго марсианина и находился в ста ярдах от него, когда тот направил на «Сына грома» тепловой луч. Палуба и трубы с грохотом взлетели вверх среди ослепительного пламени. Марсианин пошатнулся от взрыва, и через секунду пылающие обломки судна, все еще несшиеся вперед по инерции, ударили и подмяли его, как картонную куклу. Брат невольно вскрикнул. Снова все скрылось в хаосе кипящей воды и пара.

— Два! — крикнул капитан.

Все кричали, весь пароходик от кормы до носа сотрясался от радостного крика, подхваченного сперва на одном, а потом на всех судах и лодках, шедших в море. Пар висел над водой несколько минут, скрывая берег и третьего марсианина. Пароходик продолжал работать колесами, уходя с места боя. Когда наконец пар рассеялся, его сменил черный дым, нависший такой тучей, что нельзя было разглядеть ни «Сына грома», ни третьего марсианина. Броненосцы с моря подошли совсем близко и остановились между берегом и пароходиком.

Суденышко уходило в море; броненосцы же стали приближаться к берегу, все еще скрытому причудливо свивавшимися клубами пара и черного газа. Целая флотилия спасавшихся судов

уходила к северо-востоку; несколько рыбачьих шхун ныряло между броненосцами и пароходиком. Не дойдя до оседавшего облака пара и газа, эскадра повернула к северу и скрылась в черных сумерках. Берег расплывался, теряясь в облаках, сгущавшихся вокруг заходящего солнца.

Вдруг из золотистой мглы заката донеслись вибрирующие раскаты орудий и показались какие-то темные двигающиеся тени. Все бросились к борту, всматриваясь в ослепительное сияние вечерней зари, но ничего нельзя было разобрать. Туча дыма поднялась и скрыла солнце. Пароходик, пыхтя, отплывал все дальше, и находившиеся на нем люди так и не увидели, чем кончилось морское сражение. Солнце скрылось среди серых туч; небо побагровело, затем потемнело; вверху блеснула вечерняя звезда. Было уже совсем темно, когда капитан что-то крикнул и показал вдаль. Брат стал напряженно всматриваться. Что-то взлетело к небу из недр туманного мрака и косо поднялось кверху, быстро двигаясь в отблеске зари над тучами на западном небосклоне; что-то плоское, широкое, огромное, описав большую дугу и снижаясь, пропало в таинственном сумраке ночи. Над землей скользнула зловещая тень.

Книга вторая
Земля под властью марсиан
Глава I
Под пятой

В первой книге я сильно отклонился в сторону от своих собственных приключений, рассказывая о похождениях брата. Пока разыгрывались события, описанные в двух последних главах, мы со священником сидели в пустом доме в Голлифорде, где мы спрятались, спасаясь от черного газа. С этого момента я и буду продолжать свой рассказ. Мы оставались там всю ночь с воскресенья на понедельник и весь следующий день, день паники, на маленьком островке дневного света, отрезанные от остального мира черным газом. Эти два дня мы провели в тягостном бездействии.

Я очень тревожился за жену. Я представлял ее себе в Лезерхэде; должно быть, она перепугана, в опасности и уверена, что меня уже нет в живых. Я ходил по комнатам, содрогаясь при мысли о том, что может случиться с ней в мое отсутствие. Я не сомневался в мужестве своего двоюродного брата, но он был не из тех людей, которые быстро заме-

чают опасность и действуют без промедления. Здесь требовалась не храбрость, а осмотрительность. Единственным утешением для меня было то, что марсиане двигались к Лондону, удаляясь от Лезерхэда. Такая тревога изматывает человека. Я очень устал, и меня раздражали постоянные вопли священника и его эгоистическое отчаяние. После нескольких безрезультатных попыток его образумить я ушел в одну из комнат, очевидно, классную, где находились глобусы, модели и тетради. Когда он пробрался за мной и туда, я полез на чердак и заперся там в каморке; мне хотелось остаться наедине со своим горем.

В течение этого дня и следующего мы были безнадежно отрезаны от мира черным газом. В воскресенье вечером мы заметили признаки людей в соседнем доме: чье-то лицо у окна, свет, хлопанье дверей. Не знаю, что это были за люди и что стало с ними. На другой день мы их больше не видели. Черный газ в понедельник утром медленно сползал к реке, подбираясь все ближе и ближе к нам, и наконец заклубился по дороге перед самым домом, где мы скрывались.

Около полудня в поле показался марсианин, выпускавший из какого-то прибора струю горячего пара, который со свистом ударялся о стены,

разбивая оконные стекла, и обжег руку священнику, когда тот выбежал на дорогу из комнаты. Когда много времени спустя мы прокрались в отсыревшие от пара комнаты и снова выглянули на улицу, вся земля к северу была словно запорошена черным снегом. Взглянув на долину реки, мы были очень удивлены, заметив у черных сожженных лугов какой-то странный красноватый оттенок.

Мы не сразу сообразили, насколько это меняло наше положение, — мы видели только, что теперь нечего бояться черного газа. Наконец я понял, что мы свободны и можем уйти, что дорога к спасению открыта. Мной снова овладела жажда деятельности. Но священник по-прежнему находился в состоянии крайней апатии.

— Мы здесь в полной безопасности, — повторял он, — в полной безопасности.

Я решил покинуть его (о, если бы я это сделал!) и стал запасаться провиантом и питьем, помня о наставлениях артиллериста. Я нашел масло и тряпку, чтобы перевязать свои ожоги, захватил шляпу и фуфайку, обнаруженные в одной из спален. Когда священник понял, что я решил уйти один, он тоже начал собираться. Нам как будто ничто не угрожало, и мы отправились по почер-

невшей дороге на Санбэри. По моим расчетам было около пяти часов вечера.

В Санбэри и на дороге валялись скорченные трупы людей и лошадей, опрокинутые повозки и разбросанная поклажа; все было покрыто слоем черной пыли. Этот угольно-черный покров напомнил мне все то, что я читал о разрушении Помпеи. Мы дошли благополучно до Хэмптон-Корта, удрученные странным и необычным видом местности; в Хэмптон-Корте мы с радостью увидели клочок зелени, уцелевшей от гибельной лавины. Мы прошли через Буши-парк, где под каштанами бродили лани; вдалеке несколько мужчин и женщин спешили к Хэмптону. Наконец мы добрались до Туикенхема. Здесь в первый раз мы встретили людей.

Вдали за Хемом и Питерсхемом все еще горели леса. Туикенхем избежал тепловых лучей и черного газа, и там попадались люди, но никто не мог сообщить нам ничего нового. Почти все они так же, как и мы, спешили дальше, пользуясь затишьем. Мне показалось, что кое-где в домах еще оставались жители, вероятно, слишком напуганные, чтобы бежать. И здесь, на дороге, виднелись следы панического бегства. Мне ясно запомнились три изломанных велосипеда, лежавших

кучей и вдавленных в грунт проехавшими по ним колесами. Мы перешли Ричмондский мост около половины девятого. Мы спешили, чтобы поскорей миновать открытый мост, но я все же заметил какие-то красные груды в несколько футов шириной, плывшие вниз по течению. Я не знал, что это такое, — мне некогда было разглядывать; я дал им страшное истолкование, хотя для этого не было никаких оснований. Здесь, в сторону Суррея, тоже лежала черная пыль, бывшая недавно газом, и валялись трупы, особенно много у дороги к станции. Марсиан мы не видели, пока не подошли к Барнсу.

Селение казалось покинутым; мы увидели там трех человек, бежавших по переулку к реке. На вершине холма горел Ричмонд; за Ричмондом следов черного газа не было видно.

Когда мы приближались к Кью, мимо нас пробежали несколько человек и над крышами домов — ярдов за сто от нас — показалась верхняя часть боевой машины марсианина. Стоило марсианину взглянуть вниз — и мы пропали бы. Мы оцепенели от ужаса, потом бросились в сторону и спрятались в каком-то сарае. Священник присел на землю, всхлипывая и отказываясь идти дальше.

Но я решил во что бы то ни стало добраться до Лезерхэда и с наступлением темноты двинуться дальше. Я пробрался сквозь кустарник, прошел мимо большого дома с пристройками и вышел на дорогу к Кью. Священника я оставил в сарае, но он вскоре догнал меня.

Трудно себе представить что-либо безрассуднее этой попытки. Было очевидно, что мы окружены марсианами. Едва священник догнал меня, как мы снова увидели вдали, за полями, тянувшимися к Кью-Лоджу, боевой треножник, возможно, тот же самый, а может быть, другой. Четыре или пять маленьких черных фигурок бежали от него по серо-зеленому полю: очевидно, марсианин преследовал их. В три шага он их догнал; они побежали из-под его ног в разные стороны по радиусам. Марсианин не прибег к тепловому лучу и не уничтожил их. Он просто подобрал их всех в большую металлическую корзину, висевшую позади.

В первый раз мне пришло в голову, что марсиане, быть может, вовсе не хотят уничтожить людей, а собираются воспользоваться побежденным человечеством для других целей. С минуту мы стояли, пораженные ужасом; потом повернули назад и через ворота прокрались в обнесенный

стеной сад, заползли в какую-то яму, едва осмеливаясь перешептываться друг с другом, и лежали там, пока на небе не блеснули звезды.

Было, должно быть, около одиннадцати часов вечера, когда мы решились повторить нашу попытку и пошли уже не по дороге, а полями, вдоль изгородей, всматриваясь в темноте — я налево, священник направо, — нет ли марсиан, которые, казалось, все собрались вокруг нас. В одном месте мы натолкнулись на почерневшую, опаленную площадку, уже остывшую и покрытую пеплом, с целой грудой трупов, обгорелых и обезображенных, — уцелели только ноги и башмаки. Тут же валялись туши лошадей, на расстоянии, может быть, пятидесяти футов от четырех разорванных пушек с разбитыми лафетами.

Селение Шин, по-видимому, избежало разрушения, но было пусто и безмолвно. Здесь нам больше не попадалось трупов; впрочем, ночь была до того темна, что мы не могли разглядеть даже боковых улиц. В Шине мой спутник вдруг стал жаловаться на слабость и жажду, и мы решили зайти в один из домов.

Первый дом, куда мы проникли через окно, казался небольшой виллой с полусорванной крышей; я не мог найти там ничего съедобно-

го, кроме куска заплесневелого сыра. Зато там была вода и можно было напиться; я захватил попавшийся мне на глаза топор, который мог пригодиться нам при взломе другого дома.

Мы подошли к тому месту, где дорога поворачивает на Мортлейк. Здесь среди обнесенного стеной сада стоял белый дом; в кладовой мы нашли запас продовольствия: две ковриги хлеба, кусок сырого мяса и пол-окорока. Я перечисляю все это так подробно потому, что в течение двух следующих недель нам пришлось довольствоваться этим запасом. На полках мы нашли бутылки с пивом, два мешка фасоли и пучок вялого салата. Кладовая выходила в судомойню, где лежали дрова и стоял буфет. В буфете мы нашли почти дюжину бургундского, мясные и рыбные консервы и две жестянки с бисквитами.

Мы сидели в темной кухне, так как боялись зажечь огонь, ели хлеб с ветчиной и пили пиво из одной бутылки. Священник, по-прежнему пугливый и беспокойный, почему-то стоял за то, чтобы скорее идти, и я едва уговорил его подкрепиться. Но тут произошло событие, превратившее нас в пленников.

— Вероятно, до полуночи еще далеко, — сказал я, и тут вдруг блеснул ослепительный зеленый

свет. Вся кухня осветилась на мгновение зеленым блеском. Затем последовал такой удар, какого я никогда не слышал ни раньше, ни после. Послышался звон разбитого стекла, грохот обвалившейся каменной кладки, посыпалась штукатурка, разбиваясь на мелкие куски о наши головы. Я повалился на пол, ударившись о выступ печи, и лежал оглушенный. Священник говорил, что я долго был без сознания. Когда я пришел в себя, кругом снова было темно и священник брызгал на меня водой; его лицо было мокро от крови, которая, как я после разглядел, текла из рассеченного лба.

В течение нескольких минут я не мог сообразить, что случилось. Наконец память мало-помалу вернулась ко мне. Я почувствовал на виске боль от ушиба.

— Вам лучше? — шепотом спросил священник.

Я не сразу ответил ему. Потом приподнялся и сел.

— Не двигайтесь, — сказал он, — пол усеян осколками посуды из буфета. Вы не сможете двигаться бесшумно, а мне кажется, они совсем рядом.

Мы сидели так тихо, что каждый слышал дыхание другого. Могильная тишина; только раз

откуда-то сверху упал не то кусок штукатурки, не то кирпич. Снаружи, где-то очень близко, слышалось металлическое побрякивание.

— Слышите? — сказал священник, когда звук повторился.

— Да, — ответил я. — Но что это такое?

— Марсианин! — прошептал священник.

Я снова прислушался.

— Это был не тепловой луч, — сказал я и подумал, что один из боевых треножников наткнулся на дом. На моих глазах треножник налетел на церковь в Шеппертоне.

В таком выжидательном положении мы просидели неподвижно в течение трех или четырех часов, пока не рассвело. Наконец свет проник к нам, но не через окно, которое оставалось темным, а сквозь треугольное отверстие в стене позади нас, между балкой и грудой осыпавшихся кирпичей. В серых, предутренних сумерках мы в первый раз разглядели внутренность кухни.

Окно было завалено рыхлой землей, которая насыпалась на стол, где мы ужинали, и покрывала пол. Снаружи земля была взрыта и, очевидно, засыпала дом. В верхней части оконной рамы виднелась исковерканная дождевая труба. Пол был усеян металлическими обломками. Конец

кухни, ближе к жилым комнатам, осел, и когда рассвело, то нам стало ясно, что большая часть дома разрушена. Резким контрастом с этими развалинами был чистенький кухонный шкаф, окрашенный в бледно-зеленый цвет, обои в белых и голубых квадратах и две раскрашенные картинки на стене.

Когда стало совсем светло, мы увидели в щель фигуру марсианина, стоявшего, как я понял потом, на страже над еще не остывшим цилиндром. Мы осторожно поползли из полутемной кухни в темную судомойню.

Вдруг меня осенило: я понял, что случилось.

— Пятый цилиндр, — прошептал я, — пятый выстрел с Марса попал в этот дом и похоронил нас под развалинами!

Священник долго молчал, потом прошептал:

— Господи, помилуй нас!

И стал что-то бормотать про себя.

Все было тихо, мы сидели, притаившись в судомойне.

Я боялся даже дышать и замер на месте, пристально глядя на слабо освещенный четырехугольник кухонной двери. Я едва мог разглядеть лицо священника — неясный овал, его воротничок и манжеты. Снаружи послышался звон

металла, потом резкий свист и шипение, точно у паровой машины. Все эти загадочные для нас звуки раздавались непрерывно, все усиливаясь и нарастая. Вдруг послышался какой-то размеренный вибрирующий гул, от которого все кругом задрожало и посуда в буфете зазвенела. Свет померк, и дверь кухни стала совсем темной. Так мы сидели долгие часы, молчаливые, дрожащие, пока наконец не заснули от утомления…

Я очнулся, чувствуя сильный голод. Вероятно, мы проспали большую часть дня. Голод придал мне решимости. Я сказал священнику, что отправлюсь на поиски еды, и пополз по направлению к кладовой. Он ничего не ответил, но как только услышал, что я начал есть, тоже приполз ко мне.

Глава II
Что мы видели из развалин дома

Насытившись, мы поползли назад в судомойню, где я, очевидно, опять задремал, а очнувшись, обнаружил, что я один. Вибрирующий гул продолжался не ослабевая, с раздражающим упорством. Я несколько раз шепотом позвал священника, потом пополз к двери кухни. В дневном свете я

увидел священника в другом конце комнаты: он лежал у треугольного отверстия, выходившего наружу, к марсианам. Его плечи были приподняты, и головы не было видно.

Шум был, как в паровозном депо, и все здание содрогалось от него. Сквозь отверстие в стене я видел вершину дерева, освещенную солнцем, и клочок ясного голубого вечернего неба. С минуту я смотрел на священника, потом подкрался поближе, осторожно переступая через осколки стекла и черепки.

Я тронул священника за ногу. Он так вздрогнул, что от наружной штукатурки с треском отвалился большой кусок. Я схватил его за руку, боясь, что он закричит, и мы оба замерли. Потом я повернулся посмотреть, что осталось от нашего убежища. Обвалившаяся штукатурка образовала новое отверстие в стене; осторожно взобравшись на балку, я выглянул — и едва узнал пригородную дорогу: так все кругом изменилось.

Пятый цилиндр попал, очевидно, в тот дом, куда мы заходили сначала. Строение совершенно исчезло, превратилось в пыль и разлетелось. Цилиндр лежал глубоко в земле, в воронке, более широкой, чем яма около Уокинга, в которую я в свое время заглядывал. Земля вокруг

точно расплескалась от страшного удара («расплескалась» — самое подходящее здесь слово) и засыпала соседние дома; такая же была бы картина, если бы ударили молотком по грязи. Наш дом завалился назад; передняя часть была разрушена до самого основания. Кухня и судомойня уцелели каким-то чудом и были засыпаны тоннами земли и мусора со всех сторон, кроме одной, обращенной к цилиндру. Мы висели на краю огромной воронки, где работали марсиане. Тяжелые удары раздавались, очевидно, позади нас; ярко-зеленый пар то и дело поднимался из ямы и окутывал дымкой нашу щель.

Цилиндр был уже открыт, а в дальнем конце ямы, среди вырванных и засыпанных песком кустов, стоял пустой боевой треножник — огромный металлический остов, резко выступавший на фоне вечернего неба. Я начал свое описание с воронки и цилиндра, хотя в первую минуту мое внимание было отвлечено поразительной сверкающей машиной, копавшей землю, и странными неповоротливыми существами, неуклюже копошившимися возле нее в рыхлой земле.

Меня прежде всего заинтересовал этот механизм. Это была одна из тех сложных машин, которые назвали впоследствии многорукими и

изучение которых дало такой мощный толчок техническим изобретениям. На первый взгляд она походила на металлического паука с пятью суставчатыми подвижными лапами и со множеством суставчатых рычагов и хватающих передаточных щупалец вокруг корпуса. Большая часть рук этой машины была втянута, но тремя длинными щупальцами она хватала металлические шесты, прутья и листы — очевидно, броневую обшивку цилиндра. Машина вытаскивала, поднимала и складывала все это на ровную площадку позади воронки.

Все движения были так быстры, сложны и совершенны, что сперва я даже не принял ее за машину, несмотря на металлический блеск. Боевые треножники были тоже удивительно совершенны и казались одушевленными, но они были ничто в сравнении с этой. Люди, знающие эти машины только по бледным рисункам или по неполным рассказам очевидцев, вряд ли могут представить себе эти почти одухотворенные механизмы.

Я вспомнил иллюстрацию в брошюре, дававшей подробное описание войны. Художник, очевидно, очень поверхностно ознакомился с одной из боевых машин. Он изобразил их в ви-

де неповоротливых наклонных треножников, лишенных гибкости и легкости и производящих однообразные действия. Брошюра, снабженная этими иллюстрациями, наделала много шуму, но я упоминаю о них только для того, чтобы читатели не получили неверного представления.

Иллюстрации были не более похожи на тех марсиан, которых я видел, чем восковая кукла на человека. По-моему, эти рисунки только испортили брошюру.

Как я уже сказал, многорукая машина сперва показалась мне не машиной, а каким-то существом вроде краба с лоснящейся оболочкой; тело марсианина, тонкие щупальца которого регулировали все движения машины, я принял за нечто вроде мозгового придатка. Затем я заметил тот же серовато-бурый кожистый лоснящийся покров на других копошившихся вокруг телах и разгадал тайну изумительного механизма. После этого я все свое внимание обратил на живых, настоящих марсиан. Я уже мельком видел их, но теперь отвращение не мешало моим наблюдениям, и, кроме того, я наблюдал за ними из-за прикрытия, а не в момент поспешного бегства.

Теперь я разглядел, что в этих существах не было ничего земного. Это были большие круглые

тела, скорее головы, около четырех футов в диаметре, с неким подобием лица. На этих лицах не было ноздрей (марсиане, кажется, были лишены чувства обоняния), только два больших темных глаза и что-то вроде мясистого клюва под ними. Сзади на этой голове, или теле (я, право, не знаю, как это назвать), находилась тугая перепонка, соответствующая (это выяснили позднее) нашему уху, хотя она, вероятно, оказалась бесполезной в нашей более сгущенной атмосфере. Около рта торчали шестнадцать тонких, похожих на бичи щупалец, разделенных на два пучка — по восьми щупалец в каждом. Эти пучки знаменитый анатом профессор Хоус довольно удачно назвал руками. Когда я впервые увидел марсиан, мне показалось, что они старались опираться на эти руки, но этому, видимо, мешал увеличившийся в земных условиях вес их тел. Можно предположить, что на Марсе они довольно легко передвигаются при помощи этих щупалец.

Внутреннее анатомическое строение марсиан, как показали позднейшие вскрытия, оказалось очень несложным. Большую часть их тела занимал мозг с разветвлениями толстых нервов к глазам, уху и осязающим щупальцам. Кроме того, были найдены довольно сложные органы

дыхания — легкие — и сердце с кровеносными сосудами. Усиленная работа легких вследствие более плотной земной атмосферы и увеличения силы тяготения была заметна даже по конвульсивным движениям кожи марсиан.

Таков был организм марсианина. Нам может показаться странным, что у марсиан совершенно не оказалось никаких признаков сложного пищеварительного аппарата, являющегося одной из главных частей нашего организма. Они состояли из одной только головы. У них не было внутренностей. Они не ели, не переваривали пищу. Вместо этого они брали свежую живую кровь других организмов и впрыскивали ее себе в вены. Я сам видел, как они это делали, и упомяну об этом в свое время. Чувство отвращения мешает мне подробно описать то, на что я не мог даже смотреть. Дело в том, что марсиане, впрыскивая себе небольшой пипеткой кровь, в большинстве случаев человеческую, брали ее непосредственно из жил еще живого существа…

Одна мысль об этом кажется нам чудовищной, но в то же время я невольно думаю, какой отвратительной должна показаться наша привычка питаться мясом, скажем, кролику, вдруг получившему способность мыслить. Нельзя от-

рицать физиологических преимуществ способа инъекции, если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на еду и пищеварение. Наше тело наполовину состоит из желез, пищеварительных каналов и органов разного рода, занятых перегонкой пищи в кровь. Влияние пищеварительных процессов на нервную систему подрывает наши силы, отражается на нашей психике. Люди счастливы или несчастны в зависимости от состояния печени или поджелудочной железы. Марсиане свободны от этих влияний организма на настроение и эмоции.

То, что марсиане предпочитали людей как источник питания, отчасти объясняется природой тех жертв, которые они привезли с собой с Марса в качестве провианта. Эти существа, судя по тем высохшим останкам, которые попали в руки людей, тоже были двуногими, с непрочным кремнистым скелетом (вроде наших кремнистых губок) и слаборазвитой мускулатурой; они были около шести футов ростом, с круглой головой и большими глазами в кремнистых впадинах. В каждом цилиндре находилось, кажется, по два или по три таких существа, но все они были убиты еще до прибытия на Землю. Они все равно погибли бы на Земле, так как при первой же

попытке встать на ноги сломали бы себе кости.

Раз я уже занялся этим описанием, то добавлю здесь кое-какие подробности, которые в то время не были ясны для нас и которые помогут читателю, не видевшему марсиан, составить себе более ясное представление об этих грозных созданиях.

В трех отношениях их физиология резко отличалась от нашей. Их организм не нуждался в сне и постоянно бодрствовал, как у людей сердце. Им не приходилось возмещать сильное мускульное напряжение, и поэтому периодическое прекращение деятельности было им неизвестно. Так же чуждо было им ощущение усталости. На Земле они передвигались с большими усилиями, но даже и здесь находились в непрерывной деятельности. Подобно муравьям, они работали все двадцать четыре часа в сутки.

Во-вторых, марсиане были бесполыми и потому не знали тех бурных эмоций, которые возникают у людей вследствие различия полов. Точно установлено, что на Земле во время войны родился один марсианин; он был найден на теле своего родителя отпочковавшимся, как молодые лилии из луковиц или молодые организмы пресноводного полипа.

У человека и у всех высших видов земных

животных подобного способа размножения, который считается самым примитивным, не существует. У низших животных, кончая оболочниками, стоящими ближе всего к позвоночным, существуют оба способа размножения, но на высших ступенях развития половой способ размножения совершенно вытесняет почкование. На Марсе, по-видимому, развитие шло в обратном направлении.

Любопытно, что один писатель, склонный к лженаучным умозрительным построениям, еще задолго до нашествия марсиан предсказал человеку будущего как раз то строение, какое оказалось у них. Его предсказание, если не ошибаюсь, появилось в 1893 году в ноябрьском или декабрьском номере давно уже прекратившего существование «Пэлл-Мэлл баджит». Я припоминаю карикатуру на эту тему, помещенную в известном юмористическом журнале домарсианской эпохи «Панч». Автор статьи доказывал, излагая свою мысль в веселом, шутливом тоне, что развитие механических приспособлений должно в конце концов задержать развитие человеческого тела, а химическая пища ликвидирует пищеварение; он утверждал, что волосы, нос, зубы, уши, подбородок постепенно потеряют свое

значение для человека и естественный отбор в течение грядущих веков их уничтожит. Будет развиваться один только мозг. Еще одна часть тела переживет остальные — это рука, «учитель и слуга мозга». Все части тела будут атрофироваться, руки же будут все более и более развиваться.

Истина нередко высказывается в форме шутки. У марсиан мы, несомненно, видим подобное подчинение животной стороны организма интеллекту. Мне кажется вполне вероятным, что у марсиан, произошедших от существ, в общем похожих на нас, мозг и руки (последние в конце концов заменились двумя пучками щупалец) постепенно развились за счет остального организма. Мозг без тела должен был создать, конечно, более эгоистичный интеллект, без всяких человеческих эмоций.

Третье отличие марсиан от нас с первого взгляда может показаться несущественным. Микроорганизмы, возбудители стольких болезней и страданий на Земле, либо никогда не появлялись на Марсе, либо санитария марсиан уничтожила их много столетий назад. Сотни заразных болезней, лихорадки и воспаления, поражающие человека, чахотка, рак, опухоли и тому подобные недуги были им совершенно неизвестны.

Говоря о различии между жизнью на Земле и на Марсе, я должен упомянуть о странном появлении красной травы.

Очевидно, растительное царство Марса в отличие от земного, где преобладает зеленый цвет, имеет кроваво-красную окраску. Во всяком случае, те семена, которые марсиане (намеренно или случайно) привезли с собой, давали ростки красного цвета. Впрочем, в борьбе с земными видами растений только одна всем известная красная трава достигла некоторого развития. Красный вьюн скоро засох, и лишь немногие его видели. Что же касается красной травы, то некоторое время она росла удивительно быстро. Она появилась на краях ямы на третий или четвертый день нашего заточения, и ее побеги, походившие на ростки кактуса, образовали карминовую бахрому вокруг нашего треугольного окна. Впоследствии я встречал ее в изобилии по всей стране, особенно поблизости от воды.

Марсиане имели орган слуха — круглую перепонку на задней стороне головы-тела, и их глаза по силе зрения не уступали нашим, только синий и фиолетовый цвет, по мнению Филипса, должен был казаться им черным. Предполагают, что они общались друг с другом при помощи звуков и

движений щупалец; так утверждает, например, интересная, но наспех написанная брошюра, автор которой, очевидно, не видел марсиан; на эту брошюру я уже ссылался, она до сих пор служит главным источником сведений о марсианах. Однако ни один из оставшихся в живых людей не наблюдал так близко марсиан, как я. Это произошло, правда, не по моему желанию, но все же это несомненный факт. Я наблюдал за ними внимательно день за днем и утверждаю, что видел собственными глазами, как четверо, пятеро и один раз даже шестеро марсиан, с трудом передвигаясь, выполняли самые тонкие, сложные работы сообща, не обмениваясь ни звуком, ни жестом. Издаваемое ими лишенное всяких модуляций уханье слышалось обычно перед едой; по-моему, оно вовсе не служило сигналом, а происходило просто вследствие выдыхания воздуха перед впрыскиванием крови. Мне известны основы психологии, и я твердо убежден, что марсиане обменивались мыслями без посредства физических органов. Утверждаю это, несмотря на мое предубеждение против телепатии. Перед нашествием марсиан, если только читатель помнит мои статьи, я высказывался довольно резко против телепатических теорий.

Марсиане не носили одежды. Их понятия о нарядах и приличиях, естественно, расходились с нашими; они не только были менее чувствительны к переменам температуры, чем мы, но и перемена давления, по-видимому, не отразилась вредно на их здоровье. Хотя они не носили одежды, но их громадное превосходство над людьми заключалось в других искусственных приспособлениях, которыми они пользовались. Мы с нашими велосипедами и прочими средствами передвижения, с нашими летательными аппаратами Лилиенталя, с нашими пушками, ружьями и всем прочим находимся только в начале той эволюции, которую уже проделали марсиане. Они сделались как бы чистым разумом, пользующимся различными машинами смотря по надобности, точно так же как человек меняет одежду, берет для скорости передвижения велосипед или зонт для защиты от дождя. В машинах марсиан для нас удивительнее всего совершенное отсутствие важнейшего элемента почти всех человеческих изобретений в области механики — колеса; ни в одной машине из доставленных ими на Землю нет даже подобия колес. Можно было бы ожидать, что у них применяются колеса, по крайней мере для передвижения. Однако в свя-

зи с этим любопытно отметить, что природа даже и на Земле не знает колес и предпочитает достигать своих целей другими средствами. Марсиане тоже не знают (что, впрочем, маловероятно) или избегают колес и очень редко пользуются в своих аппаратах неподвижными или относительно неподвижными осями с круговым движением, сосредоточенным в одной плоскости. Почти все соединения в их машинах представляют собой сложную систему скользящих деталей, двигающихся на небольших, искусно изогнутых подшипниках. Затронув эту тему, я должен упомянуть и о том, что длинные рычажные соединения в машинах марсиан приводятся в движение подобием мускулатуры, состоящим из дисков в эластичной оболочке; эти диски поляризуются при прохождении электрического тока и плотно прилегают друг к другу. Благодаря такому устройству получается странное сходство с движениями живого существа, столь поражавшее и даже ошеломлявшее наблюдателя. Такого рода подобия мускулов находились в изобилии и в той напоминавшей краба многорукой машине, которая «распаковывала» цилиндр, когда я первый раз заглянул в щель. Она казалась гораздо более живой, чем марсиане, лежавшие возле

нее и освещенные косыми лучами восходящего солнца; они тяжело дышали, шевелили щупальцами и еле передвигались после утомительного перелета в межпланетном пространстве.

Я долго наблюдал за их медлительными движениями при свете солнца и подмечал особенности их строения, пока священник не напомнил о своем присутствии, неожиданно схватив меня за руку. Я обернулся и увидел его нахмуренное лицо и сердито сжатые губы. Он хотел тоже посмотреть в щель: место было только для одного. Таким образом, я должен был на время отказаться от наблюдений за марсианами и предоставить эту привилегию ему.

Когда я снова заглянул в щель, многорукая машина уже успела собрать части вынутого из цилиндра аппарата; новая машина имела точно такую же форму, как и первая. Внизу налево работал какой-то небольшой механизм; выпуская клубы зеленого дыма, он рыл землю и продвигался вокруг ямы, углубляя и выравнивая ее. Эта машина и производила тот размеренный гул, от которого сотрясалось наше полуразрушенное убежище. Машина дымила и свистела во время работы. Насколько я мог судить, никто не управлял ею.

Глава III
Дни заточения

Появление второго боевого треножника загнало нас в судомойню, так как мы опасались, что со своей вышки марсианин заметит нас за нашим прикрытием. Позже мы поняли, что наше убежище должно казаться находившимся на ярком свете марсианам темным пятном, и перестали бояться, но сначала при каждом приближении марсиан мы в панике бросались в судомойню. Однако, невзирая на опасность, нас неудержимо тянуло к щели. Теперь я с удивлением вспоминаю, что, несмотря на всю безвыходность нашего положения — ведь нам грозила либо голодная, либо еще более ужасная смерть, — мы даже затевали драку из-за того, кому смотреть первому. Мы бежали на кухню, сгорая от нетерпения и боясь произвести малейший шум, отчаянно толкались и лягались, находясь на волосок от гибели.

Мы были совершенно разными людьми по характеру, по манере мыслить и действовать; опасность и заключение еще резче выявили это различие. Уже в Голлифорде меня возмущали

беспомощность и напыщенная ограниченность священника. Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться, обдумать создавшееся положение и доводили меня, и без того крайне возбужденного, чуть не до припадка. У него было не больше выдержки, чем у глупенькой женщины. Он готов был плакать по целым часам, и я уверен, что он, как ребенок, воображал, что слезы помогут ему. Даже в темноте он ежеминутно докучал своей назойливостью. Кроме того, он ел больше меня, и я тщетно напоминал ему, что нам ради нашего спасения необходимо оставаться дома до тех пор, пока марсиане не кончат работу в яме, и что поэтому надо экономить еду. Он ел и пил сразу помногу после больших перерывов. Спал мало.

Дни шли за днями; его крайняя беспечность и безрассудность ухудшали наше и без того отчаянное положение и увеличивали опасность, так что я волей-неволей должен был прибегнуть к угрозам, даже к побоям. Это образумило его, но ненадолго. Он принадлежал к числу тех слабых, вялых, лишенных самолюбия, трусливых ив то же время хитрых созданий, которые не решаются смотреть прямо в глаза ни Богу, ни людям, ни даже самим себе.

Мне неприятно вспоминать и писать об этом, но я обязан рассказывать все. Те, кому удалось избежать темных и страшных сторон жизни, не задумываясь, осудят мою жестокость, мою вспышку ярости в последнем акте нашей драмы; они отлично знают, что хорошо и что дурно, но, полагаю, не ведают, до чего муки могут довести человека. Однако те, которые сами прошли сквозь мрак до самых низин примитивной жизни, поймут меня и будут снисходительны.

И вот, пока мы со священником в тишине и мраке пререкались вполголоса, вырывали друг у друга еду и питье, толкались и дрались, в яме снаружи под беспощадным июньским солнцем марсиане налаживали свою непонятную для нас жизнь. Я вернусь к рассказу о том, что я видел. После долгого перерыва я наконец решился подползти к щели и увидел, что появились еще три боевых треножника, которые притащили какие-то новые приспособления, расставленные теперь в стройном порядке вокруг цилиндра. Вторая многорукая машина, теперь законченная, обслуживала новый механизм, принесенный боевым треножником. Корпус этого нового аппарата по форме походил на молочный бидон с грушевидной вращающейся воронкой наверху, из которой

сыпался в подставленный снизу круглый котел белый порошок.

Вращение производило одно из щупалец многорукой машины. Две лопатообразные руки копали глину и бросали ее в грушевидный приемник, в то время как третья рука периодически открывала дверцу и удаляла из средней части прибора обгоревший шлак. Четвертое стальное щупальце направляло порошок из котла по коленчатой трубке в какой-то новый приемник, скрытый от меня кучей голубоватой пыли. Из этого невидимого приемника поднималась вверх струйка зеленого дыма. Многорукая машина с негромким музыкальным звоном вдруг вытянула, как подзорную трубу, щупальце, казавшееся минуту назад тупым отростком, и закинула его за кучу глины. Через секунду щупальце подняло вверх полосу белого алюминия, еще не остывшего и ярко блестевшего, и бросило ее на клетку из таких же полос, сложенную возле ямы. От заката солнца до появления звезд эта ловкая машина изготовила не менее сотни таких полос прямо из глины, и куча голубоватой пыли стала подниматься выше края ямы.

Контраст между быстрыми и сложными движениями всех этих машин и медлительными,

неуклюжими движениями их хозяев был так разителен, что мне пришлось долго убеждать себя, что марсиане, а не их орудия являются живыми существами.

Когда в яму принесли первых пойманных людей, у щели стоял священник. Я сидел на полу и напряженно прислушивался. Вдруг он отскочил назад, и я в ужасе притаился, думая, что нас заметили. Он тихонько пробрался ко мне по мусору и присел рядом в темноте, невнятно бормоча и показывая что-то жестами; испуг его передался и мне. Знаком он дал понять, что уступает мне щель; любопытство придало мне храбрости; я встал, перешагнул через священника и припал к щели. Сначала я не понял причины его страха. Наступили сумерки, звезды казались крошечными, тусклыми, но яма освещалась зелеными вспышками от машины, изготовлявшей алюминий. Неровные вспышки зеленого огня и двигавшиеся черные смутные тени производили жуткое впечатление. В воздухе кружились летучие мыши, ничуть не пугавшиеся. Теперь копошащихся марсиан не было видно за выросшей кучей голубовато-зеленого порошка. В одном из углов ямы стоял укороченный боевой треножник со сложенными поджатыми ногами. Вдруг среди

гула машин послышались как будто человеческие голоса. Я подумал, что мне померещилось, и сначала не обратил на это внимания.

Я нагнулся, наблюдая за боевым треножником, и тут только окончательно убедился, что в колпаке его находился марсианин. Когда зеленое пламя вспыхнуло ярче, я разглядел его лоснящийся кожный покров и блеск его глаз. Вдруг послышался крик, и я увидел, как длинное щупальце протянулось за плечо машины к металлической клетке, висевшей сзади. Щупальце подняло что-то отчаянно барахтавшееся высоко в воздух — черный, неясный, загадочный предмет на фоне звездного неба; когда этот предмет опустился, я увидел при вспышке зеленого света, что это человек. Я видел его одно мгновение. Это был хорошо одетый, сильный, румяный, средних лет мужчина. Три дня назад это, вероятно, был человек, уверенно шагавший по земле. Я видел его широко раскрытые глаза и отблеск огня на его пуговицах и часовой цепочке. Он исчез по другую сторону кучи, и на мгновение все стихло. Потом послышались отчаянные крики и продолжительное, удовлетворенное уханье марсиан…

Я соскользнул с кучи щебня, встал на ноги и, зажав уши, бросился в судомойню. Священник,

который сидел сгорбившись, обхватив голову руками, взглянул на меня, когда я пробегал мимо, довольно громко вскрикнул, очевидно, думая, что я покидаю его, и бросился за мной…

В эту ночь, пока мы сидели в судомойне, разрываясь между смертельным страхом и желанием взглянуть в щель, я тщетно пытался придумать какой-нибудь способ спасения, хотя понимал, что действовать надо безотлагательно. Но на следующий день я заставил себя трезво оценить создавшееся положение. Священник не мог участвовать в обсуждении планов; от страха он лишился способности логически рассуждать и мог действовать лишь импульсивно. В сущности, он стал почти животным. Мне приходилось рассчитывать только на самого себя. Обдумав все хладнокровно, я решил, что, несмотря на весь ужас нашего положения, отчаиваться не следует. Мы могли надеяться, что марсиане расположились в яме только временно. Пусть они даже превратят яму в постоянный лагерь, и тогда нам может представиться случай к бегству, если они не сочтут нужным ее охранять. Я обдумал также очень тщательно план подкопа с противоположной стороны, но здесь нам угрожала опасность быть замеченными с какого-нибудь сторожевого

треножника. Кроме того, подкоп пришлось бы делать мне одному. На священника полагаться было нельзя.

Три дня спустя (если память мне не изменяет) на моих глазах был умерщвлен юноша; это был единственный раз, когда я видел, как питаются марсиане. После этого я почти целый день не подходил к щели. Я отправился в судомойню, отворил дверь и несколько часов рыл топором землю, стараясь производить как можно меньше шума. Но когда я вырыл яму фута в два глубиной, тяжелая земля с шумом осела, и я не решился рыть дальше. Я замер и долго лежал на полу боясь пошевельнуться. После этого я бросил мысль о подкопе.

Интересно отметить один факт: впечатление, произведенное на меня марсианами, было таково, что я не надеялся на победу людей, благодаря которой мог бы спастись. Однако на четвертую или пятую ночь послышались выстрелы тяжелых орудий.

Была глубокая ночь, и луна ярко сияла. Марсиане убрали экскаватор и куда-то скрылись; лишь на некотором расстоянии от ямы стоял боевой треножник, да в одном из углов ямы многорукая машина продолжала работать как раз под щелью,

в которую я смотрел. В яме было совсем темно, за исключением тех мест, куда падал лунный свет или отблеск многорукой машины, нарушавшей тишину своим лязгом. Ночь была ясная, тихая. Луна почти безраздельно царила в небе, одна только звезда нарушала ее одиночество. Вдруг послышался собачий лай, и этот знакомый звук заставил меня насторожиться. Потом очень отчетливо я услышал гул, словно грохот тяжелых орудий. Я насчитал шесть выстрелов и после долгого перерыва — еще шесть. Потом все стихло.

Глава IV
Смерть священника

Это произошло на шестой день нашего заточения. Я смотрел в щель и вдруг почувствовал, что я один. Только что стоявший рядом со мной и отталкивавший меня от щели священник почему-то ушел в судомойню. Мне показалось это подозрительным. Беззвучно ступая, я быстро двинулся в судомойню. В темноте я услышал, что священник пьет. Я протянул руку и нащупал бутылку бургундского.

Несколько минут мы боролись. Бутылка упала и разбилась. Я выпустил его и поднялся на но-

ги. Мы стояли друг против друга, тяжело дыша, сжимая кулаки. Наконец я встал между ним и запасами провизии и сказал, что решил ввести строгую дисциплину. Я разделил весь запас продовольствия на части так, чтобы его хватило на десять дней. Сегодня он больше ничего не получит.

Днем он пытался снова подобраться к припасам. Я задремал было, но сразу встрепенулся. Весь день и всю ночь мы сидели друг против друга; я смертельно устал, но был тверд, он хныкал и жаловался на нестерпимый голод. Я знаю, что так прошли лишь одна ночь и один день, но мне казалось тогда и даже теперь кажется, что это тянулось целую вечность.

Постоянные разногласия между нами привели наконец к открытому столкновению. В течение двух долгих дней мы перебранивались вполголоса, спорили, пререкались. Иногда я терял самообладание и бил его, иногда ласково убеждал, раз я даже попытался соблазнить его последней бутылкой бургундского: в кухне был насос для дождевой воды, откуда я мог напиться. Но ни уговоры, ни побои не действовали, казалось, он сошел с ума. Он по-прежнему пытался захватить провизию и продолжал разговаривать

вслух сам с собой. Он вел себя очень неосторожно, и мы каждую минуту могли быть обнаружены. Скоро я понял, что он совсем потерял рассудок, — я оказался в темноте наедине с сумасшедшим.

Мне думается, что и я был в то время не вполне нормален. Меня мучили дикие, ужасные сны. Как это ни странно, но я склонен думать, что сумасшествие священника послужило мне предостережением: я напряженно следил за собой и поэтому сохранил рассудок.

На восьмой день священник начал говорить, и я ничем не мог удержать поток его красноречия.

— Это справедливая кара, о Боже, — повторял он поминутно, — справедливая! Порази меня и весь род мой. Мы согрешили, мы впали в грех… Повсюду люди страдали, бедных смешивали с прахом, а я молчал. Мои проповеди — сущее безумие, о Боже мой, что за безумие! Я должен был восстать и, не щадя жизни своей, призывать к покаянию, к покаянию!.. Угнетатели бедных и страждущих!.. Карающая десница Господня!..

Потом он снова вспомнил о провизии, к которой я его не подпускал, умолял меня, плакал, угрожал. Он начал повышать голос; я просил не делать этого; он понял свою власть надо мной и начал грозить, что будет кричать и привлечет

внимание марсиан. Сперва это меня испугало, но я понял, что, уступи я, наши шансы на спасение уменьшились бы. Я отказал ему, хоть и не был уверен, что он не приведет в исполнение свою угрозу. В этот день, во всяком случае, этого не произошло. Он говорил все громче и громче весь восьмой и девятый день; это были угрозы, мольбы, порывы полубезумного многоречивого раскаяния в небрежном, недостойном служении Богу. Мне даже стало жаль его. Немного поспав, он снова начал говорить, на этот раз так громко, что я вынужден был вмешаться.

— Молчите! — умолял я.

Он опустился на колени в темноте возле котла.

— Я слишком долго молчал, — сказал он так громко, что его должны были услышать в яме, — теперь я должен свидетельствовать. Горе этому беззаконному граду! Горе! Горе! Горе! Горе обитателям Земли, ибо уже прозвучала труба.

— Замолчите! — прохрипел я, вскакивая, ужасаясь при мысли, что марсиане услышат нас. — Ради Бога, замолчите!..

— Нет! — воскликнул громко священник, поднимаясь и простирая вперед руки. — Изреки! Слово Божие в моих устах!

В три прыжка он очутился у двери в кухню.

— Я должен свидетельствовать! Я иду! Я и так уже долго медлил.

Я схватил секач, висевший на стене, и бросился за ним. От страха я пришел в бешенство. Я настиг его посреди кухни. Поддаваясь последнему порыву человеколюбия, я повернул острие ножа к себе и ударил его рукояткой. Он упал ничком на пол. Я, шатаясь, перешагнул через него и остановился, тяжело дыша. Он лежал не двигаясь.

Вдруг я услышал шум снаружи, как будто осыпалась штукатурка, и треугольное отверстие в стене закрылось. Я взглянул вверх и увидел, что многорукая машина двигается мимо щели. Одно из щупалец извивалось среди обломков. Показалось второе щупальце, заскользившее по рухнувшим балкам. Я замер от ужаса. Потом я увидел нечто вроде прозрачной пластинки, прикрывавшей чудовищное лицо и большие темные глаза марсианина. Металлический спрут извивался, щупальце медленно просовывалось в пролом.

Я отскочил, споткнулся о священника и остановился у двери судомойни. Щупальце просунулось ярда на два в кухню, извиваясь и поворачиваясь во все стороны. Несколько секунд я стоял как зачарованный, глядя на его медленное, толчкооб-

разное приближение. Потом, тихо вскрикнув от страха, бросился в судомойню. Я так дрожал, что едва стоял на ногах. Открыв дверь в угольный подвал, я стоял в темноте, глядя через щель в двери и прислушиваясь. Заметил ли меня марсианин? Что он там делает?

В кухне что-то медленно двигалось, задевало за стены с легким металлическим побрякиванием, точно связка ключей на кольце. Затем какое-то тяжелое тело — я хорошо знал какое — поволоклось по полу кухни к отверстию. Я не удержался, подошел к двери и заглянул в кухню. В треугольном, освещенном солнцем отверстии я увидел марсианина в многорукой машине, напоминавшего Бриарея, он внимательно разглядывал голову священника. Я сразу же подумал, что он догадается о моем присутствии по глубокой ране.

Я пополз в угольный погреб, затворил дверь и в темноте, стараясь не шуметь, стал зарываться в уголь и наваливать на себя дрова. Каждую минуту я застывал и прислушивался, не двигается ли наверху щупальце марсианина.

Вдруг легкое металлическое побрякивание возобновилось. Щупальце медленно двигалось по кухне. Все ближе и ближе — оно уже в судо-

мойне. Я надеялся, что оно не достанет до меня. Я начал горячо молиться. Щупальце царапнуло по двери погреба. Наступила целая вечность почти невыносимого ожидания; я услышал, как стукнула щеколда. Он отыскал дверь! Марсиане понимают, что такое двери!

Щупальце провозилось со щеколдой не более одной минуты; потом дверь отворилась.

В темноте я лишь смутно видел этот гибкий отросток, больше всего напоминавший хобот слона; щупальце приближалось ко мне, трогало и ощупывало стену, куски угля, дрова и потолок. Это был словно темный червь, поворачивавший свою слепую голову.

Щупальце коснулось каблука моего ботинка. Я чуть не закричал, но сдержался, вцепившись зубами в руку. С минуту все было тихо. Я уже начал думать, что оно исчезло. Вдруг, неожиданно щелкнув, оно схватило что-то — мне показалось, что меня! — и как будто стало удаляться из погреба. Но я не был в этом уверен. Очевидно, оно захватило кусок угля.

Воспользовавшись случаем, я расправил онемевшие члены и прислушался. Я горячо молился про себя о спасении.

Я не знал, дотянется оно до меня или нет. Вдруг

сильным коротким ударом оно захлопнуло дверь погреба. Я слышал, как оно зашуршало по кладовой, слышал, как передвигались жестянки с бисквитами, как разбилась бутылка. Потом новый удар в дверь погреба. Потом тишина и бесконечно томительное ожидание.

Ушло или нет?

Наконец я решил, что ушло.

Щупальце больше не возвращалось в угольный погреб; но я пролежал весь десятый день в темноте, зарывшись в уголь, не смея выползти, даже чтобы напиться, хотя мне страшно хотелось пить. Только на одиннадцатый день я решился выйти из своего убежища.

Глава V
Тишина

Прежде чем пойти в кладовую, я запер дверь из кухни в судомойню. Но кладовая была пуста; провизия вся исчезла — до последней крошки. Очевидно, марсианин все унес. Впервые за эти десять дней меня охватило отчаяние. Не только в этот день, но и в последующие два дня я не ел ничего.

Рот и горло у меня пересохли, я сильно ослабел.

Я сидел в судомойне в темноте, потеряв всякую надежду. Мне мерещились разные кушанья, и казалось, что я оглох, так как звуки, которые я привык слышать со стороны ямы, совершенно прекратились. У меня даже не хватило сил, чтобы бесшумно подползти к щели в кухне, иначе я бы это сделал.

На двенадцатый день горло у меня так пересохло, что я, рискуя привлечь внимание марсиан, стал качать скрипучий насос возле раковины и добыл стакана два темной, мутной жидкости. Вода освежила меня, и я несколько приободрился, видя, что на шум от насоса не явилось ни одно щупальце.

В течение этих дней я много размышлял о священнике и его гибели, но мысли мои путались и разбегались.

На тринадцатый день я выпил еще немного воды и в полудреме думал о еде и строил фантастические, невыполнимые планы побега. Как только я начинал дремать, меня мучили кошмары: то смерть священника, то роскошные пиры. Но и во сне и наяву я чувствовал такую мучительную боль в горле, что, просыпаясь, пил и пил без конца. Свет, проникавший в судомойню, был теперь не сероватый, а красноватый. Нервы у

меня были так расстроены, что этот свет казался мне кровавым.

На четырнадцатый день я отправился в кухню и очень удивился, увидев, что трещина в стене заросла красной травой и полумрак приобрел красноватый оттенок.

Рано утром на пятнадцатый день я услышал в кухне какие-то странные, очень знакомые звуки. Прислушавшись, я решил, что это, должно быть, повизгивание и царапанье собаки. Войдя в кухню, я увидел собачью морду, просунувшуюся в щель сквозь заросли красной травы. Я очень удивился. Почуяв меня, собака отрывисто залаяла.

Я подумал, что, если удастся заманить ее в кухню без шума, я смогу убить ее и съесть; во всяком случае, лучше ее убить, не то она может привлечь внимание марсиан.

Я пополз к ней и ласково поманил шепотом:

— Песик! Песик!

Но собака скрылась.

Я прислушался — нет, я не оглох: в яме в самом деле тихо. Я различал только какой-то звук, похожий на хлопанье птичьих крыльев, да еще резкое карканье — и больше ничего.

Долго лежал я у щели, не решаясь раздвинуть красную поросль. Раз или два я слышал легкий

шорох — как будто собака бегала где-то внизу по песку. Слышал, как мне казалось, шуршание крыльев, и только. Наконец, осмелев, я выглянул наружу.

В яме никого. Только в одном углу стая ворон дралась над останками мертвецов, высосанных марсианами.

Я смотрел, не веря своим глазам. Ни одной машины. Яма опустела; в одном углу — груда серовато-голубой пыли, в другом — несколько алюминиевых полос да черные птицы над человеческими останками.

Медленно пролез я сквозь красную поросль и встал на кучу щебня. Передо мной было открытое пространство, только сзади, на севере, горизонт был закрыт разрушенным домом, — и нигде я не заметил никаких признаков марсиан. Яма начиналась как раз у моих ног, но по щебню можно было взобраться на груду обломков. Значит, я спасен! Я весь затрепетал.

Несколько минут я стоял в нерешительности, потом в порыве отчаянной смелости, с бьющимся сердцем вскарабкался на вершину развалин, под которыми я был так долго заживо погребен.

Я осмотрелся еще раз. И к северу тоже ни одного марсианина.

Когда в последний раз я видел эту часть Шина при дневном свете, здесь тянулась извилистая улица — нарядные белые и красные домики, окруженные тенистыми деревьями. Теперь я стоял на груде мусора, кирпичей, глины и песка, густо поросшей какими-то похожими на кактус, по колено высотой, красными растениями, заглушившими всю земную растительность. Деревья кругом стояли оголенные, черные; по еще живым стволам взбирались красные побеги.

Окрестные дома все были разрушены, но ни один не сгорел; стены уцелели до второго этажа, но все окна были разбиты, двери сорваны. Красная трава буйно росла даже в комнатах. Подо мной в яме вороны дрались из-за падали. Множество птиц порхало по развалинам. По стене одного дома осторожно спускалась тощая кошка; но признаков людей я не видел нигде.

День показался мне после моего заточения ослепительным, небо — ярко-голубым. Легкий ветерок слегка шевелил красную траву, разросшуюся повсюду, как бурьян. О, каким сладостным показался мне воздух!

Глава VI
Что сделали марсиане за две недели

Несколько минут я стоял, пошатываясь, на груде мусора и обломков, совершенно забыв про опасность. В той зловонной берлоге, откуда я только что вылез, я все время думал лишь об угрожавшей мне опасности. Я не знал, что произошло за эти дни, не ожидал такого поразительного зрелища. Я думал увидеть Шин в развалинах — передо мной расстилался странный и зловещий ландшафт, словно на другой планете.

В эту минуту я испытал чувство, чуждое людям, но хорошо знакомое подвластным нам животным. Я испытал то, что чувствует кролик, возвратившийся к своей норке и вдруг обнаруживший, что землекопы срыли до основания его жилище. Тогда я впервые смутно ощутил то, что потом стало мне вполне ясно, что угнетало меня уже много дней, — чувство развенчанности, убеждение, что я уже не царь Земли, а животное среди других тварей под пятой марсиан. С нами будет то же, что и с другими животными, — нас будут выслеживать, травить, а мы будем убегать

и прятаться: царство человека кончилось.

Эта мысль промелькнула и исчезла, и мной всецело овладело чувство голода: ведь я уже столько времени не ел! Невдалеке от ямы, за оградой, заросшей красной травой, я заметил уцелевший клочок сада. Это внушило мне некоторую надежду, и я стал пробираться, увязая по колено, а то и по шею в красной траве и чувствуя себя в безопасности под ее прикрытием. Стена сада была около шести футов высоты, и когда я попробовал вскарабкаться на нее, оказалось, что я не в силах занести ногу. Я прошел дальше вдоль стены до угла, где увидел искусственный холм, взобрался на него и спрыгнул в сад. Тут я нашел несколько луковиц шпажника и много мелкой моркови. Собрав все это, я перелез через разрушенную стену и направился к Кью между деревьями, обвитыми багряной и карминовой порослью; это походило на прогулку среди кровавых сталактитов. Мной владела лишь одна мысль: набрать побольше съестного и бежать, уйти как можно скорей из этой проклятой, непохожей на земную местности!

Несколько дальше я нашел в траве кучку грибов и съел их, затем наткнулся на темную полосу проточной воды — там, где раньше бы-

ли луга. Жалкая пища только обострила мой голод. Сначала я недоумевал, откуда взялась эта влага в разгаре жаркого, сухого лета, но потом догадался, что ее вызвало тропически-буйное произрастание красной травы. Как только это необыкновенное растение встречало воду, оно очень быстро достигало гигантских размеров и необычайно разрасталось. Его семена попали в воду Уэй и Темзы, и бурно растущие побеги скоро покрыли обе реки.

В Патни, как я после увидел, мост был почти скрыт зарослями травы; у Ричмонда воды Темзы разлились широким, но неглубоким потоком по лугам Хэмптона и Туикенхема. Красная трава шла вслед за разливом, и скоро все разрушенные виллы в долине Темзы исчезли в алой трясине, на окраине которой я находился; красная трава скрыла следы опустошения, произведенного марсианами.

Впоследствии эта красная трава исчезла так же быстро, как и выросла. Ее погубила болезнь, вызванная, очевидно, какими-то бактериями. Дело в том, что благодаря естественному отбору все земные растения выработали в себе способность сопротивляться бактериальным заражениям, они никогда не погибают без упорной борьбы; но

красная трава засыхала на корню. Листья ее белели, сморщивались и становились хрупкими. Они отваливались при малейшем прикосновении, и вода, сначала помогавшая росту красной травы, тогда уносила последние ее остатки в море.

Подойдя к воде, я, конечно, первым делом утолил жажду. Я выпил очень много и, побуждаемый голодом, стал жевать листья красной травы, но они оказались водянистыми и у них был противный металлический привкус. Я обнаружил, что тут неглубоко, и смело пошел вброд, хотя красная трава и оплетала мне ноги. Но по мере приближения к реке становилось все глубже, и я повернул обратно по направлению к Мортлейку. Я старался держаться дороги, ориентируясь по развалинам придорожных вилл, по заборам и фонарям, и наконец добрался до возвышенности, на которой стоит Рохэмптон, — я находился уже в окрестностях Патни.

Здесь ландшафт изменился и потерял свою необычность: повсюду виднелись следы разрушения. Порою местность была так опустошена, как будто здесь пронесся циклон, а через несколько десятков ярдов попадались совершенно нетронутые участки, дома с аккуратно спущенными жалюзи и запертыми дверями, — казалось, они

были покинуты их обитателями на день, на два или там просто мирно спали. Красная трава росла уже не так густо, высокие деревья вдоль дороги были свободны от ползучих красных побегов. Я искал чего-нибудь съедобного под деревьями, но ничего не нашел; я заходил в два безлюдных дома, но в них, очевидно, уже побывали другие, и они были разграблены. Остаток дня я пролежал в кустарнике: я совершенно выбился из сил и не мог идти дальше.

За все это время я не встретил ни одного человека и не заметил нигде марсиан. Мне попались навстречу две отощавшие собаки, но обе убежали от меня, хотя я и подзывал их. Близ Рохэмптона я наткнулся на два человеческих скелета — не трупа, а скелета, — они были начисто обглоданы, в лесу я нашел разбросанные кости кошек и кроликов и череп овцы. Но на костях не осталось ни клочка мяса, напрасно я их глодал.

Солнце зашло, а я все брел по дороге к Патни; здесь марсиане, очевидно, по каким-то соображениям, действовали тепловым лучом. В огороде за Рохэмптоном я нарыл молодого картофеля и утолил голод. Оттуда открывался вид на Патни и реку. Мрачный и пустынный вид: почерневшие деревья, черные заброшенные развалины у под-

ножия холма, заросшие красной травой болота в долине разлившейся реки и гнетущая тишина. Меня охватил ужас при мысли о том, как быстро произошла эта перемена.

Я невольно подумал, что все человечество уничтожено, сметено с лица земли и что я стою здесь один, последний оставшийся в живых человек. У самой вершины Патни-Хилла я нашел еще один скелет; руки его были оторваны и лежали в нескольких ярдах от позвоночника. Продвигаясь дальше, я мало-помалу приходил к убеждению, что все люди в этой местности уничтожены, за исключением немногих беглецов вроде меня. Марсиане, очевидно, ушли дальше в поисках пищи, бросив опустошенную страну. Может быть, сейчас они разрушают Берлин или Париж, если только не двинулись на север…

Глава VII
Человек на вершине Патни-Хилла

Я провел эту ночь в гостинице на вершине Патни-Хилла и спал в постели первый раз со времени моего бегства в Лезерхэд. Не стоит рассказывать, как я напрасно ломился в дом, а потом обнаружил, что входная дверь закрыта снаружи

на щеколду; как я, отчаявшись, обнаружил в какой-то каморке, кажется комнате прислуги, черствую корку, обгрызенную крысами, и две банки консервированных ананасов. Кто-то уже обыскал дом и опустошил его. Позднее я нашел в буфете несколько сухарей и сандвичей, очевидно, не замеченных моими предшественниками. Сандвичи были несъедобны, сухарями же я не только утолил голод, но и набил карманы. Я не зажигал лампы, опасаясь, что какой-нибудь марсианин в поисках еды заглянет в эту часть Лондонского графства. Прежде чем улечься, я долго с тревогой переходил от окна к окну и высматривал, нет ли где-нибудь этих чудовищ. Спал я плохо. Лежа в постели, я заметил, что размышляю логично, чего не было со времени моей стычки со священником. Все последние дни я или был нервно возбужден, или находился в состоянии тупого безразличия. Но в эту ночь мой мозг, очевидно, подкрепленный питанием, прояснился, и я снова стал логически мыслить. Меня занимали три обстоятельства: убийство священника, местопребывание марсиан и участь моей жены. О первом я вспоминал без всякого чувства ужаса или угрызений совести; я смотрел на это как на совершившийся факт, о котором

неприятно вспоминать, но раскаяния не испытывал. Тогда, как и теперь, я считаю, что шаг за шагом я был подведен к этой вспышке, я стал жертвой неотвратимых обстоятельств. Я не чувствовал себя виновным, но воспоминание об этом убийстве преследовало меня. В ночной тишине и во мраке, когда ощущаешь близость божества, я вершил суд над самим собой; впервые мне приходилось быть в роли обвиняемого в поступке, совершенном под влиянием гнева и страха. Я припоминал все наши разговоры с минуты нашей первой встречи, когда он, сидя возле меня и не обращая внимания на мою жажду, указывал на огонь и дым среди развалин Уэйбриджа. Мы были слишком различны, чтобы действовать сообща, но слепой случай свел нас. Если бы я мог предвидеть дальнейшие события, то оставил бы его в Голлифорде. Но я ничего не предвидел, а совершить преступление — значит предвидеть и действовать. Я рассказал все как есть. Свидетелей нет — я мог бы утаить свое преступление. Но я рассказал обо всем, пусть читатель судит меня.

Когда я наконец усилием воли заставил себя не думать о совершенном мной убийстве, я стал размышлять о марсианах и о моей жене. Что касается первых, то у меня не было данных для

каких-либо заключений, я мог предполагать что угодно. Со вторым пунктом дело обстояло ничуть не лучше. Ночь превратилась в кошмар. Я сидел на постели, всматриваясь в темноту. Я молил о том, чтобы тепловой луч внезапно и без мучений оборвал ее существование. Я еще ни разу не молился после той ночи, когда возвращался из Лезерхэда. Правда, находясь на волосок от смерти, я бормотал молитвы, но механически, так же, как язычник бормочет свои заклинания. Но теперь я молился по-настоящему, всем своим разумом и волей, перед лицом мрака, скрывавшего божество. Странная ночь! Она показалась мне еще более странной, когда на рассвете я, недавно беседовавший с Богом, крадучись выбирался из дому, точно крыса из своего укрытия, — правда, покрупнее, чем крыса, но тем не менее я был низшим животным, которое могут из чистой прихоти поймать и убить. Быть может, и животные по-своему молятся Богу. Эта война по крайней мере научила нас жалости к тем лишенным разума существам, которые находятся в нашей власти.

Утро было ясное и теплое. На востоке небо розовело и клубились золотые облачка. По дороге с вершины Патни-Хилла к Уимблдону виднелись следы того панического потока, который устре-

мился отсюда к Лондону в ночь на понедельник, когда началось сражение с марсианами: двухколесная ручная тележка с надписью «Томас Лобб, зеленщик, Нью-Молден», со сломанным колесом и разбитым жестяным ящиком, чья-то соломенная шляпа, втоптанная в затвердевшую теперь грязь, а на вершине Уэст-Хилла — осколки разбитого стекла с пятнами крови у опрокинутой колоды для водопоя. Я шел медленно, не зная, что предпринять. Я хотел пробраться в Лезерхэд, хотя и знал, что меньше всего надежды было отыскать жену там. Без сомнения, если только смерть внезапно не настигла ее родных, они бежали оттуда вместе с ней; но мне казалось, что там я мог бы разузнать, куда бежали жители Суррея. Я хотел найти жену, но не знал, как ее найти, я тосковал по ней, я тосковал по всему человечеству. Я остро чувствовал свое одиночество. Свернув на перекрестке, я направился к обширной Уимблдонской равнине.

На темной почве выделялись желтые пятна дрока и ракитника; красной травы не было видно. Я осторожно пробирался по краю открытого пространства. Между тем взошло солнце, заливая все кругом своим живительным светом. Я увидел в луже под деревьями выводок головастиков и

остановился. Я смотрел на них, учась у них жизненному упорству. Вдруг я круто повернулся — я почувствовал, что за мной наблюдают, и, вглядевшись, заметил, что кто-то прячется в кустах. Постояв, я сделал шаг к кустам; оттуда высунулся человек, вооруженный тесаком. Я медленно приблизился к нему. Он стоял молча, не шевелясь, и смотрел на меня.

Подойдя еще ближе, я разглядел, что он весь в пыли и в грязи, совсем как я, — можно было подумать, что его протащили по канализационной трубе. Подойдя еще ближе, я увидел, что одежда на нем вся в зеленых пятнах ила, в коричневых лепешках засохшей глины и в саже. Черные волосы падали ему на глаза, лицо было грязное и осунувшееся, так что в первую минуту я не узнал его. На его подбородке алел незаживший рубец.

— Стой! — закричал он, когда я подошел к нему на расстояние десяти ярдов. Я остановился. Голос у него был хриплый. — Откуда вы идете? — спросил он.

Я настороженно наблюдал за ним.

— Я иду из Мортлейка, — ответил я. — Меня засыпало возле ямы, которую марсиане вырыли около своего цилиндра… Я выбрался оттуда и спасся.

— Тут нет никакой еды, — заявил он. — Это моя земля. Весь этот холм до реки и в ту сторону до Клэпхема и до выгона. Еды тут найдется только на одного. Куда вы идете?

Я ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал я. — Я просидел в развалинах тринадцать или четырнадцать дней. Я не знаю, что случилось за это время.

Он посмотрел на меня недоверчиво, потом выражение его лица изменилось.

— Я не собираюсь здесь оставаться, — сказал я, — и думаю пойти в Лезерхэд: там я оставил жену.

Он ткнул в меня пальцем.

— Так это вы, — спросил он, — человек из Уокинга? Так вас не убило под Уэйбриджем?

В ту же минуту и я узнал его.

— Вы тот самый артиллерист, который зашел ко мне в сад?

— Поздравляю! — сказал он. — Нам обоим повезло. Подумать только, что это вы!

Он протянул мне руку, я пожал ее.

— Я прополз по сточной трубе, — продолжал он. — Они не всех перебили. Когда они ушли, я полями пробрался к Уолтону. Но послушайте… Не прошло и шестнадцати дней, а вы совсем

седой. — Вдруг он оглянулся через плечо. — Это грач, — сказал он. — Теперь замечаешь даже тень от птичьего крыла. Здесь уж больно открытое место. Заберемтесь-ка в кусты и потолкуем.

— Видели вы марсиан? — спросил я. — С тех пор как я выбрался…

— Они ушли к Лондону, — перебил он. — Мне думается, они там устроили большой лагерь. Ночью в стороне Хэмпстеда все небо светится. Точно над большим городом. И видно, как движутся их тени. А днем их не видать. Ближе не показывались… — Он сосчитал по пальцам. — Вот уже пять дней… Тогда двое из них тащили что-то большое к Хаммерсмиту. А позапрошлую ночь… — Он остановился и многозначительно добавил: — Появились какие-то огни и в воздухе что-то носилось. Я думаю, они построили летательную машину и пробуют летать.

Я застыл на четвереньках — мы уже подползали к кустам.

— Летать?!

— Да, — повторил он, — летать.

Я залез поглубже в кусты и уселся на землю.

— Значит, с человечеством будет покончено… — сказал я. — Если это им удастся, они попросту облетят вокруг света…

Он кивнул.

— Они облетят. Но… Тогда здесь станет чуточку легче. Да, впрочем… — Он посмотрел на меня. — Разве вам не ясно, что с человечеством уже покончено? Я в этом убежден. Мы уничтожены… Разбиты…

Я взглянул на него. Как это ни странно, эта мысль, такая очевидная, не приходила мне в голову. Я все еще смутно на что-то надеялся — должно быть, по привычке. Он решительно повторил:

— Разбиты!

— Все кончено, — сказал он. — Они потеряли одного, только одного. Они здорово укрепились и разбили величайшую державу в мире. Они растоптали нас. Гибель марсианина под Уэйбриджем была случайностью. И эти марсиане только пионеры. Они продолжают прибывать. Эти зеленые звезды, я не видал их уже пять или шесть дней, но уверен, что они каждую ночь где-нибудь да падают. Что делать? Мы покорены. Мы разбиты.

Я ничего не ответил. Я сидел, молча глядя перед собой, тщетно стараясь найти какие-нибудь возражения.

— Это даже не война, — продолжал артиллерист. — Разве может быть война между людьми

и муравьями?

Мне вдруг вспомнилась ночь в обсерватории.

— После десятого выстрела они больше не стреляли с Марса, по крайней мере до прибытия первого цилиндра.

— Откуда вы это знаете? — спросил артиллерист.

Я объяснил. Он задумался.

— Что-нибудь случилось у них с пушкой, — сказал он. — Да только что из того? Они снова ее наладят. Пусть даже будет небольшая отсрочка, разве это что-нибудь изменит? Люди — и муравьи. Муравьи строят город, живут своей жизнью, ведут войны, совершают революции, пока они не мешают людям; если же они мешают, то их просто убирают. Мы стали теперь муравьями. Только…

— Что? — спросил я.

— Мы съедобные муравьи.

Мы молча переглянулись.

— А что они с нами сделают? — спросил я.

— Вот об этом-то я и думаю, — ответил он, — все время думаю. Из Уэйбриджа я пошел к югу и всю дорогу думал. Я наблюдал. Люди потеряли голову, они скулили и волновались. Я не люблю скулить. Мне приходилось смотреть в глаза смерти. Я

не игрушечный солдатик и знаю, что умирать — плохо ли, хорошо ли — все равно придется. Но если вообще кто-нибудь спасется, так это тот, кто не потеряет голову. Я видел, что все направлялись к югу. Я сказал себе: «Еды там не хватит на всех», — и повернул в обратную сторону. Я питался около марсиан, как воробей около человека. А они там, — он указал рукой на горизонт, — дохнут от голода, топчут и рвут друг друга…

Он взглянул на меня и как-то замялся.

— Конечно, — сказал он, — многим, у кого были деньги, удалось бежать во Францию. — Он опять посмотрел на меня с несколько виноватым видом и продолжал: — Жратвы тут вдоволь. В лавках есть консервы, вино, спирт, минеральные воды; а колодцы и водопроводные трубы пусты. Так вот, я вам скажу, о чем я иногда думал. Они разумные существа, сказал я себе, и, кажется, хотят употреблять нас в пищу. Сначала они уничтожат наши корабли, машины, пушки, города, весь порядок и организацию. Все это будет разрушено. Если бы мы были такие же маленькие, как муравьи, мы могли бы ускользнуть в какую-нибудь щель. Но мы не муравьи. Мы слишком велики для этого. Вот мой первый вывод. Ну что?

Я согласился.

— Вот о чем я подумал прежде всего. Ладно, теперь дальше: нас можно ловить как угодно. Марсианину стоит только пройти несколько миль, чтобы наткнуться на целую кучу людей. Я видел, как один марсианин в окрестностях Уондсворта разрушал дома и рылся в обломках. Но так поступать они будут недолго. Как только они покончат с нашими пушками и кораблями, разрушат железные дороги и сделают все, что собираются сделать, то начнут ловить нас систематически, отбирать лучших, запирать их в клетки. Вот что они начнут скоро делать. Да, они еще не принялись за нас как следует! Разве вы не видите?

— Не принялись?! — воскликнул я.

— Нет, не принялись. Все, что случилось до сих пор, произошло только по нашей вине: мы не поняли, что нужно сидеть спокойно, докучали им нашими орудиями и разной ерундой. Мы потеряли голову и толпами бросались от них туда, где опасность была ничуть не меньше. Им пока что не до нас. Они заняты своим делом, мастерят все то, что не могли захватить с собой, приготовляются к встрече тех, которые еще должны прибыть. Возможно, что и цилиндры на время перестали падать потому, что марсиане боятся

попасть в своих же. И вместо того чтобы, как стадо, кидаться в разные стороны или устраивать динамитные подкопы в надежде взорвать их, нам следовало бы приспособиться к новым условиям. Вот что я думаю. Это не совсем то, к чему до сих пор стремилось человечество, но зато это отвечает требованиям жизни. Согласно с этим принципом я и действовал. Города, государства, цивилизация, прогресс — все это в прошлом. Игра проиграна. Мы разбиты.

— Но если так, то к чему же тогда жить?

Артиллерист с минуту смотрел на меня.

— Да, концертов не будет, пожалуй, в течение ближайшего миллиона лет или вроде того; не будет Королевской академии искусств, не будет ресторанов с закусками. Если вы гонитесь за этими удовольствиями, я думаю, что ваша карта бита. Если вы светский человек, не можете есть горошек ножом или сморкаться без платка, то лучше забудьте это. Это уже никому не нужно.

— Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что люди, подобные мне, будут жить ради продолжения человеческого рода. Я лично твердо решил жить. И если я не ошибаюсь, вы тоже в скором времени покажете, на что вы способны. Нас не истребят. Нет. Я не

хочу, чтобы меня поймали, приручили, откармливали и растили, как какого-нибудь быка. Бр… Вспомните только этих коричневых спрутов.

— Вы хотите сказать…

— Именно. Я буду жить. Под их пятой. Я все рассчитал, обо всем подумал. Мы, люди, разбиты. Мы слишком мало знаем. Мы еще многому должны научиться, прежде чем надеяться на удачу. И мы должны жить и сохранить свою свободу, пока будем учиться. Понятно? Вот что нам нужно делать.

Я смотрел на него с изумлением, глубоко пораженный решимостью этого человека.

— Боже мой! — воскликнул я. — Да вы настоящий человек. — Я схватил его руку.

— Правда? — сказал он, и его глаза вспыхнули. — Здорово я все обдумал?

— Продолжайте, — сказал я.

— Те, которые хотят избежать плена, должны быть готовы ко всему. Я готов ко всему. Не всякий человек способен преобразиться в дикого зверя. Потому-то я и присматривался к вам. Я сомневался в вас. Вы худой, щуплый. Я ведь еще не знал, что вы тот человек из Уокинга; не знал, что вы были заживо погребены. Все люди, жившие в этих домах, все эти жалкие канцелярские крысы ни на

что не годны. У них нет мужества, нет гордости, они не умеют сильно желать. А без этого человек гроша ломаного не стоит. Они вечно торопятся на работу — я видел их тысячи, с завтраком в кармане, они бегут как сумасшедшие, думая только о том, как бы попасть на поезд, в страхе, что их уволят, если они опоздают. Работают они, не вникая в дело; потом торопятся домой, боясь опоздать к обеду; вечером сидят дома, опасаясь ходить по глухим улицам; спят с женами, на которых женились не по любви, а потому, что у тех были деньжонки и они надеялись обеспечить свое жалкое существование. Жизнь их застрахована от несчастных случаев. А по воскресеньям они боятся погубить свою душу. Как будто ад создан для кроликов! Для таких людей марсиане будут сущими благодетелями. Чистые, просторные клетки, обильный корм, порядок и уход, никаких забот. Пробегав на пустой желудок с недельку по полям и лугам, они сами придут и не огорчатся, когда их поймают. А немного спустя даже будут рады. Они будут удивляться, как это они раньше жили без марсиан. Представляю себе всех этих праздных гуляк, сутенеров и святош… Могу себе представить, — добавил он с какой-то мрачной усмешкой. — Среди них появятся разные на-

правления, секты. Многое из того, что я видел раньше, я понял ясно только за эти последние дни. Найдется множество откормленных глупцов, которые просто примирятся со всем, другие же будут мучиться тем, что это несправедливо и что они должны что-нибудь предпринять. Когда большинство людей испытывает потребность в каком-то деле, слабые и те, которые сами себя расслабляют бесконечными рассуждениями, выдумывают религию, бездеятельную и проповедующую смирение перед насилием, перед волей Божьей. Вам, наверное, приходилось это наблюдать. Это скрытая трусость, бегство от дела. В этих клетках они будут набожно распевать псалмы и молитвы. А другие, не такие простаки, займутся — как это называется? — эротикой.

Он замолчал.

— Быть может, марсиане воспитают из некоторых людей своих любимчиков, обучат их разным фокусам, кто знает! Быть может, им вдруг станет жалко какого-нибудь мальчика, который вырос у них на глазах и которого надо зарезать. Некоторых они, быть может, научат охотиться за нами…

— Нет! — воскликнул я. — Это невозможно. Ни один человек…

— Зачем обманывать себя? — перебил артиллерист. — Найдутся люди, которые с радостью будут это делать. Глупо думать, что не найдется таких.

Я не мог не согласиться с ним.

— Попробовали бы они за мной поохотиться, — продолжал он. — Боже мой! Попробовали бы только! — повторил он и погрузился в мрачное раздумье.

Я сидел, обдумывая его слова. Я не находил ни одного возражения против доводов этого человека. До вторжения марсиан никто не вздумал бы оспаривать моего интеллектуального превосходства над ним: я известный писатель по философским вопросам, он простой солдат; теперь же он ясно определил положение вещей, которое я еще даже не осознал.

— Что же вы намерены делать? — спросил я наконец. — Какие у вас планы?

Он помолчал.

— Вот что я решил, — сказал он. — Что нам остается делать? Нужно придумать такой образ жизни, чтобы люди могли жить, размножаться и в относительной безопасности растить детей. Сейчас я скажу яснее, что, по-моему, нужно делать. Те, которых приручат, станут похожи на домашних животных; через несколько поколе-

ний это будут большие, красивые, откормленные, глупые твари. Что касается нас, решивших остаться вольными, то мы рискуем одичать, превратиться в своего рода больших диких крыс… Вы понимаете, я имею в виду жизнь под землей. Я много думал относительно канализационной сети. Понятно, тем, кто не знаком с ней, она кажется ужасной. Под одним только Лондоном канализационные трубы тянутся на сотни миль; несколько дождливых дней — и в пустом городе трубы станут удобными и чистыми. Главные трубы достаточно просторны, воздуху в них тоже достаточно. Потом есть еще погреба, склады, подвалы, откуда можно провести к трубам потайные ходы. А железнодорожные туннели и метрополитен? А? Вы понимаете? Мы составим целую шайку из крепких, смышленых людей. Мы не будем подбирать всякую дрянь. Слабых будем выбрасывать.

— Как хотели выбросить меня?

— Так я же вступил в переговоры…

— Не будем спорить об этом. Продолжайте.

— Те, что останутся, должны подчиниться дисциплине. Нам понадобятся также здоровые, честные женщины — матери и воспитательницы. Только не сентиментальные дамы, не те, что

строят глазки. Мы не можем принимать слабых и глупых. Жизнь снова становится первобытной, и те, кто бесполезен, кто является только обузой или приносит вред, должны умереть. Все они должны вымереть. Они должны сами желать смерти. В конце концов это нечестно — жить и позорить свое племя. Все равно они не могут быть счастливы. К тому же смерть не так уж страшна, это трусость делает ее страшной. Мы будем собираться здесь. Нашим округом будет Лондон. Мы даже сможем выставлять сторожевые посты и выходить на открытый воздух, когда марсиане будут далеко. Даже поиграть иногда в крикет. Вот как мы сохраним свой род. Ну как? Возможно это или нет? Но спасти свой род — этого еще мало. Для этого достаточно быть крысами. Нет, мы должны спасти накопленные знания и еще приумножить их. Для этого нужны люди вроде вас. Есть книги, есть образцы. Мы должны устроить глубоко под землей безопасные хранилища и собрать туда все книги, какие только достанем. Не какие-нибудь романы, стишки и тому подобную дребедень, а дельные, научные книги. Тут-то вот и понадобятся люди вроде вас. Нам нужно будет пробраться в Британский музей и захватить все такие книги. Мы не должны забывать нашей науки: мы

должны учиться как можно больше. Мы должны наблюдать за марсианами. Некоторые из нас должны стать шпионами. Когда все будет налажено, я сам, может быть, пойду в шпионы. То есть дам себя словить. И самое главное — мы должны оставить марсиан в покое. Мы не должны ничего красть у них. Если мы окажемся у них на пути, мы должны уступать. Мы должны показать им, что не замышляем ничего дурного. Да, это так. Они разумные существа и не будут истреблять нас, если у них будет все, что им надо, и если они будут уверены, что мы просто безвредные черви.

Артиллерист замолчал и положил свою загорелую руку мне на плечо.

— В конце концов нам, может быть, и не так уж много придется учиться, прежде чем… Вы только представьте себе: четыре или пять их боевых треножников вдруг приходят в движение… Тепловой луч направо и налево… И на них не марсиане, а люди, люди, научившиеся ими управлять. Может быть, я еще увижу таких людей. Представьте, что в вашей власти одна из этих замечательных машин да еще тепловой луч, который вы можете бросать куда угодно. Представьте, что вы всем этим управляете! Не беда, если после такого опыта взлетишь на воздух

и будешь разорван на клочки. Воображаю, как марсиане выпучат от удивления свои глазищи! Разве вы не можете представить это? Разве не видите, как они бегут, спешат, задыхаясь, пыхтя, ухая, к другим машинам? И вот везде что-нибудь оказывается не в порядке. И вдруг свист, грохот, гром, треск! Только они начнут их налаживать, как мы пустим тепловой луч, — и — смотрите! — человек снова овладевает Землей!

Пылкое воображение артиллериста, его уверенный тон и отвага произвели на меня громадное впечатление. Я без оговорок поверил и в его предсказание о судьбе человечества, и в осуществимость его смелого плана. Читатель, который сочтет меня слишком доверчивым и наивным, должен сравнить свое положение с моим: он не спеша читает все это и может спокойно рассуждать, а я лежал, скорчившись, в кустах, истерзанный страхом, прислушиваясь к малейшему шороху.

Мы беседовали на эту тему все утро, потом вылезли из кустов и, осмотревшись, нет ли где марсиан, быстро направились к дому на Патни-Хилл, где артиллерист устроил свое логово. Это был склад угля при доме, и, когда я посмотрел, что ему удалось сделать за целую неделю (это

была нора ярдов в десять длиной, которую он намеревался соединить с главной сточной трубой Патни-Хилла), я в первый раз подумал, какая пропасть отделяет его мечты от его возможностей. Такую нору я мог бы вырыть в один день. Но я все еще верил в него и возился вместе с ним над этой норой до полудня. У нас была садовая тачка, и мы свозили вырытую землю на кухню. Мы подкрепились банкой консервов — суп из телячьей головы — и вином. Упорная, тяжелая работа приносила мне странное облегчение — она заставляла забывать о чуждом, жутком мире вокруг нас. Пока мы работали, я обдумывал его проект, и у меня начали возникать сомнения; но я усердно копал все утро, радуясь, что могу заняться каким-нибудь делом. Проработав около часу, я стал высчитывать расстояние до центрального стока и соображать, верное ли мы взяли направление. Потом я стал недоумевать: зачем, собственно, нам нужно копать длинный туннель, когда можно проникнуть в сеть сточных труб через одно из выходных отверстий и оттуда рыть проход к дому? Кроме того, мне казалось, что и дом выбран неудачно, — слишком длинный нужен туннель. Как раз в этот момент артиллерист перестал копать и посмотрел на меня.

— Надо малость передохнуть… Я думаю, пора пойти понаблюдать с крыши дома.

Я настаивал на продолжении работы; после некоторого колебания он снова взялся за лопату. Вдруг мне пришла в голову странная мысль. Я остановился; он сразу перестал копать.

— Почему вы разгуливали по выгону, вместо того чтобы копать? — спросил я.

— Просто хотел освежиться, — ответил он. — Я уже шел назад. Ночью безопасней.

— А как же работа?

— Нельзя же все время работать, — сказал он, и внезапно я понял, что это за человек. Он медлил, держа заступ в руках. — Нужно идти на разведку, — сказал он. — Если кто-нибудь подойдет близко, то может услышать, как мы копаем, и мы будем застигнуты врасплох.

Я не стал возражать. Мы полезли на чердак и, стоя на лесенке, смотрели в слуховое окно. Марсиан нигде не было видно; мы вылезли на крышу и скользнули по черепице вниз, под прикрытие парапета.

Большая часть Патни-Хилла была скрыта деревьями, но мы увидели внизу реку, заросшую красной травой, и равнину Ламбета, красную, залитую водой. Красные вьюны карабкались по

деревьям вокруг старинного дворца, ветви, сухие и мертвые, с блеклыми листьями, торчали среди пучков красной травы. Удивительно, что эта трава могла распространяться только в проточной воде. Около нас ее совсем не было. Здесь, среди лавров и древовидных гортензий, росли золотой дождь, розовый боярышник, калина и вечнозеленые деревья. Поднимающийся за Кенсингтоном густой дым и голубоватая пелена скрывали холмы на севере.

Артиллерист стал рассказывать мне о людях, оставшихся в Лондоне.

— На прошлой неделе какие-то сумасшедшие зажгли электричество. По ярко освещенной Риджент-стрит и Сэркес разгуливали толпы размалеванных, беснующихся пьяниц, мужчины и женщины веселились и плясали до рассвета. Мне рассказывал об этом один человек, который там был. А когда рассвело, они заметили, что боевой треножник стоит недалеко от Ленгхема и марсианин наблюдает за ними. Бог знает сколько времени он там стоял. Потом он двинулся к ним и нахватал больше сотни людей — или пьяных, или растерявшихся от испуга.

Любопытный штрих того времени, о котором вряд ли даст представление история!

После этого рассказа, подстрекаемый моими вопросами, артиллерист снова перешел к своим грандиозным планам. Он страшно увлекся. О возможности захватить треножники он говорил так красноречиво, что я снова начал ему верить. Но поскольку я теперь понимал, с кем имею дело, я уже не удивлялся тому, что он предостерегает от излишней поспешности. Я заметил также, что он уже не собирается сам захватить треножник и сражаться.

Потом мы вернулись в угольный погреб. Ни один из нас не был расположен снова приняться за работу, и, когда он предложил закусить, я охотно согласился. Он вдруг стал чрезвычайно щедр; после того как мы поели, он куда-то ушел и вернулся с превосходными сигарами. Мы закурили, и его оптимизм еще увеличился. Он, по-видимому, считал, что мое появление следует отпраздновать.

— В погребе есть шампанское, — сказал он.

— Если мы хотим работать, то лучше ограничиться бургундским, — ответил я.

— Нет, — сказал он, — сегодня я угощаю. Шампанское! Боже мой! Мы еще успеем наработаться. Перед нами нелегкая задача. Нужно отдохнуть и набраться сил, пока есть время. Посмотрите,

какие у меня мозоли на руках!

После еды, исходя из тех соображений, что сегодня праздник, он предложил сыграть в карты. Он научил меня игре в юкр, и, поделив между собой Лондон, причем мне досталась северная сторона, а ему южная, мы стали играть на приходские участки. Это покажется нелепым и даже глупым, но я точно описываю то, что было, и всего удивительней то, что эта игра меня увлекала.

Странно устроен человек! В то время как человечеству грозила гибель или вырождение, мы, лишенные какой-либо надежды, под угрозой ужасной смерти, сидели и следили за случайными комбинациями разрисованного картона и с азартом «ходили с козыря». Потом он выучил меня играть в покер, а я выиграл у него три партии в шахматы. Когда стемнело, мы, чтобы не прерывать игры, рискнули даже зажечь лампу.

После бесконечной серии игр мы поужинали, и артиллерист допил шампанское. Весь вечер мы курили сигары. Это был уже не тот полный энергии восстановитель рода человеческого, которого я встретил утром. Он был по-прежнему настроен оптимистически, но его оптимизм носил теперь менее экспансивный характер. Помню, он пил за мое здоровье, произнеся при этом не вполне связ-

ную речь, в которой много раз повторял одно и то же. Я закурил сигару и пошел наверх посмотреть на зеленые огни, о которых он мне рассказывал, горевшие вдоль холмов Хайгета.

Я бездумно всматривался в долину Лондона. Северные холмы были погружены во мрак; около Кенсингтона светилось зарево, иногда оранжево-красный язык пламени вырывался кверху и пропадал в темной синеве ночи. Лондон был окутан тьмой. Вскоре я заметил вблизи какой-то странный свет, бледный, фиолетово-красный, фосфоресцирующий отблеск, дрожавший на ночном ветру. Сначала я не мог понять, что это такое, потом догадался, что это, должно быть, фосфоресцирует красная трава. Дремлющее сознание проснулось во мне; я снова стал вникать в соотношение явлений. Я взглянул на Марс, сиявший красным огнем на западе, а потом долго и пристально всматривался в темноту, в сторону Хэмпстеда и Хайгета.

Долго я просидел на крыше, вспоминая перипетии этого длинного дня. Я старался восстановить скачки своего настроения, начиная с молитвы прошлой ночи и кончая этой идиотской игрой в карты. Я почувствовал отвращение к себе. Помню, как я почти символическим жестом отбросил

сигару. Внезапно я понял все свое безумие. Мне казалось, что я предал жену, предал человечество. Я глубоко раскаивался. Я решил покинуть этого странного, необузданного мечтателя с его пьянством и обжорством и идти в Лондон. Там, мне казалось, я скорее всего узнаю, что делают марсиане и мои собратья — люди. Когда наконец взошла луна, я все еще стоял на крыше.

Глава VIII
Мертвый Лондон

Покинув артиллериста, я спустился с холма и пошел по Хай-стрит через мост к Ламбету. Красная трава в то время еще буйно росла и оплетала побегами весь мост; впрочем, ее стебли уже покрылись беловатым налетом; губительная болезнь быстро распространялась.

На углу улицы, ведущей к вокзалу Патнибридж, валялся человек, грязный, как трубочист. Он был жив, но мертвецки пьян, так что даже не мог говорить. Я ничего не добился от него, кроме брани и попыток ударить меня. Я отошел, пораженный диким выражением его лица.

За мостом, на дороге, лежал слой черной пыли, становившийся все толще по мере приближе-

ния к Фулхему. На улицах мертвая тишина. В булочной я нашел немного хлеба, правда, он был кислый, черствый и позеленел, но оставался вполне съедобным. Дальше к Уолхем-Грину на улицах не было черной пыли, и я прошел мимо горевших белых домов. Даже треск пожара показался мне приятным. Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина.

Здесь я снова увидел черную пыль на улицах и мертвые тела. Всего на протяжении Фулхемроуд я насчитал около двенадцати трупов. Они были полузасыпаны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их. Некоторые были обглоданы собаками.

Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно. Во многих местах были видны следы грабежа — по большей части в винных и гастрономических магазинах. В витрине ювелирного магазина стекло было разбито, но, очевидно, вору помешали: золотые цепочки и часы валялись на мостовой. Я даже не нагнулся поднять их. В одном подъезде на ступеньках лежала женщина в лохмотьях; рука, свесившаяся с колена, была рассечена, и кровь залила дешевое

темное платье. В луже шампанского торчала большая разбитая бутылка. Женщина казалась спящей, но она была мертва.

Чем дальше я углублялся в Лондон, тем тягостнее становилась тишина. Но это было не молчание смерти, а скорее тишина напряженного выжидания. Каждую минуту тепловые лучи, спалившие уже северо-западную часть столицы и уничтожившие Илинг и Килберн, могли коснуться и этих домов и превратить их в дымящиеся развалины. Это был покинутый и обреченный город…

В Южном Кенсингтоне черной пыли и трупов на улицах не было. Здесь я в первый раз услышал вой. Я не сразу понял, что это такое. Это было непрерывное жалобное чередование двух нот: «Улла… улла… улла… улла…» Когда я шел по улицам, ведущим к северу, вой становился все громче; строения, казалось, то заглушали его, то усиливали. Особенно гулко отдавался он на Эксибишн-роуд. Я остановился и посмотрел на Кенсингтонский парк, прислушиваясь к отдаленному странному вою. Казалось, все эти опустелые строения обрели голос и жаловались на страх и одиночество.

«Улла… улла… улла… улла…» — раздавался этот

нечеловеческий плач, и волны звуков расходились по широкой солнечной улице среди высоких зданий. В недоумении я повернул к северу, к железным воротам Гайд-парка. Я думал зайти в Естественно-исторический музей, забраться на башню и посмотреть на парк сверху. Потом я решил остаться внизу, где можно было легче спрятаться, и зашагал дальше по Эксибишн-роуд. Обширные здания по обе стороны дороги были пусты, мои шаги отдавались в тишине гулким эхом.

Наверху, недалеко от ворот парка, я увидел странную картину — опрокинутый омнибус и скелет лошади, начисто обглоданный. Постояв немного, я пошел дальше к мосту через Серпентайн. Вой становился все громче и громче, хотя к северу от парка над крышами домов ничего не было видно, только на северо-западе поднималась пелена дыма.

«Улла… улла… улла… улла…» — выл голос, как мне казалось, откуда-то со стороны Риджент-парка. Этот одинокий жалобный крик действовал удручающе. Вся моя смелость пропала. Мной овладела тоска. Я почувствовал, что страшно устал, натер ноги, что меня мучат голод и жажда.

Было уже за полдень. Зачем я брожу по этому городу мертвых, почему я один жив, когда весь Лондон лежит как труп в черном саване? Я почувствовал себя бесконечно одиноким. Вспомнил о прежних друзьях, давно забытых. Подумал о ядах в аптеках, об алкоголе в погребах виноторговцев; вспомнил о двух несчастных, которые, как я думал, вместе со мной владеют всем Лондоном…

Через Мраморную арку я вышел на Оксфорд-стрит. Здесь опять были черная пыль и трупы, из решетчатых подвальных люков некоторых домов доносился запах тления. От долгого блуждания по жаре меня томила жажда. С великим трудом мне удалось проникнуть в какой-то ресторан и раздобыть еды и питья. Потом, почувствовав сильную усталость, я прошел в гостиную за буфетом, улегся на черный диван, набитый конским волосом, и уснул.

Когда я проснулся, проклятый вой по-прежнему раздавался в ушах: «Улла… улла… улла… улла…» Уже смеркалось. Я разыскал в буфете несколько сухарей и сыру — там был полный обед, но от кушаний остались только клубки червей. Я отправился на Бейкер-стрит по пустынным скверам, — могу вспомнить название лишь одного из них: Портмен-сквер, — и наконец вышел к

Риджент-парку. Когда я спускался с Бейкер-стрит, я увидел вдали над деревьями, на светлом фоне заката, колпак гиганта марсианина, который и издавал этот вой. Я ничуть не испугался. Я спокойно шел прямо на него. Несколько минут я наблюдал за ним: он не двигался. По-видимому, он просто стоял и выл; я не мог догадаться, что значил этот беспрерывный вой.

Я пытался принять какое-нибудь решение. Но непрерывный вой «улла… улла… улла… улла…» мешал мне сосредоточиться. Может быть, причиной моего бесстрашия была усталость. Мне захотелось узнать причину этого монотонного воя. Я повернул назад и вышел на Парк-роуд, намереваясь обогнуть парк; я пробрался под прикрытием террас, чтобы посмотреть на этого неподвижного воющего марсианина со стороны Сент-Джонс-Вуда. Отойдя ярдов на двести от Бейкер-стрит, я услышал разноголосый собачий лай и увидел сперва одну собаку с куском гнилого красного мяса в зубах, стремглав летевшую на меня, а потом целую свору гнавшихся за ней голодных бродячих псов. Собака сделала крутой поворот, чтобы обогнуть меня, как будто боялась, что я отобью у нее добычу. Когда лай замер вдали, воздух снова наполнился воем: «Улла… улла…

улла… улла…»

На полпути к вокзалу Сент-Джонс-Вуд я наткнулся на сломанную многорукую машину. Сначала я подумал, что поперек улицы лежит обрушившийся дом. Только пробравшись среди обломков, я с изумлением увидел, что механический Самсон с исковерканными, сломанными и скрюченными щупальцами лежит посреди им же самим нагроможденных развалин. Передняя часть машины была разбита вдребезги. Очевидно, машина наскочила на дом и, разрушив его, застряла в развалинах. Это могло произойти, только если машину бросили на произвол судьбы. Я не мог взобраться на обломки и потому не видел в наступающей темноте забрызганное кровью сиденье и обгрызенный собаками хрящ марсианина.

Пораженный всем виденным, я направился к Примроз-Хиллу. Вдалеке сквозь деревья я заметил второго марсианина, такого же неподвижного, как и первый; он молча стоял в парке близ Зоологического сада. Дальше за развалинами, окружавшими изломанную многорукую машину, я снова увидел красную траву; весь Риджент-канал зарос губчатой темно-красной растительностью.

Когда я переходил мост, непрекращавшийся вой «улла… улла…» вдруг оборвался. Казалось, кто-то его остановил. Внезапно наступившая тишина разразилась, как удар грома.

Со всех сторон меня обступали высокие, мрачные, пустые дома; деревья ближе к парку становились все чернее. Среди развалин росла красная трава; ее побеги словно подползали ко мне. Надвигалась ночь, матерь страха и тайны. Пока звучал этот голос, я как-то мог выносить уединение, одиночество было еще терпимо; Лондон казался мне еще живым, и я бодрился. И вдруг эта перемена! Что-то произошло — я не знал что, — и наступила почти ощутимая тишина. Мертвый покой.

Лондон глядел на меня как привидение. Окна в пустых домах походили на глазные впадины черепа. Мне чудились тысячи бесшумно подкрадывающихся врагов. Меня охватил ужас, я испугался своей дерзости. Улица впереди стала черной, как будто ее вымазали дегтем, и я различил какую-то судорожно искривленную тень поперек дороги. Я не мог заставить себя идти дальше. Свернув на Сент-Джонс-Вуд-роуд, я побежал к Килберну, спасаясь от этого невыносимого молчания. Я спрятался от ночи и тишины в из-

возчичьей будке на Харроу-роуд. Я просидел там почти всю ночь. Перед рассветом я немного приободрился и под мерцающими звездами пошел к Риджент-парку. Я заблудился и вдруг увидел в конце длинной улицы в предрассветных сумерках причудливые очертания Примроз-Хилла. На вершине, поднимаясь высоко навстречу бледневшим звездам, стоял третий марсианин, такой же прямой и неподвижный, как и остальные.

Я решился на безумный поступок. Лучше умереть и покончить со всем. Тогда мне не придется убивать самого себя. И я решительно направился к титану. Подойдя ближе, я увидел в предутреннем свете стаи черных птиц, круживших возле колпака марсианина. Сердце у меня забилось, и я побежал вниз по дороге.

Я попал в заросли красной травы, покрывшей Сент-Эдмунд-террас, по грудь в воде перешел вброд поток, стекавший из водопровода к Альберт-роуд, и выбрался оттуда еще до восхода солнца. Громадные кучи земли были насыпаны на гребне холма словно для огромного редута — это было последнее и самое большое укрепление, построенное марсианами, и оттуда поднимался к небу легкий дымок. Пробежала собака и скрылась. Я чувствовал, что моя догадка должна

подтвердиться. Уже без всякого страха, дрожа от волнения, я взбежал вверх по холму к неподвижному чудовищу. Из-под колпака свисали дряблые бурые клочья; их клевали и рвали голодные птицы.

Еще через минуту я взобрался по насыпи и стоял на гребне вала — внутренняя площадка редута была внизу, подо мной. Она была очень обширна, с гигантскими машинами, грудой материалов и странными сооружениями. И среди этого хаоса на опрокинутых треножниках, на недвижных многоруких машинах и прямо на земле лежали марсиане, окоченелые и безмолвные, — мертвые! — уничтоженные какой-то пагубной бактерией, к борьбе с которой их организм не был приспособлен, уничтоженные так же, как была потом уничтожена красная трава. После того как все средства обороны человечества были исчерпаны, пришельцы были истреблены ничтожнейшими тварями, которыми премудрый Господь населил Землю.

Все произошло так, как и я, и многие люди могли бы предвидеть, если бы ужас и паника не помрачили наш разум. Эти зародыши болезней уже взяли свою дань с человечества еще в доисторические времена, взяли дань с наших

прародителей-животных еще тогда, когда жизнь на Земле только что начиналась. Благодаря естественному отбору мы развили в себе способность к сопротивлению; мы не уступаем ни одной бактерии без упорной борьбы, а для многих из них, как, например, для бактерий, порождающих гниение в мертвой материи, наш организм совершенно неуязвим. На Марсе, очевидно, не существует бактерий, и как только явившиеся на Землю пришельцы начали питаться, наши микроскопические союзники принялись за работу, готовя им гибель. Когда я впервые увидел марсиан, они уже были осуждены на смерть, они уже медленно умирали и разлагались на ходу. Это было неизбежно. Заплатив биллионами жизней, человек купил право жить на Земле, и это право принадлежит ему вопреки всем пришельцам. Оно осталось бы за ним, будь марсиане даже в десять раз более могущественны. Ибо человек живет и умирает не напрасно.

Всего марсиан было около пятидесяти; они валялись в своей огромной яме, пораженные смертью, которая должна была им казаться загадочной. И для меня в то время смерть их была непонятна. Я понял только, что эти чудовища, наводившие ужас на людей, мертвы. На минуту мне

показалось, что снова повторилось поражение Сеннахериба, что Господь сжалился над нами и ангел смерти поразил их в одну ночь.

Я стоял, глядя в яму, и сердце у меня забилось от радости, когда восходящее солнце осветило окружавший меня мир своими лучами. Яма оставалась в тени; мощные машины, такие громадные, сложные и удивительные, неземные даже по своей форме, поднимались, точно заколдованные, из сумрака навстречу свету. Целая стая собак дралась над трупами, валявшимися в глубине ямы. В дальнем конце ее лежала большая, плоская, причудливых очертаний летательная машина, на которой они, очевидно, совершали пробные полеты в нашей более плотной атмосфере, когда разложение и смерть помешали им. Смерть явилась как раз вовремя. Услышав карканье птиц, я взглянул наверх: передо мной был огромный боевой треножник, который никогда больше не будет сражаться, красные клочья мяса, с которых капала кровь на опрокинутые скамейки на вершине Примроз-Хилла.

Я повернулся и взглянул вниз, где у подножия холма, окруженного стаей птиц, стояли застигнутые смертью другие два марсианина, которых я видел вчера вечером. Один из них умер как раз в

ту минуту, когда передавал что-то своим товарищам; может быть, он умер последним, и сигналы его раздавались, пока не перестал работать механизм. В лучах восходящего солнца блестели уже безвредные металлические треножники, башни сверкающего металла…

Кругом, словно чудом спасенный от уничтожения, расстилался великий отец городов. Те, кто видел Лондон только под привычным покровом дыма, едва ли могут представить себе обнаженную красоту его пустынных, безмолвных улиц.

К востоку, над почерневшими развалинами Альберт-террас и расщепленным церковным шпилем, среди безоблачного неба сияло солнце. Кое-где какая-нибудь грань белой кровли преломляла луч и сверкала ослепительным светом. Солнце сообщало таинственную прелесть даже винным складам вокзала Чок-Фарм и обширным железнодорожным путям, где раньше блестели черные рельсы, а теперь краснели полосы двухнедельной ржавчины.

К северу простирались Килберн и Хэмпстед — целый массив домов в синеватой дымке; на западе гигантский город был также подернут дымкой; на юге, за марсианами, уменьшенные расстоянием, виднелись зеленые волны

Риджент-парка, Ленгхем-отель, купол Альберт-Холла, Королевский институт и огромные здания на Бромптон-роуд, а вдалеке неясно вырисовывались зубчатые развалины Вестминстера. В голубой дали поднимались холмы Суррея и блестели, как две серебряные колонны, башни Кристал-Паласа. Купол собора Св. Павла чернел на фоне восхода — я заметил, что на западной стороне его зияла большая пробоина.

Я стоял и смотрел на это море домов, фабрик, церквей, тихих, одиноких и покинутых; я думал о надеждах и усилиях, о бесчисленных жизнях, загубленных на постройке этой твердыни человечества, и о постигшем ее мгновенном, неотвратимом разрушении. Когда я понял, что мрак отхлынул прочь, что люди снова могут жить на этих улицах, что этот родной мне громадный мертвый город снова оживет и вернет свою мощь, я чуть не заплакал от волнения.

Муки кончились. С этого же дня начинается исцеление. Оставшиеся в живых люди, рассеянные по стране, без вождей, без законов, без еды, как стадо без пастуха, тысячи тех, которые отплыли за море, снова начнут возвращаться; пульс жизни с каждым мгновением все сильнее и сильнее снова забьется на пустынных улицах и

площадях. Как ни страшен был разгром, разящая рука остановлена. Остановлена разящая рука. Эти горестные руины, почерневшие скелеты домов, мрачно торчащие на солнечном холме, скоро огласятся стуком молотков, звоном инструментов. Тут я воздел руки к небу и стал благодарить Бога. Через какой-нибудь год, думал я, через год…

Потом, словно меня что-то ударило, я вдруг вспомнил о себе, о жене, о нашей былой счастливой жизни, которая никогда уже не возвратится.

Глава IX
На обломках прошлого

Теперь я должен сообщить вам один удивительный факт. Впрочем, это, может быть, и не так удивительно. Я помню ясно, живо, отчетливо все, что делал в тот день до того момента, когда я стоял на вершине Примроз-Хилла и со слезами на глазах благодарил Бога. А потом в памяти моей пробел…

Я не помню, что произошло в течение следующих трех дней. Мне говорили после, что я не первый открыл гибель марсиан, что несколько таких же, как я, скитальцев узнали о ней еще ночью. Первый из обнаруживших это отправился

в Сент-Мартинес-ле-Гран и в то время, когда я сидел в извозчичьей будке, умудрился послать телеграмму в Париж. Оттуда радостная весть облетела весь мир; тысячи городов, оцепеневших от ужаса, мгновенно осветились яркими огнями иллюминаций. Когда я стоял на краю ямы, о гибели марсиан было уже известно в Дублине, Эдинбурге, Манчестере, Бирмингеме. Люди плакали и кричали от радости, бросали работу, обнимались и жали друг другу руки; поезда, идущие в Лондон, были переполнены уже у Кью. Церковные колокола, молчавшие целых две недели, трезвонили по всей Англии. Люди на велосипедах, исхудалые, растрепанные, носились по проселочным дорогам, громко крича, сообщая изможденным, отчаявшимся беженцам о нежданном спасении. А продовольствие? Через Ла-Манш, по Ирландскому морю, через Атлантику спешили к нам на помощь корабли, груженные зерном, хлебом и мясом. Казалось, все суда мира стремились к Лондону. Обо всем этом я ничего не помню. Я не выдержал испытания, и мой разум помутился. Очнулся я в доме каких-то добрых людей, которые подобрали меня на третий день; я бродил по улицам Сент-Джонс-Вуда в полном исступлении, крича и плача. Они рассказывали мне, что

я нараспев выкрикивал бессмысленные слова: «Последний человек, оставшийся в живых, ура! Последний человек, оставшийся в живых!»

Обремененные своими собственными заботами, эти люди (я не могу назвать их здесь по имени, хотя очень хотел бы выразить им свою благодарность) все-таки не бросили меня на произвол судьбы, приютили у себя и оказали мне всяческую помощь.

Вероятно, они узнали кое-что о моих приключениях в течение тех дней, когда я лежал без памяти. Когда я пришел в сознание, они осторожно сообщили мне все, что им было известно о судьбе Лезерхэда. Через два дня после того, как я попал в ловушку в развалинах дома, он был уничтожен вместе со всеми жителями одним из марсиан. Марсианин смел город с лица земли без всякого повода — так мальчишка разоряет муравейник.

Я был одинок, и они были очень внимательны ко мне. Я был одинок и убит горем, и они горевали вместе со мной. Я оставался у них еще четыре дня после своего выздоровления. Все это время я испытывал смутное желание — оно все усиливалось — взглянуть еще раз на то, что осталось от былой жизни, которая казалась мне такой счаст-

ливой и светлой. Это было просто безотрадное желание справить тризну по своему прошлому. Они отговаривали меня. Они изо всех сил старались заставить меня отказаться от этой идеи. Но я не мог больше противиться непреодолимому влечению; обещав вернуться к ним, я со слезами на глазах простился с моими новыми друзьями и побрел по улицам, которые еще недавно были такими темными и пустынными.

Теперь улицы стали людными, кое-где даже были открыты магазины; я заметил фонтан, из которого била вода.

Я помню, как насмешливо ярок казался мне день, когда я печальным паломником отправился к маленькому домику в Уокинге; вокруг кипела возрождающаяся жизнь. Повсюду было так много народу, подвижного, деятельного, и не верилось, что погибло столько жителей. Потом я заметил, что лица встречных желты, волосы растрепаны, широко открытые глаза блестят лихорадочно и почти все они одеты в лохмотья. Выражение на всех лицах было одинаковое: либо радостно оживленное, либо странно сосредоточенное. Если бы не это выражение глаз, лондонцев можно было бы принять за толпу бродяг. Во всех приходах даром раздавали хлеб, присланный француз-

ским правительством. У немногих уцелевших лошадей из-под кожи проступали ребра. На всех углах стояли изможденные констебли с белыми значками. Следов разрушения, причиненных марсианами, я почти не заметил, пока не дошел до Веллингтон-стрит, где красная трава еще взбиралась по устоям моста Ватерлоо.

У самого моста я заметил лист бумаги, приколотый сучком к густой заросли красной травы, — любопытный гротеск того необычайного времени. Это было объявление первой вновь вышедшей газеты «Дейли мейл». Я дал за газету почерневший шиллинг, оказавшийся в кармане. Она была почти вся в пробелах. На месте объявлений, на последнем листе, наборщик, выпустивший газету единолично, набрал прочувствованное обращение к читателю. Я не узнал ничего нового, кроме того, что осмотр механизмов марсиан в течение недели уже дал удивительные результаты. Между прочим сообщалось — в то время я не поверил этому, — что «тайна воздухоплавания» раскрыта. У вокзала Ватерлоо стояли три готовых к отходу поезда. Наплыв публики, впрочем, уже ослабел. Пассажиров в поезде было немного, да и я был не в таком настроении, чтобы заводить случайный разговор.

Я занял один целое купе, скрестил руки и мрачно глядел на освещенные солнцем картины ужасного опустошения, мелькавшие за окнами. Сразу после вокзала поезд перешел на временный путь; по обеим сторонам полотна чернели развалины домов. До Клэпхемской узловой станции Лондон был засыпан черной пылью, которая еще не исчезла, несмотря на два бурных дождливых дня. У Клэпхема на поврежденном полотне бок о бок с землекопами работали сотни оставшихся без дела клерков и приказчиков, и поезд перевели на поспешно проложенный временный путь.

Вид окрестностей был мрачный, странный; особенно сильно пострадал Уимблдон. Уолтон благодаря своим уцелевшим сосновым лесам казался менее разрушенным. Уэндл, Моул, даже мелкие речонки поросли красной травой и казались наполненными не то сырым мясом, не то нашинкованной красной капустой. Сосновые леса Суррея оказались слишком сухими для красного вьюна. За Уимблдоном на огородах виднелись кучи земли вокруг шестого цилиндра. В середине что-то рыли саперы, вокруг стояли любопытные. На шесте развевался британский флаг, весело похлопывая под утренним бризом. Огороды были красные от травы. Глазам больно

было смотреть на это красное пространство, пересеченное пурпурными тенями. Было приятно перевести взгляд от мертвенно-серого и красного цвета переднего плана пейзажа к голубовато-зеленым тонам восточных холмов.

У станции Уокинг железнодорожное сообщение еще не было восстановлено; поэтому я вышел на станции Байфлит и направился к Мэйбэри мимо того места, где мы с артиллеристом разговаривали с гусарами, и того места, где я во время грозы увидел марсианина. Из любопытства я свернул в сторону и увидел в красных зарослях свою опрокинутую и разбитую тележку рядом с побелевшим, обглоданным лошадиным скелетом. Я остановился и осмотрел эти останки…

Потом я прошел через сосновый лес; заросли красной травы кое-где доходили мне до шеи; труп хозяина «Пятнистой собаки», вероятно, уже похоронили: я нигде не обнаружил его. Миновав военный колледж, я увидел свой дом. Какой-то человек, стоявший на пороге своего коттеджа, окликнул меня по имени, когда я проходил мимо.

Я взглянул на свой дом со смутной надеждой, которая тотчас же угасла. Замок был взломан, и дверь отворялась и захлопывалась на ветру.

То окно моего кабинета, из которого мы с артиллеристом смотрели тогда на рассвете, было распахнуто, занавески в нем развевались. С тех пор никто не закрывал окна. Сломанные кусты остались такими же, как в день моего бегства, почти четыре недели назад. Я вошел в дом, он был пуст. Коврик на лестнице был сбит и потемнел в том месте, где я сидел, промокнув до костей под грозой, в ночь катастрофы. На лестнице остались следы грязных ног.

Я пошел по этим следам в свой кабинет; на письменном столе все еще лежал под соленитовым пресс-папье исписанный лист бумаги, который я оставил в тот день, когда открылся первый цилиндр. Я постоял, перечитывая свою недоконченную статью о развитии нравственности в связи с общим прогрессом цивилизации. «Возможно, что через двести лет, — писал я, — наступит…» Пророческая фраза осталась недописанной. Я вспомнил, что никак не мог сосредоточиться в то утро, и, бросив писать, пошел купить номер «Дейли кроникл» у мальчишки-газетчика. Помню, как я подошел к садовой калитке и с удивлением слушал его странный рассказ о «людях с Марса».

Я сошел вниз в столовую и там увидел баранину и хлеб, уже сгнивший, и опрокинутую пивную

бутылку. Все было так, как мы с артиллеристом оставили. Мой дом был пуст. Я понял все безумие тайной надежды, которую лелеял так долго. И вдруг снаружи раздался чей-то голос:

— Это бесполезно. Дом необитаем. Тут по крайней мере десять дней никого не было. Не мучьте себя напрасно. Вы спаслись одни…

Я был поражен. Уж не я ли сам высказал вслух свои мысли? Я обернулся… Балконная дверь была открыта настежь. Я шагнул к ней и выглянул.

В саду, изумленные и испуганные не меньше, чем я, стояли мой двоюродный брат и моя жена, бледная, без слез. Она слабо вскрикнула.

— Я пришла, — пробормотала она, — я знала… знала…

Она поднесла руки к горлу и покачнулась. Я бросился к ней и подхватил ее на руки.

Эпилог

Теперь, в конце моего рассказа, мне остается только пожалеть о том, как мало могу я способствовать разрешению многих спорных вопросов. В этом отношении меня, несомненно, будут строго критиковать. Моя специальность — умозрительная философия. Мое знакомство

со сравнительной физиологией ограничивается одной или двумя книгами, но мне кажется, что предположение Карвера о причинах быстрой смерти марсиан настолько правдоподобно, что его можно принять как доказанное. Я уже изложил его в своем повествовании.

Во всяком случае, в трупах марсиан, исследованных после войны, найдены были только известные нам бактерии. То обстоятельство, что марсиане не хоронили своих убитых товарищей, а также их безрассудное уничтожение людей доказывают, что они незнакомы с процессом разложения. Однако это лишь гипотеза, правда, весьма вероятная.

Состав черного газа, которым с такими губительными последствиями пользовались марсиане, до сих пор неизвестен; генератор теплового луча тоже остается пока загадкой. Страшные катастрофы в лабораториях Илинга и Южного Кенсингтона заставили ученых прекратить свои опыты. Спектральный анализ черной пыли указывает на присутствие неизвестного нам элемента: отмечались четыре яркие линии в голубой части спектра; возможно, что этот элемент дает соединение с аргоном, которое действует разрушительно на составные части крови. Но

эти недоказанные предположения едва ли заинтересуют того широкого читателя, для которого написана моя повесть. Ни одна частица бурой накипи, плывшей вниз по Темзе после разрушения Шеппертона, в то время не была подвергнута исследованию; теперь это уже невозможно.

О результате анатомического исследования трупов марсиан (насколько такое исследование оказалось возможным после вмешательства прожорливых собак) я уже сообщал. Вероятно, все видели великолепный и почти нетронутый экземпляр, заспиртованный в Естественноисторическом музее, и бесчисленные снимки с него. Физиологические и анатомические детали представляют интерес только для специалистов.

Вопрос более важный и более интересный — это возможность нового вторжения марсиан. Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточно внимания. В настоящее время планета Марс удалена от нас, но я допускаю, что они могут повторить свою попытку в период противостояния. Во всяком случае, мы должны быть к этому готовы. Мне кажется, можно было бы определить положение пушки, выбрасывающей цилиндры; надо зорко наблюдать за этой частью планеты и предупредить попытку нового

вторжения.

Цилиндр можно уничтожить динамитом или артиллерийским огнем, прежде чем он достаточно охладится и марсиане будут в состоянии вылезти из него; можно также перестрелять их всех, как только отвинтится крышка. Мне кажется, они лишились большого преимущества из-за неудачи первого внезапного нападения. Возможно, что они сами это поняли.

Лессинг привел почти неопровержимые доказательства в пользу того, что марсианам уже удалось произвести высадку на Венеру. Семь месяцев назад Венера и Марс находились на одной прямой с Солнцем; другими словами, Марс был в противостоянии с точки зрения наблюдателя с Венеры. И вот на неосвещенной половине планеты появился странный светящийся след; почти одновременно фотография Марса обнаружила чуть заметное темное извилистое пятно. Достаточно видеть фотографии обоих этих явлений, чтобы понять их взаимную связь.

Во всяком случае, грозит ли нам вторичное вторжение или нет, наш взгляд на будущность человечества, несомненно, сильно изменился благодаря всем этим событиям. Теперь мы знаем, что нельзя считать нашу планету вполне без-

опасным убежищем для человека; невозможно предвидеть тех незримых врагов или друзей, которые могут явиться к нам из бездны пространства. Быть может, вторжение марсиан не останется без пользы для людей; оно отняло у нас безмятежную веру в будущее, которая так легко ведет к упадку, оно подарило нашей науке громадные знания, оно способствовало пропаганде идеи о единой организации человечества. Быть может, там, из бездны пространства, марсиане следили за участью своих пионеров, приняли к сведению урок и при переселении на Венеру поступили более осторожно. Как бы то ни было, еще в течение многих лет, наверное, будут продолжаться внимательные наблюдения за Марсом, а огненные небесные стрелы — падающие метеоры — долго еще будут пугать людей.

Кругозор человечества вследствие вторжения марсиан сильно расширился. До падения цилиндра все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубине пространства, нет жизни. Теперь мы стали более дальнозорки. Если марсиане смогли переселиться на Венеру, то почему бы не попытаться сделать это и людям? Когда постепенное охлаждение сделает нашу Землю необитаемой — а это в конце

концов неизбежно, — может быть, нить жизни, начавшейся здесь, перелетит и охватит своей сетью другую планету. Сумеем ли мы бороться и победить?

Передо мной встает смутное видение: жизнь с этого парника Солнечной системы медленно распространяется по всей безжизненной неизмеримости звездного пространства. Но это пока еще только мечта. Может быть, победа над марсианами только временная. Может быть, им, а не нам принадлежит будущее.

Я должен сознаться, что после всех пережитых ужасов у меня осталось чувство сомнения и неуверенности. Иногда я сижу в своем кабинете и пишу при свете лампы, и вдруг мне кажется, что цветущая долина внизу вся в пламени, а дом пуст и покинут. Я иду по Байфлит-роуд, экипажи проносятся мимо, мальчишка-мясник с тележкой, кеб с экскурсантами, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу, — и вдруг все становится смутным, призрачным, и я снова крадусь с артиллеристом в жаркой мертвой тишине. Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками. Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются

— искаженные подобия людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи.

Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего, двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе.

Так странно стоять на Примроз-Хилле — я был там за день перед тем, как написал эту последнюю главу, — видеть на горизонте сквозь серо-голубую пелену дыма и тумана смутные очертания огромного города, расплывающиеся во мглистом небе, видеть публику, разгуливающую по склону среди цветочных клумб; толпу зевак вокруг неподвижной машины марсиан, так и оставшейся здесь; слышать возню играющих детей и вспоминать то время, когда я видел все это разрушенным, пустынным в лучах рассвета великого последнего дня…

Но самое странное — это держать снова в своей руке руку жены и вспоминать о том, как мы считали друг друга погибшими.

Перевод М. Зенкевича

Остров доктора Моро

Предисловие

1 февраля 1887 года «Леди Вейн» погибла, наскочив на мель около 1° южной широты и 107° западной долготы.

5 января 1888 года, то есть одиннадцать месяцев и четыре дня спустя, мой дядя Эдвард Прендик, который сел на «Леди Вейн» в Кальяо и считался погибшим, был подобран в районе 3° северной широты и 101° западной долготы в небольшой парусной шлюпке, название которой невозможно было прочесть, но по всем признакам это была шлюпка с пропавшей без вести шхуны «Ипекакуана». Дядя рассказывал о себе такие невероятные вещи, что его сочли сумасшедшим. Впоследствии он сам признал, что не помнит ничего с того самого момента, как покинул борт «Леди Вейн». Психологи заинтересовались дядей, считая, что это любопытный случай потери памяти вследствие крайнего физического и нервного переутомления. Однако я, нижеподписавшийся его племянник и наследник, нашел среди его бумаг записки, которые решил опубликовать, хотя никакой письменной просьбы об этом среди них не было.

Единственный известный остров в той части океана, где нашли моего дядю, это маленький необитаемый островок Ноубл вулканического происхождения. В 1891 году этот островок посетило английское военное судно «Скорпион». На берег был высажен отряд, который, однако, не обнаружил там ничего, кроме нескольких необыкновенных белых мотыльков, а также свиней, кроликов и крыс странной породы. Ни одно из животных не было взято на борт, так что главное в записках дяди осталось без подтверждения. Ввиду всего сказанного можно надеяться, что издание этих удивительных записок никому не принесет вреда и, как мне кажется, соответствует желанию моего дяди. Во всяком случае, остается фактом, что дядя исчез где-то в районе 5° северной широты и 106° западной долготы и нашелся в этой же части океана через одиннадцать месяцев. Должен же он был где-то жить все это время. Известно также, что шхуна «Ипекакуана» с пьянчугой капитаном Джоном Дэвисом вышла из Арики, имея на борту пуму и других животных, в январе 1887 года ее видели в нескольких портах на юге Тихого океана, после чего она бесследно исчезла с большим грузом кокосовых орехов, выйдя в неизвестном направлении из Бэньи в

декабре 1887 года, что совершенно совпадает с утверждением моего дяди.

Чарлз Эдвард Прендик

I
В ялике с «Леди Вейн»

Я не собираюсь ничего прибавлять к тому, что уже сообщалось в газетах о гибели «Леди Вейн». Всем известно, что через десять дней после выхода из Кальяо она наткнулась на отмель. Семь человек экипажа спаслись на баркасе и были подобраны восемнадцать дней спустя английской канонеркой «Миртл». История их злоключений стала так же широко известна, как и потрясающий случай с «Медузой». На мою долю остается только добавить к уже известной истории гибели «Леди Вейн» другую, не менее ужасную и, несомненно, гораздо более удивительную. До сих пор считалось, что четверо людей, пытавшихся спастись на ялике, погибли, но это не так. У меня есть неопровержимое доказательство: я один из этих четверых.

Прежде всего я должен заметить, что в ялике было не четверо, а только трое — Констанс, про которого писали, что «его видел капитан, когда он прыгал за борт» («Дейли ньюс» от 17 марта 1887 года), к счастью для нас и к несчастью для

себя, не добрался до ялика. Выбираясь из путаницы снастей у сломанного бушприта и готовясь кинуться в воду, он зацепился каблуком за какую-то снасть. На минуту он повис вниз головой, а потом, падая в воду, ударился о плававшее в волнах бревно. Мы стали грести к нему, но он уже больше не показывался на поверхности.

Пожалуй, все же он не доплыл до нас не только к нашему счастью, но и к счастью для себя. У нас был только маленький бочонок с водой и несколько отсыревших сухарей (так неожиданно произошла катастрофа и так плохо подготовлен был корабль). Решив, что на баркасе припасов больше (хотя, как видно, это было не так), мы стали кричать, но наши голоса не долетали до баркаса, а на следующее утро, когда рассеялся туман, мы его уже не увидели. Встать и осмотреться не было возможности из-за качки. По морю гуляли огромные валы, нечеловеческих усилий стоило держаться против волнения. Со мной спаслись еще двое: Хельмар, такой же пассажир, как и я, и матрос, имени которого я не знаю, коренастый, заикающийся человек невысокого роста.

Восемь дней носило нас по морю. Мы умирали от голода и нестерпимой жажды, после того как выпили всю воду. Через два дня море утихло

и стало гладким, как стекло. Едва ли читатель сумеет представить себе, какие это были восемь дней! Счастлив он, если память не рисует ему подобных картин. На второй день мы почти не говорили друг с другом и неподвижно лежали в шлюпке, уставившись вдаль или глядя блуждающими глазами, как ужас и слабость овладевают всеми. Солнце пекло безжалостно. Вода кончилась на четвертый день. Нам мерещились страшные видения, и их можно было прочесть в наших глазах. Если не ошибаюсь, на шестой день Хельмар заговорил наконец о том, что было у каждого из нас на уме. Помню, мы были так слабы, что наклонялись друг к другу и едва слышно шептали. Я всеми силами противился этому, предпочитая прорубить дно шлюпки и погибнуть всем вместе, отдавшись на съедение следовавшим за нами акулам. Но я оказался в одиночестве: когда Хельмар сказал, что, если мы примем его предложение, у нас будет что пить, матрос присоединился к нему.

Все же я не хотел бросать жребий. Ночью Хельмар все шептался с матросом, а я сидел на носу, зажав в руке нож, хотя и чувствовал, что слишком слаб для борьбы с ними.

Утром я согласился с предложением Хельмара,

и мы бросили полупенсовик, чтобы жребий решил нашу судьбу.

Жребий пал на матроса, но он был самый сильный из нас и, не желая умирать, кинулся на Хельмара. Они сцепились, и оба привстали. Я пополз к ним по дну шлюпки, чтобы схватить матроса за ногу и помочь Хельмару, но в эту минуту шлюпку качнуло, матрос оступился, и оба упали за борт. Они пошли ко дну, как камни. Помню, я засмеялся, сам удивляясь этому.

Не знаю, сколько времени я пролежал, думая только о том, что если б я был в силах встать, то напился бы соленой воды, чтобы сойти с ума и поскорее умереть. Потом я увидел, что на горизонте показался корабль, но продолжал лежать с таким равнодушием, словно это был мираж. Я, по-видимому, был невменяем, но теперь помню все совершенно отчетливо. Помню, как голова моя качалась в такт волнам и судно на горизонте танцевало перед моими глазами. Помню, я был убежден в том, что уже умер, и думал, какая горькая насмешка, что корабль подойдет слишком поздно и подберет лишь мой труп.

Мне казалось, что я лежал так бесконечно долго, опустив голову на банку и глядя на судно, плясавшее на волнах. Это была небольшая

шхуна. Она лавировала, описывая зигзаги, так как шла против ветра. Мне даже не приходило в голову попытаться привлечь ее внимание, и я не помню почти ничего после того, как увидел борт подошедшего судна и очутился в маленькой каютке. У меня осталось лишь смутное воспоминание, что меня поднимали по трапу и кто-то большой, рыжий, веснушчатый смотрел на меня, наклонившись над бортом. Помню еще какое-то смуглое лицо со странными глазами, смотревшими на меня в упор, но я думал, что это кошмар, пока снова не увидел их позже. Помню, наконец, как мне вливали сквозь зубы какую-то жидкость. Вот и все, что осталось у меня в памяти.

II
Человек ниоткуда

Каюта, в которой я очнулся, была маленькая и довольно грязная. Белокурый моложавый человек со щетинистыми, соломенного цвета усами и отвисшей нижней губой сидел рядом и держал меня за руку. С минуту мы молча смотрели друг на друга. У него были водянистые серые глаза, удивительно бесстрастные.

Сверху донесся шум, словно двигали тяжелую железную кровать, и глухое сердитое рычание какого-то большого зверя. Сидевший рядом со мной человек заговорил.

Он, видимо, уже задавал мне этот вопрос:

— Как вы себя чувствуете?

Насколько помню, я ответил, что чувствую себя хорошо. Но каким образом я сюда попал? По-видимому, он прочел этот немой вопрос у меня на лице, так как я сам не слышал звука своего голоса.

— Вас подобрали полумертвым в шлюпке с судна «Леди Вейн», борт ее был обрызган кровью.

В этот миг взгляд мой нечаянно упал на мою

руку: она была такая худая, что походила на кожаный мешочек с костями. И тут все, что случилось в лодке, тотчас воскресло у меня в памяти.

— Выпейте, — сказал незнакомец, подавая мне какое-то красное холодное питье, вкусом похожее на кровь. Я сразу почувствовал себя бодрее. — Вам посчастливилось попасть на судно, где есть врач, — сказал он.

Говорил он невнятно и как будто пришепетывал.

— Что это за судно? — медленно спросил я, и голос мой был хриплым от долгого молчания.

— Маленький торговый корабль, идущий из Арики в Кальяо. Откуда он, собственно, я не знаю. Думаю, из страны прирожденных идиотов. Сам я сел пассажиром в Арике. Осел, хозяин судна, он же и капитан, по фамилии Дэвис, потерял свое свидетельство или что-то в этом роде. Из всех дурацких имен он не мог выбрать для судна лучшего, чем «Ипекакуана», но, когда на море нет большого волнения, идет оно недурно.

Сверху снова послышались рычание и человеческий голос.

— Чертов дурак! — произнес наверху другой голос, и все смолкло.

— Вы были совсем при смерти, — сказал незна-

комец. — Да, к этому шло дело, но я впрыснул вам кое-чего. Руки болят? Это от уколов. Вы были без сознания почти тридцать часов.

Я задумался. Мои мысли были прерваны лаем множества собак, раздававшимся сверху.

— Нельзя ли мне чего-нибудь поесть? — спросил я.

— Благодарите меня, — ответил он, — сейчас по моему приказанию для вас варится баранина.

— Это хорошо, — сказал я, ободрившись. — С удовольствием съем кусочек.

— Но вот что, — после минутной нерешительности сказал мой собеседник, — мне очень хотелось бы узнать, каким образом вы очутились один в лодке. — Мне показалось, что в его глазах мелькнуло какое-то подозрительное выражение. — А, черт, какой адский вой!

Он быстро выскочил из каюты, и я услышал, как он сердито заговорил с кем-то и ему ответили на непонятном языке. Мне показалось, что дело дошло до драки, но я не был уверен, что слух не обманул меня. Он прикрикнул на собак и снова вернулся в каюту.

— Ну, — сказал он, стоя на пороге, — вы хотели рассказать мне, что с вами случилось.

Я назвал себя и стал рассказывать, что я, Эдвард

Прендик, человек материально независимый и жизнь мою скрашивает увлечение естественными науками. Он явно заинтересовался.

— Я сам когда-то занимался науками в университете, изучал биологию и написал работы о яичнике земляных червей, о мускуле улиток и прочем. Боже, это было целых десять лет тому назад! Но продолжайте, расскажите, как вы попали в лодку.

Ему, по-видимому, понравилась искренность моего рассказа, очень короткого, так как я был ужасно слаб, и, когда я кончил, он снова вернулся к разговору о естественных науках и о своих работах по биологии. Он принялся подробно расспрашивать меня о Тоттенхем-Корт-роуд и Гауэр-стрит.

— Что, Каплатци по-прежнему процветает? Ах! Какое это было заведение!

По-видимому, он был самым заурядным студентом-медиком и теперь беспрестанно сбивался на тему о мюзик-холлах. Он рассказал мне кое-что из своей жизни.

— И все это было десять лет тому назад, — повторил он. — Чудесное время! Но тогда я был молод и глуп… Я выдохся уже к двадцати годам. Зато теперь дело другое… Но я должен присмот-

реть за этим ослом-коком и узнать, что делается с вашей бараниной.

Рычание наверху неожиданно возобновилось с такой силой, что я невольно вздрогнул.

— Что это такое? — спросил я, но дверь каюты уже захлопнулась за ним.

Он скоро вернулся, неся баранину, и я был так возбужден ее аппетитным запахом, что мгновенно забыл все свои недоумения.

Целые сутки я только спал и ел, после чего почувствовал себя настолько окрепшим, что был в силах встать с койки и подойти к иллюминатору. Я увидел, что зеленые морские валы уже не воевали больше с нами. Шхуна, видимо, шла по ветру. Пока я стоял, глядя на воду, Монтгомери — так звали этого блондина — вошел в каюту, и я попросил его принести мне одежду. Он дал кое-что из своих вещей, сшитых из грубого холста, так как та одежда, в которой меня нашли, была, по его словам, выброшена. Он был выше меня и шире в плечах, одежда его висела на мне мешком.

Между прочим, он рассказал мне, что капитан совсем пьян и не выходит из своей каюты. Одеваясь, я стал расспрашивать его, куда идет судно. Он сказал, что оно идет на Гавайи, но по дороге должно ссадить его.

— Где? — спросил я.

— На острове… Там, где я живу. Насколько мне известно, у этого острова нет названия.

Он посмотрел на меня, еще более оттопырив нижнюю губу, и сделал вдруг такое глупое лицо, что я догадался о его желании избежать моих расспросов и из деликатности не расспрашивал его более ни о чем.

III
Странное лицо

Выйдя из каюты, мы увидели человека, который стоял около трапа, преграждая нам дорогу на палубу. Он стоял к нам спиной и заглядывал в люк. Это был нескладный, коренастый человек, широкоплечий, неуклюжий, с сутуловатой спиной и головой, глубоко ушедшей в плечи. На нем был костюм из темно-синей саржи, его черные волосы показались мне необычайно жесткими и густыми. Наверху яростно рычали невидимые собаки. Он вдруг попятился назад с какой-то звериной быстротой, и я едва успел отстранить его от себя.

Черное лицо, мелькнувшее передо мной, глубоко меня поразило. Оно было удивительно безобразно. Нижняя часть его выдавалась вперед, смутно напоминая звериную морду, а в огромном приоткрытом рту виднелись такие большие белые зубы, каких я еще не видел ни у одного человеческого существа. Глаза были залиты кровью, оставалась только тоненькая белая полоска около самых зрачков. Странное возбуждение

было на его лице.

— Убирайся, — сказал Монтгомери. — Прочь с дороги!

Черномазый человек тотчас же отскочил в сторону, не говоря ни слова. Поднимаясь по трапу, я невольно все время смотрел на него. Монтгомери задержался внизу.

— Нечего тебе торчать здесь, сам отлично знаешь! — сказал он. — Твое место на носу.

Черномазый человек весь съежился.

— Они… не хотят, чтобы я был на носу, — проговорил он медленно, со странной хрипотой в голосе.

— Не хотят, чтобы ты был на носу? — повторил Монтгомери с угрозой в голосе. — Я приказываю тебе — ступай.

Он хотел сказать еще что-то, но, взглянув на меня, промолчал и стал подниматься по трапу. Я остановился на полдороге, оглядываясь назад, все еще удивленный страшным безобразием черномазого. В жизни еще не видел такого необыкновенно отталкивающего лица, и (можно ли понять такой парадокс?) вместе с тем я испытывал ощущение, словно уже видел когда-то эти черты и движения, так поразившие меня теперь. Позже мне пришло в голову, что, вероятно, я ви-

дел его, когда меня поднимали на судно, однако эта мысль не рассеивала моего подозрения, что мы встречались с ним раньше. Но как можно было, увидя хоть раз такое необычайное лицо, позабыть все подробности встречи? Этого я не мог понять!

Шаги Монтгомери, следовавшего за мной, отвлекли меня от этих мыслей. Я повернулся и стал оглядывать находившуюся вровень со мной верхнюю палубу маленькой шхуны. Я был уже отчасти подготовлен услышанным шумом к тому, что теперь предстало перед моими глазами. Безусловно, я никогда не видел такой грязной палубы. Она была вся покрыта обрезками моркови, какими-то лохмотьями зелени и неописуемой грязью. У грот-мачты на цепях сидела целая свора злых гончих собак, которые принялись кидаться и лаять на меня. У бизань-мачты огромная пума была втиснута в такую маленькую клетку, что не могла в ней повернуться. У правого борта стояло несколько больших клеток с кроликами, а перед ними в решетчатом ящике была одинокая лама. На собаках были ременные намордники. Единственным человеческим существом на палубе был худой молчаливый моряк, стоявший у руля.

Заплатанные, грязные паруса были надуты,

маленькое судно, как видно, шло полным ветром. Небо было ясное, солнце склонялось к закату. Большие пенистые волны догоняли судно. Мы прошли мимо рулевого и, остановившись на корме, стали смотреть на остававшуюся позади пенную полосу. Я обернулся и окинул взглядом всю неприглядную палубу.

— Это что, океанский зверинец? — спросил я Монтгомери.

— Нечто вроде, — ответил он.

— Для чего здесь эти животные? Для продажи или какие-нибудь редкие экземпляры? Может быть, капитан хочет продать их где-нибудь в южных портах?

— Все возможно, — снова уклончиво ответил Монтгомери и отвернулся к корме.

В это время раздался крик и целый поток ругательств, доносившихся из люка, и вслед за этим на палубу проворно взобрался черномазый урод, а за ним — коренастый рыжеволосый человек в белой фуражке. При виде его собаки, уже уставшие лаять на меня, снова пришли в ярость, рыча и стараясь оборвать цепи. Черномазый остановился в нерешительности, а подоспевший рыжеволосый изо всех сил ударил его между лопатками. Бедняга рухнул, как бык на бойне,

и покатился по грязи под яростный лай собак. К счастью для него, на них были намордники. Крик торжества вырвался у рыжеволосого, и он стоял, пошатываясь, рискуя упасть назад в люк или же вперед на свою жертву.

Монтгомери, увидев этого второго человека, вздрогнул.

— Стойте! — крикнул он предостерегающе.

На носу судна показались несколько матросов.

Черномазый с диким воем катался по палубе среди собак. Но никто и не думал помочь ему. Гончие, как могли, теребили его, тыкались в него мордами. Серые собаки быстро метались по его неуклюже распростертому телу.

Передние матросы науськивали их криками, как будто все это было веселое зрелище. Гневное восклицание вырвалось у Монтгомери, и он торопливо пошел по палубе. Я последовал за ним.

Через минуту черномазый был уже на ногах и, шатаясь, побрел прочь. Около мачты он прижался к фальшборту, где и остался, тяжело дыша и косясь через плечо на собак. Рыжеволосый расхохотался с довольным видом.

— Послушайте, капитан! — пришепетывая сильнее обыкновенного, сказал Монтгомери и схватил рыжеволосого за локти. — Вы не имеете

права!

Я стоял позади Монтгомери. Капитан сделал пол-оборота и посмотрел на него тупыми, пьяными глазами.

— Чего не имею? — переспросил он, с минуту вяло глядя в лицо Монтгомери. — Убирайтесь ко всем чертям!

Быстрым движением он высвободил свои веснушчатые руки и после двух-трех безуспешных попыток засунул их наконец в боковые карманы.

— Этот человек — пассажир, — сказал Монтгомери. — Вы не имеете права пускать в ход кулаки.

— К чертям! — снова крикнул капитан. Он вдруг резко повернулся и чуть не упал. — У себя на судне я хозяин, что хочу, то и делаю.

Мне казалось, Монтгомери, видя, что он пьян, должен был бы оставить его в покое. Но тот, только слегка побледнев, последовал за капитаном к борту.

— Послушайте, капитан, — сказал он. — Вы не имеете права так обращаться с моим слугой. Вы не даете ему покоя с тех пор, как он поднялся на борт.

С минуту винные пары не давали капитану

сказать ни слова.

— Ко всем чертям! — только и произнес он.

Вся эта сцена свидетельствовала, что Монтгомери обладал одним из тех упрямых характеров, которые способны гореть изо дня в день, доходя до белого каления и никогда не остывая. Я видел, что ссора эта назревала давно.

— Этот человек пьян, — сказал я, рискуя показаться назойливым, — лучше оставьте его.

Уродливая судорога свела губы Монтгомери.

— Он вечно пьян. По-вашему, это оправдывает его самоуправство?

— Мое судно, — начал капитан, неуверенно взмахнув руками в сторону клеток, — было чистое. Посмотрите на него теперь.

Действительно, чистым его никак нельзя было назвать.

— Моя команда не терпела грязи.

— Вы сами согласилась взять зверей.

— Глаза мои не видели бы вашего проклятого острова. Черт его знает, для чего нужны там эти животные. А ваш слуга, разве это человек?.. Это ненормальный. Ему здесь не место! Не думаете ли вы, что все мое судно в вашем распоряжении?

— Ваши матросы преследуют беднягу с тех пор, как он здесь появился.

— И неудивительно, потому что он страшнее самого дьявола. Мои люди не выносят его, и я тоже. Никто его терпеть не может, даже вы сами.

Монтгомери повернулся к нему спиной.

— Все же вы должны оставить его в покое, — сказал он, подкрепляя свои слова кивком головы.

Но капитану, видимо, не хотелось уступать.

— Пусть только еще сунется сюда! — заорал он. — Я ему все кишки выпущу, вот увидите! Как вы смеете меня учить! Говорю вам, я капитан и хозяин судна! Мое слово закон и желание свято! Я согласился взять пассажира со слугой до Арики и доставить его обратно на остров вместе с животными, но я не соглашался брать какого-то дьявола, черт побери… какого-то…

И он злобно обругал Монтгомери. Тот шагнул к капитану, но я встал между ними.

— Он пьян, — сказал я.

Капитан начал ругаться последними словами.

— Молчать! — сказал я, круто поворачиваясь к нему, так как бледное лицо Монтгомери стало страшным. Ругань капитана обратилась на меня.

Но я был рад, что предупредил драку, хоть пьяный капитан и невзлюбил меня. Мне случалось бывать в самом странном обществе, но никогда в жизни я не слышал из человеческих уст такого

нескончаемого потока ужаснейшего сквернословия. Как ни был я миролюбив от природы, но все же едва сдерживался. Конечно, прикрикнув на капитана, я совершенно забыл, что был всего лишь потерпевшим крушение, без всяких средств, даровым пассажиром, целиком зависевшим от милости или выгоды хозяина судна. Он напомнил мне об этом достаточно ясно. Но так или иначе драки я не допустил.

IV
У борта

В тот же вечер, вскоре после захода солнца, мы увидели землю, и шхуна легла в дрейф. Монтгомери сказал, что он прибыл. За дальностью расстояния нельзя было ничего разобрать: остров показался мне просто невысоким темно-синим клочком земли на смутном, голубовато-сером фоне океана. Столб дыма почти отвесно поднимался с острова к небу.

Капитана не было на палубе, когда показалась земля. Излив на меня свою злобу, он спустился вниз и, как я узнал, заснул на полу своей каюты. Командование принял на себя его помощник. Это был тот самый худой молчаливый субъект, который стоял у руля. По-видимому, он тоже не ладил с Монтгомери. Он как будто не замечал нас. Обедали мы втроем в угрюмом молчании после нескольких безрезультатных попыток с моей стороны заговорить с ним. Меня поразило, что этот человек относился к моему спутнику и его животным со странной враждебностью. Я находил, что Монтгомери слишком скрытен, когда

заходит речь о том, для чего ему эти животные; но, хотя любопытство мое было задето, я его не расспрашивал.

Небо было уже сплошь усыпано звездами, а мы все еще беседовали, стоя на шканцах. Ночь была тихая, ясная, тишину нарушали только размеренный шум с освещенного желтоватым светом полубака да движения животных. Пума, свернувшись клубком, смотрела на нас своими горящими глазами. Собаки, казалось, спали. Монтгомери вынул из кармана сигары.

Он вспоминал Лондон с некоторой грустью, расспрашивал о переменах, происшедших там за это время. Мне показалось, что он любил ту жизнь, которой здесь навсегда лишился. Я поддерживал разговор, как умел. Странность моего собеседника все время возбуждала мое любопытство, и, говоря с ним, я рассматривал его худое, бледное лицо, освещенное слабым светом фонаря, который горел у меня за спиной. Затем я оглянулся на темнеющий океан, где во мраке таился его маленький островок.

Этот человек, думалось мне, появился на безбрежности пространства только для того, чтобы спасти меня. Завтра он покинет корабль и снова исчезнет из моей жизни навеки. Даже при самых

обычных обстоятельствах эта встреча, несомненно, произвела бы на меня впечатление. Больше всего меня поразило, что этот образованный человек живет на таком маленьком, затерянном острове и привез сюда столь необычайный багаж.

Я невольно разделял недоумение капитана. Для чего ему эти животные? И почему он отрекся от них, когда я впервые о них заговорил? Кроме того, в этом его слуге было что-то странное, глубоко поразившее меня. Все это, вместе взятое, казалось очень таинственным, заставляя работать мое воображение и сковывая язык. К полуночи разговор о Лондоне исчерпался, и мы молча стояли рядом у борта, задумчиво глядя на тихий, отражающий звезды океан; каждый из нас был занят своими мыслями. Я расчувствовался и принялся выражать ему свою признательность.

— Надо прямо сказать, — начал я, немного помолчав, — вы спасли мою жизнь.

— Это случайность, — отозвался он, — простая случайность.

— Но все же я должен поблагодарить вас.

— Чего там, не стоит благодарности. Вы нуждались в помощи, а у меня была возможность ее оказать. Я сделал вам впрыскивания и кормил

вас точно так же, как если бы нашел редкий экземпляр какого-нибудь животного. Я скучал и хотел чем-нибудь заняться. Поверьте, будь я не в духе в тот день или не понравься мне ваше лицо, право, не знаю, что было бы с вами теперь.

Такой ответ немного расхолодил меня.

— Во всяком случае… — начал я снова.

— Говорю вам, это простая случайность, как и все остальное в человеческой жизни, — прервал он меня, — только дураки не хотят этого понять. Почему я должен быть здесь, вдали от цивилизованного мира, вместо того чтобы наслаждаться счастьем и всеми удовольствиями Лондона? Только потому, что одиннадцать лет назад я на десять минут потерял голову в одну туманную ночь…

Он замолчал.

— И что же? — спросил я.

— Вот и все.

Мы оба умолкли. Потом он неожиданно рассмеялся.

— Эти звезды как-то располагают к откровенности. Я просто осел, но мне все же хочется кое-что рассказать вам.

— Что бы вы ни рассказали, можете положиться на мою скромность… Поверьте, я умею молчать.

Он уже собрался начать свой рассказ, но вдруг с сомнением покачал головой.

— Не надо, — сказал я. — Я вовсе не любопытен. В конце концов самое лучшее — не доверять никому своей тайны. Если я сохраню ее, вы не выиграете ничего, только душу немного облегчите. А если проболтаюсь… Что тогда?

Он нерешительно пробормотал что-то про себя. Я почувствовал, что ему хочется поделиться со мной, но, говоря по правде, мне вовсе не интересно было знать, что заставило молодого медика покинуть Лондон. Для этого у меня было достаточно богатое воображение. Я пожал плечами и отвернулся. Какая-то темная молчаливая фигура, застыв у борта, смотрела на отражавшиеся в воде звезды. Это был слуга Монтгомери. Он быстро взглянул на меня через плечо, затем снова отвернулся и уставился на воду.

Эта мелочь, может быть, показалась бы вам пустяком, но меня она поразила как громом. Единственным источником света возле нас был фонарь, висевший у руля. Лицо слуги лишь на одно короткое мгновение повернулось к свету, но я заметил, что глаза, взглянувшие на меня, светились слабым зеленоватым светом.

Я тогда не знал, что по крайней мере крас-

новатый отблеск бывает иногда свойствен человеческим глазам. Это показалось мне совершенно сверхъестественным. Темная фигура с горящими глазами заполнила все мои мысли и чувства, и забытые образы детского воображения на миг воскресли передо мной. Но они исчезли так же быстро, как и явились. Уже в следующее мгновение я видел лишь обыкновенную темную, неуклюжую человеческую фигуру, фигуру, в которой не было ничего необычайного и которая стояла у борта, глядя на отражавшиеся в море звезды. Монтгомери снова заговорил.

— Если вы уже достаточно подышали воздухом, я хотел бы спуститься вниз, — сказал он.

Я ответил что-то невпопад. Мы ушли вниз, и он простился со мной у дверей моей каюты.

Всю ночь я видел скверные сны. Ущербная луна взошла поздно. Ее таинственные бледные лучи косо падали через иллюминатор, и койка моя отбрасывала на стену чудовищную тень. Наверху проснулись собаки, послышались лай и рычание. Заснуть крепко мне удалось только на рассвете.

V
Безвыходное положение

Рано утром — это было на второй день после моего выздоровления и, кажется, на четвертый после того, как меня подобрала шхуна, — я проснулся, мучимый тревожными сновидениями, в которых мне чудились стрельба и рев толпы, и услышал наверху чьи-то хриплые крики. Протерев глаза, я лежал, прислушиваясь к шуму и не понимая, где я. Вдруг послышались шлепанье босых ног, стук бросаемых тяжестей, громкий скрип и грохот цепей. Потом раздался плеск, так как судно сделало резкий поворот, желто-зеленая пенистая волна ударилась о маленький иллюминатор каюты и снова схлынула. Я быстро оделся и поспешил на палубу.

Поднимаясь по трапу, я увидел на алом фоне восходившего солнца широкую спину и рыжие волосы капитана. Над ним висела в воздухе клетка с пумой, которую он спускал на веревке, пропущенной через блок на бизань-мачте. Бедное животное, смертельно перепуганное, припало ко дну своей маленькой клетки.

— За борт их всех! — рычал капитан. — За борт! Я очищу судно от всей этой дряни!

Он стоял у меня на дороге, и, чтобы выйти на палубу, я вынужден был хлопнуть его по плечу. Он вздрогнул, повернулся и попятился. Сразу видно было, что он все еще пьян.

— Эй, ты! — сказал он с идиотским видом, потом, начав соображать, добавил: — А, это мистер… мистер…

— Прендик, — сказал я.

— К черту Прендика! — завопил капитан. — Заткни Глотку — вот ты кто! Мистер Заткни Глотку!

Конечно, не следовало отвечать этому пьяному скоту. Но я не мог предвидеть, что он сделает дальше. Он протянул руку к трапу, у которого стоял Монтгомери, разговаривая с широкоплечим седым человеком в грязном синем фланелевом костюме, по-видимому, только что появившимся на судне.

— Пошел туда, мистер Заткни Глотку, туда! — ревел капитан.

Монтгомери и его собеседник повернулись к нам.

— Что это значит? — спросил я.

— Вон отсюда, мистер Заткни Глотку, вот что

это значит! За борт, живо! Мы очищаем судно, очищаем наше бедное судно! Вон!

Оторопев, я смотрел на него. Но потом понял, что именно этого мне и хочется. Перспектива остаться единственным пассажиром этого сварливого дурака не сулила мне ничего приятного. Я повернулся к Монтгомери.

— Мы не можем вас взять, — решительно сказал мне его собеседник.

— Не можете меня взять? — совершенно растерявшись, переспросил я.

Такого непреклонного и решительного лица, как у него, я еще в жизни не видел.

— Послушайте… — начал я, обращаясь к капитану.

— За борт! — снова заорал он. — Это судно не для зверей и не для людоедов, которые хуже зверья, в сто раз хуже! За борт… проклятый мистер Заткни Глотку! Возьмут они вас или не возьмут, все равно вон с моей шхуны! Куда угодно! Вон отсюда вместе с вашими друзьями! Я навсегда простился с этим проклятым островом! Довольно с меня!

— Послушайте, Монтгомери… — сказал я.

Он скривил нижнюю губу и, безнадежно кивнув головой, указал на седого человека, стоявшего

рядом с ним, как бы выразив этим свое бессилие помочь мне.

— Уж я об этом позабочусь, — сказал капитан.

Началось странное препирательство. Я попеременно обращался то к одному, то к другому из троих, прежде всего к седому человеку, прося позволить мне высадиться на берег, потом к пьяному капитану с просьбой оставить меня на судне и, наконец, даже к матросам. Монтгомери не сказал ни слова — он только качал головой.

— За борт, говорю вам, — беспрестанно повторял капитан. — К черту закон! Я хозяин на судне!

Я начал грозить, но голос мой пресекся. Охваченный бессильным бешенством, я отошел на корму, угрюмо глядя в пустоту.

Тем временем матросы быстро работали, сгружая ящики и клетки с животными. Большой баркас с поднятыми парусами уже стоял у подветренного борта шхуны, и туда сваливали всю эту удивительную кладь. Я не мог видеть, кто приехал за ней с острова, потому что баркас был скрыт бортом шхуны.

Ни Монтгомери, ни его собеседник не обращали на меня ни малейшего внимания: они помогали четырем или пяти матросам, выгружавшим багаж. Капитан был тут же, скорее мешая, чем

помогая работе. Я переходил от отчаяния к бешенству. Пока я стоял, ожидая своей дальнейшей участи, мне несколько раз неудержимо хотелось смеяться над моей злополучной судьбой. Я не завтракал и чувствовал себя от этого еще несчастнее. Голод и слабость лишают человека мужества. Я прекрасно понимал, что не в силах сопротивляться капитану, который мог избавиться от меня, и у меня не было способа заставить Монтгомери и его товарища взять меня с собой. Мне оставалось лишь покорно ждать своей судьбы, а выгрузка багажа на баркас между тем продолжалась, и никто не обращал на меня внимания.

Вскоре работа была закончена. И тогда произошла схватка: меня, слабо сопротивлявшегося, потащили к трапу. Но даже в эту отчаянную минуту меня удивили странные смуглые лица людей, сидевших в баркасе вместе с Монтгомери. Погрузка была окончена, и баркас сразу отчалил от судна. Подо мной быстро увеличивалась полоса зеленой воды, и я изо всех сил подался назад, чтобы не упасть вниз головой.

Сидевшие в баркасе что-то насмешливо закричали, и я слышал, как Монтгомери обругал их. Капитан, его помощник и один из матросов потащили меня на корму. Там был привязан

ялик с «Леди Вейн», до половины залитый водой, без весел и провизии. Я отказался сойти в него и повалился ничком на палубу. Но они силой опустили меня туда на веревке без трапа и, перерезав буксир, бросили на произвол судьбы.

Волны медленно относили меня от шхуны. В каком-то оцепенении я видел, как матросы начали тянуть снасти, и шхуна медленно, но решительно развернулась по ветру. Паруса затрепетали и наполнились. Я тупо смотрел на истрепанный непогодами борт круто накренившейся шхуны. Она постепенно начала удаляться.

Я даже не повернул головы ей вслед. Я едва верил случившемуся. Ошеломленный, сидел я на дне шлюпки и глядел на пустынный, подернутый легкой зыбью океан. Но постепенно я осознал, что снова очутился в этой проклятой, почти затонувшей шлюпке. Обернувшись, я увидел шхуну, уплывавшую от меня вместе с рыжеволосым капитаном, который что-то насмешливо кричал, стоя у гакаборта. Повернувшись к острову, я увидел баркас, который становился все меньше и меньше по мере того, как приближался к берегу.

Я понял весь ужас своего положения. У меня не было никакой возможности добраться до берега, если только меня случайно не отнесет туда

течением. Я еще не окреп после своих недавних злоключений и к тому же был голоден, иначе у меня было бы больше мужества. Но тут я заплакал, как ребенок. Слезы потоком хлынули у меня из глаз. В припадке отчаяния я принялся бить кулаками по воде на дне ялика и колотить ногами в борт. Я молил Бога послать мне смерть.

VI
Ужасная команда баркаса

Но люди с острова, увидя, что я действительно брошен на произвол судьбы, сжалились надо мной. Меня медленно относило к востоку в сторону острова, и скоро я с облегчением увидел, что баркас повернул и направился ко мне. Баркас был тяжело нагружен, и когда он подошел ближе, то я увидел седого широкоплечего товарища Монтгомери, сидевшего на корме среди собак и ящиков с багажом. Этот человек молча, не двигаясь, смотрел на меня. Не менее пристально разглядывал меня и черномазый урод, расположившийся около клетки с пумой на носу. Кроме них, в баркасе было еще три странных, звероподобных существа, на которых злобно рычали собаки. Монтгомери, сидевший на руле, подчалил к ялику и, привстав с места, поймал и прикрепил к своей корме обрывок каната, чтобы отвести меня на буксире: на баркасе места не было.

Я успел уже оправиться от своего нервного припадка и довольно бодро ответил на его оклик. Я сказал, что шлюпка почти затоплена, и он подал

мне деревянный ковш. Когда буксир натянулся, я упал от толчка, но встал и начал усердно вычерпывать воду.

Лишь покончив с этим делом (шлюпка только зачерпнула воду бортом, она была невредима), я снова взглянул на людей, сидевших в баркасе.

Седой человек все так же пристально и, как мне показалось, с некоторым замешательством смотрел на меня. Когда наши взгляды встречались, он опускал глаза и глядел на собаку, сидевшую у него между коленями. Это был великолепно сложенный человек, с красивым лбом и довольно крупными чертами лица, но веки у него были дряблые, старческие, а складка у рта придавала лицу выражение дерзкой решительности. Он разговаривал с Монтгомери так тихо, что я не мог разобрать слов. Я стал рассматривать остальных трех, сидевших в баркасе.

Это была на редкость странная команда. Я видел только их лица, но в них было что-то неуловимое, чего я не мог постичь, и это вызывало во мне странное отвращение. Я пристально всматривался в них, и это чувство не проходило, хотя я и не мог понять его причины. Они показались мне темнокожими, но их руки и ноги были обмотаны какой-то грязной белой тканью

до самых кончиков пальцев. Я никогда еще не видел, чтобы мужчины так кутались, только женщины на Востоке носят такую одежду. На головах их были тюрбаны, из-под которых виднелись таинственные лица, выпяченные нижние челюсти и сверкающие глаза. Волосы их, черные и гладкие, были похожи на лошадиные гривы, и, сидя, они казались значительно выше людей всех рас, каких мне доводилось видеть. Седой старик, который, как я заметил, был добрых шести футов роста, теперь, сидя, был на голову ниже каждого из этих троих. Впоследствии я убедился, что в действительности все они были не выше меня, но туловища у них были ненормально длинные, а ноги короткие и странно искривленные. Во всяком случае, они представляли собой необычайно безобразное зрелище, а над их головами, под передним парусом, выглядывало смуглое лицо того урода, чьи глаза светились в темноте.

Когда взгляды наши встретились, он отвернулся, но не прекратил украдкой поглядывать в мою сторону. Чтобы не быть навязчивым, я перестал их рассматривать и повернулся к острову, к которому мы приближались.

Остров был низкий, покрытый пышной растительностью, среди которой больше всего было

пальм незнакомого мне вида. В одном месте белая струя дыма поднималась необычайно высоко и затем расплывалась в воздухе белыми, как пух, хлопьями. Мы очутились в большой бухте, ограниченной с обеих сторон невысокими мысами. Берег был усыпан темным сероватым песком и в глубине поднимался кверху футов на шестьдесят или семьдесят над уровнем моря, и кое-где виднелись деревья и кустарники. Посреди склона была странная, пестрая каменная ограда, сложенная, как я увидел позже, частью из кораллов и частью из вулканической пемзы. Две тростниковые крыши виднелись над оградой.

На берегу, ожидая нас, стоял человек. Издали мне показалось, что еще несколько других странных существ поспешно скрылись в кустарнике, но, когда мы приблизились, я уже больше не видел их. Человек, ожидавший нас, был среднего роста, с черным, как у негра, лицом. Его широкий рот был очень тонок, руки необычайно худые, а искривленные дугой ноги имели узкие и длинные ступни. Он стоял на берегу, вытянув шею, ожидая нашего приближения. Одет он был так же, как Монтгомери и седой старик, в синюю блузу и панталоны.

Когда мы подошли к самому берегу, он принял-

ся бегать взад и вперед, делая крайне нелепые телодвижения. По команде Монтгомери все четверо в баркасе вскочили на ноги и как-то удивительно неуклюже принялись спускать паруса. Монтгомери ввел баркас в маленький искусственный залив. Странный человек кинулся к нам. Собственно говоря, заливчик был простой канавой, но достаточно большой, чтобы баркас мог войти туда во время прилива.

Почувствовав, что нос баркаса врезался в песок, я оттолкнулся от его кормы деревянным ковшом и, отвязав буксир, причалил к берегу. Трое закутанных людей неуклюже вылезли из баркаса и тотчас же принялись разгружать багаж с помощью человека, ожидавшего нас на берегу. Особенно удивила меня их походка: нельзя сказать, что они были неповоротливы, но казались какими-то искореженными, словно состояли из кое-как скрепленных кусков. Собаки продолжали рычать и рваться с цепей, после того как они вместе с седым стариком сошли на берег.

Эти трое, переговариваясь, издавали какие-то странные, гортанные звуки, а человек, встретивший нас на берегу, взволнованно обратился к ним на каком-то, как показалось мне, иностранном языке, и они принялись за тюки, сложенные

на корме. Я уже где-то слышал точно такой же голос, но где, не мог припомнить. Старик удерживал шесть бесновавшихся собак, покрывая их лай громкими распоряжениями. Монтгомери тоже сошел на берег, и все занялись багажом. Я был слишком слаб, чтобы после голодовки, на жарком солнце, которое пекло мою непокрытую голову, предложить им свою помощь.

Наконец старик, видимо, вспомнил о моем присутствии и подошел ко мне.

— Судя по вашему виду, вы не завтракали, — сказал он. Его маленькие черные глазки блестели из-под бровей.

— Прошу у вас прощения. Теперь вы наш гость, хотя и непрошеный, и мы должны позаботиться о вас. — Он взглянул мне прямо в лицо. — Монтгомери сказал мне, что вы образованный человек, мистер Прендик. Он сказал, что вы немного занимались наукой. Нельзя ли узнать, чем именно?

Я рассказал, что учился в Ройал-колледже и занимался биологическими исследованиями под руководством Хаксли. Услышав это, он слегка приподнял брови.

— Это несколько меняет дело, мистер Прендик, — сказал он с легким оттенком уважения в голосе. — Как ни странно, но мы тоже биологи.

Это своего рода биологическая станция.

Он посмотрел на людей, которые на катках двигали клетку с пумой к ограде.

— Да, мы с Монтгомери биологи, — сказал он. — Неизвестно, когда вы сможете нас покинуть, — добавил он минуту спустя. — Наш остров лежит далеко от навигационных путей. Суда появляются здесь не чаще раза в год.

Вдруг он оставил меня, прошел мимо тащивших пуму людей, поднялся вверх по откосу и исчез за изгородью. Еще двое вместе с Монтгомери грузили багаж на низенькую тележку. Лама оставалась на баркасе вместе с кроличьими клетками; собаки были по-прежнему привязаны к скамьям. Нагрузив на тележку не меньше тонны, все трое повезли ее наверх, вслед за клеткой с пумой. Потом Монтгомери оставил их и, вернувшись, протянул мне руку.

— Что касается меня, то я рад, — сказал он. — Капитан настоящий осел. Вам пришлось бы хлебнуть с ним горя.

— Вы еще раз спасли меня, — сказал я.

— Ну, смотря как на это взглянуть! Уверяю вас, остров покажется вам чертовски скучной дырой! На вашем месте я был бы осторожен… Он… — Монтгомери замялся и не сказал того, что

едва не сорвалось у него с языка. — Не будете ли вы так добры помочь мне выгрузить клетки с кроликами?

С кроликами он поступил самым удивительным образом. После того как я, войдя в воду, помог ему перенести клетку на берег, он открыл дверцу и, наклонив ее, вывернул всех зверьков прямо на землю. Кролики грудой барахтались на земле. Он хлопнул в ладоши, и они скачками бросились врассыпную; их было штук пятнадцать или двадцать.

— Плодитесь и размножайтесь, друзья, — проговорил Монтгомери. — Населяйте остров. У нас тут был недостаток в мясе.

Пока я наблюдал за разбегавшимися кроликами, вернулся старик с бутылкой коньяку и несколькими сухарями.

— Вот, подкрепитесь, Прендик, — сказал он уже гораздо дружелюбнее.

Не заставляя себя долго просить, я принялся за сухари, а он помог Монтгомери выпустить на волю еще десятка два кроликов. Но три оставшиеся кроличьих клетки и клетку с ламой отнесли наверх, к дому. К коньяку я не притронулся, так как никогда не пил спиртного.

VII
Запертая дверь

Надеюсь, читатель поймет, что на первых порах все окружающее казалось мне до того необычайным и я пережил такие неожиданные приключения, что не мог понять, в чем же здесь самое странное. Я последовал за клеткой с ламой, но меня нагнал Монтгомери и попросил не входить за ограду. Тут я заметил, что пума в клетке и груда багажа также остались за оградой.

Обернувшись, я увидел, что баркас, уже окончательно разгруженный, вытащен на берег и старик идет к нам.

— А теперь нам предстоит решить, как поступить с этим незваным гостем, — обратился он к Монтгомери. — Что с ним делать?

— У него есть некоторые научные познания, — отозвался тот.

— Мне не терпится поскорее приняться за дело, поработать над этим новым материалом, — сказал старик, кивнув головой в сторону ограды. Глаза его заблестели.

— Охотно верю, — угрюмо буркнул Монтго-

мери.

— Мы не можем пустить его туда, а строить для него хижину нет времени. Вместе с тем никак нельзя посвящать его в наше дело.

— Готов вам повиноваться, — сказал я. У меня не было ни малейшего представления о том, что означало «пустить туда».

— Я тоже думал об этом, — сказал Монтгомери. — Но у меня есть комната с наружной дверью…

— Значит, решено, — быстро прервал его старик, пристально глядя на Монтгомери, и мы все трое подошли к ограде. — Мне очень жаль, что приходится окружать дело такой тайной, мистер Прендик, но не забывайте, что вы здесь незваный гость. Наше маленькое предприятие имеет свой секрет, нечто вроде комнаты Синей Бороды. В сущности, тут нет ничего страшного для человека с крепкими нервами. Но пока мы еще не пригляделись к вам…

— Понятно, — сказал я, — глупо было бы мне обижаться на недоверие.

На его мрачном лице появилась бледная улыбка — он принадлежал к тому суровому типу людей, которые улыбаются одними углами рта, — и он поклонился в знак признательности. Мы

прошли мимо главных ворот. Они были тяжелые, деревянные, окованные железом и запертые на замок. Перед ними были свалены груды багажа с баркаса. В углу ограды оказалась небольшая дверь, которой я раньше не заметил. Старик вынул из кармана своей засаленной синей блузы связку ключей, отпер дверь и вошел. Меня удивило, что даже во время его присутствия на острове все здесь так надежно заперто.

Я последовал за ним и очутился в небольшой комнате, просто, но уютно обставленной. Внутренняя дверь была приоткрыта и выходила на мощеный двор. Эту дверь Монтгомери тотчас же запер. В дальнем углу комнаты висел гамак; маленькое незастекленное окно, забранное железной решеткой, выходило прямо на море.

Старик сказал, что здесь я буду жить и не должен переступать порога внутренней двери, которую он «на всякий случай» запер. Он указал на удобный шезлонг у окна и на множество старых книг, главным образом сочинений по хирургии и изданий классиков на греческом и латинском языках (эти языки я понимал с трудом), стоявших на полке около гамака. Вышел он через наружную дверь, словно не желая больше отворять внутреннюю.

— Обыкновенно мы здесь обедаем, — сказал Монтгомери и вдруг, как будто почувствовав неожиданное сомнение, быстро последовал за ушедшим. — Моро! — окликнул он его.

Сначала я не обратил на эту фамилию никакого внимания. Но, просматривая книги, стоявшие на полке, я невольно стал припоминать: где же раньше я ее слышал?

Я сел у окна, вынул оставшиеся сухари и с аппетитом принялся жевать их. Моро?

Взглянув в окно, я увидел одного из удивительных людей в белом, тащившего ящик с багажом. Вскоре он скрылся из виду. Затем я услышал, как позади меня щелкнул замок. Немного погодя сквозь запертую дверь донеслись шум и возня, поднятые собаками, которых привели с берега. Они не лаяли, а только как-то странно рычали и фыркали. Я слышал быстрый топот их лап и успокаивающий голос Монтгомери.

Таинственность, которой окружили себя эти двое людей, произвела на меня очень сильное впечатление, и я задумался над этим, как и над удивительно знакомой мне фамилией Моро. Но человеческая память так капризна, что я никак не мог припомнить, с чем связана эта известная фамилия. Постепенно я начал думать

о непостижимой странности обезображенного и закутанного в белое человека на берегу. Я никогда не видел такой походки, таких странных телодвижений, как у него, когда он тащил ящик. Я вспомнил, что ни один из этих людей не заговорил со мной, хотя я и видел, что все они по временам посматривали на меня как-то странно, украдкой, а совсем не тем открытым взглядом, какой бывает у настоящих дикарей. Я никак не мог понять, на каком языке они говорили. Все они казались удивительно молчаливыми, а когда говорили, голоса их звучали резко и неприятно. Что же с ними такое? Тут я вспомнил глаза уродливого слуги Монтгомери.

Он вошел как раз в ту минуту, когда я подумал о нем. Теперь он был одет в белое и нес небольшой поднос с кофе и вареными овощами. Я чуть не отскочил, когда он, любезно кланяясь, поставил передо мной на стол поднос.

Изумление сковало меня. Под черными мелкими прядями его волос я увидел ухо. Оно внезапно открылось прямо перед моими глазами. Ухо было остроконечное и покрытое тонкой бурой шерстью!

— Ваш завтрак, сэр, — сказал он.

Я уставился ему прямо в лицо, чувствуя, что не

в силах ответить. Он повернулся и пошел к двери, странно косясь на меня через плечо.

Я проводил его взглядом, и в это же самое время из подсознания в памяти у меня всплыли слова: «Заказы Моро… Или указы?..»

А, вот что! Память перенесла меня на десять лет назад. «Ужасы Моро». Мгновение эта фраза смутно вертелась у меня в голове, но тотчас она предстала передо мной, напечатанная красными буквами на небольшой коричневатой обложке брошюры, которую невозможно было читать без дрожи. Я ясно припомнил все подробности: эта давно забытая брошюра с поразительной яркостью воскресла в памяти. В то время я был еще юношей, а Моро уже перевалило за пятьдесят. Это был выдающийся ученый-физиолог, хорошо известный в научных кругах богатством своего воображения и резкой прямотой взглядов. Был ли это тот самый Моро? Он описал несколько поразительных случаев переливания крови и, кроме того, был известен своими выдающимися трудами о ненормальностях развития организма. Но вдруг его блестящая карьера прервалась. Ему пришлось покинуть Англию. Какой-то журналист пробрался в его лабораторию под видом лаборанта с намерением опубликовать сенсаци-

онные разоблачения. Благодаря поразительной случайности, если только это действительно была случайность, его гнусная брошюрка приобрела громкую известность. Как раз в день ее появления из лаборатории Моро убежала собака с ободранной шкурой, вся искалеченная.

Это было скверное время, и один известный издатель, двоюродный брат мнимого лаборанта Моро, обратился к общественному мнению. Уже не в первый раз общественное мнение восставало против методов экспериментального исследования. Доктор Моро был изгнан из страны. Может быть, он и заслуживал этого, но безразличие других исследователей, отречение от него большинства его собратьев-ученых были все же постыдны. Правда, судя по сообщению журналиста, некоторые из его опытов были бессмысленно жестоки. Быть может, ему удалось бы примириться с обществом, прекратив свои исследования, но он не пошел на это, как сделало бы на его месте большинство людей, испытавших однажды невыразимое счастье заниматься наукой. Он не имел семьи, и ему надо было заботиться только о себе…

Я чувствовал уверенность, что это тот самый Моро. Все указывало на это. И вдруг мне стало

ясно, для чего предназначались пума и другие животные, доставленные вместе с остальным багажом за ограду позади дома. Странный, слабый, смутно знакомый запах, который я до сих пор ощущал только подсознательно, вдруг стал осознанным: это был антисептический запах операционной. Я услыхал за стенкой рычание пумы и визг одной из собак, которую как будто били.

Собственно говоря, для всякого образованного человека в вивисекции нет ничего настолько ужасного, чтобы обставлять ее такой тайной. Но в результате какого-то странного скачка мысли остроконечные уши и светящиеся глаза слуги Монтгомери снова ярко представились мне. Я смотрел на зеленую морскую даль, расстилавшуюся перед моими глазами, на волны, пенившиеся под напором свежего ветерка, и странные воспоминания последних дней одно за другим мелькали в моей голове.

Что же все это значит? Эта глухая ограда на пустынном острове, этот известный вивисектор, эти искалеченные и обезображенные люди?..

VIII
Крик пумы

Около часу дня мои размышления были прерваны приходом Монтгомери. Его странный слуга следовал за ним, неся на подносе хлеб, какие-то овощи и другую еду, а также бутылку виски, кувшин воды, три стакана и три ножа. Я искоса посмотрел на это удивительное существо и увидел, что оно тоже наблюдает за мной своими странными, бегающими глазами. Монтгомери объявил, что будет завтракать вместе со мной, а Моро слишком занят, чтобы присоединиться к нам.

— Моро? — сказал я. — Мне знакома эта фамилия.

— Черт побери! — воскликнул он. — И что я за осел, зачем я вам это сказал! Мог бы раньше подумать. Ну, да все равно, это послужит вам намеком на разъяснение наших тайн. Не хотите ли виски?

— Нет, спасибо, я не пью.

— Хотел бы я быть на вашем месте! Но бесполезно жалеть о невозможном. Это проклятое виски

и привело меня сюда. Оно и одна туманная ночь. И я счел еще за счастье, когда Моро предложил взять меня с собой. Странное дело…

— Монтгомери, — прервал я его, как только закрылась наружная дверь, — отчего у вашего слуги остроконечные уши?

— Черт побери! — выругался он с набитым ртом и с минуту изумленно смотрел на меня. — Остроконечные уши?

— Да, остроконечные, — повторил я возможно спокойнее, но со стесненным дыханием, — и поросшие шерстью.

Он преспокойно принялся смешивать виски с водой.

— Мне всегда казалось, что уши его не видны из-под волос.

— Я увидел их, когда он нагнулся, чтобы поставить на стол кофе. И глаза у него светятся в темноте.

Монтгомери уже пришел в себя от неожиданности.

— Я и сам замечал, — спокойно сказал он, слегка шепелявя, — что у него с ушами действительно что-то неладно, у него такая странная манера тщательно прикрывать их волосами. Как же они выглядели?

Я был уверен, что он просто притворяется, но не мог уличить его во лжи.

— Они остроконечные, — повторил я, — маленькие и покрытые шерстью, несомненно, покрытые шерстью. Да и весь он самое странное существо, какое я когда-либо видел.

Резкий, хриплый, звериный крик, полный страдания, донесся до нас из-за ограды. По его ярости и силе можно было догадаться, что это кричит пума. Я заметил, как Монтгомери вздрогнул.

— Да? — сказал он вопросительно.

— Откуда вы его взяли?

— Он из… Сан-Франциско. Действительно, он безобразен. Какой-то полупомешанный. Не могу хорошенько припомнить, откуда он. Но я привык к нему. Мы оба привыкли друг к другу. Чем же он так поразил вас?

— Он весь как бы противоестественный, — сказал я. — В нем есть что-то особенное… Не примите меня за сумасшедшего, но близость его возбуждает во мне дрожь омерзения, как прикосновение чего-то нечистого. В нем, право, есть что-то дьявольское.

Слушая меня, Монтгомери перестал есть.

— Ерунда, — сказал он. — Я этого не замечал. — Он снова принялся за еду. — Мне это и в

голову не приходило, — проговорил он, прожевывая кусок. — По-видимому, матросы на шхуне чувствовали то же самое… И травили же они беднягу!.. Вы сами видели, как капитан…

Снова раздался крик пумы, на этот раз еще более страдальческий. Монтгомери выругался. Я уже почти решился спросить у него о людях, виденных мной на берегу. Но тут бедное животное начало испускать один за другим резкие, пронзительные крики.

— А ваши люди на берегу, — все же спросил я его, — к какой расе они принадлежат?

— Недурные молодцы, правда? — рассеянно ответил он, хмуря брови при каждом новом крике животного.

Я замолчал. Снова раздался крик, еще отчаяннее прежних. Он посмотрел на меня своими мрачными серыми глазами, подлил себе еще виски, попытался завязать разговор об алкоголе и стал уверять, что им он спас мне жизнь. Казалось, ему хотелось подчеркнуть, что я обязан ему жизнью. Я отвечал рассеянно. Завтрак наш скоро кончился. Урод с остроконечными ушами убрал со стола, и Монтгомери снова оставил меня одного. Завтракая со мной, он все время был в состоянии плохо скрываемого раздражения

от криков подвергнутой вивисекции пумы. Он жаловался, что нервы у него шалят, и в этом не приходилось сомневаться.

Я сам чувствовал, что эти крики и меня необычайно раздражают. В течение дня они становились все громче. Их было мучительно слышать, и в конце концов я потерял душевное равновесие. Я отбросил перевод Горация, который пробовал читать, и принялся, сжимая кулаки и кусая губы, шагать по комнате.

Потом я стал затыкать себе уши пальцами.

Но крики становились все нестерпимее. Наконец в них зазвучало такое предельное страдание, что я почувствовал себя не в силах оставаться в комнате. Я вышел на воздух, в дремотный жар полуденного солнца, и, пройдя мимо главных ворот, по-прежнему запертых, повернул за угол ограды. На воздухе крики звучали еще громче. Казалось, будто в них сосредоточилось все страдание мира. Все же, думается мне (а я с тех пор не раз думал об этом), знай я, что в соседней комнате кто-нибудь страдает точно так же, но молча, я отнесся бы к этому гораздо спокойнее. Но когда страдание обретает голос и заставляет трепетать наши нервы, тогда душу переполняет жалость. Несмотря на яркое солнце и зеленые веера колеблемых

морским ветром пальм, весь мир казался мне мрачным хаосом, полным черных и кровавых призраков, до тех пор, пока я не отошел далеко от дома с каменной оградой.

IX
Встреча в лесу

Я пробирался через кустарник, покрывавший холм за домом, почти не разбирая дороги. Миновав густую купу прямоствольных деревьев, я очутился на противоположном склоне холма, у подножия которого по узкой долине бежал ручей. Я остановился и прислушался. То ли за дальностью расстояния, то ли из-за густоты леса, но ужасные звуки больше не долетали до меня. Вокруг было тихо. Но вот из кустов выскочил кролик и бросился со всех ног вниз по склону холма. Постояв немного, я уселся в тени на опушке.

Место было красивое. Ручейка совсем не было видно за пышной растительностью, покрывавшей его берега, и только в одном месте треугольником блестела гладь воды. На другом его берегу в синеватой дымке виднелась густая чаща деревьев и ползучих растений, а над ними сияло ясное голубое небо. Тут и там были разбросаны белые и малиновые пятна каких-то цветов. Некоторое время взгляд мой блуждал вокруг, но затем мысли мои снова вернулись к странностям

слуги Монтгомери. Однако было слишком жарко для напряженных размышлений, и скоро я впал в какое-то дремотное состояние, нечто среднее между сном и бодрствованием.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг меня разбудил легкий шорох на другой стороне ручья. Сначала я увидел только колеблющиеся верхушки папоротников и тростников. Потом на берегу показалось какое-то существо, но что это было, я не мог сразу рассмотреть. Оно нагнуло голову и принялось пить. Тут только я увидел, что это человек, но человек, ходящий на четвереньках, как животное!

Он был в голубоватой одежде, волосы у него были черные, а тело и лицо — медно-красного цвета. По-видимому, необычайное безобразие было общей чертой всех обитателей этого острова. Я слышал, как он шумно лакал воду.

Я наклонился вперед, чтобы получше его рассмотреть. Кусочек лавы, задетый моей рукой, покатился вниз по откосу. Человек с виноватым видом поднял голову, и глаза наши встретились. Он тотчас вскочил на ноги и некоторое время стоял на месте, вытирая рот неуклюжей рукой и глядя на меня. Ноги у него были почти в два раза короче его туловища. Так оставались мы,

может быть, с минуту, в смущении разглядывая друг друга. Затем, несколько раз оглянувшись на меня, он исчез в кустах справа, и шелест листьев постепенно затих вдали. Еще долго после того, как он скрылся, я продолжал сидеть, глядя ему вслед. Сонливость мою как рукой сняло.

Я вздрогнул от шума, раздавшегося позади меня, и, быстро обернувшись, увидел белый хвост кролика, мелькнувший на вершине холма. Я вскочил на ноги.

Появление страшного, полузвериного существа доказывало, что лес, пустынный с виду, обитаем. Я с беспокойством осмотрелся вокруг, жалея, что у меня не было оружия. Тут мне пришла в голову мысль, что виденный мной человек был в синей одежде, а не нагой, как подобает настоящему дикарю, и я стал убеждать себя, что, по всей вероятности, он был мирный и свирепость его была только кажущейся.

Но все же его появление очень меня встревожило. Я пошел влево по склону холма, глядя по сторонам меж прямых древесных стволов. Почему этот человек ходил на четвереньках и лакал воду прямо из ручья? Тут я снова услыхал звериный вой и, полагая, что это кричит пума, повернулся и пошел в противоположном направ-

лении. Дорога привела меня к ручью, перейдя который я продолжал пробиваться сквозь кустарник.

Ярко-красное пятно на земле привлекло к себе мое внимание, и, подойдя ближе, я увидел, что это был необычайного вида гриб, очень причудливый и сморщенный, похожий на листовидный лишайник. При первом же прикосновении он расплылся в водянистую слизь. Дальше под тенью роскошных папоротников я увидел неприятную картину: труп кролика, весь облепленный золотистыми мухами, еще теплый, с оторванной головой. Я остановился, пораженный видом крови. На острове погиб насильственной смертью один из его обитателей!

На трупе не было никаких других следов. Казалось, кролик был внезапно схвачен и убит. Глядя на его мягкое, пушистое тельце, я невольно задал себе вопрос: как это могло случиться? Ощущение смутного страха, вызванное нечеловеческим лицом существа, пившего из ручья, стало теперь определеннее. Я почувствовал, как опасно для меня оставаться здесь, среди этих непонятных людей. Весь лес сразу словно преобразился. Каждый темный уголок казался засадой, каждый шорох — опасностью. Мне казалось, что какие-то

незримые существа подстерегают меня всюду.

Я решил, что пора возвращаться. Быстро повернувшись, я стремительно, почти исступленно кинулся сквозь кустарник, мечтая как можно скорее выбраться на открытое место.

Я остановился перед большой поляной. Собственно говоря, это была своего рода просека. Молодые деревца уже начинали завоевывать свободное пространство, а за ними снова сплошной стеной стояли стволы, переплетенные лианами, покрытые грибами и разноцветными лишайниками. Передо мной, на полусгнившем стволе упавшего дерева, еще не замечая моего приближения, сидели, поджав ноги, три странных человеческих существа. Очевидно, одна женщина и двое мужчин. Они были совершенно нагие, если не считать куска красной материи на бедрах. Кожа у них была розоватая, какой я еще не видел ни у одного дикаря. Их толстые лица были лишены подбородка, лоб выдавался вперед, а головы покрывали редкие щетинистые волосы. Никогда еще я не встречал таких звероподобных существ.

Они разговаривали между собой, или, вернее, один из них говорил, обращаясь к двум другим, но все трое были так увлечены, что никто не

услышал моих шагов. Они трясли головами и раскачивались из стороны в сторону. Слова звучали так быстро и невнятно, что хотя я хорошо слышал их, но ничего не мог понять. Казалось, говоривший нес какую-то невероятную околесицу. Скоро звук его голоса стал протяжнее, и, размахивая руками, он вскочил на ноги.

Остальные двое тоже встали и, размахивая руками, принялись вторить ему, раскачиваясь в такт пению. Я заметил, что у них ненормально короткие ноги и тонкие неуклюжие ступни. Все трое теперь медленно кружились, притопывая и размахивая руками; в их ритмической скороговорке можно было разобрать мотив с повторяющимся припевом вроде «алула» или «балула». Глаза их заблестели, уродливые лица озарились странной радостью. Слюна текла из безгубых ртов.

И тут, наблюдая их смешные и непостижимые движения, я ясно понял, что, собственно, так неприятно поражало меня и рождало во мне противоречивое впечатление чего-то необычного и вместе с тем странно знакомого. Эти три существа, поглощенные своим таинственным обрядом, имели человеческий образ, но он странным образом сочетался со знакомым звериным

обликом. Несмотря на свою человеческую внешность, на набедренные повязки и на все их грубое человекоподобие, каждый из них был отмечен печатью чего-то животного, в их движениях, во взгляде, во всем облике сквозило сходство со свиньями.

Я стоял, пораженный, и самые ужасные вопросы вихрем завертелись у меня в голове. Странные создания одно за другим начали подпрыгивать высоко в воздухе, визжа и хрюкая. Одно из них поскользнулось и встало на четвереньки лишь на миг, прежде чем снова подняться на ноги. Но и в столь коротком проблеске животного инстинкта я увидел всю его сущность.

Я бесшумно повернулся и, весь цепенея от ужаса при мысли, что треск сучка или шелест листьев может выдать меня, бросился обратно в кустарник. Прошло много времени, прежде чем я осмелел и пошел с меньшими предосторожностями.

В эту минуту единственной моей мыслью было уйти подальше от безобразных существ, и я не заметил, как вышел на еле заметную тропинку, которая вилась среди деревьев. И вдруг, пересекая небольшую поляну, я вздрогнул, увидев между стволами чьи-то ноги, которые бесшумно

двигались параллельно мне на расстоянии около тридцати ярдов. Голова и туловище были скрыты густой листвой. Я сразу остановился, надеясь, что неизвестное существо не заметит меня. Но в то же мгновение остановились и ноги. Я был так встревожен, что с величайшим трудом поборол в себе неодолимое желание бежать очертя голову.

Вглядевшись в зеленую путаницу ветвей, я различил голову и туловище того самого существа, которое пило из ручья. Оно взглянуло на меня, и глаза его сверкнули из полумрака зеленоватым огоньком, который погас, как только оно отвернулось. С минуту оно стояло неподвижно, а потом снова бесшумно пустилось бежать сквозь заросли кустов и деревьев. Вскоре оно исчезло среди каких-то растений. Я больше не видел его, но чувствовал, что оно остановилось и следит за мной.

Что же это было такое — человек или животное? Чего хотело оно от меня? Я был совершенно безоружен, даже палки у меня не было. Бежать не имело смысла. Во всяком случае, это существо не осмеливалось напасть на меня. Стиснув зубы, я пошел прямо на него. Я старался не выказывать страха, от которого у меня по спине бегали мурашки. Пробравшись сквозь цветущие белые

кусты, я увидел его шагах в двадцати от себя, — он нерешительно оглядывался через плечо. Я подошел еще на несколько шагов, упорно глядя ему в глаза.

— Кто ты? — спросил я.

Он тоже старался посмотреть мне в глаза.

— Нет, — вдруг сказал он и прыжками скрылся в кустарнике. Потом, остановившись, снова стал смотреть на меня. Его глаза сверкали среди густых ветвей.

Душа моя ушла в пятки, но я чувствовал, что единственное мое спасение в смелости, и я продолжал идти прямо на него. Он обернулся еще раз и исчез в чаще. Мне почудилось, что его глаза снова сверкнули, и это было все.

Только теперь я сообразил, что уже поздно и мне опасно оставаться в лесу. Солнце только что зашло, быстрые тропические сумерки уже серели на востоке, и первая ночная бабочка бесшумно порхала над моей головой. Чтобы не остаться на ночь в лесу, среди неведомых опасностей, я должен был спешить назад.

Мысль о возвращении в эту обитель страдания была очень неприятна, но еще неприятнее было бы остаться в темноте, полной всяких неожиданностей. Я снова взглянул в синеватые сумерки,

поглотившие это странное существо, и повернул назад, вниз по склону, к ручью, двигаясь, как я полагал, в ту же сторону, откуда пришел.

Я быстро шагал вперед, ошеломленный всем происшедшим, и вскоре очутился на открытом месте, лишь кое-где поросшем деревьями. Прозрачная ясность неба, наступающая после заката солнца, уже сменялась темнотой. Небо темнело с каждой минутой, и звезды загорались одна за другой. Просветы меж деревьями, прогалины в лесной чаще, казавшиеся в ярком свете дня голубоватыми, становились теперь черными и таинственными.

Я шел вперед. Все кругом померкло. Черные верхушки деревьев вырисовывались на светлом фоне неба, а внизу все сливалось в бесформенную массу. Вскоре деревья поредели, а кустарник стал еще гуще. Потом он сменился унылым пространством, покрытым белым песком, а дальше стеной встала новая чаща.

Меня все время тревожил слабый шорох, раздававшийся справа. Сначала я решил, что это мне только чудится, так как стоило мне остановиться — и тотчас же наступала полнейшая тишина, нарушаемая лишь шелестом вечернего ветерка. Но как только я продолжал путь, моим шагам

вторили еще чьи-то шаги.

Я удалился от чащи, держась поближе к открытым местам и делая время от времени неожиданные повороты, чтобы захватить врасплох своего преследователя, если только он существовал. Я не видел ничего подозрительного, и все же ощущение чьего-то присутствия становилось все сильнее. Я ускорил шаги, добрался до невысокого холма, перевалил через него и круто повернул в обратную сторону, не спуская, однако, с него глаз. Холм ясно вырисовывался на темневшем фоне неба.

Вскоре на этом фоне мелькнула какая-то бесформенная тень и сразу исчезла. Теперь я был уверен, что темнокожее существо снова крадется за мной. И к тому же я сделал еще одно печальное открытие: не было сомнения, что я заблудился.

Некоторое время я продолжал идти вперед, совершенно упавший духом, преследуемый своим тайным врагом. Кто бы он ни был, но у него не хватало смелости напасть на меня, а может быть, он просто выжидал благоприятного случая. Я упорно избегал леса. По временам я останавливался, прислушивался и вскоре почти убедил себя, что мой преследователь отстал или же вообще существовал только в моем расстроенном

воображении. Тут я услышал шум моря. Я пошел быстро, почти побежал, и сразу же услышал, как позади меня кто-то споткнулся.

Мгновенно повернувшись, я пристально оглядел темневшие позади деревья. Одна черная тень, казалось, слилась с другой. Я прислушался, весь цепенея от страха, но услышал только, как кровь стучит у меня в висках. Решив, что нервы мои расстроены и слух обманывает меня, я снова решительно направился к морю.

Через несколько минут деревья поредели, и я вышел на голый низкий мыс, омываемый темной водой. Ночь была тихая и ясная, свет звезд отражался в гладкой поверхности моря. В некотором отдалении, на неровно выступающей гряде камней, вода слабо светилась. На западе зодиакальный свет сливался с желтоватым светом вечерней звезды. Берег тянулся далеко на восток, а с запада его скрывал мыс. Я сообразил, что дом Моро где-то западнее.

Позади меня треснул сучок и послышался шорох. Я обернулся и стал глядеть в темную стену деревьев. Видеть я ничего не мог или, вернее, видел слишком много. Каждая тень имела какую-то своеобразную форму, казалась настороженным живым существом, я постоял так с минуту, а

потом, все время оглядываясь на деревья, пошел к западу, чтобы пересечь мыс. Как только я двинулся с места, одна из теней зашевелилась и последовала за мной.

Сердце мое быстро забилось. Вскоре на западе показалась большая бухта, и я снова остановился. Бесшумная тень тоже остановилась в десятке шагов от меня. Маленькая светящаяся точка виднелась в дальнем конце бухты, весь серый песчаный берег был слабо освещен звездным светом. Огонек горел примерно в двух милях от меня. Чтобы снова выйти на берег, я должен был пересечь лес, полный жутких теней, и спуститься по поросшему кустарником склону.

Теперь я мог яснее разглядеть своего преследователя. Это не был зверь, так как он стоял на двух ногах.

Я раскрыл рот, чтобы заговорить, но судорога свела мне горло. Сделав над собой усилие, я крикнул:

— Кто там?

Ответа не было. Я сделал шаг вперед. Он не двигался и только как будто насторожился. Я споткнулся о камень.

Это навело меня на удачную мысль. Не спуская глаз с темной фигуры, я нагнулся и поднял боль-

шой валун. Увидя мое движение, темная фигура быстро шарахнулась в сторону, как это делают собаки, и скрылась в темноте. Я вспомнил, как в школе мы отбивались от больших собак, обернул камень носовым платком, а платок обвязал вокруг кисти. В темноте послышался шорох, как будто мой преследователь отступал. Моя решимость сразу пропала. При виде убегающего противника я вздрогнул и покрылся испариной.

Прошло некоторое время, прежде чем я собрался с духом и, пройдя через деревья и кусты, спустился вниз, к берегу, по другую сторону мыса. Я бежал бегом и, выйдя из чащи на берег, тотчас же услыхал, что кто-то с треском следует за мной.

Совсем потеряв голову от страха, я пустился бежать по берегу. Позади раздался быстрый глухой топот. Я испустил дикий крик и побежал быстрее. Какие-то темные существа раза в три-четыре крупнее кролика, вспугнутые мной, скачками промчались мимо меня в кусты. Никогда в жизни не забуду я этой ужасной погони. Я бежал у самой воды и по временам слышал топот, настигавший меня. Далеко, безнадежно далеко горел желтый огонек. Вокруг было темно и тихо. Лишь топот слышался все ближе и ближе. За последнее время

я сильно ослабел и теперь дышал со свистом, а в боку у меня так кололо, как будто туда вонзили нож. Я видел, что преследователь настигнет меня гораздо раньше, чем я успею добежать до ограды. В отчаянии, задыхаясь, я резко обернулся и, как только он приблизился ко мне, изо всех сил ударил его. При этом камень вылетел из платка, как из пращи.

Когда я повернулся, мой преследователь, бежавший на четвереньках, вскочил, и камень угодил ему прямо в левый висок. Послышался громкий удар, человек-зверь пошатнулся, оттолкнул меня и упал на песок, лицом прямо в воду. Там он остался лежать неподвижно.

Я не мог заставить себя приблизиться к этой черной массе. Там я и оставил его, около плещущей воды, под тихим светом мерцающих звезд, и, далеко обойдя это место, продолжал путь к желтому огоньку. С чувством глубокого облегчения я вскоре услыхал жалобный вой пумы, тот самый вой, который заставил меня уйти бродить по таинственному острову. И, несмотря на всю свою слабость, я собрал последние силы и пустился бежать на свет. Мне показалось, что чей-то голос зовет меня во мраке.

X
Человеческий крик

Приблизившись к дому, я увидел, что свет идет из открытой двери моей комнаты, и тотчас же где-то рядом, в темноте, послышался оклик Монтгомери:

— Прендик!

Я продолжал бежать. Оклик послышался снова. Я отозвался слабым голосом:

— Эй! — и в следующее мгновение, шатаясь, очутился возле него.

— Где вы были? — спросил он, отстраняя меня рукой, так, что свет, падавший из двери, бил мне прямо в лицо. — Мы оба были так заняты, что вспомнили о вас только полчаса назад.

Он ввел меня в комнату и усадил в шезлонг. Ослепленный светом, я ничего не видел.

— Мы никак не думали, что вы пойдете бродить по острову, не предупредив нас, — сказал он. — Я беспокоился. Но… что такое?.. — Последние силы оставили меня, голова моя упала на грудь. Он заставил меня выпить коньяку, вероятно, не без торжества.

— Ради Бога, заприте дверь! — сказал я.

— Вероятно, вы встретились с какой-нибудь из наших достопримечательностей? — спросил он.

Заперев дверь, он снова повернулся ко мне. Он не задавал мне больше вопросов, но влил мне в рот еще коньяку с водой и заставил меня поесть. Я был в изнеможении. Он пробормотал, что забыл предупредить меня, и только тогда расспросил, когда я ушел из дому и что видел. Я коротко, отрывочными фразами отвечал ему.

— Скажите мне, что все это значит? — спросил я, едва владея собой.

— Ничего особенного, — ответил он. — Но, я думаю, с вас достаточно на сегодня.

Вдруг раздался раздирающий душу крик пумы. Монтгомери тихо выругался.

— Провалиться мне, если это место не такое же скверное, как Гауэр-стрит со своими котами.

— Монтгомери, что это за существо преследовало меня? — спросил я. — Был ли это зверь или человек?

— Если вы сейчас же не ляжете спать, — сказал он вместо ответа, — то к утру совсем сойдете с ума.

Я встал и подошел к нему вплотную.

— Что это было за существо? — повторил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза и скривил рот. Взгляд его, минуту назад такой оживленный, вдруг потускнел.

— Судя по вашему рассказу, — сказал он, — это, вероятно, был призрак.

Меня охватило внезапное раздражение, которое, однако, исчезло так же быстро, как и возникло.

Я снова опустился в шезлонг и сжал голову руками. Пума опять принялась выть.

Монтгомери подошел ко мне сзади и положил мне руку на плечо.

— Послушайте, Прендик, — сказал он. — У меня не было ни малейшего желания брать вас на этот остров. Но все это не так страшно, как вам кажется, дружище. Просто нервы у вас совсем сдали. Послушайтесь меня и примите снотворное. Это… будет продолжаться еще несколько часов. Вы непременно должны заснуть, иначе я ни за что не ручаюсь.

Я не отвечал. Понурившись, я закрыл лицо руками. Он ушел и вскоре вернулся с маленькой склянкой, наполненной какой-то темной жидкостью. Он дал мне ее выпить. Я беспрекословно проглотил жидкость, и он помог мне лечь в гамак.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Некоторое время я лежал, уставившись в потолок. Я обнаружил, что балки сделаны из корабельных шпангоутов. Повернув голову, я увидел, что на столе стоит завтрак.

Я почувствовал голод и хотел было вылезти из гамака, но гамак предупредил мое намерение, перевернулся и вывалил меня на пол. Я упал на четвереньки и с трудом встал на ноги.

Потом я уселся за стол. Голова была тяжелая, в памяти мелькали смутные воспоминания о вчерашнем. Утренний ветерок задувал в незастекленное окно, и, завтракая, я испытывал приятное физическое удовлетворение. Вдруг внутренняя дверь, которая вела во двор, открылась. Я обернулся и увидел Монтгомери.

— Все в порядке? — спросил он. — Я страшно занят.

Он тотчас же захлопнул дверь, но немного погодя я заметил, что он забыл ее запереть.

Мне невольно припомнилось вчерашнее выражение его лица, а вместе с ним и все происшедшее. Вспоминая пережитые ужасы, я услышал крик. Теперь это уже не был крик пумы.

Не донеся куска до рта, я прислушался. Вокруг царила тишина, прерываемая лишь шелестом

ветра. Я подумал, что это мне только послышалось.

Просидев так довольно долго, я снова принялся за еду, все еще прислушиваясь. Через некоторое время донесся новый крик, тихий и слабый. Я так и замер на месте. Этот звук потряс меня сильнее, чем все вопли, слышанные мной здесь. На этот раз я не мог ошибиться, я не сомневался в том, что означали эти слабые, дрожащие звуки: это были стоны, прерываемые рыданиями и мучительными вздохами. Это стонало уже не животное. Это были стоны терзаемого человеческого существа.

Поняв это, я вскочил на ноги и в три прыжка очутился у противоположной стены, схватился за ручку внутренней двери и широко распахнул ее.

— Прендик, стойте! — крикнул внезапно появившийся передо мной Монтгомери.

Залаяла и зарычала испуганная собака. В тазике, стоявшем у порога, была кровь, темная, с ярко-красными пятнами, и я почувствовал своеобразный запах карболки. Сквозь открытую дверь в неясной полутьме я увидел нечто привязанное к какому-то станку, все изрезанное, окровавленное и забинтованное. А потом все это заслонила седая и страшная голова старого Моро.

В одно мгновение он схватил меня за плечо

своей окровавленной рукой и легко, как ребенка, швырнул обратно в комнату. Я растянулся на полу, дверь захлопнулась и скрыла от меня его гневное лицо. Я услышал, как ключ повернулся в замке, а затем раздался укоризненный возглас Монтгомери.

— Мог испортить дело всей моей жизни, — услышал я голос Моро.

— Он не понимает, в чем дело, — сказал Монтгомери и добавил еще что-то, чего я не расслышал.

— Но у меня пока нет времени, — произнес Моро. Остальное я опять не разобрал. Я встал на ноги и стоял, весь дрожа, полный самых страшных подозрений. «Возможен ли такой ужас, как вивисекция человека?» — подумал я. Эта мысль сверкнула как молния. И в моем затуманенном страхом мозгу возникло сознание страшной опасности.

XI
Охота за человеком

У меня мелькнула безрассудная надежда на спасение, когда я подумал, что наружная дверь моей комнаты еще открыта. Я теперь не сомневался, я был совершенно уверен, что Моро подвергал вивисекции людей. С той самой минуты, как я услышал его фамилию, я старался связать странную звероподобность островитян с его омерзительными делами. Теперь, как мне казалось, я все понял. Мне припомнился его труд по переливанию крови. Существа, виденные мной, были жертвами каких-то чудовищных опытов!

Эти негодяи хотели успокоить меня, одурачить своим доверием, чтобы потом схватить и подвергнуть участи ужаснее самой смерти — пыткам, а затем самой гнусной и унизительной участи, какую только возможно себе представить, — присоединить меня к своему нелепому стаду. Я оглянулся в поисках какого-нибудь оружия. Но ничего подходящего не было. Тогда, как бы по наитию свыше, я перевернул шезлонг и, наступив на него ногой, оторвал ножку. Вместе с деревом

оторвался и гвоздь, который сделал несколько грознее эту жалкую палицу. Я услышал приближающиеся шаги, резко распахнул дверь и увидел совсем рядом Монтгомери. Он собирался запереть наружную дверь.

Я занес свое оружие, намереваясь ударить его прямо в лицо, но он отскочил. Поколебавшись, я повернулся и бросился за угол дома.

— Прендик, стойте! — услышал я его удивленное восклицание. — Не будьте ослом.

«Еще минута, — подумал я, — и он бы запер меня, как кролика, чтобы подвергнуть вивисекции».

Он показался из-за угла, и я снова услышал его оклик:

— Прендик!

Он пустился бежать за мной, не переставая кричать что-то мне вслед.

На этот раз я наудачу пустился к северо-востоку, перпендикулярно вчерашнему направлению. Стремглав мчась по берегу, я оглянулся назад и увидел, что с Монтгомери был и его слуга. Я взбежал на склон и повернул к востоку вдоль долины, с обеих сторон поросшей тростником. Я пробежал так около мили, выбиваясь из сил и слыша, как в груди у меня колотится сердце. Но,

убедившись, что ни Монтгомери, ни его слуга более не преследуют меня, и изнемогая от усталости, круто повернул назад, туда, где, по моему предположению, был берег, а потом кинулся на землю в тени тростников.

Я долго лежал там, не смея шевельнуться и боясь даже подумать о дальнейших действиях. Дикий остров неподвижно расстилался под знойными лучами солнца, и я слышал лишь тонкое пение слетавшихся ко мне комаров. Рядом раздавался однообразный, усыпляющий плеск воды — это шумел прибой.

Около часу спустя я услышал голос Монтгомери, звавшего меня где-то далеко на севере. Это побудило меня подумать о том, как быть дальше. На острове, размышлял я, живут только эти два вивисектора и их принявшие звериный облик жертвы. Некоторых они могут, без сомнения, натравить на меня, если им это понадобится. Моро и Монтгомери оба вооружены револьверами, я же, не считая этого жалкого куска дерева с небольшим гвоздем на конце, совершенно безоружен.

Я лежал до тех пор, пока меня не начали мучить голод и жажда. Тогда я по-настоящему осознал всю безвыходность своего положения. Я понятия не имел, как раздобыть пищу: я был слишком

несведущ в ботанике, чтобы отыскать какие-нибудь съедобные коренья или плоды. Мне не из чего было сделать западню, чтобы поймать какого-нибудь из немногочисленных кроликов, бегавших по острову. Чем больше я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что выхода нет. Наконец, охваченный отчаянием, я подумал о тех звероподобных людях, которых видел в лесу. Вспоминая их, я старался найти хоть проблеск надежды. Я поочередно перебирал каждого в памяти, соображая, не может ли хоть кто-нибудь из них оказать мне помощь.

Вдруг послышался собачий лай, предупреждавший о новой опасности. Не долго думая, иначе меня нашли бы сразу, я схватил палку с гвоздем и стремглав кинулся на шум прибоя. Помню колючие кусты, шипы которых вонзались в меня, как иглы; я вырвался весь окровавленный, в лохмотьях и выбежал прямо к маленькой бухте на севере острова. Не колеблясь, я вошел в воду и, перейдя вброд бухту, очутился по колени в неглубокой речке. Выбравшись наконец на западный берег и чувствуя, как колотится у меня в груди сердце, я заполз в густые папоротники, ожидая конца. Я услышал, как собака — она была только одна — залаяла около колючих кустов. Больше я

ничего не слышал и решил, что ушел от погони.

Проходили минуты, но ничто не нарушало больше тишину. После часа спокойствия мужество стало возвращаться ко мне.

Теперь я уже не испытывал ни страха, ни отчаяния. Я как бы переступил пределы того и другого. Я понимал, что погиб безвозвратно, и эта уверенность делала меня способным на все. Мне даже хотелось встретиться с Моро лицом к лицу. Речка, которую я перешел вброд, напомнила мне, что если дело дойдет до крайности, то у меня всегда останется спасение от пыток: они не смогут помешать мне утопиться. Я уже готов был решиться на это, но какое-то непонятное желание увидеть все до конца, какой-то странный интерес наблюдателя удержал меня. Я расправил усталые и израненные колючками члены и огляделся. Вдруг неожиданно из зеленых зарослей высунулось черное лицо и уставилось на меня.

Я узнал обезьяноподобное существо, которое встречало на берегу баркас. Оно висело теперь на склоненном стволе пальмы. Я схватил палку и встал, пристально глядя на него. Он принялся что-то бормотать.

— Ты, ты, ты, — вот и все, что я мог сначала разобрать. Внезапно он соскочил с дерева и,

раздвинув папоротники, стал с любопытством смотреть на меня.

Я не чувствовал к этому существу того отвращения, которое испытывал при встрече с остальными людьми-животными.

— Ты, — сказал он, — из лодки.

Все-таки это был человек: как и слуга Монтгомери, он умел говорить.

— Да, — сказал я. — Я приплыл в лодке с корабля.

— О! — сказал он, и его блестящие бегающие глаза стали ощупывать меня, мои руки, палку, которую я держал, ноги, лохмотья одежды, порезы и царапины, нанесенные колючками. Он был, казалось, чем-то удивлен. Глаза его снова устремились на мои руки. Он вытянул свою руку и стал медленно считать пальцы. — Один, два, три, четыре, пять — да?

Я не понял, что он хотел этим сказать. Впоследствии я узнал, что у большинства этих звероподобных людей были уродливые руки, которым недоставало иногда целых трех пальцев. Думая, что это своего рода приветствие, я проделал то же самое. Он радостно оскалил зубы. Затем его беспокойные глаза снова забегали. Он сделал быстрое движение и исчез. Папоротники,

где он стоял, с шелестом сомкнулись.

Я вышел вслед за ним из зарослей и, к своему удивлению, увидел, что он раскачивается на одной тонкой руке, уцепившись за петлистую лиану, которая спускалась с дерева. Он висел ко мне спиной.

— Эй! — сказал я.

Он быстро спрыгнул и повернулся ко мне.

— Послушай, — сказал я. — Где бы мне достать поесть?

— Поесть? — повторил он. — Мы должны есть, как люди. — Он снова посмотрел на свои зеленые качели. — В хижинах.

— Но где же хижины?

— О!

— Я здесь в первый раз.

Он повернулся и быстро пошел прочь. Все движения его были удивительно проворны.

— Иди за мной, — сказал он.

Я пошел, чтобы узнать все до конца.

Я догадывался, что хижины — это какие-нибудь первобытные жилища, где он обитает вместе с другими. Быть может, они окажутся миролюбивыми, быть может, я сумею с ними договориться. Я еще и не подозревал, насколько они были лишены тех человеческих качеств, которыми я их

наделил.

Мой обезьяноподобный спутник семенил рядом со мной; руки его висели, челюсть сильно выдавалась вперед. Мне было любопытно узнать, насколько в нем сохранились воспоминания о прошлом.

— Давно ты на этом острове? — спросил я его.

— Давно? — переспросил он.

И при этом поднял три пальца. По-видимому, он был почти идиот. Я попытался выяснить, что он хотел сказать, но, очевидно, ему это надоело. После нескольких вопросов он вдруг бросил меня и полез за каким-то плодом на дерево. Потом сорвал целую пригоршню колючих орехов и принялся их грызть. Я обрадовался: это была хоть какая-то еда. Я попробовал задать ему еще несколько вопросов, но он тараторил в ответ что-то невпопад. Лишь немногие его слова имели смысл, остальное же было как бы заучено попугаем. Я был так поглощен всем этим, что почти не замечал дороги. Скоро мы очутились среди каких-то деревьев, черных и обугленных, а потом вышли на голое место, покрытое желтовато-белой корой. По земле стлался дым, щипавший мне нос и глаза своими едкими клубами. Справа за голой, каменистой возвышенностью видне-

лась гладкая поверхность моря. Извивающаяся тропинка вдруг свернула вниз, в узкую лощину между двумя бесформенными грудами шлака. Мы спустились туда.

Лощина казалась особенно темной после ослепительного солнечного света, игравшего на усыпанной кусками серы желтой поверхности. Склоны становились все круче и сближались между собой. Красные и зеленые пятна запрыгали у меня перед глазами. Вдруг мой проводник остановился.

— Дом, — сказал он, и я очутился перед пещерой, которая сначала показалась мне совершенно темной.

Я услышал странные звуки и, чтобы лучше видеть, стал левой рукой протирать глаза. До меня доносился какой-то неприятный запах, какой бывает в плохо вычищенных обезьяньих клетках. Дальше, за расступившимися скалами, виднелся пологий, одетый зеленью и залитый солнцем склон, и свет узкими пучками проникал с обеих сторон в темную глубину пещеры.

XII
Глашатаи закона

Что-то холодное коснулось моей руки. Я вздрогнул и увидел совсем рядом розоватое существо, очень похожее на ребенка с ободранной кожей. У него были вкрадчивые, но отталкивающие черты ленивца: низкий лоб, медленные движения. Когда глаза мои привыкли к темноте, я стал яснее видеть окружающее. Маленькое ленивцеподобное существо пристально разглядывало меня. Проводник мой куда-то скрылся.

Пещера оказалась узким ущельем между высокими стенами лавы, трещиной в ее застывшем извилистом потоке. Густые заросли папоротников и пальм образовали темные, хорошо укрытые логовища. Извилистое наклонное ущелье имело в ширину не более трех шагов и было загромождено кучами гниющих плодов и всяких других отбросов, распространявших удушливое зловоние.

Маленькое розовое существо, похожее на ленивца, все еще смотрело на меня, когда у отверстия ближайшего логовища появился мой

обезьяноподобный проводник и поманил меня. В тот же миг какое-то неповоротливое чудовище выползло из другого логовища и застыло бесформенным силуэтом на фоне яркой зелени, глядя на меня во все глаза. Я колебался и готов был бежать назад той же дорогой, что привела меня сюда, но потом решился идти до конца и, взяв за середину свою палку с гвоздем, заполз вслед за своим проводником в вонючую, тесную берлогу.

Она была полукруглая, наподобие половинки дупла, и около каменной стены, замыкавшей ее изнутри, лежала груда кокосовых орехов и всевозможных плодов. Несколько грубых посудин из камня и дерева стояли на полу, а одна — на кое-как сколоченной скамье. Огня не было. В самом темном углу пещеры сидело бесформенное существо, проворчавшее что-то, когда я вошел. Обезьяно-человек стоял на едва освещенном пороге этого жилища и протягивал мне расколотый кокосовый орех, а я тем временем заполз в угол и сел на землю. Я взял орех и принялся есть, насколько мог спокойно, несмотря на сильное волнение и почти невыносимую духоту пещеры. Розовое существо стояло теперь у входа в берлогу, и еще кто-то с темным лицом и блестящими глазами пристально смотрел на меня через его

плечо.

— Эй, — произнесла таинственная тварь, сидевшая напротив меня.

— Это человек! Это человек! — затараторил мой проводник. — Человек. Человек, живой человек, как и я.

— Заткнись, — ворчливо произнес голос из темноты.

Я ел кокосовый орех в напряженном молчании. Изо всех сил всматривался я в темноту, но не мог больше ничего различить.

— Это человек, — повторил голос. — Он пришел жить с нами?

Голос был хриплый, с каким-то особенным, поразившим меня присвистом. Но произношение его было удивительно правильно.

Обезьяночеловек выжидательно поглядел на меня.

Я понял его немой вопрос.

— Он пришел с вами жить, — утвердительно сказал я.

— Это человек. Он должен узнать Закон.

Теперь я стал различать какую-то темную груду в углу, какие-то смутные очертания сгорбленной фигуры. В берлоге стало совсем темно, потому что у входа появились еще две головы. Рука моя

крепче сжала палку. Сидевший в темном углу сказал громче:

— Говори слова. Я не понял.

— Не ходить на четвереньках — это Закон, — проговорил он нараспев.

Я растерялся.

— Говори слова, — сказал, повторив эту фразу, обезьяночеловек, и стоявшие у входа в пещеру эхом вторили ему каким-то угрожающим тоном.

Я понял, что должен повторить эту дикую фразу. И тут началось настоящее безумие. Голос в темноте затянул какую-то дикую литанию, а я и все остальные хором вторили ему. В то же время все, раскачиваясь из стороны в сторону, хлопали себя по коленям, и я следовал их примеру. Мне казалось, что я уже умер и нахожусь на том свете. В темной пещере ужасные темные фигуры, на которые то тут, то там падали слабые блики света, одновременно раскачивались и распевали:

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?

— Не лакать воду языком — это Закон. Разве мы не люди?

— Не есть ни мяса, ни рыбы — это Закон. Разве мы не люди?

— Не обдирать когтями кору с деревьев — это

Закон. Разве мы не люди?

— Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди?

И так далее, от таких диких запретов до запретов на поступки, как мне тогда показалось, безумные, немыслимые и потрясающе непристойные. Нами овладел какой-то музыкальный экстаз, мы распевали и раскачивались все быстрее, твердя этот невероятный Закон. Внешне я как будто заразился настроением этих звероподобных людей, но в глубине моей души боролись отвращение и насмешка. Мы перебрали длинный перечень запретов и начали распевать новую формулу:

— Ему принадлежит Дом страдания.

— Его рука творит.

— Его рука поражает.

— Его рука исцеляет.

И так далее, снова целый перечень, который почти весь показался мне тарабарщиной о Нем, кто бы он ни был. Я мог бы подумать, что все это сон, но никогда не слышал, чтобы пели во сне.

— Ему принадлежит молния, — пели мы.

— Ему принадлежит глубокое соленое море.

У меня родилось ужасное подозрение, что Моро, превратив этих людей в животных, вло-

жил в их бедные мозги дикую веру, заставил их боготворить себя. Но я слишком хорошо видел сверкавшие зубы и острые когти сидевших вокруг, чтобы перестать петь.

— Ему принадлежат звезды на небесах.

Наконец пение кончилось. Я увидел, что все лицо обезьяночеловека покрыто потом, и глаза мои, привыкшие теперь к темноте, отчетливее рассмотрели тварь в углу, откуда слышался хриплый голос. Она была ростом с человека, но как будто покрыта темно-серой шерстью, почти как у шотландских терьеров.

Кто была она?

Кто были все они?

Представьте себя в окружении самых ужасных калек и помешанных, каких только может создать воображение, и вы хоть отчасти поймете, что я испытал при виде этих странных карикатур на людей.

— У него пять пальцев, пять пальцев, пять пальцев, как у меня, — бормотал обезьяночеловек.

Я вытянул руки. Серая тварь в углу наклонилась вперед.

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди? — снова сказала она.

Она протянула свою уродливую лапу и схва-

тила мои пальцы. Ее лапа была вроде оленьего копыта, из которого вырезаны когти. Я чуть не вскрикнул от неожиданности и боли. Эта тварь наклонилась еще ниже и рассматривала мои ногти, она сидела так, что свет упал на нее, и я с дрожью отвращения увидел, что это не лицо человека и не морда животного, а просто какая-то копна серых волос с тремя еле заметными дугообразными отверстиями для глаз и рта.

— У него маленькие когти, — сказало волосатое чудовище. — Это хорошо.

Оно отпустило мою руку, и я инстинктивно схватился за палку.

— Надо есть коренья и травы — такова его воля, — произнес обезьяночеловек.

— Я глашатай Закона, — сказало серое чудовище. — Сюда приходят все новички изучать Закон. Я сижу в темноте и возвещаю Закон.

— Да, это так, — подтвердило одно из существ, стоявших у входа.

— Ужасная кара ждет того, кто нарушит Закон. Ему нет спасения.

— Нет спасения, — повторили звероподобные люди, украдкой косясь друг на друга.

— Нет спасения, — повторил обезьяночеловек. — Нет спасения. Смотри! Однажды я

совершил провинность, плохо поступил. Я все бормотал, бормотал, перестал говорить. Никто не мог меня понять. Меня наказали, вот на руке клеймо. Он добр, он велик.

— Нет спасения, — сказала серая тварь в углу.

— Нет спасения, — повторили звероподобные люди, подозрительно косясь друг на друга.

— У каждого есть недостаток, — сказал глашатай Закона. — Какой у тебя недостаток, мы не знаем, но узнаем потом. Некоторые любят преследовать бегущего, подстерегать и красться, поджидать и набрасываться, убивать и кусать, сильно кусать, высасывая кровь… Это плохо.

— Не охотиться за другими людьми — это Закон. Разве мы не люди? Не есть ни мяса, ни рыбы — это Закон. Разве мы не люди?

— Нет спасения, — сказало пятнистое существо, стоявшее у входа.

— У каждого есть недостаток, — повторил глашатай Закона. — Некоторые любят выкапывать руками и зубами корни растений, обнюхивать землю… Это плохо.

— Нет спасения, — повторили стоявшие у входа.

— Некоторые скребут когтями деревья, другие откапывают трупы или сталкиваются лбами,

дерутся ногами или когтями, некоторые кусаются безо всякой причины, некоторые любят валяться в грязи.

— Нет спасения, — повторил обезьяночеловек, почесывая ногу.

— Нет спасения, — повторило маленькое розовое существо, похожее на ленивца.

— Наказание ужасно и неминуемо. Потому учи Закон. Говори слова. — И он снова принялся твердить слова Закона, и снова я вместе со всеми начал петь и раскачиваться из стороны в сторону.

Голова моя кружилась от этого бормотания и зловония, но я не останавливался в надежде, что какой-нибудь случай меня выручит.

— Не ходить на четвереньках — это Закон. Разве мы не люди?

Мы подняли такой шум, что я не заметил переполоха снаружи, пока кто-то, кажется, один из двух свиноподобных людей, которых я уже видел в лесу, не просунул головы над плечом маленького розового существа и возбужденно не закричал чего-то, чего я не расслышал. Тотчас же исчезли все стоявшие у входа, вслед за ними бросился обезьяночеловек, следом — существо, сидевшее в углу. Я увидел, что оно было огромно, неуклюже

и покрыто серебристой шерстью. Я остался один.

Едва я успел дойти до выхода, как услышал лай собаки.

Мгновенно я выбежал из пещеры со своей палкой в руке, весь дрожа. Там, повернувшись ко мне своими неуклюжими спинами, стояли около двадцати звероподобных людей, их уродливые головы глубоко ушли в плечи. Они возбужденно жестикулировали. Другие полузвериные лица вопросительно выглядывали из берлог. Взглянув в ту сторону, куда они смотрели, я увидел под деревьями у входа в ущелье бледное, искаженное яростью лицо Моро. Он удерживал собаку, рвавшуюся с поводка. Следом за ним с револьвером в руке шел Монтгомери.

Секунду я стоял, пораженный ужасом.

Потом обернулся и увидел, что сзади ущелье загородило, надвигаясь на меня, звероподобное чудовище с огромным серым лицом и маленькими сверкавшими глазками. Я осмотрелся и увидел справа от себя, в десятке шагов, узкую расщелину в каменной стене, через которую в пещеру косо падала полоса света.

— Ни с места! — крикнул Моро, как только заметил мое движение в сторону. — Держите его! — крикнул он.

Все повернулись и уставились на меня. По счастью, их звериные мозги соображали медленно.

Я кинулся на неуклюжее чудовище, которое повернулось, чтобы посмотреть, чего хочет Моро, и сбил его с ног. Желая схватить меня, оно взмахнуло руками, но не поймало меня. Маленькое ленивцеподобное существо бросилось на меня, но я перескочил через него, ударив по его безобразному лицу палкой с гвоздем. В следующее мгновение я уже карабкался по отвесной расщелине, которая служила здесь своего рода дымоходом. Позади меня раздавались вой и крики:

— Лови его! Держи!

Серое существо бросилось за мной и втиснуло свое огромное туловище в расщелину.

— Лови его, лови! — вопили все.

Я выкарабкался из расщелины на желтую равнину к западу от обиталища звероподобных людей.

Эта расщелина спасла меня: узкая и крутая, она задержала преследователей. Я побежал вниз по белому крутому склону с несколькими редкими деревьями и добрался до лощины, заросшей высоким тростником. Отсюда я попал в темную чащу кустарника, где было так сыро, что вода хлюпала

под ногами. Только когда я нырнул в тростник, мои ближайшие преследователи показались на вершине. За несколько минут я пробрался сквозь кустарник. Воздух звенел от угрожающих криков. Я слышал позади себя шум погони, стук камней и треск веток. Некоторые из моих преследователей рычали, совершенно как дикие звери. Слева залаяла собака. Я услышал голоса Моро и Монтгомери и круто повернул вправо. Мне показалось даже, будто Монтгомери крикнул мне, чтобы я не останавливался, если дорожу жизнью.

Скоро почва у меня под ногами стала болотистой и вязкой. Я был в таком отчаянии, что очертя голову пустился по ней, увязая по колени, и с трудом добрался до тропинки, петлявшей в тростнике. Крики моих преследователей теперь слышались левее. Я спугнул трех странных розовых животных величиной с кошку, и они скачками бросились прочь. Тропинка шла в гору, она вывела меня на новую желтую равнину, а оттуда опять вниз, к тростникам.

Вдруг она повернула вдоль отвесного склона оврага, который преградил мне путь так же неожиданно, как забор в английском парке. Я бежал во весь дух и не заметил оврага, пока с разгона не полетел в него вниз головой, вытянув

руки.

Я упал прямо в колючие кусты и встал весь ободранный, в крови, с порванным ухом. Овраг был каменистый, поросший кустами, по дну его протекал ручей, а над ручьем стлался туман. Меня поразило, откуда взялся туман в такой жаркий день, но удивляться было некогда. Я повернул вправо, вниз по ручью, надеясь выйти к морю и там утопиться. Тут я заметил, что при падении потерял свою палку с гвоздем.

Скоро овраг стал уже, и я неосмотрительно вошел в ручей. Но я тут же выскочил из него, потому что вода была горячая, почти как кипяток. Я заметил, что по ее поверхности плыла тонкая сернистая накипь. Почти тотчас же за поворотом оврага показался голубеющий горизонт. Близкое море отражало солнце мириадами своих зеркальных граней. Впереди была смерть. Но я был возбужден и тяжело дышал. Кровь текла у меня по лицу и горячо струилась по жилам. Я ликовал, потому что удалось уйти от преследователей. Мне не хотелось топиться. Я обернулся и стал вглядываться в даль.

Я прислушался. Кроме жужжания комаров и стрекотания каких-то маленьких насекомых, прыгавших в колючих кустах, вокруг стояла

мертвая тишина. Но вот послышались собачий лай, слабый шум, щелканье бича и голоса. Они то становились громче, то снова слабели. Шум понемногу удалялся вверх по ручью и наконец совершенно затих. На некоторое время я избавился от погони.

Но теперь я знал, как мало помощи можно ждать от звероподобных людей.

XIII
Переговоры

Я снова повернулся и пошел к морю. Горячий ручей растекся по тинистой песчаной отмели, где ползало множество крабов и каких-то длиннотелых многоногих животных; услышав мои шаги, они сразу обратились в бегство. Я дошел до самого моря, и мне показалось, что я спасен. Обернувшись назад, я стал смотреть на густую зелень позади меня, словно шрамом прорезанную едва видным оврагом. Я был слишком взволнован и, по правде говоря (хотя люди, которые никогда не испытывали опасности, не поверят мне), слишком отчаялся, чтобы умирать.

Мне пришла в голову мысль, что у меня есть еще выход. Пока Моро и Монтгомери вместе со звероподобными людьми обшаривают остров в глубине, не могу ли я обойти его по берегу и добраться до ограды? Что, если обойти их с фланга, выломать из ограды камень, сбить замок с маленькой двери и найти какой-нибудь нож, пистолет или другое оружие, а когда они вернутся, вступить в бой? Во всяком случае, я мог бы дорого

продать свою жизнь.

Я повернул к западу и пошел по берегу моря. Заходящее солнце слепило меня. Слабый тихоокеанский прилив поднимался с тихим журчанием.

Берег свернул к югу, и солнце очутилось справа от меня. И вдруг далеко впереди из кустов появилась сначала одна, а потом несколько фигур. Это были Моро с собакой, Монтгомери и еще двое. Увидя их, я остановился.

Они тоже увидели меня и стали приближаться, размахивая руками. Я стоял, ожидая их. Оба звероподобных человека побежали вперед, чтобы отрезать мне путь к кустам. Монтгомери спешил прямо ко мне. Моро с собакой следовал за ним.

Я наконец опомнился, побежал к морю и бросился в воду. Но у берега было очень мелко. Я прошел не менее тридцати ярдов, прежде чем погрузился по пояс. Видно было, как рыбы удирали от меня в разные стороны.

— Что вы делаете! — крикнул Монтгомери.

Я повернулся к ним, стоя по пояс в воде. Монтгомери остановился, задыхаясь, на самом краю берега. Его лицо было багровым от бега, длинные льняные волосы растрепались, а отвисшая нижняя губа открывала редкие зубы. Тем временем подошел Моро. Лицо его было бледно и реши-

тельно; собака залаяла на меня. У обоих в руках были хлысты. Из-за их спин на меня во все глаза глядели звероподобные люди.

— Что делаю? Хочу утопиться, — ответил я. Монтгомери и Моро переглянулись.

— Почему? — спросил Моро.

— Потому что это лучше, чем подвергнуться вашим пыткам.

— Говорил я вам, — сказал Монтгомери, и Моро что-то тихо ответил.

— Почему вы думаете, что я подвергну вас пыткам? — спросил Моро.

— Потому что я все видел, — ответил я. — И вот эти… вот они!

— Тсс! — сказал Моро и предостерегающе поднял руку.

— Я не дамся, — сказал я. — Это были люди. А что они теперь? Но со мной у вас ничего не выйдет.

Я взглянул через их головы. На берегу стоял Млинг, слуга Монтгомери, и одно из закутанных в белое существ с баркаса. Дальше, в тени деревьев, я увидел маленького обезьяночеловека и еще несколько смутных фигур.

— Кто они теперь? — спросил я, указывая на них и все больше повышая голос, чтобы они

услышали меня. — Они были людьми, такими же людьми, как вы сами, а вы их сделали животными, вы их поработили и все же боитесь их. Эй, слушайте! — крикнул я, обращаясь к звероподобным людям и указывая на Моро. — Слушайте! Разве вы не видите, что они оба еще боятся вас, трепещут перед вами? Почему же вы тогда боитесь их? Вас много…

— Прендик! — крикнул Монтгомери. — Ради Бога, замолчите!

— Прендик! — подхватил и Моро.

Они кричали оба вместе, стараясь заглушить мой голос. А за их спинами виднелись угрожающие лица звероподобных людей, с уродливо висящими руками и сгорбленными спинами. Мне тогда казалось, они старались понять меня, припомнить что-то из своего человеческого прошлого.

Я продолжал кричать, но что, помню плохо. Кажется, что надо убить Моро и Монтгомери, что их нечего бояться. Эти мысли я вложил в головы звероподобных людей на собственную погибель. Я увидел, как зеленоглазый человек в темных лохмотьях, которого я повстречал в первый вечер своего приезда, вышел из-за деревьев, и остальные последовали за ним, чтобы лучше

слышать меня.

Наконец я замолчал, переводя дух.

— Выслушайте меня, — сказал решительным голосом Моро, — а потом говорите все, что угодно.

— Ну? — сказал я.

Он откашлялся, подумал и затем воскликнул:

— Латынь, Прендик, я буду говорить на скверной школьной латыни! Но постарайтесь все же понять! Hi non sunt homines, sunt animalia qui nos habemus…[2] В общем… подвергли вивисекции. Человекообразовательный процесс. Я вам все объясню. Выходите на берег.

Я засмеялся.

— Ловко придумано! — сказал я. — Они разговаривают, строят жилища, готовят еду. Они были людьми. Так я и выйду на берег!

— Здесь очень глубоко и полно акул.

— Именно это мне и нужно, — сказал я. — Быстро и надежно. Прощайте!

— Подождите! — Он вынул из кармана что-то блестящее, сверкнувшее на солнце, и бросил на землю.

— Это заряженный револьвер, — сказал он. —

---

[2] Notes: 2

Они не люди, а животные, которых мы… *(лат.)*

Монтгомери сделает то же самое. Потом мы отойдем по берегу на расстояние, которое вы сами укажете. Тогда вы выйдете и возьмете револьверы.

— Не выйдет. У вас, конечно, есть еще третий.

— Подумайте хорошенько, Прендик. Во-первых, я не звал вас на этот остров. Во-вторых, мы усыпили вас вчера и могли делать с вами что хотели, и, наконец, подумайте, ведь теперь ваш первый страх уже прошел и вы способны соображать, — разве характер Монтгомери подходит к той роли, которую вы ему приписываете? Мы гнались за вами для вашего же блага. Этот остров населен множеством злобных существ. Зачем нам стрелять в вас, когда вы сами только что хотели утопиться?

— А зачем вы напустили на меня своих людей там, в пещере?

— Мы хотели схватить вас и избавить от опасности. А потом мы намеренно потеряли ваш след… для вашего же спасения.

Я задумался. Все это казалось правдоподобным. Но тут я вспомнил кое-что другое.

— Там, за оградой, я видел…

— Это была пума…

— Послушайте, Прендик, — сказал Монтго-

мери, — вы упрямый осел. Выходите из воды, берите револьверы, и поговорим. Ничего другого не остается.

Должен сознаться, что в то время и, по правде сказать, всегда я не доверял Моро и боялся его. Но Монтгомери я понимал.

— Отойдите в сторону, — сказал я и, немного подумав, прибавил: — И поднимите руки.

— Этого сделать мы не можем, — сказал Монтгомери, выразительно кивая назад. — Слишком унизительно.

— Ну, ладно, отойдите тогда к деревьям, — сказал я.

— Вот идиотство! — буркнул Монтгомери.

Оба повернулись туда, где стояли на солнце, отбрасывая длинные тени, шесть или семь уродов — рослые, живые, осязаемые и все же какие-то нереальные. Монтгомери щелкнул хлыстом, и они тотчас врассыпную бросились за деревья. Когда Монтгомери и Моро отошли на расстояние, которое показалось мне достаточным, я вышел на берег, поднял и осмотрел револьверы. Чтобы удостовериться в отсутствии обмана, я выстрелил в круглый кусок лавы и с удовлетворением увидел, как он рассыпался в темный порошок. Однако я все еще колебался.

— Ладно, рискну, — сказал я наконец и, держа по револьверу в каждой руке, направился к Моро и Монтгомери.

— Вот так-то лучше, — спокойно сказал Моро. — Ведь я потерял все утро из-за ваших проклятых выдумок.

И с оттенком презрения, пристыдив меня, они с Монтгомери повернулись и молча пошли вперед.

Кучка звероподобных людей все еще стояла среди деревьев. Я прошел мимо них, стараясь сохранять спокойствие. Один хотел было последовать за мной, но как только Монтгомери щелкнул хлыстом, сразу обратился в бегство. Остальные молча следили за нами. Быть может, когда-то они были животными. Но я никогда еще не видел животных, пытающихся размышлять.

XIV
Объяснения доктора Моро

— А теперь, Прендик, я вам все объясню, — сказал доктор Моро, когда мы утолили голод и жажду. — Должен сознаться, что вы самый деспотический гость, с каким я когда-либо имел дело. Предупреждаю — это последняя уступка, которую я вам делаю. В следующий раз, если вы опять будете угрожать самоубийством, я и пальцем не пошевельну, несмотря на все неприятные последствия.

Он сидел в шезлонге, держа своими белыми тонкими пальцами наполовину выкуренную сигару. Висячая лампа освещала его седые волосы; он задумчиво смотрел через маленькое окошко на мерцавшие звезды. Я сел как можно дальше от него, по другую сторону стола, с револьверами в руке. Монтгомери не было. Мне не особенно хотелось очутиться с ними обоими в этой тесной комнате.

— Значит, вы признаете, что подвергнутое вивисекции человеческое существо, как вы его называли, в конце концов всего только пума? —

спросил Моро.

Он заставил меня посмотреть на этот ужас за оградой и убедиться, что это не человек.

— Да, это пума, — сказал я. — Она еще жива, но до того изрезана и искалечена, что я молю Бога никогда больше не сподобить меня увидеть такое. Из всех гнусных…

— Оставим это, — сказал Моро. — Избавьте меня по крайней мере от ваших юношеских бредней. Монтгомери был таким же. Вы признаете, что это пума. Теперь сидите смирно, а я буду излагать вам свои физиологические теории.

Начав свою лекцию тоном человека, крайне раздосадованного, он понемногу увлекся и объяснил мне всю сущность своей работы. Говорил он очень просто и убедительно. По временам в голосе его звучала горькая насмешка. Скоро я почувствовал, что краснею от стыда за себя.

Оказалось, что существа, которых я видел, никогда не были людьми. Это были животные, которые обрели человеческий облик в результате поразительных успехов вивисекции.

— Вы упускаете из виду, что может сделать искусный вивисектор с живым существом, — сказал Моро. — Я же удивляюсь только, почему то, что я здесь сделал, не было сделано уже давно.

Слабые попытки вроде ампутации, вырезывания языка, удаления различных органов, конечно, делались не раз. Вы, без сомнения, знаете, что косоглазие может быть вызвано и, наоборот, излечено хирургическим путем. После удаления различных органов в человеческом организме происходят некоторые вторичные изменения: меняются пигменты, темперамент, характер образования жировых тканей. Вы, без сомнения, слышали обо всем этом?

— Конечно, — отвечал я, — но эти ваши уроды…

— Всему свое время, — сказал он, останавливая меня движением руки. — Я только начал. Это лишь самые обычные изменения. Хирургия может достичь гораздо большего, она способна не только разрушать, но и созидать. Вы, может быть, слышали о простой операции, которую делают при повреждении носа? Кусочек кожи вырезают со лба, заворачивают книзу на нос и приживляют в новом положении. Это как бы прививка части организма на нем самом. Перенесение материала с одного живого существа на другое также возможно, вспомните, например, о зубах. Обычно пересадка кожи и костей делается для скорейшего заживления. Хирург вставляет в рану

нужные кости и прикрывает ее кожей, беря все это у живого или только что убитого животного. Вы слышали, может быть, о петушиной шпоре, которую Хантер привил на шею быку? Вспомните еще о крысах-носорогах, которых делают алжирские зуавы. Эти уродцы фабрикуются тем же способом: отрезанные с хвостов полоски кожи перемещают на морду обыкновенной крысы и приживляют там в новом положении.

— Фабрикуются! — воскликнул я. — Вы хотите этим сказать…

— Да. Существа, которых вы видели, не что иное, как животные, которым нож придал новые формы. Изучению пластичности живых форм я посвятил всю свою жизнь. Я изучал это долгими годами, накапливая постепенно все больше и больше знаний. Я вижу, вы в ужасе, а между тем я не говорю ничего нового. Все это уже много лет лежало на поверхности практической анатомии, но ни у кого не хватало решимости заняться опытами. Я не ограничиваюсь только тем, что могу изменить внешний вид животного. Физиология, химическое строение организма также могут быть подвергнуты значительным изменениям, примером чему служит вакцинация и другие всевозможные прививки, которые,

без сомнения, вам хорошо известны. Подобной же операцией является и переливание крови, с изучения которой я, собственно, и начал. Все это родственные случаи. Менее близкими этому и, вероятно, гораздо более сложными были операции средневековых хирургов, которые делали карликов, нищих-калек и всевозможных уродов. Следы этого искусства сохранились и до наших дней в подготовке балаганных фокусников и акробатов. Виктор Гюго рассказал нам об этом в своем «Человеке, который смеется»... Надеюсь, теперь моя мысль вам ясна? Вы начинаете понимать возможность пересадки ткани с одной части тела животного на другую или с одного животного на другого, возможность изменения химических реакций, происходящих в живом существе, характера его развития, действия его членов и даже изменения самой сущности его внутреннего строения?

И все же никто еще не исследовал систематически и до конца эту необыкновенную область знания, пока я не занялся ею. Некоторые случайно наталкивались на нечто подобное при применении новейших достижений хирургии. Большинство таких случаев, которые вы можете вспомнить, были открыты совершенно случайно

тиранами, преступниками, дрессировщиками лошадей и собак, всякими необразованными, бездарными людьми, преследовавшими лишь корыстную цель. Я первый занялся этим вопросом, вооруженный антисептической хирургией и подлинно научным знанием законов развития живого организма.

Но есть основания подозревать, что все это уже практиковалось втайне. Возьмем хотя бы сиамских близнецов… А в подземельях инквизиции… Конечно, главной целью инквизиторов была утонченная пытка, но, во всяком случае, некоторые из них должны были обладать известной научной любознательностью…

— Но, — прервал я его, — эти существа, эти животные говорят!

Он подтвердил это и продолжал доказывать, что пределы вивисекции не ограничиваются простыми физическими изменениями. Можно научить чему угодно даже свинью. Духовная область изучена наукой еще меньше физической. С помощью развивающегося в наши дни искусства гипнотизма мы заменяем старые наследственные инстинкты новыми внушениями, как бы делая прививки на почве наследственности. Многое из того, что мы называем нравственным

воспитанием, есть только искусственное изменение и извращение природного инстинкта; воинственность превращается в мужественное самопожертвование, а подавленное половое влечение в религиозный экстаз. По словам Моро, главное различие между человеком и обезьяной заключается в строении гортани, в неспособности тонкого разграничения звуков — символов понятий, при помощи которых выражается мысль. В этом я с ним не согласился, но он довольно грубо пропустил мое возражение мимо ушей. Он повторил, что это именно так, и продолжал рассказывать о своей работе.

Я спросил его, почему он взял за образец человеческий облик. Мне казалось тогда и до сих пор кажется, что в этом его выборе крылась какая-то странная озлобленность против человечества.

Он сказал, что выбор был совершенно случайный.

— Конечно, я мог бы точно с таким же успехом переделывать овец в лам и лам в овец, но, мне кажется, есть что-то в человеческом облике, что более приятно эстетическому чувству, чем формы всех остальных животных. Впрочем, я не ограничивался созданием людей. Несколько раз… — Он помолчал с минуту. — Но как быстро

промелькнули все эти годы! Я уже потерял день, спасая вашу жизнь, и теперь теряю целый час на объяснения.

— Но я все еще не понимаю вас, — возразил я. — Чем оправдываете вы себя, причиняя живым существам такие страдания? Единственное, что явилось бы для меня оправданием вивисекции, было бы применение ее для…

— Да, конечно, — перебил он меня. — Но я, как видите, иначе устроен. Мы с вами стоим на различных позициях. Вы материалист.

— Я вовсе не материалист, — горячо возразил я.

— С моей точки зрения, конечно, только с моей точки зрения. Потому что мы с вами расходимся именно в этом вопросе о страдании. До тех пор, покуда вы можете видеть мучения, слышать стоны, и это причиняет вам боль, покуда ваши собственные страдания владеют вами, покуда на страдании основаны ваши понятия о грехе, до тех пор, говорю вам, вы животное, вы мыслите немногим яснее животного. Это страдание…

Я нетерпеливо пожал плечами в ответ на его словесные ухищрения.

— Ах! Оно ведь так ничтожно! Разум, подлинно открытый науке, должен понимать всю его ни-

чтожность! Быть может, нигде, за исключением нашей маленькой планеты, этого клубка космической пыли, который исчезнет из виду гораздо раньше, чем можно достигнуть ближайшей звезды, быть может, говорю вам, нигде во всей остальной вселенной не существует того, что мы называем страданием. Там нет ничего, кроме тех законов, которые мы ощупью открываем… И даже здесь, на земле, даже среди живых существ, что это, собственно, такое — страдание?

С этими словами он вынул из кармана перочинный нож, открыл маленькое лезвие и подвинул свой стул так, чтобы я мог видеть его бедро. Затем, спокойно и тщательно выбрав место, он вонзил себе в бедро нож и вынул его.

— Без сомнения, вы видели это раньше. Нет ни малейшей боли. Что же это доказывает? Способность чувствовать боль не нужна этому мускулу и потому не вложена в него. Чувствовать боль необходимо лишь коже, и потому-то на бедре есть места, способные ее ощущать. Боль — это просто наш советчик, она, подобно врачу, предостерегает и побуждает нас к осторожности. Всякая живая ткань не чувствительна к боли, так же как всякий нерв. В восприятиях зрительного нерва нет и следа боли, действительной боли. Если вы

пораните зрительный нерв, у вас просто возникнут огненные круги перед глазами, точно так же как и расстройство слухового нерва выражается просто шумом в ушах. Растения не чувствуют боли, низшие животные, подобные морским звездам и ракам, по-видимому, тоже. Что же касается людей, то чем выше они будут по своему интеллектуальному развитию, тем тщательнее станут заботиться о себе и тем менее будут нуждаться в боли — этом стимуле, ограждающем их от опасности. Я до сих пор не знаю ни одной бесполезной вещи, которую эволюция не устранила бы рано или поздно. А боль становится бесполезной.

Кроме того, Прендик, я верующий, каким должен быть каждый здравомыслящий человек. Быть может, я больше вашего знаю о путях Творца, потому что пытался по-своему открыть его законы всю свою жизнь, тогда как вы, насколько я понял, занимались коллекционированием бабочек. И я повторяю вам: радость и страдание не имеют ничего общего ни с раем, ни с адом. Радость и страдание… Эх! Разве религиозный экстаз ваших теологов — это не райские гурии Магомета? Множество мужчин и женщин, живущих только радостями и страданиями, разве не носят они на себе, Прендик, печать зверя, от

которого произошли! Страдание и радость — они существуют для нас только до тех пор, пока мы ползаем во прахе…

Как видите, я продолжал свои исследования, идя по пути, по которому они сами меня вели. Это единственный путь для всякого исследователя… Я ставил вопрос, находил на него ответ и в результате получал новый вопрос. Возможно ли то или это; вы не можете себе представить, что значат такие вопросы для исследователя, какая умственная жажда охватывает его! Вы не можете себе представить странную, непонятную прелесть стремлений мысли. Перед вами уже больше не животное, не создание единого творца, а только загадка. Жалость… я вспоминаю о ней, как о чем-то давно забытом. Я желал — это было единственное, чего я желал, — изучить до конца пластичность живого организма.

— Но ведь это ужасно! — сказал я.

— До сих пор меня никогда не беспокоила нравственная сторона дела. Изучение природы делает человека в конце концов таким же безжалостным, как и сама природа. Я работал, думал лишь о своей цели, а то, что получалось… текло туда, в хижины… Прошло одиннадцать лет с тех пор, как мы прибыли сюда: я, Монтгомери и шестеро по-

линезийцев. Помню зеленое безмолвие острова и безбрежный простор океана, расстилавшегося вокруг нас, так явственно, как будто все было только вчера. Остров, казалось, был специально создан для меня.

Мы разгрузили судно и построили дом. Полинезийцы поставили себе у оврага несколько хижин. Я принялся за работу над тем, что привез с собой. Сначала у меня было несколько досадных неудач. Я начал с овцы и убил ее на второй день неосторожным движением скальпеля. Я принялся за вторую овцу, подверг ее ужасным страданиям, а потом заживил раны. Когда я кончил работу, она показалась мне совсем человеческим существом, но, взглянув на нее некоторое время спустя, я остался неудовлетворен. Разума у этого существа было не больше, чем у обыкновенной овцы. Постепенно меня охватил ужас. Чем больше я смотрел на нее, тем безобразнее она мне казалась, и наконец я убил это страшилище. Эти животные, лишенные всякого мужества, полны страха и страдания, у них нет даже искорки отважной решимости встретить боль лицом к лицу, — нет, они совсем не годились для того, чтобы создать человека.

Я взял самца гориллы и, работая с бесконечным

старанием, преодолевая одно препятствие за другим, сделал из него своего первого человека. Я работал много недель, днем и ночью. Особенно нуждался в переделке мозг; многое пришлось изменить, многое добавить. Когда я кончил и он лежал передо мной забинтованный, связанный и неподвижный, мне показалось, что это прекрасный образец негроидной расы. Только когда я перестал опасаться за его жизнь, я оставил его и вошел в эту комнату, где застал Монтгомери в таком же состоянии, в каком были и вы. Он слышал крики существа, становившегося человеком, вроде тех, которые вас так взволновали. Сначала я не вполне открылся ему. Полинезийцы тоже видели и поняли кое-что. При виде меня они дрожали от страха. Я отчасти привлек на свою сторону Монтгомери, но труднее всего нам было удержать на острове полинезийцев. В конце концов трое из них все же бежали, и мы лишились яхты. Я долго обучал созданное мной существо — это продолжалось три или четыре месяца. Я научил его немного английскому языку, начаткам счета и даже азбуке. Но все это ему трудно давалось, хотя я и встречал менее понятливых идиотов. Мозг его был совсем чистой страницей: в нем не сохранилось никаких воспоминаний о том, чем

он был раньше. Когда его раны совсем зажили, осталась только болезненная чувствительность и неловкость движений и он научился немного говорить, я привел его к полинезийцам, чтобы поселить среди них.

Сначала они страшно испугались, что немного обидело меня, потому что я был о нем высокого мнения; но он оказался таким ласковым и забавным, что со временем они привыкли к нему и занялись его воспитанием. Он быстро все схватывал, воспринимал и подражал всему, чему его обучали; он даже построил себе шалаш, который показался мне лучше их собственных хижин. Среди полинезийцев был один, в душе немного проповедник, и он научил его читать или по крайней мере узнавать буквы; он внушил ему также несколько элементарных понятий о нравственности, и, по-видимому, инстинкты гориллы в нем совершенно не проявлялись.

Я несколько дней отдыхал от работы и намеревался послать обо всем отчет в Англию, чтобы заинтересовать английских физиологов. Но однажды, гуляя, я набрел на созданное мной существо, оно сидело на дереве и бормотало что-то непонятное двум дразнившим его полинезийцам. Я пригрозил ему, объяснил недостойность такого

поведения, вызвал в нем чувство стыда и вернулся домой, решив, что надо достигнуть лучших результатов, прежде чем везти свое творение в Англию. И я достиг лучших результатов, но так или иначе работа моя пропадала: в них снова просыпались упорные звериные инстинкты… Я все еще надеюсь на успех. Надеюсь преодолеть все препятствия… Эта пума…

Вот вам и вся история. Полинезийцы все умерли. Один утонул в море, упав за борт баркаса, другой погиб, поранив пятку, в которую каким-то путем попал сок ядовитого растения. Трое уплыли на яхте, и я надеюсь, что они утонули. Последний… был убит. Я стал обходиться без них. Монтгомери сначала вел себя вроде вас, и тогда…

— Что случилось с последним полинезийцем? — резко спросил я. — С тем, который был убит?..

— Дело в том, что, сделав много человекоподобных существ, я в конце концов сделал одного… — Моро замялся.

— Ну?

— Его убили.

— Не понимаю, — сказал я. — Вы хотите сказать…

— Да, оно убило полинезийца. Убило и еще нескольких других существ, которых поймало. Мы охотились за ним два дня. Оно сорвалось с цепи случайно. Я никак не предполагал, что оно убежит. Оно не было закончено. Это был опыт. Получилось существо, не имевшее конечностей, с ужасной мордой, оно пресмыкалось наподобие змеи. Оно было разъярено болью и стало перекатываться по земле, как плавает морская свинья. Несколько дней оно скрывалось в лесу, уничтожая все, что попадалось ему на пути, пока мы не загнали его в северную часть острова. Мы разделились, чтобы окружить его. Монтгомери непременно хотел идти со мной. У того полинезийца было ружье, и когда мы нашли его тело, то увидели, что один из стволов изогнут в виде буквы «S» и прокушен почти насквозь… Монтгомери пристрелил чудовище… С тех пор я делал только людей или же мелких существ.

Он замолчал. Я наблюдал за выражением его лица.

— Так работаю я вот уже двадцать лет, считая девять лет в Англии, и в каждом вновь созданном мной существе есть изъяны, которые вызывают неудовлетворенность, побуждают к дальнейшим попыткам. Иногда я поднимаюсь над обычным

уровнем, иногда опускаюсь ниже его, но никогда не достигаю идеала. Человеческий облик я придаю теперь животному почти без труда, я умею наделить его гибкостью и грациозностью или огромными размерами и силой, но все же и теперь у меня часто бывают затруднения с руками и когтями: они такие тонкие и чувствительные, что я не решаюсь свободно изменять их форму. Но главная трудность заключается в изменении формы мозга. Умственное развитие этих созданий бывает иногда непостижимо низким, со странными провалами. И совсем не дается мне нечто, чего я не могу найти, нечто лежащее в самой основе эмоций. Все стремления, инстинкты, желания, вредные для человечества, вдруг прорываются и захлестывают мое создание злобой, ненавистью или страхом. Вам эти твари кажутся странными и отталкивающими с первого взгляда, мне же после того, как я их окончу, они представляются бесспорно человеческими существами. И только после того, как я понаблюдаю за ними, уверенность эта исчезает. Обнаруживается сначала одна звериная черта, потом другая… Но я еще надеюсь победить. Всякий раз, как я погружаю живое существо в купель жгучего страдания, я говорю себе: на этот раз я выжгу из него все

звериное, на этот раз я сделаю разумное существо. И собственно говоря, что такое десять лет? Человек формировался тысячелетиями… — Он грустно задумался. — Но я приближаюсь к цели… Эта пума…

Помолчав, он продолжал:

— А все же они возвращаются к своему первоначальному состоянию. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, проявляться…

Он снова замолчал.

— Вы держите свои создания в этих пещерах? — спросил я.

— Да. Я бросаю их, когда начинаю чувствовать в них зверя, и они сами быстро попадают туда. Все они боятся этого дома и меня. У них там некая пародия на человеческое общество. Монтгомери знает их жизнь, так как играет роль посредника. Он приучил нескольких из них служить нам. Мне кажется, хоть он и стыдится в этом сознаться, что он жалеет эти создания. Но это — его личное дело. Во мне они вызывают только чувство неудовлетворенности. Я ими больше не интересуюсь. Кажется, они следуют наставлениям обучавшего их проповедника-полинезийца и устроили жалкое подобие разумной жизни. Бедные твари! У них есть то, что они называют Законом. Они

поют гимны, в которых говорится, будто все принадлежит мне, их творцу. Они сами делают себе берлоги, собирают плоды, травы и даже заключают браки. Но я вижу их насквозь, вижу самую глубину их душ и нахожу там только зверя. Их звериные инстинкты и страсти продолжают жить и искать выхода… Все же они странные существа. Сложные, как и все живое. В них есть своего рода высшие стремления — частью тщеславие, частью бесплодное половое влечение, частью любопытство… Все это только смешит меня… Но я возлагаю большие надежды на эту пуму; я усиленно работаю над ее мозгом…

Он долго сидел молча. Мы оба были погружены в свои мысли.

— Ну, — сказал он наконец, — что вы обо всем этом думаете? Все ли еще боитесь меня?

Я взглянул на него и увидел лишь бледного, седого старика со спокойным взглядом. Это спокойствие делало его лицо почти красивым, и лишь великолепное сложение могло бы выделить его среди сотни добродушных стариков. Я вздрогнул. Вместо ответа я протянул ему оба револьвера.

— Оставьте их при себе, — сказал он, удерживая зевок. Он встал, пристально посмотрел на меня

и улыбнулся.

— Вы провели два бурных дня, — сказал он. — Я бы посоветовал вам уснуть. Я рад, что все выяснилось. Спокойной ночи!

Он задумчиво постоял на пороге и вышел через внутреннюю дверь. Я тотчас же запер на ключ наружную.

Потом я снова сел и сидел в каком-то отупении, чувствуя себя до того усталым умственно и физически, что решительно не в силах был ни о чем думать. Темное окно, словно глаз, смотрело на меня. Наконец я заставил себя потушить лампу и лечь в гамак. Вскоре я заснул.

XV
Звероподобные люди

Я проснулся рано. И сразу мне ясно вспомнился весь вчерашний разговор с Моро. Выбравшись из гамака, я подошел к двери и убедился, что она заперта. Потом я потрогал решетку окна и нашел ее достаточно прочной. Поскольку эти человекоподобные существа были только уродливыми чудовищами, дикой пародией на людей, я не мог себе представить, чего от них можно ожидать, и это было гораздо хуже всякого определенного страха. Кто-то постучался в дверь, и я услышал невнятное бормотание Млинга. Я сунул в карман один из револьверов и, сжимая его рукоятку, открыл дверь.

— С добрым утром, сэр, — сказал он, внося, кроме обычного завтрака из овощей, плохо приготовленного кролика. Вслед за ним вошел Монтгомери. Его бегающие глаза скользнули по моей руке, засунутой в карман, и он криво усмехнулся.

Пуму в тот день оставили в покое, чтобы зажили раны, но Моро все же предпочитал уединение

и не присоединился к нам. Я принялся расспрашивать Монтгомери, чтобы выяснить образ жизни звероподобных людей. Особенно мне хотелось знать, что удерживало этих страшилищ от нападения на Моро и Монтгомери и от уничтожения друг друга.

Он объяснил, что Моро, как и он сам, живут в относительной безопасности благодаря ограниченному умственному кругозору этих созданий. Хотя, с одной стороны, они умственно выше обыкновенных животных, а с другой — их звериные инстинкты готовы пробудиться, они, по словам Монтгомери, всегда жили под влиянием неких незыблемых понятий, внушенных им Моро, которые, безусловно, сковывали их волю. Они были загипнотизированы, им внушили немыслимость одних вещей и непозволительность других, и все эти запреты так прочно укоренились в их несовершенном мозгу, что исключали всякую возможность неповиновения. Однако кое в чем старый звериный инстинкт противоречил внушениям Моро. Множество запретов, называемых ими Законом (я их уже слышал), вступали в противодействие с глубоко вкоренившимися, вечно мятежными устремлениями животной природы. Они всегда твердили этот Закон и, как я увидел

впоследствии, всегда нарушали его. Моро и Монтгомери особенно заботились о том, чтобы они не узнали вкуса крови. Это неизбежно вызвало бы самые опасные последствия.

Монтгомери сказал, что страх перед Законом, особенно среди существ из семейства кошачьих, необычайно ослабевал с наступлением ночи; в это время зверь просыпался в них с особенной силой. С приближением сумерек у них появлялось желание охотиться, и они отваживались на такие вещи, о которых днем и не помышляли. Именно поэтому леопардочеловек пустился за мной в погоню в первый вечер моего приезда. Но в начале моего пребывания на острове они нарушали Закон украдкой, и то лишь с наступлением ночи; при свете дня все они свято почитали веления Закона.

А теперь приведу кое-какие общие сведения об острове и его звероподобных обитателях. Остров — низкий, с извилистыми берегами — имел площадь в семь или восемь квадратных миль[3]. Он был вулканического происхождения, и с трех сторон его окаймляли коралловые рифы. Несколько дымящихся трещин на севере да го-

---

[3] Notes: 3

Это описание в точности соответствует острову Ноубл. — *Ч. Э. П.*

рячий источник были теперь единственными признаками создавших его некогда сил. По временам ощущались слабые подземные толчки и из трещин вырывались клубы пара. Но этим все и ограничивалось. На острове, как сообщил мне Монтгомери, жили более шестидесяти странных существ, созданных Моро, не считая мелких уродцев, которые обитали в кустарнике и не имели человеческого облика. В общей сложности Моро изготовил их около ста двадцати, но одни умерли сами, а другие, вроде безногого пресмыкающегося, о котором он мне рассказал, были убиты. Монтгомери рассказал мне также, что они были способны размножаться, но их потомство не наследовало от родителей человеческих черт и вскоре умирало. Некоторым Моро успел придать человеческий облик. Существ женского пола было меньше, за ними тайно ухаживали многие, несмотря на однобрачие, предписываемое Законом.

Я не могу подробно описать этих звероподобных людей; глаз мой не привык замечать подробности, и рисовать я, к сожалению, не умею. Больше всего поражали меня их короткие по сравнению с телом ноги; и все же — так относительны наши представления о красоте — глаз

мой постепенно настолько привык к их виду, что мои собственные длинные ноги стали в конце концов казаться мне неуклюжими. Кроме того, лица у этих созданий были вытянуты вперед, спины сгорблены совсем не так, как у людей. Даже у обезьяночеловека не было красивой, чуть вогнутой линии спины, придающей такую грацию человеческой фигуре. У большинства из них плечи неуклюже сутулились, короткие руки вяло висели по сторонам. Лишь немногие густо обросли шерстью, во всяком случае, так было до самого конца моего пребывания на острове.

Кроме того, бросалась в глаза уродливость их лиц. Почти у всех были выдающиеся вперед челюсти, безобразные уши, широкие носы, косматые или жесткие волосы и глаза странного цвета или странным образом посаженные. Никто из них не умел смеяться, и только обезьяночеловек как-то странно хихикал. Помимо этих общих черт, в их внешности было мало сходства, каждый сохранил признаки своей породы; человеческий облик не мог полностью скрыть леопарда, быка, свинью или какое-нибудь другое животное, а иногда и нескольких животных, из которых было сделано каждое существо. Голоса их сильно отличались друг от друга. Руки всегда были уродливы; и хотя

некоторые поражали меня своим сходством с человеческой рукой, но почти все обладали разным числом пальцев, имели грубые ногти и были лишены тонкости осязания.

Страшнее всех были Леопардочеловек и существо, созданное из гиены и свиньи. Трое человекобыков, которые втаскивали на берег баркас, превосходили их величиной. За ними следовали косматый глашатай Закона, Млинг и сатироподобное существо — помесь обезьяны и козла. Еще было три человекоборова, одна женщина-свинья, помесь кобылы с носорогом и несколько других существ женского пола, происхождение которых я не мог определить. Было несколько человековолков, медведевол и человекосенбернар. Про обезьяночеловека я уже рассказывал; кроме него, была еще омерзительная, вонючая старуха, сделанная из лисицы и медведицы. Я возненавидел ее с первого взгляда. Говорили, что она страстная почитательница Закона. Меньше по величине были несколько пятнистых молодых тварей и ленивцеподобное существо. Но довольно этого перечня.

Сначала я испытывал отвращение при виде этих уродов и слишком остро чувствовал, что они все же оставались зверями, но постепенно

стал привыкать к ним и относился к ним почти как Монтгомери. Он жил с ними уже так долго, что начал смотреть на них как на обыкновенных людей, прошлая жизнь в Лондоне казалась ему навеки исчезнувшим сном. Только раз в год он отправлялся в Арику к торговцу животными. Там, в селении испанских метисов-мореходов, он едва ли видел прекрасные экземпляры человеческого рода. Люди на судне, по его словам, сначала казались ему точь-в-точь такими странными, какими показались мне существа на острове, — с неестественно длинными ногами, плоскими лицами, выпуклыми лбами, подозрительные, опасные и бессердечные. Он не любил людей. Ко мне он, по его мнению, почувствовал симпатию только потому, что спас мне жизнь.

Мне даже казалось, что он чувствовал тайное влечение к некоторым из этих преображенных созданий, какую-то порочную симпатию, которую он вначале старался скрыть от меня.

Млинг, темнолицый слуга Монтгомери, первый из зверолюдей, которого я встретил, жил не в пещерах с остальными своими собратьями, а в маленькой конуре за оградой. Он едва ли был такой же развитой, как обезьяночеловек, но гораздо более кроткий и больше всего похож

на человека. Монтгомери выучил его стряпать и исполнять домашние обязанности. Он представлял собой сложный трофей ужасного искусства Моро, помесь медведя, собаки и быка, одно из тщательнейше сделанных созданий. К Монтгомери он относился с удивительной нежностью и преданностью; тот иногда замечал это, ласкал его, называл полушутливыми именами, заставлявшими Млинга скакать от восторга; иногда же он дурно обращался с ним, особенно после нескольких рюмок коньяку, награждал его пинками, забрасывал камнями или зажженными спичками. Но, как бы ни обращался с ним Монтгомери, Млинг больше всего на свете любил быть возле него.

Постепенно я настолько привык к зверолюдям, что тысячи вещей, раньше казавшихся мне дикими и отталкивающими, скоро сделались обыкновенными и естественными. Вероятно, окружающая обстановка на все накладывает свой отпечаток. Монтгомери и Моро были слишком необычайные и своеобразные люди, чтобы я мог сохранить в их обществе представление о человеке. Когда я видел, как один из неуклюжих человекобыков, разгружавших баркас, тяжело ступая, шагал среди кустов, то невольно

старался вспомнить: чем же отличается он от настоящего крестьянина, плетущегося домой после отупляющего труда? Когда я встречал полулисицу-полумедведицу с подвижным лукавым лицом, удивительно похожим на человеческое благодаря своей хитрости, мне казалось, что я уже раньше встречал ее в каком-то городе.

Конечно, по временам зверь проявлялся без всякого сомнения. Я видел, например, уродливое существо, похожее на сгорбленного дикаря, сидевшее на корточках у входа в одну из берлог; иногда оно вытягивало руки и принималось зевать, неожиданно открывая при этом острые, как бритвы, резцы и сильные, блестящие, как ножи, клыки. Или же взглянув неожиданно смело в глаза какому-нибудь гибкому, закутанному в белое женственному созданию, встреченному на узкой тропинке, я видел вдруг (содрогаясь от отвращения), что глаза ее похожи на щелки, или же, скользнув по ней взглядом, замечал изогнутый ноготь, которым она придерживала свое безобразное одеяние. Крайне любопытно, хотя и никак не могу себе это объяснить, что эти странные твари — я говорю о существах женского пола — в первое время инстинктивно чувствовали свое отталкивающее безобразие и даже больше, чем

обыкновенные люди, следили за своей одеждой.

XVI
Зверолюди узнают вкус крови

Как всякий неопытный писатель, я то и дело уклоняюсь от темы. Позавтракав с Монтгомери, мы пошли пройтись по острову, посмотреть на дымящуюся трещину и на горячий источник, в воды которого я попал накануне. У нас обоих были хлысты и заряженные револьверы. Когда мы шли через густые заросли, до нас донесся писк кролика. Мы остановились и прислушались, но, не услышав больше ничего, продолжали путь, вскоре совершенно забыв об этом. Монтгомери указал мне на нескольких маленьких розовых существ с длинными задними ногами, которые прыгали среди кустов. Он сказал, что эти существа Моро сделал из потомства зверолюдей. Вначале он думал, что эти существа могут служить для пищи, но они пожирали своих детенышей, так что из этого ничего не вышло. Я уже видел несколько таких существ: одного — во время ночного бегства от леопардочеловека, а другого — накануне, когда за мной гнался Моро. Случайно один из них, удирая от нас, попал в яму

от вырванного с корнем дерева. Прежде чем он успел выбраться, нам удалось поймать его. Он визжал, шипел, как кошка, царапался, отчаянно брыкался задними ногами, пытался даже укусить нас, но зубы его были слишком слабы и способны лишь слабо ущипнуть кожу. Это существо показалось мне довольно привлекательным, и так как Монтгомери подтвердил, что оно никогда не портит землю рытьем нор и очень чистоплотно в своих привычках, я решил, что оно с успехом могло бы заменить обыкновенных кроликов в загородных парках.

Дальше мы увидели дерево, кора с которого была содрана длинными полосами.

Монтгомери указал мне на него.

— «Не обдирать когтями кору с деревьев — это Закон», — сказал он. — Только вот многие ли из них исполняют это!

Вскоре, насколько помню, мы встретили сатиро– и обезьяно-человека. Сатира Моро сделал, вспомнив все, что знал о древности, — у него было козлиное лицо грубо еврейского типа, неприятный блеющий голос и ноги, какие принято изображать у черта. Когда мы проходили мимо, он глодал какие-то стручки. Оба они приветствовали Монтгомери.

— Здравствуй, второй с хлыстом! — сказали они.

— Теперь есть еще третий с хлыстом, — сказал Монтгомери, — запомните это хорошенько!

— Разве его не сделали? — спросил обезьяночеловек. — Он сказал, что его сделали.

Сатирочеловек с любопытством посмотрел на меня.

— Третий с хлыстом, он плакал и шел в море, у него худое, бледное лицо.

— У него тонкий, длинный хлыст, — прибавил Монтгомери.

— Вчера он был в крови и плакал, — сказал сатир. — У вас никогда не идет кровь, и вы не плачете. У господина никогда не идет кровь, и он никогда не плачет.

— Ах ты, бродяга! — сказал Монтгомери. — Берегись, не то сам будешь в крови и будешь плакать.

— У него пять пальцев; он человек с пятью пальцами, как и я, — сказал обезьяночеловек.

— Пойдемте, Прендик, — сказал Монтгомери, взяв меня за руку, и мы пошли дальше.

Сатир и обезьяночеловек стояли, следя за нами и переговариваясь.

— Он молчит, — говорил сатир. — А у людей

есть голоса.

— Вчера он просил меня дать ему поесть, — сказал обезьяно-человек. — Он не знал, где достать.

Больше я ничего не расслышал, до меня донесся только смех сатира.

На обратном пути мы набрели на мертвого кролика. Красное тельце несчастного создания было растерзано на куски, ребра ободраны до костей, мясо с хребта кто-то явно обгрыз.

Увидев это, Монтгомери остановился.

— Боже мой! — сказал он, нагнувшись и подняв несколько раздробленных позвонков, чтобы получше рассмотреть их. — Боже мой, — повторил он, — что это?

— Кто-нибудь из ваших хищников вспомнил свои старые привычки, — сказал я, помолчав. — Эти позвонки прокушены насквозь.

Монтгомери стоял, не сводя глаз с позвонков, бледный, с перекошенным ртом.

— Плохо дело, — сказал он.

— Я уже видел нечто в этом роде, — заметил я, — в первый же день.

— Черт побери! Что же именно?

— Кролика с оторванной головой.

— В первый день?

— Да, в первый день. В кустарнике, за оградой,

когда я ушел вечером из дому. Голова у него была оторвана.

Он протяжно свистнул.

— Более того, я догадываюсь, кто это сделал. Это, конечно, только догадка. Прежде чем набрести на того кролика, я видел, как один урод пил из ручья.

— Лакал воду?

— Да.

— «Не лакать воду языком — это Закон». Хорошо же они его исполняют, когда Моро нет поблизости!

— Он же потом гнался за мной.

— Ясное дело, — сказал Монтгомери, — все хищники таковы. Убив жертвы, они пьют. Вкус крови, вот в чем все дело. А каков он был с виду? Узнали бы вы его?

Стоя над мертвым кроликом, он озирался вокруг, всматриваясь в глубину зарослей, где таилась опасность.

— Он отведал, — сказал Монтгомери.

Вынув револьвер и убедившись, что он заряжен, Монтгомери снова спрятал его в карман. Затем он принялся теребить свою отвисшую губу.

— Мне кажется, я узнал бы этого урода. Я оглу-

шил его камнем. У него должна была остаться изрядная шишка на голове.

— Но ведь нужно доказать, что это он загрыз кролика, — сказал Монтгомери. — Жалею, что привез их сюда.

Я хотел было идти дальше, но он все стоял в нерешительности над кроликом. Заметив это, я отошел подальше в сторону.

— Идемте, — позвал я его.

Он мгновенно вышел из задумчивости и направился ко мне.

— Видите ли, — сказал он, понизив голос, — им внушили, что нельзя есть ничего бегающего по земле. Если кто-нибудь из них случайно вкусил крови…

Некоторое время мы шли молча.

— Удивляюсь, как это могло случиться? — сказал он, обращаясь сам к себе. — Вчера я совершил глупость, — добавил он, помолчав. — Мой слуга… Я показал ему, как свежевать и жарить кролика. И странное дело… Я видел, как он облизывал пальцы… Раньше я ничего такого за ним не замечал. Мы должны положить этому конец. Надо обо всем рассказать Моро.

На обратном пути к дому он только об этом и думал. Моро отнесся к происшедшему еще

серьезнее Монтгомери, и страх их невольно передался мне.

— Нужно принять меры, — сказал Моро. — Лично у меня нет ни малейшего сомнения, что виновник — леопардочеловек. Но как это доказать? Очень жаль, Монтгомери, что вы не оставили свои гастрономические наклонности при себе; можно было отлично обойтись без таких провоцирующих новшеств. А теперь мы рискуем попасть в переплет.

— Я был ослом, — сознался Монтгомери. — Но дело сделано. Помните, вы сами велели мне купить кроликов?

— Надо сразу этим заняться, — сказал Моро. — Если что-нибудь случится, Млинг сумеет защитить себя?

— Я вовсе не так уверен в Млинге, а ведь я как будто достаточно хорошо его знаю.

В тот же день Моро, Монтгомери, я и Млинг отправились на другой конец острова, к хижинам. Все были вооружены. Млинг нес небольшой топор, которым он обыкновенно рубил дрова, и несколько мотков проволоки. У Моро через плечо висел большой пастушеский рог.

— Вы увидите собрание зверолюдей, — сказал мне Монтгомери. — Это — любопытное зрелище.

Моро за всю дорогу не произнес ни слова, и его решительное седобородое лицо было угрюмо.

Мы перебрались через овраг, по которому протекал горячий ручей, и, пройдя извилистой тропинкой сквозь тростники, добрались до большой равнины, покрытой густым желтоватым слоем. Это, по-видимому, была сера. Вдали, за отмелью, блестел океан. Мы остановились у большого естественного амфитеатра. Моро протрубил в рог, и звуки его нарушили тишину тропического полдня. Легкие у Моро, по-видимому, были здоровые. Звуки становились все оглушительнее, и со всех сторон их подхватывало эхо.

— Уф! — сказал Моро, опуская рог.

В тростниках послышался шорох, и из густых зеленых зарослей на болоте, по которому я бежал накануне, раздались голоса. Затем с трех или четырех сторон желтой равнины показались нелепые фигуры спешивших к нам зверолюдей.

Меня снова охватил ужас, когда я увидел, как один за другим неуклюже появлялись эти чудовища из-за деревьев и тростников, ковыляя по горячей пыли.

Но Моро и Монтгомери смотрели на это довольно хладнокровно, и я невольно держался рядом с ними. Первым прибежал сатир, какой-то

совсем нереальный, несмотря на отбрасываемую им тень и летевшую из-под копыт пыль. Потом появилось из чащи новое страшилище — смесь лошади и носорога, — оно и сейчас на ходу жевало солому; вслед за ним появилась женщина-свинья и обе женщины-волчихи, потом ведьма, полулиса-полумедведица, со своим заостренным красным лицом и красивыми глазами, а за ней остальные. Все страшно торопились. Подходя, они низко кланялись Моро и, не обращая внимания друг на друга, пели слова второй части Закона: «Его рука поражает. Его рука исцеляет…» И так далее.

Подойдя шагов на тридцать, они остановились, опустились на землю и принялись посыпать головы пылью. Представьте только себе эту картину! Мы трое, одетые в синие одежды, и безобразный темнолицый слуга стояли под высоким, залитым солнцем небом, окруженные этими павшими ниц, размахивавшими руками страшилищами, одни из которых были совершенно похожи на людей, кроме еле уловимого отличия в выражении лиц и в жестах, другие — какие-то калеки и, наконец, третьи — до того обезображенные, что они походили на болезненные видения из ужасных кошмаров, а позади с одной стороны

колеблющийся тростник, с другой — густые пальмы, отделявшие нас от оврага с его пещерами, а к северу — туманная даль Тихого океана.

— Шестьдесят два, шестьдесят три, — считал Моро. — Недостает четверых!

— Не вижу леопардочеловека, — сказал я.

Моро снова протрубил в рог, и при звуке его все зверолюди стали корчиться и ползать по земле.

И вот из камышей, украдкой, пригибаясь и стараясь за спиной Моро присоединиться к остальным, появился леопардочеловек. Я увидел шишку у него на лбу. Последним появился маленький обезьяночеловек. Остальные, уставшие ползать в пыли, бросали на него злобные взгляды.

— Довольно, — решительно произнес Моро, и вся звериная братия, усевшись на землю, прекратила славословия. — Где глашатай Закона? — спросил Моро, и косматое страшилище склонилось до самой земли. — Говори, — сказал Моро, и тотчас все собрание, преклонив колени, раскачиваясь из стороны в сторону и подбрасывая в воздух куски серы сначала правой рукой, а потом левой, снова принялось распевать свою удивительную литанию.

Когда они дошли до слов: «Не есть ни мяса,

ни рыбы — это Закон», — Моро поднял тонкую белую руку.

— Довольно! — крикнул он, и сразу воцарилась мертвая тишина.

Мне кажется, все они знали и боялись предстоящего. Взгляд мой пробегал по их странным лицам. Видя, как они дрожат, какой ужас застыл в их глазах, я удивился самому себе, принявшему их некогда за людей.

— Этот запрет был нарушен, — сказал Моро.

— Нет спасения, — произнесло безликое косматое чудище.

— Нет спасения, — повторило за ним все собрание зверолюдей.

— Кто нарушил Закон?! — крикнул Моро, обводя глазами их лица и щелкая хлыстом.

Я заметил, что у гиеносвиньи, так же как и у леопардочеловека, был смущенный вид. Моро замолчал, глядя в упор на существа, которые пресмыкались пред ним, помня испытанные ими нестерпимые страдания.

— Кто нарушил Закон? — повторил Моро громовым голосом.

— Горе тому, кто нарушает Закон! — пропел глашатай Закона.

Моро посмотрел прямо в глаза Леонардо-чело-

века таким взглядом, как будто хотел заглянуть в самую глубину его души.

— Тот, кто нарушает Закон… — начал Моро с оттенком торжества, отведя глаза от своей жертвы и повернувшись к остальным.

— … возвращается в Дом страдания! — подхватили все хором. — Возвращается в Дом страдания, о господин!

— В Дом страдания, в Дом страдания! — заболтал обезьяночеловек, как будто эта мысль была ему очень приятна.

— Ты слышишь? — сказал Моро, поворачиваясь к преступнику. — Друзья… Эй!

Он не договорил, так как леопардочеловек, избавившись от гипноза его взгляда, вскочил с горящими глазами и, обнажив хищные, сверкающие клыки, бросился на своего мучителя. Я убежден, что только безумный и невыносимый ужас мог быть причиной такого нападения. Все шестьдесят чудовищ с лишним вскочили. Я выхватил револьвер. Человек и его творение столкнулись. Я увидел, как от удара леопардочеловека Моро пошатнулся. Вокруг раздавались дикие крики и завывания.

Все завертелось вихрем. С минуту я думал, что поднялся общий бунт.

Разъяренное лицо леопардо-человека мелькнуло предо мной — его преследовал Млинг. Я увидел, как сверкали желтые глаза гиеносвиньи, — казалось, она готова была кинуться на меня. А из-за ее сутулых плеч горели глаза сатира.

Я услышал выстрел Моро и увидел вспышку, озарившую возбужденную толпу. Вся она колыхнулась, увлекая меня за собой. И через мгновение я уже мчался среди дико вопившей толпы вслед за леопардочеловеком.

Вот все, что я помню. Я видел, как леопардочеловек ударил Моро, а потом все завертелось вокруг меня, и я бежал со всех ног.

Млинг был впереди, преследуя беглеца по пятам. За ним, высунув языки, большими прыжками бежали женщины-волчихи. Визжа от возбуждения, люди-свиньи и оба человекобыка в своих белых одеждах скакали за ними. Следом бежал Моро, окруженный толпой зверолюдей. Его широкополую соломенную шляпу сорвал ветер, в руке он сжимал револьвер, и его длинные седые волосы развевались. Гиеносвинья держалась рядом со мной, украдкой посматривая на меня своими хищными глазами. Остальные с криком и шумом следовали за нами.

Леопардочеловек продирался сквозь высокие

тростники, которые, качаясь, хлестали по лицу Млинга. Все остальные, добежав до тростника, бросились по их следам. Так мы бежали через тростник, вероятно, с четверть мили, а потом очутились в густом лесу, где двигаться было очень трудно, хотя бежали мы большой толпой: ветки стегали нас по лицу, цепкие лианы хватали за шею или обвивались вокруг ног, колючки рвали одежду и царапали тело.

— Он пробежал здесь на четвереньках, — задыхаясь, проговорил Моро, оказавшийся теперь впереди меня.

— Нет спасения, — сказал волкомедведь, возбужденный погоней, смеясь мне прямо в лицо.

Мы снова очутились среди скал и увидели беглеца: он удирал на четвереньках и рычал на нас, оборачиваясь через плечо. В ответ на это рычание раздался восторженный вой волчьей братии. На беглеце все еще была одежда, и издалека лицо его казалось человеческим, но поступь была кошачья, а быстрые движения лопаток выдавали преследуемого зверя. Он перепрыгнул через какие-то колючие кусты с желтоватыми цветами и скрылся из виду. Млинг был почти у кустов.

Большинство из нас уже не могло бежать так быстро и замедлило шаг. Когда мы проходили

по открытому месту, я увидел, как сильно растянулись преследователи. Гиеносвинья все еще бежала рядом со мной, не сводя с меня глаз, и по временам насмешливо хрюкала.

Леопардочеловек, добравшись до скал и заметив, что так он попадет на мыс, где крался за мной в первый вечер моего прибытия, повернул обратно в кустарник. Но Монтгомери, заметив этот маневр, заставил его отступить.

Так, задыхаясь, спотыкаясь о камни, исцарапанный колючками, продираясь сквозь тростники и папоротники, я помогал преследовать леопардочеловека, который нарушил Закон, а гиеносвинья, дико смеясь, бежала рядом со мной. Я шатался, голова моя кружилась, сердце бешено стучало, я изнемогал, но не терял остальных из виду, так как иначе я остался бы один на один с этим ужасным чудовищем. И я продолжал бежать, несмотря на свою бесконечную усталость и полуденную жару.

Наконец пыл погони начал угасать. Мы загнали несчастного на край острова. Моро с хлыстом в руке выстроил нас в неровную шеренгу, и мы медленно двигались, перекликаясь друг с другом и стягивая кольцо вокруг своей жертвы.

Она притаилась, бесшумная и невидимая, в том

самом кустарнике, где я спасался от нее во время полночной погони.

— Осторожно, — кричал Моро, — осторожно!

А мы тем временем охватывали кустарник и окружали беглеца.

— Остерегайтесь нападения! — послышался из-за чащи голос Монтгомери.

Я был на склоне холма, над кустарником. Монтгомери и Моро внизу обшаривали берег. Мы медленно продвигались среди переплетенных ветвей и листьев. Беглец не шевелился.

— Возвращается в Дом страдания, в Дом страдания, в Дом страдания! — раздавался где-то шагах в двадцати голос обезьяночеловека.

Услышав это, я простил несчастному тот страх, который он заставил меня пережить. Я услышал, как справа от меня затрещали ветки и сучья под тяжелыми шагами лошади-носорога. И вдруг сквозь густо переплетенную зелень в полутьме пышной растительности я увидел преследуемого. Я остановился. Он весь съежился, обернувшись через плечо, его блестящие зеленые глаза смотрели на меня.

Вам это может показаться странным и противоречивым — я не могу этого объяснить, — но теперь, видя существо в истинно звериной позе,

со сверкающими глазами, с его не вполне человеческим лицом, перекошенным от ужаса, я снова почувствовал в нем что-то человеческое. Еще одно мгновение — и остальные преследователи увидят и схватят его, чтобы еще раз подвергнуть ужаснейшим пыткам в Доме страдания.

Я решительно выхватил револьвер, прицелился ему прямо между глаз, в которых застыл ужас, и выстрелил.

В это время гиеносвинья тоже увидела его и, пронзительно завизжав, вонзила зубы в его шею. Зеленая чаща вокруг меня заколыхалась и затрещала, так как зверолюди всей толпой кинулись туда один за другим.

— Не убивайте его, Прендик! — кричал Моро. — Не убивайте!

Я увидел, как он нагнулся, пробираясь среди папоротников.

Через мгновение он уже отогнал гиеносвинью ударом хлыста и вместе с Монтгомери осаживал от все еще трепетавшего тела возбужденную, кровожадную толпу, среди которой особенно напирал Млинг.

Косматое страшилище подошло к трупу, проскользнув у меня под рукой, и стало нюхать воздух. Остальные в пылу звериного восторга

толкали меня, чтобы пробраться поближе.

— Черт вас побери, Прендик! — сказал Моро. — Он был мне нужен.

— Очень жаль, — отозвался я, хотя в действительности нисколько не сожалел о сделанном. — Это был мгновенный порыв.

Я чувствовал себя совсем больным от возбуждения и усталости. Повернув назад, я растолкал толпу и один пошел вверх по склону к самой возвышенной части мыса. Я услышал, как Моро громко отдал распоряжения, и трое закутанных в белое человекобыков поволокли жертву к воде.

Мне было нетрудно остаться одному. Зверолюди проявили чисто человеческое любопытство по отношению к мертвому и валили за ними густой толпой, сопя и ворча. Человекобыки тащили его вниз, к берегу. Я направился к мысу и смотрел, как они, вырисовываясь темными силуэтами на фоне вечернего неба, волокли к морю тяжелое тело, и, как нахлынувшая волна, в моем уме промелькнула мысль о страшной бесцельности событий, происходящих на острове. На берегу среди скал стояли обезьяночеловек, гиеносвинья и несколько других зверолюдей, окружив Монтгомери и Моро. Все они были еще сильно возбуждены и шумно выражали свою преданность Закону. Но

я был глубоко убежден, что гиеносвинья была тоже причастна к убийству кроликов. Меня охватила странная уверенность, что, несмотря на всю нелепость и необычайность форм, я видел перед собой в миниатюре человеческую жизнь с ее переплетением инстинктов, разума и случайности. Погиб не просто человек, а леопардочеловек. Вот и вся разница.

Бедные твари! Передо мной раскрывался весь ужас жестокости Моро. До сих пор я не думал о тех страданиях и страхе, которые испытывали эти несчастные животные после того, как выходили из рук Моро. Я содрогался, только воображая их мучения за оградой, но теперь это казалось мне не главным. Раньше они были животными, их инстинкты были приспособлены к окружающим условиям, и они были счастливы, насколько могут быть счастливы живые существа. Теперь же они были скованы узами человеческих условностей, жили в страхе, который никогда не умирал, ограниченные Законом, которого не могли понять; эта пародия на человеческую жизнь начиналась с мучений и была долгой внутренней борьбой, бесконечно долгим страхом перед Моро. И для чего? Эта бессмысленность возмущала меня.

Будь у Моро какая-нибудь понятная мне цель, я мог бы по крайней мере сочувствовать ему. Я вовсе не так уж разборчив в средствах. Я даже многое простил бы ему, будь мотивом его поступков ненависть. Но он был так спокоен, так беспечен! Его любопытство, его дикие, бесцельные исследования увлекали его, и вот новое существо выбрасывалось в жизнь на несколько лет, чтобы бороться, ошибаться, страдать и в конце концов умереть мучительной смертью. Они были несчастны: врожденная животная ненависть побуждала их преследовать друг друга; Закон удерживал их от короткой борьбы и решительного конца, к которому приводит прирожденная вражда между собой.

В те дни мой страх перед зверолюдьми уступил место страху перед Моро. Я впал в болезненное состояние, долгое и мучительное, в какой-то безумный страх, который оставил прочные следы в моем мозгу. Признаться, я потерял веру в разумность мироздания, когда увидел, что возможны бессмысленные страдания, царившие на этом острове. Слепая, безжалостная машина, казалось, выкраивала, придавала форму живым существам, и я, Моро (своей страстью к исследованию), Монтгомери (своей страстью к пьянству), зверо-

люди со своими инстинктами и ограниченным умом — все мы вертелись и дробились между ее безжалостных, непрерывно движущихся колес. Но это душевное состояние пришло не сразу… Мне даже кажется, что, рассказывая об этом, я забегаю вперед.

XVII
Катастрофа

Прошло полтора месяца, и я перестал испытывать что-либо, кроме неприязни и отвращения, к ужасным опытам Моро. Моим единственным желанием было уйти от творца этих ужасных карикатур на мой образ и подобие, вернуться к приятному и нормальному общению с людьми. Люди, с которыми я был теперь разлучен, стали представляться мне идиллически добродетельными и прекрасными. Моя дружба с Монтгомери не удалась. Его долгая обособленность от людей, тайная склонность к пьянству, явная симпатия к зверолюдям — все это отталкивало меня от него. Несколько раз я отказывался сопровождать его к ним. Я избегал общения с ними как только мог. Большую часть времени я проводил на берегу, тщетно ожидая появления какого-нибудь спасительного корабля, пока наконец над нами не разразилось ужасное бедствие, совершенно изменившее положение вещей на острове.

Это случилось месяца через два после моего прибытия, а может быть, и больше, не знаю,

потому что не вел счет времени. Катастрофа произошла неожиданно. Случилась она рано утром, помнится, около шести часов. Я рано встал и позавтракал, так как меня разбудил шум — зверолюди таскали дрова за ограду.

Позавтракав, я вышел к открытым воротам и стоял там, куря сигарету и наслаждаясь свежестью раннего утра. Вскоре из-за ограды вышел Моро и поздоровался со мной. Он прошел мимо меня, и я услышал, как у меня за спиной щелкнул замок, когда он отпирал свою лабораторию. Я уже до такой степени привык к ужасу, царившему на острове, что без малейшего волнения слушал, как жертва Моро — пума начала стонать под пыткой. Она встретила своего мучителя пронзительным криком, точь-в-точь походившим на крик разъяренной женщины.

А потом что-то случилось. До сих пор не знаю хорошенько, в чем было дело. Я услышал позади себя резкий крик, звук падения и, обернувшись, увидел надвигавшееся на меня ужаснейшее лицо, не человеческое и не звериное, а какое-то адское: темное, все изборожденное красными рубцами, сплошь усеянное каплями крови, и на нем сверкали глаза, лишенные век. Я поднял руку, прикрываясь от удара, и упал головой вперед,

чувствуя, что сломал руку, а огромное страшилище, обмотанное корпией, с развевающимися кровавыми бинтами, перескочило через меня и исчезло. Я покатился вниз, к берегу, попытался сесть и упал прямо на сломанную руку. А потом появился Моро. Его большое бледное лицо казалось еще ужаснее от крови, струившейся по лбу. В руке он держал револьвер. Он едва взглянул на меня и тотчас же бросился в погоню за пумой.

Я ощупал руку и сел на землю. Вдали большими скачками мчалась по берегу забинтованная фигура, а следом за ней Моро. Она обернулась, увидела его и неожиданно повернула в кустарник. С каждым скачком она уходила от него все дальше. Я увидел, как она нырнула в кусты, а Моро, бежавший ей наперерез, выстрелил. Он промахнулся, и она исчезла. А вслед за ней и он исчез в зеленой чаще.

Я смотрел им вслед, но тут боль в руке так усилилась, что я, шатаясь, со стоном вскочил на ноги.

На пороге показался Монтгомери, одетый, с револьвером в руке.

— Боже мой, Прендик! — воскликнул он, не замечая, что я покалечен. — Эта тварь сбежала! Вырвала из стены крюки! Видели вы их? — Но

тут, заметив, что я держусь за руку, быстро спросил: — Что с вами?

— Я стоял в дверях, — ответил я. Он подошел и ощупал мою руку.

— У вас кровь на блузе, — сказал он, закатывая мне рукав. Он сунул револьвер в карман, снова ощупал мою руку и повел меня в дом.

— У вас рука сломана, — сказал он и добавил: — Расскажите подробно, как это случилось?

Я рассказал ему все, что видел, отрывистыми фразами, прерываемыми стонами, а он тем временем ловко и быстро перевязал мне руку. Подвесив ее на перевязь через плечо, он отошел и посмотрел на меня.

— Так будет хорошо, — сказал он. — Но что же дальше?

Он задумался. Потом вышел и запер ворота. Некоторое время его не было.

Меня больше всего заботила моя рука. Все происшедшее казалось мне лишь одним из многих ужасных событий, происходивших на острове. Я уселся в шезлонг и, должен сознаться, от всей души проклинал остров. Боль в руке, сначала тупая, стала острой и жгучей, а Монтгомери все еще где-то пропадал.

Вернулся он бледный, нижняя губа у него от-

висла более обыкновенного.

— Моро как сквозь землю провалился, — сказал он. — Наверное, ему понадобится моя помощь. — Он уставился на меня своими пустыми глазами. — Сильный зверь, — сказал он, — крюки вырваны из стены.

Он подошел к окну, потом к двери и снова повернулся ко мне.

— Пойду искать его, — сказал он. — Вот, возьмите револьвер. По правде говоря, я очень встревожен.

Он вынул револьвер, положил его рядом со мной на стол и вышел, оставив меня в сильном беспокойстве. Я недолго просидел в комнате после его ухода. Держа в руке револьвер, я подошел к двери.

Вокруг царила мертвая тишина. Не чувствовалось ни дуновения ветерка, море блестело, как зеркало, небо было безоблачно, берег пустынен. Я дрожал от тревоги и лихорадки, эта тишина меня удручала.

Я стал что-то насвистывать, но у меня ничего не вышло. Я снова выругался, во второй раз за это утро, подошел к углу ограды и стал всматриваться в зеленый кустарник, который поглотил Моро и Монтгомери. Когда они вернутся? Что с

ними будет?

Далеко на берегу показалось маленькое серое существо, добежало до воды и принялось плескаться.

Я стал шагать от двери до угла ограды, взад и вперед, как часовой. Один раз я остановился, услышав вдали голос Монтгомери: «Ау! Моро!»

Рука моя теперь болела меньше, но вся горела. Меня лихорадило, хотелось пить. Тень моя становилась все короче. Я наблюдал за видневшимся вдалеке серым существом, пока оно не исчезло. Неужели Моро и Монтгомери никогда не вернутся? Три морские птицы затеяли драку из-за какого-то выброшенного морем на берег сокровища.

Потом где-то очень далеко за оградой раздался револьверный выстрел. Воцарилась долгая тишина, а затем раздался второй выстрел, я услышал дикий крик где-то вблизи, и снова наступила зловещая тишина. Мое воображение работало вовсю, рисуя ужасные картины. Еще один выстрел раздался совсем близко.

Я кинулся к углу ограды и увидел Монтгомери, он был весь красный, растрепанный, с разорванной штаниной. На его лице был написан ужас. За ним, волоча ноги, шел Млинг, вокруг челюстей

которого виднелись какие-то зловещие темные пятна.

— Он вернулся? — спросил Монтгомери.

— Моро? — переспросил я. — Нет.

— Господи Боже! — Монтгомери с трудом переводил дыхание. — Войдем в комнату, — сказал он, взяв меня за руку. — Они совсем остервенели. Бегают как угорелые. Что могло случиться? Ума не приложу. Сейчас, вот только отдышусь. Нет ли коньяку?

Он, прихрамывая, вошел в комнату и опустился в шезлонг.

Млинг улегся на землю за дверью, громко дыша, как это делают собаки. Я дал Монтгомери коньяку с водой. Он сидел, глядя куда-то в пустоту, но понемногу пришел в себя. Через несколько минут он рассказал мне, что произошло.

Сначала он шел по их следам. Это было не трудно благодаря помятым и поломанным кустам, белым клочьям бинтов пумы и многочисленным пятнам крови на листьях. Однако он потерял след на каменистой почве за ручьем, где я раньше видел пьющего леопардочеловека, и пошел наугад на запад, зовя Моро. К нему присоединился Млинг, у которого был маленький топор. Млинг ничего не знал об истории с пумой, он рубил

дрова и услышал крики хозяина. Они пошли вместе, продолжая звать Моро. По дороге им попались двое зверолюдей, которые, притаившись, смотрели на них сквозь кустарник с таким странным видом, что Монтгомери обеспокоился. Он кликнул их, но они виновато убежали. Тогда он перестал звать Моро и, бесцельно побродив некоторое время, решился заглянуть в хижины.

Он нашел ущелье пустым.

С каждой минутой все больше беспокоясь, он тихо вернулся назад. Он встретил двух свинолюдей, которых я в первый день видел танцующими, губы у них были в крови и дрожали от возбуждения. Они с треском ломились сквозь папоротники и, увидев его, остановились со злобным видом. Он не без тайного страха щелкнул хлыстом, и они тотчас же набросились на него. До сих пор ни один зверочеловек не осмеливался сделать это. Одному он прострелил голову, а Млинг набросился на другого, и они, схватившись, покатились по земле. Млинг подмял врага под себя и вцепился зубами ему в горло, а Монтгомери тем временем пристрелил его.

Он с трудом заставил Млинга следовать за собой.

Они поспешили обратно ко мне. По дороге

Млинг неожиданно кинулся в кустарник и выволок оттуда небольшого оцелоточеловека, тоже запачканного кровью и хромавшего из-за раны на ноге. Он отбежал на несколько шагов, а потом, повернувшись, вдруг кинулся на них. Монтгомери, как мне показалось, без особенной нужды застрелил его.

— Что же это такое? — спросил я.

Он покачал головой и снова принялся за коньяк.

XVIII
Мы находим Моро

Увидев, что Монтгомери осушил третий стакан коньяку, я решил остановить его. Он был уже совсем пьян. Я сказал, что с Моро, должно быть, случилась серьезная беда, иначе он вернулся бы, и мы должны отправиться на поиски. Монтгомери принялся было слабо возражать мне, но в конце концов согласился. Мы подкрепились едой, и все трое отправились в путь.

Вероятно, это объясняется напряжением, охватившим меня в то время, но до сих пор я с необычайной ясностью вспоминаю наши скитания среди знойной тишины тропического полдня. Млинг шел впереди, сгорбившись, его уродливая черная голова быстро поворачивалась, посматривая то в одну, то в другую сторону. Он был безоружен. Свой топор он потерял при встрече со свинолюдьми. Зубы уже послужили ему оружием, когда дело дошло до схватки. Монтгомери следовал за ним, пошатываясь, засунув руки в карманы, понурив голову. Он был в состоянии пьяного раздражения, сердясь на меня за то,

что я отнял у него коньяк. Моя левая рука была на перевязи — счастье, что это была левая рука, — а в правой я держал револьвер.

Мы пошли по узкой тропинке среди дикой роскошной растительности, подвигаясь на северо-запад. Вдруг Млинг остановился и замер, выжидая. Монтгомери чуть не налетел на него и тоже остановился. Напрягая слух, мы услышали звуки голосов, шум, приближавшиеся шаги.

— Он умер, — говорил какой-то низкий дрожащий голос.

— Не умер, не умер, — бормотал другой.

— Мы видели, мы видели, — заговорило хором несколько других голосов.

— Э-эй! — крикнул вдруг Монтгомери. — Эй, вы!

— Черт бы вас побрал, — добавил я, сжимая револьвер. Наступило молчание, потом в густой зелени послышался треск, и со всех сторон показались лица, странные лица, с новым, необычайным выражением. Млинг зарычал. Я увидел обезьяночеловека — еще раньше я узнал его по голосу — и двух закутанных в белое темнолицых существ, которых видел в баркасе. С ними были оба пятнистых существа и то самое ужасное, сгорбленное чудовище, которое вещало Закон,

с лицом, заросшим серебристыми волосами, с нахмуренными седыми бровями и косматыми клочьями, торчавшими посреди его покатого лба; огромное, безликое, оно с любопытством посматривало на нас из-за зелени своими странными красными глазами. Некоторое время все молчали. Потом Монтгомери спросил:

— Кто… сказал, что он умер?

Обезьяночеловек с виноватым видом посмотрел на косматое чудовище.

— Он умер, — сказало страшилище. — Они видели.

Во всяком случае, этих нам нечего было бояться. Казалось, все они были полны страха и удивления.

— Где он? — спросил Монтгомери.

— Там, — указало седое чудовище.

— Есть ли теперь Закон? — подхватил обезьяночеловек.

— Должны ли мы исполнять его веления?

— Правда ли, что он умер?

— Есть ли теперь Закон? — повторил человек в белом.

— Есть ли теперь Закон, ты, второй с бичом? Он умер, — сказало косматое чудовище.

Все они глядели на нас.

— Прендик, — сказал Монтгомери, взглянув на меня своими тусклыми глазами. — Все ясно: он умер.

Я стоял позади него. Теперь мне становилось ясно, что с ним происходит. Вдруг я шагнул вперед и громко сказал:

— Дети Закона, он не умер.

Млинг посмотрел на меня своими острыми глазами.

— Он переменил свой образ, переменил свое тело, — продолжал я, — и некоторое время вы не увидите его. Он там, — я указал на небо, — и оттуда он смотрит на вас. Вы не можете его видеть. Но он может видеть вас. Бойтесь Закона!

Я посмотрел на них в упор. Они колебались.

— Он велик, Он добр, — сказал обезьяночеловек, пугливо глядя наверх сквозь густую листву.

— А то существо? — спросил я.

— Существо, которое было в крови и бежало с криком и стонами, оно тоже умерло, — сказало седое чудовище, не сводя с меня глаз.

— Вот это хорошо, — проворчал Монтгомери.

— Второй с хлыстом… — начало седое чудовище.

— Ну? — спросил я.

— Сказал, что он умер.

Но Монтгомери не был все же настолько пьян, чтобы не понять, отчего я отрицал смерть Моро.

— Нет, не умер, — медленно сказал он. — Вовсе не умер. Не более, чем я.

— Некоторые, — сказал я, — нарушили Закон. Они должны умереть. Некоторые уже умерли. Покажи нам теперь, где лежит его бывшее тело, которое он оставил, так как оно больше не нужно ему.

— Оно вон там, о человек, ходивший в море, — сказало косматое чудовище.

Они показали нам путь, мы отправились сквозь густые папоротники, лианы и деревья на северо-запад. Послышался крик, треск сучьев, и маленькое розовое создание промчалось мимо нас.

За ним по пятам гналось покрытое кровью мохнатое существо, которое с разбегу бежало прямо на нас. Волосатое чудовище отпрыгнуло в сторону; Млинг с рычанием набросился на врага, но был отброшен; Монтгомери выстрелил, промахнулся, пригнул голову, прикрываясь руками, и приготовился бежать. Я тоже выстрелил, но кровожадное существо все бежало на нас. Я выстрелил еще раз в упор в его безобразное лицо. Огненная вспышка хлестнула по нему. Все его

лицо превратилось в кровавую рану; но все же оно, проскочив мимо меня, налетело на Монтгомери и, повалив его, поволокло за собой по земле в своей предсмертной агонии.

Я очутился перед Млингом, мертвым зверем и распростертым на земле человеком. Монтгомери медленно приподнялся и с недоумением уставился на окровавленное тело, лежавшее рядом с ним. Это зрелище почти совсем отрезвило его. Он с трудом встал на ноги. В это время седое чудовище осторожно пробиралось обратно к нам среди деревьев.

— Смотри, — сказал я, указывая на убитого. — Разве не существует Закон? Вот что происходит, когда Закон нарушают.

Чудовище посмотрело на убитого.

— Он посылает огонь, который убивает, — сказало оно своим хриплым голосом, повторяя слова Закона.

Остальные столпились вокруг и тоже смотрели.

В конце концов мы почти добрались до западной оконечности острова. Там мы нашли обглоданное и искалеченное тело пумы с раздробленной пулей лопаткой и, шагах в двадцати от него, то, что искали… Моро лежал лицом вниз

на полянке, вытоптанной среди тростников: одна его рука была почти оторвана, на седых волосах запеклась кровь. Голова его была разбита цепями пумы. Поломанные тростники были окроплены кровью. Револьвера мы не нашли. Монтгомери перевернул тело на спину.

Отдыхая время от времени, мы понесли его с помощью семи зверолюдей — так как он был очень тяжел — обратно к дому. Темнело. Два раза мы слышали совсем близко, как невидимые существа кричали и выли, а один раз показалось розовое ленивцеподобное существо, уставилось на нас и снова исчезло. Но нападения больше не было. У ворот зверолюди остановились, с нами вошел только Млинг. Мы внесли искалеченное тело Моро во двор, положили его на груду хвороста и заперли за собой ворота.

Потом мы пошли в лабораторию и уничтожили всех бывших там живых существ.

XIX
Праздник Монтгомери

Покончив с этим делом, умывшись и поев, мы с Монтгомери пошли в мою маленькую комнату и начали в первый раз серьезно обсуждать свое положение. Близилась полночь. Монтгомери был почти трезв, но соображал с трудом. Он всегда находился под влиянием Моро. Не думаю, чтобы ему когда-либо приходила в голову мысль, что Моро может умереть. Эта смерть была для него неожиданным ударом, разрушившим тот образ жизни, к которому он привык более чем за десять лет, проведенных на острове. Он говорил как-то неопределенно, уклончиво отвечал на мои вопросы, пускался в общие рассуждения.

— Как глупо устроен мир, — разглагольствовал он. — Жизнь — такая бессмыслица! У меня вообще жизни не было. Интересно, когда же она наконец начнется! Шестнадцать лет я мучился под надзором нянек и учителей, исполняя их милую волю, пять лет в Лондоне без устали зубрил медицину, голодал, жил в жалкой квартире, носил жалкую одежду, предавался жалким

порокам, совершил однажды глупость, потому что был набитым дураком, и очутился на этом собачьем острове. Десять лет проторчал здесь! И чего ради, Прендик? Разве мы мыльные пузыри, выдуваемые ребенком?

Нелегко было прекратить эти разглагольствования.

— Мы должны подумать, как унести отсюда ноги, — сказал я.

— А что толку? Ведь я изгнанник. Куда мне деваться? Вам-то хорошо, Прендик. Бедный старина Моро! Мы не можем бросить его здесь, чтобы они обглодали его косточки. А ведь к тому идет… И потом, что будет с бедными тварями, которые ни в чем не повинны?

— Ладно, — сказал я. — Обсудим это завтра. По-моему, нужно сложить костер и сжечь его тело вместе с остальными трупами… А что, собственно, может случиться с этими тварями?

— Не знаю. Скорее всего те, которые были сделаны из хищников, рано или поздно озвереют. Но мы не можем их всех истребить, правда? А ведь ваша человечность, пожалуй, подсказала бы именно такой выход?.. Но они изменятся. Несомненно изменятся.

Он продолжал молоть всякий вздор, покуда я

не потерял терпение.

— Черт вас побери! — воскликнул он в ответ на какое-то мое резкое замечание. — Разве вы не видите, что мое положение хуже вашего?

Он встал и пошел за коньяком.

— Пейте, — сказал он, вернувшись. — Пейте, вы, здравомыслящий, бледнолицый безбожник с лицом святого.

— Не буду! — злобно сказал я, уселся и глядел на его освещенное желтоватым светом лампы лицо, покуда он не напился до состояния болтливого опьянения.

Помню, что я испытывал бесконечную усталость. Снова расчувствовавшись, он выступил в защиту зверолюдей и Млинга. Млинг, по его словам, был единственным существом, которое любило его. И вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль.

— Будь я проклят! — сказал он, пошатываясь, вскочил на ноги и схватил бутылку с коньяком.

Каким-то чутьем я понял, что он собирался сделать.

— Я не позволю вам напоить это животное, — сказал я, преграждая ему путь.

— Животное! — воскликнул он. — Сами вы животное! Он будет пить не хуже всякого другого.

Прочь с дороги, Прендик!

— Ради Бога… — начал я.

— Прочь!.. — завопил он, неожиданно выхватив револьвер.

— Отлично, — сказал я, отойдя в сторону, и уже готов был напасть на него сзади, когда он взялся за задвижку, но удержался, вспомнив про свою сломанную руку. — Вы сами превратились в животное, вот и ступайте к ним.

Он распахнул дверь и оглянулся на меня, освещенный с одной стороны желтоватым светом лампы, а с другой — бледным светом луны. Его глазницы казались черными пятнами под густыми бровями.

— Вы, Прендик, напыщенный дурак, совершенный осел! Вечно вы чего-то боитесь и что-то воображаете. Дело идет к концу. Завтра мне придется перерезать себе горло. Но сегодня вечером я устрою себе премиленький праздник.

Он повернулся и вышел.

— Млинг! — крикнул он. — Млинг, старый дружище!

Три смутные фигуры, освещенные серебристым светом луны, двигались вдали по темному берегу. Одна из них была в белой одежде, остальные две, шедшие позади, казались черными пятнами.

Они остановились, глядя в сторону дома. Потом я увидел сгорбленного Млинга, который выбежал из-за угла.

— Пейте! — кричал Монтгомери. — Пейте, звери! Пейте и становитесь людьми… Черт возьми, я умнее всех! Моро забыл это. Наступило последнее испытание. Пейте, говорю вам! — И, размахивая бутылкой, он быстрой рысцой побежал на запад вместе с Млингом, который последовал за ним впереди трех смутных фигур.

Я вышел на порог. Их было уже трудно разглядеть в неверном лунном свете, но вот Монтгомери остановился. Я видел, как он поил коньяком Млинга, а потом все пять фигур слились в один сплошной клубок.

— Пойте, — услышал я возглас Монтгомери. — Пойте все вместе: «Черт побери Прендика!» Вот хорошо! Ну, теперь еще раз: «Черт побери Прендика!»

Черный клубок разделился на пять отдельных фигур, и они медленно удалились по залитому лунным светом берегу. Каждый вопил на свой собственный лад, выкрикивая по моему адресу всякие ругательства и давая таким образом выход своему пьяному восторгу.

Вскоре я услышал вдалеке голос Монтгомери,

командовавшего: «Направо марш!» С криками и завываниями они исчезли в темноте среди прибрежных деревьев. Мало-помалу голоса их затихли.

Снова воцарилось мирное великолепие ночи. Луна уже склонялась к западу. Было полнолуние, и она ярко сияла, плывя по безоблачному небу. У моих ног лежала тень ограды, она была шириной в ярд, черная, как смола. Море на востоке казалось мутно-серым и таинственным, а между ним и тенью стены искрился и блестел серый песок (он состоял из частиц вулканического стекла и кристаллических пород).

Казалось, весь берег был усыпан бриллиантами. Позади меня желтоватым огнем горела керосиновая лампа.

Я закрыл дверь, запер ее и пошел за ограду, где лежал Моро рядом со своими последними жертвами: гончими собаками, ламой и еще несколькими несчастными животными. Крупные черты его лица были спокойны, несмотря на то что он принял ужасную смерть, суровые глаза смотрели вверх, на бледный лик луны. Я присел на край сточной трубы и, не сводя глаз с этой мрачной груды тел, на которых серебристый свет луны чередовался со зловещими тенями, стал

обдумывать свое положение.

Утром я положу в лодку еды и, предав огню эти тела, снова пущусь в открытый океан. Я чувствовал, что Монтгомери все равно погиб; он действительно стал близок по духу к этим зверолюдям и не мог бы жить с обыкновенными людьми.

Не знаю, сколько времени просидел я в раздумье. Вероятно, прошло не меньше часа. Потом мои размышления были прерваны — где-то поблизости появился Монтгомери. Я услышал разноголосые крики, удалявшиеся в сторону берега, ликующие вопли, гиканье и завывание. Толпа, видимо, остановилась у самого берега. Гвалт усилился, потом затих. Я услышал тяжелые удары и треск раскалываемого дерева, но тогда это не обеспокоило меня. Послышалось нестройное пение.

Я снова начал обдумывать пути спасения. Я встал, взял лампу и пошел в сарай осмотреть несколько бочонков, которые там видел. Потом меня заинтересовало содержимое жестянок, и я открыл одну. Тут мне показалось, что я вижу какую-то красную фигуру. Я быстро обернулся.

Позади меня был двор, где полосы лунного света чередовались с густой темнотой. Посреди

двора возвышалась куча дров и хвороста, на которой рядом со своими искалеченными жертвами лежал Моро. Казалось, они обхватили друг друга в последней борьбе. Раны Моро зияли, черные, как ночь, а запекшаяся кровь лежала на песке темными пятнами. Потом, еще не понимая, в чем дело, я увидел дрожащий красноватый свет, перебросившийся на противоположную стену. Я по ошибке принял его за отражение вспышки лампы у меня в комнате и снова занялся осмотром провианта в сарае. Я рылся там, действуя здоровой рукой, находя то одно, то другое и откладывая в сторону все нужное, чтобы на другой день погрузить в лодку. Двигался я с трудом, а время летело быстро. Скоро забрезжил рассвет.

Пение на берегу сменилось шумом, затем началось снова и неожиданно перешло в возню. Я услышал крики: «Еще, еще!» Потом снова шум, как будто там затеяли ссору, и вдруг — пронзительный крик. Шум сразу настолько изменился, что я не мог не обратить на это внимания. Я вышел на двор и прислушался. И вот, подобно стальному ножу, всю эту сумятицу прорезал револьверный выстрел.

Я кинулся через свою комнату к маленькой двери. Тут я услыхал, как у меня за спиной несколько

ящиков покатились на пол сарая и с треском разбились вдребезги. Но я не обратил на это внимания. Я распахнул дверь и выглянул наружу.

На берегу, у пристани, горел костер, взметая снопы искр в смутно белевшее рассветное небо. Вокруг него копошились темные фигуры. Я услышал голос Монтгомери, который звал меня, и тотчас пустился бежать к костру с револьвером в руке. Я увидел, как низко, почти по самой земле, полоснуло пламя револьверного выстрела. Значит, Монтгомери упал. Я крикнул изо всех сил и выстрелил в воздух.

Кто-то закричал: «Господин!» Черный барахтающийся клубок распался, огонь в костре вспыхнул и погас. Толпа зверолюдей в панике разбежалась по берегу. Сгоряча я выстрелил им вслед, когда они исчезали между кустов. Потом я повернулся к черным грудам, оставшимся на песке.

Монтгомери лежал на спине, а сверху на него навалилось косматое чудовище. Оно было мертво, но все еще сжимало горло Монтгомери своими кривыми когтями. Рядом с ним, ничком, совершенно спокойный, лежал Млинг. Шея его была прокушена, а в руке зажато горлышко разбитой бутылки из-под коньяка. Еще двое лежали около

костра, один неподвижно, другой по временам медленно, со стоном приподнимал голову и снова ронял ее.

Я обхватил косматое чудовище и оттащил его от Монтгомери; его когти еще цеплялись за одежду. Монтгомери весь посинел и еле дышал. Я побрызгал ему в лицо морской водой, а под голову вместо подушки подложил свою свернутую куртку. Млинг был мертв. Раненый — это был человековолк с серым бородатым лицом — лежал грудью на еще тлевших углях костра; несчастный был так ужасно обожжен и изранен, что я из сострадания выстрелом размозжил ему череп. Второй был один из закутанных в белое человекобыков. Он тоже был мертв.

Остальные зверолюди исчезли с берега. Я снова подошел к Монтгомери и опустился рядом с ним на колени, проклиная себя за незнание медицины.

Костер потух, и только угли, перемешанные с золой, еще тлели. Я с изумлением подумал, откуда Монтгомери достал дрова. Тем временем рассвело. Небо светлело, луна становилась бледной и призрачной на голубом небе. Восток окрасился алым заревом.

Вдруг позади себя я услышал грохот и шипе-

ние. Оглянувшись, я с криком ужаса вскочил на ноги. Огромные клубы черного дыма поднимались навстречу восходящему солнцу, и сквозь их вихревой мрак прорывались кровавые языки пламени. А потом занялась соломенная крыша. Я увидел, как огненные языки начали лизать солому. Пламя вырвалось и из окна моей комнаты.

Я сразу понял, что случилось. Мне вспомнился недавний треск. Бросившись на помощь к Монтгомери, я опрокинул лампу.

Было ясно, что мне не удастся спасти ничего. Я вспомнил свой план и решил взглянуть на две лодки, вытащенные на берег. Но их не было! Два топора валялись на песке, вокруг были разбросаны щепки и куски дерева, и пепел костра темнел и дымился в лучах рассвета. Монтгомери сжег лодки, чтобы отомстить за себя и помешать мне вернуться в общество людей.

Внезапное бешенство охватило меня. Мне захотелось размозжить ему голову, беспомощно лежавшую у моих ног. Вдруг его рука шевельнулась так слабо и жалко, что злоба моя утихла. Он застонал и на миг открыл глаза.

Я опустился на колени и приподнял его голову. Он снова открыл глаза, безмолвно глядя на разгорающийся день. Наши взгляды встретились. Он

опустил веки.

— Жаль, — с усилием произнес он. Казалось, он пытался собраться с мыслями. — Конец, — прошептал он, — конец этой дурацкой вселенной… Что за бессмыслица…

Я молча слушал. Голова его беспомощно поникла. Я подумал, что глоток воды мог бы оживить его, но под рукой не было ни воды, ни посудины, чтобы ее принести. Тело его вдруг как будто стало тяжелее. Я весь похолодел.

Я нагнулся к его лицу, просунул руку в разрез его блузы. Он был мертв. И в эту самую минуту полоса яркого света блеснула на востоке за мысом, разливаясь по небу и заставляя море ослепительно сверкать. Солнечный свет как бы ореолом окружил его лицо с заострившимися после смерти чертами.

Я осторожно опустил его голову на грубую подушку, сделанную мной для него, и встал на ноги. Передо мной расстилался сверкающий простор океана, где я страдал от ужасного одиночества; позади в лучах рассвета лежал молчаливый остров, населенный зверолюдьми, теперь безмолвными и невидимыми. Дом со всеми припасами горел, ярко вспыхивая, с треском и грохотом. Густые клубы дыма ползли мимо меня по берегу, про-

плывая над отдаленными вершинами деревьев, к хижинам в ущелье. Около меня лежали обуглившиеся остатки лодок и пять мертвых тел.

Но вот из-за кустарников показались трое зверолюдей, сгорбленных, с неуклюже висевшими уродливыми руками, выдающимися вперед лицами и настороженными враждебными глазами. Они нерешительно приближались ко мне.

XX
Один среди зверолюдей

Я стоял перед ними, читая свою судьбу в их глазах, совершенно один, со сломанной рукой. В кармане у меня был револьвер, в котором недоставало трех патронов. Среди разбросанных по берегу обломков лежало два топора, которыми изрубили лодки. Позади плескались волны.

У меня не оставалось иного оружия для защиты, кроме собственного мужества. Я смело взглянул на приближающихся чудовищ. Они избегали моего взгляда, их трепетавшие ноздри принюхивались к телам, лежавшим на берегу. Я сделал несколько шагов, поднял запачканный кровью хлыст, лежавший около тела человековолка, и щелкнул им.

Они остановились, не сводя с меня глаз.

— Кланяйтесь, — сказал я. — На колени!

Они остановились в нерешительности. Один из них встал на колени. Я, хотя душа у меня, как говорится, ушла в пятки, повторил свой приказ и подошел к ним еще ближе.

Снова один опустился на колени, за ним двое

остальных. Тогда я направился к мертвым телам, повернув лицо к трем коленопреклоненным зверолюдям, как делает актер, когда пересекает сцену, обратив лицо к публике.

— Они нарушили Закон, — сказал я, наступив ногой на тело глашатая Закона. — И были убиты. Даже сам глашатай Закона; даже второй, с хлыстом. Закон велик! Приблизьтесь и смотрите.

— Нет спасения, — сказал один из них, приближаясь и поглядывая на меня.

— Нет спасения, — сказал я. — Поэтому слушайте и повинуйтесь.

Они встали, вопросительно переглядываясь.

— Ни с места, — сказал я.

Я поднял оба топора, повесил их на свою перевязь, перевернул Монтгомери, взял его револьвер, заряженный еще двумя пулями, и, нагнувшись, нашарил в его карманах с полдюжины патронов.

— Возьмите его, — сказал я, разгибаясь и указывая хлыстом на тело Монтгомери. — Унесите и бросьте в море.

Они подошли к телу Монтгомери, видимо, все еще страшась его, но еще более напуганные щелканьем моего окровавленного хлыста, и робко, после того как я прикрикнул на них и несколько

раз щелкнул хлыстом, осторожно подняли его, понесли вниз к морю и с плеском вошли в ослепительно сверкавшие волны.

— Дальше, — сказал я, — дальше! Отнесите его от берега.

Они вошли в воду по грудь и остановились, глядя на меня.

— Бросайте, — сказал я. И тело Монтгомери с всплеском исчезло. Что-то сжало мне сердце. — Хорошо, — сказал я дрожащим голосом.

Они со страхом поспешили обратно к берегу, оставляя за собой в серебристых волнах длинные черные полосы. У самого берега они остановились, глядя назад в море и как будто ожидая, что вот-вот оттуда появится Монтгомери и потребует отмщения.

— Теперь вот этих, — сказал я, указывая на остальные тела.

Они, тщательно избегая приближаться к тому месту, где бросили тело Монтгомери, отнесли трупы зверолюдей вдоль по берегу на сотню шагов, только тогда вошли в воду и бросили там трупы своих четырех собратьев.

Глядя, как они бросали в воду изувеченные останки Млинга, я услышал за собой негромкие шаги и, быстро обернувшись, увидел совсем близ-

ко гиеносвинью. Пригнув голову, она устремила на меня сверкающие глаза, ее уродливые руки были стиснуты в кулаки и прижаты к бокам. Когда я оглянулся, она остановилась и слегка отвернула голову.

Мгновение мы стояли друг против друга. Я бросил хлыст и нашарил в кармане револьвер, решив при первом же удобном случае убить эту тварь, самую опасную из всех оставшихся теперь на острове. Это может показаться вероломством, но так я решил. Она была для меня вдвое страшнее любого из зверолюдей. Я знал, что, пока она жива, мне постоянно угрожает опасность.

Несколько секунд я собирался с духом, потом крикнул:

— Кланяйся, на колени!

Она зарычала, сверкая зубами.

— Кто ты такой, чтоб я…

Я судорожным рывком выхватил револьвер, прицелился и выстрелил.

Я услышал ее визг, увидел, как она отскочила в сторону, и, поняв, что промахнулся, большим пальцем снова взвел курок. Но она уже умчалась далеко, прыгая из стороны в сторону, и я не хотел тратить зря еще один патрон. Время от времени она оборачивалась, глядя на меня через плечо.

Пробежав по берегу, она исчезла в клубах густого дыма, по-прежнему тянувшегося от горящей ограды. Некоторое время я смотрел ей вслед. Потом снова повернулся к трем послушным существам и махнул рукой, чтобы они бросили в воду тело, которое все еще держали. Потом я вернулся к тому месту у костра, где лежали трупы, и засыпал песком все темные пятна крови.

Отпустив своих трех помощников, я отправился в рощу над берегом. В руке я держал револьвер, а хлыст с топором засунул за перевязь. Мне хотелось остаться одному, обдумать положение, в котором я очутился.

Самое ужасное — я начал сознавать это только теперь — заключалось в том, что на всем острове не осталось больше ни одного уголка, где я мог бы отдохнуть и поспать в безопасности. Я очень окреп за свое пребывание здесь, но все еще нервничал и уставал от всякого напряжения. Я чувствовал, что придется переселиться на другой конец острова и жить вместе со зверолюдьми, заручившись их доверием. Но сделать это у меня не хватало сил. Я вернулся к берегу и, пройдя на восток, мимо горящего дома, направился к узкой полосе кораллового рифа. Здесь я мог спокойно подумать, сидя спиной к морю и лицом к ост-

рову на случай неожиданного нападения. Так я сидел, упершись подбородком в колени, солнце палило меня, в душе рос страх, и я думал, как мне дотянуть до часа избавления (если это избавление вообще когда-нибудь придет). Я старался хладнокровно оценивать положение, но это мне удавалось с трудом.

Я попытался понять причину отчаяния Монтгомери. «Они изменятся, — сказал он, — несомненно, изменятся». А Моро, что говорил Моро? «В них снова просыпаются упорные звериные инстинкты…» Потом я стал думать о гиеносвинье. Я был уверен, что если не убью ее, то она убьет меня. Глашатай Закона был мертв — это усугубляло несчастье. Они знали теперь, что мы, с хлыстами, так же смертны, как и они…

Быть может, они уже глядят на меня из зеленой чащи папоротников и пальм, поджидая, чтобы я приблизился к ним на расстояние прыжка? Быть может, они замышляют что-то против меня? Что рассказала им гиеносвинья? Мое воображение увлекало меня все глубже в трясину необоснованных опасений.

Мои мысли были прерваны криками морских птиц, слетавшихся к чему-то черному, выброшенному волнами на берег недалеко от бывшей

ограды. Я знал, что это было, но у меня не хватило сил пойти и отогнать их. Я пошел по берегу в другую сторону, намереваясь обогнуть восточную оконечность острова и выйти к ущелью с хижинами, миновав предполагаемые засады в лесу.

Пройдя около полумили по берегу, я увидел одного из трех помогавших мне зверолюдей, который вышел мне навстречу из прибрежного кустарника. Я был так взвинчен собственным воображением, что тотчас выхватил револьвер. Миролюбивые жесты приближающегося существа не успокоили меня. Оно подходило нерешительно.

— Прочь! — крикнул я.

В его раболепной позе было что-то собачье. Он отошел на несколько шагов, совершенно как собака, которую гонят домой, и остановился, умоляюще глядя на меня преданными глазами.

— Прочь! — повторил я. — Не подходи!

— Значит, мне нельзя подойти? — спросил он.

— Нет. Прочь! — сказал я и щелкнул хлыстом. Потом, взяв хлыст в зубы, нагнулся за камнем, и он в испуге убежал.

В одиночестве обогнув остров, я дошел до ущелья и, прячась в высокой траве, окаймлявшей здесь берег моря, стал наблюдать за зверолюдь-

ми, стараясь определить по их виду, насколько повлияла на них смерть Моро и Монтгомери, а также уничтожение Дома страдания. Теперь я понимаю, каким глупым было мое малодушие. Прояви я такое же мужество, как на рассвете, не дай ему потонуть в унылых размышлениях, я мог бы захватить скипетр Моро и править звериным народом. Но я упустил случай и очутился всего лишь в положении старшего среди них.

Около полудня некоторые из них вышли и, сидя на корточках, грелись на горячем песке. Повелительный голос голода и жажды заглушил мой страх. Я вышел из травы и с револьвером в руке направился к сидящим фигурам. Одна из них, женщина-волчица, повернула голову и пристально поглядела на меня, а за ней и все остальные. Никто и не подумал встать и приветствовать меня. Я был слишком слаб и измучен, чтобы настаивать на этом при таком скоплении зверолюдей, и упустил благоприятную минуту.

— Я хочу есть, — сказал я почти виновато и подошел ближе.

— Еда в хижинах, — сонно сказал быкоборов, отворачиваясь от меня.

Я прошел мимо них и спустился в мрак и зловоние почти пустынного ущелья. В пустой хижине

я нашел несколько плодов и с наслаждением их съел, а потом, забаррикадировав вход грязными, полусгнившими ветками и прутьями, улегся лицом к нему, сжимая в руке револьвер. Усталость последних тридцати часов вступила в свои права, и я погрузился в чуткий сон, рассчитывая, что сооруженная мной непрочная баррикада произведет все же достаточно шума, если ее станут ломать, и меня не захватят врасплох.

XXI
Зверолюди возвращаются к прежнему состоянию

Так я стал одним из зверолюдей на острове доктора Моро. Когда я проснулся, было уже темно. Забинтованная рука сильно болела. Я сел, не понимая, где нахожусь. За стеной раздавались чьи-то грубые голоса. Я увидел, что баррикада моя снята и вход открыт. Револьвер по-прежнему был у меня в руке.

Я услыхал чье-то дыхание и увидел съежившуюся фигуру совсем рядом с собой. Я замер, стараясь рассмотреть, что это за существо. Оно зашевелилось как-то бесконечно медленно. И вдруг что-то мягкое, теплое и влажное скользнуло у меня по руке.

Я задрожал и отдернул руку. Крик ужаса замер у меня на губах. Но тут я сообразил, что случилось, и удержался от выстрела.

— Кто это? — спросил я сиплым шепотом, все еще держа револьвер наготове.

— Я, господин.

— Кто ты?

— Они говорят, что теперь больше нет господина. Но я знаю, знаю. Я относил тела в море, тела тех, которых ты убил. Я твой раб, господин.

— Ты тот, которого я встретил на берегу?

— Да, господин.

Существо это было, очевидно, вполне преданным, так как могло свободно напасть на меня, пока я спал.

— Хорошо, — сказал я, протягивая ему руку для поцелуя-лизка. Я начал понимать, почему он здесь, и мужество вернулось ко мне. — Где остальные? — спросил я.

— Они сумасшедшие, они дураки, — ответил собакочеловек. — Они там разговаривают между собой. Они говорят: «Господин умер. Второй, тоже с хлыстом, умер, а тот, ходивший в море, такой же, как и мы. Нет больше ни господина, ни хлыстов, ни Дома страдания. Всему этому пришел конец. Мы любим Закон и будем соблюдать его, но теперь навсегда исчезло страдание, господин и хлысты». Так говорят они. Но я знаю, господин, я знаю.

Я ощупью нашел в темноте собакочеловека и погладил его по голове.

— Хорошо, — снова повторил я.

— Скоро ли ты убьешь их всех? — спросил он.

— Скоро, — ответил я, — убью всех, но нужно подождать несколько дней, пока кое-что произойдет. Все они, кроме тех, кого мы пощадим, будут убиты.

— Господин убивает кого захочет, — произнес собакочеловек с удовлетворением в голосе.

— И чтобы прегрешения их возросли, — продолжал я, — пускай живут в своем безумии до тех пор, пока не пробьет их час. Пусть они не знают, что я господин.

— Воля господина священна, — сказал собакочеловек, по-собачьи сметливо поняв меня.

— Но один уже согрешил, — сказал я. — Его я убью, как только увижу. Когда я скажу тебе: «Это он», — сразу бросайся на него. А теперь я пойду к остальным.

На мгновение вокруг стало совсем темно: это собакочеловек, выходя, загородил отверстие. Я последовал за ним и остановился почти на том же месте, где когда-то услыхал шаги гнавшегося за мной Моро и собачий лай. Но теперь была ночь, в вонючем ущелье царил мрак, а позади, там, где был тогда зеленый, залитый солнцем откос, пылал костер, вокруг которого двигались сгорбленные, уродливые фигуры. А еще дальше темнела лесная чаща, отороченная поверху чер-

ным кружевом листвы. Над ущельем всходила луна, и дым, вечно струившийся из вулканических трещин, резкой чертой пересекал ее лик.

— Иди рядом, — сказал я собакочеловеку, желая подбодрить себя, и мы стали бок о бок спускаться по узкой тропинке, не обращая внимания на какие-то фигуры, выглядывавшие из берлог.

Никто из сидевших у костра не выказал ни малейшего намерения приветствовать меня. Большинство нарочно не замечало меня. Я оглянулся, отыскивая глазами гиеносвинью, но ее не было. Всего тут было около двадцати зверолюдей, и они, сидя на корточках, смотрели в огонь или разговаривали друг с другом.

— Он умер, он умер, господин умер, — послышался справа от меня голос обезьяночеловека. — И Дом страдания — нет больше Дома страдания.

— Он не умер, — произнес я громким голосом, — он и сейчас следит за вами.

Это ошеломило их. Двадцать пар глаз устремились на меня.

— Дом страдания исчез, — продолжал я, — но он снова появится. Вы не можете больше видеть господина, но он сверху слышит вас.

— Правда, правда, — подтвердил собакочеловек.

Мои слова привели их в замешательство. Животное может быть свирепым или хитрым, но один только человек умеет лгать.

— Человек с завязанной рукой говорит странные вещи, — сказал один из зверолюдей.

— Говорю вам, это так, — сказал я. — Господин и Дом страдания вернутся снова. Горе тому, кто нарушит Закон.

Они с недоумением переглядывались. А я с напускным равнодушием принялся лениво постукивать по земле топором. Я заметил, что они смотрели на глубокие следы, которые топор оставлял в дерне.

Потом сатирочеловек высказал сомнение в моих словах, и я ответил ему. Тогда возразило одно из пятнистых существ, и разгорелся оживленный спор. С каждой минутой я все больше убеждался в том, что пока мне ничто не грозит. Я теперь говорил без умолку, не останавливаясь, так же, как говорил вначале от сильного волнения. Через час мне удалось убедить нескольких зверолюдей в правоте своих слов, а в сердцах остальных заронить сомнение. Все это время я зорко осматривался, искал, нет ли где моего врага — гиеносвиньи, но она не показывалась. Изредка я вздрагивал от какого-нибудь подозрительного

движения, но чувствовал себя гораздо спокойнее. Луна уже закатывалась, и зверолюди один за другим принялись зевать, показывая при свете потухающего костра неровные зубы, а затем стали расходиться по своим берлогам. Я, боясь тишины и мрака, пошел с ними, зная, что, когда их много, я в большей безопасности, чем наедине с одним из них, все равно с кем.

Таким образом, начался самый долгий период моей жизни на острове доктора Моро. Но с этого вечера и до самого последнего дня произошел только один случай, о котором необходимо рассказать, все остальное же состояло из бесчисленных мелочей и неприятностей. Так что я не стану подробно описывать все это, а расскажу лишь о главном событии за те десять месяцев, которые я провел бок о бок с этими полулюдьми-полузверями. Многое еще осталось в моей памяти, о чем я мог бы рассказать, многое такое, что я дал бы отрубить себе правую руку, лишь бы это забыть. Но эти подробности здесь излишни. Оглядываясь назад, я с удивлением вспоминаю, как быстро я усвоил нравы этих чудовищ и снова приобрел уверенность в себе. Конечно, бывали и ссоры, я теперь еще мог бы показать следы укусов, но в общем они быстро прониклись уважением

к моему искусству бросать камни и ударам моего топора. А преданность человека-сенбернара была для меня драгоценна. Я увидел, что степень их уважения зависела главным образом от умения наносить раны. И, говоря искренне, без хвастовства, я пользовался среди них привилегированным положением. Некоторые, получившие от меня в подарок недурные шрамы, были ко мне настроены враждебно, но злобу свою проявляли главным образом гримасами, да и то за моей спиной, на почтительном расстоянии.

Гиеносвинья меня избегала, но я был всегда начеку. Мой неразлучный собакочеловек страстно ненавидел и боялся ее. Этот страх еще больше привязывал его ко мне. Скоро для меня стало очевидным, что гиеносвинья узнала вкус крови и пошла по стопам леопардочеловека. Где-то в лесу она устроила себе берлогу и поселилась в одиночестве. Я попробовал устроить на нее облаву, но мне недоставало авторитета, чтобы объединить их всех. Я не раз пытался подойти к берлоге и напасть на гиеносвинью врасплох, но она была осторожна и, увидев или почуяв меня, тотчас скрывалась. Устраивая засады, она подстерегала меня и моих союзников на всех лесных тропинках. Собакочеловек почти не отходил от меня.

В первый месяц звериный люд вел себя вполне по-человечески в сравнении с тем, что было дальше, и я даже удостаивал своей дружбой, кроме собакочеловека, нескольких из них. Маленькое ленивцеподобное существо проявляло ко мне странную привязанность и всюду следовало за мной. А вот обезьяночеловек надоел мне до смерти. Он утверждал, что, поскольку у него пять пальцев, он мне равен, и вечно болтал, тараторя самый невообразимый вздор. Только одно забавляло меня в нем: он обладал необычайной способностью выдумывать новые слова. Мне кажется, он думал, что истинное назначение человеческой речи состоит в бессмысленной болтовне. Эти бессмысленные слова он называл «большими мыслями» в отличие от «маленьких мыслей», под которыми подразумевались нормальные, обыденные вещи. Когда я говорил что-нибудь непонятное для него, это ему ужасно нравилось, он просил меня повторить, заучивал сказанное наизусть и уходил, повторяя, путая и переставляя слова, а потом говорил это всем своим более или менее добродушным собратьям. Ко всему, что было просто и понятно, он относился с презрением. Я придумал специально для него несколько забавных «больших мыслей». Теперь

он кажется мне самым глупым существом, какое я видел в жизни; он удивительнейшим образом развил в себе чисто человеческую глупость, не потеряв при этом ни одной сотой доли прирожденной обезьяньей глупости.

Так было в первые недели моей жизни в среде зверолюдей. В это время они следовали обычаям, установленным Законом, и вели себя благопристойно. Правда, один раз я нашел еще одного кролика, растерзанного — я убежден в этом — гиеносвиньей; но это было все. Но к маю я ясно заметил растущую разницу в их говоре и манере держать себя, все большую невнятность, нежелание разговаривать. Обезьяночеловек болтал даже больше обычного, но его болтовня становилась все менее понятной, все более обезьяньей. Остальные, казалось, потеряли дар слова, но еще понимали то, что я говорил им. Можете ли вы себе представить, как ясный и понятный язык постепенно стал туманиться, терять форму и смысл, снова превращаться в пустое нагромождение звуков? Держаться прямо им также становилось все труднее и труднее. Хотя они, видимо, стыдились этого, но по временам я видел, как то один, то другой бежал на четвереньках, уже совершенно не способный ходить на двух ногах. Руки у

них стали еще более неловкие; они лакали воду, по-звериному грызли еду, с каждым днем становились все грубее. Я видел собственными глазами проявление того, что Моро называл «упорными звериными инстинктами». Они быстро возвращались к своему прежнему состоянию.

Некоторые из них — я с изумлением заметил, что по большей части это были существа женского пола, — стали пренебрегать приличием, правда, пока еще втайне. Другие открыто посягали на установленную Законом моногамию. Было ясно, что Закон терял свою силу. Мне неприятно рассказывать об этом. Мой собакочеловек незаметно снова превратился в собаку; с каждым днем он немел, чаще ходил на четвереньках, обрастал шерстью. Мне трудно было уследить за постепенным перерождением моего постоянного спутника в крадущегося рядом со мной пса. Так как нечистоплотность и беспорядок среди звериного люда возрастали с каждым днем и берлога, которая всегда была неприятной, стала совсем омерзительной, я решил покинуть ее и построил себе шалаш внутри черных развалин ограды Моро. Смутные воспоминания о страданиях делали это место самым безопасным убежищем.

Нет никакой возможности подробно описать

каждый шаг падения этих тварей, рассказать, как с каждым днем исчезало их сходство с людьми; как они перестали одеваться, их обнаженные тела стали покрываться шерстью, лбы зарастать, а лица вытягиваться вперед; как та почти человеческая дружба, которую я позволил себе с некоторыми из них в первый месяц, стала для меня одним из ужаснейших воспоминаний.

Перемена совершалась медленно и неуклонно. Она происходила без резкого перехода. Я продолжал свободно ходить среди них, так как не было толчка, от которого прорвались бы наружу звериные свойства их натуры, которые с каждым днем вытесняли все человеческое. Но я начинал опасаться, что толчок этот вот-вот произойдет. Мой сенбернар провожал меня до ограды и стерег мой сон, так что я мог спать относительно спокойно. Маленькое ленивцеподобное существо стало пугливым и покинуло меня, вернувшись к своему естественному образу жизни на ветвях деревьев. Мы находились как раз в состоянии того равновесия, которое устанавливают в клетках укротители зверей и демонстрируют его под названием «счастливого семейства», но сам укротитель ушел навсегда.

Конечно, эти существа не опустились до уров-

ня тех животных, которых читатель видел в зоологическом саду, — они не превратились в обыкновенных медведей, волков, тигров, быков, свиней и обезьян. Во всех оставалось что-то странное; каждый из них был помесью; в одном, быть может, преобладали медвежьи черты, в другом — кошачьи, в третьем — бычьи, но каждый был помесью двух или больше животных, и сквозь особенности каждого проглядывали некие общезвериные черты. Теперь меня уже поражали проявлявшиеся у них порой проблески человеческих черт: внезапное возвращение дара речи, неожиданная ловкость передних конечностей, жалкая попытка держаться на двух ногах.

Я, по-видимому, тоже странным образом переменился. Одежда висела на мне желтыми лохмотьями, и сквозь дыры просвечивала загорелая кожа. Волосы так отросли, что их приходилось заплетать в косички. Еще и теперь мне говорят, что глаза мои обладают каким-то странным блеском, они всегда насторожены.

Сначала я проводил весь день на южном берегу острова, ожидая, не появится ли корабль, надеясь и моля об этом Бога. Прошел почти год со времени моего прибытия на остров, и я рассчитывал на возвращение «Ипекакуаны», но она больше не

появлялась. Я пять раз видел паруса и три раза дым, но никто не проходил вблизи острова. У меня всегда была наготове куча хвороста для костра, но, зная вулканическое происхождение острова, моряки, без сомнения, принимали дым за испарения из расселин.

Только в сентябре или даже в октябре я стал подумывать о сооружении плота. К этому времени рука моя зажила, и я мог работать обеими руками. Сначала беспомощность моя была ужасающей. Я никогда в жизни не плотничал и потому целыми днями возился в лесу, рубил и скреплял деревья. У меня не было веревок, и я не знал, из чего их сделать. Ни одна из многочисленных лиан не была достаточно гибкой и прочной для этой цели, а изобрести я с моими обрывками научных знаний ничего не мог. Более двух недель я рылся среди обугленных развалин дома и даже на берегу, где были сожжены лодки, в поисках гвоздей или еще каких-нибудь случайно уцелевших металлических предметов, которые могли бы мне пригодиться. По временам за мной наблюдал кто-нибудь из зверолюдей, но как только я окликал его, он исчезал. Наступила пора дождей, что очень замедлило мою работу, но в конце концов плот был готов.

Я был в восторге. Но по своей непрактичности, из-за которой я страдал всю жизнь, я построил плот на расстоянии мили от берега, и, когда я тащил его к морю, он развалился на куски. Быть может, это было и к лучшему, хуже было бы, если б я спустил его на воду. Но в то время я так остро почувствовал свою неудачу, что несколько дней в каком-то отупении бродил по берегу, глядя на воду и думая о смерти.

Но все же я не хотел умирать. А потом случилось событие, которое показало все безумие моей медлительности, так как каждый новый день приносил с собой все большую опасность со стороны окружавших меня чудовищ. Однажды я лежал в тени у остатков ограды, смотря на море, как вдруг прикосновение чего-то холодного к пяткам заставило меня вздрогнуть. Привскочив, я увидел перед собой ленивцеподобное существо. Оно давно уже разучилось говорить и быстро двигаться, гладкая шерсть его с каждым днем становилась все гуще и гуще, а кривые лапки, вооруженные когтями, все толще. Оно издало жалобный звук и, увидев, что привлекло мое внимание, сделало несколько шагов к кустарникам и оглянулось на меня.

В первую минуту я не понял, чего оно от меня

хотело, но потом сообразил, что оно звало меня за собой. День был жаркий, и я поплелся за ним до деревьев. Оно вскарабкалось наверх, так как свободнее двигалось по свисавшим с деревьев лианам, чем по земле.

И вот в лесу я увидел ужасное зрелище. На земле лежал мертвый сенбернар, а гиеносвинья припала к нему, охватив его тело своими безобразными лапами, и грызла его, урча от наслаждения. Когда я приблизился, она подняла на меня сверкающие глаза; дрожащие губы обнажили окровавленные клыки, и она угрожающе зарычала. Она не была ни испугана, ни смущена; в ней не осталось ничего человеческого. Я сделал еще шаг, остановился, вынул револьвер. Наконец-то я очутился лицом к лицу с врагом.

Она не сделала никакой попытки к бегству. Но уши ее встали, шерсть ощетинилась, все тело сжалось. Я прицелился ей меж глаз и выстрелил. Она бросилась на меня, сбила с ног, как кеглю, и ударила по лицу своей безобразной рукой. Но, не рассчитав, она перескочила через меня. Я очутился у нее под ногами, но, к счастью, выстрел мой попал в цель. Это был предсмертный прыжок. Выкарабкавшись из-под отвратительной тяжести, я встал, весь дрожа. Опасность, во всяком

случае, миновала. Но я знал, что события только начинаются.

Я сжег оба трупа на костре. Теперь я ясно видел, что меня ждет неминуемая смерть, если я не покину остров. Все зверолюди, за исключением нескольких, покинули ущелье и сообразно со своими наклонностями устроили себе в лесу берлоги. Лишь немногие из них выходили днем; большинство спало, и со стороны остров мог показаться совершенно безлюдным, но ночью воздух оглашался отвратительным воем и рычанием. Я даже думал убить их всех: расставить западни или просто перерезать ножом. Будь у меня достаточно патронов, я ни на минуту не поколебался бы перестрелять всех. Опасных хищников осталось не более двадцати; самые кровожадные из них были уже мертвы. После смерти моего бедного сенбернара я начал дремать днем, чтобы ночью быть настороже. Я перестроил свое жилище, сделав такой узкий вход, что каждый, кто попытался бы войти, неизбежно должен был поднять шум. Кроме того, зверолюди разучились добывать огонь и стали снова бояться его. Я опять начал усердно собирать стволы и ветки, чтобы сделать новый плот.

У меня на пути возникали тысячи затруднений.

Я вообще очень неловкий и неумелый человек, и учился я, когда в школе еще не ввели обучение ручному труду, но в конце концов большую часть нужных для плота материалов я нашел или чем-либо заменил и на этот раз позаботился о прочности. Единственным непреодолимым препятствием было отсутствие посудины для воды, необходимой мне в скитаниях по этой глухой части океана. Я сделал бы себе глиняный горшок, но на острове не было глины. Долго бродил я по берегу, ломая себе голову, как преодолеть это последнее затруднение. Порой меня охватывало бешенство, и я, чтобы дать выход раздражению, рубил в щепки какое-нибудь несчастное дерево. Однако ничего придумать не мог.

Но вот настал день, чудесный день, полный восторга. Я увидел на юго-западе небольшое судно, похожее на шхуну, и немедленно зажег большой костер. Я стоял около огня, обдаваемый жаром, а сверху меня палило полуденное солнце. Целый день я не пил и не ел, только следил за этим судном, и у меня кружилась от голода голова. Зверолюди подходили, смотрели на меня, удивлялись и снова уходили. Наступила ночь, а судно было все еще далеко; мрак поглотил его, и я трудился всю ночь, поддерживая костер, а вокруг

удивленно светились в темноте глаза. На рассвете судно подошло ближе, и я определил, что это маленькая грязная парусная шлюпка. Мои глаза устали. Я смотрел и не мог поверить. В шлюпке было двое людей: один — на носу, другой — на руле. Но сама шлюпка шла как-то странно. Она не плыла по ветру — ее просто несло течением.

Когда совсем рассвело, я принялся махать остатками своей блузы, но люди в шлюпке не замечали меня и продолжали сидеть. Я бросился на самый конец мыса, размахивал руками и кричал. Ответа не было, и лодка продолжала плыть без цели, медленно приближаясь к заливу. Вдруг из нее вылетела большая белая птица, но ни один из сидевших там людей не пошевелился и не обратил на это внимания. Птица описала круг в воздухе и улетела, взмахивая своими сильными крыльями.

Тогда я перестал кричать, сел на землю и, подперев рукой подбородок, стал смотреть вдаль. Шлюпка плыла медленно, направляясь к западу. Я мог бы доплыть до нее, но какой-то холодный смутный страх удерживал меня. Днем ее приливом прибило к берегу, и она очутилась в сотне шагов к западу от развалин ограды.

Люди, сидевшие в ней, были мертвы, они умер-

ли так давно, что рассыпались в прах, когда я перевернул шлюпку на бок и вытащил их оттуда. У одного на голове была копна рыжих волос, как у капитана «Ипекакуаны», и на дне лодки валялась грязная белая фуражка. Пока я стоял около шлюпки, трое зверолюдей вышли украдкой из-за кустов и приблизились ко мне, втягивая ноздрями воздух. Меня охватило отвращение. Я оттолкнул шлюпку от берега и вскарабкался в нее. На берег вышли два волка, у которых раздувались ноздри и сверкали глаза, а третьим был ужасный, неописуемый зверь — помесь медведя и быка.

Когда я увидел, как они, рыча друг на друга и сверкая зубами, подкрадываются к злополучным человеческим останкам, отвращение сменилось ужасом. Я повернулся к ним спиной, спустил парус и принялся грести, чтобы выйти в море. Я не мог заставить себя оглянуться назад.

Эту ночь я провел между рифом и островом, а на следующее утро добрался кружным путем до ручья и наполнил водой пустой бочонок, который нашел в шлюпке. Затем, собрав остатки терпения, я нарвал плодов, а потом подстерег и убил тремя последними патронами двух кроликов.

Шлюпку я оставил привязанной к рифу, боясь,

как бы ее не уничтожили чудовища.

XXII
Наедине с собой

Вечером я сел в шлюпку и вышел в открытый океан, подгоняемый легким юго-западным ветром. Остров становился все меньше и меньше, тонкая струя дыма таяла на фоне заката. Вокруг меня расстилался океан, и вскоре темный клочок земли скрылся из глаз. Свет дня понемногу как бы стекал с неба, и передо мной раскрывалась голубая необъятная бездна, днем скрытая солнечным блеском вместе с плавающими в ней мириадами светил. Молчало море, молчало небо; я был один среди безмолвия и мрака.

Три дня носило меня по морю. Я старался есть и пить как можно меньше, размышлял о своих приключениях и не очень стремился снова увидеть людей. На мне висели какие-то лохмотья, грязные волосы были всклокочены. Без сомнения, когда меня подобрали, то сочли за сумасшедшего. Как ни странно, но я не чувствовал ни малейшего желания вернуться к людям. Я был рад только, что распростился навсегда с омерзительной жизнью среди чудовищ. На третий день меня подобрал

бриг, шедший из Алии в Сан-Франциско. Ни капитан, ни его помощник не поверили моему рассказу, решив, что я сошел с ума от одиночества и страха перед смертью. Опасаясь, как бы остальные не подумали то же самое, я удержался от дальнейших рассказов, объявив, что не помню решительно ничего, что случилось со мной со дня гибели «Леди Вейн» и до того времени, как меня подобрал бриг, то есть за целый год.

Мне пришлось действовать с крайней осмотрительностью, чтобы рассеять подозрения в безумии. Меня преследовали воспоминания о Законе, о двух мертвых моряках, о засадах в темном лесу, о теле, найденном в тростнике. И как это ни странно, но с возвращением к людям вместо доверия и симпатии, которых следовало бы ожидать, во мне возросли неуверенность и страх, которые я испытывал на острове. Никто не поверил мне, но я относился к людям почти так же странно, как относился раньше к принявшим человеческий облик зверям. Возможно, я заразился их дикостью.

Говорят, что страх — это болезнь, и я могу это подтвердить, ибо несколько лет во мне жил страх, который, вероятно, испытывает еще не совсем укрощенный львенок. Моя болезнь приобрела

самый странный характер. Я не мог убедить себя, что мужчины и женщины, которых я встречал, не были зверями в человеческом облике, которые пока еще внешне похожи на людей, но скоро снова начнут изменяться и проявлять свои звериные инстинкты. Я доверился одному очень способному человеку, специалисту по нервным болезням, который лично знал Моро, и он как будто отчасти поверил моему рассказу. Он очень помог мне.

Я вовсе не рассчитываю на то, что ужасные картины, виденные на острове, когда-нибудь совершенно изгладятся из моей памяти, но все же они теперь ушли в глубину моего сознания, они далеки, как облачка, и кажутся нереальными; но иногда эти облачка разрастаются, закрывают все небо. И тогда я оглядываюсь на окружающих людей, дрожа от страха. Одни лица кажутся мне спокойными и ясными, другие — мрачными и угрожающими, третьи — переменчивыми, неискренними; ни в одном из людских лиц нет той разумной уверенности, которая отличает человеческое существо. Мне кажется, что под внешней оболочкой скрывается зверь и передо мной вскоре снова разыграется тот ужас, который я видел на острове, только еще в большем масштабе. Я знаю, что все это моя фантазия, что

мужчины и женщины, которые окружают меня, действительно мужчины и женщины, они останутся такими всегда — разумными созданиями, полными добрых стремлений и человечности, освободившимися от инстинкта, они не рабы какого-то фантастического Закона и совершенно не похожи на зверолюдей. Но все же я избегаю их, избегаю любопытных взглядов, расспросов и помощи, стремлюсь уйти, чтобы быть одному.

Вот почему я живу близ большой холмистой равнины и могу бежать туда, когда мрак окутывает мою душу. И как хорошо бывает там под безоблачным небом! Когда я жил в Лондоне, чувство ужаса было почти невыносимо. Я нигде не мог укрыться от людей: их голоса проникали сквозь окна; запертые двери были непрочной защитой. Я выходил на улицу, чтобы переломить себя, и мне казалось, что женщины, как кошки, мяукали мне вслед; кровожадные мужчины бросали на меня алчные взгляды; истомленные, бледные рабочие с усталыми глазами шли мимо меня быстрой поступью, похожие на раненых, истекающих кровью животных; странные, сгорбленные и мрачные, они бормотали что-то про себя, и, не замечая ничего этого, шли, болтая, как обезьянки, дети. Если я заходил в какую-нибудь

церковь, мне казалось (так сильна была моя болезнь), что и тут священник бормотал «большие мысли», точь-в-точь как это делал обезьяночеловек; если же я попадал в библиотеку, склоненные над книгами люди, казалось мне, подкарауливали добычу. Особенно отвратительны для меня были бледные, бессмысленные лица людей в поездах и автобусах; эти люди казались мне мертвецами, и я не решался никуда ехать, пока не находил совершенно пустой вагон. Мне казалось, что даже я сам не разумное человеческое существо, а бедное больное животное, терзаемое какой-то странной болезнью, которая заставляет его бродить одного, подобно заблудшей овце.

Но, слава Богу, это состояние овладевает мной теперь все реже. Я удалился от шума городов и людской толпы, провожу дни среди мудрых книг, этих широких окон, открывающихся в жизнь и освещенных светлой душой тех, которые их написали. Я редко вижу незнакомых людей и веду самый скромный образ жизни. Все свое время я посвящаю чтению и химическим опытам, а в ясные ночи изучаю астрономию. В сверкающих мириадах небесных светил — не знаю, как и почему, — я нахожу успокоение. И мне кажется, что все человеческое, что есть в нас, должно найти утешение и надежду в вечных всеобъемлющих законах мироздания, а никак не в обыденных житейских заботах, горестях и страстях. Я надеюсь, иначе я не мог бы жить. Итак, в надежде и одиночестве я кончаю свой рассказ.

Эдвард Прендик 1896
Перевод К. Морозовой

Первые люди на Луне

Три тысячи стадий от Земли до Луны… Не удивляйся, приятель, если я буду говорить тебе о надземных и воздушных материях. Просто я хочу рассказать по порядку мое недавнее путешествие.

«Икароменипп» Лукиана

Глава I
Мистер Бедфорд встречается с мистером Кейвором в Лимпне

Когда я сажусь писать здесь, в тени виноградных лоз, под синим небом южной Италии, я с удивлением вижу, что мое участие в необыкновенных приключениях мистера Кейвора было чисто случайным. На моем месте мог оказаться любой другой. Я впутался в эту историю в то время, когда меньше всего думал о каких-либо приключениях. Я приехал в Лимпн, считая это место самым тихим и спокойным в мире. «Здесь, во всяком случае, — говорил я себе, — я найду покой и возможность работать».

И в результате — эта книга. Так разбивает судьба все наши планы.

Здесь, быть может, уместно упомянуть, что еще недавно мои дела были очень плохи. Теперь, живя в богатой обстановке, даже приятно вспомнить о нужде. Допускаю даже, что до некоторой степени я сам был виновником моих бедствий. Вообще я не лишен способностей, но деловые операции не для меня. Но в то время я был молод и самонадеян

и среди прочих грехов молодости мог похвастать и уверенностью в своих коммерческих талантах; я молод еще и теперь, но после всех пережитых приключений стал гораздо серьезней, хотя вряд ли это научило меня благоразумию.

Едва ли нужно вдаваться в подробности спекуляций, в результате которых я попал в Лимпн, в Кенте. Коммерческие дела связаны с риском, и я рискнул. В этих делах все сводится к тому, чтобы давать и брать, мне же пришлось в конце концов лишь отдавать. Когда я уже почти все ликвидировал, явился неумолимый кредитор. Вы, вероятно, встречали таких воинствующих праведников, а может быть, и сами попадали в их лапы. Он жестоко разделался со мной. Тогда, чтобы не стать на всю жизнь клерком, я решил написать пьесу. У меня есть воображение и вкус, и я решил бороться с судьбой. И дорого продать свою жизнь. Я верил не только в свои коммерческие способности, но и считал себя талантливым драматургом. Это, кажется, довольно распространенное заблуждение. Писание пьес казалось мне делом не менее выгодным, чем деловые операции, и это еще более окрыляло меня. Мало-помалу я привык смотреть на эту ненаписанную драму как на запас про черный день. И когда этот

черный день настал, я засел за работу.

Однако вскоре я убедился, что сочинение драмы потребует больше времени, чем я предполагал; сначала я клал на это дело дней десять и прежде всего хотел иметь «pied-à-terre»[4], поэтому я и приехал тогда в Лимпн. Мне удалось найти небольшой одноэтажный домик, который я и нанял на три года. Я расставил там кое-какую мебель и решил сам готовить себе еду. Моя стряпня привела бы в ужас миссис Бонд, но, уверяю вас, готовил я недурно и с вдохновением. У меня были две кастрюли для варки яиц и картофеля, сковородка для сосисок и ветчины и кофейник — вот и вся нехитрая кухонная утварь. Не всем доступна роскошь, но устроиться скромно можно всегда. Кроме того, я запасся восемнадцатигаллонным ящиком пива — в кредит, конечно, — и отпускающий на веру булочник являлся ко мне ежедневно. Разумеется, устроился я не как сибарит, но у меня бывали и худшие времена. Я немного беспокоился о булочнике — он был славный малый, — однако надеялся, что сумею с ним расплатиться.

Без сомнения, для любителей уединения Лимпн

---

[4] Notes: 4
Временное помещение (*фр.*).

— самое подходящее место. Он расположен в глинистой части графства Кент, и мой домик стоял на краю старого приморского утеса, откуда за отмелью Ромни-Марш виднелось море. В ненастную погоду место это почти неприступно, и я слышал, что иногда почтальону приходится перебираться через болота на ходулях. Хотя я не видел сам, но верю этому. Перед дверями лачуг и домишек деревни повсюду торчат воткнутые в землю березовые веники для очистки обуви от налипшей глины, и по одному этому можно судить, какая тут грязь.

Я думаю, что это место осталось бы необитаемым, если бы не наследие давно минувших времен. Когда-то, в эпоху Римской империи, здесь была большая гавань Портус Леманус; с тех пор море отступило на целых четыре мили. На всем склоне крутого холма еще сохранились камни и кирпичи римских построек, и старинная Уотлинг-стрит, до сих пор еще местами замощенная, прямая, как стрела, тянется на север.

Я часто стоял на холме и думал о кипевшей здесь некогда жизни, о галерах и легионах, о пленниках и начальниках, о женщинах и торговцах, о дельцах вроде меня, о сутолоке и шуме гавани.

А теперь здесь лишь кучи мусора на заросшем

травой скате холма, две-три овцы да я!

Там, где была гавань, вплоть до отдаленного Данджженеса, расстилается лишь болотистая равнина с редкими метелками деревьев да церковными башнями старых средневековых городов, которые теперь так же приходят в упадок, как некогда приморский Леманус.

Вид на болото — один из самых красивых, какие мне случалось встречать. Данджженес находится отсюда милях в пятнадцати; он кажется плотом в море, а далее к западу виднеются холмы Хастингса, особенно заметные на закате. Иногда они вырисовываются отчетливо, иногда бывают подернуты дымкой, а в туманную погоду их часто совсем не видно. Вся болотистая равнина исполосована плотинами и канавами.

Окно, у которого я работал, выходило в сторону холмов, и из этого окна я впервые увидел Кейвора. Я корпел над сценарием, стараясь сосредоточиться на трудной работе, и, естественно, Кейвор привлек к себе мое внимание.

Солнце уже закатилось, небо окрасилось в желтый и зеленый цвета, и на фоне заката вдруг появилась темная странная фигурка.

Это был низенький, кругленький, тонконогий человек с неровными, порывистыми движени-

ями; на нем было пальто и короткие брюки с чулками, как у велосипедиста, а гениальную голову покрывала шапочка, как у игроков в крикет. Зачем он так нарядился, не знаю: он никогда не ездил на велосипеде и не играл в крикет. Вероятно, все это были случайные вещи. Он размахивал руками, подергивал головой и жужжал — жужжал, как мотор. Вы, наверное, никогда не слышали такого жужжания. Время от времени он прочищал себе горло, неимоверно громко откашливаясь.

Недавно прошел дождь, и порывистость его походки усиливалась от скользкой тропинки. Встав прямо против солнца, он остановился, вынул часы и с минуту постоял словно в нерешительности. Потом судорожно повернулся и поспешно пошел назад, не размахивая больше руками, но широко шагая неожиданно большими ногами, которые, помнится, казались еще уродливей от налипшей на подошвы глины; видимо, он очень торопился.

Это случилось как раз в день моего приезда, когда я всецело был поглощен своей пьесой и досадовал, что потерял из-за этого чудака пять драгоценных минут. Я снова принялся за работу. Но когда на следующий день явление повторилось

с поразительной точностью и стало повторяться регулярно каждый вечер, если не было дождя, я уже не мог сосредоточиться над сценарием. «Это не человек, а какая-то марионетка; можно подумать, что он нарочно так двигается», — сказал я с досадой, проклиная его от всего сердца.

Но скоро досада сменилась удивлением и любопытством. Зачем он это проделывает? На четырнадцатый вечер я не выдержал, и как только незнакомец появился, открыл широкое окно, прошел через веранду и направился к тому месту, где он всегда останавливался.

Когда я подошел, он держал в руке часы. У него было круглое румяное лицо с красноватыми карими глазами; раньше я видел его лишь против света.

— Одну минуту, сэр, — сказал я, когда он повернулся.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Одну минуту, — промолвил он, — извольте. Если же вы желаете говорить со мной дольше и не будете задавать слишком много вопросов — ваша минута уже прошла, — то не угодно ли вам проводить меня?

— Охотно, — ответил я, поравнявшись с ним.

— У меня свои привычки. И время для бесед

ограничено.

— В это время вы обычно прогуливаетесь?

— Да, я прихожу сюда любоваться закатом солнца.

— Не думаю.

— Сэр!

— Вы никогда не смотрите на закат.

— Никогда не смотрю?

— Никогда. Я наблюдаю за вами тринадцать вечеров подряд, и вы ни разу не смотрели на закат, ни разу.

Он сдвинул брови, как бы решая какой-то вопрос.

— Все равно я наслаждаюсь солнечным светом, атмосферой, я гуляю по этой тропинке, через те ворота, — он кивнул головой в сторону, — и кругом…

— Нет, вы никогда так не ходите. Это неправда. Сегодня вечером, например…

— Сегодня вечером! Дайте вспомнить… А! Я только что взглянул на часы и, увидев, что прошло уже три минуты сверх положенного получаса, решил, что гулять уже поздно, и пошел назад.

— Но вы постоянно так делаете.

Он посмотрел на меня и задумался:

— Может быть. Пожалуй, вы правы… Но о чем вы желали поговорить со мной?

— Вот именно об этом.

— Об этом?

— Да, зачем вы это делаете? Каждый вечер вы приходите сюда жужжать.

— Жужжать?

— Да. Вот так.

И я изобразил его жужжание.

Он посмотрел на меня: очевидно, звук ему не понравился.

— Разве я так делаю?

— Каждый вечер.

— А я и не замечал. — Он остановился и посмотрел на меня серьезно. — Неужели, — сказал он, — у меня уже образовалась привычка?

— Похоже на то. Не правда ли?

Он оттянул нижнюю губу двумя пальцами и уставился в лужу у своих ног.

— Мой мозг все время занят, — сказал он. — Значит, вы хотите знать, почему я это делаю? Уверяю вас, сэр, что я сам не знаю почему, я даже не замечаю этого. А ведь, пожалуй, вы правы: я никогда не заходил дальше этого поля… И это мешает вам?

Я несколько смягчился.

— Не мешает, — сказал я. — Но вообразите, что вы пишете пьесу.

— Не могу этого вообразить.

— Тогда представьте, что занимаетесь чем-нибудь, что требует сосредоточенности.

— Да, конечно, — сказал он и задумался.

Он казался таким огорченным, и я смягчился еще больше. К тому же с моей стороны было довольно невежливо требовать от незнакомого человека объяснений, зачем он жужжит в общественном месте.

— Вы видите, — сказал он робко, — это уже привычка.

— Вполне согласен с вами.

— Это надо прекратить.

— Зачем же, если вам нравится? Притом я не так уж занят, у меня нечто вроде отпуска.

— Вовсе нет, — возразил он, — вовсе нет. Я очень обязан вам. Мне следует воздержаться от этого. Я постараюсь. Могу я попросить вас воспроизвести еще раз это жужжание?

— Вот так, — сказал я, — «ж-ж-ж-ж»… Но знаете…

— Я очень вам обязан. Действительно, я рассеян до нелепости. Вы правы, сэр, совершенно правы. Да, я вам очень обязан. Это прекратится. А теперь,

сэр, я уже увел вас дальше, чем следует.

— Надеюсь, вы не обиделись…

— Нисколько, сэр, нисколько.

Мы посмотрели друг на друга. Я приподнял шляпу и пожелал ему доброго вечера. Он порывисто раскланялся, и мы разошлись.

У изгороди я оглянулся на удалявшегося незнакомца. Его манеры резко изменились; он шел, прихрамывая, весь съежившись. Этот контраст с его оживленной жестикуляцией, с жужжанием почему-то странно растрогал меня. Я наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду, и, от всей души жалея, что полез в чужие дела, поспешно вернулся в домик, к своей пьесе.

Следующие два вечера он не появлялся. Но я все время думал о нем и решил, что как комический тип сентиментального чудака он мог бы, пожалуй, войти в мою пьесу. На третий день он зашел ко мне.

Сначала я недоумевал, почему он пришел: он вел безразличный разговор самым официальным образом, а затем вдруг перешел к делу. Он желал купить у меня домик.

— Видите ли, — сказал он, — я нисколько не сержусь на вас, но вы нарушили мои старые привычки, мой дневной распорядок. Я гуляю

здесь уже много лет — целые годы! Конечно, я жужжал… Вы сделали это невозможным!

Я заметил, что он мог найти другое место для прогулок.

— Нет. Здесь нет другого такого места. Это единственное. Я уже справлялся. И теперь после обеда, в четыре часа, я не знаю, куда мне деваться.

— Ну, дорогой сэр, если это так важно для вас…

— Чрезвычайно важно. Видите ли, я… я исследователь. Я занят научными изысканиями. Я живу… — Он запнулся и, видно, задумался. — Вон там, — закончил он, внезапно махнув рукой и чуть не попав мне в глаз, — в том доме с белыми трубами, за деревьями. И положение мое ужасно, просто ужасно. Я накануне одного из важнейших открытий, уверяю вас, одного из важнейших открытий, какие были когда-либо сделаны. Для этого нужна сосредоточенность, полный покой, энергия. И послеобеденное время было для меня наиболее плодотворным, у меня возникали новые идеи, новые точки зрения.

— Но почему бы вам не приходить сюда по-прежнему?

— Теперь это совсем не то. Я уже не могу забыться. Вместо того чтобы сосредоточиться на своей работе, я буду думать, что вы отрываетесь

от вашей пьесы и с раздражением следите за мной… Нет! Мне необходим этот домик.

Я задумался. Конечно, прежде чем ответить что-либо решительное, нужно было взвесить предложение. Я тогда был вообще склонен к аферам, и продажа показалась мне заманчивой. Но, во-первых, домик был не мой, я не смог бы его передать за самую хорошую цену, так как домохозяин пронюхал бы об этой сделке; во-вторых, я был обременен долгами. Это было слишком щепетильное дело. Кроме того, возможно, что Кейвор сделает какое-нибудь важное открытие, — это также интересовало меня. Мне хотелось расспросить подробнее о его изысканиях — не из корыстных целей, а просто потому, что я рад был отдохнуть от своей пьесы.

Я начал осторожно расспрашивать.

Он оказался словоохотлив, и скоро наша беседа превратилась в монолог. Он говорил, как человек, который долго сдерживался, но самому себе повторял одно и то же много раз, говорил без умолку почти целый час, и должен сознаться: слушать его было нелегко. Но все же в душе я был очень доволен, что нашел предлог не работать. В это первое свидание я мало что понял в его работе. Половина его слов состояла из техниче-

ских терминов, совершенно мне незнакомых, некоторые же пункты он пояснял при помощи элементарной (как он говорил) математики, записывая вычисления чернильным карандашом на конверте, и эта часть мне вовсе была непонятна. «Да, — говорил я, — да, да… Продолжайте». Тем не менее я убедился, что это не просто маньяк, помешавшийся на своем открытии. Несмотря на чудаковатый вид, в нем чувствовалась сила. Во всяком случае, из его планов вполне могло что-нибудь выйти. Он рассказывал, что у него есть мастерская и три помощника, простых плотника, которых он приспособил к делу. А ведь от мастерской до бюро патентов — один шаг. Он пригласил меня побывать у него в мастерской, на что я охотно согласился и всячески постарался подчеркнуть свой интерес. К продаже моего домика мы, к счастью, больше не возвращались.

Наконец он собрался уходить, извиняясь за продолжительный визит. Беседа о своей работе, по его словам, для него редкое удовольствие. Не часто приходится встретить такого образованного слушателя, как я. С профессиональными же учеными он не общается.

— Они так мелочны, — жаловался он, — такие интриганы! В особенности когда возникает новая

интересная идея — плодотворная идея… Я не хочу быть несправедливым, но…

Я человек импульсивный и сделал, может быть, необдуманное предложение. Но вспомните, что я уже две недели сидел в одиночестве в Лимпне над пьесой и чувствовал себя виноватым в том, что нарушил его прогулки.

— А почему бы, — предложил я, — вместо старой привычки, которую я нарушил, вам не завести новую и не бывать у меня? По крайней мере до тех пор, пока мы не решим вопрос о продаже дома. Вам нужно обдумывать вашу работу. Вы делали это всегда во время послеобеденной прогулки. К сожалению, прогулки эти расстроились безвозвратно. Так почему бы вам не приходить ко мне поговорить о вашей работе, пользуясь мною как стеной, в которую вы можете, словно мячик, бросать свои мысли и ловить их? Я, безусловно, не настолько сведущ, чтобы похитить вашу идею, и у меня нет знакомых ученых.

Я умолк, и он задумался. Очевидно, мое предложение понравилось ему.

— Но я боюсь наскучить вам, — сказал он.

— Вы думаете, что я настолько туп?

— О нет, но технические подробности…

— Вы очень заинтересовали меня сегодня.

— Конечно, это было бы полезно для меня. Ничто так не выясняет идей, как изложение их другим. До сих пор…

— Ни слова больше, сэр…

— Но можете ли вы уделять мне время?

— Лучший отдых — это перемена занятий, — убежденно проговорил я.

Он согласился. На ступеньках веранды он обернулся и сказал:

— Я вам очень благодарен.

— За что?

— Вы излечили меня от смешной привычки жужжать.

Кажется, я ответил, что рад оказать ему хоть такую услугу, и он ушел.

Но, вероятно, поток мыслей, вызванный нашей беседой, вновь увлек его. Он начал размахивать руками, как прежде. Слабый отзвук его жужжания донесся до меня по ветру…

Но какое мне до этого дело?

Он явился на другой день и на третий и, к нашему обоюдному удовольствию, прочел мне две лекции по физике. С видом настоящего ученого он говорил об «эфире» и о «силовых цилиндрах», о «потенциале тяготения» и тому подобных вещах, а я сидел в другом кресле и поощрял его замеча-

ниями «да, да», «продолжайте», «понимаю».

Все это было ужасно трудно, но он, кажется, и не подозревал, что я его совсем не понимаю. Иногда я готов был раскаяться в своей оплошности, но, во всяком случае, я радовался, что оторвался от этой проклятой пьесы. Подчас я начинал что-то смутно понимать, но потом снова терял нить. Порой внимание ослабевало настолько, что я тупо смотрел на него и думал, не стоит ли просто вывести его в виде центральной комической фигуры в своей пьесе и плюнуть на всю эту науку. Но тут я вдруг снова что-то улавливал.

При первом удобном случае я пошел посмотреть его дом, довольно большой, небрежно меблированный, без всякой прислуги, кроме трех помощников. Стол его, так же как и частная жизнь, отличался философской простотой. Он пил воду, ел растительную пищу, вел размеренную жизнь. Но обстановка его дома рассеяла мои сомнения; от подвала до чердака все было подчинено его изобретению — странно было видеть все это в захолустном поселке. Комнаты нижнего этажа заполняли станки и аппараты, в пекарне и в котле прачечной горели настоящие кузнечные горны, в подвале помещались динамо-машины, а в саду висел газометр.

Он показывал мне все это с доверчивостью и рвением человека, долго жившего в одиночестве. Его обычная замкнутость сменилась приступом откровенности, и мне посчастливилось стать зрителем и слушателем.

Три его помощника были, что называется, «мастера на все руки». Добросовестные, хотя и малосведущие, выносливые, обходительные, трудолюбивые. Один, Спаргус, исполнявший обязанности повара и слесаря, был прежде матросом. Второй, Гиббс, был столяр; третий же, бывший садовник, занимал место главного помощника. Все трое были простые рабочие. Всю квалифицированную работу выполнял сам Кейвор. Они были еще более невежественны, чем я.

А теперь несколько слов о самом изобретении. Тут, к несчастью, возникает серьезное затруднение. Я совсем не ученый эксперт и, если бы попробовал излагать цель опытов научным языком самого мистера Кейвора, то, наверное, не только спутал бы читателя, но и сам запутался бы и наделал таких ошибок, что меня поднял бы на смех любой студент — математик или физик. Поэтому лучше передать свои впечатления попросту, без всякой попытки облечься в тогу знания, носить которую я не имею никакого права.

Целью изысканий мистера Кейвора было вещество, которое должно было быть непроницаемо (он-то употреблял другое слово, но я его позабыл, а этот термин верно выражает его мысль) для «всех форм лучистой энергии».

— Лучистая энергия, — объяснял он мне, — подобна свету, или теплоте, или рентгеновским лучам, о которых так много говорили с год тому назад, или электрическим волнам Маркони, или тяготению. Она также, — говорил он, — излучается из центра и действует на другие тела на расстоянии, отсюда и происходит термин «лучистая энергия». Почти все вещества непроницаемы для той или иной формы лучистой энергии. Стекло, например, проницаемо для света, но менее проницаемо для теплоты, так что его можно употреблять как ширму против огня; квасцы тоже проницаемы для света, но совершенно не пропускают теплоты. Раствор йода в двусернистом углероде не пропускает света, но проницаем для теплоты. Он скрывает для нас огонь, но сообщает всю его теплоту. Металлы непроницаемы не только для света, но и для электромагнитных волн, которые легко проходят через раствор йода и стекло. И так далее.

Все известные нам вещества «проницаемы»

для тяготения. Можно употреблять различные экраны для защиты от света или теплоты, от электрической энергии Солнца или от теплоты Земли, можно защитить предметы металлическими листами от электрических волн Маркони, но ничто не может защитить от тяготения Солнца или от притяжения Земли. Почему — это трудно сказать. Кейвор не видел причины, почему не могло быть такого преграждающего влияния притяжения вещества, и я, конечно, ничего не мог ему возразить. Я никогда ранее не думал об этом. Он доказал мне вычислениями на бумаге (которые, без сомнения, уразумели бы лорд Кельвин, или профессор Лодж, или профессор Карл Пирсон, или какой-нибудь другой ученый, но в которых я был безнадежным тупицей), что подобное вещество не только возможно, но и должно удовлетворять известным условиям. Это была удивительная цепь логических рассуждений; они поразили меня и многое прояснили, хотя я и не могу их повторить. «Да, — говорил я, — да, продолжайте». Достаточно сказать, что Кейвор полагал возможным сделать вещество, непроницаемое для притяжения, из сложного сплава металлов и какого-то нового элемента, кажется, гелия, присланного ему из Лондона в запечатан-

ных глиняных сосудах. Эта подробность позже вызвала сомнение, но я почти уверен, что в запечатанных сосудах был именно гелий. Это было наверняка нечто газообразное и разреженное — жаль, что я тогда не делал заметок…

Но мог ли я предвидеть, что они понадобятся? Всякий человек, обладающий хоть малой долей воображения, поймет, как необычайно подобное вещество, и разделит до некоторой степени мое волнение, когда я начал понемногу понимать туманные выражения Кейвора. Вот вам и комический персонаж! Конечно, я не сразу понял и не сразу поверил, что начинаю понимать, так как боялся задавать ему вопросы, чтобы не показать всю глубину своего невежества. Но, вероятно, никто из читателей не разделит моего волнения, потому что из моего бестолкового рассказа невозможно понять, насколько глубоко я был убежден, что это удивительное вещество будет найдено.

Я не помню, чтобы после моего визита к Кейвору я уделял хотя бы час в день своей пьесе. Мое воображение было теперь занято другим. Казалось, что нет предела удивительным свойствам этого вещества. Какие чудеса, какой переворот во всем! Например, для поднятия тяжести, даже самой громадной, достаточно было бы подложить

под нее лист нового вещества, и ее можно было бы поднять соломинкой.

Я, естественно, прежде всего представил себе применение этого вещества в пушках и броненосцах, в военной технике, а затем в судоходстве, на транспорте, в строительном искусстве — словом, в самых различных отраслях промышленности. Случай привел меня к колыбели новой эпохи — а это была, несомненно, эпоха: такой случай выпадает однажды в тысячу лет. Последствия этого открытия были бы бесконечны. Благодаря ему я снова смогу стать дельцом. Мне уже мерещились акционерные компании с филиалами, синдикаты и тресты, патенты и концессии, — они растут, расширяются и, наконец, соединясь в одну огромную компанию, захватывают в свои руки весь мир.

И я участвую во всем этом!

Я решил действовать напрямик, хотя знал, что это рискованно. Остановиться я уже не мог.

— Мы накануне величайшего изобретения, какое когда-либо было сделано, — сказал я и сделал ударение на слове «мы». — Теперь меня можно отогнать только выстрелами. Я завтра же начинаю работать в качестве вашего четвертого помощника.

Мой энтузиазм удивил его, но не возбудил никаких подозрений или враждебного чувства. Очевидно, он недооценивал себя.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Вы это серьезно? — спросил он. — А ваша пьеса! Что будет с пьесой?

— К черту пьесу! — воскликнул я. — Дорогой сэр, разве вы не видите, чего вы достигли? Разве вы не видите, куда ведет ваше изобретение?

Это был лишь риторический оборот речи, но чудак действительно ничего не видел. Сначала я просто не верил своим глазам. Ему ничего и в голову не приходило. Этот удивительный человечек думал лишь о чистой теории! Если он и говорил о своем исследовании как о «важнейшем» из всех, какие только были в мире, то он просто подразумевал под этим, что его изобретение подведет итог множеству теорий и разрешит бесчисленные сомнения. Он думал о практическом применении нового вещества не более чем машина, отливающая пушки. Такое вещество возможно, и он пытался добыть его!

Только и всего, v'la toute, как говорят французы.

Вне своей работы он был сущий ребенок! Если он добьется своего, то вещество перейдет в

потомство под названием кейворита или кейворина, он сделается академиком, и портрет его будет помещен в журнале «Nature». Вот и все, о чем он мечтал! Если бы не я, он бросил бы в мир бомбу своего открытия, как будто это был новый вид комара. И бомба лежала бы и шипела, такая же ненужная, как и прочие мелкие открытия ученых.

Когда я сообразил все это, настала моя очередь говорить. Кейвору пришлось только слушать и поддакивать. Я вскочил и расхаживал по комнате, жестикулируя, как двадцатилетний юноша. Я пытался объяснить ему его долг и ответственность в этом деле — наш долг и общую ответственность. Я уверял его, что мы приобретаем столько богатств, что сможем произвести целый социальный переворот, сможем владеть и управлять всем миром. Я говорил ему о компаниях, и о патентах, и о сейфе для секретных бумаг; но все это интересовало его столько же, сколько меня его математика. На румяном личике появилось выражение смущения. Он пробормотал что-то о своем равнодушии к богатству, но я горячо стал ему возражать. Он на пути к богатству — и тут не время смущаться. Я дал ему понять, что я за человек, сказал, что обладаю опытом в

коммерческих делах. Конечно, я умолчал о том, что обанкротился, — ведь это была временная неудача — и постарался объяснить, почему я при моих средствах веду такой скромный образ жизни. Скоро мы незаметно пришли к заключению о необходимости учредить компанию по монопольной продаже кейворита. Кейвор будет добывать его, а я буду рекламировать.

Я все время говорил «мы» — слова «я» и «вы» как бы не существовали.

Кейвор хотел, чтобы вся прибыль шла на дальнейшие изыскания, но об этом мы могли сговориться потом.

— Хорошо, хорошо, — поддакивал я. — Главное — добыть кейворит.

— Ведь это такое вещество, — восклицал я восторженно, — без которого не сможет обойтись ни один дом, ни одна фабрика, ни одна крепость, ни одно судно, — вещество более универсальное, чем патентованные медикаменты! И каждое из десяти тысяч его возможных применений должно нас обогатить, Кейвор, сказочно обогатить!

— Теперь, — подтвердил Кейвор, — я начинаю понимать. Удивительно, как расширяешь горизонт в беседе с другим человеком!

— В особенности когда поговоришь с подходя-

щим человеком!

— Я думаю, — сказал Кейвор, — что никто не питает отвращения к богатству. Однако... — Он запнулся. Я молча ждал. — Возможно, что нам не удастся добыть это вещество. А что, если это возможно только в теории, а на практике окажется абсурдом? Вдруг мы натолкнемся на препятствия...

— Мы преодолеем все препятствия! — решительно сказал я.

Глава II
Первое изготовление кейворита

Опасения Кейвора не оправдались. 14 октября 1899 года это сказочное вещество было изготовлено!

Забавно, что открытие произошло случайно, совершенно неожиданно для Кейвора. Он сплавил несколько металлов и еще что-то (жаль, что не знаю состава) и намеревался оставить смесь на неделю, чтобы потом дать ей медленно остынуть. Если он не ошибся в своих вычислениях, то последняя стадия процесса должна была наступить, когда температура приготовленного вещества понизится до шестидесяти градусов по Фаренгейту. Но случайно, без ведома Кейвора, между его помощниками разгорелся спор о том, кому смотреть за печью. Гиббс вздумал свалить эту обязанность на своего сослуживца, бывшего садовника, ссылаясь на то, что каменный уголь — та же земля и, следовательно, не может входить в круг ведения столяра. Бывший садовник возражал, что каменный уголь — металл или руда, не говоря уже о том, что сам он повар. Спаргус

тоже настаивал на том, что это дело Гиббса, так как всем известно, что уголь — ископаемое дерево. Гиббс бросил засыпать уголь в печь, и никто другой этого не делал, а Кейвор был слишком погружен в разрешение некоторых интересных проблем о летательной машине из кейворита (пренебрегая сопротивлением воздуха и некоторыми другими условиями) и поэтому не заметил, что в лаборатории не все благополучно. И преждевременные роды его изобретения произошли в тот момент, когда он шел через поле к моему домику, чтобы побеседовать со мной за чаем. Я очень хорошо помню, как это случилось. Вода для чая уже кипела, и все было приготовлено. Услышав характерный звук жужжания Кейвора, я вышел на веранду. Его подвижная маленькая фигурка темным пятном вырисовывалась на фоне заходящего осеннего солнца, а справа, из-за деревьев, окрашенных светом заката, выглядывали белые трубы его дома. Вдали, на горизонте, синели в дымке холмы Уилдена; влево дымилась туманом болотистая равнина. И вдруг печные трубы взлетели на воздух, рассыпавшись щебнем; за ними последовали крыша и разная мебель. Затем вспыхнуло белое пламя. Деревья раскачивались и вырывались из земли; их раз-

носило в щепы, летевшие в огонь. Громовой удар оглушил меня с такой силой, что я на всю жизнь оглох на одно ухо. Все стекла в окнах разлетелись вдребезги.

Я сделал несколько шагов от веранды по направлению к дому Кейвора, и в эту минуту налетел ураган.

Фалды пиджака взлетели мне на голову, и я против воли огромными прыжками помчался вперед. В тот же самый миг ветер подхватил и изобретателя, закружил его и поднял на воздух. Я видел, как колпак от одной из печных труб слетел на землю в шести ярдах от меня, подпрыгнул и стремительно понесся к центру взрыва. Кейвор, болтая ногами и размахивая руками, упал и кубарем покатился по земле, потом снова взлетел на воздух, со страшной быстротой понесся вперед и исчез среди корчившихся от жара деревьев около своего дома.

Клубы дыма и пепла и полоса какого-то синеватого блестящего вещества взлетели к зениту. Большой обломок забора промелькнул мимо меня, воткнулся в землю и упал плашмя, — самое худшее миновало. Воздушная буря стихла и превратилась в сильный ветер, и я убедился, что у меня целы ноги, и я могу дышать. Я повернулся

против ветра, с трудом остановился и попытался прийти в себя и собраться с мыслями.

Вся природа вокруг точно преобразилась. Спокойный отблеск заката потух, небо задернулось черными тучами, подул порывистый, резкий ветер. Я оглянулся, чтобы посмотреть, уцелел ли мой домик, затем неверными шагами направился к деревьям, среди которых исчез Кейвор; сквозь длинные оголившиеся ветви блестело пламя горевшего дома.

Я вошел в заросли, перебегая от ствола к стволу, и долго искал Кейвора; наконец у стены сада, среди кучи бурелома и досок от забора, я заметил что-то копошившееся на земле. Прежде чем я успел подойти ближе, какая-то темная фигура встала, и я увидел грязные ноги и бессильно повисшие окровавленные руки. Ветер шевелил вокруг его пояса лохмотья, бывшие когда-то одеждой.

В первую минуту я не узнал этой земляной глыбы, потом разглядел, что это Кейвор, весь облепленный грязью, в которой он вывалялся. Он наклонился вперед против ветра, протирая глаза и отплевываясь. Потом протянул грязную руку и, пошатываясь, сделал шаг мне навстречу. Его возбужденное лицо было перепачкано грязью.

Он выглядел таким несчастным и жалким, что я очень удивился его замечанию.

— Поздравьте меня, — пробормотал он, — поздравьте меня.

— Поздравить вас? С чем?

— Я сделал это.

— Конечно! А отчего произошел взрыв?

Порыв ветра отнес его слова. Кажется, он сказал, что никакого взрыва не было. Ветер толкал нас, и мы невольно цеплялись друг за друга.

— Попробуем вернуться ко мне! — крикнул я ему в ухо. Но он, очевидно, не расслышал и пробормотал что-то о трех «мучениках науки» и о том, что «это ужасно».

Он думал, что три его помощника погибли при взрыве. К счастью, он ошибся. Как только он пошел ко мне, они отправились в соседний трактир обсудить за бутылкой спорный вопрос о печи.

Я вторично предложил Кейвору вернуться в мой домик, на этот раз он расслышал. Мы взялись под руку и пошли искать приюта под остатками моей крыши. С трудом добравшись до места, мы опустились в кресла, чтобы отдышаться. Все рамы в окнах вылетели, более легкие предметы из мебели попадали на пол, но большого вреда взрыв все же здесь не причинил. К счастью, кухонная

дверь устояла против напора и посуда и утварь уцелели, даже керосинка не потухла, и я снова поставил на нее чайник. Сделав это, я вернулся к Кейвору, чтобы выслушать его объяснения.

— Совершенно верно, — повторял он, — совершенно верно, я сделал это. Все идет отлично.

— Как бы не так, — возразил я, — все идет отлично! Наверное, на двадцать миль кругом не уцелело ни одного стога сена, ни одного забора, ни одной соломенной крыши.

— Все идет отлично. Конечно, я не предвидел этого небольшого бесчинства. Я был поглощен другой проблемой и не обратил внимания на побочные практические результаты. Но все идет отлично.

— Как, дорогой сэр, — воскликнул я, — разве вы не видите, что причинили убытков на тысячу фунтов стерлингов?

— Тут придется понадеяться на вашу скромность. Конечно, я не практик, но не думаете ли вы, что все примут это за циклон?

— Однако взрыв…

— Это был не взрыв. Все объясняется очень просто. Я не смог предусмотреть всех мелочей. Это вроде моего жужжания, только в более широком масштабе. По недосмотру я готовил это

новое вещество, этот кейворит, в виде тонкого большого листа… — Он запнулся. — Вы же знаете, что вещество это не подчиняется силе тяготения и преграждает взаимное притяжение между телами?

— Да, да, — подтвердил я.

— Как только кейворит достигает температуры шестидесяти градусов по Фаренгейту и процесс его образования заканчивается, сейчас же воздух, часть кровли, потолок, пол перестают иметь вес. Вам известно, это каждый знает, что воздух также имеет вес, что он оказывает давление на любой предмет, на поверхность земли, во всех направлениях с силой, равной четырнадцати с половиной английским фунтам на квадратный дюйм.

— Знаю, продолжайте.

— Я это тоже знаю, — заметил он, — однако это доказывает, как бесполезно знание, если не применять его на практике. Итак, над нашим кейворитом (теперь это уже произошло) давление воздуха сверху прекратилось, воздух же по сторонам кейворита продолжал давить с силой четырнадцати с половиной фунтов на каждый квадратный дюйм того воздуха, который вдруг сделался невесомым. Теперь вы понимаете? Воздух, окружающий кейворит, с непреодоли-

мой силой давил на воздух над ним. Воздух над кейворитом, насильно вытесняемый, шел вверх; притекший же ему на смену воздух с боков тоже потерял вес, перестал производить давление, последовал также кверху, пробил потолок и снес крышу… Таким образом, образовался как бы атмосферный фонтан, печная труба в атмосфере. И если бы сам кейворит не был подвижным и не оказался втянутым в эту трубу, то что произошло бы? Как вы думаете?

Я подумал.

— Полагаю, что воздух устремился бы все выше и выше над этим адским листом, уничтожающим силу тяготения.

— Совершенно верно, — подтвердил он, — исполинский фонтан…

— Бьющий в небесное пространство! Бог ты мой! Через него улетучилась бы вся земная атмосфера! Он лишил бы земной шар воздуха. Все люди погибли бы. И все это наделал бы один кусок этого вещества.

— Не совсем так: атмосфера не рассеялась бы в небесном пространстве, — сказал Кейвор, — но последствия были бы плохие. Воздушная оболочка слетела бы с Земли, как кожура с банана. Воздух поднялся бы на тысячи миль. Потом он

опустился бы обратно, но все живое задохнулось бы. С нашей точки зрения, это было бы немногим лучше, чем если бы он совсем не вернулся.

Я смотрел на него ошеломленный и разочарованный в своих надеждах.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил я.

— Прежде всего надо достать садовый скребок. Я хочу счистить с себя грязь, а потом, если позволите, принять у вас ванну. После этого мы побеседуем на досуге. Мне кажется, — сказал он, положив мне на плечо грязную руку, — не следует ничего говорить об этом посторонним. Я знаю, что причинил много вреда, — вероятно, пострадали все дома в окрестности. Но, с другой стороны, я не в состоянии заплатить за причиненный мной вред, и если причина катастрофы будет оглашена, то это поведет только ко всеобщему озлоблению и помешает моей работе. Нельзя предвидеть всего, а я не могу позволить себе роскошь считаться с практическими результатами моих теоретических работ. Впоследствии при вашем практическом уме, когда кейворит пойдет в ход и осуществятся все наши предположения, мы сможем уладить дело с этими людьми. Но только не теперь, только не теперь! Если не

будет никакого другого объяснения, то публика при современном неудовлетворительном состоянии метеорологии припишет все циклону. Быть может, устроят даже подписку, и так как мой дом сгорел, то и я получу приличную сумму, которая очень пригодится для продолжения наших опытов. Но если узнают, что я виновник всего, никакой подписки не будет, нас выгонят вон, и я уже не смогу работать спокойно. Мои три помощника могли погибнуть или остаться в живых. Это не так важно. Если погибли, то потеря не велика. Они были усердные, но малоспособные работники, и авария произошла в значительной мере из-за их небрежности при уходе за печью. Если же они и уцелели, то едва ли смогут объяснить, в чем дело. Они поверят россказням о циклоне. Хорошо бы на время поселиться в одной из комнат вашего домика, пока мой не пригоден для житья.

Он приостановился и вопросительно посмотрел на меня.

«Человек с такими способностями, — подумал я, — не совсем приятный жилец».

— Может быть, лучше всего сначала найти скребок, — сказал я уклончиво. И повел его к остаткам оранжереи.

Пока он принимал ванну, я раздумывал о происшедшем. Ясно, что дружба с мистером Кейвором имеет свои неудобства, которых я раньше не предвидел. Его рассеянность, которая чуть было не погубила население земного шара, может во всякую минуту привести к какой-нибудь новой беде. С другой стороны, я нуждался в деньгах, был молод и склонен к смелым авантюрам, когда можно надеяться на счастливый конец. Я уже решил, что мне должна достаться по крайней мере половина прибыли от изобретения кейворита. К счастью, я снял домик на три года без ремонта, а вся мебель была куплена в долг и застрахована. В конце концов я решил не покидать Кейвора и посмотреть, чем это все кончится.

Конечно, теперь положение сильно изменилось. Я не сомневался более в чудесных свойствах нового вещества, но у меня начало закрадываться сомнение насчет пригодности его для артиллерии и для патентованных сапог.

Мы дружно принялись за восстановление лаборатории, чтобы скорей приступить к продолжению опытов. Кейвор теперь больше применялся к уровню моих знаний при разговорах о том, как должно изготовляться новое вещество.

— Разумеется, мы должны изготовить его сно-

ва, — заявил он весело. — Пусть мы потерпели неудачу, но мои теоретические соображения оказались правильными, и они уже позади. Мы по возможности примем меры, чтобы избегнуть гибели нашей планеты. Но риск неизбежен! Неизбежен. В исследовательской работе без этого не обойтись, и, как практик, вы должны помочь мне. Мне кажется, что вещество лучше всего создать в виде узкой тонкой полоски. Впрочем, я еще не знаю. У меня появилась мысль о другом методе, который я еще затрудняюсь формулировать. Но любопытно, что эта мысль пришла мне в голову в тот самый момент, когда я катился по грязи по воле ветра и не знал, чем кончится вся эта история.

Нам пришлось довольно много повозиться, пока мы восстановили лабораторию. Дел хватало, хотя мы не сразу решили вопрос о том, как надо ставить вторичный опыт. Трое помощников были очень недовольны тем, что я стал старшим над ними, и даже пытались бастовать. Но это удалось уладить, правда, после двухдневного перерыва в работе.

Глава III
Сооружение шара

Я хорошо помню, как Кейвор развивал мне свою идею о шаре. Мысль об этом мелькала у него и раньше, но вполне ясно осознал он ее как-то внезапно. Мы шли ко мне пить чай, и дорогой Кейвор что-то бормотал про себя. Вдруг он вскрикнул:

— Конечно, так! Это победа! Вроде свертывающейся шторы!

— Какая победа? — спросил я.

— Над любым пространством! Над Луной!

— Что вы этим хотите сказать?

— Что? Это должен быть шар. Вот что я хочу сказать!

Я понял, что толку от него не добиться, и не стал расспрашивать. Я не имел тогда ни малейшего представления о его плане. После чая он сам начал объяснять мне свой проект.

— В прошлый раз, — сказал он, — я вылил вещество, не подверженное силе тяготения, в плоский чан с крышкой, которая придерживала его. Как только вещество охладилось и процесс выплавки

закончился, произошла катастрофа, — ничто над ним не имело веса: воздух устремился кверху, дом тоже взлетел, и если бы самое вещество не взлетело также, то неизвестно, чем бы все это кончилось. Но предположите, что вещество это ничем не прикреплено и может совершенно свободно подниматься.

— Оно тотчас улетело бы.

— Верно. И это произвело бы не больше смятения, чем какой-нибудь выстрел из пушки.

— Но какая была бы от этого польза?

— Я полетел бы вместе с ним.

Я отодвинул стакан с чаем и с изумлением посмотрел на моего собеседника.

— Представьте себе шар, — объяснял он мне, — достаточно большой, чтобы вместить двух пассажиров с багажом. Он будет сделан из стали и выложен толстым стеклом; в нем будут содержаться достаточные запасы сгущенного воздуха и концентрированной пищи, аппараты для дистиллирования воды и так далее. Снаружи стальная оболочка будет покрыта слоем…

— Кейворита?

— Да.

— Но как же вы попадете внутрь?

— Так же, как в пудинг.

— А именно?

— Очень просто. Нужен только герметически закрывающийся люк. Это будет, конечно, довольно сложно; придется устроить клапан, чтобы можно было в случае надобности выбрасывать вещи без большой потери воздуха.

— Как у Жюля Верна в «Путешествии на Луну»?

Но Кейвор не читал фантастических романов.

— Начинаю понимать, — сказал я. — И вы могли бы влезть туда и закрыть люк, пока еще кейворит теплый; а как только он остынет, он преодолеет силу тяготения, и вы полетите?

— По касательной.

— Вы полетите по прямой линии. — Я вдруг остановился. — Однако что может помешать вам навсегда улететь по прямой линии, в космическое пространство? — спросил я. — Вы не можете быть уверены, что попадете куда-нибудь, а если и попадете, то как вернуться назад?

— Я только что думал об этом, — сказал Кейвор, — это-то я и подразумевал, когда воскликнул: «Победа!» Внутреннюю стеклянную оболочку шара можно устроить непроницаемой для воздуха и, за исключением люка, сплошной; стальную же оболочку сделать составной из отдельных

сегментов, так что каждый сегмент может передвигаться, как у свертывающейся шторы. Ими нетрудно будет управлять при помощи пружин и подтягивать их или распускать посредством электричества, пропускаемого через платиновую проволоку в стекло. Все это уже детали. Вы видите, что за исключением пружин и роликов внешняя кейворитная оболочка шара будет состоять из окон, или штор, — называйте их как хотите. Вот когда все эти окна, или шторы, будут закрыты, то никакой свет, никакая теплота, никакое притяжение или лучистая энергия не в состоянии будут проникнуть внутрь шара, и он полетит через пространство по прямой линии, как вы говорите. Но откройте окно, вообразите, что одно из окон открыто! Тогда всякое тяготеющее тело, которое случайно встретится на пути, притянет нас.

Я сидел, стараясь разобраться.

— Вы понимаете? — спросил он.

— Да, понимаю.

— Фактически мы сможем лавировать в пространстве как угодно, поддаваясь притяжению то одного, то другого тела.

— Да. Это совершенно ясно. Только…

— Что?

— Только я не совсем понимаю, зачем нам все это. Это ведь только прыжок с Земли и обратно.

— Конечно. Можно, например, слетать на Луну.

— Но если мы попадем туда, что мы там увидим?

— Посмотрим… По новейшим данным науки…

— Есть ли там воздух?

— Может быть, и есть.

— Отличная идея, — сказал я, — но не чересчур ли смелый замысел? Луна! Я предпочел бы сначала слетать куда-нибудь поближе.

— Но это невозможно: нам помешает воздух.

— Почему бы не применить вашу идею о пружинных заслонках, заслонках из кейворита в крепких стальных ящиках, для поднимания тяжестей?

— Ничего не выйдет, — упорствовал Кейвор. — В конце концов, путешествие в космическое пространство не более опасно, чем какая-нибудь полярная экспедиция. Отправляются же люди к полюсу!

— Только не дельцы. Кроме того, им хорошо платят за полярные экспедиции. И если там случится несчастье, им посылают помощь. А тут!.. Лететь неизвестно куда и неизвестно ради чего…

— Хотя бы ради разведки космоса.

— Да, пожалуй… и потом можно будет написать книгу…

— Я не сомневаюсь, что там есть минералы, — заметил Кейвор.

— Какие же?

— Сера, различные руды, может быть, золото, возможно, даже новые элементы.

— Да, но стоимость перевозки… — возразил я. — Нет, вы непрактичный человек. Ведь до Луны четверть миллиона миль!

— Мне кажется, перевозка любой тяжести обойдется недорого, если запаковать ее в ящик из кейворита.

— Об этом я не подумал.

— Перевозка за счет продавца, не так ли?

— Мы не ограничимся одной Луной.

— Что вы хотите сказать?

— Есть еще Марс: прозрачная атмосфера, новая обстановка, восхитительное чувство легкости. Неплохо бы слетать и туда.

— А воздух на Марсе есть?

— Конечно.

— Вы, кажется, намерены устроить там санаторий. Кстати, какое расстояние до Марса?

— Пока, кажется, двести миллионов миль, —

беспечно ответил Кейвор, — и лететь нужно близко к Солнцу.

У меня опять разыгралась фантазия.

— Во всяком случае, — сказал я, — это звучит заманчиво. Все-таки путешествие…

Передо мной открывались невероятные возможности. Я вдруг ясно увидел, как по всей Солнечной системе курсируют суда из кейворита и шары «люкс». Патент на изобретение, закрепленный на всех планетах. Я вспомнил старинную испанскую монополию на американское золото. И ведь речь идет не об одной планете, а обо всех сразу! Я пристально посмотрел на румяное лицо Кейвора, и воображение мое точно запрыгало и заплясало. Я встал, зашагал по комнате и дал волю своему языку:

— Я, кажется, начинаю понимать. — Переход от сомнения к энтузиазму совершился в одно мгновение. — Это восхитительно! Грандиозно! Мне и во сне такое не снилось!

Лед моего благоразумия был сломлен, и теперь фантазия Кейвора не знала удержу. Он тоже вскочил и забегал по комнате, он тоже махал руками и кричал. Мы были точно одержимые. Да мы и были одержимые.

— Мы все устроим, — сказал он в ответ на какое-

то мое возражение, — все устроим. Сегодня же вечером начнем вычерчивать литейные формы.

— Мы начнем сейчас же, — возразил я, и мы поспешили в лабораторию, чтобы приняться за работу.

Всю эту ночь я, как ребенок, витал в сказочном мире. Утренняя заря застала нас обоих за работой при электрическом свете: мы забыли его погасить. Эти чертежи стоят у меня перед глазами до сих пор. Я сводил и раскрашивал их, а Кейвор чертил; чертежи были грязные, сделанные наспех, но удивительно точные. Мы сделали в ту ночь чертежи стальных заслонок и рам, план стеклянного шара был изготовлен в неделю. Мы прекратили наши послеобеденные беседы и вообще изменили весь распорядок жизни. Мы работали беспрерывно, а спали и ели только тогда, когда уже валились с ног от голода или усталости. Наш энтузиазм заразил и наших троих помощников, хоть они и не знали, для какой цели предназначался шар. В те дни один из них, Гиббс, словно разучился нормально ходить и бегал повсюду, даже по комнате, какой-то мелкой рысцой.

Шар понемногу рос. Прошел декабрь, январь — один раз снег был такой глубокий, что мне при-

шлось целый день разметать дорожку от дома до лаборатории; наступил февраль, потом март. В конце марта завершение работы было уже близко. В январе нам доставили на шестерке лошадей огромный ящик, — в нем был шар из массивного стекла, уже готовый, который мы положили около подъемного крана, чтобы потом вставить его в стальную оболочку. Все части этой оболочки — она было не сферическая, а многогранная, со свертывающимися сегментами — прибыли в феврале, и нижняя половина ее была уже склепана. Кейворит был в марте наполовину готов, металлическая паста прошла уже через две стадии процесса, и мы наложили большую часть ее на стальные прутья и заслонки. Мы почти ни в чем не отступали от первоначального плана Кейвора, и это было поистине удивительно. Когда шар был склепан, Кейвор предложил снять крышу с временной лаборатории, где производились работы, и построить там печь. Таким образом, последняя стадия изготовления кейворита, во время которой паста нагревается докрасна в струе гелия, должна была закончиться тогда, когда мы будем уже внутри шара.

Теперь нам оставалось обсудить и решить, что нужно взять с собой: пищевые концентраты, кон-

сервированные эссенции, стальные цилиндры с запасным кислородом, аппараты для удаления углекислоты из воздуха и для восстановления кислорода посредством перекиси натрия, конденсаторы для воды и так далее. Помню, какую внушительную груду образовали в углу все эти жестянки, свертки, ящики — убедительные доказательства нашего будущего путешествия.

В это горячее время некогда было предаваться раздумью. Но однажды, когда сборы уже подходили к концу, странное настроение овладело мной. Все утро я складывал печь и, выбившись из сил, присел отдохнуть. Все показалось мне вдруг сумасбродным и невероятным.

— Послушайте, Кейвор, — сказал я. — Собственно говоря, к чему все это?

Он улыбнулся.

— Теперь уже поздно.

— Луна, — размышлял я вслух, — что вы рассчитываете там увидеть? Я всегда думал, что Луна — мертвый мир.

Он пожал плечами.

— Что вы рассчитываете там увидеть?

— А вот посмотрим.

— Посмотрим ли? — усомнился я и задумался.

— Вы утомлены, — заметил Кейвор, — вам надо

прогуляться сегодня после обеда.

— Нет, — сказал я упрямо. — Я закончу кладку печи.

Действительно, я ее закончил и ночью потом мучился от бессонницы.

Никогда еще у меня не было такой бессонницы. Было, правда, несколько скверных ночей перед моим банкротством, но даже самая худшая из них показалась бы сладкой дремой по сравнению с этой бесконечной головной болью. Я вдруг испугался нашей затеи.

До этой ночи я, кажется, ни разу и не подумал об опасностях нашего путешествия. Теперь они явились, словно полчища привидений, осаждавших некогда Прагу, и окружили меня тесным кольцом. Необычайность того, что мы собирались предпринять, потрясла меня. Я походил на человека, пробудившегося от сладких грез в самой ужасающей действительности. Я лежал с широко раскрытыми глазами, и наш шар казался мне все более хрупким и жалким, Кейвор — все более сумасбродным фантазером, а все предприятие — более и более безумным.

Я встал с кровати и начал ходить по комнате, затем сел у окна и стал тоскливо смотреть в бесконечное космическое пространство. Между

звездами такая бездонная пустота, такой мрак! Я старался припомнить отрывочные сведения по астрономии из случайно прочитанных книг, но они были слишком смутны и не давали никакого представления о том, что может нас ожидать. Наконец я лег в постель и ненадолго уснул или, вернее, промучился в кошмарах. Мне снилось, будто я стремглав падаю в бездонную пропасть неба.

За завтраком я очень удивил Кейвора, когда объявил ему решительно:

— Я не намерен лететь с вами.

На все его попытки убедить меня я упорно отвечал:

— Затея ваша безрассудна, и я не желаю в ней участвовать. Затея ваша безумна.

Я не пошел с ним в лабораторию и, походив немного вокруг моего домика, взял шляпу и трость и отправился куда глаза глядят. Утро было великолепное: теплый ветер и синее небо, первая зелень весны, пение птиц. Я позавтракал бифштексом и пивом в трактире около Элхэма и удивил хозяина своим замечанием по поводу погоды:

— Человек, покидающий Землю в такую прекрасную погоду, — безумец!

— То же самое сказал и я, как только услышал об этом, — подтвердил хозяин, и тут же выяснилось, что какой-то бедняга покончил самоубийством. Я ушел, но мысли мои приняли несколько иное направление.

После обеда я подремал на солнце и, освеженный, отправился дальше.

Недалеко от Кентербери я зашел в уютный ресторан. Домик был весь увит плющом, и хозяйка, опрятная старушка, мне понравилась. У меня хватило денег, чтобы заплатить за номер, и я решил там переночевать. Хозяйка была особа разговорчивая и, между прочим, сообщила мне, что она никогда не бывала в Лондоне.

— Дальше Кентербери я никуда не ездила, — сказала она. — Я не бродяга какая-нибудь.

— А не хотели бы вы полететь на Луну? — спросил я.

— Мне, знаете, никогда не нравились эти воздушные шары, — ответила она, полагая, очевидно, что это довольно обыкновенная прогулка. — Ни за что не полетела бы на воздушном шаре, нет уж, увольте.

Это прозвучало комично. После ужина я сел на скамейку у двери трактира и поболтал с двумя рабочими о выделке кирпича, об автомобилях, о

крикете прошлого года. А на небе новый месяц, голубой и далекий, как альпийская вершина, плыл к западу вслед за солнцем.

На следующий день я вернулся к Кейвору.

— Я лечу, — сказал я. — Я просто был немного не в духе.

Это был единственный раз, когда я всерьез усомнился в нашем предприятии. Нервы! После этого я стал работать не так усердно и ежедневно гулял не менее часа. Наконец все было готово, оставалось только нагреть сплав в печи.

Глава IV
Внутри шара

— Спускайтесь! — сказал Кейвор, когда я вскарабкался на край люка и заглянул в темную внутренность шара. Мы были одни. Смеркалось. Солнце только что село, и надо всем царила тишина сумерек.

Я спустил вторую ногу и соскользнул по гладкому стеклу внутрь шара; потом повернулся, чтобы принять от Кейвора жестянки с пищей и другие припасы. Внутри было тепло: термометр показывал восемьдесят градусов по Фаренгейту; при полете надо беречь тепло, и мы надели костюмы из тонкой фланели. Кроме того, мы захватили узел толстой шерстяной одежды и несколько теплых одеял — на случай холода. По указанию Кейвора я расставлял багаж, цилиндры с кислородом и прочее около своих ног, и вскоре мы уложили все необходимое. Кейвор обошел еще раз нашу лабораторию без крыши, чтобы посмотреть, не забыли ли мы чего-нибудь, потом влез в шар следом за мной.

Я заметил что-то у него в руке.

— Что это у вас? — спросил я.

— Взяли ли вы с собой что-нибудь почитать?

— Бог ты мой! Конечно, нет.

— Я забыл сказать вам. Наше путешествие может продлиться… не одну неделю.

— Но…

— Мы будем лететь в этом шаре, и нам совершенно нечего будет делать.

— Жаль, что я не знал об этом раньше.

Кейвор высунулся из люка.

— Посмотрите, тут что-то есть, — сказал он.

— А времени хватит?

— В нашем распоряжении еще час.

Я выглянул. Это был старый номер газеты «Титбитс», вероятно, принесенный кем-нибудь из наших помощников. Затем в углу я увидел разорванный журнал «Ллойдс ньюс». Я забрал все это и полез обратно в шар.

— А что у вас? — спросил я его.

Я взял книгу из его рук и прочел: «Собрание сочинений Вильяма Шекспира».

Кейвор слегка покраснел.

— Мое воспитание было чисто научным, — сказал он, как бы извиняясь.

— И вы не читали Шекспира?

— Нет, никогда.

— Он тоже кое-что знал, хотя познания его были несистематичны.

— Да, мне об этом говорили, — сказал Кейвор.

Я помог ему завинтить стеклянную крышку люка, затем он нажал кнопку, чтобы закрыть соответствующий заслон в наружной оболочке. Полоса света, проникавшая в отверстие, исчезла, и мы очутились в темноте.

Некоторое время мы оба молчали. Хотя наш шар и пропускал звуки, кругом было тихо. Я заметил, что при старте ухватиться будет не за что и что нам придется испытывать неудобства из-за отсутствия сидений.

— Отчего вы не взяли стульев? — спросил я.

— Ничего, я все устроил, — сказал Кейвор. — Стулья нам не понадобятся.

— Как так?

— А вот увидите, — сказал он тоном человека, не желающего продолжать разговор.

Я замолчал. Мне вдруг ясно представилась вся глупость моего поступка. Не лучше ли вылезти, пока еще не поздно? Я знал, что мир за пределами шара будет для меня холоден и негостеприимен, — уже несколько недель я жил на средства Кейвора, — но все же мир этот будет не так холоден, как бесконечность, и не так негостеприимен,

как пустота. Если бы не боязнь показаться трусом, то думаю, что даже и в эту минуту я еще мог бы заставить Кейвора выпустить меня наружу. Но я колебался, злился на себя и раздражался, а время шло.

Последовал легкий толчок, послышалось щелканье, как будто в соседней комнате откупорили бутылку шампанского, и слабый свист.

На мгновение я почувствовал огромное напряжение, мне показалось, что ноги у меня словно налиты свинцом, но все это длилось лишь одно короткое мгновение.

Однако оно придало мне решимости.

— Кейвор, — сказал я в темноту, — мои нервы больше не выдерживают. Я не думаю, чтобы…

Я умолк. Он ничего не ответил.

— Будь проклята вся эта затея! — вскричал я. — Я безумец! Зачем я здесь? Я не полечу, Кейвор! Дело это слишком рискованное, я вылезаю.

— Вы не можете этого сделать, — спокойно ответил он.

— Не могу? А вот увидим.

Несколько секунд он молчал.

— Теперь уже поздно ссориться, Бедфорд. Легкий толчок — это был старт. Мы уже летим, летим так же быстро, как снаряд, пущенный в бесконеч-

ное космическое пространство.

— Я… — начал было я и замолчал. В конце концов, теперь все это уже не имело значения. Я был ошеломлен и некоторое время ничего не мог сказать; я будто никогда и не слышал об этой идее — покинуть нашу Землю; затем я почувствовал удивительную перемену в своих физических ощущениях: необычайную легкость, невесомость, странное головокружение, как при апоплексии, и звон в ушах. Время шло, но ни одно из этих ощущений не ослабевало, и скоро я так привык к ним, что не испытывал ни малейшего неудобства.

Что-то щелкнуло: вспыхнула электрическая лампочка.

Я взглянул на лицо Кейвора, такое же бледное, наверное, как и мое. Мы молча смотрели друг на друга. На фоне прозрачной темной поверхности стекла Кейвор казался как бы летящим в пустоте.

— Итак, мы обречены, отступления нет, — сказал я наконец.

— Да, — подтвердил он, — отступления нет. Не шевелитесь! — воскликнул он, заметив, что я поднял руки. — Пусть ваши мускулы бездействуют, как будто вы лежите в постели. Мы находимся

в своем собственном особом мирке. Поглядите на эти вещи.

Он указал на ящики и узлы, которые прежде лежали на дне шара. Я с изумлением заметил, что они плавали теперь в воздухе в футе от сферической стены. Затем я увидел по тени Кейвора, что он не опирается более на поверхность стекла; протянув руку назад, я почувствовал, что и мое тело тоже повисло в воздухе.

Я не вскрикнул, не замахал руками, но почувствовал ужас. Какая-то неведомая сила точно держала нас и увлекала вверх. Легкое прикосновение руки к стеклу приводило меня в быстрое движение. Я понял, что происходит, но это меня не успокоило. Мы были отрезаны от всякого внешнего тяготения, действовало только притяжение предметов, находившихся внутри нашего шара. Вследствие этого всякая вещь, не прикрепленная к стеклу, медленно скользила — медленно потому, что наша масса была невелика, — к центру нашего мирка. Этот центр находился где-то в середине шара, ближе ко мне, чем к Кейвору, так как я был тяжелее его.

— Мы должны повернуться, — сказал Кейвор, — и плавать в воздухе спиной друг к другу, чтобы все вещи оказались между нами.

Странное это ощущение — витать в пространстве: сначала жутко, но потом, когда страх проходит, оно не лишено приятности и очень покойно, похоже на лежание на мягком пуховике. Полная отчужденность от мира и независимость! Я не ожидал ничего подобного. Я ожидал сильного толчка вначале и головокружительной быстроты полета. Вместо всего этого я почувствовал себя как бы бесплотным. Это походило не на путешествие, а на сновидение.

Глава V
Путешествие на Луну

Вскоре Кейвор погасил свет, сказав, что у нас не очень большой запас электрической энергии и что нам надо беречь ее для чтения. И некоторое время — я не знаю, как долго это длилось — мы находились в темноте.

Из пустоты выплыл вопрос.

— Куда мы летим? В каком направлении? — спросил я.

— Мы летим от Земли по касательной, и так как Луна теперь видна уже почти на три четверти, то мы направляемся к ней. Я открою заслонку…

Щелкнула пружина, и одно из окон в наружной оболочке шара раскрылось. Небо за ним было так же черно, как и тьма внутри шара, но в рамке окна блестело множество звезд.

Кто видел звездное небо только с Земли, тот не может представить себе, какой вид оно имеет, когда с него сорвана полупрозрачная вуаль земной атмосферы. Звезды, которые мы видим на Земле, — только рассыпанные по небу призраки, проникающие сквозь нашу туманную атмосферу.

Теперь же я видел настоящие звезды!

Много чудесного пришлось нам увидеть позднее, но вид безвоздушного, усеянного звездами неба незабываем.

Маленькое оконце с треском захлопнулось, а другое, соседнее, открылось и через мгновение также захлопнулось, потом третье, и наконец я зажмурил глаза от ослепительного блеска убывающей Луны.

Некоторое время я пристально смотрел на Кейвора и на окружающие предметы, чтобы приучить глаза к свету, прежде чем я смог взглянуть на сверкающее светило.

Четыре окна были открыты для того, чтобы притяжение Луны начало действовать на все предметы в нашем шаре. Теперь я уже не витал в пространстве, мои ноги покоились на стеклянной оболочке, обращенной в сторону Луны. Одеяла и ящики с провизией также медленно скользили по стеклянной стенке и располагались, заслонив часть вида. Мне казалось, что я смотрю «вниз», на Луну. На Земле «вниз» значит к земной поверхности, по направлению падения тела, а «вверх» — в обратном направлении. Теперь же сила тяготения влекла нас к Луне, а Земля висела у нас над головой. Когда же все заслонки из кейворита

были закрыты, то «вниз» означало направление к центру нашего шара, а «вверх» — к его наружной стенке.

Любопытно, что, в противоположность нашему земному опыту, свет шел к нам снизу. На Земле свет падает сверху или сбоку; здесь же он исходил из-под наших ног, и, чтобы увидеть свои тени, мы должны были глядеть вверх.

Сначала я испытывал легкое головокружение, стоя на толстом стекле, глядя вниз, на Луну, сквозь сотни тысяч миль пустого пространства; но это болезненное ощущение скоро рассеялось. Зато какое великолепие!

Читатель может представить себе это, если теплой летней ночью ляжет на землю и, подняв ноги кверху, будет смотреть между ними на Луну. Однако по какой-то причине, вероятно, из-за отсутствия воздуха, Луна уже казалась нам значительно ярче и больше, чем на Земле. Малейшие детали ее поверхности были теперь отчетливо видны. И когда мы смотрели на нее не сквозь воздух, контуры ее стали резкими и четкими, без расплывчатого сияния или ореола вокруг; только звездная пыль, покрывавшая небо, обрамляла края планеты и обозначала очертания ее неосвещенной части. Когда я стоял и смотрел на Луну

внизу, под ногами, то ощущение невероятности, то и дело появлявшееся у меня со времени нашего старта, опять вернулось с удесятеренной силой.

— Кейвор, — сказал я, — все это очень странно. Эти компании, которые мы собирались организовать, и залежи минералов…

— Ну?

— Я их здесь не вижу.

— Конечно, — ответил Кейвор, — но все это пройдет.

— Я привык смотреть на все практически. Однако… на минуту я почти усомнился, есть ли вообще на свете Земля.

— Этот номер газеты может вам помочь.

Я с недоумением посмотрел на газету, потом поднял ее над головой и обнаружил, что в таком положении удобно читать. Мне бросился в глаза столбец мелких объявлений. «Джентльмен, располагающий некоторыми средствами, дает деньги взаймы», — прочел я. Я знал этого джентльмена. Какой-то чудак продавал велосипед «новый, стоимостью в пятнадцать фунтов» за пять фунтов стерлингов. Затем какая-то дама, очутившись в бедственном положении, хотела по дешевке продать ножи и вилки для рыбы — свой «свадебный подарок». Без сомнения,

какая-нибудь простодушная женщина уже глубокомысленно рассматривает эти ножи и вилки, кто-нибудь с торжеством катит на велосипеде, а третий доверчиво советуется с благодетелем, ссужающим деньги, — и все это в ту самую минуту, когда я пробегал глазами эти объявления. Я рассмеялся и выпустил газету из рук.

— А нас видно с Земли? — спросил я.

— А что?

— Один мой знакомый очень интересуется астрономией, и мне пришло в голову, что… может быть, он как раз теперь смотрит… на нас в телескоп.

— Даже в самый сильный телескоп невозможно заметить нас, хотя бы как точку.

Несколько минут я молча смотрел на Луну.

— Целый мир, — сказал я. — Здесь это чувствуешь гораздо сильнее, чем на Земле… Обитаемый, пожалуй…

— Обитаемый! — воскликнул Кейвор. — Нет, и не думайте об этом. Вообразите себя сверхполярным исследователем космического пространства. Взгляните сюда!

Он показал рукой на бледное сияние внизу.

— Это мертвый мир! Мертвый! Огромные потухшие вулканы, необозримые пространства

застывшей лавы, равнины, покрытые снегом, замерзающей углекислотой или воздухом; и повсюду трещины, ущелья, пропасти. Никакой жизни, никакого движения. Люди систематически наблюдали эту планету в телескопы более двухсот лет, и много ли перемен они заметили? Как вы думаете?

— Никаких.

— Они отметили два бесспорных обвала, одну сомнительную трещину и незначительное периодическое изменение окраски — вот и все.

— Я не знал, что они заметили хотя бы это.

— Да, но никаких следов жизни!

— Кстати, — спросил я, — какой наименьший предмет на Луне могут обнаружить самые сильные телескопы?

— Можно было бы увидеть большую церковь. Разумеется, увидели бы города и строения или что-нибудь подобное. Пожалуй, там есть какие-нибудь насекомые, вроде муравьев, например, которые могут скрываться в глубокие норы от лунной ночи, или какие-нибудь неведомые существа, не имеющие себе подобных на Земле. Это самое вероятное, если там вообще есть жизнь. Подумайте, какая разница в условиях! Жизнь там должна приспособляться к дню, в четырнадцать

раз более продолжительному, чем у нас на Земле: непрерывный двухнедельный солнечный свет при безоблачном небе, и затем ночь, такая же длинная, все более и более холодная под студеными яркими звездами. В такую длинную ночь там должен быть страшный холод, доходящий до абсолютного нуля, до — 273° Цельсия ниже земной точки замерзания. Всякой жизни там пришлось бы погружаться в зимнюю спячку на всю эту долгую морозную ночь и снова пробуждаться при наступлении долгого дня.

Кейвор задумался.

— Можно, пожалуй, вообразить себе червеподобные существа, питающиеся твердым воздухом, точно так же, как дождевой червяк питается землей, или каких-нибудь толстокожих чудовищ…

— Кстати, — спросил я, — почему же мы не захватили с собой оружия?

Кейвор ничего не ответил на этот вопрос.

— Нет, — сказал он наконец, — нам надо продолжать наше путешествие. Увидим, когда доберемся туда.

Тут я вспомнил.

— Конечно, — сказал я, — минералы там должны быть при всех условиях.

Вскоре Кейвор сказал мне, что желает переменить курс, отдавшись на минуту действию земного притяжения. Для этого он хочет открыть на тридцать секунд одно из окон, обращенных к Земле. Он предупредил, что у меня может закружиться голова, и советовал прижать руки к окну, чтобы не упасть. Я последовал его совету и уперся ногами в ящики с провизией и цилиндры с воздухом, чтобы не дать им упасть на меня. Окно щелкнуло и раскрылось. Я неуклюже упал на руки и на лицо и сквозь стекло на мгновение увидел между своими растопыренными пальцами нашу Землю — планету внизу небесного свода.

Мы все еще находились сравнительно близко от Земли — по словам Кейвора, всего на расстоянии каких-нибудь восьмисот миль, — и ее громадный диск закрывал почти все небо. Но было уже ясно видно, что наша планета имеет шарообразную форму. Материки вырисовывались смутно, но к западу широкая серая полоса Атлантического океана блестела, как расплавленное серебро в свете закатного солнца. Я, кажется, разглядел тусклые, подернутые дымкой береговые очертания Испании, Франции и Южной Англии, но тут — снова щелчок, окно закрылось, и я в полном смятении медленно заскользил по гладкой по-

верхности стекла.

Когда наконец голова у меня перестала кружиться, то Луна снова оказалась «внизу», у меня под ногами, а Земля — где-то далеко, на краю горизонта, та самая Земля, которая всегда была внизу и для меня и для всех людей с самого начала начал.

Так мало нам требовалось усилий, так легко все давалось благодаря невесомости, что мы не чувствовали ни малейшей потребности в подкреплении наших сил по крайней мере в течение шести часов (по хронометру Кейвора). Это меня очень удивило, но даже тогда я съел какую-то сущую малость. Кейвор осмотрел аппарат для поглощения углекислоты и воды и нашел его в удовлетворительном состоянии, благодаря, конечно, тому, что мы потребляли ничтожное количество кислорода. Все темы для разговоров исчерпались. Делать нам было больше нечего, и мы почувствовали, что хотим спать. Тогда мы разостлали наши одеяла на дне шара таким образом, чтобы укрыться как можно надежнее от лунного света, пожелали друг другу спокойной ночи и почти мгновенно заснули.

Так мы проводили время — то в дремоте, то разговаривая, читая и по временам закусывая, хотя

и без большого аппетита. Любопытно, что за все время нашего пребывания в шаре мы не чувствовали ни малейшей потребности в пище; сначала мы принуждали себя есть, потом перестали и постились, так что не извели и сотой доли взятой с собой провизии; количество выдыхаемой нами углекислоты также было на редкость ничтожно; почему — не сумею объяснить. Находясь большей частью в состоянии покоя, которое не было ни сном, ни бодрствованием, мы падали сквозь пространство времени, не имевшее ни дня, ни ночи, падали бесшумно, плавно и быстро по направлению к Луне.

Глава VI
Высадка на Луну

Помню, как Кейвор вдруг открыл разом шесть окошек и так ослепил меня светом, что я вскрикнул от боли в глазах и закричал на него. Все видимое пространство занимала Луна — исполинский ятаган белой зари с блестящим, иззубренным темнотой лезвием, постепенно вырисовывающийся из отступающего мрака берег, сверкающие в солнечных лучах остроконечные пики и вершины. Думаю, что читатель видел изображение или фотографии Луны, так что мне нет надобности описывать очертания лунного ландшафта, грандиозные кольцеобразные горные цепи, более обширные, чем наши земные горы, и их вершины, ярко освещенные солнцем и отбрасывающие резко очерченные тени; серые беспорядочные равнины, кряжи, холмы, кратеры — все детали лунной поверхности, то залитые ослепительным светом, то погруженные в таинственный полумрак. Мы витали близ этого мира на расстоянии менее сотни миль над его хребтами и остроконечными пиками. Теперь мы

могли наблюдать то, чего ни один глаз на Земле никогда не увидит: в ярких лучах солнца резкие очертания лунных скал и оврагов, лощин и дна кратеров заволакивались туманом; белизна их освещенной поверхности раскалывалась на полосы и лоскутья, сжималась и исчезала; только кое-где появлялись и ширились пятна бурого и оливкового цвета.

Недолго, однако, пришлось нам любоваться этим видом. Наступал самый опасный момент путешествия. Нам нужно было спуститься ближе к Луне, над которой мы кружились, замедлять движение и выжидать удобную минуту, если попадется место для посадки.

Кейвор напряженно работал. Я же бездельничал, волновался и все время ему мешал. Он прыгал по шару с проворством, невозможным на Земле. Он то и дело отпирал и запирал кейворитные окна, делая при этом вычисления и посматривая на свой хронометр при свете электрической лампочки. Долгое время окна оставались закрытыми, и мы словно безмолвно висели во мраке, мчась в пространстве с невероятной скоростью.

Наконец Кейвор нащупал кнопки и открыл сразу четыре окна. Я зашатался и прикрыл глаза,

ослепленный и сраженный непривычным сиянием солнца, блиставшего у меня под ногами. Потом ставни снова захлопнулись, и у меня закружилась голова от внезапной темноты. Я вновь поплыл в необъятной черной тиши.

Затем Кейвор зажег электричество и сказал, что надо связать наш багаж и завернуть в одеяло, чтобы избежать сотрясения при спуске шара. Мы делали это при закрытых окнах, чтобы наши вещи сами естественно расположились в центре шара. Это было забавное зрелище: вообразите, если можете, двух человек, которые плавают в сферическом пространстве, упаковывая и увязывая свои пожитки! Малейшее усилие обращалось в самое неожиданное движение. Меня то прижимало к стеклянной стенке — это Кейвор невольно толкнул меня, — то я беспомощно барахтался в пустоте. Звезда электрического света сияла у нас то над головой, то под ногами. Ноги Кейвора чуть ли не задевали меня по лицу, а в следующую секунду мы оказывались перпендикулярно друг к другу. Наконец вещи были связаны в большой мягкий тюк — все, за исключением двух одеял с отверстиями для головы: в них мы собирались закутаться сами.

Теперь Кейвор открыл одно окно со стороны

Луны, и мы увидели, что спускаемся к огромному центральному кратеру, окруженному крестообразно несколькими меньшими. Потом Кейвор снова открыл наш шар со стороны слепящего солнца — вероятно, он хотел воспользоваться притяжением Солнца как тормозом.

— Закройтесь одеялом! — вскричал он, отлетая в сторону.

Я не сразу понял, потом выхватил одеяло из-под ног и закутался в него с головой. Кейвор закрыл заслонку, открыл какое-то другое окно и быстро его захлопнул, потом начал открывать поочередно все окна. Шар наш заколебался, и мы внутри завертелись, ударяясь о стеклянную стенку и о толстый тюк багажа и цепляясь друг за друга, а снаружи какое-то белое вещество обдавало брызгами наш шар, как будто мы катились вниз по снежному склону горы…

Через голову, кувырком, удар, опять кувырком…

Сильный толчок — и я наполовину погребен под тюком багажа… Мгновение полной тишины. Затем я услышал пыхтение Кейвора и хлопанье стальной заслонки. Я с усилием оттолкнул завернутый в одеяло багаж и выбрался из-под него. За открытыми окнами сияли в темноте звезды.

Мы остались живы и лежали во мраке, в тени, отбрасываемой глубоким кратером, на дно которого скатился наш шар.

Мы сидели, переводя дыхание и ощупывая синяки на теле от ушибов. Ни один из нас, видно, не предвидел такого нелюбезного приема в лунном мире. Я с трудом поднялся на ноги.

— А теперь посмотрим на лунный пейзаж, — сказал я. — Какая темнота, Кейвор!

Стеклянная поверхность шара запотела, и, говоря это, я протирал ее одеялом.

— Остается с полчаса до наступления дня, — сказал Кейвор. — Надо подождать.

В окружающей темноте ничего не было видно, словно шар был не стеклянный, а стальной. Протирание одеялом не помогло, а только загрязнило окно: стекло снова потело от сгустившегося пара и облипало волосками шерсти. Конечно, одеяло для этого не годилось. Протирая стекло, я нечаянно поскользнулся на влажной поверхности и ударился ногой об один из цилиндров с кислородом.

Нелепое положение! Все это очень раздражало меня. После такого невероятного странствия мы наконец очутились на Луне, среди неведомых чудес, и ничего не могли увидеть, кроме тусклой

стенки нашего стеклянного пузыря.

— Проклятие! — разразился я. — Ради этого не стоило улетать с Земли.

И я присел на тюк, дрожа от холода и закутываясь плотнее в одеяло.

Мокрая поверхность стекла вскоре замерзла и покрылась морозными узорами.

— Вы можете дотянуться до электрического обогревателя? — сказал Кейвор. — Да вон та черная кнопка. Иначе мы рискуем замерзнуть.

Я не заставил его повторить просьбу дважды.

— А теперь, — спросил я, — что мы будем делать?

— Ждать, — отвечал он.

— Ждать?

— Конечно. Надо подождать, пока воздух снова согреется, тогда и стекло оттает. До тех пор нам делать нечего. Здесь еще ночь, надо обождать наступления дня. А пока не хотите ли закусить?

Я ответил не сразу и сидел злой и раздраженный. Потом нехотя отвернулся от мутной стеклянной стенки и посмотрел прямо в глаза Кейвору.

— Да, — сказал я наконец, — я проголодался. Я сильно разочарован. Я ожидал… Не знаю, чего ожидал, только уж, конечно, не этого.

Я призвал на помощь всю свою философию: натянув получше одеяло, снова уселся на тюк и приступил к своему первому завтраку на Луне. Не помню, закончил ли я его, как вдруг стеклянная поверхность стала проясняться сначала местами, а потом быстро расширявшимися и сливавшимися полосками, и, наконец, тусклая вуаль, скрывавшая лунный мир от наших взоров, совершенно исчезла.

Мы жадно выглянули наружу.

Глава VII
Восход солнца на Луне

Нам представилась дикая и мрачная картина. Мы находились среди громадного амфитеатра, в обширной круглой равнине, на дне гигантского кратера. Его обрывистые стены замыкали нас со всех сторон. С западной стороны на них падал свет еще невидимого солнца, достигая подошвы обрыва и ярко освещая хаотические нагромождения темных и серых скал, перерезанных сугробами и снежными ущельями. Края кратера находились от нас милях в двенадцати, но в разреженной атмосфере блестящие очертания их были видны очень отчетливо. Они вырисовывались ослепительно ярко на фоне звездной темноты, которая нашим земным глазам казалась скорее великолепным, усеянным блестками бархатным занавесом, чем небом.

Восточный край обрыва вначале был просто темной кромкой звездного купола. Ни розового отблеска, ни брезжущего рассвета — никакого признака наступления утра. Только солнечная корона — зодиакальный свет, большое кону-

сообразное светящееся пятно, направленное вершиной к сияющей утренней звезде — предупреждала нас о близости солнца.

Слабый свет вокруг нас отражался от западного края кратера и открывал обширную волнообразную равнину, холодную и серую, постепенно темнеющую к востоку и переходящую в глухую черную пропасть обрыва. Бесчисленные круглые серые вершины, призрачные холмы, сугробы из снегоподобного вещества, простирающиеся вдоль множества хребтов в таинственные дали, подчеркивали нам размеры кратера. Холмы напоминали ледяные торосы, покрытые снегом. Но то, что я принял сначала за снег, оказалось замерзшим воздухом.

Так было сначала, а потом вдруг сразу наступил удивительный лунный день.

Солнечный свет скользнул вниз по скалам, коснулся сугробов у их оснований и, точно в сапогах-скороходах, быстро добрался до нас. Отдаленный край кратера словно зашевелился, дрогнул, и при первом проблеске зари со дна стал подниматься серый туман; хлопья и клубы его становились все шире, гуще и плотнее, и вскоре вся западная часть равнины задымилась, как мокрый платок, повешенный перед огнем,

и западная сторона кратера озарилась розовым светом.

— Это воздух, — сказал Кейвор, — конечно, это воздух, иначе пар не поднимался бы так при лучах солнца…

Он пристально посмотрел вверх.

— Смотрите! — воскликнул он.

— Куда? — спросил я.

— На небо. Видите? На черном фоне — голубая полоска. Звезды кажутся больше, а некоторые из них помельче, и все туманности, которые мы видели в небесном пространстве, исчезли!

День наступал быстро и неудержимо. Серые вершины одна за другой вспыхивали и клубились плотным дымящимся паром, и вскоре вся равнина на западе казалась сплошным морем тумана, прибоями и отливами облачной дымки волн. Края кратера отступали все дальше и дальше, тускнели, меняли свои очертания и в конце концов исчезли в тумане.

Все ближе и ближе надвигался клубящийся прилив с быстротой бегущей по Земле тени облака, подгоняемого юго-западным ветром. Вокруг стало сумрачно.

Кейвор схватил меня за руку.

— Что? — спросил я.

— Смотрите! Восход солнца! Солнце!

Он с силой повернул меня и указал на восточный край кратера, выступавший из окружающего нас тумана и немного просветлевший по сравнению с темным небом. Контуры его теперь обозначились странными красноватыми жилками, пляшущими языками багрового колеблющегося пламени. Я подумал сначала, что это лучи солнца упали на клубы тумана и образовали огненные языки в небе, но это была солнечная корона, которая на Земле скрыта от наших глаз атмосферой.

И наконец, солнце!

Медленно и неотвратимо появилась ослепительная линия — тонкая лучезарная полоска, постепенно принявшая форму радуги, потом дуги, превратилась в пылающий спектр и метнула в нас огненное копье зноя.

Мне показалось, что у меня выкололи глаза! Я громко вскрикнул и отвернулся, почти ослепленный, ощупью отыскивая свое одеяло под узлом.

И вместе с этим жгучим светом раздался резкий звук, первый звук, достигший нашего слуха из Вселенной с тех пор, как мы покинули Землю, — свист и шелест, бурный шорох воздушной одежды наступающего дня. С появлением света

и звука шар наш накренился, и мы, как слепые щенята, беспомощно повалились друг на друга. Шар снова качнулся, и свист стал громче. Крепко стиснув веки, я делал неуклюжие попытки закрыть голову одеялом, но этот новый толчок свалил меня с ног. Я упал на узел, открыл глаза и увидел на мгновение блеск воздуха снаружи стекла. Воздух был жидкий, он кипел, как снег, в который воткнули раскаленный добела металлический прут. Отвердевший воздух при первом же прикосновении солнечных лучей превратился в какое-то тесто, в грязную кашицу, которая шипела и пузырилась, превращаясь в газ.

Шар снова покачнулся, на этот раз много резче, и мы с Кейвором ухватились друг за друга, но в следующую же секунду уже кувыркались вверх ногами. Потом я оказался на четвереньках. Лунный рассвет играл нами, как мячиком, точно хотел показать нам, ничтожным людям, что может с нами сделать Луна.

На мгновение я вновь увидел, что происходит снаружи, — там клубился пар, текла и капала полужидкая грязь. Мы падали в темноту. Я очутился внизу, колени Кейвора уперлись мне в грудь. Затем его отбросило, и несколько мгновений я лежал на спине, задыхаясь и глядя вверх. Лавина

полужидкого кипящего вещества погребла под собой шар. Я видел, как по стеклу прыгали пузырьки. Кейвор слабо вскрикнул.

Теперь огромная масса тающего воздуха подхватила шар, и мы, вскрикивая и бормоча проклятия, покатились под откос к западу, перепрыгивая через расщелины, срываясь с уступов, все быстрей и быстрей, в раскаленную, белую, кипящую бурю лунного дня.

Цепляясь друг за друга, мы катались по шару вместе с тюком багажа. Мы сталкивались, сшибались головами и снова разлетались в разные стороны с фейерверком искр в глазах! На Земле мы давно раздавили бы друг друга, но на Луне, к счастью, наш вес был в шесть раз меньше — и все обошлось благополучно. Я припоминаю ощущение неудержимой тошноты и сильной боли, будто мозг перевернулся у меня в черепе, а затем...

Что-то шевелилось у меня на лице, словно тонкие щупальца трогали мои уши. Потом я обнаружил, что яркий блеск ослаблен надетыми на меня синими очками. Кейвор наклонился надо мной, я увидел снизу его лицо; глаза его также были защищены синими очками. Дышал он порывисто, и губа у него была рассечена в кровь...

— Ну что, лучше? — спросил он, обтирая кровь рукой.

Все вокруг качалось, но это было просто головокружение. Кейвор закрыл несколько заслонок в оболочке шара, чтобы скрыть меня от прямых лучей солнца. Все вокруг нас было залито ярким светом.

— Бог ты мой, — задыхаясь, выговорил я, — ведь это…

Я повернул голову, чтобы посмотреть наружу. Ослепительный блеск сменил мрачную темноту.

— Долго я лежал без чувств? — спросил я.

— Не знаю, хронометр разбился. Должно быть, недолго, мой дорогой, но я очень испугался…

Я лежал молча, стараясь вдуматься в случившееся. На лице Кейвора еще отражалось пережитое волнение. Я ощупывал рукой свои ушибы и вглядывался в его лицо. Больше всего пострадала у меня правая рука, с которой была содрана кожа; лоб тоже был разбит в кровь. Кейвор подал мне немного подкрепляющего средства, которое он захватил с собой, — я забыл, как оно называется. После этого я почувствовал себя лучше и начал осторожно шевелить руками и ногами. Вскоре я мог уже разговаривать.

— Это никуда не годится, — сказал я, как бы

продолжая начатый разговор.

— Вы правы.

Кейвор задумался, опустив руки. Он выглянул наружу через стекло, потом взглянул на меня.

— Господи! — воскликнул он. — Не может быть!

— Что случилось? — спросил я, помолчав. — Мы попали под тропики?

— Случилось то, чего я ожидал. Воздух испарился — если только это воздух. Во всяком случае, вещество это испарилось, и показалась поверхность Луны. Мы лежим на какой-то каменистой скале. Кое-где обнажилась почва, и довольно странная.

Кейвор не стал вдаваться в дальнейшие объяснения. Он помог мне сесть, и я увидел все своими глазами.

Глава VIII
Утро на Луне

Резкие контрасты белого и черного в окружающем пейзаже исчезли. Солнечный свет окрасился в светло-янтарный тон; тени на скалистой стене кратера стали пурпурными. На востоке все еще клубился туман, укрываясь от лучей солнца, но на западе небо было голубое и чистое. Долго же я пролежал в обмороке!

Мы больше не находились в пустоте. Вокруг нас поднялась атмосфера. Очертания предметов вырисовывались отчетливей, резче и разнообразней, за исключением разбросанных то там, то сям полос белого вещества, но это был не воздух, а снег: пейзаж уже не походил на арктический. Всюду расстилались ярко освещенные солнцем широкие ржаво-бурые пространства голой, изрытой почвы. Кое-где по краям снежных сугробов блестели лужи и ручьи — единственное, что оживляло мертвый пейзаж. Солнечный свет проникал к нам в два отверстия и превратил климат в жаркое лето, но ноги наши оставались еще в тени, и шар лежал на снежном сугробе.

На скате виднелись какие-то разбросанные сухие ветки; они были такой же бурой окраски, как и скала, но с теневой стороны их покрывал белый иней. Это заинтересовало меня. Ветки! В мертвом мире! Но когда я пригляделся к ним, то заметил, что вся лунная поверхность затянута волокнистым покровом, похожим на ковер из опавшей бурой хвои под стволами сосен.

— Кейвор! — воскликнул я.

— Что?

— Теперь это мертвый мир, но раньше…

Тут мое внимание было привлечено другим: я заметил между опавшими иглами множество маленьких кругляшей, и мне показалось, что один из них шевелится.

— Кейвор, — прошептал я.

— Что?

Я ответил не сразу. Я пристально смотрел, не веря своим глазам. Потом издал нечленораздельный звук и схватил Кейвора за руку.

— Посмотрите, — показал я. — Вон там! И там!

Он посмотрел туда, куда я показывал пальцем.

— Что такое? — спросил он.

Как описать то, что я увидел? Это такой пустяк, и, однако, он показался мне чудесным, почти необычайным. Я уже сказал, что между иглами,

устилавшими почву, были рассеяны какие-то круглые или овальные тельца, которые можно было принять за мелкую гальку. Вдруг одно из них, потом другое зашевелились и раскрылись, показывая зеленовато-желтый росток, тянущийся к горячим лучам восходящего солнца. Через несколько мгновений зашевелилось и лопнуло третье тельце.

— Это семена, — сказал Кейвор и как бы про себя прошептал: — Жизнь!

«Жизнь!» Тотчас у меня промелькнула мысль, что наше далекое путешествие совершено не напрасно, что мы прибыли не в бесплодную пустыню минералов, а в живой, населенный мир. Мы продолжали с интересом наблюдать.

Помню, как тщательно протирал я рукавом запотевшее стекло.

Жизнь мы могли наблюдать, только смотря сквозь центр стекла. Ближе к краям мертвые иглы и семена увеличивались и искажались выпуклостью. И все-таки мы смогли увидеть многое. По всему освещенному солнцем откосу чудесные бурые тельца лопались, как семена или стручки: они жадно раскрывали уста, чтобы пить тепло и свет восходящего солнца.

С каждой секундой росло количество лопаю-

щихся семян, между тем как их первые застрельщики уже вытягивались из расколовшихся оболочек и переходили во вторую стадию роста. Уверенно и быстро эти удивительные семена пускали в почву корешок и в воздух странный росток в виде узелка. Скоро весь откос покрылся крохотными растеньицами, впитывавшими яркий солнечный свет.

Но недолго оставались они в этом состоянии. Узелковые ростки надулись и лопнули, высунув кончики крошечных остроконечных бурых листочков, которые росли быстро, на наших глазах. Движение это было медленнее, чем у животных, но быстрее, чем у всех виденных мной растений. Как нагляднее передать вам процесс этого произрастания? Листочки вытягивались. Коричневая оболочка семян морщилась и быстро распадалась. Случалось ли вам в холодный день взять термометр в теплую руку и наблюдать, как поднимается в трубке тонкий столбик ртути? Так же быстро росли и эти лунные растения.

Казалось, в несколько минут ростки более развившихся растений вытянулись в стебельки и пустили по второму побегу листьев. Весь откос, еще недавно мертвый, усыпанный иглами, покрылся теперь темным оливково-зеленым

ковром колючих листьев и стеблей, поражающих мощью своего роста.

Я повернулся к востоку, и — чудо! Там вдоль всего верхнего края скалы тоже колыхалась бахрома растительности, поднимавшаяся так же быстро, темневшая в блеске солнечных лучей. А за этой бахромой возвышался силуэт массивного растения, узловатого, точно кактус; оно пучилось и надувалось, как пузырь, наполненный воздухом.

На западе я обнаружил еще одно такое же растение, поднимавшееся над мелкой порослью. Но здесь свет падал на него сбоку, и я мог разглядеть, что оно окрашено в ярко-оранжевый цвет. Оно росло на наших глазах. Стоило отвернуться на минуту и снова взглянуть на него, как контуры его уже менялись: оно выпускало из себя толстые, массивные ветки и в короткое время преобразилось в кораллообразное дерево высотой в несколько футов. В сравнении с этим быстрым ростом развитие земного гриба-дождевика, который, говорят, в одну ночь достигает фута в диаметре, показалось бы очень медленным. Но дождевик растет на Земле, где сила тяготения в шесть раз больше, чем на Луне.

Вокруг, из всех оврагов и равнин, которые были скрыты от наших глаз, но не от живительных

лучей солнца, над грядами и рифами сияющих скал вытягивались заросли тучной колючей растительности, спешившей воспользоваться коротким летом, в продолжение которого нужно расцвести, обсеменится и погибнуть. Этот быстрый рост лунной растительности казался чудом. Так было, наверное, на первозданной земле, когда в пустыне разрастались деревья и травы.

Представьте только! Представьте себе рассвет на Луне! Оттаивает мерзлый воздух, оживает и шевелится почва, бесшумно и быстро поднимаются стебли и растут листья. И все это залито ослепительным светом, в сравнении с которым самый яркий солнечный свет на Земле показался бы слабым и тусклым. И среди этих джунглей, в тени — полосы синеватого снега. А для полноты картины не забудьте, что все это мы видели через толстое выпуклое стекло, подобное чечевице, которая лишь в центре дает ясное и верное изображение, а по краям все увеличивает и искажает.

Глава IX
Первые изыскания

Мы перестали наблюдать и повернулись друг к другу с одной и той же мыслью, с одним и тем же вопросом в глазах. Раз эти растения живут, значит, есть воздух, которым могли бы дышать и мы.

— Открыть люк? — предложил я.

— Да, — согласился Кейвор. — Если только это воздух.

— Растения скоро достигнут человеческого роста, — заметил я. — Но можно ли быть абсолютно уверенным, что там есть воздух? Может быть, это азот или углекислота?

— Это легко проверить, — сказал Кейвор и приступил к опыту.

Он нашел обрывок смятой бумаги, зажег ее и поспешно выбросил через люк. Я наклонился вперед и начал внимательно следить через толстое стекло за бумагой и за огоньком, от которого зависело так много.

Я видел, как бумага медленно опустилась на снег и желтоватое пламя как будто погасло. Но

через мгновение на краю показался синевато-огненный язычок, который, дрожа, полз и ширился.

Скоро весь листок, за исключением кусочка, соприкасавшегося со снегом, обуглился и съежился, выпустив вверх легкую струйку дыма. Сомнения больше не было: атмосфера Луны состоит либо из чистого кислорода, либо из воздуха и, следовательно, если только она не находится в слишком разреженном состоянии, способна поддержать нашу жизнь. Значит, мы можем выйти наружу и жить.

Я уселся у люка и собирался уже отвинчивать крышку, но Кейвор остановил меня.

— Необходима маленькая предосторожность.

Он сказал, что хотя это, несомненно, атмосфера, содержащая кислород, но, может быть, она настолько разрежена, что мы ее не вынесем. При этом Кейвор напомнил мне о горной болезни и о кровотечении, которому часто подвергаются воздухоплаватели при слишком быстром подъеме аэростата. Затем он принялся изготовлять какой-то противный на вкус напиток, который мне пришлось выпить вместе с ним. Снадобье несколько расслабило меня, и только. После этого Кейвор позволил мне открыть люк.

Как только стеклянная крышка люка немного поддалась, более плотный воздух нашего шара начал быстро вытекать наружу вдоль нарезки винта со свистом, похожим на песенку закипающего чайника.

Кейвор остановил меня. Очевидно, атмосферное давление вне шара значительно меньше, чем давление внутри, но насколько меньше, этого мы не могли определить.

Я сидел, ухватившись обеими руками за крышку люка, готовый снова привинтить ее, если, к несчастью, лунная атмосфера окажется чересчур разреженной. А Кейвор держал в руках цилиндр сжатого кислорода, чтобы регулировать воздушное давление внутри шара. Мы молча смотрели то друг на друга, то на фантастическую растительность, бесшумно выраставшую на наших глазах. Резкий свист не прекращался.

В ушах у меня зазвенело, все движения Кейвора сделались бесшумными. Разрежение воздуха привело к тому, что стало совсем тихо.

По мере того как наш воздух с шипением вырывался наружу через нарезы винта, содержащаяся в нем влага сгущалась в маленькие клубы пара.

Дыхание стало затрудненным. Эта затрудненность чувствовалась нами постоянно во время

пребывания во внешней атмосфере Луны. Потом появилось неприятное ощущение в ушах, под ногтями пальцев и в горле; оно скоро прошло и сменилось головокружением и тошнотой. Я испугался и прикрыл крышку люка. Но Кейвор оказался более храбрым. Голос его звучал очень тихо и доносился словно издалека вследствие разреженности воздуха. Он посоветовал мне выпить рюмку бренди и сам первый подал пример. Я почувствовал себя несколько лучше и отвернул крышку — звон в ушах усилился, между тем как свист вырывающегося из шара воздуха как будто прекратился. Однако я не был уверен, что это так.

— Ничего? — еле слышно спросил Кейвор.

— Ничего, — повторил я.

— Рискнем?

— Это все? — усомнился я.

— Если вы можете выдержать.

Вместо ответа я отвинтил крышку, снял ее и осторожно положил на тюк. Несколько хлопьев снега закружились и исчезли, когда лунный разреженный воздух наполнил наш шар. Я опустился на колени, уселся у края отверстия и выглянул наружу. Внизу, на расстоянии одного ярда от моего лица, лежал чистый, девственный

лунный снег.

Мы молча переглянулись.

— Ну как ваши легкие? — спросил Кейвор.

— Ничего, — ответил я, — довольно сносно.

Кейвор протянул руку за одеялом, просунул голову в отверстие посередине и, закутавшись, сел на краю люка. Ноги его находились на расстоянии шести дюймов от снега.

С минуту он колебался, потом спрыгнул и встал на девственную почву Луны.

Фигура его, преломленная краем стекла, показалась мне фантастической. С минуту он стоял, осматриваясь вокруг. Потом собрался с духом и вдруг прыгнул в воздух.

Выпуклое стекло изображало все в искаженном виде, но прыжок Кейвора показался мне чересчур высоким. Он сразу очутился очень далеко, отлетел футов на двадцать или на тридцать от меня. Теперь он стоял высоко на скале и махал мне рукой. Может быть, он кричал, но я ничего не слышал. Как он смог сделать такой гигантский прыжок? Это похоже на колдовство!

Ничего не понимая, я тоже спустился через люк. Прямо передо мной снежный сугроб подтаял и образовал яму. Я сделал шаг и тоже прыгнул.

Я поднялся в воздух, с неудержимой силой

летел прямо на скалу, на которой стоял Кейвор, и в изумлении обеими руками ухватился за нее. Потом истерически расхохотался. Я был очень смущен. Кейвор наклонился ко мне и пронзительным голосом крикнул, что надо быть осторожным.

Я забыл, что на Луне, масса которой в восемь раз, а диаметр — в четыре раза меньше, чем у Земли, мой вес составлял всего только одну шестую часть земного моего веса. Неожиданный полет напомнил мне об этом.

— Мы ходим здесь без помочей матери Земли, — заметил Кейвор.

Передвигаясь, как ревматик, я осторожно поднялся на вершину скалы и стал рядом с Кейвором под палящими лучами солнца. Шар наш лежал футах в тридцати позади, на рыхлом сугробе снега.

Всюду над хаосом нагроможденных скал, образовавших дно кратера, щетинились заросли, такие же, как и около нас, с торчащими кое-где кактусообразными растениями, которые росли так быстро, точно ползли по камням. Все пространство кратера, вплоть до подножия отвесных стен, казалось сплошной однообразной пустыней.

Растительность покрывала лишь основание голых скал, которые вздымались множеством выступов и площадок; сначала мы не обратили на них внимания. Они тянулись на много миль от нас по всем направлениям; по-видимому, мы находились в центре кратера и видели все сквозь легкую дымку, колыхавшуюся от ветра. В разреженной лунной атмосфере ветер казался резким, хотя и был слаб. Он продувал насквозь, хотя вы и не чувствовали сильного напора. Ветер словно тянул из темного туманного кратера по направлению к жаркой, освещенной стене. Трудно было смотреть на расстилавшийся на востоке туман, приходилось щуриться и прикрывать рукой глаза из-за ослепительного блеска неподвижного солнца.

— Пустыня, — сказал Кейвор, — совершенная пустыня.

Я снова осмотрелся, надеясь увидеть хоть какой-нибудь признак человеческого существования: верхушку строения, дом или машину, но всюду хаотически громоздились пики и гребни скал, щетинились заросли и торчали уродливые, раздутые кактусы. Надежды мои казались тщетными.

— Очевидно, здесь живут одни эти растения, —

сказал я, — не заметно ни малейшего следа живых существ.

— Ни насекомых, ни птиц! Ничего похожего на животную жизнь. Да если бы здесь и были животные, что им делать в эту бесконечную ночь? Нет, тут, видно, живут одни эти растения.

Я прикрыл глаза рукой.

— Это похоже на фантастический ландшафт какого-нибудь необыкновенного сновидения. Растения так же мало похожи на земные, как подводные водоросли. Посмотрите на это чудовище! Можно подумать, что это ящер, преображенный в растение. И какой ослепительный свет!

— А между тем сейчас только еще прохладное утро, — сказал Кейвор.

Он вздохнул и огляделся.

— Нет, здешний мир непригоден для людей, — промолвил он, — однако в некоторых отношениях… он не лишен интереса.

Он замолчал и, задумавшись, начал привычно жужжать.

Я вздрогнул от какого-то легкого прикосновения: оказалось, что лишайник вполз мне на ботинок, я стряхнул его, он рассыпался, и каждый кусочек его опять начал расти. Кейвор вскрикнул, уколовшись об острый шип колючего

кустарника.

Он, видимо, колебался: глаза его искали что-то среди окружающих скал.

На шершавом хребте скалы словно вспыхнул красный огонек. Это оказалась багровая гвоздика удивительной окраски.

— Посмотрите, — сказал я, оборачиваясь, но Кейвор исчез.

В испуге я словно оцепенел, потом поспешно подошел к краю скалы, но, пораженный исчезновением Кейвора, снова забыл, что мы находимся на Луне. Большой шаг, сделанный мной, передвинул бы меня на Земле на один ярд, на Луне он перенес меня ярдов на шесть через край скалы. Это походило на тот кошмарный сон, когда нам кажется, что мы летим вниз. На Земле падающее тело проходит в первую секунду шестнадцать футов, на Луне же — всего два фута, имея при этом вес в шесть раз меньший. Я упал, или, вернее, спрыгнул на тридцать футов. Мне показалось, что прыжок длился довольно долго — пять или шесть секунд. Я полетел по воздуху и опустился, как перышко, увязнув по колени в снежном сугробе на дне оврага, среди синевато-серых скал с белыми прожилками. Я огляделся по сторонам.

— Кейвор! — крикнул я, но Кейвора нигде не

было. — Кейвор! — завопил я еще громче, но лишь горное эхо откликнулось на мой призыв.

Отчаянным рывком я вскарабкался на вершину скалы и крикнул:

— Кейвор!

Крик мой напоминал блеяние заблудившегося ягненка.

Шара тоже не было видно, и на минуту меня охватило страшное ощущение одиночества.

И тут я увидел Кейвора. Он смеялся и махал рукой, стараясь привлечь мое внимание. Он стоял на площадке скалы, ярдах в двадцати или тридцати от меня. Я не мог слышать его голоса, но жесты его говорили: «Прыгай». Я колебался: расстояние казалось огромным. Однако я решил, что, наверное, смогу прыгнуть дальше, чем Кейвор.

Я отступил на шаг назад, собрался с духом и прыгнул вверх; я взлетел в воздух и, казалось, не смогу спуститься вниз.

Жуткое и в то же время сладостное ощущение полета! Необыкновенное, как сон! Мой прыжок оказался слишком большим. Я пролетел над головой Кейвора и увидел, что падаю в овраг с колючками. В испуге я крикнул, протянул вперед руки и расставил ноги.

Я упал на огромный гриб, который лопнул подо

мной, развеяв массу оранжевых спор и обдав меня оранжевой пылью. Отплевываясь, я покатился вниз и затрясся от беззвучного смеха.

Из-за колючих кустов выглянуло маленькое круглое лицо Кейвора. Он что-то говорил мне.

— Что? — хотел я спросить, но у меня перехватило дыхание.

Он медленно спускался ко мне между зарослями.

— Нам нужно быть осторожнее, — сказал он. — Эта Луна не признает земных законов. Она разобьет нас вдребезги. — Он помог мне встать на ноги. — Вы чересчур напрягаетесь, — сказал он, смахивая рукой желтую пыль с моей одежды.

Я стоял тихо, тяжело дыша, пока он счищал с моих колен и локтей студенистое вещество и читал мне наставления.

— Мы должны приспособиться к невесомости. Наши мускулы еще недостаточно приучены. Необходимо попрактиковаться, когда у вас восстановится правильное дыхание…

Я вытащил из руки два или три вонзившихся шипа и в изнеможении присел на скалу. Руки и ноги у меня дрожали. Я чувствовал себя неловко, как человек, впервые пробующий ездить на велосипеде.

Кейвору вдруг пришла в голову мысль, что после солнечного зноя холодный воздух на дне оврага может простудить меня, и мы вскарабкались на вершину скалы, озаренную солнцем. Оказалось, что, кроме нескольких ссадин, я не получил никаких серьезных ушибов при падении. Кейвор предложил найти более безопасное и удобное место для следующего прыжка. Мы выбрали наконец площадку на скале на расстоянии около десяти ярдов, отделенную от нас темно-зелеными колосьями.

— Прыгнем сюда, — предложил Кейвор, разыгрывавший роль инструктора, и указал на место футах в четырех от моих ног.

Этот прыжок я совершил без труда и должен признаться, что не без удовольствия заметил, что Кейвор недопрыгнул на фут или два и свалился в колючие заросли.

— Видите, как надо быть осторожным, — сказал он, вытаскивая шипы, и после этого бросил разыгрывать из себя учителя и стал моим товарищем в школе лунного хождения.

Мы выбрали еще более легкий прыжок и совершили его шутя, затем прыгнули назад, потом снова вперед и повторили это упражнение несколько раз, приучая мускулы к новому

режиму. Я никогда не поверил бы, что можно приспособиться так быстро, если бы не узнал на собственном опыте. Очень скоро, после двадцати — двадцати пяти прыжков, мы легко определяли усилие, необходимое для каждого расстояния.

Между тем лунная растительность продолжала развиваться, становилась выше и гуще: мясистые кактусы, колючие стебли, грибы и лишайник лучились и изгибались, поражая необычайными формами. Однако мы были так поглощены нашими упражнениями, что сначала не обращали внимания на буйный рост лунных зарослей.

Странное возбуждение овладело нами. Отчасти, я думаю, это было чувство радости, связанное с освобождением от продолжительного заключения в тесном шаре, но главная причина — мягкость и свежесть лунного воздуха, который, очевидно, содержит гораздо больше кислорода, чем наша земная атмосфера. Несмотря на удивительную, необычную обстановку, мы вели себя, как лондонцы, впервые очутившиеся в горах, на лоне природы. Мы вовсе не испытывали страха перед неведомым будущим.

Нас охватила жажда деятельности. Мы выбрали мшистый пригорок ярдах в пятнадцати от нас и благополучно взобрались на его вершину.

— Отлично! — кричали мы. — Отлично!

Кейвор сделал три шага и прыгнул на снежный скат ярдах в двадцати. Я стоял неподвижно, пораженный уморительным видом его парящей в воздухе фигуры в грязной, измятой спортивной шапочке, с взъерошенными волосами, с коротким круглым туловищем, длинными руками и поджарыми козлиными, тонкими ножками — странной фигуры на фоне лунного простора.

Я громко расхохотался и последовал за ним. Прыжок — и я очутился рядом с Кейвором.

Мы сделали несколько исполинских шагов наподобие Гаргантюа, три-четыре раза прыгнули и уселись в поросшей мхом лощине. Дышать было трудно. Мы запыхались и сидели спокойно, держась за грудь и вопросительно поглядывая друг на друга. Кейвор бормотал что-то об «удивительных ощущениях». Затем я вдруг спросил — в этом не было ничего страшного, это был вполне естественный и уместный вопрос:

— Однако где же наш шар?

Кейвор посмотрел на меня:

— Что?

Я тут понял, что случилось, и меня словно обожгло.

— Кейвор, — закричал я, схватив его за руку, —

где же наш шар?

Глава X
Заблудившиеся на Луне

Мой испуг передался и Кейвору. Он встал и начал внимательно осматривать окружавшие нас быстро разраставшиеся заросли. С недоумением поднес руку к губам и заговорил без своей обычной уверенности.

— Мне кажется… — медленно произнес он, — мы оставили его… где-то… там… — Он сделал неопределенный жест. — Не знаю наверное. — В его глазах выразилась растерянность. — Во всяком случае, он где-то недалеко.

Мы оба встали. Выкрикивая что-то невнятное, мы напряженно всматривались в чащу опоясывающих нас джунглей. Повсюду вокруг, на освещенных солнцем скатах, вздымалась лишь колючая щетина, раздутые кактусы, ползучий лишайник да кое-где в тени синели снежные сугробы. На север, на юг, на восток и на запад — во все стороны расстилались однообразные заросли необычайных растительных форм. И где-то, погребенный среди этого хаоса стеблей, лежал наш шар — наш дом, вся наша провизия,

наша единственная надежда выбраться из этой фантастической пустыни, покрытой эфемерными растениями.

— Я думаю, — Кейвор показал пальцем на север, — что шар, наверное, там.

— Нет, — возразил я, — мы двигались по кривой. Смотрите, вот отпечаток моих каблуков. Ясно, что шар находится восточнее. Нет, он где-нибудь там.

— Я считаю, — сказал Кейвор, — что Солнце все время было справа.

— А мне кажется, что при каждом прыжке моя тень падала вперед.

Мы вопросительно посмотрели друг на друга.

В наших глазах дно кратера сразу приняло громадные размеры, чащи кустарника казались непроходимыми.

— Боже мой! Какое безрассудство!

— Совершенно очевидно, что нам надо во что бы то ни стало найти шар, — сказал Кейвор, — и как можно скорей. Солнце печет все сильнее. Мы давно уже изнемогли бы от жары, если бы воздух не был так сух. К тому же… я проголодался.

Я посмотрел на него с удивлением. Об этом я не подумал, но после его слов сразу почувствовал волчий аппетит.

— Да, и я тоже, — сказал я.

Кейвор решительно встал.

— Необходимо найти шар.

Стараясь держаться спокойно, мы всматривались в бесконечные каменные гряды и в чащу растений на дне кратера, молча, каждый про себя взвешивая шансы найти шар, прежде чем нас обессилят зной и голод.

— Он находится не дальше пятидесяти ярдов отсюда, — несколько нерешительно заметил Кейвор. — Единственный способ — ходить кругами, пока не наткнемся на него.

— Больше нам ничего не остается, — согласился я. — О, если бы эти проклятые колючки росли не так быстро!

— Вполне разделяю ваше пожелание, — сказал Кейвор. — Но ведь шар-то остался в снежном сугробе.

Я огляделся по сторонам, тщетно надеясь узнать какой-нибудь бугор или кактус вблизи нашего шара. Но везде было одно и то же: стремящиеся кверху заросли, раздувающиеся грибы, тающие и постоянно меняющие очертания снежные сугробы. Солнце палило нестерпимо; мы слабели от голода, и это еще более увеличивало затруднительность нашего положения. И в тот миг, когда

мы стояли так, смущенные и растерянные, мы вдруг впервые услышали на Луне звук, не похожий ни на шелест растений, ни на свист ветра, ни на наши шаги.

«Бум… Бум… Бум…»

Звук исходил откуда-то снизу, из-под почвы. Казалось, что мы ощущаем его не только ушами, но и ногами. Он отдавался глухим отдаленным гулом, словно отделенный от нас толстой стеной. Ни один из знакомых звуков не показался бы нам таким неожиданным: все вокруг словно изменилось. Густой, медленный и мерный, он был подобен бою гигантских часов, зарытых глубоко под землей.

«Бум… Бум… Бум…»

Звук, напоминавший о тихих монастырях, о бессонных ночах в многолюдном городе, об ожидании и бодрствовании, о размеренном порядке, таинственно разносился по этой фантастической пустыне. Для глаза ничто не изменилось в окружающем пейзаже: однообразные кусты и кактусы колыхались от ветра до самого горизонта, на темном пустом куполе неба палило солнце. Но над всем этим в воздухе, как предостережение или угроза, плыл загадочный звук.

«Бум… Бум… Бум…»

Мы тихо спрашивали друг друга:

— Как будто часы.

— Похоже на часы.

— Что это такое?

— Что это может быть?

— Считайте, — сказал Кейвор, но опоздал, так как удары прекратились.

Тишина, ритмическая неожиданность тишины, тоже казалась нам странной. Действительно ли мы слышали таинственный звон?

Я почувствовал прикосновение руки Кейвора к моему плечу. Он говорил вполголоса, как бы боясь кого-то разбудить:

— Будем держаться вместе и искать наш шар. Надо вернуться к шару. Мне непонятны эти загадочные звуки.

— Куда же мы пойдем?

Он колебался. Мы остро чувствовали присутствие каких-то неведомых существ. Что это за существа? Где они живут? Не является ли окружающая нас пустыня, то мерзлая, то опаленная, только оболочкой какого-то подлунного мира? А если так, то каков этот мир?

Каких обитателей может он изрыгнуть на нас?

И вдруг, пронизывая болезненную тишину, раздался громовой удар, звон, скрежет, как будто

неожиданно распахнулись громадные металлические ворота.

Мы замедлили шаги, потом остановились в изумлении. Кейвор тихо подошел ко мне.

— Не понимаю, — прошептал он мне над самым ухом. Он неопределенно махнул рукой — смутное выражение еще более смутных мыслей. — Надо бы найти, где спрятаться. На случай, если…

Я осмотрелся кругом и кивнул головой в знак согласия.

Мы пустились на поиски шара, двигаясь тихо, с преувеличенной осторожностью, стараясь производить как можно меньше шума. Мы направились к ближайшим зарослям, но раздавшийся снова звон, похожий на удар молота по котлу, заставил нас ускорить шаги.

— Надо пробираться ползком, — прошептал Кейвор.

Нижние листья колючих растений, затененные свежей верхней листвой, начали уже вянуть и свертываться, так что мы сравнительно легко могли пробираться между утолщающимися стеблями. На царапины мы уже не обращали внимания. В середине чащи я остановился и, задыхаясь, тревожно уставился в лицо Кейвора.

— Подземные, — прошептал он, — там, внизу…

— Но они могут выйти наружу.

— Нам надо найти шар.

— Да, но как его найти?

— Надо ползать, пока не наткнемся на него.

— А если не наткнемся?

— Будем прятаться. Посмотрим, что это за существа.

— Мы будем держаться вместе, — сказал я.

Кейвор задумался.

— В какую сторону идти?

— Пойдем наудачу.

Мы осмотрелись и осторожно поползли через заросли, стараясь двигаться по кругу, останавливаясь перед каждым грибом, при каждом звуке, думая только о шаре, который мы так легкомысленно покинули. Иногда из-под почвы под нами слышались удары, звон, странные, необъяснимые механические звуки; дважды нам казалось, что мы слышали в воздухе какой-то слабый треск и гул. Но мы боялись взобраться на возвышение, чтобы взглянуть на кратер. Долгое время мы не замечали существ, о присутствии которых свидетельствовали эти настойчивые частые звуки. Если бы не мучительное чувство голода и жажды, то наше ползание походило бы на яркое сновидение. Все это было так нереально. Единственным

намеком на реальность были эти звуки.

Представьте себя в нашем положении! Кругом безмолвный сказочный лес; колючие листья вверху, а под руками и коленями ползучие яркие лишайники, непрерывно движущиеся в процессе быстрого роста, как ковер, надуваемый снизу ветром. Исполинские грибы раздувались под солнцем, как пузыри, и то и дело лопались, обдавая нас пылью своих спор. То и дело появлялись новые, невиданные растительные формы с яркой окраской. Даже клеточки, образующие эти растения, были величиной с мой большой палец и напоминали цветные стеклянные бусы. Все это озарялось ярким блеском солнца и отчетливо вырисовывалось на черно-синем небе, где, несмотря на солнечный свет, сверкали еще немногие звезды. Странно! Даже камни были необычайны по форме и строению. Все было странно, даже наше самочувствие: каждое движение заканчивалось чем-нибудь неожиданным. Дыхание спиралось в горле, кровь пульсировала в ушах: тук, тук, тук, тук…

И снова и снова доносился откуда-то глухой шум — удары молота, звон, грохот машин и даже мычание огромных зверей.

Глава XI
Пастбища лунных коров

Так мы, два несчастных земных отщепенца, заблудившиеся в лунных джунглях, ползли в страхе перед доносившимися до нас странными звуками. Ползли мы так довольно долго, прежде чем увидели селенита и лунную корову, хотя рев и мычание доносились до нас все ясней и ясней. Мы ползли через каменистые овраги, через снежные сугробы, по грибам, которые лопались под нами, как пузыри, выпуская из себя водянистую жидкость, — ползли как бы по мостовой из дождевиков, сквозь колючие заросли. Тщетно мы высматривали покинутый нами шар. Звуки, издаваемые лунными коровами, походили то на мычание, то на яростное завывание, то на животный рев, как будто эти невидимые существа искали корм и ревели.

В первый раз они промелькнули так быстро, что мы не смогли разглядеть их, хотя и испугались. Кейвор полз впереди и первый заметил их приближение. Он замер и подал мне знак не шевелиться.

Треск и шум в чаще становились все громче, и, пока мы сидели на корточках, прислушиваясь и стараясь определить их местонахождение, позади нас раздалось страшное мычание, верхушки зарослей закачались, и мы почувствовали чье-то горячее и влажное дыхание. Обернувшись, мы увидели среди качающихся стеблей лоснящиеся бока лунной коровы и ее огромную выгнутую спину, выделяющуюся на фоне неба.

Конечно, мне трудно сказать, что именно я увидел в ту минуту, так как первые мои впечатления были дополнены потом последующими наблюдениями. Прежде всего меня поразили огромные размеры животного: в окружности его туловище имело не менее восьмидесяти, а в длину — не менее двухсот футов. Бока его поднимались и опадали от тяжелого дыхания. Я заметил, что его исполинское рыхлое тело почти лежало на грунте и что кожа у него была морщинистая, в складках, белая, темная только на спине. Ног его я не заметил. Мне кажется, что мы увидели только профиль почти лишенной мозгов головы, жирную шею, мокрый, всепожирающий рот, маленькие ноздри и закрытые глаза (лунные коровы всегда закрывают глаза от солнечного света). Мы мельком увидели и красную пасть,

когда чудовище разинуло рот, чтобы зареветь и замычать; мы почувствовали даже его дыхание. Затем чудовище опрокинулось на бок, как судно, которое волокут по отмели, подобрало складки кожи, проползло мимо нас, пролагая себе просеку в чаще, и быстро скрылось в зарослях. Скоро показалось другое такое же чудище, за ним третье, и, наконец, появился селенит, очевидно, пастух, гнавший эти громадные туши на пастбище. В испуге я судорожно ухватился за ногу Кейвора. Мы замерли и долго смотрели вслед селениту, когда он уже совсем скрылся из виду.

В сравнении с лунными коровами он казался муравьем, пигмеем не более пяти футов ростом. На нем была одежда из какой-то кожи, так что все тело его было закрыто, но тогда мы об этом еще не знали. Селенит представлял собой крепкое, подвижное существо, напоминавшее насекомое с длинными ремнеобразными щупальцами и чем-то вроде клешни, которая со звоном болталась на блестящем цилиндрическом футляре, покрывавшем туловище. Голова была скрыта под огромным, утыканным остриями шлемом (впоследствии мы узнали, что этими остриями селениты пользовались для наказания упрямых лунных коров), два темных стекловидных

наглазника сбоку придавали что-то птичье металлическому аппарату, скрывавшему его лицо. Рук не было видно, и селенит передвигался на коротких ногах, которые, хотя и были обернуты во что-то теплое, показались нам очень жидкими: слишком короткие бедра, длинные голени и маленькие ступни.

Несмотря на тяжелое, по-видимому, одеяние, селенит шел довольно большими шагами и все время работал клешней. По его походке в ту минуту, когда он проходил вдали мимо нас, было заметно, что он торопится и сердится. Вскоре после того, как мы потеряли его из виду, протяжное мычание лунных коров перешло в короткий резкий визг, сопровождаемый возней. Рев, удаляясь, становился тише и наконец совсем смолк: вероятно, чудовища достигли пастбища.

Мы прислушались. В лунном мире вновь царила тишина. Но мы не сразу поползли дальше искать наш пропавший шар.

Во второй раз мы увидели лунных коров на некотором расстоянии, среди скал. Пологие обрывы густо поросли здесь каким-то растением с зелеными мшистыми клубнями: их-то и поедали чудовища. Мы остановились на опушке чащи, наблюдая эти создания и высматривая кругом,

нет ли где селенита. Чудовища лежали на пастбище, как огромные жирные паразиты, и, жадно чавкая и сопя, пожирали корм; неуклюжие и неповоротливые, они, казалось, состояли из одного жира — смитфильдский бык в сравнении с ними показался бы образцом проворства. Их искривленные, жующие пасти, закрытые глаза и смачное чавканье выражали такое животное наслаждение, что мы еще сильней почувствовали пустоту наших желудков.

— Свиньи! — разозлился Кейвор. — Отвратительные свиньи!

Бросив на чудовищ завистливый взгляд, Кейвор пополз через кусты вправо. Убедившись, что растение совершенно непригодно для человеческого питания, я пополз вслед за ним, сжав зубами сорванный стебель.

Но вскоре мы вторично остановились при приближении селенита и на этот раз могли лучше рассмотреть его. Верхний покров его действительно был одеждой, а не скорлупой. Одежда у этого селенита была такая же, как и у первого, с той лишь разницей, что у него на шее висело что-то похожее на вату. Селенит стоял на выступе скалы и поворачивал голову то в одну сторону, то в другую, как бы осматривая кратер. Мы притаи-

лись, боясь привлечь его внимание, и вскоре он повернулся и исчез.

Мы наткнулись на другое стадо мычавших лунных коров, поднимавшихся по скату обрыва, а потом проходили там, где из-под ног раздавались звуки, похожие на стук машин, как будто под почвой работала огромная фабрика. Звуки эти еще доносились до нас, когда мы достигли окраины большого открытого пространства, ярдов двести в диаметре и совершенно ровного. Если не считать лишайников, выступавших кое-где по краям, поляна была совершенно голая, покрытая желтоватой пылью. Сначала мы боялись спуститься по этой пыльной равнине, но так как по ней было легко ползти, то мы наконец решились и начали осторожно красться вдоль ее края.

Подземный шум прекратился, и некоторое время слышался только шорох быстрорастущих растений. Затем внезапно шум снова возобновился, более резкий и громкий, чем раньше. Несомненно, он шел откуда-то снизу. Инстинктивно мы плотно прижались к почве, готовые при малейшей опасности прыгнуть в чащу. Каждый удар, казалось, отдавался в нашем теле. Грохот и стук становились все громче и громче, порывистая вибрация усиливалась, словно весь

лунный мир мерно содрогался и пульсировал.

— Прячьтесь, — шепнул Кейвор, и я повернулся к кустам.

В это мгновение раздался оглушительный удар, напоминающий орудийный залп, и произошло то, что еще и теперь пугает меня во сне. Я повернул голову, чтобы взглянуть на Кейвора, и протянул руку вперед. Рука моя ткнулась в пустоту! Под ней зияла пропасть!

Моя грудь опиралась на что-то твердое, а подбородок оказался на краю разверзшейся бездны. Моя окаменевшая рука тянулась в пустоту. Вся эта плоская круглая равнина оказалась гигантской крышкой, которая теперь сдвигалась в сторону, в приготовленную для нее выемку, открывая находившуюся внизу яму.

Если бы Кейвор не поспешил ко мне на помощь, я, наверное, так и оцепенел бы на краю пропасти, пока не упал бы вниз. Но Кейвор, к счастью, не растерялся. Когда крышка начала отодвигаться, он находился немного дальше меня от края и, заметив мое опасное положение, схватил меня за ноги и оттащил прочь. Я отполз от края на четвереньках, привстал, шатаясь, и побежал вслед за Кейвором по звонкому, зыбкому металлическому листу. Крышка быстро сдвигалась, и

кусты, к которым я бежал, уносились в сторону. Я еле успел. Скоро спина Кейвора исчезла в густой чаще, и пока я карабкался вслед за ним, чудовищная крышка со звоном задвинулась. Долго мы лежали, затаив дыхание, не смея подползти к краю бездны.

Наконец осторожно мы решились заглянуть вниз с безопасного места. Заросли вокруг трещали и колыхались от ветра, дувшего снизу. Сначала мы не увидели ничего, кроме гладких отвесных скал, уходивших в непроницаемый мрак, но потом разглядели внизу движущиеся во всех направлениях огоньки.

Таинственная пропасть так захватила нас, что мы позабыли даже о своем шаре. Когда глаза наши освоились с темнотой, мы разглядели крохотные призрачные фигурки, двигавшиеся между тускло светящимися точками. Мы молча смотрели вниз, не находя слов от изумления. Мы не могли понять, что делают эти копавшиеся на дне пропасти создания.

— Что это может быть? — спросил я. — Что это может быть?

— Инженерные работы. Они, очевидно, проводят ночь в этих шахтах, а днем выходят на поверхность.

— Кейвор, может быть, они… вроде людей?

— Нет, это не люди.

— Не будем рисковать.

— Мы не смеем рисковать, пока не найдем шар!

— Да!

Он со вздохом согласился и, осмотревшись, выбрал направление. Мы вновь стали пробираться сквозь чащу. Сначала мы ползли довольно быстро, но скоро энергия наша иссякла. Вскоре среди красноватых зарослей послышались шум и крики. Мы притаились; звуки долго раздавались поблизости, но мы ничего не видели. Я хотел сказать Кейвору, что вряд ли долго продержусь без пищи, но губы мои пересохли, и я не мог даже шептать.

— Кейвор, я больше не могу без еды, — сказал я.

Он обернулся и с ужасом посмотрел на меня.

— Надо потерпеть.

— Не могу, — настаивал я, — посмотрите на мои губы.

— Я тоже давно хочу пить.

— Ах, если бы остался хоть кусочек снега!

— Нет, он растаял весь. Мы перенеслись из арктического пояса в тропический со скоростью

одного градуса в минуту…

Я стал сосать свою руку.

— Шар! — сказал Кейвор. — Только в нем наше спасение.

Мы возобновили поиски. Я думал лишь о еде, о пенистых прохладительных напитках, особенно хотелось мне выпить пива. Я все вспоминал о ящике пива, который остался у меня в погребе в Лимпне. Припомнилась мне и кладовая с припасами: холодное мясо, паштет из почек — нежное мясо, почки и жирная густая подливка. Я даже начал зевать от голода. Мы выбрались на равнину, покрытую коралловыми мясистыми растениями, которые с треском разламывались от прикосновения. Я поглядел на поверхность излома. Растение походило на съедобное. Мне показалось, что и пахнет оно недурно. Я отломил ветку и обнюхал.

— Кейвор! — прохрипел я.

Он взглянул на меня и поморщился.

— Нельзя, — сказал он.

Я бросил ветку, и мы продолжали пробираться через эти соблазнительные заросли.

— Кейвор, — спросил я, — почему нельзя?

— Яд! — сказал он, не оборачиваясь.

Мы поползли дальше. Наконец я не выдержал.

— Я все-таки попробую.

Он жестом хотел остановить меня, но опоздал. Я уже набил себе полный рот. Он присел, наблюдая за выражением моего лица. Его лицо исказилось гримасой.

— Недурно! — сказал я.

— Боже! — воскликнул он.

Он наблюдал, как я жую, на лице его выражалась борьба между желанием и страхом. Наконец он не выдержал и тоже набил себе рот. Несколько минут мы жадно ели. Растение походило на гриб, но ткань его была гораздо рыхлее и при проглатывании согревала горло. Сначала мы испытывали просто удовлетворение от еды, потом кровь у нас начала двигаться быстрее, и мы ощутили зуд на губах и в пальцах. Фантастические мысли ключом забили в нашем мозгу.

— Как тут хорошо, — сказал я, — адски хорошо! Какая прекрасная колония для нашего избыточного населения! Бедного избыточного населения.

И я сорвал новую порцию.

Я радовался, что на Луне есть такая прекрасная пища. Муки голода сменились теперь беспричинным весельем. Страх и подавленное настроение исчезли. Я смотрел на Луну не как на планету, с которой нужно поскорее убраться, а как на

обетованный рай для человечества. Я позабыл о селенитах, о лунных коровах, о проклятой крышке над бездной и о пугавших нас звуках. Так подействовали на меня лунные грибы.

Кейвор ответил одобрительно на мое повторенное в третий раз замечание об «избыточном населении». Я почувствовал головокружение, но приписал это действию пищи после долгого голодания.

— Вы сделали великое открытие, Кейвор, — пробормотал я, — вро… вроде картофеля.

— Что? — удивился Кейвор. — Что, Луна вроде картофеля?

Я посмотрел на него, удивленный хрипотой его голоса и несвязным выговором. Я вдруг понял, что он опьянел от этих грибов. Я понял также, что он заблуждается, полагая, что открыл Луну: он только добрался до нее. Я положил руку на его плечо и пытался разъяснить ему это обстоятельство, но мои объяснения были слишком мудреными для его мозга. Да и мне оказалось трудно высказать ясно свои мысли. После тщетной попытки понять меня (неужели мои глаза такие же рыбьи, как у него?) он пустился разглагольствовать на другую тему.

— Мы, — объявил он торжественно, икая, —

продукт нашей пищи и питья.

Он повторил эту фразу, а я стал с жаром оспаривать это положение. Вероятно, я немного уклонился в сторону от предмета спора; но Кейвор все равно не слушал меня. Он кое-как поднялся, опираясь рукой на мою голову — это было очень невежливо с его стороны, — и стоял, озираясь, совсем не боясь лунных обитателей.

Я пытался доказать, что стоять опасно, но сам толком не мог сообразить почему. Слово «опасно» перепуталось у меня со словом «нескромно» и в конце концов перешло в слово «нахально». Окончательно запутавшись, я обратился с речью к посторонним, более внимательным слушателям: к коралловым растениям. Я чувствовал, что необходимо срочно выяснить различие между Луной и картофелем, и пустился в пространные рассуждения о важности точного определения в спорах. Мое самочувствие было уже не такое приятное, как сначала, но я пытался не обращать на это внимания.

Затем каким-то образом я перескочил обратно к проекту колонизации.

— Мы должны аннексировать эту Луну, — говорил я, — без всяких колебаний. Это — Бремя Белого Человека. Кейвор, мы — сатапы… То есть

сатрапы. О такой нимперии не мечтал даже Цезарь! Будет пропечатано во всех газетах. Кейвореция. Бедфордеция. Акционерное общество Бедфорд и — ик — компания! Неограниченное количество акций!

Я совсем опьянел.

Я пустился в перечисление всех бесконечных преимуществ, которые наше прибытие может принести Луне. Стал доказывать, что прибытие Колумба было в общем благодетельно для Америки, потом запутался и продолжал бессмысленно повторять: «Подобно Колумбу!»

С этого момента мои воспоминания о действии на нас этого отвратительного гриба становятся туманными. Помню, что мы объявили о своем намерении плевать на проклятых насекомых и решили, что мужчинам не пристало прятаться здесь, на каком-то несчастном спутнике Земли: мы набрали полные пригоршни коралловых грибов — очевидно, для самозащиты — и, не обращая внимания на уколы шипов, вышли на припек.

Почти тотчас же мы встретились с селенитами. Их было шестеро, они шли гуськом по каменистой долине, издавая удивительно жалобные свистящие звуки. Они сразу заметили нас, смолкли и остановились, как животные, повернув

головы к нам.

На мгновение я отрезвел.

— Насекомые, — пробормотал Кейвор, — насекомые… И они воображают, что я, высокоорганизованное позвоночное животное, буду перед ними ползать на животе? На животе! — повторил он с негодованием.

Затем вдруг с криком ярости он сделал три больших шага и прыгнул к селенитам. Прыгнул он неудачно: несколько раз перекувырнулся в воздухе, пролетел над ними и с треском исчез среди кактусоподобных растений. Как отнеслись селениты к этому странному и, на мой взгляд, недостойному вторжению непрошеного гостя с другой планеты, не сумею сказать. Кажется, они повернулись и обратились в бегство, но я в этом не уверен. Все последние события перед наступившим потом беспамятством слабо отпечатались в моем мозгу. Помню, что я шагнул вперед, чтобы последовать за Кейвором, но споткнулся и упал между камнями. Мне сделалось дурно, и я потерял сознание. Смутно вспоминается мне какая-то борьба, потом металлические зажимы.

Мои последующие ясные воспоминания касаются уже нашего плена в невероятной глубине,

под лунной поверхностью; мы были в темноте, среди странных беспокойных звуков, все избитые и исцарапанные, в синяках и кровоподтеках, с мучительной головной болью.

Глава XII
Лицо селенита

Я очнулся скрюченным, в гулком мраке. Долго не мог понять, где я и как попал в это ужасное положение. Я вспомнил о чулане, куда меня иногда запирали в детстве, потом о темной и шумной спальне, где я однажды лежал больной. Но эти звуки не походили ни на какие знакомые мне шумы, в воздухе витал легкий запах конюшни. Мне показалось, что мы еще работаем над сооружением шара и что я почему-то попал в погреб Кейвора. Тут я вспомнил, что мы уже сделали наш шар, и подумал, что все еще лечу в нем в межпланетном пространстве.

— Кейвор, нельзя ли зажечь свет? — спросил я.

Ответа не последовало.

— Кейвор! — повторил я.

Вместо ответа послышались стоны.

— Голова! — прошептал он. — Голова!

Я хотел приложить руки к пылавшему лбу, но они оказались связанными. Это меня очень удивило. Я поднес их к губам и почувствовал прикосновение холодного гладкого металла. Ру-

ки мои были скованы. Я попробовал раздвинуть ноги, но они тоже оказались скованными; кроме того, я был прикован к полу толстой цепью, обвитой вокруг моего туловища.

Меня охватил такой страх, какого я еще ни разу не испытывал во время наших похождений. Некоторое время я молчал, пытаясь ослабить свои путы.

— Кейвор, — крикнул я потом, — почему я связан? Зачем вы сковали меня по рукам и ногам?..

— Я не сковывал вас, — ответил он, — это селениты.

Селениты! Моя мысль сосредоточилась на этом слове. И тут я все вспомнил: снежная пустыня, таяние мерзлого воздуха, быстрый рост растений, наши странные прыжки и ползание среди скал и растительности кратера. Вспомнил, как отчаянно мы искали шар… Как открылась огромная крышка над шахтой…

Я силился припомнить, что случилось потом и как мы очутились здесь, но мне мешала невыносимая головная боль. Я словно уперся в непреодолимую преграду, в безвыходный тупик.

— Кейвор!

— Что?

— Где мы?

— Не знаю.

— Мы умерли?

— Какая чушь!

— Значит, они нас одолели?

Он ничего не ответил, только сердито заворчал. Продолжавшееся еще действие яда сделало его странно раздражительным.

— Что вы намерены делать?

— Почем я знаю?

— Ну ладно, ладно, — прошептал я и умолк.

Скоро я вышел из своего оцепенения.

— Черт побери! — крикнул я. — Прекратите это жужжание!

Мы снова погрузились в молчание, прислушиваясь к глухому гулу не то многолюдной улицы, не то фабрики. Сначала я не мог разобраться в хаосе звуков, потом начал различать новый, более резкий ритм, выделяющийся из всех остальных. Это был ряд последовательных звуков, легких ударов и шорохов, вроде шуршания ветки плюща об окно или порхания птицы в клетке. Мы прислушивались и напрягали зрение, но темнота окутывала нас темным бархатом. Послышался звук, точно щелкнул хорошо смазанный замок. И передо мной во мраке блеснула тонкая светлая линия.

— Посмотрите! — еле слышно шепнул Кейвор.

— Что это такое?

— Не знаю.

Мы смотрели во все глаза.

Тонкая светлая линия превратилась в широкую полосу и стала бледней, потом приняла вид голубоватых лучей, падающих на белую стену. Края светлой полосы перестали быть параллельными: один из них потемнел. Я обернулся, чтобы указать на это Кейвору, и удивился, увидя его ярко освещенное ухо, — все остальное поглощала темнота. Я повернул голову, насколько позволяли оковы.

— Кейвор! Это позади нас!

Ухо его исчезло, уступив место глазу!

Внезапно щель, пропускавшая свет, расширилась и оказалась просветом отворяющейся двери. Снаружи виднелся сапфировый проход, а в дверях показалась странная фигура, силуэт которой уродливо вырисовывался на светлом фоне.

Мы оба сделали судорожную попытку повернуться, но не смогли и сидели, косясь через плечо. Сначала мне показалось, что перед нами стоит неуклюжее четвероногое с опущенной головой; потом я разглядел, что это была тщедушная фигурка селенита на коротких, тонких ножках, с головой, вдавленной между плечами. Он был без

шлема и без верхней одежды.

Мы видели перед собой только темную фигуру, но инстинктивно наше воображение наделяло ее человеческими чертами. Я решил, что он несколько сутуловат, что лоб у него высокий, а лицо продолговатое.

Селенит сделал три шага вперед и остановился. Движения его были совершенно бесшумны. Затем он еще немного придвинулся. Ходил он, ставя ноги одну перед другой, по-птичьи. Он вышел из полосы света, проникавшего через дверь, и исчез в тени.

Я тщетно искал его глазами, потом вдруг увидел стоящим уже против нас в полосе света. Однако все человеческие черты, какие я ему приписывал, полностью отсутствовали!

Конечно, этого и следовало ожидать, но я был совершенно потрясен. Казалось, что у него не лицо, а какая-то страшная маска, ужас, бесформенность, не поддающаяся описанию, без носа, с двумя выпуклыми глазами по бокам, — сначала я принял их за уши, которых вообще не было. Позднее я пробовал нарисовать такую голову, но мне так и не удалось. Рот был искривлен, как у человека в припадке ярости…

Шея, на которой болталась голова, расчленя-

лась на три сустава, напоминающие ногу краба. Суставов конечностей я не мог увидеть, так как они были обмотаны чем-то вроде лент, — вот и все его одеяние.

Таково было существо, стоявшее там и смотревшее на нас!

В то время я весь был поглощен мыслью о том, что такое нелепое животное вообще не может существовать. Полагаю, что и селенит был изумлен не меньше, чем мы, и у него было для этого, пожалуй, еще больше оснований. Но только, будь он проклят, он не показывал этого. Мы по крайней мере знали, чем мы были обязаны встрече с этим созданием. Но вообразите, как были бы, например, поражены почтенные лондонцы, натолкнувшись на пару живых существ ростом с человека, но совершенно не похожих ни на каких земных животных и разгуливающих среди овец в Гайд-парке! Наверное, так же был поражен и селенит.

Представьте себе наш вид! Скованные по рукам и ногам, измученные и грязные, обросшие бородой, с исцарапанными и окровавленными лицами. Не забудьте, что Кейвор в велосипедных брюках (продранных во многих местах шипами колючего кустарника), в егеревской фуфайке и

в старой шапочке для крикета, а жесткие волосы его взъерошены и торчат во все стороны. В голубом свете лицо его выглядело не красным, а очень темным: его губы и запекшаяся кровь на моих руках казались совсем черными. Я, вероятно, выглядел еще хуже, чем он, потому что был покрыт желтыми спорами грибовидных растений, в которые я прыгнул. Куртки наши были расстегнуты, ботинки сняты и брошены рядом. Мы сидели спиной к уже упомянутому мной фантастическому голубоватому свету, уставившись глазами в чудовище, какое мог придумать и изобразить разве только Дюрер.

Кейвор первый прервал молчание; он начал что-то говорить, но сразу охрип и стал откашливаться. Снаружи послышалось отчаянное мычание, словно с лунной коровой происходило нечто ужасное. Мычание закончилось пронзительным визгом, и снова наступила мертвая тишина.

Селенит повернулся, скользнул снова в тень, показался на миг у входа, спиной к нам, и закрыл дверь за собой; мы опять очутились в таинственном мраке, наполненном странными звуками.

Глава XIII
Мистер Кейвор высказывает предположение

Некоторое время мы оба молчали. Связать воедино все, что с нами произошло, было выше моих умственных способностей.

— Они нас захватили, — проговорил я наконец.

— И все из-за грибов.

— А если бы я не начал их есть, мы бы упали в обморок и умерли от голода.

— Мы могли бы отыскать шар.

Я разозлился на его упрямство и выругался про себя. Несколько минут мы молча, с ненавистью глядели друг на друга. Я барабанил пальцами по полу и позвякивал цепями. Наконец я вынужден был заговорить:

— Все-таки, как вы думаете, что с нами происходит?

— Это разумные существа, они умеют создавать и действовать целенаправленно. Огоньки, что мы с вами видели…

Он запнулся. Ясно, что и он ничего не понимал.

Потом заговорил снова:

— Должен признать, что в конце концов они отнеслись к нам лучше, чем мы вправе были ожидать. Я полагаю…

К моему неудовольствию, он снова запнулся.

— Что?

— Во всяком случае, я полагаю, что на всякой планете, где есть разумные существа, они должны иметь черепную коробку, руки и держаться прямо…

Тут он перескочил на другую тему.

— Мы находимся на какой-то глубине, в несколько тысяч футов или даже больше.

— Почему вы так думаете?

— Здесь холоднее. И наши голоса звучат громче. Ощущение усталости совсем исчезло, пропал и шум в ушах и сухость в горле.

Я сначала этого не замечал, но теперь убедился, что он прав.

— Воздух сделался гуще. Мы находимся, вероятно, на большой глубине — пожалуй, в целую милю — от поверхности Луны.

— А нам и в голову не приходило, что внутри Луны существует целый мир.

— Да.

— Да и как могли это предвидеть мы?

— Могли, но наш ум чересчур консервативен.

Кейвор задумался.

— А теперь это кажется таким естественным!

— Внутри Луны, очевидно, много гигантских пещер, заполненных воздухом, в центре же расположено море.

— Известно было, что Луна имеет меньший удельный вес, чем Земля, что на ней мало воздуха и воды. Предполагали также, что эта планета родственна Земле, и было бы естественно для нее иметь то же строение. Отсюда легко было сделать вывод, что она полая внутри. Однако же никто не признавал этого факта. Кеплер, правда…

Голос Кейвора звучал теперь увереннее: он нашел логичное объяснение.

— Да, — продолжал он, — предположение Кеплера о подпочвенных пустотах в конце концов оказалось правильным.

— Хорошо было бы, если бы вы удосужились подумать об этом раньше, — сказал я.

Он ничего не ответил и зажужжал, отдавшись, по-видимому, течению своих мыслей. Я раздражался все больше и больше.

— Что же все-таки, по-вашему, произошло с шаром? — спросил я.

— Потерялся, — равнодушно ответил он, как

будто это его совсем не интересовало.

— Среди зарослей?

— Если только они его не нашли.

— Что тогда?

— Почем я знаю!

— Кейвор, — истерически заговорил я, — дела моей компании идут просто блестяще…

Он ничего не ответил.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Вспомните, сколько лишений мы перенесли для того, чтобы попасть в эту яму! Зачем мы здесь? И что теперь с нами будет? Что нам была Луна и что были мы для нее? Мы захотели слишком многого, слишком рискнули. Нам следовало бы начать с меньшего. Это вы предложили лететь на Луну! Эти заслонки из кейворита! Я уверен, мы могли бы применить их и на Земле. Совершенно уверен! Вы просто не поняли, чего я хотел… Стальной цилиндр…

— Ерунда! — отрезал Кейвор.

Разговор прервался.

Но скоро Кейвор возобновил свой прерванный монолог без всякого поощрения с моей стороны.

— Если они найдут шар, — начал он, — если найдут… что они с ним сделают? Вот в чем вопрос! И, может быть, основной вопрос. Как бы то ни было, они не поймут, что это такое. Если

бы они знали толк в таких вещах, то уж давно прилетели бы к нам на Землю. Полетели бы они? А почему бы и нет? Или послали бы что-нибудь к нам? Они бы не удержались, нет! Но они станут разглядывать шар. Несомненно, это разумные и любознательные существа: они начнут его рассматривать, войдут внутрь, станут дергать заслонки… И шар улетит… То есть мы останемся на Луне до конца наших дней. Странные существа, странные знания…

— Что касается странных знаний… — начал я, и язык отказал мне.

— Послушайте, Бедфорд, — сказал Кейвор, — вы ведь отправились в эту экспедицию по доброй воле.

— Вы убеждали меня и называли это исследованием.

— Всякое научное исследование сопряжено с некоторым риском.

— В особенности когда его предпринимают, ничем не вооружившись и ничего не предусмотрев.

— Я был всецело занят мыслью о шаре. События вынудили нас…

— Вынудили «меня», хотите вы сказать?

— И меня точно так же. Разве я знал, принима-

ясь за исследования по молекулярной физике, что судьба забросит меня в такую даль?

— Во всем виновата проклятая наука! — разозлился я. — В ней вся дьявольщина! Средневековые проповедники и инквизиторы были правы, а современные искатели ошибаются. Вы суетесь в дела науки, и она преподносит вам подарочек, который разрывает вас на куски или уносит к черту на кулички самым неожиданным образом. Древние страсти и новейшее оружие — это переворачивает вверх тормашками ваши верования, ваши социальные идеи и ввергает вас в пучину одиночества и горя!

— Ссориться бесполезно. Эти существа, селениты — или называйте их как хотите — поймали нас и сковали по рукам и ногам. В каком бы настроении вы ни были при этом, вам придется это пережить… Нам еще предстоят серьезные испытания, и это потребует от нас максимума хладнокровия.

Кейвор остановился, как бы ожидая от меня поддержки, но я сидел насупившись.

— Черт бы побрал вашу науку! — буркнул я.

— Главная проблема сейчас — найти с ними общий язык, попытаться заговорить. Жесты их, боюсь, совсем не будут похожи на наши. Напри-

мер, показывание пальцем. Ни одно существо, кроме человека и обезьяны, не показывает пальцем.

Мне это показалось совсем неверным.

— Почти каждое животное указывает глазами или носом, — возразил я.

Кейвор задумался.

— Да, — согласился он наконец, — но мы так не делаем. Тут столько различий, столько различий… Можно было бы… Но ничего нельзя сказать заранее. У них свой язык, они издают звуки вроде писка или визга. Как мы можем этому обучиться? Да и язык ли это? Но у них могут быть совсем иные чувства, иные средства общения. Несомненно, у селенитов есть разум, и у нас должно найтись хоть что-нибудь общее. Но сможем ли мы понять друг друга?

— Это невозможно, — проговорил я. — Они отличаются от нас больше, чем самые далекие земные животные. Они совсем из другого теста. Об этом и говорить нечего.

Кейвор снова задумался.

— Я этого не нахожу. Раз у них есть разум, то, наверное, найдется что-нибудь общее с нами, хоть разум этот и развился на другой планете. Конечно, если бы мы или они были только жи-

вотными и обладали одними инстинктами…

— А разве они не животные? Они гораздо более походят на муравьев на задних лапах, чем на человеческие существа, а разве можно сговориться с муравьями?

— А машины и одежда? Нет, я не согласен с вами, Бедфорд. Разница, конечно, велика…

— Непреодолима.

— Но сходство должно найтись. Помню, я читал как-то статью покойного профессора Голтона о возможности межпланетных сообщений. К сожалению, в то время это меня непосредственно не занимало, и я не отнесся к статье с должным вниманием… Да… Но я постараюсь припомнить… По теории Голтона, следовало начать с общеизвестных истин, которые доступны всякому разумному существу и составляют основу мышления. Например, можно начать с общих принципов геометрии. Он предлагал взять какую-нибудь основную теорему Эвклида и показать построением, что она нам известна, доказать, например, что углы равнобедренного треугольника равны, что если начертить равные стороны, то углы будут одинаковы, или что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Обнаруживая знание подобных

вещей, мы покажем вместе с тем, что обладаем некоторым интеллектом… Теперь предположим, что я… начертил бы геометрическую фигуру мокрым пальцем или обозначил бы ее в воздухе.

Кейвор замолчал. Я сидел, обдумывая его слова. На несколько мгновений его безумная надежда на общение, на взаимное понимание с этими непонятными существами увлекла меня. Но затем отчаяние — следствие усталости и физических недомоганий — взяло верх. Я снова с предельной ясностью увидел чудовищную глупость всех своих поступков.

— Осел! — ворчал я. — Осел, неисправимый осел! Я, кажется, только и делаю в жизни, что попадаю в самые дурацкие истории. Зачем мы вылезли из шара? И зачем стали прыгать? Уж не в надежде ли на патенты и концессии в лунных кратерах? Хоть бы мы догадались прицепить платок на шест у того места, где оставили шар!

И я замолчал, совсем раскипятившись.

— Несомненно, — рассуждал Кейвор, — это существа разумные. Некоторые вещи всегда можно предсказать заранее. Раз они не убили нас сразу, то у них, должно быть, есть понятие о милосердии. Милосердие! Или по крайней мере о сдержанности, быть может, об обмене мыслями.

Они могут снова явиться к нам. А эти пещеры и часовой?! Эти кандалы?! Несомненно, они обладают развитым умом…

— Господи, как это я пустился в такое безумное предприятие, не подумав! — воскликнул я. — Сначала одно сумасбродное путешествие, потом другое. Но я доверился вам. И отчего я бросил свою пьесу? Вот мое предназначение, моя сфера! Я бы мог окончить пьесу, я в этом уверен, и это была бы хорошая пьеса. Сценарий был у меня уже почти готов, а тут… Подумать только, полететь на Луну! Да я просто загубил свою жизнь! У той старухи в трактире в Кентербери гораздо больше здравого смысла…

Я взглянул вверх и умолк на полуслове. Мрак снова сменился голубоватым светом. Дверь открылась, и несколько селенитов бесшумно скользнули в помещение. Я замер и во все глаза смотрел на их чудовищные лица.

Вдруг настроение мое резко изменилось. Я заметил, что первый и второй селенит несут чаши. Видимо, хоть в одном, очень важном отношении мы могли понять друг друга. Это были чаши из какого-то металла, казавшиеся, как и наши кандалы, темными в этом голубоватом освещении, и в каждой лежало какое-то белое

вещество. Все мое раздражение и отчаяние внезапно перевоплотилось в непереносимое чувство голода. Я волчьими глазами впился в эти чаши, и, хотя потом я часто видел все это во сне, в то время я не придал никакого значения тому, что на конце рук, протягивавших мне одну из этих чаш, находились не целые кисти, а лишь нечто вроде лопаточки с большим пальцем, похожим на кончик слонового хобота.

Чаша была наполнена студенистой массой беловато-бурого цвета, напоминавшей ломти холодного желе или суфле, и от него исходил легкий запах все тех же злополучных грибов. Очевидно, это было мясо лунных коров, если судить по туше, которую мы после этого видели.

Мои руки были так крепко скованы, что я едва мог дотянуться до чаши; селениты заметили мои усилия, и двое из них ловко ослабили мои наручники. Их щупальца-руки, касавшиеся меня, были мягки и холодны. Я схватил еду и сразу же набил полный рот. Пища была такая же студенистая, как все органические вещества на Луне, и напоминала по вкусу вафлю или пирожное… Я схватил еще две пригоршни.

— Ох, как я голоден, — бормотал я, снова набивая рот.

Некоторое время мы ели, поглощенные одним только процессом еды. Мы утоляли голод, потом пили что-то, как нищие бродяги на кухне у богача. Никогда в жизни — ни раньше, ни после — я не был так голоден, и, кроме того, я убедился в том, чему никогда бы прежде не поверил: за четверть миллиона миль от нашего земного шара в совершенном смятении чувств, находясь под стражей, чувствуя прикосновения невероятных уродливых существ, каких не увидишь даже в страшном сне, я ел с чудовищным аппетитом, забыв обо всем на свете. Селениты стояли вокруг, наблюдая за нами, и временами издавали легкое чириканье, очевидно, заменявшее им речь. Я даже не вздрагивал при их прикосновении. Когда я несколько утолил голод и взглянул на Кейвора, то убедился, что он ест с таким же аппетитом и беззастенчивостью.

Глава XIV
Попытка объясниться

Когда мы наконец кончили есть, селениты снова крепко сковали нам руки, но ослабили цепи на ногах и закрепили их так, чтобы дать нам возможность двигаться. Затем они сняли цепи, которыми мы были прикованы. Для всего этого им приходилось то и дело касаться нас, иногда они наклонялись близко к моему лицу, и мягкие щупальца дотрагивались до моей головы или шеи. Однако в те минуты я не пугался и не чувствовал отвращения от такой близости. Вероятно, наш неизлечимый антропоморфизм заставлял нас и тут представлять себе человеческие лица под этими масками. Кожа их, как и все остальное, казалась голубоватой, но это, видимо, от освещения; она была жесткая и блестящая, как надкрылья у жуков, отнюдь не мягкая, влажная и волосистая, как у позвоночных животных. Вдоль головы от затылка до лба тянулся ряд белесых игл или шипов; такие же иглы торчали по обеим сторонам над глазами. Развязывавший меня селенит пускал в ход и челюсти, помогая рукам.

— Они, по-видимому, освобождают нас, — сказал Кейвор. — Помните, что вы находитесь на Луне: не делайте резких движений.

— А вы не пустите в ход свою геометрию?

— Попробую, если представится случай. Впрочем, они могут и сами начать.

Мы не двигались. Селениты, кончив возиться с цепями, отступили назад и, казалось, наблюдали за нами. Я сказал «казалось» потому, что глаза у них были сбоку, а не спереди, и направление их взгляда было так же трудно определить, как, например, у курицы или у рыбы. Они разговаривали друг с другом звуками, похожими на шелест тростника, — звук этот невозможно ни воспроизвести, ни точно определить. Дверь позади нас раскрылась шире, и, оглянувшись через плечо, я увидел широкое пустое пространство, где стояла кучка селенитов. Странное это было зрелище!

— Может быть, они хотят, чтобы мы подражали этим звукам? — спросил я Кейвора.

— Не думаю, — возразил он.

— Мне кажется, они пытаются нам что-то растолковать.

— Я не могу понять ни одного из их жестов. Вы заметили, как один из них все время вертит головой, точно человек в узком воротничке?

— Давайте и мы покачаем ему головой.

Мы так и сделали, но это не оказало никакого действия; тогда мы попытались подражать другим движениям селенитов. Это как будто их заинтересовало — во всяком случае, они все принялись повторять одни и те же движения. Но это ни к чему не привело, и мы прекратили свои эксперименты, они — тоже и начали опять пересвистываться друг с другом. Затем один из них, поменьше и потолще остальных, с особенно большим ртом, неожиданно лег около Кейвора, сложил свои конечности так, словно они были скованы, и затем быстро встал.

— Кейвор, — догадался я, — они хотят, чтоб мы встали.

Кейвор уставился на меня, раскрыв от удивления рот.

— Так оно и есть! — сказал он.

С большими усилиями и кряхтеньем, так как руки у нас были скованы, мы попытались встать. Селениты очистили место для наших неуклюжих движений и защебетали еще быстрей. Как только мы поднялись на ноги, тучный селенит подошел к нам, похлопал обоих щупальцами по лицу и двинулся вперед к раскрытой двери. Это было понятно, и мы последовали за ним. Мы заметили,

что четверо селенитов, стоявших в дверях, были выше остальных ростом и одеты совершенно так же, как те, которых мы видели в кратере: в игольчатые шлемы и цилиндрические латы. Каждый из них держал копье с острием и древком из того же темного металла, что и чаши. Они окружили нас, как стража, и мы вышли из темного склепа в освещенную пещеру.

Мы не сразу разглядели пещеру: все наше внимание было поглощено движениями и поведением селенитов, окружавших нас, и необходимостью контролировать наши собственные движения, чтобы не вспугнуть и не встревожить их излишней стремительностью. Впереди шел маленький толстый селенит, который объяснил нам, что надо встать. Он жестами как бы приглашал нас следовать за ним. Его лопатообразное лицо то и дело поворачивалось то к одному из нас, то к другому с явно вопросительным видом. Некоторое время, я повторяю, мы интересовались только поведением селенитов.

Наконец мы опомнились и огляделись вокруг. Мы находились на обширной площади и тут поняли, что тот гул, который мы все время слышали с тех пор, как пришли в себя после отравления грибами, исходит от множества работающих ма-

шин. Их взлетающие и вертящиеся части неясно виднелись над головами и между туловищами окружавших нас селенитов. Эти машины не только наполняли воздух волнами звуков, но от них исходил и странный голубой свет, озарявший всю площадь. Нас ничуть не удивило, что подземная пещера освещается искусственным светом. Только потом, когда мы опять вступили в темноту, понял я всю важность этого света. Назначение и устройство гигантского аппарата я не смогу объяснить, ибо нам так и не довелось узнать, для чего он предназначался и как действовал. Огромные металлические цилиндры вылетали один за другим из центра, и их головки описывали, как мне показалось, параболу. Каждый из них, поднявшись до высшей точки взлета, выбрасывал нечто вроде рычага, который погружался в вертикальный цилиндр, заставляя его опуститься вниз. Вокруг машины копошились фигурки селенитов-рабочих, и нам показалось, что они чем-то отличаются от наших спутников. Когда каждый из трех рычагов опускался, раздавался звон, рев, и из головки вертикального цилиндра вытекало какое-то светящееся вещество, которое озаряло всю площадь, переливаясь через край цилиндра, как кипящее молоко из кастрюли, и

струилось сверкающим потоком в светящийся резервуар внизу. Холодный голубой свет походил на фосфорический, но блестел гораздо ярче. Из резервуара он растекался по трубам.

«Тук, тук, тук, тук», — отстукивали поршни этого непонятного аппарата, и светящееся вещество шипело и переливалось. Сначала аппарат не поразил меня своими размерами, но потом я заметил, как малы были рядом с ним селениты, и понял, как колоссальны пещера и машина. Я невольно посмотрел на селенитов с уважением, и мы с Кейвором остановились, чтобы рассмотреть удивительный механизм.

— Поразительно! — воскликнул я. — Что это такое?

Озаренное голубоватым светом лицо Кейвора выражало глубокое почтение.

— Нет, это не сон! Неужели эти существа… Люди не могли бы создать ничего подобного! Взгляните на эти рычаги! Есть ли у них шатуны?

Толстый селенит прошел было вперед, затем вернулся и встал между нами и громадной машиной. Я старался на него не смотреть, ибо понял, что он будет торопить нас идти дальше. Он снова двинулся вперед, потом снова вернулся и похлопал нас щупальцами по лицу, чтобы привлечь

наше внимание.

Мы с Кейвором молча переглянулись.

— Нельзя ли как-нибудь показать ему, что нас заинтересовала машина? — проговорил я.

— Что ж, — ответил Кейвор, — попробуем.

Он обернулся к нашему проводнику и улыбнулся, показывая на машину, потом на свою голову и опять на машину. Неизвестно почему, он решил, что ломаный английский язык может дополнить его жесты.

— Мой глядеть на него, — заговорил Кейвор. — Мой думает его очень хорошо, да.

Его поведение на минуту остановило селенитов, жаждущих идти дальше. Они повернулись друг к другу, задвигали своими нелепыми головами и зачирикали. Затем один из них, сухой и длинный, одетый во что-то вроде мантии в придачу к обмоткам, как у всех остальных, обвил талию Кейвора рукой, точно слоновым хоботом, и осторожно потянул его вслед за проводником, который снова двинулся вперед.

Но Кейвор воспротивился.

— Мне кажется, пора попробовать с ними объясниться. Они, быть может, воображают, что мы какая-нибудь новая порода животных, чего доброго, новый сорт лунных коров. Очень важно

показать им, что мы разумные существа и интересуемся окружающим.

Кейвор отчаянно замотал головой.

— Нет, нет, — говорил он, — мой не пойдет одна минуту. Мой смотрит на него.

— Нет ли какой-нибудь геометрической теоремы, которую вы могли бы привести по этому поводу? — спросил я Кейвора, когда селениты снова зачирикали.

— Может быть, парабола… — начал он, но вдруг пронзительно вскрикнул и отпрыгнул футов на шесть: один из стражей кольнул его копьем.

Я с угрожающим жестом обернулся к копьеносцу, стоявшему позади меня, и он отступил. Это вместе с неожиданным криком и прыжком Кейвора явно смутило селенитов. Они поспешно отпрянули, разглядывая нас. В течение нескольких мгновений, которые показались нам вечностью, мы стояли, готовые кинуться в бой на окружавших нас нечеловеческих существ.

— Он уколол меня! — воскликнул Кейвор прерывающимся от волнения голосом.

— Я видел, — отозвался я. — Черт возьми! — обратился я к селенитам. — Этого мы не потерпим! За кого вы нас принимаете?

Я быстро огляделся по сторонам. Издалека

в голубом сумраке пещеры к нам бежала еще группа селенитов. Они были шире и стройнее, один с большой головой. Пещера простиралась далеко во все стороны и сливалась с темнотой. Я вспоминаю, что своды как бы прогибались под тяжестью каменных глыб, державших нас взаперти. Никакого выхода из этого подземелья не было, никакого! Вокруг неизвестность, безобразные существа с копьями и щупальцами и два беззащитных человека!

Глава XV
Головокружительный мост

Это враждебное молчание длилось не более мгновения — и мы и селениты тотчас одумались. Я ясно понял, что бежать нам некуда: нас окружат и убьют. Невероятное легкомыслие нашего появления здесь предстало передо мной в виде огромного мрачного упрека. Зачем пустился я в это безумное нечеловеческое предприятие? Кейвор подошел ко мне и положил руку мне на плечо. Его бледное, перепуганное лицо казалось мертвенным в голубом свете.

— Ничего не поделаешь, — проговорил он. — Мы ошиблись. Они нас не понимают. Придется идти. Идти туда, куда нас ведут.

Я взглянул на него и затем на новых селенитов, подходящих на помощь к своим.

— Если бы у меня руки были свободны…

— Это бесполезно, — вздохнул он.

— Неправда.

— Пойдемте же.

Он повернулся и пошел за толстым селенитом.

Я последовал за ним, стараясь казаться покор-

ным и ощупывая кандалы на руках. Кровь во мне кипела. Я больше ничего не видел в этой пещере, хотя мы долго шли по ней, а если что и видел, то тут же забывал об этом. Мое внимание было сосредоточено на цепях и на селенитах, в особенности на копьеносцах. Сначала они шли параллельно с нами и на почтительном расстоянии, но потом к ним присоединилось еще трое стражей, и они подступили ближе, на расстояние руки от нас. Когда они к нам подступали, я вздрагивал, как лошадь от удара кнута. Маленький толстый селенит шагал справа от меня, но потом снова пошел вперед.

Как отчетливо запечатлелась у меня в мозгу картина этого шествия: затылок понурой головы Кейвора прямо передо мной, его ссутулившиеся, усталые плечи, безобразная, ежеминутно дергающаяся голова проводника, копьеносцы со всех сторон настороже, с разинутыми ртами, и все это в голубом свете. Припоминаю еще одну подробность, помимо чисто личных ощущений, — желоб на дне пещеры, сбоку скалистой дороги, по которой мы шли; желоб этот был наполнен тем же светящимся голубым веществом, которое вытекало из огромной машины. Я шел близко и могу с полной уверенностью заявить,

что от него не исходило ни малейшего тепла. Вещество это только ярко светилось, но не было ни теплее, ни холоднее всего окружающего нас в этой пещере.

Кланг, кланг, кланг... Мы прошли прямо под стучавшими рычагами другой огромной машины и наконец очутились в широком тоннеле, где гулко отдавалось шлепанье наших необутых ног. Там было совсем темно, только справа светилась тонкая голубая полоска. Гигантские уродливые тени двигались за нами по неровной стене и сводам тоннеля. Местами в стенах сверкали кристаллы, похожие на драгоценные камни, а сам тоннель то превращался в сталактитовую пещеру, то разветвлялся в узкие ходы, пропадавшие во мраке.

Мы долго шли по этому тоннелю. Тихо журчала светлая голубая струя, и наши шаги отдавались эхом, похожим на плеск. Я неотступно думал о своих цепях. А что, если повернуть цепь вот так, а потом так и попытаться ее сбросить?..

Если я попытаюсь сделать это очень осторожно и постепенно, заметят ли они, что я высвобождаю руку? И если заметят, то что сделают со мной?

— Бедфорд, — сказал Кейвор, — мы спускаемся. Все время спускаемся.

Его замечание отвлекло меня от настойчивой мысли.

— Если бы они хотели убить нас, — продолжал Кейвор, замедляя шаг, чтобы поравняться со мной, — то они давно могли бы это сделать.

— Да, — согласился я, — это верно.

— Они нас не понимают, — проговорил Кейвор. — Они принимают нас за каких-то странных животных, может быть, за дикую породу лунных коров. Но когда они присмотрятся к нам, то признают нас за разумных существ.

— Когда вы начертите им геометрические теоремы? — спросил я.

— Возможно.

Некоторое время мы шли молча.

— Знаете, — начал опять Кейвор, — это, наверное, селениты низшего класса.

— Ужасные болваны! — проговорил я, со злобой посматривая на нелепые лица.

— Если мы будем все терпеть…

— Придется терпеть, — возразил я.

— Здесь могут быть другие, не такие болваны, как эти. Это только внешняя окраина их мира. Наверное, он спускается все ниже и ниже, через пещеры, проходы, тоннели, вглубь на сотни миль, до самого моря.

Его слова заставили меня задуматься о толще пластов, которые уже сейчас нависли над нашими головами. Как будто огромная тяжесть придавила мне плечи.

— Вдали от солнца и воздуха, — сказал я. — В шахтах даже на глубине полумили становится душно.

— Во всяком случае, здесь это не так. Возможно, вентиляция! Воздух устремляется от темной стороны Луны к солнечному свету; углекислота выходит наружу и питает лунные растения. Вверх по этому тоннелю, например, чувствуется почти ветерок. Странный мир! Эти пещеры, машины…

— И это копье! — добавил я. — Не забывайте про копье!

Он некоторое время молча шел впереди.

— Даже и это копье, — отозвался он наконец.

— Что копье?

— В первую минуту я разозлился, но… Возможно, это было необходимо. У них, вероятно, другая кожа и другие нервы. Они могут не понимать нашей чувствительности… Какому-нибудь жителю Марса может так же не понравиться наша земная привычка подталкивать друг друга локтем.

— Ну уж со мной им придется быть поосторожней.

— И потом насчет геометрии. Они по-своему тоже стараются понять нас, но начинают с основных жизненных элементов, а не с мыслей. Пища, Принуждение, Боль — они начинают с самого существенного.

— В этом-то нет никакого сомнения, — проговорил я.

Кейвор принялся рассуждать о громадном и чудесном мире, в который нас ведут. По его тону я постепенно понял, что даже теперь его не очень пугал этот спуск в глубь лунной коры. Я думал о всяких страшных вещах, а он — о машинах и изобретениях гораздо больше, чем об опасностях. И он вовсе не предполагал как-то использовать их практически, он просто хотел все о них знать.

— В конце концов, — говорил он, — нам представляется необыкновенный случай. Эта встреча двух миров! Подумайте, что мы еще увидим? Что там под нами?

— Ну, много мы не увидим в такой темноте, — возразил я.

— Это ведь только внешняя оболочка. Там, внизу, в глубине… Там будет все. Вы заметили, как отличаются селениты друг от друга? Нам будет о чем рассказать потом на Земле!

— Так утешаться могла бы только какая-нибудь

редкая порода животных, — возразил я, — пока ее ведут в зоологический сад... Еще неизвестно, покажут ли нам все это.

— Когда они убедятся, что мы разумные существа, то захотят расспросить нас о Земле, — ответил Кейвор. — Даже если у них и нет высоких побуждений, они все же начнут нас учить, чтобы потом самим научиться... А сколько интересного они должны знать! Сколько неожиданного!

Кейвор продолжал рассуждать о том, что они, наверное, знают такое, чего он в жизни не узнал бы на Земле, и фантазировал вовсю, несмотря на рану, нанесенную ему копьем. Многое из того, что он говорил, я уже забыл, так как все мое внимание было поглощено тоннелем, по которому мы двигались, а он становился все шире и шире. Воздух стал свежей, мы как будто выходили на открытое место, но как велико оно было, мы не могли сказать, ибо здесь было совсем темно. Узкий ручеек света извивался прерывистой нитью, исчезая далеко впереди. Вскоре каменные стены по бокам совсем исчезли. В темноте перед нами виднелась только дорога и журчащая полоска фосфорического света. Фигуры Кейвора и идущего впереди селенита двигались впереди меня. Ноги их и головы со стороны ручейка светились

голубоватым отблеском, другая же половина сливалась с темнотой тоннеля.

Вскоре я заметил, что мы подходим к уклону, так как голубой ручеек внезапно пропал из виду.

И в ту же минуту мы подошли к краю обрыва. Сверкающий ручеек, точно в нерешительности, свернул в сторону и потом ринулся вниз. Он падал на такую глубину, что звук его падения до нас не доносился. Только глубоко внизу светилось голубоватое туманное пятно. Тьма, из которой вытекал ручеек, стала еще гуще и непроглядней, только на краю обрыва торчало что-то вроде доски, конец которой исчезал во мраке. Из пропасти тянуло теплым воздухом.

Секунду мы с Кейвором стояли на самом краю обрыва, глядя в голубоватую бездну. Но потом проводник потянул меня за руку.

После этого он повернулся, подошел к доске и ступил на нее, оглядываясь на нас. Заметив, что мы наблюдаем за ним, он повернулся к нам спиной и пошел по доске так же уверенно, как по тоннелю. Скоро он обратился в голубое пятно и исчез во мраке. Я заметил что-то большое, чернеющее в темноте.

Мы молчали.

— Несомненно!.. — пробормотал Кейвор.

Еще один из селенитов прошел по доске вперед и обернулся к нам, как бы выжидая. Остальные приготовились последовать за нами. Снова показался первый селенит: очевидно, он вернулся узнать, почему мы не двигаемся.

— Что там такое? — спросил я.

— Я не вижу.

— Мы тут не пройдем, — сказал я.

— Я не смогу пройти и трех шагов, — подтвердил Кейвор. — Даже если бы мои руки были свободны…

Мы в ужасе переглянулись.

— Они не знают, что такое головокружение, — продолжал Кейвор.

— Мы не можем пройти по такой доске.

— Очевидно, у них другое зрение. Я наблюдал за ними. Они, верно, не понимают, что мы ничего не видим в такой темноте. Как нам растолковать им это?

— Необходимо дать им понять…

Мы разговаривали в смутной надежде, что селениты как-нибудь нас поймут. Я был совершенно уверен, что нужно только объяснить им это, но, взглянув на них, я убедился, что это невозможно. У нас с ними было больше отличий, чем сходств. Во всяком случае, я по доске не пойду. Я очень

быстро высвободил кисть руки из одного, более свободного звена цепи и начал вращать обе кисти в противоположные стороны. Я стоял возле самой доски, и двое селенитов тотчас схватили меня и осторожно потащили на доску. Я отчаянно замотал головой.

— Нет, нет, — заговорил я. — Нельзя. Вы не понимаете.

Третий селенит тоже стал меня подталкивать. Мне пришлось сделать шаг вперед.

— У меня есть идея, — сказал Кейвор, но я уже знал его идеи.

— Послушайте, — закричал я селенитам. — Подождите! Может быть, для вас это пустяки…

Я резко отскочил назад и разразился проклятиями. Один из вооруженных селенитов ткнул меня сзади копьем.

Наконец я высвободил руки из щупальцев селенитов и повернулся к копьеносцу.

— Черт тебя побери! — закричал я. — Я предупреждал тебя! Из чего я, по-твоему, сделан, что ты втыкаешь в меня копье? Если ты еще раз меня тронешь…

Вместо ответа селенит снова кольнул меня.

Я услышал голос Кейвора, тревожный и умоляющий. Он и тут хотел идти на компромисс с

этими тварями.

— Бедфорд! — крикнул он. — Я придумал способ!

Но вторичный укол копьем заставил меня окончательно потерять голову. Цепь на моей руке распалась, вместе с ней распалось и благоразумие, заставлявшее меня быть покорным в лапах этих лунных тварей. В эту секунду я был вне себя и не думал о последствиях. Цепь обмоталась вокруг моего кулака, и этим кулаком я ударил селенита по лицу…

Последствия моего удара оказались такими же неожиданными, как и все в лунном мире.

Мой броненосный кулак прошел прямо сквозь тело селенита, и он лопнул, как мыльный пузырь. Он раскололся, рассыпался, как гриб-дождевик! Его легкое тело отлетело в сторону на несколько ярдов и, мягко шлепнувшись, упало. Я был ошеломлен. Казалось невероятным, что живое существо может быть таким непрочным. Все это походило на сон.

Но вскоре все снова стало реальным и страшным. Кейвор и остальные селениты стояли неподвижно с того момента, как я повернулся, и до того, как мертвый селенит свалился. Они отступили и стояли, насторожившись, позади

нас. Оцепенение длилось не больше секунды, после того как упал селенит. Все растерялись. Я тоже замер с вытянутой рукой, стараясь понять, что случилось. «Что же дальше? — пронеслось в моем мозгу. — Что же дальше?» Потом все сразу пришло в движение.

Я сообразил, что нам надо освободиться от цепей, но сначала необходимо разогнать селенитов. Я поглядел на троих копьеносцев. Неожиданно один из них метнул в меня копье. Оно просвистело у меня над головой и полетело в пропасть позади.

Я набросился на селенита с такой же стремительностью, как копье, пролетевшее надо мной. Он бросился бежать, но я сшиб его, споткнулся о его распростертое тело и упал. Он точно извивался у меня под ногами.

Потом я привстал и в голубоватом свете увидел спины селенитов; они разбегались в разные стороны и исчезали во тьме. Я разогнул цепь на ногах и встал, держа ее в руке. Второе копье, как дротик, просвистело мимо, и я бросился в темноту, откуда оно вылетело.

Затем вернулся к Кейвору; он все еще стоял около светящегося ручейка у пропасти и возился со своими цепями, судорожно пытаясь освободить

руки. Он что-то пробормотал о новом способе общения.

— Пошли! — крикнул я.

— Но мои руки… — ответил он.

Я не решался подойти к нему, боясь не рассчитать шагов и свалиться в пропасть. Кейвор понял, волоча ноги, подошел ко мне и протянул руки. Не теряя времени, я стал размыкать его цепь.

— Где они? — прошептал он, задыхаясь.

— Убежали. Но они вернутся. Это мстительные существа! Куда нам бежать?

— Туда, к свету, в тоннель…

— Хорошо, — согласился я, снимая цепи с его рук.

Я встал на колени и начал освобождать от цепей его ноги. Что-то с плеском упало в ручеек, обдавая нас брызгами. Вдалеке, справа от нас, послышался какой-то свист и писк.

Я сорвал цепь с ног Кейвора и сунул ее ему в руку.

— Бейте вот этим! — проговорил я и, не дожидаясь ответа, большими прыжками побежал обратно по той тропинке, по которой мы шли сюда. У меня было отвратительное чувство, что они бросятся на меня из темноты. Позади с шумом прыгал Кейвор.

Мы бежали семимильными шагами, но наш бег, конечно, не походил на бег по Земле. На Земле после прыжка почти тотчас же снова касаешься почвы; на Луне же благодаря слабому притяжению несколько секунд несешься по воздуху, прежде чем опуститься вниз. Получалась как бы передышка, в течение которой можно было сосчитать до семи или восьми. И это в то время, когда мы летели стрелой. Шаг — и я взлетаю на воздух! В моем мозгу проносятся вопросы: «Где селениты? Что они собираются делать? Доберемся ли мы до тоннеля? Далеко ли позади Кейвор? Уж не отрезали ли они его от меня?» Новый прыжок — и новая передышка.

Вдруг я увидел селенита, бежавшего передо мной. Его ноги передвигались совершенно так же, как у человека, ходящего по Земле. Я увидел, как он оглянулся и с пронзительным криком бросился от меня в сторону, в темноту. Мне показалось, что это был наш проводник, однако я не уверен в этом. Еще один прыжок, и появились каменные стены, а через два прыжка я уже находился в тоннеле и стал передвигаться медленней из-за низких сводов. На повороте я остановился и оглянулся. Шлеп, шлеп, шлеп — вдали показался Кейвор, при каждом прыжке разбрасывающий

брызги голубоватого света; вот он все ближе и ближе и, наконец, налетел на меня. Так мы и стояли, ухватившись один за другого. Пусть ненадолго, но удалось избавиться от наших тюремщиков.

Мы оба запыхались и говорили отрывисто, короткими фразами.

— Это вы все испортили! — прохрипел Кейвор.

— Ерунда. Все равно нам грозила смерть.

— Что же делать?

— Спрятаться.

— Но как?

— В темноте.

— Где?

— В одной из боковых пещер.

— А потом?

— Там будет видно.

— Хорошо, идемте.

Мы двинулись в путь и вскоре добрались до темной пещеры. Кейвор шел впереди. Он остановился в нерешительности, потом выбрал какую-то темную пасть, обещавшую надежное убежище. Он уже вошел туда, но потом обернулся.

— Совсем темно.

— Ваши ноги будут освещать дорогу. Вы забрыз-

ганы светящейся жидкостью.

— Но…

Со стороны главного тоннеля послышался отдаленный гул, похожий на удары гонга. Очевидно, начиналась шумная погоня. Не раздумывая долее, мы кинулись в темную боковую пещеру. Дорогу нам освещал фосфорический блеск ног Кейвора.

— Хорошо, что они сняли с нас ботинки, — пропыхтел я. — Иначе эхо от топота загремело бы на всю пещеру.

Мы неслись мелкими прыжками, стараясь не ударяться о своды. И как будто нам удалось уйти. Звуки гонга делались все глуше, реже и, наконец, совсем замолкли.

Я остановился, оглянулся и услышал шаги Кейвора. Вскоре он уже стоял рядом.

— Бедфорд, — прошептал он, — впереди какой-то свет.

Я взглянул, но сначала ничего не заметил. Затем различил голову и плечи Кейвора, темным пятном выступавшие на более светлом фоне. Этот сумрак не походил на уже знакомый нам голубоватый блеск: его бледный серовато-белый оттенок напомнил дневной свет. Кейвор, видно, тоже заметил это, и у нас обоих появилась зыбкая

надежда.

— Бедфорд, — шепнул он, и голос его дрогнул, — этот свет… возможно…

Он не решался высказать свою тайную надежду. Мы молчали. Потом по звуку его шагов я понял, что он пошел вперед, навстречу этому бледному свету. Я последовал за ним с бьющимся сердцем.

Глава XVI
Различные точки зрения

Свет все усиливался. Скоро он стал почти так же ярок, как фосфоресценция на ногах Кейвора. Тоннель расширился в пещеру, и этот новый свет брезжил на дальнем ее конце. Я заметил еще кое-что, и сердце мое запрыгало от радости.

— Кейвор, — сказал я, — этот свет падает сверху. Наверняка сверху!

Кейвор ничего не ответил, но ускорил шаги.

Несомненно, это был сероватый, серебристый свет.

Еще миг — и мы в его лучах. Он сочился сквозь щель в стене пещеры, и когда я взглянул вверх, то — хлоп! — на лицо мне упала капля воды. Я вздрогнул и отступил в сторону; хлоп — другая капля упала на камень.

— Кейвор, — сказал я, — если один из нас приподнимет другого, то можно будет достать трещину рукой.

— Я подниму вас, — согласился Кейвор и легко подхватил меня, как ребенка.

Я сунул руку в щель и сразу нащупал выступ,

за который можно было держаться. Отсюда белый свет казался еще ярче. Я подтянулся вверх почти без всякого усилия, держась двумя пальцами, — хотя на Земле весил более восьмидесяти килограммов, — затем ухватился за другой выступ, повыше, и встал ногами на узкий карниз. Потом ощупал скалу. Расщелина расширялась кверху.

— Тут можно вскарабкаться, — сказал я Кейвору, — вы сможете допрыгнуть до моей руки, если я протяну ее вниз?

Я встал в расщелине, опираясь ногой и коленом о выступ, и протянул руку. Кейвора я не мог видеть, но слышал шорох от его движений, когда он нагнулся для прыжка. Раз — и он повис у меня на руке, легкий, как котенок. Я подтянул его кверху, пока он не ухватился рукой за выступ и не выпустил мою руку.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Здесь, на Луне, поневоле научишься ползать по скалам.

И стал карабкаться дальше. Через несколько минут я снова взглянул вверх. Расщелина расширялась, и свет становился все ярче. Только…

Это был вовсе не дневной свет!

Скоро я разглядел, что это такое, и с горя готов был разбить себе голову о камни, ибо передо

мной открылся склон, поросший целым лесом небольших булавовидных грибов, светившихся мягким серебристым светом. С минуту я смотрел на нежное сияние, затем прыгнул в самую середину грибной рощи. Я сорвал с полдюжины грибов и с досадой расшиб их о камни; потом сел и горько рассмеялся прямо в румяное лицо появившегося Кейвора.

— Опять фосфоресценция, — крикнул я ему, — не стоит торопиться! Присаживайтесь и будьте как дома.

Он пробормотал что-то по поводу постигшей нас неудачи, а я все продолжал сшибать грибные макушки и сбрасывать их в расщелину.

— Я думал, что это дневной свет, — проговорил Кейвор.

— Дневной свет! — воскликнул я. — Утренняя заря, закат солнца, облака, хмурое небо. Увидим ли мы все это когда-нибудь?

Говоря это, я вдруг представил себе наш земной мир, да так отчетливо и ярко, словно задний план какой-нибудь старой итальянской картины.

— Изменчивые небеса, изменчивое море, зеленые холмы и рощи, солнечные города и деревни! Вспомните, Кейвор, как блестят мокрые крыши при закате. Вспомните, как пламенеют от солнца

окна!

Он не отвечал.

— А мы тут пресмыкаемся в этом диком мире. Что это за мир, с чернильным морем, запрятанным в мрачной бездне, а на поверхности — то дневной зной, то мертвящая тишина ночи! И эти существа, которые гонятся за нами, покрытые чешуей люди-насекомые — порождение кошмара! Впрочем, они правы! Зачем мы явились сюда давить их и разрушать их мир? Теперь, видно, уже вся планета знает о нашем прибытии, и все пустились в погоню. Каждую минуту мы можем услышать их писк или гонг. Что нам делать? Куда скрыться? Я чувствую себя так же уютно, как на пороховой бочке.

— Это вы виноваты, — сказал Кейвор.

— Как так? — удивился я.

— Я уже составил план.

— Провались они, ваши планы.

— Если бы вы не сопротивлялись…

— Под их копьями?

— Ну да. Они бы нас перетащили.

— Через мост?

— Да. Перенесли же они нас в глубь планеты.

— Пусть бы лучше муха волокла меня по потолку.

— Господи! Что вы говорите!

Я снова занялся истреблением грибов. И вдруг сделал открытие, которое поразило меня.

— Кейвор, цепи-то наши из золота!

Кейвор сидел задумавшись, обхватив голову руками. Он медленно повернулся и равнодушно поглядел на меня. Потом, когда я повторил свои слова, так же равнодушно посмотрел на цепь, обмотанную вокруг его правой руки.

— Да, — сказал он, — действительно золото.

Но это мало интересовало его, и, отвлекшись на минуту, он снова погрузился в свои размышления. А я тоже молчал, пораженный, что только теперь заметил это, но потом понял, что при голубоватом свете металл казался совсем бесцветным. Неожиданное открытие дало новое направление моим мыслям, которые унесли меня далеко. Я забыл, что еще недавно упрекал Кейвора за наш полет на Луну. Золото…

Кейвор первый прервал молчание.

— Мне кажется, — сказал он, — у нас есть два выхода.

— Какие?

— Либо попытаться проложить себе дорогу на поверхность, пробиться силой, если понадобится, и продолжать поиски шара до тех пор, пока мы не

найдем его, или пока холод нескончаемой ночи не прекратит наше существование, либо…

Он остановился.

— Продолжайте, — подстрекнул я его, хотя знал, что он скажет.

— Или попытаться еще раз установить добрые отношения и взаимопонимание с обитателями Луны.

— Что касается меня, то я предпочитаю первый выход.

— Я не уверен в этом.

— А я уверен.

— Видите ли, — пояснил Кейвор, — по-моему, вообще нельзя судить о селенитах по тем экземплярам, которых нам пришлось увидеть. Центральная часть их мира, цивилизованная часть, находится внизу, в глубинах около моря. Та часть Луны, где мы находимся, — только окраина, район пастбищ. Таково мое мнение. И селениты, которых мы видели, выполняют роль пастухов и машинистов. Они пользуются копьями, очевидно, для погони скота. Недостаток сообразительности — они думали, что мы можем делать то же, что и они, — несомненная грубость, — все это подтверждает мои предположения. Но если бы мы потерпели…

— Ни один из нас не может вынести перехода по шестидюймовой доске через бездонную пропасть.

— Верно, — согласился Кейвор, — но…

— Я не согласен, — отрезал я.

— Предположим, — продолжал убеждать меня Кейвор, — что нам удастся забраться в какой-нибудь уголок, где мы в состоянии будем защищаться. Если мы продержимся с неделю или около того, то, наверное, весть о нашем появлении дойдет в более населенную часть Луны, до более образованных селенитов.

— Если таковые есть.

— Несомненно. Иначе откуда взялись бы эти огромные машины?

— Возможно, но нам от этого будет только хуже.

— Мы могли бы начертить надписи на стенах.

— А почему вы думаете, что их глаза способны увидеть эти надписи?

— Тогда мы высечем на стенах буквы.

— Это, конечно, возможно.

Мысли мои направились в другую сторону.

— Во всяком случае, — сказал я, — вы же не думаете, что селениты умнее людей?

— Они знают гораздо больше нас или по край-

ней мере множество неизвестных нам вещей.

— Да, но… — Я на минуту запнулся. — Думаю, вы согласитесь со мной, Кейвор, что вы человек исключительный.

— Как так?

— Вы человек одинокий, то есть были таким… Вы не женаты?

— Никогда и не собирался. Но почему…

— Вы никогда не мечтали разбогатеть?

— Нет, никогда.

— Вы стремились только к знанию?

— Так что же? Вполне понятная любознательность…

— Это вы так думаете. В том-то и дело. Вы считаете, что все люди жаждут только знаний. Помню, когда я спросил, к чему вам все эти исследования, вы отвечали, что хотели бы стать академиком, хотели бы приготовить вещество, называемое «кейворитом», и тому подобное. Вы отлично знаете, что работали вовсе не ради этого. Но мой вопрос захватил вас врасплох, и вы чувствовали, что надо указать какую-нибудь достаточно основательную и вескую причину. На самом же деле вы производили все изыскания, потому что просто не могли не делать этого. Это ваш пунктик…

— Может быть…

— Вряд ли среди миллиона людей найдется хоть один подобный вам. Большинство мечтает, разумеется, и о разных вещах, но очень немногие жаждут знаний ради самого знания. И я не из их числа, уверяю вас. Селениты, по-видимому, подвижные, деятельные существа, но почему вы думаете, что даже самые интеллигентные из них интересуются нами или нашим миром? Они, наверное, и не подозревают о его существовании. Ведь они никогда не выходят по ночам на поверхность, — они замерзли бы, если бы вышли. Они, вероятно, не видали ни одного небесного светила, кроме яркого, жгучего Солнца. Откуда они могут знать, что существует другой мир, да и какое им дело до другого мира? А если им и случалось видеть звезды или серп Земли, то что ж из этого? Зачем им, живущим в недрах планеты, наблюдать за светилами? Ведь и люди не стали бы делать подобных наблюдений, если бы это не понадобилось им для определения времен года или для мореплавания. А зачем это лунным жителям?

Предположим, что среди них найдется несколько философов, подобных вам. Они-то как раз никогда и не узнают о нашем существовании. Ведь если бы какой-нибудь селенит спустился на

Землю, в то время как вы проживали в Лимпне, вы бы узнали об этом последним. Вы никогда не читали газет. Итак, видите, все шансы против вас. А ради взвешивания этих шансов мы сидим тут сложа руки и теряем драгоценное время. Положение наше очень скверное. Мы явились сюда безоружными, потеряли наш шар, остались без пищи, показались селенитам и дали им повод считать нас какими-то дикими, диковинными, опасными зверями. Если эти селениты не лишены разума, то они будут гоняться за нами, пока не найдут, и постараются взять нас живьем, а коли им это не удастся, то убьют — только и всего. Поймав, они, вероятно, также убьют нас по какому-нибудь недоразумению. Возможно, что потом они будут спорить о нас, но нам от этого не станет легче.

— Продолжайте.

— С другой стороны, золото здесь валяется под ногами, как у нас на Земле железная руда. Если бы нам удалось захватить часть его с собой, отыскать шар, прежде чем они на него натолкнутся, и вернуться на Землю, тогда…

— Что тогда?

— Тогда мы могли бы поставить дело на более солидную почву. Могли бы вернуться сюда на

более крупном шаре, с оружием и пушками.

— Что вы! — ужаснулся Кейвор.

Я швырнул в трещину еще один светящийся гриб.

— Послушайте, Кейвор, — продолжал я, — как-никак в этом деле мне принадлежит половина решающих голосов, а вопрос этот чисто практический. Из нас двоих практичный человек я, а не вы, и я не намерен больше доверять селенитам или вашим геометрическим кривым… Вот и все. Довольно тайн! Вернемся на Землю, а потом опять на Луну.

Кейвор раздумывал.

— Да, — сказал он, — мне следовало бы лететь на Луну одному.

— Сейчас важно другое: как добраться до шара.

Некоторое время мы оба сидели молча, потирая колени. Потом Кейвор как будто согласился с моими доводами.

— Я думаю, — заговорил он, — что у нас есть кое-какие данные. Ясно, что когда Солнце находится на этой стороне Луны, то воздух должен устремляться через эту губчатую планету с темной стороны на солнечную, должен вытекать из лунных пещер в кратеры… Значит, здесь должна быть тяга.

— Здесь есть тяга.

— Значит, мы не в тупике. Где-нибудь расщелина идет кверху. Течение воздуха направляется снизу вверх, этот же путь следует избрать и нам. Если мы попытаемся найти выход из этой трубы или камина, то из этого лабиринта, где нас ищут…

— А вдруг проход окажется слишком узким?..

— Тогда мы спустимся обратно.

— Тс-с, — шепнул я, услышав какой-то шум. — Что это такое? — Мы прислушались. Сначала раздался невнятный гул, затем мы разобрали звон гонга.

— Они нас принимают за лунных коров, — возмутился я, — и хотят напугать этой музыкой.

— Они идут вдоль тоннеля, — проговорил Кейвор.

— Вероятно.

— Но они не обратят внимания на эту трещину и пройдут мимо.

Я прислушался.

— На этот раз они, наверное, захватили оружие. — Вдруг я вскочил. — Боже мой, Кейвор! Они нас найдут! — закричал я. — Они заметят грибы, которые я бросал вниз. Они…

Я не договорил и прыгнул через шляпки грибов

к верхнему концу пещеры. Я заметил, что здесь она поворачивает вверх и переходит в темную щель. Я уже собирался туда лезть, как вдруг счастливая мысль осенила меня, и я вернулся назад.

— Что вы делаете? — спросил Кейвор.

— Полезайте вперед, — сказал я и, сорвав два светящихся гриба, сунул один корнем вниз в карман своей фланелевой куртки, так, чтобы он освещал нам путь; другой гриб я отдал Кейвору.

Шум усилился; казалось, что селениты находятся совсем близко, под самой расщелиной. Но может быть, им трудно взобраться или они не решаются, боясь нашего сопротивления? Во всяком случае, мы убедились теперь, что мы — дети Земли, — обладаем мускульным превосходством. Через минуту я с богатырской силой карабкался вслед за сверкающими синеватым светом пятками Кейвора.

Глава XVII
Битва в пещере лунных мясников

Не помню уже, сколько времени мы карабкались вверх, прежде чем достигли решетки. Может быть, мы поднялись всего на несколько сотен футов, но тогда мне казалось, что мы ползли, протискивались, скакали и карабкались по меньшей мере целую милю по отвесному склону. Когда я вспоминаю об этом, то в моих ушах вновь раздается позвякивание золотых цепей, сопровождавшее каждое наше движение. Я содрал кожу на суставах пальцев и на коленях и оцарапал щеку. После первого стремительного броска мы стали двигаться более медленно и осторожно. Преследовавших нас селенитов больше не было слышно. Вероятно, они не полезли по нашим следам в расщелину, хотя и заметили сорванные грибы. Местами щель так суживалась, что мы с трудом протискивались вверх; иногда она, напротив, расширялась, образуя широкие пустоты, утыканные колючими кристаллами или обросшие светящимися грибовидными бородавками. Проход то извивался, то спускался

вниз почти горизонтально. Часто журчала и капала вода. Раз или два что-то шмыгнуло от нас в сторону, но мы так и не разобрали, что это было. Возможно, ядовитые пресмыкающиеся, но они не причинили нам вреда, а мы так торопились, что нам было не до них. Наконец далеко вверху забрезжил знакомый нам синеватый свет, и мы увидели, что он просачивается сквозь решетку, которая преграждала нам путь.

Пошептавшись, мы с удвоенной осторожностью полезли вверх. Когда мы добрались до решетки, я прижался лицом к ее прутьям и стал разглядывать пещеру. Она была обширна и освещалась, без сомнения, ручейком того же синего света, который струился от виденной нами машины. Где-то совсем рядом с моим лицом между прутьями решетки капала вода.

Я хотел было разглядеть дно пещеры, но решетка находилась в углублении, края которого мешали мне видеть. Затем мы обратили внимание на доносившиеся из пещеры звуки, и я заметил неясные тени, скользившие высоко вверху, по тускло освещенному своду.

Несомненно, в пещере находились селениты, может быть, их даже было много: мы слышали голоса и какие-то шорохи, теперь я знал, что это

их шаги. Кроме того, до нас доносились тупые мерные удары, словно били ножом или топором по чему-то мягкому. Потом раздавался звон, вроде лязга цепей, свист и стук, словно по мосту грохотал грузовик, и снова удары ножа. Судя по теням на своде, селениты двигались быстро и ритмично, в такт с этим мерным стуком, и останавливались, когда он прекращался.

Мы наклонились друг к другу и начали перешептываться.

— Они чем-то заняты, — прошептал я, — работают.

— Да.

— Они не ищут нас и не собираются ловить.

— Может, они о нас и не слышали.

— За нами гонятся другие, там, внизу… А что, если мы вдруг покажемся?

Мы переглянулись.

— Удобный случай вступить с ними в переговоры, — заметил Кейвор.

— Ну нет, — ответил я, — только не сейчас.

Мы молчали, занятые своими мыслями.

Снова послышался стук, и тени задвигались.

Я стал внимательно осматривать решетку.

— Она непрочная, — сказал я, — можно отогнуть две полосы и пролезть между ними.

Мы посовещались несколько минут. Затем я ухватился обеими руками за прут, ногами уперся в скалу и потянул. Прут согнулся так быстро, что я чуть было снова не покатился вниз. Взобравшись выше, я согнул другой прут, затем вынул из кармана светящийся гриб и бросил его назад в расщелину.

— Будьте осторожны и не торопитесь, — шепнул мне Кейвор, когда я пролезал через решетку.

Передо мной промелькнули работающие над чем-то фигуры, и я нагнулся, чтобы край впадины, в которой находилась решетка, скрывал меня от них. Лежа, я подал знак Кейвору последовать моему примеру. Мы легли рядом и стали наблюдать за тем, что делалось в пещере.

Пещера была гораздо больше, чем нам сначала показалось. Она шла раструбом, расширяясь наклонно вверх; мы смотрели из самой низкой ее части, но нависшие своды скрывали от нас большую половину. Вдоль пещеры, исчезая где-то вдалеке, тянулись огромные бледные силуэты, над которыми трудились селениты. Сначала мне показалось, что это какие-то большие белые цилиндры непонятного назначения. Затем я заметил ободранные головы без глаз, похожие на бараньи головы в мясной лавке, и понял,

что это туши лунных коров, которых селениты разделывали, как команда китобойного судна разделывает убитого кита. Селениты резали мясо полосами, и на некоторых тушах виднелись обнаженные ребра. Удары топориков селенитов и производили тот тупой звук: «Чид, чид». В стороне тянулось нечто вроде канатной дороги, и вагонетки, груженные кусками свежего мяса, уходили вверх, в глубь пещеры. Эта бесконечная аллея туш, предназначенных для пропитания, свидетельствовала о густоте населения лунного мира и подтверждала наше первое впечатление от огромной шахты.

Сначала мне показалось, что селениты стоят на досках, положенных на козлы, но потом я увидел, что и настил, и подпорки, и топорики были такого же свинцового цвета, какими казались и мои кандалы, пока я не разглядел их при белом свете. Кстати сказать, я не помню, чтобы мне случалось увидеть на Луне какие-нибудь деревянные вещи: двери, столы, вся обстановка, вроде нашей земной мебели, были сделаны из металла, и, кажется, по большей части из чистого золота, которое из всех металлов, конечно, заслуживает предпочтения, при прочих равных условиях, по легкости обработки, по ковкости и по прочности. На дне

пещеры кое-где валялись толстые ломы, предназначенные, очевидно, для переворачивания мясных туш, футов шести длиной и с рукояткой — это было очень подходящее для нас оружие. Пещера освещалась тремя ручьями синего света. Мы долго лежали молча и наблюдали.

— Ну что? — спросил наконец Кейвор.

Я сполз ниже и обернулся к нему. Меня осенила блестящая мысль.

— Если только они не спускают сюда туши с помощью кранов, — сказал я, — то мы, очевидно, находимся недалеко от поверхности.

— Почему?

— Потому что лунные коровы не могут прыгать и у них нет крыльев.

Кейвор выглянул из впадины, где мы лежали.

— Меня удивляет только… — начал он. — Впрочем, мы и не спускались особенно глубоко.

Я дернул его за рукав, чтобы он замолчал: снизу, из расщелины, послышался шум.

Мы притаились, обратившись в слух. Скоро у меня не осталось никакого сомнения, что вверх по расщелине кто-то тихо лезет. Не торопясь, я бесшумно сжал в руке обрывок цепи и ждал появления врага.

— Взгляните-ка, как там молодцы с топора-

ми, — сказал я.

— Они заняты своим делом, — ответил Кейвор.

Я выбрал место для удара в отверстии решетки. Теперь отчетливо слышался тихий щебет поднимавшихся селенитов, шорох их рук, цеплявшихся за камни, и падение щебня.

Вот уже можно разобрать, что в темноте за решеткой что-то движется, но что именно, я не знал. Еще миг, что-то словно щелкнуло, и вдруг — раз! Я вскочил и с яростью отбил удар. Это было острие копья. Я понял, что длинное копье не попало в цель только благодаря недостатку места. Копье змеиным жалом вырвалось из-за решетки и, промахнувшись, скрылось, чтобы сразу же сверкнуть снова. Но тут я схватил и вырвал копье, однако в меня полетело второе.

Я вскрикнул от радости, почувствовав, что селенит, пытавшийся удержать копье, выпустил его из рук. Добытым трофеем я наносил удары сквозь решетку, и в темноте послышались крики и пронзительный визг. Кейвору тоже удалось вырвать копье, и он прыгал возле меня, размахивая им, но не мог попасть в цель. Вдруг снизу донесся звон: «Кланг, кланг», — и по воздуху просвистел топор, ударившийся о скалу вблизи нас и напомнивший мне о мясниках над тушами в пещере.

Я обернулся и увидел, что они, выстроившись в ряд, наступают на нас, размахивая топорами. Толстые, приземистые коротконожки с длинными руками, мясники мало походили на тех селенитов, которых мы видели раньше. Но если они и не слышали о нас, то очень быстро поняли, в чем дело. Держа копье наготове, я смотрел на них.

— Охраняйте решетку, Кейвор! — крикнул я и с ревом, чтобы устрашить их, ринулся навстречу.

Двое метнули свои топоры, но промахнулись, а остальные мгновенно обратились в бегство. Затем и эти двое побежали вверх по пещере, прижав к туловищу руки и наклонив головы. Я никогда не видел, чтобы люди так бегали!

Захваченное мной копье оказалось плохим оружием: оно было слишком тонко и хрупко, слишком длинно и годилось только для метания. Поэтому я преследовал селенитов только до первой туши, потом остановился и поднял один из валявшихся ломов. Это было увесистое, хорошее оружие для разгрома целого отряда селенитов.

Я бросил копье и взял в другую руку второй лом. Вооруженный таким образом, я чувствовал себя куда лучше, чем с копьем. Погрозив ломами кучке селенитов, которые остановились в пещере, я обернулся к Кейвору.

Он прыгал около решетки, грозно размахивая обломком копья. Все обстояло благополучно. Кейвор отражал нападение селенитов, пока, во всяком случае. Я снова повернулся к мясникам в пещере. Но что делать дальше?

Мы загнаны в тупик. Но мясники наверху захвачены врасплох; они, видно, перепугались, и у них, кроме топориков, нет никакого оружия. В эту сторону и надо бежать. Их коренастые фигурки (они были ниже ростом и толще, чем селениты-пастухи) рассеялись по всей пещере — это свидетельствовало об их нерешительности. Я их напугал своей яростью и имел сейчас те же преимущества, что бешеный бык перед онемевшей толпой. Но зато их было очень много. Те же, что внизу, несомненно, вооружены чертовски длинными копьями. Возможно, что они приготовили нам и другие сюрпризы. Черт возьми! Если мы нападем на мясников, то селениты с копьями останутся у нас в тылу, если же не атаковать, то этих приземистых скотов соберется еще больше. Кто знает, какие страшные орудия разрушения — пушки, бомбы, торпеды — может выслать для нашего уничтожения этот неведомый мир у нас под ногами, обширный мир, до глубин которого мы еще не добрались. Нам ничего более не

оставалось, как самим перейти в наступление. Тем более что из глубины пещеры вниз по направлению к нам уже спешили новые полчища селенитов.

— Бедфорд! — крикнул Кейвор, и я увидел, что он отскочил от решетки и бежит ко мне.

— Назад! — закричал я ему. — Что вы делаете?..

— Они тащат какую-то пушку!

Сквозь решетку между копьями просунулась угловатая голова и костлявые плечи селенита, который нес какой-то сложный аппарат.

Я знал, что Кейвор не годится для такого боя. Несколько секунд я колебался, потом ринулся вперед, размахивая своими ломами и стараясь ревом испугать целившегося селенита. Он целился как-то чудно, прижав аппарат к животу. «З-з-з», — раздался свист… Это оказалась не пушка, а что-то вроде самострела. Выпущенный заряд попал в меня как раз во время прыжка.

Я не упал, а только опустился несколько раньше, чем следовало, и по ощущению в плече заключил, что заряд лишь слегка задел и скользнул мимо. Левая рука наткнулась на древко, и я понял, что острие чуть не наполовину вонзилось мне в плечо. Подскочив, я изо всех сил ударил селенита ломом. Он рухнул как подкошенный, и

голова его раскололась, словно яйцо.

Я бросил лом, выдернул копье из плеча и начал тыкать им в темноту сквозь прутья решетки. При каждом ударе внизу раздавался жалобный визг и щебет. Наконец я с силой метнул туда копье, схватил лом и кинулся на толпу в пещере.

— Бедфорд! — умолял Кейвор, когда я пролетел мимо него. — Бедфорд!

Кажется, я слышал позади себя его шаги.

Шаг, прыжок, толчок, снова прыжок… Каждый прыжок, казалось, длился вечность. И с каждым прыжком пещера расширялась и число селенитов все росло. Сначала они бегали, как муравьи в разоренном муравейнике, некоторые размахивали топориками мне навстречу, но большинство спасалось бегством вперед или в сторону, вдоль ряда туш. Скоро показались новые отряды селенитов, вооруженных копьями. Потом еще и еще… Это было удивительное зрелище: кругом мелькали руки и ноги. В пещере становилось темней… Что-то просвистело над моей головой. Опять. Подпрыгнув, я увидел, что в одну из туш влево от меня, дрожа, вонзилось копье. Когда я опустился, другое копье ударилось в грунт передо мной, и я услышал отдаленный свист: они стреляли. Целый ливень копий обрушился на нас.

Настоящий залп! Я остановился как вкопанный.

Не думаю, чтобы я тогда отчетливо соображал. Но, помнится, в мозгу промелькнула стереотипная фраза: «Огневая завеса, все в укрытие!» Я помню, что бросился между двумя тушами и стоял, тяжело дыша и дрожа от ярости.

Я искал глазами Кейвора, и на миг мне показалось, что он погиб. Но вскоре он появился из темноты между тушами и скалистой стеной пещеры. Я увидел его маленькое взволнованное лицо, тусклое, синее, покрытое потом.

Он что-то сказал, но я не расслышал. Я понял, что если пробираться вверх по пещере от туши к туше, то можно пробиться наружу. Пробиться наружу — иного выхода нет.

— За мной! — сказал я и пошел вперед.

— Бедфорд! — кричал Кейвор, но тщетно: я его не слышал.

Поднимаясь по узкому проходу между тушами и стеной, я лихорадочно обдумывал план спасения. Пещера закруглялась, и селениты не могли стрелять в нас. Хотя в узком пространстве нельзя было делать прыжков, однако благодаря нашей земной силе мы продвигались быстрее селенитов. Я сообразил, что скоро мы окажемся в самой гуще их. Но тогда они будут для нас не страшнее,

чем черные тараканы. Однако сначала надо выдержать их обстрел. Я обдумывал стратегический план и на бегу скинул фланелевую куртку.

— Бедфорд! — задыхался сзади Кейвор.

Я обернулся и спросил, что ему надо.

Он показывал вверх, через туши.

— Белый свет! — сказал он. — Опять белый свет!

Я взглянул вверх: действительно, вдалеке брезжили белые призрачные сумерки. Силы мои сразу удвоились.

— Не отставайте! — крикнул я Кейвору.

Длинный плоский селенит высунулся из мрака, но тотчас же скрылся с жалобным визгом. Я остановился и подал знак Кейвору, чтобы он не двигался. Затем повесил свою куртку на лом, спрятался за ближайшую тушу, положил куртку с ломом и высунулся на секунду. «З-з-зз!» — просвистела стрела. Селениты были совсем рядом; толстые, коренастые, высокие и низенькие, они сбились в кучу около целой батареи своих орудий, повернутых дулами в пещеру. Три или четыре стрелы последовали за первой, затем обстрел прекратился.

Я высунул было голову и оказался на волоске от гибели: просвистела целая дюжина стрел;

селениты стреляли, громко крича и щебеча от возбуждения. Я поднял с пола куртку и лом.

— Теперь пора! — воскликнул я и выставил свою куртку.

«З-з-зз!», «Зз-зз!» В одно мгновение она была продырявлена тучей стрел, перелетевших через тушу над нашими головами. Я схватил лом, бросил куртку — она так и валяется там, на Луне, — и ринулся в атаку.

С минуту длилась бойня. Я рассвирепел и не давал им пощады, а селениты, видно, слишком перепугались, чтобы драться. Во всяком случае, они совсем не защищались. А у меня, как говорится, кровь бросилась в голову. Помню, я пробивался между этими тощими, жесткими, как насекомые, существами, точно сквозь высокую траву, кося и направо и налево — раз, два! Брызгала какая-то жидкость, под ногами что-то хрустело и пищало, рассыпаясь на куски. Толпа расступалась и снова смыкалась, как вода. Они сражались в беспорядке. Копья свистели вокруг меня; меня ранили в ухо, в руку и в щеку, но я заметил это потом, когда обнаружил запекшуюся кровь.

Что делал Кейвор, я не знаю. Мне казалось, что этот бой длится целый век и никогда не кончится. И вдруг конец — кругом только скачущие за-

тылки, селениты обратились в бегство… Я почти не пострадал. Пробежал еще несколько шагов, крикнул и оглянулся. Я был изумлен.

Я летел через них громадными скачками; селениты остались позади и бросились врассыпную, ища, где бы спрятаться. Конец боя, в который я кинулся очертя голову, обрадовал меня и несказанно удивил. Я решил, что победил не потому, что селениты оказались неожиданно хрупкими, а потому, что сам я оказался таким силачом. Я самодовольно расхохотался. Ах, эта удивительная Луна!

Посмотрев на искрошенные и корчившиеся тела, разбросанные по пещере, я поспешил к Кейвору.

Глава XVIII
В солнечном свете

Вскоре мы увидели, что впереди маячит какая-то туманная пустота, и вышли в наклонную галерею; она привела нас в новую обширную круглую пещеру, огромную цилиндрическую шахту, стены которой отвесно поднимались вверх. Вдоль стены извивалась галерея без всякого парапета или перил и оборота через полтора поворачивала вверх, в скалы. Галерея эта напоминала мне спираль железной дороги через Сен-Готард. Все было грандиозных размеров. Невозможно описать впечатление, производимое этим сооружением; оно просто подавляло. Мы обвели глазами отвесные стены гигантской шахты и далеко вверху заметили круглое отверстие; сквозь него виднелись слабо мерцавшие звезды. Половина кромки этого отверстия сияла под ослепительными лучами белого солнца. Мы оба невольно вскрикнули от радости.

— Скорей! — торопил я, бросаясь вперед.

— А что там? — спросил Кейвор и осторожно подошел к краю шахты. Я последовал его приме-

ру и заглянул вниз, но мне мешал свет сверху, и я разглядел во мраке лишь цветные полосы малинового и пурпурного цвета. Видеть я не мог, зато мог слышать. Из тьмы доносился гул, похожий на гудение рассерженных пчел — если приложить ухо к улью, — и гул этот поднимался из пропасти глубиной, быть может, мили в четыре…

Я прислушался, потом крепко сжал в руке лом и пошел вперед, вверх по галерее.

— Вероятно, это та самая шахта с крышкой, куда мы смотрели, — заметил Кейвор.

— А внизу те же самые огни!

— Огни! — повторил Кейвор. — Да, огни того мира, которого нам теперь никогда не увидеть.

— Мы еще вернемся, — утешил я его.

Нам так везло, что после бегства я уже начал надеяться, что мы найдем и шар.

Ответа Кейвора я не расслышал.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — ответил он, и мы торопливо зашагали вверх по галерее.

Этот наклонный балкон тянулся, вероятно, не менее четырех или пяти миль и поднимался так круто, что идти по нему на Земле было бы совершенно невозможно; но здесь, на Луне, это было очень легко. За все время мы заметили только

двух селенитов, которые при нашем приближении обратились в бегство. Очевидно, до них уже дошла весть о нашей силе и жестокости. Подъем оказался неожиданно легким. Спиральная галерея перешла в крутой тоннель с отпечатками следов лунных стад, такой узкий и короткий по сравнению с высокими сводами, что почти весь он был освещен. Сразу стало светлей, и вверху далеко-далеко ослепительным светом засверкал выход; на солнце четко вырисовывался альпийский склон, увенчанный гребнем высокого колючего кустарника, теперь уже изломанного, высохшего и помертвевшего.

Странно, что мы, люди, которым эта самая растительность казалась недавно такой нелепой и ужасной, испытывали теперь то же самое чувство, что и вернувшийся домой изгнанник при виде родных мест. Мы радовались даже разреженному воздуху, который мучил нас одышкой при быстром движении и превращал наши разговоры в тяжкие усилия. Приходилось сильно напрягать голос. Все шире и шире становился освещенный солнцем круг; тоннель позади нас погружался в непроницаемый мрак. Видневшийся наверху колючий кустарник уже побурел и засох, на нем не осталось ни единого зеленого

листочка; густо переплетавшиеся ветки затеняли узорами нависшие скалы. У самого входа в тоннель расстилалась широкая утоптанная площадка для лунных стад.

Наконец-то мы вышли по ней к ослепительному свету, в невыносимый зной. Мы с трудом пересекли открытое место и, вскарабкавшись по откосу между стволами колючих растений, уселись, запыхавшиеся, под выступом застывшей лавы. Но даже и в тени скала была горяча.

Воздух веял жаром. Физически мы чувствовали себя неважно, но зато мы вырвались из кошмара. Нам казалось, что мы опять вернулись к себе, в мир, где есть звезды. Все страхи и трудности бегства через мрачные пещеры и расщелины теперь миновали. После недавнего боя мы уже не боялись селенитов. Оглядываясь на зияющее отверстие, мы сами не верили, что вышли оттуда. Там, глубоко внизу, в голубоватом свете, который нам вспоминался, как мрак, мы встретились с существами — кошмарной пародией на людей, со шлемообразными головами. Мы боялись их и подчинялись им, пока наконец не подняли бунт. И что же, они растаяли, как воск, рассыпались прахом, разбежались и исчезли, как ночные призраки.

Я протер глаза, сомневаясь, уж не видели ли мы все это во сне под опьяняющим действием съеденных грибов, но вдруг заметил кровь у себя на лице и убедился, что рубашка крепко прилипла к моему плечу и руке.

— Черт возьми! — проговорил я, ощупывая свои раны, и вход отдаленного тоннеля в ту же секунду вновь стал глазом вражеского лазутчика. — Кейвор, что же они будут делать? И что делать нам?

Он покачал головой, не отрывая глаз от темного входа тоннеля.

— Откуда мы можем знать, что они намерены делать?

— Это зависит от того, что они о нас думают, а этого нам не узнать. Затем, это зависит от того, что у них имеется в резерве. Вы правы, Кейвор: мы коснулись лишь окраины лунного мира. У них там, в глубине, еще могут быть неожиданные сюрпризы. Даже своими самострелами они могут причинить нам немало вреда… Но все же, — резюмировал я, — если мы даже и не сразу найдем шар, то все-таки у нас есть надежда на спасение. Мы продержимся. Даже ночью. Мы можем снова сойти вниз и отвоевать себе место.

Потом я начал осматриваться. Характер пейзажа резко изменился, и все это из-за роста и

засыхания растительности. Мы сидели высоко над обширной долиной кратера, сплошь покрытой увядшей, сухой растительностью поздней, послеполуденной лунной осени. Один за другим тянулись пологие бугры и побуревшие поля, где пасся лунный скот; вдали целое их стадо, отбрасывая тени, грелось и дремало на солнце, точно овцы. Селенитов нигде не было видно. Убежали ли они при нашем появлении или обычно скрывались после выгона стад на пастбища, этого я не могу сказать. Тогда я предполагал первое.

— Если поджечь этот сушняк, то нам, пожалуй, легче найти шар среди пепла.

Кейвор, по-видимому, не слышал моих слов: прикрыв глаза рукой, он внимательно смотрел на звезды, которые, несмотря на яркий солнечный свет, были хорошо видны на небе.

— Как вы думаете, сколько времени мы пробыли здесь? — спросил он наконец.

— Где здесь?

— На Луне.

— Два зимних дня, вероятно.

— Нет, около десяти дней. Солнце уже перешло зенит и склоняется к западу. Дня через четыре, а может быть, и раньше наступит ночь.

— Но ведь мы ели только один раз?

— Знаю, но… так выходит по звездам!

— Разве время здесь, на меньшей планете, другое?

— Не знаю, выходит, так.

— Как вы исчисляете время?

— Голод, утомление — все здесь иное. Все по-другому, не так, как на Земле. Мне казалось, что со времени нашего выхода из шара прошло всего несколько часов — длинных часов, но не больше.

— Десять дней, — удивлялся я, — значит, нам остается… — Я взглянул на солнце. — Оно уже прошло полпути от зенита до запада. Остается всего только четыре дня… Кейвор, нам нельзя сидеть тут и мечтать. С чего же нам начать?

Я встал.

— Надо наметить какой-нибудь отдаленный и издалека видный пункт, можно вывесить флаг, или платок, или что-нибудь еще, наметить участок и искать кругом.

Кейвор поднялся и стал рядом со мной.

— Да, — согласился он, — нам ничего больше не остается, как искать шар. Ничего больше. Может быть, мы и найдем его. Разумеется, найдем. А если нет…

— Мы должны искать.

Он огляделся кругом, посмотрел вверх на небо, вниз в тоннель и удивил меня внезапным нетерпеливым жестом.

— Как глупо! Зачем нас понесло в этот тоннель! Подумайте только, сколько мы успели бы сделать!

— Мы и сейчас можем еще кое-что сделать.

— Никогда нам не сделать того, что упущено. Ведь тут, под нашими ногами, целый мир. Подумайте, какой это, должно быть, мир! Вспомните о машине, которую мы видели, вспомните о шахте и о крышке! Но все это было только начало. И те несчастные создания, с которыми мы сражались, — всего лишь невежественные крестьяне, жители окраин, пастухи и мясники, недалеко ушедшие от животных. Там же, внизу… Огромные подземелья, тоннели, сооружения, пути сообщения… И чем глубже, тем все грандиозней, шире и населенней. Несомненно! Там, в самом низу, должно находиться Центральное Море, омывающее сердцевину Луны. Подумайте о черных, чернильных водах при мягком освещении — если только их глаза вообще нуждаются в свете! Подумайте о многоводных, бегущих каскадами потоках, питающих это море! Представьте себе его приливы и отливы! Может быть, по этому

морю ходят суда, может быть, у них есть большие города и пути сообщения. Быть может, у них есть мудрость и порядок, превосходящие разум человека. А мы погибнем здесь и никогда не увидим разумных существ, создавших все эти сооружения. Мы здесь замерзнем и умрем, и воздух замерзнет на нас и вновь оттает, и тогда… тогда они случайно набредут на наши окоченелые, безмолвные трупы, найдут и шар, который нам не удастся отыскать, и поймут наконец, хотя и слишком поздно, сколько идей и усилий бесплодно погибло здесь.

Голос его, когда он говорил все это, звучал точно сквозь телефонную трубку, откуда-то издалека.

— Но эта темнота… — возразил я.

— Это можно преодолеть.

— Но как?

— Не знаю. Откуда я могу знать? Можно захватить факел, лампу или фонарь. Те, другие… смогут понять в конце концов.

Он постоял с минуту с опущенными руками и печальным лицом, уныло глядя в пространство, затем безнадежно махнул рукой и начал строить всяческие планы систематических поисков шара.

— Мы ведь можем потом вернуться обратно, —

утешал его я.

Он огляделся вокруг.

— Прежде всего нам надо вернуться на Землю.

— Мы можем потом привезти с собой лампы и железные кошки для лазанья и сотни других необходимых вещей.

— Да, — сказал Кейвор.

— Мы можем захватить с собой это золото как залог успеха.

Кейвор посмотрел на мои золотые ломы и долго молчал. Он стоял, заложив руки за спину, отсутствующим взором глядя на кратер. Наконец вздохнул и снова заговорил:

— Да, это я нашел сюда путь, но найти путь — не значит еще быть его господином. Если я вновь увезу свою тайну на Землю, то что произойдет? Я не смогу хранить ее долго. Рано или поздно все обнаружится или другие люди вторично откроют кейворит. А тогда… Правительства и державы будут стараться проникнуть сюда, будут воевать из-за лунных территорий между собой и лунными жителями. Это только усилит вооружения и даст лишний повод к войнам. Если только я разглашу мой секрет, вся эта планета, вплоть до глубочайших галерей, очень скоро будет усеяна трупами. Все остальное сомнительно, но в этом

не приходится сомневаться… И дело совсем не в том, что Луна нужна людям. Для чего им новая планета? Что сделали они со своей собственной планетой? Поле вечной битвы, арену вечных глупостей. Мир человеческий мал, и жизнь человеческая коротка — еще довольно дел на Земле! Нет, наука и так уж слишком много трудилась над выковыванием оружия для безумцев. Пора с этим покончить! Пусть люди снова откроют эту тайну через тысячу лет.

— Есть много способов сохранить тайну, — возразил я.

Кейвор посмотрел на меня и улыбнулся.

— В конце концов, — продолжал он, — о чем нам беспокоиться? Шар нам, вероятно, не найти, а там, внизу, события нарастают. Только присущее человеку свойство надеяться до последней минуты позволяет нам думать о возвращении на Землю. Наши несчастья только начинаются. Мы проявили по отношению к лунным жителям нашу силу и жестокость, показали им, на что мы способны, и шансы наши на спасение так же велики, как у тигра, который вырвался из клетки и загрыз человека в Гайд-парке. Весть о нас, по всей вероятности, разносится из галереи в галерею все ниже и ниже, до центральных областей… Ника-

кие разумные существа в здравом уме и твердой памяти не позволят нам вернуть шар на Землю после всего, что они видели или слышали о нас.

— Но мы не увеличим наши шансы, если будем сидеть здесь, — сказал я.

Мы оба встали.

— Лучше будет, если мы пойдем в разные стороны, — сказал Кейвор. — Надо вывесить платок на верхушке одного из этих стволов, крепко привязать его и от этого пункта, как от центра, приняться за поиски по всему кратеру. Вы пойдете на запад, двигаясь полукругами, в сторону заходящего солнца. Вы должны идти сначала так, чтобы ваша тень падала от вас вправо, до тех пор, пока она не пересечет под прямым углом путь от нашей вехи, а затем идите так, чтобы тень ложилась влево. Я буду делать то же самое в восточном направлении. Мы будем заглядывать в каждый овраг, осматривать каждую скалу; мы приложим все усилия, чтобы отыскать шар. Селенитов будем всячески избегать. Для утоления жажды можно глотать снег, для утоления голода надо постараться убить лунную корову, — правда, нам придется есть сырое мясо. Итак, каждый из нас пойдет своей дорогой.

— А если один из двух натолкнется на шар?

— Тот, кто найдет шар, должен вернуться к вывешенному платку и ждать там, подавая сигналы.

— А если никто?..

Кейвор взглянул на солнце.

— Мы будем искать шар до тех пор, пока нас не застигнет ночь и стужа.

— А вдруг селениты нашли шар и спрятали?

Кейвор пожал плечами.

— Или если они теперь гонятся за нами?

Он ничего не ответил.

— Возьмите на всякий случай один лом, — предложил я.

Он отрицательно покачал головой и задумчиво посмотрел на расстилавшуюся перед ним пустыню.

Но он не сразу тронулся в путь. Он почему-то замялся и смущенно посмотрел на меня.

— До свидания, — сказал он наконец.

Меня точно кольнуло в сердце. Я сразу вспомнил, как мы раздражали друг друга, и особенно как я, должно быть, раздражал его.

«Проклятие, — подумал я, — все могло быть иначе». Я хотел было протянуть ему на прощание руку, но он уже сомкнул ноги и прыгнул прочь от меня к северу. Он несся по воздуху, как сухой лист,

плавно спустился и снова прыгнул. Я постоял с минуту, наблюдая за его полетом, потом нехотя повернулся лицом на запад, выбрал место для прыжка и с чувством человека, собирающегося прыгнуть в ледяную воду, устремился обследовать свою половину лунного мира. Я довольно неуклюже упал между скалами, поднялся на ноги, осмотрелся вокруг, вскарабкался на каменистую площадку и прыгнул снова…

Кейвор уже скрылся из виду, но платок храбро развевался над пригорком, ослепительно-белый в лучах яркого солнца.

Я решил не терять из виду платка, что бы ни случилось.

Глава XIX
Мистер Бедфорд остался один

Скоро мне уже казалось, будто я всегда был один на Луне. Сначала я искал шар довольно усердно, но было еще очень жарко, а разреженность воздуха вызывала такое ощущение, как будто грудь сдавило железным обручем. Я попал в лощину, заросшую по краям щетиной высоких, бурых, засохших кустов, и уселся под ними поостыть и отдохнуть в тени. Я собирался посидеть очень недолго. Положив около себя оба лома, я сидел, подперев голову руками. Я отметил с каким-то вялым интересом, что скалы в этой лощине, кое-где покрытые полосами высохшего мха, блестели золотыми жилами, а местами из-под опавшей листвы сверкали кругляки самородков. Теперь все это уже не имело никакого значения. Меня охватила какая-то расслабленность, я ни на секунду не верил, что мы найдем наш шар в этой сожженной солнцем пустыне. К чему искать! Пусть придут селениты. Затем я вдруг решил напрячь все свои силы, повинуясь тому инстинкту самосохранения, который побуждает человека

прежде всего охранять и защищать свою жизнь, хотя, может быть, вскоре ему придется умереть еще более мучительной смертью.

Зачем вообще мы здесь?

Это показалось мне необъяснимой и нелепой загадкой. Какой порыв побуждает человека отказаться от счастья и покоя и стремиться навстречу опасности, нередко даже гибели? Здесь, на Луне, я впервые понял то, что давно должен был бы знать, а именно, что человек создан не только для того, чтобы заботиться о собственном благополучии, о хорошей еде, о комфорте и веселом времяпрепровождении. Это чувство знакомо почти каждому человеку, и он делает неразумные поступки вразрез с собственными интересами, вразрез со своим благополучием. Какая-то непонятная сила толкает его на это, и он не может устоять.

Зачем? Почему? Сидя здесь, среди бесполезного лунного золота, в чуждом для меня мире, я стал подводить итог всей своей жизни. Если предположить, что мне суждено погибнуть на Луне, то ради чего я прожил свою жизнь? Мне не удалось уяснить себе это, но, во всяком случае, мне стало яснее, чем когда-либо прежде, что я не ставил себе никаких личных целей, что всю свою жизнь я

не добивался ничего лично для себя. Для кого же? Для чего? Я бросил раздумывать о том, зачем мы полетели на Луну, и поставил перед собой вопрос шире: зачем я вообще родился? В конце концов я запутался в отвлеченных рассуждениях…

Постепенно мысли мои стали расплывчатыми и туманными, я никак не мог четко их сформулировать. Я не чувствовал тяжести или разбитости в теле — на Луне этого вообще не бывает, — но, вероятно, я все же устал. Так или иначе, но я заснул.

Сон, или, вернее, дремота, удивительно освежил меня, и все это время солнце спускалось все ниже и ниже, а жара спадала. Когда наконец я проснулся от какого-то отдаленного крика или шума, то почувствовал себя бодрым и свежим. Я протер глаза и расправил руки. Затем встал — тело мое немного затекло — и решил возобновить поиски. Я взвалил свои золотые дубинки на плечи и вышел из золотоносного ущелья.

Солнце, несомненно, стояло гораздо ниже, чем прежде. Воздух охладился. Очевидно, я проспал долго. Мне показалось, что над западными утесами висит синеватая дымка. Я вспрыгнул на ближайшее возвышение и стал осматриваться. Нигде не было видно ни лунных коров, ни селени-

тов. Кейвора я также не увидел, но зато разглядел мой платок вдали, на высокой ветке терновника; осмотревшись, я перепрыгнул на следующий удобный для наблюдения возвышенный пункт.

Я продолжал свой путь полукругами, постепенно все расширявшимися, — это было довольно утомительно и совершенно безрезультатно. Воздух действительно стал много прохладней, и я заметил, что под западными утесами тени удлинились. Я часто останавливался и осматривался, но Кейвора нигде не было, селениты тоже куда-то исчезли, и я подумал, что они уже загнали скот внутрь планеты, так как и стад нигде не было видно. Мне все больше и больше хотелось поскорее найти Кейвора. Солнце спустилось теперь уже так низко, что отстояло от горизонта не более чем на диаметр своего диска. Я боялся, что селениты скоро закроют крышки и отдушины и оставят нас в жертву страшной лунной ночи. Мне казалось, что Кейвору давно уже следовало прекратить поиски шара и что пора нам еще раз посоветоваться. Необходимо было срочно решить вопрос, что делать. Мы не нашли шара, и искать его уже поздно, а если отдушины закроют, то мы погибли. Нас поглотит бесконечная ночь — мрак пустоты и смерти. Я чувствовал дрожь при одной

мысли об этом. Нам необходимо как-то пробраться в глубь Луны, хотя бы даже с опасностью для жизни. В моем воображении уже рисовалась страшная картина: мы из последних сил стучимся в крышку большой шахты, а леденящий холод охватывает нас все сильнее и сильнее.

Я совсем забыл про шар, я думал только о том, как бы скорее найти Кейвора. Я уже собрался было идти в шахту без него, боясь опоздать; я уже возвращался к платку, как вдруг…

Я увидел шар.

Скорее, не я его, а он нашел меня. Он лежал гораздо дальше к западу, чем я зашел; косые лучи заходящего солнца вдруг ярко осветили его и пылали на его стеклах. В первую минуту я подумал, что это какое-то новое приспособление селенитов против нас, но потом понял.

Я протянул руки и с диким криком радости бросился к нему. Я неверно рассчитал один из своих прыжков и упал в глубокий овраг, больно ударившись лодыжкой правой ноги. После этого я спотыкался почти при каждом прыжке. Я был в состоянии истерического возбуждения, дрожал как в лихорадке и запыхался, еще не достигнув цели. Раза три мне пришлось останавливаться, чтобы передохнуть, и, несмотря на разрежен-

ность и сухость воздуха, пот лил с меня ручьями.

Я думал только о шаре, пока до него не добрался, — забыл даже свое беспокойство о Кейворе. Мой последний прыжок перенес меня прямо к шару, и я прижался к нему руками, задыхаясь и тщетно пытаясь крикнуть: «Кейвор, Кейвор, шар здесь!» Немного отдышавшись, я заглянул сквозь толстое стекло. Все вещи были сбиты в одну кучу. Я прижался теснее, чтобы хорошенько все разглядеть, потом попытался влезть внутрь. Мне пришлось приподнять его немного, чтобы просунуть голову в люк. Теперь я ясно увидел, что все вещи лежали так, как мы их оставили, выпрыгивая из шара на снежный сугроб. Я жадно их разглядывал. Я все еще весь дрожал. Какое счастье было вновь увидеть этот знакомый полумрак! Просто непередаваемое счастье! Потом я влез внутрь и сел прямо на вещи. Взглянул сквозь стекло на лунный мир и содрогнулся. Потом я сунул на тюк золотые ломы, поискал еду и поел немного — не потому, что я чувствовал потребность в еде, но потому, что я знал, что там есть съестное. Но тут я вспомнил, что пора выйти и подать сигнал Кейвору. Но я сделал это не сразу. Что-то удерживало меня в шаре.

В конце концов, все идет как надо. У нас еще

найдется время набрать того магического камня, который дает власть над людьми. Здесь совсем близко лежит золото, а наш шар, даже наполовину нагруженный этим металлом, может лететь так же легко и свободно, как если бы он был пустой. Теперь мы можем возвращаться на Землю как хозяева нашего мира, а потом…

Наконец я поднялся и с усилием вылез из шара. Тут я снова задрожал — вечерний воздух становился все холоднее. Стоя в углублении, я осмотрелся, тщательно обследовал кусты вокруг, прежде чем прыгнуть на ближайшую скалу, и снова прыгнул, как и в первый свой прыжок на Луне. Но теперь я прыгнул легко, без всякого усилия.

Растительность увяла так же быстро, как выросла, и весь вид окрестных скал изменился, но все-таки можно было узнать тот пригорок, на котором при нашем прибытии начали всходить молодые растения, и то скалистое возвышение, с которого мы впервые увидели кратер. Но колючий кустарник на склоне холма уже побурел, высох, вытянулся футов на тридцать в вышину и отбрасывал длинные тени, конца которым не было видно, а маленькие семена, висевшие пучками на его верхних ветках, уже почернели,

совершенно созрев. Кустарник сделал свое дело и теперь готов был упасть и рассыпаться в прах под разрушительным действием ледяного воздуха длинной лунной ночи. А огромные кактусы, которые раздувались на наших глазах, давно уже полопались и разбросали свои споры на все четыре стороны. Удивительный уголок Вселенной — пристань первых людей на Луне!

Когда-нибудь, думал я, я поставлю тут среди кратера памятный столб с надписью. И мне вдруг пришло в голову, что, если бы только лунный мир понимал всю важность этой минуты, какой переполох поднялся бы там, в глубине!

Но пока, по-видимому, они и не подозревают, какое значение имеет наше прибытие — ведь иначе этот кратер стал бы ареной отчаянной борьбы, а не оставался безмолвной пустыней. Я стал высматривать место поудобнее, откуда можно было бы подать сигнал Кейвору, и увидел ту самую скалу, куда он прыгнул с того места, где теперь стоял я, — она осталась такой же голой и бесплодной. С минуту я не решался уйти так далеко от шара. Затем, устыдившись своего малодушия, прыгнул…

С этого возвышенного пункта я снова начал осматривать кратер. Далеко, у самой верхушки

отбрасываемой мной огромной тени, белел платок, трепетавший на кустарнике. Он был очень далеко и казался совсем крошечным, но Кейвора не было видно. Мне казалось, что Кейвор должен был бы уже сам искать меня, ведь мы так договорились. Но его не было.

Я стоял, приставив ладони к глазам, выжидая и наблюдая, в надежде каждую секунду увидеть его. Вероятно, я простоял так очень долго. Я пробовал кричать, но мой крик утонул в разреженном воздухе. Я двинулся было назад к шару, но из страха перед селенитами отказался от своего намерения — сигнализировать о моем местонахождении, вывесив на соседнем кустарнике одно из одеял. Я снова стал разглядывать кратер.

Он производил гнетущее впечатление своей пустынностью. И как тихо было вокруг! Смолкли звуки из мира селенитов. Мертвая тишина. Кроме слабого шелеста ближайшего кустарника, ни малейшего звука или хоть намека на звук. Дневная жара уже спала, а ветер становился все более ледяным.

Проклятый Кейвор!

Я набрал побольше воздуха, приложил руки рупором ко рту и крикнул во все горло:

— Кейвор!

Но звук моего голоса походил на отдаленное, слабое эхо.

Я поглядел на сигнальный платок, поглядел на расширявшуюся тень западного утеса, поглядел из-под ладони на солнце. Мне показалось, что оно опускается по небу заметно для глаз.

Тут я понял, что если хочу спасти Кейвора, то надо действовать, не теряя ни минуты. Я сорвал с себя жилет и повесил его как знак на шипах кустарника, потом пустился напрямик к платку. Расстояние в две мили я пролетел в несколько сот прыжков. Я уже рассказывал, как во время таких прыжков словно паришь в воздухе довольно долго, прежде чем снова встать на ноги. При каждом взлете я искал глазами Кейвора и удивлялся, куда он скрылся. При каждом прыжке я замечал, что солнце садится все ниже, и каждый раз, касаясь ногами скал, я испытывал искушение вернуться назад.

Последний прыжок — и я очутился в ложбине около платка. Еще один шаг — и я на нашем наблюдательном пункте. Стоя возле платка, я внимательно осмотрел окрестность, уже покрытую тенями. Далеко от меня, у подошвы пологого склона, чернело отверстие тоннеля, через которое мы убежали; моя тень простиралась до него

и касалась его, как черный палец ночи.

Кейвора нигде не было, стояла мертвая тишина. Только шелест кустарника и все длиннее тени. Я вдруг затрясся, как в ознобе.

«Кейв…» — пробовал я крикнуть еще раз и снова убедился в беспомощности человеческого голоса в разреженном воздухе.

Молчание. Молчание смерти.

И вдруг я заметил что-то, какой-то клочок ярдах в пятидесяти от меня, у подошвы склона, среди переломленных веток. Что бы это могло быть?.. Я знал, но не хотел верить.

Я подошел ближе — это была шапочка крикетиста, которую носил Кейвор. Я не дотронулся до нее, я стоял и смотрел.

Теперь я понял, что разбросанные вокруг ветки были поломаны и потоптаны. Наконец я шагнул вперед и поднял шапочку.

Я держал ее в руке и всматривался в поломанные и примятые колючие заросли. На некоторых ветках виднелись темные пятна, но я боялся к ним прикоснуться. Невдалеке ветер перекатывал и подгонял ближе ко мне какой-то маленький и очень белый лоскут.

Это был клочок бумаги, сжатый в комок, точно его крепко сжимали в кулаке. Я поднял его: на

нем виднелись красные пятна. Я разобрал также бледные следы карандаша. Разгладив бумажку, я увидел на ней прерывистые, неровные каракули букв, оканчивавшиеся кривой полосой.

Я сел на ближайший камень и стал разбирать записку.

Начало было довольно разборчивое: «Я ранен в колено, кажется, у меня раздроблена коленная чашка, и я не могу ни идти, ни ползти».

Затем менее четко: «Они гнались за мной некоторое время, и теперь это вопрос…» По-видимому, сначала было написано «времени», но затем зачеркнуто и заменено каким-то непонятным словом. «… прежде чем они меня захватят. Они преследуют меня».

Затем почерк делался судорожным. «Я уже слышу их», — догадался я, но дальше было совершенно неразборчиво. Потом несколько слов, довольно четких: «Эти селениты совсем другие — они, по-видимому, командуют…» Снова неразборчиво.

«Черепа у них больше, гораздо больше, тела более стройные и очень короткие ноги. Голоса у них более приятные, движения более обдуманны…»

«Хоть я и ранен и совершенно беспомощен, их появление дает мне надежду». Как это похоже

на Кейвора!

«Они не стреляли в меня и не пытались… убить. Я намерен…»

В конце внезапная ломаная линия карандашом через всю бумагу, а на обратной стороне записки и по краям — кровь!

Пока я стоял, потрясенный и растерянный, с этой ошеломляющей запиской в руке, что-то мягкое, холодное и легкое коснулось моей руки и исчезло — белая пушинка. Первая снежинка — предвестница наступающей ночи.

В испуге я взглянул наверх: небо уже почернело и покрылось множеством холодных ярких звезд. Я посмотрел на восток: растительность этого разом увядшего мира стала темно-бронзовой. Взглянул на запад — солнце, утратившее теперь в сгустившейся белой мгле половину своего жара и блеска, уже коснулось края кратера и скрывалось за горизонтом. Заросли кустарника и зубчатые скалы четко вырисовывались остроконечными черными тенями на освещенном небе. Огромное облако тумана опускалось в необъятное озеро темноты. Холодный ветер пронизывал весь кратер. И вдруг в один миг я был окутан падающим снегом, и все вокруг заволоклось мрачной серой пеленой.

И тут я услышал не громкий, не отчетливый, как в первый раз, а слабый и глухой, подобно замирающему голосу, звон колокола, тот самый, что приветствовал наступление солнечного дня:

«Бум!.. Бум!.. Бум!..»

Эхо прокатилось по кратеру, точно он задрожал, как мерцающие звезды. Кровавый красный диск солнца опускался все ниже и ниже…

«Бум!.. Бум!.. Бум!..»

Что случилось с Кейвором? Я тупо стоял там и слушал звон, пока он не прекратился.

И вдруг зияющее отверстие тоннеля внизу подо мной закрылось, подобно глазу, и исчезло.

Я очутился в полном одиночестве.

Надо мной и вокруг меня, охватывая меня со всех сторон, подступая все ближе и ближе, раскинулась Вечность, безначальная, бесконечная — необъятная пустота, в которой и свет, и жизнь, и бытие — лишь мимолетный блеск падающей звезды; холод, тишина, безмолвие, бесконечная и неумолимая ночь космического пространства.

Одиночество, казалось, подступало ко мне, я чувствовал его прикосновение.

— Нет! — воскликнул я. — Нет! Не теперь еще! Погоди! Погоди!

Мой голос перешел в визг. Я бросил скомкан-

ную бумажку, вскарабкался на гребень, чтобы осмотреться, и, собрав весь остаток воли, запрыгал по направлению к оставленному мной знаку, уже едва заметному в туманной дали.

Прыг, прыг, прыг! Каждый прыжок, казалось, длился столетия.

Бледный серпик солнца скрывался за горизонтом, удлинявшиеся тени грозили поглотить шар, прежде чем я доберусь до него.

Две мили, не менее сотни прыжков, а воздух разрежался, точно выкачиваемый насосом, и холод сковывал мои суставы. Но если умирать, то умирать в движении. Ноги мои скользили в снегу, прыжки становились короче. Один раз я упал в кусты, которые рассыпались в прах подо мной; другой раз я споткнулся и скатился кубарем в овраг, исцарапав до крови лицо и руки и почти потеряв направление.

Но все это было ничто в сравнении с промежутками, с ужасными минутами в воздухе, когда я летел прямо в надвигающийся прилив ночи. Дыхание мое свистело, в легкие мне точно втыкались ножи. Сердце билось так сильно, что отдавалось в голове.

«Доберусь ли, доберусь ли я?»

Я весь дрожал от страха.

«Ложись! — уговаривало меня отчаяние. — Ложись!»

Чем ближе я подходил к цели, тем отдаленнее она мне казалась. Я закоченел, оступался, ушибался, порезался несколько раз, но кровь не выступала.

Наконец я увидел шар.

Я выбился из сил и упал на четвереньки. Легкие мои хрипели.

Я пополз. На губах моих скапливался иней, ледяные сосульки свисали с усов; я весь покрылся белым замерзшим воздухом.

Оставалось еще ярдов двенадцать. В глазах у меня потемнело.

«Ложись! — кричало отчаяние. — Ложись!»

Я прикоснулся к шару на миг и замер.

«Слишком поздно! — нашептывало отчаяние. — Ложись!»

Я боролся изо всех сил. Я стоял у люка, отупевший, полумертвый. Кругом уже не было ничего, кроме снега.

Я сделал нечеловеческое усилие и влез внутрь. Там было немного теплее.

Снежные хлопья, хлопья замерзшего воздуха ворвались в шар вместе со мной. Я пытался окоченелыми пальцами закрыть и крепко завинтить

крышку. Я всхлипнул.

— Я должен! — пробормотал я, стиснув зубы, и дрожащими, словно ломкими, пальцами стал нащупывать кнопки штор.

Пока я возился — раньше мне никогда не приходилось этого делать, — я смутно видел через запотевшее стекло огненные лучи заходящего солнца, мерцавшие сквозь буран, и темные очертания зарослей кустарника, гнувшихся и ломающихся под тяжестью все падающего снега. Все гуще и гуще кружились хлопья, чернея на светлом фоне солнца. Что, если я не справлюсь с заслонками?

Наконец что-то щелкнуло под моими руками, и в одно мгновение последнее видение лунного мира исчезло из моих глаз. Я погрузился в тишину и мрак межпланетного пространства.

Глава XX
Мистер Бедфорд в бесконечном пространстве

Я чувствовал себя так, точно меня убили. В самом деле, я представляю себе, что человек, которого внезапно убивают, должен ощущать то же самое, что я тогда. В первый момент — муки агонии и ужас, затем — тьма и безмолвие; ни света, ни жизни, ни Солнца, ни Луны, ни звезд — пустота бесконечности. Хотя я сам вызвал все это, хотя я уже испытал все это вместе с Кейвором, я был ошеломлен, оглушен, подавлен. Казалось, меня влечет вверх, в бесконечный мрак. Мои пальцы оторвались от кнопок, я повис, утратив вес, и наконец очень мягко натолкнулся на тюк, золотую цепь и золотые дубины, плававшие в середине шара.

Не знаю, как долго продолжалось это парение. Внутри шара чувство земного времени терялось еще больше, чем на Луне. При первом прикосновении к тюку я точно пробудился от тяжелого сна. Я понял, что если я хочу бодрствовать и жить, то должен зажечь свет или открыть окно,

чтобы увидеть хоть что-нибудь. Кроме того, мне было холодно. Я оттолкнулся от тюка, схватился за тонкие тросы на стекле и вскарабкался к краю люка. Теперь я разглядел все кнопки, оттолкнулся, облетел вокруг тюка и испугался, столкнувшись с чем-то тонким и широким, плавающим в воздухе; потом схватился за трос около самых кнопок и подтянулся до них. Прежде всего я зажег лампочку, чтобы посмотреть, на что я налетел, и убедился, что это был старый номер газеты «Ллойдс ньюс», носившийся в пустоте. Это сразу точно вернуло меня из космоса на Землю. Я рассмеялся и почувствовал, что задыхаюсь, — нужно добавить немного кислорода из цилиндра. Потом я зажег грелку, согрелся, достал провизию и поел. Затем осторожно принялся знакомиться с устройством кейворитных штор, чтобы как-нибудь узнать, куда несется шар.

Я открыл и тотчас же захлопнул первую штору: меня ослепил и опалил солнечный свет. Подумав, я приоткрыл шторы с противоположной стороны и увидел огромный серп Луны, а позади нее — маленький серпик Земли. Я очень удивился, что нахожусь уже так далеко от Луны. Я рассчитывал, что почти не испытаю толчка при подъеме и что по сравнению с земной атмосферой отлет по

касательной от Луны будет в двадцать восемь раз легче, чем от Земли. Я думал, что нахожусь над нашим кратером во мраке ночи, но кратер стал теперь всего лишь частью белого серпа, заполнявшего небо. А Кейвор?

Он теперь бесконечно малая величина.

Я пытался представить себе, что с ним могло случиться. Но тогда я был уверен, что он погиб. Мне казалось, что я вижу его, распластанного и раздавленного, у подошвы какого-нибудь нескончаемого голубого водопада. И вокруг него эти тупоумные насекомые…

Прикосновение летающей газеты вдохновило меня и сделало на время практичным. Мне необходимо вернуться на Землю — это ясно, но, по моим наблюдениям, шар уносился все дальше от Земли. Что бы ни случилось с Кейвором, даже если он остался жив, — что мне казалось невероятным после того, как я увидел запятнанный кровью обрывок бумаги, — я бессилен ему помочь. Он остался там, живой или мертвый, за покровом беспросветной ночи, и там ему придется пробыть по крайней мере до тех пор, пока я не смогу призвать на помощь людей. Собирался ли я это сделать? Да, я думал об этом: вернуться на Землю, если это возможно, и затем, основа-

тельно все обдумав, либо показать и объяснить устройство шара немногим надежным людям и действовать вместе с ними, или же сохранить тайну, продать золото, приобрести оружие, припасы и одного помощника, а затем вернуться на Луну, расправиться с селенитами и освободить Кейвора, если это еще возможно; и уж, во всяком случае, захватить побольше золота, чтобы дальнейшие предприятия построить на более солидном фундаменте. Но все это пока только мечты. Прежде всего надо еще суметь вернуться на Землю.

Я принялся думать, как именно можно осуществить возвращение на Землю. Когда предо мной предстали все трудности этой проблемы, я совсем перестал думать о том, что будет после возвращения туда. В конце концов, главное — это вернуться на Землю.

Я решил, что лучше всего полететь обратно к Луне, приблизиться к ней, насколько возможно, чтобы потом набрать скорость движения; после этого закрыть окна шара и, облетев Луну, открыть окна в сторону Земли, но достигну ли я Земли или же просто буду вращаться вокруг нее по гиперболической, параболической или какой-нибудь другой кривой — этого я не знал.

Позднее я догадался, что нужно делать, и, открыв некоторые из окон к Луне, показавшейся на небе впереди Земли, я взял курс в сторону так, чтобы стать против Земли, так как иначе я пролетел бы мимо нее. Разрешить все эти проблемы было нелегко — ведь я не математик, — и в конце концов я вернулся на Землю вовсе не потому, что все правильно рассчитал, а только благодаря счастливому случаю. Если бы я знал тогда то, что знаю теперь, — что почти все шансы по теории вероятности против меня, — я бы не стал даже делать попыток вернуться на Землю. Решив, что мне нужно делать, я раскрыл все окна на Луну и скорчился на дне. От толчка я подскочил на несколько футов в воздухе, повис в самом нелепом положении и ждал, пока диск Луны увеличится и окажется от меня на нужном расстоянии. Затем я закрою все окна, пролечу мимо Луны со скоростью, приобретенной при сближении с ней, — если только не упаду на нее, — и направлю полет к Земле.

Так я и сделал.

Наконец я убедился, что летел в сторону Луны достаточно долго, и закрыл окна. Луна скрылась из глаз, но помню, что не почувствовал тогда никакого страха, никакого неприятного ощу-

щения; я просто решил спокойно сидеть в этой маленькой клеточке земного вещества, летящей в беспредельном пространстве, пока не достигну Земли. Нагреватель достаточно отеплил шар, воздух освежен был кислородом, и за исключением слабого прилива крови к голове, который я постоянно чувствовал с тех пор, как удалился от Земли, я чувствовал себя физически довольно хорошо.

Я решил беречь свет и погасил его. Пришлось сидеть в темноте при свете Земли и мерцании звезд. Кругом была такая тишина и покой, что я чувствовал себя единственным существом во Вселенной, однако — странно! — не ощущал ни одиночества, ни страха и словно лежал в своей постели на Земле. Это тем более удивительно, что в последние часы моего пребывания в кратере Луны я испытывал мучительное чувство одиночества…

Вы не поверите, но тот промежуток времени, который я провел в пространстве, совершенно не походил на земное время. Иногда мне казалось, что я восседаю здесь целую вечность, подобно богу на листе лотоса, а порой весь полет с Луны на Землю длился словно одно мгновение. В действительности же прошло несколько земных недель.

Но в этот отрезок времени я вложил все свои волнения, чувство голода и страха. Я парил и думал о пережитом, о своей жизни, о побуждениях и сокровенных своих мыслях, и странное ощущение шири и свободы охватывало меня. Мне казалось, что я все расту и расту, что я неподвижен, что я вишу среди звезд, но все время я помнил о ничтожестве Земли и моей жизни на ней.

Я не смогу объяснить всего, что я чувствовал и думал. Без сомнения, все это результат тех необычных физических условий, в которых я находился. Я просто рассказываю о том, что чувствовал, без всяких комментариев. Больше всего меня мучила неуверенность в том, кто я такой. Я, если можно так выразиться, диссоциировался от Бедфорда. Я смотрел на Бедфорда как на жалкое, случайное существо, с которым я почему-то связан. Во многом Бедфорд казался мне ослом или низшим животным, между тем как раньше я гордился им и считал, что он незаурядная, сильная личность. Теперь он был для меня не просто ослом, но потомком многих поколений ослов. Я вспоминал и исследовал его школьные дни, его юность и первую любовь так же, как исследуют жизнь муравья в песке… Боюсь, что какая-то доля этого презрения сохранилась во мне и по

сей день, и сомневаюсь, чтобы я когда-нибудь вернулся к махровому самодовольству прежних лет. Но в то время это меня нисколько не мучило, потому что я был совершенно убежден, что я не Бедфорд и вообще никто, что я только дух, парящий в молчаливом, невозмутимом пространстве. Что мне за дело до какого-то Бедфорда и его пороков? Я не отвечаю за него.

Сначала я боролся с этим забавным заблуждением. Я старался вызвать разные воспоминания, яркие картины, нежные или острые эмоции; я думал, что если снова вспыхнет хоть искра какого-нибудь сильного чувства, то это состояние растущего отчуждения прекратится. Но я не мог ничего поделать. Вот он, Бедфорд, в шляпе, сдвинутой на затылок, с развевающимися фалдами сюртука, он бежит вниз по Ченсери-лейн на свой публичный экзамен. Я видел, как он толчется в толпе сверстников, шутит, здоровается с товарищами. Неужели это я? Я видел Бедфорда в тот же вечер в гостиной какой-то дамы: испачканная шляпа его лежала на столе, а сам он почему-то плакал. Неужели и это я? Я видел, что он часто бывает с этой дамой, видел их отношения, их чувства, но оба казались мне посторонними… Я видел, как он спешит в Лимпн, чтобы сочинять

на досуге пьесу, как он знакомится с Кейвором и, засучив рукава, трудится над шаром; видел, как он уходит в Кентербери из страха перед полетом. Неужели это все я? Я не верил этому.

Я все считал, что это галлюцинация, вызванная одиночеством и тем, что я потерял всякий вес и чувство сопротивления. Я старался вернуть себе это чувство, ударяясь о шар, щипал себя и стискивал руки. Я даже зажег свет, схватил порванный листок газеты «Ллойдс ньюс» и снова прочел убедительные подлинные объявления о велосипеде, о джентльмене с частными средствами и о бедствующей леди, продающей фамильные вилки и ножи. «Все они, без сомнения, существуют, — говорил я себе. — Вот твой мир, ты Бедфорд, и возвращаешься, чтобы до конца дней жить среди себе подобных». Но сомнение не исчезало, и какой-то внутренний голос продолжал доказывать: «Это не ты читаешь, это Бедфорд, а ты ведь не Бедфорд, правда? В этом-то и вся ошибка».

— Проклятие! — выругался я. — Если я не Бедфорд, то кто же я?

Но на этот вопрос я не мог найти никакого ответа, хотя в моем мозгу проносились самые фантастические мысли, странные догадки, похожие на отдаленные тени…

Представьте, мне даже казалось, что я нахожусь не только вне нашего мира, но и вне всех миров, вне пространства и времени и что бедный Бедфорд — всего лишь щель, сквозь которую я гляжу на жизнь.

Бедфорд! Как я ни отрекался от него, все же я был с ним связан и знал, что где бы и кем бы я ни был, я неизменно буду жить его желаниями, его радостями и печалями до конца его жизни. А что будет потом, когда он умрет?

Но довольно об этой замечательной фазе моих переживаний.

Я рассказываю об этом просто для того, чтобы показать, как изолированность и удаление человека от Земли влияют не только на функции и чувствования его физических органов, но и на сознание, порождая странные и неожиданные отклонения. Во время этого межпланетного путешествия я был охвачен подобными странными мыслями и, точно мрачный мегаломаньяк, висел, равнодушный и одинокий, среди звезд и планет мировой пустыни. И бесконечно мелким и тривиальным казался мне не только тот мир, к которому я возвращался, но и освещенные голубоватым светом пещеры селенитов, их шлемоподобные головы, их гигантские и чудесные

машины и судьба заброшенного на Луну беспомощного Кейвора.

И все это продолжалось до тех пор, пока я не почувствовал на себе силу притяжения Земли, снова вовлекавшего меня в ту жизнь, которая остается единственно реальной для людей. Тут я все яснее и яснее стал ощущать, что я не кто иной, как Бедфорд, и после удивительных приключений возвращаюсь в наш мир, к жизни, с которой чуть было не расстался на пути назад. Я стал думать о том, как спуститься на Землю.

Глава XXI
Мистер Бедфорд в Литлстоуне

Линия моего полета была почти параллельна поверхности Земли, когда я попал в верхние слои атмосферы. Температура в шаре начала подниматься. Я знал, что мне надо скорее спускаться. Глубоко подо мной, в темнеющем сумраке, простиралась обширная гладь океана. Я открыл все окна и падал, переходя из солнечного света в вечер, из вечера в ночь. Все обширнее и обширнее становилась Земля, поглощая звезды, и облачная звездная вуаль постепенно окутывала меня. Наконец Земля уже не казалась шаром, а стала плоскостью и потом — впадиной. Это была уже не планета на небе, а мир человека. Я закрыл все шторы, кроме окна, направленного к Земле, и стал падать с ослабевающей скоростью. Водная ширь приблизилась настолько, что я различал уже темный блеск волн, вздымавшихся мне навстречу. Шар очень нагрелся. Я закрыл последнюю светлую полосу окна и сидел, хмурясь и кусая пальцы, в ожидании столкновения.

Шар с громким плеском ударился о воду —

брызги взлетели на десятки футов. После удара я открыл шторы из кейворита. Я спускался все медленнее и медленнее, затем почувствовал, что шар давит мне снизу на ноги, летит вверх, как пузырь. Я, как поплавок, качался на волнах, и мое путешествие в мировом пространстве окончилось.

Ночь была темная и мрачная. Две огненные булавочные головки вдали указывали, что идет судно; ближе то вспыхивало, то гасло красное пламя. Если бы в моей лампе не истощился запас электричества, я бы зажег свет. Несмотря на страшную усталость, я был лихорадочно возбужден, полон надежд и радовался окончанию полета.

Потом несколько успокоился и сел, положив руки на колени и глядя на отдаленный огонь. Он все качался вверх и вниз, вверх и вниз. Мое возбуждение прошло. Я понял, что по крайней мере еще одну ночь придется провести в шаре. Я чувствовал себя разбитым и усталым. Наконец я уснул.

Меня разбудил изменившийся ритм движения. Я взглянул в стекло и увидел, что шар сел на мель на большой песчаной косе. Вдали виднелись дома и деревья, а над морем, между небом и водой,

висел туманный изогнутый силуэт судна.

Я встал и пошатнулся. Главное, поскорее выбраться из шара. Люк находился наверху, и я стал отвинчивать крышку. Наконец мне удалось открыть люк. Воздух со свистом ворвался внутрь, как некогда он вырвался наружу. Но на этот раз я уже не стал ждать, пока уравняется давление. Еще мгновение — и руки ощутили тяжесть отвинченной крышки, и надо мной широко-широко раскинулось родимое земное небо.

Воздух с такой силой ударил в грудь, что у меня перехватило дыхание. Я выпустил из рук винт от стеклянной крышки, вскрикнул, схватился за грудь руками и присел. Сначала было больно. Потом одышка прошла, и я стал глубоко вдыхать воздух. Наконец я снова поднялся и начал двигаться.

Я попытался высунуть голову в люк, но шар накренился набок. Голову вниз словно потянуло, и я быстро откинулся назад, чтобы не упасть лицом в воду. Пыхтя и извиваясь, я наконец вылез через люк на песок, на который набегали волны.

Я не пытался встать. Мне казалось, что все тело внезапно налилось свинцом. С прекращением действия кейворита мать Земля наложила на меня свою руку. Я сидел, не обращая внимания

на воду, заливавшую мне ноги.

В сером, сумрачном рассвете тускло блестели длинные зеленоватые полосы. Невдалеке стояло на якоре судно — бледный силуэт с желтым огоньком. В песок мерно ударяли мелкие, длинные волны. Направо берег изгибался — там высился каменистый риф с лачугами, маяк, бакен и мыс. За рифом тянулся пляж, поблескивавший лужами и приблизительно на расстоянии мили заканчивающийся низким берегом, поросшим кустарником. На северо-востоке виднелся какой-то уединенный морской курорт: высокие жилые дома грязными пятнами выделялись на горизонте, рядом с ними все кругом казалось совсем плоским. Я не мог понять, каким чудакам могло прийти в голову воздвигнуть эти вытянутые кубики на таком голом месте.

Они напоминали Брайтон, перенесенный в пустыню. Я долго сидел, позевывая и растирая лицо. Я попытался встать. Я словно поднимал тяжесть. Наконец встал.

Посмотрел на дома вдали. В первый раз после нашей голодовки в кратере я подумал о земной пище. «Копченая свинина, — пробормотал я, — яйца! Хороший поджаренный хлеб и хороший кофе!.. Каким образом, черт побери, я доставлю

все это в Лимпн? Интересно, где я нахожусь. Во всяком случае, это какой-то восточный берег, когда я падал, мне померещились очертания Европы».

Я услышал шаги по отмели. Какой-то маленький, круглолицый, добродушный человек в фланелевом костюме с простыней на плече и купальным костюмом в руках появился на пляже. Значит, я нахожусь в Англии. Он очень внимательно посмотрел на шар и на меня, затем подошел ближе. Ведь я походил на дикаря — весь грязный, заросший волосами. Но в тот момент я не думал об этом. Он остановился шагах в двадцати от меня.

— Здорово, земляк! — неуверенно окликнул он меня.

— Здравствуйте! — ответил я.

Ободренный моим ответом, он подошел еще ближе.

— Что это за штука? — спросил он.

— Не можете ли вы мне сказать, где я нахожусь? — спросил я.

— Это Литлстоун, — ответил он, указывая на дома. — А это Данджженес! Вы только что высадились? Что это за штука? Машина?

— Да.

— Вы приплыли к берегу? Наверное, потерпели кораблекрушение? В чем дело?

Я быстро соображал, стараясь определить на вид, что это за человек.

— Господи! — воскликнул он. — Ну и досталось вам! Я-то думал… Ну… Куда вас отнесло? Это что, вроде спасательной шлюпки?

Я решил придерживаться этой версии и, ничего не отрицая, сделал несколько неопределенных замечаний.

— Я нуждаюсь в помощи, — сказал я хрипло. — Мне необходимо доставить на берег некоторые вещи, которые я не могу оставить здесь.

Я заметил трех других добродушных молодых людей с полотенцами, в спортивных костюмах и соломенных шляпах. По-видимому, это были первые утренние купальщики из Литлстоуна.

— Помощи? — сказал молодой человек. — Охотно!

Он приготовился действовать.

— Что вы хотите?

Он обернулся и замахал руками. Трое молодых людей ускорили шаги. Через минуту они были около меня и стали забрасывать меня вопросами, на которые я не особенно охотно отвечал.

— После, после! — говорил я. — Я смертельно

устал. Я весь в лохмотьях.

— Поднимитесь в отель, — сказал маленький человек. — Мы присмотрим за этой штукой.

— Не могу, — сказал я. — В этом шаре находятся два толстых бруска золота.

Они недоверчиво переглянулись и посмотрели на меня с любопытством. Я подошел к шару, наклонился, влез внутрь, и вскоре у них в руках очутились ломы селенитов и сломанная золотая цепь… Если бы не усталость, я бы расхохотался, глядя на них. Они походили на котят около жука. Они не знали, что с этим делать. Маленький толстяк наклонился, поднял за конец один лом и со вздохом опустил. Все сделали то же самое.

— Это либо свинец, либо золото! — предположил один из них.

— Скорее золото! — сказал другой.

— Несомненно, золото, — подтвердил третий.

Все посмотрели на меня, а потом на судно, стоявшее на якоре.

— Несомненно! — воскликнул маленький человек. — Но где вы его достали?

Я был слишком утомлен, чтобы лгать.

— Я достал его на Луне.

Они переглянулись с изумлением.

— Послушайте! — сказал я. — Я не стану теперь

ничего доказывать. Помогите мне перетащить эти слитки в отель. С передышками двое из вас смогут перенести один лом, а я поволоку цепь. Когда я немного поем, я все расскажу.

— А как же быть с этой штукой?

— Она не испортится и здесь, — сказал я. — Ничего, черт побери! Пусть лежит тут. Когда начнется прилив, она поплывет.

Потрясенные молодые люди послушно подняли мои сокровища на плечи, и я, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах, повел всю процессию по направлению к видневшемуся вдали приморскому бульвару. На полпути на помощь подбежали две маленькие девочки с лопатами и худощавый, громко сопевший мальчик. Кажется, он вез велосипед и сопровождал нас справа на расстоянии двухсот ярдов или около того; вскоре это ему надоело, он сел на свой велосипед и покатил по гладкому песку по направлению к шару.

Я оглянулся ему вслед.

— Он не тронет шар, — сказал коренастый молодой человек, успокаивая меня, и я охотно дал себя успокоить.

Утро было хмурое, и сначала на душе тоже было пасмурно; но скоро солнце прорезало серые облака горизонта и залило блеском свинцовое море. Я

почувствовал себя бодрей. Вместе со светом солнца появилось сознание огромной важности всего, что я сделал и что мне еще предстоит сделать. Я громко рассмеялся, когда передовой зашатался под тяжестью моего золота. Вот изумится весь мир, когда я займу в нем подобающее место!

Если бы я не был так утомлен, то меня очень позабавил бы хозяин литлстоунского отеля: он стал метаться, не зная, как согласить золото и почтенных носильщиков с моей оборванной и грязной одеждой. Но в конце концов я очутился в настоящей земной ванной комнате с теплой водой для умывания, в новой одежде, правда, очень тесной, но, во всяком случае, чистой, одолженной мне маленьким толстяком. Он дал мне, кроме того, бритву, но я не решался коснуться своей густой и щетинистой бороды.

Я сел за английский завтрак и ел не торопясь, с аппетитом — хроническим многонедельным аппетитом. Затем я собрался отвечать на вопросы моих четырех молодых людей и рассказал им всю правду.

— Хорошо, — сказал я, — так как вы настаиваете, то я скажу вам, что добыл это золото на Луне.

— На Луне?

— Да, на Луне, там, в небесах.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что вы слышите, черт побери!

— Что вы только что вернулись с Луны?

— Вот именно! Через космическое пространство — в этом шаре.

При этих словах я сунул в рот добрый кусок яичницы.

И тут же решил при втором полете на Луну захватить с собой ящик яиц.

Я ясно видел, что они не верили ни одному моему слову, но, очевидно, считали меня чрезвычайно респектабельным лжецом. Они переглянулись, а потом уставились мне в рот. Они, видно, надеялись раскусить меня, глядя, как я солю яйца, и придавали особое значение тому, что я ем яйца с перцем. Золотые слитки странной формы, под тяжестью которых у них сгибались колени, гипнотизировали их. Они лежали предо мной, эти слитки, стоившие много тысяч фунтов, и их так же невозможно было украсть, как дом или участок земли. Когда я взглянул на полные ожидания лица, склонившиеся над моей чашкой кофе, я понял, сколько подробных объяснений я должен дать, чтобы мне поверили.

— Вы, конечно, не серьезно… — начал было самый молодой таким тоном, точно он обращался

к упрямому ребенку.

— Будьте любезны, передайте мне гренки, — перебил я и заставил его замолчать.

— Но послушайте! — подхватил другой. — Мы не можем поверить вам.

— Ну так что же! — сказал я, пожав плечами.

— Он не хочет рассказывать, — сказал младший в сторону и с подчеркнутой непринужденностью спросил: — Вы ничего не имеете против, если я закурю?

Я любезно кивнул головой и продолжал завтракать. Двое из них отошли от стола и стали у дальнего окна, тихо переговариваясь. Вдруг я вспомнил.

— Прилив кончается? — спросил я.

Наступила пауза. Они колебались, кому из них ответить на мой вопрос.

— Скоро отлив, — сказал толстяк.

— Ладно, — сказал я, — он не уплывет далеко.

Я начал третью порцию яичницы и обратился к ним с маленькой речью.

— Послушайте! — сказал я. — Прошу вас. Не воображайте, пожалуйста, что я сумасшедший и рассказываю вам всякие небылицы. Я принужден быть очень кратким и сдержанным. Я отлично понимаю, что это может показаться очень стран-

ным и невероятным. Могу вас уверить, что вы живете в замечательное время. Но я не могу пока объяснить вам все: это невозможно. Даю честное слово, что я явился с Луны, и это все, что я могу открыть вам… И все же я чрезвычайно обязан вам, чрезвычайно! Надеюсь, что мое обхождение не показалось вам оскорбительным.

— Нисколько! — сказал приветливо самый молодой. — Мы отлично понимаем…

И, глядя на меня в упор, он откинул назад свое кресло с такой силой, что оно чуть не опрокинулось.

— Вовсе нет, — подтвердил толстый молодой человек. — Пожалуйста, не подумайте!

Все встали, закурили, начали прогуливаться назад и вперед и всячески старались подчеркнуть свое дружелюбие, доверие и полное отсутствие назойливого любопытства.

— Я пойду все-таки посмотрю на судно, — сказал вполголоса один из них.

Если бы не любопытство, то они все ушли бы и оставили меня одного. Я продолжал спокойно есть яичницу.

— Погода замечательная, не правда ли? — заметил толстяк. — Не помню такого лета…

Его прервал оглушительный треск. Словно

взлетела огромная ракета!

Где-то зазвенело разбитое стекло.

— Что такое? — спросил я.

— Неужели?.. — вскрикнул толстячок и подбежал к угловому окну.

Все кинулись к окнам. Я один сидел и смотрел на них.

Потом вскочил, отшвырнул яичницу и тоже подбежал к окну.

Я начал догадываться.

— Ничего не видно! — воскликнул толстяк, бросаясь к двери.

— Это все тот мальчишка! — крикнул я хриплым от бешенства голосом. — Проклятый мальчишка!

Повернувшись, я оттолкнул официанта (он в этот момент нес мне какое-то новое блюдо), стремительно бросился из комнаты вниз и выскочил на эспланаду перед отелем.

Спокойное море покрылось зыбью, и на том месте, где раньше лежал шар, вода клокотала, как в кильватере судна. Вверху клубилось что-то вроде облачка дыма, и трое или четверо зевак на набережной с недоумением глядели вверх по направлению неожиданного взрыва. И больше ничего! Чистильщики сапог, швейцар и четверо

молодых людей в своих фланелевых костюмах выбежали вслед за мной. Из окон и дверей раздавались крики, и отовсюду, разинув рот, стали сбегаться встревоженные люди.

Я был слишком взволнован этим новым событием, чтобы обращать внимание на публику.

Сначала я был так ошеломлен, что даже не понял, что произошло непоправимое несчастье, — ошеломлен, как человек, оглушенный внезапным ударом. Только потом начинает он испытывать боль от раны…

Какое несчастье!

У меня было ощущение, точно меня обдали кипятком. Колени подкосились. Я понял весь ужас того, что случилось. Этот проклятый мальчишка улетел в небеса. А я навсегда остался здесь. Золото в столовой — единственное мое богатство на Земле. Сколько это будет денег? Какое огромное, непоправимое несчастье!..

— Ну… — раздался сзади голос маленького толстяка. — Ну уж знаете…

Вокруг собралось около двадцати или тридцати человек, самозваных судей, которые буквально осадили меня и бомбардировали нелепыми вопросами. Я вертелся волчком, но все смотрели на меня подозрительно. Я не мог выдержать их

презрительные взгляды.

— Не могу! — простонал я. — Говорю вам, что не могу. Я и сам не знаю! Думайте, что хотите, и черт с вами.

Я судорожно размахивал руками. Они отступили на шаг, как будто я угрожал им. Я стрелой промчался сквозь толпу, ворвался в столовую отеля и стал отчаянно звонить. Потом набросился на прибежавшего официанта.

— Послушайте, вы! — крикнул я. — Найдите помощника и немедленно перетащите эти брусья в мою комнату.

Он не понял меня, и я в бешенстве стал на него кричать. Тут появились какой-то перепуганный старичок в зеленом переднике и двое молодых людей в фланелевых костюмах. Я бросился к ним и заставил помочь мне. Как только золото перенесли в мою комнату, я почувствовал себя хозяином положения.

— А теперь убирайтесь вон! — крикнул я. — Вон, если не хотите видеть перед собой человека, сошедшего с ума!

Официант замешкался в дверях, я схватил его за плечи и вытолкал из комнаты. А затем запер дверь, сорвал с себя платье маленького толстяка, побросал его куда попало и кинулся на постель.

Долго я лежал, задыхаясь от злобы, дрожа от холода и проклиная все на свете.

Наконец я несколько успокоился, встал и позвонил пучеглазому коридорному. Когда он явился, я потребовал фланелевую ночную рубашку, сода-виски и хороших сигар. И несколько раз в нетерпении хватался за звонок, прежде чем мне подали то, что я просил. После этого я снова запер дверь на замок и стал обдумывать свое положение.

Итак, наш великий эксперимент закончился крахом. Мы потерпели поражение, и теперь я один остался в живых. Крушение было полное, произошло непоправимое несчастье. Мне ничего больше не оставалось, как спасаться самому, насколько это возможно при такой катастрофе. От одного удара вдребезги разлетелись все планы возвращения на Луну и восстановления секрета кейворита. Мое решение вернуться, наполнить шар золотом, произвести затем анализ кейворита и заново открыть великую тайну — а может быть, и отыскать тело Кейвора — было теперь неосуществимо.

Я один остался в живых, и это было все.

Отдых в постели чудесно помог мне в моем критическом положении — это была блестящая

мысль. В противном случае я либо повредился бы в уме, либо совершил какой-нибудь роковой, необдуманный поступок. Здесь же, в запертой комнате, наедине со своими мыслями я мог все обдумать и спокойно принять решение.

Мне было совершенно ясно, что случилось с мальчиком. Он, конечно, влез в шар, стал трогать кнопки, закрыл нечаянно кейворитные заслонки и улетел. Он, безусловно, не смог завинтить крышку люка, но если даже и сделал это, то за его возвращение был всего один шанс из тысячи. Очевидно, он вместе с тюками будет притянут к центру шара и останется там; тем самым он выйдет из сферы влияния земного мира, хотя, может быть, им заинтересуются обитатели какой-нибудь отдаленной части мирового пространства. В этом я был убежден. Что же касается моей ответственности в этом деле, то чем более я размышлял, тем яснее мне становилось, что, пока я буду молчать, мне нечего тревожиться. Если бы ко мне явились опечаленные родители с требованием возвратить им погибшего сына, я бы потребовал от них обратно мой шар или же с недоумением спросил, что они имеют в виду. Сначала мне все виделись плачущие родители, полицейские и прочие осложнения, но потом я

понял, что надо только держать язык за зубами — и ничего не будет. И действительно, чем дольше я лежал, курил и думал, тем очевиднее становилась для меня мудрость политики молчания и непроницаемости.

Каждый британский гражданин имеет право — если только он не причиняет никому вреда и ведет себя пристойно — появляться без предупреждения где ему угодно в рваном и грязном платье и иметь при себе любой запас золота в слитках. Никто не смеет препятствовать ему или брать под стражу. Я наконец сформулировал это самому себе и повторял эту формулу как какую-то личную великую хартию, обеспечивающую мою свободу.

Придя к такому заключению, я принялся в этом свете рассматривать обстоятельства, о которых раньше и думать не смел, а именно — свое прежнее банкротство.

Теперь, спокойно поразмыслив на досуге, я пришел к выводу, что если временно скрыться под чужим именем и сохранить отросшую за два месяца бороду, то вряд ли я рискую подвергнуться атаке назойливого кредитора, о котором я уже упоминал. А затем начнем действовать разумно и планомерно. Все это, без сомнения, не очень-то

красиво и даже мелко, но что мне оставалось делать?

Как бы то ни было, я решил действовать быстро и энергично и держать нос по ветру.

Я приказал принести письменные принадлежности и написал письмо в Нью-Ромнейский банк, самый ближайший, по указанию коридорного, в котором сообщал директору, что я хочу открыть у него текущий счет, и просил прислать двух доверенных лиц, снабженных соответствующими документами и каретой с хорошей лошадью, чтобы перевезти несколько сотен фунтов золота. Я подписал письмо фамилией Блейк, которая показалась мне весьма почтенной. Затем я достал фолькстонскую адресную книгу, выписал оттуда адрес портного и попросил его послать ко мне закройщика снять мерку на суконный костюм; затем заказал чемодан, несессер, желтые ботинки, рубашки, шляпы и так далее; от часового мастера я выписал себе часы. Отослав письма, я заказал самый лучший завтрак, какой только можно было получить в гостинице. После завтрака я закурил сигару, сохраняя полное хладнокровие и спокойствие, и мирно отдыхал, пока, согласно моему распоряжению, из банка не явились два клерка, которые взвесили и забрали

мое золото, после чего я, накрывшись одеялом с головой, улегся спать.

Улегся спать. Без сомнения, это слишком прозаическое занятие для первого человека, только что побывавшего на Луне, и, вероятно, молодой впечатлительный читатель найдет мое поведение предосудительным. Но я страшно устал и переволновался, и, черт побери, что мне оставалось делать? Все равно никто не поверил бы мне, если бы я вздумал рассказывать свою историю: это только привело бы к новым неприятностям. Я улегся спать. И, выспавшись, готов был смело встретить любые невзгоды, как делал всегда, с юных лет. Я отправился в Италию и здесь пишу эту историю. Если свет откажется поверить в ее правдивость, пусть считает, что это вымысел. Что мне за дело!

А теперь, когда я рассказал вам все, я спрашиваю себя: неужели наше приключение окончено и навсегда забыто? Все думают, что Кейвор был неудачливый и не весьма блестящий изобретатель, который во время своих опытов в Лимпне взорвал дом и себя самого; удар же от моего спуска в Литлстоуне считают результатом опытов со взрывчатыми веществами в одном правительственном учреждении в Лидде, в двух милях от

курорта. Должен сознаться, что я не признал своего участия в исчезновении мастера Томми Симонса — так звался мальчишка. Это могло поставить меня в затруднительное положение. Мое появление на набережной Литлстоуна в изодранном костюме, с двумя брусками несомненного золота объясняют по-разному, но меня это мало интересует. Говорят, что я нарочно все так запутал, чтобы избежать расспросов о том, откуда я добыл золото. Хотел бы я видеть человека, который способен был бы изобрести рассказ более связный, чем мой. Они принимают это за вымысел — ну и пусть!

Я рассказал свою историю и думаю, что мне пора вернуться к земным делам. Даже тому, кто побывал на Луне, все же нужно добывать средства к существованию. Поэтому-то здесь, в Амальфи, я снова взялся за сценарий той самой драмы, которую писал до моей встречи с Кейвором, и пытаюсь ввести свою жизнь в прежнее русло. Должен признаться, что, когда в комнату падает лунный свет, мне трудно сосредоточиться на моей пьесе. Сейчас полнолуние, и прошлой ночью я долго стоял на балконе и глядел на сияющую бездну, в которой скрыто столько тайн. Представьте только! Столы и стулья, рамы и

брусья из чистого золота! Черт побери! Если бы только снова наткнуться на этот кейворит! Но такое не случается в жизни дважды. Здесь мне живется немного лучше, чем в Лимпне, — только и всего. А Кейвор совершил самоубийство таким утонченным способом, к какому не прибегал еще ни один человек. Так кончается эта история, похожая на сон. Она плохо вяжется с нашей жизнью, с обычными представлениями — взять хотя бы эти прыжки, еду, дыхание, невесомость, — и действительно бывают минуты, когда, несмотря на золото с Луны, я готов поверить, что все это было только сном…

Глава XXII
Невероятное сообщение мистера Юлиуса Вендиджи

Когда я кончил свой рассказ о возвращении на Землю, в Литлстоуне, я написал: «Конец», подвел черту и отложил перо, вполне уверенный, что вся история о первых людях на Луне закончена. На этом я не остановился, но передал свою рукопись в руки литературного агента, позволил ему продать ее, видел, как большая часть ее появилась в «Стрэнд мэгэзин», и сел за работу над начатой в Лимпне пьесой, как вдруг оказалось, что это еще не конец. Следуя за мной из Амальфи в Алжир, меня догнало (с тех пор прошло уже почти шесть месяцев) одно из самых невероятных сообщений, какие я когда-либо получал. Меня известили, что мистер Юлиус Вендиджи, голландский электрик, который в надежде открыть способ сообщения с Марсом производил опыты при помощи аппарата, вроде употребляемого мистером Тесла в Америке, день за днем получал странные отрывочные послания на английском языке, бесспорно, исходившие от мистера Кей-

вора на Луне.

Сначала я принял это за шутку какого-нибудь досужего читателя моей рукописи. Я написал мистеру Вендиджи в шутливом тоне, но он ответил так, что все мои подозрения рассеялись, и я, взволнованный, поспешил из Алжира в маленькую обсерваторию в Сен-Готарде, где он работал. После его рассказа и его опытов и в особенности после того, как он при мне получил послание мистера Кейвора, я уже не сомневался более. Я сразу решил принять его предложение остаться при обсерватории, чтобы помочь ему в приеме ежедневных сообщений с Луны и постараться вместе с ним послать наш ответ на Луну. Оказалось, Кейвор был не только жив, но и находился на свободе в поразительном государстве этих людей-муравьев, в голубоватом сумраке лунных пещер. Он стал немного прихрамывать, но, в общем, был совершенно здоров, более здоров, по его словам, чем раньше, на Земле. Он перенес лихорадку, но она не оставила никаких последствий. Любопытно, что он был убежден, что я либо замерз в лунном кратере, либо погиб в межпланетном пространстве.

Мистер Вендиджи стал получать сигналы Кейвора в то время, когда был занят совершенно

другими исследованиями. Читатель, конечно, помнит, какой интерес в начале нового столетия вызвало заявление мистера Николы Тесла, знаменитого американского электрика, о том, что он получил послание с Марса. Его заявление обратило внимание на давно известный всему ученому миру факт, что из какого-то неизвестного источника в мировом пространстве до Земли постоянно доходят электромагнитные волны, подобные волнам, употребляемым синьором Маркони в беспроволочном телеграфе. Кроме мистера Тесла, значительное число других изобретателей занялось усовершенствованием аппарата для приема и записи этих колебаний, хотя очень немногие зашли так далеко, чтобы признать их сигналами, идущими от передатчика, находящегося вне Земли. Однако к этим немногим мы должны причислить и мистера Вендиджи. С 1898 года он почти всецело посвятил себя этому предмету и, располагая большими средствами, построил на склонах Монте-Розы обсерваторию, приспособленную во всех отношениях для таких наблюдений.

Должен признаться, мои научные познания невелики, но, насколько они дают мне право судить, придуманные мистером Вендиджи способы

приема и передачи электромагнитных возмущений в мировом пространстве очень оригинальны и остроумны. Благодаря счастливому стечению обстоятельств аппарат этот был пущен в ход месяца за два до того, как Кейвор сделал первую попытку связаться с Землей. Таким образом, мы с самого начала получили целый ряд его сообщений. К несчастью, однако, это только обрывки, а самые важные открытия, которые он мог бы сообщить человечеству, — инструкции относительно изготовления кейворита, если только он сообщил об этом, — пропали в мировом пространстве. Нам так и не удалось ответить Кейвору. Поэтому он не знает, что мы приняли из его сообщений, не знает вообще, что нам известно о его усилиях войти в сношения с Землей. А его настойчивость — он отправил восемнадцать подробных описаний лунной жизни, но, к сожалению, мы их целиком не получили — свидетельствует, что он не утратил интереса к родной планете и после двухгодичного пребывания на Луне.

Можете представить, как удивился мистер Вендиджи, когда его приемный аппарат для электромагнитных волн отметил английскую речь Кейвора. Мистер Вендиджи ничего не знал о нашем безумном путешествии на Луну — и вдруг

сообщение на английском языке из межпланетного пространства!

Читатель хорошо поймет, при каких условиях отправлялись эти послания. Где-нибудь на Луне Кейвору удалось, очевидно, получить доступ к электрической аппаратуре, и он секретно установил передатчик типа Маркони. Он имел возможность использовать свой прибор через неравные промежутки времени, иногда в течение получаса или около того, иногда же в течение трех или четырех часов в один прием. Он передавал свои послания на Землю, не принимая во внимание тот факт, что относительное положение Луны и земной поверхности постоянно изменяется. Вследствие этого обстоятельства, а также несовершенства наших приемников сообщения получались очень отрывочными, иногда вовсе неразборчивыми; они неожиданно затухали, и мы с досадой часто тщетно ломали над ними голову. К тому же Кейвор не был специалистом в этом деле: то ли он позабыл, то ли не знал общеупотребительного кода и поэтому, в особенности когда утомлялся, путал слова и ошибался самым курьезным образом.

В общем, мы, по всей вероятности, потеряли добрую половину его сообщений, а многие дошли

до нас в отрывочном, искаженном виде. Поэтому в кратком рассказе, который следует за этой главой, читатель встретит пробелы и недомолвки. Мы с мистером Вендиджи работаем сейчас над полным комментированным изданием отчета Кейвора, который надеемся опубликовать вместе с подробным описанием аппаратуры; первый том издания выйдет в январе следующего года. Это будет полный научный отчет, настоящий же мой рассказ — только популярное изложение. Но в этом изложении дается необходимое дополнение к рассказанной мной истории и в общих чертах изображается устройство другого мира, столь близкого и родственного нам и, однако, столь не похожего на нашу Землю.

Глава XXIII
Краткий обзор шести первых сообщений мистера Кейвора

Первые два сообщения мистера Кейвора лучше оставить для большего тома. В них просто излагаются очень кратко, с некоторыми спорными второстепенными подробностями факты постройки шара и нашего отлета с Земли. Кейвор всюду говорит обо мне как об умершем, но характер рассказа меняется, как только речь заходит о нашем прибытии на Луну. Он называет меня «бедным Бедфордом», «этим бедным молодым человеком» и порицает себя за то, что привлек к делу молодого человека, совсем не приспособленного к такому путешествию, и побудил его покинуть планету, «где его, несомненно, ожидал успех», ради такого рискованного предприятия. На мой взгляд, он недооценивает ту роль, которую благодаря своей энергии и практическим способностям я сыграл в реализации идеи его шара. «Мы прибыли», — говорит он, не вдаваясь в описание нашего перелета через межпланетное пространство, точно речь идет о самом обычном

путешествии по железной дороге.

А затем он становится очень пристрастен ко мне, даже несправедлив. Настолько несправедлив, что этого я просто не ожидал от человека, которого учили доискиваться истины. Перелистывая мои собственные записки о наших приключениях, я убедился, что проявил большую беспристрастность к Кейвору. Я ничего не скрывал и редко что-либо подчеркивал.

А вот что сообщил Кейвор:

«Вскоре обнаружилось, что чрезвычайная странность окружающей обстановки и явлений: большое уменьшение веса, насыщенность воздуха кислородом и его разреженность, происходивший от этого огромный эффект наших мускульных усилий, быстрое и волшебное развитие растительности из незаметных зародышей, темный цвет неба — весьма нервировала моего спутника. На Луне его характер испортился. Он стал импульсивным, вспыльчивым и строптивым. Скоро он объелся гигантскими пузырчатыми растениями, и последовавшее за этим опьянение привело к тому, что мы попали в плен к селенитам, не успев ознакомиться с их жизнью…» (Как вы видите, он ничего не говорит о том, что сам тоже объелся этими «пузырчатыми

растениями».)

Дальше он рассказывает, что «между нами и селенитами произошло столкновение и Бедфорд, не поняв некоторых их жестов, — вот так жесты! — в панике прибегнул к насилию. Он с бешенством набросился на них и убил троих; после этого мне пришлось бежать вместе с ним. В результате мы выдержали сражение с большой толпой селенитов, пытавшихся преградить нам путь, и при этом убили еще семерых или восьмерых. О терпимости этих существ более чем достаточно свидетельствует тот факт, что они не убили меня, взяв вторично в плен. Мы пробились на поверхность Луны и разошлись в разные стороны в том же кратере, где высадились, чтобы скорее найти шар. Но тут я наткнулся на отряд селенитов, предводительствуемый двумя; по внешности они совершенно не походили на тех, которых мы видели до сих пор; у них были большие головы и маленькие тела, и одеты они были более тщательно, чем остальные. В течение некоторого времени мне удавалось избегать встречи с ними, потом я упал в расщелину, разбил голову, повредил коленную чашку и, почувствовав, что я не могу ползти, решил, если возможно, сдаться. Они, заметив мое беспомощное положение, потащили

меня с собой внутрь Луны. О Бедфорде я ничего больше не слышал и никаких следов его не обнаружил; кажется, не видели его и селениты. Одно из двух: либо его застигла ночь в кратере, либо — что более вероятно — он нашел шар и, желая опередить меня, улетел в нем. Боюсь, что, не умея управлять шаром, он погиб медленной смертью в межпланетном пространстве».

Больше Кейвор обо мне не упоминает и переходит к более интересным темам. Мне не хотелось бы, чтобы подумали, будто я пользуюсь своим положением издателя для того, чтобы выставить себя в благоприятном свете, но я не могу не протестовать против неправильного освещения событий Кейвором. Он ничего не говорит о своем отчаянном послании на запачканной кровью бумаге, в котором сообщал совершенно другую историю. Добровольная сдача — это совершенно новая версия, которая, несомненно, пришла ему в голову потом, когда он почувствовал себя в безопасности среди лунных обитателей. Что же касается моего намерения «опередить» его, то я предоставляю читателю решить вопрос, кто из нас прав. Я знаю, что я не идеальный человек, и не претендую на это. Но разве я таков, каким он меня изобразил?

Таковы мои возражения. Дальше я могу излагать сообщения Кейвора без всяких комментариев, так как он нигде больше не упоминает обо мне.

По-видимому, настигнувшие его селениты утащили его в глубь «большой шахты» при помощи приспособления, которое он называет «разновидностью воздушного шара». По его чрезвычайно путаному рассказу и многим случайным намекам и указаниям в последующих сообщениях можно догадаться, что «большая шахта» является частью колоссальной системы искусственных шахт, которые, начинаясь с так называемых лунных «кратеров», спускаются на глубину ста миль и более по направлению к центру Луны. Эти шахты сообщаются посредством поперечных тоннелей. Они разветвляются, образуя глубокие впадины, и расширяются в большие шарообразные пещеры. На сотни миль вглубь Луна похожа на скалистую губку. Такое губчатое строение естественно, говорит Кейвор, но в значительной степени это результат работы поколений селенитов. Огромные круглые насыпи из обломков породы образуют вокруг тоннелей большие кольца; их-то и принимают за вулканы земные астрономы, введенные в заблуждение ложной

аналогией.

В такую шахту селениты спустили Кейвора при помощи своего «воздушного шара», и он погрузился сначала в чернильный мрак, а затем в полосу все усиливающегося свечения. Послания Кейвора свидетельствуют о том, что для ученого он был удивительно невнимателен к подробностям, но мы догадываемся, что этот свет обязан своим происхождением потокам и каскадам воды, «без сомнения, содержащей в себе фосфоресцирующие организмы». Вода стекала к Центральному Морю. Когда же спустились вниз, то, как говорит он, «селениты также начали светиться»... И, наконец, далеко внизу он увидел нечто вроде озера из холодного огня — воды Центрального Моря, сиявшего и клокотавшего, «подобно закипающему светящемуся голубому молоку».

«Это лунное море, — говорит Кейвор в одном из последних сообщений, — не находится в покое: солнечное притяжение непрерывным потоком гонит его вокруг лунной оси; над ним проносятся странные бури, и тогда воды его кипят и бурлят, а по временам веют холодные ветры и слышны раскаты грома, которые отдаются вверху, в тоннелях огромного муравейника. Только тогда, когда

вода находится в движении, она излучает свет, в редкие же периоды покоя вода темная. Если смотреть на море, то его воды подымаются и падают маслянистой зыбью и на гребнях тяжелых, слабо светящихся волн качаются хлопья и большие полосы сияющей пузырчатой пены. Селениты плавают по пещерным тоннелям и лагунам на маленьких плоскодонных лодках, похожих на выдолбленные челноки; и еще до путешествия к галереям вокруг обиталища Великого Лунария, Властителя Луны, мне позволено было совершить небольшую экскурсию по водам моря.

Пещеры и галереи очень извилисты. Значительная часть этих путей известна только опытным морякам среди рыбаков, и нередко селениты теряют дорогу в лабиринтах и погибают. Там водятся, как мне рассказывали, странные существа, хищные и опасные твари, которых не в силах была уничтожить наука Луны. Особенно страшна рафа, спутанная масса хватательных щупалец, — они вновь отрастают и множатся при отсечении, — а также тзи — колючее животное; его невозможно увидеть: так тихо и внезапно оно нападает…» Кейвор дает и кое-какие описания:

«Эта экскурсия напомнила мне о Мамонтовых пещерах, о которых я читал когда-то; если бы

у меня был желтый факел, а не голубой свет и вместо надежного лодочника с веслом на корме у машины не стоял бы селенит с лицом каракатицы, я мог подумать, что внезапно вернулся на Землю. Окружавшие нас скалы были очень разнообразны: порой черные, порой бледно-голубые, они были изрезаны прожилками, а однажды заблестели и засверкали так, будто мы вошли в сапфировый грот. Бледные фосфоресцирующие рыбы поблескивали и исчезали в такой же светящейся глубине. Затем показалась длинная ультрамариновая аллея, идущая вдоль одного из внутренних каналов, и пристань. Иногда мелькала гигантская, кишащая селенитами шахта какого-нибудь вертикального ствола.

В одной обширной пещере, изобиловавшей сверкавшими сталактитами, множество людей было занято рыбной ловлей. Мы проплыли мимо одной лодки и видели длинноруких рыбаков-селенитов, вытягивавших сети. Это были низкорослые, горбатые насекомые с очень сильными руками, короткими кривыми ногами и морщинистыми масками вместо лиц. Когда я глядел, как они тянули сеть, она показалась мне самым тяжелым предметом на Луне. К ней привязаны были грузила — без сомнения, из

золота, — и вытягивали ее очень долго, так как в этих водах прячутся в глубине самые крупные съедобные рыбы. Рыба в сетях блестела голубым полумесяцем, голубой светящейся струей.

Среди добычи попалось какое-то хищное верткое черное животное, с многочисленными щупальцами и злыми глазами; появление его вызвало страшный визг и писк. Селениты торопливо разрубили его на части своими маленькими топориками, но отрубленные щупальца продолжали омерзительно извиваться и прыгать. Впоследствии в лихорадке я все бредил этим яростным чудовищем, с такой силой и стремительностью вырвавшимся из глубин неведомого моря. Это было самое деятельное и злое из всех живых существ, которых мне пришлось встретить внутри Луны…

Поверхность этого моря была миль на двести ниже поверхности Луны. Все города Луны расположены, как я узнал, над этим Центральным Морем в пещерах и искусственных галереях и сообщаются с внешним миром гигантскими вертикальными шахтами, выходы которых образуют «кратеры», как их называют земные астрономы. Крышку, покрывающую подобное отверстие, я видел во время скитаний по поверхности Луны

еще до моего плена.

О других частях Луны я до сих пор знаю мало. Там имеется колоссальная система пещер, где в течение ночи находят убежище лунные стада; там же расположены бойни и тому подобное. В одной из этих пещер мы с Бедфордом выдержали сражение с селенитами-мясниками; и мне не раз потом приходилось видеть нагруженные мясом воздушные шары, спускавшиеся из мрака. Но обо всем этом я до сих пор знаю не больше, чем очутившийся в Лондоне зулус — о британских запасах хлеба. Однако ясно, что эти вертикальные шахты и растительность на лунной поверхности должны играть существенную роль в вентилировании и обновлении лунной атмосферы. Однажды после моего освобождения в шахте сверху вниз начал дуть холодный ветер, затем такой же ветер, но только теплый, вроде сирокко, подул снизу вверх и, очевидно, вызвал у меня лихорадку. Ибо недели через три я заболел какой-то лихорадкой, и, несмотря на сон и хинные таблетки, которые я, к счастью, захватил с собой, болезнь тянулась долго, и меня бил озноб почти до того времени, когда меня повезли к Великому Лунарию, Властителю Луны.

Не стану распространяться о моем горестном

положении в дни болезни», — прибавляет он. И тут же подробно сообщает разные мелочи, которые я опускаю. «В течение долгого времени, — говорит он в заключение, — у меня была чрезвычайно высокая температура и полная потеря аппетита. Длинные промежутки бодрствования сменялись сном с мучительными кошмарами. Однажды я так ослаб и так тосковал по Земле, что был просто в истерике. Я жаждал ярких красок, чтобы забыть проклятый вездесущий голубой свет…»

Затем он снова рассказывает о лунной атмосфере. Астрономы и физики говорили мне, что сообщения Кейвора точно соответствуют тому, что нам известно о Луне. «Если бы у земных астрономов хватило мужества и воображения сделать смелый вывод, — говорил мистер Вендиджи, — то они предсказали бы почти все, что узнал Кейвор о структуре Луны. Почти наверняка известно, что Луна скорее сестра, чем спутник Земли, и состоит, в сущности, из той же материи. И так как плотность Луны составляет лишь три пятых плотности Земли, то вполне вероятно, что Луна изрыта сложной системой ходов». «Не было никакой необходимости, — сказал также сэр Джебес Флэп, наиболее талантливый по-

пуляризатор звездных миров, — отправляться на Луну для того, чтобы открыть то, что давно всем известно». Кейвор шутливо намекает на грюйерский сыр, но, конечно, ему следовало бы раньше объявить, что Луна — полое тело. И если Луна полая, то в таком случае кажущееся отсутствие воздуха и воды легко объяснимо. Море расположено внутри, на дне кратеров, а воздух просачивается сквозь огромную губку галерей согласно простым физическим законам. В кратерах большая тяга. Солнце, обходя Луну, нагревает воздух во внешних галереях, его давление увеличивается, некоторая часть воздуха вытекает наружу и смешивается с испаряющимся воздухом кратеров (причем растения удаляют из него углекислоту); между тем как большая часть воздуха просачивается внутрь галерей, заменяя воздух, замерзающий на охладившейся части. Поэтому на Луне существует постоянное воздушное течение с запада на восток в наружных галереях и течение снизу вверх в шахтах во время лунного дня, чрезвычайно усложненное, конечно, неодинаковыми формами галерей и остроумными изобретениями селенитов…

Глава XXIV
Естественная история селенитов

Послания Кейвора, начиная с шестого и кончая шестнадцатым, большей частью так отрывисты и так переполнены повторениями, что из них трудно составить последовательный рассказ. Конечно, они будут целиком даны в научном отчете, а здесь можно ограничиться извлечениями и ссылками так же, как и в предыдущей главе. Мы подвергли каждое слово самой строгой критике, и мои собственные краткие воспоминания и впечатления помогли разобраться в том, что в противном случае осталось бы совершенно непонятным. Естественно, что нас, людей, интересовало больше странное общество лунных насекомых, среди которых жил, хотя бы и в качестве почетного гостя, человек, чем физические условия их мира.

Я уже, кажется, говорил, что селениты, которых я видел, похожи были на человека положением тела и четырьмя конечностями, но строение головы и этих конечностей напоминало насекомых. Я, кроме того, упомянул, что вследствие сравни-

тельно небольшой силы тяготения на Луне тела их хрупки и мягки. Все это подтверждает и Кейвор. Он называет их «животными», хотя, конечно, они не подходят ни под одно подразделение в классификации земных существ, и указывает, что «насекомые на Земле, к счастью для человека, никогда не бывают большими». Самые крупные земные насекомые, живые или вымершие, не достигают и шести дюймов в длину, «но здесь, на Луне, при меньшей силе тяготения существа, средние между насекомыми и позвоночными, могли, по-видимому, достигнуть человеческих и сверхчеловеческих размеров».

Кейвор не упоминает о муравьях, но при всех его описаниях я все время вижу перед собой муравья, неутомимо деятельного, одаренного умственными способностями и социальными инстинктами; кроме двух полов, мужского и женского, как почти у всех других существ, у муравьев есть бесполые — рабочие, солдаты, отличающиеся друг от друга структурой, сложением, силой и назначением, и тем не менее все это представители одного и того же вида. Селениты также отличаются большим разнообразием форм. Конечно, они не только значительно превосходят муравьев ростом, но даже, по мнению Кейвора,

по своему уму, нравственности и социальной мудрости стоят гораздо выше людей. У муравьев четыре или пять разных форм, у селенитов же их очень много. Я говорил уже об этом. Селениты, которых я видел, сильно отличались друг от друга; но различия у них в росте и пропорциях тела были не больше, чем среди человеческих рас. Однако то, что наблюдал я, не идет ни в какое сравнение с тем множеством форм и разновидностей, о которых говорит Кейвор. По-видимому, селениты далеких окраин, те, кого я видел, почти одних профессий — это пастухи, мясники и так далее. Но внутри Луны, чего я тогда не знал, есть другой тип селенитов, отличающийся от первых ростом, соотношением частей тела, силой и наружностью; тем не менее они все принадлежат к одному виду и, несмотря на различия, сходны по родовым признакам. Луна является как бы огромным муравейником, но вместо четырех или пяти типов муравьев там имеется несколько сотен разновидностей селенитов с промежуточными, переходными формами.

Кажется, Кейвор заметил это очень скоро. Из его рассказов я заключаю, что он был пойман пастухами лунных стад по приказу других селенитов, тех, у которых «более широкие головы и

более короткие ноги». Поняв, что он откажется последовать за ними даже под копьями, они перенесли его по узкому, как доска, мостику, вроде того, на который я отказался ступить, и спустили его вниз, в область мрака, на чем-то, что сначала показалось ему похожим на лифт. Но это оказался воздушный шар, который, конечно, был невидим в темноте. Очевидно, то, что я принял за перекидной мостик в пустоту, в действительности было переходом к шару. Кейвор спустился вниз, в более освещенные пещеры. Сначала спускались в тишине, если не считать писка селенитов, а потом среди гама и гула.

Освоившись с чернильной темнотой, Кейвор стал понемногу различать окружающие предметы.

«Представьте себе огромное цилиндрическое пространство, — говорит Кейвор в своем седьмом послании, — с четверть мили в диаметре, сначала очень тускло освещенное, а потом все ярче и ярче; по обеим сторонам спиралью уходили вниз, в голубую, светящуюся пустоту, две большие платформы. Представьте себе колодец с самой огромной винтовой лестницей или самую глубокую шахту лифта, в которую вам когда-либо приходилось заглянуть, и все это увеличенное

в сто раз, рассматриваемое в сумерках сквозь голубое стекло. Представьте себе, что вы смотрите вниз, чувствуете необычайную легкость в теле и не испытываете головокружения, как на Земле, — и вы поймете мое первое впечатление. Вообразите вокруг шахты широкую спиральную галерею, такую крутую, что подъем по ней на Земле был бы невозможен, с низенькими перилами на краю бездны, исчезающими где-то вдали, на расстоянии нескольких миль от начала.

Когда я взглянул вверх, то увидел почти то же самое, точно я глядел в высокий конус. Сверху в шахту дул ветер. С поверхности Луны все слабее и слабее доносилось мычание лунных коров, которых загоняли с их дневных пастбищ. А вверху и внизу по винтовым галереям рассеяны были многочисленные лунные обитатели — бледные, светящиеся существа; одни разглядывали нас, другие были заняты какими-то делами.

Либо мне пригрезилось, либо на самом деле вместе с ледяным ветром упала снежинка. А затем, подобно такой же снежинке, промелькнула к центральным частям Луны какая-то фигурка — маленькое человекообразное насекомое на парашюте.

Сидевший возле меня большеголовый селе-

нит, видя, что я двигаю головой, точно вижу что-то, протянул вперед свою руку-клешню и указал на видневшийся далеко внизу выступ — небольшую площадку, висевшую в пустоте. Она скользила вверх к нам, скорость спуска быстро уменьшилась, через несколько мгновений мы поравнялись с ней и остановились. Брошенный с шара канат был подхвачен и закреплен, и я очутился внизу, на площадке, среди большой толпы селенитов, проталкивавшихся вперед, чтобы увидеть меня.

Это была неописуемая толпа. Я поразился, как разнообразны типы обитателей Луны!

Казалось, что в этой суетящейся толпе нельзя найти двух сходных меж собой существ. Они различались по форме, по размерам и представляли самые устрашающие вариации общего типа селенитов. Некоторые были как громадные пузыри, другие сновали под ногами у своих братьев. Все они казались каким-то гротеском, уродливой карикатурой на людей. У каждого что-нибудь было гипертрофировано до уродства: у одного — большая передняя конечность, похожая на огромную муравьиную лапу; у другого ноги, точно ходули; у третьего — вытянутый хоботом нос, что делало его до отвращения похожим на

человека, если бы не зияющая дыра на месте рта. Форма головы пастухов лунных стад, насекомоподобная (хотя без челюстей и усиков), тоже была очень различна: то широкая и низкая, то узкая и высокая, то на кожистом лбу выдавались рога или другие странные придатки, то раздвоенная, с какими-то бакенбардами, с человеческим профилем. В особенности бросалось в глаза уродливое строение черепов. У некоторых черепа были огромные, напоминающие волдыри, с крошечным подобием лица. Попадались изумительные экземпляры с микроскопическими головками и пузырчатыми телами; фантастические комки студенистой массы, из которой тянулись трубообразные расширяющиеся отростки, похожие на шеи без головы. Мне показалось очень странным, что двое или трое из этих фантастических обитателей подземного мира — мира, защищенного огромными горными пластами от действия солнца или дождя, держали в своих щупальцах-руках зонтики — настоящие, почти земные зонтики. Потом я вспомнил парашютиста, которого видел в шахте».

«Эти лунные жители вели себя так же, как человеческая толпа: они толкались и лезли вперед, даже карабкались друг на друга, чтобы взглянуть

на меня. С каждой минутой число их увеличивалось, и они все энергичней напирали на диски моих стражей (Кейвор не объясняет, что он подразумевает под словом «диски»); новые и новые чудовищные призраки то и дело выплывали из мрака. Вскоре меня посадили на носилки, и сильные носильщики на плечах понесли меня в полумраке сквозь толпу, к отведенным мне на Луне апартаментам. Вокруг мелькали глаза, лица, маски, слышалось шуршание кожи, похожее на шелест крыльев жука, блеяние и напоминавшее треск кузнечиков щебетание селенитов...»

По-видимому, Кейвора заперли «в шестиугольной пещере», где он оставался в течение некоторого времени. Впоследствии ему предоставили большую свободу — почти такую же, какой пользуются люди в цивилизованном городе на Земле. Наверное, таинственный правитель и властелин Луны назначил двух селенитов «с широкими головами» для того, чтобы охранять и изучать Кейвора и попытаться заговорить с ним. Невероятно, но эти фантастические насекомые, эти существа другого мира вскоре стали сообщаться с Кейвором при помощи человеческой речи.

Кейвор называет их именами Фи-у и Тзи-пафф. Фи-у был около пяти футов ростом, с маленьки-

ми, тонкими ножками в восемнадцать дюймов длиной и небольшими ступнями, как у всех селенитов. На этих ножках покоилось маленькое тело, трепетавшее при каждом ударе сердца. У него были длинные, мягкие, многосуставные руки, со щупальцами на концах, а шея состояла, как и у всех селенитов, из нескольких суставов, но была очень короткая и толстая.

«Его голова, — говорит Кейвор, очевидно, намекая на какое-то предыдущее описание, не дошедшее до нас, затерявшееся в космосе, — обычного лунного типа, но странно видоизмененная. Зияющий рот необыкновенно мал и расположен чрезвычайно низко, лицевая маска состоит почти из одного широкого плоского носа-пятачка. С каждой стороны по маленькому глазу.

Голова в целом представляет собой огромный шар, но вместо шероховатого кожистого покрова, как у пастухов лунных стад, на голове его тонкая мембрана, через которую можно наблюдать все движения пульсирующего мозга. Это — существо с уродливо гипертрофированным мозгом на теле карлика».

В другом месте Кейвор находит, что сзади Фи-у напоминает Атланта, поддерживающего мир.

Тзи-пафф, по-видимому, очень походил на Фи-у,

но у него было длинное «лицо», а гипертрофированный мозг придал голове не круглую, а грушеобразную форму, узким концом вниз. К услугам Кейвора были и носильщики — кривобокие существа с огромными плечами, паукообразные привратники и скрюченный прислужник.

Метод, которым Фи-у и Тзи-пафф приступили к разрешению проблемы языка, был очень прост. Они вошли в «шестиугольную клетку» к Кейвору и начали подражать каждому его звуку, даже кашлю. Он, по-видимому, очень быстро понял, чего они хотят, и начал повторять слова, называя предметы и указывая на них рукой. Вероятно, процедура была довольно однообразна. Фи-у слушал, а потом, в свою очередь, указывал на предмет и повторял слышанное слово.

Первое слово, которым он овладел, было слово «мен» — человек, второе «муни» — лунянин, которое Кейвор употребил вместо слова «селенит» для обозначения лунной расы. Уловив нужное слово, Фи-у повторял его Тзи-пафф, который запоминал без ошибки. В первый же урок они заучили сотню английских имен существительных.

Затем они, по-видимому, привели с собой художника, и тот помогал им рисунками и диаграммами, ибо рисунки Кейвора казались весьма

несовершенными. «Это было, — говорит Кейвор, — существо с очень подвижной рукой и строгим взглядом, и рисовал он с невероятной быстротой».

Из одиннадцатого сообщения мы явно уловили только отрывок. После нескольких обрывков фраз, разобрать которые не представлялось возможным, шло следующее:

«Но подробное изложение наших бесед заинтересовало бы только лингвистов и заняло бы слишком много времени. Кроме того, мне наверняка не удалось бы описать все те способы и ухищрения, к которым мы прибегали, чтобы понять друг друга. Вскоре мы перешли к глаголам — по крайней мере к тем, которые я мог выразить рисунками; некоторые прилагательные тоже оказались легкими для понимания, но зато когда мы дошли до абстрактных имен существительных, предлогов и тех обычных оборотов речи, при помощи которых столь многое выражается на Земле, я почувствовал себя так, точно пытался нырять в пробковом костюме. Эти трудности казались непреодолимыми, пока наконец на шестой урок не явился четвертый помощник — существо с огромной, похожей на футбольный мяч головой, мозг которого явно был приспособ-

лен распутывать сложные аналогии. Он вошел с видом рассеянного человека и споткнулся о стул. В случае затруднения Фи-у и Тзи-пафф прибегали к самым странным приемам, чтобы привлечь внимание этого эксперта: они кричали, били его, кололи, пока наконец вопрос не доходил до его сознания. Но зато потом он соображал удивительно быстро. Когда являлась необходимость в мышлении, превосходящем недюжинный разум Фи-у, селениты прибегали к помощи своего длинноголового собрата, а тот неизменно передавал свое заключение Тзи-пафф с тем, чтобы последний сохранил его в своей памяти, которая казалась необъятным складом всяческих фактов. Так мы подвигались вперед.

Мне казалось, что прошло много времени, на самом же деле всего несколько дней, пока я начал объясняться с этими лунными насекомыми. Конечно, вначале это было невероятно скучное и надоедливое собеседование, но мало-помалу мы стали понимать друг друга. Я научился быть терпеливым. Беседу всегда ведет Фи-у. В разговоре он часто издает звук вроде «гм-гм» и пересыпает свою речь фразами вроде «так сказать» и «разумеется».

Вот вам образчик его беседы. Представьте, что

он характеризует четвертого помощника — художника:

— Гм-гм! Он, так сказать, рисовать. Пить мало, есть мало — рисовать. Любить рисовать. Больше ничего. Ненавидеть всех, кто не рисовать. Сердиться. Ненавидеть всех, кто рисовать лучше. Ненавидеть всех. Ненавидеть тех, кто не думать, весь мир для рисовать… Сердиться. Гм. Все ничего не значит… только рисовать… Ты нравится ему, разумеется. Новая вещь рисовать. Урод — странно. Да?

— Он, — в сторону Тзи-пафф, — любить запоминать слова. Запоминать очень больше других. Думать нет, рисовать нет, — запоминать. Сказать… (Тут он обратился к помощи своего талантливого помощника, не находя нужного слова.) Истории, все. Раз слышать — всегда сказать.

Все это превосходило мои самые дерзкие мечты: слышать, как в ночном мраке необычайные существа — к их нечеловеческому образу невозможно привыкнуть даже при постоянном общении с ними — беспрестанно насвистывают какое-то подобие человеческой речи, задают мне вопросы, отвечают. Я точно попадаю в свое далекое детство, в басню, где муравей и кузнечик разговаривают между собой, а пчела их судит».

По мере успеха этих лингвистических упражнений положение Кейвора, видимо, улучшилось.

«Первые страхи и недоверие, вызванные нашей злосчастной дракой, — рассказывает он, — постепенно проходят, они стали считать меня разумным существом… Теперь я могу уходить и приходить, когда мне угодно, меня ограничивают, лишь желая мне добра. Таким образом, мне удалось получить доступ к этому аппарату, а потом благодаря одной счастливой находке в колоссальной пещере-складе послать на Землю свои сообщения. До сих пор не было сделано ни малейшей попытки помешать мне в этом, хотя я сказал Фи-у, что сигнализирую Земле.

— Ты говорить другим? — спросил он, наблюдая за моими действиями.

— Да, другим, — подтвердил я.

— Другим, — повторил он. — О да. Людям?

И я продолжал посылать свои сообщения».

Кейвор беспрерывно дополнял свои прежние рассказы о селенитах, как только прибавлялись новые факты, исправлявшие его прежние выводы, и потому нижеследующие цитаты даны с известной осторожностью. Они извлечены из девятого, тринадцатого и шестнадцатого посланий и, несмотря на неопределенность и

отрывистость, дают настолько полную картину социальной жизни этих странных существ, что вряд ли человечество может надеяться получить более точные сведения в течение еще многих поколений.

«На Луне, — сообщает Кейвор, — каждый гражданин знает свое место. Он рожден для этого места и благодаря искусной тренировке, воспитанию и соответствующим операциям в конце концов так хорошо приспосабливается к нему, что у него нет ни мыслей, ни органов для чего-либо другого. «Для чего ему другое?» — спросил бы Фи-у. Если, например, селенит предназначен стать математиком, то его с рождения ведут к этой цели. В нем подавляют всякую зарождающуюся склонность к другим наукам и развивают математические способности его мозга с необыкновенным искусством и умением; его мозг развивается только и исключительно в этом направлении, все же остальное культивируется лишь постольку, поскольку это необходимо для главного. В результате, если не считать отдыха и еды, вся его жизнь и радость состоят в применении и развитии своей исключительной способности. Он интересуется только ее практическим использованием, его единственное

общество — товарищи по специальности. Его мозг непрерывно растет — по крайней мере те его части, которые нужны для математики; они все больше и больше набухают и как бы высасывают все жизненные соки и силу из остальных частей организма. Члены такого селенита съеживаются, его сердце и пищеварительные органы уменьшаются, его насекомообразное лицо скрывается под набухшим мозгом. Его голос выкрикивает одни математические формулы, он глух ко всему, кроме математических задач. Способность смеяться, за исключением случаев внезапного открытия какого-нибудь математического парадокса, им совершенно утеряна. Самые глубокие эмоции, на какие он способен, может вызвать в нем лишь новая математическая комбинация. И так он достигает своей цели.

Другой пример: селенит, предназначенный для деятельности пастуха, с самых ранних лет приучается жить лишь мыслями о лунных коровах, находить радость в уходе за ними, посвящать им всю свою жизнь. Его тренируют таким образом, чтобы сделать его ловким и подвижным; его глаза способны видеть лишь шкуру да неуклюжие очертания животных; это и делает его идеальным пастухом. Его совершенно не интересует то,

что происходит в глубине Луны; он смотрит на всех других селенитов, не занятых, подобно ему, лунными коровами, с равнодушием, насмешкой или враждебностью. Его мысль сосредоточена на отыскании пастбищ для лунных коров, а весь язык состоит из пастушеских терминов. Он любит свою работу и с радостью выполняет свое назначение. Так же и во всем остальном у селенитов: каждый из них как бы является совершенной единицей в лунном механизме…

Большеголовые существа, занятые умственной работой, образуют как бы аристократию в этом странном обществе, и выше всех, на самом верху лунной иерархии, словно гигантский мозг планеты, стоит Великий Лунарий, которому я в конце концов должен представиться. Неограниченное развитие ума у селенитов интеллигентного класса достигается отсутствием в их строении костного черепа, черепной коробки, которая ограничивает человеческий мозг, не позволяя ему развиваться больше определенного размера. Умственная аристократия распадается на три главных класса, резко отличающихся друг от друга по влиянию и почету: администраторы, к числу которых принадлежит Фи-у, селениты, с большой инициативой и гибкостью ума, — каждый из них

наблюдает за определенным кубическим участком Луны; эксперты, вроде моего мыслителя, с головой, как футбольный мяч, приученные к выполнению некоторых специальных заданий, и ученые, которые являются хранителями любых знаний. К этому последнему классу принадлежит Тзи-пафф, первый лунный профессор земных языков. Что касается последнего класса, то любопытно отметить одну маленькую особенность: неограниченный рост лунного мозга сделал излишним изобретение всех тех механических вспомогательных средств для умственной работы, к которым прибегает человек. Здесь нет ни книг, ни отчетов, ни библиотек, ни надписей. Все знание хранится в мозгу, подобно тому как медоносные муравьи Техаса складывают мед в своих обширных желудках.

Роль Соммерсетского и Британского музеев играют коллекции живого мозга…

Отмечу, что администраторы, менее специализированные, большей частью проявляют ко мне при встречах очень живой интерес. Они уступают мне дорогу, смотрят на меня и задают вопросы, на которые отвечает Фи-у. Они передвигаются с целой свитой носильщиков, помощников, глашатаев, парашютоносцев и так далее — очень

странная процессия. Эксперты же по большей части не обращают на меня никакого внимания, как и на всех других, или же замечают меня для того только, чтобы продемонстрировать свое удивительное искусство. Ученые погружены в какое-то непроницаемое, неподвижное состояние самосозерцания, от которого их способно пробудить лишь отрицание их учености. Обыкновенно ученых водят провожатые, часто в их свите встречаются маленькие деятельные создания, очевидно, самки, — я склонен думать, что это их жены. Но некоторые ученые слишком величественны, чтобы ходить пешком, и их переносят на носилках, похожих на кадки, — эти колыхающиеся, студенистые сокровищницы знания вызывают во мне чувство почтительного удивления. Только что я встретил одного такого ученого на пути туда, где мне позволено забавляться сигнализацией, — передо мной на носилках промелькнула огромная, голая, трясущаяся голова, покрытая тонкой кожей. Спереди и сзади шли носильщики и какие-то странные, с трубообразными лицами глашатаи, выкрикивающие все заслуги ученого.

Я уже упоминал о свитах, которые сопровождают большую часть людей интеллигентного

класса: это телохранители, носильщики, слуги — сгустки щупалец и мускулов, заменяющих совершенно отсутствующую физическую силу этих гипертрофированных умов. Носильщики почти всегда сопровождают их. Среди них попадаются необычайно быстроногие курьеры с паукообразными ногами, парашютоносцы и глашатаи, способные разбудить своим криком мертвого. Вне влияния контролирующего ума их ученых хозяев эти подчиненные столь же пассивны и беспомощны, как зонтики в углу прихожей. Они живут только приказами, которым должны повиноваться, и обязанностями, которые должны выполнять.

Однако большинство насекомых, снующих по спиральным путям, наполняющих подъемные шары и опускающихся на легких парашютах, принадлежит, по-видимому, к классу ремесленников. Это в прямом смысле «машинные руки», и некоторые из них постоянно в действии. Единственная клешня пастуха приспособлена для схватывания, поднимания и подачи, между тем как остальные части — только вспомогательные придатки. Иные, которым, очевидно, приходится звонить в колокол, обладают невероятно развитыми слуховыми органами; другие,

работающие над тончайшими химическими процессами, снабжены огромными органами обоняния; третьи отличаются плоскими ногами с неподвижными суставами для работы на педалях и подножках; четвертые же, которые, как мне сообщили, принадлежат к цеху выдувальщиков стекла, кажутся просто легочными мехами. Каждый из этих рабочих-селенитов отлично приспособлен к тому делу, которое он предназначен выполнять. Тонкая работа исполняется ловкими мастерами, удивительно крошечными и опрятными. Некоторые из них умещались у меня на ладони. Есть даже такие особые селениты, которые вертят колеса и рычаги и поставляют двигательную силу для разных мелких работ. А для управления всеми работами, для поддержания порядка и усмирения разрушительной тенденции, проявляющейся иногда у каких-либо уклоняющихся от нормы натур, приставлены самые сильные селениты, каких я только видел на Луне, — нечто вроде лунной полиции; их, должно быть, с ранних лет тренировали для того, чтобы оказывать гипертрофированному мозгу должное уважение и повиновение.

Создание всех этих селенитов-ремесленников представляет, вероятно, удивительный и инте-

ресный процесс. Я до сих пор знаю об этом очень мало, но недавно я увидел несколько молодых селенитов, запечатанных в бочки, из которых высовывались только их передние конечности. Оказалось, что их нарочно подвергают сжатию, чтобы они сделались потом машинистами. При этой высокоразвитой системе технического воспитания длинная «рука», например, отрастает благодаря особым прививкам, между тем как ненужные части тела умерщвляются. Фи-у, если только я правильно понял его, объяснил мне, что на ранних стадиях развития в скрюченном положении селениты иногда проявляют признаки страдания, но вскоре легко смиряются со своей участью. Чтобы убедить меня в этом, он привел меня на место, где несколько будущих посыльных подвергались как бы прокатке при помощи механических приборов. На меня такие воспитательные методы производят очень неприятное впечатление, хоть я и сам знаю, что это глупо. Возможно, все это пройдет, и мне удастся увидеть еще кое-что из их удивительного общественного устройства. Эта жалкая, высунувшаяся из бочки щупальце-рука показалась мне мольбой, протестом против искусственного уродства. Она преследует меня до сих пор, хотя, может быть, в

конечном счете это более гуманно, чем наш земной метод: мы позволяем детям стать людьми, чтобы обратить их потом в придатки машин.

Недавно — кажется, это было во время моей одиннадцатой или двенадцатой прогулки к этому аппарату — я подметил любопытную деталь в жизни рабочих-селенитов. Меня подвели к аппарату не обычным путем — вниз по спиралям и набережным Центрального Моря, — а через более короткий проход. Из лабиринта длинной темной галереи мы вступили в обширную низкую пещеру, пахнущую землей и сравнительно ярко освещенную. Свет исходил из колыхавшейся массы синевато-багровых грибовидных растений, напоминавших наши грибы, но величиной больше человеческого роста.

— Луняне едят их? — спросил я Фи-у.

— Да, пища.

— А это что? — вскрикнул я, увидев большого и неуклюжего селенита, неподвижно лежащего ничком среди грибов. Мы остановились. — Мертвый? — спросил я. (До сих пор я еще не видел мертвых на Луне и очень заинтересовался.)

— Нет, — ответил Фи-у. — Он рабочий, сейчас нет работы. Лучше немного выпить, — спать, пока не надо. Зачем будить? Незачем болтаться.

— А вот другой! — вскрикнул я.

И действительно, весь огромный грибной лес был усеян спящими под действием снотворного селенитами. Они спят до тех пор, пока не понадобятся для работы. Их было множество разных видов, и я мог перевернуть некоторых из них и хорошенько рассмотреть. Когда я их переворачивал, они начинали громко дышать, но не пробуждались. Одного я запомнил очень ясно, так как фигура его при этом странном освещении походила на вытянувшегося человека. Передние конечности у него состояли из длинных тонких щупалец, приспособленных, очевидно, для какой-то сложной работы, и поза, в которой он заснул, выражала покорное страдание. Без сомнения, с моей стороны было ошибкой таким образом объяснять его выражение, но я это сделал. И, когда Фи-у переворачивал его обратно в сумрак багровых мясистых растений, я снова испытал неприятное чувство жалости, хотя в это время он уже опять походил на насекомое.

Все это свидетельствует лишь о неразумности наших привычных чувств. Напоить снотворным рабочего, в котором не нуждаешься, и отбросить его в сторону, наверное, гораздо лучше, чем выгонять его с фабрики для того, чтобы он умирал с

голоду на улице. В каждом сложном общественном организме время от времени неизбежно возникает безработица, а таким способом эта проблема совершенно устраняется. Однако, как это ни смешно, я не люблю вспоминать об этих телах, распростертых под спокойными светящимися арками мясистых растений, и избегаю короткого прохода к аппарату, несмотря на то, что более длинный очень шумен и неудобен.

Другой путь ведет меня кругом, через огромную сумрачную пещеру, переполненную и шумную. Здесь я могу наблюдать матерей селенитов, напоминающих маток пчелиного улья. Я вижу, как они выглядывают из шестиугольных отверстий стены, похожей на соты, или гуляют по широкой площади за стеной и перебирают в руках драгоценности и амулеты, изготовленные для их удовольствия ювелирами с тонкими щупальцами, работающими в подвальных конурах. Они выглядят довольно благородно, фантастически, иногда очень красиво разукрашены, держатся очень гордо, и головки у них крошечные, несмотря на большие рты.

Об условиях жизни различных полов на Луне, о женитьбе и замужестве, о рождении селенитов я до сих пор узнал очень мало. Но ввиду быстрых

успехов Фи-у в изучении английского языка я, без сомнения, все это скоро узнаю. Думаю, что, как у муравьев и пчел, огромное число членов селенитской общины — среднего пола. Конечно, и на Земле есть закоренелые холостяки, которые не живут семейной жизнью. На Луне же, как и у муравьев, это явление сделалось обычным, и необходимое замещение выбывающих членов падает на особый и далеко не многочисленный класс матрон, матерей лунного населения — крупных и статных существ, прекрасно приспособленных к вынашиванию личинок. Если я правильно понял объяснение Фи-у, они не способны ухаживать за молодыми особями, которых производят на свет: периоды наивной привязанности чередуются у них со стремлением к детоубийству, поэтому при первой возможности нежные, мягкие и бледно окрашенные создания передаются на попечение холостых самок, женщин-работниц, которые иногда обладают мозгом почти такого размера, как и у самцов».

К несчастью, здесь сообщение Кейвора прерывается. Отрывистое, вызывающее мучительное чувство неудовлетворенного любопытства изложение этой главы дает нам, однако, представление об этом странном и изумительном

мире — мире, с которым, быть может, нам очень скоро предстоит столкнуться. Перемежающееся появление посланий из межпланетного мира, шуршание иглы приемного аппарата среди молчания горных склонов — это только первое предостережение человечеству о том, как неожиданно может измениться весь его мир. На спутнике Земли мы находим новые элементы, новые приемы, новые традиции, ошеломляющую лавину новых идей, странную расу, с которой мы неизбежно должны будем бороться за господство и золото в таком же изобилии, как у нас, на Земле, железо или дерево…

Глава XXV
Великий Лунарий

Предпоследнее сообщение описывает, иногда очень подробно, встречу Кейвора с Великим Лунарием, правителем и Властителем Луны. Кейвор передал большую часть сообщения, по-видимому, без перерыва, но конец почему-то оборван. Второе же сообщение отправлено после недельного промежутка. Первое послание начинается так:

«Наконец я могу снова…»

Затем следует неразборчивое место, а потом дальнейший рассказ, начинающийся с середины фразы.

Недостающее слово следующего предложения, по всей вероятности, «толпа». Дальнейшее же совершенно ясно:

«… становилась все гуще и гуще, по мере того как мы продвигались ближе к дворцу Великого Лунария, если можно назвать дворцом ряд пещер. На меня отовсюду смотрели селениты — мелькали блестящие рябые маски, глаза над уродливо развитым органом обоняния, глаза под огромными нависающими лбами; толпа

низкорослых, маленьких существ вертелась вокруг меня, визжала над плечами и под мышками передних насекомых, ко мне вытягивались шлемоподобные лица на извилистых, длинносуставных шеях. По счастью, никто не мог подойти близко: меня окружала охрана из тупоумных, корзиноголовых стражей, которые присоединились к нам после того, как мы вышли из лодки, проплыв вдоль каналов Центрального Моря. К нам присоединился также быстроглазый художник с маленьким мозгом, и целая толпа сухопарых носильщиков качалась и сгибалась под тяжестью всевозможных предметов, которые считались необходимыми мне. Последний отрезок пути меня несли на носилках, сделанных из какого-то гибкого металла, черного и сетчатого, со стержнями из более бледного металла. По мере того как я подвигался вперед, окружавшая толпа увеличивалась, и постепенно образовалась огромная процессия.

Во главе ее, наподобие герольдов, выступали четыре глашатая с трубообразными лицами, производившие отчаянный шум, впереди и позади моих носилок следовали коренастые решительные стражники, по бокам — блестящее собрание ученых голов, своего рода живая энциклопедия,

которые, как объяснил Фи-у, должны были предстать перед Великим Лунарием для переговоров со мной. (Нет такого предмета в лунной науке, нет такой точки зрения или метода мышления, которых не носили бы в своей голове эти удивительные существа!) Затем следовали воины и носильщики, а за ними — дрожащий мозг Фи-у, тоже на носилках. Затем двигался Тзи-пафф на менее парадных носилках и, наконец, я — на самых роскошных носилках, окруженный слугами, несущими еду и питье для меня. Потом шли еще трубачи, оглашавшие воздух резкими выкриками, а затем, так сказать, большие умы, специальные корреспонденты, или историографы, на которых возложена была задача наблюдать и запоминать каждую подробность этого выдающегося события. Целый ряд слуг, несших и волочивших знамена, пахучие грибовидные растения и разные символические изображения, терялся сзади во мраке. По пути с обеих сторон стояли шеренгами распорядители и стражи в латах, блестевших, как сталь, а за ними — колыхавшееся море голов.

Признаюсь, я до сих пор не могу привыкнуть к наружности селенитов и, очутившись как бы в муравейнике возбужденных насекомых,

чувствовал себя довольно неприятно, словно человек, попавший в царство ужасов. Это чувство уже владело мною однажды в лунных пещерах, когда я оказался безоружным и беспомощным посреди толпы враждебных селенитов, но тогда это ощущение было не так сильно. Это, конечно, неразумное ощущение, и я надеюсь постепенно победить его. Но когда я двигался вперед в огромном муравейнике селенитов, я с большим трудом подавил в себе желание крикнуть или как-нибудь иначе выразить свое чувство и только изо всех сил вцепился в носилки. Это продолжалось не больше трех минут, потом я вновь овладел собой.

Сначала мы поднялись по отвесной спиральной дороге, затем прошли через анфиладу огромных, тщательно декорированных залов с куполообразными сводами. Приближение к резиденции Великого Лунария обставлено было, без сомнения, необычайно величественно. Каждая новая пещера, в которую мы вступали, казалась больше предшествовавшей и с более высокими сводами. Это впечатление усиливалось облаками слабо фосфоресцирующего голубого фимиама, который постепенно сгущался и окутывал туманом даже наиболее близкие ко мне фигуры. Мне казалось,

что я непрерывно приближаюсь к чему-то огромному, туманному и все менее материальному.

Должен сознаться, что эта процессия заставила меня чувствовать себя очень жалким, даже ничтожным. Я был не брит и не причесан: я не захватил с собой на Луну бритвы, и подбородок мой оброс густой жесткой бородой. На Земле я никогда не обращал внимания на свою наружность и следил только за чистотой, но в этих исключительных условиях, когда я, так сказать, являлся как бы представителем целой планеты и всех земных людей и когда отношение ко мне зависело в значительной мере от того, насколько привлекательна моя наружность, я многое дал бы за более изящный и достойный внешний вид. Я так глубоко верил, что Луна необитаема, что не принял для этого решительно никаких мер. На мне были фланелевая куртка, бриджи и чулки-гольфы до колен, перепачканные лунной грязью, на ногах были туфли с оторванным левым каблуком, а тело прикрыто одеялом (точно так я одет и до сих пор). Острые колючки не способствовали украшению моей наружности, а на одном колене бриджей зияла большая дыра, особенно заметная теперь; когда я колыхался на носилках, правый чулок все время спадал. Мне было очень досадно,

что я так недостойно представляю все человечество, и я был бы счастлив, если бы мог изобрести что-нибудь необычное и приукрасить себя, но я ничего не мог придумать. Я сделал все, что можно было сделать из одеяла, то есть набросил его на плечи, как тогу, а затем старался только держаться как можно величественнее на носилках.

Вообразите себе самый огромный зал, какой вам когда-либо приходилось видеть, смутно освещенный голубоватым светом и затененный серо-голубым туманом, кишащий волнующейся массой уродливых разнообразных существ металлического или ярко-серого цвета. Вообразите, что зал заканчивается сводчатым ходом, за которым открывается еще более обширный зал, за этим — третий и так далее. В конце же этой анфилады залов смутно виднеется подымающаяся вверх лестница, напоминающая ступени Ara Coeli в Риме. Ступени этой лестницы при приближении, казалось, уходили все выше и выше. Наконец я очутился под огромным сводом и, подняв глаза к вершине ступеней, увидел Великого Лунария, восседающего на престоле.

Он сидел на чем-то похожем на сверкание голубого пламени. При этом сиянии и окружающей тьме казалось, что Лунарий парит в

голубовато-черной пустоте. Сначала он показался мне маленьким светящимся облачком, опустившимся на темный трон. Его мозг имел в диаметре несколько десятков ярдов. Не знаю, как это достигалось, но из-за трона исходили голубые лучи, смыкавшиеся над головой Лунария ярким ореолом. Вокруг него стояли, поддерживая его, многочисленные слуги и телохранители, крошечные и тусклые в этом сиянии, а ниже в тени огромным полукругом стояли его интеллектуальные советники, его напоминатели, вычислители, исследователи, слуги и другие знатные насекомые лунного двора. Еще ниже стояли привратники и посыльные, затем — стража; у самого же основания лестницы колыхалась огромная, разнообразная, смутная, теряющаяся вдали в полном мраке масса селенитов. Их ноги непрерывно скребли по скалистому полу, а все движения сопровождались каким-то шелестом.

Когда я вошел в предпоследний зал, раздались торжественные звуки музыки; они все ширились, и крики глашатаев постепенно замирали…

Я вошел в последний, самый большой зал…

Моя процессия развернулась веером. Стражи и хранители отошли вправо и влево, и только трое носилок, на которых восседали я, Фи-у и

Тзи-пафф, двинулись через сияющий мрак зала по направлению к гигантским ступеням. Теперь к музыке примешалось какое-то пульсирующее жужжание. Оба селенита сошли с носилок, но мне велели сидеть, — полагаю, в виде особой почести. Музыка затихла, но жужжание продолжалось, и, точно единым движением, десятки тысяч почтительно повернувшихся голов приковали мое внимание к окруженному ореолом высшему разуму, парившему надо мной.

Сначала, когда я стал всматриваться в лучистое сияние, этот лунный мозг показался мне похожим на опаловый расплывчатый пузырь с неясными, пульсирующими, призрачными прожилками внутри. Затем я вдруг заметил под этим колоссальным мозгом над краем трона среди сияния крошечные глазки. Никакого лица не было видно — только глаза, точно пустые отверстия. Сначала я не замечал ничего другого, кроме этих пристальных глаз, но потом различил внизу маленькое карликовое тело с белесыми скорченными, суставчатыми, как у насекомых, членами. Глаза глядели на меня сверху вниз со странным напряжением, и нижняя часть вздутого шара сморщилась. Слабенькие ручки-щупальца поддерживали на троне эту фигуру…

Это было величественно и в то же время вызывало жалость. Я забыл зал и толпу.

Мои носильщики поднялись по лестнице. Мне казалось, что светящаяся голова распростерлась надо мной, и чем ближе я к ней подходил, тем более она концентрировала на себе все мое внимание. Сгруппировавшиеся вокруг своего Властителя толпы слуг и помощников, казалось, растворились во мраке. Я видел, как темные слуги опрыскивали охлаждающей жидкостью этот гигантский мозг, поглаживали и поддерживали его. Я сидел, ухватившись за свои колыхающиеся носилки, и не мог оторвать взгляд от Великого Лунария. Наконец, когда я достиг маленькой площадки шагах в десяти от престола, гул музыки достиг своего апогея и оборвался. Я был как бы распластан перед испытующим взглядом Великого Лунария.

Он разглядывал первого человека, которого увидел…

Я перевел наконец глаза с этого воплощенного величия на толпившиеся вокруг него в голубом тумане бледные фигурки, а потом на собравшихся у подножия лестницы селенитов, стоявших в молчаливом ожидании. И снова мной овладел невыразимый ужас… Но только на мгновение.

После паузы наступил момент приветствия. Мне помогли слезть с носилок, и я неуклюже стоял, в то время как два изящных сановника торжественно проделывали передо мной целый ряд любопытных и, без сомнения, глубоко символических жестов. Энциклопедический синклит ученых, сопровождавших меня до входа в последний зал, появился двумя ступенями выше, слева и справа от меня, готовый к услугам Великого Лунария, а Фи-у, с его бледной головой, поместился на полпути от меня к трону, чтобы служить посредником между нами, и так, чтобы не поворачиваться спиной ни к Великому Лунарию, ни ко мне. Тзи-пафф поместился позади Фи-у. Шеренги придворных боком подвигались ко мне, с лицами, обращенными к Властителю. Я сел по-турецки, а Фи-у и Тзи-пафф, в свою очередь, стали на колени. Снова наступила пауза. Ближайшие придворные смотрели то на меня, то на Великого Лунария, а среди толпы слышался тихий свист и писк нетерпеливого ожидания.

Вдруг жужжание замерло.

В первый и последний раз за все мое пребывание на Луне установилась полнейшая тишина.

Вслед за тем я услышал какой-то слабый звук. Великий Лунарий обращался ко мне — точно

кто-то скреб пальцем по оконному стеклу.

Я внимательно следил за ним некоторое время, а затем взглянул на насторожившегося Фи-у. Среди этих тощих существ я казался себе невероятно толстым, мясистым и плотным, особенно моя голова с громадными челюстями и черными волосами. Я снова уставился на Великого Лунария. Он умолк. Его слуги засуетились, и сияющая поверхность его головы оросилась и засверкала охлаждающей жидкостью.

Фи-у на некоторое время погрузился в размышление. Он посоветовался с Тзи-паффом. Затем начал пищать по-английски, он, видимо, волновался, и его нелегко было понять:

— Гм… Великий Лунарий… хочет сказать, хочет сказать… он догадывается, что ты… гм… люди, что ты человек с планеты Земля. Он хочет сказать, что приветствует тебя, приветствует тебя… и хочет, так сказать, познакомиться с устройством вашего мира и причиной, почему ты прибыл в наш мир.

Он умолк. Я уже готов был ответить, но он снова заговорил. Он сделал несколько неразборчивых замечаний, очевидно, какие-то приятные слова по моему адресу. Он сказал, что Земля для Луны — то же, что Солнце для Земли, и что селени-

ты очень хотят узнать про Землю и людей. Он сообщил мне также — без сомнения, тоже из любезности — и разницу в объемах и диаметрах Земли и Луны и выразил удивление и желание поразмыслить, которые всегда вызывала в селенитах наша планета. Я стоял, потупив глаза, и, подумав, решил ответить, что и люди, со своей стороны, интересуются Луной, но считают, что она мертва, и никак не ожидают, что здесь есть такое великолепие. Великий Лунарий в знак того, что понял меня, стал поворачивать, как прожектор, свои длинные голубые лучи, и весь огромный зал огласился писком, шепотом и шуршанием в ответ на мой рассказ. Затем Лунарий задал Фи-у целый ряд вопросов, на которые было гораздо легче ответить.

Он понимает, сказал Властитель, что мы живем на поверхности Земли, что наш воздух и море находятся снаружи шара, — все это он знает уже давно от своих астрономов. Но он желает иметь более подробные сведения об этом, как он выразился, необыкновенном явлении, так как твердость Земли всегда склоняла их к мысли, что она необитаема. Он хотел прежде всего узнать, какие крайние температуры существуют на Земле, и очень заинтересовался моим рассказом о

тучах и дожде, сопоставив его с тем, что лунная атмосфера во внешних галереях нередко очень туманна. Он удивился, что солнечный свет не слепит наших глаз, и заинтересовался моей попыткой объяснить ему, что голубая окраска неба происходит от преломления света в воздухе, хотя я сомневаюсь, чтобы он это понял. Я объяснил, каким образом радужная оболочка человеческого глаза способна вызывать сокращение зрачка и охранять нежную внутреннюю ткань от избытка солнечного света, и мне позволили приблизиться и остановиться на расстоянии нескольких футов от Властителя, чтобы он мог рассмотреть устройство моего глаза. Это привело нас к сравнению лунного и земного глаза. Первый не только необыкновенно чувствителен к такому свету, какой свободно выносят люди, но может видеть теплоту, и малейшая разница в температуре на Луне делает предметы видимыми для него.

Радужная оболочка оказалась органом, совершенно неизвестным Великому Лунарию. Некоторое время он забавлялся тем, что устремлял свои лучи на мое лицо и наблюдал, как сокращаются мои зрачки. Эти опыты на некоторое время ослепили меня…

Но, несмотря на эти неудобства, я почувство-

вал себя спокойнее: эти вопросы и ответы были как-то привычны, обычны. Я мог закрыть глаза, обдумать свой ответ и почти забывал, что Великий Лунарий безлик…

Когда я снова спустился по ступеням на отведенное мне место, Великий Лунарий спросил, как мы защищаемся от жары и бурь, и я объяснил ему постройку и оборудование наших зданий. Здесь мы натолкнулись на недоразумения и непонимание, возникавшие, как я полагаю, из-за неточности моих выражений. Долгое время я никак не мог объяснить ему, что такое дом. Ему и его приближенным, без сомнения, показалось очень странным, что люди строят дома, вместо того, чтобы просто спускаться в кратеры. Новое недоумение было вызвано моей попыткой объяснить, что первоначально люди жили в пещерах и что теперь они проводят железные дороги и переносят многие службы под землю. Я думаю, что чересчур увлекся в своем стремлении к научной полноте. Такое же недоумение вызвала моя попытка объяснить устройство рудников. Оставив наконец эту тему, так ничего и не поняв, Великий Лунарий спросил, что мы делаем с внутренностью нашего шара.

По всему собранию до самых отдаленных уг-

лов прокатился писк, когда выяснилось, что люди почти ничего не знают о недрах того мира, на поверхности которого росли и развивались бессчетные поколения наших предков. Мне пришлось три раза повторить, что из четырех тысяч миль между поверхностью Земли и ее центром людям известна только одна четырехтысячная часть, что они знают Землю до глубины одной мили, да и то в самых общих чертах. Великий Лунарий спросил было, что побудило меня явиться на Луну, если мы не изучили еще и нашей собственной планеты, но его больше интересовали подробности относительно условий жизни на Земле, перевертывающие все его обычные представления, и он не просил ответа на свой первый вопрос.

Он занялся вопросами о погоде, и я попытался описать ему непрерывное изменение неба, снег, мороз, циклоны.

— Но ночью разве не холодно? — спросил он.

Я ответил, что ночью холоднее, чем днем.

— А разве ваша атмосфера не замерзает?

Я ответил, что нет, что холод у нас незначительный и ночи коротки.

— И воздух не делается жидким?

Я уже готов был дать отрицательный ответ,

но вспомнил, что по крайней мере часть нашей атмосферы — водяные пары — превращается в жидкость и образует росу, а иногда замерзает и образует иней — процесс, совершенно аналогичный замерзанию внешней атмосферы Луны во время ее долгой ночи. Я изложил все это, и Великий Лунарий принялся расспрашивать меня о сне. Потребность в сне, являющаяся регулярно каждые двадцать четыре часа у всех земных существ, составляет, по его мнению, явление земной наследственности. На Луне селениты отдыхают редко, после исключительных физических усилий. Затем я пытался описать ему блеск летней ночи на Земле и перешел к описанию тех животных, которые ночью бродят, а днем спят. Я стал рассказывать ему о львах и тиграх, но он, по-видимому, совершенно ничего не понял. Дело в том, что если не считать чудовищ Центрального Моря, то на Луне нет таких животных, которые не были бы приручены и одомашнены селенитами, и так было с незапамятных времен. У них имеются разные морские чудовища, но нет хищных зверей, и им непонятна мысль о каком-то большом и сильном звере, подстерегающем их во мраке ночи…

(Далее следует пробел слов в двадцать, которые

невозможно разобрать.)

Он заговорил со своими приближенными, как мне показалось, о странном легкомыслии и неразумии человека, живущего исключительно на поверхности Земли, подверженного всем переменам погоды, не сумевшего даже покорить себе зверей, которые кормятся его собратьями, и, однако же, дерзнувшего перелететь на чужую планету. Во время этой беседы я сидел в стороне, погруженный в размышления. После этого я, по его желанию, рассказал ему о различных породах людей.

Он засыпал меня вопросами.

— И для всех видов работы у вас существует одна порода людей? Но кто же мыслит? Кто управляет?

Я коротко описал ему наше общественное устройство. Он приказал спрыснуть свою голову охлаждающей жидкостью, а затем потребовал, чтобы я повторил свое объяснение, ибо он чего-то не понял.

— Разве они не заняты каждый своим делом? — спросил Фи-у.

— Некоторые из них, — ответил я, — мыслители, другие — служащие, одни — охотники, другие — механики, третьи — артисты, четвер-

тые — ремесленники. Но все принимают участие в управлении.

— Но разве они не различно устроены для различных занятий?

— Особой разницы, кроме одежды, нет, — сказал я. — Их мозг, может быть, и отличается немного один от другого, — прибавил я, поразмыслив.

— Их умы должны сильно отличаться, — заметил Великий Лунарий, — иначе они все захотят делать одно и то же.

Для того чтобы как можно лучше приспособиться к его представлениям, я заметил, что его предпосылка совершенно правильна.

— Все различия скрыты в мозгу, — сказал я. — Но это незаметно снаружи. Быть может, если б можно было увидеть умы людей, они оказались бы столь же различными и неравными, как и у селенитов. Оказалось бы тогда, что есть более и менее способные люди, люди, видящие далеко вперед, и люди, бегущие очень быстро, люди, ум которых напоминает трубу, и люди, которые могут вспоминать не думая…

(Три следующих слова неразборчивы.)

Он прервал меня, чтобы напомнить мне о моем прежнем заявлении.

— Но ты сказал, что все люди управляют? — настаивал он.

— До известной степени, — ответил я и, как мне кажется, еще более запутал вопрос.

Он попытался нащупать что-либо конкретное.

— Ты хочешь сказать, — спросил он, — что на Земле нет Великого Властителя?

В моем уме промелькнули различные имена, но в конце концов я подтвердил, что такого нет. Я объяснил ему, что все диктаторы и короли обычно кончали тем, что предавались пьянству и разврату или становились убийцами и что, во всяком случае, большая и влиятельная часть населения Земли, к которой принадлежу и я, — англичане — не собираются вновь устанавливать у себя такой порядок. Это еще более изумило Великого Лунария.

— Но каким образом вам удается сохранить хотя бы ту мудрость, которая у вас есть? — спросил он.

И я объяснил ему, как мы стараемся прийти на помощь ограниченности нашего… (тут не хватает одного слова, вероятно, «ума»), применяя книги и библиотеки. Я объяснил ему, как развивается наша наука благодаря соединенным усилиям бесчисленного количества маленьких людей.

На это он ничего не возразил, заметив только, что мы вопреки нашей социальной дикости, очевидно, многого достигли, иначе мы не могли бы попасть на Луну. Однако контраст слишком велик. Селениты вместе с накоплением знаний росли и изменялись; люди же накопили знания и остались животными, снабженными знаниями. Он сказал это… (далее неразборчиво).

Затем он заставил меня рассказать, как мы путешествуем вокруг Земли, и я описал ему наши железные дороги и пароходы. Некоторое время он не мог поверить, что мы познакомились с употреблением пара всего лишь около ста лет назад. Но когда он в этом убедился, то очень был изумлен. (Здесь, кстати, следует упомянуть очень интересный факт: у селенитов единица измерения времени, так же как и у нас, — год, но я не понимаю их системы счисления. Впрочем, это не играет никакой роли, так как Фи-у усвоил нашу систему.) Потом я рассказал, что люди впервые стали селиться в городах только девять или десять тысяч лет назад и что мы до сих пор не соединены в одно общество и живем в государствах с различными формами правления; когда это было объяснено Великому Лунарию, он очень удивился. Сначала он подумал, что у нас

имеются просто административные деления.

— Наши государства и империи — только грубые очертания будущего общества, — сказал я и рассказал ему… (Здесь следует тридцать или сорок неразборчивых слов.)

Великий Лунарий удивился, что люди стремятся сохранить разные языки.

— Они хотят в одно и то же время и сообщаться друг с другом и не сообщаться, — заметил он и потом долго расспрашивал меня о войнах.

Сначала он был потрясен и не поверил мне.

— Ты хочешь сказать, — спросил он, как бы недоумевая, — что вы рыскаете по поверхности вашего мира — того мира, богатства которого вы едва затронули, убивая друг друга, как убивают звери для еды?!

Я должен был признаться, что это так.

Он стал расспрашивать меня о подробностях.

— Но разве не наносится при этом ущерб вашим судам и вашим несчастным маленьким городам? — спросил он.

И я заметил, что порча имущества и судов во время войны производит на него почти такое же впечатление, как убийства.

— Расскажи мне подробней, — сказал Великий Лунарий. — Покажи мне это ясней. Я не могу

ничего понять.

И тут я, хоть и не очень охотно, стал рассказывать ему историю земных войн.

Я рассказал ему о началах и церемониях войны, о предупреждениях и ультиматумах, о маршировке и боевых походах. Я дал ему представление о маневрах, позициях и боях. Я рассказал ему об осадах и атаках, о голоде и тяжких страданиях в траншеях, о часовых, замерзающих в снегу. Рассказал о поражениях и нападении врасплох, о безнадежных сопротивлениях и безжалостном преследовании бегущих, о трупах на полях сражения. Я рассказал, кроме того, о прошедших временах, о нашествиях и избиениях, о гуннах и татарах, о войнах Магомета и калифов и о крестовых походах. По мере того как я рассказывал, а Фи-у переводил, селенитов охватывало все большее волнение, и они пищали все громче.

Я рассказал ему про орудия, которые стреляют, выпускают снаряды в тонну весом и на расстоянии двенадцати миль способны пробить железную броню толщиной в двадцать футов, и про подводные торпеды. Я описал ему действие пулеметов и все, что я мог вспомнить о битве при Коленсо. Великий Лунарий едва верил всему этому и часто прерывал перевод моих слов, чтобы

услышать от меня подтверждение правильности этого перевода. Особенно сомнительным показалось ему мое описание людей, пирующих и веселящихся перед… (битвой?).

— Но, конечно, они не любят войны? — перевел мне Фи-у.

Я заверил их, что многие люди смотрят на войну как на самое славное призвание в жизни, и это поразило всех селенитов.

— Но какая польза от этих войн? — настаивал Великий Лунарий.

— Какая польза? — ответил я. — Война уменьшает население!

— Но зачем это нужно?

Наступила пауза. Его голову обрызгали охлаждающей жидкостью, и он снова заговорил…»

Уже с того момента, когда в рассказе упоминается об абсолютной тишине перед началом речи Великого Лунария, в приемник стали попадать какие-то другие волны, которые очень мешали восприятию сигналов Кейвора, а на этом месте они вообще все заглушили. Эти волны, очевидно, результат радиации из какого-то лунного источника, но их настойчивое чередование с сигналами Кейвора указывает на оператора, умышленно старающегося перебить сообщение

Кейвора и сделать его неразборчивым. Сначала эти волны были короткие и правильные, так что при некотором напряжении, с потерей немногих слов мы все же могли расшифровать сообщение Кейвора; потом они стали длиннее и более неправильными, как будто намеренно проводили нечто вроде черты поперек письма. Долгое время ничего нельзя было поделать с этими нелепыми зигзагообразными знаками, потом неожиданно путаница прекратилась, оставив несколько слов ясными, а затем опять возобновилась и продолжалась на протяжении всего сообщения, совершенно заглушив все, что Кейвор пытался передать. Если это действительно было умышленное вмешательство, то почему селенитам понадобилось предоставить Кейвору, который понятия не имел о помехах, возможность продолжать свою передачу? Почему селениты предпочли этот способ, а не приостановили сигнализации Кейвора — ведь это было бы проще и вполне зависело от них, — на этот вопрос я ответить не могу. Но случилось именно так, и это все, что я могу сказать. Последняя часть описания аудиенции у Великого Лунария начинается с середины фразы:

«… настойчиво расспрашивали меня о моей

тайне. Скоро мы с ними поняли друг друга, и я наконец узнал то, что очень меня изумляло: почему при такой необычайно развитой науке они не додумались до кейворита? Я убедился, что они знакомы с ним теоретически, но считали изготовление его практически невозможным, потому что на Луне нет гелия, а гелий…»

Поперек последних букв слова «гелий» снова легла черта. Заметьте слово «тайна», так как на этом слове, и на нем одном, я основываю свое толкование нижеследующего послания — последнего послания, которое, по нашему мнению, отправил Кейвор, и последнее, что нам суждено от него услышать.

Глава XXVI
Последнее сообщение Кейвора на Землю

Так неудачно обрывается предпоследнее сообщение Кейвора. Кажется, будто видишь, как он суетится в голубом мраке у своего аппарата и до последней минуты подает сигналы на Землю, совершенно не подозревая, какая разделяет нас завеса путаницы, не подозревая о последних, уже подстерегающих его опасностях. Полнейшее отсутствие элементарной жизненной хитрости погубило его. Он говорил о войнах, он рассказывал о силе людей и их неразумном стремлении к власти, об их неутолимой жажде завоеваний и неумении жить мирно и спокойно. Он сделал человечество предметом ужаса и отвращения для всего лунного мира, и, наконец, я убежден, у него вырвалось самое роковое признание, а именно, что только от него одного зависит — по крайней мере на долгое время — возможность появления на Луне других людей. Мне ясно, как на это неминуемо должен был реагировать холодный нечеловеческий разум лунного мира, и, вероятно,

какое-то подозрение закралось и в его душу. Я представляю, с каким тяжелым предчувствием бродил Кейвор по Луне, все больше и больше осознавая, что он наделал. Великий Лунарий, вероятно, некоторое время обдумывал создавшееся положение, и Кейвор расхаживал по Луне так же свободно, как и раньше. Но, очевидно, что-то помешало ему добраться до электромагнитного аппарата после того, как он отправил только что изложенное сообщение. Несколько дней мы от него ничего не получали. Может быть, состоялись новые аудиенции, где он пытался исправить и смягчить созданное им впечатление? Кто знает!

И вдруг совершенно как предсмертный крик в тиши глубокой ночи слетело с неба последнее сообщение, самое короткое из всех: обрывки двух фраз.

Первая:

«Я поступил безумно, рассказав Великому Лунарию…»

Затем пауза, наверное, с минуту, — видно, что-то помешало. Представляю себе: он отошел от машины, стоит в нерешительности среди неясной громады аппарата, в сумрачной, освещенной голубым светом пещере… внезапно с отчаянием бросается назад к аппарату, но слишком поздно…

Затем торопливо переданные слова: «Кейворит делается так: возьмите…»

И еще одно слово, совершенно лишенное смысла: «лезно».

И это все.

Быть может, в последний роковой момент он хотел сказать, что все «бесполезно». Мы не знаем, что произошло там, возле этого аппарата. Но что бы там ни случилось, ясно одно: мы не получим больше сообщений с Луны. Что касается меня, то я вижу эту картину так же ясно, как если бы я тоже был там: облитый голубоватым светом, похожий на призрак, всклокоченный Кейвор отчаянно вырывается из щупальцев отвратительных насекомых, борется из последних сил, а они напирают на него, пищат, чирикают, быть может, бьют его; шаг за шагом он отступает все дальше от последней возможности обратиться к своим земным сородичам и погружается в неизвестность, во мрак, в молчание, которому нет конца…

1901

Перевод С. Майзельс

Пища богов

Книга I
Рождение пищи
Глава I
Открытие пищи

I

В середине девятнадцатого века в нашем странном мире стало невиданно расти и множиться число людей той особой категории, по большей части немолодых, которых называют учеными — и очень правильно называют, хоть им это совсем не нравится. Настолько не нравится, что со страниц «Природы» — органа, который с самого начала служит им вечным и неизменным рупором, — слово это тщательно изгоняют как некую непристойность. Но госпожа публика и ее пресса другого мнения, она-то их именует только так, а не иначе, и если кто-либо из них привлечет к себе хоть капельку внимания, мы величаем его «выдающийся ученый», «маститый ученый», «прославленный ученый», а то и еще пышнее.

Безусловно, и мистер Бенсингтон и профессор Редвуд вполне заслужили все эти титулы задолго до своего поразительного открытия, о котором

расскажет эта книга. Мистер Бенсингтон был членом Королевского общества, а в прошлом также и президентом Химического общества, профессор же Редвуд читал курс физиологии на Бонд-стрит, в колледже Лондонского университета, и не раз подвергался яростным нападкам антививисекционистов. Оба с юных лет всецело посвятили себя науке.

Разумеется, как и все истинные ученые, с виду оба они были ничем не примечательны. В осанке и манерах любого самого скромного актера куда больше достоинства, чем у всех членов Королевского общества, вместе взятых. Мистер Бенсингтон был невысок, сутуловат и чрезвычайно лыс, носил очки в золотой оправе и суконные башмаки, разрезанные во многих местах из-за бесчисленных мозолей. Наружность профессора Редвуда также была самая заурядная. Пока им не довелось открыть Пищу богов (на этом названии я вынужден настаивать), их жизнь протекала в достойных и безвестных ученых занятиях, и рассказать о ней читателю решительно нечего.

Мистер Бенсингтон завоевал рыцарские шпоры (если можно сказать так о джентльмене, обутом в суконные башмаки с разрезами) своими блестящими исследованиями по части наиболее

ядовитых алкалоидов, а профессор Редвуд обессмертил себя… право, не помню, чем именно. Знаю только, что чем-то он себя обессмертил. А слава обычно чем дальше, тем громче. Кажется, славу ему принес обширный труд о мышечных рефлексах, оснащенный множеством таблиц, сфигмографических кривых (если я путаю, пусть меня поправят) и новой превосходной терминологией.

Широкая публика имела об этих джентльменах довольно смутное представление. Изредка в Королевском обществе, в Обществе содействия ремеслам и тому подобных учреждениях ей представлялся случай поглядеть на мистера Бенсингтона или по крайней мере на его румяную лысину, краешек воротничка или сюртука и послушать обрывки лекции или статьи, которую, как ему казалось, он читал вполне внятно; помню, однажды, целую вечность тому назад, когда Британская ассоциация заседала в Дувре, я забрел в какую-то из ее секций — то ли B, то ли C, — расположившуюся в трактире; из чистого любопытства я вслед за двумя серьезными дамами с бумажными свертками под мышкой прошел в дверь с надписью «Бильярдная» и очутился в совершенно неприличной темноте, разрываемой

лишь лучом волшебного фонаря, при помощи которого Редвуд показывал свои таблицы.

Я смотрел диапозитив за диапозитивом и слушал голос, принадлежавший, по всей вероятности, профессору Редвуду — уж не помню, о чем он говорил; кроме того, в темноте слышалось жужжание волшебного фонаря и еще какие-то странные звуки — я никак не мог понять, что это такое, и любопытство не давало мне уйти. А потом неожиданно вспыхнул свет, и тут я понял, что непонятные звуки исходили от жующих ртов, ибо члены научного общества собрались здесь, у волшебного фонаря, чтобы под покровом тьмы жевать сдобные булочки, сандвичи и прочую снедь.

Помню, все время, пока горел свет, Редвуд продолжал что-то говорить и тыкать указкой в то место на экране, где полагалось быть таблице и где мы вновь ее увидели, когда наконец опять стало темно. Помню, он показался мне тогда самой заурядной личностью: смуглая кожа, немного беспокойные движения, вид такой, словно он поглощен какими-то своими мыслями, а доклад сейчас читает просто из чувства долга.

Слышал я однажды в те давно прошедшие времена и Бенсингтона; было это в Блумсбери

на конференции учителей. Как большинство выдающихся химиков и ботаников, мистер Бенсингтон весьма авторитетно высказывался по вопросам преподавания, хотя я уверен, что самый обыкновенный класс любой закрытой школы в первые же полчаса запугал бы его до полусмерти; насколько помню, он предлагал усовершенствовать эвристический метод профессора Армстронга, посредством коего, пользуясь приборами и инструментами ценою в триста, а то и четыреста фунтов, совершенно забросив все прочие науки, при безраздельном внимании и помощи на редкость одаренного преподавателя, средний ученик за десять-двенадцать лет более или менее основательно усвоил бы почти столько же знаний по химии, сколько можно было почерпнуть из очень распространенных в ту пору достойных презрения учебников, которым красная цена — шиллинг.

Как видите, во всем, что не касается науки, и Редвуд и Бенсингтон были людьми самыми заурядными. Вот только, пожалуй, сверх меры непрактичными. Но ведь таковы все ученые на свете. Тем, что в них есть подлинно великого, они лишь колют глаза ученым собратьям, для широкой публики оно остается книгой за семью

печатями; зато слабости их замечает каждый.

Слабости ученых бесспорны, как ничьи другие, не заметить их невозможно. Живут эти люди замкнуто, в своем узком мирке; научные изыскания требуют от них крайней сосредоточенности и чуть ли не монашеского уединения, а больше их почти ни на что не хватает. Поглядишь, как иной седеющий неуклюжий чудак, маленький человечек, совершивший великие открытия и курам на смех украшенный широченной орденской лентой, робея и важничая, принимает поздравления своих собратьев; почитаешь в «Природе» сетования по поводу «пренебрежения к науке», когда какого-нибудь члена Королевского общества в день юбилея обойдут наградой; послушаешь, как иной неутомимый исследователь мхов и лишайников разбирает по косточкам солидный труд своего столь же неутомимого коллеги, — и поневоле поймешь, до чего мелки и ничтожны люди.

А между тем двое скромных маленьких ученых создали и продолжают создавать нечто изумительное, необычайное, что сулит человечеству в грядущем невообразимое величие и мощь! Они как будто и сами не знают цены тому, что делают.

Давным-давно, когда мистер Бенсингтон, вы-

бирая профессию, решил посвятить свою жизнь алкалоидам и тому подобным веществам, наверно, и перед его внутренним взором мелькнуло видение и его хоть на миг озарило. Ведь если бы не предчувствие, не надежда на славу и положение, каких удостаиваются одни лишь ученые, едва ли хоть кто-нибудь с юности посвятил бы всю свою жизнь подобной работе. Нет, их, конечно, озарило предчувствие славы — и видение это, наверно, оказалось столь ярким, что ослепило их. Блеск ослепил их, на их счастье, чтоб до конца жизни они могли спокойно держать светоч знаний для нас!

Быть может, кое-какие странности Редвуда, который был как бы не от мира сего, объясняются тем, что он (в этом теперь уже нет сомнений) несколько отличался от своих собратьев, он был иным, потому что перед глазами его еще не угасло то давнее ослепительное видение.

II

«Пища богов» — так называю я субстанцию, которую создали мистер Бенсингтон и профессор Редвуд; и, принимая во внимание плоды, которые она уже принесла и, безусловно, принесет в будущем, название это вполне заслуженно. А

потому я и впредь буду так ее называть. Но мистер Бенсингтон в здравом уме и твердой памяти не способен был на столь громкие слова — это было бы все равно что выйти из дома на Слоун-стрит облаченным в царственный пурпур и с лавровым венком на челе. Слова эти вырвались у него в первую минуту просто от изумления. Он назвал свое детище Пищей богов, обуреваемый восторгом, и длилось это не более часа. А потом он решил, что ведет себя нелепо. Вначале, думая об их общем открытии, он словно воочию увидел необъятные возможности, поистине необъятные, зрелище это изумило и ослепило его, но, как подобает добросовестному ученому, он тотчас зажмурился, чтобы не видеть. После этого название «Пища богов» уже казалось ему крикливым, почти неприличным. Он сам себе удивлялся: как это у него сорвалось с языка подобное выражение!

И однако, это мимолетное прозрение не прошло бесследно, а вновь и вновь напоминало о себе.

— Право же, — говорил он, потирая руки и нервически посмеиваясь, — это представляет не только теоретический интерес. К примеру, — он доверительно наклонился к профессору Редвуду и понизил голос, — если умело за это взяться, вероятно, ее можно будет даже продавать… продавать

именно как продукт питания, — продолжал он, отходя в другой конец комнаты. — Или по крайней мере как элемент питания. При условии, разумеется, что она будет съедобна. А этого мы не знаем, пока не изготовили ее.

Бенсингтон вернулся к камину и остановился на коврике, старательно разглядывая аккуратные разрезы на своих суконных башмаках.

— Как ее назвать? — переспросил он и поднял голову. — Я лично предпочел бы что-нибудь классическое, со значением. Это… это больше подходит научному открытию. Придает, знаете, такое старомодное достоинство. И мне подумалось… Не знаю, может быть, вам это покажется смешно и нелепо… Но ведь иной раз и пофантазировать не грех… Не назвать ли ее Гераклеофорбия? Пища будущих геркулесов? Быть может, и в самом деле… Конечно, если, по-вашему, это не так…

Редвуд задумчиво глядел в огонь и молчал.

— По-вашему, такое название годится?

Редвуд важно кивнул.

— Можно еще назвать Титанофорбия. Пища титанов. Как вам больше нравится?

— А вы уверены, что это не чересчур…

— Уверен.

— Ну вот и прекрасно.

Итак, во время дальнейших исследований они назвали свое открытие Гераклеофорбией, так оно именовалось и в их докладе — в докладе, который не был опубликован из-за непредвиденных событий, перевернувших все их планы. Были изготовлены три варианта пищи, и только на четвертый раз удалось создать в точности то, что предсказывали теоретические расчеты; соответственно Бенсингтон и Редвуд говорили о Гераклеофорбии номер один, номер два и номер три. А Пищей богов я буду называть в этой книге Гераклеофорбию номер четыре, ибо решительно настаиваю на том названии, которое сначала дал ей Бенсингтон.

III

Идея Пищи принадлежала мистеру Бенсингтону. Но подсказала ему эту идею одна из статей профессора Редвуда в «Философских трудах», а потому, прежде чем развивать ее дальше, он посоветовался с автором статьи — и правильно сделал. Притом предстоящие исследования относились не только к химии, но в такой же степени и к физиологии.

Профессор Редвуд принадлежал к числу тех ученых мужей, что жить не могут без кривых

и диаграмм. Если вы — читатель, какой мне по душе, вам, конечно, знакомы научные статьи того сорта, о которых я говорю. Когда их читаешь, ничего понять нельзя, а в конце приложены штук шесть огромных диаграмм; развернешь их — и перед тобою какие-то удивительные зигзаги невиданных молний или непостижимые извивы так называемых «кривых», вырастающих из абсцисс и стремящихся к ординатам, и прочее в том же роде. Подолгу ломаешь себе голову, тщетно пытаясь понять, что же все это означает, а потом начинаешь подозревать, что этого не понимает и сам автор. Но в действительности многие ученые прекрасно понимают смысл своих писаний, да только не умеют выразить свои мысли языком, понятным и для нас, простых смертных.

Мне кажется, профессор Редвуд мыслил именно диаграммами и кривыми. Закончив монументальный труд о мышечных рефлексах (пусть читатель, далекий от науки, потерпит еще немного — и все станет ясно как день), Редвуд принялся выводить кривые и сфигмограммы, относящиеся к росту, и как раз одна из его статей о росте натолкнула мистера Бенсингтона на новую идею.

Редвуд измерял все, что растет: котят, щенят, подсолнухи, грибы, фасоль, и горох, и (пока жена

не воспротивилась) собственного сынишку, — и доказал, что рост совершается не равномерно и непрерывно (он это изобразил вот такой линией)

а скачками, то есть примерно так:

Ничто не растет постоянно и равномерно, и, насколько он мог установить, постоянный и равномерный рост вообще невозможен: по-видимому, для того, чтобы расти, все живое должно сперва накопить силы; потом оно растет буйно, но недолго, а затем снова наступает перерыв. Туманным, пересыпанным специальными тер-

минами, поистине «научным» языком Редвуд осторожно высказывался в том смысле, что для роста, вероятно, требуется довольно много некоего вещества в крови, а образуется оно очень медленно — и, когда запас его в процессе роста истощается, организм вынужден ждать, чтобы он возобновился. Редвуд сравнил это неизвестное вещество со смазкой в машине. Растущее животное, по его словам, подобно локомотиву, который, пройдя некоторое расстояние, уже не может двигаться дальше без смазки. («Но почему бы не смазать машину извне?» — заметил, прочитав это рассуждение, мистер Бенсингтон.) Весьма вероятно, прибавлял Редвуд с восхитительной непоследовательностью, свойственной всем его беспокойным собратьям, что все это поможет нам пролить свет на не разгаданное доныне значение некоторых желез внутренней секреции. А при чем тут, спрашивается, эти железы?

В следующем своем докладе Редвуд пошел еще дальше. Он устроил целую огромную выставку диаграмм, сильно смахивающих на траекторию летящей ракеты; смысл их — если таковой существовал — сводился к тому, что кровь щенят и котят (а также сок грибов и растений) в так называемые «периоды интенсивного роста» и в

периоды роста замедленного различны по своему составу.

Повертев диаграммы и так, и сяк, и даже вверх ногами, мистер Бенсингтон углядел наконец, в чем заключается эта разница, и изумился. Оказалось, понимаете ли, что разница эта, по всей вероятности, обусловлена присутствием того самого вещества, которое он в последнее время пытался выделить, исследуя алкалоиды, особенно благотворно воздействующие на нервную систему. Тут мистер Бенсингтон положил брошюру Редвуда на пюпитр, пристроенный самым неудобным образом к его креслу, снял очки в золотой оправе, подышал на стекла и старательно их протер.

— Вот так штука! — сказал он.

Потом вновь надел очки и повернулся к пюпитру, но едва коснулся его локтем, как тот кокетливо взвизгнул, наклонился — и брошюра со всеми диаграммами полетела на пол.

— Вот так штука! — повторил мистер Бенсингтон, с усилием перегнулся через ручку кресла (он уже привык терпеливо сносить капризы этого новомодного приспособления), убедился, что до рассыпанных диаграмм ему все равно не дотянуться, — и, опустившись на четвереньки,

принялся их подбирать. Вот тут-то, на полу, его и осенила мысль назвать свое детище Пищей богов…

Ведь если и он и Редвуд правы, то, впрыскивая или подбавляя в пищу открытое им вещество, можно покончить с перерывами и передышками, и вместо того, чтобы совершаться так:

процесс роста (надеюсь, вы улавливаете мою мысль) пойдет вот так:

IV

В ночь после разговора с Редвудом мистер

Бенсингтон никак не мог уснуть. Лишь раз он ненадолго задремал, и тут ему привиделось, будто он выкопал в земле глубокую яму и тонну за тонной сыплет туда Пищу богов — и шар земной разбухает, раздувается, границы государств лопаются, и все члены Королевского географического общества, точно труженики огромной портновской мастерской, поспешно распарывают экватор…

Сон, конечно, нелепый, но он куда яснее, чем все слова и поступки мистера Бенсингтона в трезвые часы бодрствования, показывает, сколь взволнован был сей джентльмен и какое значение придавал он своему открытию. Иначе я не стал бы об этом упоминать, ведь, как правило, чужие сны никого не интересуют.

По странному совпадению в ту ночь Редвуду тоже приснился сон. Ему привиделась диаграмма, начертанная огнем на бесконечном свитке вселенских просторов. А он, Редвуд, стоит на некоей планете перед каким-то черным помостом и читает лекцию о новых, открывающихся ныне возможностях роста, и слушает его Сверхкоролевское общество изначальных сил — тех самых, под воздействием которых до сих пор рост всего сущего (вплоть до народов, империй, небесных

тел и планетных систем) шел так:

а в иных случаях даже и так:

И он, Редвуд, наглядно и убедительно объясняет им, что эти медлительные способы роста, подчас приводящие даже к спаду и угасанию, очень скоро выйдут из моды по милости его открытия.

Сон, конечно, нелепый! Но и он также показывает…

Я вовсе не хочу сказать, будто эти сны следует считать в какой-либо мере пророческими или приписывать им какое-то значение, помимо того, о котором я уже упомянул и на котором реши-

тельно настаиваю.

Глава II
Опытная ферма

I

Сначала мистер Бенсингтон предложил, как только удастся изготовить первую порцию Пищи, испробовать ее на головастиках. Научные опыты всегда проделываются над головастиками, ведь головастики для того и существуют на свете. Уговорились, что опыты будет проводить именно Бенсингтон, так как лабораторию Редвуда загромождали в то время баллистический аппарат и подопытные телята, на которых Редвуд изучал частоту бодательных движений теленка и ее суточные колебания; результаты исследований выражались в самых фантастических и неожиданных кривых; пока не закончился этот опыт, присутствие в лаборатории хрупких стеклянных сосудов с головастиками было бы крайне нежелательно.

Но когда мистер Бенсингтон частично посвятил в свои планы кузину Джейн, она тотчас наложила на них вето, заявив, что не позволит плодить в

доме головастиков и прочую подопытную тварь. Она не против, пусть он в дальней каморке занимается своей химией (хоть это — занятие пустое и никчемное), лишь бы там ничего не взрывалось; она даже позволила ему поставить там газовую печь, раковину и герметически закрывающийся шкаф — убежище от бурь еженедельной уборки, которую она отменять не собиралась. Пусть уж он старается отличиться в своих ученых делах, ведь есть на свете грехи куда более тяжкие: к примеру, мало ли мужчин, одержимых страстью к выпивке! Но чтобы он развел тут всякую ползучую живность или резал ее и портил воздух — нет, этого она не допустит. Это вредно для здоровья, а он, как известно, здоровьем слаб, и пускай не спорит, она эти глупости и слушать не станет. Бенсингтон пытался объяснить ей, сколь огромно его открытие и какую пользу оно может принести, но безуспешно. Все это прекрасно, отвечала кузина Джейн, но нечего устраивать в доме грязь и беспорядок — ведь без этого не обойдется, а тогда он сам же первый будет недоволен. Позабыв о своих мозолях, мистер Бенсингтон шагал из угла в угол и решительно, даже гневно внушал кузине Джейн, что она не права, но все было напрасно. Ничто не должно становиться на пути Науки,

говорил он, а кузина Джейн отвечала, что наука наукой, а головастикам в доме не место. В Германии, говорил он, человеку, сделавшему такое открытие, тотчас предоставили бы просторную, на двадцать тысяч кубических футов, идеально оборудованную лабораторию. А она отвечала: «Я, слава тебе господи, не немка». Эти опыты принесут ему неувядаемую славу, говорил он, а она отвечала, что если их и без того тесная квартирка будет полна головастиков, так он последнее свое здоровье погубит. «В конце концов, я хозяин в своем доме», — заявил Бенсингтон, а она отвечала, что лучше пойдет экономкой в какой-нибудь школьный пансионат, но с головастиками нянчиться не станет; потом он попробовал воззвать к благоразумию кузины, а она попросила его самого быть благоразумным и отказаться от дурацкой затеи с головастиками; должна же она уважать его идеи, сказал Бенсингтон, но она возразила, что не станет уважать идеи, от которых пойдет вонь по всему дому; тут Бенсингтон не стерпел и (наперекор известным высказываниям Хаксли по этому поводу) выбранился. Не то чтобы уж очень грубо, но все же выбранился.

Разумеется, кузина Джейн была чрезвычайно оскорблена, и ему пришлось извиняться, и всякая

надежда испробовать открытие на головастиках — по крайней мере у себя дома — развеялась как дым.

Итак, надо было искать другой выход, ведь как только удастся изготовить Пищу, нужно будет кого-то ею кормить, чтобы продемонстрировать ее действие. Несколько дней Бенсингтон раздумывал, не отдать ли головастиков на попечение какому-нибудь надежному человеку, а потом случайная заметка в газете навела его на мысль об опытной ферме.

И о цыплятах. С первой же минуты он решил разводить на ферме цыплят. Ему вдруг представились цыплята, вырастающие до сказочных размеров. Мысленно он уже видел курятники и загоны — огромные курятники и птичьи дворы, которые день ото дня становятся все больше. Цыплята так доступны, их куда легче кормить и наблюдать, с ними легче управляться при измерениях и исследованиях, они сухие, не надо мочить руки… по сравнению с ними головастики — существа дикие и неподатливые, совсем не подходящие для его опытов! Непостижимо, как это он с самого начала не подумал о цыплятах! Помимо всего прочего, тогда не пришлось бы ссориться с кузиной Джейн. Он поделился своими

соображениями с Редвудом, и тот вполне с ним согласился.

Очень неправильно поступают физиологи, проделывая свои опыты над слишком мелкими животными, сказал Редвуд. Это все равно что ставить химические опыты с недостаточным количеством вещества: получается непомерно много ошибок, неточностей и просчетов. Сейчас ученым весьма важно отстоять свое право проводить опыты на крупном материале. Вот почему и он у себя в колледже ставит опыты на телятах, невзирая на то что они порой ведут себя легкомысленно и при встрече в коридорах несколько стесняют студентов и преподавателей других предметов. Зато кривые получаются необычайно интересные, и, когда они будут опубликованы, все убедятся, что его выбор правилен. Нет, если бы не скудость средств, ассигнуемых в Англии на нужды науки, он, Редвуд, не стал бы размениваться на мелочи и пользовался бы для своих исследований одними китами. Но к сожалению, в настоящее время, по крайней мере у нас в Англии, нет настолько крупных общественных виварiев, чтобы получить необходимый материал, это несбыточная мечта. Вот в Германии — другое дело… и так далее в том же духе.

Поскольку телята требовали от Редвуда неусыпного внимания, заботы о выборе и устройстве опытной фермы легли на Бенсингтона. Условились, что и все расходы он возьмет на себя — по крайней мере до тех пор, пока не удастся получить государственную субсидию. И вот, урывая время от трудов в своей домашней лаборатории, он разъезжает по южным пригородам Лондона в поисках подходящей фермы, и его внимательные глаза за стеклами очков, простодушная лысина и изрезанные башмаки пробуждают напрасные надежды в многочисленных владельцах дрянных и запущенных ферм. Кроме того, он поместил в «Природе» и нескольких ежедневных газетах объявление о том, что требуется достойная доверия супружеская чета, добросовестная и энергичная, для управления опытной фермой размером в три акра.

Место, показавшееся ему подходящим, нашлось в Хиклибрау (графство Кент), неподалеку от Аршота. Это был странный глухой уголок в лощине, которую со всех сторон обступали старые сосны, мрачные и неприветливые в вечерних сумерках. Горбатый холм отгораживал лощину с запада, заслоняя солнечный свет; жилой домишко казался еще меньше оттого, что рядом торчал несуразный

колодец под покосившимся навесом. Домишко был гол, не принаряжен хотя бы веточкой плюща или жимолости; половина окон выбита; в сарае средь бела дня было темно, хоть глаз выколи. Стояла ферма на отшибе, в полутора милях от деревни Хиклибрау, и тишину здесь нарушало разве только многоголосое эхо, но от этого лишь острее чувствовалось запустение и одиночество.

Бенсингтон вообразил, что все это необыкновенно легко и удобно приспособить для научных изысканий. Он обошел участок, взмахами руки намечая, где именно разместятся курятники и где загоны, а кухня, по его мнению, почти без переделки могла вместить достаточно инкубаторов и брудеров. И он тут же купил участок; на обратном пути он заехал в Дантон-Грин, договорился с подходящей четой, отозвавшейся на его объявление, и в тот же вечер ему удалось изготовить такую порцию Гераклеофорбии, что она вполне оправдывала все его решительные действия.

Подходящая чета, которой суждено было под руководством мистера Бенсингтона впервые на Земле кормить алчущих Пищей богов, оказалась не только весьма пожилой, но и на редкость неряшливой. Этого последнего обстоятельства мистер Бенсингтон не заметил, ибо ничто не

сказывается так пагубно на житейской наблюдательности, как жизнь, посвященная научным опытам. Фамилия избранной четы была Скилетт; Бенсингтон посетил мистера и миссис Скилетт в их тесной комнатушке, где окна были закупорены наглухо, над камином висело пятнистое зеркало, а на подоконниках торчали горшки с чахлой кальцеолярией.

Миссис Скилетт оказалась крохотной высохшей старушенцией; чепца она не носила, седые, давным-давно не мытые волосы скручивала узелком на затылке; самой выдающейся частью ее лица всегда был нос, теперь же, когда зубы у нее выпали, рот ввалился, а щеки увяли и сморщились, от всего лица только один нос и остался. На ней было темно-серое платье (если вообще можно определить цвет этого платья), на котором выделялась заплата из красной фланели. Миссис Скилетт впустила гостя в дом и сказала, что мистер Скилетт сейчас выйдет, только приведет себя в порядок; на вопросы она отвечала односложно, опасливо косясь на Бенсингтона маленькими глазками из-за огромного носа. Единственный уцелевший зуб не слишком способствовал внятности ее речей; она беспокойно сжимала на коленях длинные морщинистые

руки. Она сказала мистеру Бенсингтону, что долгие годы ходила за домашней птицей и отлично разбирается в инкубаторах; у них с мужем одно время была даже своя ферма, только под конец им не повезло, потому что мало осталось молодняка. «Выгода-то вся от молодняка», — пояснила она.

Потом появился мистер Скилетт; он сильно шамкал и косил так, что один его глаз устремлялся куда-то поверх головы собеседника; домашние туфли его были разрезаны во многих местах, что сразу вызвало сочувствие мистера Бенсингтона, а в одежде явно не хватало пуговиц. Рубаха и куртка разъезжались на груди, и мистер Скилетт придерживал их одной рукой, а указательным пальцем другой обводил золотые узоры на черной вышитой скатерти; глаз же, не занятый скатертью, печально и отрешенно следил за неким дамокловым мечом над головою мистера Бенсингтона.

— Штало быть, ферма вам нужна не для выгоды, шэр. Так, так, шэр. Это нам вше едино. Опыты. Понимаю, шэр.

Он сказал, что переехать они с женой могут немедленно. В Дантон-Грине он ничем особенно не занят, так, портняжит помаленьку.

— Я-то думал, тут можно заработать, шэр, а это

шамое наштоящее захолуштье. Так что, ежели вам угодно, мы шразу и переберемшя…

Через неделю мистер и миссис Скилетт уже расположились на новой ферме, и плотник, нанятый в Хиклибрау, мастерил курятники и разгораживал участки под загоны, а попутно перемывались косточки мистера Бенсингтона.

— Я покуда мало имел ш ним дела, — говорил мистер Скилетт, — а только, шдаетшя мне, он дурак набитый.

— А по-моему, просто у него не все дома, — возразил плотник.

— Воображает шебя куриным знатоком, — сказал мистер Скилетт. — Его пошлушать, так выходит, кроме него, никто в птице ничего не шмышлит.

— Он сам на курицу смахивает, — сказал плотник. — Как поглядит сбоку через очки — ну чистая курица.

Мистер Скилетт придвинулся поближе, печальным оком своим он уставился вдаль, на деревню Хиклибрау, а в другом глазу зажегся недобрый огонек.

— Велит каждый божий день их измерять, — таинственно шепнул он плотнику. — Каждый день измерять каждого цыпленка — где это шлыхано?

Надо, говорит, шледить, как они раштут. Каждый божий день измерять — шлыхали вы такое?

Мистер Скилетт деликатно прикрыл рот ладонью и захохотал, так и согнулся в три погибели от смеха, только одно его скорбное око не участвовало в этом приступе веселья. Потом, не вполне уверенный, что плотник до конца понял, в чем тут соль, повторил свистящим шепотом:

— Из-ме-рять!

— Да, этот, видно, еще почуднее нашего прежнего хозяина, — сказал плотник из Хиклибрау. — Вот лопни мои глаза!

II

Научные опыты — самое скучное и утомительное занятие на свете (если не считать отчетов о них в «Философских трудах»), и мистеру Бенсингтону казалось, что прошла целая вечность, пока его первые мечты о грандиозных открывающихся возможностях сменились первыми крупицами осязаемых достижений. Опытную ферму он завел в октябре, но проблески успеха стали заметны только в мае. Сначала были испробованы Гераклеофорбия номер один, номер два и номер три — и все неудачно. На опытной ферме приходилось постоянно воевать с крысами, воевать

приходилось и со Скилеттами. Был только один способ добиться, чтоб Скилетт делал то, что ему велено: уволить его. Услыхав, что ему дают расчет, Скилетт тер ладонью небритый подбородок (странным образом, хоть он вечно был небрит, у него никак не отрастала настоящая борода) и, уставясь одним глазом на мистера Бенсингтона, а другим поверх его головы, изрекал:

— Шлушаю, шэр. Конечно, раз вы это шерьезно…

Но наконец забрезжил успех. Вестником его явилось письмо от Скилетта — листок, исписанный дрожащими кривыми буквами.

«Есть новый выводок, — писал Скилетт. — Что-то вид этих цыплят мне не нравится. Больно они долговязые, совсем не как прежние, которые были до ваших последних распоряжений. Те были ладные, упитанные, покуда их кошка не сожрала, а эти растут, что твой бурьян. Сроду таких не видал. И шибко клюются, достают выше башмаков, толком не дают измерять, как вы велели. Настоящие великаны и едят бог знает сколько. Никакого зерна не хватает, уж больно они прожорливые. Они уже покрупнее взрослых бентамов. Если дальше так пойдет, можно их и на выставку послать, хоть они и долговязые. Плимутроков в

них не узнать. Вчера ночью я напугался, думал, на них напала кошка: поглядел в окно — и вот, лопни мои глаза, она нырнула к ним под проволоку. Выхожу, а цыплята все проснулись и что-то клюют, да так жадно, а кошки никакой не видать. Подбросил им зерна и запер покрепче. Какие будут ваши распоряжения, надо ли корм давать прежним манером? Который вы тогда смешали, уже, почитай, весь вышел, а самому мне смешивать неохота, потому как тогда получилась неприятность с пудингом. Мы с женой желаем вам доброго здоровья и надеемся на вашу неизменную милость.

С уважением —

Элфред Ньютон Скилетт».

В заключительных строках Скилетт намекал на происшествие с молочным пудингом, в который попало немного Гераклеофорбии номер два, что весьма болезненно отозвалось на Скилеттах и едва не привело к самым роковым последствиям.

Но мистер Бенсингтон, читая между строк, понял по описанию необыкновенного роста цыплят, что заветная цель близка. На другое же утро он сошел с поезда на станции Аршот, неся в саквояже в трех запечатанных жестянках запас Пищи богов, которого хватило бы на всех цыплят

графства Кент.

Стоял конец мая, утро было ясное, солнечное, даже мозоли почти не давали себя знать — и мистер Бенсингтон решил пройтись пешком через Хиклибрау. Всего до фермы было три с половиной мили — парком, потом деревней, а потом зелеными просеками Хиклибрауского заповедника. Поздняя весна сплошь осыпала деревья зелеными блестками, весело цвели кусты живых изгородей и целые чащи голубых гиацинтов и лиловых орхидей; и ни на минуту не смолкал разноголосый птичий гомон: заливались черные и певчие дрозды, малиновки, зяблики и всякие другие птахи, а в одном уголке парка, на пригреве, уже разворачивал свои завитки папоротник и весело прыгали лани.

От всего этого в душе мистера Бенсингтона встрепенулось давно позабытое ощущение — радость бытия; будущее его великолепного открытия представало в самом радужном свете, и вообще казалось, что настал счастливейший день его жизни. А потом он увидел залитую солнцем полянку возле песчаной насыпи, осененной ветвями сосен, увидел цыплят, вскормленных приготовленной им смесью, — огромных, нескладных, ростом уже перегнавших любую

почтенную семейную курицу и, однако, все еще растущих, еще покрытых младенческим желтым пухом (только на спине виднелись первые коричневые перышки), — и понял, что этот его счастливейший день и вправду настал.

Мистер Скилетт затащил его в загон, но цыплята тут же больно клюнули его раза два сквозь разрезы в башмаках, и он поспешно отступил и стал разглядывать чудо-птенцов сквозь проволочную сетку. Он близоруко припал к ней лицом и смотрел за каждым их движением так, словно отродясь не видывал живого цыпленка.

— Ума не приложу, какие же они выраштут, — сказал мистер Скилетт.

— С лошадь, — сказал мистер Бенсингтон.

— Да, видно, вроде того, — отозвался мистер Скилетт.

— Одним крылышком смогут пообедать несколько человек, — сказал мистер Бенсингтон. — Их придется рубить на части, как говядину.

— Ну, они же шкоро перештанут рашти, — сказал мистер Скилетт.

— Разве?

— Яшно, — сказал мистер Скилетт. — Знаю я эту породу. Шпервa тянутшя, как дурная трава, а

потом перештают. Яшное дело.

Оба помолчали.

— Вот что значит хороший уход, — скромно заметил мистер Скилетт.

Мистер Бенсингтон сверкнул на него очками.

— Мы ш моей хозяйкой и раньше таких выращивали, — продолжал мистер Скилетт, несколько увлекшись, и, словно призывая небеса в свидетели, закатил здоровый глаз. — Разве, может, шамую капельку поменьше.

Мистер Бенсингтон, по обыкновению, обошел всю ферму, но нигде не задерживался и поспешил вернуться к новому выводку. По правде говоря, он и надеяться не смел на подобный успех. Наука развивается так медленно, и пути ее так извилисты; вот выношена блестящая идея, но, пока она воплотится в жизнь, почти всегда тратишь долгие годы труда и изобретательности, а тут… тут не ушло и года на испытания — и вот она создана, настоящая Пища богов! Замечательно, даже не верится! Ему больше не надо питаться одними лишь смутными надеждами — неизменной опорой ученого воображения! По крайней мере так казалось Бенсингтону в тот час. Он вернулся к проволочной сетке и снова и снова во все глаза глядел на свое поразительное создание

— на цыплят-великанов.

— Дайте-ка сообразить, — сказал он. — Им десять дней. А ведь они, если не ошибаюсь, раз в шесть-семь больше обыкновенных цыплят…

— Шамое время нам прошить прибавки, — сказал жене мистер Скилетт. — Видишь, он рад до шмерти! Больно мы ему угодили тем выводком, что в дальнем загоне.

Он наклонился к самому уху миссис Скилетт, заслоняя рот ладонью.

— Думает, это они от его дурацкого порошка так вырошли.

И мистер Скилетт хмыкнул, подавляя смешок.

Поистине, в этот день мистер Бенсингтон чувствовал себя именинником. И ему вовсе не хотелось придираться к мелочам. Правда, при свете этого солнечного дня, как никогда, бросалось в глаза, что Скилетты — неряхи и хозяйничают спустя рукава. Но он ни разу не повысил голос. В изгородях загонов кое-где оказались дыры и прорехи, но он удовольствовался объяснением Скилетта, что тут виноваты «лиша или шобака, а может, еще какой зверь». Потом мистер Бенсингтон заметил, что инкубатор давно не чищен.

— Ваша правда, сэр, — со смиренной улыбочкой, скрестив руки на груди, ответила миссис

Скилетт. — Только когда ж нам их чистить? Поверите, за все время минутки свободной не было…

Скилетт жаловался, что их одолевают крысы, надо ставить капканы, и мистер Бенсингтон поднялся на чердак; норы и впрямь оказались громадные, и вокруг — грязь и мерзость запустения, а ведь здесь хранили и смешивали с мукой и отрубями Пищу богов! Скилетты принадлежали к той породе людей, что никак не могут расстаться с битой посудой, со старыми пустыми коробками, банками и склянками, — весь чердак был завален этим хламом. В углу медленно гнила сваленная Скилеттом на хранение куча яблок; с гвоздя, вбитого в скошенный потолок, свисало несколько кроличьих шкурок, на которых Скилетт собирался испробовать свои скорняжные таланты («по чашти мехов я первый знаток», — сообщил он).

Глядя на этот хаос, мистер Бенсингтон неодобрительно морщился, но шум поднимать не стал и даже при виде осы, которая лакомилась из аптечной фарфоровой баночки Гераклеофорбией номер четыре, только заметил кротко, что не следует держать этот порошок открытым, не то он отсыреет.

А потом, забыв обо всех этих досадных мелочах, он сказал Скилетту то, что все время было у него

на уме:

— Знаете, Скилетт… надо бы зарезать одного из тех цыплят… как образец. Давайте сегодня же и зарежем, и я его захвачу с собой в Лондон.

Он притворился, будто разглядывает что-то в другой аптечной баночке, потом снял очки и тщательно протер.

— Мне бы хотелось, — продолжал он, — очень бы хотелось сохранить что-нибудь на память… такой, знаете, сувенир о сегодняшнем дне… и об этом именно выводке… А кстати, вы не давали этим цыплятам мяса? — спросил он вдруг.

— Что вы, шэр! — обиделся Скилетт. — Не первый день за птицей ходим, видали кур вшякой породы, ш чего бы это нам делать такие глупошти.

— А остатки от своего обеда вы им не бросали? Мне, знаете, показалось, что там в дальнем углу валяются кости кролика…

Они пошли посмотреть и увидели дочиста обглоданный скелет, но не кролика, а кошки.

III

— Никакой это не цыпленок, — сказала мистеру Бенсингтону кузина Джейн. — Что же, по-вашему, я никогда в жизни цыплят не видела? — Кузина

Джейн начинала горячиться. — Во-первых, он слишком большой, а во-вторых, сразу видно, что это не цыпленок. Это больше похоже на дрофу.

— Что до меня, — нехотя сказал Редвуд, поняв по лицу Бенсингтона, что отмолчаться не удастся, — судя по всем данным, я, признаться…

— Ну, конечно… — сказала кузина Джейн. — Умные люди верят собственным глазам, а вы тут с какими-то данными…

— Но позвольте, мисс Бенсингтон!..

— А, да что вас слушать! — сказала кузина Джейн. — Все вы, мужчины, одинаковы.

— Судя по всем данным, эту птицу, безусловно, следует отнести к разряду… без сомнения, она ненормально гипертрофирована, однако же… тем более что она вывелась из обыкновенного куриного яйца… Да, мисс Бенсингтон, я вынужден признать, что… что иначе, как цыпленком, эту птицу не назовешь.

— Так что же, по-вашему, это цыпленок?

— Думаю, что да, — сказал мистер Редвуд.

— Какая чепуха! — воскликнула кузина Джейн и смерила его гневным взглядом. — Всякое терпение с вами лопается!

Она круто повернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

— И, должен сказать, для меня большое облегчение, что он остался просто цыпленком, хоть и очень большим, — сказал Редвуд, когда смолкло эхо захлопнувшейся двери.

Не дожидаясь приглашения мистера Бенсингтона, он уселся в низкое кресло перед камином и признался в поступке весьма опрометчивом даже для человека, далекого от науки.

— Вы, конечно, упрекнете меня в легкомысленной поспешности, Бенсингтон, — сказал он, — но... но неделю тому назад я положил немного Гераклеофорбии... совсем немножко, правда... в бутылочку моему малышу.

— Как! — воскликнул мистер Бенсингтон. — А вдруг бы...

— Да, я знаю, — сказал Редвуд и покосился на огромного цыпленка на столе. — Слава богу, все обошлось, — прибавил он и полез в карман за сигаретами. Потом отрывисто стал рассказывать подробности: — Бедный малыш совсем не прибавлял в весе... я так беспокоился... Уинклс не врач, а жулик... бывший мой ученик, но такой проныра... Моя жена верит в него, как в Господа Бога. Бывают, знаете, такие... величественные... важности хоть отбавляй... Ну а мне в доме никакой веры... И ведь это я его учил... меня даже в

детскую не пускают… Не могу же я сидеть сложа руки… Прошмыгнул туда, пока няня завтракала… и подсыпал в бутылочку.

— Но теперь он будет расти, — сказал Бенсингтон.

— Уже растет. За неделю прибавил двадцать семь унций… Вы бы послушали Уинклса! Хвастает, что это все от хорошего ухода.

— Ну еще бы! Совсем как Скилетт!

Редвуд опять покосился на цыпленка.

— Теперь задача, как его дальше подкармливать. Меня одного в детскую не пускают… помните, еще с тех пор, как я пытался вывести кривую роста Джорджины Филис… Уж не знаю, как я ему дам вторую порцию…

— А надо ли?

— Он уже два дня криком кричит… Ему теперь не хватает обычной еды. Нужно добавлять Пищи.

— А вы скажите Уинклсу.

— К черту Уинклса! — сказал Редвуд.

— Столкуйтесь с ним, и пусть даст ребенку порошок…

— Да, видно, придется, — сказал Редвуд и, подперев кулаком подбородок, уставился на огонь.

Бенсингтон стоял у стола, поглаживая пушок

на боку цыпленка-великана.

— Огромные вырастут птицы, — сказал он.

— Да, — отозвался Редвуд, не сводя глаз с пламени.

— Наверно, с лошадь, — продолжал Бенсингтон.

— Больше, — сказал Редвуд. — В том-то и загвоздка.

Бенсингтон повернулся к нему.

— Редвуд, — сказал он, — а ведь эти птицы поразят весь мир.

Редвуд кивнул, по-прежнему глядя в огонь.

— И ваш мальчик тоже! Вот честное слово! — выпалил Бенсингтон, блеснув очками, и шагнул к Редвуду.

— Об этом я и думаю, — сказал Редвуд.

Он со вздохом выпрямился в кресле, швырнул недокуренную сигарету в камин и глубоко засунул руки в карманы.

— Именно об этом я сейчас и думал. Надо будет обращаться с Гераклеофорбией поосторожнее. Этот цыпленок, видно, рос уж с такой быстротой…

— Если мальчик станет расти в таком темпе… — медленно произнес мистер Бенсингтон и уставился на цыпленка. — Да, знаете ли! Это

будет настоящий великан!

— Я буду постепенно уменьшать дозы, — сказал Редвуд. — Придется действовать через Уинклса.

— Смелый эксперимент, что и говорить.

— Да.

— Но, знаете, уж если быть откровенным… Рано или поздно ведь пришлось бы испробовать это хоть на одном ребенке.

— Ну, на одном-то ребенке мы это, безусловно, испробуем.

— Вот именно, — сказал Бенсингтон, подошел к камину и, сняв очки, снова принялся их протирать. — Мне кажется, Редвуд, пока я не увидал этих цыплят, я даже отдаленно не представлял себе, что мы, в сущности, делаем… какие тут открываются возможности. Только сейчас передо мною начинают вырисовываться… возможные последствия…

А между тем, поверьте, даже и в этот час мистер Бенсингтон имел весьма смутное понятие о том, какую бочку с порохом взорвет брошенная им искра.

IV

Было это в начале июня. Потом несколько недель Бенсингтону мешал съездить на опыт-

ную ферму воображаемый жестокий бронхит, и вместо него пришлось там побывать Редвуду. Возвратился он, еще больше прежнего озабоченный судьбою сына. Растут, непрерывно растут, уже целых семь недель…

А затем на сцене появились осы.

Первая гигантская оса была убита в конце июля, примерно за неделю до того, как куры сбежали из Хиклибрау. Сообщение об этом промелькнуло в нескольких газетах, но я не уверен, что оно попалось на глаза мистеру Бенсингтону, и уж наверно он не подумал, что появление огромного насекомого как-то связано с неряшеством, царившим на его опытной ферме.

Теперь уже не приходится сомневаться, что, пока Скилетт потчевал цыплят мистера Бенсингтона Пищей богов, множество ос так же усердно, а может быть, и еще усерднее таскали ту же снедь своему потомству, выведенному в начале лета среди песчаных холмов, за хвойным лесом, окружавшим ферму. И бесспорно, на таком питании осиное потомство росло и процветало ничуть не хуже Бенсингтоновых кур. В соответствии со своей природой осы становятся вполне взрослыми быстрее, чем домашняя птица, — и вот из всех живых тварей, которые по милости неряхи

Скилетта и его достойной супруги воспользовались благами, предназначенными для кур, осы первыми вошли в историю.

По дошедшим до нас сведениям, первым, кто повстречался с чудовищной осой и кому удалось ее убить, был некто Годфри, лесничий в поместье подполковника Руперта Хика, близ Мейдстона. По колено в зарослях папоротника он переходил полянку в буковой роще — одном из живописных уголков в лесах подполковника Хика; у него было с собой ружье — по счастью, двустволка. И вдруг впереди показалось неведомое чудище — Годфри не мог толком его разглядеть, так как оно летело против солнца, но гудело оно «что твой мотор». По собственному признанию, Годфри порядком струхнул. Чудище было величиной с сову, а то и побольше, но опытный глаз лесничего тотчас заметил, что летит оно как-то странно, не по-птичьи быстро машет крыльями, так что их и не разглядишь. Движимый, как я подозреваю, в равной мере инстинктом самозащиты и давней привычкой, Годфри мигом сорвал с плеча двустволку и выстрелил.

Вероятно, оттого, что мишень была уж очень необычная, он промахнулся: лишь небольшая часть заряда попала в цель; чудище упало было с

яростным жужжанием, по которому безошибочно узнаешь осу, но сразу опять взлетело, желтые и черные полосы заблестели в солнечных лучах. И сейчас же оса бросилась на Годфри. С двадцати ярдов он выстрелил из второго ствола, отшвырнул ружье, пробежал несколько шагов и нырнул в густой папоротник, стараясь увернуться от врага.

Оса пролетела в каком-нибудь ярде над ним, ударилась оземь, снова взлетела и, снова упав уже ярдах в тридцати от него, стала корчиться в агонии, извиваясь и пронзая воздух своим жалом. Годфри подобрал ружье, всадил в издыхающую осу еще два заряда и только после этого решился подойти ближе.

Потом он измерил мертвую осу: размах крыльев достигал двадцати семи с половиной дюймов, длина жала — трех дюймов. Дробь изуродовала туловище и разорвала брюшко, но Годфри прикинул, что от головы до жала было восемнадцать дюймов, и почти не ошибся. Глаз осы оказался величиной с монету в один пенни.

Таковы первые достоверные сведения о появлении гигантских ос. На следующий день велосипедист, который без педалей катил с холма между Семью дубами и Тонбриджем, едва не

наехал на другую осу-великана, она переползала дорогу. Шорох шин, видно, встревожил ее, и она взлетела, гудя, точно механическая пила. Руль в руках перепуганного седока дрогнул, велосипед вильнул и съехал на обочину, а когда седок, осмелев, оглянулся, оса летела над лесом в сторону Уэстерхема.

Велосипедист еще немного проехал, с трудом удерживаясь в седле, потом затормозил, спешился (его так била дрожь, что, слезая, он упал вместе со своей машиной) и сел на обочине, чтобы хоть немного опомниться. Ехал он в Эшфорд, но в тот день добрался только до Тонбриджа…

Как ни странно, после этого целых три дня о громадных осах не было ни слуху ни духу. Может быть, потому, что, как я обнаружил, сверяясь с метеорологическими сводками, в те дни погода стояла пасмурная и холодная, а кое-где шел проливной дождь. А на четвертый день прояснилось, засверкало солнце, и с этим совпало невиданное нашествие ос-великанов.

Сколько их появилось в тот день, невозможно подсчитать. Сообщалось по меньшей мере о пятидесяти случаях. Была даже одна человеческая жертва: некий владелец бакалейной лавки застиг гигантскую осу в бочонке с сахаром и, когда

она взлетела, сгоряча кинулся на нее с лопатой. Первым ударом он свалил ее на пол, а вторым рассек пополам, но она успела ужалить его через башмак — и из них двоих он умер первым.

Больше всего поразило публику появление осы-великана в Британском музее: средь бела дня она ринулась на одного из бесчисленных голубей, которые постоянно кормятся во дворе музея, взлетела с ним на карниз и там без помехи сожрала свою жертву. Затем она некоторое время ползала по крыше, через открытое окно забралась внутрь, жужжа, закружилась под стеклянным куполом читального зала (перепуганные читатели толпами кинулись к выходу) и, наконец, вылетела в другое окно и скрылась из глаз, причем после ее гудения наступившая тишина показалась людям оглушительной.

Почти всех остальных ос видели издали, на лету, большого вреда они не причинили. Одна обратила в бегство компанию гуляющих, которая расположилась закусить на Олдингтонском бугре, и уплела все сласти и варенье; другая, неподалеку от Уитстейбла, убила и растерзала щенка на глазах перепуганной хозяйки.

В тот вечер на улицах газетчики надрывались от крика, всюду бросались в глаза заголовки, на-

бранные самым крупным шрифтом: «Гигантские осы в графстве Кент!» В редакциях люди бегали по винтовым лестницам, выкликая все новые вести о крылатых чудищах. В пять часов вечера профессор Редвуд вышел из своего колледжа на Бонд-стрит, разгоряченный бурной схваткой, которую ему пришлось выдержать с коллегами из-за чересчур больших расходов на телят, и купил газету; развернув ее, он побледнел, мгновенно забыл и о телятах и о коллегах, вскочил в первый попавшийся наемный экипаж и поспешил к Бенсингтону.

V

С порога его оглушил голос Скилетта: тот вопил на всю квартиру и размахивал руками так, что, кроме него, уже ничего не было видно и слышно. Скилетт то жалобно взвизгивал, то чуть не рычал от злости.

— Мы больше не можем там оштаватьшя, шэр! Мы уж и так терпели, думали, штанет легче, а штановитшя чаш от чашу хуже. Там не одни ошы, шэр, там еще и уховертки завелишь — во-он такие (он вытянул жирную, грязную руку и отмерил на ней длину уховертки — чуть не до локтя). Мишшиш Шкилетт как увидела, чуть в обморок

не упала. А крапива у загонов, шэр, штрах как жжетшя, и вше раштет и раштет! И наштурция тоже — заползла в окно и чуть не шпутала мишшиш Шкилетт ноги. А вше ваш порошок виноват, шэр. Где капельку прошыплешь, там вше раштет и раштет, шроду я такого не видал. Не можем мы оштатьшя до конца мешяца, шэр. Нам пока еще жизнь не надоела. А там коли ошы не заедят, так наштурция задушит. Вы и не поверите, шэр, пока швоими глазами не увидите…

Он устремил здоровый глаз куда-то в потолок над головой Редвуда.

— Почем знать, может, крышы тоже добралишь до этого порошка! Вот чего я боюшь, шэр. Пока что больших крыш не видать, но кто его знает. Уховерток-то мы видели и напугалишь до шмерти — их было две, шэр, каждая ш хорошего омара… да еще эта наштурция… уж больно быштро она вырошла. А как я ушлыхал ош, шэр, как ушлыхал, так шразу и понял, что к чему. Шразу шхватилшя — и к вам, только и задержалшя пуговицу пришить, пуговица у меня отлетела. У меня и шейчаш душа не на меште, шэр. Штрах берет за мишшиш Шкилетт. Там эта наштурция вешь дом заплела… вот провалитьшя мне, шэр, надо глядеть в оба, а то шхватит и удавит, как

змея… и уховертки раштут, как на дрожжах, и ошы… вдруг ш нею что шлучитшя, шэр, а у нее и завещание не шоштавлено.

— А цыплята? — спросил мистер Бенсингтон. — Как цыплята?

— До вчерашнего дня мы их кормили, шэр, вот чтоб мне провалитьшя. А нынче утром побоялишь. Там ошы так жужжат, прошто штрах. Налетели тучей, да большущие такие. Ш курицу. Я ей и говорю, пришей, говорю, мне парочку пуговиц, не могу же я в таком виде в Лондон ехать. Вот поеду к миштеру Беншингтону и рашшкажу ему вше, как ешть. А ты, говорю, шиди дома и не выходи, пока я не вернушь, да шмотри окна не открывай.

— Если бы не ваша возмутительная неаккуратность…

— Ох, не говорите так, шэр, — возразил Скилетт. — У меня и без того душа болит за мишшиш Шкилетт. Я даже шлушать этого не могу, шэр, вот провалитьшя, не могу. У меня, шэр, одни крышы на уме… я вот ш вами тут разговариваю, а вдруг они уже шъели мою штаруху?

— Там должны быть такие поразительные кривые роста, а вы не сделали ни единого измерения! — сказал Редвуд.

— До того ли было, шэр! Знали бы вы, какого мы ш женой штраху натерпелишь за этот мешяц! Ума приложить не могли, что же это такое делаетшя. Цыплята раштут, как шумашшедшие, и уховертки, и наштурция. Не припомню, шэр, говорил я вам про наштурцию?..

— Да, да, говорили, — сказал Редвуд. — Что нам делать, Бенсингтон, как по-вашему?

— А нам-то что делать? — взмолился Скилетт.

— Вы возвращайтесь на ферму, — сказал Редвуд. — Нельзя оставлять миссис Скилетт одну на всю ночь.

— Ну нет, шэр, один я туда не поеду. Будь там хоть дешять мишшиш Шкилетт. Вот ешли мишстер Беншингтон…

— Чепуха! — оборвал его Редвуд. — Осы ночью спят. А уховертки вас не тронут…

— Да, а крышы-то?

— Никаких там крыс нет, — сказал Редвуд.

VI

Мистер Скилетт напрасно тревожился за свою супругу. Миссис Скилетт не теряла времени зря.

Настурция, которая все утро, неслышно цепляясь усиками, карабкалась выше и выше по стене, к одиннадцати часам заслонила окно; в комнате

становилось все темней и темней, и миссис Скилетт все яснее понимала, что положение скоро сделается невыносимым. Казалось, с отъезда мужа прошла целая вечность. Некоторое время она пыталась сквозь темное окно, сквозь завесу шевелящихся зеленых плетей и усиков рассмотреть, что делается снаружи, потом тихонько отошла, осторожно приотворила дверь спальни и прислушалась…

Ничто не нарушало тишины — и вот, высоко подобрав юбки, миссис Скилетт бросилась в спальню, заглянула для верности под кровать, потом заперлась и быстро и споро, как женщина привычная, стала собираться в путь-дорогу. Постель с утра осталась не застелена, на полу валялись куски настурции — Скилетту с вечера пришлось обрубить побеги топором, чтобы закрыть окно, — но миссис Скилетт не замечала беспорядка. Она достала более или менее приличную простыню и увязала в нее самое необходимое: все свои платья, белье, вельветовую куртку, которую Скилетт надевал в торжественных случаях, непочатую банку маринада. Все это было вполне законно, но заодно она прихватила и две наглухо закупоренные банки с Гераклеофорбией номер четыре из тех, что привез в последний

раз мистер Бенсингтон. (Миссис Скилетт была женщина честная, но она была еще и бабушка, и у нее сердце разрывалось оттого, что такой отличный продукт приходилось скармливать каким-то паршивым цыплятам.)

Связав все свои пожитки в узел, она надела чепец, сняла фартук, новым шнурком для ботинок перевязала зонтик, постояла, прислушиваясь, у окна, потом у двери — и наконец отворила ее и вышла в мир, полный неведомых опасностей. Зонтик она держала под мышкой, а узловатыми руками упрямо сжимала свои драгоценные пожитки. Чепец она надела самый лучший, с лентами, расшитый бисером, а среди всего этого великолепия вздымались и кивали два искусственных мака, словно исполненные того же трепетного мужества, что и их хозяйка.

Над переносьем у нее прорезалась решительная складка. Хватит с нее! Не станет она торчать тут одна! Скилетт, если угодно, пускай возвращается, а она сыта по горло.

Она вышла через парадную дверь, глядевшую на Хиклибрау, — надо ей было в противоположную сторону, в Чизинг-Айбрайт, где жила ее замужняя дочь, но дверь черного хода уже невозможно было отворить — так разрослась

тут взбесившаяся настурция с того дня, как миссис Скилетт просыпала возле нее порошок. Минуту-другую она прислушивалась, потом с величайшей осторожностью закрыла за собою дверь.

Прежде чем обойти дом, она опасливо выглянула из-за угла и осмотрелась…

Широкая расселина, точно шрам, пересекала песчаный холм за соснами, — там-то и гнездились гигантские осы, и миссис Скилетт испытующе посмотрела туда. Налетавшиеся с утра осы сейчас угомонились, их не было видно, и вокруг стояла тишина, доносилось лишь глухое гудение, как будто работала паровая лесопилка. Не видать было и уховерток. Правда, на огороде, среди грядок с капустой, что-то шевелилось, но, может, это просто кошка подкрадывалась к какой-нибудь пичуге. Несколько минут миссис Скилетт не сводила глаз с этого места.

Потом она завернула за угол, но через несколько шагов при виде загона с цыплятами-великанами снова остановилась. Поглядела на них и со вздохом покачала головой. Цыплята были уже ростом со страуса эму, но куда толще и массивнее. Их оставалось пять, и все курочки; было еще два петушка, но они, подравшись, забили друг друга

до смерти. Курочки бродили понурые, и миссис Скилетт задумалась.

— Бедненькие, — сказала она и опустила свой узел наземь. — Со вчерашнего дня не поены, не кормлены! При эдаких-то аппетитах!

И тут эта вечно грязная, неряшливая старушонка совершила, на мой взгляд, истинный подвиг милосердия. Оставив узел и зонтик на вымощенной кирпичом дорожке, она пошла к колодцу, налила в пустое корыто целых три ведра воды и, пока цыплята жадно пили, потихоньку отперла калитку загона. После этого она с удивительным проворством подобрала свои пожитки, перелезла через живую изгородь на краю огорода, зашагала прямиком через некошеный луг, так что осиные гнезда остались в стороне, и дальше направилась извилистой тропкой к Чизинг-Айбрайту.

Поднимаясь в гору с тяжелой ношей, она совсем запыхалась, часто останавливалась передохнуть и всякий раз оглядывалась на оставшийся позади, за елями, опустевший домик. Наконец, почти уже с вершины холма, она увидела вдали трех огромных ос: медленно, тяжело они поодиночке летели на запад, и это зрелище сразу заставило ее прибавить шагу.

Скоро она вышла на открытое место, дальше

тропинка шла по насыпи (здесь миссис Скилетт почувствовала себя почти в безопасности), а там показалась и долина, ведущая к холмам Хиклибрау. У подножия холма, укрывшись в тени большого дерева, миссис Скилетт посидела немного, переводя дух.

И опять решительно зашагала своей дорогой…

Видели бы вы ее — маленькую, черную, точно вставший на задние лапки муравей, с белым узлом в руке, — как она торопливо семенила по белеющей под жарким полуденным солнцем тропинке, пересекавшей отлогие склоны холмов! Казалось, это решительный, неутомимый нос ведет ее все вперед и вперед; маки, украшавшие чепец, непрестанно дрожали и раскачивались, башмаки на резинках все гуще покрывала белая дорожная пыль. В знойной тишине только и слышались ее шаги — шлеп да шлеп, зажатый под мышкой зонтик упрямо соскальзывал вниз и чуть не падал. Сморщенные, увядшие губы под огромным нависшим носом были поджаты с выражением непреклонной решимости, и старуха все снова вздергивала зонтик повыше — да не падай ты, прах тебя побери! — или мстительно встряхивала накрепко стиснутый в руке узел. И порою бормотала что-то себе под нос в предвку-

шении какого-то спора со Скилеттом.

А впереди, в дымке голубого неба, постепенно вырисовывалась колокольня, и все яснее виднелся Чизинг-Айбрайт — тихий уголок, такой далекий от суеты нашего буйного мира; там никто и не помышлял о Гераклеофорбии, что неотвратимо приближалась к этой обители тишины и спокойствия, притаившись в белом узле.

VII

Насколько я понимаю, куры-великанши нагрянули в Хиклибрау около трех часов пополудни. Должно быть, они ни минуты не теряли даром, хотя очевидцев не оказалось: на улице в ту пору никого не было. О том, что стряслось неладное, первым возвестил отчаянный вопль маленького Скелмерсдейла. Мисс Дарген, почтмейстерша, по обыкновению от нечего делать глядевшая в окно, вдруг увидела огромную курицу, — та неслась по улице с несчастным ребенком в клюве, а за нею по пятам — еще две такие же громадины. Вы и сами, конечно, знаете, с какой невероятной быстротой враскачку бегут к кормушке выпущенные из курятника крепкие, сильные куры недавно выведенных пород. И знаете, что от голодной курицы никак не отвяжешься, она настойчиво

требует своего. Как мне говорили, среди предков Бенсингтоновых цыплят были плимутроки, а они и без Гераклеофорбии долговязы и бегуны первоклассные.

Быть может, мисс Дарген была не так уж изумлена. Как ни просил мистер Бенсингтон Скилеттов держать язык за зубами, а слухи об огромных цыплятах, выведенных на его ферме, ходили по деревне уже не первую неделю.

— Боже милостивый! — воскликнула мисс Дарген. — Так я и знала, что этим кончится!

Однако же она не растерялась. Мигом схватила опечатанный пакет с почтой, приготовленный для отправки в Аршот, и выбежала вон. И сейчас же в другом конце улицы показался мистер Скелмерсдейл, он бежал бледный как полотно, размахивая лейкой, которую держал за носик. А еще через минуту, конечно, уже все жители деревушки выглядывали из дверей и окон.

Завидев мисс Дарген, которая бежала к ней через дорогу, размахивая всей дневной корреспонденцией всего Хиклибрау, похитительница юного Скелмерсдейла остановилась. Помешкала секунду — и через открытые настежь ворота вбежала во двор к Фалчеру. Эта секунда промедления оказалась роковой. Подскочила вторая курица,

нацелившись клювом, выхватила у нее добычу и через ограду перемахнула в сад к приходскому священнику.

В курицу, бежавшую позади, попала лейка, пущенная меткой рукой мистера Скелмерсдейла, и она с отчаянным кудахтаньем перелетела над домиком миссис Глю во двор к доктору, а остальные громадные птицы тем временем мчались по лужайке вдогонку за той, которая тащила ребенка.

— Господи боже! — вскричал священник (некоторые уверяют, что он выразился более мужественно) и, грозно размахивая крокетным молотком, бросился наперерез. — Стой, негодяйка! — кричал он, словно гоняться за гигантскими курами было ему не впервой.

А затем, видя, что не успеет перехватить воровку, изо всей мочи запустил в нее молотком — и тот, описав изящную кривую в каком-нибудь футе от головы Скелмерсдейла-младшего, угодил в стеклянную стенку теплицы. Дзинь, трах! Новенькая теплица! Так любовно и так недавно отстроенная женой священника!

Звон разбитого стекла напугал курицу — тут бы всякий напугался, — и она уронила свою добычу в куст португальского лавра. Младенца вскоре оттуда извлекли, встрепанного, но целого

и невредимого, пострадала только его одежка. Она оказалась не столь прочной, как ее хозяин. Курица подскочила, захлопала крыльями — и очутилась на крыше Фалчеровой конюшни, но неплотно лежавшая в этом месте черепица не выдержала, и беглянка, так сказать, с неба свалилась в закуток, где в тихом уединении пребывал мистер Бампс, паралитик; сейчас уже неопровержимо доказано, что в эту критическую минуту своей жизни мистер Бампс впервые без чьей-либо помощи вскочил, пересек сад, — и только когда он захлопнул за собой дверь и задвинул засов, к нему разом вернулись христианское смирение и беспомощность опекаемого женою инвалида…

Остальным курам преградили дорогу другие игроки в крокет, и они кинулись через огород священника во двор к доктору; туда же явилась и пятая их товарка, горестно кудахтая после неудачной попытки прогуляться по рамам с парниковыми огурцами мистера Уизерспуна.

Куры постояли немного, копаясь в земле и раздумчиво кудахтая, потом одна долго и упорно клевала и долбила клювом улей, стараясь добраться до докторовых пчел, а затем все пять, неуклюже переваливаясь, подскакивая, топорща перья и то ускоряя, то замедляя шаг, двинулись

полями к Аршоту, и больше их в Хиклибрау не видели. Неподалеку от Аршота они набрели на подходящую для себя еду — огромное поле брюквы — и принялись жадно клевать. Но скоро они стали жертвами своей славы.

Поразительное вторжение в жизнь человеческую птиц-великанов пробудило в людях буйную, неодолимую жажду вопить, бегать и швырять чем попало, — и очень быстро все мужское население Хиклибрау и даже несколько особ женского пола, вооружась самыми разнообразными предметами, которыми можно размахивать, колотить или кидать в цель, устроили облаву на гигантских кур. Их загнали в Аршот, где как раз было в разгаре гулянье, и жители Аршота встретили их как достойное завершение праздника. Кур преследовали до Финдон-Бичс, тут кто-то начал в них стрелять из мелкокалиберного ружья. Но конечно, в птицу такого размера можно сколько угодно палить дробью — она ничего и не почувствует. Где-то близ Семи дубов куры бросились врассыпную, и одну из них чуть погодя видели у Тонбриджа. С громким кудахтаньем она суматошливо бежала по берегу, все время держась немного впереди быстроходного катера и несказанно изумляя пассажиров.

В тот же день около половины шестого двух из этих кур ловко поймал владелец тонбриджского цирка: разбросав по полу куски хлеба и пирога, он заманил их в клетку, которая пустовала после смерти овдовевшей верблюдицы…

VIII

Когда злосчастный Скилетт сошел в тот вечер с поезда на станции Аршот, уже смеркалось. Поезд опоздал — правда, ненамного, — и мистер Скилетт поставил это на вид начальнику станции. Быть может, ему почудилось, что начальник станции как-то особенно на него посмотрел, и, помедлив секунду в нерешимости, Скилетт прикрыл рот ладонью и вполголоса осведомился, не случилось ли «чего-нибудь этакого».

— Какого еще «этакого»? — переспросил начальник станции, голос у него был громкий и резкий.

— Ну, может, ошы или еще что…

— Тут было не до «ош», — сказал начальник станции. — Нам и с вашими окаянными курами хлопот хватало.

И он обрушил на Скилетта рассказ о похождениях его цыплят, точно град камней в окно политического противника.

— А как мишшиш Шкилетт, не шлыхали? — все же спросил Скилетт, оглушенный этими новостями и нелестными комментариями.

— Еще чего! — отрезал начальник станции, ясно показывая, что судьба этой дамы его ничуть не занимает.

— Надо мне узнать, как и что, — сказал Скилетт и поспешно ретировался, а вдогонку ему летели не слишком лестные замечания о дураках, которые перекармливают кур и обязаны за это ответить…

Когда Скилетт проходил через Аршот, его окликнул работник из Хэнки и спросил, уж не ищет ли он своих кур.

— А как там мишшиш Шкилетт, не шлыхали? — снова осведомился незадачливый супруг.

Собеседник выразился в том смысле, что его куда больше интересуют куры, но подлинные слова его повторять не стоит.

Было уже совсем темно, во всяком случае, настолько, насколько может быть темно в Англии в безоблачную июньскую ночь, когда мистер Скилетт заглянул в дверь кабачка «Веселые возчики» (вернее, заглянула одна только его голова).

— Эй, друзья! — сказала голова. — Не шлыхали, что там за шказки рашшказывают про моих кур?

— Как не слыхать! — отозвался мистер Фалчер. — Одна сказка проломила крышу моего сарая, а другая вдребезги расколотила парники… то бишь, как их… оранживеи у жены священника…

Тут Скилетт вылез из-за двери.

— Мне бы подкрепитьшя, — сказал он. — Горячего бы джину ш водой в шамый раз.

И тогда все наперебой стали ему рассказывать, что натворили его цыплята, а он слушал и только повторял:

— Боже милоштивый!

Потом, улучив минуту, когда все умолкли, спросил:

— А как там мишшиш Шкилетт, вы не шлыхали?

— Не слыхали, — сказал мистер Уизерспун. — Не до нее нам тут было. Да и не до вас тоже.

— А вы разве нынче дома не были? — спросил Фалчер, поднимая голову от пивной кружки.

— Если какая-нибудь из этих подлых кур ее клюнула разок-другой…

Мистер Уизерспун не договорил, он предоставил слушателям вообразить себе ужасную картину.

В эту минуту все охотно пошли бы со Скилеттом

поглядеть, не случилось ли и впрямь чего-нибудь с его супругой, — это ли не развлечение на закуску, достойное столь богатого событиями дня! Неожиданности следуют одна за другой, было бы жаль что-нибудь упустить…

Но тут Скилетт (он в это время, устремив один глаз на буфет, а другой в вечность, тянул у стойки свой джин) сам же расхолодил компанию.

— Надо думать, эти большие ошы нынче никого не тревожили? — спросил он с нарочитой небрежностью.

— Нам было не до них, мы с вашими курами возились, — отозвался Фалчер.

— Надо думать, они уже куда-нибудь улетели, — сказал Скилетт.

— Кто, куры?

— Да нет, я больше про ош, — пояснил Скилетт.

А затем, тщательно выбирая слова и делая чуть ли не на каждом многозначительное ударение, он спросил с напускной небрежностью, которая заставила бы насторожиться и грудного младенца:

— Надо *думать*, про *других* каких-нибудь *больших* животных у наш ничего *не шлыхать*, а? Про *шобак*, или, шкажем, *кошек*, или *вроде* того? раз

уж появляютшя такие большущие куры и ошы…

И он захохотал: мол, сами понимаете, это я так болтаю, для потехи.

Но почтенные жители Хиклибрау разом помрачнели. Фалчер первым высказал вслух общую мысль:

— Ежели кошка да под стать этим курам…

— Н-да-а, — сказал и Уизерспун. — Этакая кошка…

— Это уж будет не кошка, а тигр, — сказал Фалчер.

— А то и побольше… — сказал Уизерспун.

И вот наконец Скилетт зашагал одинокой полевой тропинкой, что вела от Хиклибрау в гору, а потом ныряла в осененную хмурыми соснами ложбину, где в безмолвии и мраке мертвой хваткой сдавили опытную ферму Бенсингтона плети гигантской настурции… Но шагал он в одиночестве.

Его проводили до подножия холма — на большее сочувствия и любопытства не хватило, — видели, как он поднялся на вершину, как мелькнул его четкий силуэт на бледно-золотом фоне согретых закатом небес и снова канул в сумрак, откуда, казалось, ему уже нет возврата. Он ушел в неизвестность. И по сей день никто не знает,

что случилось с ним после того, как он скрылся за холмом. Немного погодя у обоих Фалчеров и Уизерспуна разыгралось воображение, и они тоже поднялись на вершину и поглядели на север, куда ушел Скилетт, но тьма уже поглотила его.

Трое провожатых придвинулись ближе друг к другу и молча стояли и смотрели.

— Вроде там все в порядке, — сказал наконец Фалчер-младший.

— Что-то ни одного огонька не видать, — сказал Уизерспун.

— А отсюда их и не увидишь.

— Да еще туман нынче, — сказал Фалчер-старший.

Они еще постояли в раздумье.

— Было бы что неладно, так он бы воротился, — сказал Фалчер-младший.

Это прозвучало вполне убедительно, и еще немного погодя старик Фалчер сказал:

— Ладно, пошли.

И все трое отправились домой спать — правда, на обратном пути они были какие-то притихшие и задумчивые.

В ту ночь пастух, который остановился со своими овцами неподалеку от фермы Хакстера, слышал громкий визг и решил, что это лисицы,

а наутро недосчитался барашка — и отыскал его наполовину обглоданные кости на дороге в Хиклибрау…

Самое непонятное, что никаких останков, по которым можно было бы опознать Скилетта, так и не нашли!

Месяца через полтора среди обугленных развалин опытной фермы, в разных концах ее, найдены были кости, похожие, пожалуй, и на человеческие — лопатка и еще одна, длинная, быть может, берцовая, тоже изглоданная до неузнаваемости. А у ограды со стороны Айбрайта, возле перелаза, нашли стеклянный глаз, и тут-то многим стало ясно, что именно этому сокровищу Скилетт был в немалой мере обязан своим обаянием. Стеклянный глаз смотрел на белый свет с тем же отрешенным, суровым и скорбным выражением, которое когда-то придавало значительность весьма заурядной физиономии мистера Скилетта.

После тщательных розысков среди развалин обнаружили металлические ободки двух полотняных пуговиц, еще три такие же пуговицы, сплющенные, но уцелевшие, и одну металлическую, из тех, которым в нашем туалете отнюдь не полагается быть на виду. Авторитетные лица

сочли эти находки неопровержимым доказательством того, что Скилетт был убит и растерзан в куски, но меня это не убеждает. Признаться, памятуя о явном его отвращении ко всяким застежкам, я предпочел бы для верности найти меньше пуговиц, но больше костей.

Правда, стеклянный глаз — как будто доказательство бесспорное, но если он и в самом деле принадлежал Скилетту (а даже миссис Скилетт и та не знала наверняка, был ли неподвижный глаз мужа стеклянным), то цвет его странным образом изменился и из светло-карего стал небесно-голубым. А лопатка — свидетельство совершенно ненадежное; прежде чем признать этот огрызок частью человеческого скелета, я хотел бы сравнить его для наглядности с изгрызенными лопатками каких-нибудь овец или телят.

А кстати, куда девались башмаки мистера Скилетта? Может быть, у крыс очень странный, даже извращенный вкус, но неужели они, которые бросили недоеденного барашка, пожрали бы Скилетта целиком, не оставив ни волос, ни костей, ни зубов, ни башмаков?

Я тщательно расспросил всех, кто сколько-нибудь близко знал Скилетта, и все в один голос твердили, что не родился еще на свет такой зверь,

который бы сожрал Скилетта. Некий отставной моряк, арендатор одного из коттеджей мистера У. У. Джейкобса в Дантон-Грин, с загадочным и глубокомысленным видом, обычным для здешних жителей, высказал мнение, что прикончить мистера Скилетта зверь, пожалуй, мог, но съесть — никак: даже у самого лютого отшибло бы аппетит. Окажись Скилетт на плоту посреди океана в числе потерпевших кораблекрушение, уж ему-то не грозила бы смерть от руки изголодавшихся спутников. «Неохота мне про него худо говорить, — прибавил отставной моряк, — но что правда, то правда». А уж надеть сшитый Скилеттом костюм он, моряк, нипочем бы не согласился — для этого надо окончательно рехнуться. Судя по всем этим разговорам, навряд ли какое-нибудь живое существо могло счесть Скилетта лакомым блюдом.

Скажу вам, читатель, прямо и откровенно: не верится мне, чтобы Скилетт возвратился на ферму. Скорее всего он долго бродил в нерешимости по окрестным полям и лугам, а когда поднялся непонятный визг, разбудивший пастуха, избрал простейший выход из затруднительного положения: канул в неизвестность.

Так, в неизвестности — в нашем, а быть может,

в каком-то ином, неведомом нам мире — он, вне всякого сомнения, упорно остается и поныне.

Глава III
Гигантские крысы

I

На третью ночь после исчезновения мистера Скилетта доктор из Подбёрна ехал в своей двуколке по дороге к Хэнки. Долгие часы провел он в хлопотах, помогая еще одному ничем пока не примечательному гражданину войти в наш странный мир, — и теперь, усталый и сонный, возвращался восвояси. Было уже около двух часов пополуночи, всходил тонкий серп убывающей луны. В эту пору и летом становится прохладно, и вокруг стлался белесый туман, скрадывая очертания предметов. Доктор ехал один, без кучера — тот накануне слег; вокруг ничего не видно и не слышно, лишь бегут навстречу в желтом свете фонарей двуколки таинственно-темные живые изгороди, да дробно стучат лошадиные копыта и колеса, и им вторит эхо среди кустов. Лошадь дорогу знает, на нее можно положиться, как на самого себя, — неудивительно, что доктор

задремал…

Вам, конечно, знакомо это состояние: сидишь и клюешь носом, покачиваясь в лад мерному стуку колес, голова совсем опускается на грудь — и вдруг вздрогнешь и встрепенешься…

Цок, цок, цок… — стучат копыта, стучат колеса.

Но что это?

Совсем близко кто-то пронзительно взвизгнул — или только почудилось? Доктор совсем было проснулся. Выбранил лошадь, которая вовсе этого не заслужила, и огляделся по сторонам. И постарался сам себя успокоить: наверно, это взвизгнула лисица или, может быть, крольчонок, попавший в зубы хорьку.

Цок, цок, цок… — стучат копыта, шуршат кусты живой изгороди.

Что такое?

Опять ему что-то почудилось. Он встряхнулся и прикрикнул на лошадь. Прислушался, но ничего не услышал.

Ничего? Так ли?

Что за странность, кажется, его кто-то подстерегает — над изгородью мелькнула странная голова какого-то животного. Большая, с круглыми ушами! Доктор напряг зрение, но ничего не разглядел.

— Вздор, — сказал он и выпрямился.

Наверно, это привиделось во сне. Доктор легонько тронул лошадь кнутом, велел ей поторапливаться и опять поглядел на кусты. В неверном свете фонарей, в пелене тумана все очертания казались смутными и зыбкими. Но нет, там, за кустами, не может таиться опасность, иначе лошадь почуяла бы и шарахнулась… И все же доктору стало тревожно.

А потом он явственно расслышал шлепанье мягких лап: кто-то вскачь догонял его.

Доктор не поверил своим ушам. Оглянулся, но ничего не увидел за крутым поворотом дороги. Хлестнул по лошади и опять покосился через плечо. И тут луч фонаря попал на такое место изгороди, где кусты были пониже, — и за ними мелькнула изогнутая спина… спина какого-то большого животного, доктор не понял какого; быстрыми, резкими скачками оно нагоняло двуколку.

Тут ему вспомнились старые сказки о колдовстве, рассказывал после доктор, — уж слишком не похож был неведомый зверь на всех известных ему животных; он испугался, что испугается лошадь и понесет, и крепче сжал вожжи. И хоть он человек образованный, но в ту минуту, по

собственному признанию, подумал: а вдруг это — привидение, вот оно и явилось ему одному, а лошадь ничего не видит?

Впереди, уже недалеко, черным силуэтом в лучах встающей луны маячила деревушка Хэнки; хоть в окнах не было ни огонька, вид ее успокоил доктора, он щелкнул кнутом и снова крикнул, погоняя лошадь, — и тут крысы кинулись на него!

Мимо мелькнули ворота, и в этот миг передняя крыса одним прыжком перемахнула через изгородь. Прежде она скрывалась в темноте, а теперь вся оказалась на виду: острая, жадная морда, закругленные уши, длинное туловище — вытянутое в прыжке, оно показалось доктору еще огромнее; особенно поразили его розовые передние лапы зверя. И может быть, самое страшное — что зверь был неведомый, ни на что не похожий. Крысу доктор в этом чудище не признал, сбитый с толку его размерами.

Лошадь в испуге шарахнулась от метнувшегося к ней большого темного тела. На узкой дорожке меж двух живых изгородей поднялся шум, доктор закричал, захлопал кнутом. Все словно понеслось с головокружительной быстротой.

Цокот копыт, шлепанье мягких лап, шуршанье кустов…

Доктор вскочил, крикнул и что было силы стегнул крысу кнутом. Она вздрогнула и вильнула в сторону — при свете фонаря видна была даже вмятина на шкуре от удара кнута, — и доктор без памяти хлестал снова и снова, не замечая, что еще одна крыса догоняет его с другой стороны. Потом оглянулся и выронил вожжи: третья крыса мчалась за ним по пятам…

Лошадь рванулась вперед. Двуколка подскочила на рытвине. Одно безумное мгновенье доктору казалось, что все вокруг скачет и мчится…

А потом лошадь упала, — по счастью, это случилось, когда доктор уже въехал в деревню, но не успел ее миновать.

Споткнулась ли лошадь или ее свалила вторая крыса, рванув с налету острыми зубами и повиснув на ней всей своей тяжестью, никто не знает; доктор даже не заметил, что и сам ранен, он обнаружил это только после, в домике каменщика, и никак не мог вспомнить, когда же это случилось, хотя укус был болезненный — две глубокие борозды на левом плече, словно прорезанные взмахом двойного томагавка.

Только что он стоял в двуколке — и вдруг очутился на земле, нога вывихнута, но он этого еще не замечает; третья крыса наскакивает на него,

и он отчаянно отбивается кнутом. Должно быть, он выпрыгнул из падавшей двуколки, но в пылу битвы все смешалось у него в голове, и он ничего толком не мог вспомнить. Я думаю, когда крыса впилась в горло лошади, та взвилась на дыбы и рухнула на бок; двуколка опрокинулась, и доктор инстинктивно соскочил на землю. Фонарь при падении разбился, керосин вспыхнул, и яркий свет озарил жестокую схватку.

Ее-то и увидел каменщик.

Он еще раньше услыхал цокот копыт, стук колес и отчаянные крики доктора, хотя сам доктор не помнил, что кричал. Каменщик соскочил с постели, начал поднимать штору, и тут раздался страшный треск и за окном вспыхнул ослепительный свет. По словам каменщика, сделалось светло как днем. Он замер, стиснув в руке шнур, и уставился на дорогу — там все вдруг стало неузнаваемо и страшно, как в кошмарном сне. В свете пламени дергался черный силуэт доктора и плясал кнут в его руке. Едва различимая за слепящим костром, била в воздухе копытами лошадь, в горло ее вгрызалась крыса. Поодаль, у церковной ограды, зловеще сверкали из темноты глаза другой хищницы, и можно было угадать третью — виднелись только налитые кровью

глаза да розовые лапы, цеплявшиеся за ограду; должно быть, она прыгнула туда, испугавшись огня, когда разбился фонарь.

Вам, конечно, хорошо знакомы крысиные морды, длинные передние зубы и свирепые глаза. И все это предстало перед каменщиком, увеличенное примерно в шесть раз, да еще внезапно, среди ночи, в неверном свете пляшущего пламени, да еще спросонок мысли его путались… Жутко ему стало…

Тут доктор воспользовался мгновенной передышкой — пламя все же отпугнуло крыс, — кинулся к дому и отчаянно застучал в дверь рукояткой кнута.

Но хозяин впустил его только после того, как зажег лампу.

Потом многие осуждали его за это; не решаюсь к ним присоединиться: как знать, возможно, на его месте я оказался бы не храбрее…

Доктор кричал во все горло и колотил в дверь.

Каменщик утверждает, что, когда дверь наконец отворилась, бедняга просто плакал от страха.

— Запри! — крикнул доктор. — Запри!

Больше он не мог вымолвить ни слова. Хотел было помочь, но руки не слушались. Каменщик

запер дверь на засов, а доктор рухнул на стул и долго не мог подняться…

— Не знаю, что это было, — твердил он. — Не знаю, что это было. — Голос его срывался.

Каменщик хотел принести ему виски, но доктор ни за что не соглашался остаться один при тусклой мигающей лампе. Прошло немало времени, пока хозяин уговорил его подняться наверх и лечь…

Когда огонь за окном погас, гигантские крысы вернулись к убитой лошади, уволокли ее через кладбище к кирпичному заводу и глодали до самого рассвета; никто не осмелился им помешать…

II

На следующее утро часов в одиннадцать Редвуд отправился к Бенсингтону; в руках у него были три вечерние газеты.

Бенсингтон оторвался от унылых размышлений над забытыми страницами самого «увлекательного» романа, какой только сумели для него подобрать в библиотеке на Бромптон-роуд.

— Есть новости? — спросил он.

— Возле Чартема осы ужалили еще двоих.

— Сами виноваты. Почему они не дали нам

окурить гнездо?

— Конечно, сами виноваты, — согласился Редвуд.

— А как с покупкой фермы? Ничего нового?

— Наш агент — настоящая дубина да еще и пустомеля, — сказал Редвуд. — Прикидывается, будто на ферму есть еще другой покупатель — вы же знаете, так всегда бывает, — и не желает понять, что мы спешим. Я пытался ему втолковать, что дело идет о жизни и смерти, а он этак скромно потупился и спрашивает: «Так почему же вы торгуетесь из-за каких-то двухсот фунтов?» Нет уж, я скорее соглашусь всю жизнь жить среди гигантских ос, но не уступлю этому наглому болвану. Я… — И он умолк, не желая портить впечатление от своих слов.

— Хорошо бы, какая-нибудь оса догадалась его… — Бенсингтон не договорил.

— В служении обществу осы смыслят ровно столько же, сколько… агенты по продаже недвижимого имущества, — возразил Редвуд.

Он еще немного поворчал насчет агентов, стряпчих и прочей публики, и суждения его были неразумны и несправедливы, — почему-то очень многие отзываются так о представителях этих достойных профессий.

— Ведь это же нелепо: в нашем нелепом мире мы от врача или солдата всегда ждем честности, мужества и деловитости, а вот стряпчий или агент по продаже недвижимости почему-то может быть жадным жуликом, подлецом и тупицей, и это в порядке вещей.

Наконец Редвуд отвел душу, подошел к окну и стал смотреть на улицу.

Бенсингтон отложил «увлекательный» роман на маленький столик, где стояла электрическая лампа. Затем аккуратно соединил кончики пальцев обеих рук и внимательно посмотрел на них.

— Редвуд, — начал он, — много ли о нас говорят?

— Не так много, как я ожидал.

— И ни в чем нас не обвиняют?

— Ни в чем. Но с другой стороны, и не принимают никаких мер, а я ведь ясно указал, что нужно делать. Понимаете, я написал в «Таймс» и все объяснил…

— Мы читаем «Дейли кроникл», — заметил Бенсингтон.

— И в «Таймсе» на эту тему появилась большая передовица, отлично написанная, первоклассная передовица, украшенная тремя перлами газетной латыни — вроде статус-кво, — и звучит

она, как бесплотный глас некоего значительного лица, которое страдает от простуды и головной боли и вещает сквозь толстый слой ваты, хотя этот компресс и не приносит ему ни малейшего облегчения. Впрочем, между строк можно прочитать, что газета предлагает называть вещи своими именами и действовать немедленно (а как — неизвестно). В противном случае можно ожидать самых нежелательных последствий, — в переводе с газетного языка на общечеловеческий появятся новые гигантские осы и уховертки. Вот уж поистине статья, достойная государственного мужа!

— А пока гиганты множатся самым отвратительным образом.

— Вот именно.

— А вдруг Скилетт был прав, и уже есть гигантские крысы…

— Ну что вы! Это было бы чересчур, — содрогнулся Редвуд.

Он отошел от окна и остановился у кресла, где сидел Бен– сингтон.

— Кстати, — начал он, понизив голос, — а как она… — Он указал на закрытую дверь.

— Кузина Джейн? Да она ничего не знает. Она не читает газет и не подозревает, что все эти слу-

хи и разговоры как-то связаны с нами. «Вот еще глупости, — говорит она. — Гигантских ос выдумали! Просто терпенья нет с этими газетами!»

— Нам повезло, — заметил Редвуд.

— Я полагаю, что… миссис Редвуд?..

— Ей сейчас не до газет, — прервал Редвуд. — Она в страшной тревоге за сына. Ведь он все растет.

— Растет?

— Да. За десять дней прибавил почти два с половиной фунта и весит теперь без малого шестьдесят. А ведь ему всего шесть месяцев! Как тут не тревожиться.

— А он здоров?

— На удивление. Нянька просит расчет — уж слишком он больно дерется. И мигом вырастает из всякой одежды, не успеваем шить новую. У коляски сломалось колесо — он для нее слишком тяжел, — и пришлось везти ребенка домой на тележке молочника. Представляете? Собралась толпа зевак… И пришлось отдать ему кровать Джорджины Филис, а она спит в его кроватке. Понятно, мать очень волнуется. Сначала она гордилась таким великаном-сыном и превозносила Уинклса. Ну, а теперь, видно, чувствует, что тут что-то неладно. Вы-то знаете, в чем дело.

— Мне казалось, вы хотели постепенно уменьшать дозу.

— Пытался.

— Не удалось?

— Поднимает рев. Все дети плачут так, что хоть уши затыкай, говорят, это им даже полезно, а уж тут… ведь он все время получает Гераклеофорбию…

— Да-а. — Бенсингтон повесил голову и еще пристальнее начал разглядывать свои пальцы.

— Все равно нам это не скрыть. Люди прослышат о ребенке-великане, припомнят наших кур и прочих гигантов, и это в конце концов неизбежно дойдет до жены… Что с ней тогда будет, я и вообразить не могу.

— Да, поистине, всего заранее не предусмотришь, — сказал Бенсингтон, снял очки и тщательно их протер. — И ведь это вечная история, — продолжал он. — Мы, ученые, — если мне дозволено претендовать на это звание — всегда трудимся ради результата теоретического, чисто теоретического. Но при этом подчас, сами того не желая, вызываем к жизни новые силы. Мы не вправе их подавлять, а никто другой этого сделать не может. Собственно говоря, Редвуд, все это теперь уже и не в нашей власти. Мы можем

только изготовлять Гераклеофорбию…

— А они, — докончил Редвуд, вновь поворачиваясь к окну, — на опыте узнают, что из этого получается.

— Что до событий в Кенте, я больше не намерен из-за них беспокоиться.

— Если только они сами нас не побеспокоят.

— Вот именно. Эта публика до тех пор будет путаться со стряпчими и крючкотворами, ссылаться на законы и важно изрекать благоглупости, пока у них под самым носом не расплодятся новые гигантские паразиты… В нашем мире испокон веков царит великая путаница.

Редвуд чертил в воздухе какую-то сложную кривую.

— Для нас теперь главное — ваш мальчик, Редвуд.

Редвуд повернулся, подошел к своему коллеге и с тревогой заглянул ему в глаза:

— Что вы о нем думаете, Бенсингтон? Вам легче смотреть на все это более трезво. Что мне с ним делать?

— Продолжайте кормить его.

— Гераклеофорбией?

— Да.

— Он будет расти…

— Если судить по цыплятам и осам, он вырастет примерно футов до тридцати пяти… и развиваться будет гармонично.

— Но как он будет жить?

— Вот это и есть самое интересное, — ответил Бенсингтон.

— Черт возьми! С одной одеждой хлопот не оберешься! И потом, когда он вырастет, он окажется единственным Гулливером в мире пигмеев.

Глаза Бенсингтона за золотой оправой очков многозначительно блеснули.

— Почему единственным? — произнес он и повторил еще внушительнее: — Почему же единственным?

— Уж не собираетесь ли вы…

— Я спрашиваю, — перебил мистер Бенсингтон с упорством человека, который наконец-то нашел нужные слова, — почему единственным?

— Вы хотите сказать, что можно и других детей…

— Я ничего не хочу сказать, я только спрашиваю.

Редвуд зашагал из угла в угол.

— Да, конечно, — сказал он, — можно было бы… Но ведь… К чему это приведет?

Бенсингтон, видно, наслаждался своими теоре-

тическими построениями.

— Рассуждая логически, можно предположить, что и мозг его будет футов на тридцать выше обычного уровня, и это — самое интересное… Что с вами?

Редвуд, стоя у окна, взволнованно провожал глазами тарахтевшую тележку, обклеенную афишками, — каковы последние новости?

— Что с вами? — повторил Бенсингтон, вставая с кресла.

Редвуд вскрикнул.

— Да что такое? — спросил Бенсингтон.

— Бегу за газетой! — бросил Редвуд и шагнул к двери.

— За чем?

— За газетой. Что-то там… Я не совсем понял… Гигантские крысы…

— Крысы?

— Да, крысы. Все-таки Скилетт был прав.

— Что вы хотите сказать?

— Черт его знает, надо сперва достать газету. Огромные крысы… Господи! Неужели они его съели?

Он поискал глазами шляпу и с непокрытой головой бросился вон из комнаты. Он сбежал вниз, перескакивая через две ступеньки, а с улицы

неслись вопли — мальчишки-газетчики выкрикивали последнюю сенсацию:

«Жуткая драма в Кенте! Жуткая драма в Кенте! Врача съели крысы! Жуткая драма, жуткая драма!.. Крысы! Громадные крысы! Жуткая драма, все подробности!»

III

Коссар, известный инженер-строитель, наткнулся на них в просторном подъезде дома, где жил Бенсингтон: Редвуд читал экстренный выпуск газеты, далеко отставив от глаз еще сырой розовый листок, а Бенсингтон, поднявшись на цыпочки, заглядывал через его плечо. Коссар был долговязый, несуразный, грубые руки и ноги кое-как прилажены к массивному туловищу; лицо точно вырезано из дерева, но не докончено, ибо резчик быстро понял, что из этой затеи толку не выйдет. Нос так и остался четырехугольным, нижняя челюсть далеко выдавалась вперед. Дышал Коссар шумно, с натугой. Никто не назвал бы его красавцем. Прямые, как палки, волосы торчали во все стороны. Он был немногословен, но высокий, скрипучий голос его всегда звучал обиженно и сердито. На нем красовались неизменная серая пиджачная пара и шелковый

цилиндр.

Он пошарил огромной красной ручищей в бездонном кармане, расплатился с извозчиком и, пыхтя, двинулся вверх по лестнице; в руке он сжимал листок того же экстренного выпуска, словно Зевс-громовержец разящую молнию.

— Что Скилетт? — не замечая Коссара, спрашивал в эту минуту Бенсингтон.

— О нем ничего не сказано, — ответил Редвуд. — Конечно, его съели. Их обоих съели. Вот ужас!.. А-а, Коссар!

— Ваша работа? — грозно вопросил Коссар, размахивая газетой. — Почему же вы этого не прекратите? То есть как это не можете, черт возьми! Что? Вздумали купить эту ферму? Чушь! Сожгите ее! Так я и знал, где уж вам тут справиться! Что теперь делать? Да то, что я велю. Что? Как? Очень просто — сейчас же бегите к оружейнику. Зачем? Да за ружьями. Тут поблизости только один оружейный магазин. Купите восемь ружей! Винтовок. Нет, не для охоты на слонов, те чересчур велики. И не армейские винтовки: эти слишком малы. Скажете ему, что вам надо убить… убить быка. Скажете, для охоты на буйволов. Понятно? Что? Крысы? Боже упаси! Он ничего не поймет. Почему восемь? Потому что так надо. Да возьмите

побольше патронов, не вздумайте купить одни винтовки, без патронов. Нет! Сложите все на извозчика и поезжайте… Где это? В Аршоте? Значит, на Черинг-Кросс. Есть какой-то поезд… в общем, где-то в начале третьего. Ну как, управитесь? Вот и отлично. Разрешение на оружие? Возьмите восемь штук разрешений на ближайшей почте. Не перепутайте — на винтовки, а не на охотничьи ружья. Почему? Да это же крысы, приятель! Как вас, Бенсингтон! Телефон у вас есть? Отлично. Я позвоню пятерым друзьям в Илинг. Почему пятерым? Потому что вместе нас будет восемь. Куда вы, Редвуд? За шляпой? Глупости, наденьте мою. Вам сейчас нужны ружья, а не шляпы. Деньги есть? Хватит? Ладно. Отправляйтесь… Ну, где ваш телефон?

Бенсингтон покорно отвел Коссара к телефону.

Коссар поговорил и положил трубку.

— Так, теперь осы, — сказал он. — Тут нужны сера и селитра, это само собой разумеется. И жженый гипс. Вы ведь химик, скажите, где можно достать тоннами серу в мешках? Зачем? Господи, неужели непонятно? Конечно, затем, чтобы окурить гнезда. Сера подойдет, верно? Вы ведь химик. Сера лучше всего, а?

— Пожалуй, да.

— Может, есть что-нибудь покрепче? Что ж, вам виднее. Ладно. Добудьте побольше серы и селитры, чтобы лучше горело. Куда послать? На Черинг-Кросс. Да поживее! Присмотрите за этим сами и поезжайте вслед. Как будто все?

Он на минуту задумался.

— Жженый гипс… любой гипс… замажем гнездо… все отверстия, понятно? Этим я, пожалуй, займусь сам.

— Сколько?

— Чего сколько?

— Серы.

— Тонну. Понятно?

Дрожащей рукой Бенсингтон решительно поправил очки.

— Ясно, — коротко сказал он.

— Есть у вас наличные? — спросил Коссар. — К черту чеки, вас могут там не знать. Платить надо наличными. Само собой разумеется. Где ваш банк? Зайдите туда по дороге и возьмите сорок фунтов бумажками и золотом.

Еще минута раздумья.

— Если ждать, пока наши власти раскачаются, весь Кент полетит в тартарары, — сказал Коссар. — Что же еще? Кажется, все. Эй!

Он помахал огромной ручищей проезжавшему

мимо извозчику, и тот с готовностью рванулся к подъезду.

— Поехали, сэр?

— Разумеется, — ответил Коссар.

Бенсингтон, тоже с непокрытой головой, спустился по ступенькам и подошел к коляске. Взялся было за полость и вдруг испуганно глянул на окна своей квартиры.

— Все-таки… надо бы сказать кузине Джейн…

— Успеете сказать, когда вернетесь, — отрезал Коссар и мощной дланью подтолкнул Бенсингтона в пролетку.

«Башковитые ребята, а практичности ни на грош, — заметил он про себя, когда извозчик отъехал. — Нашел время думать о кузине Джейн! Знаем мы этих кузин! Надоели! Вся страна ими кишит. Придется мне, видно, всю ночь напролет присматривать за этими мудрецами, иначе толку не будет, хоть они и сами знают, что делать. И отчего это они такие? От учености, от кузин или еще от чего?»

Так и не решив эту загадку, Коссар задумчиво поглядел на часы и рассудил, что как раз успеет забежать в ресторан и перекусить, а потом уже разыщет жженый гипс и отвезет на Черинг-Кросс.

Поезд отходил в пять минут четвертого, а он приехал на Черинг-Кросс без четверти три и сразу же увидел Бенсингтона, который горячо спорил с двумя полицейскими и возчиком. Редвуд в багажном отделении тщетно пытался выяснить, как можно провести ящик патронов. Все служащие делали вид, что ничего не знают и ничего не могут разрешить, — на юго-восточной железной дороге всегда так: чем больше вы спешите, тем неповоротливей становятся чиновники.

— Жаль, что нельзя их всех перестрелять и нанять других, — со вздохом пробормотал Коссар.

Но для таких решительных мер времени оставалось слишком мало, и потому он не стал вступать в мелочные пререкания, а откопал где-то в укромном уголке еще одного чиновника, — может быть, это был даже начальник станции, — провел его по всему вокзалу, отдавая распоряжения от его имени, погрузил на поезд всех и вся и отбыл прежде, чем высокое начальство успело сообразить, что участвовало в серьезном нарушении священнейших правил и порядков.

— Кто он такой? — спросило начальство у носильщиков, потирая руку, еще ощущавшую тяжелое пожатие Коссаровой десницы, невольно улыбаясь и хмуря брови.

— Уж не знаю, кто такой, а только заправский джентльмен, — отвечал носильщик. — Вся его компания покатила первым классом.

— Ну, кто бы они там ни были, мы ловко от них избавились, — с удовлетворением отметило начальство, все еще потирая руку.

И, возвращаясь к благородному уединению, в котором скрываются от назойливой черни высшие чиновники Черинг-Кросса, начальство жмурилось от непривычки к свету дня и улыбалось приятным воспоминаниям о своей бурной деятельности. Рука все еще болела, зато как отрадно сознавать, что способен проявить такую энергию! Поглядели бы на него сейчас кабинетные писаки, которые вечно придираются к постановке дела на железных дорогах!

IV

К пяти часам вечера Коссар — удивительный человек! — без всякой видимой спешки вывез из Аршота все, что нужно было для сражения с мятежными гигантами, и находился уже на пути в Хиклибрау. В Аршоте он купил два бочонка керосина и воз сухого хвороста, а из Лондона доставил большие мешки серы, восемь ружей для крупной дичи и патроны к ним, три дробовика

для ос, топорик, два секача, кирку, три лопаты, два мотка веревок, несколько бутылок пива, виски и содовую, целую кучу пакетов с крысиным ядом и запас провизии на три дня. Все это Коссар ухитрился переправить в угольной тележке и на возу, только ружья и патроны пришлось засунуть под сиденье фургона, нанятого в трактире «Красный лев»: в фургоне ехали Редвуд и пятеро отборных молодцов, прибывших из Илинга по зову Коссара.

Коссар провел все эти операции с самым спокойным и невозмутимым видом, хотя весь Аршот был в смятении и страхе из-за крыс, и возчики заломили неслыханную цену. Все магазины в городе были закрыты, на улицах ни души, и, когда он стучал в дверь, хозяева боязливо выглядывали из окна. Но Коссар ничуть не смущался, словно деловые переговоры так и полагается вести через окно. В конце концов они с Бенсингтоном в придачу к фургону раздобыли в «Красном льве» двуколку и отправились следом. Невдалеке от перекрестка они обогнали багаж и первыми добрались до Хиклибрау.

Бенсингтон сидел в двуколке подле Коссара, держа ружье между колен, и никак не мог прийти в себя от изумления. Правда, Коссар уверял, что

всякий на его месте сделал бы то же самое, ибо это все само собой разумеется, но — увы! — в Англии так редко делают то, что само собой разумеется… Бенсингтон перевел взгляд с ног своего соседа на его решительные руки, державшие вожжи. Коссару явно никогда прежде не приходилось править лошадью, и он избрал линию наименьшего сопротивления и держался середины дороги, — на его взгляд, это, наверно, само собою разумелось.

«Хорошо, если бы все мы делали то, что само собою разумеется! — думал Бенсингтон. — Как далеко продвинулся бы мир по пути прогресса! Почему, например, я не делаю очень многое, что следует и что я сам хочу сделать? Неужели со всеми так? Или это я один такой?»

И он погрузился в туманные размышления о воле и безволии. Он думал о сложных сплетениях ненужных мелочей, из которых состоит повседневная жизнь, и о делах прекрасных и достойных, — так отрадно было бы посвятить себя им, но мешает какая-то непостижимая сила. Кузина Джейн? Да, кузина Джейн играет здесь какую-то тайную, необъяснимую роль. Почему мы должны есть, пить, спать, не жениться, где-то бывать, а где-то не бывать, и все это из уважения к кузине Джейн? Она превратилась в какой-то

символ, оставаясь при этом непостижимой!

Тут на глаза ему попались изгородь и тропинка через поля, и сразу вспомнился другой ясный день, такой недавний и уже такой далекий, когда он спешил из Аршота на опытную ферму, чтобы посмотреть на гигантских цыплят…

Да, все мы игрушки судьбы.

— Ну, пошевеливайся! — покрикивал на лошадь Коссар.

Был жаркий летний полдень, в воздухе ни ветерка, на дороге клубилась густая пыль. Вокруг было безлюдно, лишь олени за оградой парка безмятежно пощипывали траву. И вдруг путники увидели двух огромных ос, объедавших куст крыжовника у самой деревни; еще одна оса ползала перед дверью бакалейной лавчонки в начале улицы: хотела пробраться внутрь. В глубине, за витриной, смутно виднелся лавочник; сжимая в руке старое охотничье ружье, он не спускал глаз с гигантского насекомого. Кучер фургона остановился у трактира «Веселые возчики» и объявил Редвуду, что дальше не поедет. Остальные кучера дружно его поддержали. Мало того, они отказались оставить нашим путникам и лошадей.

— Эти треклятые крысы страсть как охочи до конины, — твердил тот, что правил тележкой.

Коссар с минуту послушал и принял решение.

— Разгружайте фургон! — приказал он одному из своих людей, механику, белобрысому неопрятному верзиле.

Тот повиновался.

— Подайте-ка мне дробовик, — продолжал Коссар.

Затем он подошел к возчикам.

— Обойдемся и без вас, — заявил он. — А вот лошадей не отдадим, они нам нужны, и можете говорить что хотите.

Возчики было заспорили, но Коссар и слушать не стал.

— А полезете в драку — продырявлю вам ноги, и ничего мне за это не будет, потому что самозащита. Лошади пойдут с нами.

На этом он счел разговор оконченным и продолжал командовать.

— Садись на место кучера в повозку, Флэк, — обратился он к коренастому крепышу. — А ты, Бун, займись тележкой.

Возчики подступили к Редвуду.

— Вы сделали, что могли; перед хозяевами ваша совесть чиста, — успокаивал их Редвуд. — Подождите тут, в деревне, мы скоро вернемся. Никто вас ни в чем не обвинит, раз мы вооруже-

ны. Очень не хочется прибегать к насилию, но выхода нет, наше дело спешное. Если с лошадьми что-нибудь случится, я вам хорошо заплачу, не беспокойтесь.

— Вот это правильно, — сказал Коссар; сам он не любил ничего обещать.

Фургон оставили в деревне; те, кому не пришлось править лошадьми, двинулись пешком. У каждого за плечом торчало ружье. Зрелище было совершенно необычное для проселочной дороги в Англии и напоминало скорее поход американцев на запад в добрые старые времена покорения индейцев.

Так они брели по дороге, пока не достигли вершины холма, — отсюда видна была опытная ферма. На холме они застали кучку людей, в том числе обоих Фалчеров; впереди всех стоял какой-то приезжий из Мейдстоуна и разглядывал ферму в бинокль; у двоих-троих были ружья.

Все они обернулись и уставились на вновь прибывших.

— Что нового? — спросил Коссар.

— Осы всё летают взад-вперед, — ответил Фалчер-старший. — Никак не разберу, тащат они что-нибудь или нет.

— Между сосен появилась настурция, — сказал

наблюдатель с биноклем. — Еще утром ее здесь не было. Растет прямо на глазах.

Он вынул носовой платок и сосредоточенно протер стекла.

— Вы, верно, туда? — спросил, набравшись храбрости, Скелмерсдейл.

— Пойдете с нами? — спросил Коссар.

Скелмерсдейл, казалось, колебался.

— Мы идем на всю ночь.

Скелмерсдейла это не соблазнило.

— А крыс не видали? — спросил Коссар.

— Утром одна бегала под соснами, верно, за кроликами охотилась.

Коссар пустился догонять своих.

Только теперь, снова увидев ферму, Бенсингтон понял всю чудодейственную силу Пищи. Сперва ему пришло в голову, что дом на самом деле меньше, чем ему помнилось, гораздо меньше; потом он заметил, что вся растительность между домом и лесом достигла необычайных размеров. Навес над колодцем едва маячил в толще высокой, в добрых восемь футов, травы, а настурция обвилась вокруг дымовой трубы, и жесткие усики ее, казалось, рвались прямо в небо. Ярко-желтые пятна цветов отчетливо виднелись даже на таком далеком расстоянии. Толстый зеленый

канат тянулся по проволочной сетке загона для гигантских цыплят; он перекинулся на две соседние сосны и обхватил их могучими кольцами стеблей. Весь двор позади сарая зарос крапивой, поднявшейся чуть ли не до половины сосен. По мере того как люди подходили ближе, им начинало казаться, что они — жалкие карлики и идут к кукольному домику, забытому в заброшенном саду великана.

В осином гнезде кипела жизнь. Огромный черный рой висел в воздухе над ржавым холмом за сосновой рощей; осы одна за другой то и дело отрывались от него, молниеносно взмывали вверх, устремляясь к какой-то дальней цели. Их гудение разносилось на полмили от опытной фермы. Одно желто-полосатое чудище остановилось в воздухе над головами наших охотников и с минуту висело так, разглядывая непрошеных гостей огромными выпученными глазами; Коссар выстрелил, но промахнулся, и оса улетела. Справа, в конце поля, несколько ос ползало по обглоданным костям, — это были останки ягненка, которого крысы приволокли с фермы Хакстера.

Когда отряд подошел ближе, лошади начали беспокоиться, не слушаясь неопытных возчиков; пришлось приставить к каждой лошади еще по

человеку, чтобы понукать ее и вести под уздцы.

Наконец подошли к дому; крыс нигде не было видно, вокруг, казалось, царили покой и тишина; только от осиного гнезда доносилось гудение, то нарастающее, то приглушенное.

Лошадей завели во двор, и один из спутников Коссара вошел в дом: всю середину двери выгрызли острые зубы. Никто вначале не заметил его отсутствия, все заняты были разгрузкой бочек с керосином; но вдруг в доме раздался выстрел, и мимо просвистела пуля. Бум-бум! — грянуло из обоих стволов; первая пуля пробила насквозь бочонок с серой и подняла столб желтой пыли. Какая-то тень метнулась мимо Редвуда, и он выстрелил. Он успел заметить широкий зад крысы, длинный хвост и задние лапы с узкими подошвами — и выстрелил из второго ствола. Зверюга сбила с ног Бенсингтона и исчезла за углом.

Все схватились за ружья. Минут пять продолжалась беспорядочная пальба, жизнь всех и каждого была в опасности. В пылу битвы Редвуд совсем забыл о Бенсингтоне и бросился в погоню за крысой, но тут чья-то пуля пробила стену, на него посыпались обломки кирпича, штукатурка, гнилые щепки, и он растянулся во всю длину.

Очнулся Редвуд, сидя на земле, лицо и руки у

него были в крови.

Кругом стояла странная тишина.

Потом в доме послышался глухой голос:

— Ну и ну!

— Эй! — окликнул Редвуд.

— Эй! — отозвался голос и, помедлив, спросил: — Крысу убили?

Тут только Редвуд вспомнил о друге.

— А что с Бенсингтоном? Он ранен?

Но человек в доме, видно, не расслышал.

— Сам не знаю, как в меня не попало, — ответил он.

Редвуд понял, что собственными руками застрелил Бенсингтона. Забыв про свои царапины и раны, он вскочил и кинулся на поиски. Бенсингтон сидел на земле и потирал плечо, он поглядел на Редвуда поверх очков.

— Ну и всыпали мы ей, Редвуд! — сказал он. — Она хотела перескочить через меня и сбила меня с ног. Но я успел послать ей вдогонку заряд из обоих стволов. Ф-фу, как болит плечо!

Из дома вышел еще один охотник.

— Я попал ей в грудь и в бок, — сказал он.

— А где наши пожитки? — спросил Коссар, выходя из зарослей гигантской настурции.

К изумлению Редвуда, убить никого не убило,

а перепугавшиеся лошади протащили повозку и угольную тележку ярдов за пятьдесят от дома и, сцепившись колесами, остановились в бывшем огороде Скилетта, где теперь все несусветно разрослось и перепуталось. В этих дебрях они и застряли. На полдороге в облаке желтой пыли валялся разбившийся при падении бочонок серы. Редвуд указал на него Коссару и двинулся к лошадям.

— Кто видел, куда девалась крыса? — крикнул Коссар, идя за ним. — Я попал ей между ребер, а потом она повернулась, хотела кинуться на меня, и я попал еще в морду.

Пока они старались распутать постромки и высвободить колеса, подошли еще двое.

— Это я ее убил, — сказал один из них.

— А ее нашли? — спросил Коссар.

— Джим Бейтс нашел, за изгородью. Я выстрелил в упор, когда она выскочила из-за угла. Прямо под лопатку…

Когда повозки и груз немного привели в порядок, Редвуд пошел взглянуть на крысу. Огромное бесформенное тело лежало на боку, слегка свернувшись. Острые зубы алчно торчали над нижней челюстью, но было в этом чудище что-то необыкновенно жалкое. Крыса не казалась ни

свирепой, ни страшной. Передние лапы напоминали исхудалые руки. На шее виднелись две круглые дырочки с обожженными краями — пуля прошла насквозь, — а больше никаких ран не было. Редвуд постоял, подумал.

— Видно, их было две, — сказал он наконец, отходя к остальным.

— Наверно. И та, в которую все стреляли, должно быть, ушла.

— Уж я-то ручаюсь, что мой выстрел…

Но тут подвижный усик настурции в поисках опоры ласково склонился к говорившему, и тот поспешно отступил.

Из осиного гнезда по-прежнему неслось громкое гудение.

V

Все случившееся заставило наших охотников насторожиться, но не сломило их решимости.

Они втащили в дом свои припасы — после бегства миссис Скилетт крысы, видно, здесь основательно похозяйничали, — и затем четверо увели лошадей обратно в Хиклибрау. Дохлую крысу перетащили через изгородь в такое место, где ее видно было из окон, и тут в канаве наткнулись на кучу гигантских уховерток. Ухо-

вертки кинулись было наутек, но Коссар успел прикончить несколько штук своими ножищами в грубых башмаках и прикладом ружья. Потом за домом срубили с полдюжины стволов настурции — это были настоящие бревна, два фута в поперечнике, — и покуда Коссар прибирал в доме, чтобы здесь можно было провести ночь, Бенсингтон, Редвуд и один из их помощников, электротехник, осторожно осмотрели все загоны в поисках крысиных нор.

Они далеко обходили заросли гигантской крапивы: ее листья были усеяны ядовитыми шипами длиною не меньше дюйма. Наконец у забора, за изгрызенной и сломанной лестницей, наткнулись на огромную яму, нечто вроде входа в пещеру, откуда несло ужасающим смрадом. Все трое невольно сгрудились вместе.

— Надеюсь, они оттуда выйдут, — заметил Редвуд, бросая взгляд на заросший травою колодец.

— А если нет?.. — отозвался Бенсингтон.

— Выйдут! — повторил Редвуд.

Постояли, поразмыслили.

— Если мы туда полезем, придется взять с собой фонарь, — сказал наконец Редвуд.

Они двинулись по песчаной тропинке через

сосновую рощу и скоро очутились невдалеке от осиных гнезд.

Солнце уже садилось, и осы возвращались на ночлег; в золоте заката их крылья казались трепетным ореолом.

Выглядывая из-за толстых сосен — выходить на опушку что-то не хотелось, — три охотника смотрели, как громадные насекомые падали вниз, затем на брюхе медленно вползали в гнездо и исчезали.

— Часа через два они совсем затихнут, — сказал Редвуд. — Будто опять становишься мальчишкой!..

— Отверстия громадные, — сказал Бенсингтон. — Промахнуться невозможно, даже если ночь будет темная. Кстати, насчет освещения…

— Сегодня будет полная луна, — ответил электротехник. — Я нарочно посмотрел.

Они пошли советоваться с Коссаром.

Тот сказал, что серу, селитру и гипс, само собой разумеется, надо пронести через лес засветло; поэтому они вскрыли бочонки, наполнили мешки и потащили. Несколько последних громогласных распоряжений — и больше никто уже не говорил ни слова; и когда замерло гуденье уснувших ос, в мире наступила тишина; ее нарушали только

звук шагов да прерывистое дыхание людей, несущих тяжелую ношу, да изредка с глухим стуком падали на землю мешки. Таскали все по очереди, за исключением Бенсингтона — ясно было, что носильщик из него никакой. С ружьем в руках он стал на вахту в бывшей спальне Скилеттов и не спускал глаз с убитой крысы, а все остальные по очереди отдыхали от таскания мешков и попарно сторожили крысиные норы у зарослей крапивы. Семенные коробочки гигантского сорняка уже созрели и время от времени лопались с треском, громким, точно пистолетные выстрелы, и тогда семена, как мелкая дробь, осыпали часовых.

Мистер Бенсингтон уселся у окна в жесткое кресло, набитое конским волосом и покрытое грязной салфеткой, которая долгие годы придавала светский лоск гостиной Скилеттов. Непривычное ружье он прислонил к подоконнику и то косился из-за очков туда, где в густеющих сумерках темнела туша убитой крысы, то обводил задумчивым взглядом комнату. Со двора тянуло керосином — один из бочонков дал трещину, — к этому запаху примешивался более приятный аромат срубленной настурции.

А в доме еще попахивало пивом, сыром, гнилыми яблоками, над этими обычными, домашними

запахами главенствовал затхлый запах старой обуви, и все это остро напомнило Бенсингтону исчезнувшую чету Скилеттов. Он оглядел тонувшую в полумраке комнату. Мебель сильно пострадала — видно, тут потрудилась какая-то любопытная крыса, — но куртка на крючке, вбитом в дверь, бритва, клочки грязной бумаги и давно высохший, обратившийся в окаменелость кусок мыла настойчиво вызывали в памяти яркую личность Скилетта. И Бенсингтон вдруг живо представил себе, что Скилетта загрызло и съело — или, во всяком случае, в этом участвовало — то самое чудовище, которое теперь бесформенной грудой валяется в темноте у забора.

Подумать только, к чему может привести такое, казалось бы, невинное открытие в химии!

Не где-нибудь, а в своей родной, уютной Англии сидит он с ружьем в темном, полуразрушенном доме, ему грозит смертельная опасность, он бесконечно далек от тепла и уюта, и у него адски болит плечо — у этого ружья сильнейшая отдача… Бог ты мой!

Только теперь Бенсингтон понял, как изменился для него извечный порядок мироздания. Очертя голову он кинулся в этот безумный эксперимент и *даже не сказал ни слова кузине Джейн!*

Что-то она теперь о нем думает?

Бенсингтон попытался представить себе это, но не смог. Странное дело, ему начало казаться, будто они расстались навсегда и больше не увидятся. Стоило ему сделать лишь один шаг, и он вступил в новый мир — необъятный и необозримый.

Какие еще чудища скрываются в густеющей тьме? Шипы гигантской крапивы грозными копьями чернеют на зеленовато-оранжевом фоне закатного неба. И так тихо вокруг… Поразительно тихо. Почему не слышно людей? Ведь они недалеко, за углом дома. В тени сарая теперь черным-черно…

……

Грянул выстрел… другой… третий…

Прокатилось эхо, кто-то крикнул.

Долгая тишина.

И опять грохот и замирающее эхо.

И тишина…

Наконец-то! Из немого мрака вышли Редвуд и Коссар.

— Бенсингтон! — кричал Редвуд. — Мы пристукнули еще одну крысу. Коссар уложил еще одну!

VI

К тому времени, как охотники поужинали, настала ночь. Ярко сияли звезды, и небо над Хэнки бледнело, возвещая о появлении луны. У крысиных нор по-прежнему стояли часовые, они только поднялись немного по склону холма: стрелять оттуда было безопаснее и удобнее. Они сидели на корточках на мокрой, росистой траве и пытались согреться, прихлебывая виски. Остальные отдыхали в доме, три главных героя держали со своими спутниками совет о предстоящем сражении. К полуночи взошла луна, и, как только она поднялась над холмами, все, кроме часовых, под предводительством Коссара гуськом двинулись к осиным гнездам.

Справиться с гнездами гигантских ос оказалось до смешного легко и просто, ничуть не труднее, чем с обыкновенными осиными гнездами, только это заняло больше времени. Конечно, опасность была смертельная, но она так и не успела высунуть жало. Входы засыпали серой и селитрой, наглухо замуровали гипсом и подожгли фитили. Потом все разом, кроме Коссара, кинулись бежать под укрытие деревьев; но, убедившись, что Коссар не двинулся с места, остановились шагов

за сто и сбились в кучку в глубокой лощине. На несколько минут черно-белая ночь, вся в тенях и лунных бликах, наполнилась гудением, оно все нарастало, перешло в яростный рев, потом оборвалось — и в ночи воцарилась такая тишина, что в нее даже трудно было поверить.

— Ей-богу, все кончено! — прошептал Бенсингтон.

Люди напряженно прислушивались. В лунном свете над черными игольчатыми тенями сосен отчетливо, как днем, вставал холм — казалось, он совсем белый, точно снегом покрыт. Затвердевший гипс, которым были замазаны входы в осиное гнездо, так и сверкал. Перед охотниками замаячила нескладная фигура: к ним шел Коссар.

— Кажется, пока что…

Бум… Трах!

Где-то возле дома грянул выстрел, и затем — тишина.

— Это еще что? — спросил Бенсингтон.

— Наверно, крыса высунулась из норы, — предположил кто-то.

— А наши ружья остались там, — спохватился Редвуд.

— Да, у мешков.

Они опять двинулись к холму.

— Конечно, это крысы, — сказал Бенсингтон.

— Само собой разумеется, — отозвался Коссар, грызя ногти.

Трах!

— Что такое? — встревожился кто-то.

Крик, два выстрела, еще крик — почти вопль, три выстрела один за другим и треск ломающегося дерева. Все эти звуки донеслись издалека — отчетливые и все же ничтожные в безмерной тишине ночи. Опять короткое затишье, какая-то приглушенная возня у крысиных нор, и снова отчаянный крик… Все, не помня себя, кинулись за ружьями.

Еще два выстрела.

Когда Бенсингтон опомнился, оказалось, он бежит через лес с ружьем в руке, а среди сосен мелькают спины бегущих впереди! Любопытно, что в эту минуту его занимала только одна мысль — видела бы его сейчас кузина Джейн! Его ноги в шишковатых изрезанных башмаках делали огромные прыжки, лицо скривилось в подобии усмешки — он сморщил нос, чтоб не соскользнули очки. Направив дуло ружья вперед, на неведомую цель, мчался он среди лунного света и черных теней.

И вдруг охотники столкнулись с человеком, опрометью бегущим навстречу. Это оказался один из часовых, но ружья у него не было.

— Эй! — крикнул Коссар, хватая его за плечи. — Что случилось?

— Они вылезли все сразу, — ответил тот.

— Крысы?

— Да. Шесть штук.

— А где Флэк?

— Он упал.

— Что он говорит? — задыхаясь, спросил Бенсингтон, подбегая к ним. — Флэк упал?

— Да.

— Они все вылезли, одна за другой.

— Как это?

— Выскочили прямо на нас. Я сразу выстрелил из обоих стволов.

— Вы оставили Флэка там?

— Они все кинулись на нас.

— Пойдем, — сказал Коссар. — И ты иди с нами. Покажешь, где Флэк.

Все двинулись дальше. Беглец на ходу рассказывал о недавней схватке. Все теснились вокруг него, один Коссар шагал впереди.

— Где же крысы?

— Наверно, опять ушли в норы. Я удрал, а они

кинулись назад, в норы.

— Как же это? Вы зашли им в тыл?

— Мы спустились вниз, к норам. Увидели, что они вылезают, и хотели отрезать им путь. Тогда они запрыгали, точь-в-точь как кролики. Мы побежали с холма и давай стрелять. После первого выстрела они разбежались, а потом как кинутся… Прямо на нас.

— Сколько же их было?

— Шесть или семь.

На опушке леса Коссар приостановился.

— Ты думаешь, они сожрали Флэка? — спросил кто-то часового.

— Одна догнала его.

— Что ж ты не стрелял?

— Как же мне было стрелять?

— Ружья у всех заряжены? — крикнул Коссар через плечо.

Ружья были заряжены.

— Как же Флэк… — сказал кто-то.

— Ты думаешь, Флэк…

— Не теряйте времени! — И Коссар бросился вперед. — Флэк! Флэк! — звал он.

Все поспешили за ним к крысиным норам; недавний беглец держался немного позади всех. Они шли сквозь гигантские сорняки; тут валялась

вторая убитая крыса, люди обходили ее. Шли, растянувшись извилистой цепочкой, держа ружья на изготовку, и до боли в глазах всматривались в прозрачную лунную ночь, чтобы не пропустить зловещую тень или лежащее на земле тело. Вскоре они нашли ружье, впопыхах брошенное тем, кто сбежал.

— Флэк! — кричал Коссар. — Флэк!

— Он бежал мимо крапивы и там упал, — подсказал беглец.

— Где?

— Где-то там.

— Где он упал?

Беглец нерешительно повел их наперерез длинным черным теням, но вскоре остановился и обернулся, лицо у него было озабоченное.

— Кажется, здесь.

— Но его здесь нет!

— А его ружье…

— Черт возьми! — с сердцем выругался Коссар. — Куда же все подевалось?

Он шагнул по направлению к склону холма, где в густой черной тени скрывались норы, и остановился, вглядываясь. И снова выругался.

— Если они уволокли его в нору…

Некоторое время все стояли, перекидываясь

отрывочными словами. Бенсингтон переводил взгляд с одного на другого, очки его сверкали, как алмазы. Лица людей то отчетливо проступали в холодном свете луны, то уходили в тень и таинственно расплывались. Все что-то говорили, но никто не заканчивал свою мысль. Но вот Коссар решился. Несуразно размахивая руками, он отдавал короткие распоряжения. Выяснилось, что ему нужны лампы. Все, кроме него, двинулись к дому.

— Вы полезете в эти норы? — спросил Редвуд.

— Само собой разумеется, — отвечал Коссар.

И повторил: пускай снимут фонари с двуколки и с тележки и принесут ему.

Наконец Бенсингтон понял, что нужно делать, и по дорожке, огибавшей колодец, пошел к дому. Оглянулся и увидел: Коссар — огромный, неподвижный — задумчиво разглядывает крысиные норы. Бенсингтон остановился и чуть было не повернул назад: Коссара оставили одного…

Впрочем, Коссар и без нянек обойдется.

И вдруг Бенсингтон слабо вскрикнул. Из темных зарослей настурции вынырнули три крысы и кинулись к Коссару. Прошла секунда-другая, прежде чем Коссар их заметил, и тут — откуда взялись быстрота и натиск! Он не стрелял — це-

литься было некогда, некогда и думать об этом. Крыса прыгнула, он пригнулся, увертываясь, и тотчас обрушил на ее голову страшный удар прикладом. Чудовище подскочило в воздух, перевернулось и рухнуло наземь.

Коссар наклонился и исчез в зарослях, но тотчас же появился вновь: он гнался теперь за другой крысой, яростно размахивая ружьем. До Бенсингтона донесся слабый крик, и он увидел, что две оставшиеся в живых крысы со всех ног удирают обратно в нору, а Коссар мчится за ними.

Все это было странно и неправдоподобно, в обманчивом свете луны метались огромные, причудливые тени. Коссар то вырастал до невероятных размеров, то исчезал во мраке. Крысы то делали гигантские прыжки, то пускались бегом, так быстро перебирая ногами, словно катились на колесиках. Вся эта схватка не на жизнь, а на смерть длилась, наверно, полминуты. Бенсингтон был единственным ее свидетелем. Он слышал, как остальные, ничего не подозревая, уходили к дому. Бенсингтон выкрикнул что-то нечленораздельное и побежал к Коссару, но крысы уже исчезли.

Он догнал Коссара у самых нор. В лунном свете лицо инженера было невозмутимо, словно ниче-

го не произошло.

— Ну, что? — спросил Коссар. — Уже вернулись? А где же фонари? Крысы попрятались обратно в норы. Одной я свернул шею, когда она пробегала мимо. Вон там, видите? — И он ткнул длинным пальцем в сторону.

Бенсингтон не мог вымолвить ни слова: он был потрясен.

Фонарей не было целую вечность. Наконец вдали засветился немигающий яркий глаз, перед ним качался желтый сноп света; потом, подмигивая и вновь разгораясь, показались еще два. С ними приближались маленькие фигурки, они негромко перекликались и отбрасывали громадные тени. В бескрайней призрачной лунной пустыне словно двигался крошечный пылающий оазис.

— Флэк… — слышалось оттуда. — Флэк…

Потом донеслось объяснение:

— Он заперся на чердаке.

Бенсингтон с возрастающим изумлением смотрел на Коссара. Тот заткнул уши огромными кусками ваты. Зачем, спрашивается? Потом зарядил ружье тройным зарядом — кто еще до этого додумался бы? И, наконец, — чудо из чудес! — полез в самую большую нору, и вот уже видны

только огромные подошвы его башмаков.

Коссар полз на четвереньках, вокруг шеи он перекинул веревку, на которой волочились за ним два ружья. Самому надежному из его помощников — маленькому человечку с мрачным смуглым лицом — велено было идти следом, согнувшись в три погибели, и держать над его головой фонарь. Все это выглядело просто, ясно и понятно, будто так и надо, — прямо как сон сумасшедшего! Вата в ушах понадобилась, видимо, чтобы не оглохнуть от грохота выстрелов. Маленький человечек тоже заткнул уши. Само собой разумеется, покуда крысы убегают от Коссара, они не могут причинить ему вреда, а как только они повернутся, он увидит их горящие глаза — и будет бить между глаз. А поскольку нора узкая, как труба, промахнуться невозможно. Коссар уверял, что это самый верный способ, пожалуй, немного утомительный, зато надежный. Когда помощник нагнулся, чтобы войти в нору, Бенсингтон увидел, что к полам его куртки привязан конец веревки, моток которой остался в руках у кого-то из товарищей. Это на случай, если придется вытаскивать из норы убитых крыс.

Тут Бенсингтон заметил, что держит в руках шелковый цилиндр Коссара.

Как он сюда попал?

Что ж, останется на память.

У остальных нор сторожили по два-три человека, внутренность каждой норы освещал поставленный на землю фонарь, и стрелки, стоя на коленях, целились в черную тьму перед собой, готовые выпалить, как только из этой тьмы вынырнет зверь.

Долгое, томительное ожидание.

И вдруг раздался первый выстрел Коссара, словно взрыв в шахте глубоко под землей…

У всех напряглись нервы и мускулы, и вот опять — бац, бац! Крысы пытались прорваться к выходу, и еще две были убиты. Потом человек, державший в руках моток веревки, объявил, что она дергается.

— Он там убил крысу и хочет ее вытащить, — пояснил Бенсингтон.

Он смотрел, как веревка разматывается и исчезает в норе: казалось, она вдруг ожила и задвигалась сама собой, потому что мотка не видно было в темноте. Наконец она остановилась, и все замерло в ожидании. А потом Бенсингтону померещилось, что из норы выползает какое-то невиданное чудище, но это оказался маленький помощник Коссара, который пятился задом.

За ним, прорывая глубокие борозды в земле, вылезли башмачищи Коссара и, наконец, его освещенная фонарем спина…

В живых осталась теперь только одна крыса, несчастное, обреченное существо; она забилась в самый дальний угол норы, и не так-то просто было ее достать. Но Коссар с фонарем полез туда снова и убил ее. А потом этот фокстерьер в образе человеческом облазил все норы и окончательно убедился, что они пусты.

— Мы их уничтожили, — объявил он наконец потрясенным спутникам, смотревшим на него с благоговением. — Эх, безмозглый я осел! Не догадался, надо было раздеться хотя бы до пояса. Разумеется! Пощупайте мои рукава, Бенсингтон! Весь взмок, хоть выжми. Ну, всего не предусмотришь. Надо выпить побольше виски, а то еще схвачу простуду.

VII

В ту удивительную ночь Бенсингтону минутами казалось, что сама природа создала его для жизни, полной приключений. Эта мысль владела им всего сильнее целый час после того, как он хватил изрядную порцию виски.

— Не вернусь я на Слоун-стрит, — доверительно

сообщил он неряшливому белобрысому верзиле механику.

— Вот как?

— И не думайте, — подтвердил Бенсингтон и загадочно покачал головой.

Тащить семь дохлых крыс на погребальный костер, разложенный подле зарослей гигантской крапивы, — нелегкая работа. Бенсингтона прошиб пот, и Коссар объявил, что только виски может спасти его от неминуемой простуды. В старой кирпичной кухне на скорую руку устроили походный ужин, а за окном у загонов виднелись под луной разложенные в ряд убитые крысы. Коссар дал своему войску полчаса передышки и вновь повел его на приступ: впереди было еще много работы.

— Само собой разумеется, — сказал он, — здесь нельзя оставить камня на камне. Нет следов, нет и шума. Понятно?

Он уверил их, что ферму надо попросту сровнять с землей. Все, что было в доме деревянного, разбили и раскололи на щепки; все гигантские растения обложили хворостом и щепой; наконец, соорудили гекатомбу из дохлых крыс и щедро полили ее керосином.

Бенсингтон работал как вол. К двум часам ночи

он почувствовал прилив восторженной энергии. В упоении он так размахивал топором, сокрушая все вокруг, что даже самые храбрые из его сотоварищей поспешили убраться подальше. Правда, потом он потерял очки, и это несколько охладило его пыл, но вскоре они нашлись в боковом кармане пиджака.

Вокруг сновали люди, хмурые и энергичные, а Коссар повелевал ими, словно некое божество.

Бенсингтон упивался чувством, что и он частица дружного братства, — эту радостную общность знают воины победоносных армий, путешественники в трудных походах, но ее не суждено испытать горожанам, живущим трезвой, размеренной жизнью. Когда Коссар отобрал у него топор и велел носить щепки, Бенсингтон принялся столь же ретиво трудиться на новом поприще, приговаривая, что все они «славные ребята». Он долго не замечал усталости, но и потом все равно не сдавался.

Наконец все было готово, и они откупорили бочку керосина. Уже брезжил рассвет, редкие звезды погасли, высоко в небе светила одинокая луна.

— Жгите все, — приговаривал Коссар, подходя то к одному, то к другому. — Все дотла, подчи-

стую. Понятно?

В бледном свете занимавшегося дня он промелькнул мимо с пылающим факелом в руке, упрямо выпятив подбородок, и тут Бенсингтон заметил, что их бог измучен и страшен.

— Пойдемте отсюда, — сказал кто-то и потянул Бенсингтона за руку.

Предрассветная тишина — ее не нарушало даже щебетание птиц — вдруг сменилась прерывистым треском; быстрое красноватое пламя побежало по основанию гекатомбы, потом голубые языки его лизнули землю и начали карабкаться от листа к листу по стеблю гигантской крапивы. Потом в треск дерева влилась высокая певучая нота…

Охотники похватали свои ружья, стоявшие в углу гостиной Скилеттов, и кинулись бежать. Позади всех тяжело шагал Коссар.

А потом они стояли в отдалении и глядели на опытную ферму. Там все кипело; дым и пламя, словно охваченные ужасом, рвались из всех окон и дверей, из всех многочисленных щелей и трещин в доме и на крыше. Кто-кто, а Коссар умел разводить костер! Огромный столб дыма, разбрасывая во все стороны кроваво-красные языки пламени, устремился к небесам. Казалось,

это вдруг поднялся во весь рост невиданный великан, распростер руки и обхватил все небо. Казалось, вернулась ночь, клубы дыма совсем затмили свет восходящего солнца. Гигантский столб дыма вскоре заметили все жители Хиклиб-рау и полуодетые, кто в чем, высыпали на холм, навстречу охотникам.

Дым, словно сказочный гриб, качался и рос, поднимаясь выше, выше, прямо в небо, и все внизу под ним казалось мелким и ничтожным, а на его фоне виновники этого переполоха во главе с Коссаром — восемь крошечных черных фигурок — устало шагали по лугу, вскинув ружья на плечо.

Бенсингтон на ходу оглянулся, и в его измученном мозгу зазвучали давно знакомые слова… Как бишь там? «Вы зажгли сегодня… зажгли сегодня…»

Потом он вспомнил, что это такое. Латимер[5] сказал когда-то: «Мы зажгли сегодня в Англии такую свечу, которую никто на свете не в силах будет погасить…»

Но что за человек этот Коссар! Бенсингтон с восхищением смотрел на его спину и гордился

---

[5] Notes: 5

Латимер — один из основателей протестантства в Англии, заживо сожженный в Оксфорде в 1555 году.

тем, что подержал его шляпу. Да, гордился, хотя сам он был выдающийся ученый-исследователь, а Коссар занимался всего лишь прикладными науками!

На Бенсингтона внезапно напала неудержимая зевота, его начало знобить, и он с нежностью подумал о своей квартирке на Слоун-стрит: хорошо бы сейчас очутиться в мягкой постели, под теплым одеялом! (Впрочем, о кузине Джейн лучше не вспоминать!) Бенсингтон еле волочил ноги, колени его подгибались. Неужели в Хиклибрау никто не угостит их чашкой горячего кофе! Наверно, уже добрых тридцать три года ему не случалось бодрствовать ночь напролет.

VIII

Пока восемь отважных охотников сражались с крысами на опытной ферме, в девяти милях оттуда, в деревне Чизинг-Айбрайт, носатая старуха при мигающем свете свечи пыталась справиться с иными заботами. Узловатой рукой она сжимала консервный ключ, другой рукой придерживала банку Гераклеофорбии: жива не буду, а банку открою, решила она. И она трудилась, не щадя себя, ворча при каждой новой неудаче, а через тонкую перегородку доносился неумолчный

плач маленького Кэддлса.

— Ах ты мой бедняжка! — приговаривала миссис Скилетт и, решительно прикусив губу своим единственным зубом, с новой яростью набрасывалась на банку. — Ну, открывайся же!

Наконец крышка с треском отлетела, и новый запас Пищи богов вырвался на свет божий, чтобы распространять в мире новые семена гигантизма.

Глава IV
Гигантские дети

I

Теперь забудем хотя бы на время о событиях на опытной ферме и их последствиях, которые все ширились, как круги по воде, ибо гигантские грибы и поганки, травы и сорняки долго еще росли и распространялись вокруг этого выжженного, но не до конца уничтоженного очага зла. Не станем также рассказывать о том, как две уцелевшие гигантские курицы — злополучные старые девы, которым суждено было удивлять мир, — провели остаток дней своих в безрадостной славе, так и не произведя на свет ни одного цыпленка. Читатели,

которые жаждут подробностей, могут обратиться к газетам того времени — обширным, бесстрастным отчетам этого современного Летописца. Мы же последуем за мистером Бенсингтоном в самую гущу событий.

Возвратясь в Лондон, он вдруг обнаружил, что стал невероятно знаменит. За одну ночь весь окружающий мир проникся почтением к нему. Все поняли, что он герой дня. Кузина Джейн, видно, уже все знала, и каждый встречный и поперечный тоже все знал, а газеты знали все и даже больше. Конечно, очень страшно было показаться на глаза кузине Джейн, но потом выяснилось, что бояться нечего. Эта милая особа, видно, убедилась, что факты — вещь упрямая и с ними ничего не поделаешь, и примирилась с Пищей как с неким стихийным явлением.

Итак, кузина Джейн стала в позу жертвы долга. Она явно не одобряла происходящее, но ничего не запрещала. Бегство Бенсингтона — а именно так она истолковала его исчезновение, — очевидно, потрясло ее, и она ограничилась тем, что ожесточенно, жертвенно день и ночь выхаживала его от простуды, которую он так и не подхватил, и от усталости, о которой он давно забыл; она купила ему новоизобретенное гигиеническое шерстяное

белье, которое очень напоминало высшее общество: оно то и дело выворачивалось наизнанку и к нему так же трудно было приспособиться, тем более человеку рассеянному. Итак, насколько позволяли вышеуказанные обстоятельства, Бенсингтон еще некоторое время участвовал в совершенствовании Пищи богов — этой новой движущей силы в истории человечества.

Общественное мнение, пути которого неисповедимы, объявило Бенсингтона единственным создателем и производителем этого нового чуда природы. Редвуда оно не признавало и равнодушно предоставило скромному по природе Коссару усиленно заниматься полюбившимся ему делом в тиши и безвестности. А мистер Бенсингтон и оглянуться не успел, как его, что называется, разобрали на части, разложили по полочкам и выставили на самом видном месте для всенародного обозрения. Его лысина, румяные щеки и золотые очки стали всеобщим достоянием. Время от времени к нему заявлялись необыкновенно решительные молодые люди, увешанные большущими и, наверно, очень дорогими фотографическими аппаратами; они хозяйничали в доме недолго, но весьма успешно, ослепляли всех вспышками магния, который надолго заполнял

квартиру невыносимым зловонием, и быстро исчезали, чтобы заполнить страницы своих газет и журналов превосходными фотографиями мистера Бенсингтона во весь рост в одном из его лучших пиджаков и в башмаках с разрезами. Нередко на Слоун-стрит заглядывали и другие столь же решительные лица обоего пола и всех возрастов, болтали всякую всячину про Чудо-пищу — первым ее назвал так журнал «Панч», — а затем спешили тиснуть интервью, приписывая мистеру Бенсингтону свои же собственные слова. Известный юморист Бродбим просто помешался на новом открытии. Оно оказалось для него одним из тех «проклятых» вопросов, которых он никак не мог понять, и он лез из кожи вон, силясь уничтожить Пищу богов своими злыми остротами. Грузный и неуклюжий, с одутловатым лицом, носившим явные следы ночных кутежей, он появлялся то в одном, то в другом клубе и внушал каждому, кого удавалось ухватить за пуговицу:

— Да поймите же, все эти ученые начисто лишены чувства юмора. В том-то и дело! Эта окаянная наука убивает юмор!

Его насмешки над Бенсингтоном постепенно превратились в злобную клевету.

Предприимчивая контора газетных вырезок

прислала Бенсингтону длиннейшую статью о нем из дешевого еженедельника, озаглавленную «Новый ужас», и предложила снабдить его еще сотней таких развлекательных статеек всего за одну гинею. А однажды к нему явились с визитом две совершенно незнакомые, но неотразимо прелестные молодые дамы, к немому возмущению кузины Джейн остались пить чай, а потом прислали ему свои альбомы с просьбой написать им что-нибудь на память. Вскоре наш ученый муж перестал обращать внимание на то, что пресса связывает его имя со всякими нелепыми выдумками, а в обзорах появляются статьи о Чудо-пище и о нем самом, написанные в чрезвычайно интимном тоне людьми, о которых он в жизни не слыхал. И если в те давние дни, когда он был безвестен и ничуть не знаменит, он втайне и мечтал о славе и ее радостях, то теперь эти иллюзии рассеялись, как дым.

Впрочем, вначале общественное мнение, если не считать Бродбима, вовсе не было настроено враждебно. Мысль, что Гераклеофорбия снова может вырваться на волю, возникала разве что в шутку. И никому не приходило в голову, что нескольких малюток уже кормят Пищей богов и скоро они перерастут человечество. Широкая

публика развлекалась карикатурами на видных общественных деятелей, подкормленных Гераклеофорбией, всякого рода афишками и поучительными зрелищами, вроде выставленных напоказ мертвых ос, избежавших сожжения, и уцелевших кур.

Дальше этого общественное мнение не шло и вперед не заглядывало; и далее, когда предприняты были настойчивые попытки заставить его задуматься о дальнейших последствиях удивительного открытия, расшевелить его оказалось нелегко. «Каждый день приносит что-нибудь новенькое, — равнодушно говорила публика, давно пресыщенная новшествами (никто, наверно, не удивился бы, узнав, что земной шар разрезали пополам, как яблоко). — Поживем — увидим».

Однако вне широкой публики нашлись два-три человека, которые догадались заглянуть подальше в будущее и испугались того, что увидели. Так, молодой Кейтэрем, родич графа Пьютерстоуна, весьма многообещающий политический деятель, рискуя прослыть чудаком, опубликовал в журнале «Девятнадцатое столетие и грядущие века» большую статью, в которой призывал окончательно и бесповоротно запретить Гераклеофорбию. Надо сказать, что опасения подчас

одолевали и самого Бенсингтона.

— По-моему, они не понимают… — говорил он Коссару.

— Конечно, нет.

— А мы? Как подумаю иной раз, к чему это может привести… Бедный сынишка Редвуда!.. И ваши трое… Ведь они, пожалуй, вытянутся футов до сорока… Да полно, надо ли нам продолжать?

— Надо ли продолжать! — воскликнул Коссар, и вся его нелепая фигура выразила крайнюю степень изумления, а голос зазвучал еще пронзительнее, чем всегда. — Конечно, надо! А для чего вы существуете на свете? Неужели только для того, чтобы зевать от завтрака до обеда и от обеда до ужина?

— Серьезные последствия? — взвизгнул он. — Конечно! Еще какие! Само собой разумеется! Само собой! Да поймите же, раз в жизни выпал вам случай вызвать серьезные изменения в мире! И вы хотите его упустить! — Он запнулся, не в силах выразить свое возмущение. — Это просто грешно! — вымолвил он наконец и повторил с яростью: — Грешно!

Но Бенсингтон работал теперь в своей лаборатории без прежнего увлечения. Нрава он был спокойного и не так уж сильно жаждал серьезных

изменений в мире. Конечно, Пища — удивительное открытие, просто удивительное, но… Он уже оказался владельцем нескольких акров выжженной, опустошенной земли возле Хиклибрау; она обошлась ему чуть ли не по девяносто фунтов за акр, и временами ему казалось, что это — достаточно серьезное последствие теоретической химии, с такого скромного человека, пожалуй, хватит. Правда, он еще и знаменит — отчаянно знаменит. Достиг такой славы, что с него вполне довольно, даже с избытком.

Но он был исследователь и слишком привык служить науке… И выдавались такие минуты, правда редкие, — обычно это бывало в лаборатории, когда Бенсингтон работал не только в силу привычки или благодаря уговорам Коссара. Этот маленький человечек в очках сидел на высоком стуле, обхватив его ножки ногами в суконных башмаках с разрезами, сжимал в руке пинцет для мелких разновесов — и мгновениями вновь озаряла его мечта юности, и опять верилось, что вечно будут жить и расти идеи, зерно которых зародилось в его мозгу. Где-то в облаках, за уродливыми происшествиями и горестями настоящего, виделся ему грядущий мир гигантов и все великое, что несет с собой будущее, — ви-

дение смутное и прекрасное, словно сказочный замок, внезапно сверкнувший на солнце далеко впереди… А потом это сияющее видение исчезало без следа, словно его и не бывало, и опять впереди маячили лишь зловещие тени, пропасти, и тьма, и холодные дикие пустыни, населенные ужасными чудовищами.

II

Среди сложных и запутанных происшествий — отзвуков огромного внешнего мира, создавшего мистеру Бенсингтону славу, — понемногу выступила яркая и деятельная фигура, которая стала в глазах мистера Бенсингтона олицетворением всего, что творилось вокруг. Это был доктор Уинклс, самоуверенный молодой врач, уже упоминавшийся в нашем повествовании, тот самый, через которого Редвуд давал Пищу богов своему сынишке. Еще до того, как мир потрясла сенсация, таинственный порошок очень заинтересовал этого джентльмена, а как только появились сообщения о гигантских осах, он без труда сообразил что к чему.

Доктор Уинклс был из тех врачей, о которых, судя по их нравственным принципам, методам, поведению и внешности, говорят очень

точно и выразительно: «Этот далеко пойдет». Это был крупный белесый блондин с холодными светло-серыми глазами, настороженными и непроницаемыми, с правильными чертами лица и волевым подбородком. Он был всегда безупречно выбрит, держался прямо; движения энергичные, походка быстрая, пружинистая; он носил длинный сюртук, черный шелковый галстук и строгие золотые запонки, а его цилиндры — какой-то особенной формы и с особенными полями — были ему очень к лицу и еще прибавляли солидности и внушительности. Возраст его трудно было определить. А когда вокруг Пищи богов поднялся шум, он присосался к Бенсингтону, к Редвуду и к самой Пище; при этом у него был такой уверенный хозяйский вид, что даже Бенсингтону временами начинало казаться, будто Уинклс и есть первооткрыватель и изобретатель, хотя в газетах и пишут совсем другое.

— Всякие досадные случайности ничего не значат, — сказал Уинклс, когда Бенсингтон намекнул ему, что опасается новой утечки Пищи: как бы не было беды. — Это пустяки. Важно открытие. Если с ним правильно обращаться, осторожно применять и разумно контролировать, то… то наша Пища может стать просто феноменальным

средством… Но нам нельзя выпускать ее из поля зрения. Мы должны держать ее в руках, но… но не годится, чтобы она пропадала втуне.

Да, оставлять ее втуне Уинклс явно не собирался. Он бывал теперь у Бенсингтона чуть не каждый день. Выглянет Бенсингтон из окна, а элегантный экипаж Уинклса уже катит по Слоун-стрит; кажется, минуты не прошло — и вот Уинклс уже входит в комнату быстрым, энергичным шагом и сразу же заполняет ее своей персоной, вытаскивает свежую газету и принимается рассказывать новости, приправляя их собственными комментариями.

— Ну-с, — начинал он, потирая руки, — каковы наши успехи? — И, не дожидаясь ответа, выкладывал подряд все, что о них говорили в городе.

— Знаете ли вы, — сообщал он, например, — что Кейтэрем выступал по поводу нашей Пищи в Обществе ревнителей церкви?

— Бог ты мой! — изумлялся Бенсингтон. — Ведь он как будто родня премьер-министру?

— Да, — отвечал Уинклс. — Способный юноша, очень способный. Правда, он ярый реакционер и необыкновенно упрям, но очень способный. И видимо, намерен составить себе капиталец на нашем открытии. Весьма горячо взялся за дело.

Речь шла о нашем предложении испробовать Пищу в начальных школах.

— Как?! Когда мы это предлагали?!

— Да я на днях вскользь упомянул об этом на маленьком совещании в Политехническом. Пытался объяснить им, что Пища в самом деле очень полезна и совершенно безопасна, хотя вначале случались мелкие неприятности… осы и прочее. Но ведь с этим покончено раз и навсегда. А Пища и в самом деле очень полезна… Ну, он и придрался.

— Что вы еще говорили?

— Так, совершенные пустяки. Но, как видите, он-то все принял всерьез. Считает, что это угроза обществу. Уверяет, что на начальные школы и без того попусту тратятся огромные деньги. Повторяет старые анекдоты об уроках музыки и прочую чепуху. Пускай, мол, дети низших сословий получают образование, какое соответствует их положению, никто у них этого не отнимает, а вот дать им такую Пищу — значит вскружить им головы. Ну, и так далее. Разве, мол, это пойдет на благо обществу, если бедняки будут тридцати шести футов ростом! И знаете, он в самом деле уверен, что они дорастут до тридцати шести футов.

— Так оно и будет, если регулярно кормить их нашей Пищей, — подтвердил Бенсингтон. — Но ведь никто ни о чем таком не заикался…

— Я заикался.

— Но, дорогой мой Уинклс…

— Конечно, они будут большие, — прервал Уинклс с таким видом, словно он все это знает наизусть и наивность Бенсингтона ему просто смешна. — Вне всякого сомнения. Но вы послушайте, что он говорит: станут ли они от этого счастливей? Это его главный козырь. Забавно, правда? Станут ли они от этого лучше? Станут ли больше уважать законную власть? Да и справедливо ли так обращаться с детьми? Забавно, что люди вроде Кейтэрема всегда ратуют за справедливость, но только в отдаленном будущем. Даже в наши дни, говорит он, многим родителям не под силу одеть и прокормить детей, а что же будет, если им позволят дорасти до таких размеров! Как вам это нравится?

Понимаете, каждое мое мимоходом брошенное слово он выдает за деловое предложение. И сразу начинает высчитывать, сколько будет стоить пара брюк для мальчишки футов двадцати ростом. Будто он и в самом деле верит… И приходит к выводу, что если только-только соблюсти прили-

чия — и то не меньше десяти фунтов стерлингов. Забавный этот Кейтэрем! Такой трезвый ум! И конечно, говорит, расплачиваться за все придется честному труженику-налогоплательщику. И еще, говорит, мы обязаны уважать права родителей. Вот тут все это написано черным по белому. Две колонки. Каждый родитель имеет право требовать, чтобы его дети были такого же роста, как и он сам…

Потом Кейтэрем поднимает вопрос о школьной мебели — сколько, мол, будут стоить огромные классы и парты, а ведь наши школы и без того обходятся государству недешево. И все для чего? Для того, чтобы пролетариат состоял из голодных великанов. А в конце статьи он совершенно серьезно заявляет, что даже если безумное предложение — это мое-то брошенное вскользь замечание, да еще и превратно истолкованное! — даже если это предложение насчет школ и не пройдет, то все равно нужно быть начеку. Мол, Пища эта странная, уж такая странная, чуть ли не греховная. С нею, мол, обращались очень неосторожно, и нет никакой гарантии, что это не повторится. А если вы хоть раз ее отведали, то волей-неволей должны принимать ее и дальше, не то отравитесь.

— Так оно и есть, — вставил Бенсингтон.

— Короче говоря, он предлагает образовать Национальное Общество Охраны Надлежащих Пропорций. Странно звучит, а? Они там сразу ухватились за эту идею.

— Но чем же станет заниматься это Общество?

Уинклс пожал плечами и развел руками.

— Организуется и начнет шуметь, — ответил он. — Они хотят именем закона запретить производство Гераклеофорбии или хотя бы всякие сообщения о ней. Я кое-что написал об этом, доказывал, что Кейтэрем преувеличивает силу воздействия нашей Пищи, просто делает из мухи слона, но это не помогло. Даже удивительно, как все вдруг на нее ополчились. Между прочим, и Национальное Общество Трезвости и Умеренности основало филиал под девизом: Умеренность в росте.

— М-да-а, — протянул Бенсингтон и подергал себя за нос.

— Конечно, после происшествий в Хиклибрау этого следовало ожидать. Непривычных людей Пища просто-напросто пугает.

Уинклс походил по комнате, постоял в нерешительности — и отбыл.

Стало ясно, что есть у него что-то на уме, ка-

кая-то задняя мысль, и он только и ждет удобной минуты, чтобы высказаться. Однажды, когда у Бенсингтона был и Редвуд, Уинклс приоткрыл им свои тайные планы.

— Ну-с, как дела? — спросил он, по обыкновению потирая руки.

— Составляем нечто вроде доклада.

— Для Королевского общества?

— Да.

— Гм, — глубокомысленно промычал Уинклс и направился к камину. — Гм… А нужно ли это? Вот в чем вопрос.

— То есть?

— Нужно ли публиковать этот доклад?

— Так ведь у нас не Средние века, — возразил Редвуд.

— Это я знаю.

— Как говорит Коссар, обмен идеями — вот истинно научный метод.

— В большинстве случаев — конечно. Но… это случай исключительный.

— Мы представим доклад Королевскому обществу, как и положено, — сказал Редвуд.

Позднее Уинклс опять вернулся к этому разговору.

— Все-таки Пища — во многих отношениях

исключительное открытие.

— Это не важно, — ответил Редвуд.

— Оно может породить серьезные злоупотребления… Чревато серьезными опасностями, как выражается Кейтэрем.

Редвуд промолчал.

— И даже простая небрежность тоже чревата… А вот если бы нам образовать комиссию из самых надежных людей для контроля над производством Чудо-пищи… то есть Гераклеофорбии… мы могли бы…

Он умолк, но Редвуд, втайне чувствуя себя неловко, все же сделал вид, будто не заметил его вопросительной интонации.

Всюду и везде (только не в присутствии Редвуда и Бенсингтона) Уинклс, хоть и знал для этого слишком мало, выступал в роли главного авторитета по Чудо-пище. Он писал письма в ее защиту, сочинял записки и статьи, в которых разъяснял ее возможности, и совершенно не к месту вскакивал на заседаниях научных и медицинских обществ, чтобы высказаться о ней; словом, всем и каждому старался внушить, что он и Пища нераздельны. Наконец он напечатал брошюру под названием «Правда о Чудо-пище», где постарался представить в самом безобидном

свете все, что произошло в Хиклибрау. Нелепо даже думать, утверждал он, будто Чудо-пища может довести рост человека до тридцати семи футов, это — «явное преувеличение». Конечно, люди станут немного повыше, но и только…

Двум ученым друзьям было ясно одно. Уинклс непременно хочет участвовать в изготовлении Гераклеофорбии; он готов был читать любые корректуры для любых газет и изданий, которые печатали материалы о Чудо-пище, — одним словом, всячески старался проникнуть в тайну ее изготовления. Опять и опять он твердил им обоим, что понимает, какая это огромная сила и какие огромные у нее возможности. Но ее создатели непременно должны как-то себя «обезопасить»… В конце концов он напрямик спросил, как они ее изготовляют.

— Я тут обдумывал ваши слова, — начал Редвуд.

— И что же? — оживился Уинклс.

— Вы говорили, что такое открытие может породить серьезные злоупотребления, — напомнил Редвуд.

— Да. Но я не понимаю, какая связь…

— Самая прямая, — ответил Редвуд.

Несколько дней Уинклс обдумывал этот раз-

говор. Потом пришел к Редвуду и заявил, что чувствует себя не вправе давать его сыну порошок, о котором сам ничего не знает; ведь это означает брать на себя чрезмерную ответственность, идти на ничем не оправданный риск. Тут Редвуд, в свою очередь, призадумался.

Между тем Уинклс заговорил о другом:

— Вы заметили? Общество борьбы с Чудо-пищей заявило, что оно насчитывает уже несколько тысяч членов. Они внесли законопроект и уговорили молодого Кейтэрема провести его в парламенте; он охотно согласился. Они так и рвутся в бой. Организуют в округах комитеты, дабы влиять на кандидатов. Хотят добиться, чтобы нельзя было изготовлять и хранить Гераклеофорбию без особого на то разрешения — это будет караться законом. А если кто-нибудь станет кормить Чудо-пищей (так они ее называют) лицо, не достигшее совершеннолетия, значит, он уголовный преступник, и его засадят в тюрьму, и даже нельзя будет отделаться штрафом. Но появились еще и параллельные общества. Состав у них самый пестрый. Говорят, Национальное Общество Охраны Надлежащих Пропорций хочет ввести в правление мистера Фредерика Гаррисона — он ведь написал этакое изящное эссе,

утверждает, что слишком большой рост — это пошло и грубо и в корне противоречит учению Огюста Конта о путях развития человечества. Даже восемнадцатый век — век заблуждений — не докатывался до таких крайностей. Конту мысль о подобной Пище и в голову не приходила, а отсюда ясно, что затея эта дурна и греховна. Ни один человек, говорит Гаррисон, который действительно понимает Конта…

— Но неужели… — прервал Редвуд: он так встревожился, что даже забыл на миг о своем презрении к Уинклсу.

— Ничего этого они не сделают, — ответил Уинклс, — но общественное мнение остается общественным мнением, и голоса избирателей остаются голосами. Все видят, что от вашей выдумки одно беспокойство. А человек — это существо, которое не любит, чтобы его беспокоили. Когда Кейтэрем кричит, что люди будут тридцати семи футов ростом и не смогут войти в церковь, или в молитвенный дом, или в какое-либо общественное здание или учреждение, потому что они там не поместятся, ему вряд ли кто верит, и все-таки всем становится не по себе. Все чувствуют, что тут что-то есть… что это не простое открытие.

— Что-то есть во всяком открытии, — заметил Редвуд.

— Как бы там ни было, люди волнуются. Кейтэрем долбит, как дятел, одно и то же: а вдруг Пища опять вырвется из-под контроля и опять начнутся всякие ужасы. Я не устаю повторять, что этого быть не может и не будет, но… Вы же знаете, каковы люди!

Уинклс еще некоторое время пружинисто шагал по комнате, словно собираясь опять заговорить о секрете изготовления Пищи, но потом вдруг передумал и откланялся.

Ученые переглянулись. Несколько минут говорили только глаза. Наконец Редвуд решился.

— Что ж, — с нарочитым спокойствием сказал он, — на худой конец я буду давать Пищу моему маленькому Тедди собственными руками.

III

Прошло всего несколько дней, и, раскрыв утреннюю газету, Редвуд увидел сообщение о том, что премьер-министр намерен созвать Королевскую комиссию по Чудо-пище. С газетой в руке Редвуд помчался к Бенсингтону.

— Я уверен, это все проделки Уинклса. Он играет на руку Кейтэрему. Без конца болтает о Пище и

о ее последствиях и только будоражит людей. Если так будет продолжаться, он повредит нашим исследованиям. Ведь даже сейчас… когда у нас такие неприятности с моим малышом…

Бенсингтон согласился, что это очень дурно со стороны Уинклса.

— А вы заметили, что он теперь тоже называет ее только Чудо-пищей?

— Не нравится мне это название, — сказал Бенсингтон, глядя на Редвуда поверх очков.

— Зато для Уинклса в нем вся суть.

— А чего он, собственно, к ней прицепился? Он же тут совершенно ни при чем.

— Понимаете, он старается ради рекламы, — сказал Редвуд. — Я-то плохо понимаю, для чего это. Конечно, он тут ни при чем, но все начинают думать, что он-то ее и выдумал. Разумеется, это не имеет значения…

— Но если они от этой невежественной, нелепой болтовни перейдут к делу… — начал Бенсингтон.

— Мой Тедди уже не может обойтись без Пищи, — сказал Редвуд. — Я тут ничего не могу поделать. На худой конец…

Послышались приглушенные пружинистые шаги, и посреди комнаты, по обыкновению потирая руки, возник Уинклс.

— Почему вы всегда входите без стука? — спросил Бенсингтон, сердито глядя поверх очков.

Уинклс поспешно извинился.

— Я рад, что застал вас здесь, — сказал он Редвуду. — Дело в том…

— Вы читали об этой Королевской комиссии? — прервал его Редвуд.

— Да, — ответил Уинклс, на минуту растерявшись. — Да.

— Что вы об этом думаете?

— Превосходная мысль, — сказал Уинклс. — Комиссия прекратит весь этот крик и шум. Разрешит все сомнения. Заткнет глотку Кейтэрему. Но я пришел не за этим, Редвуд. Дело в том…

— Не нравится мне эта Королевская комиссия, — сказал Бенсингтон.

— Все будет в порядке, уверяю вас. Могу вам сообщить — надеюсь, это не сочтут разглашением тайны, — что я, возможно, тоже войду в состав комиссии.

— Гм-м, — промычал Редвуд, глядя в огонь.

— Я могу все повернуть, как надо. Могу доказать, что, во-первых, эту самую Пищу совсем нетрудно держать под контролем и, во-вторых, что катастрофа вроде той, какая произошла в Хиклибрау, просто не может повториться, разве

только чудом. А такое авторитетное заявление — это именно то, что нужно. Конечно, я мог бы говорить с большей убежденностью, если бы знал… но это так, к слову. А сейчас я хотел бы с вами посоветоваться, тут встает один небольшой вопрос. М-м… Дело в том, что… Собственно… Я оказался в несколько затруднительном положении, и вы могли бы мне помочь.

Редвуд удивленно поднял брови, но в душе обрадовался.

— Дело… м-м… совершенно секретное.

— Говорите, не бойтесь, — подбодрил Редвуд.

— Недавно моим попечениям вверили ребенка… м-м… ребенка одной… м-м… высокопоставленной особы.

Уинклс откашлялся.

— Мы вас слушаем, — сказал Редвуд.

— Признаться, тут немалую роль сыграл ваш порошок… и ведь широко известно, как я вылечил вашего малыша… Что скрывать, многие сейчас настроены очень враждебно по отношению к Пище… И все же среди наиболее разумных людей… Но действовать нужно осторожно, понимаете? Очень постепенно. И однако, ее светлость… я хочу сказать, моя новая маленькая пациентка… Собственно, это предложил ее отец… Сам я ни-

когда бы не…

Редвуд с изумлением заметил, что Уинклс смущен.

— А я думал, вы сомневались, следует ли применять этот порошок, — сказал он.

— Это было минутное сомнение.

— И вы не собираетесь прекратить…

— В отношении вашего малыша? Конечно, нет!

— Насколько я понимаю, это было бы убийством.

— Я бы ни за что на это не пошел.

— Вы получите порошок, — сказал Редвуд.

— А не могли бы вы…

— Нет, — сказал Редвуд. — Никаких рецептов не существует. Простите за откровенность, Уинклс, но напрасно вы стараетесь. Я приготовлю порошок сам.

— Что ж, мне все равно, — буркнул Уинклс, метнув злобный взгляд на Редвуда. — Да, все равно. — И, чуть помедлив, прибавил: — Уверяю вас, меня это ничуть не огорчает.

IV

Когда Уинклс ушел, Бенсингтон стал перед камином и посмотрел на Редвуда.

— Ее светлость, — задумчиво сказал он.

— Ее светлость, — откликнулся Редвуд.

— Это принцесса Везер-Дрейбургская!

— Ни много ни мало троюродная сестра самого…

— Редвуд, — сказал затем Бенсингтон, — я знаю, это смешно, но… как по-вашему, Уинклс понимает?

— Что именно?

— Понимает он, что это такое? — Бенсингтон невидящими глазами уставился на дверь и понизил голос: — Понимает он по-настоящему, что в семействе… в семействе его новой пациентки…

— Ну, ну, — поторопил Редвуд.

— В семействе, где все испокон веку были несколько… несколько ниже…

— Ниже среднего роста?

— Да. И вообще в этой семье все всегда были уж так скромны, решительно ничем не выделялись… а он собирается вырастить августейшую особу совершенно выдающуюся… такого… такого роста! Знаете, Редвуд, боюсь, тут есть что-то… это почти государственная измена.

Он перевел глаза на Редвуда.

— Вот, ей-богу, он ничего не понимает! — воскликнул Редвуд и погрозил камину паль-

цем. — Этот человек вообще ничего не знает и не понимает. Меня это злило, еще когда он был студентом. Ничего не понимает. Он сдавал все экзамены, запоминал все факты, а знаний у него было ровно столько же, сколько у книжной полки, на которой стоит Британская энциклопедия. Он и теперь ничего не знает и не понимает. Такой Уинклс способен воспринять только то, что прямо и непосредственно касается его великолепной персоны. Он начисто лишен воображения, а потому не способен к познанию. Лишь такой безнадежный тупица и может сдать столько экзаменов, так хорошо одеваться и стать таким преуспевающим врачом. То-то и оно! Он все слышал, все видел, мы ему обо всем говорили — и, однако, он совершенно не понимает, что натворил. У него в руках Чудо, на Чудо-пище он уже заработал себе чудо-имя, а теперь кто-то допустил его к августейшему ребенку, и он поистине делает чудо-карьеру! И ему, разумеется, не приходит в голову, что перед семейством Везер-Дрейбургов скоро встанет огромной трудности задача — принцесса ростом в тридцать с лишним футов… но где уж ему до этого додуматься!

— Будет страшный скандал, — заметил Бенсингтон.

— Да, примерно через год.

— Как только увидят, что она все растет и растет.

— Разве что постараются это скрыть… Так всегда делается…

— Такое не спрячешь, это не иголка.

— Да уж!..

— Что же они будут делать?

— Они никогда ничего не делают — королевским семействам это не подобает.

— Ну, что-то предпринять все-таки придется.

— Может быть, она сама найдет выход?

— О господи! Вот это да!

— Они ее запрячут подальше. Такие случаи в истории бывали. — И Редвуд вдруг совсем некстати захохотал. — Ее громаднейшая светлость! Резвое дитя в Железной маске! Им придется посадить ее в самую высокую башню родового замка Везер-Дрейбургов, она будет расти все выше и выше — и они станут пробивать потолки, этаж за этажом… Что ж, я и сам в таком же положении. А Коссар со своими тремя мальчуганами? А… ну и ну!

Но Бенсингтон не смеялся.

— Будет страшный скандал, — повторил он. — Просто ужасный. Хорошо ли вы все это обдумали, Редвуд? Может быть, разумнее предупредить

Уинклса? Может быть, постепенно отлучим вашего малыша от Пищи и… и удовольствуемся чисто теоретическими выкладками?

— Посидели бы вы полчасика у нас в детской, когда Пища чуть запаздывает, по-другому бы заговорили! — с досадой сказал Редвуд. — Предупредить Уинклса — ну нет! Раз уж нас захватило течением, страшно не страшно, а придется плыть.

— Значит, придется, — ответил Бенсингтон, задумчиво уставясь на носки своих башмаков. — Да. Придется плыть. И вашему малышу придется плыть, и мальчикам Коссара — он кормит Пищей всех троих. Коссар не признает полумер — все или ничего. И ее светлости придется. И всем вообще. Мы будем и дальше готовить Пищу. И Коссар тоже. Ведь это только самые первые шаги, Редвуд. Нам еще многое предстоит, это ясно. Впереди величайшие события, невероятные… Я себе и представить не могу, Редвуд… Вот только одно…

Он принялся разглядывать свои ногти, потом сквозь очки кротко поглядел на Редвуда.

— А знаете, — сказал он, — в иные минуты я склонен думать, что Кейтэрем прав. Наша Пища опрокинет все соотношения и пропорции в мире. Она изменит… да она все на свете изменит!

— Что бы она там ни меняла, а мой малыш должен и дальше ее получать, — сказал Редвуд.

На лестнице послышались торопливые тяжелые шаги, и в дверь просунулась голова Коссара.

— Ого! — сказал он, поглядев на их лица, и вошел. — Что у вас тут стряслось?

Они рассказали ему о принцессе.

— Трудная задача? — вскричал он. — Ничего подобного! Она будет расти, только и всего. И ваш мальчик тоже. И все, кому дают Пищу, будут расти. Как на дрожжах. Ну и что же? В чем загвоздка? Так оно и должно быть. Ясно даже младенцу. Что вас смущает?

Друзья попытались объяснить ему.

— Прекратить?! — завопил Коссар. — Да вы что? Даже если бы вы и захотели — шалишь! Вам теперь податься некуда. И Уинклсу податься некуда. Так оно и должно быть. А я-то не мог понять, что надо этому проныре. Теперь ясно. Ну и в чем дело? Нарушит пропорции? Разумеется. Изменит все на свете? Непременно. В конечном счете перевернет всю жизнь, судьбы человеческие. Ясно. Само собой. Они попытаются все это остановить, но они уже опоздали. Они всегда опаздывают. А вы гните свое и делайте больше Пищи, как можно больше. Благодарите Бога, что

не зря живете на земле.

— А столкновение интересов? — возразил Бенсингтон. — А социальные конфликты? Вы, видно, не представляете себе…

— Мямля вы, Бенсингтон, — сказал Коссар, — размазня. Этакий талантище, даже страшно, а воображает, что все его назначение в жизни — пить, есть и спать. Для чего, по-вашему, создан мир — чтобы в нем хозяйничали старые бабы? Ну да теперь уж ничего не попишешь, придется вам делать свое дело.

— Боюсь, что вы правы, — вздохнул Редвуд. — Понемножку…

— Нет! — оглушительно крикнул Коссар. — Никаких «понемножку»! Давайте побольше Пищи, да поскорее! Засыпьте ею весь мир!

В своем возбуждении он даже сострил — взмахнул рукой, как бы изображая кривую, вычерченную некогда Редвудом.

— Помните, Редвуд? Вот так, только так!

V

Как видно, и материнской гордости есть предел; миссис Редвуд достигла его в тот день, когда ее отпрыск, едва ему исполнилось шесть месяцев, проломил свою дорогую колясочку и с громким

ревом прибыл домой на тележке молочника. Весил он в то время пятьдесят девять с половиной фунтов[6], ростом был сорока восьми дюймов и мог поднять шестьдесят фунтов. Наверх в детскую его тащили вдвоем — кухарка и горничная. После этого случая стало ясно, что не сегодня завтра разоблачения не миновать. Однажды, вернувшись из лаборатории, Редвуд застал свою несчастную жену за чтением увлекательнейшего журнала «Могущественный атом»; она тотчас отшвырнула журнал, кинулась к мужу и разразилась слезами.

— Скажи, что ты сделал с ребенком! — рыдала она у него на груди. — Что ты с ним сделал?!

Редвуд обнял ее и повел к дивану; надо было как-то оправдываться.

— Не волнуйся, дорогая, — приговаривал он. — Не волнуйся. Ты немного переутомилась. Просто коляска была дрянная. Я уже заказал для него крепкое кресло на колесах, и завтра…

Миссис Редвуд подняла на мужа заплаканные глаза.

— Кресло на колесах? Для такого крошки? — всхлипнула она.

---

[6] Notes: 6
Английский фунт — 453,6 грамма.

— А почему бы и нет?

— Как будто он калека!

— Не калека, а юный великан, и ты напрасно этого стыдишься.

— Ты что-то сделал с ним, Денди, — сказала она. — Я по твоему лицу вижу.

— Ну, во всяком случае, это не помешало ему расти, — безжалостно ответил Редвуд.

— Так я и знала! — воскликнула миссис Редвуд и скомкала в руке платок. Взгляд ее стал жестким и подозрительным. — Что ты сделал с нашим ребенком?

— А что тебя беспокоит?

— Он такой огромный. Он просто чудовище.

— Чепуха. Складный, крепкий ребенок. Что тебя тревожит?

— Посмотри, какой он громадный.

— Ну и что же? А ты посмотри, сколько кругом жалких недорослков! Прекрасный ребенок, другого такого поискать…

— Слишком прекрасный, — возразила миссис Редвуд.

— Так будет недолго, — успокоил муж. — Это только начало такое бурное.

Но он отлично знал, что так будет еще долго — ребенок будет расти и расти. Так оно и вышло.

Когда мальчику исполнился год, ему недоставало только дюйма до пяти футов роста, а весил он сто пятнадцать фунтов. Теперь он был точь-в-точь херувим на соборе Святого Петра в Риме, а после того как он несколько раз играючи ухватил за волосы и за нос любопытных, приходивших на него взглянуть, о его силе заговорил весь Западный Кенсингтон. Поднять его на руки было невозможно, в детскую и обратно его возили на инвалидном кресле, а для прогулок была нанята особая нянька — эта мускулистая, специально обученная девица вывозила его на прогулку в сделанной на заказ моторной коляске мощностью в восемь лошадиных сил, вроде тех, что предназначены для подъема в горы. Хорошо, что Редвуд, в дополнение к своим ученым занятиям, был еще и правительственным техническим экспертом и сохранил кое-какие связи.

Конечно, размеры юного Редвуда в первую минуту поражали, — говорили мне люди, чуть не каждый день смотревшие, как он неторопливо катил в своей коляске по Гайд-парку, — но только опомнишься от удивления — и видишь, что вообще-то он на редкость смышленый и красивый ребенок. Он почти никогда не плакал, и незачем было затыкать ему рот соской. Обычно он сжи-

мал в руках большущую погремушку и время от времени весело и дружелюбно кричал «да-да» и «ба-ба» кучерам проезжавших мимо парка омнибусов и стоявшим на посту полицейским.

— Глядите, вон ребенок-великан, его выкормили Чудо-пищей, — говорили кучера омнибусов пассажирам.

— Видно, парнишка здоровый, — откликался кто-нибудь, сидевший поближе.

— Его кормят из бутылки, — объяснял кучер. — Говорят, в нее влезает целый галлон, на заказ делали.

— Как ни верти, а парнишка, видно, здоровущий, — заключал пассажир.

Когда миссис Редвуд убедилась, что ребенок не перестает расти все так же стремительно — а по-настоящему она это поняла, увидев новую коляску для прогулок, — ее охватило неистовое отчаяние. Она кричала, что отныне ноги ее не будет в детской, лучше бы ей умереть, раз у нее такой ребенок, и лучше бы ребенку умереть, и пускай все на свете умрут, и зачем, зачем она вышла замуж за Редвуда, и вообще зачем только женщины выходят замуж. Потом она немного притихла, и удалилась к себе, и просидела три дня взаперти, питаясь одним куриным бульоном.

Редвуд пытался ее урезонить, но она только рыдала, швыряла на пол подушки и рвала на себе волосы.

— Да ведь с малышом ничего плохого не случилось, — уговаривал Редвуд. — Для него же лучше, что он большой. Неужели ты хочешь, чтобы он был меньше других?

— Я хочу, чтобы он был такой, как все дети, ни больше ни меньше. Я хотела, чтобы он был обыкновенным милым и хорошим ребенком, как наша Джорджина Филис, я хотела вырастить хорошего сына, а он вон какой… — Голос несчастной женщины дрогнул. — Уже взрослые ботинки носит… и гулять его возят в этой ужасной ма… машине, и она воняет бе… бензином! Я никогда не смогу его любить, — рыдала она, — никогда! Это уж чересчур! Какая я ему мать!

Наконец ее все-таки уговорили пойти в детскую, где Эдвард Монсон Редвуд (Пантагрюэлем его прозвали позднее) с увлечением раскачивался в специально укрепленном кресле-качалке и весело гукал и улыбался до ушей. Сердце миссис Редвуд не выдержало, она бросилась к сыну, прижала его к себе и заплакала.

— Они что-то сделали с тобой, сыночек, — всхлипывала она, — и ты будешь все расти и

расти, но что бы ни говорил твой отец, я все равно постараюсь воспитать тебя как полагается.

И Редвуд (вместе с домочадцами он не без труда привел ее в детскую) вздохнул с облегчением и отправился по своим делам.

Да, вот он, женский характер! Нелегкая это задача — быть мужчиной!

VI

К концу того же года на улицах западной части Лондона появились и еще моторные коляски для детей. Мне говорили, что их было одиннадцать, но достоверные сведения есть только о шести. По-видимому, Гераклеофорбия на различные организмы действовала по-разному. Ее не сразу научились вводить путем подкожных впрыскиваний, а между тем оказалось, что очень многие дети совершенно неспособны усваивать ее обычным путем, как всякую другую пищу. Уинклс, например, пробовал давать ее своему младшему сыну, но тот оказался столь же неспособен к бурному росту, как (по уверениям Редвуда) его отец — к познанию. Были случаи, когда Гераклеофорбия вредила детям и они умирали от каких-то странных болезней — так по крайней мере утверждало Общество борьбы с Чудо-пищей. А вот

сыновья Коссара мгновенно пристрастились к чудесному порошку.

Конечно, такого рода открытие не может войти в жизнь человечества без всяких осложнений; рост, в частности, — процесс очень сложный, и тут при обобщениях не избежать неточностей. Но в целом действие Пищи можно определить так: если организм ее в том или ином виде усваивает, она во всех случаях стимулирует его развитие примерно одинаково. Рост увеличивается раз в шесть-семь, не больше, сколько бы Пищи вы ни вводили. А избыточное введение Гераклеофорбии, как оказалось, вызывает патологические расстройства пищеварения, рак и другие опухоли, окостенение суставов и иные заболевания. Быстро выяснилось, что если бурный рост однажды начался, замедлить его уже нет возможности, необходимо и впредь постоянно вводить Гераклеофорбию в небольших, но достаточных дозах.

Если же молодой, еще растущий организм вдруг лишить этой пищи, то сначала наступает период смутного беспокойства и подавленности, затем непомерная прожорливость, как было в случае с крысами, напавшими на доктора в Хэнки, потом острое малокровие, слабость и, наконец, смерть. Примерно то же происходит и

с растениями. Впрочем, это все относится только к периоду роста. С наступлением зрелости — у растений в эту пору впервые образуются бутоны — потребность в Гераклеофорбии и аппетит уменьшаются, а как только человек, животное или растение достигнут полного развития, Пищи им больше не нужно. Теперь они, так сказать, вполне приспособились к новым масштабам. Например, крапива в Хиклибрау и трава на соседнем холме приспособились настолько, что семена их дали гигантское потомство, и таким образом утвердилась новая порода.

Прошло немного времени, и юный Редвуд, первенец нового племени, раньше всех вкусивший Пищи богов, уже ползал по детской, разбивал в щепки мебель, кусался, как лошадь, щипался, как клещи, и громовым басом призывал няню, маму и виновника всех бед — папу, а тот взирал на дело рук своих в некотором испуге и изумлении.

У ребенка явно были хорошие задатки. «Падда будет хороший», — приговаривал он, когда вокруг него билось и ломалось все, что только можно было разбить и сломать. Он называл себя «Падда» — сокращение от Пантагрюэля (это прозвище дал ему отец). А тем временем Коссар, презрев исконные права соседних домовладельцев, вовсе

не желавших, чтобы от них загородили свет (это вскоре привело к неприятным осложнениям), захватил пустырь, прилегавший к дому Редвуда, и вопреки всем местным правилам принялся строить там для всех четырех мальчиков (сына Редвуда и своих троих) удобное, светлое помещение площадью в шестьсот квадратных футов и высотой в сорок; это была одновременно комната для игр, классная и детская.

Редвуд строил эту огромную детскую вместе с Коссаром и положительно влюбился в нее; поглощенный насущными интересами сына, он даже знаменитые кривые на время забросил — никогда бы он не поверил, что способен на это!

— Хорошо оборудованная детская — это очень важно, очень, — говорил он. — Тут и сами стены, и каждая мелочь — все должно будет более или менее красноречиво взывать к созданному нами новому разуму и более или менее успешно учить его тысяче разных вещей.

— Само собой разумеется, — поддакивал Коссар. И поспешно хватался за шляпу.

Они работали очень дружно и согласно, но теорию воспитания развивал главным образом Редвуд.

Стены детской, двери, оконные рамы выкраси-

ли в веселые тона; преобладали очень светлые, теплые оттенки, но тут и там яркая полоса, цветное пятно оживляли и подчеркивали простоту линий.

— Нам нужны чистые цвета, — говорил Редвуд и вдоль одной стены протянул целую связку квадратов; тут были все оттенки алого и лилового, оранжевого и лимонно-желтого, голубого и зеленого. Предполагалось, что дети будут перебирать и тасовать эти квадраты, как им вздумается. — Украшения — это потом, — рассуждал Редвуд, — сначала пусть разберутся в сочетаниях цветов. Потом мы повесим что-нибудь другое. Совсем незачем приучать их к какому-либо одному цвету или рисунку.

Здесь все должно быть для них интересно, — говорил далее Редвуд. — Интерес — пища для ребенка, а скука — мучение и голод. Пусть будет побольше картин.

Но картины тут не вешали раз и навсегда: постоянными были только рамы, рисунки можно было заменять, как только интерес к ним ослабнет. Из большого окна открывался вид на улицу, уходящую вдаль, а чтобы детям было еще интереснее, Редвуд на крыше детской соорудил камеру-обскуру, через нее видно было Кенсинг-

тон, Хай-стрит и большую часть парка.

В одном углу детской стояли огромные, в четыре квадратных фута, счеты, очень прочные, на железных стержнях, с закругленными углами, — с помощью этого отменного инструмента юным гигантам предстояло познать искусство расчетов и вычислений. Мягких собачек, кошечек и тому подобных игрушек почти не было; вместо этого Коссар однажды без лишних слов доставил три воза всевозможных игрушек такого размера, что проглотить их не могли бы даже дети-гиганты; игрушки эти можно было громоздить одну на другую, выстраивать в ряды, катать, кусать; ими можно было трещать, стучать и хлопать; их можно было бить одну о другую, гладить, таскать за собой, открывать, закрывать — словом, мудрить с ними на все лады сколько душе угодно. Тут было множество кубиков и кирпичиков всех цветов и разной формы: деревянных, из полированного фарфора, из прозрачного стекла, из резины; были пластинки, плитки, цилиндры; были конусы, простые и усеченные; были сплющенные и растянутые сфероиды, всевозможные шары из различных материалов, литые и полые, множество ящиков всевозможных размеров и форм, с привинченными, навинченными и съем-

ными крышками и даже несколько шкатулок со сложными замками, были и обручи резиновые и кожаные, и масса грубо выточенных кругляшек, из которых можно было составлять фигурки вроде человеческих.

— Давайте им эти игрушки, — сказал Коссар. — Только не все сразу, а по одной.

Все это Редвуд запер в огромный шкаф, стоявший в углу. На одной стене детской на высоте, удобной для ребенка футов семи ростом, висела классная доска, на ней мальчики могли писать и рисовать белыми и цветными мелками; по соседству помещалось нечто вроде огромного блокнота, с него можно было лист за листом срывать бумагу и рисовать углем; тут же рядом на парте лежали большие плотничьи карандаши различной мягкости и запас бумаги, на которой дети могли, выводя всяческие закорючки, понемногу учиться рисовать. В воображении Редвуд заглянул так далеко вперед, что заказал даже огромные тюбики с акварельными красками и коробки пастели, хотя в них пока еще не было нужды. Поставили в детскую и два-три бочонка пластилина и глины для лепки.

— Сперва мальчишка будет лепить вместе с учителем, а там научится копировать моде-

ли, а пожалуй, и лепить животных, — говорил Редвуд. — Да, чуть было не забыл: нужно еще заказать ящик с инструментами и книги. Надо приготовить побольше книг, нужен соответствующий размер, крупный шрифт. Теперь вопрос: какие именно книги? Нужно развивать воображение ребенка, в конце концов это и есть цель всякого воспитания. Да, так: воображение — цель, а трезвый ум и разумное поведение — основа. Отсутствие воображения — это возврат к животному состоянию; испорченное воображение — похоть и трусость; но благородное воображение — это Бог, вернувшийся на грешную землю. Ребенку надо и помечтать, побывать в мире сказок, порадоваться всяким забавам и чудесам — на то и детство. Но главной пищей воображению должна стать сама жизнь во всем ее великолепном разнообразии. Пусть ребенок узнает, как люди путешествовали, открывали новые земли и после многих подвигов и приключений завоевали весь мир; нужны рассказы о животных, умно написанные и отлично изданные книги о зверях, птицах и растениях, о пресмыкающихся и насекомых, о заоблачных высях и о тайнах морских глубин; и еще ребенок должен знать историю и географию всех государств, какие когда-либо

существовали; нужно дать ему карты и рисунки, пускай узнает историю всех племен, изучит их нравы и обычаи. И еще дадим ему книги и картины, которые развивают чувство прекрасного; тончайшие японские гравюры заставят его полюбить тончайшую прелесть птицы, ветки, опадающих лепестков, а живописцы Запада научат ценить красоту мужчин и женщин, прелесть натюрморта и ширь пейзажа. Нужны книги о зодчестве, пусть учатся строить дома и дворцы, обставлять комнаты и воздвигать города…

Пожалуй, надо устроить небольшой театр.

Ну и, конечно, музыка!

Редвуд обдумал и это: для начала пускай сын научится играть на ксилофоне с одной только октавой, но с безукоризненно чистым звуком, а потом можно будет прибавить и еще октавы.

— Сначала пускай просто забавляется, поет в тон и называет ноты, — рассуждал Редвуд. — А потом…

Он поглядел на подоконник (для этого ему пришлось задрать голову), измерил взглядом комнату.

— Придется собирать для него фортепьяно прямо здесь, — размышлял он вслух. — Вносить по частям.

Он шагал назад и вперед — крохотная темная фигурка совсем терялась в огромной комнате, — обдумывал, прикидывал. Если бы вы увидели его тогда, вам бы показалось, что это гном заблудился среди обычных детских вещей и игрушек. Огромный, в четыреста квадратных футов, турецкий ковер, по которому вскоре предстояло ползать юному Редвуду, доходил до огороженного решеткой электрического радиатора, обогревавшего детскую. Наверху, на лесах, человек, присланный Коссаром, прикреплял громадную раму для будущих сменных картин. У стены прислонен был альбом для гербария величиной с обыкновенную дверь, откуда торчали гигантский стебель, край огромного листа, цветок куруслепа — все это было привезено из Аршота и впоследствии произвело сенсацию среди ботаников…

И вдруг Редвуду показалось, что он грезит.

— Да полно, неужели все это наяву? — спрашивал он себя, глядя на далекий потолок.

Но тут, словно в ответ, издалека донесся громкий крик, напоминавший рев развеселившегося быка.

— Да, это наяву, — сказал себе Редвуд. — Никаких сомнений!

Теперь слышались сокрушительные удары

пухлой руки по столу и крики «Гууу!», «Буууу!».

— Пожалуй, я сам буду его учить, это лучше всего, — продолжал Редвуд; мысли его потекли в новом направлении.

Удары по столу сделались настойчивее. Мгновение Редвуду казалось, что это перестук колес, словно какой-то огромный паровоз надвигается на него и влечет за собою цепь неотвратимых событий… Но тут раздался другой стук, быстрый и легкий.

— Войдите! — крикнул Редвуд, сообразив, в чем дело, и огромная, как в соборе, дверь медленно приотворилась. Заскрипели несмазанные петли, и на пороге, сияя ослепительной лысиной, благодушной улыбкой и очками, появился Бенсингтон.

— Вот, позволил себе прийти, посмотреть как и что, — шепнул он, словно бы извиняясь и робея.

— Входите, — повторил Редвуд.

Бенсингтон вошел и закрыл дверь. Заложив руки за спину, сделал несколько шагов, остановился и, по-птичьи вскинув голову и щурясь, оглядел огромную комнату. Потом задумчиво потер ладонью подбородок.

— Всякий раз, как я сюда вхожу, я просто немею, — благоговейно понизив голос, признался

он. — Уж очень все это… большое.

— Да, — подтвердил Редвуд и тоже огляделся, словно хотел увидеть не просто пустую комнату. — Да. Они ведь тоже будут большие, сами знаете.

— Знаю, — ответил Бенсингтон чуть ли не с трепетом. — Очень большие.

Они почти со страхом посмотрели друг на друга.

— Очень, очень большие, — повторил Бенсингтон, поглаживая переносицу и косясь на Редвуда, словно и верил, и не верил, и ждал подтверждения. — Понимаете, они будут… невероятно большие. Я вот смотрю на все это… и все-таки не могу себе представить… какие же они будут?

Глава V
Мистер Бенсингтон стушевывается

I

Как раз в то время, когда Королевская комиссия по Чудо-пище готовила отчет о своей деятельности, Пища всерьез доказала свою способность ускользать из-под контроля. Случилось это слишком быстро и потому весьма некстати, по крайней

мере так думал Коссар. Ибо, как показывает сохранившийся и по сей день первоначальный вариант отчета, Комиссия под руководством самого талантливого своего члена — Стивена Уинклса (члена Королевского общества, доктора медицинских наук, члена Королевского терапевтического колледжа, доктора естественных наук, мирового судьи, доктора прав и прочая и прочая) — уже установила, что случайная утечка Гераклеофорбии совершенно исключена; Комиссия готова была высказаться в пользу Чудо-пищи при условии, что изготовление оной будет поручено авторитетному комитету (разумеется, во главе с Уинклсом) и этот же комитет получит исключительное право контроля над продажей; по мнению Комиссии, эти меры должны были удовлетворить всех, кто выступал против широкого применения Гераклеофорбии. Будущий комитет получал неограниченные полномочия и исключительное право распоряжаться Чудо-пищей. И конечно, только злая ирония судьбы повинна в том, что первая и самая страшная вспышка новых бесчинств Гераклеофорбии произошла совсем рядом с маленьким коттеджем в Кестоне, где проводил лето доктор Уинклс.

Теперь уже нет сомнений, что, когда Редвуд

отказался сообщить Уинклсу состав Гераклеофорбии номер четыре, сей почтенный доктор воспылал страстью к аналитической химии. Экспериментатор он был весьма посредственный и, вероятно, поэтому счел нужным заниматься своими опытами не в превосходно оборудованных лабораториях, которые были к его услугам в Лондоне, а в дрянном сарайчике на задворках своего коттеджа в Кестоне; он ни с кем не посоветовался и держал свою работу в секрете. Ни особого усердия, ни таланта он не проявил и, проработав какой-нибудь месяц, да и то с перерывами, по-видимому, совершенно забросил свои изыскания.

Уинклсова, с позволения сказать, лаборатория была оборудована очень примитивно: туда была проведена вода, которая затем вытекала через трубу в тенистый пруд, по берегам заросший камышом; пруд этот приютился под развесистой ольхой в уединенном уголке луга, за живой изгородью сада. Труба изобиловала трещинами, остатки Пищи богов просачивались наружу и скапливались в лужице среди камыша, а между тем наступала весна, и природа пробуждалась.

С весной в этом маленьком забытом уголке все ожило и зашевелилось. На поверхности лужи плавала лягушачья икра, и крошечные

головастики уже разрывали свои студенистые оболочки; маленькие водяные улитки выползли на солнышко, под зелеными стеблями камыша из яичек выбирались личинки большого водяного жука. Не знаю, видел ли читатель когда-нибудь личинку водяного жука, который почему-то называется Dytiscus[7]. Эта личинка выглядит довольно странно: членистая, очень сильная, с неожиданно резкими движениями, она плавает вниз головой, выставив из воды один лишь хвост; она достигает двух дюймов длины — примерно с фалангу большого пальца мужчины (разумеется, такого, кто не отведал Пищи богов) — и вооружена двумя необычайно острыми и мощными челюстями цилиндрической формы с острыми кончиками: ими она высасывает кровь у своей жертвы…

Первыми вкусили плавающих на поверхности лужи остатков Пищи богов крошечные водяные улитки да еще шустрые головастики — эти сразу же особенно к ней пристрастились. Но едва успевал головастик немного подрасти и выделиться в своем головастичьем мирке настолько, что пытался расширить привычную вегетари-

---

[7] Notes: 7
Жук-плавунец (*лат.*).

анскую диету за счет меньшого братишки, как — хлоп! — изогнутые челюсти личинки жука-плавунца уже впились в него и сосут вместе с кровью раствор Гераклеофорбии номер четыре. Кроме этих чудовищ, заполучить хоть малую долю Пищи посчастливилось лишь камышу, зеленой студенистой тине на поверхности воды да водорослям в иле на дне. Вскоре в лаборатории устроили генеральную уборку — и новый запас Пищи переполнил лужу, она разлилась, и теперь зловещая борьба за существование продолжалась уже в соседнем пруду, под корнями ольхи.

Первым обнаружил неладное некий мистер Льюки Керрингтон, учитель математики и естественных наук, который в часы досуга занимался изучением жизни пресноводных, — и его открытию не позавидуешь. Он приехал на денек в Кестон, чтобы наполнить прудовой водой несколько пробирок и затем рассмотреть их содержимое под микроскопом; штук десять пробирок, заткнутых пробками, позвякивали у него в кармане, когда он, помахивая шишковатой тросточкой, спускался с песчаного холма к пруду. А в это время помощник садовника, стоя на заднем крыльце дома мистера Уинклса, подстригал живую изгородь и заметил его; в этот

глухой уголок никто никогда не заходил, да и вел себя пришелец непонятно — и мальчишка с любопытством стал наблюдать.

Мистер Керрингтон склонился над прудом и, опершись рукою о ствол старой ольхи, заглянул в воду, но, конечно, садовник не мог понять, отчего такое удивление и удовольствие выразилось на лице мистера Керрингтона, когда тот увидел на дне какие-то большие, совершенно ему незнакомые нити и пузыри крупных водорослей. Головастиков нигде не было — к этому времени их всех уже съели личинки плавунца, — и потому, кроме буйной растительности, мистер Керрингтон не заметил ничего необычного. Он закатал рукав до локтя, наклонился еще ниже и сунул руку в воду, чтобы вытащить интересный образчик. И тотчас из укромного уголка под корнями ольхи что-то метнулось…

Миг — и острые клещи впились в руку учителя! Непонятное существо было длиной больше фута, коричневое и членистое, точно скорпион.

Отвратительный вид его и острая, жгучая боль ошеломили мистера Керрингтона. Он потерял равновесие, закричал — и, как подкошенный, ничком повалился в пруд!

Мальчишка-садовник видел, как он вдруг ис-

чез, слышал всплеск воды, потом барахтанье. А потом несчастный вновь появился над водой — без шляпы, весь мокрый — и закричал истошным голосом.

Никогда еще мальчишка не слыхал, чтобы взрослые мужчины так вопили.

Этот удивительный незнакомец, видно, пытался оторвать что-то от своего лица. А по лицу ручьями текла кровь. Он размахивал руками, словно в отчаянии, прыгал и скакал, как сумасшедший, потом пустился бежать, но, не пробежав и десяти шагов, упал и стал кататься по земле. Теперь его не было видно. Мальчишка кубарем скатился с крыльца и прямо через изгородь кинулся на помощь; к счастью, он так и не выпустил из рук садовых ножниц. Продираясь сквозь кусты дрока, он подумал было, не вернуться ли, вдруг этот человек сумасшедший, — но мысль о ножницах придала ему храбрости. «В случае чего я бы выколол ему глаза!» — объяснял он потом. Едва мистер Керрингтон заметил мальчика, он повел себя как человек совершенно нормальный, но доведенный до отчаяния: с трудом поднялся на ноги, пошатнулся, но устоял и пошел ему навстречу.

— Смотри! — вскричал он. — Я не могу их ото-

рвать!

И мальчишка с ужасом увидел, что к щеке мистера Керрингтона, к его обнаженной руке и к бедру присосались три устрашающе огромные личинки, их сильные коричневые тела отвратительно извивались, мощные челюсти глубоко впились в тело, и они жадно пили кровь. У этих чудовищ была бульдожья хватка, и все попытки мистера Керрингтона оторвать их от себя только усиливали боль и углубляли раны; его лицо, шея и пиджак были залиты кровью.

— Держитесь, сэр! — закричал мальчишка. — Сейчас я их отрежу!

И с чисто мальчишеским азартом принялся отстригать кровопийцам головы. «Вот тебе! Вот!» — приговаривал он, морщась от омерзения, всякий раз, как отрезанное извивающееся тело падало на землю. Однако хватка у чудовищ была такая свирепая, что головы еще некоторое время продолжали сосать, и кровь текла из перерезанных шей. Но мальчишка снова пустил в ход ножницы, причем нечаянно задел и самого мистера Керрингтона, — и наконец все было кончено.

— Я никак не мог их оторвать! — повторял мистер Керрингтон.

Он постоял минуту, шатаясь, истекая кровью. Ослабевшими руками потрогал свои раны, посмотрел на окровавленные ладони. Потом колени его подогнулись, и он упал в глубоком обмороке к ногам мальчишки, возле своих поверженных врагов, которые все еще шевелились в траве. По счастью, мальчишке не пришло в голову побрызгать его водою из пруда — там, под корнями ольхи, подстерегали другие такие же чудовища; вместо этого он побежал обратно в сад звать кого-нибудь на помощь. Тут ему встретился садовник мистера Уинклса (он же кучер), и мальчик рассказал ему о случившемся.

Когда они вместе подошли к мистеру Керрингтону, тот уже очнулся и, хоть был еще смертельно бледен и очень слаб, тотчас объяснил им, какую опасность таил в себе злополучный пруд.

II

Таким-то образом мир был впервые предупрежден, что Пища вновь просочилась, куда не следовало.

Прошла всего неделя, и Кестонский луг оказался, как выражаются натуралисты, очагом распространения новых гигантских трав и насекомых. На сей раз это были не осы, не крысы,

не уховертки и не крапива, но по меньшей мере три вида водяных пауков, несколько личинок стрекозы (вскоре они превратились в гигантских стрекоз, чьи парящие в воздухе сапфировые тела потрясали весь Кент) и отвратительная студенистая тина, переполнившая пруд и скользкой зеленой слизью доползшая по дорожке почти до самого дома доктора Уинклса. Кроме того, усиленно пошли в рост камыш, хвощ и водяной папоротник; покончить с этим удалось, только когда осушили пруд.

Очень скоро стало ясно, что на этот раз появился не один, а сразу несколько таких очагов. Один был в Илинге — теперь в этом уже нет сомнений, именно отсюда хлынули полчища гигантских мух и красных пауков; из Санбери поползли огромные хищные угри — они вылезали на берег и убивали овец; Блумсбери явил миру новую, устрашающую породу тараканов — их рассадником стал один старый дом, где водилось множество всякой нечисти. Одним словом, мир опять столкнулся с происшествиями вроде тех, что потрясли однажды Хиклибрау, только вместо цыплят, крыс и ос теперь разрослись до чудовищных размеров другие издавна знакомые твари. Каждый очаг плодил свою собственную

живность и растительность…

Теперь мы уже знаем, что все эти очаги возникали только там, где жили пациенты доктора Уинклса, но в то время никто об этом не подозревал. Обвинять самого Уинклса никому и в голову не приходило. Поднялась вполне понятная паника, взрыв негодования, но все это обернулось не против доктора Уинклса, а против Пищи, и даже не столько против самой Пищи, сколько против злосчастного Бенсингтона, ибо общественное мнение с самого начала твердо уверовало, что именно он, и только он один, за нее в ответе.

Попытка линчевать ученого была лишь одной из тех вспышек, которые яркими красками рисует история, а на самом деле рядом со многими другими событиями они бледны и незначительны.

Как это случилось, до сих пор остается тайной. Известно, что толпа нагрянула прямо с митинга, устроенного в Гайд-парке крайними противниками Чудо-пищи из лагеря Кейтэрема; но кто первый предложил, хотя бы намеком, пойти громить дом Бенсингтона, установить так и не удалось. Раскрыть непостижимую психологию толпы — задача по плечу разве что господину

Гюставу ле Бону[8].

Как бы то ни было, однажды в воскресенье около трех часов дня огромная, бурлящая толпа разъяренных лондонцев хлынула к дому Бенсингтона с твердым намерением линчевать его, чтобы впредь всяким ученым неповадно было что-то там исследовать и открывать; и она едва не добилась своего, — по крайней мере с тех пор, как давным-давно, в середине царствования королевы Виктории, решетки Гайд-парка были снесены разбушевавшейся толпой, никогда Лондон не видывал ничего подобного. Не менее часа жизнь незадачливого ученого висела на волоске.

Бенсингтон ничего не подозревал до тех пор, пока с улицы не докатился гул приближающейся массы народа. Он подошел к окну и выглянул, все еще не догадываясь, что это имеет какое-то отношение к нему. Минуту-другую он смотрел, как толпа, отбросив десяток полицейских, пытавшихся ей помешать, окружала вход в его дом, — и вдруг понял: это пришли за ним! Он-то и нужен этой ревущей, озверелой толпе! Бенсингтон был совсем один в квартире (пожалуй, это оказалось к лучшему), ибо кузина Джейн отправилась в

[8] Notes: 8
Гюстав ле Бон (1841–1931) — французский социолог.

Илинг к какой-то родне своей матушки пить чай. Как надо себя вести в подобных случаях — это бедняга представлял себе, вероятно, не лучше, чем правила поведения на Страшном суде. Он метался по квартире, вопрошал столы и стулья, как быть, запирал и отпирал все замки, кидался то к окнам, то к дверям, то в спальню — и тут на выручку явился привратник.

— Нельзя терять ни минуты, сэр, — сказал он. — Они уже углядели в прихожей список жильцов, узнали номер вашей квартиры и идут прямо сюда!

Он вытащил Бенсингтона на площадку лестницы — снизу уже доносился шум и крики, — запер дверь покинутой квартиры и своим ключом отпер дверь квартиры напротив.

— Больше надеяться не на что, — шепнул он.

В чужой квартире привратник распахнул окно, выходившее в узкий внутренний двор; стена снаружи была утыкана железными скобами, образовавшими весьма неудобную и опасную лестницу на случай пожара. Привратник вытолкнул мистера Бенсингтона из окна на одну из таких скоб, показал, как на ней удержаться, и заставил карабкаться вверх, постукивая ученого по ногам связкой ключей всякий раз, как тот

останавливался, не решаясь двинуться дальше. Бенсингтону казалось — это навеки, никогда этой ужасной лестнице не будет конца; карниз над головой недостижимо далек, до него еще не меньше мили, а внизу… О том, что ждет его внизу, лучше не думать.

— Осторожно! — вдруг закричал привратник и схватил его за ногу. Это было так страшно, что мистер Бенсингтон изо всех сил вцепился в железную скобу над головой и тихонько взвизгнул от ужаса.

Его провожатый разбил какое-то стекло и, кажется, прыгнул куда-то далеко вбок. Затем послышался скрип, как будто отворилась оконная рама. Привратник что-то кричал — кажется, ругался.

Мистер Бенсингтон осторожно повернул голову и наконец увидел его.

— Спуститесь на шесть ступенек, — скомандовал тот.

Все это казалось Бенсингтону диким и нелепым, однако же он повиновался и начал осторожно нащупывать ногой нижнюю скобу.

— Не тащите меня! — вскрикнул он, когда привратник, высунувшись из открытого окна, попытался ему помочь.

Добраться до окна с этой страшной лестницы? Да это было бы нелегко и для белки! Не надеясь совершить подобный подвиг, примирившись с мыслью, что это, в сущности, самоубийство, и уже не помышляя о спасении, Бенсингтон шагнул вниз, и тут привратник довольно грубо схватил его и втащил в окно.

— Придется вам побыть здесь, — сказал он. — Этот замок мне не открыть, он американский. У меня таких ключей нет. Я выйду, захлопну за собой дверь и поищу смотрителя с ключом. А вы пока посидите взаперти. Только из окна не выглядывайте. Отродясь не видал этакой кровожадной оравы. Может, они подумают, что вас нет дома, переколотят все в квартире да и успокоятся…

— На моей двери на табличке сказано, что я дома, — вздохнул Бенсингтон.

— Фу ты, черт побери! Ну, мне надо отсюда убраться, а то меня еще застанут…

Он исчез, хлопнула дверь.

Теперь Бенсингтон мог полагаться только на собственную смекалку.

Она загнала его под кровать. Здесь-то его немного погодя и нашел Коссар.

К этому времени Бенсингтон был ни жив ни мертв от страха, потому что Коссар выломал

дверь плечом, наскакивая на нее с разбегу через всю площадку.

— Вылезайте, Бенсингтон! — крикнул он, вломившись в квартиру. — Все в порядке. Это я. Надо отсюда выбираться. Они хотят подпалить дом. Все дворники уже удирают. Остальной прислуги и след простыл. К счастью, я поймал одного, и он сказал мне, где вы. Вот, глядите.

Выглянув из-под кровати, Бенсингтон увидел в руках Коссара какие-то странные одеяния и среди прочего — огромный черный чепец!

— Они перетряхивают весь дом сверху донизу, — сказал Коссар. — Если не подожгут, так уж непременно нагрянут и сюда. Вызваны войска, но они подоспеют через час, не раньше. В толпе добрая половина — хулиганы, и чем больше квартир они разгромят, тем больше войдут во вкус… Само собой разумеется. Они здесь все перетряхнут. Вот, надевайте-ка юбку и чепец, Бенсингтон, и давайте уносить ноги.

— Вы хотите, чтобы я… — начал Бенсингтон, высовывая из-под кровати голову, точно черепаха.

— Вот именно. Одевайтесь, и пошли! Само собой разумеется!

Вмиг потеряв терпение, Коссар вытащил Бенсингтона из-под кровати и начал обряжать его

старухой из простонародья. Засучил на нем брюки, заставил скинуть шлепанцы; затем стянул с него воротничок и галстук, пиджак и жилет, надел ему через голову черную юбку и красную фланелевую кофту, а поверх всего набросил тальму. И наконец снял с Бенсингтона знакомые всему Лондону очки и нахлобучил ему на голову черный чепец.

— Ну, вы словно родились старухой, — заметил он, наскоро завязывая ленты чепца под подбородком ученого.

Пришел черед башмаков на резинках — жестокое испытание для мозолей! Теперь шаль — и старушка готова.

— Повернитесь-ка кругом! — скомандовал Коссар.

Бенсингтон покорно повернулся.

— Сойдет! — объявил Коссар.

Так, в нелепом одеянии, путаясь и спотыкаясь в непривычных юбках, вторя крикам разъяренных лондонцев, жаждущих его крови, и визгливым фальцетом накликая проклятия на собственную голову, изобретатель Гераклеофорбии спустился по лестнице дома в Честерфилде, смешался с беснующейся толпой и навсегда отошел от событий, которым посвящен наш рассказ.

После этого бегства он, совершивший великое открытие, ни разу больше не пожелал вмешаться в дальнейшую удивительную судьбу своего детища — Пищи богов.

III

Итак, скромный человечек, который заварил всю эту кашу, уходит из нашего рассказа, а вскоре и навсегда уйдет из мира видимого и осязаемого. Но ведь кашу-то заварил не кто иной, как он, и потому на прощанье уместно будет посвятить ему еще одну страничку. Можно представить себе ученого в последние годы его жизни таким, каким знали его на водах в Танбридже. Именно здесь, у Танбриджских целебных источников, появился он после того, как некоторое время вынужден был скрываться от ярости толпы, — появился, лишь только понял, что ярость толпы случайна, недолговечна и очень быстро остывает. Пребывал он в Танбридже под крылышком кузины Джейн, усиленно лечился от нервного потрясения, ни о чем больше не думал, и его, видимо, ничуть не трогали страсти, бушевавшие вокруг новых очагов распространения Пищи и вокруг вскормленных ею детей-гигантов.

Он поселился в «Маунт Глори» — отеле с водо-

лечебницей, которая славилась превосходными целебными ваннами — тут были ванны углекислые и креозотные; гальваническое и иное электрическое лечение; массаж; ванны хвойные, с крахмалом, с болиголовом, а также световые, тепловые и лучевые; ванны из отрубей и сосновых игл; ванны из смолы и мха — словом, на все вкусы; и Бенсингтон посвятил себя усовершенствованию этой системы лечения, которая, впрочем, осталась несовершенной и после его смерти. Иногда, укутавшись в шубу с котиковым воротником, он отправлялся на прогулку в наемном экипаже, а иногда, если не очень мучили мозоли, ходил пешком к источнику и под наблюдением кузины Джейн осторожно тянул лечебную железистую воду.

Его сутулая спина, румяные щеки и сверкающие очки стали неотъемлемой принадлежностью Танбриджа. Никто здесь не питал к нему вражды, и все в отеле и вокруг гордились таким почетным гостем. Он был знаменит, и теперь уже ничто не могло лишить его этой славы. Он предпочитал не следить по газетам за успехами своего великого открытия; но где бы он ни появлялся — на дороге ли к источнику или в гостиной отеля, — вокруг слышался шепот: «Вот он! Это он и есть!» — и

тогда подобие довольной улыбки мелькало в его глазах и смягчало линию рта.

И подумать только, что такой маленький, ничем не примечательный человечек обрушил на мир Пищу богов! Право, даже трудно сказать, что больше поражает в ученых и философах — их величие или их ничтожность. Представьте себе изобретателя Пищи богов там, у целебного источника: в шубе с котиковым воротником стоит он перед выложенным фарфоровой плиткой фонтанчиком, где плещет струя, и потягивает из стакана железистую воду; блестящий глаз, суровый и непроницаемый, косится поверх золотой оправы очков на кузину Джейн. «Б-рр», — произносит он и делает очередной глоток.

Пусть таким он и запечатлеется навсегда в нашей памяти, этот великий изобретатель Пищи богов, а теперь мы покинем его — крошечную песчинку в нашей повести — и перейдем к более важным событиям: к дальнейшей истории созданной им Пищи; мы расскажем, как день ото дня росли и крепли разбросанные по всей Англии дети-гиганты, как они входили в мир, слишком тесный и скудный для них, и как все туже сжимали их сети законов и ограничений, которые плела вокруг них Комиссия по Чудо-пище, — сжимали

до тех пор, пока...

Книга II
Пища в деревне
Глава I
Появление Пищи

I

Наша тема, что началась так скромно в кабинете мистера Бенсингтона, уже настолько расширилась и разветвилась, что отныне все повествование будет историей о том, как Пища богов разошлась по свету. Ее дальнейшее развитие и движение можно сравнить с тем, как непрестанно растет и ветвится дерево. Прошло совсем немного времени — всего лишь четверть жизни одного поколения — с того часа, как Пища впервые появилась на маленькой ферме возле Хиклибрау, и вот она сама, и слухи о ней, и отзвуки ее силы уже растеклись по всему миру. Очень быстро Пища богов вышла за пределы Англии. Скоро она появилась в Америке, разнеслась по европейскому континенту, потом перекинулась в Японию, в Австралию — словом, распространилась по всему земному шару, стремясь к заветной цели. Двигалась она осторожно, без лишней то-

ропливости, извилистыми путями, и ничто не могло ее остановить. Это было наступление гигантизма. Наперекор предрассудкам, наперекор законам и уставам, наперекор упрямому консерватизму, что лежит в основе всех человеческих установлений, Пища богов, раз появившись на свет, осторожно, но неотвратимо шла своей дорогой.

Дети, вскормленные Пищей, росли и мужали — вот самое главное, самое важное событие того времени. Но шум и сенсацию всегда производили случайные вспышки гигантизма, возникавшие из-за утечки Пищи. А дети росли, их становилось все больше, этих выкормышей чудесного порошка; но даже самые строгие меры предосторожности не могли помешать Пище все снова и снова просачиваться в животный и растительный мир. Пища богов ускользала из-под контроля с упорством живого существа. Подмешанная в муку, она обращалась в мельчайший, почти невидимый порошок — и в сухие ясные дни, как нарочно, разносилась по белу свету при малейшем дуновении ветра. И тотчас же какое-нибудь новое насекомое или растение ненадолго обретало роковую славу и величие, либо вновь появлялись чудовищные крысы и

другая нечисть. Так, несколько дней деревня Пэнгбурн сражалась с гигантскими муравьями. Три человека умерли от их укусов. Всякий раз начиналась паника, потом борьба не на жизнь, а на смерть, люди одолевали буйно разросшееся зло, но до конца искоренить его не могли, что-то всегда оставалось, хоть и не так бросаясь в глаза; формы жизни менялись, а потом ошеломляла новая вспышка — где-нибудь вдруг буйно разрастались чудовищные травы, летали семена исполинских сорняков, начиналось нашествие тараканов, в которых приходилось стрелять из ружей, или появлялись тучи громадных мух.

В самых забытых, тихих уголках земли неожиданно вспыхивали отчаянные сражения. Схватки с Пищей порождали даже героев, павших в битве за торжество малого над большим…

Постепенно такие происшествия вошли в привычку, люди научились кое-как справляться с ними и говорили друг другу, что «установленный порядок незыблем». После первого приступа паники, несмотря на все красноречие Кейтэрема, звезда его на политическом горизонте потускнела, и его знали просто как представителя крайних.

Медленно, очень медленно выбрался наконец

Кейтэрем на первый план. «Установленный порядок незыблем», — утверждал доктор Уинклс, новоявленный вождь радикального направления общественной мысли, так называемого Прогрессивного либерализма, и его сторонники с лицемерным пафосом славили прогресс. А идеалом их оставались маленькое государство, маленькая культура, маленькие семьи, хозяйствующие помаленьку каждая на своей маленькой ферме. Установилась мода на все маленькое и аккуратненькое. Быть большим считалось просто вульгарным, и лишь крошечное, изящное, утонченное, миниатюрное, малюсенькое удостаивалось похвалы…

А тем временем дети, вскормленные Пищей богов, все росли, росли неспешно, постепенно, как и положено детям, и готовились вступить в мир, который тоже менялся, чтобы их принять. Они мужали, набирались сил и знаний, и каждый, сообразно своим склонностям и способностям, готовился достойно встретить свою великую судьбу. Вскоре они уже стали казаться естественной и неотъемлемой частью нашего мира, да, впрочем, и все всходы гигантизма казались теперь естественными, и люди не могли себе представить, что когда-то было иначе. И,

услыхав о разных чудесах, на которые оказывались способны гигантские дети, все говорили: «Удивительно!» — но ничуть не удивлялись. Дешевые газетки сообщали своим читателям о подвигах трех сыновей Коссара: эти необыкновенные мальчики поднимают тяжелые пушки! Бросают на сотни ярдов громадные куски железа! Прыгают в длину на двести футов! Говорили, что они копают глубокий колодец, глубже всех колодцев и шахт на свете: ищут сокровища, скрытые в земных недрах с незапамятных времен.

Ходкие журналы уверяли, что эти дети сровняют горы с землей, перекинут мосты через моря и изроют туннелями вдоль и поперек весь шар земной. «Удивительно! — восклицали маленькие людишки. — Просто чудеса! Это будет очень удобно и всем нам на пользу!» — и продолжали спокойно заниматься своими делами, словно и не существовало на свете никакой Пищи богов. И в самом деле, то были пока лишь первые проблески гения, первые намеки на могущество Детей Пищи. Всего лишь игра, проба сил без всякой определенной цели. Ведь они еще сами себя не знали. Они все еще были детьми, медленно растущими детьми нового племени. Их исполинская сила увеличивалась день ото дня, их могучей

воле еще предстояло вырасти и обрести смысл и цель.

Когда мы теперь оглядываемся на эти годы, они кажутся нам единой последовательной цепью событий; но тогда никто не понял, что наступает эра гигантизма, точно так же, как долгие века мир не понимал, что единым и не случайным процессом было падение Римской империи. Современники были слишком тесно связаны с отдельными событиями, чтобы рассматривать их как нечто единое. Даже самые мудрые считали, что Пища богов породила лишь отдельные нелепые явления, кучку своевольных уродов, которые подчас мешают и вносят беспокойство, но не в силах пошатнуть или изменить сложившийся раз навсегда облик мира и человечества.

В этот период накопления сил гигантизма находится все же наблюдатель, которого больше всего поражает непобедимая инерция огромной массы людей, их упорное равнодушие и нежелание признавать существующих рядом гигантов, неспособность понять то огромное, что сулит завтрашний день. Как в природе многие потоки кажутся всего спокойней, тише и невозмутимей как раз тогда, когда они вот-вот низвергнутся водопадом, так и в те последние годы уходящей

эпохи словно бы укрепилось все, что было в сознании людей устарелого и косного. Реакционные взгляды стали самыми распространенными: говорили, что наука зашла в тупик, что нет более прогресса, что вновь приходит пора самовластья, — и это говорилось в дни, когда все громче слышалась крепнущая поступь Детей Пищи! Конечно, суетливые, бесцельные перевороты былых времен, когда, к примеру, толпа неразумных людишек свергала такого же неразумного царька, давно уже канули в вечность; но Перемена — это закон, который никогда себя не изживет. Просто изменились сами Перемены: Новое появилось в небывалом обличье, и современникам было еще не под силу осознать его и принять.

Чтобы рассказать о появлении Нового во всех подробностях, пришлось бы создать многотомный исторический труд, но повсюду происходило примерно одно и то же. И если рассказать, как Новое появилось в одной точке земного шара, можно дать понятие о том, что происходило во всем мире. Случилось так, что одно заблудшее зерно гигантизма попало в миленькую маленькую деревушку Чизинг-Айбрайт в графстве Кент; странно оно созревало, трагически бесплоден был его рост, — и, рассказывая о нем, мы словно

попытаемся по одной нити проследить сложный, запутанный узор на полотне, что вытканo Временем.

II

В Чизинг-Айбрайте, разумеется, был священник. Приходские священники бывают разные, и меньше всех мне нравятся любители новшеств — эдакие разношерстные люди, консерваторы по должности, которые не прочь иногда побаловаться и передовыми идейками. Но священник прихода Чизинг-Айбрайт не признавал никаких новшеств; это был весьма достойный, пухленький, трезвый и умеренный в своих взглядах человечек. Уместно будет вернуться в нашем повествовании немного назад, чтобы кое-что о нем рассказать. Он был вполне под стать своей деревне, и вы легко представите себе пастыря и его паству в тот вечер, на закате, когда миссис Скилетт — помните ее побег из Хиклибрау? — принесла Пищу богов в эту сельскую тишину и благолепие, о чем тогда никто и не подозревал.

В розовых лучах заходящего солнца деревня выглядела олицетворением мира и покоя. Она лежала в долине у подножия поросшего буком холма — вереница домиков, крытых соломой

или красной черепицей; крылечки домиков были украшены шпалерами, вдоль фасадов рос шиповник; от церкви, окруженной тисовыми деревьями, дорога спускалась к мосту, и понемногу домиков становилось больше, и стояли они теснее. За постоялым двором чуть виднелось меж высоких деревьев жилище священника — старинный дом в раннегеоргианском стиле; а шпиль колокольни весело выглядывал в узком просвете долины между холмами. Извилистый ручеек — тонкая полоска небесно-голубого и кипенно-белого, окаймленная густыми камышами, вербой и плакучими ивами, — сверкал среди сочной зелени лугов, словно прожилка на изумрудном брелоке. В теплом свете заката на всем лежал своеобразный, чисто английский отпечаток тщательной отделанности, благополучия и приятной законченности, которая — увы! — только подражает истинному совершенству.

И священник тоже выглядел благодушным. Он так и дышал привычным, неизменным и непоколебимым благодушием — казалось, он и родился благодушным младенцем в благодушной семье и рос толстеньким и аппетитным ребенком. С первого взгляда становилось ясно, что он учился в старой-престарой школе, в стенах которой, уви-

тых плющом, свято блюлись старинные обычаи и аристократические традиции и, уж конечно, в помине не было химических лабораторий; из школы он, конечно же, проследовал прямехонько в почтенный колледж, здание которого восходило к эпохе пламенеющей готики. Библиотеку его составляли в основном книги не менее чем тысячелетнего возраста — Ярроу, Эллис, добротные дометодистские молитвенники и прочее в том же духе. Низенький, приземистый, он казался еще ниже ростом оттого, что был в ширину почти таков же, как в высоту, а лицо его, с младенчества приятное, сытое и благодушное, теперь, в более чем зрелые годы, приобрело более чем солидность. Библейская борода скрывала расплывшийся двойной подбородок; часовой цепочки он, по причине утонченности вкуса, не носил, но его скромное облачение сшито было у отличного уэст-эндского портного. В тот памятный вечер он сидел, упершись руками в колени, и, помаргивая глазками, с благодушным одобрением взирал на свой приход. Время от времени он приветственно помахивал пухлой ручкой в сторону деревни. Он был покоен и доволен. Чего еще желать человеку?

— Отличное у нас местечко! — сказал он

привычно. — Посреди холмов, как в крепости, — продолжал он и наконец довел свою мысль до конца: — Мы сами по себе и далеки от всего, что там творится.

Ибо священник был не один. Он обменивался со своим другом избитыми фразами об ужасном веке, о демократии и светском образовании, о небоскребах и автомобилях, об американском засилье, о беспорядочном чтении, которое портит нравы, и о безнадежном вырождении вкуса.

— Да, мы далеки от всего, что там творится.

Едва он договорил, как послышались чьи-то шаги. Священник с трудом повернул свое пухлое тело и увидел ее.

Теперь представьте себе старуху: она приближается неровным, но упорным шагом; корявой, натруженной рукой она сжимает узел, длинный нос ее (он подавляет и заслоняет все прочие черты лица) морщится, выражая отчаянную решимость. Маки на чепце важно кивают; медленно и неотвратимо переступают ноги — белые от пыли носы старомодных башмаков по очереди показываются из-под обтрепанной юбки. Под мышкой болтается, норовя ускользнуть, старый, рваный и вылинявший зонтик. Нет, ничто не подсказывало священнику, что в образе этой

нелепой старухи в его мирную деревню вступил Его Величество Случай, Непредвиденное — словом, та старая ведьма, которую слабые людишки называют — Судьба. А для нас это была, как вы, конечно, уже поняли, всего лишь миссис Скилетт.

Старуха была слишком обременена своей ношей, чтобы учтиво присесть перед священником и его другом, а потому притворилась, что не замечает их, и прошлепала мимо, совсем рядом, направляясь вниз, в деревню. Священник молча проводил ее глазами, обдумывая свое следующее изречение…

На его взгляд, случай был самый пустячный: старуха с узлом — эка невидаль! Старухи aere perennius[9] испокон веку таскают с собой всякие узелки. Что ж тут такого?

— Мы далеки от всего, что там творится, — снова сказал священник. — Мы здесь живем среди вещей простых и непреходящих: рождение, труд, скромный посев да скромная жатва — вот и все. Бури житейские обходят нас стороной.

Священник любил с глубокомысленным видом потолковать о «вещах непреходящих». «Вещи меняют свой облик, — говаривал он, — но чело-

---

[9] Notes: 9
Вечно и неизменно; буквально — прочнее меди (*лат.*).

вечество aere perennius».

Таков был чизинг-айбрайтский священник. Он всегда находил повод вставить классическую цитату, пусть даже и не очень к месту. А внизу под горой весьма неизящная, но решительная миссис Скилетт, не желая обходить усадьбу Уилмердинга, лезла напролом через живую изгородь.

III

Никто не знает, что подумал священник о гигантских грибах-дождевиках.

Известно лишь, что он обнаружил их одним из первых.

Дождевики появились на некотором расстоянии друг от друга на тропинке между ближним холмом и деревней — по этой тропинке священник совершал свою ежедневную прогулку. Необыкновенных грибов оказалось ровно тридцать. Священник долго разглядывал каждый гриб и чуть ли не каждый потыкал тростью. Один гриб он даже попробовал измерить, обхватив руками, но тот не выдержал могучего объятия и лопнул.

Священник кое-кому рассказал об этих грибах, назвал их «изумительными» и по меньшей мере семерым из слушателей повторил при этом известную историю о том, как выросшие в подвале

грибы приподняли каменную плиту. И даже заглянул в справочник, чтобы определить, были то Lycoperdon coelatum или giganteum[10], — ведь люди его толка всегда занимаются ботаникой, им не дают покоя лавры Гилберта Уайта. Наш священник начал подумывать, что ранее известные giganteum были не такие уж гигантские.

Трудно сказать, заметил ли он, что эти огромные белые шары появились на той самой тропинке, где накануне проходила старуха, и что последний гриб вырос в нескольких шагах от калитки Кэддлсов. Если и заметил, то ни с кем не поделился своими наблюдениями. Его занятия ботаникой относились к числу пресловутых «нацеленных наблюдений» — так выражаются не слишком крупные ученые, и это означает, что ищешь определенный, заранее заданный предмет, а больше ни на что и не смотришь. И священник вовсе не связал появление гигантских грибов с удивительно быстрым ростом младенца Кэддлсов — младенец рос точно на дрожжах, вот уже несколько недель, с тех самых пор, как в одно прекрасное воскресенье Кэддлс отправился навестить тещу и послушать мистера Скилетта

---

[10] Notes: 10
Дождевик круглый или гигантский (*лат.*).

(ныне покойного), который вовсю похвалялся своей куриной фермой.

IV

А ведь гигантские дождевики, вслед за неимоверно растущим младенцем Кэддлсов, должны были бы открыть священнику глаза. Последнее обстоятельство уже однажды было положено ему прямо в руки во время крещения и оказалось чрезвычайно веским — священник едва устоял на ногах.

Когда лицо младенца окропила холодная вода, скрепляя таинство его приобщения к церкви и его право на имя Элберт Эдвард Кэддлс, он всех оглушил своим воплем. Мать уже не в состоянии была его поднять, и торжествующий отец, пыхтя, но гордо улыбаясь (не всякий может похвастать таким сыном!), поволок его обратно к скамьям, где ждали родные и друзья.

— В жизни не видел такого ребенка, — заметил тогда священник.

Так было впервые признано на людях, что младенец Кэддлсов, который при рождении не тянул и семи фунтов, еще сделает честь своим родителям. Вскоре стало ясно, что он не только сделает им честь, но и прославит их. А еще через

месяц слава стала такой громкой, что при скромном положении четы Кэддлс это выглядело даже неприлично.

Мясник взвешивал младенца Кэддлсов одиннадцать раз. Человек неречистый, он скоро исчерпал весь свой запас слов. В первый раз он сказал: «Вот это парень!»; во второй — «Вот так штука!»; в третий — «Ну, знаете!» — а потом уже только, многозначительно свистнув, скреб в затылке и недоверчиво поглядывал на свои всегда верные весы. Вся деревня ходила смотреть на «большущего парня» — так его прозвали единодушно, — и все говорили: «Да он настоящий великан!» И все диву давались: да где ж это видано?! А мисс Флетчер категорически заявила, что она-то сроду ничего подобного не видала, — и это была чистая правда.

После третьего взвешивания Кэддлсов посетила леди Уондершут — гроза всей деревни, и через очки так уставилась на необыкновенного ребенка, что он разревелся.

— Ребенок необычайно крупный, — громко и нравоучительно сообщила она матери. — За ним и ухаживать надо не так, как за другими детьми. Разумеется, он не будет и дальше расти так же быстро, раз его кормят из бутылочки, но наш

долг — позаботиться о нем. Я пришлю вам еще немного бумазеи.

Приходил и доктор, старательно измерял ребенка рулеткой и заносил цифры в свою книжечку, а старик Дрифтхассок, фермер из-под Верхнего Мардена, нарочно затащил к Кэддлсам заезжего торговца удобрениями взглянуть на младенца, уговорил его ради этого дать добрых две мили крюку. Приезжий трижды переспрашивал, сколько мальчику лет, и в конце концов заявил: «Лопни мои глаза!» Почему и как они должны были лопнуть — осталось невыясненным, вероятно, от одного вида такого огромного младенца. Он сказал еще, что такого ребенка надо бы отправить на какую-нибудь ребячью выставку. А детишки со всей округи, когда не были заняты в школе, толпами сходились к домику Кэддлсов и хором умоляли:

— Можно нам поглядеть на вашего маленького, мэм? Мы только на минуточку, только одним глазком!

И так каждый день, без передышки, пока миссис Кэддлс не положила этому конец. Гости разглядывали младенца, охали и ахали; при этом неизменно появлялась и миссис Скилетт, становилась в сторонке, скрестив на груди тощие

узловатые руки с острыми локтями, морщила огромный нос и многозначительно улыбалась.

— Старая карга даже стала как-то благообразнее, — заметила леди Уондершут. — Впрочем, мне очень жаль, что она вернулась в нашу деревню.

Разумеется, обычная благотворительность не обошла своими щедротами и отпрыска Кэддлсов, но оглушительный крик младенца быстро показал, что его бутылочку с молоком наполняют не так усердно, как ему бы хотелось.

Одним словом, младенец Кэддлсов стал восьмым чудом света, и все дивились, как быстро он растет. Но чудеса скоро приедаются, уступая место новым, а этот ребенок все рос и рос, и люди не переставали изумляться.

Леди Уондершут недоверчиво слушала свою экономку, миссис Гринфилд.

— Как, опять Кэддлс пришел? Ребенку есть нечего? Но, милая моя Гринфилд, этого не может быть! Странный младенец — прожорлив, как бегемот. Нет, этого просто не может быть.

— Я так думаю, не посмеют они вас обманывать, миледи, — отвечала миссис Гринфилд.

— С этими людьми никогда не знаешь наверняка, — возразила леди Уондершут. — Вот что, дорогая моя Гринфилд, сегодня же сходите туда

сами и посмотрите, как он ест. Хоть он и огромный, я просто не допускаю, чтобы ребенок один выпивал шесть пинт молока в день и ему еще не хватало!

— Да ему это и не полагается, миледи, — ответила экономка.

Руки леди Уондершут дрожали от благородного негодования, какое переполняет дам-благотворительниц при мысли, что низшие классы в конечном счете не уступают высшим в низости, а подчас — вот что возмутительно! — могут их в этом и превзойти.

Однако никакого обмана миссис Гринфилд не углядела, и ее хозяйка распорядилась давать для младенца Кэддлсов больше молока. Но не успели отослать ему дополнительную порцию, как у внушительного крыльца леди Уондершут вновь появился Кэддлс, униженный и виноватый.

— Уж как мы берегли его платье, миссис Гринфилд, как берегли, верьте слову, но мальчишка так растет — все на нем лопается! Одна пуговица как отскочит — бац! — окно вдребезги, а другая стукнула меня вон сюда — сами видите, мэм, какой синячище!

Когда леди Уондершут услышала, что на этом поразительном ребенке мигом лопается по

всем швам подаренная ею одежда, она решила поговорить с Кэддлсом сама. Счастливый отец поспешно поплевал на ладонь, пригладил волосы, споткнулся в дверях о ковер и, уже вовсе растерявшийся и сконфуженный, хватаясь, как за соломинку, за собственную шапку, предстал пред очи благодетельницы.

Почтенной леди Уондершут приятно было нагонять страх на Кэддлса. Вот оно, олицетворение низшего сословия, полагала она: жуликоват, предан, унижен, трудолюбив и совершенно неспособен сам о себе позаботиться. И леди Уондершут сказала Кэддлсу, что ребенок растет просто недопустимо.

— Такой уж он едок, миледи, ему все мало, — попробовал защищаться Кэддлс. — Что с ним поделаешь. Лежит в кровати, сучит ногами и орет — прямо хоть беги вон из дому. Ну, как тут его не кормить, миледи, жалко ведь! Да если б мы и не жалели, так соседи вмешаются, им не выдержать такого крика…

Леди Уондершут посоветовалась с приходским доктором.

— Я бы хотела знать, — сказала она ему, — нормально ли, что ребенок поглощает такое невероятное количество молока?

— Детям такого возраста полагается полторы-две пинты молока в сутки, — ответил врач. — Никто не может ожидать, что вы уделите ему больше. А если вы даете больше, это уж верх великодушия. Конечно, можно бы попытаться хоть на несколько дней ограничить его обычной порцией. Но я вынужден признать, что этот ребенок по какой-то непонятной причине физиологически отличается от своих сверстников. Возможно, это то, что называется аномалией. Случай общей гипертрофии.

— Но это несправедливо по отношению к другим детям нашего прихода, — сказала леди Уондершут. — Если так будет продолжаться, люди начнут роптать.

— Никто не обязан давать больше, чем полагается. Мы можем настаивать, чтобы Кэддлсы обошлись двумя пинтами, в противном случае ребенка надо будет поместить в больницу и хорошенько обследовать.

— Но ведь во всем остальном, если не считать размеров и аппетита, ребенок вполне нормален? — поразмыслив, спросила леди Уондершут. — Он как будто не урод?

— Совсем нет. Однако если он будет и дальше так расти, нравственная и умственная отсталость

неизбежна. Это можно с уверенностью предсказать, исходя из закона Макса Нордау. Нордау — весьма одаренный и знаменитый философ, леди Уондершут. Он установил, что ненормальность — явление… э-э… ненормальное, и это — ценнейшее открытие, о котором отнюдь не следует забывать. В моей практике я постоянно на него опираюсь. Когда мне случается столкнуться с чем-либо ненормальным, я тотчас же говорю себе: «Это ненормально».

Взгляд доктора сделался многозначительным, голос упал почти до шепота, словно он поверял собеседнице профессиональную тайну. Он торжественно поднял руку.

— Исходя из этого диагноза, я и лечу пациента, — закончил он.

V

— Ай-я-яй! — заметил священник, обращаясь к своей чашке за завтраком на следующий день после появления в деревне миссис Скилетт. — Ай-я-яй! Это еще что такое! — И он через очки с возмущением уставился на газету.

— Гигантские осы! Что-то будет дальше?.. А может, это просто утка? Что ни день, то сенсация! С меня хватит и гигантского крыжовника. Ерунда

все это. — И священник залпом выпил свой кофе, не отрывая глаз от газеты, и недоверчиво причмокнул. — Чушь! — вынес он окончательный приговор.

Однако назавтра в газетах появились новые подробности, и священник прозрел.

Впрочем, озарение не было мгновенным. Когда в тот день он отправился на свою обычную прогулку, он все еще мысленно посмеивался над нелепой историей, в подлинности которой его пыталась убедить газета. Скажут тоже — осы убили собаку!

Он как раз проходил мимо того места, где впервые появились гигантские дождевики, и заметил, что трава там буйно разрослась, однако никак не связал это с насмешившей его газетной уткой.

— Будь это правдой, мы бы, наверно, уже услыхали, — говорил он себе. — Ведь отсюда до Уитстейбла не будет и двадцати миль.

Но через несколько шагов ему попался новый дождевик, уже второго урожая, — он высился над необычно грубой и жесткой травой, как огромное яйцо сказочной птицы Рух из «Тысячи и одной ночи».

И тут священника осенило.

В то утро он не пошел дальше своей обычной

дорогой. Вместо этого он свернул по другой тропинке к домику Кэддлсов.

— Где тут ваш младенец? — строго спросил он и, увидев ребенка, воскликнул: — Боже милостивый!

Не переставая изумляться и негодовать, он пошел обратно к деревне и столкнулся с доктором — тот спешил к дому Кэддлсов. Священник схватил его за руку.

— Что все это значит? — в тревоге спросил он. — Вы читали в последние дни газету?

Да, доктор газету читал.

— Что же с этим ребенком? И вообще, что стряслось? Откуда эти осы, дождевики, младенцы?.. Отчего они все так растут? Прямо понять нельзя. Да еще у нас, в Кенте! Будь это в Америке — ну, еще туда-сюда…

— Пока трудно сказать наверняка, в чем тут дело, — ответил доктор. — Насколько я могу судить по симптомам…

— Да?

— Это… гипертрофия, общая гипертрофия.

— Гипертрофия?

— Да. Общая гипертрофия, поразившая все тело… весь организм. Между нами говоря, я в этом почти убежден, но… приходится соблюдать

осторожность.

— Ах, вот как! — сказал священник с облегчением, видя, что события не застали доктора врасплох. — Но почему болезнь вдруг разразилась во всей нашей округе?

— Это пока тоже трудно установить, — ответил доктор.

— В Аршоте. Потом здесь. Перекидывается прямо как пожар.

— Да, — ответил доктор. — Да, я тоже так думаю. Во всяком случае, это очень напоминает какую-то эпидемию. Пожалуй, можно это назвать эпидемической гипертрофией.

— Эпидемия! — воскликнул священник. — Так, значит, эта болезнь заразная?

Доктор кротко улыбнулся и потер руки.

— Этого я пока еще не знаю.

— Но ведь… если она заразная… мы тоже можем заболеть! — От страха глаза у священника стали совсем круглые.

Он зашагал было дальше, но вдруг остановился и обернулся к доктору.

— Я только сейчас от Кэддлсов! — закричал он. — Может быть, лучше… Пойду-ка я поскорее домой и приму ванну, да и одежду нужно окурить…

Доктор с минуту глядел ему в удаляющуюся спину, потом повернулся и тоже зашагал восвояси…

Но на полдороге он сообразил, что случай гипертрофии возник в деревне месяц тому назад и никто пока не заразился, и, еще поразмыслив, решил быть мужественным, как и надлежит врачу, и идти навстречу опасности, как положено мужчине.

И эта последняя мысль вовсе не толкнула его на безрассудный шаг. Что-что, а вырасти он бы не смог при всем желании. И доктор и священник могли бы преспокойно есть Гераклеофорбию целыми возами. Они бы все равно больше не выросли. Расти они оба были уже не способны.

VI

Дня через два после этого разговора, а значит, и после того, как была сожжена опытная ферма, Уинклс пришел к Редвуду и показал ему анонимное письмо весьма оскорбительного свойства. Я-то знаю, кто его писал, но автор должен хранить секреты своих героев. «Вы ставите себе в заслугу явление природы, которое от вас не зависит, — говорилось в письме. — Пишете в «Таймс» и пытаетесь создать себе рекламу. Ерунда эта

ваша Чудо-пища! Просто совпадение, что ваша дурацкая Пища случайно появилась в одно время с огромными осами и крысами. Все дело в том, что в Англии возникла эпидемия гипертрофии — инфекционная гипертрофия, которая вам подвластна не более, чем Солнечная система. Болезнь эта стара, как мир. Ею страдал еще род Еноха[11]. Вот и сейчас в деревне Чизинг-Айбрайт совершенно в стороне от сферы вашей деятельности появился младенец…»

— Почерк дрожащий, видимо, старческий, — заметил Редвуд. — Однако это интересно — младенец…

Он прочел еще несколько строк и вдруг понял.

— Бог ты мой! — воскликнул он. — Да ведь это моя пропавшая миссис Скилетт!

И на другой же день нагрянул к ней как снег на голову.

Миссис Скилетт дергала лук в огородике перед домом дочери. Когда Редвуд вошел в калитку, старуха в первую минуту остолбенела, потом скрестила руки на груди (копья зеленого лука вызывающе торчали под мышкой) и ждала, пока он подойдет ближе. Несколько раз беззвучно

---

[11] Notes: 11
Книга Чисел, гл. 13, ст. 28-29, 33–34.

открыла и закрыла рот, что-то пожевала единственным зубом и вдруг судорожно присела, будто не книксен сделала, а испугалась, что ее ударят по голове.

— Вот, решил вас проведать, — сказал Редвуд.

— Я уж и то ждала, сэр, — ответила она без всякой радости в голосе.

— Где Скилетт?

— Он ни разу мне не написал, ни разочка, сэр. Как я сюда приехала, он и глаз не кажет.

— И вы не знаете, где он и что с ним?

— Откуда же мне знать, сэр, писем-то нету. — И она сделала осторожный шажок в сторону, надеясь преградить Редвуду путь к сараю.

— Никто не знает, что с ним случилось, — сказал Редвуд.

— Ну, он-то сам, верно, знает, — возразила миссис Скилетт.

— Но вестей о себе он не подает.

— Он смолоду такой, Скилетт-то, если какая беда — только о себе и думает, ни о ком не позаботится, — сказала миссис Скилетт. — А уж хитрец, каких мало.

— Где ребенок? — коротко спросил Редвуд.

Она притворилась, что не поняла.

— Ребенок, о котором я слышал, — пояснил

Редвуд. — Которому вы даете наш порошок. Ребенок, который весит уже двадцать восемь фунтов.

Руки миссис Скилетт дрогнули, и она выронила лук.

— Право, сэр, я и в толк не возьму, что вы такое говорите, — пролепетала она. — Оно конечно, сэр, у моей дочери, миссис Кэддлс, и вправду есть ребенок, сэр…

Она опять судорожно присела и склонила нос набок, пытаясь придать своему лицу невинно-вопросительное выражение.

— Покажите-ка мне ребенка, миссис Скилетт, — сказал Редвуд.

Искоса поглядывая на ученого хитрым и трусливым взглядом, миссис Скилетт провела его в сарай.

— Оно конечно, сэр, тогда на ферме я дала его отцу баночку, может, там что и оставалось, а может, я и с собой прихватила самую малость — как говорится, по нечаянности. Собиралась-то второпях, тут не мудрено и ошибиться…

Редвуд пощелкал языком, желая привлечь внимание младенца.

— Гм, — сказал он наконец. — Гм…

Потом он объявил миссис Кэддлс, что ее сын — отличный мальчуган (ничего другого ей и не

требовалось), и после этого ее уже не замечал. Видя, что она тут никому не нужна, миссис Кэддлс вскоре совсем ушла из сарая. И тогда Редвуд повернулся к миссис Скилетт.

— Раз уж вы начали, придется продолжать, — сказал он. И прибавил резко: — Только смотрите, на этот раз не разбрасывайте его где попало.

— Чего не разбрасывать, сэр?

— Вы отлично знаете, о чем я говорю.

Старуха судорожно сжала руки — еще бы ей было не знать!

— Вы здесь никому ничего не говорили? Ни родителям, ни господам из того большого дома, ни доктору? Совсем никому?

Миссис Скилетт покачала головой.

— Я бы на вашем месте держал язык за зубами, — сказал Редвуд.

Он подошел к дверям и огляделся. Сарай стоял между домом и заброшенным свинарником и выходил на проезжую дорогу за воротами. Позади возвышалась стена из красного кирпича, утыканная поверху битым стеклом, увитая плющом и заросшая желтофиолью и повиликой. За углом, среди зеленых и пожелтевших ветвей, над пестрыми грудами первых опавших листьев виднелась освещенная солнцем доска с надписью:

«Вход в лес воспрещен». В живой изгороди зияла брешь, пересеченная колючей проволокой.

— Гм, — еще задумчивее промычал Редвуд. — Гм-м.

Тут до его слуха донеслось цоканье копыт и стук колес, и из-за поворота появилась пара серых — выезд леди Уондершут. Коляска приближалась, и Редвуд рассмотрел кучера и лакея. Кучер — представительный мужчина, крупный и пышущий здоровьем, — правил лошадьми с торжественной важностью. Пускай другие не отдают себе отчета в своем призвании и положении в этом мире — он-то твердо знает, что делает: он возит ее милость, леди Уондершут! Лакей сидел на козлах подле кучера, скрестив руки на груди, и в каменном лице его была такая же непоколебимая уверенность. Потом Редвуд разглядел ее милость; она была одета неряшливо и безвкусно, в старомодной шляпке и мантилье, и сквозь очки смотрела прямо перед собой; с нею в коляске сидели две девицы и, вытянув шеи, тоже всматривались во что-то впереди.

Проходивший по другой стороне улицы священник с головой библейского пророка поспешно снял шляпу, но в коляске этого никто и не заметил.

Коляска проехала, а Редвуд еще долго стоял в дверях сарая, заложив руки за спину. Глаза его блуждали по зеленым и серым холмам, по небу, покрытому легкими облачками, по стене, утыканной битым стеклом. Порой он оборачивался и заглядывал в глубь сарая — там, в прохладном полумраке, расцвеченном яркими бликами, словно на полотне Рембрандта, сидел на куче соломы полуголый ребенок-великан, кое-как обмотанный куском фланели, и перебирал пальцы у себя на ногах.

«Кажется, я начинаю понимать, что мы наделали», — сказал себе Редвуд.

Так он стоял и размышлял сразу обо всех: о юном Кэддлсе, и о собственном сыне, и о детях Коссара…

Внезапно он засмеялся. «Бог ты мой!» — сказал он себе, пораженный какой-то мелькнувшей мыслью.

А потом он очнулся от задумчивости и обратился к миссис Скилетт:

— Как бы там ни было, не годится, чтобы он страдал от перерывов в кормлении. Этого-то мы можем избежать. Я стану присылать вам по банке каждые полгода; ему должно хватить.

Миссис Скилетт пробормотала что-то вроде

«как вам будет угодно, сэр» и «верно, я прихватила ту банку по ошибке… думала, от такой малости вреда не будет…» — а судорожные движения ее дрожащих рук досказали: да, она прекрасно поняла Редвуда.

Итак, ребенок продолжал расти.

Он все рос и рос.

— В сущности, — сказала однажды леди Уондершут, — он съел в нашей деревне всех телят. Ну, если этот Кэддлс еще раз посмеет сыграть со мной подобную шутку…

VII

Но даже такое уединенное местечко, как Чизинг– Айбрайт, не могло долго довольствоваться теорией о гипертрофии — хотя бы и заразной, — когда по всей стране день ото дня громче становились толки о Чудо-пище. Очень скоро старуху Скилетт призвали к ответу, и пришлось ей давать объяснения, и так это было тягостно и неприятно, что под конец она вовсе лишилась дара речи и только жевала нижнюю губу своим единственным зубом; ее пытали на все лады, выматывали из нее душу, — и, преследуемая всеобщим осуждением, она стала в позу безутешной вдовы. Она отерла с рук мыльную пену, выдавила

из глаз несколько слезинок и устремила взор на разгневанную владелицу поместья.

— Вы забываете, миледи, какое у меня горе, — сказала она и продолжала уже почти с вызовом: — Я думаю о нем, миледи, денно и нощно. — Она поджала губы, и голос ее сник и задрожал: — Сами подумайте, миледи, ведь его, бедного, съели!

И, утвердившись на этой почве, вновь повторила прежнее объяснение, которому леди Уондершут с первой минуты не верила:

— Порошок-то я внучонку дала, только уж поверьте, миледи, я и знать не знала, что это за порошок за такой…

Тогда леди Уондершут решила докопаться до истины иными путями, не переставая, конечно, изводить и тиранить Кэддлсов. В бурную жизнь Бенсингтона и Редвуда ворвались еще и вежливые угрозы, которыми пытались их запугать посланцы сей достойной дамы. Они представились как члены приходского совета и, точно попугаи, упрямо твердили одно и то же:

— Мы возлагаем на вас, мистер Бенсингтон, ответственность за ущерб, причиненный нашему приходу. Мы возлагаем всю ответственность на вас, сэр.

Затем вмешалась адвокатская фирма Бангхерст, Браун, Флэпп, Кодлин, Браун, Теддер и Сноукстон — то были известные крючкотворы, великие мастера по части всяких скандальных дел, — и их бессменный представитель, маленький востроносый человечек с хитрым медно-красным лицом, смутно намекал, что придется возместить какие-то убытки… а потом к Редвуду нагрянул еще один посланец леди Уондершут, весьма изысканный джентльмен, и без обиняков спросил:

— Итак, сэр, что вы намерены предпринять?

Редвуд ответил, что, если им с Бенсингтоном будут еще докучать, он перестанет посылать Пищу маленькому Кэддлсу.

— Сейчас я ее посылаю бесплатно, — сказал он. — Если вы не станете давать ему Пищу, он умрет с голоду, а перед этим будет орать так, что вся деревня разбежится. Ребенок живет в вашем приходе — вот и извольте о нем заботиться. Раз уж вашей леди Уондершут угодно слыть щедрой благодетельницей и ангелом-хранителем вашего прихода, так пускай в кои веки исполнит свой долг.

— Что поделаешь, зло уже совершилось, — сказала леди Уондершут, когда ее посланцы передали ей (кое о чем, однако, умолчав) ответ

Редвуда.

— Зло уже совершилось, — эхом откликнулся священник.

А между тем зло только начиналось.

Глава II
Гигантская обуза

I

Священник уверял, что гигантский ребенок — урод.

— И всегда был уродом: чрезмерное всегда уродливо, — говорил он.

Взгляды священника мешали ему быть справедливым. Но хоть ребенок и рос в сельской глуши, его часто фотографировали, и эти фотографии — свидетели нелицеприятные — говорят, что священник был не прав. Юный гигант в младенчестве очень мил, густые кудри падают на лоб, и он всегда приветливо улыбается. Почти на всех снимках позади сына стоит улыбающийся Кэддлс — щуплый и невысокий, он на фотографиях кажется еще меньше ростом.

На третьем году жизни мальчугана его красота стала тоньше, и теперь уже не всякий ее замечал.

Он, как сказал бы его злосчастный дед, стал тянуться вверх, точно дурная трава. Румянец на его щеках поблек, и, несмотря на исполинский рост, он казался худеньким. У него был вид хрупкого ребенка. И его черты и взгляд стали строже, о таких обычно говорят: какое интересное лицо!.. После первой же стрижки его кудрявые волосы уже совсем не слушались гребня.

— Явные признаки вырождения, — говорил по этому поводу приходский доктор. Но еще вопрос, был ли он прав, или здоровье мальчика ухудшилось оттого, что жил он в сарае, выбеленном известкой, и всецело зависел от щедрот леди Уондершут, еще умеряемых ее убеждением, что несправедливо давать ему больше, чем другим.

В возрасте от трех до шести лет, судя по фотографиям, юный Кэддлс был курносым мальчишкой с льняными волосами. Круглые глаза смотрели дружелюбно, губы, казалось, вот-вот расплывутся в улыбке, — судя по фотографиям того времени, та же приветливая улыбка играла на лицах всех гигантских детей. Летом он обычно ходил босиком, в просторной тиковой рубахе, сшитой вместо ниток шпагатом, на голове взамен шляпы — корзинка, в каких рабочие носят инструменты. На одной фотографии он широко улыбается, а в

руке у него — большая надкушенная дыня.

Фотографий, сделанных в зимнее время, немного, и они не так удачны. Мальчик обут в огромные деревянные башмаки, носки на нем из мешковины (отчетливо видны остатки надписи «Джон Стиккелс, Айпинг»), штаны и куртка явно скроены из старого ковра с веселеньким рисунком. Из-под них виднеются обернутые вокруг тела куски фланели, ярдов пять-шесть той же фланели обмотано вокруг шеи. На голове — подобие шапки, сделанное, по-видимому, тоже из мешковины. Мальчик глядит прямо в объектив — иногда с улыбкой, иногда печально, уже в пять лет он начинает как-то особенно задумчиво щурить кроткие карие глаза, и от них разбегаются характерные морщинки.

Священник всегда утверждал, что юный Кэддлс сразу стал тяжкой обузой для деревни. Видимо, свойственное всем детям любопытство, общительность и желание играть были у него соразмерны росту, и — вынужден я с прискорбием добавить — он был вечно голоден. Как ни щедро, «сверх всякой меры», по выражению миссис Гринфилд, посылала ему хлеб и еще кое-какое довольствие леди Уондершут, мальчик проявлял — это с первых же дней отметил приходский

врач — «преступный аппетит». Подтверждались самые суровые суждения леди Уондершут о низших сословиях: мальчишка получал не в пример больше еды, чем требуется даже взрослому человеку, и, однако, воровал съестное. И сразу же с неприличной жадностью поглощал свою добычу. Его огромная рука тянулась через заборы садов и огородов и даже забиралась за хлебом в повозку булочника. С чердака лавки Марлоу исчезали головки сыра, и не было ни одного свиного корыта, которое не обшарил бы этот мальчишка. Фермеры частенько находили на полях брюквы отпечатки огромных ног и следы вечного голода: то тут, то там выдернута с грядки брюква, и ямку воришка с ребячьей хитростью старательно заровнял. Брюкву он съедал мигом, как мы едим редиску. Если поблизости никого не было, он, стоя под яблоней, обирал с нее яблоки, как обыкновенный ребенок обирает с куста смородину. Но по крайней мере в одном отношении то, что юный Кэддлс был вечно голоден, уберегло Чизинг-Айбрайт от многих треволнений: все эти годы он съедал до последней крошки всю Пищу богов, которую ему присылали…

Бесспорно, этот ребенок доставлял множество хлопот и неудобств.

— Вечно он путается под ногами, — говорил священник.

Кэддлс не мог ходить ни в школу, ни в церковь — ни там, ни тут он не помещался. Правда, делались попытки удовлетворить «глупейший и развращающий умы» (подлинные слова священника) закон об обязательном начальном образовании, изданный в Англии в 1870 году: Кэддлса заставляли сидеть во дворе у открытого окна школы, где в это время шли занятия. Но его присутствие отвлекало школьников: они то и дело вскакивали, глядели в окно, и стоило Кэддлсу заговорить, как все дружно смеялись: ведь у него был такой странный голос! И пришлось отказаться от этой затеи.

Не заставляли его и приходить к церкви, ибо его вид не способствовал усердию молящихся; а между тем тут было бы легче добиться успеха — можно догадываться, что в душе этой громадины таились зерна благочестия. Быть может, его привлекала музыка: по воскресеньям он нередко приходил на церковный двор, когда вся паства была уже в церкви, осторожно пробирался между могилами и просиживал всю службу на паперти, прислушиваясь к тому, что делается внутри, — так можно слушать жужжанье пчел в улье.

Вначале он вел себя не очень тактично: молящиеся слышали, как он беспокойно топчется вокруг церкви, — и гравий скрипит под его огромными ногами, или вдруг замечали его лицо за цветными стеклами — с любопытством и завистью он заглядывал в окно; подчас безыскусственный напев какого-нибудь псалма захватывал его, и он принимался печально подвывать, изо всех сил стараясь попасть в тон. В таких случаях маленький Слоппет, по воскресеньям помогавший органисту, а заодно исполнявший обязанности церковного служки, сторожа, пономаря и звонаря (в будни он был еще и почтальоном и трубочистом), тотчас же выходил из церкви и решительно, хоть и скрепя сердце, отсылал Кэддлса прочь. Мне приятно отметить, что Слоппет чувствовал при этом угрызения совести, по крайней мере в те минуты, когда успевал задуматься. Как будто идешь на прогулку, а верного пса оставляешь взаперти, рассказывал он мне.

Впрочем, духовное и нравственное воспитание юного Кэддлса, хоть и отрывочное, имело определенную направленность. С самого начала и его мать, и священник, и все остальные дружно внушали бедняге, что ему отнюдь не следует пускать в ход свою огромную силу. Она просто несчастье,

уродство, и надо смириться. Надо всех слушаться, делать, что велят, и стараться ничего не ломать и никому не повредить. А главное, внушали ему, смотри, ни на что не наступи, ничего не толкни, не бегай и не прыгай. Почтительно кланяйся господам, будь вечно благодарен за еду и одежду, которую они тебе уделяют от щедрот своих. И мальчик покорно усвоил все эти заповеди, ибо от природы и по воспитанию был послушным ребенком и только волею случая и Пищи — гигантом.

В эти ранние годы Кэддлс благоговел перед леди Уондершут. Она же предпочитала разговаривать с ним во время верховых прогулок — в амазонке, размахивая хлыстом, и всегда тоном пренебрежительным и крикливым. Порою и священник принимался им помыкать — крошечный, пожилой, страдающий одышкой Давид осыпал юного Голиафа упреками, выговорами и приказаниями, точно градом камней. Мальчик был уже чересчур велик, и, видно, просто невозможно было помнить, что это всего лишь семилетний ребенок, что он, как и все дети, хочет повеселиться, поиграть, узнать что-то новое и жаждет ласки, любви и внимания и, как все дети, беспомощен и способен сильно тосковать и страдать.

Погожим утром, во время прогулки, священник не раз встречал на дороге это диво восемнадцати футов ростом, нелепое и отвратительное, на его взгляд, точно некая новая ересь; непонятное существо проходило мимо, несуразно топая ногами и озираясь по сторонам, занятое вечными поисками, — оно искало того, без чего не может обойтись ни один ребенок: что бы съесть и во что бы поиграть.

При виде священника в глазах великана появлялось нечто вроде пугливого почтения, и он застенчиво подносил руку к спутанным кудрям, точно взрослый человек к шапке.

У священника еще сохранилась толика воображения, и при виде юного Кэддлса ему всегда представлялось, каких бед могут натворить эти огромные кулаки. Вдруг парень сойдет с ума! Или просто забудет о почтительности… Однако поистине храбр не тот, кто вовсе не чувствует страха, а тот, кто умеет страх побороть. Священник всегда находил в себе силы подавить разыгравшееся воображение. И всегда отважно обращался к Кэддлсу, стараясь говорить внятно и с выражением, будто проповедь читал.

— Ну, как ты себя ведешь, Элберт Эдвард? Надеюсь, хорошо?

Юный гигант прижимался к стене и отвечал, густо краснея:

— Да, сэр, я стараюсь.

— Смотри же, старайся хорошенько, — говорил священник и проходил мимо, и разве что сердце у него, бывало, заколотится быстрее. Но он взял за правило, что бы ему ни мерещилось, не оглядываться на опасность, когда она уже позади: ведь это недостойно мужчины! Урывками священник занимался и образованием юного Кэддлса. Читать он его не учил — к чему? — но внушал то, что для такого чудовища, конечно, куда важнее истин катехизиса: пусть не забывает о своем долге перед ближними и о том, что Бог беспощадно покарает его, если он когда-либо вздумает ослушаться священника и леди Уондершут. Уроки эти священник давал у себя во дворе, и прохожие слышали, как необыкновенно гулкий голос, еще совсем по-детски шепелявя и путаясь в длинных словах, нараспев повторяет основы учения государственной церкви:

— Буду чтить короля и повиноваться ему и всем власть имущим. Буду слушаться всех старших, моих учителей и наставников, духовных пастырей и господ. Буду смиренно и беспрекословно выполнять приказания всех стоящих выше меня

и более меня знающих…

Вскоре выяснилось, что лошади с непривычки пугаются великана и шарахаются от него, точно от верблюда; поэтому ему запретили не только подходить к аллее, обсаженной кустарником (его дурацкая улыбка ужасно раздражала миледи!), но и вообще появляться на дороге. Впрочем, этот приказ он потихоньку нарушал — уж очень интересно было поглядеть на дорогу; но обычная прогулка превратилась для него в запретное удовольствие. В конце концов ему разрешили гулять лишь по заброшенному выгону да по склонам холмов.

Просто не знаю, что бы он стал делать, если бы не добрые старые меловые холмы! Там он мог сколько угодно бродить на просторе — и бродил. Он ломал ветки деревьев и связывал их в немыслимые букеты, пока ему это не запретили; брал овец и выстраивал их в ряды и от души смеялся, глядя, как они тотчас разбегаются, пока ему это не запретили; срезал дерн и рыл глубочайшие ямы в самых неожиданных местах, пока ему это не запретили…

Он бродил по холмам до самого Рекстоуна, но дальше не заходил, потому что там начинались возделанные земли; вид оборванного, нечесаного

гиганта наводил страх на людей; притом они боялись, что он вытопчет их поля, — и его травили собаками и гнали прочь. Ему грозили, хлестали его кнутом и даже, как я слышал, иногда стреляли в него из дробовиков. В другую сторону он доходил почти до Хиклибрау. С холмов над Терсли-Хенгер он мог издали разглядеть железную дорогу на Лондон, Четэм и Дувр, но ближе подойти боялся: на пути лежали вспаханные поля да еще деревушки, которых надо было опасаться. А потом появились объявления — огромные доски с большими красными буквами преграждали ему путь, куда бы он ни пошел. Он не умел прочитать эти буквы, из которых складывались слова «Вход воспрещен», но вскоре понял их смысл. Пассажиры поездов часто видели его из окон вагонов, — уткнувшись подбородком в колени, он сидел на земле где-нибудь на склоне холма возле каменоломен Терсли, куда его позднее отправили на работу. Поезд, видно, вызывал в нем смутные дружеские чувства — иногда великан махал вслед огромной ручищей, а порой и кричал что-то непонятное своим странным, грубым голосом.

— Громадина! — говорил тогда один пассажир другому. — Один из этих чудо-детей. Говорят, сэр, он совершенно беспомощен, идиот идиотом и

тяжкая обуза для всей округи.

— Я слыхал, что его родители — бедняки.

— Да, он только и кормится благотворительностью здешних господ.

И все глубокомысленно мерили взглядом сидевшего вдали на корточках великана.

— Хорошо, что этому положили конец, — замечал какой-нибудь философ. — А то еще пришлось бы налогоплательщикам содержать несколько тысяч таких по всей стране! Веселенькое дело, а?

И всегда находился умник, который с жаром поддакивал такому философу:

— Вы совершенно правы, сэр!

II

Бывали у юного Кэддлса плохие дни.

Вот, например, неприятное происшествие с рекой.

Он мастерил из цельных газет кораблики, напоминавшие огромные треуголки, — научился он этому, глядя, как их делает мальчишка Спендер, — и пускал по течению. Когда они исчезали под мостом (за мостом начинались владения леди Уондершут, и вход туда был строжайше воспрещен), Кэддлс с воплем пускался бежать со всех ног к излучине реки, чтобы перехватить

там свои кораблики. Бежал он прямиком через луг Тормета — и видели бы вы, как бросались врассыпную Торметовы свиньи, а ведь свиньям бегать вредно: от этого драгоценный жир превращается в жесткое мясо! А кораблики плыли мимо дома леди Уондершут, под самыми окнами. Безобразные, намокшие газеты! Нечего сказать, приятное зрелище!

Осмелев от своей безнаказанности, мальчик принялся строить на берегу что-то вроде плотин и запруд. Орудуя вместо лопаты старой дверью от сарая, он выкопал громадную яму, ведь его бумажному флоту нужна была гавань; прорыл самый настоящий канал, благо никто вовремя этого не заметил, и вода затопила ледник леди Уондершут. И наконец, запрудил реку, перегородил от берега до берега, для этого ему довольно было несколько раз копнуть землю своей дверью от сарая — это напоминало обвал! Началось настоящее наводнение — поток хлынул сквозь кусты и смыл мисс Спинкс вместе с ее мольбертом и самой лучшей акварелью. Вернее сказать, вода смыла мольберт, а мисс Спинкс промочила ноги до колен и, угрюмо подобрав юбки, убежала в дом, вода же устремилась в огород, залила лужайку и оттуда по канаве вернулась в реку.

Священник как раз беседовал с кузнецом и вдруг ахнул от изумления: река глубиной не меньше восьми футов внезапно обмелела! Там, где только что текли прозрачные холодные воды, валяются на земле комья тины и зеленые водоросли и рыба отчаянно бьется в жалких лужах!

В ужасе от того, что он натворил, юный Кэддлс убежал из дому и не появлялся два дня и две ночи. Но потом голод пригнал его домой, и он стоически выдержал брань и попреки, которыми его осыпали в изобилии, — головомойка была под стать его росту, ничего более соразмерного с его ростом никогда не выпадало ему на долю в этом райском уголке.

III

После этого случая леди Уондершут в придачу к прежним притеснениям, обидам и несправедливостям издала в назидание провинившемуся новый строгий указ. Прежде всех она объявила его дворецкому, да так неожиданно, что старик даже подскочил. Он убирал посуду после завтрака, а миледи стояла у высокого окна и смотрела на лужайку, где обычно кормили ланей.

— Джоббет, — вдруг сказала она самым резким и повелительным тоном, — Джоббет, этот урод

должен зарабатывать свой хлеб.

И она доказала не только Джоббету (это-то было нетрудно), но и всей деревне, в том числе юному Кэддлсу, что и тут, как во всем прочем, слово у нее не расходится с делом.

— Пусть работает, — сказала леди Уондершут. — Вот полезный совет этому молодцу.

— Я полагаю, что такой совет полезен всему человечеству, — ответил священник. — Простые обязанности, размеренная, скромная жизнь: возделывай свое поле да собирай жатву…

— Именно, — подтвердила леди Уондершут. — Я всегда это говорю. Бездельнику занятие сатана подыщет. Конечно, если он низкого звания. Мы всегда внушаем это младшим горничным. К какому же делу его приставить?

Задача оказалась не так-то проста. Перебрали множество должностей, а пока стали приучать его к работе, посылая вместо верхового, если нужно было спешно доставить телеграмму или записку; годился он и в носильщики, для него даже отыскали старую рыбачью сеть, и он без труда таскал в ней чемоданы, пакеты и всякую другую поклажу. Это была новая игра, и она нравилась Кэддлсу, но однажды Кинкл, управляющий, увидал, как он по распоряжению леди

Уондершут выворачивает из земли огромный камень, и возымел блестящую идею отправить его в принадлежавшую миледи каменоломню в Терсли-Хэнгере, по соседству с Хиклибрау. Идею осуществили, и уже казалось, что задача решена и Кэддлс пристроен.

Он работал в каменоломне — сперва играючи, с детским увлечением, а потом в силу привычки: ломал известняк, грузил, откатывал вагонетки, полные спускал вниз к железнодорожной ветке, а пустые втягивал вверх канатом, крутя огромную лебедку, — короче говоря, управлялся в карьере один.

Я слышал, что Кинкл сделал из него очень выгодного для леди Уондершут работника: ведь обходился он совсем дешево, его только приходилось кормить, и все равно миледи вечно жаловалась, что «этот урод впился в нее, как клещ» и «пользуется ее добротой».

В ту пору юный Кэддлс носил какую-то хламиду из мешковины, залатанные кожаные штаны и деревянные башмаки, подбитые железными подковами. Взамен шапки он порой нахлобучивал нечто совсем нелепое — растрепанное соломенное сиденье от старого стула, но чаще ходил с непокрытой головой. В его неторопливых движе-

ниях чувствовалась спокойная сила, а в полдень, проходя мимо карьера во время своей обычной прогулки, священник всегда заставал его за завтраком: застенчиво отвернувшись от всего мира, Кэддлс поглощал огромное количество еды.

Еду доставляли ему каждый день: в самой обыкновенной вагонетке из тех, которые он наполнял глыбами известняка, привозили похлебку из немолотого зерна в шелухе, он разогревал ее в старой печи для обжига извести и с жадностью поедал. Иногда он всыпал туда мешок сахару. Иногда сосал кусок грубой соли, какую обычно дают коровам, или глотал вместе с косточками огромные комки фиников, что в Лондоне продают с лотков. За водой он ходил мимо выжженного участка, где стояла когда-то опытная ферма, к ручью возле Хиклибрау и пил прямо из ручья, окунув лицо в воду. А пил он сразу после еды, — вот как случилось, что Пища богов опять вырвалась на волю: сначала по берегам разрослась высоченная трава, потом появились гигантские лягушки, огромные форели и уж такие карпы, что ручей вышел из берегов, и, наконец, всю долину покрыла невиданно буйная растительность.

Не прошло и года, как на соседнем поле расплодились странные чудовищные гусеницы, а из

них вывелись такие страшные кузнечики и жуки — моторные жуки, прозвали их мальчишки, — что перепуганная леди Уондершут поспешила уехать за границу.

IV

Вскоре, однако, Пища стала действовать на юного Кэддлса по-новому. Хотя священник всячески старался воспитать великана послушным земледельцем и поэтому преподал ему лишь самые скромные уроки, ученик начал задавать вопросы, допытываться до сути вещей: он начал размышлять. Мальчик превращался в подростка, и все яснее становилось, что мысль его работает по-своему и священник над нею не властен. Почтенный пастырь всячески силился этого не замечать, но как тут было не тревожиться!

Все вокруг будило мысль юного гиганта. С высоты своего роста он, уж наверно, поневоле многое видел и примечал, — а кругом были люди, и постепенно он должен был понять, что и он тоже человек, только чересчур огромный и нескладный и потому, увы, многого лишен.

Дружный гул голосов, доносившийся из школы, таинственная церковь с ее пышным убранством, источавшая такую чудесную музыку, и веселый

хор собутыльников в трактире, приветливые огни свечей и каминов за окнами, в которые он заглядывал из темноты, или шумная, не очень понятная суета нарядных людей на лужайке для крикета — уж наверно, все это громко взывало к его сердцу, тоскующему в одиночестве. Подкрадывалась юность, и его, по-видимому, все больше интересовали влюбленные, их встречи и расставания, их тяга друг к другу, та сокровенная близость, что занимает столь важное место в жизни.

Однажды воскресным вечером, в тот час, когда просыпаются звезды, летучие мыши и страсти сельских жителей, парень с девушкой отправились целоваться на Дорогу Влюбленных — эта укромная прогалина среди густых высоких кустов вела к Верхней Сторожке. Они самозабвенно целовались, в теплых сумерках им было уютно и безопасно — что еще нужно влюбленным? Помешать мог только случайный прохожий, но они увидели бы его первыми; высокая, в два человеческих роста живая изгородь, уходившая к молчаливым меловым холмам, казалась им вполне надежным укрытием.

И вдруг — непостижимо! — какая-то сила оторвала их друг от друга и от земли.

Громадные руки осторожно держали обоих под мышки высоко в воздухе, и карие глаза юного Кэддлса с недоумением вглядывались в их разгоряченные лица. Неудивительно, что оба потеряли дар речи.

— Почему вам нравится так делать? — спросил Кэддлс.

Оторопев, они молчали, но потом парень вспомнил, что он мужчина, и разразился подобающими случаю криками, угрозами и проклятиями, требуя, чтобы Кэддлс опустил их на землю. Тут юный Кэддлс вспомнил, как надо себя вести, очень вежливо и осторожно посадил их на прежнее место, поближе друг к другу, чтобы они опять могли целоваться, помешкал еще немного — и исчез в сумерках…

— Ох и дурацкое положение! — признавался мне после парень. — Сидим, знаете, стыдно друг другу в глаза поглядеть… Принесла его нелегкая… Мы ведь целовались, сами понимаете… И вот смех, она считает — это я во всем виноват! До того разозлилась — как шли домой, и говорить-то со мной не хотела!

Без сомнения, великан принялся изучать жизнь. Пытливый ум задавался все новыми вопросами. Ответа Кэддлс пока искал у немногих,

но вопросы эти не давали ему покоя. Похоже, что порой он подвергал мать самому настоящему допросу.

Он приходил к ней во двор, осторожно выбирал место, чтобы не передавить кур и цыплят, медленно опускался на землю и прислонялся спиной к амбару. Тотчас к нему сбегались цыплята и с удовольствием выклевывали свалявшуюся меловую пыль из швов и складок его одежды; а порою несмышленый котенок миссис Кэддлс, ничуть не опасавшийся великана, выгибал спину дугой и начинал стремглав носиться назад и вперед: со двора в дом, в кухне — на печку, снова кувырком вниз, во двор, и по ноге Кэддлса, по боку ему на плечо… мгновенное раздумье… прыг! — и опять все сначала. Иногда, расшалившись, зверек впивался когтями в лицо Кэддлсу, но тот не решался его тронуть — такая кроха, еще раздавишь! Да он и не боялся щекотки… А потом он ставил мать в тупик каким-нибудь неожиданным вопросом.

— Матушка, — говорил он, — если работать — это хорошо, почему же не все работают?

Мать поднимала на него глаза и отвечала:

— Это хорошо только для таких, как мы.

Сын задумывался.

— А почему? — спрашивал он. И, не получив

ответа, продолжал: — Для чего люди работают, матушка? Почему я день-деньской ломаю камень, ты стираешь белье, а вон леди Уондершут катается себе в коляске да разъезжает по красивым чужим краям, а нам с тобой их сроду не видать?

— Потому что она леди, — отвечала миссис Кэддлс.

— А-а! — И юный Кэддлс опять погружался в раздумье.

— Благородные господа нам, беднякам, дают работу, — говорила миссис Кэддлс. — А без них на что бы мы жили?

Эту мысль тоже надо было переварить.

— Матушка, — снова начинал сын, — если бы на свете не было господ, наверно, все принадлежало бы таким, как ты и я, и тогда…

— Господи помилуй! Чтоб тебе провалиться, парень! — восклицала миссис Кэддлс (благодаря отменной памяти она после смерти своей мамаши превратилась в такую же красноречивую и решительную особу). — Как прибрал Бог твою бедную бабушку, так с тобой никакого сладу не стало! Не лезь с вопросами, не то наслушаешься вранья. Коли мне на твои вопросы всерьез отвечать, так я со стиркой и до завтра не управлюсь, а кто отцу обед сготовит?

Сын смотрел на нее с удивлением.

— Ладно, матушка, — говорил он. — Я ведь не хотел мешать тебе.

И продолжал размышлять.

V

Так же размышлял он и в тот день, четыре года спустя, когда его в последний раз видел священник — человек уже не просто зрелых лет, а перезрелый. Представьте себе этого почтенного джентльмена: он несколько постарел и расплылся, голос у него немного осипший, память дырявая и речь не очень внятная, уже не столь уверенны его движения и не столь тверды принципы, но, несмотря на все треволнения, которые доставила ему и его приходу Пища богов, глаза его по-прежнему смотрят бодро и весело. Да, немало пережито страхов и тревог, а все-таки он остался жив и здоров и верен себе, а за пятнадцать долгих лет — целая вечность! — и к треволнениям можно притерпеться.

— Достаться-то нам досталось, — говаривал он, — и многое изменилось с тех пор... сильно изменилось. Прежде, помню, любой мальчишка мог прополоть огород, а теперь без лома и топора не обойдешься — особенно поближе к чащобе.

И нам, старикам, по сю пору непривычно, что вся долина и даже старое русло реки засеяны пшеницей, вон она какая этим летом вымахала — двадцать пять футов вышиной! Лет двадцать назад у нас тут жали по старинке, серпами, и то-то радости было, когда урожай заполнял целую телегу… Добрые старые обычаи! Чарка доброго вина да простая, бесхитростная любовь…

Бедная леди Уондершут! Она не признавала новшеств… аристократка старого закала. В ней было что-то от восемнадцатого века, я всегда это говорил. А какой язык: сочность, прямота, выразительность!.. К концу жизни она порядком обеднела. Эти огромные сорняки заполонили весь ее сад. Не то чтобы у нее была уж такая страсть к садоводству, но она любила, чтобы там был порядок, чтобы все росло, где полагается и как полагается. А оно как взялось, выше да выше — миледи и растерялась… И еще наш урод ей досаждал — под конец ей уж стало казаться, будто он вечно глазеет на нее через забор… И досаждало, что он ростом чуть ли не с ее дом… оскорбляло ее вкус и чувство меры… бедняжка! Не думал я ее пережить. Не вытерпела, сбежала от тех огромных майских жуков, целый год мы не могли от них избавиться. Вывелись из большу-

щих личинок там, в долине… этакая мерзость… с крысу, не меньше…

Да и муравьи тоже ее угнетали…

Все перевернулось, не стало здесь мира и покоя, — ну, она и объявила, что уж лучше жить в Монте-Карло. Взяла и укатила.

Говорили, она там крупно играла. Умерла в гостинице. Печальный конец! На чужбине… Да, не ведает человек, что ему уготовано… Такой был старинный род, всегда повелевали своими соотечественниками… И вот — вырвана из родной почвы… Так-то!

— А все равно, — гнул он свое, — дело-то свелось к пустякам. Мешает, конечно. Детишкам негде побегать, как бывало, — уж очень пошли кусачие муравьи и прочая живность. А вообще-то невелика разница… Помню я, поговаривали, что порошок этот весь мир перевернет… Но видно, есть на свете такие твердыни, что их никакими новшествами не пошатнешь… Толком-то не скажу, я ведь не из нынешних философов… Эти вам все на свете растолкуют. Эфир да атомы… эволюция… Как бы не так! То, о чем я говорю, никакими вашими науками не объяснишь. Здесь все дело в разуме, а не в знании. Высшая мудрость, Человеческая природа. Называйте как хотите, но это

— aere perennius.

И вот наконец настал тот последний раз.

Священник не подозревал о том, что его ожидает. Он совершал свою обычную прогулку среди холмов по той же дорожке, по которой гулял уже лет двадцать, и направлялся к месту, откуда всегда наблюдал за юным Кэддлсом. Слегка запыхавшись, он поднялся на край карьера. Куда девался молодецкий шаг его юности! Но Кэддлса в карьере не было; священник обогнул заросли гигантских папоротников, чья густая тень уже начинала заслонять Хэнгер, и увидел великана: тот сидел на холме и, казалось, размышлял над судьбами мира. Он облокотился на поднятые колени, склонил голову набок и подпер щеку ладонью. Священник видел только его плечо и не мог разглядеть недоумевающих глаз. Должно быть, юноша глубоко задумался: он сидел так тихо, неподвижно…

И он не обернулся. Он так никогда и не узнал, что священник, сыгравший такую важную роль в его жизни, смотрел на него в самый последний раз; Кэддлс его даже не заметил. (Как часто именно так и расстаются люди!) А священника в тот миг поразила догадка, что никто, в сущности, и понятия не имеет, какие думы бродят в мозгу

великана, когда он отдыхает от своих нелегких трудов. Но сегодня старик слишком устал, чтобы обременять себя новой темой, и мысль его опять свернула на проторенную дорожку.

— Aere perennius, — прошептал он, медленно шагая домой по тропинке, которая теперь уже не пересекала луг напрямик, как в былые годы, а извивалась, огибая молодые купы гигантских трав. — Нет, ничто не изменилось. Суть не в размерах. Извечный круг жизни, тот же неизменный путь…

И в ту же ночь, сам того не заметив, он тихо ушел тем же неизменным путем из мира таинственных перемен, которые отрицал всю свою жизнь.

Его похоронили на чизинг-айбрайтском кладбище под самой большой ивой, и скромную могильную плиту с надписью, которая кончалась словами: Ut in Principle nuns est et semper[12], — мгновенно скрыла от глаз поросль гигантской травы, траву эту не брал серп и не могли сглодать овцы, ее серые пушистые метелки наползали на деревню, как туман, поднимавшийся с тучных влажных низин, оплодотворенных Пищей богов.

---

[12] Notes: 12
Ныне и присно и во веки веков (*лат.*).

Книга III
Пища приносит плоды
Глава I
Преображенный мир

I

Вот уже двадцать лет действовали в мире новые силы. В жизнь большинства людей перемены входили постепенно, час за часом, хоть и заметные, но не столь резкие, чтобы подавлять своей внезапностью. Однако нашелся человек, глазам которого все то новое, что внесла Пища в облик мира за два десятилетия, открылось сразу, в один день. Будет очень кстати, если мы проведем с ним этот день и расскажем обо всем, что он увидел.

То был преступник, осужденный на пожизненную каторгу (за что именно — для нас не важно), но теперь, через двадцать лет, закон счел возможным его помиловать. И вот в одно прекрасное летнее утро бедняга, чьим уделом с двадцати трех лет был унылый, изнурительный труд и жесткие тюремные правила, вновь очутился в изумительном мире свободы. Ему вернули вольную одежду, от которой он давно отвык; за последние недели

волосы у него отросли, их уже удается расчесать на пробор; и вот он стоит, весь обновленный и оттого жалкий, растерянный и неуклюжий, глаза ему слепит солнечный свет, душу слепит нечаянная улыбка судьбы. Он снова на воле, он силится постичь непостижимое — он вновь, пусть ненадолго, возвращен к жизни! Даже не верится, он к этому совсем не готов! По счастью, у него был брат, который все еще не забыл об их далеком детстве и сейчас приехал за ним и обнял его; этот бородатый преуспевающий мужчина ничем не напоминает того мальчонку, каким он был двадцать лет назад, даже глаза стали другие. И вместе с этим незнакомцем, близким ему по крови, вчерашний узник приехал в Дувр; дорогой они больше молчали, хотя и думали о многом.

Они посидели часок в трактире; брат отвечал, а узник все расспрашивал о родных и знакомых, удивляя собеседника давно устаревшими взглядами, отмахиваясь от новых понятий и новых воззрений; а потом настало время идти на вокзал, на лондонский поезд. Имена братьев и семейные дела, которые они обсуждали, несущественны для нашей повести. Нам важны лишь перемены да странные новшества, которые бросились в глаза бедной заблудшей овце, вернувшейся в

некогда хорошо знакомый мир.

В самом Дувре он почти ничего не заметил, вот только пиво в оловянных кружках было отличное, он никогда не пил такого, и на глазах у него выступили слезы благодарности. «Пиво, как и прежде, хоть куда!» — сказал он, а про себя подумал, что оно стало несравненно лучше…

Лишь когда колеса поезда громыхали уже за Фолкстоуном, он несколько справился с волнением и начал замечать окружающее. Он выглянул в окно. «Солнышко светит, — повторял он в двадцатый раз. — Денек выдался на славу!» И тут впервые он заметил какие-то странные несоразмерности и несообразности.

— Ух ты! — воскликнул он и выпрямился. Лицо его впервые оживилось. — Ну и чертополох же вымахал там на берегу, под ракитами! Неужто и вправду такой огромный чертополох? Или я путаю?

Но это и в самом деле был чертополох, а то, что он принял за ракитовые кусты, оказалось простой травой, в ее чаще рота солдат (как и прежде, в красных мундирах) проводила учения согласно уставу, частично пересмотренному после Бурской войны. И вдруг — бац! — поезд нырнул в туннель и выкатил прямо к Сэндлингскому вокзалу; здесь

теперь все утопало в зарослях рододендронов, они добрались сюда из близлежащих садов и заполонили всю долину; от них в Сэндлинге стало так темно, что фонари горели круглые сутки. На запасном пути стоял товарный поезд, груженный рододендроновым кругляком, и здесь наш блудный сын впервые услыхал о Чудо-пище.

Поезд уже снова мчался по знакомым, ничуть не изменившимся местам, а братья все еще говорили на разных языках. Старший жадно расспрашивал, и его вопросы казались младшему бессмысленными. Сам он никогда и не пытался понять и обобщить происходящее, а потому ответы его звучали бессвязно и невразумительно.

— Это все Чудо-пища, — сказал он, исчерпав все свои познания. — Неужто ты не слыхал? И никто тебе даже не обмолвился? Чудо-пища! Понял? Чудо-пища. Из-за нее и с выборами такая кутерьма. Ученая штука! Неужто так-таки и не слыхал?

И он подумал: как же брат отупел там, в тюрьме, — не знает самых простых вещей.

Так и шла эта игра в вопросы и ответы. Между разговорами старший брат смотрел в окно. Сначала новости интересовали его смутно, лишь в общих чертах. Его больше занимало, что скажет ему при встрече такой-то, как теперь выглядит

такая-то и как бы всем и каждому изобразить по возможности благовидно поступок, из-за которого его двадцать лет назад «засадили». Чудо-пища мелькнула сперва невразумительными строчками в газете, потом помешала им с братом понимать друг друга. И вдруг он обнаружил, что этой Пищи не миновать, о чем бы они ни заговорили.

В ту переходную пору мир напоминал собой лоскутное одеяло, и Новое явилось свежему глазу, как цепь поразительных, кричащих контрастов. Перемена совершалась не везде одинаково, очаги распространения Пищи вспыхивали то тут, то там. Страна словно покрылась разноцветными заплатами — большие области, до которых Пища еще не добралась, а рядом — края, где она уже пропитала землю и воздух, внезапная и вездесущая. Она, словно новая, дерзкая мелодия, разливалась среди древних, освященных веками песен.

В то время контраст был особенно разителен на пространстве от Дувра до Лондона. Поезд пересекал места, какие вчерашний узник помнил с детства: полоски полей за живой изгородью, такие крохотные, словно их вспахали карликовые лошади; узенькие дороги, на которых трем повозкам уже, пожалуй, не разъехаться;

в полях кое-где пятнышками темнеют вязы, дубы и тополя, вдоль речушек жмутся ивы; стога сена не выше сапога какого-нибудь великана; игрушечные домики с крохотными окошками; кирпичные заводы; кривые деревенские улочки, дома побольше — жилища жалких местных «тузов»; поросшие цветами насыпи и палисадники железнодорожных станций. Вся эта мелкота осталась от ушедшего в прошлое девятнадцатого столетия и еще сопротивлялась наступлению гигантизма. Кое-где виднелись пучки занесенного ветром огромного взлохмаченного чертополоха, не поддающегося топору; кое-где высился десятифутовый гриб-дождевик или торчали обуглившиеся стволы на выжженном участке гигантской травы; но это были единственные признаки наступления Пищи.

На протяжении нескольких десятков миль ничто больше не предсказывало, что в каких-нибудь десяти милях от дороги, за холмами, в чизинг-айбрайтской долине, скрываются чащи гигантской пшеницы и могучих сорняков. И вдруг снова появлялись приметы Пищи. Новый, невиданно огромный виадук протянулся у Тонбриджа, где заросли гигантского тростника задушили реку Мидуэй и превратили ее в болото. Дальше опять

пошли маленькие поля и деревушки, но по мере того, как из тумана проступала каменная россыпь громады — Лондона, все явственней и настойчивей бросались в глаза усилия человека сдержать натиск гигантизма.

В те времена в юго-восточной части Лондона, где жили Коссар и его дети, Пища таинственным образом прорвалась сразу в сотне мест; жизнь пигмеев продолжалась тут среди ежедневных знамений Нового, и лишь неторопливость его поступи да сила привычки мешали людям понять их грозный смысл. Но узник, вышедший на свободу, иными глазами увидел этот мир, куда властно вторглась Пища; его поразила изрытая, обугленная земля, большие уродливые валы и укрепления, казармы и склады оружия — все, что поневоле понастроили люди, защищаясь от наступления упорной хитроумной силы. Опять и опять, только в больших масштабах, повторялось то, что некогда произошло в Хиклибрау. Новые силы и новые формы жизни проявились прежде всего в случайных мелочах — они буквально вырастали под ногами и на пустырях, невзначай и словно бы ни с того ни с сего. В огромных зловонных дворах за высоченными заборами поднимались непроходимые джунгли сорняков:

их использовали как топливо для гигантских машин (лондонские мальчишки собирались сюда и совали грош сторожу, чтобы он дал поглазеть на маслянистые, лязгающие металлом громады), там и тут протянулись дороги и рельсовые пути, сплетенные из волокон небывало огромной конопли, и по ним ездили тяжелые повозки и автомобили; на сторожевых вышках были установлены паровые сирены, готовые в любую минуту взреветь, предупреждая людей о нашествии каких-нибудь новых хищников; особенно странно было видеть башни древних церквей, также украшенные механическими гудками. На открытых местах виднелись выкрашенные в красный цвет блиндажи и укрытия, из них можно было вести огонь ярдов на триста, и солдаты ежедневно упражнялись здесь в стрельбе охотничьими патронами по мишеням, изображавшим крыс-великанов.

Со времен Скилеттов гигантские крысы уже шесть раз совершали набеги на Лондон, и всегда из канализационных труб на юго-западе. И к этому тоже все привыкли: ведь никого не удивляет, что в дельте Ганга, под самой Калькуттой, водятся тигры…

В Сэндлинге младший брат машинально купил

газету, и под конец она привлекла внимание недавнего узника. Он развернул ее. Ему показалось, что страниц в газете стало больше, а сами они меньше и шрифт не тот. А потом он увидел бесчисленные фотографии вещей, до того непонятных, что даже неинтересно было смотреть, и длинные столбцы статей под заголовками, настолько для него темными, словно они были на чужом языке: «Замечательная речь мистера Кейтэрема», «Законы о Чудо-пище».

— А кто такой Кейтэрем? — спросил он, пытаясь вновь завязать разговор.

— Ну, этот — человек надежный! — ответил младший брат.

— Вон как! Политик, что ли?

— Хочет скинуть правительство. Давно пора!

— Вот как! — Он задумался. — А те, что были при мне — Чемберлен, Розбери, — все, наверно… Чего ты?!

Брат вдруг схватил его за руку и показал пальцем:

— Гляди, Коссары!

Бывший узник посмотрел в окно и увидел…

— О господи!

Вот теперь он был поистине ошеломлен. Он забыл обо всем на свете, газета упала на пол. За

деревьями, свободно и непринужденно, расставив ноги и подняв руку с мячом, готовясь его бросить, стоял великан добрых сорока футов ростом. Одежда его, сотканная из нитей белого металла, и широкий стальной пояс так и сверкали на солнце. В первую секунду бывший узник видел только эту сверкающую живую статую, потом заметил поодаль второго великана — тот готовился поймать мяч. Так, значит, вся эта обширная котловина меж холмами к северу от Семи дубов изрыта и изрезана не случайно: тут хозяйничают гиганты!

Огромная укрепленная насыпь окружала известковый карьер, на дне его стоял дом — громадное плоское здание в египетском стиле, которое Коссар выстроил для сыновей, когда гигантская детская отслужила свою службу; за домом, в тени навеса, под которым свободно уместился бы целый собор, то вспыхивали, то гасли пляшущие красноватые блики и гремели оглушительные удары молота…

Но тут исполин кинул в небо огромный деревянный мяч, скрепленный железными обручами.

Братья привстали с мест и смотрели во все глаза. Мяч казался величиной с бочку.

— Поймал! — воскликнул старший.

Великана, кинувшего мяч, заслонило дерево.

Все это лишь на мгновенье мелькнуло в окнах вагона, и тотчас поезд миновал деревья и нырнул в туннель у Чизлхерста.

— О господи! — снова вырвалось у бывшего узника, когда вокруг сомкнулась тьма. — Ну и ну! Этот парень был ростом с дом!

— Это они и есть, молодые Коссары, — откликнулся брат и выразительно мотнул головой в ту сторону. — От них-то и пошла вся беда…

Поезд выскочил из туннеля, и снова мимо побежали сторожевые вышки, увенчанные паровыми сиренами, и красные казармы, потом пошли загородные виллы. За двадцать лет искусство рекламы ничуть не забылось, и с бесчисленных рекламных щитов, со стен домов, с заборов и иных видных мест взывали к избирателям пестрые афиши: бурная предвыборная кампания проходила под знаком Чудо-пищи. Опять и опять повторялись слова «Кейтэрем», «Чудо-пища». «Джек — Потрошитель великанов» и огромные карикатуры и шаржи — злые перья и кисти на все лады издевались над сверкающими гигантами, что промелькнули за окнами вагона всего несколько минут назад.

II

Младшему брату пришла в голову великолепная мысль: достойно отметить возвращение старшего к жизни праздничным обедом в каком-нибудь шикарном ресторане, а затем насладиться всеми волнующими впечатлениями, какими только мог порадовать в те годы мюзик-холл. Отличная программа действий. Предполагалось, что волна радостей жизни омоет вчерашнего узника и унесет воспоминания о тюремных годах; однако вторую часть программы пришлось изменить. После обеда виновником торжества овладело чувство, пересилившее жажду зрелищ и способное отвлечь человека от мрачных воспоминаний куда вернее любого театрального представления, — неуемное любопытство: его слишком поразили Чудо-пища и ее дети — новая, невиданная людская поросль, которая словно возвышалась над всем миром.

— Не пойму я их, — сказал он. — Разбередили они меня.

У младшего брата хватило деликатности: он не стал настаивать на своем плане развлечений. «Сегодня твой праздник, старина, — сказал он. — Что ж, попробуем попасть на митинг в Зал

собраний».

Бывшему узнику посчастливилось: хоть и не сразу, но он протиснулся в битком набитый зал и глядел во все глаза на небольшие, ярко освещенные подмостки у дальней стены, под галереей и органом. Пока публика валом валила в зал, органист наигрывал что-то такое, от чего ноги сами начинали топать в такт, но затем музыка прекратилась.

Не успел новоявленный гражданин устроиться поудобнее, осадив несносного соседа, несколько раз заехавшего ему локтем в бок, как появился Кейтэрем. Из темноты на середину ярко освещенных подмостков вышел жалкий пигмей. Издали эта черная фигурка казалась совсем крошечной, вместо лица — розовое пятно, хотя в профиль отчетливо выделялся орлиный нос. И этот карлик вызвал бурю приветствий! Да еще какую! Крики и рукоплескания искорками вспыхнули там, у подмостков, перекинулись дальше, охватили пожаром весь зал и даже толпу, обступившую здание снаружи. Как они кричали! Ур-ра! Ур-ра!

И среди этих восторженных толп горячее всех рукоплескал наш бывший узник. По щекам его струились слезы, и замолчал он лишь тогда, когда совсем задохнулся от крика. Только тот, кто сам

двадцать лет провел в тюрьме, способен понять или хотя бы почувствовать, что значит снова оказаться среди людей и единой грудью кричать вместе со всеми. (Кстати, он вовсе не обманывал себя и не прикидывался, будто понимает, отчего все так беснуются.)

— Ур-ра! — вопил он. — Бог ты мой! Ур-ра!

Затем стало почти тихо. Кейтэрем с подчеркнутым терпением ждал, а какие-то незначительные личности что-то бормотали и делали все, что полагается в таких случаях, но никто их не слушал и не обращал на них внимания. Их голоса доносились словно сквозь шелест весенней листвы. Бу-бу-бу. Кому это интересно? В зале переговаривались. Бу-бу-бу… — неслось с подмостков. Неужто этот седеющий болван никогда не кончит? Ему мешают? Как не мешать! Бу-бу-бу… А вдруг и Кейтэрема будет так же плохо слышно?

Хорошо, что Кейтэрем тут же, на подмостках, можно стоять и издали вглядываться в лицо великого человека. Оно так и просилось на карандаш, и весь мир давно уже созерцал его на ламповых стеклах, детской посуде, на медалях и флажках противников Чудо-пищи, на кайме простых и шелковых платков и на подкладке добрых старых кейтэремских шляп. Шаржами

на Кейтэрема пестрят все газеты того времени. Вот он — матрос — подносит запал с надписью «Законы против Чудо-пищи» к старинной пушке, нацеленной на огромное злобное и безобразное морское страшилище — Чудо-пищу; либо в блестящих доспехах, с крестом Св. Георгия на щите и шлеме бросает вызов исполинскому трусливому Калибану, сидящему в гнусной грязи у входа в мерзкую пещеру, и на рыцарской перчатке — надпись: «Новые постановления о Чудо-пище»; либо Персеем на крылатом коне спасает закованную в цепи прекрасную Андромеду (на поясе которой четко написано: «Цивилизация») от алчного морского чудища, на головах и клешнях которого видны надписи: «Безверие», «Жестокое себялюбие», «Бездушие», «Уродство» и тому подобное. Но толпа прозвала его «Джек — Потрошитель великанов», и именно таким — сказочным богатырем с предвыборных плакатов — сейчас представлялся вчерашнему узнику человечек на далеких подмостках.

Бу-бу-бу внезапно оборвалось.

Наконец-то кончил. Садится. Теперь он! Нет! Да! Это Кейтэрем! Кейтэрем! И снова зал рукоплещет.

Только в многотысячной толпе возможна такая

тишина, которая наступила за этой бурей оваций. Когда ты один в пустыне, конечно, все кругом молчит, но ты слышишь свое дыхание, каждое свое движение, каждый шорох вокруг. Здесь же слышен был только голос Кейтэрема, звонкий и ясный, как алмаз, горящий на черном бархате. Но как слышен! Словно он говорил над самым ухом каждого из толпы.

Вчерашнего узника этот карлик, жестикулирующий в ореоле света, в ореоле красивых, захватывающих слов, просто ошеломил; позади оратора, почти незаметные, сидели его сторонники, и до самых подмостков перед глазами околдованного слушателя раскинулось сплошное море голов и плеч — огромный зал, весь обратившийся в слух. Этот пигмей, казалось, вобрал в себя души людей, все их существо.

Кейтэрем говорил об исконных наших обычаях. «Пр-равильно! Пр-равильно!» — ревела толпа. «Правильно!» — подхватывал бывший узник. Кейтэрем говорил об исстари свойственном Англии духе порядка и справедливости. «Пр-р-равильно!» — ревела толпа. «Правильно!» — кричал растроганный узник. Кейтэрем говорил о мудрости наших предков, о постепенном развитии священных государственных

установлений, о нравственных и общественных традициях, что вошли в плоть и кровь англичанина. «Правильно!» — стонал вчерашний узник, и слезы умиления катились по его лицу.

Так неужто все это теперь пойдет прахом! Да, прахом! Только из-за того, что двадцать лет тому назад три безумца намешали в бутылках какой-то дряни, теперь наши исконные порядки и все самое святое… (Крики: «Нет! Нет!») Так вот, чтобы все это не пошло прахом, надо напрячь все силы, побороть в себе нерешительность… (Неистовые крики одобрения.) Да, надо побороть нерешительность и покончить с полумерами.

— Джентльмены! — кричал Кейтэрем. — Все вы слыхали о крапиве, которая стала гигантской. Сначала она невелика и не отличается от простой крапивы, ее можно вырвать с корнем, выполоть твердой рукой; но если ее не выполоть, она разрастается, чудовищно разрастается, и волей-неволей нужно браться за топоры и веревки, подвергать опасности руки и ноги и самую жизнь, нужно много и горько трудиться — люди могут погибнуть, срубая ядовитые стволы, да, люди могут погибнуть, срубая ядовитые стволы…

Движение и шум на миг заглушили его слова, потом бывший узник снова явственно услышал

звонкий голос:

— Сама Чудо-пища дает нам урок… — Кейтэрем выдержал внушительную паузу. — *Рвите с корнем эту крапиву, пока еще не поздно!*

Он замолчал и вытер губы.

— Ясно! — крикнул кто-то в зале. — Ясно и понятно!

И опять крики одобрения стремительно переросли в громоподобный рев, словно бесновался и ликовал весь мир…

И вот наш новоявленный гражданин выбрался наконец из зала, чудесно растроганный и с таким просветленным лицом, словно ему только что было ниспослано видение. Теперь он знал, что делать, как знали все, мысли его прояснились. Он возвратился к жизни, когда мир переживает роковые часы; необходимо принять важнейшее решение. И он обязан участвовать в этой великой борьбе, как подобает мужчине — свободному и готовому исполнить свой долг. Он так и видел перед собой враждующие силы. На одной стороне — невозмутимые гиганты в сверкающих кольчугах (теперь они предстали перед ним совсем в ином свете, чем утром), на другой — человечек в черном, размахивающий руками на ярко освещенных подмостках, карлик, извергающий

потоки столь убедительных слов, вкрадчивый златоуст с проникновенным голосом, Джон Кейтэрем — «Джек — Потрошитель великанов». Да, надо скорее объединиться и вырвать крапиву с корнем, пока еще не поздно!

III

Из всех Детей Пищи самыми высокими, самыми сильными и больше всех на виду были три сына Коссара. В целом свете, наверно, не нашлось бы другого клочка земли, так изрытого, перекопанного и перекроенного, как тот, примерно в квадратную милю, участок подле Семи дубов, где прошло их детство и где они, ища выхода могучей силе, строили все новые сараи и ангары с гигантскими действующими моделями машин. Но им давно уже стало здесь тесно. Старший сын Коссара придумывал замечательные быстроходные экипажи, он смастерил себе что-то вроде исполинского велосипеда, но машина эта не умещалась ни на одной дороге, и ее не мог выдержать ни один мост. Так она и стояла в бездействии, громада из колес и моторов, способная мчаться со скоростью 250 миль в час, — лишь изредка сам изобретатель, оседлав ее, носился взад и вперед по тесному двору. А он-то мечтал объехать на

своем велосипеде всю нашу крошечную планету, ради этой ребячьей мечты и смастерил его еще мальчонкой. Местами, там, где сбита эмаль, спицы уже покрыты бурой ржавчиной и словно кровоточат.

— Прежде чем пускаться в путь, сынок, надо построить дорогу, — сказал Коссар.

И вот в одно прекрасное утро, на заре, молодой исполин вместе с братьями принялся строить дорогу, которая обойдет земной шар. Они словно предчувствовали, что им помешают, и работали с особенным рвением. Люди очень скоро обнаружили их дорогу — прямая, как стрела, она вела к Ла-Маншу, несколько миль были уже проложены, выровнены и утрамбованы. Около полудня братьев остановила возбужденная толпа — тут были землевладельцы, земельные агенты, местные власти, стряпчие, полицейские и даже солдаты.

— Мы строим дорогу, — объяснил старший мальчик.

— И стройте на здоровье! — крикнул снизу самый важный законник. — Но только извольте уважать чужие права. Вы нарушили частное право двадцати семи землевладельцев, не говоря уже об особых привилегиях и собственности одного

окружного муниципалитета, девяти приходских советов, совета графства, двух газовых компаний и одной железнодорожной…

— Ой-ой! — воскликнул старший из мальчиков.

— Придется вам это прекратить.

— Но ведь у вас всюду такие скверные узенькие тропинки. Разве вам не хочется ездить по красивой прямой дороге?

— Да, конечно, я бы сказал, у такой дороги были бы свои преимущества, но…

— Но строить ее нельзя, — докончил за него старший мальчик, собирая инструменты.

— Во всяком случае, не так, как это делаете вы, — сказал законник.

— А как?

Ответ важного юриста был путаным и неясным.

Коссар пришел посмотреть, что натворили его дети, строго выбранил их, смеялся до упаду и, видно, был очень доволен всем происшедшим.

— Придется обождать, мальчики! — крикнул он сыновьям. — Рано еще вам приниматься за такие дела.

— Этот стряпчий сказал, что надо сначала составить проект и получить специальное раз-

решение и еще всякую ерунду. Он сказал, что на это уйдут годы.

— Не бойся, малыш, проект у нас будет очень скоро! — крикнул Коссар, сложив ладони рупором у рта. — А пока играйте да стройте модели того, что вам хотелось бы сделать.

И они повиновались — они были послушные дети.

Но потихоньку все-таки ворчали.

— Все это прекрасно, — сказал средний брат старшему, — но мне надоело вечно играть и строить планы. Я хочу настоящего дела, понимаешь? Ведь не за тем же мы выросли такими сильными, чтобы просто играть на грязном клочке земли да гулять понемножку, поближе к дому, подальше от городов (к этому времени им запретили подходить к поселкам и пригородам). Бездельничать очень противно. Может быть, мы как-нибудь узнаем, что им нужно, этим карликам, и сделаем это для них? Все-таки веселее, чем сидеть сложа руки!

— У многих из них нет сносного жилья, — продолжал мальчик. — Давайте построим возле Лондона такой дом, чтобы их поместилось много-много, и жить им будет удобно и уютно, и проведем дорожку, чтобы им ездить на работу

— хорошенькую, прямую дорожку, и пускай все это будет красивое-красивое. Все для них сделаем чистенькое, хорошенькое, и тогда они не захотят больше жить по-старому, в грязи, ведь сейчас у них очень многие живут по-свински. И воды им наготовим, чтобы мылись: они ведь такие грязнули, эти маленькие вонючки; в девяти домах из десяти даже нет ванны. И знаете, у кого есть ванна, презирают тех, у кого ванны нет! Зовут их «грязная голытьба»! Нет того, чтобы помочь им завести в домах ванны, — только насмехаются! Мы это все переделаем. Проведем для них электричество — пускай им светит, и кормит их, и убирает за ними. Ведь это надо выдумать: они заставляют женщин ползать на коленях и мыть полы! Да еще когда у женщины должен родиться ребенок!

Можно все очень далее хорошо устроить! Тут долина, кругом холмы — можно насыпать плотину, запрудим реку, и выйдет отличный водоем. Построим большую станцию, будет электрический ток. Мы это все очень-очень хорошо устроим. Правда? Может быть, тогда они больше не станут нам мешать…

— Да, — ответил старший брат, — можно для них все очень хорошо устроить.

— Так давайте! — сказал средний.

— Что ж, ладно, — согласился старший и стал искать подходящий инструмент.

И опять началась морока.

Не успели они взяться за работу, как налетела возбужденная толпа и посыпались приказы: прекратить все это по тысяче причин и без всякой вразумительной причины; на них кричали путано, бестолково, кто во что горазд. Ваш дом чересчур высок, говорили им, в нем будет опасно жить; он безобразен; он помешает окрестным владельцам сдавать внаем обычные дома; он нарушает стиль всего квартала, и вообще это не по-соседски.

Оказалось также, что молодые зодчие идут наперекор местным правилам домостроительства и ущемляют права местных властей, кое-как соорудивших свою крохотную и очень дорогую электрическую станцию, и вторгаются в сферу деятельности здешней водопроводной компании.

Местные правительственные чиновники прибегли к помощи закона. Снова появился на сцене маленький стряпчий, теперь он защищал интересы по меньшей мере дюжины ущемленных собственников и фирм; протестовали землевладельцы; какие-то люди предъявляли

непонятные претензии и требовали непомерных отступных. Подняли голос и тред-юнионы рабочих всех строительных специальностей; объединение предпринимателей, выпускающих строительные материалы, чинило всяческие препятствия. Какие-то необыкновенные сообщества эстетов стали пророчить гибель красот природы и принялись защищать прелесть тех мест, где предполагалось построить дом и соорудить плотину. Эти, по мнению молодых Коссаров, были всех глупей и несносней. Так и получилось, будто они не прекрасный дом задумали построить, а ткнули палкой в осиное гнездо.

— Ну, такого я не ждал! — сказал старший мальчик.

— Ничего не выйдет, — сказал второй.

— Дрянь эти козявки! — возмутился младший. — Шагу ступить не дают!

— И мы ведь для них же стараемся. Как бы мы им все хорошо устроили!

— Они, видно, всю жизнь только и делают, что мешают друг другу, — сказал старший мальчик. — Куда ни сунься, все какие-то права, законы, правила и прочее жульничество — прямо какая-то дурацкая игра. Ладно, пускай еще поживут в грязи в своих дрянных лачугах. Строить они нам

не дадут, это ясно как день.

И сыновья Коссара бросили большой дом недостроенным (они успели только выкопать огромную яму, заложили фундамент и начали возводить одну стену) и, огорченные, вернулись в свою усадьбу. Яма вскоре наполнилась стоячей водой, затянулась ряской; завелись тут и сорные травы и всякая мелкая вредная живность; попала сюда и Пища — то ли обронили Коссары, то ли занесло с пылью, — и снова пошла расти всякая нечисть. Водяные крысы опустошали всю округу. А один фермер застал своих свиней, когда они вздумали напиться из этой ямы, и в тот же час их всех прикончил, благо человек он был решительный и притом знал, каких бед натворил огромный кабан в Окхеме. И именно в этом болоте вскоре развелись тучи москитов — зловреднейшие были москиты, но одно надо поставить им в заслугу: от них немного досталось и самим Коссарам; мальчики не пожелали этого терпеть — и в одну прекрасную лунную ночь, когда закон и порядок храпели в своих постелях, они пришли и спустили всю воду в соседнюю речку.

Но они не тронули гигантских сорняков, огромных водяных крыс и прочую непомерно

разросшуюся нечисть: все это осталось плодиться и размножаться на том самом участке, на котором они могли бы возвести большой прекрасный дом для маленьких людишек…

IV

Все это случилось давно, когда сыновья Коссара были еще детьми, а теперь они стали почти взрослыми. И с каждым годом их все сильней тяготили цепи запретов и ограничений. Год от году они росли, шире распространялась Пища, множились гигантские растения и животные — и год от году труднее и напряженнее становились отношения гигантов с остальным человечеством. Вначале Пища была для большинства людей только легендой о чуде, которое случилось где-то в дальних краях, — теперь она подступала к каждому порогу и угрожала, напирала, опрокидывала весь привычный строй жизни. Она чему-то мешала, что-то переворачивала; она меняла природу, сама земля стала родить не то и не так, как прежде, а из-за этого менялась и человеческая деятельность, отмирали какие-то профессии, сотни тысяч людей лишались работы; Пища не признавала границ, и в торговле между странами воцарился хаос — неудивительно, что

люди ее возненавидели.

Но ведь куда проще ненавидеть живое существо, чем неодушевленные предметы, а потому животных ненавидели больше, чем растения, а своего брата — человека — сильнее, чем любого зверя. И получилось так, что страх и тревога, порожденные гигантской крапивой, лезвиями шестифутовых трав, ужасными насекомыми и тигроподобными крысами, собрались в огромный сгусток ненависти, и вся сила ее обратилась на горстку разбросанных по земле великанов — Детей Пищи. Эта ненависть стала главной движущей силой всей политической жизни. Старые партийные разногласия потускнели и стерлись под натиском новых противоречий, и борьба велась теперь между партией умеренных, предлагавших захватить контроль над производством и распределением Пищи, и партией реакционеров во главе с Кейтэремом, чьи речи становились все более двусмысленными и зловещими; он изъяснялся угрожающими намеками: люди должны «подрезать колючки у шиповника», «найти лекарство от слоновой болезни», — и, наконец, в канун выборов объявил, что «крапиву надо вырвать с корнем!».

Однажды сыновья Коссара — уже не мальчики,

а взрослые мужчины — сидели среди плодов своего бесполезного труда и в сотый раз обсуждали все это. Целый день они копали какие-то очень сложные, глубокие траншеи (отец постоянно поручал им такую работу) и сейчас, перед заходом солнца, присели отдохнуть в садике возле дома, дожидаясь, пока слуги позовут их ужинать.

Представьте себе этих великанов (самый маленький был ростом в добрых сорок футов), расположившихся на лужайке, которая обыкновенному человеку показалась бы зарослями тростника. Младший счищал железной балкой, точно щепкой, землю с огромных башмаков; средний полулежал, опершись на локоть; старший задумчиво строгал ножом сосну, и в воздухе пахло смолой.

Одежда их была из необычного материала: белье соткано из канатов, верхнее платье — из мягкой алюминиевой проволоки; обувь — из металла и дерева, а пуговицы и пояса — из листовой стали. Их жилище, огромное одноэтажное здание, массивностью напоминавшее египетские постройки, было частью сложено из гигантских плит известняка, частью выдолблено в склоне мелового холма; фасад вздымался вверх на сто футов, а позади, причудливо вырисовываясь

на фоне вечернего неба, теснились трубы и колеса, краны и перекрытия мастерских. Сквозь круглое окно в здании можно было разглядеть желоб, откуда в невидимый резервуар мерно и непрестанно падали капли какого-то добела раскаленного металла. Усадьба огорожена была подобием крепостного вала — земляной насыпью огромной высоты; укрепленная железными стропилами, шла эта насыпь кругом, по гребням холмов и по дну долины. Чтобы передать масштабы этого сооружения, сравним его для наглядности с каким-нибудь привычным предметом: поезд, который с грохотом отошел от Семи дубов и скрылся в туннеле, казался рядом с постройками Коссаров крохотной заводной игрушкой.

— Они объявили все леса по эту сторону Айтема запретной зоной и передвинули на две мили ближе к нам границу у Нокхолта, — сказал один из братьев.

— Это еще не самое страшное, — отозвался младший. — Просто они стараются обезоружить Кейтэрема.

— Для него это капля в море, а для нас, пожалуй, переполняет чашу.

— Они отрезают нас от Брата Редвуда. Когда

я был у него в последний раз, красные знаки придвинулись с обеих сторон, дорога стала у́же на целую милю. Теперь к нему надо пробираться через холмы по такой узенькой тропинке, что еле-еле ногу поставишь.

Он задумался.

— Не пойму, что это нашло на Брата Редвуда.

— А что такое? — спросил старший и обрубил ветку на своей сосне.

— Какой-то он был странный, будто спросонок, — сказал средний. — Я с ним говорю, а он словно и не слышит. А сам сказал что-то такое… про любовь.

Младший постучал балкой о край железной подметки и засмеялся.

— Брат Редвуд любит помечтать.

Минуту-другую они молчали. Старший повернулся и смахнул ладонью кучу обрубленных сосновых веток. Потом сказал:

— Наша клетка становится все теснее и теснее, это просто невыносимо. Подождите, они еще обведут чертой наши подошвы и скажут: так и живите, не сходя с места!

— Это все пустяки, а вот придет к власти Кейтэрем, тогда они себя покажут! — сказал средний.

— Еще придет ли, — возразил младший, с силой

ударяя о землю балкой.

— Придет, будь уверен, — сказал старший.

Средний поглядел на окружавший их мощный крепостной вал.

— Что ж, тогда надо будет распрощаться с юностью и стать мужчинами, папа Редвуд нам давно это говорил.

— Да, — откликнулся старший, — но что это, в сущности, значит? Что значит быть мужчиной в трудный час?

Он тоже обвел взглядом кольцо укреплений — казалось, он смотрел сквозь них, далеко за холмы, где притаились бесчисленные полчища врагов. В эту минуту все братья мысленно видели одну и ту же картину: толпы людишек, идущих на них войной, поток козявок, безостановочный, неистощимый, злобный…

— Они малы, но им нет числа, — сказал младший. — Они как песок морской.

— У них есть винтовки… и даже оружие, которое делают наши братья в Сандерленде.

— И потом, мы ведь не умеем убивать, мы воевали только от случая к случаю со всякой вредной нечистью.

— Да, верно, — ответил старший. — Но мы не беспомощные младенцы. В трудный час будем

держаться как надо.

Резким движением он закрыл нож — громко щелкнуло лезвие в рост человека — и, опираясь на сосну, как на палку, поднялся с земли. Потом обернулся к серой приземистой громаде дома. Алые лучи заката упали на него, вспыхнули на металлической кольчуге, на стальной пряжке у ворота и плетении рукавов, и братьям почудилось, что он обагрился кровью…

Выпрямившись во весь рост, великан вдруг заметил на валу, тянувшемся по вершине холма, на фоне раскаленного закатного неба маленькую черную фигурку. Она усиленно размахивала руками. Что-то в этих движениях встревожило молодого великана. Он помахал в ответ сосной, окликнул: «Привет!» — и голос его наполнил гулом всю долину. Бросив через плечо: «Что-то случилось», он двадцатифутовыми шагами поспешил на помощь отцу.

V

Случилось так, что в это самое время другой молодой человек — не великан — тоже отводил душу, и рассуждал он о детях Коссара. Он гулял с приятелем по холмам возле Семи дубов и держал речь на эту наболевшую тему. Только что,

проходя мимо живой изгороди, друзья услышали жалобный писк и едва успели спасти трех птенцов синицы от нападения двух гигантских муравьев. После этого молодой человек и разразился речью.

— Реакционер! — говорил он в тот миг, когда с вершины холма они увидели крепость Коссаров. — Поневоле станешь реакционером! Посмотри на этот кусок земли — Бог создал ее прекрасной и счастливой, а теперь она истерзана, осквернена, разворочена! Чего стоят эти мастерские! А огромный ветряной двигатель! А та безобразная махина на колесах! А эти дамбы! А эти три чудовища — ты только посмотри! Сошлись там и затевают какую-то новую дьявольщину! Нет, ты только посмотри на эту землю!

Друг заглянул ему в лицо.

— Ты наслушался Кейтэрема, — сказал он.

— У меня и у самого есть глаза. Достаточно оглянуться на прошлое — ведь когда-то у нас был мир и порядок! Эта гнусная Пища — последняя ипостась Дьявола, он испокон веку только и добивается нашей погибели. Подумай, каков был мир до нас и даже в те дни, когда матери еще носили нас под сердцем, и посмотри вокруг! Как приветливы были эти склоны, все в золоте налитых

колосьев, как цвели живые изгороди, отделяя скромное поле труженика от поля соседа! Всюду пестрели фермы и радовали глаз, а в день субботний раздавался благовест колокола вон той церкви, и весь наш край затихал, погруженный в молитву. А теперь год от году становится все больше гигантских плевел и гигантских паразитов, и вон те чудовища множатся вокруг; они наступают на нас, давят все тонкое и хрупкое, что для нас дорого и свято. Да что говорить… Смотри!

Собеседник посмотрел туда, куда указывала узкая белая рука.

— Вон там прошел один из них! Видишь след? Рытвина глубиной в три фута, не меньше, ловушка, западня для конного и пешего — не дай бог шагнуть неосторожно. Смотри — он затоптал насмерть куст шиповника, вырвал с корнем траву, раздавил цветы ворсянки, проломил дренажную трубу, край тропинки обвалился. Сколько разрушений! И так повсюду и во всем: люди установили в мире порядок и приличие, а эти только разрушают. Они топчут все без разбору! Нет, уж пусть реакция! Что еще остается?

— Но реакция… Гм… Что же вы намерены делать?

— Остановим их! — вскричал молодой человек

(он был студент из Оксфорда). — Остановим, пока не поздно.

— Но…

— Это вовсе не так уж невозможно! — кричал студент, голос его зазвенел. — Нам нужна крепкая рука, нам нужен хитроумный план и твердая воля. А пока мы только болтаем и сидим сложа руки. Мы бездействуем и медлим, а Пища между тем все растет да растет. Но и теперь еще не поздно…

Он на секунду умолк.

— Ты просто повторяешь Кейтэрема, — вставил приятель.

Но тот не слушал.

— Да, да. Еще не все потеряно. Есть надежда, и немалая, надо только твердо знать, чего мы хотим и чего больше не потерпим. С нами тысячи и тысячи людей, куда больше, чем несколько лет назад. За нас закон, конституция, установившийся в обществе строй и порядок, любая вера и церковь, нравы и обычаи человечества — все это за нас и против Пищи. Зачем же медлить? Зачем лицемерить? Мы ненавидим ее, мы ее отвергаем, так зачем нам ее терпеть?.. Неужели, по-твоему, хныкать, пассивно сопротивляться и сложа руки ждать? Чего? Чтобы нас перебили?

Он умолк на полуслове и круто повернулся.

— Вон, видишь этот лес крапивы? Там, в чаще, заброшенные дома, в них когда-то жили и радовались жизни честные, простые люди! А теперь взгляни сюда. — Он обернулся в ту сторону, где молодые Коссары тихо жаловались друг другу на несправедливость судьбы. — Вот, смотри! Я знаю их отца, это скотина, грубая скотина, крикун и хам, за последние тридцать лет он совсем распоясался, а все потому, что мы чересчур мягки и снисходительны. Он, видишь ли, инженер! Ему плевать на все, что для нас дорого и свято. Да, плевать! Блистательные традиции нашей страны и нации, благородные установления, веками освященный порядок, медленная, но неуклонная поступь истории, которая шаг за шагом вела англичан к величию и утвердила на нашем прекрасном острове свободу, — для него все это пустая и отжившая сказка. Трескучие фразы о так называемом «Будущем» теперь стоят больше, чем все священные заветы… Такие люди способны пустить трамвай по могиле собственной матери, если этот маршрут им покажется выгодным… А ты предлагаешь медлить, искать компромиссов, как будто компромисс позволит тебе жить по-своему рядом с этой… с этими машинами, которые

тоже станут жить по-своему! Говорю тебе, это безнадежно… Безнадежно! Все равно что подписывать мирный договор с тигром. Им нужен мир чудовищный и безобразный, а нам — кроткий и благоразумный. А это несовместимо: либо одно, либо другое.

— Но что вы можете сделать?

— Многое! Все! Покончить с Пищей! Гиганты пока еще наперечет, они разъединены и не вошли в полную силу. Надо заткнуть им рот, заковать в цепи. Остановить их любой ценой. Мир будет принадлежать либо нам, либо им. Покончить с Пищей! В тюрьму всех, кто ее производит! Гром и молния, остановить Коссара! Ты, видно, не помнишь… Существует только одно поколение… Надо подчинить всего одно поколение, и тогда… Тогда мы снесем эти насыпи, заровняем следы, снимем безобразные сирены с наших церквей, разобьем наши огромные пушки и вернемся к старому порядку, к старой, испытанной временем цивилизации, для которой мы созданы.

— Это потребует великих усилий.

— Ради великой цели. А иначе — чем это кончится? Разве ты не видишь, что нас ждет? Эти чудовища расплодятся повсюду и везде и всюду будут распространять свою Пищу. Гигантской

травой зарастут наши поля, гигантская крапива заглушит живые изгороди, в лесах разведутся комары и прочая дрянь, в канализационных трубах — крысы. Их будет все больше, больше и больше. И это только начало. Все насекомые и растения обрушатся на нас, и даже рыбы заполонят моря и станут топить наши корабли. Одичалые дебри скроют от нас дневной свет и похоронят наши дома, задушат наши церкви, ворвутся в города, и сами мы, как жалкие козявки, погибнем под пятой новой расы. Человечество будет поглощено и задавлено созданием рук своих! И ради чего? Ради большого роста! Рост, величина — и только! Расти, тянуться еще и еще и da capo[13]. Уже сейчас на каждом шагу мы вынуждены обходить эти первые признаки будущего. А что мы делаем? Только и знаем, что жалуемся: ах, как неудобно! Ворчим — и палец о палец не ударим. Ну нет!

Он поднял руку, точно для клятвы.

— Пусть люди совершат то, что должно! Я с ними! Я — за реакцию, неограниченную и бесстрашную. Больше ничего не остается, разве что и сам начнешь есть эту Пищу. Мы слишком долго

---

[13] Notes: 13

Опять все сначала, еще раз (*um.*) — старинный музыкальный термин, ставится в нотах и означает, что надо вернуться к началу музыкального произведения.

пробавлялись полумерами. Эх вы! Половинчатость — ваш обычай, ваш образ жизни, воздух, которым вы дышите. Но я не из таких! Я ненавижу Пищу, ненавижу всеми фибрами души!

Он резко повернулся к собеседнику, буркнувшему что-то в знак протеста.

— Ну а ты?

— Все не так-то просто…

— Эх ты, слабая душа! Тебе только и плыть по течению, — с горечью сказал молодой человек из Оксфорда и махнул рукой. — Половинчатость ни к чему не приведет. Мы или они — третьего не дано. Либо мы — их, либо они — нас. Съешь — или тебя съедят. Что еще нам остается?

Глава II
Влюбленные великаны

I

В дни перед всеобщими выборами, когда Кейтэрем рвался к власти и выступил в поход против Чудо-детей, в разгар событий трагических и ужасных случилось так, что в Англию по весьма важному поводу прибыла из королевства своего отца ее светлость принцесса-великанша — та

самая, чье питание в младенчестве сыграло немалую роль в блестящей карьере доктора Уинклса. По государственным соображениям она была обручена с неким принцем, и свадьба их должна была стать событием международного значения. Однако, неизвестно почему, церемония снова и снова откладывалась. Немало потрудились Сплетня и Фантазия, слухи ползли самые разные. Поговаривали, будто непокорный принц заупрямился, объявил, что не желает выглядеть дураком, — во всяком случае, не до такой же степени! Люди ему сочувствовали. Такова суть этой истории.

Как ни странно, до приезда в Англию принцесса-великанша понятия не имела, что есть на свете и другие великаны. Она выросла в мире, где все помешаны на этикете, где сдержанность у людей в крови. От принцессы скрывали правду, ее тщательно оберегали; до того часа, когда поездку в Лондон уже невозможно было откладывать, она ни разу не видела гигантских растений и животных и не слыхала о них. До встречи с молодым Редвудом она и не подозревала, что, кроме нее, есть на земле еще хоть один великан.

Были в королевстве ее отца пустынные гористые края, где она привыкла бродить свободно в

полном одиночестве. Больше всего на свете она любила восходы и закаты и вольную игру стихий под открытым небом; но англичане — такие демократы и одновременно столь ревностные верноподданные — чрезвычайно стеснили ее свободу. Народ валом валил посмотреть на принцессу: приезжали как на экскурсию — целыми компаниями, толпами, в экипажах и поездом, многие проделывали длинный путь на велосипедах, лишь бы поглазеть на гостью; и, чтобы прогуляться спокойно, без свидетелей, ей приходилось вставать спозаранку. Когда она впервые встретила молодого Редвуда, заря только еще занималась.

Дворец, отведенный принцессе, стоял в большом парке, который тянулся миль на двадцать к западу и к югу от ворот. Могучие каштаны аллей были так высоки, что листва их шелестела над ее головой. Когда она проходила между ними, каждое дерево словно спешило щедро одарить ее своими цветами. Сначала она просто любовалась ими и с наслаждением вдыхала их аромат, но потом, покоренная, решила принять дары и начала выбирать и рвать цветущие ветки; она так увлеклась, что заметила молодого Редвуда, только когда он был уже совсем рядом.

Она шла среди каштанов, а тот, кого предназначала ей судьба, подходил все ближе, нежданный и негаданный. Она погружала руки в листву, ломала ветки и подбирала букет. Ей казалось, что она одна в целом мире. И вдруг…

Принцесса подняла глаза и увидела своего суженого.

Чтобы понять, как она была прекрасна, призовем на помощь все свое воображение и постараемся увидеть ее глазами великана. Нас бы она не покорила: отпугнул бы ее гигантский рост; не то для Редвуда. Перед ним, прижимая к груди охапку цветущих каштановых веток, стояла очаровательная девушка, первое существо, которое было ему под пару; она стояла легкая и стройная в своих воздушных одеждах, и складки платья, струясь под дыханием свежего утреннего ветерка, обрисовывали мягкие линии ее сильного тела. Свободный ворот открывал белую шею и округлые плечи. Ветерок, крадучись, растрепал ее локоны и бросил на щеку бронзовую прядь. Глаза сияли голубизной, и губы, когда она тянулась за цветами, словно обещали улыбку.

Она испуганно обернулась, увидела его, и на мгновенье оба замерли, глядя друг на друга. Его появление показалось ей удивительным, неве-

роятным, сначала ей даже стало страшно, так страшно, словно ей явился призрак: рушились все привычные понятия об окружающем мире. В то время молодому Редвуду минул двадцать один год; это был стройный юноша, темноволосый, как его отец, и такой же серьезный. Куртка и штаны из мягкой коричневой кожи плотно облегали гибкое, ладное тело. Голова оставалась непокрытой при всякой погоде. Так они и стояли друг против друга: она, пораженная, не верила своим глазам, у него сильно билось сердце. Эта неожиданная минута была главной и решающей в жизни обоих.

Он был не очень удивлен, ведь он сам ее разыскивал; и все же сердце его колотилось. Он медленно подошел к ней, не сводя глаз с ее лица.

— Вы — принцесса, — сказал он. — Отец мне говорил. Та самая принцесса, которой давали Пищу богов.

— Да, я принцесса, — ответила она в изумлении. — А кто же вы?

— Я — сын того человека, который создал Пищу богов.

— Пищу богов?!

— Да.

— Но… — Она смотрела недоуменно и растерян-

но. — Как вы сказали? Пища богов? Не понимаю.

— Вы о ней не слыхали?

— О Пище богов? Никогда!

Ее вдруг охватила дрожь. Краска сбежала с лица.

— Я не знала, — сказала она. — Неужели…

Он молча ждал.

— Неужели есть и другие… великаны?

— А вы не знали? — повторил он.

И она ответила, изумляясь все больше:

— Нет!

Весь мир словно перевернулся, и весь смысл бытия стал для нее иным. Ветвь каштана выскользнула у нее из рук.

— Неужели, — повторила она, все еще не понимая, — неужели на земле есть и другие великаны? И какая-то пища…

Ее изумление передалось ему.

— Так вы и правда ничего не знаете? — воскликнул он. — И никогда не слыхали о нас? Но ведь через Пищу богов все мы связаны с вами узами братства!

Глаза, обращенные к нему, все еще полны были ужаса. Рука поднялась к горлу и вновь упала.

— Нет, — прошептала принцесса.

Ей показалось, что она сейчас заплачет, ли-

шится чувств. Но еще через минуту она овладела собой, мысли прояснились, и она снова могла говорить.

— От меня все скрывали, — сказала она. — Это как сон. Мне… мне снилось такое не раз. Но наяву… Нет, расскажите, расскажите мне все! Кто вы? Что это за Пища богов? Рассказывайте не спеша и так, чтобы я все поняла. Почему они скрывали, что я не одна?

II

«Расскажите», — попросила она, и молодой Редвуд, волнуясь до дрожи, принялся рассказывать — поначалу путано, бессвязно — о Пище богов и о детях-великанах, разбросанных по всему свету.

Постарайтесь представить их себе: раскрасневшиеся, растревоженные, они старались понять друг друга, пробиться сквозь недомолвки, повторения, неловкие паузы и постоянные отступления; это был удивительный разговор, девушка пробудилась от неведения, длившегося всю ее жизнь. Постепенно она начала понимать, что она вовсе не исключение среди людей, но частица братства тех, кто вскормлен Пищей и навсегда перерос ограниченных пигмеев, копо-

шащихся под ногами. Молодой Редвуд говорил о своем отце, о Коссаре, о Братьях, раскиданных по всей стране, о той великой заре, что занимается наконец над историей человечества.

— Мы в самом начале начал, — сказал он. — Этот их мир — только вступление к новому миру, который будет создан Пищей. Отец верит — и я тоже, — что настанет время, когда для человечества век пигмеев отойдет в прошлое, когда великанам будет вольно дышаться на земле. Это будет их земля, и ничто не помешает им творить на ней чудеса — чем дальше, тем поразительнее. Но все это впереди. Мы даже еще не первое поколение, мы — всего лишь первый опыт.

— И я ничего этого не знала!

— Порой мне начинает казаться, что мы появились слишком рано. Конечно, кто-то должен быть первым. Но мир был совсем не готов к нашему приходу и даже к появлению менее значительных гигантов, которых породила Пища. Были и ошибки и столкновения. Эти людишки нас ненавидят… Они жестоки к нам потому, что сами слишком малы… И потому, что у нас под ногами гибнет то, что составляет смысл их существования. Так или иначе, они нас ненавидят и не желают, чтобы мы были рядом, — разве что

мы сумеем опять съежиться и стать такими же пигмеями — тогда, пожалуй, они нас простят…

Они счастливы в домах, которые нам кажутся тюрьмой; их города слишком малы для нас; мы еле передвигаемся по их узким дорогам и не можем молиться в их церквах.

Мы не замечаем их заборов, оград и охранительных рогаток, а иногда нечаянно заглядываем к ним в окна; мы нарушаем их обычаи; их законы — это путы, которые не дают нам шагу ступить…

Стоит нам споткнуться, как они поднимают страшный крик; и это всякий раз, как только мы нарушим установленные ими границы или расправим плечи, чтобы совершить что-нибудь значительное.

Наш малейший шаг кажется им безумным бегом, а все, что сами они считают великим и достойным удивления, в наших глазах — детские игрушки. Их образ жизни, их техника и воображение мелки, они связывают нас, не дают применить наши силы. У них нет ни машин, достаточно мощных для наших рук, ни средств удовлетворить наши нужды. Мы — как рабы, скованные тысячами невидимых цепей. Встретьтся мы лицом к лицу — любой из нас в сотни раз сильнее любого из них, но мы безоружны; самый

наш рост делает нас их должниками; на их земле мы живем, от них зависит наша пища и крыша над головой; и за все это мы платим своим трудом, орудуя инструментами, которые делают для нас эти карлики, чтобы мы удовлетворяли их карликовые причуды…

Мы живем, как в клетке: куда ни повернись — повсюду решетки. Невозможно существовать, не нарушая их запреты. Вот и сегодня, чтобы встретить вас, мне пришлось преступить их границы. Все, что разумно и желанно для человека, они превратили для нас в запретный плод. Мы не смеем входить в города; не смеем пересекать мосты; не смеем ступить на обработанные поля или в заповедные леса, где они охотятся. Я уже отрезан от всех Братьев, кроме трех сыновей Коссара, но и к ним скоро нельзя будет пройти: дорога становится день ото дня уже. Можно подумать, что они только и ждут повода, чтобы нас погубить…

— Но мы ведь сильны, — сказала она.

— Мы должны быть сильными, да. Все мы — и вы, конечно, тоже — чувствуем в себе необъятные силы для великих дел, силы так и бурлят в нас. Но прежде чем сделать хоть что-либо…

Он взмахнул рукой, словно сметая весь мир.

Оба помолчали.

— Я думала, что я совсем одна на свете, — сказала принцесса, — но и мне все это приходило в голову. Меня всегда учили, что сила — чуть ли не грех, что лучше быть маленькой, чем большой, что истинная религия велит сильным оберегать малых и слабых, покровительствовать им — пусть плодятся и множатся, а потом в один прекрасный день окажется, что весь мир ими кишмя кишит, и мы должны пожертвовать ради них своей силой… Но я всегда сомневалась, правильно ли это.

— Наша жизнь, наши тела созданы не для того, чтобы умереть, — сказал Редвуд.

— Да, конечно.

— И не для того, чтобы прожить весь век впустую. Но всем нашим Братьям уже ясно, что, если мы этого не хотим, столкновения не миновать. Не знаю, может быть, придется выдержать жестокий бой, чтобы эти людишки дали нам жить той жизнью, которая нам нужна. Все наши Братья не раз об этом задумывались. И Коссар — я вам о нем говорил, — он тоже об этом думает.

— Но эти пигмеи такие слабые и ничтожные.

— Да, по-своему. Но все оружие у них в руках и приспособлено для их рук. Мы вторглись в мир этих людишек, а ведь они сотни и тысячи

лет учились убивать друг друга. И очень в этом преуспели. Они еще во многом преуспели. И потом, они умеют лгать и притворяться… Не знаю… Столкновение неизбежно. Вы… может быть, вы не такая, как мы все. Но для нас, бесспорно, столкновение неизбежно… То, что они называют войной. Мы это знаем. И по-своему готовимся. Но, понимаете… они такие крохотные! Мы не умеем убивать, да и не хотим…

— Смотрите! — прервала принцесса, и Редвуд услышал тявканье автомобильного рожка.

Он проследил за ее взглядом — и у самой своей ноги увидел ярко-желтый автомобиль, который жужжал и гудел, упершись в его башмак; шофер в темных защитных очках и одетые в меха пассажиры что-то негодующе выкрикивали. Редвуд отодвинул ногу, машина трижды свирепо фыркнула и суетливо побежала в сторону города.

— Всю дорогу загородил! — донеслось до молодых людей.

А другой голос воскликнул:

— Вот так штука! Смотрите-ка! Вон там, за деревьями, принцесса-громадина! — И лица в дорожных очках разом повернулись и уставились на нее.

— Ну и ну! — откликнулся еще кто-то. — Куда

же это годится?

— Все, что вы рассказали, поразительно, — промолвила принцесса. — Я никак не могу прийти в себя.

— А они держали вас в неведении… — Молодой Редвуд не договорил.

— Пока мы не встретились, я знала мир, где большой была я одна. И я создала себе свою собственную жизнь. Я думала, что я просто несчастный урод, что сама природа зло подшутила надо мной. А теперь, за какие-то полчаса, весь мой мир рассыпался в прах, и передо мной иная жизнь, иные условия, широкие горизонты… и я не одинока…

— Не одиноки, — откликнулся он.

— Вы будете мне рассказывать еще и еще! Знаете, мне все это кажется просто сказкой. И даже вы сами… Должно быть, завтра или через несколько дней я поверю, что вы существуете… Но сейчас… Сейчас я только сплю и вижу сон… Слышите?

Издалека донесся первый удар часов на дворцовой башне. Оба невольно считали удары: семь.

— В этот час мне полагается быть уже дома. Они принесут кофе в зал, где я сплю. Эти малыши — чиновники и слуги — начнут хлопотать, суетиться из-за пустяков… Вы не представляете,

сколько в них важности!

— Они удивятся, что вас нет… Но мне хочется еще поговорить с вами.

Она задумалась.

— А мне хочется поразмыслить. Мне надо побыть одной и все обдумать, понять, что все переменилось и одиночеству конец, и освоиться с тем, что на свете есть вы и еще другие такие, как мы… Я пойду. Сегодня я вернусь в свой дворец, а завтра… на рассвете я опять приду сюда.

— Я буду ждать.

— Я весь день буду мечтать о новом мире, который вы мне открыли. Еще и сейчас мне не верится…

Она отступила на шаг и оглядела его с ног до головы. Взгляды их на минуту встретились.

— Да, — сказала она и не то засмеялась, не то всхлипнула. — Вы настоящий, живой. Нет, это просто чудо! Неужели правда?.. Вдруг завтра я приду, а вы… а вы карлик, такой же, как все!.. Нет, мне нужно подумать. Итак, до завтра, а пока… как это делают все людишки…

Она протянула ему руку, и они в первый раз коснулись друг друга. Руки их сомкнулись в крепком пожатии, и глаза снова встретились.

— До свидания, — сказала она, — до завтра. До

свидания, брат великан!

Он запнулся — какая-то невысказанная мысль смутила его, — потом ответил просто:

— До свидания.

Минуту они стояли, держась за руки, и пристально глядели в лицо друг другу. И когда расстались, она снова и снова оборачивалась и смотрела на него, будто не веря себе, а он все стоял на том месте, где они встретились…

Словно во сне она пересекла просторный дворцовый двор и вошла в свои апартаменты, все еще держа в руке огромную ветку цветущего каштана.

III

Эти двое встретились четырнадцать раз, прежде чем наступило начало конца. Они встречались то в большом парке, то среди холмов, то на простиравшейся к юго-западу поросшей вереском равнине, исчерченной ржавыми дорогами, прорезанной оврагами и окруженной сумрачными сосновыми лесами. Дважды они возвращались на большую каштановую аллею и пять раз приходили к живописному пруду, вырытому по приказу короля, ее прадеда. Там полого спускалась к самой воде красивая лужайка, обрамленная

высокими соснами и елями. Девушка садилась на траву, юноша ложился у ее ног и, глядя ей в лицо, говорил, говорил: о том, как появилась Пища, о том, к каким трудам готовил его отец, и о прекрасном будущем, которое ждет гигантов, о великих делах, которые им предстоят. Обычно принцесса и Редвуд встречались на рассвете, но однажды встретились в полдень — и скоро их окружила толпа зевак: велосипедисты и пешеходы подглядывали и подслушивали из-за каждого куста, шуршали опавшими листьями в соседнем лесу (так воробьи копошатся и прыгают вокруг вас где-нибудь в лондонском парке), скользили на лодках по глади озера, стараясь подплыть поближе, поглазеть на них, послушать, о чем они говорят.

Это был первый признак того огромного интереса, который вызвали во всей округе их встречи. А однажды (это было в седьмой раз и ускорило назревавший скандал) они встретились на вересковой равнине в поздний час, при луне — ночь была теплая, чуть шелестел легкий ветерок — и долго шептались там в тиши.

Очень скоро от рассуждений о том, что с ними и через них на земле возникает новый грандиозный мир, от раздумий о великой борьбе между

исполинским и ничтожным, в которой им суждено участвовать, они перешли к темам более личным и более для них всеобъемлющим. И с каждой встречей, пока они разговаривали и смотрели друг другу в глаза, все яснее им становилось и выходило из области подсознания, что между ними возникло и идет рядом и сближает их руки нечто более драгоценное и удивительное, чем дружба. И вскоре они нашли название этому чувству, и оказалось, что они — возлюбленные, Адам и Ева нового рода человечес– кого.

И рука об руку они пустились в путь по удивительной долине любви, с ее заветными тихими уголками. В душе у них все преображалось — и преображался весь мир вокруг них и наконец превратился в святилище красоты, предназначенное для их встреч, где звезды, как светозарные цветы, устилали путь их любви, а утренние и вечерние зори развешивали в небесах праздничные флаги. Друг для друга они были уже не существами из плоти и крови, но живым воплощением неясности и желания. В дар своей любви они принесли сначала шепоты, затем молчание, под беспредельным сводом небес они были вместе, и каждый близко-близко видел смутно белевшее в лунном свете лицо другого. И недвижные черные

сосны стояли вокруг них на страже.

Затих мерный шаг времени, и, кажется, вся вселенная смолкла и замерла. Они слышали только стук собственных сердец. И словно были одни в мире, где нет места смерти, да так оно и было в тот час. Им казалось, что они постигают — и они постигали — сокровенные тайны мироздания, и они открыли здесь такую красоту, какой еще никто никогда не открывал. Ибо даже для самых ничтожных и мелких душ любовь есть открытие красоты. А эти двое влюбленных были гигантами, которые вкусили Пищу богов…

Легко себе представить, какой ужас овладел всем добропорядочным миром, когда стало известно, что принцесса, обрученная с принцем, — ее светлость принцесса, в чьих жилах течет королевская кровь! — встречается (и довольно часто) с громадиной — отпрыском самого обыкновенного профессора химии, личностью без чинов, без положения и состояния, и разговаривает с ним, словно на свете нет ни королей, ни принцев, ни порядка, ни благопристойности, а только карлики и великаны! Да, они встречались, разговаривали, и уже ясно: он ее любовник.

— Ну, если об этом пронюхают газетчики!.. — ужаснулся сэр Артур Блюд-Лиз.

— Слышал я… — шамкал старый епископ из Злобса.

— Наверху-то опять история, — заметил старший лакей, отщипывая с тарелок кусочки пирожного. — Я так понимаю, эта ихняя принцесса-великанша…

— Говорят… — шептала хозяйка писчебумажной лавки неподалеку от дворца (американские туристы покупали там билеты для осмотра парадных апартаментов).

И наконец:

«Мы уполномочены опровергнуть…» — заявил известный журналист Плут в газете «Сплетни».

Итак, шило в мешке утаить не удалось.

IV

— Они требуют, чтобы мы расстались, — сказала принцесса возлюбленному.

— Это еще почему? — воскликнул он. — Вечно они выдумают какую-нибудь глупость!

— А известно ли тебе, что любить меня — это… это государственная измена?

— Родная моя, да какое все это имеет значение?! Что нам их законы — бессмысленные, нелепые? Что нам их понятия об измене и верности?

— Сейчас узнаешь, — сказала она и повторила

ему все, что недавно выслушала сама: — Явился ко мне престранный человечек с необыкновенно мягким и гибким голоском, двигался он тоже очень мягко и гибко, скользнул в комнату, совсем как кошка, и всякий раз, когда хотел сказать что-то очень важное, воздевал кверху красивенькую беленькую ручку. Не то чтобы лысый, но лысоватый, носик и щечки кругленькие и розовые и приятнейшая бородка клинышком. Несколько раз он делал вид, что ужасно взволнован, и даже чуть не прослезился. Он, оказывается, очень близок к здешнему царствующему дому, и он называл меня своей дорогой юной леди и с самого начала был полон сочувствия. Он все повторял: «Моя дорогая юная леди, вы же знаете, что не должны, не должны…» И потом еще: «Вы обязаны исполнить свой долг…»

— И откуда только берутся такие?

— Он просто упивался собственным красноречием.

— Но я все-таки не понимаю…

— Он говорил очень серьезные вещи.

Редвуд резко повернулся к ней.

— Не думаешь ли ты, что в этой его болтовне есть какой-то смысл?

— Кое-какой смысл, безусловно, есть.

— Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что, сами того не ведая, мы надругались над священными идеалами этих людишек. Мы, особы королевской крови, составляем особый клан. Мы — праздничные побрякушки, узники, которым поклоняются. За это преклонение мы платим своей свободой, мы не вольны шагу ступить по-своему. Я должна была выйти замуж за принца… Впрочем, ты его все равно не знаешь. За одного принца-пигмея. Не важно, кто он… Оказывается, это событие должно было укрепить союз между моей и его страной. И вашей стране тоже этот брак был бы выгоден. Представляешь? Выйти замуж, чтобы укрепить какой-то союз!

— А теперь?

— Они говорят, что я все равно должна за него выйти… как будто у нас с тобой ничего не было.

— Ничего не было!

— Да. И это еще не все. Он сказал…

— Этот специалист по этикету?

— Да. Он сказал, что было бы лучше для тебя и вообще для всех гигантов, если бы мы оба… воздержались от дальнейших бесед. Так он и выразился.

— А что они могут сделать, если мы не послушаемся?

— Он сказал, что это может стоить тебе свободы.

— Мне?!

— Да. Он сказал очень многозначительно: «Моя дорогая юная леди, было бы лучше и достойнее, если бы вы расстались по доброй воле». Вот и все, что он сказал. Только с ударением на словах «по доброй воле».

— Но… но что им за дело, этим жалким пигмеям, где и как мы любим друг друга? Что общего может быть между их жизнью и нашей?

— Они другого мнения.

— Ты, конечно, не принимаешь всерьез этот вздор?

— По-моему, все это ужасно глупо.

— Чтобы их законы сковали нас по рукам и по ногам? Чтобы в самом начале жизни нам стали поперек дороги их обветшалые союзы и бессмысленные установления? Ну нет! Мы их и слушать не станем.

— Да, я твоя… Пока…

— Пока? Что же нам помешает?

— Но ведь они… Если они хотят нас разлучить…

— Что они могут с нами сделать?

— Не знаю. Нет, правда, что?

— А я знать не хочу, что они могут и что сделают! Я твой, а ты моя. Это самое главное. Я твой и ты моя на всю жизнь. Неужели меня остановят их жалкие правила, мелочные запреты, эти их красные надписи — прохода нет, прохода нет! Неужели что-нибудь удержит меня вдали от тебя?

— Ты прав. Но все же… что они могут сделать?

— Ты хочешь спросить, что делать нам?

— Да.

— Будем жить, как жили.

— А если они попробуют нам помешать?

Он сжал кулаки и обернулся, словно пигмеи уже наступали, чтобы помешать им. Потом обвел взглядом горизонт.

— Да, об этом стоит подумать, — сказал он. — Все-таки что они могут?

— Здесь, в этой маленькой стране… — Она не договорила.

Он мысленно оглядел всю страну.

— Они повсюду.

— Но можно бы…

— Куда?

— Куда-нибудь. Вместе переплывем море. А там, за морем…

— Я никогда не был за морем.

— Там есть высокие горы, среди которых мы

и сами окажемся карликами; там есть далекие пустынные долины, потаенные озера и покрытые снегом вершины, где не ступала нога человека. И вот там…

— Но чтобы добраться туда, нам придется день за днем пробивать себе дорогу сквозь мириады людишек.

— Это наша единственная надежда. В Англии слишком много народу и слишком мало места, здесь нам негде укрыться, негде приклонить голову. Как нам скрыться среди этих толп? Пигмеи могут спрятаться друг от друга, но куда деваться нам? Здесь у нас не будет ни еды, ни крыши над головой, а если мы убежим, они будут преследовать нас по пятам день и ночь.

Вдруг у него мелькнула мысль.

— Для нас есть место, — сказал он. — Даже на этом острове.

— Где?

— В доме, который построили наши Братья, там, за холмами. Они обнесли его огромным валом с севера и юга, с востока и запада; они вырыли глубокие траншеи и тайные укрытия, и даже теперь… Один из них был у меня совсем недавно. Он сказал… Я тогда не очень прислушивался, но он говорил что-то об оружии. Может быть, там и

надо искать убежища.

Редвуд помолчал.

— Я так давно не видел наших Братьев… Да, да… Я жил как во сне и обо всем позабыл… Шли дни, а я ничего не делал, думал только о том, чтобы поскорее увидеть тебя… Надо пойти и поговорить с ними, рассказать им о тебе и о том, что нам угрожает. Они смогут помочь нам, если захотят. Да, еще есть надежда. Не знаю, насколько сильны укрепления вокруг их дома, но, уж наверно, Коссар сделал все, что только можно. Теперь я припоминаю — еще до всего… до того, как ты пришла ко мне, в воздухе носилась тревога. Тут были выборы — эти людишки все решают счетом поштучно… Теперь их выборы, наверно, уже кончились. Тогда раздавалось много угроз против нас… против всех гигантов, кроме тебя, разумеется. Я должен повидать Братьев. Я должен рассказать им о нас с тобой и о том, что нам грозит.

V

В следующий раз ей пришлось долго ждать его. Они условились в полдень встретиться посреди парка, на большой поляне у излучины реки; принцесса ждала, опять и опять поглядывала

на юг, заслоняя рукой глаза от солнца, и вдруг заметила, какая кругом тишина — непривычная, тягостная тишина. И потом, хоть час уже поздний, не видно обычной свиты добровольных шпионов. Никто не подсматривает и не прячется в кустах и за деревьями, куда ни глянь — ни души, ни одна лодка не скользит по серебряной глади Темзы. Что случилось, отчего весь мир словно замер?

Наконец-то! Вдали, в просвете между кронами деревьев, показался молодой Редвуд.

Сейчас же деревья опять заслонили его, он шел напролом через чащу — и вскоре появился снова. Но было в его походке что-то необычное, и вдруг она поняла: он очень спешит и к тому же прихрамывает. Он помахал рукой, и она пошла ему навстречу. Теперь можно было разглядеть его лицо, и она с тревогой увидела, что при каждом шаге он морщится, словно от боли.

Охваченная недоумением и смутным страхом, она побежала к нему. Когда она была уже совсем близко, он спросил, даже не здороваясь:

— Мы должны расстаться?

Он задыхался.

— Нет, — ответила она. — Почему? Что с тобой?

— Но если мы не расстаемся… Тогда пора!

— О чем ты говоришь?

— Я не хочу с тобой расставаться, — сказал он. — Только… — Он оборвал себя и спросил в упор: — Ты от меня не уйдешь?

Она смело встретила его взгляд.

— Что случилось? — настойчиво спросила она.

— Даже на время?..

— На какое время?

— Может быть, на годы.

— Расстаться? Ни за что!

— А ты подумала, чем это грозит?

— Я с тобой не расстанусь. — Она взяла его за руку. — Даже под страхом смерти я не отпущу тебя.

— Даже под страхом смерти, — повторил он и крепко сжал ее пальцы.

Он огляделся вокруг, словно боялся, что маленькие преследователи уже рядом.

— Может быть, это и смерть, — услыхала она. И попросила:

— Скажи мне все.

— Они пытались не пустить меня к тебе.

— Как?

— Вышел я сегодня из лаборатории — ты ведь знаешь, я делаю Пищу богов, а запасы ее хранятся у Коссаров. Смотрю — стоит полицейский, такой

человечек весь в синем и в чистых белых перчатках. Он приказал мне остановиться. «Здесь хода нет!» — говорит. Что ж, нет так нет, я обошел лабораторию кругом и хотел идти другой дорогой, а там еще полицейский: «Здесь хода нет!» А потом добавляет: «Все дороги закрыты!»

— И что же дальше?

— Я было заспорил. «Эти дороги общие для всех», — говорю.

«Именно, — отвечает, — а вы их портите». «Ладно, — говорю, — я пойду полем».

Тут из-за всех изгородей повыскакивали еще полицейские, а главный заявляет:

«Хода нет, это частные владения».

«Провались они, ваши общие и частные владения! — говорю. — Я иду к моей принцессе».

Наклонился, осторожно взял его — ох, как он кричал и брыкался! — отставил в сторону и пошел дальше. Мигом все поле ожило, повсюду забегали эти людишки. Один скакал на лошади рядом со мной и на скаку читал что-то по бумажке, кричал изо всех силенок. Дочитал, пригнул голову и поскакал назад. Я так ничего и не разобрал. И вдруг слышу — позади залп из ружей.

— Из ружей?!

— Да, они стреляли по мне, как стреляют по

крысам. Пули так и свистели, одна попала мне в ногу.

— И что же ты?

— Как видишь, пришел к тебе, а они где-то там бегут, кричат и стреляют… И теперь…

— Что теперь?

— Это только начало. Они непременно хотят нас разлучить. Они и сейчас гонятся за мной.

— Мы не расстанемся.

— Не расстанемся. Но тогда ты должна пойти со мной к нашим Братьям.

— Где это?

— Пойдем на восток. Они за мной гонятся вон оттуда, а мы пойдем в другую сторону. По той аллее. Я пойду первым, и если они устроили засаду…

Он шагнул вперед, но она схватила его за руку.

— Нет! — воскликнула она. — Я обниму тебя, и мы пойдем рядом. Ведь я из королевской семьи, может быть, я для них священна. Я обниму тебя, — может быть, тогда они не посмеют стрелять. Господи, если бы мы могли обняться и улететь!..

Она стиснула руку Редвуда, обняла его за плечи и прижалась к нему.

— Может быть, тогда они не убьют тебя, — повторяла она, и в порыве страстной нежности он

обнял ее и поцеловал в щеку. Мгновенье он не отпускал ее.

— Даже если это смерть, — прошептала принцесса.

Она обвила руками его шею и подняла к нему лицо.

— Поцелуй меня еще раз, любимый.

Он притянул ее к себе. Они молча поцеловались и еще минуту не могли оторваться друг от друга. Потом рука об руку двинулись в путь, и она старалась идти как можно ближе к нему; быть может, они доберутся до убежища, устроенного сыновьями Коссара, прежде чем их настигнет погоня…

Когда они быстрым шагом пересекали обширную часть парка, расположенную позади дворца, из-за деревьев галопом вылетел отряд всадников, тщетно пытавшихся поспеть за ними. А потом впереди показались дома, оттуда выбегали люди с винтовками. Редвуд хотел идти прямо на них и, если надо, прорваться силой, но она заставила его свернуть к югу.

Они поспешили прочь, и тут над самыми их головами просвистела пуля.

Глава III
Молодой Кэддлс в Лондоне

I

Молодой Кэддлс даже не подозревал обо всех этих событиях, о новых законах, грозивших братству гигантов, да и о том, что где-то у него есть Братья, — и как раз в эти дни он решил покинуть известковый карьер и повидать свет. К этому его привели долгие невеселые раздумья. В Чизинг-Айбрайте не было ответа на его вопросы; новый священник умом не блистал, он оказался еще ограниченнее прежнего, а Кэддлсу осточертело думать и гадать, почему его обрекли на такой бессмысленный труд.

«Почему я должен день за днем ломать известняк? — недоумевал он. — Почему я не могу ходить, куда хочу? На свете столько чудес, а мне к ним и подойти нельзя. В чем я провинился, за что меня так наказали?»

И вот однажды он встал, разогнул спину и громко сказал:

— Хватит!

— Не желаю! — сказал он и, как умел, проклял

свою каменоломню.

Но что слова! То, что было на душе, требовало дела. Он поднял наполовину загруженную вагонетку, швырнул на соседнюю и разбил вдребезги. Потом схватил целый состав пустых вагонеток и сильным толчком отправил под откос. Вдогонку запустил огромной глыбой известняка — она рассыпалась в пыль — и, с маху наподдав ногой по рельсам, сорвал с десяток ярдов подъездного пути. Так началось уничтожение карьера.

— Весь век здесь дурака валять? Нет, это не по мне!

В азарте разрушения он не заметил внизу маленького геолога, и тот пережил страшные пять минут. Две глыбы известняка чуть не раздавили его — бедняга еле успел отскочить, кое-как выбрался через западный край карьера и опрометью кинулся по откосу; дорожный мешок хлопал его по спине, ножки в коротких спортивных штанах так и мелькали, оставляя на траве меловые следы. А юный Кэддлс, очень довольный делом рук своих, зашагал прочь, чтобы исполнить свое предназначение в мире.

— Гнуть спину в этой яме, пока не сдохнешь!.. Думают, сам я огромный, а душонка во мне цыплячья! Добывать этим дуракам известняк, не

поймешь для чего! Нет уж!

Вела ли его дорога, или железнодорожные пути, или просто случай, но он повернул к Лондону да так и шагал весь день, по жаре, через холмы, через поля и луга, и честной народ в изумлении пялил на него глаза. На каждом углу болтались обрывки белых и красных плакатов с разными именами, но они ему ничего не говорили; он и не слыхал о бурных выборах, о том, что до власти дорвался Кейтэрем, этот «Джек — Потрошитель великанов». Он и не подозревал, что именно в этот день во всех полицейских участках был вывешен указ Кейтэрема, в котором объявлялось, что ни один гигант, ни один человек ростом выше восьми футов не имеет права без особого разрешения отходить более чем на пять миль от «места своего постоянного жительства». Он не замечал, что полицейские чиновники, которые не могли его догнать и в глубине души очень этим были довольны, махали ему вслед своими грозными бумажками. Бедный любознательный простак, он спешил увидеть все чудеса, какие только есть в мире, и вовсе не собирался останавливаться из-за сердитого окрика первого встречного. Он миновал Рочестер и Гринвич, дома теснились все гуще; он замедлил шаг и с любопытством

озирался по сторонам, помахивая на ходу огромным кайлом.

Жители Лондона знали о нем понаслышке: есть в деревне такой дурачок, но он тихий, и управляющий леди Уондершут и священник прекрасно с ним справляются; слыхали также, что он по-своему почитает хозяев, благодарен им за их заботу. И потому в тот день, узнав из последних выпусков газет, что он тоже «забастовал», многие лондонцы решили, что тут какой-то сговор всех гигантов.

— Они хотят испытать нашу силу, — говорили пассажиры в поездах, возвращаясь домой со службы.

— Счастье, что у нас есть Кейтэрем…

— Это они в ответ на его распоряжение…

В клубах люди были осведомлены лучше. Они толпились у телеграфной ленты или кучками собирались в курительных.

— Он не вооружен. Если бы тут было подстрекательство, он пошел бы прямо к Семи дубам.

— Ничего, Кейтэрем с ним справится.

Лавочники сообщали покупателям последние сплетни. Официанты, улучив минутку между блюдами, заглядывали в вечернюю газету. И даже извозчики, проглядев отчеты о скачках, сразу же искали новости о гигантах…

Вечерние правительственные газеты пестрели заголовками: «Вырвать крапиву с корнем!» Другие привлекали читателя заголовками вроде: «Великан Редвуд продолжает встречаться с принцессой». Газета «Эхо» нашла оригинальную тему: «Слухи о бунте гигантов на Севере Англии. Великаны Сандерленда направляются в Шотландию». «Вестминстерская газета», как всегда, предостерегала: «Берегитесь гигантов» — и пыталась хоть на этом как-нибудь сплотить либеральную партию, которую в то время семь лидеров яростно тянули каждый в свою сторону. В более поздних выпусках уже не было разноголосицы. «Гигант шагает по Ново-Кентской дороге», — дружно сообщали они.

— Интересно, почему это ничего не слыхать про молодых Коссаров, — рассуждал в чайной бледный юнец. — Уж без них-то наверняка не обошлось…

— Говорят, еще один верзила вырвался на свободу, — вставила буфетчица, вытирая стакан. — Я всегда говорила, с ними рядом жить опасно. Всегда говорила, с самого начала… Пора уж от них избавиться. Хоть бы его сюда не принесла нелегкая!

— А я не прочь на него поглядеть, — храбро

заявил юнец у стойки. — Принцессу-то я видел.

— Как по-вашему, ему худого не сделают? — спросила буфетчица.

— Очень может быть, что и придется, — ответил юнец, допивая стакан.

Таким вот разговорам конца-краю не было, и в самый разгар этой шумихи в Лондон заявился молодой Кэддлс.

II

Я всегда представляю себе молодого Кэддлса таким, каким его впервые увидели на Ново-Кентской дороге, его растерянное и любопытное лицо, освещенное ласковыми лучами заходящего солнца. Дорога была запружена машинами: омнибусы, трамваи, фургоны и повозки, тележки разносчиков, велосипеды и автомобили двигались сплошным потоком; великан робкими шагами пробирался вперед, а за ним по пятам, дивясь и изумляясь, тянулись зеваки, женщины, няньки с младенцами, вышедшие за покупками хозяйки, детвора и сорванцы постарше. Повсюду торчали щиты с грязными обрывками предвыборных воззваний. Нарастал неумолчный гул голосов. Вокруг плескалось море взбудораженных пигмеев: лавочники вместе с покупателями высыпали

на улицу; в окнах мелькали любопытные лица; с криком сбегались мальчишки; каменщики и маляры на лесах бросали работу и глядели на него; и лишь одни полицейские, невозмутимые, точно деревянные, сохраняли спокойствие в этой кутерьме. Толпа выкрикивала что-то непонятное: насмешки, брань, бессмысленные ходячие словечки и остроты, а он смотрел на этих людишек во все глаза — ему и не снилось, что на свете их такое множество!

Теперь, когда он достиг Лондона, ему приходилось еще и еще замедлять шаг, чтобы не раздавить напиравшую толпу. Она становилась все гуще, и наконец на каком-то углу, где пересекались две широкие улицы, людские волны прихлынули вплотную и сомкнулись вокруг.

Так и стоял он, слегка расставив ноги, прислонясь спиной к большому, вдвое выше него, дому на углу — это было шикарное питейное заведение со светящейся надписью по краю крыши. Он смотрел на сновавших внизу пигмеев и, уж наверно, старался как-то связать это зрелище с другими впечатлениями своей жизни, понять, при чем тут долина среди холмов, и влюбленные полуночники, и церковное пение, известняк, который он ломал столько лет, инстинкт, смерть и

голубые небеса… Гигант пытался осознать единство мира и найти в нем смысл. Он напряженно хмурил брови. Огромной ручищей почесал лохматый затылок и громко, протяжно вздохнул.

— Не понимаю, — сказал он.

Никто толком не разобрал его слов. Перекресток гудел, звонки трамваев, упорно пробиравшихся сквозь толпу, прорезались в этом шуме, словно красные маки в золоте хлебов.

— Что он сказал?

— Сказал — не понимает.

— Сказал: «Все понимаю!»

— Сказал: «Сломаю».

— Как бы этот олух не сломал дом, еще усядется на крышу!

— Чего вы копошитесь, мелюзга? Что вы тут делаете? Кому вы нужны? Я там, в яме, ломаю для вас известняк, а вы тут чего-то копошитесь, — зачем? На что все это нужно?

При звуке его странного гулкого голоса, который когда-то в Чизинг-Айбрайте отвлекал школьников от уроков, толпу взяла оторопь, и она было умолкла, но потом разразилась новой бурей криков.

— Речь! Речь! — завопил какой-то шутник.

Что он такое говорит? — вот что занимало всех;

многие уверяли: конечно же, он просто пьян!

Опасливо, гуськом, пробирались в толпе омнибусы. «Эй, с дороги!» — орали кучера. Подвыпивший американский матрос лез ко всем и каждому и слезливо спрашивал: «Ну чего ему надо?» Внезапно над толпой, перекрывая шум, взмыл пронзительный крик: старьевщик с высохшим темным лицом, восседая в своей тележке, голосил:

— Пшел вон, орясина! Убирайся, откуда пришел! Дубина ты стоеросовая, чертово пугало! Не видишь, что ли, от тебя лошади шарахаются! Пшел вон! Порядку не знает, бестолочь, прет, куда не надо, хоть бы кто вбил ему в башку!..

А над всем этим столпотворением растерянно застыл молодой великан: он уже не пытался говорить, только смотрел круглыми глазами и чего-то ждал.

Вскоре из переулка строем в затылок вышел небольшой отряд озабоченных полицейских; они двинулись через дорогу, привычно лавируя среди экипажей.

— Осади назад! — доносились до Кэддлса их голосишки. — Попрошу не задерживаться! Проходите, проходите!

Потом оказалось, что одна из этих темно-си-

них фигурок молотит его дубинкой по ноге. Он посмотрел вниз — фигурка яростно размахивала руками в белых перчатках.

— Чего вам? — спросил он, наклоняясь.

— Здесь нельзя стоять! — кричал инспектор. — Не стой здесь, — повторил он.

— А куда мне идти?

— Домой, в свою деревню. На место постоянного жительства. Словом, уходи. Ты нарушаешь движение.

— Какое движение?

— На шоссе.

— А куда они все идут? И откуда? Для чего это? Собрались тут все вокруг меня. Чего им надо? Что они делают? Я хочу понять. Мне надоело махать кайлом, и я всегда один. Я ломаю известняк, а они для меня что делают? Я хочу знать, вот вы мне и растолкуйте.

— Ну не взыщи, мы здесь не для того, чтобы разговоры разговаривать. Мое дело следить за порядком. Проходи, не задерживайся.

— А вы не знаете?

— Проходи, не задерживайся — честью просят! И мой тебе совет: убирайся-ка ты восвояси. Мы еще не получали специальных инструкций, а только ты нарушаешь закон… Эй, вы! Дайте доро-

гу! Дайте дорогу!

Мостовая слева от него услужливо опустела, и Кэддлс медленно двинулся вперед. Но теперь язык у него развязался.

— Не пойму, — бормотал он. — Не пойму.

Он обращался к толпе — она валила за ним по пятам, беспрестанно меняясь, подступала с боков. Речь его была отрывиста и бессвязна:

— Я и не знал, что есть на свете такие места! Что вы все тут делаете день-деньской? И для чего это все? Для чего это все, и к чему тут я?

Сам того не ведая, он пустил по свету новые ходкие словечки. Еще долго молодые острословы весело спрашивали друг друга: «Эй, Гарри! Для чего это все? А? Для чего все это непотребство?»

В ответ раздавался взрыв острот, по большей части не слишком пристойных. Из пригодных для общего пользования самыми ходкими оказались: «Заткнись ты!» и презрительное: «Пшел вон!»

Вошли в обиход ответы и похлестче.

III

Чего он искал? Он стремился к чему-то, чего не мог ему дать мир пигмеев, к какой-то своей цели; пигмеи мешали ему достичь ее или хотя бы разглядеть; ему так и не суждено было ее уви-

деть. Страстная жажда общения сжигала этого одинокого молчаливого гиганта; он тосковал по обществу себе подобных, по делу, которое полюбил бы и которому мог бы служить, искал близких — кого-нибудь, кто указал бы ему понятную и полезную цель в жизни и кому он рад был бы повиноваться. И поймите, тоска эта была немая, бессловесная; она яростно клокотала у него в груди, и, даже встреть он собрата-великана, едва ли он сумел бы высказать все это словами. Что он знал в жизни? Тупое однообразие деревенских будней, обыденные разговоры немногословных фермеров; все это не отвечало и не могло ответить самым ничтожным из его гигантских запросов. Невообразимый простак, он ничего не знал ни о деньгах, ни о торговле, ни о других хитросплетениях, на которых зиждется общество маленьких людишек и все их существование. Он жаждал… но, чего бы он ни жаждал, ему не суждено было эту жажду утолить.

Весь день и всю ночь напролет он шел и шел, уже голодный, но все еще неутомимый; он видел, как на разных улицах движется различный транспорт, и вновь и вновь пытался постичь, чем же заняты эти крохотные деловитые козявки. Для него все это было лишь сумятицей и нераз-

берихой…

Говорят, в Кенсингтоне он вытащил из коляски какую-то леди в наимоднейшем вечернем платье и внимательно осмотрел ее от шлейфа до голых лопаток, а потом с глубоким вздохом, хоть и довольно небрежно, водворил на место. Но за точность этих слухов я не ручаюсь. Чуть ли не целый час он стоял в конце Пикадилли и наблюдал, как люди дрались за места в омнибусах. К концу дня он какое-то время маячил над стадионом Кеннингтон-Овал, глядя на крикет, но тысячные толпы, околдованные этим загадочным для него зрелищем, даже не заметили великана, и он, тяжело вздохнув, побрел дальше.

Незадолго до полуночи он снова попал на площадь Пикадилли и увидел совсем иную толпу. Эти люди явно были очень озабочены, спешили заняться чем-то дозволенным, а может быть, и тем, что не дозволено (а почему — бог весть). Они пялили на него глаза, на ходу глумились над ним, но шли мимо, не задерживаясь. Вдоль запруженного пешеходами тротуара нескончаемым потоком тянулись по мостовой наемные экипажи, извозчики хищным взглядом выискивали себе седоков. Люди входили и выходили из дверей ресторанов, одни солидные, важные,

озабоченные, другие веселые или разнеженные, третьи уж такие настороженные и проницательные, что их не обсчитал бы и самый продувной официант. Стоя на углу, молодой великан приглядывался ко всей этой суете.

— Для чего это все? — с тоской спрашивал он громким шепотом. — Для чего? Они все такие серьезные, такие занятые, а я ничего не понимаю. В чем тут дело?

Он видел то, чего никто здесь не замечал: как жалки отупевшие от пьянства накрашенные женщины, которые часами маячат на углу, и несчастные оборванцы, что крадутся вдоль водостоков, как невыразимо пуста и никчемна вся эта кутерьма. Пустота и никчемность. Им всем было невдомек, к чему стремится этот великан, этот призрак будущего, ставший у них на дороге.

Напротив, высоко в небе, то вспыхивали, то гасли таинственные знаки; умей Кэддлс читать, они рассказали бы ему, как узки человеческие интересы, как ничтожно все, к чему стремятся и чем живут эти козявки. Сначала появилось огненное:

В

Затем последовало И –

ВИ

Затем Н,

ВИН –

и наконец в небе целиком загорелась радостная весть для всех, кто подавлен бременем жизни:

ВИНО ТАППЕРА ПРИДАСТ ВАМ БОДРОСТИ!

Миг — и все исчезло во мраке, а потом на месте этой надписи так же постепенно, по одной букве, обозначилось второе всеобщее утешение:

МЫЛО «КРАСОТА»!

Заметьте: не просто моющее химическое средство, но некий, так сказать, идеал.

А вот и третий кит, на котором покоится вся мелочная жизнь пигмеев:

ЖЕЛУДОЧНЫЕ ПИЛЮЛИ ЯНКЕРА!

Больше ничего нового не появлялось. В черную пустоту одна за другой опять выстреливались огненно-красные буквы, выводя те же слова:

ВИНО ТАП…

Уже глубокой ночью молодой Кэддлс, очевидно, пришел под прохладную сень Риджент-парка, перешагнул через ограду и прилег на поросшем травой склоне, неподалеку от зимнего катка. Здесь он часок вздремнул. А в шесть утра видели, как он разговаривал с какой-то нищенкой: вытащил ее из канавы, где она спала, и настойчиво допытывался, для чего она живет на свете…

IV

Утром на второй день скитаний по Лондону настал для Кэддлса роковой час. Его одолел голод. Некоторое время он в нерешительности смотрел, как грузили повозку горячим, душистым хлебом, а потом тихонько опустился на колени — и начался грабеж. Покуда пекарь бегал звать полицию, Кэддлс очистил всю повозку, а затем огромная рука просунулась в булочную и опустошила прилавки и полки. Он набрал побольше хлеба и, не переставая жевать, пошел по другим лавкам, высматривая, чего бы еще перехватить. А тогда как раз (не впервые) пришла для лондонцев плохая пора: работы никакой не найдешь, съестное не по карману, — и жители того квартала даже сочувственно смотрели на великана, который смело брал желанную для всех, но недоступную еду. Они одобрительно хлопали, глядя, как он завтракает, и дружно засмеялись глуповатой гримасе, которой он встретил полицейского.

— Я был голодный, — объяснил он с набитым ртом.

— Браво! — ревела толпа. — Браво!

Но когда он принялся за третью пекарню, уже человек десять полицейских стали дубасить его

по икрам.

— А ну-ка, милейший, пойдем отсюда, — сказал ему один. — Тебе разгуливать не полагается. Пойдем, я отведу тебя домой.

Его очень старались арестовать. Говорят, по улицам разъезжала, гоняясь за ним, повозка с якорными цепями и канатами — они должны были при аресте заменить наручники. Тогда его еще не собирались убивать.

— Он не участвует в заговоре, — заявил Кейтэрем. — Я не хочу, чтобы мои руки обагрила кровь невинного. — И прибавил: — Пока не будут испробованы все другие средства.

Сначала Кэддлс не понимал, чего от него хотят. А когда понял, то предложил полицейским не валять дурака и, широко шагая, пошел прочь — где уж им было его догнать. Булочные он ограбил на Хэрроу-роуд, но в два счета пересек Лондонский канал и очутился в Сент-Джонс Вуд, уселся в чьем-то саду и начал ковырять в зубах; тут на него и напал второй отряд полицейских.

— Да отвяжитесь вы от меня! — рявкнул он и неуклюже затопал через сады, вспахивая ногами лужайки и опрокидывая заборы; однако маленькие рьяные служители порядка не отставали, пробираясь кто садами, кто проезжей дорогой. У

двух или трех были ружья, но их не пускали в ход. Потом Кэддлс выбрался на Эджуэр-роуд — здесь толпа была уже настроена совсем по-иному, и конный полицейский наехал гиганту на ногу, но в награду за такое усердие тотчас был выбит из седла.

Кэддлс обернулся к затаившей дыхание толпе.

— Отвяжитесь вы от меня! Что я вам сделал?

К этому времени он был безоружен, так как забыл кайло в Риджент-парке. Но теперь бедняга, видно, понял, что ему нужно хоть какое-то оружие. Он вернулся к товарным складам Большой Западной железной дороги, выворотил высоченный фонарный столб и вскинул на плечо, точно гигантскую булаву. Тут он опять завидел своих назойливых преследователей, повернул назад по Эджуэр-роуд и угрюмо зашагал на север.

Он дошел до Уотэма, вновь повернул на запад и опять двинулся к Лондону, миновал кладбище, перевалил через холм Хайгейта — и среди дня перед ним снова раскинулся огромный город. Здесь он свернул в сторону и уселся в каком-то саду, опершись спиной о стену дома; отсюда ему был виден весь Лондон. Он тяжело дышал, лицо его потемнело — и народ больше не толпился вокруг, как в первый раз; люди попрятались в

соседних садах и осторожно поглядывали на него из укрытий. Они уже знали, что дело куда серьезнее, чем казалось сначала.

— Чего они ко мне привязались? — ворчал молодой гигант. — Надо же мне поесть. Чего они никак не отвяжутся?

Так он сидел, грыз кулак и угрюмо глядел на лежащий внизу город. После всех блужданий на сердце накипало: душили усталость, тревога, растерянность, бессильный гнев.

— Делать им нечего… — шептал он. — Делать им нечего. Нипочем не отвяжутся, так и путаются под ногами. А все от нечего делать, — повторял он снова и снова. — У-у, козявки!

Он с ожесточением кусал пальцы, лицо его стало мрачнее тучи.

— Работай на них, маши кайлом! — шептал он. — Они везде хозяева! А я никому не нужен… деваться некуда.

И вдруг горло ему перехватило от ярости: на ограде сада показалась уже знакомая фигура в синем.

— Отвяжитесь вы от меня! — рявкнул гигант. — Отвяжитесь!

— Я обязан исполнить свой долг, — ответил полицейский; он был бледен, но весьма реши-

телен.

— Отвяжитесь вы! Мне тоже надо жить! Мне надо думать. И надо есть. И отвяжитесь вы от меня.

Маленький полицейский все сидел верхом на стене, подступиться ближе он не решался.

— На то есть закон, — сказал он. — Не мы же его выдумали.

— И не я, — возразил Кэддлс. — Это вы, козявки, навыдумывали, меня тогда еще и на свете не было. Знаю я вас и ваши законы! То делай, того не делай. Работай, как проклятый, или помирай с голоду — ни тебе еды, ни отдыха, ни крова, ничего… А еще говорите…

— Я тут ни при чем, — сказал полицейский. — Как да почему — это пускай тебе другие растолкуют. Мое дело исполнять закон. — Он перекинул через стену вторую ногу и приготовился спрыгнуть вниз; за ним показались еще полицейские.

— Послушайте, я с вами не ссорился. — Кэддлс ткнул худым пальцем в полицейского, краска сбежала с его лица, и он крепко стиснул в руке огромную железную булаву. — Я с вами не ссорился. Но лучше отвяжитесь!

Полицейский старался держаться спокойно, как будто все это в порядке вещей, и, однако, понимал: происходит чудовищное и непопра-

вимое.

— Где приказ? — обратился он к кому-то из стоявших сзади, и ему подали клочок бумаги.

— Отвяжитесь вы, — повторил Кэддлс; он выпрямился, весь подобрался, смотрел угрюмо и зло.

— Здесь написано, что ты должен вернуться домой, — сказал полицейский, все еще не начиная читать. — Иди назад в свою каменоломню. Не то будет худо.

В ответ Кэддлс зарычал что-то невнятное.

Тогда бумагу прочитали, и офицер сделал знак рукой. На гребне стены появились четверо вооруженных людей и с нарочитой невозмутимостью выстроились в ряд. На них была форма стрелков из отряда по борьбе с крысами. При виде ружей Кэддлс пришел в ярость. Он вспомнил жгучие уколы от фермерских дробовиков в Рекстоне.

— Вы хотите стрелять в меня из этих штук? — спросил он, показывая пальцем на ружья, и офицер вообразил, что великан испугался.

— Если ты не вернешься в свой карьер…

Он не договорил и кубарем скатился со стены, спасаясь от неминучей смерти: огромный железный столб, вскинутый могучей рукой на высоту шестидесяти футов, с размаху опускался

прямо на него. Бац! Бац! Бац! — грохнули залпы из винтовок, рассчитанных на крупного зверя. Трах — рассыпалась стена от страшного удара, полетели комья взрытой, развороченной земли. И еще что-то взлетело вместе с землей, что-то алое брызнуло на руку одному из людей с винтовками. Стрелки бросались из стороны в сторону, увертываясь от ударов, и храбро продолжали стрелять на бегу. А молодой Кэддлс, уже дважды простреленный, топтался на месте и озирался, не понимая, кто так больно жалит его в спину. Бац! Бац! Дома, беседки, сады, люди, что опасливо выглядывали из окон, — все это вдруг страшно и непонятно заплясало перед глазами. Он споткнулся, сделал три неверных шага, взмахнул своей огромной булавой и, выронив ее, схватился за грудь. Острая боль пронзила его насквозь.

Что это у него на руке, горячее и мокрое?..

Один здешний житель, глядевший из окна спальни, видел: великан испуганно посмотрел на свою ладонь — она была вся в крови, — сморщился, чуть не плача, потом ноги его подкосились, и он рухнул на землю — первый побег гигантской крапивы, с корнем вырванный твердой рукой Кейтэрема, но отнюдь не тот, который новому премьер-министру хотелось выполоть прежде

всего.

Глава IV
Два дня из жизни Редвуда

I

Едва Кейтэрем понял, что пробил его час и можно рвать крапиву с корнем, он самовластно отдал приказ об аресте Коссара и Редвуда.

Взять Редвуда было нехитро. Он недавно перенес тяжелую операцию, и до полного выздоровления врачи всячески оберегали его покой. Но теперь они избавили его от своей опеки. Он только что встал с постели и, сидя у камина, просматривал кипу газет; он впервые узнал о предвыборной шумихе, из-за которой страна попала в руки Кейтэрема, и о том, какие тучи нависли над принцессой и его сыном. Было утро того самого дня, когда погиб молодой Кэддлс и когда полиция пыталась преградить Редвуду-младшему дорогу к принцессе. Но последние газеты, лежавшие перед старым ученым, лишь глухо и невнятно предвещали эти события. И Редвуд с замиранием сердца читал и перечитывал первые намеки на близкую беду, читал — и

все явственней ощущал дыхание смерти, и все-таки снова читал, пытаясь как-то занять мысли в ожидании свежих новостей. Когда слуга ввел в комнату полицейских чиновников, он вскинул голову, полный жадного нетерпения.

— А я-то думал, вечерняя газета, — сказал он, но тотчас изменился в лице и встал. — Что случилось?

После этого он два дня был отрезан от всего мира.

Они явились в карете и хотели увезти его, но, видя, что он болен, решили еще день-другой его не трогать, а пока наводнили весь дом полицейскими и превратили во временную тюрьму. Это был тот самый дом, где родился Редвуд-великан, дом, в котором человек впервые вкусил Гераклеофорбию; Редвуд-отец уже восемь лет как овдовел и теперь жил здесь совсем один.

Он сильно поседел за эти годы, острая бородка стала совсем белая, но карие глаза смотрели живо и молодо. Он по-прежнему был сухощав, говорил негромко и учтиво, а в чертах его появилась та особенная значительность, которую нелегко определить словами: ее рождают годы раздумий над великими вопросами. Полицейский чин, явившийся арестовать Редвуда, был озадачен

— уж очень не вязалась наружность этого человека с чудовищными злодеяниями, в которых его обвиняли.

— Надо же, — сказал чин своему помощнику. — Этот старикан из кожи вон лез, хотел всю землю перевернуть вверх тормашками, а с виду он ни дать ни взять мирный деревенский житель из благородных. А вот наш судья Бейдроби уж так печется о порядке и приличии, а рыло у него, как у борова. И потом — у кого какая манера! Этот вон какой обходительный, а наш знай фыркает да рычит. Стало быть, по видимости не суди, копай глубже — верно я говорю?

Но недолго полицейским пришлось хвалить Редвуда за обходительность. Он оказался очень беспокойным арестантом, и под конец они сказали ему наотрез: хватит приставать да расспрашивать, и газет он тоже не получит. Вдобавок они произвели небольшой обыск и отобрали даже те газеты, которые у него были. Уж он и кричал и пробовал увещевать их — все напрасно.

— Как же вы не понимаете, — повторял он снова и снова, — мой сын попал в беду, мой единственный сын! Меня сын заботит, а вовсе не Пища.

— Ничего не могу вам про него сказать, сэр, — ответил полицейский чин. — И рад бы, но у нас

строгий приказ.

— Кто отдал такой приказ?

— Ну, уж это сэр… — Чин развел руками и направился к двери…

— Все шагает из угла в угол, — докладывал потом второй полицейский начальнику. — Это хорошо. Может, малость поуспокоится.

— Хорошо бы, — согласился начальник. — По правде сказать, я про это и не думал, а ведь тот великан, что связался с принцессой, нашему старику родной сын.

Трое полицейских переглянулись.

— Тогда ему, конечно, трудновато, — сказал наконец третий.

Как постепенно выяснилось, Редвуд еще не совсем понимал, что он отрезан от внешнего мира как бы железным занавесом. Охрана слышала, как он подходил к двери, дергал ручку и гремел замком; потом доносился голос часового, стоявшего на площадке лестницы, он уговаривал ученого не шуметь: так, мол, не годится. Затем они слышали, что он подходит к окнам, и видели, как прохожие поглядывают наверх.

— Так не годится, — сказал помощник.

Потом Редвуд начал звонить. Начальник охраны поднялся к нему и терпеливо объяснил, что из

такого трезвона ничего хорошего не выйдет: если арестованный станет зря звонить, его оставят без внимания, а потом ему и впрямь что-нибудь понадобится — да никто не придет.

— Если нужно что дельное, мы к вашим услугам, сэр, — сказал он. — Ну, а если вы это только из протеста, придется нам отключить звонок, сэр.

Последнее, что услышал он, уходя, был пронзительный выкрик Редвуда:

— Вы хоть скажите мне — может быть, мой сын…

II

После этого разговора Редвуд-старший почти не отходил от окна.

Но, глядя в окна, мало что можно было узнать о ходе событий. Эта улица, и всегда тихая, в тот день была еще тише обычного: кажется, за все утро не проехал ни один извозчик, ни один торговец с тележкой. Изредка появится пешеход — по его виду никак нельзя понять, что делается в городе; пробежит стайка детей, пройдет нянька с младенцем или хозяйка за покупками, и все в этом же роде. Случайные прохожие появлялись то справа, то слева, то с одного конца улицы, то с другого, и, к досаде Редвуда, их явно ничто не

занимало, кроме собственных забот; они удивлялись, заметив дом, окруженный полицией, оглядывались, а то и пальцем показывали — и шли дальше, в ту сторону, где над тротуаром нависали ветви гигантской гортензии. Иногда какой-нибудь прохожий спрашивал о чем-то полицейского, и тот коротко отвечал…

Дома на другой стороне улицы словно вымерли. Один раз из окна какой-то спальни выглянула горничная, и Редвуд решил подать ей знак. Сначала она с интересом следила, как он машет руками, и даже пыталась отвечать, но вдруг оглянулась и поспешно отошла от окна… Из дома № 37 вышел старик, хромая, спустился с крыльца и проковылял направо, даже не взглянув наверх. Потом минут десять по улице расхаживала одна лишь кошка.

Так и тянулось то знаменательное, нескончаемое утро.

Около полудня с соседней улицы донесся крик газетчиков; но они пробежали мимо. Против обыкновения ни один не завернул в его улицу, и Редвуд заподозрил, что их не пустила полиция. Он попытался открыть окно, но в комнату сейчас же вошел полицейский…

Часы на ближайшей церкви пробили двена-

дцать, потом, спустя целую вечность, — час.

Точно в насмешку, ему аккуратнейшим образом подали обед. Он проглотил ложку супа, немного поковырял второе, чтобы его унесли, выпил изрядную порцию виски, потом взял стул и вернулся к окну. Минуты растягивались в унылые, нескончаемые часы, и он незаметно задремал…

Внезапно он проснулся со странным ощущением, словно от далеких подземных толчков. Минуту-другую окна дребезжали, как при землетрясении, потом все замерло. После короткого затишья далекий грохот повторился. И опять тишина. Он решил, что по улице прогромыхала какая-нибудь тяжело груженная повозка. Что же еще могло быть?

А немного погодя он и вовсе усомнился, не померещилось ли.

Другие мысли не давали ему покоя. Почему все-таки его арестовали? Вот уже два дня, как Кейтэрем пришел к власти — самое время ему взяться «полоть крапиву». Вырвать крапиву с корнем! Вырвать с корнем гигантов! Эти слова назойливо, неотступно звенели в мозгу Редвуда.

В конце концов, что может сделать Кейтэрем? Он человек верующий. Казалось бы, уже одно это

обязывает его воздержаться от неоправданного насилия.

Вырвать крапиву с корнем! Допустим, принцессу схватят и вышлют за границу. И у сына могут быть неприятности. Тогда… Но почему арестовали его самого? Зачем все это от него скрывать? Нет, видно, происходит нечто более серьезное.

Допустим, они там задумали посадить за решетку всех великанов. Всех их арестуют одновременно. Такие намеки проскальзывали в предвыборных речах. А дальше что?

Без сомнения, схватили и Коссара.

Кейтэрем — человек верующий. Редвуд цеплялся за эту мысль. Но где-то в глубине сознания словно протянулась черная завеса, и на ней то вспыхивали, то гасли огненные знаки и складывались в одно только слово. Он отбивался, гнал от себя это слово. Но огненные знаки вспыхивали вновь, точно кто-то все снова начинал писать и не мог дописать до конца.

Наконец он решился прочесть это слово: «Резня»! Вот оно, жестокое, беспощадное.

Нет! Нет! Немыслимо! Кейтэрем — человек верующий, и он не дикарь. И неужели после стольких лет, после таких надежд!..

Редвуд вскочил и заметался по комнате. Он

разговаривал сам с собой, он кричал:

— Нет!!

Человечество еще не настолько обезумело, конечно, нет! Это невероятно, немыслимо, этого не может быть! Какой смысл истреблять людей-гигантов, когда гигантизм неотвратимо овладевает всеми низшими формами жизни? Нет, не могли они настолько обезуметь!

— Вздор, такие мысли надо гнать, — сказал он себе. — Гнать и гнать! Решительно и бесповоротно!

Он умолк на полуслове. Что такое? Стекла опять дребезжат, и это не мерещится. Он подошел к окну. То, что он увидел напротив, тотчас подтвердило, что слух не обманул его. В окне спальни дома № 35 стояла женщина с полотенцем в руках, а в столовой дома № 37 из-за вазы с букетом гигантских левкоев выглядывал мужчина: оба с тревожным любопытством смотрели на улицу. Редвуд ясно видел, что и полицейский у его крыльца слышал тот же далекий гул. Нет, конечно, это не почудилось.

Он отошел в глубь комнаты. Смеркалось.

— Стреляют, — сказал он.

И задумался.

— Неужели стреляют?

Ему подали крепкий чай, точно такой, какой он привык пить. Видно, посовещались с его экономкой. Чай он выпил, но от волнения ему уже не сиделось у окна, и он зашагал из угла в угол. Теперь он мог мыслить более последовательно.

Двадцать четыре года эта комната служила ему кабинетом. Ее обставили к свадьбе, и почти вся мебель сохранилась с того времени: громоздкий письменный стол с множеством ящиков и ящичков; вертящийся стул; покойное кресло у камина, вертящаяся этажерка с книгами; в нише — солидная картотека. Пестрый турецкий ковер, некогда чересчур яркий, и все коврики и занавески поздневикторианского периода с годами немного потускнели, и теперь смягчившиеся краски только радовали глаз; отблески огня мягко играли на меди и латуни каминных решеток и украшений. Вместо керосиновой лампы былых времен горело электричество — вот главное, что изменилось за двадцать четыре года. Но к этой добротной старомодности примешалось и многое другое, свидетельствуя о том, что хозяин кабинета причастен к Пище богов. Вдоль одной из стен, выше панели, висел длинный ряд фотографий в строгих рамках. Это были фотографии его сына, сыновей Коссара и других Чудо-детей, снятых в

разные годы их жизни, в разных местах. В этом собрании нашлось место даже для не слишком выразительных черт юного Кэддлса. В углу стоял сноп гигантской травы из Чизинг-Айбрайта, а на столе лежали три пустые коробочки мака величиной со шляпу. Карнизами для штор служили стебли травы. А над камином желтоватый, точно старая слоновая кость, зловеще скалился череп гигантского кабана из Окхема, в его пустые глазницы были вставлены китайские вазы…

Редвуда потянуло к фотографиям, и особенно захотелось взглянуть на сына.

Эти снимки вызывали бесконечные воспоминания о том, что уже стерлось в памяти, — о первых днях создания Пищи, о скромном Бенсингтоне и его кузине Джейн, о Коссаре и о ночи великих трудов, когда жгли опытную ферму. Все эти воспоминания всплыли теперь, такие далекие, но яркие и отчетливые, точно он видел их через бинокль в солнечный день. Потом он вспомнил огромную детскую, младенца-великана, его первые слова и первые проблески его детской привязанности.

Неужели стреляют?

И вдруг его ошеломила грозная догадка: где-то там, за пределами этой проклятой тишины и

неизвестности, бьется сейчас его сын, и сыновья Коссара, и остальные гиганты — чудесные первенцы грядущей великой эпохи. Бьются насмерть! Может быть, сейчас, в эту самую минуту, сын его загнан в тупик, затравлен, ранен, повержен…

Редвуд отшатнулся от фотографий и снова забегал взад и вперед по комнате, отчаянно размахивая руками.

— Не может быть! — восклицал он. — Не может быть! Не может все так кончиться!

Но что это?

Он остановился как вкопанный.

Опять задребезжали окна, потом тяжко ударило, да так, что весь дом содрогнулся. На этот раз землетрясение, кажется, длилось целую вечность. И где-то совсем близко. Мгновение Редвуду казалось, что на крышу дома рухнуло что-то огромное, от толчка вдребезги разлетелись стекла… и снова тишина, и затем звонкий, частый топот: кто-то бежал по улице.

Этот топот вывел Редвуда из оцепенения. Он обернулся к окну — стекло было разбито, трещины лучами разбежались во все стороны.

Сердце сильно билось: вот она, развязка, долгожданный решительный час. Да, но сам-то он

бессилен помочь, он пленник, отделенный от всего мира плотной завесой!

На улице ничего не было видно, и электрический фонарь напротив почему-то не горел; и после первых тревожных отзвуков чего-то большого и грозного слышно тоже ничего не было. Ничего, что разъяснило бы или еще углубило тайну; только небо на юго-востоке вскоре вспыхнуло красноватым трепетным светом.

Зарево то разгоралось, то меркло. И когда оно меркло, Редвуд начинал сомневаться: а может быть, и это просто мерещится? Но сгущались сумерки — и зарево понемногу разгоралось ярче. Всю долгую, тягостную ночь оно неотступно стояло перед ним. Порой ему казалось, что оно дрожит, словно где-то там, внизу, пляшут языки пламени, а в следующую минуту он говорил себе, что это просто отблеск вечерних фонарей. Ползли часы, а зарево то меркло, то вновь разгоралось и только под утро исчезло, растворилось в нахлынувшем свете зари. Неужели это означало… Что это могло означать? Почти наверняка где-то вдали или поблизости случился пожар, но даже не различишь, что за тень струится по небу — дым или гонимые ветром облака. Но около часа ночи по этому багровеющему тревожному

небу заметались лучи прожекторов — и не успокаивались до рассвета. Быть может, и это тоже означало… Мало ли что это могло значить! Но что же это все-таки значило? Всю ночь он глядел на тревожные отблески в небе, вспоминал тот тяжкий грохот — и строил догадки. Не взрыв ли то был? Но ведь потом не слышно было шума, беготни, лишь далекие крики… Может, просто поскандалили пьяные на соседней улице…

Редвуд не зажигал огня; из разбитого окна дуло, но старик не отходил от него, и полицейский, который то и дело заглядывал в комнату и уговаривал его лечь, видел лишь маленький, скорбно застывший черный силуэт…

Всю ночь напролет стоял Редвуд у окна и смотрел на плывущие в небе странные облака; лишь на рассвете усталость сломила его, и он прилег на узкую кровать, которую ему поставили между письменным столом и угасающим камином, под черепом гигантского кабана.

III

Тридцать шесть долгих часов Редвуд оставался взаперти под домашним арестом, отрезанный от событий трагических Двух Дней, когда на заре великой новой эры пигмеи пошли войной на

Детей Пищи. И вдруг железный занавес поднялся, и ученый очутился в самой гуще борьбы. Занавес поднялся так же неожиданно, как опустился. Вечером Редвуд услыхал стук колес, подошел к окну и увидел, что у дверей остановился извозчик; через минуту приехавший уже стоял перед Редвудом. Это был человек лет тридцати, тщедушный, гладко выбритый, одетый с иголочки и весьма учтивый.

— Мистер Редвуд, сэр, — начал он, — не будете ли вы так любезны отправиться со мной к мистеру Кейтэрему? Он желал бы видеть вас безотлагательно…

— Видеть меня!.. — В мозгу Редвуда вспыхнул вопрос, который ему не сразу удалось выговорить. Он чуть помедлил. Потом спросил срывающимся голосом: — Что Кейтэрем сделал с моим сыном?

Затаив дыхание, он ждал ответа.

— С вашим сыном, сэр? Насколько мы можем судить, ваш сын чувствует себя хорошо.

— Чувствует себя хорошо?

— Вчера он был ранен, сэр. Разве вы не слыхали?

От этого лицемерия Редвуд вышел из себя. В голосе его звучал уже не страх, а гнев:

— Вы прекрасно знаете, что я не слыхал. Как

вам известно, я не мог ничего слышать.

— Мистер Кейтэрем опасался, сэр… Такие события, бунт… И так неожиданно… Нас застали врасплох. Он арестовал вас, чтобы спасти от какой-либо несчастной случайности…

— Он арестовал меня, чтобы я не мог предупредить сына и помочь ему советом. Ну, что же дальше? Рассказывайте. Что произошло? Вы победили? Удалось вам их перебить?

Молодой человек шагнул было к окну и обернулся.

— Нет, сэр, — ответил он кратко.

— Что вам поручили мне передать?

— Уверяю вас, сэр, столкновение произошло не по нашей вине. Для нас это была совершенная неожиданность…

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, сэр, что гиганты в какой-то степени сохранили свои позиции.

Весь мир словно светом озарился. Потрясенный Редвуд чуть не зарыдал, горло сжала судорога, лицо исказилось. Но тотчас он глубоко, с облегчением вздохнул. Сердце радостно заколотилось: значит, гиганты сохранили свои позиции!

— Был жестокий бой… разрушения ужасные. Какое-то чудовищное недоразумение… На севере

и в центральных графствах многие гиганты погибли… Это охватило всю страну.

— И они продолжают драться?

— Нет, сэр. Поднят белый флаг.

— Кто поднял, они?

— Нет, сэр. Перемирие предложил мистер Кейтэрем. Все это — чудовищное недоразумение. Потому он и хочет с вами побеседовать, изложить вам свою точку зрения. Настаивает, чтобы вы вмешались.

Редвуд перебил его:

— Вам известно, что с моим сыном?

— Он был ранен.

— Да говорите же! Рассказывайте!

— Он шел с принцессой… тогда еще не был завершен маневр по… м-м… окружению лагеря Коссаров… этой ямы в Чизлхерсте. Ваш сын с принцессой шли напролом сквозь чащу гигантского овса, вышли к реке и наткнулись на роту пехоты… Солдаты весь день нервничали… вот и началась паника.

— Они его застрелили?

— Нет, сэр. Они разбежались. Но некоторые стреляли… С перепугу, наобум. Это было нарушение приказа, сэр.

Редвуд недоверчиво хмыкнул.

— Можете мне поверить, сэр. Не стану кривить душой, приказ был отдан не ради вашего сына, а ради принцессы.

— Да, этому можно поверить.

— Они оба с криком бежали к крепости. Солдаты метались во все стороны, потом кое-кто начал стрелять. Видели, как он споткнулся.

— Ох!

— Да, сэр. Но мы знаем, что рана несерьезная.

— Откуда знаете?

— Он передал, что чувствует себя хорошо, сэр.

— Передал для меня?

— Для кого же еще, сэр.

Минуту Редвуд стоял, прижав руки к груди, и старался осмыслить услышанное. Потом его возмущение вырвалось наружу:

— Так, значит, вы, как дураки, просчитались, не справились и сели в лужу, а теперь еще прикидываетесь, что вовсе и не думали убивать! И потом… Что с остальными?

Молодой человек посмотрел вопросительно.

— С остальными гигантами, — нетерпеливо пояснил Редвуд.

Его собеседник больше не притворялся, что не понимает.

— Тринадцать убито, сэр, — ответил он упав-

шим голосом.

— И есть еще раненые?

— Да, сэр.

Редвуд задохнулся от ярости.

— И Кейтэрем хочет, чтоб я с ним разговаривал! — крикнул он. — Где остальные?

— Некоторые добрались до крепости еще во время сражения, сэр… Они, видимо, этого ждали…

— Мудрено было не ждать. Если бы не Коссар… А Коссар там?

— Да, сэр. И там все уцелевшие гиганты… Те, что не добрались в Чизлхерст во время боя, уже пришли туда, пользуясь перемирием, или идут сейчас.

— Стало быть, вы разбиты, — сказал Редвуд.

— Мы не разбиты. Нет, сэр. Нельзя сказать, что мы разбиты. Но ваши гиганты ведут войну не по правилам. Они нарушают все законы, так было прошлой ночью и вот теперь опять. Мы уже прекратили атаку, оттянули войска. И вдруг сегодня — бомбардировка Лондона…

— Это их право!

— Но снаряды начинены… ядом…

— Ядом?

— Да, ядом. Пищей…

— Гераклеофорбией?

— Да, сэр. Мистер Кейтэрем хотел бы, сэр…

— Вы разбиты! Теперь ваша игра проиграна! Молодец, Коссар! Что вам остается делать? Как ни старайтесь, толку не будет. Теперь вы будете вдыхать ее с пылью на каждой улице. Какой же смысл драться? Воевать по правилам, как бы не так! И ваш Кейтэрем воображает, что я приду ему на выручку?! Просчитались, молодые люди! На что мне этот пустозвон? Он лопнул, как мыльный пузырь! Довольно он убивал, и врал, и путал, его песенка спета. Зачем я к нему пойду?

Молодой человек слушал внимательно и почтительно.

— Дело в том, сэр, — вставил он, — что гиганты непременно хотят вас видеть. Они не желают признавать никаких других парламентеров. Боюсь, что, если вы к ним не пойдете, сэр, опять прольется кровь.

— Ваша? Очень может быть.

— Нет, сэр, и их кровь тоже. Человечество больше этого не потерпит — с гигантами будет покончено.

Редвуд обвел взглядом свой кабинет. Задержался на портрете сына. Обернулся — и встретил вопрошающий взгляд молодого человека.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я пойду.

IV

Встреча с Кейтэремом вышла совсем не такая, как ожидал Редвуд. Он видел великого демагога всего два раза в жизни: один раз на банкете, второй — в кулуарах парламента — и представлял себе его больше по газетам и карикатурам: легендарный Кейтэрем, Джек — Потрошитель великанов, Персей и прочее. Встреча с живым человеком опрокинула это представление.

Он увидел не то лицо, что примелькалось на портретах и шаржах, но лицо человека, измученного бессонницей и усталостью: морщинистое, осунувшееся, с желтоватыми белками глаз и обмякшим ртом. Конечно, карие глаза были те же, и те же черные волосы, и тот же четкий орлиный профиль, но было и нечто иное, от чего гнев Редвуда сразу погас и он не разразился приготовленной речью. Этот человек страдал, жестоко страдал: в нем чувствовалось непомерное напряжение. В первую секунду он, казалось, только играл самого себя. А потом один жест, пустячное, но предательское движение — и Редвуд понял, что Кейтэрем подхлестывает себя наркотиками. Он сунул большой палец в жилетный карман и после нескольких фраз, уже не скрываясь, поло-

жил в рот маленькую таблетку.

Более того, несмотря на неестественное напряжение, сквозившее во всем его облике, несмотря на то, что он был лет на двенадцать моложе ученого и во многом перед ним не прав, Редвуд сразу почувствовал: еще и сейчас есть в Кейтэреме какая-то особая сила — личное обаяние, что ли, — которая принесла ему славу и губительную власть. Этого Редвуд тоже не предвидел. Кейтэрем сразу взял над ним верх. Он задавал тон и направление разговору. Это произошло как-то само собой. В присутствии Кейтэрема все намерения Редвуда разлетелись, как дым. Здороваясь, Кейтэрем протянул руку — и Редвуд пожал ее, а ведь он решил было отвергнуть эту фамильярность! И с первого слова Кейтэрем разговаривал так, как будто их постигла общая беда и они должны вместе найти выход.

Лишь изредка он сбивался: от усталости забывал о собеседнике, о цели этой встречи — и впадал в привычный ораторский пафос. Но тотчас, почуяв свою ошибку, весь подбирался (во время разговора оба стояли), отводил глаза и начинал вилять и оправдываться. Один раз он даже сказал: «Джентльмены!»

Начал он негромко, но постепенно фразы ста-

новились все эффектнее и голос креп…

Минутами разговор превращался в монолог, Редвуду оставалось только слушать. Он имел честь лицезреть необычайное явление. Право, кажется, перед ним существо иной породы, сладкоречивое и сладкогласное — говорит, говорит, завораживает словами… Какой могучий ум — и какой ограниченный! Какая неукротимая энергия, натиск, самоуверенность, — но и непобедимая глухота и невосприимчивость ко всему неугодному! Странный, неожиданный образ предстал перед внутренним взором Редвуда. Кейтэрем не просто противник, такой же человек, как он сам, способный отвечать за свои слова и поступки и выслушать разумные доводы, — нет, это нечто иное, какой-то невиданный носорог, да, цивилизованный носорог, порождение демократических джунглей, чудовище сокрушительное и несокрушимое. В свирепых стычках, что разыгрываются в дебрях политики на каждом шагу, ему нет равных. Ну а дальше что? Этот человек, кажется, самой природой создан для того, чтобы пробивать себе дорогу в толпе. Для него самый тяжкий грех — противоречить себе, важнейшая из наук — примирять «интересы». Требования экономики, географические особенности страны,

почти не тронутые сокровища научных методов и открытий — это для него все равно что для его толстокожего прототипа в животном царстве — железные дороги, ружья или записки знаменитых путешественников. Он только и признает митинги, предвыборные махинации, подтасовку и давление на избирателей — и голоса, главное, голоса! Он и есть воплощение этих голосов — миллионов голосов.

И далее в час великого кризиса, когда гиганты были отброшены, но не разбиты, он говорил, это чудовище от баллотировки.

Было совершенно ясно, что и теперь он ничего не знает и не понимает. Не знает, что есть на свете законы физики и законы экономики, количественные отношения и качественные реакции, которые нельзя опровергнуть и отменить, даже если все человечество проголосует nomine contradicente[14], и ослушаться их — значит погибнуть. Не знает, что есть нравственные законы, которые невозможно подавить силой одного лишь обаяния: придавленные, они мстительно распрямляются, точно сжатая пружина, и наносят ответный удар. Да, видно, и под пулями

---

[14] Notes: 14
Единодушно выскажется против (*лат.*).

и в день Страшного суда этот человек попытался бы спрятаться за какой-нибудь хитроумной парламентской уловкой.

И сейчас его больше всего заботили не грозные силы, что удерживали свою крепость там, на юге, не поражение и не смерть — его тревожило одно: как все это отразится на парламентском большинстве; ничего важнее этого большинства для него не существовало. Он должен победить гигантов или погибнуть! И он вовсе не отчаивался. В этот час рушились все его планы, руки обагрила кровь, он был повинен в страшном бедствии и готов вызвать бедствия еще более страшные. Грядущий мир, великий мир гигантов надвигался на него, грозил опрокинуть его и раздавить, а он все еще верил, что былое могущество можно вернуть, просто-напросто повысив голос, что надо только снова и снова разъяснять, определять, утверждать… Без сомнения, он был озадачен и растерян, этот усталый, страдающий человек, но хотел он только одного: гнуть свою линию и говорить, говорить…

Он говорил, и Редвуду казалось, что собеседник то наступает, то отступает, то делается выше ростом, то съеживается. Редвуд почти не участвовал в разговоре, ему лишь изредка удавалось вста-

вить словечко вроде: «Все это чепуха», «Нет», «Об этом нечего и думать», «Зачем же вы начали?»

Кейтэрем, вероятно, просто не слышал. Его речь обтекала любое возражение ученого, как быстрая речка обтекает скалу. Этот поразительный человек стоял на ковре перед камином в своем министерском кабинете и говорил, говорил без передышки, убедительно, блестяще, неутомимо, словно боялся, что, умолкни он хоть на миг, прерви этот поток доводов, так, а не иначе освещенных фактов, соображений, рассуждений и объяснений, — и тотчас в паузу ворвется какая-то враждебная сила, вернее — враждебный голос, ибо никакой силы и деятельности, кроме словесной, он не понимал и не признавал. Так он стоял среди слегка потускневшей роскоши министерского кабинета, в котором до него сменилось немало людей, столь же свято веривших, будто в управлении империей самое главное — вовремя вставить нужное слово.

И чем больше он говорил, тем острее чувствовал Редвуд, до чего все это бесплодно и безнадежно. Неужели этот человек не понимает, что, пока он разглагольствовал, весь мир пришел в движение, что выше и выше вздымаются волны необоримого гигантского роста человечества, что время

существует не только для парламентских дебатов и, кроме пустых слов, есть другое оружие в руках мстителей за пролитую кровь! Лист гигантского плюща стучался в окно, застил свет в кабинете, а Кейтэрем этого и не замечал.

Редвуду не терпелось прервать этот поразительный монолог, бежать отсюда в мир разума и здравого смысла, в осажденный лагерь: там оплот грядущего, зерно будущего величия, там собрались его Сыновья. Ради них он и терпел нелепую болтовню. Но нет, довольно, пусть кончится этот невероятный монолог, иначе, кажется, его унесет потоком слов… Видно, голос Кейтэрема, как наркотик, — ему надо сопротивляться, не то усыпит, околдует. Наслушаешься его — и самые простые, очевидные истины становятся неузнаваемы.

Что же он говорит?

Пожалуй, это все-таки существенно, ведь надо будет пересказать его слова Детям Пищи. И Редвуд стал слушать, стараясь, однако, не терять чувства реальности.

Говорит, как тяжко ему, что на его совести пролитая кровь. Соловьем разливается. Не обращать внимания. Дальше?

Предлагает прийти к соглашению.

Предлагает, чтобы оставшиеся в живых Дети

Пищи сложили оружие, отделились и образовали особую общину. Ссылается на прецеденты.

— Мы выделим им территорию.

— Где? — прервал Редвуд, снисходя до обсуждения.

Кейтэрем ухватился за эту возможность. Он повернулся к Редвуду и, понизив голос, заговорил вкрадчиво и очень убедительно. Уточнить можно будет позже. Это вопрос второстепенный. И продолжал перечислять условия:

— Но мы сохраняем полный контроль — гиганты поселятся в одном месте, а во всем остальном мире Пища и все ее плоды будут уничтожены.

Редвуд поймал себя на том, что начинает торговаться.

— А что будет с принцессой?

— На нее это не распространяется.

— Ну нет, — ответил Редвуд, стараясь снова обрести твердую почву под ногами. — Это нелепо.

— Решим потом. Итак, поскольку мы с вами согласились, что изготовление Пищи будет прекращено…

— Я ни с чем не соглашался. Я не сказал ничего такого…

— Но мыслимо ли, чтобы на одной планете уживались два человеческих рода — гиганты и

мы! Вдумайтесь в то, что уже произошло! Вдумайтесь, ведь это был лишь намек, репетиция: если дать Пище волю, нам не миновать событий несравнимо более трагических. Подумайте, сколько бедствий вы уже принесли миру! А если племя гигантов станет расти и множиться…

— Я не собираюсь с вами спорить, — прервал Редвуд. — Мне надо идти к Детям. Я хочу видеть сына. Вот почему я здесь. Скажите мне точно, что вы предлагаете.

Кейтэрем произнес длинную речь о своих условиях.

Детям Пищи отведут большую территорию в Северной Америке или, может быть, в Африке; там, в резервации, они смогут прожить свою жизнь по-своему.

— Но это же чушь. Гиганты уже есть и за границей. Они разбросаны по всей Европе.

— Можно подписать международную конвенцию. Это не исключено. О чем-то в таком духе уже шел разговор… А в резервации они могут жить, как им нравится. Пускай делают все, что угодно и строят все, что угодно. Мы будем только рады, если они станут работать для нас. И пусть живут в свое удовольствие. Обдумайте это!

— И все это при условии, что новых Детей Пи-

щи не будет?

— Совершенно верно. Дети остаются нам и вырастут не больше, чем положено. Таким образом, сэр, мы спасем мир, спасем навеки от плодов вашего страшного открытия. Еще не все потеряно. Но из милосердия мы не хотим начинать с крайних мер. Сейчас мы выжигаем и обезвреживаем все места, где вчера упали бомбы. Мы можем с ними справиться. Поверьте, что можем. Но хотелось бы обойтись без насилия, без несправедливостей…

— А если Дети не согласятся?

Кейтэрем впервые взглянул Редвуду прямо в глаза.

— Должны согласиться!

— Не думаю!

— Но почему же? — спросил Кейтэрем, разыгрывая глубокое изумление.

— Ну, а если они все-таки не согласятся?

— Тогда — только война! Мы не можем допустить, чтобы это продолжалось. Не можем, сэр! Неужели вы, ученые, совсем лишены воображения? Неужели вы чужды милосердия? Мы не можем допустить, чтобы наш мир погиб под пятой племени чудовищ и чудовищных растений — всего, что плодит ваша Пища, не можем, и еще

раз не можем! Чем же прекратить все это, если не войной, сэр? И запомните: то, что произошло, — лишь начало. Легкая перестрелка. Полицейская операция. Поверьте, просто полицейская операция, и ничего более. Не обольщайтесь видимым превосходством оттого, что гиганты и все гигантское крупнее и сильнее нас. За нами вся страна, все человечество. На место тысяч убитых встанут миллионы. Мы не желаем кровопролития, сэр; если бы не это, мы бы уже сейчас предприняли новые атаки. Уничтожим ли мы эту Пищу, нет ли, но ваших сыновей мы уничтожим наверняка! Вы слишком полагаетесь на вчерашний день, на события каких-нибудь двадцати последних лет, на итог одного сражения. Вы не чувствуете, что ход истории последователен и нетороплив. Я предлагаю соглашение только потому, что не хочу лишних жертв, но все равно конец может быть только один. Если вы возомнили, будто жалкая горстка ваших гигантов устоит против наших войск и против войск всех других держав, что поспешат нам на помощь, если вы вознамерились вот так, одним махом, за одно поколение изменить человечество, переделать природу и облик человека…

Он картинно вскинул руку.

— Идите же к ним, сэр! Взгляните, как они, которые совершили столько зла, теперь притаились среди своих раненых…

Он остановился, словно взгляд его нечаянно упал на сына Редвуда.

Наступило молчание.

— Идите к ним, — повторил он.

— Только этого я и хочу.

— Так не медлите…

Он повернулся и нажал кнопку звонка; и тотчас где-то захлопали двери, раздались торопливые шаги.

Все слова были уже сказаны. Спектакль окончился. Кейтэрем сразу весь съежился, увял — очень усталый человек, невысокий, немолодой, лицо землистое. Он шагнул вперед, словно выступил из рамы портрета, и с самым дружелюбным видом протянул Редвуду руку, ибо мы, англичане, всегда притворяемся, будто общественные и политические разногласия ничуть не мешают нам прекрасно относиться друг к другу.

И невольно, как будто так и надо, Редвуд второй раз пожал ему руку.

Глава V
Осажденный лагерь

I

Вскоре поезд уже уносил Редвуда через Темзу на юг. В свете огней блеснула вода, все еще курился дым на северном берегу, куда попали бомбы и куда потом стянули множество народу выжигать Гераклеофорбию на почве. Южный берег тонул во мраке, даже улицы почему-то не были освещены, выделялись лишь четкие контуры сигнальных вышек да темные глыбы зданий побольше; Редвуд с минуту тщетно всматривался в темноту, потом отвернулся от окна и ушел в свои мысли.

До встречи с Сыновьями больше нечего было делать и не на что смотреть…

Напряжение последних двух дней измучило его; как будто уже и не могло остаться никаких душевных сил, но чашка черного кофе перед отъездом подкрепила его, и теперь мысль работала ясно и отчетливо. Он думал о многом. В свете того, что произошло, он снова проследил шаг за шагом, как была открыта Пища и как она распро-

странялась по всему миру.

— Бенсингтон считал, что это будет превосходное детское питание, — прошептал он, слабо улыбаясь.

И тут же вспомнил — так живо, словно они еще не были разрешены, — какие сомнения терзали его, когда он впервые дал Пищу своему сынишке. С того часа, независимо от людей, которые пытались помешать ей или помочь, Пища твердо и неуклонно пробивала себе дорогу, пока не рассеялась по всему миру. А теперь?

— Даже если их всех перебьют, — шептал Редвуд, — назад пути нет.

Секрет изготовления Пищи давно уже известен везде и всюду. И это дело его рук. Каков бы ни был исход сегодняшней битвы, растения, животные, подрастающие во множестве дети-гиганты потребуют своего и неизбежно принудят мир снова обратиться к Пище.

— Назад пути нет, — повторил Редвуд. Но как он ни старался отвлечься, мысль упрямо возвращалась к судьбе сына и других детей. Каково-то им сейчас? Быть может, они измучены борьбой, изранены, голодают и им не устоять? А может быть, тверды, полны надежд и готовы к еще более грозным завтрашним боям?.. Сын ранен! Но ведь

он просил передать отцу…

Редвуду снова вспомнилась утренняя встреча с Кейтэремом.

Наконец поезд остановился на станции Чизлхерст, и раздумья Редвуда оборвались. Он узнал городок по огромной сигнальной вышке на вершине Кэмденского холма и по кустам гигантского болиголова, цветущего вдоль дороги.

К нему подошел личный секретарь Кейтэрема, ехавший в соседнем купе, и сказал, что в полумиле отсюда путь поврежден и дальше придется ехать автомобилем. Редвуд вышел на платформу; здесь гулял холодный ночной ветер, было темно, только дежурный посветил им своим фонарем. И тотчас навалилась гнетущая тишина, ибо это деревянное, заросшее сорными травами предместье совсем обезлюдело: еще накануне, едва началась схватка, жители поспешили укрыться в Лондоне. Провожатый вместе с Редвудом спустился с платформы к автомобилю (кроме его сверкающих фар, вокруг не было ни огонька), препоручил ученого шоферу и распрощался.

— Надеюсь, вы сделаете для нас все, что в ваших силах, — сказал он, совершенно в духе своего шефа, пожимая Редвуду руку.

Редвуда закутали пледом, и началось ночное

путешествие. Автомобиль рванулся с места и мягко, бесшумно скользнул с холма. Поворот, другой, замелькали по сторонам роскошные виллы, потом впереди легла прямая, ровная дорога. На предельной скорости автомобиль мчался сквозь ночь. Под звездным небом разлилась тьма, весь мир словно сжался в комок и бесшумно исчез. Мимо по обе стороны дороги проносились какие-то немые, неподвижные предметы; мертвенно-белые покинутые виллы с черными провалами неосвещенных окон были точно вереница черепов. Шофер, сидя рядом, не раскрывал рта — то ли всегда был не речист, то ли опасная поездка отбила охоту разговаривать. На короткие вопросы Редвуда он что-то ворчал односложно и угрюмо. Лучи прожекторов, точно взмахи неслышных рук, обшаривали южный небосклон; в этом безлюдье и запустении они одни жили какой-то своей, непонятной жизнью.

Вскоре на дороге стало еще темней: по обе стороны ее поднялись гигантские кусты терновника, высоченные травы и мхи, настоящий лес крапивы; мелькали толстые стволы, причудливые кроны смутными силуэтами скользили в вышине. За Кестоном дорога пошла в гору, и автомобиль замедлил ход. На вершине холма

он остановился. Мотор лихорадочно застучал и смолк. «Вон там», — сказал шофер и ткнул вперед черным бесформенным пальцем в кожаной перчатке.

Далеко-далеко (так показалось Редвуду) вздымалась в небо огромная насыпь, гребень ее венчала полоса яркого света, оттуда вырывались лучи прожекторов. Они вновь и вновь бродили над холмом, пробегали по облакам, словно подчиняясь каким-то таинственным заклинаниям.

— Уж и не знаю, — вымолвил наконец шофер, он явно боялся ехать дальше.

Внезапно луч прожектора с высоты упал на них, словно бы вздрогнул и замер, всматриваясь, — слепящий глаз, блеск которого раздробили, но не умерили два или три ствола крапивы, оказавшиеся на его пути. Редвуд, заслонив глаза рукой в перчатке, точно щитком, старался выдержать этот взгляд, шофер последовал его примеру.

— Поедемте дальше, — сказал немного погодя Редвуд.

Шофер все еще колебался; он хотел высказать свои сомнения, но только повторил: «Уж и не знаю». Наконец он решился.

— Ну, будь что будет, — буркнул он, завел мотор, и автомобиль снова тронулся; огромный

сверкающий глаз неотступно следил за ним.

Редвуду казалось, что они едут уже не по земле, а в трепетном беге прорываются сквозь светящееся облако. Автомобиль, пыхтя и урча, рвался вперед, и шофер, право не знаю почему, должно быть от волнения, то и дело нажимал грушу рожка.

Потом они свернули в благодатную тьму какого-то проулка меж двух высоких заборов, спустились вниз, в лощину, миновали какие-то дома и опять въехали в полосу слепящего света. Дорога некоторое время бежала по открытому месту, и им снова казалось, что мотор пульсирует в пустоте без конца и края. Опять справа и слева появились высокие травы и вихрем унеслись прочь. И вдруг совсем рядом возник великан: ноги его сверкали в луче прожектора, голова и плечи смутно угадывались на фоне темного неба.

— Эй! — крикнул он. — Стойте! Дальше дороги нет… Это вы, папа Редвуд?

Редвуд встал и что-то крикнул в ответ, и тут откуда-то появился Коссар, крепко пожал ему обе руки и помог выйти из автомобиля.

— Как мой сын? — спросил Редвуд.

— Все в порядке, — ответил Коссар. — У него-то

рана легкая.

— А ваши мальчики?

— Хорошо. Все целы. Но драка была жестокая.

Великан что-то говорил шоферу. Редвуд отошел в сторону, автомобиль развернулся, и внезапно Коссар и все кругом скрылось, и он очутился в непроглядном мраке: луч прожектора провожал автомобиль до вершины Кестонского холма. Редвуд видел, как крохотная машина уносилась вдаль, окруженная белым ореолом. И странно, ему казалось, что движется не она сама, а только ореол. На мгновенье луч выхватил из тьмы купу искалеченных во время перестрелки гигантских кустов бузины; они тянули иссеченные ветви, словно подавали какие-то знаки… Миг, и снова их поглотила ночь… Редвуд повернулся к Коссару, которого едва мог разглядеть в темноте, и стиснул его руку.

— Меня держали взаперти, — сказал он, — целых два дня я ничего не знал…

— Мы стреляли в них Пищей, — сказал Коссар. — Само собой разумеется! Тридцать выстрелов дали. Вот как!

— Меня прислал Кейтэрем.

— Знаю. — Коссар не без горечи засмеялся. — Верно, хочет идти на мировую.

II

— Где мой сын? — спросил Редвуд.

— О нем не беспокойтесь. Гиганты хотят знать, с чем вы пришли.

— Да, но мой сын…

Они с Коссаром спустились по длинному наклонному туннелю — на секунду здесь вспыхнул красноватый свет и сразу же погас — и вскоре очутились в убежище, построенном детьми Коссара.

Редвуду сначала показалось, что они вышли на огромную арену, окруженную очень высокими крутыми скалами и загроможденную какими-то непонятными предметами. Было темно, только мелькали отблески сторожевых прожекторов, круживших где-то в вышине, да в дальнем углу то вспыхивал, то потухал красноватый свет: там работали два великана и слышался лязг металла. При новой вспышке Редвуд заметил на фоне неба знакомые силуэты мастерских и площадок для игр, которые устроил когда-то Коссар для сыновей. Теперь они словно нависли над выступом скалы, странно перекосившиеся и изувеченные артиллерией Кейтэрема. Там, наверху, смутно виднелись огромные пушки, чуть ближе громоздились штабеля мощных цилиндров — наверно,

снаряды. А внизу, на этой исполинской арене, теснились в беспорядке громадные машины, постройки и еще что-то бесформенное и непонятное. Среди всего этого в неверном свете то появлялись, то исчезали гиганты — огромные, могучие, под стать всему окружающему. Одни работали, другие сидели и лежали, видно пытаясь уснуть, а совсем рядом, на грубой подстилке из сосновых веток, спал раненый, весь в повязках. Редвуд напряженно всматривался, изучая одну за другой неясные движущиеся фигуры.

— Где мой мальчик, Коссар?

И тут он увидел сына.

Сын сидел в тени, у огромной стены из стали. Лица его не было видно, и отец узнал его только по привычной позе. Он сидел, опершись подбородком на руку, усталый или погруженный в свои мысли. Возле него Редвуд увидел темный силуэт, в котором угадал принцессу, а потом снова вспыхнуло пламя в дальнем углу, где шла работа, и на мгновенье в алом отблеске показалось нежное лицо с выражением бесконечной доброты. Она стояла, опершись рукой о стальную стену, и смотрела на своего возлюбленного. Кажется, она что-то ему шептала.

Редвуд шагнул было к ним.

— Это после, — сказал Коссар. — Сперва расскажите, с чем вы пришли.

— Да, но… — начал Редвуд. И умолк.

Сын поднял голову и что-то говорил принцессе, но так тихо, что слов отец не разобрал. Лицо его было обращено к ней, а она наклонилась, но, прежде чем ответить, на миг отвела глаза.

— Но если мы разбиты… — донесся шепот молодого Редвуда.

Девушка промолчала, и при новой алой вспышке блеснули ее глаза, полные непролитых слез. Она наклонилась ниже и заговорила еще тише. И, глядя на них, слушая их шепот, Редвуд-старший понял: они слишком поглощены друг другом… И он, который два долгих дня думал только о сыне, внезапно почувствовал себя лишним. Его словно вдруг остановили на бегу. И может быть, впервые в жизни он понял: сын значит для отца несравнимо больше, чем отец — для сына, будущее неизмеримо важнее прошлого. Возле этих двоих ему делать нечего. Он уже сыграл свою роль. Внезапно поняв все это, он повернулся к Коссару. Глаза их встретились. И когда Редвуд заговорил, голос его звучал по-новому — хмуро и решительно.

— Сейчас я передам, что мне поручено, — сказал

он. — А уж потом… С этим можно не спешить.

Котлован был настолько огромен и загромождён, что пришлось долго кружить и петлять, пока они добрались до места, откуда Редвуда могли слышать все сразу.

Крутой спуск под аркой из каких-то сцепленных друг с другом машин привел их с Коссаром в глубокую и широкую траншею, которая пересекала дно котлована. Обширная и пустая, она была сравнительно узка для великанов, но, как и все остальные предметы и постройки, заставила Редвуда еще острее ощутить, до чего он мал. Он шел словно по ущелью, но созданному не природой, а разумной силой. Высоко над головой, отделенные от него темными отвесными склонами насыпи, кружили и сияли лучи прожекторов и двигались, сверкая в лучах, гиганты. Перекликались гулкие голоса, Братья звали друг друга на военный совет — выслушать условия Кейтэрема. Траншея вела куда-то еще ниже, в черную пустоту, где скрывались тайны, густые тени, невообразимые и неразличимые предметы; и Редвуд шел медленно, недоверчиво, а Коссар шагал спокойно и уверенно…

Мысль Редвуда лихорадочно работала.

Потом они вступили в такую темень, что Кос-

сар взял спутника за руку. Теперь они поневоле двигались еле-еле.

Редвуд не мог больше молчать.

— Все это так странно, — сказал он.

— Огромно, — поправил Коссар.

— Нет, странно. И странно, что это кажется странным мне… ведь в некотором смысле я сам положил этому начало. Это…

Он остановился, пытаясь найти ускользавшее слово, и жестом, невидимым в темноте, указал на насыпь.

— Раньше я об этом не думал. Я делал свое дело, а годы шли. Но здесь я вижу… Это — новое поколение людей, Коссар, у них другие чувства, другие запросы. Все это…

Теперь Коссар разглядел, что он обводит рукой все вокруг.

— Это Юность мира.

Коссар не ответил: тяжело, вперевалку, он шел вперед.

— Это уже не наша юность, Коссар. Они продолжают то, что мы начали. Но у них свои чувства, свой опыт и своя дорога. Мы создали новый мир, но он не принадлежит нам. Он даже какой-то чужой. Эта огромная крепость…

— Ее строили по моему проекту, — сдержанно

заметил Коссар.

— Ну, а теперь?

— Что ж! Я отдал ее Сыновьям.

Редвуд не увидел, скорее ощутил широкий взмах его руки.

— В том-то и суть. С нами покончено или почти покончено.

— А ваша миссия? — напомнил Коссар.

— Конечно. Но потом…

— С нами покончено.

— Вот видите. Значит…

— Ну, конечно, мы вышли из игры, мы, два старика! — В голосе Коссара прорвалось хорошо знакомое Редвуду яростное нетерпение. — Конечно, так. Само собой разумеется. Всякому овощу свое время. А сейчас пришло *их* время. Так и должно быть. Мы расчистили для них почву. Сделали свое дело и уходим. Понятно? Для этого и существует смерть. Наш маленький мозг и маленькие чувства исчерпываются, и тогда молодые начинают все снова. Снова и снова! Очень просто. Чего ж тут огорчаться?

Он перевел дух и помог Редвуду подняться по каким-то ступеням.

— Да, — начал Редвуд, — но когда чувствуешь… И не договорил.

— Для того и существует смерть, — настойчиво повторил, поднимаясь следом, Коссар. — Как же иначе? Тогда бы все остановилось! Нет, для того и существует смерть.

III

После несчетных поворотов и подъемов они наконец вышли на выступающую площадку, отсюда был виден почти весь котлован, — отсюда Редвуда могли услышать все гиганты. Они уже собрались вокруг, кто внизу, кто над ним, и ждали. Старший сын Коссара стоял наверху, на насыпи, при свете прожекторов зорко оглядывая все окрест: противник мог и нарушить перемирие. Тех, кто работал у огромного механизма в углу, опять и опять озаряли красноватые вспышки. Оба были почти нагие; они тоже смотрели на Редвуда, но все время следили и за раскаленным металлом, который не могли оставить ни на минуту. Даже они, стоявшие к нему ближе других, казались неясными в переменчивых отсветах, а уж остальных Редвуд совсем не мог разглядеть. Они появлялись и вновь тонули в бездонной тьме. Ибо в котловане старались жечь как можно меньше света, чтоб легче заметить врага, если он внезапно нападет, подкравшись во мраке.

Время от времени случайная вспышка выхватывала из темноты то одну, то другую группу великанов — могучие тела тех, кто вырос в Сандерленде, облегала одежда из плотно пригнанных металлических пластинок, на других одежда была кожаная или сотканная из веревок или из тонкой проволоки, смотря по тому, где они жили и чем занимались. Они сидели и стояли среди машин и орудий, таких же мощных, как и они сами; их руки покоились на этих орудиях, и, когда свет падал на их лица, видно было, что у всех твердый, решительный взгляд.

Редвуд хотел заговорить — и не мог. И тут горячий отблеск огня на мгновенье озарил лицо его сына… обращенное к нему лицо сына, и в лице этом такая неясность и сила… и тогда отец обрел голос. Стоя над пропастью, он сказал словно бы сыну — и его услышали все:

— Я пришел от Кейтэрема. Он послал меня сообщить вам его условия.

Редвуд-старший чуть помолчал.

— Теперь, когда я вижу вас здесь, всех вместе, я понимаю — это неприемлемые условия; они неприемлемы, но я их принес, потому что хотел видеть всех вас… и моего сына. Я хотел… еще раз увидеть сына…

— Скажите им условия, — напомнил Коссар.

— Вот что предлагает Кейтэрем. Он хочет, чтобы вы ушли отсюда, покинули мир маленьких людей.

— Куда уйти?

— Он сам толком не знает. В каком-нибудь уголке земного шара выделят достаточно места. И вам больше нельзя изготовлять Пищу и нельзя иметь детей. Вы можете прожить свою жизнь по-своему, но больше гигантов не будет.

Он замолчал.

— Это все?

— Да, все.

И стало тихо. Словно сама темнота, окутавшая гигантов, задумчиво глядела на Редвуда.

Кто-то тронул его за локоть, это Коссар предложил ему стул — смешной, точно игрушечный среди всех этих громад. Редвуд сел, скрестил ноги, потом от волнения задрал одну ногу на колено другой и стиснул руками собственный башмак; он чувствовал себя таким маленьким, неловким, нелепо выставленным напоказ.

Потом раздался глубокий голос, и он опять забыл о себе.

— Вы слышали, Братья? — спросил кто-то из темноты.

И другой голос отозвался:

— Слышали.

— Что же мы ответим Кейтэрему?

— Ответим: нет!

— А что дальше?

Несколько секунд длилось молчание.

Потом еще один голос сказал:

— Эти люди правы. По-своему, конечно. Они были правы, истребляя все, что вырастало больше обычного: зверей, и растения, и все остальное. Они были правы, когда пытались перебить нас. И правы теперь, когда требуют, чтобы мы не заключали браков между собой. По-своему они правы. Они понимают — пора и нам понять, — что в мире не могут одновременно существовать великаны и карлики. Кейтэрем давно уже твердит ясно и недвусмысленно: или мы, или они.

— Но нас осталось меньше полусотни, а их — миллионы и миллионы.

— Возможно. Но я сказал то, что есть.

И опять долгая тишина.

— Значит, мы должны умереть?

— Избави бог!

— Значит, они?

— Тоже нет.

— Но ведь это и говорит Кейтэрем! Он хочет,

чтобы мы прожили свой век и вымерли один за другим; под конец останется кто-то один, он тоже умрет, а они вырубят все гигантские растения, полезные и вредные, без разбору, уничтожат весь гигантский животный мир, выжгут малейшие следы Пищи… навсегда покончат и с нами и с Пищей. Тогда пигмеям станет легко и привольно. Их пигмейскому мирку нечего будет опасаться. Они преспокойно будут жить карликовой жизнью, творить карликовое добро и карликовое зло, пожалуй, даже устроят на земле свой пигмейский рай: прекратят войны, покончат с чрезмерной рождаемостью, весь мир превратят в один большой город и станут заниматься карликовым искусством и восхвалять друг друга, пока солнце не начнет остывать и шар земной не покроется льдами…

В углу с громом упал лист железа.

— Братья, мы знаем, что делать.

В отсветах прожекторов Редвуд видел, как молодые серьезные лица повернулись к его сыну.

— Сейчас очень легко производить Пищу. Мы можем наготовить столько, что хватит на весь мир.

— Ты думаешь, Брат Редвуд, — спросил из темноты чей-то голос, — что их надо заставить есть

Пищу?

— А что еще нам остается?

— Не забудь, нас всего полсотни, а их миллионы.

— Но мы держимся.

— Пока.

— Бог даст, продержимся и дальше.

— Да. Но не забудь, многие погибнут!

Тут вмешался еще голос:

— Да, погибнут. Но не забывайте о тех, кто еще не родился…

— Братья, — снова заговорил Редвуд-младший, — что нам еще остается? Только воевать! И если победим, заставим их примириться с Пищей. Им все равно от нее не избавиться. Допустим, мы откажемся от всего, что нам дано, и согласимся на эти безумные условия. Допустим! Допустим, мы задушим в груди то великое, что нами движет, откажемся от всего, что дали нам отцы, — что сделал для нас ты, отец, — и, когда настанет час, умрем, исчезнем, так ничего и не совершив. Ну, а дальше что? Разве мир пигмеев останется таким, как прежде? Они могут бороться с величием в нас — мы гиганты, но рождены людьми. Но разве они могут победить? Даже если они уничтожат нас всех до единого, что дальше? Спасет ли это их?

Никогда! Ибо величие не только в нас, не только в Пище, но и в сущности всех вещей! Оно заключено в природе сущего, оно — часть пространства и времени. Расти, всегда расти, с первого и до последнего часа — таково Бытие, таков закон жизни. Иного закона нет!

— А помогать другим?

— Помогать расти, идти вперед. Это значит, мы и сами растем. Если мы не помогаем им остаться ничтожествами…

— Они будут драться не на жизнь, а на смерть, — сказал кто-то.

— Ну и что же? — возразил другой.

— Да, они будут драться, — сказал Редвуд-младший. — Если мы откажемся принять их условия, они наверняка будут воевать. Я даже надеюсь, что они начнут воевать открыто. Когда после всего, что было, они предлагают мир, это значит только одно: они хотят захватить нас врасплох. Не надо обманывать себя — так или иначе, но они будут драться. Война началась, и мы должны биться до конца. Так будем же осмотрительны, не то окажется, что мы только затем и жили, чтобы выковать оружие, которое обратилось против нас и наших детей, против всех гигантов. Борьба только еще начинается. Вся наша жизнь станет

борьбой. Одни будут убиты, другие попадут в плен. Легкой победы быть не может, в любом случае победа нам дорого обойдется. Это бесспорно. Ну и что же? Главное — сохранить какой-то плацдарм, оставить после себя воинство, которое станет множиться и продолжать борьбу, когда мы погибнем!

— Что же будет завтра?

— Начнем рассеивать Пищу, засыплем ею весь мир.

— А если они согласятся принять наши условия?

— Наше условие — Пища. Гигантам и пигмеям не ужиться в мире и согласии. Или мы, или они. Ни один отец не вправе сказать: пусть мой сын знает только тот свет, что светил мне, пусть ни в чем не смеет перерасти меня. Согласны вы со мной, Братья?

В ответ послышался гул одобрения.

— Этого никто не вправе сказать не только будущим мужчинам, но и будущим женщинам, — донеслось из темноты. — Женщинам тем более не вправе: они будущие матери нового человечества…

— Но ведь в следующем поколении еще останутся большие и маленькие, — сказал Редвуд-отец,

глядя в лицо сыну.

— Во многих поколениях. И маленькие будут мешать большим, а большие — теснить маленьких. Это неизбежно, отец.

— Значит, будет продолжаться борьба.

— Бесконечная борьба. Бесконечные раздоры. Такова жизнь. Великое и малое не могут найти общий язык. Но в каждом вновь родившемся человеке дремлет зерно величия, дремлет — и дожидается Пищи.

— Значит, я должен возвратиться к Кейтэрему и сказать ему…

— Ты останешься с нами, отец. На рассвете Кейтэрем узнает наш ответ.

— Он грозился пойти на вас войной…

— Да будет так, — сказал Редвуд-младший, и снова Братья ответили негромким согласием.

— Железо остывает! — крикнул кто-то.

Два кузнеца в углу мерно застучали молотами, и этот железный гром могучей мелодией поднялся над лагерем гигантов. Раскаленный металл светился еще ярче прежнего, и Редвуд-старший мог теперь лучше рассмотреть все вокруг. Овальный котлован был виден как на ладони, огромные орудия и машины насторожились, готовые к бою. Поодаль и выше стоял дом Коссаров.

Вокруг Редвуда молодые исполины, огромные и прекрасные в своих сверкающих кольчугах, готовились к завтрашней битве. Глядя на них, Редвуд воспрянул духом. Какая спокойная сила! При огромном росте — какая стройность и изящество! Какие уверенные движения! И здесь же его сын и принцесса, первая женщина среди гигантов…

И вдруг — поразительнейший контраст! — ему вспомнился Бенсингтон: вот он перед глазами, крохотная отчетливая фигурка — стоит посреди своей благопристойной и скучной комнаты, погрузив пальцы в пух на груди первого гигантского цыпленка, и растерянно смотрит поверх очков на дверь, которую только что с грохотом захлопнула за собою кузина Джейн…

Это было только вчера, всего лишь двадцать один год прошел.

Внезапно странное сомнение овладело Редвудом: что, если эта крепость и все это величие — только сон! Вот сейчас он проснется у себя в кабинете — узник в той же тюрьме, гиганты убиты, Пища уничтожена. Да ведь и вся жизнь — тюрьма, и человек — вечный узник! Сон достиг зенита, и сейчас настанет конец. Он проснется от шума сражения, среди потоков крови, и увидит, что его Пища — глупейшая фантазия, а все его

надежды, вся вера в великое завтра мира — лишь тоненькая радужная пленка на бездонном гнилом омуте. Пигмеи непобедимы!..

Отчаянье, предчувствие неминуемой катастрофы нахлынуло на него с такой силой, что он вскочил. Он стоял, прижав к глазам стиснутые кулаки, оцепенев от страха: вот сейчас откроет глаза, а сновидение уже рассеялось…

Перекликались гиганты, голоса их вторили могучей песне металла. И волна сомнений пошла на убыль. Вокруг по-прежнему слышны могучие голоса, шаги. Это не сон, это все живое, несомненное, такое же подлинное, как злобные действия врагов! И даже более подлинно, ибо великому принадлежит будущее, а ничтожество, звериная жестокость и человеческие слабости обречены на гибель. Редвуд открыл глаза.

— Закончили! — крикнул один из кузнецов, и они опустили молоты.

В вышине раздался голос. Это говорил сын Коссара — стоя на гребне крепостного вала, он обращался ко всем великанам:

— Лишь на одну ступень поднялись мы над ничтожеством пигмеев, и не для того мы хотим изгнать их из этого мира, чтобы завладеть им навечно. Мы боремся не за себя, а за эту новую

ступень… Для чего мы живем, Братья? Чтобы служить высокой цели и осуществить великий замысел, нам предначертанный. Мы боремся не ради себя, ибо мы — лишь глаза и рабочие руки Жизни: она вечна, мы же служим ей лишь краткий срок. Так учил нас ты, папа Редвуд. Воплощенный в нас, как прежде в пигмеях, идет вперед, видит и познаёт новое Дух Человеческий. А мы в словах, делах и в детях своих передадим его людям еще более совершенным. Земля — не место отдыха и не площадка для игр, иначе у нас было бы не больше права на жизнь, чем у пигмеев, а тогда отчего же и не сдаться? Они бы спокойно перерезали нас, а потом и сами без боя уступили бы место муравьям и всякой нечисти. Нет, мы бьемся не ради себя, но ради роста, ради движения вперед, а оно — вечно. И завтра, живые или мертвые, мы все равно победим, ибо через нас совершается движение вперед и выше. Таков закон развития духа на веки веков. Вперед и выше, ибо так мы созданы Богом! Выбраться из этих ям и щелей, из тьмы и сумрака, вступить в мир величия и света! Вперед, Братья, вперед! — говорил он, и голос его звучал гордо и торжественно. — Всегда вперед, к истинному величию! Расти, подняться наконец до всеобщего

братства и постичь Бога… Расти… Пока самая земля наша не станет всего лишь ступенькой… Пока человеческий дух не станет бесстрашен до конца и не овладеет всей Вселенной!.. — Взмахом руки он обвел небосвод.

И умолк. Ослепительный луч прожектора на миг озарил исполина, его руку, воздетую к небесам.

Мгновенье он весь сверкал в этом луче, бесстрашно глядя вверх, в звездные бездны, — молодой, сильный, закованный в сталь, воплощение решимости и спокойствия. Потом луч скользнул дальше, и остался лишь могучий темный силуэт, вычерченный в звездном небе, могучий темный силуэт грозил небесной тверди и неисчислимым звездным мирам.

1904

Перевод Н. Галь

Спящий просыпается

В настоящем издании публикуется перевод последней авторской редакции романа, впервые напечатанного под названием «Когда Спящий проснется» ***(«When the Sleeper Wakes») в 1899 г.***

Глава I
Бессонница

Однажды, в послеполуденный час, молодой художник Избистер, поселившийся в Боскасле, отправился пешком к живописному морскому гроту в Пентаргене, намереваясь изучить во время отлива здешние пещеры. Спускаясь по крутой тропинке, ведущей к пентаргенскому пляжу, он наткнулся на человека, который с видом крайнего отчаяния сидел под нависающей каменной глыбой. Руки его вяло свисали с коленей, лицо было мокрым от слез, а покрасневшие глаза уставились в пространство.

Заслышав шаги Избистера, человек оглянулся. Оба смутились, особенно Избистер, и, чтобы преодолеть неловкость, вызванную невольной паузой, он многозначительно заметил, что погода стоит жаркая для этого времени года.

— Даже очень, — коротко ответил незнакомец и, задумавшись на секунду, невыразительным голосом добавил: — Я не могу спать.

Избистер резко остановился возле него.

— Не можете спать? — только и сумел произне-

сти он, но в его тоне явно чувствовалось желание помочь.

— Возможно, это звучит невероятно, — сказал незнакомец, глядя в лицо Избистеру и подчеркивая свои слова слабым движением руки, — но я уже шесть ночей не сомкнул глаз.

— Вы советовались с врачом?

— Да. Его советы по большей части для меня не годятся. Успокоительные средства. Понимаете, моя нервная система… Все они хороши для обычных людей. Это трудно объяснить. Я не отваживаюсь принимать… достаточно сильные снотворные.

— Это усложняет дело, — сказал Избистер.

Он озадаченно стоял на узкой тропинке, не зная, что делать дальше. Этот человек явно хотел поговорить. Мысль, вполне естественная в таких обстоятельствах, подсказала художнику ход дальнейшей беседы.

— Сам я никогда не страдал бессонницей, — сказал он скучным тоном, — но в случаях, которые мне известны, люди обычно находили что-то…

— Я опасаюсь экспериментов, — усталым голосом произнес незнакомец и безнадежно махнул рукой.

— А физические упражнения? — неуверенно

предложил Избистер, переводя взгляд с лица собеседника на его костюм туриста.

— Именно это я и попробовал. И поступил, по-видимому, не слишком умно. Я двигался вдоль берега день за днем — от самого Нью-Куэя. И только добавил мышечную усталость к нервной. Причины этого расстройства — переутомление, тревога… К тому же…

Он замолчал, словно от усталости ему трудно было говорить. Затем, коснувшись лба исхудалой рукой, продолжал, как бы беседуя с самим собой:

— Я один, словно волк, ушедший из стаи. Скитаюсь по свету, который мне чужд. Ни жены нет у меня, ни детей. Кто это сказал о бездетных людях, что они — усохшие ветви на дереве жизни? Да, ни жены, ни детей. Не могу найти себе занятия. Сердце мое свободно от желаний. И в конце концов я решил взяться за определенное дело.

Я сказал себе: «Ты просто должен это сделать». Но чтобы начать, нужно было преодолеть инерцию моего отупевшего тела. Я прибегнул к лекарствам. Боже, сколько я их перепробовал! Не знаю, ощущали ли вы когда-нибудь это тяжкое неудобство от собственного организма, эту раздражающую настойчивость, с которой он отбирает время у вашего сознания, и время это —

жизнь! Жизнь! Мы живем урывками. Мы обязаны есть, но после этого наступает либо тупая сытая удовлетворенность, либо наоборот — возбуждение. Нам необходимо дышать свежим воздухом, иначе мысли становятся ленивыми, глупыми и заводят нас в глухие закоулки и тупики. Тысячи отвлекающих ощущений вторгаются в наше сознание извне и изнутри, а затем приходят сонливость и дремота. Похоже, люди живут для того, чтобы спать. Сколь малая часть дня, прожитого человеком, принадлежит ему самому — даже в самом лучшем случае! А потом появляются эти фальшивые друзья, эти помощники-душители, эти алкалоиды, которые подавляют естественное утомление и убивают сон — черный кофе, кокаин…

— Я понимаю, — сказал Избистер.

— Наконец я закончил свою работу, — жалобно произнес человек, страдающий бессонницей.

— И теперь расплачиваетесь?

— Да.

Некоторое время они молчали.

— Вы представить себе не можете, как страстно я желаю заснуть. Это сродни голоду или жажде. Уже шесть долгих дней и ночей — с момента, как я завершил свой труд, — в мозгу моем бушует

водоворот мыслей, нескончаемый вихрь, одновременно стремительный — и стоящий на месте, бурный — и никуда не ведущий. Он неудержимо толкает меня… — Незнакомец сделал паузу. — Толкает меня в бездну.

— Вы должны уснуть, — решительно сказал Избистер, с таким видом, словно открыл спасительное средство. — Определенно, вам необходимо уснуть.

— Мой ум ясен, как никогда прежде. Однако я чувствую, что меня затягивает водоворот. И теперь…

— Что теперь?

— Видели когда-нибудь, как предметы исчезают в пучине, уходят от света дня, из этого доброго, осмысленного мира — вниз?..

— Однако… — запротестовал Избистер.

Незнакомец вдруг протянул к нему руку, в его глазах появился дикий блеск, голос сорвался на крик.

— Я должен покончить с собой. Пусть даже в этой темной бездне под утесом, в зеленых волнах. Глядите, белая пена вздымается и опадает там, куда стекает тонкая струйка водопада. Там, по крайней мере… сон.

— Но это безрассудство, — возразил Избистер;

его напугал истерический взрыв эмоций, охвативших незнакомца. — Уж лучше лекарства.

— Там, по крайней мере, сон, — повторил незнакомец, не обращая внимания на его слова.

Избистер посмотрел на него.

— Знаете ли, это не наверняка. Похожий обрыв есть возле Лалуортской бухты — такой же высокий, по крайней мере. Так с него упала маленькая девочка, с самого верха. И представьте себе, осталась жива и здорова.

— Ну, а эти скалы внизу?

— На них можно пролежать всю ночь. Ледяная вода будет перекатываться через ваше тело, а изломанные кости скрипеть, когда вы будете дрожать от холода. Каково?

Их глаза встретились.

— Жаль, что приходится вас разочаровывать, — продолжал Избистер тоном холодного безразличия, — но покончить с собой, бросившись с этого — или любого другого — утеса, мне как художнику, — он рассмеялся, — представляется несомненным любительством.

— Но с другой стороны, — раздраженно сказал человек, страдающий бессонницей, — с другой стороны, невозможно сохранить рассудок, если ночь за ночью…

— Вы идете вдоль берега один?

— Да.

— И глупо поступаете, простите меня за грубость. Один! Вы же сами сказали: физическая усталость не лечит от нервного переутомления. Кто вам это посоветовал? Чему тут удивляться, хороша прогулка! Солнце над головой, жара, усталость, одиночество, и так весь день, а потом, полагаю, добравшись до кровати, вы изо всех сил стараетесь заснуть. Так?

Избистер умолк и вопросительно посмотрел на страдальца.

— Взгляните на эти скалы! — вдруг воскликнул незнакомец и взмахнул рукой, не вставая с места. — Взгляните на это море, которое сверкает и трепещет здесь из века в век! Посмотрите на белую пену, падающую во тьму под этим утесом! На голубой купол, с которого льются лучи ослепительного солнца. Это ваш мир! Вы принимаете его, он вас радует. Он согревает, поддерживает вас, вы наслаждаетесь им. Но для меня…

Он поднял голову. Его мертвенно-бледное лицо с воспаленными, выцветшими глазами и бескровным ртом было страшно. Он произнес почти шепотом:

— Это лишь облачение моего несчастья. Весь

мир… великолепная риза моего страдания.

Избистер взглянул на дикую красоту залитых солнцем утесов, затем на полное безысходности лицо незнакомца. С минуту длилось молчание. Потом художник сделал нетерпеливый жест и заговорил.

— Сон вернется к вам, — сказал он. — И вы не будете во всем видеть только страдание. Даю вам слово.

Теперь он был уже уверен, что эта встреча не случайна. Еще час назад он ощущал ужасающую скуку. Теперь появилась задача, одна мысль о которой вызывала у него восхищение самим собой. Она немедленно захватила его полностью. Он понял, что этому изможденному существу прежде всего необходимо участие. Избистер опустился на крутой, травянистый склон рядом с неподвижно сидящей фигурой и попытался развлечь незнакомца болтовней.

Слушатель, однако, впал в апатию; он уныло смотрел на море, отвечая только на прямые вопросы Избистера, да и то не на все. С другой стороны, он не возражал против благожелательного вмешательства в его отчаянное положение.

Казалось, он был даже благодарен за это, и, когда Избистер, чувствуя, что его красноречие, не

встречая отклика, начинает иссякать, предложил снова подняться по крутизне и пройти в сторону Боскасла, чтобы полюбоваться на Блэкапит, он спокойно подчинился. Пройдя половину пути наверх, он начал говорить сам с собой и вдруг повернул бледное лицо к Избистеру.

— К чему это приведет? Все кружится, кружится, кружится. Все непрестанно вертится, вертится — и этому вращению нет конца.

Он остановился, описывая круги рукой.

— Все будет в порядке, старина, — приятельским тоном успокоил его Избистер. — Не волнуйтесь. Доверьтесь мне.

Незнакомец безвольно опустил руку. Они перевалили через край обрыва и вышли на мыс за Пеналли, а человек, лишившийся сна, все жестикулировал и бормотал обрывки фраз, возникающих в его взвихренном мозгу. С мыса открывался вид на мрачный и таинственный пейзаж Блэкапита. Они остановились, и незнакомец присел на минуту передохнуть. Когда тропинка расширилась настолько, что позволила им идти рядом, Избистер продолжил разговор. Он начал было распространяться о трудностях проводки судов в Боскаслскую гавань при плохой погоде, но спутник неожиданно и, пожалуй, не к

месту перебил его.

— Голова у меня не та, что раньше, — сказал он, — совсем не та. Я ощущаю какую-то тяжесть, угнетенность. Но — не сонливость, а Бог его знает что! Это словно тень, глубокая тень, быстро и внезапно окутывающая нечто деятельное, активное. Все кружится, кружится и погружается во тьму. Замешательство в мыслях, смятение, водоворот за водоворотом. Не могу этого выразить. Не могу сосредоточиться на этом ощущении, чтобы объяснить вам.

Он умолк.

— Не беспокойтесь, старина, — сказал Избистер. — Кажется, я понял. Во всяком случае, сейчас не время вдаваться в объяснения.

Незнакомец принялся тереть глаза кулаками. Избистер продолжал свою болтовню, и вдруг ему в голову пришла новая идея.

— Пойдемте ко мне, — предложил он, — посидим, покурим. Могу показать вам свои этюды Блэкапита, если вы не против.

Его спутник послушно поднялся и последовал за художником по склону. Он двигался медленно, неуверенно и несколько раз споткнулся во время спуска.

— Заходите, — сказал наконец Избистер. — Вы-

курите сигарету. Глоток спиртного вам тоже, думаю, не повредит. Вы вообще употребляете алкоголь?

Незнакомец задержался у садовой калитки. Казалось, он не отдает себе отчета в своих действиях.

— Я не пью, — медленно произнес он, вступая на дорожку, и, спустя минуту, с отсутствующим видом повторил: — Нет… я не пью. Все идет кругом. Все кружится, вращается… — Споткнувшись на крыльце, он вошел в дом походкой незрячего человека.

В комнате незнакомец тяжело опустился в кресло. Согнулся, обхватил лоб руками и застыл в неподвижности. Из его груди вырвался слабый стон.

Избистер, не привыкший принимать гостей, беспокойно расхаживал взад-вперед, произнося короткие фразы, которые вряд ли требовали ответа. Прошел в другой конец комнаты за папкой этюдов, положил ее на стол и взглянул на каминные часы.

— Не согласитесь ли поужинать со мной, — сказал он, держа в руке незажженную сигарету и думая, как бы незаметно заставить гостя принять хлоралгидрат. — У меня есть только холодная

баранина, но замечательно приготовленная. По-уэльски. И кажется, еще пирог.

Он помолчал и повторил свое предложение. Незнакомец не отвечал. Избистер остановился с зажженной спичкой в руке и посмотрел на него.

Молчание затягивалось. Спичка догорела, сигарета осталась нераскуренной, и Избистер положил ее на стол. Человек в кресле оставался совершенно неподвижным. Избистер взял папку, открыл ее, неуверенно положил назад.

— А может быть… — произнес он шепотом. Посмотрел на дверь, потом снова на фигуру в кресле. Затем крадучись, на цыпочках вышел из комнаты, оглядываясь на гостя при каждом шаге.

Дверь комнаты он затворил бесшумно. Входная дверь была распахнута в сад, он сошел с крыльца и остановился возле аконита, росшего в углу цветочной грядки. С этого места он мог видеть через открытое окно недвижную и смутную фигуру незнакомца, сидевшего, опустив голову на руки. Он так и не изменил позы.

Несколько детей, проходивших по улице, остановились и с любопытством уставились на художника. Какой-то лодочник поздоровался с ним. Избистер почувствовал, что его насторо-

женный вид привлекает внимание прохожих, и решил закурить, чтобы выглядеть естественнее. Он вытащил из кармана кисет, трубку и не спеша стал ее набивать.

— Странно, — сказал он, чувствуя, как его покидает прежнее чувство самодовольства. — Что ж, во всяком случае, надо дать ему такую возможность.

И, решительно чиркнув спичкой, принялся раскуривать трубку.

Позади послышались шаги квартирной хозяйки — она вышла из кухни с зажженной лампой. Избистер повернулся, замахал трубкой и успел задержать хозяйку на пороге гостиной. Шепотом он кое-как попытался объяснить ей, в чем дело, — ведь она ничего не знала о его госте. Хозяйка удалилась вместе с лампой, судя по всему, не вполне удовлетворенная объяснениями, а он остался возле крыльца, чувствуя себя очень неловко.

Прошло порядочно времени после того, как он докурил трубку, и летучие мыши уже вылетели на ночную охоту, когда любопытство возобладало наконец над нерешительностью и он пробрался обратно в темную гостиную. Остановился возле дверей. Незнакомец сидел все в той же позе

— темная фигура на фоне окна. Вечер был тихий — только из гавани, с одного из суденышек, перевозивших сланец, доносилось пение. В саду побеги аконита и дельфиниума стояли прямо и неподвижно, за ними вздымался темный склон холма. Неожиданно в мозгу Избистера мелькнула догадка. Он вздрогнул и, наклонившись через стол, прислушался. Зловещее подозрение усилилось и превратилось в уверенность. Изумление сменилось ужасом.

Ни малейшего звука не исходило от сидящей фигуры, ни намека на дыхание!

Избистер медленно и бесшумно обошел стол, дважды останавливаясь, чтобы прислушаться. Наконец рука его дотронулась до спинки кресла. Он нагнулся, почти коснувшись ухом головы сидящего.

Затем чуть присел и, заглянув в лицо своего гостя, отшатнулся. Избистер вскрикнул: вместо глаз он увидел пустые белые пятна.

Вглядевшись внимательнее, художник понял, что глаза незнакомца открыты, но зрачки закатились под веки. Избистер испугался. Он схватил гостя за плечо и стал трясти.

— Вы спите? — спросил он дрожащим голосом и повторил: — Вы спите?

Теперь он был почти уверен, что этот человек умер. Он вдруг засуетился, заметался по комнате и, наткнувшись на стол, позвонил.

— Пожалуйста, принесите побыстрее лампу, — крикнул он в коридор. — С моим другом плохо.

Он вернулся к неподвижной фигуре незнакомца, снова потряс его за плечи, окликнул. Вошла хозяйка с лампой, и комната наполнилась желтым сиянием. Избистер, моргая, повернул к хозяйке побледневшее лицо.

— Нужен врач, — сказал он. — Он либо мертв, либо в обмороке. Есть в этой деревне врач? Где тут можно найти врача?

Глава II
Летаргия

Состояние каталептического оцепенения, в которое впал незнакомец, длилось необычайно долго, а затем наступило расслабление, и тело стало мягким, как при глубоком сне. Тогда и удалось закрыть его глаза.

Из гостиницы его доставили в боскаслскую больницу, а оттуда через несколько недель перевезли в Лондон. Однако все попытки разбудить его были напрасны. А через некоторое время по причинам, которые будут разъяснены позднее, они были вовсе прекращены. Очень долго он пролежал в этом странном состоянии, бесчувственный и недвижимый — не живой и не мертвый, словно подвешенный между бытием и небытием. Он находился во тьме, куда не проникал ни малейший луч мысли или чувства. Это была лишенная сновидений пустота, ничем не нарушаемый бескрайний покой. Смятение его разума все нарастало и усиливалось, пока в момент кульминации вдруг не оборвалось абсолютным молчанием, полнейшей тишиной. Где

был теперь этот человек? Где оказываются люди, когда все чувства оставляют их?

— Кажется, что это случилось только вчера, — сказал Избистер. — Я помню все так ясно, словно это произошло вчера, даже еще более четко.

Это был тот же Избистер, что и в предыдущей главе, но уже немолодой. Волосы его, прежде каштановые и несколько более длинные, чем требовала мода, стали серо-стальными и были коротко острижены, а лицо, некогда свежее и румяное, пожелтело и осунулось. В остроконечной бородке тоже пробивалась седина. Избистер беседовал с пожилым человеком, одетым в летний тиковый костюм, — лето в этот год выдалось исключительно жаркое. Это был Уорминг, лондонский поверенный и близкий родственник Грэма — человека, впавшего в летаргию. Собеседники стояли рядом в комнате лондонского дома и смотрели на неподвижное тело.

Перед ними на резиновом матраце, наполненном водой, лежала странная фигура в длинной свободной рубашке — человек с изможденным желтым лицом, щетинистой бородой и отросшими ногтями на худых руках. Человек был помещен в прозрачный футляр из тонкого стекла. Стекло, казалось, выделяло спящего из окружа-

ющей его реальной жизни, он — этот странный и противоестественный феномен — был как бы обособлен от всего. Собеседники сквозь футляр разглядывали лежащего.

— Я был потрясен, — сказал Избистер. — До сих пор становится не по себе, как вспомню его пустые глаза. Совершенно белые, закатившиеся. Приехал сюда и как бы заново все переживаю.

— И вы не видели его с тех пор? — спросил Уорминг.

— Часто хотелось приехать, — признался Избистер, — но в последнее время я так занят, не могу выкроить и дня. К тому же по большей части я живу в Америке.

— Если не ошибаюсь, — заметил Уорминг, — вы были тогда художником?

— Да. Но потом женился и понял, что рисование не дает средств к существованию — особенно такому посредственному художнику. Я занялся фотографией. Эти рекламы на дуврских скалах выполнены под моим руководством.

— Отличные рекламы, — согласился поверенный, — хотя, должен признаться, я не очень обрадовался, увидев их именно на этом месте.

— Зато, если нужно, они могут прослужить столь же долго, сколько будут стоять эти скалы, —

с довольным видом объявил Избистер. — Мир меняется. Когда он заснул двадцать лет назад, я прозябал в Боскасле со своим этюдником для акварелей и старомодным благородным честолюбием. Я не мог и вообразить, что мои краски прославят все благословенное побережье Англии от Лендс-Энда до мыса Лизард. Удача часто приходит к человеку, когда он ее вовсе не ищет.

По лицу Уорминга было видно, что он все же сомневается, настоящая ли это удача.

— Именно тогда мы с вами разминулись, если я правильно припоминаю?

— Вы вернулись в том же самом экипаже, который доставил меня на Камелфордский вокзал. Это было во время юбилея — юбилея королевы Виктории[15]. Я помню трибуны и флаги в Вестминстере и ссору с извозчиком в Челси.

— Это был второй, бриллиантовый юбилей, — сказал Уорминг.

— Ах да! Во время настоящего юбилея, пятидесятилетия, я был еще мальчишкой и жил в Вуки. И все пропустил… Сколько же хлопот доставил нам этот спящий! Моя квартирная хозяйка не хотела держать его у себя, не позволяла его оставить

[15] Notes: 15

Виктория (1819–1901) — королева Великобритании с 1837 г. *(Здесь и далее — примеч. ред.)*

— он выглядел таким странным, застывшим. Нам пришлось в кресле перенести его в гостиницу. Врач из Боскасла — не нынешний, а прежний — был при нем почти до двух ночи, а мы с хозяином гостиницы помогали ему, держали свет и все такое прочее.

— Он был твердый и окоченевший?

— Окоченевший, это точно. Как его не сгибали, он возвращался в прежнее положение. Можно было поставить его на голову — и он так бы и стоял. Никогда не видел такой окоченелости. Теперь, конечно, — он кивком показал на распростертое тело, — все по-другому. А этот маленький доктор — как его звали?

— Смизерс?

— Да, Смизерс. Он был, пожалуй, не прав, пытаясь привести его в сознание как можно скорее. Чего он только не делал! Меня до сих пор дрожь берет, как вспомню: горчичники, нюхательная соль, иглы. И еще эти дьявольские машинки — не динамо, а…

— Катушки индуктивности.

— Да. Вы бы только видели, как дергались и сокращались его мышцы, как извивалось в судорогах тело. Представьте только: две свечи, горящие ярким желтоватым светом, шевелящи-

еся тени, этот маленький суетливый доктор — и, наконец, он сам, окостеневший и в то же время корчащийся самым невероятным образом. До сих пор вижу это в кошмарах.

Наступила тишина.

— Какое странное состояние, — произнес наконец Уорминг.

— Полное отсутствие личности, — сказал Избистер, — перед нами только пустая телесная оболочка. Еще не совсем мертвая, но и не живая. Это словно свободное место с табличкой «занято». Никаких ощущений, пищеварение отсутствует, не слышно биения сердца, ни один мускул не дрогнет. Я не ощущаю здесь присутствия человека. В некотором смысле он даже более мертв, чем настоящий мертвец: врачи сказали мне, что даже волосы у него перестали расти. А после смерти волосы у покойника некоторое время еще растут.

— Я знаю, — помрачнев, ответил Уорминг.

Они снова посмотрели сквозь стекло. Грэм действительно находился в странном состоянии, в расслабленной стадии транса, беспрецедентной в истории медицины. Бывали случаи, когда состояние транса длилось около года, но в конце концов оно завершалось либо пробуждением, либо смертью — иногда сначала происходило

первое, а затем второе. Избистер обратил внимание Уорминга на следы уколов, с помощью которых врачи проводили внутривенное питание, но тот явно старался не замечать их.

— И пока он тут лежал, — продолжал Избистер, в голосе которого чувствовалось довольство жизнью, — я успел переменить свои жизненные планы; женился, обзавелся семьей. Мой старший сын — тогда я еще и не думал, что у меня будут сыновья, — американский гражданин и скоро закончит Гарвард. Я поседел. А этот человек не стал ни старше, ни умнее, чем был в мои молодые годы. Странно…

Уорминг повернулся к нему:

— Я тоже постарел. Я играл с ним в крикет, когда был совсем юнцом. А он все еще выглядит довольно молодым человеком. Правда, пожелтел. Однако, что ни говори, это молодой человек.

— За эти годы прошла война, — сказал Избистер.

— С первого дня до последнего.

— Ведь у него, если я не ошибаюсь, — сказал, помолчав, Избистер, — было небольшое состояние?

— Да, вы правы, — сказал Уорминг и закашлялся. — Но когда это произошло, я взял его под опеку.

— Ах так! — Избистер, поколебавшись, предположил: — Вряд ли его содержание здесь обходится слишком дорого. Так что состояние, наверное, приумножилось?

— Верно. Он проснется — если вообще проснется — куда богаче, чем был.

— Мне как деловому человеку приходила в голову мысль, что в финансовом смысле этот сон оказался для него весьма выгодным. И он знал, если так можно выразиться, что делал, погружаясь в летаргию на столь долгий срок. Если бы он жил все это время…

— Я сомневаюсь, что он устроил это намеренно, — сказал Уорминг. — Он не был дальновидным человеком. На самом деле…

— Что?

— Наши взгляды сильно расходились. Я был при нем кем-то вроде опекуна. Вы, вероятно, достаточно хорошо разбираетесь в делах и знаете, что в определенных случаях возникают некоторые трения… Впрочем, не думаю, что он когда-нибудь вообще проснется. Сон отнимает у человека силы медленно, но рано или поздно они все-таки исчерпаются. Это выглядит так, словно он очень медленно, но неуклонно сползает вниз по пологому склону. Вы понимаете меня?

— Очень жаль, если нам не удастся увидеть, как он изумится, когда проснется. За эти двадцать лет многое изменилось. Это было бы настоящим возвращением Рип Ван Винкля.

— Да, действительно, перемены большие, — сказал Уорминг. — Между прочим, и со мной. Я стал стариком.

Избистер замялся, а затем изобразил запоздалое удивление:

— Никак бы этого не подумал.

— Мне было сорок три года, когда его банкиры — вы ведь посылали им телеграмму — обратились ко мне…

— Я нашел их адрес в чековой книжке, которая была у него в кармане, — сказал Избистер.

— Так вот, сложение не такое уж трудное арифметическое действие, — заметил Уорминг.

Они еще немного помолчали, а затем Избистер дал волю своему любопытству.

— Он может пролежать так еще многие годы, — сказал он, поколебался и продолжил: — Мы должны учитывать и такую возможность. Управление его имуществом в один прекрасный день может перейти в другие руки.

— Можете поверить мне, господин Избистер, это одна из тех проблем, над которыми я размыш-

ляю постоянно. Получилось так, что между нами не было достаточно надежных и доверительных отношений. Сложилась странная и беспрецедентная ситуация.

— Пожалуй, — согласился Избистер.

— Мне кажется, это должно послужить поводом для создания некоего общественного органа, который будет практически бессмертным опекуном, если он, как считают врачи — по крайней мере, некоторые, — в самом деле может когда-нибудь проснуться… Во всяком случае, я уже обратился с таким предложением к некоторым общественным деятелям. Но дело пока не сдвинулось с места.

— Право, неплохая мысль — передать его под опеку общественному органу, скажем, Совету попечителей Британского музея или Королевскому медицинскому колледжу. Это звучит несколько странно, но ведь и ситуация тоже не заурядная.

— Трудно будет уговорить их взять его под опеку.

— Много бюрократической волокиты?

— Отчасти.

Наступила пауза.

— Любопытная ситуация, — заметил Избистер. — А сложные проценты на капитал все

растут.

— Разумеется, — подтвердил Уорминг. — И теперь, когда сокращается золотой запас, намечается тенденция к росту цен.

— Да, я уже ощутил это, — поморщившись, сказал Избистер. — Но для него такая тенденция благоприятна.

— Если только он проснется.

— Да, если только он проснется, — повторил Избистер. — А вы заметили, как у него заострился нос и ввалились глаза?

Уорминг внимательно посмотрел на спящего и задумался.

— Сомневаюсь, что он когда-нибудь проснется, — сказал он наконец.

— Я так толком и не понял, — признался Избистер, — что явилось причиной этой летаргии. Он, правда, говорил мне о переутомлении. Я часто задумывался, чем он был так занят?

— Он был человеком одаренным, но эмоциональным и порывистым. Его преследовали семейные неприятности. С женой он развелся и, чтобы отвлечься, ударился в политику, причем со всей страстью. Он сделался фанатиком-радикалом — не то социалистом, не то типичным либералом передового направления, как они себя

называли. Энергичный, взбалмошный и необузданный, он просто надорвался в полемических баталиях. Помню его памфлет — любопытное произведение. Дикое, причудливое! Там, кстати, было высказано несколько пророчеств. Некоторые из них лопнули, но о других сейчас можно говорить как о свершившемся факте. Прежде всего, читая его записки, начинаешь понимать, что наш мир полон неожиданностей. Ему придется многому учиться и от многого отвыкать, когда он проснется. Если пробуждение вообще когда-нибудь наступит.

— Чего бы я только не отдал, — проговорил Избистер, — чтобы услышать его слова.

— И я, — подхватил Уорминг. — Ах, как мне этого хотелось бы! Но, увы, — добавил он с неожиданной стариковской жалостью к себе, — мне не доведется увидеть его пробуждения.

Он помолчал, задумчиво глядя на восковую фигуру, лежащую перед ним.

— Нет, он не проснется, — сказал он наконец и вздохнул. — Он никогда не проснется.

Глава III
Пробуждение

Но Уорминг ошибся. Пробуждение все-таки наступило.

Что за удивительная и сложная штука — ощущение собственной личности как некоего единства! Кто способен проследить ежеутреннее ее возрождение — от слияния бесчисленных потоков переплетающихся воздействий, от смутных движений просыпающейся души, от того момента, когда бессознательное начинает расти и переходит в подсознательное, а подсознательное преображается в первые проблески сознания — пока мы наконец снова распознаем черты собственной личности? Все, что происходит с большинством из нас утром во время пробуждения, переживал и Грэм, когда закончился его длительный сон. Смутный туман возрождающихся ощущений, мрачно клубясь, обретал форму, и Грэм, пока еще не ясно, начал понимать, что лежит где-то, беспомощный, слабый — но живой.

Это паломничество к собственной личности ему пришлось совершить, преодолевая бездон-

ные пропасти, заполняя пропущенные эпохи. Чудовищные сны, некогда бывшие грозной реальностью, оставили после себя невнятные воспоминания, где в странных сценах участвовали загадочные персонажи, и все происходило словно на другой планете. Было здесь и четкое впечатление от важного разговора, от имени — он не мог вспомнить чьего, — которое должно было впоследствии снова возникнуть. Вернулось странное, давно позабытое ощущение собственных вен и мускулов, память о яростных безнадежных усилиях, тщетных усилиях человека, сползающего во тьму. Затем возник ряд зыбких, переливающихся одна в другую картин…

В конце концов Грэм обнаружил, что глаза его открыты и он смотрит на какой-то незнакомый предмет.

Это было что-то белое, какая-то деревянная рама. Он медленно повернул голову, следуя глазами за контуром предмета. Рама уходила куда-то вверх и исчезала из его поля зрения. Он попытался сообразить, где находится. Впрочем, имело ли это значение, если ему так плохо? Мрачное, подавленное настроение опять охватило его. Безотчетная тоска, которая бывает у людей, проснувшихся незадолго до рассвета. Ему

почудился неясный шепот и звук быстро удаляющихся шагов.

Первое же движение головой показало ему, как он ослаб. Он подумал, что лежит в гостинице, в постели, но никак не мог припомнить, где видел эту белую раму. Он, наверное, заснул. Он вспомнил, как ему хотелось спать, вспомнил утес, и маленький водопад, и какой-то разговор со случайным прохожим…

Как долго он проспал? Что это был за стук шагов, и откуда доносился нарастающий и опадающий звук, похожий на шум разбивающихся волн и шорох гальки? Грэм вяло протянул руку, чтобы взять часы со стула, на который он привык их класть, но пальцы натолкнулись на гладкую твердую поверхность, по ощущению похожую на стекло. Это вышло так внезапно, что он сильно перепугался. Резко повернувшись, Грэм огляделся и с трудом сел. Усилие далось нелегко, вызвало приступ слабости и головокружения.

Он в изумлении протер глаза. Загадочность положения смущала его, но голова была совершенно ясной: видимо, сон пошел на пользу. Он был вовсе не в постели — в привычном значении этого слова. Совершенно голым он лежал на очень мягком и податливом матраце, постеленном в

лотке из темного стекла. Матрац был полупрозрачный — Грэм отметил это с опаской, — а внизу располагалось зеркало, смутно отражавшее его фигуру. К его руке — он с содроганием увидел, что кожа странно высохла и пожелтела, — был прикреплен непонятный прибор, сделанный из резины, прикреплен так искусно, что, казалось, его верхний и нижний края проникают в кожу. Это странное ложе помещалось в футляре, или ящике, из, как ему показалось, зеленоватого стекла, белая рама которого первой задержала на себе его внимание. В углу футляра была укреплена доска с блестящими замысловатыми приборами неизвестного назначения, хотя он узнал максимальный и минимальный термометр.

Зеленоватая дымка мешала видеть предметы за пределами футляра, но Грэм все-таки разглядел, что его ложе стоит посреди роскошного просторного помещения, а прямо перед ним вздымается большая белая арка. За самой стеклянной стенкой размещались несколько предметов меблировки: стол, накрытый серебристой скатертью, блестящей, как рыбья чешуя, и два изящных кресла. На столе стояли несколько блюд с какими-то кушаньями, два стакана и бутылка. Грэм вдруг ощутил, как сильно он проголодался.

Никто не появлялся в зале, и после некоторого колебания он слез с прозрачного матраца и попытался спуститься на чистый белый пол стеклянной клетки, однако не рассчитал сил, покачнулся и, стараясь удержаться на ногах, оперся рукой на стеклоподобную поверхность перед собой. Некоторое время она сопротивлялась нажиму, прогибаясь наружу, словно упругая пленка, а потом лопнула со слабым хлопком и пропала — как мыльный пузырь. Грэм, в высшей степени изумленный, шагнул в зал. Схватился за стол, чтобы сохранить равновесие, и столкнул на пол один из стаканов. Тот зазвенел, но не разбился, а Грэм опустился в кресло. Чуть-чуть придя в себя, налил в оставшийся на столе стакан немного бесцветной жидкости из бутылки — это была не вода, у нее был тонкий вкус и приятный аромат, и она мгновенно придала ему сил и приободрила. Поставив пустой стакан на стол, Грэм осмотрелся.

Помещение показалось ему и теперь не менее великолепным и обширным, чем прежде, сквозь прозрачную зеленоватую преграду. За аркой, которую он отметил раньше, начинался лестничный марш, спускавшийся к широкой галерее. По обе стороны галереи стояли полированные

колонны из какого-то материала глубокого ультрамаринового цвета с белыми прожилками. Оттуда доносились голоса множества людей и глубокий нестихающий гул. Грэм сидел, теперь уже окончательно проснувшись, и настороженно прислушивался, позабыв о еде.

Вдруг он вспомнил, что сидит голый, поискал глазами, чем бы накрыться, и рядом с собой, на одном из кресел, увидел небрежно брошенный длинный черный плащ. Завернулся в него и, весь дрожа, снова сел.

Растерянность не оставляла его. Ясно было, что он спал и во время сна его куда-то перенесли. Но куда? И кто мог это сделать, что за толпа скрывалась за темно-синими колоннами? Это Боскасл? Он налил себе еще немного бесцветной жидкости и отхлебнул из стакана.

Что это за помещение, которое, как ему казалось, подрагивает, словно живое? Он обвел взглядом чистые, благородные формы зала, не запятнанные украшениями, и обнаружил на потолке круглое отверстие, заполненное светом; какая-то тень то затмевала его, то открывала снова. «В-вум, в-вум», — эта скользящая тень вносила свою ноту в приглушенный шум, наполнявший воздух.

Он хотел позвать кого-нибудь, но из горла вырвался только слабый хрип. Тогда он поднялся и неуверенной, словно пьяной, походкой двинулся в сторону арки. Шатаясь, спустился по лестнице, наступил на край своего черного плаща и едва удержался на ногах, схватившись за синюю колонну.

Пятно пурпурно-голубого холодного света маячило в конце колоннады; там она заканчивалась чем-то вроде балкона, ярко освещенного и нависающего над туманным пространством, похожим на интерьер колоссального здания. Вдали смутно различались очертания огромных архитектурных форм. Звуки голосов сделались громче и отчетливей, а на балконе спиной к Грэму стояли, жестикулируя и оживленно беседуя, три человека, одетые в богатые свободного покроя одежды чистых и нежных расцветок. Снизу доносился шум огромного людского сборища. Вот, кажется, мелькнул наконечник знамени, а потом какой-то ярко окрашенный предмет — то ли шапка, то ли куртка — взлетел вверх и снова исчез. Люди кричали, похоже, по-английски — все время повторялось слово «проснется». Он услышал неразборчивый пронзительный выкрик в толпе, и тут же трое на балконе рассмеялись.

— Ха-ха-ха! — заливался один из них, рыжий, в короткой одежде пурпурного цвета. — Когда Спящий проснется — вот именно, когда!

Он перевел взгляд, в котором еще светилось веселье, в сторону галереи. Вдруг лицо его изменилось, и весь он переменился, как будто застыл. Двое других резко повернулись на его возглас и тоже замерли. На их лицах появилось выражение растерянности, постепенно переходящей в благоговейный страх.

Ноги у Грэма подкосились, рука, опиравшаяся на колонну, ослабла, он шагнул вперед и упал ничком.

Глава IV
Шум мятежа

Последнее, что услышал Грэм, прежде чем потерять сознание, был звон колоколов. Как позже выяснилось, он пролежал без чувств, между жизнью и смертью, почти час. Придя в себя, он обнаружил, что снова лежит на своем прозрачном матраце, ощущая тепло в сердце и горле. Загадочный темный приборчик был удален с его руки и заменен повязкой. Белая рама все еще нависала над ним, но обтягивающее ее зеленоватое прозрачное вещество исчезло. Человек в фиолетовом — один из тех, что стояли на балконе, — пытливо вглядывался в его лицо.

Издалека слабо, но настойчиво доносился колокольный звон и неясный шум, вызвавший в его воображении картину огромного множества людей, кричащих одновременно. Шум неожиданно затих, натолкнувшись на какую-то преграду, словно вдруг захлопнулась дверь.

Грэм поднял голову.

— Что все это означает? — медленно произнес он. — Где я?

Тут он заметил в комнате рыжеволосого человека, который первым увидел его. Кто-то попытался переспросить, что сказал Спящий, но его тут же утихомирили.

Человек в фиолетовом ответил мягким голосом, произнося английские слова, как показалось Грэму, с чуть заметным иностранным акцентом:

— Вы в полной безопасности. Вас перенесли оттуда, где вы заснули. Здесь совершенно безопасное место. Вы находились тут какое-то время в состоянии сна. Летаргического сна.

Было сказано еще что-то, но Грэм не разобрал слов, потому что к его лицу поднесли какой-то флакон. Он ощутил на лбу прохладную струю ароматного тумана и почувствовал себя бодрее. Потом удовлетворенно прикрыл глаза.

— Вам лучше? — спросил человек в фиолетовом, и Грэм взглянул на него. Это был приятной внешности мужчина лет тридцати, с остроконечной льняной бородкой; золотая застежка украшала ворот его одежды.

— Да, — ответил Грэм.

— Вы некоторе время провели в летаргии, в каталептическом трансе. Вам знакомо это понятие? Летаргия? Это может показаться вам странным, но уверяю вас, теперь все в порядке.

Грэм промолчал, но ободряющие слова сделали свое дело. Его взгляд перебегал с одного лица на другое. Все трое смотрели на него как-то странно. Он полагал, что находится где-то в Корнуолле, но все, что он видел, никак не вязалось с этим предположением.

Грэм вспомнил о деле, которое занимало его мысли в последние минуты бодрствования в Боскасле, о чем-то важном, но забытом. Он прокашлялся.

— Скажите, вы отправили телеграмму моему кузену? — спросил он. — Э. Уормингу, двадцать семь, Чансерилейн?

Они внимательно выслушали его, однако вопрос пришлось повторить.

— Какой неразборчивый выговор, — прошептал рыжеволосый.

— Телеграмму, сир? — озадаченно переспросил молодой человек с льняной бородкой.

— Он имеет в виду передачу сообщений на расстояние по электрическим проводам, — догадался третий, миловидный юноша лет девятнадцати-двадцати.

Русобородый с досадой воскликнул:

— Как же это я не сообразил! Можете не волноваться, все будет сделано, сир, — обратился он

к Грэму. — Но боюсь, нам будет трудно послать э-э-э... телеграмму вашему кузену. Его сейчас нет в Лондоне. Впрочем, не утруждайте себя подобными мелочами: ведь вы проспали достаточно долго, и теперь самое важное — преодолеть последствия этого, сир. (Грэм сообразил, что это было слово «сэр», хотя звучало оно как «сир».)

— О! — только и смог сказать он, однако почувствовал себя немного спокойнее.

Все это было весьма загадочно, но, по-видимому, люди в одеждах незнакомого покроя знали, о чем говорят. Однако же, они какие-то странные, как и этот зал. Похоже, здесь какое-то совершенно новое учреждение. Грэма внезапно обуяло подозрение. Это не может быть залом выставочного павильона! В противном случае Уормингу не поздоровится. Нет, на это не похоже. Не стали бы его показывать в выставочном зале голым.

Внезапно он понял, что произошло. Осознание пришло сразу — это была вспышка, а не постепенное озарение. Летаргический сон длился долго, очень долго; он словно прочитал мысли и истолковал смущение и страх, написанные на лицах собеседников. С глубоким волнением взглянул на них. Казалось, и они старались проникнуть в его мысли. Грэм сложил губы, чтобы заговорить,

но не смог издать ни звука. Странное желание скрыть свою догадку возникло в его мозгу почти одновременно с открытием. Он опустил глаза и стал рассматривать свои босые ноги. Желание говорить прошло. Его охватила сильная дрожь.

Грэму дали какой-то розовой с зеленоватым отблеском жидкости. Он почувствовал вкус мясного бульона. Тотчас силы вернулись к нему.

— Да, теперь мне намного лучше, — хрипло сказал он, чем вызвал ропот почтительного одобрения.

Голова стала совершенно ясной. Он снова попытался заговорить, опять не смог. Прижал руку к горлу и сделал еще одну попытку:

— Сколько?.. — спросил он как можно спокойнее. — Сколько времени я проспал?

— Довольно долго, — ответил русобородый, бросив быстрый взгляд на остальных.

— Как долго?

— Очень долго.

— Так! — внезапно разозлившись, сказал Грэм. — Я хочу знать… То есть… несколько лет? Много лет? Тут что-то произошло… Я забыл что. Я… запутался. Но вы… — Он всхлипнул. — Не надо увиливать. Сколько?..

Грэм замолчал, прерывисто дыша. Прижал

кулаки к глазам и сел в ожидании ответа.

Его собеседники стали перешептываться.

— Пять, шесть лет? — спросил он слабым голосом. — Больше?

— Намного больше.

— Больше?!

— Да, больше.

Он смотрел на них; казалось, какие-то бесы заставляют дергаться мышцы его лица. Он ждал ответа.

— Много лет, — сказал рыжебородый.

Грэм выпрямился и худой рукой смахнул навернувшуюся слезу.

— Много лет! — повторил он. Крепко зажмурился, снова открыл глаза и стал озираться, переводя взгляд с одного незнакомого предмета на другой. Наконец спросил:

— Так сколько же все-таки?

— Это может вас крайне удивить.

— Пусть.

— Более гросса лет.

Незнакомое слово вызвало его раздражение.

— Как вы сказали?

Двое из присутствующих быстро обменялись короткими фразами; Грэм смог разобрать только слово «десятичный».

— Так сколько вы сказали? — настаивал он. — Сколько? И не надо на меня так смотреть. Говорите.

Среди фраз, произнесенных вполголоса, ухо Грэма уловило одну: «Получается больше двух столетий».

— Что?! — воскликнул он, повернувшись к юноше, который, как ему показалось, произнес эти слова. — Кто это сказал? Как это… два столетия?

— Да, — подтвердил рыжебородый, — двести лет. Две сотни лет.

Грэм про себя повторил его слова. Он готов был услышать, что проспал очень долго, но эти не оставляющие места для догадок слова — два столетия — сразили его.

— Два века, — произнес он вслух, и в его воображении медленно возникла картина гигантской бездны. — О, нет…

Они промолчали.

— Вы… вы сказали…

— Двести лет. Два века, — повторил человек с рыжей бородой.

Опять молчание. Грэм посмотрел в их лица и понял, что ему сказали правду.

— Но этого не может быть, — жалобно сказал он. — Это мне снится. Летаргия… Она не может

столько длиться. Это неправда… Вы шутите! Скажите… ведь всего несколько дней назад я шел вдоль берега Корнуолла…

Голос его оборвался.

Человек с льняной бородкой пробормотал:

— Я не очень силен в истории, сир, — и оглянулся на остальных.

— Но это так, сир, — сказал младший из них. — Боскасл находится в прежнем герцогстве Корнуэльском… в юго-западной части страны. Там, за выгонами для молочного скота, до сих пор стоит дом. Я в нем побывал.

— Боскасл! — Грэм посмотрел на юношу. — Да, именно Боскасл. Маленькое местечко. Я заснул… где-то там. Точно не помню… точно не помню. — Он нахмурился и прошептал: — Больше двухсот лет. — И вдруг быстро заговорил; лицо его дергалось, сердце похолодело. — Но ведь если прошло двести лет, то все, кого я знал, все, кого я когда-либо видел, с кем разговаривал, давно умерли?

Никто не ответил.

— И королева, и вся королевская семья, и министры, и духовенство и государственные деятели… Аристократы и плебеи, богатые и бедные, все, все, один за другим… Существует ли еще Англия?.. Это меня утешает — ведь мы в Лондоне? Это Лон-

дон?.. А вы — мой хранитель-опекун. И они? Тоже хранители? — Привстав, он окинул их мрачным взглядом. — Но почему я здесь? Нет! Не говорите. Помолчите. Дайте мне…

Грэм умолк, протирая глаза, а когда открыл их, увидел, что ему подают еще один стакан с розоватой жидкостью. Он сделал глоток и заплакал. Эта естественная реакция принесла облегчение.

И он снова взглянул им в глаза, несколько глуповато улыбаясь сквозь слезы.

— Подумать только… две… сот… ни… лет! — проговорил он с истерической гримасой и опять закрыл лицо руками.

Через некоторое время Грэм успокоился и сел — почти в той же позе, в которой нашел его Избистер на утесе возле Пентаргена. Но сейчас же услышал приближающиеся шаги; низкий властный голос произнес:

— Что вы здесь делаете? Почему меня не предупредили? Наверняка что-то ему рассказали? Виновный понесет наказание. Этому человеку необходим полный покой. Двери заперты? Все входы? Ему нужен абсолютный покой. С ним нельзя разговаривать. Что-нибудь ему уже сказали?

Человек со светлой бородкой что-то тихо

ответил. Грэм увидел, что он говорит с новоприбывшим, невысоким бритым толстяком с бычьей шеей, орлиным носом и тяжелым подбородком. Очень густые, черные, чуть скошенные брови, почти сросшиеся и нависающие над серыми глазами, придавали лицу грозное выражение. Он нахмурился, взглянув на Грэма, но опять повернулся к русобородому.

— Остальным, — сказал он с явным раздражением, — лучше удалиться.

— Нам уйти? — спросил рыжий.

— Разумеется, и немедленно. И проверьте, чтобы все двери были заперты.

Двое, к которым он обратился, послушно повернулись, покосившись на Грэма, и вместо того, чтобы пойти к арке, направились к глухой стене напротив. Длинная полоса этой, как казалось, монолитной стены вдруг с треском свернулась, ушла вверх, зависнув над выходящими людьми, сейчас же опустилась, и Грэм остался с новоприбывшим и человеком с русой бородой.

Некоторое время толстяк не обращал на Грэма внимания; он расспрашивал о каких-то общих делах русобородого — очевидно, своего подчиненного. Говорил он очень четко, но Грэм только отчасти понимал сказанное. Похоже было, что

его пробуждение не только удивило, но испугало и раздосадовало толстяка.

— Вам не следовало смущать его ум своими рассказами, нет, не следовало, — то и дело повторял он.

Выслушав ответы русобородого, он быстро повернулся и с непонятным выражением посмотрел на проснувшегося.

— Удивлены? — спросил он.

— Очень.

— Окружающий мир кажется вам странным?

— Что ж, думаю, мне придется жить в этом мире, каким бы странным он ни казался.

— Теперь, пожалуй, да.

— Прежде всего, не мог бы я получить какую-нибудь одежду?

— Да, конечно… — начал толстяк, и русобородый, перехватив его взгляд, вышел. — Вам незамедлительно принесут одежду.

— Это правда, что я проспал двести лет? — спросил Грэм.

— Они уже успели вам рассказать, да? Говоря точнее, двести три года.

Грэм принял эту неоспоримую теперь истину, чуть приподняв брови и плотно сжав губы. С минуту он сидел молча, потом задал вопрос:

— Здесь что, мельница или динамо-машина по соседству? — И продолжал, не ожидая ответа: — Я понимаю, все так изменилось… А что это за крики? — вдруг спросил он.

— Пустяки. Это народ, — раздраженно сказал толстяк. — Позже вы и сами все поймете. Это верно, все сильно изменилось. — Он говорил резко, сдвинув брови, и глядел на Грэма как человек, пытающийся принять решение в критической ситуации. — Так или иначе, одежду вы получите. Лучше подождать здесь, пока ее принесут. Никто не должен сюда приближаться. И вам следует побриться.

Грэм потрогал свой подбородок.

Возвратился человек с льняной бородкой. Направляясь к ним, он вдруг оглянулся, прислушался, подняв брови, взглянул на толстяка и поспешил через арку к балкону. Шум становился все громче. Толстяк повернул голову и тоже прислушался. Тихо выругался и с неприязнью перевел взгляд на Грэма. Крики вздымались мощной волной и вновь стихали, однажды донесся звук удара и резкие вопли, затем сухой треск, похожий на хруст ломающихся прутьев. Грэм напряг слух, чтобы уловить какой-то смысл в этой путанице звуков.

И тут он разобрал фразу, повторяющуюся снова и снова. Поначалу Грэм не поверил своим ушам. Но это, несомненно, были слова: «Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!»

Толстяк неожиданно кинулся к арке.

— Что за вздор! — прокричал он. — Как они узнали? Знают наверняка или догадываются?

Из-за арки последовал какой-то ответ.

— Я не могу выйти, — сказал толстяк, — мне нужно присматривать за ним. Ну, крикните им что-нибудь с балкона.

Ответ невозможно было разобрать.

— Скажите, что он не проснулся. Да что угодно! На ваше усмотрение. — Он поспешил назад, к Грэму. — Вам немедленно нужно одеться. Здесь оставаться нельзя — мы не сможем… — Он поспешно выбежал, не отвечая на вопросы Грэма. Через минуту появился снова.

— Не могу объяснить вам, что происходит. Слишком сложно. Сейчас вам изготовят одежду. Да, все вот-вот будет сделано. И я смогу забрать вас отсюда. Вы очень скоро разберетесь в наших проблемах.

— Но эти голоса. Они кричали…

— Да, про Спящего — это про вас. Им пришла в голову какая-то безумная идея. Не знаю, чего они

хотят. Ничего не знаю.

Резкий, пронзительный звонок перекрыл отдаленный невнятный гул толпы, и этот бесцеремонный человек подскочил к каким-то приборам в углу комнаты. Некоторое время слушал, глядя в хрустальный шар, затем кивнул, произнес несколько слов и подошел к стене, за которой исчезли те двое. Стена снова свернулась и ушла вверх, словно занавес, но он стоял рядом и чего-то ждал.

Грэм поднял руку и с изумлением осознал, насколько восстановились его силы от тонизирующих средств. Спустил с ложа сначала одну ногу, потом другую. Голова больше не кружилась. Не вполне доверяя такому быстрому выздоровлению, он сел и принялся ощупывать свои руки и ноги.

Через арку вошел русобородый, и одновременно в проем перед толстяком скользнула сверху кабина лифта; из нее вышел худощавый седой человек в темно-зеленой облегающей одежде со свертком в руках.

— А вот и портной, — сказал толстяк, жестом представляя вошедшего. — Теперь вам больше не придется носить этот черный плащ. Не могу понять, как он попал сюда. Но я разберусь, во всем

разберусь. Поторопитесь! — сказал он портному.

Человек в зеленом поклонился, подошел и сел на ложе рядом с Грэмом. Он держался спокойно, но взгляд его был полон любопытства.

— Мода сильно изменилась, сир, — сказал он, покосившись исподлобья на толстяка. Быстрым движением портной раскрыл сверток, и на его колени выплеснулся водопад ярких тканей, от которых у Грэма зарябило в глазах. — Вы, сир, жили в викторианскую эпоху, во времена цилиндров. Полушария шляп… Кривые словно очерчены циркулем. А теперь… вот. — Он вытащил небольшой приборчик, формой и размером похожий на карманные часы, только без скважины для ключа, нажал какую-то кнопку и показал Грэму — на циферблате задвигалась фигурка в белом. Портной взял кусок голубовато-белого атласа.

— Я бы вам предложил этот материал, — сказал он.

Толстяк подошел и встал за плечом Грэма.

— У нас очень мало времени, — напомнил он.

— Положитесь на меня, — сказал портной. — Моя машина сейчас прибудет. Ну, что скажете?

— Что это? — спросил человек из девятнадцатого века.

— В ваше время клиентам показывали журнал

мод, — объяснил портной, — а это наше современное устройство. Посмотрите сюда. — Маленькая фигурка повторила свои пируэты, но в другом костюме. — Или на это. — С легким щелчком фигурка появилась на экране в новом, совершенно роскошном одеянии. Портной проделывал все очень быстро и дважды успел взглянуть в сторону лифта.

Снова послышалось урчание, и из лифта появился анемичный коротко остриженный паренек китайского типа в одежде из грубого светло-синего холста. Он бесшумно вкатил в комнату сложную машину на маленьких колесиках. Кинетоскоп незамедлительно был убран, и Грэму предложили встать перед машиной. Портной пробормотал несколько указаний стриженому подростку, а тот в ответ произнес гортанным голосом несколько фраз, которых Грэм не смог разобрать. Затем мальчик отошел в угол и там продолжил свой невнятный монолог, а портной вытянул из машины многочисленные коленчатые рычаги с дисками на концах и установил их так, чтобы диски прилегали к телу Грэма: по одному на каждой из лопаток, по одному на локтях, с обеих сторон шеи и так далее, пока они не выстроились в две линии меток, проходивших по

всему телу и конечностям. В это время из лифта за спиной Грэма появился кто-то еще. Портной пустил в ход механизм, который привел части машины в ритмичное движение, а через минуту сложил рычаги, и Грэм был свободен. Портной вернул ему черный плащ, а русобородый поднес стаканчик с каким-то освежающим напитком. Взглянув поверх стакана, Грэм заметил, что его внимательно рассматривает бледный юноша.

Толстяк, который обеспокоенно расхаживал по комнате, вдруг повернулся и прошел за арку, к балкону, откуда по-прежнему, то нарастая, то затихая, доносился отдаленный шум толпы. Стриженый паренек передал портному рулон голубоватого атласа, и оба они принялись заправлять ткань в машину — примерно так, как в девятнадцатом веке заряжали бумагу в типографиях. Затем бесшумно откатили агрегат в дальний угол, где изящными петлями свисал выходящий из стены кабель. Портные сделали необходимые подсоединения, и машина задвигалась быстро и энергично.

— Что они там делают? — спросил Грэм, указывая пустым стаканом на фигуры, суетящиеся в углу, и стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд новоприбывшего. — Туда

подведена какая-то энергия?

— Да, — ответил русобородый.

— А это кто? — спросил Грэм, указывая в сторону арки.

Человек в фиолетовой одежде погладил свою бородку, чуть поколебался и негромко сказал:

— Это Говард, ваш главный опекун. Понимаете, сир, это довольно трудно объяснить. Совет назначает опекуна и его помощников. В этот зал допускается публика, но сегодня мы впервые заперли двери. Если вы не возражаете, он сам вам все объяснит.

— Как странно, — произнес Грэм. — Совет? Опекун? — Затем, повернувшись спиной к новоприбывшему, вполголоса спросил: — Почему этот молодой человек так уставился на меня? Он что, гипнотизер? Месмерист?

— Нет, не месмерист. Он — капиллотомист.

— Капиллотомист?

— Да, один из главных. Он получает в год шестьдюж львов.

Это звучало как совершенная бессмыслица. Не понимая, что к чему, Грэм ухватился за конец фразы.

— Шестьдюж львов? — повторил он.

— А у вас что, не было львов? Да, пожалуй, нет. У

вас были эти старинные фунты, так? Лев — наша денежная единица.

— Но вы еще сказали — шестьдюж?

— Да, сир. Шесть дюжин. Вы жили при десятичной, арабской системе счета — единицы, десятки, сотни, тысячи. У нас же двенадцатеричная система. От единицы до одиннадцати числа однозначные, начиная с дюжины — двузначные; дюжина дюжин составляет гросс, или большую сотню, дюжина гроссов — дюжанд, а дюжанд дюжандов — мириад. Очень просто, не так ли?

— Пожалуй, — согласился Грэм. — Но что значит капилло… Как это вы сказали?

— А вот и ваша одежда, — взглянув через плечо, объявил русобородый.

Грэм обернулся. Рядом с ним стоял улыбающийся портной, перекинув через руку только что изготовленный костюм, а стриженый парнишка одним пальцем толкал замысловатую машину в сторону лифта. Грэм удивленно окинул взглядом новое одеяние.

— Вы хотите сказать…

— Только что сделано, — сказал портной. Он сложил свою работу к ногам Грэма, подошел к ложу, на котором совсем недавно покоился Спящий, скинул на пол прозрачный матрац и поставил

зеркало вертикально.

Бешено зазвенел звонок. Человек с русой бородкой выбежал через арку.

Пока портной помогал Грэму облачаться в темно-пурпурного цвета комбинезон, объединяющий нижнее белье, чулки и жилет, толстяк и русобородый вернулись в комнату. Они вполголоса обменивались быстрыми фразами. В их движениях безошибочно угадывалась тревога. Поверх пурпурного нижнего комбинезона Грэм надел верхний, голубовато-белый, и теперь был облачен по моде. Взглянув в зеркало, он увидел себя — по-прежнему изможденным, растрепанным и небритым, но, по крайней мере, не голым и даже — каким-то непостижимым образом — элегантным.

— Я должен побриться, — заметил он, разглядывая свое лицо.

— Сейчас, — сказал Говард.

Молодой человек перестал разглядывать Грэма, закрыл глаза, снова открыл и, вытянув тонкую руку, приблизился к нему. Остановился, огляделся вокруг и медленно взмахнул рукой.

— Стул! — нетерпеливо скомандовал Говард, и русобородый быстро пододвинул Грэму кресло.

— Садитесь, пожалуйста, — проговорил Говард.

Грэм заколебался, заметив, что в руке молодого человека, смотревшего на него таким безумным взором, сверкнула сталь.

— Неужели вы не понимаете, сир? — успокоил его русобородый. — Он собирается постричь вас.

— Ах так! — с облегчением воскликнул Грэм. — Но вы сказали, что он…

— Совершенно верно, капиллотомист! Один из лучших мастеров в мире.

Грэм поспешно сел в кресло. Человек с льняной бородкой исчез, а капиллотомист грациозно шагнул вперед, ощупал уши Грэма, изучил затылок и собирался присесть, чтобы еще разглядывать его, если бы не явное нетерпение Говарда. Наконец быстрыми движениями, ловко действуя своими инструментами, он сбрил Грэму бороду, подровнял усы, подстриг и причесал волосы. Все это он проделал без единого слова, увлеченно, с вдохновением настоящего поэта. Едва он завершил работу, Грэму подали пару башмаков.

Неожиданно, по-видимому из угла, раздался громкий голос:

— Скорее, скорее! Весь город уже узнал! Все прекращают работу. Прекращают работу. Не медлите, спешите!

Эти слова чрезвычайно всполошили Говар-

да. Грэм понял, что тот колеблется. Наконец он пошел в угол, где стоял аппарат с маленьким хрустальным шаром. Как раз в этот момент неумолкающий шум толпы усилился до мощного рева и столь же быстро затих. Грэма неудержимо потянуло к этому шуму. Он покосился на толстяка и поддался порыву. Двумя широкими шагами спустился по лестнице в галерею и через мгновение уже оказался на балконе, где ранее стояли трое незнакомцев.

Глава V
Движущиеся мостовые

Грэм подошел к перилам и взглянул поверх них. Снизу доносился шум от движения огромной толпы, послышались удивленные возгласы.

Но самое первое и ошеломляющее впечатление на него произвело открывшееся его взору архитектурное сооружение. Пространство, на которое он смотрел, представляло собой проход между двумя рядами титанических зданий, плавно загибающийся в обе стороны. Наверху смыкались мощные консоли, перекрывая проход по всей огромной ширине, над ними нависала прозрачная кровля. Холодный белый свет, исходивший из гигантских шаров, пересиливал слабые солнечные лучи, едва пробивающиеся сквозь гущу ферм и проводов. Кое-где над бездной подобно нитям паутины висели ажурные мосты, по которым во множестве двигались черные фигурки пешеходов. Воздух был заткан тонкими тросами. Громада здания нависала над Грэмом, он убедился в этом, взглянув вверх, а фасад противоположного дома смутно вырисо-

вывался в серой мгле и был прорезан огромными арками, круглыми проемами, усеян балконами, контрфорсами, выступающими башенками, мириадами огромных окон и замысловатыми архитектурными украшениями. По фасаду горизонтально и наискось тянулись надписи, сделанные незнакомыми буквами. Тут и там под самой крышей были закреплены особо толстые тросы; они спускались плавными дугами, уходя в круглые отверстия на противоположной стене. Внимание Грэма привлекла маленькая фигурка человека в светло-синей одежде, стоявшего на каменном выступе у одной из верхних точек крепления этих гирлянд. Он держался за еле заметную струну. Вдруг человек единым махом скользнул по тросу и пропал в круглом отверстии на другой стороне улицы. Выходя на балкон, Грэм прежде всего стал смотреть вверх, и увиденное там настолько захватило его, что отвлекло от остальной картины. Но теперь он рассмотрел и улицу! Это была совсем не улица в понимании Грэма — в девятнадцатом веке дороги и улицы представляли собой твердые полосы мощеной неподвижной земли, запруженные лавиной экипажей, ползущих между узкими тротуарами. Эта улица была шириной в триста футов — и она

двигалась; двигалась вся, кроме средней, самой низкой ее части. На минуту у него закружилась голова от этого зрелища. Затем он понял.

Под самым балконом эта необычная дорога неслась вправо — нескончаемой лентой, со скоростью экспресса девятнадцатого века; она представляла собой бесконечную платформу, состоящую из узких поперечных площадок, заходящих одна на другую. Небольшие интервалы позволяли платформе повторять изгибы улицы. На платформе помещались сиденья, а кое-где и маленькие кабинки, но все это пролетало так быстро, что он не мог ничего на них разглядеть. Параллельно ближайшей, самой быстрой полосе двигались другие, вплоть до середины улицы. Каждая из них двигалась вправо, но заметно медленнее предыдущей, более высокой платформы; разница скоростей была достаточно мала, чтобы без труда переходить с одной платформы на другую и таким образом перемещаться от самой быстрой крайней полосы к неподвижной средней и обратно. За этой средней полосой начинался другой ряд бесконечных платформ, двигающихся каждая со своей, постепенно нарастающей скоростью в противоположную сторону. Множество людей самого разного вида сидели на двух са-

мых широких и быстрых крайних полосах, либо спускались на соседние платформы, движущиеся медленней, либо скапливались на центральной полосе.

— Вам нельзя здесь стоять, — раздался рядом голос Говарда. — Вы должны немедленно уйти.

Грэм не ответил. Он будто не слышал этих слов. Мимо с грохотом бежали платформы и кричал народ. Он видел женщин и девушек с распущенными волосами, в прекрасных нарядах, с лентами на груди. Они прежде всего бросались в глаза среди этой сумятицы. Затем Грэм отметил, что доминирующим цветом в калейдоскопе одежд все-таки был светло-синий, как у помощника портного. Он начал различать отдельные выкрики: «Спящий! Что случилось со Спящим?» — и заметил, что движущиеся платформы все гуще покрываются бледными пятнами человеческих лиц, обращенных к нему. Он мог разглядеть указывающие на него пальцы. Неподвижная средняя часть улицы была запружена напротив балкона толпой людей, одетых в синее. Там началась давка. Некоторых спихивали на движущиеся платформы, и их уносило прочь. Однако они спрыгивали, как только удалялись от центра толпы, и бегом бросались обратно, в свалку.

— Это Спящий! Точно, это Спящий! — вопили одни.

— Нет, это не Спящий! — кричали другие.

Все новые лица поворачивались в его сторону. Через определенные интервалы на центральной полосе, как заметил Грэм, располагались отверстия, — очевидно, там находились лестницы, по которым люди поднимались на улицу и уходили с нее. Свалка шла вокруг одной из этих лестниц, ближайшей к нему. Люди бежали туда, перепрыгивая с платформы на платформу. Народ, собравшийся на более высоких платформах, проявлял интерес и к этой сумятице, и к балкону. Несколько крепких фигур в ярко-красной одинаковой одежде, действуя слаженно, пытались перекрыть доступ к лестнице. Толпа вокруг них быстро прибывала. Яркий цвет мундиров резко контрастировал с бледно-синей одеждой их противников, а это, несомненно, были противники — красные и синие явно противостояли друг другу.

Грэм не мог оторваться от этого зрелища, хотя Говард кричал у него над ухом и тряс за плечо. Но вдруг Говард куда-то исчез, и он остался один.

Возгласы «Спящий! Спящий!» усилились, и все люди, сидевшие на ближайшей платформе, вста-

ли. Проносясь мимо Грэма, скоростные полосы быстро пустели. Огромная толпа собралась на центральной полосе напротив балкона, густая масса людей кипела, ее прерывистые выкрики переросли в непрерывный грозный гул: «Спящий! Спящий!» Люди выкрикивали приветствия, размахивали руками и вопили: «Остановите движение!» Слышалось также другое имя, незнакомое Грэму. Оно звучало как «Острог»[16]. Медленные платформы заполнялись людьми. Они бежали против движения, стараясь удержаться напротив балкона.

— Остановите движение! — кричали они. Некоторые, самые ловкие, выбегали на скоростную полосу, поближе к нему, кричали что-то неразборчивое и быстро отскакивали обратно, к центральной полосе. В конце концов он расслышал:

— Это Спящий! Это действительно Спящий!

Некоторое время Грэм стоял неподвижно. Потом с пронзительной ясностью понял, что все это из-за него. Эта неожиданная популярность доставляла удовольствие, и он поклонился и помахал рукой, стараясь, чтобы его увидели и

---

[16] Notes: 16
Сознательное употребление автором русского слова.

дальние зрители. Ответная реакция его потрясла. Схватка у лестницы стала еще более ожесточенной. Он заметил, что люди бросились на балконы, заскользили вниз по тросам. Некоторые перелетали через улицу на сиденьях, похожих на цирковые трапеции. За спиной Грэма послышались голоса — несколько человек спускались по ступеням из-под арки. Его опекун Говард подошел к нему, крепко схватил за руку и что-то прокричал на ухо. Грэм обернулся и увидел совершенно белое лицо Говарда.

— Уходите! — услышал Грэм. — Они остановят движение. Начнутся беспорядки во всем городе.

Вслед за Говардом по проходу между синими колоннами спешили другие — рыжеволосый, человек с льняной бородкой, высокий мужчина в алом одеянии и несколько человек в красном с жезлами в руках. Лица у всех были озабоченные.

— Уведите его! — приказал Говард.

— Но почему? — воскликнул Грэм. — Я не понимаю…

— Вы должны покинуть это место! — твердо сказал человек в красном. Лицо и глаза его выражали решимость.

Грэм обвел взглядом лица остальных и вдруг понял: если он не подчинится, к нему применят

силу. Кто-то схватил Грэма за руку…

Его потащили прочь. Рев толпы усилился, прорвался в коридоры здания и гремел теперь за его спиной. Изумленного и растерянного Грэма провели — или проволокли — через синюю колоннаду и оставили наедине с Говардом в кабине лифта, рванувшегося вверх.

Глава VI
Зал атланта

С того момента, как портной, закончив свою работу, откланялся, и до того, как Грэм очутился в лифте, прошло не более пяти минут. Он по-прежнему ощущал последствия долгой летаргии и чувствовал себя как в тумане; казалось странным само его бытие в этой отдаленной эпохе, он воспринимал это как нечто иррациональное, как сон, чересчур похожий на явь. Для него, изумленного, но не вовлеченного в действие наблюдателя, все увиденное — особенно зрелище бушующей толпы, открывшееся ему с балкона, — приобретало оттенок театральности, напоминало спектакль, разыгранный на сцене.

— Я не понимаю, — проговорил он. — Что это было? У меня голова идет кругом. Почему они так кричат? Что нам угрожает?

— У нас есть кое-какие проблемы, — ответил Говард, избегая вопросительного взгляда Грэма. — Такое уж беспокойное сейчас время. Хотя, конечно, ваше появление, ваше пробуждение именно в данный момент находится в некоторой

связи с…

Он говорил отрывисто, как человек, который никак не может перевести дух. Речь его оборвалась на полуслове.

— Но я не понимаю… — повторил Грэм.

— Позже все разъяснится, — сказал Говард и тревожно посмотрел вверх, словно ему казалось, что лифт движется слишком медленно.

— Несомненно, осмотревшись, я стану лучше понимать окружающее, — озадаченно продолжал Грэм. — А пока все так странно. Даже в мелочах. Ваша система счета, к примеру, сильно отличается от нашей.

Лифт остановился, и они вышли в узкий, очень длинный коридор, вдоль высоких стен которого тянулись в огромном множестве различные трубы и толстые кабели.

— Какое огромное помещение! — заметил Грэм. — Это все — одно здание? Что это за место?

— Одна из городских систем, обеспечивающих общественные надобности. Свет и тому подобное.

— А там, на большой улице, — это были беспорядки? Как вы управляете обществом? У вас все еще есть полиция?

— Несколько видов, — ответил Говард.

— Несколько?

— Около четырнадцати.

— Не понимаю.

— И неудивительно. Наше общественное устройство покажется вам чрезвычайно сложным. По правде говоря, я и сам его не слишком понимаю. Да и никто, в сущности, не понимает. Вы, может быть, со временем разберетесь. А пока нам нужно идти в Совет.

Поначалу Грэм пытался сосредоточить внимание на Говарде и его сдержанных ответах, но потом нить объяснений стала ускользать, уступая место живым, неожиданным впечатлениям. В коридорах и залах половина людей, казалось, была в красном. Бледно-синяя холщовая одежда, которую он в изобилии видел на движущихся дорогах, здесь не попадалась. При его появлении все неизменно поворачивались, приветствовали их с Говардом, провожали взглядами. Запомнился длинный коридор, в котором на низких сиденьях, словно в классе, сидели девочки. Учителя не было видно, но ученицы слушали голос, исходивший из незнакомого Грэму аппарата. Девочки посмотрели на него и его провожатого, как ему показалось, с любопытством и удивлением. У Грэма не было времени сообразить, зачем

их здесь собрали, но они, видимо, хорошо знали Говарда и совсем не знали Грэма. Этот Говард, по-видимому, был важной персоной — и в то же время всего лишь опекуном Грэма. Как странно!

Они миновали проход, где под потолком была подвешена пешеходная галерея, по которой сновали люди, причем Грэм мог разглядеть только их ноги не выше лодыжек. Затем потянулись коридоры, в которых редкие прохожие изумленно оборачивались и глядели вслед Грэму, Говарду и их охранникам, одетым в красное.

Действие тонизирующих средств оказалось недолгим. Он быстро утомился от этой поспешной ходьбы и попросил Говарда убавить шаг. Они вошли в лифт с окном, выходившим на улицу, но оно было туманным и не открывалось; к тому же они находились слишком высоко, чтобы разглядеть движущиеся платформы. Однако Грэм различал людей, скользящих по тросам или снующих по странным, хрупким на вид мостикам.

Затем они сами перешли улицу на огромной высоте по узенькому застекленному мосту, одно воспоминание о котором вызывало позже у Грэма головокружение. Настил моста тоже был стеклянный. По своим впечатлениям от скал между Нью-Куэем и Боскаслом, столь отдаленным во

времени, но таким свежим по ощущению, Грэм заключил, что они идут примерно в четырехстах футах над движущейся дорогой. Он остановился и глянул на роящиеся внизу крошечные синие и красные фигурки, которые все еще толкались и жестикулировали перед маленьким, игрушечным балконом. Легкая дымка и слепящее сияние световых шаров мешали четко видеть на таком расстоянии. Какой-то человек, сидя в открытой люльке, вылетел откуда-то сверху, мелькнул над узким стеклянным мостиком и стремительно, словно падая, пронесся вниз по тросу. Грэм невольно остановился и смотрел, пока этот странный пассажир не исчез в огромном круглом отверстии, а затем стал вновь глядеть на кипящую уличную схватку.

По одной из быстроходных полос передвигалась плотная группа красных точек. Приблизившись к балкону, она рассыпалась и двинулась через более медленные полосы в сторону густой толпы, собравшейся в середине улицы. Эти люди в красном, по-видимому, были вооружены палками или дубинками. Казалось, они расталкивали толпу и били сопротивлявшихся. Грэм услышал едва различимые вопли, гневные возгласы.

— Идите же! — выкрикнул Говард, положив

ему руку на плечо.

Еще один человек промчался вниз по тросу. Грэм взглянул вверх, желая узнать, откуда он появился, и сквозь стеклянную крышу и переплетение тросов и ферм смутно увидел ритмически мелькающие тени каких-то плоскостей, похожих на крылья ветряных мельниц, а между ними — смутные проблески бледного неба. Говард подтолкнул его, они сошли с моста и оказались в небольшом узком проходе, украшенном орнаментом из геометрических фигур.

— Я хочу посмотреть вниз! — упираясь, воскликнул Грэм.

— Нет, нет, — возразил Говард, не выпуская его руки. — Сюда. Вы должны пройти сюда.

Сопровождавшие их люди в красном, казалось, готовы были увести Грэма силой.

В конце коридора появились несколько негров в забавных черно-желтых мундирах: они были похожи на ос. Один из них поспешил к скользящей заслонке, которая, как догадался Грэм, служила дверью, сдвинул ее вверх и повел их внутрь. Грэм оказался на галерее, нависавшей над большим помещением. Черно-желтый провожатый пересек галерею, поднял следующую дверь и встал рядом с нею.

Помещение напоминало вестибюль. В середине стояла группа людей, а в противоположном конце находился величественный дверной проем, занавешенный тяжелыми портьерами; между ними проглядывал лестничный марш, ведущий вниз, в какой-то обширный зал. По обе стороны от входа неподвижно стояли белые стражники в красных мундирах и негры в черно-желтой форме.

Проходя через галерею, он уловил внизу шепот: «Спящий», люди поворачивались к нему и тихо переговаривались. Через коридорчик, проходивший внутри стены вестибюля, они попали на галерею с металлическими перилами, огибавшую с одной стороны огромный зал, который только что мелькнул за портьерами. Они очутились в самом углу зала, так что Грэм мог получить впечатление о его пропорциях и огромных размерах. Стоявший у входа негр в черно-желтой одежде, как вышколенный лакей, опустил за ними заслонку.

В сравнении с любым из помещений, виденных здесь Грэмом, этот зал показался ему особенно богато украшенным. В дальнем конце, на пьедестале, ярко выделяясь среди всего остального, стояла гигантская белая статуя Атланта, мощная

и напряженная, держащая на согбенных плечах земной шар. Статуя поразила Грэма — она была такая огромная, такая простая и белая, такая пронзительно — до боли — настоящая. Если не считать этой статуи и помоста посередине, сияющий пол зала был совершенно пуст. Помост терялся среди огромного пространства; издали он мог показаться всего лишь плоским бруском металла, если бы не семь человек, которые окружали стоявший на нем стол, возвращая таким образом помосту его истинные пропорции. Все семеро были одеты в белые мантии и с пристальным вниманием смотрели на Грэма. На краю стола поблескивали какие-то приборы.

Говард вел его вдоль галереи, пока они не оказались напротив статуи согнувшегося под непомерной ношей титана. Там они остановились. Два человека в красном, сопровождавшие их, подошли и встали по обе стороны от Грэма.

— Вы должны остаться здесь, — пробормотал Говард. — На несколько минут. — И, не дожидаясь ответа, поспешил прочь по галерее.

— Но почему?.. — начал было Грэм.

Он сделал движение, как бы намереваясь последовать за Говардом, но обнаружил, что один из людей в красном загородил ему дорогу.

— Вы должны подождать здесь, сир, — сказал страж.

— С какой стати?

— Таков приказ.

— Чей приказ?

— Нам так приказано, сир.

Грэм видел, что стражник раздражен.

— Что это за помещение? — тут же спросил он. — И кто эти люди?

— Это члены Совета, сир.

— Какого Совета?

— Нашего Совета.

— О! — вздохнул Грэм и после столь же неудачной попытки поговорить с другим стражем подошел к перилам и стал смотреть на группу людей в белом, которые, в свою очередь, разглядывали его и перешептывались.

Что за Совет? Он вдруг заметил, что их стало уже восемь, хотя не видел, откуда мог появиться восьмой. Они не делали никаких жестов или приветственных знаков — просто стояли и глазели на него, как в девятнадцатом веке кучка зевак могла бы смотреть, стоя на улице, на неожиданно появившийся высоко в небе воздушный шар. Что это был за Совет, что за люди собрались у ног величественной белой фигуры Атланта,

укрывшись от посторонних глаз в роскошном этом зале? И зачем его сюда привели? Неужто для того только, чтобы разглядывать его и неслышно переговариваться?

Внизу показался Говард, спешивший по блестящему полу в их сторону. Приблизившись, поклонился и сделал несколько странных жестов, по-видимому составлявших часть церемониала. Затем поднялся по ступенькам на помост и остановился возле аппаратов на краю стола.

Грэм некоторое время наблюдал за их неслышной беседой. Иногда кто-то из собеседников бросал взгляд в его сторону. Он тщетно напрягал слух. Жестикуляция разговаривающих сделалась оживленной. Грэм перевел взгляд на бесстрастные лица сопровождающих. Когда он снова повернулся к помосту, Говард размахивал руками и протестующе тряс головой. Его, по-видимому, прервал один из людей в белом, хлопнув ладонью по столу.

Разговор длился нескончаемо. Грэм поднял глаза на неподвижного гиганта, у подножия которого собрался Совет. Затем рассмотрел стены зала. Их украшали длинные расписные панели в псевдояпонском стиле; некоторые были очень хороши. Забранные в огромные тонкой

работы рамы из темного металла, панели эти гармонировали с металлическими кариатидами, поддерживавшими галерею, и прочими элементами интерьера. Легкая их грация подчеркивала мощь белой скульптуры, расположенной в центре всей композиции. Грэм снова посмотрел в сторону Совета: Говард спускался с помоста. По мере приближения черты его лица видны были все отчетливее. Грэм заметил, что его опекун покраснел и тяжело дышит. Говард выглядел встревоженным.

— Сюда, — отрывисто сказал он, и они молча подошли к маленькой двери, которая тотчас открылась.

По обе стороны стояли люди в красном. Проходя через дверь, Грэм оглянулся и увидел, что члены Совета в белых мантиях все еще стоят тесной группой и смотрят ему вслед. Затем дверь с гулом захлопнулась, и в первый раз после своего пробуждения Грэм очутился в полной тишине. Даже их шаги были бесшумны.

Говард отворил следующую дверь, и они оказались в первой из двух смежных комнат, обставленных белой и зеленой мебелью.

— Что это за Совет? — начал Грэм. — Что они обсуждали? Какое они имеют ко мне отношение?

Говард тщательно запер дверь, тяжело вздохнул и что-то пробормотал себе под нос. Прошелся из угла в угол, повернулся и снова вздохнул.

— Уф-ф! — сказал он с облегчением.

Грэм выжидательно смотрел на него.

— Вы должны понять, — вдруг заговорил Говард, стараясь не смотреть Грэму в глаза, — наше общественное устройство очень сложно. Знакомство с голыми фактами без надлежащего объяснения может создать у вас ложное впечатление. Дело в том, что ваши небольшие средства и оставленное вам наследство вашего кузена Уорминга, вложенные в банки и в некоторые другие предприятия, превратились в очень крупное состояние. И различными путями, которые вам сейчас трудно было бы понять, вы сделались значительной персоной — весьма значительной и влиятельной, вовлеченной в дела всего мира.

Он умолк.

— И что? — спросил Грэм.

— Происходят крупные волнения.

— И что же?

— Дела обернулись так, что самое благоразумное сейчас — это изолировать вас здесь.

— Превратить в узника! — воскликнул Грэм.

— Ну, скажем, попросить вас вести некоторое

время уединенный образ жизни.

Грэм повернулся к нему.

— Это странно, — сказал он.

— Вам не причинят никакого вреда.

— Вреда?

— Но вы должны оставаться здесь…

— Пока я не разберусь в своем положении, не так ли?

— Совершенно верно.

— Прекрасно. Тогда начнем. О каком вреде вы говорили?

— Не сейчас.

— Почему?

— Это слишком долгая история, сир.

— Тем больше оснований начать не откладывая. Вы сказали, что я — значительная персона. Что тогда означают крики, которые я слышал? Почему толпа пришла в возбуждение и стала кричать, узнав, что мой летаргический сон окончился, и кто эти люди в белом, собравшиеся в зале Совета?

— Все в свое время, сир, — сказал Говард. — Но не с налета, не с налета. Сейчас один из таких неустойчивых моментов, когда все возбуждены до предела. Ваше пробуждение… его никто не ожидал. Поэтому Совет проводит консультации.

— Какой Совет?

— Тот, который вы видели.

Грэм сделал нетерпеливый жест.

— Это все не то. Вы должны рассказать мне, что происходит.

— Вам придется подождать. Набраться терпения и подождать.

Грэм сел.

— Ну что ж, если я так долго ждал, чтобы вновь обрести жизнь, — сказал он, — то могу подождать еще немного.

— Так-то лучше, — обрадовался Говард. — Да, намного лучше. А теперь я должен покинуть вас. На некоторое время. Мне нужно присутствовать на заседании Совета… Прошу меня извинить.

Он направился к двери, бесшумно открыл ее и, чуть помедлив, исчез.

Грэм подошел к двери, попытался открыть ее и обнаружил, что она заперта каким-то неведомым ему способом. Он повернулся и принялся кругами шагать по комнате. Снова сел. Некоторое время Грэм продолжал сидеть, скрестив руки на груди, хмурился, грыз ногти и пытался собрать воедино калейдоскопическую мозаику впечатлений первого часа своей жизни после пробуждения: огромные механизированные пространства, бес-

конечные анфилады комнат и переходов, борьбу на этих странных движущихся мостовых, кучку враждебных людей у подножия гигантского Атланта, загадочное поведение Говарда… И намек на огромное наследство — которым, возможно, злоупотребляли, — наследство, дающее ему беспрецедентное влияние и возможности. Что он должен делать? Глухая тишина его комнаты красноречиво говорила Грэму, что он — пленник.

Ему подумалось, что вся эта череда ярких картин была сном. Он попытался крепко зажмуриться, но это испытанное средство не помогло. Все происходило наяву.

Тогда он принялся ощупывать и исследовать незнакомые предметы, находившиеся в двух небольших комнатах, где он был заперт. Увидев свое отражение в большом овальном зеркале, он изумленно остановился. Перед ним стоял человек в изящном одеянии пурпурного и голубовато-белого цветов, с небольшой, остроконечно подстриженной седеющей бородкой. Посеребренные сединой черные волосы обрамляли лоб странной, но довольно красивой прической. На вид ему было лет сорок пять. Некоторое время Грэм не осознавал, что видит себя самого. Затем с усмешкой промолвил:

— Вот позвать бы сейчас старину Уорминга и заставить его пригласить меня куда-нибудь на обед!

Грэм стал думать, кого из знакомых по прежней жизни ему хотелось бы увидеть, но посреди этих приятных мыслей вспомнил, что все, с кем он бы мог весело провести время, давным-давно умерли. Эта мысль так больно поразила его, что он поник и побледнел.

Беспокойные воспоминания о движущихся мостовых и гигантских фасадах вернулись с прежней силой. Крики толпы снова зазвучали в ушах громко и отчетливо. Неслышно говорящие друг с другом, полные враждебности члены Совета в белых одеждах встали перед глазами. Он ощутил себя маленьким, жалким и бессильным — выставленным напоказ в этом чужом, совсем чужом мире.

Глава VII
В комнатах безмолвия

Грэм продолжил исследование своих апартаментов. Любопытство взяло верх над усталостью. Дальняя комната оказалась высокой, с купольным сводом наверху. Продолговатое отверстие в центре купола переходило в воронку, где вращалось колесо с широкими лопастями, по-видимому, вытягивая воздух наружу. Легкое жужжание вентилятора было единственным звуком, различимым в тишине этих покоев. В промежутках между мелькающими лопастями Грэм смог разглядеть кусочек неба и с изумлением заметил на нем звезду.

Это заставило его обратить внимание на то, что яркое освещение комнат обеспечивало множество очень слабых лампочек, размещенных вдоль карнизов. Окон не было. Он начал припоминать, что во всех огромных помещениях и коридорах, через которые они проходили с Говардом, он не заметил ни одного окна. А есть ли здесь вообще окна? Он видел окна на фасадах зданий, но предназначались ли они для освещения? Или

весь город постоянно освещается искусственным светом и ночи здесь вовсе нет?

Его поразило и другое. В комнатах не было каминов. Возможно, сейчас летний сезон, а это — летние покои. Или же весь город имеет единую систему обогрева и охлаждения? Это заинтересовало Грэма, и он ощупал гладкую поверхность стен, изучил кровать весьма простой конструкции и хитроумные приспособления, делавшие практически ненужной ручную уборку помещения. Любопытно было полное отсутствие украшений — только изящные формы и гармоничные цвета. Грэм нашел это приятным для глаза. Здесь было несколько очень удобных кресел и легкий стол на бесшумных колесиках, на котором стояли бутылки с напитками, стаканы и два блюда с чем-то прозрачным, наподобие желе. Он отметил, что нет ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. «Мир и в самом деле изменился», — подумал он.

Вся стена проходной комнаты была заставлена рядами странных парных цилиндров с надписями зелеными буквами по белому фону, в тон общему убранству комнаты. Посреди стены выступал небольшой квадратный аппарат размером примерно ярд на ярд с белой гладкой

лицевой поверхностью. Напротив него стояло кресло. У Грэма мелькнула мысль, что эти цилиндры, возможно, заменяют книги, хотя внешне их вовсе не напоминают.

Надписи на цилиндрах озадачили его. Сначала ему показалось, что они сделаны по-русски. Потом он понял, что это искаженный английский: **«Θi** Man huwdbi Kig», — вероятно, фраза: «Человек, который мог быть королем». «Фонетическое письмо», — догадался он. Грэм помнил, что читал книгу с таким названием, и вспомнил ее живо — одну из самых лучших книг в мире. Но предмет, который он держал в руке, вовсе не был книгой. Он расшифровал названия двух соседних цилиндров. «Душа тьмы» и «Мадонна будущего» — о таких книгах Грэм не слышал, они были, по-видимому, написаны после Викторианской эпохи.

Грэм еще какое-то время с любопытством разглядывал цилиндры и поставил их на место. Затем повернулся к аппарату и принялся его изучать. Обнаружив что-то вроде крышки, он открыл ее и увидел внутри двойной цилиндр, а на верхнем крае — кнопку, как у электрического звонка. Грэм нажал ее, аппарат издал несколько быстро следующих один за другим щелчков. Затем послышались голоса, музыка, и на гладкой

белой поверхности заиграли цветные пятна. Он вдруг понял, что это такое, попятился и стал смотреть.

На плоской поверхности теперь появилась яркая цветная картинка с движущимися фигурками. Они не только передвигались, но и разговаривали чистыми, тонкими голосами. Впечатление было такое, как если бы Грэм смотрел в перевернутый театральный бинокль, а слушал через длинную трубу. Его сразу заинтересовала представленная сцена, в которой мужчина шагал туда-сюда и сердито пререкался с хорошенькой, но вздорной женщиной. Оба персонажа были одеты в живописные костюмы, очень странные, на взгляд Грэма. «Я работал, — кричал мужчина, — а ты чем занималась?»

— Вот это да! — воскликнул Грэм.

Он забыл обо всем остальном и уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал упоминание о себе: «Когда Спящий проснется» — фразу, употребленную для обозначения отсрочки на неопределенное время или применительно к событию отдаленному и маловероятному. За короткое время он узнал эту пару почти как близких друзей.

Наконец миниатюрная драма закончилась,

и прямоугольная поверхность прибора снова опустела.

В какой странный мир удалось ему заглянуть — беспринципный, деятельный, коварный, мир людей, ищущих наслаждений, в мир жестокой экономической борьбы. Некоторые намеки остались ему непонятны, а кое-какие эпизоды говорили о странных изменениях нравственных идеалов и сомнительных успехах просвещения. Синюю одежду, которую он в таком обилии наблюдал на движущихся мостовых, носило простонародье. У Грэма не было сомнений, что история, которую он только что видел, была современной и вполне реалистичной. Трагический финал подействовал на него угнетающе. Некоторое время он продолжал сидеть, глядя в пустоту.

Наконец Грэм вздрогнул и протер глаза. Он настолько увлекся этой современной заменой романа, что, очнувшись в небольшой зелено-белой комнате, испытал не меньшее изумление, чем при своем первом пробуждении.

Грэм встал и сразу вернулся в собственную страну чудес. Ясности и простоты кинетоскопа как не бывало. Вспомнился загадочный Совет, схватка на огромной улице — все пережитое после пробуждения. Люди в кинетоскопе гово-

рили о Совете, для них он олицетворял власть и могущество. Упоминали и о Спящем. Грэма не слишком тронуло, что он и есть Спящий. Надо бы точнее припомнить, что они говорили…

Он пошел в спальню и стал смотреть вверх, сквозь вращающиеся лопасти вентилятора. Они проносились одна за другой, пропуская в комнату какой-то ритмичный гул, похожий на шум машин. Больше не было слышно ни звука. Невзирая на вечный день, сияющий в его покоях, он мог разглядеть мелькающую полоску неба, теперь темно-синюю, почти черную, с россыпью мелких звезд…

Грэм продолжил исследование комнат. Не удалось ни разгадать секрет двери, ни обнаружить звонок или другое устройство для вызова прислуги. Ощущение чуда несколько притупилось, но им по-прежнему владело любопытство, жажда узнавать новое. Хотелось лучше понять свое положение в этом новом порядке вещей. Грэм пытался заставить себя терпеливо ждать, пока кто-нибудь не появится, но острое желание перемен, свежих впечатлений не оставляло его.

Он вернулся в другую комнату к аппарату и скоро понял, как заменяются цилиндры. Тут он подумал, что, видимо, именно благодаря этим

устройствам язык сохранился настолько, что остался понятным и через двести лет. Выбранные наудачу цилиндры показывали какую-то музыкальную фантазию. Вначале мелодия была прекрасна, но потом она стала слишком чувственной. Грэм догадался, что перед ним развертывается переиначенная история Тангейзера. Музыка была ему незнакома, но постановка оказалась реалистической, хотя некоторые места оставались непонятными. Тангейзер отправлялся не к Венериной горе, а в Город Наслаждений. Что за Город Наслаждений? По-видимому, это была мечта, сладострастная фантазия автора.

Сначала Грэм смотрел и слушал с любопытством. История была окрашена какой-то странной, искаженной сентиментальностью. Внезапно она перестала ему нравиться. И чем дальше, тем сильнее отталкивала.

Грэм почувствовал отвращение. Тут не было живописности, идеализации — одна фотографическая реальность. С него довольно этой Венериной горы двадцать второго века! Грэм забыл о месте этого сюжета в искусстве девятнадцатого века и дал волю своему возмущению. Поднялся, раздосадованный, почти стыдясь того, что увидел — хотя бы и в одиночестве. Потянувшись

к аппарату, попробовал силой остановить его. Что-то щелкнуло. Сверкнула фиолетовая искра, он ощутил рукой электрический удар, и аппарат умолк. Когда на следующий день он попытался заменить цилиндры с Тангейзером на другую пару, то обнаружил, что аппарат не работает…

Взволнованный, переполненный впечатлениями, Грэм принялся шагать из угла в угол. Сведения, почерпнутые из цилиндров, картины, которые он наблюдал сам, сбивали с толку. Теперь казалось просто невероятным, что за тридцать лет жизни он ни разу не попытался представить себе образ будущего мира.

«Мы творили будущее, — сказал он себе, — но никто из нас не заставил себя всерьез задуматься, какое будущее мы создаем. А теперь — вот оно! Чего они достигли, что было сделано ими? Как я войду в этот мир?» Он был уже готов к огромным размерам зданий и улиц, к неисчислимому множеству людей. Но эти столкновения на платформах! И изощренная чувственность богачей!

Он вспомнил социалистическую утопию Беллами[17], так странно предвосхитившую его нынешние переживания. Но здесь не утопия,

[17] Notes: 17

Беллами Эдвард (1850–1898) — американский писатель, автор утопического романа «Взгляд назад» (1887).

не социалистическое государство. Грэм увидел уже достаточно много, чтобы понять: древний конфликт между роскошью, расточительством и развратом с одной стороны и крайней бедностью с другой сохранил свою силу. Грэму хватало знаний об основных факторах общественной жизни, чтобы увидеть это противостояние. Не только здания этого города были огромны, не только толпы на улицах были огромны — неумолчные крики людей на движущихся мостовых, тревога Говарда, вся атмосфера говорила об огромных масштабах недовольства. Что это за страна? Казалось бы, все еще Англия — но было в ней что-то очень «неанглийское». Тщетно пытался Грэм представить себе остальную часть мира — все закрывала загадочная пелена.

Грэм шагал по комнатам, осматривая все вокруг, как запертый в клетке зверь. Он очень устал, но ощущал лихорадочное возбуждение, не позволявшее отдохнуть. Подолгу стоял он под вентилятором, чтобы поймать хотя бы отдаленный отзвук беспорядков, которые, как он чувствовал, продолжались в городе.

Начал разговаривать с самим собой. Повторял снова и снова, с глупым смехом: «Двести три года! Значит, мне сейчас двести тридцать три года!

Самый старый житель Земли. Вряд ли они изменили традиции моего века и власть вернулась к самым старым. У меня не было бы конкурентов. Шамкаю, пускаю слюни. Я ведь помню болгарскую резню так ясно, словно это было вчера. Вот это возраст! Ха, ха!» Он удивился, впервые услышав свой смех, и расхохотался снова, теперь уже нарочно — все громче и громче. Затем осознал, что ведет себя, как безумец. «Тише, тише», — стал он уговаривать себя.

Шаги его сделались более размеренными. «Этот новый мир… — произнес Грэм. — Я не понимаю его. Но почему?.. Сколько этих «почему»! Они, верно, и летать научились, и чего только не могут… Попробую вспомнить, как это все начиналось».

В первую очередь его удивило, какими смутными стали впечатления от его прожитых тридцати лет. Грэм смог вспомнить только обрывки, какие-то не слишком важные эпизоды. Лучше всего сохранились детские воспоминания; он вспомнил школьные учебники и уроки арифметики. Затем он обратился к более значительным событиям своей жизни, вспомнил давно умершую жену, ее магическое влияние на него, теперь исчезнувшее, вспомнил своих соперников, друзей и врагов, вспомнил о важных решениях, которые

ему приходилось принимать, о годах лишений и, наконец, о своей напряженной работе. Вскоре вся прежняя жизнь, казалось, предстала пред ним, хотя и покрытая дымкой, налетом — словно потускневший металл, который можно отполировать заново. Воспоминания были печальны — стоило ли полировать этот металл? Чудом он вырвался из той невыносимой жизни…

Грэм вернулся к своему нынешнему положению. Попытался разобраться с фактами — напрасно. Запутался в клубке противоречий. Сквозь вентилятор виднелось розовое рассветное небо. Из темных закоулков памяти возникла старая навязчивая мысль. «Я должен уснуть», — сказал он себе. Сон казался блаженным отдыхом от умственного напряжения и от нарастающей боли и тяжести в конечностях. Он подошел к странной небольшой кровати, лег и скоро уснул.

Поневоле Грэму пришлось основательно ознакомиться со своим жилищем, ибо заключение его длилось три дня. За все время никто, кроме Говарда, не появлялся в его комнатах. Загадочность его дальнейшей судьбы перемешалась с загадочностью пробуждения и как бы затмила ее. Грэм явился человечеству словно для того, чтобы оказаться упрятанным в это непонятное одиночное

узилище. Говард приходил регулярно, принося укрепляющие и питательные напитки и легкую приятную пищу, несколько непривычную для Грэма. Всегда тщательно запирал за собой дверь. Вел себя обходительно, однако посвящать Грэма в события, которые происходили за звуконепроницаемыми стенами, явно не желал. Насколько мог вежливо Говард избегал разговоров о положении дел во внешнем мире.

Эти три дня Грэм много и напряженно думал. Сложил воедино все увиденное, все изощренные уловки, которые изобретались, чтобы помешать ему видеть больше. Обсудил сам с собой почти все детали своего положения и дал им истолкование. Благодаря этому уединению он смог осмыслить происходившие с ним события. И когда наступил момент освобождения, он был к нему готов…

Поведение Говарда все больше укрепляло в Грэме впечатление о своей значительности. Вместе с Говардом в дверь словно врывался ветер важных событий. Вопросы Грэма становились все более целенаправленными и определенными. Говард увиливал от них, повторяя, что пробуждение Грэма застало всех врасплох и к тому же совпало с потрясениями в обществе.

— Чтобы объяснить это, мне пришлось бы рас-

сказать вам нашу историю за последние полтора гросса лет, — отвечал Говард на его расспросы.

— Это означает, — заявил ему Грэм, — что вы опасаетесь моего вмешательства. Я ведь в некотором роде третейский судья. Мог бы стать таким судьей.

— Это не так. Но, должен вам сказать, ваше огромное состояние дает вам большие возможности для вмешательства. Вы влиятельны и по другим причинам — у вас взгляды человека восемнадцатого века…

— Девятнадцатого, — поправил Грэм.

— У вас взгляды старого времени и полное невежество в делах нашего государства…

— По-вашему, я глуп?

— Вовсе нет.

— Или похож на человека, который стал бы действовать опрометчиво?

— От вас вообще никогда не ожидали никаких действий. Никто не рассчитывал на ваше пробуждение. Никто и не мечтал, что вы когда-нибудь проснетесь. Совет содержал вас в стерильных условиях. По сути дела, мы считали, что вы давно мертвы, но процесс разложения остановлен. А между тем… нет, это слишком сложно. Мы не можем так быстро… пока вы еще не полностью

проснулись.

— Так не может продолжаться, — сказал Грэм. — Предположим, все так, как вы сказали. Но почему тогда в меня днем и ночью не впихивают всю мудрость нового времени, главные факты и проблемы, чтобы подготовить меня к ответственной роли? Знаю ли я сейчас больше, чем два дня назад, — прошло два дня, как я проснулся, не так ли?

Говард поджал губы.

— Я с каждым часом все яснее начинаю понимать, — продолжал Грэм, — что есть заговор молчания и что вы — центр этого заговора. В этом Совете, или комитете, или как он там называется, стряпают отчеты о моей собственности, разве не так?

— Выражая такие подозрения… — начал было Говард.

— Ох! — перебил его Грэм. — Попомните мои слова, худо придется тем, кто держат меня здесь. Придется худо. Я жив, не сомневайтесь. Я жив, и с каждым днем мой пульс бьется сильнее, а мозг работает яснее и энергичнее. Мне больше не нужен покой. Я — человек, вернувшийся к жизни. И я хочу жить…

— Жить!

Лицо Говарда просияло, словно он что-то придумал. Он приблизился к Грэму и заговорил спокойно и доверительно:

— Совет изолировал вас здесь ради вашего же блага. Вы отвергаете покой. Это естественно, ведь вы такой энергичный человек! Вам здесь скучно. Но мы могли бы удовлетворить любое ваше желание — любое. Чего вы хотите? Может быть, общества?

Он многозначительно умолк.

— Да, — задумчиво сказал Грэм, — общества.

— Конечно, мы небрежно относились к вашим нуждам.

— Общества толп, заполняющих ваши улицы.

— Вот как! — сказал Говард. — Боюсь, что… Но…

Грэм начал ходить из угла в угол. Говард остановился возле двери, наблюдая за ним. Намеки Говарда показались Грэму не вполне ясными. Общество? Допустим, он примет его предложение и потребует общения. Сможет ли он почерпнуть из разговора с новым собеседником хотя бы смутные сведения о борьбе, которая закипела в городе в момент его пробуждения? Грэм задумался, и смысл предложения прояснился. Он резко повернулся к Говарду.

— Что вы подразумевали под словом «общество»?

Говард поднял глаза к потолку и пожал плечами.

— Общество людей, — ответил он, и на его тяжелом лице мелькнула странная улыбка. — Наша мораль стала несколько свободней в сравнении с вашим временем, я полагаю. Если мужчина желает избавиться от скуки в обществе женщины, мы не видим в этом ничего зазорного. Наш разум очистился от закоснелых формул. У нас в городе существует определенный класс — необходимый класс, более не презираемый… скромный…

Грэм сохранял мертвое молчание.

— Вам легче будет скоротать время, — продолжал Говард. — Я должен был подумать об этом раньше, но произошло столько событий… — Он махнул рукой в сторону улицы.

Грэм заколебался. На мгновение его мыслями завладел соблазнительный женский образ. И тут же он возмутился.

— Нет! — выкрикнул Грэм и размашисто зашагал по комнате. — Все, что вы говорите и делаете, убеждает в одном: происходят важные события, которые меня затрагивают. Я не желаю «коротать время», как вы это называете. Я знаю, желания

и потворство им скрашивают жизнь — но это смерть! Угасание! В прежней жизни я решил для себя этот ничтожный вопрос. И не стану начинать все сначала. Там — город, огромные массы людей… А я сижу здесь, как кролик в мешке.

В нем закипала ярость. Он задохнулся, начал размахивать кулаками. Дав волю гневу, выкрикивал архаичные проклятия. Его жесты стали угрожающими.

— Не имею понятия, кто ваши сторонники! — кричал он. — Блуждаю в темноте, и вы держите меня в темноте! Но я знаю, знаю, меня заперли с недобрыми намерениями. С дурными намерениями! И предупреждаю вас о последствиях, предупреждаю! Как только я получу власть…

Он сообразил, что эти угрозы могут обернуться опасностью для него самого. Умолк. Говард стоял и смотрел на него с любопытством.

— Как я понял, это заявление адресовано Совету, — проговорил он.

Грэм испытал мгновенное искушение броситься на этого человека, сбить с ног, оглушить. Это, по-видимому, отразилось на его лице; во всяком случае, реакция Говарда оказалась быстрой. В мгновение ока бесшумная дверь захлопнулась, и человек из девятнадцатого века остался в оди-

ночестве.

С минуту Грэм простоял неподвижно, сжимая кулаки. Затем руки его опустились.

— Ну и дурака же я свалял! — воскликнул он и снова зашагал по комнате, выкрикивая ругательства.

Он долго не мог успокоиться, проклиная свое положение, собственное безрассудство и негодяев, которые его заперли. Он вел себя так потому, что не хотел спокойно обдумать свое положение. Предпочел впасть в ярость, потому что не хотел оказаться во власти страха.

Наконец он начал рассуждать. Непонятно, зачем его заперли, но, без сомнения, это сделано на основе законов — новых законов. Люди ушли на двести лет вперед по пути цивилизации по сравнению с викторианским поколением. Маловероятно, что они менее… гуманны. Правда, они очистили свой разум от старых формул! Может быть, для них гуманность — такая же устаревшая формула, как, скажем, целомудрие?

В воображении появлялись варианты того, что могли с ним сделать. Но попытки разобраться в этих вариантах — хотя большинство из них были вполне логичны — оказались бесплодными. «А почему со мной должны что-то сделать?» — поду-

мал он и заговорил вслух:

— В худшем случае я могу выполнить все, чего они хотят. Но чего они хотят? И почему они не попросят об этом вместо того, чтобы держать меня здесь?

Он вернулся к прежним раздумьям о возможных намерениях Совета. Заново перебрал в уме особенности поведения Говарда, его мрачные взгляды, необъяснимые колебания. Затем некоторое время мысли крутились вокруг идеи побега из этих комнат; но куда бежать в этом огромном, переполненном людьми мире? Он попал бы в худшее положение, нежели саксонский крестьянин, неожиданно заброшенный в Лондон девятнадцатого века. К тому же он не знал, как вообще можно отсюда убежать. А может быть, кому-то выгодно, чтобы при побеге с ним случилось несчастье?

Он подумал о мятеже, о крупных волнениях, осью которых каким-то образом стала его персона. Из мрака памяти выплыла фраза, вроде бы не относящаяся к делу, но странно навязчивая. Эти слова были тоже сказаны в Совете: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»[18].

---

[18] Notes: 18
Ин. XI, 50.

Глава VIII
На крышах

Вращающиеся лопасти вентилятора впускали сквозь круглое отверстие в потолке второй комнаты не только проблески ночного неба, но и какие-то неясные звуки. И Грэм, стоявший под вентилятором, вздрогнул, услышав человеческий голос.

Он посмотрел вверх и между мелькающими лопастями разглядел неясные очертания головы и плеч человека, наблюдающего за ним. Темная рука потянулась в его сторону, вентилятор ударил по ней и как ни в чем не бывало продолжил вращение. На кромке лопасти появилось маленькое коричневатое пятно, и что-то начало беззвучно капать на пол.

Грэм посмотрел вниз и увидел у своих ног пятна крови. Испуганно поднял глаза. Силуэт исчез.

Он стоял неподвижно, вглядываясь в мелькающие между лопастями полоски ночной темноты. Стали различимы какие-то темные пятнышки, легко проносящиеся в воздухе. Они летели вниз, к нему, кружась и взмывая, но поток воздуха от

вентилятора отбрасывал их прочь. Попадая в мелькающий луч, пятнышки вспыхивали белизной и снова уносились во тьму. Стоя в теплой, освещенной комнате, Грэм понял, что в нескольких футах от него идет снег.

Он прошелся по комнате и вернулся к вентилятору. Увидел, что голова появилась снова. Послышался шепот. Затем — резкий металлический удар, голоса, пыхтенье, и вентилятор остановился. Рой снежинок ворвался в комнату и, не долетев до пола, исчез.

— Не бойтесь, — сказали наверху.

Грэм стоял под вентилятором.

— Кто вы? — прошептал он.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме скрипа отгибаемой лопасти, потом в отверстие осторожно просунулась голова мужчины. Грэм увидел его лицо как бы перевернутым. Черные волосы были мокрыми от тающего снега. Руку он протянул назад, в темноту, держась за что-то невидимое. У него было молодое лицо и блестящие глаза. Вены на лбу надулись; человек явно должен был напрягать все силы, чтобы удерживаться в таком положении.

Несколько секунд оба молчали.

— Вы и есть Спящий? — спросил наконец незна-

комец.

— Да, — ответил Грэм. — Что вам нужно от меня?

— Я пришел от Острога, сир.

— От Острога?

Человек в вентиляторе повернул голову, словно прислушиваясь, и Грэм увидел его лицо в профиль. Послышался окрик, и незнакомец отпрянул назад, едва успев увернуться от завертевшихся лопастей. Сколько ни вглядывался Грэм, он не увидел ничего, кроме медленно падающего снега.

Прошло, наверное, с четверть часа, пока не раздался такой же металлический звук. Лопасти остановились, и стало видно знакомое лицо. Грэм все это время простоял не сходя с места, настороженный и дрожащий от возбуждения.

— Кто вы? Чего вы хотите? — повторил он.

— Нам нужно поговорить с вами, сир, — сказал незнакомец. — Мы хотим… Мне трудно удержать эту штуку. Все три дня мы пытались пробраться к вам.

— Это освобождение? — прошептал Грэм. — Побег?

— Да, сир. Если вам будет угодно.

— Вы мои сторонники? Сторонники Спящего?

— Да, сир.

— Что я должен делать? — спросил Грэм.

В отверстии началась возня. Показалась кровоточащая рука незнакомца, затем он свесил ноги.

— Отойдите в сторону, — сказал он и тяжело спрыгнул, упав на руки и ударившись плечом о пол у ног Грэма.

Освобожденный вентилятор шумно завертелся. Незнакомец откатился в сторону и проворно поднялся. Шумно дыша и держась за ушибленное плечо, он смотрел своими блестящими глазами на Грэма.

— Так вы и вправду Спящий! — произнес он. — Я видел вас, когда вы спали. Когда был закон, позволявший всем смотреть на вас.

— Я — тот человек, который находился в летаргии, — ответил Грэм. — Они заперли меня сюда. Я здесь с тех пор, как проснулся, — не меньше трех дней.

Незнакомец хотел ответить, но что-то услышал, быстро взглянул на дверь и вдруг подбежал к ней, выкрикивая непонятные слова. Блестящий стальной клин сверкнул в его руке, и он стал колотить по дверным петлям.

— Берегись! — послышался голос сверху.

Грэм поднял голову, увидел подошвы чьих-то

ног и попытался увернуться, но не успел; тяжелый удар сбил его с ног. Он упал на четвереньки, и свалившийся сверху человек перекатился через его голову. Выпрямившись, Грэм увидел второго незнакомца, сидящего перед ним на полу.

— Я не заметил вас, сир, — пропыхтел тот, поднимаясь и помогая Грэму встать на ноги. — Вы не ушиблись, сир?

Послышались сильные удары по вентилятору; сверху, чуть не задев лицо Грэма, свалилась полоса белого металла, отскочила и плашмя легла на пол.

— Что это? — вскрикнул Грэм, в смятении глядя на вентилятор. — Кто вы? Что вы задумали? Послушайте, я ничего не понимаю.

— Отойдите, — сказал новоприбывший и отгащил его из-под вентилятора. Оттуда выпал еще один тяжелый кусок металла. — Мы хотим, чтобы вы пошли с нами, сир, — сказал человек, переведя дыхание. Взглянув ему в лицо, Грэм заметил на лбу свежий, быстро краснеющий шрам, из которого двумя струйками текла кровь. — Ваш народ призывает вас.

— Пойти с вами — но куда? Что значит — мой народ?

— В зал над рынками. Здесь ваша жизнь в

опасности. У нас есть лазутчики. Мы узнали как раз вовремя. Совет только что принял решение — одурманить вас или убить. У нас все готово. Люди обучены, с нами охрана ветряных двигателей, инженеры и половина обслуги движущихся дорог. Залы полны людей. Они кричат. Весь город против Совета. У нас есть оружие. — Он вытер кровь со лба. — А здесь ваша жизнь не стоит и…

— Но зачем оружие?

— Народ восстал, чтобы защитить вас, сир. Что там? — Он быстро повернулся к двери, потому что его товарищ предостерегающе зашипел сквозь зубы. Грэм увидел, как первый незнакомец знаками приказывает им спрятаться, а сам отходит в сторону, чтобы открывающаяся дверь загородила его.

Едва он успел это сделать, как вошел Говард с небольшим подносом в руке. Его крупное лицо было мрачно, глаза опущены. Он вздрогнул, поднял голову, дверь с треском захлопнулась, поднос покачнулся, и стальной клин вонзился в его шею за ухом. Говард упал, как подрубленный, и остался неподвижно лежать на полу передней комнаты. Человек, нанесший удар, торопливо наклонился, вгляделся в его лицо, выпрямился и, повернувшись к двери, возобновил свою работу.

— Он принес вам яд! — сказал кто-то на ухо Грэму.

И тут внезапно все погрузилось в темноту. Бесчисленные лампочки, горевшие вдоль карнизов, потухли. Грэм увидел отверстие вентилятора, в котором призрачно метались снежинки и проворно передвигались черные фигуры. Трое встали на колени над отверстием и спустили вниз лестницу. Затем показалась рука, держащая яркий желтый фонарь.

На мгновение Грэм заколебался. Но поведение этих людей, их лихорадочная спешка, их слова так согласовывались с его собственным страхом перед Советом, с его мыслями и надеждой на побег, что сомнения длились не более минуты. Народ ждал его!

— Я ничего не понимаю, — сказал он. — Но верю вам. Скажите, что нужно делать.

Человек с рассеченным лбом схватил Грэма за руку.

— Поднимайтесь по лестнице, — шепнул он. — Быстрее. Они могли услышать…

Грэм протянул руки, нащупал лестницу, поставил ногу на нижнюю перекладину и, повернув голову, через плечо стоявшего позади человека увидел в отблеске желтого света, что первый

незнакомец, расставив ноги над Говардом, продолжает возиться возле двери. Грэм снова повернулся к лестнице; с помощью людей, собравшихся наверху, и подталкиваемый сзади незнакомцем, он пролез через отверстие вентилятора и очутился на твердой, холодной и скользкой поверхности.

Грэма пробрала дрожь. Он понял, насколько здесь холоднее. С полдюжины людей окружили его, легкие хлопья снега падали на лицо и руки и таяли. Вдруг темноту прорезала вспышка мертвенного фиолетового света, и все снова погрузилось во мрак.

Он видел, что оказался на крыше огромной городской постройки, заменившей мешанину домов, улиц и открытых пространств викторианского Лондона. Он стоял на плоскости, которую во всех направлениях пересекали толстые змеящиеся кабели. Во мраке и снегопаде маячили гигантские колеса ветряных двигателей, их гул то нарастал, то стихал, следуя за порывами ветра. В некотором отдалении снизу пробивался прерывистый луч белого света, мимолетным блеском высвечивая снежные вихри и лепя из них в ночи призрачные фигуры. То тут, то там далеко внизу озарялись искрами смутные очертания каких-то

механизмов, приводимых в действие ветром.

Глаза Грэма воспринимали лишь отдельные фрагменты окружающего, пока вокруг стояли его спасители. Один из них накинул на него толстый мягкий плащ из материала, похожего на мех, и закрепил на плечах и талии ремешками с пряжками. Короткие решительные команды. Кто-то подтолкнул Грэма вперед.

Прежде чем он успел собраться с мыслями, почти невидимый во тьме человек схватил его за руку.

— Сюда, — сказал он Грэму, увлекая его за собой по плоской крыше в направлении к тусклому полукругу света. Грэм повиновался. — Осторожнее! — сказал проводник, когда Грэм споткнулся о кабель. — Идите между кабелями, а не поперек. Мы должны поторопиться.

— Но где же народ? — спросил Грэм. — Народ, который, как вы сказали, ожидает меня?

Незнакомец не ответил. Он отпустил руку Грэма, так как проход сделался у́же, и быстрыми шагами пошел впереди. Грэм вслепую последовал за ним. Через минуту он почувствовал, что бежит.

— Другие тоже с нами? — пропыхтел он, но не получил ответа. Его спутник оглянулся и побе-

жал еще быстрее. Они наткнулись на дорожку из металлических прутьев, пересекавшую их путь, и по ней свернули в сторону. Грэм посмотрел назад, но за снежной пеленой никого не увидел.

— Вперед! — крикнул проводник. Они подбежали к небольшому ветряному двигателю, вращавшемуся высоко вверху. — Пригнитесь, — скомандовал спутник Грэма, и они поднырнули под приводной ремень, с гудением бежавший от вала ветряка. — Теперь сюда! — Увязая по щиколотки в нанесенном ветром тающем снегу, они двинулись по металлическому желобу, огражденному стенками в половину человеческого роста.

— Я пойду первым, — сказал проводник.

Грэм, завернувшись в плащ, последовал за ним. Впереди появилась неширокая пропасть; желоб уходил на другую ее сторону, в снежную мглу. Грэм глянул вниз через боковую стенку: все черно. На мгновение он пожалел, что решился на побег. Взглянуть второй раз он побоялся, у него начала кружиться голова и кружилась все время, пока он брел и брел по снежной каше.

Выбравшись из желоба, они поспешили дальше по широкой ровной площадке, мокрой от талого снега и местами достаточно прозрачной, чтобы пропускать свет движущихся внизу огней.

Грэм нерешительно ступил на эту показавшуюся ему ненадежной поверхность, но проводник бежал по ней уверенно. Так они добрались до подножия огромного стеклянного купола, по скользким ступенькам взобрались на его край и обошли вокруг. Далеко внизу виднелись толпы танцующих, сквозь купол просачивалась музыка… Грэму почудилось, что сквозь метель он слышит какие-то крики, и проводник снова стал его торопить. Тяжело дыша, они выбрались на пространство, уставленное гигантскими ветряными двигателями. Один был так огромен, что Грэм видел лишь концы его лопастей, когда они стремительно пролетали мимо и снова взмывали в ночь, в снежное облако наверху. Некоторое время беглецы пробирались сквозь ажурные переплетения его колоссальных металлических опор и наконец оказались над движущимися платформами, вроде тех, что Грэм видел с балкона. Пришлось ползти по наклонной прозрачной крыше, перекрывающей эту движущуюся улицу, ползти на четвереньках по скользкому снегу.

Стекла запотели, и Грэм видел внизу только смутные очертания, но возле гребня стекла оказались чище, и он, несмотря на увещевания проводника, стал смотреть вниз. У него закру-

жилась голова, и некоторое время он лежал, распластавшись на стекле, словно парализованный. Далеко внизу, в непрестанном дневном свете никогда не засыпающего города двигались пятнышки и точки — шли люди. Ни на мгновение не останавливались платформы. Курьеры и люди других, неизвестных занятий скользили по провисающим тросам; ажурные подвесные мостики были запружены народом. Грэму казалось, что он смотрит внутрь гигантского стеклянного улья; только стекло неведомой толщины предохраняло его от падения со страшной высоты. Внизу, на освещенных улицах было тепло, а одежда Грэма до нитки пропиталась талой водой, ноги онемели от холода. Некоторое время он не мог шевельнуться.

— Давайте же, скорее! — кричал проводник, и в его голосе слышался ужас. — Скорее!

Грэм с усилием добрался до гребня крыши.

Перевалив на противоположный скат, он по примеру проводника перевернулся на спину и быстро съехал под уклон, увлекая за собой небольшую снежную лавину. Скользя вниз, он успел подумать, что будет, если на пути попадется пробоина в кровле. На краю крыши Грэм встал по щиколотку в снежной каше, благодаря небеса за

непрозрачную опору под ногами. Его проводник уже выбирался по металлической решетке на широкое плоское пространство.

Сквозь редкие снежные хлопья виднелась еще одна линия огромных ветряков, и вдруг в монотонный гул вращающихся лопастей ворвался пугающий звук. Это был неживой, механический визг невероятной силы, идущий, казалось, одновременно со всех сторон горизонта.

— Они уже хватились! — с ужасом в голосе прокричал проводник.

Вспыхнул ослепительный свет, и ночь превратилась в день.

Среди снежных вихрей над ветряками появились высокие мачты с шарами, излучающими синеватый свет. Они тянулись бесконечными рядами во всех направлениях. Они сияли везде, куда мог достать взгляд сквозь снежную завесу.

— Сюда! — крикнул проводник и толкнул Грэма к длинной металлической решетке, идущей между двумя слегка наклонными плоскостями, засыпанными снегом. Онемевшие ноги Грэма ощутили тепло — из решетки вырывались чуть заметные облачка пара.

— За мной! — прокричал проводник.

Он был в десятке ярдов впереди и, не дожидаясь

Грэма, проворно побежал по залитому светом пространству к железным опорам следующего ряда ветряков. Грэм столь же быстро последовал за ним, уверенный, что его вот-вот схватят…

Через десяток-другой секунд они оказались внутри хитросплетения полос света и черных подвижных теней, отбрасываемых чудовищными ветряными колесами. Проводник Грэма еще некоторое время бежал, но вдруг кинулся в сторону и исчез в тени ближайшей опоры. Спустя секунду, Грэм был рядом с ним.

Они перевели дух и осмотрелись.

Странное зрелище открылось Грэму. Снег почти совсем прекратился, лишь изредка проносились запоздалые хлопья. Широкое пространство было мертвенно-белым. На фоне белизны выделялись огромные сгустки, движущиеся пятна, длинные полосы непроницаемой тьмы — тени неуклюжих титанов. Огромные металлические сооружения, чудовищных размеров стальные фермы, медленно вращающиеся в затишье крылья ветряных двигателей — все это круто уходило вверх, в светящийся туман. И куда бы ни ударял расцвеченный снежными блестками свет, становились видны брусья, и балки, и приводные ремни, бегущие с неукротимым упорством вверх и вниз,

в черноту. Но при всей этой могучей деятельности, при очевидном присутствии человеческого разума в этих конструкциях, безлюдье вокруг заснеженных механизмов было столь полным, что вызывало в воображении самые пустынные и малопосещаемые снежные вершины в Альпах.

— Они будут гнаться за нами, — прокричал проводник. — Мы едва прошли половину пути. Как ни холодно, придется сидеть и ждать, пока снег не пойдет сильнее. — Зубы его стучали.

— Где же эти рынки? — глядя вокруг, спросил Грэм. — Где люди?

Спутник не ответил.

— Глядите! — прошептал Грэм, согнулся еще сильней и замер.

Снег вдруг снова повалил, и вместе с ним из черной бездны неба выскользнуло что-то большое и очень стремительное. С крутым разворотом пошло вниз, промчалось по кругу на распростертых широких крыльях, оставляя позади полосу конденсирующегося пара, легко поднялось, полетело по широкой дуге и опять пропало в мелькающих хлопьях снега. За ребрами машины Грэм рассмотрел двух суетящихся человечков, изучавших, как ему показалось, в полевые бинокли снежное пространство вокруг беглецов.

Секунду он видел их отчетливо, затем их закрыла пелена снега, потом фигурки стали совсем крошечными, пока наконец не исчезли.

— Теперь пора! — крикнул проводник. — Пошли!

Он потянул Грэма за рукав, и они побежали под стальными опорами ветряных двигателей. Грэм, ничего не видящий из-за снега, вдруг столкнулся со своим проводником, который неожиданно повернул назад. Они оказались в десятке ярдов от черной щели. Она тянулась в обе стороны насколько мог видеть глаз. Похоже, что путь вперед был отрезан.

— Делайте как я, — прошептал проводник.

Он ползком подобрался к краю щели, заглянул туда и свесил ногу. По-видимому, нащупал какую-то опору и соскользнул в темноту. Высунул голову.

— Здесь есть выступ, — прошептал он. — Всю дорогу будет темно. Повторяйте мои движения.

Поколебавшись, Грэм опустился на четвереньки, подполз к краю и посмотрел в бархатную черноту. Было отвратительное мгновение, когда у него не хватало храбрости ни двинуться вперед, ни отступить, но потом он сел, спустил ногу во тьму. Проводник потянул его вниз. Он с

ужасом ощутил, что соскальзывает в бездонную пропасть. В непроницаемой тьме раздался глухой звук — Грэм упал в желоб, забитый талым снегом.

— Сюда, — послышался шепот, и он пополз по слякоти, прижимаясь к стене. Так они двигались несколько минут. Казалось, за это время он до дна погрузился в пучину несчастья, с каждой минутой все мучительнее мерз, промокал и терял силы. Перестал ощущать свои руки и ноги.

Желоб шел под уклон, и Грэм заметил, что теперь они находятся на много футов ниже края кровли. Над ними возникли ряды каких-то призрачных белых контуров, похожих на занавешенные окна. Они подошли к тросу, закрепленному над одним из этих белых окон. Трос был едва различим, он спускался в непроницаемую черноту. Вдруг проводник схватил Грэма за руку и чуть слышно шепнул:

— Тихо!

Вздрогнув, Грэм посмотрел вверх и увидел в снегопаде огромные крылья летающей машины, медленно и беззвучно скользящей над их головами по сине-серому небу. Мгновение — и машина исчезла.

— Не двигайтесь, она сейчас вернется.

Некоторое время они не шевелились. Затем спутник Грэма поднялся и стал возиться с чем-то у места крепления троса.

— Что это такое? — спросил Грэм.

Ответом был только тихий вскрик. Проводник скрючился и застыл. Грэм увидел, что тот смотрит вдоль длинной полосы неба, и, проследив за его взглядом, заметил вдалеке маленькую, едва различимую летающую машину. Она летела прямо на них, распрямляя крылья и увеличиваясь с каждым мгновением.

Движения проводника стали лихорадочными. Он сунул в руки Грэму две скрещенные перекладины. Их форму в темноте Грэм смог определить только ощупью. Тонким шнуром они крепились к тросу. На шнуре он нащупал петли для рук из эластичного, мягкого материала.

— Пропустите крестовину между ног, — отчаянно зашептал проводник, — и держитесь за петли. Крепче держитесь!

Грэм сделал, что было велено.

— Прыгайте! Ради всего святого, прыгайте!

В этот решительный момент Грэм потерял дар речи. Позже он был рад, что темнота скрыла его лицо. Он молчал и дрожал всем телом. Посмотрел вбок, на быструю тень, которая, закрывая небо,

мчалась к нему.

— Прыгайте! Прыгайте ради Бога! Или они схватят нас! — закричал проводник и в отчаянии толкнул Грэма вперед.

Он судорожно дернулся, неожиданно для себя издал то ли крик, то ли рыдание и, когда летающая машина проносилась над ними, упал в темную бездну, сидя на деревянной крестовине и мертвой хваткой вцепившись в петли. Что-то треснуло, что-то резко ударило в стену. Он слышал жужжание блока, летящего по тросу. Он слышал крики аэронавтов. Колени проводника впивались ему в спину… Грэм несся вперед, рассекая воздух, падал в пустоту. Вся его сила сосредоточилась в руках. Хотелось кричать — дыхание перехватило.

Он влетел в ослепительный свет и от неожиданности еще крепче вцепился в петли. Узнал широкую улицу с бегущими дорогами, подвешенные светящиеся шары и переплетения ферм. Огни летели мимо него вверх. Впереди возникло огромное круглое отверстие, похожее на пасть, готовую его поглотить.

Он снова оказался в темноте и все падал, падал, до боли сжимая петли, но что это? Лавина звуков, вспышка света — внизу ярко освещен-

ный зал, заполненный ревущей толпой. Народ! Его народ! Спереди надвигалась широкая сцена — трос уходил в круглое отверстие справа от нее. Он почувствовал, что движется медленнее, еще медленнее. Резкое торможение. Услышал крики: «Спасен! Хозяин! Он спасся!» Скорость падала все стремительней. И вдруг…

Он услышал, как человек, висевший у него за спиной, вскрикнул словно от испуга, и крик этот подхватила толпа внизу. Они уже не скользили по тросу, а падали вместе с ним. Оглушительный рев, вопли ужаса. Он наткнулся вытянутой рукой на что-то мягкое, рука подвернулась при ударе.

Грэм не хотел вставать, и его подняли. Затем как будто перенесли на сцену, дали что-то выпить, — впрочем, он не был в этом уверен. Проводник куда-то исчез. Грэм окончательно пришел в себя, уже стоя на ногах. Услужливые руки поддерживали его. Он находился в большой нише, расположенной там, где в его времена в театре помещались ложи бенуара. Если это и впрямь был театр.

В уши бил мощный гул, громогласный рев, крик несчетного множества людей:

— Это Спящий! Спящий с нами!

— Наш Хозяин! Владелец! Он с нами! Он спа-

сен!

Перед глазами колыхался огромный зал, забитый народом. Грэм не мог различить отдельных людей — только пена розовых лиц и машущих рук; он ощутил магическое воздействие гигантской толпы, оно окутывало его и поднимало. Балконы, галереи, огромные арки, за которыми открывались безграничные перспективы, — все было заполнено прижатыми друг к другу ликующими людьми. Неподалеку огромной змеей свернулся трос. Люди с летающей машины перерезали его у верхнего конца, и он свалился в зал. Народ суетился, оттаскивая его в сторону. Все здание содрогалось и гудело от рева голосов.

Нетвердо стоя на ногах, Грэм озирался вокруг. Кто-то поддерживал его под руку.

— Отведите меня в какую-нибудь маленькую комнату, — со слезами попросил Грэм, — в маленькую комнату. — Больше он ничего не смог вымолвить.

Вперед выступил человек в черном и взял его безвольную руку. Какие-то люди услужливо распахнули двери, подвели его к креслу. Он пошатнулся. Сел, закрыл лицо руками. Его трясло как в лихорадке, душевные силы были на исходе. Кто-то успел снять с него плащ, его пурпурные

чулки были мокры и казались черными. Вокруг сновали люди, что-то происходило, но он ничего не замечал.

Ему удалось бежать. Тысячи голосов кричали об этом. Он спасся. Эти люди были на его стороне. Грэм задыхался. Он сидел неподвижно, все еще закрывая лицо. Воздух полнился криками бесчисленной толпы.

Глава IX
Народ поднимается

Грэм вдруг понял, что ему дают в руку стакан с прозрачной светлой жидкостью. Поднял голову и увидел, что стакан держит темноволосый юноша в желтой одежде. Проглотив лекарство, Грэм мгновенно ожил. Высокий человек в черном, стоявший у его плеча, указывал через полуоткрытую дверь в зал. Этот человек кричал что-то над ухом, но слов нельзя было разобрать из-за ужасающего шума. Позади стояла девушка в серебристо-сером платье, красоту которой Грэм оценил, несмотря на свое смятение. Она не сводила с него темных глаз, полных изумления и любопытства, полуоткрытые губы дрожали. Сквозь приоткрытую дверь виднелся переполненный зал. Оттуда волнами доносились топот, аплодисменты, крики. Они то замолкали, то начинались снова и нарастали до громоподобных раскатов, и это не прекращалось, пока Грэм оставался в маленькой комнате. По губам человека в черном он догадался, что тот тщетно пытается что-то объяснить ему.

Некоторое время Грэм тупо осматривался, затем резко встал, схватил говорящего за руку и крикнул:

— Скажите же мне, кто я? Кто я?

Окружающие придвинулись, стараясь расслышать его слова.

— Кто я? — повторил он, обводя глазами их лица.

— Они ничего ему не сказали! — крикнула девушка.

— Говорите же! — кричал Грэм.

— Вы — Хозяин Земли. Вы — владелец мира.

Он не поверил собственным ушам. Всем существом воспротивился этим утверждениям. Притворился неслышащим, непонимающим и снова возвысил голос:

— Я проснулся три дня назад и три дня был в заключении. Кажется, идет какая-то борьба между людьми в этом городе… Это Лондон?

— Да, — сказал юноша.

— А те, что собрались в большом зале с белой статуей Атланта? Какое отношение все это имеет ко мне? Ведь это касается меня. Почему — вот чего я не знаю… Какие-то снадобья? Кажется, пока я спал, мир сошел с ума. Или я сошел с ума. Кто эти советники под фигурой Атланта? Зачем

они собирались одурманить меня?

— Чтобы держать вас в бессознательном состоянии, — сказал человек в желтом. — Чтобы предотвратить ваше вмешательство.

— Но почему?

— Потому, что вы и есть Атлант, сир, — ответил человек в желтом. — Мир держится на ваших плечах. Они правят миром от вашего имени.

Шум, доносившийся из зала, стих, уступив место чьемуто монотонному голосу. И вдруг, словно оттолкнувшись от последних сказанных слов, взорвался многоголосый крик, гремящий и ревущий; хриплые и звенящие голоса перекрывали друг друга, забивали, смешивались, и, пока это продолжалось, люди в маленькой комнате не могли слышать ничего другого.

Грэм встал, его разум беспомощно цеплялся за только что услышанную фразу.

— Этот Совет… — безучастно повторил он, но тут же припомнил имя, которое поразило его. — А кто такой Острог?

— Он организатор — организатор восстания. Наш вождь — от вашего имени.

— От моего имени? А вы? Почему же его нет здесь?

— Он… Он послал нас. Я его брат — его сводный

брат, Линкольн. Он хочет, чтобы вы показались этим людям, а потом встретились с ним. Вот зачем он послал нас. Он сейчас в Управлении ветряных двигателей. Народ выступил.

— От вашего имени, — выкрикнул юноша. — Они захватили власть, подавляли нас, тиранили. Наконец…

— От моего имени… Мое имя — Хозяин?

Неожиданно в паузе между взрывами шума в зале Грэм хорошо расслышал слова молодого человека с красным орлиным носом и пышными усами. Громким пронзительным голосом он возмущенно проорал:

— Никто не думал, что вы проснетесь! Никто не ожидал вашего пробуждения! Они хитрили! Проклятые тираны! Но и для них это оказалось сюрпризом. Они не знали, что делать, — одурманить вас, загипнотизировать или убить.

И снова шум зала перекрыл все звуки.

— Острог в Управлении ветряных двигателей. Он готов… Уже есть сообщения, что борьба началась.

Человек, назвавшийся Линкольном, подошел вплотную к Грэму.

— Острог все спланировал. Доверьтесь ему. Наша организация готова. Мы должны захватить

летные площадки. Может быть, это уже сделано. Затем…

— В этом театре только часть наших сторонников! — выкрикнул человек в желтом. — У нас пять мириадов обученных людей…

— У нас есть оружие! — прокричал Линкольн. — У нас есть план. Есть предводитель. Их полиция убралась с улиц и скопилась в… (Грэм не расслышал.) Теперь или никогда! Совет растерян… Они не могут доверять даже своим регулярным силам…

— Слышите — народ призывает вас!

Сознание Грэма было похоже на лунную ночь с быстро бегущими облаками — то все мутно и безнадежно, то светло, но призрачно. Он был одновременно Хозяином Земли и человеком, вымокшим до нитки в талой воде. Среди всех сменяющихся впечатлений самым ярким и преобладающим было противостояние: с одной стороны — Белый Совет, обладающий властью, дисциплинированный, немногочисленный, — Белый Совет, от которого ему удалось убежать; с другой стороны — чудовищные толпы, плотные массы неразличимых людей, выкрикивающих его имя, приветствующих его как Хозяина. Противная сторона держала его в заключении и

собиралась убить. Эти кричащие люди за дверью маленькой комнаты его освободили. Но почему все так сложилось, он понять не мог.

Дверь распахнулась, голос Линкольна утонул в шуме зала. Вместе с ревом голосов в комнату ввалилась толпа. Люди, жестикулируя, подступили к нему и к Линкольну. Голоса из зала как бы озвучивали их немо шевелящиеся губы: «Покажите нам Спящего, покажите нам Спящего!»

Люди вокруг Грэма выкрикивали:

— Тише! К порядку!

Грэм взглянул в сторону открытой двери и увидел за ней панораму гигантского овального зала — множество кричащих мужских и женских лиц, развевающиеся одежды, протянутые руки. Многие стояли, изможденный человек в темно-коричневых лохмотьях взобрался на сиденье и махал черным платком. Грэм столкнулся взглядом с глазами девушки, полными удивления и ожидания. Чего ждут все эти люди от него? Смутно ощущалось, что шум снаружи изменился, сделался более ритмичным, маршевым. Его собственное восприятие тоже переменилось. Некоторое время он не мог разобраться, что на него повлияло. Но состояние, близкое к панике, прошло. Он начал снова, хотя и тщетно, задавать

вопросы.

Линкольн принялся что-то кричать ему в ухо, но Грэм был слишком оглушен. Остальные, кроме девушки, повернулись к залу и махали руками. Теперь Грэм понял, что изменилось в общем шуме. Люди пели — все вместе, единым хором. То была не просто песня — голоса сливались и возносились вместе с приливом музыки, похожей на органную; в музыке переплетались звуки фанфар, шум реющих знамен, торжественный шаг войска, выступающего на войну. Ноги отбивали ритм — трам, трам, трам.

Его подталкивали к двери. Он машинально подчинился. Сила этой песни овладела им, воодушевила, придала храбрости. Перед ним открылся зал, бушующая стихия цветных пятен, раскачивающихся в такт песни.

— Помашите им рукой, — сказал Линкольн. — Помашите им рукой!

— Подождите, — послышался голос с другой стороны, — он должен надеть это.

Чьи-то руки прикоснулись к его шее, когда он задержался в дверях, и черная мантия окутала его плечи. Грэм высвободил руку и последовал за Линкольном. Он отметил, что девушка в сером платье рядом — лицо сияет, вся устремлена

вперед. В этот момент она, раскрасневшаяся и порывистая, казалась воплощением самой песни. Грэм снова вышел в ложу. Волны песни при его появлении немедленно утихли и отхлынули с пеной выкриков. Направляемый рукой Линкольна, он наискось прошел через центр помоста и стал лицом к народу.

Пространство зала оказалось огромным и замысловато устроенным — галереи, балконы, широкие ступени амфитеатров, гигантские арки. Очень далеко вверху виднелся зев большого коридора, заполненного людьми. Все это огромное множество народа слилось в сплошную колышущуюся массу. Отдельные фигуры на мгновение выделялись из нее, привлекая его внимание, и снова пропадали. Совсем рядом с помостом трое мужчин подняли на руки белокурую красавицу — волосы падали на лицо, а она знай себе махала зеленым жезлом. Неподалеку от этой группы изможденный старик в синем отталкивал соседей, удерживая место. В толпе мелькал его лысый череп и черная яма беззубого кричащего рта. Кто-то выкрикнул таинственное имя «Острог». Все ощущения Грэма были смутны, отчетливо воспринималась только песня. Народ отбивал ритм ногами — трам, трам, трам, трам. Зеленое

оружие поблескивало и раскачивалось в руках.

Затем люди, стоявшие на свободном пространстве перед помостом, двинулись в сторону огромной арки, выкрикивая: «К Совету!» Трам, трам, трам, трам. Грэм поднял руку, и рев поднялся с удвоенной силой. Он вспомнил — нужно крикнуть: «Вперед!» Губы произносили неслышимые героические слова. Еще раз взмахнул рукой, указал на арку и скомандовал: «Вперед!» Теперь они не просто отбивали ритм; они маршировали: трам, трам, трам, трам. В этом потоке шли бородатые мужчины, старики, юноши, женщины с обнаженными руками в развевающихся платьях, молодые девушки. Мужчины и женщины нового века! Богатые одежды и серые лохмотья перемешались с доминирующим синим цветом в вихре этого движения. Чудовищных размеров черное знамя проплыло справа. Он заметил негра, одетого в синее, сморщенную старуху в желтом. Вот театрально прошествовала группа высоких светловолосых и белолицых людей в синем. Мелькнули два китайца. Высокий, темноволосый, изжелта-бледный юноша с сияющими глазами, одетый во все белое, вскарабкался на край помоста, крича какое-то приветствие, затем спрыгнул вниз и, оглядываясь, скрылся в толпе.

Головы, плечи, руки, сжимающие оружие, — все это колыхалось в такт маршу.

Лица выплывали навстречу ему и исчезали, тысячи глаз встречались с его взглядом. Люди жестикулировали, кричали ему что-то — каждый свое. Большинство лиц покрыты румянцем — но много и бледных, отмеченных печатью болезни. Немало вздымалось костлявых, худых рук. Мужчины и женщины нового века! Какая странная и невероятная встреча! В то время как широкий поток проносился мимо Грэма вправо, по проходам зала из верхних, тонущих во мгле рядов в него вливались все новые реки людей: трам, трам, трам, трам. Звучание песни обогащалось и усложнялось эхом, отраженным арками и коридорами. В рядах перемешались мужчины и женщины. Трам, трам, трам, трам! Маршировал, казалось, весь мир. Трам, трам, трам, трам — отдавалось в мозгу. Развевались синие одежды. Множились, множились лица.

Трам, трам, трам, трам! Линкольн сжал его руку, повернул к арке, и Грэм двинулся вперед, шагая в такт и не замечая этого. Движенье толпы, жесты рук, песня — все звало в одном направлении. Людской поток стекал вниз; повернутые к Грэму лица проплывали теперь на уровне его ног.

Впереди открылся проход. Грэма окружила свита — охранники, вожаки восставших; по правую руку шел Линкольн. Свита выдвинулась вперед, то и дело закрывая вид на толпу, идущую слева. Впереди были охранники в черном — тройка, еще тройка, еще одна. По узкому огороженному мостику он прошел над аркой, в которую бурно вливался поток людей, — они запрокидывали головы и приветствовали его криками. Грэм не знал, куда идет, и не хотел этого знать. Оглянулся на пылающее светом пространство зала. Трам, трам, трам, трам.

Глава X
Схватка в темноте

Театр остался позади. Грэм шел по галерее, нависающей над одной из больших улиц с движущимися платформами. Впереди и за спиной маршировала охрана. Широкий желоб движущихся путей был заполнен людской массой — топающей, марширующей, кричащей, размахивающей руками и оружием; люди появлялись справа от Грэма, разражались криками и исчезали слева, там, где шары электрического света уходили за горизонт. Трам, трам, трам, трам!

Снова послышалась песня, но не облагороженная музыкой, а хриплая и крикливая. Стук марширующих ног — трам, трам, трам, трам — смешивался теперь с топотом неорганизованной толпы на верхних платформах.

Внезапно Грэм заметил странный контраст. Дома на дальней стороне улицы казались покинутыми; тросы и мостики, связывавшие обе стороны, опустели. Это бросалось в глаза — по логике вещей там тоже должны были толпиться люди.

И тут он ощутил нечто странное, какую-то пульсацию — очень короткую. Остановился. Охранники, шедшие впереди, продолжали идти. Окружавшие его люди остановились и подняли головы. Пульсация имела какое-то отношение к светильникам. Он посмотрел вверх.

В первый момент Грэму показалось, что дело в самих светильниках, что это не связано с происходящими внизу событиям. Огромные ослепительные белые шары пульсировали подобно сердцам, сжимались и разжимались: тьма, свет, тьма, свет — быстрое чередование.

Затем он понял, что странное поведение светильников имеет прямое отношение к событиям на улице. Дома и мостовые, марширующие люди стали персонажами причудливой игры света, театра прыгающих теней. Неисчислимые тени зажили самостоятельной агрессивной жизнью, они прыгали, ширились, распространялись, мгновенно вырастали, чтобы внезапно сжаться, сгинуть и снова появиться. Стихли пение и топот. Единодушный марш прервался. В толпе возникли водовороты, боковые течения. Раздались крики: «Дайте свет!» Голоса слились в единый вопль: «Свет! Свет!» Грэм смотрел вниз. Фонари плясали танец смерти, и вся улица казалась аре-

ной чудовищной борьбы. Огромные белые шары становились розоватыми, затем пурпурными с алыми проблесками, они мигали все чаще, трепетали на грани света и тьмы, вновь зажигались и тлели красными пятнами среди моря тьмы. В десять секунд свет погас, осталась только ревущая темнота, чудовищный мрак, внезапно поглотивший многотысячную толпу.

Грэм ощущал присутствие невидимых людей рядом с собой; его схватили за руки. Что-то резко ударило по голени. Над ухом крикнули:

— Спокойно, все в порядке, все в порядке.

Он наконец опомнился. Столкнувшись нос к носу с Линкольном, прокричал:

— Почему так темно?

— Совет перерезал провода. Придется подождать. Но людей не остановить. Они хотят…

Конец фразы утонул в криках:

— Спасайте Спящего! Берегите Спящего!

Охранник в темноте налетел на Грэма и больно ушиб ему руку своим оружием. Началась дикая толкотня и давка, с каждой секундой становясь все свирепее, гуще, ожесточеннее. Он улавливал знакомые слова, но не в силах был составить из них что-то связное. Одни люди выкрикивали противоречивые приказы, другие что-то кричали

в ответ. Внизу, совсем рядом, раздались пронзительные вопли.

— Красная полиция! — крикнул кто-то над ухом и пропал раньше, чем Грэм успел о чем-нибудь спросить.

Послышался отдаленный треск, у края дальних платформ замигали слабые вспышки. В их свете Грэм различил головы и туловища людей, вооруженных так же, как и его охрана. Улицу заполнил треск, сопровождавшийся короткими вспышками огня, и вдруг темнота взвилась вверх черным занавесом.

В неожиданном потоке света открылась головокружительная картина пространства, заполненного сражающимися людьми. С платформ доносились крики. Он посмотрел вверх, отыскивая источник света. Там на тросе висел человек, держащий над улицей на длинном шнуре ослепительную звезду. Она-то и прогнала тьму.

Грэм перевел глаза на дорогу — в отдалении виднелось красное пятно. Он понял, что это плотная масса людей в красной форме, прижатых к безжалостному утесу здания толпой противников. Там шла схватка. Сверкало оружие, вздымаясь и опускаясь; головы одних исчезали, их тут же заменяли другие. Слабые вспышки,

исходившие из зеленого оружия, при ярком свете казались серыми струйками дыма.

Сияние наверху вдруг угасло, и улица опять погрузилась в чернильную темноту, в таинственный хаос.

Он почувствовал, что его тащат по галерее. Кто-то кричал — возможно, ему, но ничего нельзя было понять. Его прижали к стене, большая группа людей проскочила мимо. Казалось, его охранники сражаются друг с другом.

На тросе наверху опять появился человек со звездой, и поле битвы стало ослепительно белым. Красных мундиров становилось все больше. Они прошли уже половину пути до центральной полосы. Подняв глаза, Грэм увидел, что множество людей в красном появилось и в затемненных нижних галереях противоположного здания. Они вели огонь через головы своих товарищей по кипящему скоплению народа на нижних платформах. Смысл происходящего прояснился. Восставшие с самого начала наткнулись на засаду. Людей привели в замешательство темнотой, а затем их атаковала красная полиция. Тут Грэм заметил, что остался один, что Линкольн и охрана обогнали его. Вот они уже бегут к нему, отчаянно размахивая руками. Громкий вопль раздался на

другой стороне улицы. Весь фасад затемненного здания напротив усыпали люди в красном, которые с криками указывали на него.

— Спящий! Спасайте Спящего! — вопили тысячи глоток в толпе.

Что-то ударилось в стену над головой. Он оглянулся на звук и увидел звездочку расплющенного серебристого металла. Внезапно рядом возник Линкольн, схватил за руку. А затем — пам, пам! — по нему дважды промахнулись.

В первый момент он этого не понял. Потом исчезла улица — это сгорела вторая осветительная звезда. Линкольн потащил его по галерее, крича:

— Надо успеть, пока темно!

Его спешка заразила Грэма. Инстинкт самосохранения превозмог оцепенение. Слепой страх смерти гнал его, он бежал, спотыкаясь в темноте, сталкиваясь со своими охранниками, бегущими рядом. Им владело единственное желание — как можно скорее убраться с этой опасной галереи, где он как на ладони. Очень скоро вспыхнула третья звезда. Это вызвало новые крики с противоположной стороны улицы и сумятицу на платформах. Внизу красные мундиры захватили почти всю центральную полосу. Их было бессчетное множество, они кричали и смотре-

ли на Грэма. Белый фасад напротив был забит красными точками. Поразительно, но все это происходило из-за него. Он был осью этих событий. Красномундирная полиция Совета пыталась снова пленить его.

К счастью, стреляли второпях, с расстояния ста пятидесяти ярдов. Пули ударялись в стену над головой; капля расплавленного металла ужалила его в ухо. Не глядя, он знал, что весь фасад противоположного дома, заполненный красной полицией, палил по нему.

Впереди упал один из охранников, и Грэм перепрыгнул через корчащееся тело. Через секунду его, невредимого, втолкнули в черный закоулок, и сейчас же кто-то, бежавший наперерез, с ходу налетел на Грэма. Он покатился вниз по лестнице в абсолютной темноте, снова с кем-то столкнулся и уперся руками в стену. На спину навалилась куча тел. Толпа давила так, что нельзя было вздохнуть, ребра трещали. Потом — короткая передышка, но тут плотная масса народа потащила его назад, к огромному театру, оставленному совсем недавно. Временами его ноги не касались пола. Толпа сжимала и раскачивала Грэма. Он услышал крик: «Они приближаются!» — и споткнулся о что-то мягкое. Раздался хриплый

стон. Кто-то звал: «Спящий!» — но он был в таком смятении, что не мог откликнуться. Поблизости затрещало зеленое оружие. Он утратил волю, сделался атомом, слепой, нераздумывающей частицей охваченной паникой толпы. Рванулся назад, вывернулся из живых тисков, внезапно наткнулся на ступеньку и очутился на наклонной плоскости. И вдруг вокруг него из черноты возникли испуганные потные лица, призрачно бледные в мертвенном свете. Неподалеку виднелось лицо молодого человека. В тот момент Грэм только скользнул по нему взглядом, но потом это лицо часто снилось ему. Юноша, стиснутый толпой и двигавшийся вместе с ней, был мертв — его застрелили.

Человек на тросе зажег четвертую звезду. Ее сияние проникло сквозь огромные окна и арки и показало Грэму, что сейчас он — частица густой массы людей, загнанных в партер огромного театра. Мертвенный свет заливал представшую его глазам картину, перечеркнутую и расчлененную на фрагменты черными тенями. Почти рядом красные стражи пробивали себе дорогу в толпе. Он не знал, заметили его или нет. Стал искать глазами Линкольна и свою охрану. Линкольн стоял неподалеку от сцены, окруженный толпой

революционеров в черном, вытягивая шею и словно высматривая его в толпе. Грэм сообразил, что позади, за барьером, поднимаются пустые теперь ряды кресел. Неожиданная идея пришла ему в голову, и он стал пробиваться к барьеру, но, когда добрался до него, свет снова погас.

Грэм сбросил большой черный плащ, который не только стеснял движения, но и привлекал излишнее внимание. Было слышно, как в темноте кто-то запутался в толстой ткани. Затем он перескочил барьер и упал в полосу густой тени. Ощупью находя дорогу, двинулся к началу прохода, ведущего вверх. В темноте стрельба прекратилась, топот и крики стали тише. Вдруг Грэм споткнулся и упал. В это мгновение островки туманного света среди тьмы снова вспыхнули ярким сиянием — и снова послышался рев голосов. Блеск пятой белой звезды проник сквозь широкие проемы в стенах театра.

Грэм перекатился между креслами, слыша крики и трескотню выстрелов, поднялся и тут же был сбит с ног людьми в черном, которые, скопившись в этом месте, стреляли в наступающие снизу красные фигуры, перепрыгивали с кресла на кресло, прятались за ними, чтобы перезарядить оружие. Инстинктивно Грэм лег между

рядами, глядя, как шальные пули вспарывают надувные подушки кресел и оставляют глубокие светлые отметины на мягком металле каркасов. Инстинктивно же он старался запомнить направление проходов, выбирая наиболее подходящий путь для бегства в ожидаемой темноте.

К нему подбежал, перепрыгивая через сиденья, юноша в выцветшей светло-синей одежде. «Привет», — крикнул он. Его ноги были дюймах в шести от лица скорчившегося Спящего. По-видимому, не узнав его, юноша повернулся, выстрелил и с криком: «К черту ваш Совет!» — изготовился для нового выстрела. В этот миг половина шеи у него внезапно исчезла. Капля влаги брызнула на щеку Грэма. Зеленое оружие юноши застыло. Секунду он стоял неподвижно, лицо его утратило всякое выражение, затем начал медленно клониться вперед. Его колени подломились. Человек и тьма упали одновременно. Услышав звук падения тела, Грэм вскочил и кинулся бежать со всех ног, пока не споткнулся о ступеньку у входа в коридор. Поднялся на ноги и побежал снова.

Когда зажглась шестая звезда, он был уже близко к зияющей глотке коридора. Изо всех сил рванулся — прочь от света, выбежал в проход, свернул за угол, снова в абсолютную ночь, и

оказался в толпе таких же невидимых беглецов. Его отбросили в сторону, он откатился, вскочил на ноги. У всех здесь была одна мысль — как выбраться из этой схватки. Он толкался локтями, пробиваясь вперед, бежал, когда удавалось, и, наконец, вырвался на свободу.

Несколько минут он бежал в темноте по извилистому проходу, пересек какое-то широкое открытое пространство и оказался у лестничного марша, ведущего на ровную площадку. Люди, собравшиеся здесь, кричали: «Они приближаются! Стражники близко! Они стреляют! Уходите отсюда! Они стреляют! Безопаснее всего на Седьмом пути! Все на Седьмой путь!» В толпе было много женщин и детей.

Люди ринулись под арку и выбежали на открытое, тускло освещенное место. Темные фигуры впереди взбирались на какие-то огромные ступеньки. Грэм последовал за ними. Люди рассеялись, кто вправо, кто влево… Он остановился возле самой высокой ступеньки. Здесь стояли несколько сидений и небольшой киоск. Грэм подошел к нему и, задыхаясь, остановился в тени навеса.

Все вокруг было смутно и серо, но он понял, что огромные ступени — это платформы движущих-

ся дорог, застывшие теперь в неподвижности. Платформа была с закруглениями на концах; за ней поднимались высокие дома, гигантские туманные призраки; пестрели едва различимые надписи и рекламы, и только далеко вверху сквозь фермы и тросы виднелась узкая полоска бледного неба. Несколько человек пробежали мимо. Они перекликались, из их слов было понятно, что они спешат на помощь к сражающимся. Другие люди тихо крались в тени домов.

Издалека, с другого конца улицы, доносился гул боя. Но это явно была не та улица, на которой стоял театр. Та схватка, казалось, внезапно ушла в небытие, и звука ее не было слышно. А ведь сражались-то из-за него…

Он чувствовал себя человеком, который, оторвавшись от увлекательной книги, вдруг засомневался в прочитанном, поначалу принятом на веру. Прежде он обращал мало внимания на детали — все вытесняло изумление. Удивительно, однако, что в то время как побег из тюрьмы Совета, огромная толпа в зале театра, атака красной полиции на собравшийся народ ясно сохранились в памяти, ему стоило больших усилий припомнить пробуждение или дни в Комнатах Безмолвия. Поначалу память перепрыгивала че-

рез эти эпизоды и возвращала его к трепещущему под ветром водопаду в Пентаргене, к мрачному величию залитого солнцем побережья Корнуолла. По контрасту все казалось нереальным. Наконец брешь между воспоминаниями заполнилась, и Грэм начал понимать свое истинное положение.

Теперь оно не казалось абсолютной загадкой, как было в Комнатах Безмолвия. По крайней мере, появились общие очертания. Странная картина: он в некотором роде владел всем миром, и могущественные политические партии сражались за обладание им. С одной стороны был Совет с его красной полицией, который, похоже, решил завладеть его собственностью, а его самого, по-видимому, умертвить; с другой — освободившие его революционеры во главе с таинственным Острогом. И теперь весь гигантский город сотрясается от этой борьбы. Безумный мир!

— Я не понимаю! — закричал Грэм. — Я не понимаю!

Ну, хорошо, он проскользнул между двумя воюющими партиями в эту сумеречную свободу. Но что же будет дальше? И что происходит сейчас? Он представил себе, как люди в красном теснят одетых в черное революционеров и повсюду

ищут его.

Во всяком случае, сейчас выпала передышка. Можно спрятаться, не вызывая подозрений у встречных, и понаблюдать, как будут развиваться события. Его глаза пробежали вверх по замысловатым сумеречным фасадам необозримых зданий — казалось чудом, что где-то есть солнце, по старинке заливающее мир своим светом. Он уже отдышался, и намокшая в снегу одежда высохла.

Милю за милей он шел по сумрачным улицам, ни с кем не разговаривая, и никто не заговаривал с ним — темной фигурой среди темных фигур, жадно разыскиваемым человеком из прошлого, невольным владельцем мира. Везде, где попадались огни или особо оживленная толпа, Грэм отступал или, боясь быть узнанным, прятался на лестницах, уходивших под землю с верхних и нижних уровней. И хотя стычек нигде не случалось, весь город был взволнован сражением. Один раз Грэму пришлось бежать от вооруженного отряда, прочесывавшего улицу. Казалось, все встречные участвуют в событиях. По большей части это были мужчины; они имели при себе какие-то предметы, которые Грэм посчитал оружием. Похоже, бой сосредоточился

главным образом в том районе города, откуда он пришел, — с той стороны то и дело доносился отдаленный гул. В душе Грэма любопытство боролось с осторожностью. Осторожность все-таки взяла верх, и Грэм продолжил свой путь, удаляясь, насколько он мог судить, от места сражения. Шел сквозь темноту, незаметно, осторожно. Спустя некоторое время не стало слышно даже дальних отзвуков боя, люди попадались все реже и реже, и наконец циклопические улицы стали совсем пустынными. Фасады домов сделались плоскими и грубыми; наверное, это был квартал брошенных складов. Одиночество окутывало Грэма, и он убавил шаг.

Он ощутил нарастающую усталость. По временам сворачивал в сторону и отдыхал на многочисленных сиденьях верхних платформ. Но лихорадочное беспокойство, сознание того, какую важную роль он играет в этой борьбе, не давали ему нигде задерживаться надолго. Неужели сражались только из-за него?

Внезапно до этого пустынного места докатился удар, как от землетрясения. Пронесся ураганный холодный ветер, полетели стекла, с грохотом рушились стены. Масса стекла и железа обвалилась с крыши на середину улицы в сотне ярдов

от Грэма. Вдали послышались крики и топот. Он тоже бесцельно засуетился и бросился сначала в одну сторону, затем, также бесцельно, назад.

К нему подбежал человек. Грэм взял себя в руки.

— Что они взорвали? — спросил человек, задыхаясь. — Ведь это был взрыв? — И, не дожидаясь ответа, поспешил дальше.

Огромные дома возвышались вокруг, окутанные сумерками, хотя полосу неба вверху уже заливал дневной свет. Грэм отметил много странных вещей, пока непонятных; он даже разобрал многие надписи, сделанные фонетическим письмом. Но что толку расшифровывать странные буквы, которые после мучительных усилий зрения и ума складывались в слова: «Здесь Идемит» или: «Бюро работы — Малая сторона». Казалось абсурдным, что эти похожие на утесы дома принадлежат ему…

Теперь стало ясно, как извращенно он воспринимал происходящее. Он действительно совершил тот прыжок во времени, который много раз описывали романисты. И когда это произошло, был готов — его ум был готов — спокойно взирать на происходящее, как в театре. Но не было спектакля, была огромная, неясная

опасность, враждебные тени и завеса темноты. Смерть ищет его в этих мрачных лабиринтах. Не прикончат ли его, прежде чем он успеет все увидеть? Может быть, гибель притаилась уже на следующем углу? Огромное желание увидеть, великое стремление узнать поднялось в нем.

Теперь он боялся перекрестков. Решил, что безопасно только в укрытии. Куда прятаться, когда снова включат свет? В конце концов он уселся на сиденье под навесом на одном из верхних путей, считая, что там больше никого нет.

Грэм прижал кулаки к усталым глазам. А что, если, открыв глаза, он больше не увидит этих мрачных параллельных путей, этих нестерпимо высоких домов? Что, если все события последних дней: пробуждение, кричащая толпа, мрак и сражение — фантасмагория, новый и еще более живой сон? Это должно оказаться сном, ведь все так непоследовательно, так нелогично. Почему люди сражаются из-за него? Почему этот новый мир считает его своим Владельцем, Хозяином?

Так думал он, не открывая глаз, а потом, не доверяя своему слуху, отнял руки, почти надеясь увидеть знакомую картину жизни в девятнадцатом веке — маленькую бухту Боскасла, утесы Пентаргена или спальню в своем доме. Но фактам

нет дела до людских надежд. Отряд под черным знаменем скорым маршем пересекал затененный участок, направляясь в бой, а позади вздымалась головокружительная стена, огромная и темная, с едва различимыми, малопонятными надписями.

— Нет, это не сон, — проговорил Грэм. — Это не сон. — И тяжело опустил голову на руки.

Глава XI
Старик, который все знал

Грэм вздрогнул, услышав рядом чье-то покашливание.

Он резко обернулся и, вглядевшись, заметил маленькую сгорбленную фигуру, примостившуюся в тени ограждения в двух ярдах от него.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил хриплый тонкий голос, вероятно принадлежавший очень старому человеку.

— Никаких, — помолчав, ответил Грэм.

— Я посижу здесь, пока снова не зажгут свет, — сказал старик. — Эти синие мерзавцы тут повсюду, буквально повсюду.

Грэм невнятно пробормотал что-то. Попытался разглядеть старика, но темнота скрывала его лицо. Хотелось о многом поговорить, расспросить, но он не знал, как начать.

— Чертовски темно, — неожиданно сказал старик. — Темно и скверно. Дернуло же меня выйти из дому в такое неспокойное время.

— Да, нелегкое это дело, — отважился заметить Грэм. — Нелегко вам пришлось.

— Темнота. И старик, затерянный в темноте. Весь мир сошел с ума. Воюют, дерутся. Полиция побила их, и теперь эти мошенники болтаются здесь. Почему не вызовут негров, чтобы защитить нас?.. Нет, хватит с меня этих темных улиц. Я упал, споткнувшись о мертвеца. В компании, однако, безопасней, если это приличная компания, — продолжал старик, откровенно рассматривая Грэма.

Поднялся, подошел вплотную. По-видимому, осмотр удовлетворил его. Старик уселся, явно обрадованный, и объявил:

— Эх, что за ужасное время! Война и драка, и валяются мертвецы — мужчины, здоровенные мужчины умирают в темноте. Наши сыновья! У меня самого три сына. Бог знает, где они этой ночью, — голос у старика сорвался. Затем он хрипло повторил: — Бог знает, где они нынче…

Грэм думал, о чем бы спросить, не выдавая своего невежества. Старик заговорил снова:

— Острог победит. Он победит. Но каким станет мир при его правлении — этого никто не может сказать. Все три моих сына работают там, под ветродвигателями. И одна моя сноха когда-то была его любовницей. Его любовницей! Да, мы не из простых, хотя мне и пришлось в эту ночь

бродить по улицам, рискуя жизнью… Я-то знал, к чему все идет. Намного раньше других. Но эта темнота! Подумать только: свалиться в темноте, споткнувшись о труп!

Было слышно его сдавленное дыхание.

— Этот Острог… — сказал Грэм.

— Величайший вождь, которого только видел мир, — ответил голос.

Грэм напрягся, пытаясь найти подходящую реплику.

— У Совета мало друзей среди народа, — сказал он наугад.

— Да, мало. Все затеяла беднота. Так что их время кончилось. Эх! Надо было им вести себя поумнее. Но они два раза побеждали на выборах. И Острог… Но теперь все вырвалось наружу, и они не устоят, нет, не устоят. Дважды они провалили Острога — это Острога-то, вождя! Я слышал, что он тогда пришел в бешенство — он был ужасен. Господи, спаси их и помилуй! Ведь ничто им теперь не поможет, когда он поднял против них рабочие союзы. Никто другой на это не отважился бы. Вся синяя холстина вооружилась и выступила! И теперь он победит. Теперь победит.

Старик немного помолчал.

— Этот Спящий… — проговорил он и снова

умолк.

— Да? — откликнулся Грэм. — Что Спящий?

Старик перешел на доверительный шепот, бледное лицо придвинулось ближе.

— Настоящий-то Спящий…

— Ну?

— Умер много лет назад.

— Что? — переспросил Грэм.

— Много лет назад. Умер. Уже давно.

— Как вы можете так говорить?

— Я могу. Я знаю, что говорю. Он умер. Этот Спящий, который теперь проснулся, — им подменили ночью настоящего… Бедняк какой-то, одурманенный до бесчувствия. Но я не могу сказать всего, что знаю… — Он еще некоторое время бормотал нечто непонятное. Но великий секрет рвался наружу. — Я не знаю людей, которые усыпили беднягу, это было еще до меня, но знаю человека, который впрыснул ему стимуляторы и разбудил. Это было десять к одному — разбудить или убить. Видна рука Острога.

Грэм был так изумлен, что вынужден был прерывать старика и несколько раз переспрашивать, прежде чем удостоверился в смысле его бормотанья. Значит, пробуждение не было естественным! Может быть, старик выжил из ума, а может, в

его словах была доля правды. Покопавшись в закоулках памяти, он вдруг припомнил что-то подходящее, что могло послужить ощущением от стимулирующего укола. Грэм подумал, что наконец ему повезло и он сможет узнать у старика кое-что об этом новом мире. Тот некоторое время сипел и сплевывал, затем продолжил задумчивым голосом:

— Сначала они провалили его. Я проследил, как это все было.

— Провалили кого? — спросил Грэм. — Спящего?

— Спящего? Ну нет! Острога. Он был ужасен — ужасен! Ему, конечно, обещали… обещали избрание в следующий раз. Глупцы — не побоялись его. А теперь весь город — его мельничный жернов, а такие, как мы с вами, — мука. Просто мука. Пока он не восстановит порядок, рабочие будут резать друг другу глотки и убивать всяких там китайцев и полицейских, но нас, пожалуй, не тронут. Что творится! Мертвые валяются на улицах! Грабеж! Мрак! Такого за последний гросс лет не случалось. Ох, худо приходится маленьким людям, когда большие дерутся! Да, худо.

— Вы сказали… не было такого… за последний гросс лет? Чего не было?

— А? — переспросил старик.

Он пожаловался, что Грэм глотает слова, и заставил трижды повторить вопрос, прежде чем ответил:

— Ну, боев на улицах не было, резни, оружия у всех в руках, дураков, кричащих о свободе… Ни разу за всю мою жизнь такого не было. В старые-то времена такое бывало — к примеру, в Париже народ восстал три гросса лет назад. Вот что я имел в виду. Но так уж устроен мир. Все повторяется. Я знаю. Я знаю. Пять лет Острог не покладал рук — и вот повсюду волнения, и голод, и угрозы, и крики, и оружие. Повсюду синяя холстина и ропот. Нет безопасности. Все рушится и расползается. И вот куда мы теперь угодили! Восстание, бои повсюду — и Совету приходит конец.

— Пожалуй, вы хорошо осведомлены в этих делах, — заметил Грэм.

— Я знаю то, что сам слышал. Это мне не Болтающая Машина рассказала.

— Конечно, нет, — согласился Грэм, пытаясь сообразить, что такое Болтающая Машина. — И вы уверены, что именно Острог организовал восстание и разбудил Спящего? Только ради самоутверждения, из-за того, что его не избрали в Совет?

— Думаю, каждый об этом знает, — сказал старик. — Кроме круглых дураков. Он хотел стать хозяином. Через Совет или без него. Это всем известно. И вот мы сидим в темноте, а рядом валяются мертвые тела! Но где же вы были, если не слыхали об этой сваре между Острогом и семьей Верни? И как вы думаете, из-за чего возникла эта свара? Из-за Спящего? Вы считаете, что Спящий — подлинный и пробудился сам, а?

— Я мало что знаю. Я куда старше, чем кажусь, — сказал Грэм. — И память у меня слабая — особенно на события последних лет… Будь я Спящим, я, говоря по правде, не мог бы знать меньше.

— Старше, говорите? — прокряхтел старик. — Вы не выглядите очень уж старым. Конечно, не всякий сохранит память до моих лет. Но такие важные события! А вы ведь моложе меня, гораздо моложе. Что ж, я не сужу о людях по себе. Я-то крепок для своих лет. А вы, может, состарились в юности.

— Так и есть, — сказал Грэм. — Со мной вообще случилась странная история. Я очень мало знаю. Кстати, об истории — ее я, можно сказать, и вовсе не знаю. Спящий и Юлий Цезарь — для меня одно и то же. Очень интересно слушать, как вы

толкуете обо всем этом.

— Мне-то кое-что известно, — сказал старик. — Уж будьте уверены. Однако… Тише!

Они умолкли и стали прислушиваться. Прокатился тяжелый гул, от сотрясения вздрогнула скамейка. Прохожие остановились и стали переговариваться. Старика одолевало любопытство. Он окликнул проходившего мимо человека. Грэм, ободренный его примером, встал и заговорил с другими. Никто не имел понятия, что произошло.

Грэм вернулся на место и услышал невнятное бормотание старика. Некоторое время они не разговаривали.

Мысль о гигантской битве, такой близкой и в то же время такой далекой, мешала Грэму сосредоточиться. Прав ли старик, верны ли слухи о том, что революционеры побеждают? Или они ошибаются и красная полиция сметает все на своем пути? В любое время военные действия могли захлестнуть эту тихую часть города и застигнуть его здесь. Грэму не терпелось узнать как можно больше, пока есть время. Он быстро повернулся к старику, но не решился задать вопрос. Зато старик, заметив его движение, заговорил сам.

— Так вот, этот Спящий, на которого только

дураки надеются… Я всю его историю знаю, я всегда хорошо разбирался в истории. Я еще мальчишкой — давно было дело — любил читать печатные книги. Вы-то вряд ли знаете, что это такое. Наверное, и не видели ни одной: они истлевали и рассыпались, и Санитарная компания их сжигала, а из золы делали облицовочные плитки. Правда, от книг хоть и была грязь, но и польза тоже. По ним учились. Эти новомодные Болтающие Машины… вам-то они не кажутся новомодными, а? Их легко слушать, а еще легче забыть, что услышал. Но я проследил всю затею со Спящим с самого начала.

— Вы вряд ли в это поверите, — тихо сказал Грэм, — но я настолько невежествен и так погрузился в свои мелкие дела — а они сложились очень странно, — что ничего об истории Спящего не знаю. Кем он был?

— Вы не знаете? — воскликнул старик. — А я знаю, я все знаю. Он был небогат, ничего собой не представлял. И связался с легкомысленной женщиной, бедняга! А потом впал в транс. Тогда, в старину, были такие штуки, такие коричневые… да, серебряные фотографии… На них можно видеть, как он лежал полтора гросса лет назад. Да, полтора гросса лет назад!

«Связался с легкомысленной женщиной, бедняга», — повторил про себя Грэм, а вслух добавил:

— Ну, продолжайте же.

— Был у него кузен по имени Уорминг, одинокий бездетный человек; он сделал большое состояние, спекулируя на дорогах, — на первых идемитовых дорогах. Но вы об этом, конечно, слышали? Нет? Почему? Он скупил все патенты и основал большую компанию. В те времена были гроссы гроссов различных фирм и компаний. Гроссы гроссов! Его дороги прикончили все старые железные за две дюжины лет. Уорминг скупил их и перевел на идемит. Он не захотел дробить свою огромную собственность или продавать акции, а завещал все Спящему и назначил Совет опекунов, членов которого сам же выбрал и подготовил. Он знал, что Спящий не проснется, будет спать и спать, пока не умрет. Прекрасно знал! А тут еще один американец, у которого оба сына погибли при кораблекрушении, тоже завещал Спящему свое состояние. И Совет опекунов с самого начала получил в свое распоряжение собственность на дюжину мириадов львов, если не больше.

— Как его звали?

— Грэм.

— Нет… Я имел в виду… того американца.

— Избистер.

— Избистер! — воскликнул Грэм. — А ведь я так и не узнал его имени.

— Конечно же, — сказал старик. — Конечно. Люди мало что узнают в школах в наши дни. Но я-то знаю о нем все. Он был богатый американец, выходец из Англии, и оставил Спящему даже больше, чем Уорминг. Как он сделал капитал? Этого я не знаю. Что-то вроде машинного изготовления картин. Так или иначе, капитал он нажил и завещал. Так было положено начало Совету. Поначалу это был просто совет опекунов.

— И как он сумел возвыситься?

— А! Вам невдомек? Деньги всегда текут к деньгам, и одна голова хорошо, а двенадцать лучше. Они играли умненько. С помощью денег управляли политикой, наращивали капитал, пуская его в оборот, устанавливая выгодные тарифы. Капитал все рос и рос. Годами эти двенадцать опекунов скрывали истинные размеры состояния Спящего, пользуясь подставными лицами, фирмами и тому подобными приемами. Совет распространял свое влияние, скупая документы на право собственности, закладные, акции. Они купили все политические партии, все газеты. Если вы

послушаете истории тех времен, то поймете, как рос и возвышался Совет. Миллиарды и миллиарды львов — вот состояние Спящего. А начало всему — причуда Уорминга, его завещание, да еще несчастье с сыновьями Избистера.

Люди — странные существа, — продолжал старик. — Я вот удивляюсь, как это Совет так долго действовал единодушно. Целых двенадцать человек. И все с самого начала были заодно. Но и на них вышла проруха. В мои молодые годы о Совете говорили так, как люди невежественные говорят о Боге. Мы и помыслить не смели, что члены Совета могут совершить дурной поступок. Мы ничего не знали об их женщинах. Теперь-то я стал умнее.

Да, люди — странные существа, — говорил он. — Вот вы — человек молодой и ничего не знаете, а я, которому уже семесят и впору позабыть это, объясняю вам все коротко и ясно.

Семесят, — повторил он, — а я все слышу и вижу, слышу, правда, лучше, чем вижу. И голова в порядке, и слежу за всем, что вокруг происходит. Семесят!

Жизнь тоже странная вещь. Мне исполнилось дванцать, когда Острог был младенцем. Я помню его задолго до той поры, когда он пробился в ру-

ководство Управления ветродвигателей. Многое с тех пор изменилось. И я ходил когда-то в синем. А вот теперь довелось увидеть этот крах, и мрак, и бунт, и мертвые тела, которые складывают в кучи на улицах. И это все наделал он! Все он!

Речь старика превратилась в бормотание, в едва различимые похвалы Острогу.

Грэм задумался.

— Позвольте, — сказал он, — если я правильно понял, — он вытянул руку и приготовился отгибать пальцы по пунктам: — Итак, Спящий находился в летаргии.

— Подменен, — сказал старик.

— Возможно. А за это время состояние Спящего выросло в руках двенадцати опекунов до таких размеров, что поглотило почти все крупнейшие состояния мира. Эти опекуны сделались фактическими хозяевами мира, потому что они — платежеспособная власть, какой некогда был старый английский парламент…

— Ого! — оживился старик. — Неплохое сравнение. Вы не настолько уж и…

— И теперь Острог внезапно перевернул мир, пробудив Спящего, а в это не верил никто, кроме самых суеверных простых людей. И после стольких лет Спящий может потребовать от Совета

свою собственность.

Старик отреагировал на эту фразу одобрительным покашливанием.

— Очень странно, — сказал он, — видеть человека, который впервые узнает о таких вещах только сегодняшней ночью.

— Да, — согласился Грэм, — это странно.

— Вы бывали в Городе Наслаждений? — спросил вдруг старик. — Я всю жизнь мечтал… — Он рассмеялся. — Даже и теперь. Хотелось бы посмотреть — хотя бы только посмотреть… — Он пробормотал что-то еще, но Грэм его не понял.

— А когда проснулся Спящий? — спросил вдруг Грэм.

— Три дня назад.

— Где он?

— У Острога. Он сбежал от Совета каких-нибудь четыре часа назад. Неужели вы ничего не знаете? Он был в рыночном зале, там и началась схватка. Весь город кричит об этом. Все Болтающие Машины. Даже те глупцы, что за Совет, — и те так говорят. Все кинулись туда посмотреть на него, и все получили оружие. Вы что, спали или были пьяны? Ну и ну! Да вы просто шутите. Наверняка притворяетесь. Чтобы не орали Болтающие Машины и люди не сбегались, они выключили

электричество и наслали на нас эту проклятую тьму. Может быть, вы хотите сказать…

— Я слышал, что Спящий бежал, — сказал Грэм. — Но постойте. Вы уверены, что Спящий у Острога?

— Он его не выпустит из рук, — ответил старик.

— А Спящий? Вы точно знаете, что он подменен? Я никогда не слышал…

— Так все глупцы думают. Так они думают. Как будто нет еще тысячи других вещей, о которых они не слышали. Я слишком хорошо знаю Острога. Я говорил вам? Я с ним в родстве, хотя и далеком. Через мою сноху.

— Я полагаю…

— Что?

— Я полагаю, у Спящего нет шансов утвердиться. Думаю, что, когда борьба окончится, он так и останется куклой — в руках Острога или в руках Совета.

— В руках Острога — наверняка. А почему бы ему не быть куклой? Подумайте о его положении. Все доступно, любые удовольствия. Зачем ему еще и власть?

— А что это за Города Наслаждений? — спросил вдруг Грэм.

Старик заставил его повторить вопрос. Убедившись, что не ослышался, он сердито толкнул Грэма локтем.

— Ну, это уже слишком, — буркнул старик. — Шутки шутите над старым человеком. Я так и подозревал, вы знаете больше, чем хотите показать.

— Может быть, и так, — сказал Грэм. — Но мне незачем притворяться. Я вправду не знаю, что такое Город Наслаждений.

Старик игриво засмеялся.

— И более того, я не знаю, как читать ваши буквы, я не знаю, какими деньгами вы пользуетесь, не знаю, какие еще есть на свете страны. Я не знаю, где нахожусь. Я не умею считать. Я не знаю, где добыть еду, питье, кров.

— Ладно, ладно, — остановил его старик. — Если вам дадут стакан воды, куда вы его поднесете — к уху или к глазу?

— И все-таки прошу вас, расскажите мне обо всем.

— Хе, хе! Господин, который одевается в шелк, может позволить себе пошутить. — Морщинистая рука погладила Грэма по рукаву. — Шелк! Ну, ну! Хотел бы я быть этим подставным Спящим! Он неплохо проведет время. Кругом роскошь и

удовольствия. Странное у него лицо. Когда еще пускали на него смотреть, я достал билеты и пошел. Лицо у двойника было точь-в-точь как у настоящего на фотографии. Желтое. Но он откормится. Да, странный мир. Подумать только, как ему повезло. Как повезло! Думаю, его отправят на Капри. Для начинающего лучше не придумать.

Старик снова закашлялся. Затем начал завистливо бормотать об удовольствиях и изысканных наслаждениях.

— Вот уж повезло, так повезло! А я всю жизнь прожил в Лондоне, надеясь, что подвернется случай.

— Но откуда вы знаете, что Спящий умер? — спросил Грэм.

Старик заставил его повторить вопрос.

— Люди не живут дольше десяти дюжин. Это не в порядке вещей, — сказал старик. — Я не дурак. Дураки могут поверить в это, но не я.

Грэма разозлила самоуверенность старика.

— Не знаю, дурак вы или нет, — сказал он, — но в случае со Спящим вы не правы.

— А?

— Вы ошибаетесь насчет Спящего. Я не сказал сразу, но теперь скажу. Вы ошибаетесь насчет Спящего.

— Откуда вам знать? Вы ведь не знаете ничего — даже о Городах Наслаждений.

Грэм промолчал.

— Вы не знаете, — продолжал старик. — Откуда вам знать? Лишь очень немногие…

— Я и есть Спящий.

Ему пришлось повторить это. Наступила короткая пауза.

— Извините меня, сир, но говорить подобные вещи просто неразумно. В такие времена это может доставить вам неприятности, — сказал старик.

Грэм, несколько обескураженный, стоял на своем.

— Говорю вам, я был Спящим. Многие, многие годы назад я действительно заснул в одной деревеньке, где дома строили из камня. В те времена еще существовали деревни, живые изгороди и гостиницы, а вся земля была поделена на кусочки, на маленькие поля. Вы слышали об этом? Так вот, я, говорящий сейчас с вами, я и есть тот человек, который проснулся четыре дня назад.

— Четыре дня назад! Спящий! Но ведь Спящий у них. Они ни за что не выпустят его. Чепуха! До сих пор вы разговаривали разумно. Я там не был, но знаю все. За ним должен был неотступно

следовать Линкольн, они бы не отпустили его одного. Будьте уверены. Странный вы человек. Шутник. Потому и слова так коверкали…

Он возмущенно взмахнул рукой.

— Как будто Острог позволил бы Спящему гулять одному! Нет, расскажите это кому-нибудь другому. Чтобы я в это поверил! Что за игру вы затеяли? Ах да, мы же как раз толковали о Спящем…

Грэм встал.

— Послушайте, — сказал он, — я на самом деле Спящий.

— Вот чудак, — откликнулся старик, — сидит тут в темноте, болтает ломаным языком, несет всякую чушь. Однако…

Тут раздражение Грэма излилось смехом.

— Что за нелепость! — воскликнул он. — Нелепость. Кончится ли этот сон? Он становится все безумнее. Я сижу в этих проклятых сумерках, живое ископаемое двухсотлетней давности, и пытаюсь убедить старого дурака, что я — это я, а между тем… Уф-ф!

Он раздраженно повернулся и зашагал прочь. Старик было двинулся за ним.

— Эй! Не уходите же! — крикнул он. — Ладно, я старый дурак, пускай. Только не уходите. Не

оставляйте меня в этой тьме.

Грэм в нерешительности остановился. До него вдруг дошло, как глупо он выдал свой секрет.

— Я в мыслях не имел вас обидеть своим недоверием, — сказал старик, подходя ближе. — Кому от этого будет хуже? Называйте себя Спящим, если вам так нравится. Это всего лишь шутка…

Грэм колебался еще секунду, потом резко повернулся и пошел своей дорогой. Некоторое время он слышал за спиной шарканье ног и хриплые выкрики. Затем темнота поглотила старика, и Грэм больше его не видел.

Глава XII
Острог

Теперь Грэм яснее понимал свое положение. Он еще долго бродил по городу, но после разговора со стариком неизбежность встречи с Острогом стала очевидной. Теперь было понятно, что штабу повстанцев превосходно удалось скрыть его исчезновение. Но каждую минуту он готов был услышать сообщение о своей смерти или вторичном захвате Советом.

Неожиданно перед ним остановился какой-то человек.

— Вы слышали? — спросил он.

— Нет, — вздрогнув, ответил Грэм.

— Почти дюжанд, — сказал прохожий, — дюжанд человек! — И поспешил дальше.

Несколько мужчин и девушка прошли мимо в темноте, размахивая руками и выкрикивая:

— Капитуляция! Они сдались! Дюжанд человек! Два дюжанда! Острогу ура! Ура Острогу! — Крики постепенно затихли, стали неразборчивыми.

Прошли с криками еще несколько человек. Грэм пытался уловить смысл услышанного. Он

засомневался, по-английски ли они говорят. Слышались искаженные до неузнаваемости обрубки слов, похожие на пиджин-инглиш, на какой-то негритянский диалект. Задавать вопросы он не решался. Впечатление от этих людей противоречили сложившемуся у него мнению о восстании, но вместе с тем они подтвердили слова старика, сказанные об Остроге. Не сразу удалось поверить, что все эти люди радуются поражению Совета, что Совет, который преследовал его с такой настойчивостью и энергией, оказался в конце концов слабейшей стороной в конфликте. Но если это правда, что будет с ним? Несколько раз он почти решился задать прямой вопрос. Один раз даже пошел за маленьким добродушного вида толстяком, но не набрался смелости, чтобы обратиться к нему.

Наконец до Грэма дошло, что можно спросить об Управлении ветродвигателей, хотя он не очень-то понимал, что это такое. Первый, к кому он обратился, обозначил только направление — в сторону Вестминстера. Второй показал более короткий путь, но Грэм с него сбился. Третий посоветовал сойти с движущихся дорог, которых он до сих пор придерживался, не зная других путей, и спуститься по лестнице с центральной полосы

в темноту поперечного прохода. За этим последовали не слишком оригинальные приключения. Главным была встреча с каким-то неразличимым во тьме хриплым существом. Оно о чем-то говорило на странном диалекте, показавшемся Грэму чужим языком; густой словесный поток, где изредка попадались скелеты английских слов — видимо, современный жаргон дна. Затем рядом запела девушка: «Тра-ля-ля, тра-ля-ля». Она тоже заговорила с Грэмом, и ее английский был отмечен примерно теми же свойствами. Она объявила, что потеряла свою сестру, несла чепуху, хваталась за него и смеялась. Он слабо запротестовал, и она опять канула во тьму.

Шум усиливался. Люди шли мимо, топая и возбужденно крича:

— Они уже сдались!

— Совет сдался!

— Совет? Да не может быть!

— Так говорят на дорогах!

Проход, казалось, стал шире. Внезапно стены кончились. Грэм вышел на широкое пространство, заполненное возбужденными людьми. Спросил дорогу у какой-то смутной фигуры.

— Держи прямо на ту сторону, — ответил женский голос.

Грэм оторвался от своей путеводной стены и тут же наткнулся на столик со стеклянной посудой. Глаза привыкли к темноте, и стали видны два длинных ряда таких столиков, по обеим сторонам прохода. Грэм двинулся вдоль них. Пару раз от столов доносился звук стаканов и чавканье. Видимо, там сидели люди, достаточно хладнокровные, чтобы пообедать, или достаточно дерзкие, чтобы украсть еду, наперекор социальным потрясениям и темноте. Далеко впереди и вверху появился полукруг бледного света, потом исчез за черным краем стены. Грэм нащупал впереди ступени и очутился на галерее. Услышал всхлипы — у перил прятались две испуганные маленькие девочки. При звуке шагов дети замолчали. Он попробовал утешить их, но они словно окаменели. Удаляясь, он снова услышал плач.

Вскоре он оказался у подножия лестницы, уходящей в широкий проем. Сверху пробивался сумеречный свет. Выйдя из темноты, Грэм вновь оказался на улице с подвижными платформами. Вдоль нее с криками валила беспорядочная толпа. Тут и там вразнобой орали революционный гимн — по большей части без мелодии. Пылали факелы, метались, бились в истерике тени. Грэм дважды спросил дорогу и оба раза получил ответ

на том же грубом диалекте. Только с третьей попытки ему удалось услышать что-то вразумительное. Хотя до Управления ветродвигателей в Вестминстере оставалось две мили, найти дорогу было уже нетрудно.

Приблизившись наконец к району, где располагалось Управление, он по шумным процессиям, по общему радостному оживлению и, наконец, по вновь вспыхнувшему свету понял, что Совет рухнул окончательно. Однако об исчезновении Спящего по-прежнему не сообщалось.

Освещение вернулось в город с ошеломляющей внезапностью. Грэм остановился, мигая, люди вокруг него тоже встали, ослепленные. Свет накрыл Грэма среди возбужденных толп, забивших платформы напротив Управления ветродвигателей; со светом пришло ощущение наготы и незащищенности, и смутное намерение примкнуть к Острогу обернулось острым желанием.

Его толкали, ему мешали пройти усталые люди, охрипшие от повторения его имени. Некоторые были в повязках — они проливали за него свою кровь. На фасаде Управления ветродвигателей светилась движущаяся картина, но разглядеть ее не удавалось: густая толпа не позволяла подойти поближе. Из обрывков разговоров Грэм понял, что

передается сообщение о боях у здания Совета. Из-за неведения и нерешительности он действовал медленно и бестолково, долго не мог сообразить, как проникнуть за монолитный фасад этого здания. Он медленно пробрался в середину толпы и наконец обнаружил, что внутрь здания ведет лестница с центральной полосы. Это придало ему энергии, но толчея на центральной полосе была такая, что добраться до входа удалось не скоро. Но и тут нашлось множество препятствий. Битый час прошел в горячих спорах с охраной — сначала в одном караульном помещении, потом в другом, — прежде чем удалось послать записку человеку, который больше всех на свете хотел видеть Грэма. На первом посту его рассказ высмеяли, и, добравшись до второй лестницы, он решил поступить умнее и просто заявил, что имеет для Острога сообщение чрезвычайной важности. Что это за сообщение, лучше умолчать. Записку неохотно приняли. Грэм долго ждал в комнатке возле лифта, пока наконец не появился Линкольн — взволнованный, извиняющийся, изумленный. Застыл в дверях, уставившись на Грэма изучающим взглядом, затем кинулся к нему.

— Как, — воскликнул он, — это вы! Вы не погибли!..

Грэм коротко объяснился.

— Брат ждет вас. Он сейчас один в Управлении ветродвигателей. Мы боялись, что вы погибли в театре. Правда, он этому не верил… Положение еще весьма серьезное, что бы мы там ни сообщали. Поэтому он не смог сам к вам выйти.

Они поднялись на лифте, прошли по узкому коридору, пересекли большой пустой зал, где встретили двух курьеров, и вошли в сравнительно маленькую комнату, вся обстановка которой состояла из длинного дивана и большого овального диска, светившегося зыбким серым светом; диск висел на кабелях, выходивших из стены. Здесь Линкольн оставил Грэма в одиночестве, и тот тщетно попытался разобрать туманные контуры, медленно проплывавшие по диску.

Снаружи раздался шум. Приветствия, восторженные крики, ликующий рев огромной отдаленной толпы. Шум замолк так же быстро, как и начался, точно донесся через открывшуюся и опять захлопнувшуюся дверь. В соседней комнате послышались быстрые шаги и мелодичное позвякивание, словно свободно свисающая цепь пробегала по зубьям шестерни. Потом Грэм услышал женский голос, шелест невидимого платья.

— Это Острог! — произнес голос.

Отрывисто зазвенел колокольчик, и снова все затихло.

Затем послышались голоса, шаги, какое-то движение. Среди прочих звуков выделились шаги одного человека — твердые, непреклонные. Медленно откинулась портьера. Появился высокий седовласый человек, одетый в кремовый шелк. Он пристально посмотрел на Грэма.

Секунду человек простоял, придерживая портьеру рукой, затем опустил ее. Грэм увидел очень широкий лоб, светлые голубые глаза, прячущиеся под густыми седыми бровями, орлиный нос и твердо очерченный решительный рот. Складки кожи над глазами и опущенные углы губ не вязались с прямой осанкой; по ним было видно, что человек стар. Грэм невольно поднялся, и секунду они стояли молча, изучая друг друга.

— Вы Острог? — спросил Грэм.

— Я Острог.

— Предводитель?

— Так меня называют.

Грэм почувствовал, что дальнейшее молчание неуместно.

— Прежде всего я должен поблагодарить вас за спасение, — сказал он.

— Мы боялись, что вас убили, — ответил

Острог. — Или снова отправили спать — навсегда. Мы сделали все, чтобы сохранить ваше исчезновение в тайне. Где вы были? Как вы сюда добрались?

Грэм дал короткий отчет.

Острог слушал молча. Спросил с легкой улыбкой:

— Знаете, чем я занимался, когда мне сказали, что вы пришли?

— Мне трудно догадаться.

— Готовил вашего двойника.

— Двойника?

— Самого похожего на вас человека, какого удалось найти. Мы собирались загипнотизировать его, чтобы он легче вошел в роль. Это было необходимо. Восстание держится на том, что вы проснулись, живы и с нами. Даже сейчас множество людей собралось в театре и требует, чтобы вы им показались. Они не верят… Вы знаете, конечно, о своем положении?

— Очень немного, — сказал Грэм.

— Дело обстоит так. — Острог сделал пару шагов в глубь комнаты и повернулся. — Вы — единственный владелец всего мира. Король Земли. Ваша власть ограничена многими хитроумными способами, но вы — номинальный глава прави-

тельства и символ власти. Этот Белый Совет, или, как его называют, Совет опекунов…

— Я уже слышал о нем в общих чертах.

— Очень интересно.

— Я повстречал болтливого старика.

— Понятно… Наши массы — это слово осталось еще с ваших дней. Вы знаете, конечно, что у нас по-прежнему имеются массы. Они считают вас законным правителем. Так в ваши дни большинство людей признавало королевскую власть. Массы во всем мире недовольны правлением ваших опекунов. По большей части это старая свара низов с верхами, вызванная тяжелым трудом, строгой дисциплиной, нуждой. Но ваши опекуны правили скверно. В некоторых случаях, например, управлении Департаментом Труда, они поступали неблагоразумно. Они дали бесконечное число поводов для возмущения. Мы, наша народная партия, давно требовала реформ — когда наступит ваше пробуждение. И оно наступило! Если его подстроили, то более подходящего момента трудно найти. — Он улыбнулся. — В мыслях своих народ, невзирая на вашу долголетнюю летаргию, решился пробудить вас и воззвать к вам, и тут…

Он жестом обозначил внезапность события, и

Грэм кивнул, показывая, что понял.

— Члены Совета промедлили — они ссорились. Они вечно ссорятся. Никак не могли решить, что с вами делать. Помните, как они изолировали вас?

— Я понимаю. Понимаю. А теперь — мы победили?

— Мы победили. Действительно, победили. Сегодня вечером, за какие-то пять часов. Ударили со всех сторон. Люди с ветродвигателей, Департамент Труда с миллионами людей порвал оковы. Мы заручились поддержкой аэронавтов.

— Так, — проговорил Грэм.

— Это, конечно, главное — иначе они могли бы улизнуть. Весь город поднялся, чуть ли не каждый третий был с нами! Все, кто в синем, все общественные службы, кроме немногих аэронавтов, и почти половина красной полиции. Вам удалось бежать, а их дорожная полиция была обезоружена или уничтожена — в здании Совета собралось меньше половины полицейских. Теперь весь Лондон наш. У них только здание Совета. Половина той красной полиции, что была с ними, погибла в дурацкой попытке снова вас захватить. Потеряв вас, они потеряли голову. Бросили все свои силы к театру. Мы отрезали их от здания Совета. Эта ночь была поистине ночью

победы. Ваша звезда воссияла повсюду. Еще вчера Белый Совет правил, как раньше, как правил гросс лет, полтора века, и вдруг — прошел шепоток, появилось припрятанное оружие — и все!

— Я почти ничего не знаю, — сказал Грэм. — Хотелось бы… Не очень представляю себе ход сражения. Если можно, объясните. Где Совет? И где идет бой?

Острог прошагал через комнату, чем-то щелкнул, и вдруг все, кроме овального диска, погрузилось во тьму. Грэм на мгновение растерялся. Затем увидел, что серый матовый диск обретает глубину и цвет и превращается в овальное окно, из которого виден странный незнакомый пейзаж.

При первом взгляде Грэм не мог даже предположить, что он видит. Картина была освещена дневным светом — зимний день, серый и прозрачный. Поперек нее, между зрителем и задним планом, вертикально проходил толстый трос из витой белой проволоки. Ряды огромных ветряных колес, размещенных с широкими промежутками, черные провалы, зияющие то тут, то там, — все это было очень похоже на пейзаж, который он видел во время бегства из здания Совета. Он заметил шеренгу фигурок в красном, марширующих

между рядами людей, одетых в черное, и без объяснений Острога понял, что смотрит на верхнюю поверхность нового Лондона. Снег, выпавший ночью, уже сошел. Грэм решил, что это зеркало — современный вариант камеры-обскуры. Удивительно, что шеренга красных фигурок маршировала слева направо, но исчезали они слева. Потом стало понятно, что весь пейзаж медленно перемещается, проходя через овал.

— Сейчас увидите бой, — сказал Острог. — Эти парни в красном — пленные. Перед вами крыша Лондона, ведь сейчас почти все дома составляют единое целое. Улицы и площади — все теперь под одной кровлей. Провалы и расселины, свойственные вашему времени, исчезли.

Что-то расплывчатое закрыло половину картины. По форме — вроде бы человек. Блеснул металл, сверкнула вспышка, что-то скользнуло через овал, подобно тому, как веко скользит по глазу птицы, и изображение снова очистилось. Теперь Грэм увидел среди ветряков людей, бегущих с оружием, над которым вились легкие дымки. Они все гуще собирались справа, жестикулировали, возможно, что-то кричали, но картина была немой. И люди, и ветряки медленно и неуклонно плыли через поле зеркала.

— А теперь, — сказал Острог, — очередь здания Совета. — И в поле зрения стало медленно вползать что-то черное.

Вскоре оказалось, что это — пустота, огромная дыра среди склеенных друг с другом построек; оттуда к бледному зимнему небу поднимались тонкие спирали дыма. Мрачная груда развалин с мощными срезанными столбами и фермами зловеще выступала из чернеющей пустоты. Среди руин роскошного строения копошились, лазали, карабкались бесчисленные маленькие фигурки.

— Здание Совета, их последний оплот, — сказал Острог. — Болваны, потратили столько боеприпасов, чтобы взорвать все вокруг и остановить нашу атаку!.. Хватило бы на месяц обороны. Вы слышали взрыв? В городе вылетела половина стекол.

Пока он говорил, появилась и нависла над развалинами искромсанная глыба очень высокого белого здания. Эта громада была отрезана от общей массы домов полосой безжалостных разрушений. Черные провалы обозначали разорванные взрывом проходы; большие залы лишились потолков, их внутреннее убранство зловеще белело в зимнем утреннем свете, а из разбитых стен свисали пучки оборванных кабелей, тросы,

погнутые металлические балки. Среди всех этих гигантских обломков передвигались красные пятнышки — защитники Совета. То тут, то там холодные тени озарялись слабыми вспышками. Поначалу Грэму показалось, что атака на это изолированное белое здание успешно развивается, но вскоре он заметил, что отряд повстанцев вовсе не продвигается вперед, а, укрывшись среди колоссальных руин, окружающих изувеченную крепость, ведет ответную стрельбу.

Подумать только, всего десять часов назад он стоял под вентилятором в небольшой комнате внутри этого здания, пытаясь угадать, что происходит в мире!

Внимательно наблюдая картину, медленно проплывающую через центр зеркала, Грэм убедился, что белое здание со всех сторон окружено развалинами. Острог короткими фразами объяснял, как обороняющиеся пытались с помощью таких завалов остановить штурм. Бесстрастно сообщил о крупных людских потерях. Указал на импровизированный морг среди развалин, на пункты скорой помощи, которые подобно червям в сыре кишели вдоль разрушенных движущихся платформ. С гораздо большим интересом он указывал на разные части здания и на позиции

осаждающих. Вскоре Грэм получил достаточное представление о гражданском конфликте, сотрясавшем Лондон. Это было не случайным стихийным возмущением, а блестяще организованным государственным переворотом. Проникновение Острога во все детали было поразительным; казалось, он знал, чем занята каждая красная или черная точечка, ползущая по зеркалу.

Огромная черная тень его руки протянулась через светящуюся картину, указала на комнату, в которой держали Грэма, и проследила через руины путь, проделанный им при побеге. Грэм разглядел и бездну, через которую он перебирался, и ветряки, среди которых прятался от летающей машины. Остальная часть его пути попадала на зону разрушений. Он снова взглянул на здание Совета, но оно уже наполовину скрылось, а справа вплывало смутно различимое в туманной дали скопление куполов и шпилей на склоне холма.

— Значит, Совет на самом деле свергнут? — спросил Грэм.

— Свергнут, — ответил Острог.

— И я… Это действительно правда, что я…

— Да, вы — Хозяин мира.

— А этот белый флаг…

— Это знамя Совета — знамя владычества над миром. Оно сейчас падет. Борьба окончена. Атака на театр была их последней отчаянной попыткой. У них осталось около тысячи человек, некоторые из них ненадежны. У них мало боеприпасов. А мы возродили старое военное искусство. Отливаем пушки.

— Но, позвольте. Разве этот город — весь мир?

— Практически, это все, что оставалось от их империи. Города кругом либо восстали, либо ожидают исхода борьбы. Ваше пробуждение сбило их с толку, парализовало.

— Но разве у Совета нет летающих машин? Почему они не вступают в бой?

— Да, это у них есть. Но большая часть аэронавтов восстала вместе с нами. Они не рискуют сражаться на нашей стороне, но и не выступают на стороне Совета. Нам просто необходимо заручиться их поддержкой. Половина аэронавтов с нами, остальные знают об этом. Им точно известно, что вы бежали, — те, что вас упустили, прилетели обратно. Час назад мы убили человека, стрелявшего в вас. Мы заняли летные площадки на окраинах, по всему городу, где сумели, и захватили аэропланы. Что же до небольших летающих машин, то мы открыли такую пальбу, что им бы-

ло не подобраться к зданию Совета. Сев в городе, они не смогли бы подняться, потому что здесь нет места для разбега. Несколько машин мы сбили, несколько приземлились и сдались, а остальные улетели на континент искать дружественный город, пока у них не кончилось горючее. Большинство этих людей рады были бы попасть в плен и остаться невредимыми. Кувыркнуться вниз вместе с летающей машиной — не слишком приятная перспектива. Так что и с этой стороны у Совета нет шансов. Его время истекло.

Острог рассмеялся и снова повернулся к овальному зеркалу, чтобы показать Грэму летные площадки. Но даже четыре самых ближних почти не были видны в утреннем тумане. Однако Грэм понял, что это огромные сооружения — судя по размерам других построек.

Когда эти смутные картины ушли влево, снова показалось пространство, по которому шли обезоруженные люди в красном. Затем — опять черные руины и осажденная белая твердыня Совета. Она больше не выглядела призрачной, а горела янтарным светом на солнце, потому что тень от облаков ушла в сторону. Борьба пигмеев вокруг башни еще не кончилась, но красномундирные ее защитники более не стреляли.

Так, неподвижно стоя в темноте, человек девятнадцатого века наблюдал заключительную сцену великой революции, насильственного установления его власти. С ощущением удивительного открытия он осознал, что его мир — этот, а не тот другой, оставшийся позади. Что перед ним не театральное представление с кульминацией и развязкой, а реальная жизнь, в которой ему предстоит существовать, подвергаясь опасностям и выполняя свой долг. Он повернулся и снова стал задавать вопросы. Острог начал отвечать, но вдруг оборвал объяснения на полуслове.

— Об этом подробно расскажу потом. Сейчас — дела. Народ прибывает по движущимся путям со всех концов города — рынки и театры полны. Вы появились как раз вовремя. Они требуют вас. За границей то же самое. Париж, Нью-Йорк, Чикаго, Денвер, Капри, тысячи городов в смятении, в нерешительности — все требуют, чтобы вас показали. Они много лет добивались, чтобы вас разбудили, теперь это свершилось, и они не могут поверить…

— Но я же не могу… побывать всюду…

Острог ответил из другого угла комнаты. Вспыхнул свет, картина на овальном диске померкла.

— Есть кинетотелефотографы, — сказал

Острог. — Если вы поклонитесь народу здесь, то по всему миру мириады мириадов людей, замершие в темных залах, тут же увидят вас. Разумеется, в черно-белом виде — не так, как здесь. А вы сможете услышать их приветствия. Еще есть оптическое приспособление, — продолжал Острог. — Используется оно мимами и танцовщиками. Для вас это новая вещь, должно быть. Вас освещают очень ярким светом, и зрители видят не вас, а ваше увеличенное изображение, отброшенное на экран, так, что человек на самой дальней галерее сможет при желании пересчитать ваши ресницы.

Грэм выпалил один из вопросов, роившихся в голове:

— Сколько людей сейчас живет в Лондоне?

— Восемь и дванцать мириадов.

— Как вы сказали? Восемь и…

— Более тридцати трех миллионов.

Цифры поразили воображение Грэма.

— От вас будут ждать каких-то слов, — сказал Острог. — Не то, что у вас называлось речью, а то, что наши люди называют «словом» — всего одну фразу. Так принято. К примеру: «Я проснулся, и мое сердце с вами». Что-то в этом роде они хотят услышать.

— Как вы сказали?

— Я проснулся, и мое сердце с вами. И царственный поклон. Но сначала вы должны надеть черную мантию. Черный — это ваш цвет. Не возражаете? После этого они разойдутся по домам.

Грэм подумал и ответил:

— Я в ваших руках.

Острог явно был того же мнения. Немного подумав, он повернулся к дверям и отдал невидимым помощникам короткие распоряжения. Немедля внесли черную мантию, копию той, что Грэм надевал в театре. Пока он одевался, из соседней комнаты донесся резкий и пронзительный звонок. Острог повернулся к помощнику за объяснениями, но передумал и исчез за портьерой.

Грэм остался стоять рядом с почтительно застывшим служителем, прислушиваясь к шагам Острога. Тот быстро о чем-то спрашивал, ему быстро отвечали. Послышался топот бегущих ног. Откинулась портьера, появился Острог; его крупное лицо излучало волнение. Он широкими шагами пересек комнату, выключил свет, взял Грэма за руку и показал на зеркало.

— Стоило нам отвернуться… — сказал он.

Грэм увидел его указательный палец, черный и огромный, над зданием Совета, но не понял, в чем

дело. Потом заметил, что флагшток, на котором развевалось белое знамя, пуст.

— Вы хотите сказать?.. — начал он.

— Совет сдался. Его правление закончилось навсегда. Смотрите! — Острог указал на черное полотнище, которое рывками, разворачиваясь, ползло вверх.

Овальный диск потускнел. Вошел Линкольн, задернул за собой портьеру и сообщил:

— Они требуют вас.

Острог крепче сжал руку Грэма.

— Мы подняли народ, — сказал он. — Мы дали ему оружие. Его желание, по крайней мере сегодня, должно быть законом.

Линкольн откинул портьеру, пропуская Грэма и Острога.

По дороге к рынкам Грэм смог бросить взгляд внутрь длинного узкого помещения с белыми стенами, куда люди в синей одежде втаскивали носилки. Там суетились медики в пурпурных халатах, слышались стоны и крики. Грэму запомнилась пустая кровать, залитая кровью. На других кроватях лежали перевязанные и окровавленные люди. Он видел это секунду, проходя по огороженным мосткам, затем выступ здания заслонил эту комнату, и они двинулись дальше,

к рынкам.

Рев огромной толпы слышался теперь вблизи, подобно раскатам грома. И вдруг внизу открылось море черных знамен, синих холщовых одежд и коричневых лохмотьев. Тот самый огромный театр, в котором он появился в первый раз, огромный театр, запомнившийся ему сменой блеска и тьмы; оттуда он бежал, спасаясь от красной полиции. На этот раз они вошли через галерею над сценой. Зал был залит ярким светом. Грэм поискал глазами проход между сиденьями, по которому он убегал, но найти его среди десятков таких же проходов не смог. Не было видно разбитых кресел, распоротых сидений и других следов борьбы, ибо пространство зала, все, кроме сцены, было плотно забито людьми. Сверху оно казалось покрытым розовыми точками, и каждая точка была поднятым к нему лицом. Когда они вышли на галерею с Острогом, стихли выкрики, стихло пение, общий интерес объединил всех. Толпа замерла. Мириады людей с напряженным вниманием смотрели на него.

Глава XIII
Конец старого порядка

Насколько мог судить Грэм, было уже около полудня, когда пало белое знамя Совета. Но прошло еще несколько часов, прежде чем было объявлено о капитуляции, и только после этого он смог сказать свое «слово» и удалиться в апартаменты при Управлении ветродвигателей. Непрерывное нервное напряжение последних двенадцати часов чрезвычайно утомило его, даже любопытство иссякло; некоторое время он неподвижно сидел с открытыми глазами, а потом заснул. Его разбудили два медика, которые явились со стимулирующими средствами, чтобы подкрепить его силы для предстоящих дел. Выпив лекарства и приняв по совету медиков холодную ванну, Грэм сейчас же ощутил прилив энергии и интереса к жизни и был готов сопровождать Острога в длинном, в несколько миль, как ему показалось, походе по коридорам, лифтам и лестницам к месту капитуляции Белого Совета.

Дорога причудливо вилась сквозь лабиринт зданий и закончилась проходом, в конце кото-

рого через овальное отверстие Грэму на фоне сияющих закатных облаков был виден изломанный силуэт разрушенного здания Совета. Оттуда долетали крики толпы. В следующий момент они оказались на краю обрыва, на остатках крыши здания, нависающего над развалинами. Открывшаяся картина была не менее поразительна, чем изображение, которое он наблюдал в овальном зеркале.

Пространство, напоминающее грубо вырубленный амфитеатр, тянулось чуть ли не на милю. Слева оно было вызолочено заходящим солнцем, а внизу и справа накрыто светлой холодной тенью. Серый силуэт здания Совета был увенчан черным знаменем победителей, свисавшим ленивыми складками на фоне яркого закатного неба. Непривычно для глаз зияли полуразрушенные комнаты, залы и коридоры; исковерканные металлические конструкции зловеще торчали из завалов; спутанные в клубки кабели свисали, подобно морским водорослям, а откуда-то снизу доносился шум бесчисленных голосов, мощные удары и звуки труб. Гигантскую белую башню окружало кольцо разрушений: груды почерневших обломков, остатки фундамента взорванной по приказу Совета фабрики, скелеты металличе-

ских ферм, титанические массы рухнувших стен, леса мощных колонн. Внизу, между мрачных развалин, поблескивала бегущая вода, а в отдалении, среди смутно видимых громадных зданий, в двухстах футах над землей торчал перекрученный конец водопроводной трубы, извергая с громоподобным шумом сверкающий фонтан. И везде были огромные толпы людей.

Повсюду, где только можно было встать, виднелись человеческие фигурки, маленькие и четко различимые, — кроме тех мест, где закат заливал все сплошным золотом. Они карабкались на шаткие стены, гроздьями скапливались у вздымающихся колонн. Кишели по краю амфитеатра руин. Воздух сотрясался от криков, люди пробирались, продирались к середине круга.

Верхние этажи здания Совета казались покинутыми, на них не было заметно ни одного человека. Только флаг победителей тяжело свисал на фоне светлого неба. Мертвые тела либо остались внутри дома, либо их убрали. Грэм заметил всего несколько трупов в трещинах и закоулках руин и посреди водяного потока.

— Не покажетесь ли им, сир? — проговорил Острог. — Они жаждут вас видеть.

Грэм заколебался, но затем сделал несколько

шагов вперед, к изломанному краю вертикальной стены. Он стоял, глядя вниз, — высокая, черная, одинокая фигура на фоне неба.

Толпа среди развалин не сразу заметила его. Как раз в это время показались небольшие группы людей в черной форме, пробирающиеся сквозь толпу к зданию Совета. Грэм увидел, что крошечные черные головы становятся розовыми, и понял, что его стали узнавать, — словно волна пробежала по всему пространству. Он решил, что должен как-то выразить им свою признательность, поднял руку и указал на здание Совета. Крики толпы слились в восторженный рев, который поднимался к нему приветственными волнами.

Пока подписывалась капитуляция, небосвод на западе успел побледнеть, сделаться голубовато-зеленым, а на юге засиял Юпитер. Вверху шли еле ощутимые перемены, приближалась ночь, безмятежная и прекрасная; внизу была спешка, суета, противоречивые приказы, остановки, перестроения, крики и замешательство. Прежде чем членов Совета стали выводить наружу, усталые вспотевшие люди вынесли под крики толпы сотни погибших в рукопашной схватке, разыгравшейся в длинных коридорах и анфиладах…

Стражи в черном оцепили дорогу, по которой должны были пройти члены Совета, и пространство руин, насколько можно было видеть в синих сумерках, заполнила бесчисленная толпа. Люди стояли везде, где удавалось поместиться, — внутри покоренного дома Совета, на развалинах окружающих зданий. Гул голосов даже в минуты затишья напоминал рокот прибоя, набегающего на галечный пляж. По приказанию Острога на высокой груде развалин спешно сооружался помост из бревен и металлических балок. Работы в основном были завершены, но гудящие и лязгающие машины все еще сияли огнями в тени этой временной постройки.

На помосте имелось небольшое возвышение, на которое поднялся Грэм вместе с Острогом и Линкольном; немного позади разместилась группа руководителей рангом пониже. Помост окружили черные революционные гвардейцы с зеленым оружием, названия которого Грэм еще не узнал. Стоявшие рядом видели, что его взгляд неустанно перебегает с людей, толпящихся в сумрачных руинах, на темнеющую массу здания Белого Совета, откуда вскоре должны были появиться опекуны, на уродливые утесы развалин и снова на людей. Крики толпы перешли в оглу-

шительный рев.

Членов Совета он увидел издалека, когда они появились в свете временных светильников, отмечавших их путь, — кучка белых фигур на фоне черной арки. В здании Совета их содержали в темноте. Грэм наблюдал, как они приближались, переходя от одной электрической звезды к другой; угрожающий рык толпы, над которой они властвовали сто пятьдесят лет, сопровождал их на всем пути. Они приближались, и становились различимыми их лица — усталые, белые и взволнованные. Грэм видел, как они, мигая от яркого света, смотрели на него и на Острога. Совсем не похоже на отстраненные холодные взгляды в зале Атланта… Он узнал плотного мужчину с рыжей бородой, стучавшего по столу на Говарда, и маленького брюнета с мелкими чертами лица и удивительно вытянутым черепом. Они перешептывались и глядели на Острога. Позади них, опустив голову, шел высокий черноволосый красавец. Неожиданно он поднял глаза, его взгляд скользнул по Грэму и тоже устремился на Острога. Дорожка, подготовленная для членов Совета, была проложена так, что им пришлось пройти мимо и обогнуть помост, прежде чем они достигли дощатого пандуса, ведущего к сцене,

где должна была состояться церемония капитуляции.

— Хозяин, Хозяин! Бог и Хозяин! — кричал народ. — К чертям Белый Совет!

Грэм смотрел на это множество людей, неисчислимое множество, тонущее в полутьме, взглянул на Острога, неподвижно стоящего рядом, бледного и невозмутимого. Опять перевел глаза на кучку членов Совета. Наконец посмотрел вверх и увидел знакомые звезды, изливающие спокойный свет. Сколь необычна его судьба! Неужели короткая жизнь, прожитая им двести лет назад, и эта, нынешняя — одна и та же, его собственная?

Глава XIV
Вид из «Вороньего гнезда»

Итак, после самых необычных отсрочек, пройдя через сомнения и борьбу, человек девятнадцатого века занял наконец свое место во главе этого сложного мира.

Очнувшись от глубокого долгого сна, который последовал за его спасением и сдачей Белого Совета, он не понял, что происходит. С усилием Грэм нашел в памяти точку отсчета, и все, что произошло, вернулось к нему, но поначалу в каком-то ненастоящем виде, словно услышанная или прочитанная в книге история. И прежде чем память окончательно прояснилась, он снова пережил и радость спасения, и изумление перед своим высоким положением. Он был владельцем мира, Хозяином Земли. Этот великий новый век в полнейшем смысле слова принадлежал ему. Он больше не пытался истолковать происходившее как сон; теперь его заботило, как убедить себя, что все это — реальность.

Подобострастный слуга помог ему одеться под пристальным надзором мажордома, напыщенно-

го низенького человечка; с виду он был японцем, но говорил по-английски, как англичанин. От него Грэм узнал кое-что о состоянии дел. Революция стала свершившимся и признанным всеми фактом, в городе возобновилась деловая жизнь. За границей падение Совета было по большей части воспринято с восторгом. Совет не был популярен нигде, и тысяча городов Западной Америки, даже теперь, через двести лет, завидовавших Нью-Йорку, Лондону, всем восточным землям, почти единодушно восстали за два дня до известия о заточении Грэма. В Париже шли бои. Остальной мир выжидал.

Во время завтрака в углу зазвонил телефон, и мажордом доложил, что Острог почтительно справляется о его самочувствии. Грэм оторвался от еды и ответил. Очень скоро появился Линкольн, и Грэм выразил настойчивое желание поговорить с народом и подробнее ознакомиться с открывающейся перед ним новой жизнью. Линкольн сообщил, что через три часа назначена церемония представления высших должностных лиц, которые вместе с женами прибудут в Управление ветродвигателей. Желание Грэма выйти на городские пути сейчас неисполнимо из-за чрезвычайного возбуждения в народе. Вполне

возможно, однако, устроить для него обзор города с высоты птичьего полета, воспользовавшись «вороньим гнездом» смотрителя ветродвигателей. Сопровождать Грэма было поручено мажордому. Линкольн сказал о японце несколько лестных слов, извинившись, что не может составить им компанию ввиду срочной административной работы.

Выше самых огромных ветряков, в тысяче футов над крышами, на металлической мачте с тросами-растяжками виднелось круглое пятнышко «вороньего гнезда». Наверх Грэма подняли в маленькой люльке, скользившей по проволочному тросу. На середине хрупкого с виду стебля мачты была устроена легкая галерея с множеством труб, казавшихся снизу очень маленькими. Они медленно вращались по круговому рельсу. Это были отражатели, связанные с зеркалами смотрителя ветродвигателей, в одном из которых Острог показывал Грэму события, положившие начало его правлению. Японец поднялся первым; они провели там час — один спрашивал, другой отвечал.

День был полон предчувствия весны. Теплый ветер касался кожи. Небосвод был ярко-синим, и широкая панорама Лондона ослепительно

сверкала под утренним солнцем. Воздух, не замутненный ни дымом, ни туманом, был прозрачен и свеж, как в горах.

Кроме неправильного овала развалин вокруг здания Совета и черного флага над ним с этой высоты в гигантском городе почти не было заметно признаков молниеносной революции, за одну ночь и один день изменившей, как представлялось Грэму, судьбы мира. Множество людей по-прежнему сновало в развалинах. В отдалении, на огромных летных площадках, откуда в мирное время аэропланы отправлялись во многие большие города Европы и Америки, чернели толпы победителей. На узких лесах множество рабочих восстанавливали соединения проводов и кабелей, связывающих здание Совета с остальным городом, подготавливая переход туда резиденции Острога из Управления ветродвигателей.

В остальном озаренное светом пространство было безмятежно. И столь обширным казалось оно по сравнению с районом разрушений, и такой торжественный покой наполнял воздух, что вскоре Грэм почти позабыл о тысячах людей, лежавших при искусственном свете в лабиринтах этого псевдоподземелья — мертвыми или умирающими от ран, полученных прошлой ночью,

позабыл об импровизированных госпиталях и выбивавшихся из сил хирургах, сестрах милосердия и санитарах. И совсем позабыл о всех чудесах, ужасных потрясениях и неожиданностях, свалившихся на него при свете электрических огней. Он знал, что внизу, в скрытых переходах этого муравейника, революция празднует победу и повсюду торжествует черный цвет: черные банты, черные знамена, черные гирлянды, перекинутые через улицы. А здесь, под ясным солнечным небом, над кратером борьбы, казалось, что ничего не произошло, — мирно рокотал, исполняя свою нескончаемую службу, лес ветряных машин, разросшийся за время правления Белого Совета.

Далеко на горизонте, изрезанные силуэтами ветряков, голубели холмы Суррея; ближе, на севере, вырисовывались резкие контуры Хайгейтского и Масуэллского холмов. Теперь по всей местности, где некогда среди деревьев ютились дома, церкви, гостиницы и фермы, на холмах, прежде пересеченных живыми изгородями, торчали такие же ветряки с такими же огромными рекламными надписями — мрачные и хорошо различимые символы нового века. Отбрасывая причудливые вращающиеся тени, они непрестанно накапливали энергию и вливали ее во все

артерии города. Под ними передвигались бессчетные стада коров и овец Британского пищевого треста (собственность Грэма), сопровождаемые пастухами-одиночками.

Ни один знакомый силуэт не выделялся среди гигантских строений. Грэм знал, что собор Святого Павла сохранился, как и многие старые здания Вестминстера, но они скрылись из виду, перекрытые арками и циклопическими зданиями этого великого века. Даже Темза своим серебряным блеском не прорезала пустыню городской кровли; жадные водопроводные магистрали до капли выпивали ее воду, прежде чем она достигала городских стен. Ее ложе и эстуарий, расчищенные и углубленные, превратились в канал с морской водой, по которому мрачные шкиперы доставляли на баржах тяжелые грузы из Пула, проплывая под самыми ногами рабочих. Далеко на востоке висел между небом и землей лес мачт колоссального флота, собравшегося в гавани Пула. Все несрочные тяжелые грузы перевозились на гигантских парусных судах, а более спешные доставляли сравнительно небольшие быстроходные механические корабли.

На юге холмы пересекали огромные акведуки с морской водой для канализационных систем, и в

трех различных направлениях разбегались бледные линии — дороги, усыпанные движущимися серыми пятнышками. Грэм решил при первой же возможности ознакомиться с этими дорогами. Но не прежде, чем испробует летающий корабль. Мажордом рассказал об этих дорогах: две слегка изогнутые поверхности шириной в сто ярдов; движение по каждой — в одну сторону. Дороги строили из идемита, искусственного вещества, насколько Грэм понял, напоминавшего упрочненное стекло. По дорогам несся поток диковинных машин — узких, обутых в резину, то с одним большим колесом, то с двумя или четырьмя; несся со скоростью от одной до шести миль в минуту. Железные дороги исчезли, лишь кое-где сохранились насыпи, увенчанные ржавыми рельсовыми путями. Часть насыпей стала основанием для идемитовых дорог.

Одной из первых внимание Грэма привлекла большая флотилия рекламных воздушных шаров и змеев, образовавших что-то вроде аллеи, тянущейся с юга на север вдоль обычных маршрутов аэропланов. Сейчас аэропланов не было видно. Их рейсы были отменены, и только один маленький моноплан кружился вдалеке в голубом просторе над холмами Суррея — неприметное

летающее пятнышко.

Грэм уже знал, хотя с трудом мог поверить, что почти все малые города и деревни в стране исчезли. Вместо них посреди обширных пространств, засеянных одной какой-нибудь культурой, стояли гигантские одинокие здания, похожие на отели, за которыми сохранялись имена городов, таких, к примеру, как Борнмут, Уэрем или Суонидж. Слуга быстро убедил Грэма в неизбежности такой перемены. В старину страна была усеяна фермерскими хозяйствами, через каждые две-три мили располагались усадьба и селение с постоялым двором, сапожной мастерской, лавкой и церковью. Примерно через каждые восемь миль — городок, где жили адвокат, торговец зерном, скупщик шерсти, шорник, ветеринар, врач, обойщик, галантерейщик и так далее. Почему через восемь миль? Так было удобно для фермера: четыре мили в одну сторону и четыре в другую для поездки на рынок. Но в игру вступили железные дороги с товарными и пассажирскими поездами, появились быстроходные моторные экипажи, заменившие фургоны и лошадей. Когда же стали строить скоростные дороги из дерева, резины, идемита, всевозможных эластичных и долговечных материалов, необходимость в близко

расположенных торговых городках отпала. Большие же города росли. Туда устремились рабочие, притягиваемые кажущимися им безграничными возможностями найти работу, и предприниматели, влекомые широчайшим выбором рабочей силы.

По мере того как требования к удобству обитания возрастали и увеличивалась сложность механизмов, обеспечивающих комфорт, жить в деревне становилось все дороже, труднее, неудобней. Исчезновение викария и сквайра, вытеснение сельского врача городским специалистом лишило деревню последних элементов культуры. Когда телефон, кинематограф и фонограф заменили газеты, книги, школьного учителя и письма, жизнь вне сети электрических проводов уподобилась жизни изолированного от общества дикаря. В сельской местности и помыслить было нельзя, чтобы одеваться и питаться в соответствии с утонченными требованиями времени; не было хороших врачей для неотложной помощи, подходящего общества, возможности найти занятие по вкусу.

Более того, появились сельскохозяйственные машины, и один инженер заменил тридцать рабочих. Ситуация сделалась обратной той, когда

Лондон стал невыносим из-за воздуха, насыщенного угольной гарью, и городской житель при первой возможности выбирался за город. Теперь рабочие по вечерам ехали и летели в город с его ночной жизнью и удовольствиями, а утром уезжали. Город поглотил человечество, оно шагнуло на новую ступень своего развития. Первым появился кочевник, охотник, затем оседлый земледелец, живущий в земледельческом государстве, города и порты которого были не чем иным, как рынками для сбыта сельских продуктов. А теперь, как логическое следствие эпохи изобретений, появилось это огромное новое скопление людей.

Даже простое перечисление этих фактов, обычных для людей нового времени, вынудило Грэма до предела напрячь воображение, чтобы нарисовать себе картину жизни в Англии. Попытка же заглянуть «за пролив», представить, что происходит на континенте, оказалась выше его сил.

Он пытался вообразить себе эти города: одни — на широких равнинах, другие — возле больших рек, огромные города на морских побережьях, города, опоясанные снежными горами. На большей части земного шара теперь разговаривали по-английски. Вместе с испано-американски-

ми, индийскими, негритянскими диалектами и пиджининглиш он стал повседневным языком двух третей человечества. На Евразийском континенте, кроме редких и курьезных исключений в удаленных областях, сохранились три языка: немецкий, распространившийся до Антиохии и Генуи и соперничающий с испано-английским в Кадисе; офранцуженный русский, граничащий с индо-английским в Персии и Курдистане и пиджин-инглиш в Пекине; наконец, французский, по-прежнему блестящий и точный, разделивший Средиземноморье с индо-английским и немецким и достигающий Конго в своих негритянских диалектах.

Повсюду на земле, усеянной городами-гигантами, кроме управляемых территорий тропического «черного пояса», преобладало все то же космополитическое общественное устройство, и везде, от полюсов до экватора, раскинулись владения Грэма. Весь мир цивилизован; весь мир живет в городах; мир — его собственность…

На туманном юго-западе сияли странные и сверкающие, сладострастные и чем-то пугающие Города Наслаждений, о которых говорили и кинематограф-фонограф, и старик на улице. Удивительные места, напоминающие легендарный

Сибарис, города искусства и красоты, продажного искусства и продажной красоты, чудесные города танцев и музыки, где развлекаются те, кто выигрывает в свирепой, постыдной экономической борьбе, идущей внизу, в ярко освещенных лабиринтах.

Он знал, как жестока эта борьба. О степени ее жестокости можно было судить по тому, что теперешние люди считают Англию девятнадцатого века воплощением идиллической, беззаботной жизни. И Грэм перевел глаза на картину, расстилавшуюся непосредственно внизу под ним, пытаясь различить большие заводы в этой путанице сооружений…

Глава XV
Высшее общество

Официальные апартаменты начальника Управления ветродвигателей изумили бы Грэма, явись он туда прямо из девятнадцатого века, однако он уже начал привыкать к стилю нового времени. Трудно было бы описать, как залы и комнаты, кажущиеся сложной системой арок, мостиков, проходов и галерей, членили и объединяли все это огромное пространство. Он прошел через уже знакомую раздвижную дверь на площадку очень широкого лестничного марша, по которому сновали мужчины и женщины, одетые с таким блеском, какого Грэм еще не видел. Отсюда открывалась перспектива зала, украшенного матово-белыми, розовато-лиловыми и пурпурными орнаментами; далеко вдали она завершалась облачным волшебством ажурных ширм. Поверху были перекинуты мостики, изготовленные, казалось, из фарфора или филиграни.

Подняв голову, Грэм увидел ярусы галерей, откуда на него смотрело множество лиц. Воздух вибрировал от бесчисленных голосов и музыки

— она доносилась сверху, веселая и возбуждающая; ее источника он так и не смог найти.

Центральный зал был полон — но без толчеи, хотя собралось, по-видимому, много тысяч человек. На всех были сверкающие, даже фантастические одежды, причем на мужчинах столь же замысловатые, как и на женщинах, — нудный пуританский стиль солидного мужского костюма уже давно канул в небытие. Большинство мужчин носили тщательно завитые волосы, лысых не было вовсе. Это море подстриженных локонов очаровало бы Россетти. Один господин, носивший, как сказали Грэму, таинственный титул «аморист», щеголял двумя косами в стиле Маргариты, и они ему шли. Косички-хвостики попадались часто; вроде бы маньчжурское происхождение более не считалось чем-то зазорным. Одежда отличалась многообразием фасонов. Более стройные мужчины носили штаны в обтяжку; попадались буфы с разрезами, плащи, мантии. По всей видимости, преобладала мода эпохи Льва X, но ощущалось и влияние Востока. Дородность мужчины, которая в викторианские времена подвергалась немилосердным атакам со стороны бесчисленных пуговиц, варварски зауженных панталон и режущих подмышками сюртуков,

теперь служила основой для демонстрации исполненной достоинства осанки, подчеркнутой обилием ниспадающих складок. Довольно часто, однако, встречались и изящные костюмы в обтяжку. Грэму, чопорному человеку чопорного века, эти люди казались слишком манерными, их лица — слишком подвижными, мимика — чересчур выразительной. Они жестикулировали и выказывали удивление, интерес, изумление, они удивительно откровенно демонстрировали чувства, которые в них возбуждали дамы.

А дамы составляли здесь, несомненно, подавляющее большинство. Их одежда, походка, манеры были не столь вызывающими, не столь бросающимися в глаза, но более вычурными. Некоторые красовались в платьях классической простоты в стиле ампир, их обнаженные руки и плечи сверкали белизной. Другие были в облегающих платьях без швов и пояса, иногда украшенных длинными ниспадающими с плеч складками. Привлекательность откровенных вечерних туалетов не уменьшилась за минувшие два столетия.

Двигались они с несомненным изяществом. Грэм заметил Линкольну, что видит вокруг фигуры, сошедшие с рисунков Рафаэля, и Линкольн

ответил, что искусству жестов в богатых семьях обучают с детства. Появление Хозяина было встречено оживлением и аплодисментами, но благовоспитанность не позволила этим людям толпиться вокруг него или досаждать пристальным вниманием, пока он спускался по лестнице в зал.

Грэм уже знал от Линкольна, что здесь собрались сливки лондонского общества; почти все они были важными сановниками или ближайшими родственниками важных сановников. Многие вернулись из европейских Городов Наслаждений с единственной целью приветствовать его. Здесь были командиры аэронавтов, отступничество которых сыграло роль в свержении Белого Совета, когда наступил решающий момент, руководители Управления ветродвигателей, высшие чины Пищевого треста. Контролер Европейских свинобоен выделялся меланхолической внешностью и утонченно циничными манерами. Мимо Грэма прошел епископ в полном облачении, беседуя с господином, одетым в традиционный костюм Чосера, включая и лавровый венок.

— Кто это? — спросил Грэм почти невольно.

— Лондонский епископ, — ответил Линкольн.

— Нет, тот, другой…

— Поэт-лауреат.

— Неужели до сих пор…

— О, нет, стихов он не пишет. Это кузен Уоттона, члена Совета. Он из клуба роялистов «Алая Роза» — весьма изысканного клуба. Они хранят старые традиции.

— Мне говорили, у вас есть король.

— Король не принадлежит к этому клубу. Его пришлось исключить. По-моему, тут дело в том, что в его жилах течет кровь Стюартов. Однако на самом деле…

— Их много?

— Чересчур много.

Грэм не совсем понял, в чем дело, но, по-видимому, все это было частью тех перемен, которыми отличался новый век от старого. Он снисходительно кивнул первому человеку, которого ему представили. Ясно было, что тонкие различия в положении играли роль даже в этом собрании, и Линкольн счел нужным представить ему очень небольшую часть гостей — так сказать, узкий круг. Первым подошел Главный аэронавт, загорелое лицо которого резко контрастировало с бледными лицами других приглашенных. Своевременная измена Совету сделала его весьма важной персоной.

Простые манеры, по мнению Грэма, выгодно отличали его от окружающих. Главный аэронавт сказал несколько общих фраз, заверил Грэма в своей лояльности и искренне справился о его здоровье. Держался он непринужденно, в интонации его отсутствовало легкое стаккато, свойственное английскому языку нового времени. Аэронавт превосходно продемонстрировал Грэму, что перед ним грубовато-дружелюбный «воздушный пес» — он сам употребил это выражение, что человек он простой и мужественный, старой закваски, что никогда не прикидывается всезнайкой и что то, чего он не знает, и знать-то не стоит. Он поклонился без малейшего подобострастия и отошел.

— Рад видеть, что такие люди еще не перевелись, — сказал Грэм.

— Это все фонографы и кинематографы, — немного язвительно заметил Линкольн. — А он учился у жизни.

Грэм еще раз взглянул на удаляющуюся коренастую фигуру. Кого-то она до странности напоминала.

— По сути, мы купили его, — сказал Линкольн. — Отчасти. А отчасти он испугался Острога. От его решения зависело все.

Он резко повернулся, чтобы представить Генерального инспектора средних школ. Это был высокий человек изящного сложения в серо-голубой академической мантии. Он поглядывал на Грэма сквозь пенсне викторианского фасона и сопровождал свои слова жестами безупречно ухоженных рук. Грэм немедленно заинтересовался кругом обязанностей этого господина и задал ему несколько конкретных вопросов. Генерального инспектора, казалось, несколько удивила и позабавила полная неосведомленность Хозяина. Слегка неопределенно упомянул он о монополии на образование, которой обладает его компания; монополия же эта возникла благодаря контракту, заключенному с синдикатом, контролирующим многочисленные лондонские муниципалитеты. Зато с особым энтузиазмом он говорил о прогрессе образования с викторианских времен.

— Мы покончили с зубрежкой, — сказал он, — ее мы полностью исключили, нигде в мире теперь нет экзаменов. Вас это радует?

— А как вы добиваетесь результатов? — спросил Грэм.

— Мы делаем ученье занимательным — насколько возможно. А если что-либо не привлекает учеников, мы пропускаем эту тему. Ведь про-

странство для познания так велико.

Он углубился в подробности, и беседа затянулась. Грэм узнал, что дополнительные курсы при университете по-прежнему существуют, хотя и в измененной форме.

— Есть, к примеру, девицы, — распространялся Генеральный инспектор с глубоким осознанием собственной полезности, — которые рьяно изучают некоторые предметы, если они не чересчур трудны. Таких у нас тысячи. В настоящее время, — с наполеоновским жестом заявил он, — около пятисот фонографов в различных частях Лондона читают лекции о влиянии Платона и Свифта на любовные похождения Шелли, Хэзлитта[19] и Бернса. Затем слушательницы напишут сочинение по теме лекций, и их имена в порядке успешности вывесят на видных местах. Видите, какой прогресс? Полуграмотный средний класс ваших дней исчез.

— А начальные школы? — спросил Грэм. — Они тоже в вашем ведении?

— Полностью, — подтвердил Генеральный инспектор.

Грэм, которого и в прежние — демократиче-

---

[19] Notes: 19
Хэзлитт Уильям (1778–1830) — английский эссеист и критик.

ские — времена интересовала эта проблема, стал задавать вопросы. Ему припомнились некоторые случайные фразы, оброненные стариком, с которым он разговаривал в темноте. А тут еще Генеральный инспектор подтвердил слова старика:

— Мы пытаемся сделать начальную школу приятной для детишек. Ведь им так скоро придется трудиться. Самые простые принципы — послушание, трудолюбие…

— Учите их совсем немногому?

— А зачем им больше? Излишние знания порождают беспокойство и неудовлетворенность. Мы их развлекаем. Но и при этом возникают неприятности, возбуждение в массах. Откуда рабочие набираются этих мыслей, уму непостижимо. Друг от друга, видимо. Тут и социалистические мечтания, и даже анархические идеи! Агитаторы действуют вовсю. Я всегда считал и считаю, что моя первоочередная задача — борьба с народным недовольством. Зачем делать народ несчастным?

— Удивительно, — задумчиво сказал Грэм. — Однако сколько вещей мне хотелось бы еще узнать…

Линкольн, который стоял, следя за выражени-

ем лица Грэма во время беседы, вмешался.

— Вас ждут другие, — вполголоса напомнил он.

Генеральный инспектор школ откланялся.

— Может быть, — сказал Линкольн, перехватив мимолетный взгляд Грэма, — вы хотите познакомиться с кем-то из этих дам?

Дочь Управляющего свинобойнями оказалась очаровательной миниатюрной особой с рыжими волосами и бойкими голубыми глазами. Линкольн оставил их беседовать наедине, и дама тут же заявила Грэму, что она обожает «старые добрые дни» — так назвала она время, когда Грэм впал в летаргию. Говоря это, она улыбалась, и ее глаза улыбались, словно требуя взаимности.

— Сколько раз я пыталась вообразить себе это старое романтическое время, — говорила она. — А для вас это живые воспоминания. Каким странным и переполненным людьми должен казаться вам наш мир! Я видела фотографии и картины старых времен — маленькие одинокие домики, сложенные из кирпича, изготовленного из обожженной глины, все черные от копоти очагов, железнодорожные мосты, простенькие объявления, важные строгие пуритане в странных черных сюртуках и высоких шляпах,

железные поезда на железных мостах, проносящиеся над головой, лошади, коровы и даже полудикие собаки, бегающие по улицам. И вдруг вы попадаете прямо сюда!

— Прямо сюда, — повторил Грэм.

— Из вашей жизни, из всего, что вам было знакомо.

— Прежняя жизнь не была счастливой, — заметил Грэм. — Я не жалею о ней.

Она бросила на него быстрый взгляд. Последовала короткая пауза. Она ободряюще улыбнулась.

— Нет?

— Нет, — сказал Грэм, — то была ничтожная жизнь, ничтожная и бессмысленная. Но эта… Мы считали мир сложным, достаточно цивилизованным. Но теперь — хотя в этом мире мне всего четыре дня от роду — наш век представляется мне странным, варварским — он был лишь началом нового порядка. Всего лишь началом… Вам трудно будет понять, как мало я знаю.

— Вы можете спросить меня о чем угодно, — сказала она, улыбаясь.

— Тогда расскажите мне, кто эти люди. Я все еще в полном неведении. Это озадачивает. Кто это, генералы?

— Люди в шляпах с перьями?

— Нет… нет. Это, наверное, какие-нибудь должностные лица, занимающие высокие посты. А кто этот импозантный господин?

— Этот? Очень важный сановник, Морден. Он директор-распорядитель Компании противожелчных пилюль. Я слышала, что его рабочие иногда производят в сутки мириад мириадов пилюль. Шутка ли — мириад мириадов!

— Мириад мириадов. Неудивительно, что у него такой гордый вид, — сказал Грэм. — Пилюли! Что за удивительное время! А тот человек в пурпуре?

— Он не совсем из нашего круга, знаете ли. Но мы его любим. Он умен и очень забавен. Это один из руководителей медицинского факультета Лондонского университета. Все медики носят пурпур. Но, сами понимаете, люди, которые получают жалованье за свою работу… — Она усмехнулась, отметая претензии подобных людей на высокое положение в обществе…

— Есть ли тут кто-нибудь из ваших великих художников или писателей?

— Нет, писателей здесь нет. По большей части это чудаки, слишком занятые собственной персоной. И они так ужасно ссорятся! Они могут подраться из-за права первому подняться по лестнице! Ужасно, не правда ли? Но я думаю, что

Рейсбери, самый модный капиллотомист, здесь. Он приехал с Капри.

— Капиллотомист? — Грэм задумался. — Ах да, вспомнил. Артист! Почему бы и нет?

— Мы вынуждены поощрять его, — извиняющимся тоном сказала она и улыбнулась. — Наши головы в его руках.

Грэм заколебался, преподносить ли ожидаемый комплимент, но его взгляд был достаточно выразителен.

— Идет ли искусство в ногу с прогрессом цивилизации? — спросил он. — Кто ваши великие художники?

Она с сомнением посмотрела на него, затем рассмеялась.

— На минуту я подумала, что вы говорите о… — Она засмеялась снова. — Вы, конечно, имеете в виду людей, привлекавших в ваше время к себе столь пристальное внимание тем, что могли покрывать огромные площади холста масляными красками? Такие большие продолговатые штуки. Вы обычно вставляли их в золоченые рамы и развешивали рядами в своих квадратных комнатах. У нас этого нет. Людям такие вещи надоели.

— Но о ком же вы тогда подумали?

Она многозначительно приложила палец к

щеке — свежесть этой щечки была вне подозрений, — улыбнулась и посмотрела на него очень лукаво, кокетливо и приглашающе.

— И здесь. — Она показала на свои веки.

Момент был рискованный. В памяти Грэма мелькнуло потешное воспоминание о виденной когда-то картине «Дядюшка Тоби и вдова»[20]. Архаичный стыд овладел им. Он остро ощутил, что на него смотрят.

— Понимаю, — заметил он не в лад. И неуклюже отвернулся от ее прелестей. Огляделся вокруг и встретил взгляды, которые немедленно переключились на другие предметы. Похоже, он немного покраснел.

— А кто это там беседует с дамой в шафрановом платье? — спросил он, отводя глаза.

Человек, о котором спросил Грэм, оказался одним из крупнейших руководителей американских театров, только что прибывшим из Мексики, где осуществил новую гигантскую постановку. Его черты напомнили Грэму Калигулу, бюст которого он некогда видел. Другой мужчина приметной внешности оказался Начальником черного труда. Этот титул поначалу не произвел

---

[20] Notes: 20

Персонажи романа Л. Стерна (1713–1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

на Грэма впечатления, но потом он переспросил:

— Начальник черного труда?

Миниатюрная дама, ничуть не смутившись, обратила его внимание на очаровательную особу небольшого роста и сказала, что это — одна из дополнительных жен англиканского епископа Лондона. Она добавила несколько слов в похвалу смелости епископа — ведь до сих пор среди духовенства сохранялась моногамия.

— Это и неестественно, и неуместно, — заметила она. — Почему нормальные чувства должны подавляться и запрещаться только потому, что мужчина — священник? К слову говоря, вы принадлежите к англиканской церкви?

Грэм колебался, спросить ли о статусе «дополнительной жены», — по-видимому, это был некий эвфемизм; однако их весьма интересную и поучительную беседу прервал Линкольн. Они прошли через зал к высокому человеку в малиновом одеянии, стоявшему с двумя очаровательными дамами в бирманских (как показалось Грэму) костюмах. Выслушав их любезности, Грэм двинулся к другим гостям.

Вскоре многообразные впечатления начали складываться в общую картину. Вначале блеск собрания пробудил в нем демократа, он стал

враждебен и насмешлив. Однако это не в человеческой природе — долго противостоять атмосфере любезного внимания. Музыка, свет, игра красок, блеск обнаженных рук и плеч, рукопожатия, мимолетный интерес оживленных улыбками лиц, приветливые голоса с искусно подобранными интонациями, атмосфера комплиментов, внимания и почтения — все это сплеталось воедино и доставляло несомненное удовольствие. Грэм на время забыл о своих обширных планах. Бессознательно поддался опьянению своим положением; его поведение сделалось менее стесненным, манеры — более величественными, походка — твердой; складки черной мантии ниспадали смелее, а голос исполнился благородства и достоинства. В конце концов, это был яркий, интересный мир!

Он посмотрел вверх и увидел, что на фарфоровом мостике промелькнуло лицо, обращенное к нему. Оно почти сразу исчезло — лицо девушки, которая была в маленькой комнате позади театрального зала прошлой ночью, после его бегства от Совета. И она смотрела на него.

Он не сразу вспомнил, где видел ее, а затем, вместе с узнаванием, вернулись и яркие ощущения той первой встречи. Но паутина танцевальной

музыки висела в воздухе и не давала закрепиться воспоминанию о той могучей маршевой песне.

Дама, с которой он в это время разговаривал, повторила свой вопрос, и Грэму пришлось вернуться к роли флиртующего короля.

Однако он уже не мог отделаться от чувства тревоги, им овладело смутное беспокойство. Его как будто волновала какая-то полузабытая обязанность — очень важная и ускользнувшая от его внимания среди этого света и блеска. Привлекательность блестящих дам, толпившихся вокруг, потускнела. Грэм уже не отвечал вялыми и неуклюжими комплиментами на тонкие любовные намеки — теперь-то он понимал, что ему предлагается; взгляд его блуждал в надежде еще раз увидеть эту девушку, которую он встретил во время восстания.

Где же все-таки он ее видел, где именно?

Грэм стоял в одной из верхних галерей и разговаривал с некоей светлоглазой дамой об идемите — предмет разговора был выбран им, а не ею. Он прервал ее теплые заверения в преданности деловым вопросом и убедился, как не раз убеждался в этот вечер, что женщины нового времени мало осведомлены, но зато очаровательны. И вдруг, прорвавшись сквозь завихрения танцевальной

мелодии, на него обрушилась Песня Мятежа, могучая песня, которую он слышал в театре, — хриплая и мощная.

И он вспомнил!

Вздрогнув, он поднял глаза и увидел над собой вентиляционное окошко, через которое доносилась песня, и вверху, сквозь сплетение кабелей и тросов — голубую дымку и отсвет огней на движущихся путях. Песня перешла в нестройный шум голосов и затихла. Но теперь ясно различались лязг и грохот бегущих платформ и ропот множества людей. Появилось неясное, необъяснимое ощущение — скорее инстинктивное, — что снаружи, на путях, собралась огромная толпа, которая, должно быть, смотрит на здание, где развлекается их Хозяин.

Хотя песня оборвалась и танцевальная музыка опять утвердилась в своих правах, марш продолжал звучать в мозгу Грэма.

Светлоглазая дама все еще сражалась с тайнами идемита, когда он снова заметил девушку, которую видел в театре. Теперь она шла по галерее в их сторону. Он увидел ее раньше, чем она его. На ней было чуть поблескивающее серое платье, темные волосы облаком поднимались надо лбом. Холодный свет из отверстия, ведущего

на улицы, упал на ее печальное лицо.

Собеседница Грэма заметила, как изменилось его лицо, и ухватилась за возможность прекратить разговор об идемите.

— Не хотели бы вы познакомиться с этой девушкой, сир? — храбро спросила она. — Это Элен Уотгон, племянница Острога. Она знает массу серьезных вещей. Очень серьезная особа, одна из самых серьезных. Уверена, вам она понравится.

Через минуту Грэм уже разговаривал с девушкой, а светлоглазая дама упорхнула.

— Я помню вас хорошо, — сказал Грэм. — Вы были в той комнатке. Когда все пели и отбивали такт ногами. Перед тем как я пошел через зал.

Ее мгновенное замешательство прошло. Девушка смотрела прямо на него, лицо ее было спокойно и твердо.

— Это было прекрасно, — сказала она и, помедлив, добавила с неожиданной силой: — Все эти люди были готовы умереть за вас, сир. Они без счета погибали за вас в ту ночь.

Ее лицо пылало. Она стремительно оглянулась, чтобы убедиться, что ее не подслушали.

Вдали на галерее показался Линкольн — он пробирался сквозь толкучку в их сторону. Девушка заметила его и порывисто повернулась к

Грэму. Она внезапно оставила свою суровость и заговорила с доверием и надеждой:

— Сир, не могу сказать всего здесь и сейчас. Но простой народ несчастен. Его угнетают, властью над ним злоупотребляют. Не забывайте о народе, который шел на смерть — на смерть, чтобы вы могли жить.

— Но я ничего не знаю… — начал Грэм.

— Сейчас я не могу говорить.

Линкольн появился рядом с ними. Поклонился, извинившись перед девушкой.

— Ну как, довольны новым миром, сир? — спросил Линкольн с предупредительной улыбкой, обводя зал и его великолепие всеохватывающим жестом. — Во всяком случае, он изменился.

— Да, — сказал Грэм, — изменился. Хотя, по сути, не так уж сильно.

— Подождите, пока не окажетесь в воздухе, — заметил Линкольн. — Ветер стих, и аэроплан уже ждет вас.

Девушка явно ждала возможности удалиться.

Грэм посмотрел ей в лицо; он хотел задать ей вопрос, но, уловив предостережение в ее глазах, отвесил поклон и повернулся, чтобы идти с Линкольном.

Глава XVI
Моноплан

Летные площадки Лондона располагались по неправильной дуге на южном берегу реки, тремя группами по две в каждой. За ними были сохранены имена старинных пригородов и деревень. Вот их названия по порядку: Роухамптон, Уимблдонский парк, Стритем, Норвуд, Блэкхит и Шутерс-хилл. Это были однотипные конструкции, поднятые высоко над поверхностью городских крыш. Каждая имела около четырех тысяч ярдов в длину и тысячу в ширину и была построена из материала, в состав которого входили железо и алюминий. Этот материал заменил железо в архитектуре. Их верхние этажи представляли собой переплетение ферм, которое пронизывалось лифтами и лестницами. На плоской верхней поверхности размещались стартовые тележки. Они могли перемещаться по слегка наклонным рельсам до самого края.

Грэм отправился на летные площадки по общественным путям в сопровождении Асано, своего слуги-японца. Линкольна отозвал

Острог, занятый административными делами. Сильная охрана из полиции ветродвигателей ожидала Хозяина перед зданием Управления и освободила ему место на верхней движущейся платформе. Эта поездка на летные площадки была неожиданной, и тем не менее за ним последовала целая толпа. По пути он слышал, что люди выкрикивают его имя, и видел несчетное множество мужчин, женщин и детей в синем, которые, крича и жестикулируя, теснились на лестницах, ведущих на центральную полосу. Он не мог разобрать, что они кричали. Его снова поразил их особый грубый язык — вульгарный диалект городской бедноты. Когда наконец он достиг цели, охрана немедля оказалась в окружении густой возбужденной толпы. Позже Грэм сообразил, что некоторые пытались пробиться к нему и передать петицию. Стражники с трудом прокладывали дорогу.

Моноплан с дежурным аэронавтом ожидал его на западной площадке. Вблизи этот аппарат оказался не таким уж маленьким. Он лежал на своей стартовой тележке посреди широкой площадки, его алюминиевый решетчатый корпус был величиной с двадцатитонную яхту. Боковые несущие паруса из какой-то стекловидной искусственной

пленки, поддерживаемые и пронизанные металлическими нервами, похожими на прожилки в крыле пчелы, отбрасывали тень на пространство в сотни квадратных ярдов. Сиденья для инженера и пассажира свободно висели внутри защитных ребер каркаса на сложной системе тросов и были сдвинуты довольно далеко назад от середины корпуса. Кресло пассажира защищалось ветровым щитком и ограждалось металлическими прутьями с надувными подушками. При необходимости его можно было закрыть полностью, но Грэм, в предвкушении новых впечатлений, пожелал, чтобы сиденье оставили открытым. Аэронавт сидел за стеклом, защищающим лицо. Пассажир мог закрепить свое сиденье на одном месте, что было необходимо при посадке, или передвигаться с помощью рельса и специального стержня к шкафчику на носу машины, где помещались его личный багаж, теплая одежда и провизия. Шкафчик вместе с сиденьями уравновешивали размещенный в центральной части двигатель и установленный на корме пропеллер.

Площадка была пуста — никого, кроме Грэма, Асано и нескольких охранников. Под руководством аэронавта Грэм занял свое место. Асано вылез из машины и остановился на площадке

— замахал рукой. Внезапно он словно скользнул куда-то назад и вправо и исчез.

Двигатель громко гудел, пропеллер вращался; площадка и окрестные строения стремительно и плавно уходили назад. Затем все словно вздыбилось. Грэм инстинктивно ухватился за короткие стержни по сторонам сиденья. Чувствовал, что поднимается вверх, слышал свист воздуха над ветровым щитком. Пропеллер вращался с мощным ритмическим звуком: раз, два, три — пауза, раз, два, три — пауза. Инженер очень осторожно регулировал механизм. Машина начала мелко вибрировать; эта дрожь продолжалась в течение всего полета. Крыши уносились вправо, быстро уменьшаясь. Грэм глядел через голову аэронавта сквозь ребра машины. Посмотрев по сторонам, Грэм не заметил ничего особенно пугающего — скоростной фуникулер дал бы похожие ощущения. Он узнал здание Совета и Хайгейт-ридж. И тут он взглянул вниз, прямо под ноги.

Мгновенно его охватил животный ужас, сознание страшной опасности. Он вцепился во что-то. Какое-то время не мог поднять глаз. В нескольких сотнях футов внизу был один из больших ветряков юго-западного Лондона, а южнее виднелась летная площадка, усеянная черными точками.

И все это, казалось, проваливалось в бездну. У него был мгновенный импульс — бросится вниз, догнать землю. Он стиснул зубы, усилием воли поднял глаза. Паника прошла.

Некоторое время Грэм сидел, крепко сжав зубы и уставившись в небо. Тук, тук, тук — хлоп, — постукивал двигатель, тук, тук, тук — хлоп. Грэм крепко схватился за стержни, взглянул на аэронавта и увидел на его загорелом лице улыбку. Улыбнулся в ответ — возможно, несколько натянуто.

— Поначалу немного непривычно! — прокричал Грэм, прежде чем снова принял исполненную достоинства позу. Но некоторое время не решался снова взглянуть вниз. Он уставился через голову аэронавта на синюю полоску неба у горизонта. Никак не удавалось выбросить из головы мысль о возможной катастрофе. Тук, тук, тук — хлоп! Предположим, самый обыкновенный винтик отвернется в этом механизме! Предположим… Отчаянным усилием он отогнал от себя эта опасения. По крайней мере ему удалось отодвинуть их на задний план. А моноплан поднимался все выше и выше в чистом прозрачном воздухе.

Когда эмоциональный шок от ощущения свободного полета миновал, переживаемое состо-

яние стало ему даже приятно. Его предупреждали о воздушной болезни. Но раскачка моноплана, направляемого против легкого юго-западного бриза, не слишком отличалась от килевой качки судна на пологих волнах умеренного шторма, а Грэм был неплохим моряком. Острый разреженный воздух вызывал бодрящее ощущение легкости. Он взглянул вверх и увидел, что голубое небо легким орнаментом украсили перистые облака. Затем осторожно опустил глаза, сквозь ребра и перекладины посмотрел на полет белых птиц, зависших внизу. Немного понаблюдал за ними. Почти без страха взглянул еще ниже и увидел стройный силуэт мачты «вороньего гнезда», сияющей золотом в солнечных лучах и удаляющейся с каждым мгновением. Теперь его более уверенному взгляду предстала надвигающаяся линия голубых холмов, а за нею, уже с подветренной стороны, расстилалась замысловатая картина лондонских кровель. Ближний ее край был виден ясно и резко, и от острого удивления последние страхи Грэма исчезли. Граница Лондона была подобна стене, утесу, вертикальной ступени, обрыву высотой в триста или четыреста футов. Город заканчивался сплошным декорированным фасадом с редкими террасами.

Характерного для больших городов девятнадцатого века постепенного перехода от города к предместьям, а там и к сельской местности, более не существовало. Осталось лишь запустение, руины в многоцветных, густых зарослях разнообразных растений — остатках былых садов. Вокруг темнели коричневые квадраты пашен и полоски вечнозеленого кустарника. Они виднелись даже между развалин. Однако по большей части эти рифы и шхеры руин, эти обломки пригородных вилл все еще виднелись вдоль бывших улиц и дорог — печальные острова среди наступающего зеленого и коричневого моря. Обитатели бросили их много лет назад, но они, видимо, оказались слишком прочны для того, чтобы их смели сельскохозяйственные машины.

Растительность буйно обвивала рассыпающиеся клетки бесчисленных брошенных домов и подкатывала к городской стене зеленым прибоем ежевики, остролиста, плюща, ворсянки и бурьяна. Там и тут среди ничтожных останков Викторианской эпохи возвышались дворцы развлечений, соединенные с городом канатными дорогами. В этот зимний день они казались покинутыми. Пустынными выглядели и сады, разбитые среди руин. Пределы города были опре-

делены, в сущности, так же четко, как в древние времена, когда городские ворота запирались на ночь и вокруг стен рыскали разбойники. Огромная полукруглая арка извергала транспортный поток на идемитовую дорогу, ведущую в Бат. Таким открылся Грэму мир вне города — сверкнул и исчез. Когда он наконец сумел опять взглянуть вертикально вниз, то увидел поля в долине Темзы — бесчисленные красно-коричневые прямоугольники, разделенные блестящими нитями сточных канав.

Возбуждение Грэма стремительно возрастало и перешло в какой-то хмельной восторг. Он всей грудью вдыхал разреженный воздух, громко смеялся, ему хотелось крикнуть что-нибудь. Желание это стало неодолимым, и он закричал. Описав широкую дугу, они повернули к югу. Моноплан летел с небольшим креном в подветренную сторону и медленно менял направление движения, вначале резко набирая высоту, а затем плавно и стремительно скользя вниз, что было очень приятно. Во время такого скольжения пропеллер останавливался. Подъемы давали Грэму ощущение победы над стихией, а плавный спуск в разреженном воздухе доставлял неизъяснимое наслаждение. Хотелось никогда не покидать

небо.

Некоторое время он внимательно разглядывал детали ландшафта, стремительно бегущего на север. Особенно ему нравилась ясность и четкость мелких деталей. Поражало большое количество руин некогда стоявших повсюду домов и огромные безлесные пространства, с которых исчезли фермы и деревушки — остались лишь осыпающиеся развалины. Грэм уже слышал об этом, но видеть все своими глазами — совсем другое дело. Он пытался различить в этом запустении знакомые места, но после того, как долина Темзы осталась позади, ему это поначалу не удавалось. Однако вскоре, пролетев над острым меловым холмом, Грэм узнал линию восточного обрыва и руины городка, круто идущие вверх по обеим сторонам ущелья. Это был Гилдфорд-хогз-бэк. После этого он смог различить и другие места — Лит-хилл, песчаные пустоши Олдершота и так далее. Долина реки Уэй заросла густым лесом повсюду, кроме мест, где проходила, следуя направлению старой железнодорожной колеи, широкая Портсмутская идемитовая дорога, густо усеянная быстро двигающимися точками.

На всей ширине склона Даунса, насколько глаз мог различить в серой дымке, были расставле-

ны ветряные колеса, которым самый большой городской ветряк годился бы в младшие братья. Они величественно вращались под юго-западным ветром. Здесь и там виднелись участки, усеянные овцами Британского пищевого треста, среди которых темными силуэтами выделялись конные пастухи. Затем под носом моноплана проплыли Уилден-хайтс, линия холмов Хайндхеда, Питч-хилл и Лит-хилл со вторым рядом ветряных двигателей, которые, казалось, старались перехватить у ветряков низины их долю ветра. Пурпурный вереск сменился внизу желтым дроком, быстро промелькнуло и превратилось в едва заметное пятно стадо черных быков, которое гнала пара конников.

Когда все это исчезло вдали, Грэм услышал совсем рядом жалобу пеночки. Машина летела теперь над южным Даунсом, и, взглянув через плечо, Грэм увидел за обрывом Портсдаунского холма форты Портсмутской гавани. В следующее мгновение показалось скопление стоящих возле берега судов, подобных плавучим городам, залитые солнцем белые утесы Нидлза и отливающая серым поверхность пролива Солент. Моноплан словно перепрыгнул пролив за несколько мгновений, а через несколько секунд и остров Уайт

остался позади. Теперь внизу все шире и шире растекалось морское пространство, то пурпурное — там, куда падала тень от облаков, то серое, то блестящее, как зеркало, то зелено-синее, туманное. Остров Уайт становился все меньше и меньше. Через несколько минут от облачной гряды отделилась полоса серой мглы, спустилась с неба и превратилась в береговую линию — северное побережье Франции, солнечное и прекрасное. Оно росло, окрашивалось, становилось ярче, отчетливей, а английский берег исчезал вдали.

Очень скоро, как казалось, на горизонте появился Париж и некоторое время висел там, но затем пропал из виду, так как моноплан свернул на север. Но Грэм успел заметить, что Эйфелева башня все еще стоит, а рядом с ней виднеется огромный купол, увенчанный колоссальным шпилем. Он заметил также косую полосу дыма, но не понял, в чем дело. Аэронавт сказал что-то о «беспорядках на нижних путях», на что Грэм не обратил особого внимания, но заметил башни, минареты, элегантные сооружения, которые вздымались к небу выше ветряных двигателей, и подумал, что Париж хотя бы по изяществу силуэта все еще опережает своего огромного соперника. Пока он смотрел, бледно-голубая тень быстро поднялась

со стороны города и понеслась, как осенний лист, подгоняемый бурей, — повернула и полетела в их сторону, стремительно увеличиваясь. Аэронавт что-то сказал.

— Что? — переспросил Грэм; он не мог отвести глаз от этого зрелища.

— Лондонский аэроплан, сир, — прокричал пилот.

Они поднялись выше и повернули к северу. Аэроплан приближался, становился все больше. Шум моноплана, бывший недавно воплощением мощи и скорости, казался теперь тихим жужжанием. Каким огромным было это чудовище, каким стремительным и величественным был его полет! Оно пронеслось прямо под ними — прозрачные, обтянутые проволочной сеткой крылья широко раскинуты, — живое существо! Грэм успел увидеть ряды закутанных пассажиров, покачивающихся в своих люльках за ветровыми стеклами, одетого в белое инженера, карабкающегося против встречного ветра по трапу, согласно работающие двигатели, вращающийся пропеллер и широкую плоскость крыла. Потрясающее зрелище! В одно мгновение аэроплан исчез.

Он набирал высоту, и крылья маленького мо-

ноплана закачались на его воздушной волне. Аэроплан уходил, становился все меньше. Они, казалось, оставались на месте, а он уже опять стал плоской голубой тенью, исчезавшей в небе. Это был аппарат, летавший между Лондоном и Парижем. В хорошую погоду и в спокойные времена он делал по четыре рейса в день.

Они летели через Ла-Манш, медленно, как теперь казалось Грэму, и слева серым пятном вырастал Бичи-хед.

— Садимся, — объявил аэронавт, голос его был едва слышен из-за свиста ветра над стеклом.

— Нет еще! — смеясь, крикнул Грэм. — Пока не садимся. Я хочу побольше узнать об этой машине.

— Я полагаю… — начал аэронавт.

— Я хочу побольше узнать об этой машине, — повторил Грэм. — Перехожу к вам. — Он вылез из кресла и ступил на огороженную дорожку, ведущую к месту пилота.

На мгновение застыл, побледнев и вцепившись в поручни. Еще шаг — и он подобрался к аэронавту. Ощутил на плече давление воздуха. Его шапка закувыркалась черным пятнышком позади. Ветер дул над ветровым стеклом, растрепал его волосы. Аэронавт проделал несколько по-

спешных манипуляций и сбалансировал центры тяжести и напора воздуха.

— Я хочу, чтобы вы все объяснили, — сказал Грэм. — Что вы делаете, когда перемещаете двигатель вперед?

Аэронавт замялся.

— Это сложно, сир.

— Не имеет значения, — закричал Грэм. — Не имеет значения!

— Аэронавтика — это тайна… привилегия… — помолчав, сказал пилот.

— Я знаю. Но я — Хозяин, и я хочу знать.

Он рассмеялся, его переполняло новое чувство — власти, подаренной полетом.

Моноплан разворачивался к западу; резкий ветер бил в лицо, раздувал одежду. Грэм и пилот поглядели друг другу в глаза.

— Сир, существуют правила…

— Но дело касается меня, — сказал Грэм. — Вы, кажется, забыли…

Аэронавт изучающе посмотрел ему в лицо.

— Нет, я не забыл, сир. Но по всей земле никто — ни один человек, кроме приведенного к присяге аэронавта, — никогда не управлял машиной. Они могут быть только пассажирами…

— Я кое-что слышал об этом. Не собираюсь с

вами спорить. Знаете, ради чего я проспал двести лет? Чтобы летать!

— Сир, — сказал аэронавт, — правила… если я нарушу правила…

Грэм движением руки отбросил возможные неприятности.

— Но вы могли бы наблюдать за мной…

— Нет, — объявил Грэм, покачнувшись и хватаясь за поручень, когда машина задрала нос на новом подъеме. — Такая игра не для меня. Хочу делать все сам. Сам! Даже если разобьюсь! Я так хочу. Слушайте. Я сейчас сяду рядом с вами. Спокойно! Я намерен летать самостоятельно и готов поплатиться за это жизнью. Это вознаграждение за мой сон. А все остальное… В прошлом я мечтал о полетах. А теперь — держите равновесие!

— Дюжина шпионов наблюдает за мной, сир!

Терпение Грэма лопнуло. Как он решил, так и должно быть. Он выругался. Перевалил через рычаги. Моноплан качнуло.

— Кто Хозяин мира? — прикрикнул он. — Я или ваша корпорация? Ну! Снимите руки с рычагов и берите меня за запястья. Вот так. А теперь, как опустить нос вниз для скольжения?

— Сир!

— Что такое?

— Вы защитите меня?

— Боже мой! Конечно! Даже если придется сжечь Лондон. Ну же!

Этим обещанием Грэм купил первый свой урок воздухоплаванья.

— В ваших интересах за время этого полета, — сказал он, громко смеясь, потому что воздух действовал на него, как крепкое вино, — обучить меня побыстрее и получше. Потянуть за это? А! Так! Ого!

— Назад, сир! Назад!

— Назад… хорошо. Раз, два, три! Боже милостивый! Он поднимается! Вот это жизнь!

Теперь машина принялась отплясывать странные фигуры в воздухе. Она то описывала спираль всего ярдов сто в диаметре, то взмывала вверх и падала — круто, стремительно, как сокол, а затем снова ввинчивалась в воздух и уходила ввысь. При одном из таких спусков он полетел прямо на дрейфующий парк воздушных шаров на юго-востоке и едва успел отвернуть в сторону. Изумительная быстрота и плавность движения, потрясающее воздействие чистого воздуха привели Грэма в бесшабашный восторг.

Но в конце концов неприятное приключение отрезвило его и заставило повернуть к земле с ее

суетой и неразрешимыми темными загадками. Во время пикирования послышался удар и что-то пролетело мимо, обрызгав его каплями, вроде дождевых. Оглянувшись, он увидел внизу крутящийся белый лоскут.

— Что это было? — спросил он. — Я не понял.

Аэронавт оглянулся и схватился за рычаг — ведь они продолжали падать. Когда машина выправилась и начала подниматься, он перевел дыхание.

— Это, — указал пилот на белый предмет, все еще планирующий вниз, — это был лебедь.

— Я его не видел, — сказал Грэм.

Аэронавт промолчал, на лбу у него выступила испарина.

Они летели горизонтально, пока Грэм перебирался снова на сиденье пассажира, где его уже не доставали порывы ветра. Последовал стремительный спуск — пропеллер вращался, препятствуя падению, — и летная площадка, широкая и темная, начала расти перед ними. Солнце, закатываясь за меловые холмы на западе, казалось, опускалось вместе с монопланом, оставляя в небе золотое сияние.

Скоро стали видны мелкие пятнышки. Внизу послышался шум, подобный шуму прибоя на

галечном берегу, и Грэм увидел, что все крыши вокруг площадки густо заполнены народом, радующимся его благополучному возвращению. Сплошная темная масса под площадкой пестрела пятнами бесчисленных лиц, машущих рук и развевающихся белых платков.

Глава XVII
Три дня

Линкольн ждал Грэма в апартаментах под летной площадкой. Его, по-видимому, очень интересовало, как прошел полет, он был доволен, услыхав, что Грэм в полном восторге. Грэм кипел энтузиазмом.

— Я должен научиться летать! — кричал он. — Должен это освоить! Как жаль мне тех, что умерли, не дождавшись такой возможности. Как сладко и славно летать! Это самое чудесное ощущение на свете.

— Вы найдете в нашем времени массу чудесных ощущений, — сказал Линкольн. — Не знаю, что посоветовать вам еще. У нас есть музыка, которая заменяет романы.

— Сейчас меня занимают полеты. Хочу побольше о них узнать. Ваш аэронавт говорит, что есть какие-то корпоративные правила, запрещающие обучать посторонних.

— Полагаю, это так, — ответил Линкольн. — Но для вас!.. Если вы решили этим заняться, мы можем хоть завтра сделать вас присяжным аэро-

навтом на законных основаниях.

Грэм с живостью согласился и снова стал рассказывать о своих впечатлениях.

— А как идут дела? — вдруг спросил он. — Каково сейчас положение?

Линкольну не хотелось говорить о делах.

— Острог вам завтра расскажет, — сказал он. — Все устраивается. Революция завершается по всему миру. Конечно, конфликты то там, то тут неизбежны, но ваше правление обеспечено. Доверив дела Острогу, вы можете ни о чем не беспокоиться.

— А можно ли мне стать, как вы это назвали, присяжным аэронавтом уже сегодня? — спросил Грэм, расхаживая по комнате. — Тогда бы я завтра в самую первую очередь снова…

— Это, видимо, возможно, — задумчиво сказал Линкольн. — Вполне возможно. Так мы и поступим. — Он рассмеялся. — Я подготовил несколько развлечений на выбор, но вы нашли для себя свое. Сейчас я телефонирую в Управление аэронавтики, и мы вернемся в ваши апартаменты в Управлении ветродвигателей. Пока вы будете обедать, аэронавты успеют собраться. Но вы не думаете, что после обеда лучше бы… — он замялся.

— Что?

— Мы подготовили танцевальное представление, артистов доставили из театра острова Капри.

— Терпеть не могу, — отрезал Грэм. — Никогда не любил. Это не то… Не то, что мне хотелось бы видеть. И в старые времена у нас были танцовщицы. Они были уже в Древнем Египте. Но вот полеты…

— Это верно, — сказал Линкольн. — Хотя наши танцовщицы…

— Они могут подождать. Могут подождать. Я — не римлянин. У меня есть вопросы, хочу расспросить специалистов о ваших машинах. Мне хотелось бы отвлекаться.

— В вашем распоряжении целый мир, — сказал Линкольн. — Можете выбирать, что пожелаете.

Явился Асано, и они под сильной охраной вернулись по улицам в апартаменты Грэма. Сейчас, при возвращении, собралось куда больше зевак, чем при отъезде, и приветственные крики массы людей порой заглушали ответы Линкольна на бесконечные вопросы Грэма, вызванные воздушным путешествием. Сначала Грэм отвечал на приветствия толпы жестами и поклонами, но Линкольн предупредил его, что такая реакция может быть сочтена неуместной. Грэм,

уже несколько утомленный ритмическими выкриками, до конца поездки игнорировал своих подданных.

Сразу же по прибытии Асано отправился за кинематографическими пособиями, показывавшими машины в действии, а Линкольн распорядился о доставке действующих моделей и небольших машин, чтобы продемонстрировать Грэму прогресс в механике за последние два столетия. Несколько приборов для телеграфного сообщения так заинтересовали Хозяина, что он на время забыл даже о замечательном обеде, поданном восхитительно обученными девушками. Привычка курить почти исчезла с лица земли, но, когда он пожелал предаться этой слабости, был сделан запрос, и несколько великолепных сигар прислали из Флориды пневматической почтой еще до конца обеда. Затем явились аэронавты и инженеры, доставившие чудеса техники новой эпохи. Грэм с увлечением разглядывал устройства для вычислений, строительные и прядильные машины, патентованные дверные механизмы, двигатели взрывного действия, элеваторные и водонапорные башни, оборудование для боен и сельскохозяйственные орудия. Все это было для Грэма привлекательнее любой баядеры.

— Мы были дикарями, — повторял он. — Дикарями. По сравнению с вами мы жили в каменном веке… А что еще у вас есть?

Явились также несколько психологов-практиков с демонстрацией интересных достижений в искусстве гипноза. К своему удивлению Грэм узнал, что имена Милна Брэмуэлла, Фехнера, Либо, Уильяма Джеймса, Майерса и Гарни упоминаются теперь с почтением. Несколько практических приложений их психологии получили широкое применение. Психологическое воздействие заменило многие наркотические, антисептические и обезболивающие средства в медицине; оно использовалось теперь почти всеми людьми, которым требовалась умственная сосредоточенность. Человечество, по-видимому, было обязано этому направлению реальным расширением своих интеллектуальных возможностей. Достижения «людей-арифмометров» — месмерические фокусы, как некогда полагал Грэм, — стали доступны теперь любому, кто мог заплатить за услуги опытного гипнотизера. Экзаменационная система обучения уже давно была заменена этими приемами. Вместо годов учебы студенты несколько недель подвергаются гипнотическому внушению — во время сеансов

инструкторы просто повторяют нужные сведения, необходимые для правильного ответа, добавляя приказ об оставлении этих знаний в памяти после выхода из гипнотического транса. В математике употребляется только этот метод, к нему обычно прибегают в шахматах и в играх, требующих ловкости рук. На деле все операции, проводимые по определенным правилам, так называемые псевдомеханические действия, теперь освобождаются от влияния воображения и эмоций и доводятся до исключительной точности и аккуратности. Маленькие дети из простонародья, едва достигнув возраста, подходящего для гипноза, превращаются в машины, работающие точно и безошибочно, освобожденные от долгих раздумий и метаний юности. Ученики аэронавтов, страдающие головокружением, избавляются от своих страхов. На каждой улице можно обратиться к гипнотизеру, чтобы навсегда запечатлеть в памяти воспоминание. Если надо запомнить имя, серию чисел, песню, речь — это можно сделать с помощью гипноза. И наоборот: память может быть стерта, привычка устранена, желание погашено — это настоящая психологическая хирургия, и она широко применяется. Унижения и обиды могут быть забыты, неутеш-

ные вдовы перестают страдать по ушедшим мужьям, безнадежно влюбленные избавляются от своей страсти. Однако прививать желания еще не удается, и факты передачи мыслей пока не систематизированы. Психологи продемонстрировали Грэму свои достижения, проделав удивительные опыты по запоминанию с группой бледных детей, одетых в синее.

Грэм, как и многие люди его времени, не верил гипнотизерам; если бы не это, он мог бы освободить свой мозг от многих болезненных перегрузок. Но несмотря на заверения Линкольна, он продолжал придерживаться старой теории, что подвергнуться гипнозу — значит подчинить свою личность чужой воле и отречься от своей. На чудесном празднике жизни, только что начавшемся, он остро желал целиком оставаться самим собой.

Следующий день, и еще один, и третий прошли в подобных занятиях. Ежедневно Грэм проводил по многу часов, славно развлекаясь полетами. На третий день пересек всю Центральную Францию и даже видел покрытые снегом вершины Альп. Интенсивные упражнения принесли крепкий сон; он стремительно избавлялся от опустошенности, от анемии, с которой проснулся. И

каждую минуту, свободную от отдыха и полетов, Линкольн неутомимо заполнял интереснейшими занятиями. Грэму показывали все новые изобретения, пока наконец его любопытство не насытилось. Описание всех этих диковин заняло бы дюжину томов. Каждый день в послеполуденное время Грэм около часа проводил среди своих придворных. Очень скоро интерес к новым современникам сделался более конкретным и личным. Вначале его настораживало в основном незнакомое и необычное — любая вычурность костюма, любое несоответствие с его представлениями о светском поведении коробило его, но удивительно, как скоро исчезли отчужденность и легкая враждебность, как скоро он увидел себя в истинной перспективе; Викторианская эпоха отодвинулась, стала плохо различимым приятным видением. Оказалось, что ему нравится рыжеволосая дочь Управляющего свинобоен. На следующий день после обеда он познакомился с новомодной танцовщицей и нашел ее искусство восхитительным. Затем ему показали новые чудеса гипноза. На третий вечер Линкольн объявил было, что Хозяину надо отдохнуть в Городе Наслаждений, но Грэм это предложение отверг. Отклонил и услуги гипнотизеров в своих заняти-

ях аэронавтикой. Он любил окрестности Лондона и с непреходящей радостью находил во время полета места, связанные с прошлой жизнью.

— Здесь или, вернее, там, сотней футов пониже, — мог он объявить, — я обычно съедал котлету на завтрак в пору учебы в Лондонском университете. Там, внизу, был вокзал Ватерлоо — вечная спешка и поиски нужного поезда. Часто я стоял там с чемоданом в руке и поверх бесчисленных сигнальных огней смотрел в небо, не думая, что когда-нибудь буду разгуливать в ста ярдах над этим местом. А сейчас в том же самом небе, которое тогда выглядело серым дымным покрывалом, кружусь на моноплане.

Грэм был так занят своими делами, что политические события за стенами резиденции почти не привлекали его внимания. Окружающие мало об этом говорили. Ежедневно приходил Острог — Вождь, великий визирь Грэма, распорядитель в его дворце — и докладывал в туманных выражениях о неуклонном укреплении его власти, «незначительных затруднениях» в одном городе, «небольших беспорядках» в другом… Песня революции больше не доносилась до Грэма; он так и не узнал, что петь ее в городе запретили. Все высокие эмоции, пережитые в «вороньем

гнезде», уснули в его сознании.

Вскоре, несмотря на интерес к дочери свиного управляющего — а возможно, из-за мыслей, ход которым дал разговор с нею, — Грэм вспомнил Элен Уотгон, девушку, что вела такие странные речи на приеме в Управлении ветродвигателей. Она произвела на него глубокое впечатление, хотя какое-то время поток новых поразительных открытий и оттеснил ее образ. Но теперь воспоминания вернулись. Хотелось понять, что она стремилась передать своими отрывистыми словами, — он их почти забыл. Ее глаза, ее взволнованно-серьезное лицо возникали в памяти все отчетливей по мере того, как тускнел интерес Грэма к механике.

Глава XVIII
Грэм вспоминает

Он увидел ее на галерейке, соединяющей Управление ветродвигателей с его апартаментами. Галерея была длинная, узкая, с рядом ниш у арок-проемов, выходящих во двор с пальмами. Грэм вдруг увидел девушку в одной из этих ниш. Она повернула голову на звук шагов и вздрогнула, узнав его. Побледнела. Быстро встала, шагнула навстречу, как будто хотела заговорить, но не решалась. Он тоже остановился и ждал. Стало заметно, что ей мешает говорить нервная дрожь. Грэм понял, что смятение лишило ее дара речи. Девушка, видимо, искала разговора с ним, ждала его на этом месте.

— Я давно хотел видеть вас, — сказал он. — Несколько дней назад вы пытались что-то сказать мне — что-то о народе. Что вы хотели сказать?

Она подняла страдальческие глаза.

— Вы говорили, что народ несчастен.

Девушка помолчала, потом резко ответила:

— Это, наверное, показалось вам странным.

— Да. Однако…

— Это был минутный порыв.

— И что же?

— Это все. — Нерешительный взгляд, затрудненная речь. — Вы забыли, — сказала она с глубоким вздохом.

— О чем?

— О народе…

— Вы хотите сказать…

— Вы забыли о народе.

Грэм смотрел на нее вопросительно.

— Да. Я понимаю, вы удивлены. Потому что не понимаете, кто вы такой. Не знаете, что происходит вокруг.

— И что же?

— Вы не понимаете.

— Может быть, не все мне ясно. Но… рассказывайте.

Она повернулась к нему с неожиданной решимостью.

— Это так трудно объяснить. Я собиралась… Готовилась. А вот теперь — не могу. Не хватает слов. Но о вас скажу немного. Такие вещи называют чудесами. Ваш сон, ваше пробуждение… Это чудо. Для меня, например, и для всего народа. Вы, обычный человек, жили столько лет назад, страдали и умерли, но проснулись, чтобы снова

жить, и оказалось, что вы стали Хозяином почти всей Земли.

— Хозяин Земли, — повторил он, — так они говорят мне. Но подумайте, как мало я знаю.

— Городов, трестов, Департамента Труда…

— Вся эта верховная власть, владычество — могущество и слава… Да, я слышал, как они кричали. Знаю. Я — Хозяин. Король, если хотите. Вместе с Острогом, Вождем…

Грэм замолчал.

Она с любопытством, изучающе, взглянула ему в его лицо.

— И что же?

— … Который берет на себя ответственность, — с усмешкой закончил он.

— Вот этого мы и начали бояться, — сказала девушка. Умолкла. Потом медленно проговорила: — Нет. Ответственность должны взять на себя вы. Вы должны принять на себя ответственность. Народ смотрит на вас.

Ее голос стал мягче.

— Послушайте! По крайней мере половину времени, что вы спали, огромное множество людей, с каждым поколением все больше и больше, молилось о вашем пробуждении — понимаете, они молились.

Грэм хотел было ответить, но промолчал.

Девушка собиралась с духом, слабый румянец вернулся на ее щеки.

— Знаете, кем вы были для мириадов людей? Королем Артуром, Барбароссой — властителем, который придет в назначенный день и сделает мир справедливым.

— Мне кажется, народное воображение…

— Разве вы не слышали поговорку: «Когда Спящий проснется»? Вы лежали там бесчувственный и неподвижный, а к вам приходили тысячи. Тысячи. Каждый первый день месяца вас торжественно облачали в белые одежды, и люди шли мимо. Маленькой девочкой я видела вас таким, видела ваше лицо, такое бледное и спокойное.

Она отвернулась и уставила глаза в настенную роспись. Проговорила упавшим голосом:

— В детстве я часто смотрела на ваше лицо… Оно казалось неколебимым и ожидающим — долготерпение, как у Бога. Вот что мы думали о вас, вот чем вы были для нас…

Она подняла на него сияющие глаза, и голос ее сделался сильным и чистым.

— В городе, по всей Земле, мириад мириадов мужчин и женщин ждут, что вы будете делать. Они полны надежд.

— Неужели?

— Ни Острог, никто другой не может взять на себя эту ответственность.

Грэм с удивлением смотрел в ее разгоревшееся лицо. Вначале она, казалось, с трудом подбирала слова, но потом заговорила с пылом и страстью.

— Неужели вы думаете, вам суждено было прожить неприметную жизнь в далеком прошлом, впасть в чудесный сон, и восстать из него, и вызвать изумление, почитание и надежды половины мира — все только ради того, чтобы прожить здесь еще одну неприметную жизнь?.. Неужели вы сможете переложить ответственность на кого-то другого?

— Я знаю, как велика моя власть, — запинаясь, сказал Грэм. — Вернее, знаю, какой огромной она кажется. Но реальна ли она? Все это похоже на сон. Это действительность — или только великая иллюзия?

— Она реальна, — сказала девушка, — если вы решитесь.

— В конечном счете, моя власть, как и всякая другая, есть вера во Власть. Мираж в умах людей.

— Если вы решитесь! — повторила девушка.

— Но…

— Бессчетное множество людей, — сказала она. — Пока это в их умах, они будут повиноваться.

— Но я ничего не знаю. Вот что сидит в моем уме. Ничего не знаю. А все эти советники, Острог… Они мудрее, хладнокровнее, знают так много — каждую мелочь. Но в самом деле, о каких несчастных вы говорили? Что я должен узнать? Вы считаете…

Он смутился и умолк.

— Я еще почти ребенок. Но мир кажется мне полным несчастий. Мир изменился с ваших времен, и изменился странным образом. Я только и мечтала, чтобы увидеть вас и рассказать об этом. Мир изменился. Словно язва разъела его… вынула из него жизнь… все достойное… — Она вдруг придвинула к Грэму пылающее лицо. — Ваше время было временем свободы. Да, я много думала. Думать меня заставила жизнь — она не была счастливой. Люди теперь не свободнее, не лучше, не значительнее, чем люди вашего времени. Но это не все. Этот город — тюрьма. И каждый город теперь — тюрьма. Ключи же — у Маммоны. Мириады, бессчетные мириады мучаются от колыбели до могилы. Это справедливо? И так должно быть всегда? Да, сейчас намного хуже, чем в ваши дни.

Вокруг нас, повсюду — горе и боль. Пустые удовольствия той жизни, которая окружает вас, — а рядом существование в безмерной нужде. Да, бедняки понимают это, они сознают, как тяжела их судьба. Неисчислимые толпы две ночи назад шли за вас на смерть!.. Вы обязаны им жизнью.

— Да, — тихо сказал Грэм. — Да. Я обязан им жизнью.

— Вы пришли из времени, когда тирания городов едва начиналась. Да, это настоящая тирания. В ваши дни феодалы-военачальники исчезли, а новая знать — богачи — только вступала в свои права. Половина людей на Земле жила в свободной сельской местности. Города еще не поглотили их. Я читала старые книги — тогда было благородство! Обычные люди вели жизнь, полную любви. Они знали, что такое чувство долга. У них были тысячи занятий. И вы — вы пришли из этого времени.

— Не совсем... Но не в этом дело. Как живут сейчас?..

— Прибыль и Города Наслаждений! Или рабство — неблагодарное, позорное рабство.

— Рабство! — повторил он.

— Рабство.

— Не хотите же вы сказать, что люди стали

чьей-то собственностью?

— Это как раз то, что я хотела рассказать. То, что вы должны увидеть. Я знаю, вам это неизвестно. Они хотят скрыть от вас правду, они скоро повезут вас в Город Наслаждений. Но вы уже заметили мужчин, женщин и детей, одетых в бледно-голубую холстину, с желтыми лицами и тусклыми глазами?

— Я видел их везде.

— Говорящих на ужасном жаргоне, грубом и неграмотном?

— Я это слышал.

— Это и есть рабы — ваши рабы. Они в рабстве у Департамента Труда, принадлежащего вам.

— Департамент Труда! Что-то такое… вроде бы знакомо. А, припоминаю. Я видел это во время своих скитаний по городу, когда снова дали свет: огромные фасады домов, выкрашенные в светло-синий цвет. Вы действительно думаете?..

— Да. Как бы вам объяснить… Конечно, синяя форма бросилась вам в глаза. Почти треть людей носит ее, и с каждым днем их все больше. Департамент Труда незаметно растет.

— Но что это такое — Департамент Труда? — спросил Грэм.

— Как вы помогали голодным в старые вре-

мена?

— Тогда были работные дома, их содержали местные власти.

— Работные дома! Я что-то слышала. Есть в учебниках истории. Да, помню. Департамент Труда вытеснил эти работные дома. Он развился — отчасти — из… Может быть, вы помните — была такая религиозная организация, Армия спасения; она превратилась в деловую компанию. Занималась почти в основном благотворительностью. Спасала людей от невзгод и тягот работного дома. Тогда вокруг работных домов разгорелись страсти. Теперь я вспоминаю, что среди первых приобретений вашего Совета опекунов была Армия спасения. Они купили и преобразовали ее. Главная идея — дать работу голодающим и бездомным.

— Так.

— Теперь работных домов нет, нет приютов и благотворительности — ничего, кроме этого Департамента. Его конторы повсюду. Синий — его цвет. И каждый мужчина, женщина или ребенок, голодный и усталый, лишенный дома, друзей и средств к существованию, должен или идти в Департамент Труда, или умереть. Но легкая смерть недоступна беднякам — эйтаназия

им не по средствам. В Департаменте Труда для всех приходящих в любое время дня и ночи есть еда, кров и синяя форма. Форма — это первое условие приема. В уплату за один день приюта Департамент требует отработать один день, а затем возвращает пришедшему его собственную одежду и отпускает.

— Вот как?

— Наверное, это не кажется вам слишком ужасным? В ваше время люди от голода умирали на улицах. Это было ужасно. Но они умирали, оставаясь людьми. А эти, в синем… Есть поговорка: «Синяя холстина — раз и навсегда». Департамент торгует их рабочей силой и заботится о постоянном ее притоке. Люди приходят, голодные и беспомощные, сутки едят и спят, отрабатывают и снова уходят. Если они работали хорошо, получают пенни или около того — достаточно, чтобы пойти на какое-то зрелище, в дешевый танцевальный зал или кинематограф, или заплатить за обед, или побиться об заклад. Деньги кончаются, и они снова бродят по городу. Нищенствовать не позволяет полиция. К тому же никто не подает. На следующий день или через день они возвращаются в Департамент Труда, гонимые бедностью, как в первый раз. Наконец

их собственное платье изнашивается, это грязное тряпье стыдно носить. Тогда приходится работать месяцами, чтобы купить новое. Если оно еще нужно. Множество детей рождается под опекой Департамента. Роженицы обязаны отработать месяц. Департамент обучает детей, заботится о них до четырнадцати лет, а они платят за это двумя годами службы. Можете быть уверены — эти дети воспитываются для синей холстины. Вот так действует Департамент Труда.

— Значит, в городе вовсе нет свободных бедняков?

— Нет. Они или в синей холстине, или в тюрьме. Мы ликвидировали бедность. Это начертано на чеках Департамента Труда.

— А если кто-нибудь откажется работать?

— Большинство соглашается. К тому же у Департамента большая власть. Могут перевести на тяжелую работу, лишить еды. Отпечаток большого пальца человека, однажды отказавшегося от работы, рассылается в конторы Департамента Труда по всему миру. Да и как бедняку уехать из города? Дорога до Парижа стоит два льва. А за неподчинение можно угодить в тюрьму, жуткую подземную тюрьму. Такое наказание у нас полагается за многие вещи.

— И треть населения носит этот синий холст?

— Больше трети. Эти труженики унижены, лишены удовольствий, надежды, а в ушах у них звенят рассказы о Городах Наслаждений — издевка над их постыдной жизнью, страданиями и тяготами. Они слишком бедны даже для эйтаназии, для ухода из жизни, доступного богатым. Отупевшие, искалеченные, бессчетные миллионы людей по всему миру не имеют ничего — только лишения и неудовлетворенные желания. Они рождаются, гнутся под ярмом и умирают. Вот к чему мы пришли теперь.

Грэм подавленно молчал.

— Но произошла революция, — сказал он. — Все это должно измениться. Острог…

— Мы надеемся. Весь мир надеется. Но Острог этого не сделает. Он политик. По его мнению, все так и должно быть. Он не против. Для него это — нечто, само собой разумеющееся. Как и для всех богачей, для тех, кто пользуется влиянием, для тех, кто преуспел в жизни. Они используют народ в своих интересах, им хорошо живется за счет его унижения. Но вы — ведь вы пришли из более счастливого века, и народ надеется на вас. На вас.

Он смотрел в ее лицо. Глаза девушки блестели

от слез. Грэм почувствовал глубокое волнение. На мгновение он забыл об этом городе, о народе, об этих отдаленных, смутно звучащих голосах — забыл при виде такой близкой, такой одухотворенной красоты.

— Но что я должен делать? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Править, — ответила она тихо. — Править миром так, как им никогда раньше не правили, для блага и счастья людей. Потому что вы можете править, должны править. Народ волнуется. Волнуется по всему миру. Ему нужно всего лишь слово — но ваше слово, — чтобы все объединились. Даже средние слои общества волнуются, они недовольны. От вас скрывают, что происходит. Люди не хотят надевать прежнее ярмо, они отказываются разоружаться. Острог разбудил нечто большее, чем намеревался, — разбудил надежды.

У него забилось сердце. Он старался выглядеть рассудительным, принимающим решение.

— Им не хватает только вождя, — сказала она.

— А потом?

— Вы сможете сделать все, что захотите, — весь мир ваш.

Грэм сидел, больше не гляця на девушку. Нако-

нец заговорил:

— Старые мечты, я грезил об этом: свобода, счастье… Мечты, верно? Может ли один человек — один человек… — Голос его оборвался.

— Не один человек, а все люди. Дайте им только вождя, который выразит их чаяния.

Он покачал головой. Некоторое время оба молчали.

Вдруг он поднял голову, их глаза встретились.

— Во мне нет вашей веры, — сказал он. — У меня нет вашей юности. Эта власть тяготит меня. Нет, позвольте мне договорить. Я хочу делать… нет, не добро — у меня не хватит сил для этого, — но хотя бы не творить зла. Мне не создать Царства Божия на земле, но я принял решение и буду править. Ваши слова пробудили меня… Вы правы. Острог должен знать свое место. И я научусь… Одно вам обещаю. Компания рабовладельцев будет уничтожена.

— И вы будете править?

— Да. При условии… Одном условии.

— Каком?

— Вы будете мне помогать.

— Я? Я слишком молода!

— Да. Неужели вы не поняли, что я совершенно одинок?

Она вздрогнула, в глазах мелькнула жалость.

— Надо ли спрашивать, готова ли я помочь?

— Я так беспомощен.

— Отец и Хозяин, — сказала она. — Весь мир принадлежит вам.

Наступило напряженное молчание. Послышался бой часов. Грэм поднялся.

— Как раз сейчас, — сказал он, — Острог ждет меня. — Он помедлил, глядя на девушку. — Я должен расспросить его… Я еще очень многого не знаю. Мне лучше собственными глазами увидеть то, о чем вы рассказали. И когда я вернусь…

— Я буду знать, когда вы уедете и когда вернетесь. И снова буду ждать вас на этом месте.

Они посмотрели друг на друга пристально, испытующе, потом он повернулся и пошел в сторону Управления ветродвигателей.

Глава XIX
Точка зрения острога

Острог уже явился с ежедневным докладом. В предыдущих случаях Грэм старался покончить с этой церемонией как можно скорее, чтобы вернуться к воздушным полетам, но сегодня начал задавать короткие острые вопросы. Ему страстно хотелось принять бразды правления империей. Острог начал с приукрашенных сообщений о развитии событий за границей. В Париже и Берлине, как понял из его слов Грэм, происходили беспорядки, но не организованное сопротивление, а случайные происшествия.

— После стольких лет, — объяснил Острог, поскольку Грэм проявил настойчивость, — Коммуна снова подняла голову. По самой природе этой борьбы, она ведется открыто. Однако порядок в этих городах восстановлен.

Грэм рассудительно — вопреки будоражащим его эмоциям — спросил, были ли бои.

— Небольшие, — ответил Острог, — только в одном квартале. Но сенегальская дивизия Африканской аграрной полиции — у Объединенных

африканских компаний отлично тренированная полиция — была наготове, как и аэропланы. Мы ожидали небольших беспорядков в европейских городах и в Америке. Однако в Америке полная тишина. Они довольны свержением Совета. Пока что.

— Почему вы ожидали беспорядков? — резко спросил Грэм.

— Существует недовольство общественными порядками.

— Департаментом Труда?

— Вы осведомлены, — сказал Острог с оттенком удивления. — Да. Главным образом, недовольство Департаментом Труда. Это и было движущей силой переворота — и еще ваше пробуждение.

— Вот как?

Острог улыбнулся. Заговорил откровенно:

— Нам пришлось подогреть это недовольство, оживить старые идеалы всеобщего счастья: все люди равны, все благополучны, нет роскоши, доступной лишь немногим, — идеи, дремавшие двести лет. Вам это знакомо. Мы должны были оживить эти идеалы, хотя они и недостижимы, чтобы ниспровергнуть Совет. А теперь…

— Что теперь?

— Наша революция завершилась, Совет сверг-

нут, а народ, который мы подняли, продолжает волноваться. Как будто мало было боев. Да, мы кое-что обещали, конечно же. Поразительно, как быстро и неистово возродились эти туманные, дряхлые гуманистические бредни. Мы — те, кто посеял их, — сами поражены. В Париже, как я уже сказал, пришлось прибегнуть к некоторой помощи извне.

— А здесь?

— Здесь беспокойно. Массы не желают возвращаться на работу. Всеобщая забастовка. Половина заводов опустела, народ толпится на городских путях. Они толкуют о Коммуне. Людей, одетых в шелк и атлас, на улицах оскорбляют. Синяя холстина ждет от вас всего на свете… Разумеется, вам не о чем беспокоиться. Мы пустили в дело Болтающие Машины — призываем к законности и порядку. Нужно крепко держать их в узде — только и всего.

Грэм задумался — искал способ показать свою независимость. Но заговорил сдержанно:

— Даже если для этого вызывают черную полицию…

— Они очень полезны. Преданные свирепые создания без дурацких идей в головах — не то что наша чернь. Совету следовало сделать их

уличной полицией, и дело могло бы обернуться по-другому. Разумеется, нам нечего опасаться, кроме бунта и вандализма. Вы умеете управляться с крыльями и сможете махнуть на Капри, если здесь запахнет паленым. У нас все нити в руках. Аэронавты богаты и пользуются привилегиями — самая сплоченная корпорация в мире. Как и инженеры ветродвигателей. Воздух наш, а господство в воздухе — господство над миром. Против нас не выступает ни один влиятельный человек. У них нет вожаков, если не считать главарей тайной организации — мы ее создали перед вашим весьма своевременным пробуждением. Идеалисты и настырные болваны, отчаянно завидующие друг другу. Среди них нет настоящего мужчины, пригодного на главную роль. Возможна одна неприятность — стихийное восстание. Откровенно говоря, такого исключить нельзя. Но это не помешает вашим полетам. Времена, когда народ мог устраивать революции, прошли.

— Предположим, прошли, — сказал Грэм. — Предположим. — Он помолчал. — Ваш мир для меня полон неожиданностей. В старые времена мы мечтали о чудесном демократическом будущем, когда люди будут равны между собой и счастливы.

Острог посмотрел на него пристально и сказал:

— Дни демократии миновали. Миновали безвозвратно. Они начались во времена лучников Греции и закончились, когда марширующая пехота и вообще массы простонародья перестали выигрывать битвы, когда дорогостоящие пушки, огромные броненосцы и стратегические железные дороги стали воплощением мощи. Наше настоящее — это время богатства. Богатство стало силой, как никогда раньше, — оно правит на земле, на море и в воздухе. Вся власть теперь в руках тех, кто управляет богатством. От вашего имени… Вам придется смириться с фактами — а они таковы, как я сказал. Мир для толпы! Толпа — правитель! Уже в ваши дни эта теория была опробована и отброшена. Сегодня в нее верит только стадный глупец — человек толпы.

Грэм не стал отвечать сразу. Он стоял, погрузившись в мрачные мысли.

— Нет, — продолжал Острог, — время простых людей прошло. В чистом поле один человек действительно был равен или почти равен другому. Первоначально аристократия обладала выдающейся силой и отвагой. Ее характер складывался под влиянием обстоятельств. Эти междуусобицы, дуэли, заговоры. Первая настоящая аристократия

появилась вместе с замками и рыцарской броней и не устояла перед арбалетом и мушкетом. Но сейчас есть вторая аристократия. Истинная. Эпоха пороха и демократии была всего лишь завихрением в потоке. Обыкновенный человек сейчас — беспомощная песчинка. В наши дни реальность — огромный механизм города, и его организационная структура вне пределов понимания простонародья.

— И все же, — заметил Грэм, — есть нечто такое, что сопротивляется, что вы вынуждены сдерживать, нечто бурлящее и напирающее на вас.

— Но вы убедитесь, — сказал Острог с натянутой улыбкой, как бы отметающей эти трудные вопросы, — что я не поднимал силы, способные уничтожить меня самого, поверьте.

— Странно… — проговорил Грэм.

Острог смотрел на него внимательно.

— Неужели мир должен идти этим путем? — с напором спросил Грэм. — Неужели это неизбежно? И все наши надежды были напрасны?

— Что вы имеете в виду? — спросил Острог. — Какие надежды?

— Я пришел из демократического века. И обнаружил аристократическую тиранию!

— Ну… Однако вы сами — главный тиран.

Грэм покачал головой.

— Хорошо, — сказал Острог, — посмотрим в корень вопроса. Только так происходят изменения. Аристократическое правление, доминирование лучших ведет к страданию и гибели слабых, и таким образом мир меняется к лучшему.

— Аристократия? Эти люди, которых я видел…

— О нет, не эти! — воскликнул Острог. — Эти по большей части обречены. Порок и наслаждение! У них нет детей. Эта порода должна уйти. Тем, кто вступил на их дорогу, возврата нет. Легкий путь к кончине, удобная эйтаназия для всех искателей наслаждения — вот способ улучшения расы!

— Приятное угасание… — проговорил Грэм. — Хотя… — Он на секунду задумался. — Есть еще толпа, гигантская масса бедняков. Они тоже должны исчезнуть? Они не исчезнут. Они страдают, и страдание дает им силу, которую даже вы…

Острог сделал нетерпеливый жест, и, когда он заговорил, голос его звучал совсем не так ровно, как прежде.

— Пусть вас это не волнует. Все будет улажено в ближайшие несколько дней. Толпа — огромное глупое животное. Что из того, если она не вымрет? Ее можно обуздать и повести, куда нужно. Я не испытываю симпатии к покорным людям.

Вы слышали, как они кричали и пели две ночи назад. Их научили этой песне. Спросите любого из них, когда он успокоится, почему он кричал, — он не сможет ответить. Они считают, что кричали в вашу защиту, что они преданы вам. А они просто были готовы растерзать Совет. Тогда. А сегодня уже ропщут, понося тех, кто сверг Совет.

— Нет, нет, — возразил Грэм. — Они кричали потому, что их жизнь была безотрадна, лишена радости и гордости, и они надеялись… надеялись на меня.

— А на что они надеялись? На что надеются? Какое право они имеют надеяться? Они работают кое-как, а хотят получать вознаграждение хорошего работника. Надежда человечества — в чем она? В том, что появится сверхчеловек, что низшие, слабые и скотоподобные подчинятся ему или будут истреблены. Подчинятся, если не будут истреблены. Этот мир не для дряни, не для тупиц и безвольных. Их долг — прекрасный долг — умереть! Неудачники должны умереть! Вот путь для животного, чтобы подняться до человека, а для человека — достигнуть высот.

Острог зашагал по комнате, — казалось, он раздумывает; повернулся к Грэму.

— Могу себе представить, каким видится это

великое мировое государство англичанину Викторианской эпохи. Вы жалеете о старых формах представительного правления. Их призраки до сих пор витают в мире — все эти народные собрания, парламенты и прочая дребедень девятнадцатого века. Вы настроены против наших Городов Наслаждений. Я бы тоже поразмыслил об этом — не будь я так занят. Но вам надо разобраться получше. Народ вне себя от зависти — он бы согласился с вами. Сейчас, сию минуту, на улицах орут: разрушить Города Наслаждений. Но это — органы выделения нашего государства. Они своим притяжением из года в год вбирают в себя все слабое и порочное, похотливое и ленивое, всех жуликов мира — для милосердного уничтожения. Они едут туда, они предаются удовольствиям и умирают бездетными, и все красивые, тупые, похотливые женщины умирают бездетными, и человечество становится лучше. Если бы народ был в своем уме, он не завидовал бы тому, как умирают богатые. И вы хотите освободить тупых безмозглых рабочих, которых мы поработили, и опять сделать их жизнь приятной и легкой. Но они просто погрязли в том, на что только и годны. — Острог улыбнулся, и это вызвало у Грэма раздражение. — Вы разберетесь в

этом. Мне знакомы подобные идеи: мальчишкой я читал вашего Шелли и мечтал о свободе. Но свободы нет, есть мудрость и самообладание. Свобода внутри нас — не вокруг. Это личное дело каждого. Вообразите, хотя это и невозможно, что скулящие болваны в синем возьмут над нами верх, — что будет тогда? Они просто перейдут к другим хозяевам. Пока есть овцы, природа будет создавать хищников. В результате — остановка в развитии на несколько сот лет. Приход аристократов неизбежен и предрешен. В конце пути будет сверхчеловек — несмотря на все безумные протесты гуманистов. Пусть они восстанут, пусть убьют меня и мне подобных. Придут другие — другие хозяева. Конец будет тот же.

— Странно, — упрямо сказал Грэм.

Некоторое время он стоял, потупившись.

— Мне надо видеть все своими глазами, — заявил он, внезапно заговорив хозяйским уверенным тоном. — Только увидев, я смогу понять. Разобраться. Это я и хочу сказать вам, Острог. Я не желаю быть королем в Городе Наслаждений, это не для меня. Я потратил достаточно времени на аэронавтику и подобные вещи. Теперь я хочу узнать, как живет народ, как развивется общественная жизнь. Тогда положение дел станет

понятней. Я хочу узнать жизнь простого народа — жизнь рабочих особенно. Как они трудятся, женятся, растят детей, умирают…

— Вы можете узнать это у наших реалистических романистов, — предложил Острог. Он был встревожен.

— Мне нужна реальность, — сказал Грэм.

— Это нелегко, — ответил Острог и задумался. — Впрочем…

— Я не ожидал…

— Мне казалось… Хотя, возможно… Говорите, вам хочется пройти по городским путям и увидеть простой народ? — Острог вдруг пришел к какому-то решению. — Вам нужно пройти неузнанным. Город отчаянно возбужден, и, если ваше присутствие обнаружится, начнутся ужасные беспорядки. И все же ваше желание отправиться в город… эта мысль… Что ж, она не кажется мне уж совсем… Конечно, можно исхитриться. Если это на самом деле покажется вам интересным! Разумеется, вы — Хозяин. Вы можете отправиться, как только захотите. Асано сумеет переодеть вас… Он пойдет с вами. В конце концов, это неплохая мысль…

— Вы не хотите дать мне какой-то совет? — внезапно спросил Грэм, охваченный странным

подозрением.

— Ну что вы, нет! Думаю, вы можете доверить мне дела — на время, во всяком случае, — с улыбкой ответил Острог. — Если даже мы и расходимся в чем-то…

Грэм пристально взглянул на него.

— Вы не ожидаете никаких стычек в ближайшее время? — решительно спросил он.

— Нет, нет!

— Я подумал о тех неграх-полицейских. Не верю, что народ питает ко мне вражду, и я как-никак Хозяин. Я не хочу, чтобы в Лондон вводили черную полицию. Может быть, это архаические предрассудки, но у меня особые чувства в отношении европейцев и покоренных народов. Даже насчет Парижа…

Острог стоял, глядя на него из-под насупленных бровей.

— Я не вызывал негров в Лондон, — сказал он медленно. — Но если…

— Вам не следует вводить вооруженных негров в Лондон, что бы ни случилось. Таково мое твердое решение.

Острог почтительно поклонился.

Глава XX
На городских путях

В тот же вечер Грэм в одежде младшего служащего Управления ветродвигателей, никем не узнанный, сопровождаемый Асано в холстине Департамента Труда, отправился в город, по которому он недавно путешествовал в темноте. Теперь этот водоворот жизни кипел и был залит ярким светом. Несмотря на приливы и отливы революционных сил, несмотря на усилившееся недовольство и брожение, предвещавшее борьбу, для которой первая схватка была только прелюдией, все вокруг заливала коммерческая жизнь — в тысячах проявлений. Хотя Грэм уже кое-что знал о размахе и разнообразии жизни нового века, он был не готов к удивительным подробностям этого зрелища, к потоку красок и ярких впечатлений, несущемуся мимо.

Это было первое настоящее соприкосновение с народом за последние дни. Грэм понял, что все, происходившее прежде, кроме беглых встреч в театрах и на рынках, содержало элемент изолированности — он не выходил за пределы

сравнительно тесного квартала, где жили влиятельные члены общества. Все ранее им увиденное и познанное мгновенно изменилось вместе с переменой в его собственном положении. Вокруг был город в самые оживленные вечерние часы. Люди возвращались к своим личным повседневным делам, настоящей жизни, будничным заботам.

Сначала Грэм и Асано выбрались на улицу, где встречные пути были забиты людьми в синей холстине. Скопище, которое наблюдал Грэм, было частью процессии; странное зрелище — сидящая процессия движется по городу! Люди держали знамена из грубой красной материи с красными буквами. «Долой разоружение!» — гласили лозунги, по большей части написанные корявыми буквами с несусветной орфографией. «Почему мы должны разоружаться?» «Разоружению — нет!» Лозунги ехали мимо, плыл поток знамен, и в завершение зазвучала мятежная песня под шумный оркестр из странных инструментов.

— Всем им надлежало находиться на работе, — заметил Асано. — Последние два дня они не ели или добывали еду воровством.

Вскоре пришлось свернуть, чтобы миновать густую толпу, глазевшую на траурное шествие, —

из госпиталя в морг перевозили жатву смерти первого восстания.

В эту ночь спали немногие, все были на улице. Огромные, возбужденные, нескончаемые толпы окружали Грэма, все вокруг постоянно менялось. Сознание мутилось и туманилось от беспрерывной сумятицы, от крика и загадочных сцен социального противостояния — словно оно только начиналось. Повсюду висели черные гирлянды, флаги и странные украшения; популярность Спящего старательно поддерживалась. Повсюду слышалась грубая неуклюжая речь, диалект неграмотного класса, на котором повседневно общались люди, не имеющие доступа к фонографической культуре. Повсюду чувствовалась тревога и недовольство по поводу разоружения. Напряженность достигала накала, какого Грэм и представить не мог, будучи изолированным в квартале Управления ветродвигателей. Он понял, что сразу после возвращения должен говорить с Острогом об этом и о других, еще более важных вещах, говорить куда решительнее, чем в прошлый раз. Всю ночь напролет, даже в первые часы странствий по городу, дух протеста и беспокойства сковывал его внимание, отвлекал от бесчисленных странностей, которые бросились

бы в глаза в ином случае.

Озабоченность делала впечатления отрывочными. Но в такой необычной и красочной обстановке никакая, даже самая сильная и сосредоточенная личность не смогла бы сохранить восприятие цельным. Были моменты, когда мысли о революции полностью уходили в сторону, раздвигаясь, словно занавес, перед каким-нибудь удивительным явлением. Элен приковала его внимание к серьезнейшим проблемам, но иногда он забывал и о них. Так было, например, когда Грэм обнаружил, что они пересекают религиозный квартал, — совершенство городского сообщения позволило сосредоточить церкви, часовни и молельные дома в одном месте. Внимание Грэма привлекло здание одной из христианских сект.

Они сидели на скоростной верхней платформе, когда этот фасад возник на повороте и стал стремительно приближаться. Он был покрыт яркими белыми и голубыми надписями сверху донизу — кроме широкого кинематографического экрана, показывающего реалистические сцены из Нового Завета, и мест, где буквы перекрывались черными гирляндами: в стремлении к популярности религия не отставала от политики. Грэм уже успел освоиться с фонетическим письмом и про-

чел надписи на фасаде — по его разумению, почти кощунственные. Наименее оскорбительными были такие: «Спасение на втором этаже, первый поворот направо», «Вручите ваши деньги вашему Творцу», «Самое быстрое в Лондоне обращение в веру, искусные операторы! Раз-два — и готово!», «Что Христос сказал бы Спящему? Читайте самых современных святых!», «Быть христианином — не помеха делу», «Сегодня на кафедре самые блестящие епископы, цены обычные», «Экспресс-благословение для занятых деловых людей».

— Но это чудовищно! — воскликнул Грэм, когда кричащая реклама коммерческого благочестия нависла над ними.

— Что ужасно? — спросил маленький японец, безуспешно выискивая что-нибудь необычное в кричащих надписях.

— Как что? Вот это! Ведь суть религии в благоговении.

— Ах вот вы о чем. — Асано взглянул на Грэма. — Это вас неприятно удивляет? — сказал он тоном человека, сделавшего открытие. — Да, наверное, так и должно быть. Я совсем забыл. Сейчас борьба за внимание публики столь остра, а у людей нет времени заботиться о своих душах, как раньше. — Он усмехнулся. — В старину у вас

были тихие субботы, загородные поездки. Хотя я где-то читал о воскресных вечерах, когда…

— Но эти надписи! — сказал Грэм, глядя на удаляющиеся белые и голубые буквы. — Они, видно, не единственные…

— Существуют сотни разных способов. Но разумеется, если секта не заявляет о себе, она ничего и не получает. Богослужение меняется со временем. Есть секты высокого класса с более спокойным подходом — дорогой фимиам, личное внимание и тому подобные вещи. Эти люди процветают, они исключительно популярны. Они платят за свои помещения по нескольку дюжин львов Совету — то есть, я хотел сказать, вам.

Грэм все еще ощущал трудности с денежным счетом и упоминание о дюжинах львов вдруг повернуло его мысли. Увешанные рекламой храмы с их зазывалами были забыты. Асано подтвердил предположение Грэма, что золото и серебро выведены из обращения, а золотые монеты, царствующие со времен финикийских купцов, наконец развенчаны. Перемены проходили шагами, но очень быстро, путем расширения системы чеков, которая еще в ранние свои времена вытеснила золото из крупных деловых расчетов. Обычные деньги внутри города — фактически

это была всемирная валюта — приняли вид маленьких коричневых, зеленых и розовых чеков Совета, на небольшие суммы, без указания предъявителя. У Асано было с собой несколько таких чеков и при первой возможности он пополнил комплект. Чеки были напечатаны не на недолговечной бумаге, а на ткани из полупрозрачного искусственного волокна с шелком. На каждом имелось факсимиле Грэма — это была его первая встреча с петлями и росчерками собственного автографа за двести три года.

Последующие впечатления оказались недостаточно яркими, чтобы оттеснить мысли о разоружении толпы. Остался позади грязный фасад храма теософов, обещавшего ЧУДЕСА огромными колеблющимися огненными буквами, — унылое зрелище; но затем появилась столовая на Нортумберленд-авеню. Она заинтересовала Грэма очень сильно.

Благодаря энергии и ловкости Асано они смогли взглянуть на заведение с небольшой закрытой галереи для обслуживающего персонала. Здание наполняли нескладные отдаленные вопли, свист и вскрики; поначалу Грэм не понял их смысла, но они были похожи на таинственный голос, который он слышал в ночь одиноких скитаний,

когда зажегся свет.

Он начал привыкать к огромности помещений и скопищам людей, но это зрелище захватило его надолго. Грэм смотрел, как внизу обслуживают едоков, задавал вопросы, получал детальные ответы и, наконец, по-настоящему понял, что значит накормить одновременно несколько тысяч человек.

Его постоянно удивляло, что вещи, которые должны были сразу бросаться в глаза, не открывались ему в полном объеме, пока некоторые малозначащие детали не складывались внезапно, как в головоломке, и не указывали на очевидные факты, которые он упустил из виду. Только сейчас до него дошло, что это непрерывное городское пространство, укрытое от непогоды, эти обширные залы и улицы привели к исчезновению домашнего хозяйства; что типичный викторианский «дом», маленькая кирпичная коробка, вмещающая в себя кухню, чулан, жилые комнаты и спальни, исчез, как некогда исчезла плетеная хижина, и сохранился только в виде руин, рассыпанных по сельской местности. И теперь Грэм на деле понял то, что бросалось в глаза с самого начала: Лондон, рассматриваемый как место для жилья, это не скопление домов,

а грандиозный отель, гостиница с тысячами разновидностей номеров, обеденных залов, театров, часовен, рынков и общественных залов — объединенное предприятие, в большей своей части принадлежащее ему. У людей все еще есть свои спальни, может быть с прихожей, и необходимые санитарные удобства — с минимальной степенью комфорта и изолированности, но в остальном их обитатели живут так, как жили постояльцы новейших гигантских отелей в Викторианскую эпоху: едят, читают, играют, беседуют в общественных местах, а работать отправляются в промышленные кварталы или в конторы в деловых районах.

Он тут же понял, что викторианский город неизбежно должен был измениться таким образом. Современный город возник благодаря выгодам кооперации. Во времена его поколения слиянию домашних хозяйств мешали недостаточная цивилизованность людей, упрямая варварская гордость, страсти, предрассудки, соперничество и ожесточенность среднего и низшего классов. Поэтому хозяева домов отгораживались друг от друга. Однако перемены, ведущие к смягчению нравов, быстро развивались уже тогда. За недолгие тридцать лет его прежней жизни широко

распространился обычай есть вне дома. Слабо посещаемые, похожие на стойла, кофейни уступили место просторным, всегда заполненным кондитерским компании «Аэрейтед брэд»[21], возникли женские клубы, все больше становилось читален, библиотек, залов для отдыха. Все это свидетельствовало о возросшем взаимном доверии в обществе. Теперь эти тенденции близились к своему завершению. Закрытое и огороженное домашнее хозяйство ушло в прошлое.

Грэм понял, что люди в столовой принадлежали к нижнему слою среднего класса — чуть выше класса синих рабочих. В викторианское время эта группа людей так привыкла есть в полном уединении, что ее представители, попав на общую трапезу, обычно прятали растерянность за грубыми шутками или подчеркнуто воинственным поведением. А эти ярко и легко одетые люди, хотя спешили и были необщительны, обладали отличными манерами и, без сомнения, относились друг к другу с уважением.

Он заметил мелкую, но характерную подробность: куда ни взглянешь, столы были совер-

[21] Notes: 21

«Аэрейтед брэд компани» — компания по производству и сбыту хлеба и кондитерских изделий, владеющая булочными, кондитерскими магазинами, ресторанами и кафе. Основана в 1862 г.

шенно чистые — ничего похожего на хаос с разбросанными кусками хлеба, брызгами соуса и пятнами от жаркого, пролитыми напитками и сдвинутыми вазами, обычный для бурного течения викторианского обеда. Сервировка изменилась очень сильно. Не было ни цветов, ни других украшений, а крышка стола, лишенного скатерти, была изготовлена из твердого вещества, поверхность которого напоминала камчатное полотно. Узоры на столешнице складывались в изящно написанные рекламные объявления.

В углублении напротив каждого обедающего стоял сложный аппарат из металла и фарфора. В нем помещалась единственная белая фарфоровая тарелка; при перемене блюд посетитель мыл ее сам, пользуясь кранами с горячей и холодной быстро испаряющейся жидкостью; когда надо, он мыл и изысканной формы нож из белого металла, вилку и ложку.

Бульон и химическое вино, которое было здесь обычным напитком, подавались по трубам, а остальные кушанья, аппетитно разложенные на блюдах, автоматически перемещались вдоль столов по серебристым рельсам. Обедающий останавливал блюда и брал себе еду по выбору. Блюда появлялись через дверцу у одного конца

стола и исчезали у противоположного. Тут, как отметил Грэм, ярко проявились настроения периода упадка демократии, уродливая гордость лакейских душ, не допускавшая, чтобы равные прислуживали равным. Занятый этими наблюдениями, Грэм лишь на выходе заметил гигантские рекламные диорамы, величественно перемещающиеся по верхней части стен, предлагая самые замечательные товары.

Выйдя из этого помещения, они попали в зал, полный народа, и тут обнаружилась причина шума, который озадачил Грэма. Они остановились у турникета и заплатили за вход.

Сверху немедля обрушился яростный громкий вой, за ним раздался мощный и резкий голос: «У Хозяина отличный сон, он совершенно здоров. Свою жизнь он решил посвятить аэронавтике. Он считает, что наши женщины прекрасны. Алло! Ур-ра! Наша чудесная цивилизация поражает его сверх всякой меры. Сверх всякой. Алло! Он чрезвычайно доверяет вождю Острогу! Абсолютное доверие вождю Острогу! Острог будет его главным министром. Он уполномочен смещать и назначать общественных служащих. Вся раздача должностей будет в его руках. Вся раздача должностей в руках вождя Острога! Члены Совета

будут заключены в их собственную тюрьму над домом Совета...»

При первой же фразе Грэм остановился и, посмотрев вверх, увидел дурацкий зев огромной трубы, из которой неслись вопли. Это была Главная Машина Известий. Некоторое время она словно переводила дух, ее цилиндрическое тело сотрясала равномерная дрожь. Затем протрубила «Алло, алло!» и начала снова: «Париж уже усмирен. Все сопротивление сломлено. Алло! Черная полиция заняла важнейшие пункты города. Черные храбро сражаются, распевая песни, написанные в честь их предков поэтом Киплингом. Пару раз они выходили из повиновения и пытали раненых и пленных мятежников, мужчин и женщин. Мораль — не бунтуй. Ха-ха! Алло, алло! Они веселые ребята. Веселые, храбрые ребята. Пусть это будет уроком непослушным бандарлогам этого города. Да! Бандарлоги! Отбросы общества! Алло, алло!»

Голос умолк. В толпе послышался нестройный ропот недовольства: «Проклятые черные!» Рядом с ними начал разглагольствовать какой-то человек:

— И это делает Хозяин, братья? Это делает Хозяин?

— Черная полиция? — воскликнул Грэм. — Что это? Не хотите же вы сказать…

Асано с предостерегающим взглядом тронул его за рукав, но в этот момент взвизгнула и пронзительно закричала другая машина: «Я-ха-ха! Я-ха-ха! Яп! Тявкает живая газета! Живая газета. Я-ха-ха! Кошмарные зверства в Париже. Я-ха-ха! Парижане так взъярились на черную полицию, что готовы убивать. Ужасное возмездие. Времена дикости возвращаются. Кровь! Кровь! Я-ха!..» Поблизости завопила еще одна Болтающая Машина, заглушая конец последней фразы: «Алло, алло!» После чего довольно ровным тоном сообщила о новых жутких подробностях подавления бунта. «Закон и порядок должны быть восстановлены!» — заключила она.

— Но… — начал было Грэм.

— Не задавайте здесь вопросов, — предупредил Асано. — Вас втянут в спор.

— Тогда пошли. Я хочу побольше узнать об этом.

Проталкиваясь к выходу через возбужденную толпу, сгрудившуюся под рупорами, Грэм успел рассмотреть пропорции и особенности этого зала. Повсюду — огромные и маленькие, пищащие, гудящие, бубнящие и орущие — торчали эти штуки,

едва ли не тысяча, а вокруг толпились взволнованные слушатели, большей частью мужчины в синем. Машины были всех размеров, от небольших аппаратов-сплетников, саркастическим тоном верещавших по углам, до пятидесятифутового гиганта, который своим ревом встретил Грэма при входе.

Зал был набит без меры из-за всеобщего интереса к последним событиям в Париже. По-видимому, борьба была намного более жестокой, чем это хотел представить Острог. Все машины рассказывали об этих событиях, а люди, повторяя их сообщения, начинали гудеть, как пчелиный рой, повторяя фразы «Линчевали полицейского», «Женщины сожжены заживо», «Негритосы свирепствуют».

— И Хозяин допускает такое? — воскликнул человек рядом с ним. — Вот как начинает он свое правление!

«Вот как начинает он свое правление?» Еще долго после того, как они покинули зал, гул, свист, рев и лай машин преследовали их: «Алло! Алло! Я-ха-ха, яха, яп!»

Вот как начинает он свое правление!

Едва выйдя на улицу, он начал расспрашивать Асано о причинах восстания парижан.

— Взять хотя бы разоружение! Почему оно их так беспокоит? Что это значит?

Асано, казалось, в первую очередь стремился убедить его, что все обстоит вполне благополучно.

— Но эти ужасы!

— Нельзя приготовить яичницы, не разбив яиц, — отвечал Асано. — Это всего лишь хулиганы. Только в одной части города. В остальных все спокойно. Парижские рабочие — самые отчаянные в мире, если не считать наших.

— Что? Лондонских?

— Нет, японских. Их надо держать в строгости.

— Но жечь заживо женщин…

— Коммуна! — сказал Асано. — Они хотят отнять вашу собственность. Они хотят совсем отменить собственность и отдать мир во власть толпы. Но Хозяин — вы, и мир принадлежит вам. Думаю, здесь не будет Коммуны. Здесь не понадобится черная полиция. А там все было сделано разумно. Это их собственные негры — франкоговорящие. Полки из Сенегала, Нигера и Тимбукту.

— Полки? — удивился Грэм. — Я думал, там только один полк…

— Нет, — сказал Асано, поглядев на него. — Больше одного.

Грэм ощутил неприятную беспомощность.

— Я не думал, — сказал он и вдруг умолк.

Переменил тему разговора и стал спрашивать о Болтающих Машинах. Люди, собравшиеся в зале, были по большей части в потертой или даже рваной одежде, и из объяснений Асано Грэм понял, что в комфортабельных частных апартаментах процветающих слоев общества установлены свои Болтающие Машины, которые начинают говорить, стоит потянуть за рычажок. Обитатель апартаментов может соединиться по проводам с любым из крупных синдикатов новостей на выбор. Обдумав это, Грэм спросил, почему они отсутствуют в его личных покоях. Асано как будто удивился.

— Я об этом не задумывался, — сказал он. — Должно быть, Острог приказал их убрать.

Грэм пристально посмотрел на него и резко спросил:

— Зачем?

— Вероятно, подумал, что они будут вам докучать.

— Как только вернемся, они должны быть поставлены на место, — помолчав, сказал Грэм.

Было трудно себе представить, что этот зал новостей и столовая — не центральные заведения,

что их бессчетные подобия разбросаны по всему городу. Но во время ночной экспедиции он то тут, то там улавливал в грохоте платформ специфический гул Главной Машины Известий вождя Острога: «Алло! Алло!» — или визг ее главного соперника: «Я-ха-ха, я-ха, яп! Слушайте живую газету!»

Так же повсюду можно было встретить детские ясли, наподобие тех, в которые они зашли. Они добрались туда на лифте, а затем по стеклянному мостику, который пересекал столовую и наклонно уходил вверх через движущиеся пути. При входе в первую секцию потребовался документ с разрешающей подписью самого Грэма, который предъявил Асано. К ним немедленно приставили человека в лиловом одеянии с золотой застежкой — знаком практикующего врача. По поведению врача Грэм догадался, что инкогнито его раскрыто, и, уже не осторожничая, начал задавать вопросы об особенностях этого учреждения.

По обеим сторонам прохода, тихого, с мягким полом, заглушавшим шаги, располагались небольшие узкие двери, размером и устройством напоминавшие двери камер викторианской тюрьмы. Но верхняя часть дверей была из того же зеленоватого прозрачного материала, что

окружал Грэма в момент пробуждения; внутри каждой комнатки в гнездышке из ваты лежал грудной ребенок. Сложный прибор следил за атмосферой и подавал звонком сигнал на центральный пост при малейшем отклонении от оптимальной температуры и влажности. Система таких ясель почти полностью вытеснила стародавнее выкармливание — рискованное и даже опасное. Врач обратил внимание Грэма на искусственных кормилиц; это был ряд механических фигур с изумительно реалистично смоделированными руками, плечами, грудью, суставами, фактурой кожи, но с металлическими треножниками вместо ног и с плоскими дисками на месте лиц; на дисках были рекламные объявления, интересные для матерей.

Из всех странностей этой ночи ничто так не покоробило Грэма, как это заведение. Вид маленьких розовых созданий, неуверенно шевелящих слабыми ручонками, одиноких, без материнских объятий, без ласки, был ему невыносим. Дежурный доктор придерживался иного мнения. Статистика с очевидностью показала, что в викторианские времена самым опасным отрезком жизни был период выкармливания — смертность в этот период была ужасающей. А теперь

Международный ясельный синдикат терял не более половины процента из доброго миллиона младенцев, растущих под его присмотром. Но предубежденность Грэма не смогли преодолеть даже такие цифры.

В одном из ясельных коридоров они натолкнулись на молодую пару в обычной синей одежде. Супруги рассматривали своего первенца сквозь прозрачную дверь и истерически хохотали, глядя на его лысую голову. По лицу Грэма они, видимо, поняли, что он о них подумал, смутились и перестали веселиться. Однако этот пустячный случай укрепил его в новом ощущении: широкая пропасть отделяет его образ мыслей от обычаев нового времени. Растерянный и подавленный, он проследовал в помещения для ползунков и в детский сад. Бесконечно длинный ряд комнат для игр оказался пуст — дети нового времени, как и в старину, ночью спали. По пути маленький доктор обратил внимание Грэма на игрушки — в их создании были использованы идеи вдохновенного сентименталиста Фребеля. Здесь уже были няни, но многое поручалось машинам, которые пели, танцевали и укачивали малышей.

Грэму, однако, многое оставалось непонятным.

— Как много здесь сирот, — сказал он тоном

сожаления, возвращаясь к первому своему ошибочному впечатлению, и снова услышал, что сирот здесь нет.

Едва выйдя из яслей, он принялся толковать об ужасе, который вызвали у него младенцы в ящичках-инкубаторах.

— Неужели материнское чувство исчезло? — говорил он. — Оказалось ханжеским? Но оно, несомненно, было инстинктивным. Все тут кажется противоестественным — почти отвратительным.

— Отсюда мы отправимся во дворец танцев, — сказал Асано вместо ответа. — Там наверняка полно народа — несмотря на все политические волнения. Женщины не слишком интересуются политикой, таких раз-два и обчелся. Во дворце увидите матерей, большинство молодых женщин в Лондоне — матери. В этом слое общества считается похвальным иметь одного ребенка — как доказательство жизнеспособности. Немногие из среднего класса имеют более одного. Другое дело — в Департаменте Труда. Что же до материнского чувства… Они по-прежнему безмерно гордятся своими детьми. Очень часто приходят сюда, чтобы ими полюбоваться.

— Так вы хотите сказать, что население зем-

ного шара…

— Уменьшается? Да. За исключением людей Департамента Труда. Они так беспечны…

Весь воздух вокруг заплясал — раздалась музыка, и за широким проходом, к которому они приближались, за великолепными, ярко освещенными колоннами, как будто сделанными из чистого аметиста, открылось скопище веселящихся людей — радостные крики, смех. Грэм видел завитые волосы, подкрашенные брови; трепет счастливого возбуждения прокатывался по толпе.

— Вы убедитесь сами, — сказал Асано со слабой улыбкой. — Мир изменился. Перед вами матери нового века. Идите за мной. Через минуту вы снова их увидите.

Они поднялись на скоростном лифте, сменили его на медленный. По мере подъема музыка разрасталась и наконец зазвучала мощно и великолепно. В ее торжествующем приливе стал различим топот бесчисленных танцующих ног. Асано заплатил за вход у турникета, и они вышли на широкую галерею с видом на весь танцевальный зал с его феерией звуков и красок.

— Здесь, — сказал Асано, — развлекаются отцы и матери малышей, которых вы видели.

Дворец был не так богато украшен, как зал Атланта, но из-за размеров казался самым великолепным из всего, что видел Грэм. Прекрасные белые кариатиды, поддерживавшие галереи, еще раз напомнили ему о возрожденном величии скульптуры. Казалось, они принимают чарующие позы, их лица смеялись. Источник музыки, наполнявшей зал, был скрыт от глаз; все обширное пространство сияющего пола заполняли танцующие пары.

— Посмотрите на них, — сказал маленький японец. — Много ли в них сейчас материнского чувства?

Галерея проходила над краем огромной перегородки, отделявшей танцевальный зал от фойе с широкими арками, через которые были видны беспрерывно движущиеся городские пути. В фойе роилась толпа людей, одетых не так блестяще, как танцующие, но по числу им почти не уступавших. В основном они носили синюю форму Департамента Труда, столь хорошо знакомую Грэму. Слишком бедные, чтобы пройти через турникет, на празднество, они не могли оторваться от соблазнительной музыки. Некоторые даже расчистили себе место и отплясывали в кругу, размахивая своими лохмотьями. Танцуя, они

что-то выкрикивали, но их жестов и намеков Грэм не мог понять. Кто-то начал насвистывать мотив революционной песни, но, по-видимому, эта попытка была немедля пресечена. Это происходило в темном углу, и Грэм ничего не смог рассмотреть. Он снова повернулся к залу. Над кариатидами стояли мраморные бюсты тех, кого новый век признал своими нравственными учителями и провозвестниками; их имена по большей части были незнакомы Грэму, но он узнал Гранта Аллена[22], Ле-Галльена[23], Ницше, Шелли и Годвина[24]. Широкие черные гирлянды и восторженные лозунги красноречиво оттеняли огромную надпись под потолком зала: «Праздник Пробуждения». Праздник, как видно, был в разгаре.

— Мириады людей для этого взяли отпуск или не явились на работу, не говоря уж о бастующих рабочих. Эта публика всегда готова праздновать, — заметил Асано.

Грэм подошел к парапету, нагнулся и стал раз-

---

[22] Notes: 22
Аллен Чарлз Грант (1848–1899) — английский биолог и писатель.

[23] Notes: 23
Ле-Галльен Ричард (1866–1947) — английский писатель.

[24] Notes: 24
Годвин Уильям (1756–1836) — английский философ и писатель.

глядывать танцующих. На галерее стояли только он и его спутник, да по углам шептались две-три парочки. Зал дышал жаром энергичного движения и запахом духов. И женщины, и мужчины были одеты легко — руки голые, шеи открыты; тепло, царившее в городе, это позволяло. На головах мужчин — масса кудрей, наподобие женских, подбородки всегда чисто выбриты, а лица, как правило, нарумянены. Многие женщины красивы, и все одеты с утонченным кокетством. Пары кружились с самозабвенными лицами, полузакрыв от удовольствия глаза.

— Что это за люди? — спросил Грэм.

— Наемные работники — зажиточные работники. То, что вы называли средним классом. Независимые торговцы и ремесленники с их мелкими лавками и предприятиями давно исчезли, а здесь — торговые служащие, управляющие, инженеры сотен разновидностей. Сегодня праздник, и в городе все танцевальные залы и молельни набиты битком.

— А женщины?

— То же самое. Сейчас есть тысячи занятий, подходящих для женщин. В ваше время они только появлялись — независимые работающие женщины. Сейчас большинство женщин неза-

висимы. Почти все они состоят в браке — есть много разновидностей брачных контрактов, — и это дает им дополнительные средства и позволяет развлекаться.

— Понимаю, — сказал Грэм. Он глядел на разгоряченные лица, на блестящий вихрь танца и все думал об этом кошмаре, о беспомощных розовых ручонках. — И они — матери…

— Большинство из них.

— Чем больше смотрю, тем сложнее кажутся ваши проблемы. Эта, например, — неожиданность для меня. И сообщения из Парижа неожиданность.

Помолчав немного, он продолжал:

— Все они — матери… Наверно, я скоро смогу смотреть на вещи вашими глазами. Мой разум скован старыми воззрениями — полагаю, они исходят из потребностей, которые давно ушли. Разумеется, в наш век женщине полагалось не только вынашивать детей, но и лелеять их, посвящать им себя, воспитывать. Всем нравственным и умственным развитием ребенок был обязан матери. Или лишался всего этого. Должен признать, без воспитания оказывались многие. Теперь — это ясно — нужды в такой заботе не больше чем у бабочек. Да, я понимаю! Но у нас

был идеал, образ серьезной, терпеливой женщины, скромной, молчаливой хозяйки дома, матери, воспитательницы настоящих мужчин — любовь к ней была сродни поклонению… — Он помолчал и повторил: — Да, поклонению.

— Идеалы меняются, — проговорил маленький японец, — когда меняются потребности.

Грэм очнулся от мгновенной задумчивости, и Асано повторил свои слова. Ум Грэма вернулся к сегодняшним делам.

— Без сомнения, это вполне разумно. Выдержка, воздержание, здравомыслие, самоотверженность были нужны в эпоху варварства, эпоху опасностей. Непреклонность — дань, приносимая непокоренной природе. Но теперь человек подчинил себе природу ради удовлетворения всех практических целей, политикой занимаются вожди с их черной полицией, а жизнь отдана удовольствиям.

Он снова взглянул на танцующих.

— Да, удовольствиям.

— Им тоже бывает невесело, — задумчиво проговорил Асано.

— Они выглядят юнцами. Там, среди них, я был бы самым старым. А в моем времени я считался человеком средних лет.

— Они молоды. В городах среди людей этого класса мало стариков.

— Как так?

— Старым людям живется далеко не так приятно, как они привыкают жить смолоду, если они не настолько богаты, чтобы нанимать любовниц и прислугу. И у нас есть институт эйтаназии.

— Ах, эта эйтаназия! Легкая смерть?

— Легкая смерть. Это последнее удовольствие. Компания эйтаназии делает это хорошо. Человек вносит определенную сумму — немалую, — вносит задолго вперед, отправляется в какой-нибудь из Городов Наслаждений и возвращается другим — усталым, очень усталым.

— Мне еще многое нужно понять, — помолчав, сказал Грэм. — Хотя я и вижу во всем этом логику. Наша броня суровой добродетели и мрачной сдержанности была следствием опасности, незащищенности. Но уже в мои дни стоик и пуританин были исчезающими типажами. В старину человек был вооружен против боли, теперь он жаждет удовольствия. В этом вся разница. Цивилизация отодвинула боль и опасность очень далеко — по крайней мере, для обеспеченных людей. И только обеспеченные люди берутся теперь в расчет. Я ведь проспал две сотни лет.

Еще с минуту, опершись на балюстраду, они следили за сложными фигурами танца. Зрелище и в самом деле было очень красиво.

— Клянусь Богом! — воскликнул вдруг Грэм. — Я предпочел бы оказаться раненым часовым, замерзающим в снегу, чем одним из этих накрашенных болванов!

— В снегу, — возразил Асано, — начинаешь думать по-другому.

— Я недостаточно цивилизован, — продолжал Грэм, не обращая внимания на его слова. — Вот в чем беда. Первобытный дикарь, человек палеолита. А у этих людей источник ярости, страха, гнева закрыт и опечатан. Образ жизни сделал их приветливыми, легкими и приятными в общении. Вам приходится мириться с моим возмущением и недовольством — я из девятнадцатого века. Эти люди, вы говорите, искусные работники? Но пока они танцуют, другие люди в Париже сражаются и умирают — чтобы эти могли веселиться.

Асано чуть заметно улыбнулся.

— В Лондоне тоже за это умирают.

Они помолчали.

— Где спят эти люди?

— Наверху и внизу — здесь настоящий муравейник.

— А где работают? Ведь здесь проходит их домашняя жизнь?

— Сегодня ночью вряд ли кто будет работать. Половина здешних — отпускники. Но мы можем пойти туда, где работают, если хотите.

Грэм еще некоторое время наблюдал за танцующими, потом резко отвернулся.

— Хочу поглядеть на рабочих. На этих насмотрелся досыта.

Асано показывал дорогу — по галерее над залом. Вскоре они дошли до поперечного коридора, из которого тянуло свежим, прохладным воздухом. Миновав его, Асано остановился и с улыбкой обернулся к Грэму.

— Здесь, сир, нечто… это вы хотя бы узнаете… Впрочем, я не стану рассказывать. Идемте!

Он двинулся по крытому переходу; стало холодно. По отзвуку шагов было слышно, что они на мосту. Они вышли на круговую галерею, застекленную с внешней стороны, и тут же оказались в круглом помещении; оно вроде было знакомо Грэму, хотя он не мог точно припомнить, когда заходил сюда прежде. Здесь была лестница с перекладинами — первая, увиденная им после пробуждения, — по которой они поднялись в высокий темный, холодный зал, где была еще

одна, почти вертикальная лестница. Пока они карабкались по перекладинам, Грэм еще ничего не понимал.

Но на самом верху он понял — и узнал металлическую решетку, за которую ухватился. Он стоял в клетке под шаром на куполе собора Святого Павла. Купол все-таки немного выступал над общей кровлей города; он возвышался в сумеречной тишине, маслянисто сияя при свете далеких огней, и плавными обводами уходил вниз, в кольцевой ров темноты.

Грэм смотрел между перекладинами решетки и видел на расчищенном ветром северном небосклоне созвездия — ничуть не изменившиеся. Капелла висела на западе, Вега поднималась, и семь точек Большой Медведицы поблескивали над головой, творя свое вечное неторопливое кружение вокруг полюса.

Эти звезды были видны на чистом куске неба. К югу и востоку огромные круглые силуэты ветряных колес безжалостно закрывали небеса, так что даже сияние вокруг дворца Совета было скрыто от глаза. На юго-западе, как бледный призрак, висел Орион, проглядывая сквозь переплетения балок и тросов над слепящей россыпью огней. Вой сирен, доносившийся с летных площадок,

возвещал миру, что один из аэропланов готов к старту. Грэм какое-то время неотрывно смотрел на яркие огни площадки. Потом снова повернулся к северным созвездиям.

Он долго молчал.

— Вот это, — сказал он наконец, улыбаясь в темноте, — самое странное для меня ощущение. Стоять на куполе Святого Павла и снова видеть эти знакомые молчаливые звезды!

По запутанным переходам Асано провел его в игорные и деловые кварталы, где велась крупная биржевая игра, где люди делали и теряли огромные состояния. Грэм увидел бесконечный ряд очень высоких залов, окруженных многими ярусами галерей, на которые выходили тысячи контор. Пространство между галереями пересекали мосты, пешеходные дорожки, воздушные рельсовые пути, трапеции и тросовые спуски. Здесь больше чем где бы то ни было ощущалось напряженное, лихорадочное оживление, спешка, неудержимая деловая суета. В глаза лезла неистовая реклама, так что голова кружилась от хоровода красок и огней. Болтающие Машины особо гнусного толка торчали повсюду, они наполняли воздух пронзительными воплями на идиотском жаргоне: «Разуй глаза и усекай!», «На-

летай, греби лопатой!», «Эй, губошлепы, подходи и слушай!»

Здесь, похоже, собрались люди в крайней степени возбуждения, проворачивающие какие-то темные махинации, но Асано объяснил, что сейчас тут относительное затишье и что политические потрясения последних дней уменьшили число сделок до беспрецедентно низкого уровня. В одном огромном зале стояли длиннейшие ряды столов для игры в рулетку, их окружала молчаливая, полная напряженного внимания толпа; в другом зале творилось столпотворение: бледные женщины и горластые мужчины с багровыми затылками продавали и покупали акции какого-то несомненно дутого предприятия, которое каждые пять минут выплачивало десятипроцентные дивиденды и погашало определенную часть своих акций с помощью лотерейного колеса.

Эта деятельность шла с такой энергией, что потасовка казалась неизбежной. Углубившись в тесную толпу, Грэм обнаружил в самой ее середине двух почтенных коммерсантов; они бешено спорили, едва не дрались из-за какого-то тонкого вопроса делового этикета. Все-таки в жизни оставалось нечто, за что стоило сра-

жаться. Затем его ввергла в шок неистовая реклама — фонетическим письмом, буквами из алого пламени, каждая в два человеческих роста: «МЫ ГАРАНТИРУИМ СОПСТВИНИКА. МЫ ГАРАНТИРУИМ СОПСТВИНИКА.

— Кто этот собственник? — спросил Грэм.

— Вы.

— Так что же они гарантируют?

— У вас не было гарантирования?

— Страхования? — подумав, спросил Грэм.

— Да, страхования. Я помню, было такое старое слово. Они страхуют вашу жизнь. Дюжанды людей покупают полисы, на вас ставятся мириады львов. Еще в большом ходу покупка аннуитетов[25] — играют на всех знаменитостях. Смотрите туда!

Толпа всколыхнулась, зашумела. Грэм увидел, что обширный черный экран внезапно озарился кипящим пурпуром огромных букв: «Гадавая выплата на Сопствиника — х 5 гарант, ц.». Люди разразились ревом и криками, несколько мужчин, хрипло дыша, промчались мимо с безумными глазами. Они хватали воздух скрюченными пальцами. У двери началась бешеная свалка.

---

[25] Notes: 25

Аннуитет — срочный займ с ежегодным погашением долга и уплатой процентов, а также ежегодный платеж по такому займу.

Асано проделал короткий расчет.

— Пятикратная гарантированная цена — это семнадцать процентов годовых. Таков аннуитет для тех, кто поставил на вас. Никто не заплатил бы такой большой процент, если бы вас увидели здесь, сир. Но они этого не знают. Ваш аннуитет был самым надежным помещением денег, но теперь это азартная игра чистой воды. Ставка, похоже, безнадежная. Сомневаюсь, что люди получат свои деньги.

Толпа предполагаемых рантье так сжала их, что им какое-то время не удавалось двинуться ни назад, ни вперед. Грэму показалось, что среди игроков много женщин — лишнее напоминание об их экономической независимости. Женщины весьма уверенно чувствовали себя в толпе, особенно сноровисто работая локтями, в чем он убедился на собственных боках. Одна кудрявая особа застряла в давке и несколько раз пристально посмотрела на него, словно узнав, а затем целенаправленно пробилась к нему, дотронулась до руки — отнюдь не случайно — и взглядом, древним, как Халдея, дала понять, что он ей пришелся по вкусу. Но тут худой седобородый старик, изрядно вспотевший в честном бою за добычу и слепой ко всему на свете, кроме

сияющей приманки, втиснулся между ними в ураганном порыве, продираясь к желанному «х 5 гарант, ц.».

— Я хочу выбраться отсюда, — сказал Грэм своему спутнику. — Это не то, что я хотел видеть. Покажите мне рабочих. Хочу видеть людей в синем. А эти сумасшедшие паразиты…

Его стиснула беснующаяся масса людей.

Глава XXI
Подземелье

Из делового квартала они отправились по движущимся улицам на окраину города, в основной производственный район. По дороге платформы дважды пересекли Темзу и по широкому виадуку прогрохотали над одной из больших дорог, подходившей к городу с севера. В обоих случаях впечатления были мимолетными и очень яркими. Река оказалась широкой полосой черной морской воды, покрытой мерцающей рябью. Она протекала под арками зданий и уходила во мрак, прорезанный цепочками огней. Вереница черных барж, управляемых людьми в синем, тянулась в сторону моря. Дорога же представляла собой длинный, очень высокий и широкий тоннель, по которому бесшумно и стремительно неслись машины на больших колесах. Здесь тоже преобладала характерная синяя форма Департамента Труда. Грэма особенно поразила гладкость двойной полосы дороги и размеры и легкость больших пневматических колес в сравнении с кузовами экипажей. Он не мог оторвать глаз от

узкого, очень высокого грузовика с продольными металлическими вешалками, на которых болтались многие сотни бараньих туш. Но тут край арки обрезал и заслонил от него всю панораму.

Они сошли с путей, спустились на лифте в наклонный коридор и прошли к другому лифту, идущему вниз. Все вокруг изменилось. Исчезли даже намеки на архитектурные украшения, светильников было мало, и сами они стали меньше. По мере приближения к фабричным кварталам архитектура делалась все тяжелее, массивнее. И в пыльных гончарных цехах, и среди мельниц, размалывавших полевой шпат, и у металлоплавильных печей, и возле расплавленных озер сырого идемита — везде была синяя холстина, на мужчинах, женщинах и детях.

Многие из этих обширных и пыльных галерей, уставленных машинами, молчали. Бесконечный ряд потушенных печей свидетельствовал о революционных неурядицах. Но где бы ни шла работа, ее выполняли вяло двигающиеся рабочие в синей холстине. Единственно, кто не носил здесь синее, — надзиратели и Рабочая полиция в оранжевых мундирах. После разгоряченных лиц в танцевальных залах и лихорадочной энергии в деловом квартале Грэм не мог не отметить уста-

лых глаз, впалых щёк и вялых мускулов у многих рабочих. Те, кого он видел за работой, физически были явно слабее броско одетых управляющих и надзирательниц, руководивших трудягами. Крепкие рабочие викторианских времен исчезли — следом за лошадьми и другими источниками живой силы. Их дорогостоящую мускулатуру заменили искусные машины. Рабочие нового времени, мужчины и женщины, главным образом присматривали за машинами и загружали их, они были обслугой или подневольными художниками.

Женщины, по сравнению с теми, которых помнил Грэм, в массе были невзрачны и плоскогруды. Две сотни лет свободы от моральных запретов пуританской религии, две сотни лет городской жизни сделали свое дело, вытравив женскую красоту и живость из этой синей армии. Блеск красоты или ума, любая привлекательность или незаурядность позволяли, как встарь, вырваться из кабалы и найти дорогу в Города Наслаждений с их роскошью и удовольствиями; потом — эйтаназия и покой. Души, взращенные на скудной пище, не могли противостоять таким соблазнам. При первой жизни Грэма в молодые растущие города стекались рабочие — они были разнородны, они

еще заботились о традициях личной честности и высокой морали; теперь они слились в обособленный класс с собственной нравственностью, собственными физическими особенностями — и даже собственным диалектом.

Они продвигались все ниже и ниже, к рабочим помещениям. Под землей пересекли одну из улиц с движущимися путями и увидели далеко вверху бегущие платформы и вспышки белого света, мелькающие на стыках. Остановившиеся фабрики были скудно освещены; Грэму показалось, что эти туманные острова гигантских машин вдавлены в мрачный сумрак. Даже там, где шла работа, освещение было далеко не таким ярким, как в общественных местах.

Позади пылающих озер идемита копошился муравейник ювелиров; с некоторыми трудностями, снова при помощи подписи Грэма, они туда прошли. Галереи были высокие, темные и довольно холодные. В первой несколько мужчин делали узоры из золотой филиграни, каждый за своим верстачком под затененной лампой. В длинном ряду световых полос были видны проворные, озаренные лампами пальцы, быстро перевивавшие желтую блестящую проволоку, и напряженные, словно призрачные, лица, прячу-

щиеся в тени, — это производило очень странное впечатление.

Изделия были чудесной работы, но без намека на силу и своеобразие рисунка и формы — по большей части замысловатые орнаменты или повторение вариантов какого-нибудь геометрического мотива. Рабочие здесь носили особую белую форму без карманов и рукавов. Переодевались, приходя на работу, но вечером, прежде чем выпустить за пределы мастерских, их раздевали и обыскивали. Но, несмотря на все предосторожности, сокрушенно сказал полицейский, Департамент нередко обкрадывали.

Далее находилась галерея, где женщины резали и гранили искусственные рубины, и участок, где мужчины и женщины трудились над медными сетчатыми заготовками — основой для изразцов с перегородчатой эмалью. У многих губы и ноздри были мертвенно-белыми из-за болезни, вызывавшейся особой, чрезвычайно модной пурпурной эмалью. Асано извинился перед Грэмом за такое неприятное зрелище, оправдываясь тем, что идти здесь было удобней.

— Это я и хотел видеть, — сказал Грэм. — Именно это я и хотел видеть.

Он постарался не вздрогнуть при виде особенно

обезображенного лица.

— Она могла бы поостеречься, — заметил Асано.

Грэм негодующе возразил.

— Но, сир, мы никак не можем обойтись без пурпура, — сказал Асано. — В ваши времена люди могли носить грубые украшения, они были ближе к варварству на двести лет.

Они пошли дальше по одной из нижних галерей фабрики перегородчатой эмали и приблизились к крутому мостику. Заглянув через перила, Грэм обнаружил, что внизу, под самыми мощными сводами, которые он здесь видел, располагается причал. Три баржи, окутанные мучнистой пылью, стояли под разгрузкой — множество мужчин, кашляя, катили тележки с полевым шпатом; пыль наполняла помещение удушливым туманом, придавая электрическим огням желтый оттенок. Под ногами рабочих прыгали смутные тени, метались по длинной, выбеленной пылью стене. Рабочие то и дело останавливались, чтобы откашляться.

Мрачные, тяжелые массы каменной кладки, вздымавшиеся над чернильно-черной водой, навели Грэма на мысль о множестве коридоров, лифтов и галерей, громоздящихся сейчас этаж

за этажом между ним и открытым небом. Люди молча работали под присмотром двух стражников из Рабочей полиции. Шаги гулко отдавались на дощатых мостках, по которым они ходили с причала на баржи и обратно. Пока Грэм наблюдал за этой сценой, чей-то голос в темноте запел.

— Прекратить! — крикнул полицейский, но приказу не подчинились.

Сначала один, а за ним все эти белые от пыли люди демонстративно подхватили ритмичный припев — это была Песня Мятежа. Шаги гремели теперь по сходням в такт песне: трам, трам, трам. Кричавший полицейский взглянул на своего напарника — тот пожал плечами. Больше они не пытались остановить пение.

Грэм шел дальше по этим фабрикам и мастерским — везде изнурительный труд, везде ранящие душу, мрачные картины. Путешествие оставило в голове Грэма множество перепутавшихся впечатлений. Мелькающие картины сводчатых залов и гигантских арок, проглядывающих сквозь облака пыли. Замысловатые машины, ряды ткацких станков с бегущими нитями, тяжкие удары штамповочных прессов, гудение и треск ременных передач, скверно освещенные проходы между койками подземных спален, бесконечные

ряды точечных светильников. Здесь — запах дубильных чанов, здесь — вонь пивоварни, а здесь — вонь невообразимой силы и непонятного происхождения. И повсюду — могучие колонны и своды, каких ему не доводилось видеть, — титанические сооружения из засаленной, тускло лоснящейся кирпичной кладки, задавленные огромным весом этого города, этого сложнейшего мира — так же, как и миллионы анемичных людей здесь, в подземельях. И повсюду бледные лица, худые руки, уродство и вырождение.

Еще раз, и еще, и в третий раз Грэм услышал мятежную песню во время своего долгого, безрадостного скитания. Один раз увидел беспорядочную драку — нескольким рабам удалось захватить хлеб до окончания работы. Грэм уже направился наверх, на улицы, когда ему попались на глаза дети в синем, бегущие по поперечному проходу. Он немедля понял причину их паники: отряд полицейских, вооруженных дубинками, рысил к месту неведомых беспорядков. Затем издали донесся шум схватки. Но по большей части здесь работали — работали, ни на что не надеясь. Все, в ком сохранилась отвага, были наверху, на улицах, взывали к Хозяину и не выпускали из рук оружия.

Выбравшись из подземелий, Грэм и Асано, щурясь, остановились под ярким светом на средней полосе платформ. В отдалении слышалось уханье и тявканье Болтающих Машин в одном из Главных Залов Известий, но внезапно побежали люди, на платформах и возле них поднялся крик и плач. Пробежала женщина, белая и онемевшая от ужаса, за ней другая, она задыхалась и визжала на бегу.

— Что случилось? — озадаченно проговорил Грэм, не понимая их грубого жаргона.

Затем услышал то же на нормальном английском и понял, из-за чего поднялся шум, что кричали друг другу мужчины, почему плакали женщины. Весть прокатилась подобно первому порыву грозового ветра, леденяще и внезапно: «Острог вызвал черную полицию в Лондон. Черная полиция прибывает из Южной Африки! Черная полиция… Черная полиция!..»

Асано побелел от удивления. Нерешительно посмотрел Грэму в лицо и повторил новость, которую тот уже знал.

— Но как это стало известно им? — спрашивал Асано.

Кто-то вопил:

— Бросайте работу! Бросайте работу! — Смуг-

лый горбун, потешно и броско одетый в зеленое с золотом, запрыгал с платформы на платформу к середине, крича на хорошем английском: — Это сделал Острог! Острог — негодяй! Хозяина предали! — Он хрипел, струйка пены бежала из изуродованного криком рта. Он вопил о непередаваемых ужасах, творимых в Париже черной полицией, и так и исчез из виду, визжа: — Острог — негодяй!

Грэм на секунду застыл на месте. Опять накатило ощущение, что все это — сон. Посмотрел вверх, на огромные утесы зданий с обеих сторон, исчезающие над фонарями в голубом тумане; вниз, на гремящие ряды платформ, на несущуюся мимо бурлящую толпу. «Хозяина предали! — кричали люди. — Хозяина предали!»

И внезапно ему открылось положение дел — ясно и грозно. Сердце забилось быстро и сильно.

— Вот оно, — проговорил он. — Я мог это предвидеть. Час настал. — Он задумался На мгновение. — Что я должен делать?

— Вернуться в здание Совета, — сказал Асано.

— Почему бы не обратиться к народу?.. Прямо здесь.

— Потеряете время. Они не поверят, что это вы. Но они сойдутся у здания Совета. Там вы найдете

их вожаков. Ваша сила там — с ними.

— Но если это только слухи?

— Похоже на правду, — ответил Асано.

— Давайте разузнаем наверняка.

Асано пожал плечами и прокричал:

— Лучше добраться до здания Совета! Именно там они соберутся. Развалины до сих пор могут быть непреодолимы.

Грэм посмотрел на Асано с сомнением, но последовал за ним. Они поднялись по рядам платформ на скоростную линию, и здесь Асано расспросил какого-то рабочего. Тот отвечал на грубом простонародном жаргоне.

— Что он говорит? — спросил Грэм.

— Он знает мало, но говорит, что черная полиция нагрянула бы неожиданно, но кто-то из Управления ветродвигателей сумел предупредить… Он сказал, это была девушка.

— Девушка? Но…

— Он говорит — девушка, он не знает, кто она. Вышла, плачущая, из здания Совета и сказала людям, работающим в развалинах.

И тут прокричали другой призыв, превративший бесцельную суматоху в направленное движение, — призыв пронесся по улице, как ветер:

— Все по своим отрядам! Все по своим местам! Каждый получит оружие! По своим местам!

Глава XXII
Борьба в здании Совета

Спеша к развалинам вокруг здания Совета, Грэм и Асано повсюду видели растущее волнение народа. «По отрядам! По отрядам!» Повсюду мужчины и женщины в синем спешили из безвестных подземных фабрик вверх по лестницам на среднюю полосу улицы; в одном месте Грэм увидел вопящую толпу вокруг арсенала революционного комитета, в другом — двоих людей в ненавистной желтой форме Рабочей полиции, которых преследовала разъяренная толпа. Полицейские убежали по встречной скоростной платформе.

Когда они приблизились к правительственному району, крики «Все по своим отрядам!» слились в единый несмолкаемый рев. Вопили и что-то неразборчивое.

— Острог предал нас! — хрипло ревел какой-то человек, кричал снова и снова над ухом Грэма, пока не оглушил окончательно. Он стоял вплотную за спинами Грэма и Асано на скоростной платформе и орал, обращаясь к людям, заполняв-

шим нижние платформы, остающиеся позади. Выкрики насчет Острога перемежались какими-то неразборчивыми приказами. Потом он прыжками сбежал вниз и исчез.

Уши Грэма забило шумом. Он смутно представлял, что делать дальше. В его воображении то возникала некая трибуна, с которой он обращается к несметным толпам, то виделась ему встреча лицом к лицу с Острогом. Его переполняла ярость, мускулы напряглись от возбуждения, губы сжались.

Завалы на пути к дому Совета оказались непроходимыми, но Асано ухитрился провести Грэма через центральное почтовое отделение. Оно было открыто, но работники в синей форме лениво слонялись из угла в угол или стояли и таращились с галереи на народ, кричавший снаружи. «Все мужчины — по своим отрядам! Все мужчины — по своим отрядам!» Здесь по совету Асано Грэм раскрыл свое инкогнито.

В здание Совета они добрались в люльке по тросу. За недолгое время после капитуляции Совета руины преобразились. Каскады морской воды, прорвавшейся из главного трубопровода, были укрощены, и мощные временные трубы тянулись вверху по легкой с виду решетчатой эстакаде.

Небо снова затянулось сетью восстановленных кабелей и проводов, обслуживающих здание Совета. Слева от белой башни Совета рос новый корпус, краны и другие строительные машины трудились вовсю.

Движущиеся дороги, проходившие через эти места, были тоже восстановлены, хотя и тянулись пока под открытым небом. Это были те самые пути, на которые Грэм смотрел с балкона в час своего пробуждения всего девять дней назад, а зал Спящего помещался на дальней стороне путей — там сейчас громоздились бесформенные кучи битого кирпича.

День был уже в разгаре, ослепительно сияло солнце. Из-под высоких сводов, наполненных синим электрическим светом, скоростные платформы выносили несчетные толпы, все плотнее покрывавшие утесы и ущелья руин. Воздух сотрясался от криков, люди напирали, стремясь приблизиться к центральному зданию. В массе это были шумные, бесформенные толпы, но то тут, то там Грэм замечал очаги организации и дисциплины. И все голоса, слышимые в этом хаосе, призывали к порядку. «По своим отрядам! Каждый — в свой отряд!»

По тросу они попали в помещение, в котором

Грэм узнал вестибюль зала Атланта, расположенный рядом с галереей, где несколько дней назад, через час после пробуждения, он проходил вместе с Говардом, чтобы показаться исчезнувшему ныне Совету. Теперь здесь не было никого, кроме двух операторов канатной дороги. Эти люди, казалось, были чрезвычайно удивлены, узнав Спящего в человеке, соскользнувшем с крестовины сиденья.

— Где Острог? — требовательно спросил Грэм. — Я немедленно должен видеть Острога. Он ослушался меня. Я вернулся, чтобы взять правление в свои руки.

Не дожидаясь Асано, он поднялся по ступенькам, отодвинул портьеру и оказался перед осужденным на вечный труд титаном.

Зал был пуст. Он очень сильно изменился с тех пор, как Грэм увидел его в первый раз. Зал серьезно пострадал от неистовых боев первого восстания. Справа от огромной фигуры верхняя половина стены была разрушена на протяжении почти двухсот футов, а пролом затянут той же стекловидной пленкой, что окружала Грэма, когда он пробудился. Пленка ослабляла, но не могла заглушать крики толпы: «По отрядам! По отрядам!» Сквозь нее виднелись балки и стояки

металлических лесов, опускавшихся или поднимавшихся — как было нужно огромному отряду строителей. За зеленоватой полупрозрачной преградой костистым силуэтом виднелась бездействующая строительная машина с тонкими красными металлическими рычагами. На ней все еще сидели рабочие, наблюдая за толпой. Секунду Грэм простоял, разглядывая все это, и Асано догнал его.

— Острог должен быть в малой канцелярии, — сказал японец. Он был теперь бледен до синевы; его глаза ощупывали лицо Грэма.

Они едва отошли на десяток шагов от портьеры, как панель в стене слева от Атланта свернулась, ушла вверх, и Острог, сопровождаемый Линкольном и двумя чернокожими в желтом, вышел оттуда и направился к другой панели, открывшейся в дальнем углу зала.

— Острог! — крикнул Грэм.

При звуке его голоса маленькая группа изумленно обернулась.

Острог сказал что-то Линкольну и в одиночестве двинулся вперед.

Грэм заговорил первым. Его голос звучал громко и властно.

— Что я слышу? — спросил он. — Вы вызвали

негров сюда? Усмирять народ?

— И вовремя, — ответил Острог. — Они отбивались от рук все больше и больше — после революции. Я недооценил…

— Вы хотите сказать, что эти дьявольские негры уже в пути?

— В пути. Вы сами видели, что творится — там, снаружи.

— Ничего удивительного! Но после того, что было сказано… Вы слишком много берете на себя, Острог.

Острог ничего не сказал, но подошел ближе.

— Эти негры не должны появиться в Лондоне, — сказал Грэм. — Я — Хозяин, и их здесь не будет.

Острог посмотрел на Линкольна, тот сейчас же подошел и вместе с двумя охранниками встал позади него.

— Но почему? — спросил Острог.

— Белыми должны управлять белые. К тому же…

— Негры — всего лишь инструмент.

— Вопрос не в том. Я — Хозяин. Я намерен быть Хозяином. И я говорю вам, что черной полиции здесь не будет.

— Народ…

— Я верю в народ.

— Потому что вы — анахронизм. Человек из прошлого, игра случая. Вы владеете почти всем миром. Номинально, по закону. Но вы — не Хозяин. Вы знаете слишком мало, чтобы быть Хозяином. — Он снова покосился на Линкольна. — Я знаю, о чем вы думаете, — могу предположить, как вы собираетесь поступить. Даже теперь не поздно вас предупредить. Вы мечтаете о человеческом равенстве — о некоем социалистическом порядке. Эти обветшалые бредни девятнадцатого столетия свежи и живы в вашей памяти, и не вам править этим веком, которого вы не можете понять.

— Вслушайтесь! — воскликнул Грэм. — Вы слышите этот звук, подобный шуму моря. Не голоса — единый голос. Хотя бы вы понимаете, что это значит?

— Мы сами их научили, — сказал Острог.

— Возможно. И сумеете их отучить, чтобы они забыли? Однако хватит! Черная полиция сюда не войдет.

Наступило молчание. Острог смотрел Грэму в глаза.

— Войдет, — сказал он.

— Я запрещаю.

— Они уже двинулись.

— Я этого не допущу.

— Нет, — сказал Острог. — Сожалею, но мне придется прибегуть к методам Белого Совета… Для вашего же блага… Вам не следует выступать на стороне… беспорядка. А теперь, поскольку вы здесь… Это было любезно с вашей стороны — прийти сюда.

Линкольн положил руку на плечо Грэма. И только тут Грэм понял, какую грубую ошибку он совершил, явившись в здание Совета. Он повернулся к портьере, отделявшей зал от вестибюля. Цепкая рука Асано задержала его. В следующее мгновение Линкольн схватил Грэма за плащ. Он обернулся, ударил Линкольна в лицо, и сейчас же один из негров схватил его за ворот и за руку. Грэм вырвался, с треском разорвав рукав, шагнул назад — второй охранник подставил ногу. Грэм тяжело упал навзничь и несколько мгновений лежал, глядя на высокий потолок зала.

Потом закричал, извернулся бешеным движением, вцепился в ногу охранника, свалил его и вскочил на ноги. Перед ним появился Линкольн и тут же рухнул от прямого удара в челюсть — замер. Сделав два шага, Грэм споткнулся, и рука Острога обхватила его шею. Он опрокинулся назад, тяжело упал; его руки прижали к полу.

Он яростно вырывался, потом оставил борьбу — лежал, уставившись на Острога, хватающего ртом воздух.

— Вы… пленник! — задыхаясь, сказал Острог. — Вы… сваляли дурака… вернувшись.

Грэм повернул голову и сквозь неровный зеленый проем в стене увидел рабочих у подъемных кранов — они взволнованно махали людям, стоявшим внизу. Они видели!

Острог проследил за его взглядом и вздрогнул. Что-то крикнул Линкольну, но тот не пошевелился. Пуля ударила в лепные украшения над фигурой Атланта. В двойной пленке, закрывавшей брешь в стене, появилась щель, края отверстия потемнели, искривились и стремительно разбежались к раме; через секунду зал Совета оказался открытым всем ветрам. Ледяной вихрь дунул в пробоину, принеся с собой яростные вопли с развалин, смутно различимые голоса: «Спасите Хозяина! Что они делают с Хозяином? Хозяина предали!»

Грэм понял, что внимание Острога отвлечено, что его хватка ослабла, и вскочил на колени. В следующий миг он отшвырнул Острога и почти встал, вцепившись в его глотку, а тот ухватился за шелковый воротник Грэма.

Какие-то люди приближались к ним от помоста — люди, чьи намерения он оценил неверно. Покосился на кого-то, бегущего к занавешенному выходу в вестибюль, и в этот момент Острог выскользнул из его рук, а подбежавшие оказались рядом. К полному изумлению Грэма, они схватили его, подчиняясь командам Острога.

Грэма проволокли дюжину ярдов, прежде чем он понял, что это не друзья, — что его тащат к открывшейся панели. Увидя это, он рванулся назад, попытался упасть, стал изо всех сил звать на помощь. На этот раз послышались ответные крики.

Руки, державшие его за шею, ослабли — и не без причины! В нижнем углу пролома появилась сначала одна, потом несколько маленьких черных фигурок; они кричали и размахивали руками. Они спрыгивали из пролома на галерею, ведущую в Комнаты Безмолвия, и бежали по ней — так близко, что Грэм мог разглядеть оружие в их руках. Острог отдал еще несколько распоряжений людям, стиснувшим Грэма, и он выдержал еще одну схватку, не дав подтащить себя к зиявшему отверстию.

— Они не смогут спуститься, — прохрипел Острог. — Они не посмеют стрелять. Все в порядке. Мы пока спрячем его.

Долгие минуты продолжалась, как показалось Грэму, эта постыдная борьба. Его одежду порвали во многих местах, вываляли в пыли, отдавили руку. Он слышал крики своих приверженцев, слышал выстрелы. Кончались силы, это отчаянное сопротивление казалось бесполезным. Помощь не приходила, а пасть отверстия уверенно, неумолимо приближалась.

Тиски чужих рук ослабли. Он вырвался, вскочил, увидел удаляющуюся седую голову Острога и понял, что его больше не держат. Повернулся, налетел на человека в черном. Рядом щелкнуло зеленое оружие, в лицо ударило едким дымом, блеснул стальной клинок. Огромное помещение закружилось перед глазами.

Неподалеку человек в светло-синем заколол черно-желтого стражника. Затем Грэма снова схватили чьи-то руки.

Его тащили сразу в двух направлениях. Ему что-то кричали. Он хотел понять что, но не мог. Кто-то обхватил его вокруг бедер и приподнял — несмотря на бешеное сопротивление. Внезапно он понял и перестал отбиваться. Его подняли на плечи, понесли от этой зловеще открытой панели. Тысячи глоток вопили приветствия.

Люди в синем и в черном бежали за отступа-

ющими приверженцами Острога и стреляли. С высоты Грэм видел все пространство зала под статуей Атланта. Его несли к помосту в середине помещения. Дальний конец зала наполнялся бегущими людьми. Их взгляды были обращены к нему, они выкрикивали приветствия.

Он заметил, что окружен телохранителями. Кто-то рядом отдавал неразборчивые команды. Неподалеку оказался черноусый человек в желтом, который был среди тех, кто приветствовал его в театре. Он громогласно распоряжался. Зал был уже переполнен волнующейся толпой, легкая металлическая галерея прогибалась под своим вопящим грузом. Портьеры у выхода были сорваны, и открылся набитый людьми вестибюль. Грэм, с трудом перекрикивая шум, спросил у одного из стоящих рядом:

— Куда скрылся Острог?

Тот указал поверх голов на нижние панели стены, противоположной пролому. Они были открыты, туда убегали вооруженные люди в синем с черными повязками и исчезали в прилегающих коридорах. Грэму казалось, что сквозь неистовый гомон толпы доносятся выстрелы. Его пронесли наискось через огромный зал к двери возле пролома.

Было заметно, как люди вокруг него поддерживают порядок, оттесняя толпу и расчищая путь. Снаружи была новая, неровная стена, она маячила впереди под голубым небом. Его опустили, поставили на ноги, кто-то взял за руку и повел. Человек в желтом снова оказался рядом. Прошли по узким кирпичным ступеням мимо огромного красного сооружения — строительной машины; ее стрелы, рычаги, двигатели были недвижимы.

Оказавшись на верхней площадке лестницы, Грэм поспешно пересек узкие огражденные мостики, и перед ним внезапно открылся ревущий амфитеатр развалин. «Хозяин с нами! Хозяин! Хозяин!» Этот вопль вознесся над морем лиц подобно волне, отразился от утеса руин вдалеке и вернулся обратно вибрирующим криком: «Хозяин на нашей стороне!»

Грэм увидел, что его больше никто не направляет и он стоит на маленькой площадке из белого металла — части хрупких с виду лесов, облепивших огромный массив Совета. На необозримом пространстве руин перебегали и толпились люди: тут и там вздымались и раскачивались черные знамена революционных обществ; вокруг них возникали редкие в этом хаосе очаги порядка и организованности. Крутые уступы стен

и строительные леса, по которым его спасители добрались до зала Атланта, были густо облеплены народом, и энергичные черные фигурки карабкались на колонны и выступы, побуждая людей рассредоточиться. Позади Грэма, на высшей точке лесов, несколько человек водружали огромный, хлопающий на ветру черный штандарт. Через зияющую брешь в стене он мог видеть внизу плотную толпу, набившуюся в зал Атланта. Из-за необычной прозрачности воздуха отдаленные летные площадки на юге были видны ярко и четко — словно приблизились. С центральной площадки взмыл одинокий моноплан — возможно, чтобы встретить прибывающие аэропланы.

— Что стало с Острогом? — спросил Грэм и, произнося эти слова, увидел, что все взгляды переместились с него на верхушку здания Совета.

Он поискал глазами — что привлекло всеобщее внимание. Секунду не видел ничего, кроме неровного угла стены, темного и четкого на фоне неба. Затем разглядел в тени внутреннее убранство комнаты и с изумлением узнал зелено-белую отделку своей бывшей тюрьмы. И, быстро прошагав через эту открытую взглядам комнату, на край развалин, к обрыву, вышла фигурка в белом, сопровождаемая двумя фигурками поменьше,

в черном с желтым. Грэм услышал, что рядом вскрикнули: «Острог!» — и повернулся, чтобы спросить, в чем дело. Но тут стоявший рядом человек удивленно вскрикнул и указал тощим пальцем на горизонт. Вот оно что! Поднявшийся с летной площадки моноплан направляется в их сторону. Этот стремительный ровный полет все еще был новинкой для Грэма и приковал к себе его внимание.

Моноплан приближался, становился все больше и больше, пока не промчался над дальним краем руин и не оказался на виду у толпы. Пикируя, пересек пространство над людьми, взмыл вверх, минуя глыбу здания Совета, — обтянутая пленкой птица, полупрозрачная, с одиночкой-аэронавтом, смотрящим вниз сквозь ребра корпуса. Пролетел и скрылся за верхним краем развалин.

Грэм перевел взгляд на Острога. Тот подавал руками какие-то знаки, а его помощники деятельно разбивали стену рядом с ним. В следующее мгновение моноплан появился снова — маленькое пятнышко вдалеке, летящее по широкой дуге, снижающее скорость.

Человек в желтом вдруг закричал:

— Что они делают? Что эти люди делают? Поче-

му Острог оказался там? Почему его не схватили? Они подберут его — моноплан заберет его! Эх!..

Это восклицание эхом отдалось в руинах. Через пропасть до Грэма донесся треск зеленого оружия, он посмотрел вниз и увидел группу черно-желтых, бегущих по открытой галерее под выступом, на котором стоял Острог. На бегу они стреляли в невидимых противников; затем появились преследователи в бледно-синем. Миниатюрные сражающиеся фигурки производили удивительное впечатление, издали они напоминали игрушечных солдатиков. Странная картина распахнутого дома придавала нереальный вид этой битве среди мебели, комнат и коридоров. Сражение шло примерно в двухстах ярдах от Грэма и в пятидесяти над головами людей в развалинах. Черно-желтые человечки забежали в открытую арку, обернулись и дали залп. Один из синих преследователей, бежавший по краю провала, взмахнул руками, покачнулся, как показалось Грэму, несколько секунд постоял над обрывом — и рухнул вниз. Грэм видел, как он ударился о выступающий угол, кувыркаясь, безостановочно кувыркаясь, отлетел и исчез за красной стрелой строительной машины.

Какая-то тень заслонила солнце. Грэм поднял

голову. Небо было чистым, и он понял, что это пролетел маленький моноплан. Острог исчез. Человек в желтом втиснулся перед ним, потный и возбужденный. Он махал рукой и орал:

— Они садятся! Они садятся! Прикажите стрелять в него! Прикажите стрелять!

Грэм ничего не мог понять. Громкие голоса повторили этот загадочный приказ.

Неожиданно вверху, из-за края развалин выскользнул нос моноплана и, вздрогнув, остановился. Грэм мгновенно понял, что машина села и Острог вот-вот скроется на ней. Он заметил синие дымки, поднимающиеся над пропастью, и сообразил, что снизу стреляют по торчащему носу.

Человек рядом с ним хрипло, торжествующе закричал. Грэм увидел, что синие повстанцы захватили арку, которую только что обороняли люди в черно-желтом, и хлынули в открытый коридор.

Тут моноплан соскользнул с края развалин Совета и нырнул вниз, как ласточка. Он падал под углом в сорок пять градусов, так круто, что и Грэму, и тем, кто смотрел снизу, показалось, что моноплан не сможет снова подняться.

Машина пролетела так близко, что он мог видеть Острога, вцепившегося в подлокотники

сиденья; его седые волосы развевались. Мелькнуло белое лицо аэронавта, налегавшего на рычаг подъема машины. Смутный крик испуга вырвался у бесчисленной толпы внизу.

Грэм задохнулся и вцепился в перила. Секунда тянулась, как век. Моноплан едва не задел людей — они с воплями кинулись в разные стороны, давя друг друга.

А затем он поднялся.

Мгновение казалось, что ему не удастся миновать противоположный обрыв, потом — что он не минует ветряк, вертящийся рядом.

Но смотрите! Он проскочил, он взмыл — все еще кренясь — вверх, вверх в расчищенное ветром небо.

Напряжение этого момента разрядилось взрывом ярости, когда толпе стало ясно, что Острог сбежал от нее. С запоздалой активностью возобновилась стрельба, треск оружия перешел в грохот, пока все пространство не затянуло синим туманом и воздух не заполнился прозрачным дымом от выстрелов.

Поздно. Летающая машина уходила все дальше и дальше, развернулась и изящно села на площадку, с которой не так давно поднялась. Острог бежал.

Некоторое время доносился из руин сконфуженный ропот, затем общее внимание снова сосредоточилось на Грэме, стоящем высоко среди лесов. Он видел, что лица людей обращены к нему, слышал, как они кричат, радуясь его спасению. Из темноты туннеля движущихся дорог донеслась песня мятежа и растеклась, как ветер, над колышущемся морем людей.

Группка мужчин, окружавшая Грэма, тоже выкрикивала поздравления. Человек в желтом стоял рядом, глаза его сияли на застывшем лице. А песня звучала все громче и громче: трам, трам, трам, трам.

Постепенно Грэм стал вполне осознавать смысл происходящего, понял стремительную перемену в своем положении. Острог, который всегда стоял рядом с ним перед кричащей толпой, был далеко — теперь он противник. Никто не мог больше управлять им. Даже люди, стоящие вокруг, вожаки и организаторы толпы, смотрели на него, ожидая действий, поступков, приказов. Он стал настоящим королем. Марионеточное царствование кончилось.

Он был более чем готов сделать то, чего от него ожидали. Каждая жилка, каждый мускул дрожал от возбуждения; возможно, он был в некоторой

растерянности, но не ощущал ни страха, ни гнева. Помятая рука горела и немного подергивалась.

Его немного беспокоило, как он выглядит. Страха не было, но не хотелось казаться испуганным. В прошлой жизни ему часто доводилось испытывать и более сильное волнение — во время спортивных игр. Хотелось действовать. Было понятно, что ему не следует слишком задумываться над деталями этой грандиозной борьбы, иначе его парализует сознание ее сложности.

Вон там эти синие прямоугольники — далекие летные площадки. Там — Острог! И против Острога, такого отчетливого, определенного, решительного, он, Грэм — такой неясный и колеблющийся — начинает сражение за будущее мира!

Глава XXIII
Грэм говорит свое слово

На некоторое время Хозяин мира утратил власть над своими мыслями. Даже собственная его воля казалась не его волей, собственные действия были ему удивительны, словно были частью странных переживаний, переполнявших его существо. Три факта не подвергались сомнению: негры направляются в Лондон, Элен Уотгон предупредила народ об их прибытии и он — Хозяин мира. Каждый из этих фактов, казалось, боролся за полное господство над его мыслями. Они словно выступали из общего фона переполненных залов и коридоров, комнат, где в тесноте совещались командиры отрядов, помещений для телефонной связи и кинематографа, широких окон, за которыми бурлило море марширующих людей. Человек в желтом и те, кого Грэм считал вожаками отрядов, не то подталкивали его к действиям, не то послушно следовали за ним — трудно было это понять. Возможно, они делали то и другое. Возможно, какая-то невидимая, неведомая сила вела их всех. Но Грэм чувствовал, что

должен выступить с обращением к населению Земли, и уже обдумывал некоторые эффектные фразы — они проплывали в его голове, в них содержалось все то, что ему необходимо было сказать людям. Вместе с человеком в желтом он оказался в комнатке, откуда предстояло сделать обращение.

Обстановка здесь была подчеркнуто современной. В середине комнаты — яркий овал электрического света от скрытых ламп. Остальная часть — в тени; двойные плотно пригнанные двери, через которые они попали сюда из бурлящего зала Атланта, отсекали от шума. Мертвенный звук захлопнувшихся за спиной дверей, внезапный конец сумятицы, в которой прошли последние часы, подрагивающее пятно света, шепот и быстрые бесшумные перемещения слуг в затененной части комнаты — все это странно повлияло на Грэма. Огромные уши фонографического аппарата — целая батарея — распахнулись навстречу его словам; черные глаза массивных фотокамер ждали начала речи; за ними тускло отсвечивали металлические стержни и спирали, что-то вращалось с прерывистым жужжанием. Он вошел в центр светового овала, и его тень, черная и резкая, свернулась в пятно под ногами.

Грэм примерно представлял себе, какие слова нужно произнести. Но эта тишина, эта изоляция, оторванность от заразительной энергии толпы, и эта аудитория — настороженные уши и глаза машин… Такого он не ожидал. Казалось, он лишился внутренней опоры, его словно уронили — внезапно уронили в это состояние, чтобы он познал себя. В одно мгновение он ощутил в себе перемену. Почувствовал страх, что не сможет быть убедительным, что впадет в театральность. Он боялся, что его подведет голос, что речь его будет лишена блеска. Смутившись, он повернулся к человеку в желтом с успокоительным жестом.

— Нужно немного подождать, — сказал он. — Я не знал, что все будет так. Хочу еще раз обдумать свои слова.

Он еще колебался, когда пришел взволнованный курьер с известием, что передовые аэропланы уже пролетают над Мадридом.

— Какие новости с летных площадок? — спросил Грэм.

— Люди из юго-западных отрядов готовы.

— Готовы!

Он с нетерпением повернулся к пустым черным объективам.

— Думаю, нужна короткая речь. Боже, если бы

я знал точно, что сказать! Аэропланы над Мадридом! Они, наверное, взлетели раньше основной армады. Эх, не все ли равно, хорошо я буду говорить или плохо, — подумал он вслух и отметил, что свет стал ярче.

Он уже готов был произнести несколько расплывчатых фраз о демократии, но вдруг его опять одолели сомнения. Обретенная было вера в собственный героизм и высокое предназначение рассеялась. Теперь он казался себе надутым ничтожеством, затерянным в бурном море непостижимой судьбы. Стало совершенно ясно, что восстание против Острога преждевременно и обречено на поражение — вспышка страстного, беспомощного протеста против неизбежности. Он думал о стремительно летящих аэропланах — это хищной птицей приближалась его Судьба. Удивительно, как мог он раньше видеть вещи в другом свете. Но положение было отчаянное; Грэм оборвал спор с самим собой и твердо решил любой ценой завершить начатое. Не удавалось найти слова, с которых следовало начать. Пока он стоял так, неуклюжий, растерянный, готовый дрожащими губами произнести извинения за свою беспомощность, снаружи раздались топот и громкие голоса множества людей. Кто-то крик-

нул: «Подождите!» — и дверь отворилась. Грэм обернулся, свет потускнел.

Через открытую дверь он увидел приближающуюся тонкую девичью фигуру в сером. Сердце его подпрыгнуло. Это была Элен Уоттон. Человек в желтом выступил из тени в световой овал.

— Это девушка, которая сообщила нам о действиях Острога, — сказал он.

Она вошла очень спокойно и стояла тихо, как будто не хотела мешать его красноречию… И все вопросы, все сомнения исчезли в ее присутствии. Грэм вспомнил, что намеревался сказать. Еще раз повернулся к камерам, и свет вокруг засиял ярче. Он посмотрел на девушку и скованно проговорил:

— Вы мне помогли. Очень помогли. Это очень трудное дело.

Грэм сделал паузу. Теперь он обращался к невидимому множеству людей, смотревших на него сквозь эти странные черные глаза. И медленно заговорил:

— Мужчины и женщины нового века! Вы поднялись на борьбу за человечество… Но вас не ждет легкая победа.

Он умолк, подбирая слова. Страстно хотелось обрести дар красноречия.

— Эта ночь — только начало. Битва, которая надвигается, которая обрушится на нас сегодня ночью, — только начало. Может быть, вам придется сражаться всю жизнь. Не останавливайтесь, даже если я буду разбит, если буду окончательно повержен. Думаю, такое может случиться.

Грэм чувствовал внутри нечто такое, что трудно было выразить словами. На короткое мгновение он умолк, произнес несколько неопределенных призывов, затем слова полились свободным потоком. Большую часть того, что он говорил, составляли общие места гуманистических доктрин ушедшего века, но убежденность в голосе придавала им жизненную силу. Он излагал идеи прежних времен людям нового века, девушке, стоявшей рядом с ним.

— Я пришел к вам из прошлого, — говорил он, — с памятью о веке надежд. Мой век был веком мечтаний, веком начинаний, веком возвышенных ожиданий. Во всем мире мы положили конец рабству; по всему миру распространилась надежда на прекращение войн, на то, что все мужчины и женщины смогут жить достойно, в мире и дружбе… Так мы надеялись в те давно прошедшие дни. И что стало с этими надеждами? Что произошло с человеком за двести лет?

Огромные города, гигантская мощь, коллективное величие — превзошли наши мечты. Мы не стремились к этому, но это пришло. А что стало с маленькими жизнями, создавшими эту великую жизнь? Что стало с обычными людьми? Их удел, как и прежде, — нужда и тяжкий труд, искалеченные, неосуществившиеся судьбы, искушение властью, искушение богатством, уход в безумие и пустоту. Старые идеалы исчезли или изменились, а новые… Да появились ли они, новые идеалы?

Милосердие и сострадание! — провозгласил он. — Красота и любовь к прекрасному! Порыв и самоотверженность! Отдайте себя целиком, как я отдаю себя — как Христос отдал Себя на распятие. Не важно, понимаете ли вы меня. И пусть вам покажется, что вы потерпели неудачу, — это не имеет значения. Знание поселилось в ваших сердцах. Здесь нет уверенности, нет безопасности — не на что опереться, кроме Веры. И вера эта одна, вера эта — ваше мужество…

Грэм почувствовал, что им самим овладевает вера, которую он тщетно пытался обрести так долго. Он говорил порывисто, ломаными, незаконченными фразами. Но от всего сердца, со всей силой души, исполненной новой веры. Говорил о величии самоотречения, о бессмертии Челове-

чества, в котором слиты наши жизни, движения наших тел и душ. Его голос возвышался и затихал, жужжали записывающие аппараты, призрачные лица операторов следили за ним из полутьмы…

Ощущение молчаливого зрителя рядом придавало его словам особую искренность. В эти короткие минуты торжества он позабыл обо всех колебаниях — не испытывал ни малейшего сомнения в собственном героизме, в произносимых им героических словах; все казалось ясным и определенным. Речь его лилась ровно и непринужденно. Наконец он подошел к концу.

— Слушайте все! — воскликнул он. — Объявляю свою волю. Все в мире, что принадлежит мне, я отдаю людям мира. Всем вам. Отдаю вам все, и самого себя отдаю вам. И, следуя воле Божьей, я буду жить ради вас или за вас умру.

Он окончил речь. Увидел, что свет от его мгновенного воодушевления отразился на лице девушки. Их взгляды встретились. В ее глазах блестели слезы восторга.

— Я знала, — прошептала она. — Вы — Отец мира, сир! Я знала, что вы скажете именно эти слова.

— Я сказал, что смог, — ответил он неуверенно и на секунду сжал протянутые к нему руки

девушки.

Глава XXIV
Пока приближались аэропланы[26]

Человек в желтом стоял рядом. Они не заметили его появления. Оказывается, на юго-западе отряды уже выступили.

— Я не ожидал, что это произойдет так скоро, — воскликнул он. — Они творят чудеса. Вы должны сказать им несколько слов ободрения.

Грэм уставился на него отсутствующим взглядом. Вздрогнул — вернулось прежнее назойливое беспокойство по поводу летных площадок.

— Да. Это хорошо, это хорошо. — Он задумался. — Передайте им: «Отлично сработано, Юго-Запад!»

Он снова посмотрел на Элен Уоттон. На его лице отразилась внутренняя борьба.

— Мы должны захватить летные площадки, — проговорил он. — Если не успеем, они высадят негров. Это нужно предотвратить любой ценой.

Он чувствовал, что это совсем не то, чем были заняты его мысли перед тем, как их прервали. В

---

[26] Notes: 26

Эти главы были написаны за пятнадцать лет до первых воздушных боев и за одиннадцать — до первого полета аэроплана. *(Примеч. авт.)*

глазах девушки было удивление. Она собиралась заговорить, но пронзительный звонок заглушил ее голос.

Грэма осенило: она ожидала, что он сам поведет людей, именно это он и обязан сделать. Немедленно. Он обратился к человеку в желтом, но слова предназначались девушке. Она смотрела на него.

— Здесь я бездействую, — заявил Грэм.

— Это невозможно. Там будет свалка, — запротестовал человек в желтом. — Ваше место здесь.

Он подробно изложил свои доводы. Показал Грэму комнату, где тот должен был ожидать известий. По его убеждению, другого решения быть не могло.

— Мы должны знать, где вы, — говорил он. — В любой момент какой-нибудь кризис может потребовать вашего присутствия и вмешательства.

Грэм представлял себе картину такой же массовой, драматической схватки, какая шла в руинах. Но отсюда этого грандиозного зрелища не было видно. Ему предстояло уединение — и напряженное ожидание. Лишь после полудня он сумел сложить по кусочкам достоверную картину битвы, которая, невидимая и неслышимая, бушевала в четырех милях отсюда под Роухамптонской

летной площадкой. Это была странная, беспрецедентная битва, сотня тысяч маленьких схваток; битва в лабиринтах путей и туннелей, сражение при электрическом свете, вдали от неба и солнца — там беспорядочно дрались сонмы людей, не умеющих владеть оружием, поддавшихся шумным призывам. Огромные толпы людей, отупевших от бессмысленного труда, утративших волю из-за двухсотлетней рабской безопасности, бились с многочисленными противниками, деморализованными мелкими привилегиями и плотской распущенностью. У них не было артиллерии, не было разницы в вооружении; с обеих сторон единственным оружием служили маленькие зеленые металлические карабины, тайное производство и распространение которых среди народа в огромных количествах стало кульминацией действий Острога против Совета. Очень немногие имели опыт обращения с этим оружием, большинство вообще не умело стрелять, многие не позаботились обзавестись зарядами; более беспорядочной пальбы не случалось в истории войн. Это было сражение дилетантов, ужасный военный эксперимент; вооруженные мятежники дрались с вооруженными мятежниками. Они рвались вперед, отчаянно выкрикивая

слова песни, поддерживая друг друга воплями, в бессчетном множестве проникали в коридоры, к неработающим лифтам, в галереи, скользкие от крови, в залы и проходы под летными площадками, наполненные удушливым дымом, чтобы там — когда путь к отступлению отрезан — познать древние тайны войны. А наверху, если не считать редких снайперов на широких пространствах кровли и клубов пара и дыма, сгустившихся и потемневших к вечеру, день был ясным и безмятежным. У Острога, по всей видимости, не было бомб, и на ранних стадиях сражения летающие машины не играли никакой роли. Ни одно облачко не затемняло пустынное сияние неба. Казалось, оно очистилось в ожидании аэропланов.

Снова и снова приходили известия о том, что они приближаются — из одного испанского города, из другого, затем из Франции. Однако о спрятанных где-то в городе новых пушках, которые изготовил Острог, вестей получить не удавалось, несмотря на усилия Грэма; не было и донесений об успехах из гущи сражения, с подступов к летным площадкам. Секция за секцией Рабочих сообществ докладывали, что они собрались, что выступили, — и исчезали без следа в лабиринте военных событий. Что проис-

ходило там? Даже командиры отрядов этого не знали. Несмотря на постоянное хлопанье дверей, запыхавшихся курьеров, звонки телефонов и непрерывный треск записывающих приборов, Грэм чувствовал себя изолированным и томился бездеятельностью.

Эта изоляция временами казалась самым странным, самым неожиданным явлением из всего, что происходило с ним с момента пробуждения. В этой пассивности было нечто похожее на сон. Буйство восстания, изумительное ощущение борьбы с Острогом за обладание миром — и вот! Спокойная маленькая комната со звонками, аппаратами и разбитым зеркалом!

Когда двери закрывались, Грэм и Элен оставались одни; казалось, их отсекало от небывалого мирового урагана, бушевавшего снаружи. Они живо ощущали присутствие друг друга, были заняты только друг другом. Затем дверь открывалась снова, и входил курьер, или уединение нарушалось пронзительным звонком телефона — это было подобно порыву бури, распахивающему окна залитого светом дома. Их снова захватывали слепая спешка и смятение, напряжение и ярость битвы. Они переставали быть личностями, становились зрителями, свидетеля-

ми чудовищных конвульсий. Они казались себе бесконечно маленькими, нереальными. Были две антагонистические реальности, и только они оставались истинными реальностями; первая — город, который сотрясался и гудел, отчаянно защищаясь, и вторая — аэропланы, неотвратимо стремящиеся к нему через выпуклое плечо земного шара.

Внезапно снаружи зашумели, забегали, кто-то закричал. Девушка молча поднялась, недоверчиво вслушиваясь.

— Победа! — завопили металлические голоса. — Победа!

Отбросив портьеры, влетел человек в желтом, растрепанный и дрожащий от волнения.

— Победа, — воскликнул он, — победа! Народ побеждает. Люди Острога сломлены.

— Победа? — переспросила Элен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Грэм. — Говорите! Что?

— Мы вытеснили их из нижних галерей в Норвуде, Стритем пылает, а Роухамптон наш. Наш! И мы захватили моноплан, оставшийся на площадке.

Грянул звонок. Из комнаты начальников отрядов вышел взволнованный седовласый человек

и прокричал:

— Все пропало! Что толку, что мы захватили Роухамптон? Аэропланы уже видели над Булонью!

— Ла-Манш! — произнес человек в желтом и сделал быстрый подсчет. — Через полчаса.

— У них еще остаются три площадки, — сказал пожилой человек.

— Где пушки? — воскликнул Грэм.

— Мы не успеем их установить — всего полчаса.

— Вы хотите сказать, их нашли?

— Слишком поздно, — сказал седой.

— Если бы мы могли задержать их хотя бы на час! — кричал человек в желтом.

— Ничто их не остановит, — сказал старик. — У них около сотни аэропланов в первой армаде.

— Еще на час? — переспросил Грэм.

— Ведь почти удалось! — сказал начальник отряда. — Мы уже нашли эти пушки. Почти удалось… Если бы мы успели вытащить их на кровлю…

— Сколько на это потребуется времени? — вдруг спросил Грэм.

— Не меньше часа. Слишком поздно, — повторял начальник отряда. — Слишком поздно.

— Верно ли, что поздно? — спросил Грэм. — Да-

же теперь… Один час!

Он вдруг увидел эту возможность. Побледнел, но старался говорить спокойно.

— У нас есть шанс. Вы сказали, там есть моноплан?..

— На Роухамптонской площадке, сир.

— Он разбит?

— Нет. Косо стоит на тележке. Его можно поставить на направляющие, это просто. Но у нас нет аэронавта.

Грэм посмотрел на обоих мужчин, затем на Элен. После долгой паузы спросил:

— У нас нет аэронавтов?

— Ни одного.

Он вдруг повернулся к Элен. Решение было принято.

— Я это сделаю.

— Что?

— Я пойду на летную площадку… к этой машине.

— О чем вы?

— Я аэронавт. В конце концов… Те дни, за которые вы упрекали меня, я потратил все-таки не напрасно.

Он повернулся к старику и к человеку в желтом.

— Прикажите установить его на направляющие.

Человек в желтом заколебался.

— Что вы задумали? — воскликнула Элен.

— Этот моноплан… Есть шанс…

— Вы собираетесь?..

— Сразиться с ними, верно. Сразиться в воздухе. Я уже думал об этом… Большой аэроплан — неповоротливая штука, и решительный человек…

— Но еще никогда с начала полетов… — возражал человек в желтом.

— В этом не было нужды. А теперь время настало. Прикажите им немедля — пошлите мое указание: поставить моноплан на направляющие. Теперь я знаю, что делать. Знаю, зачем я здесь!

Старик взглядом спросил разрешения у человека в желтом, кивнул и заторопился прочь.

Элен шагнула к Грэму. Ее лицо было бледно.

— Но, сир! Как вы сможете сражаться в одиночку? Вас убьют.

— Возможно. Но не сделать этого… или поручить другому…

— Вас убьют, — повторила она.

— Я сказал людям свое Слово. Неужели вы не понимаете? Ведь это может спасти… Лондон!

Он умолк — слов больше не было; движением руки отмел возражения. Они стояли, глядя друг другу в глаза.

Они не прикоснулись друг к другу, не обнялись, не сказали слов прощания. Сама мысль о любви, о личном, была отодвинута отчаянными обстоятельствами. Лицо Элен выражало восхищение — и приятие его жертвы. Чуть заметным движением руки она поручила Грэма его судьбе.

Он шагнул к человеку в желтом и проговорил:

— Я готов.

Глава XXV
Налет аэропланов

Двое в бледно-синем лежали рядом в неровной стрелковой цепи, протянувшейся через всю Роухамптонскую летную площадку. Они сжимали свои карабины и всматривались в тень соседней площадки — Уимблдонский парк. Время от времени они перебрасывались фразами на искаженном английском, характерном для их класса и века. Стрельба сторонников Острога затихла, враги почти не показывались. Однако отзвуки боя, который шел теперь в нижних галереях соседней площадки, временами доносились до них сквозь трескотню выстрелов со стороны мятежников. Один из людей в синем рассказывал товарищу, как он заметил там, внизу, человека, нырнувшего за балку, прицелился наугад и прихлопнул его, когда тот высунулся.

— Вон он там валяется, — сказал стрелок. — Видишь темное пятно? Да, там, между балками.

В нескольких ярдах позади них лицом к небу лежал мертвец, на его синей холщовой куртке дымилось тлеющее пятно вокруг аккуратной

дырочки на груди, пробитой пулей. Рядом с убитым сидел раненый с забинтованной ногой и равнодушно смотрел на поднимающийся дымок. Позади них поперек тележки лежал захваченный моноплан.

— А теперь я его что-то не вижу, — сказал напарник, поддразнивая стрелка.

Стрелок разъярился и закричал, доказывая свое. Но тут из-под площадки донесся шум и топот.

— Что еще там такое? — сказал он и приподнялся на локте, чтобы видеть верх лестницы в углублении посреди площадки. Несколько фигур в синем поднялись наверх и двинулись в их сторону.

— Нам ни к чему все эти болваны, — сказал его напарник. — Столпились там и мешают стрелять. Что им надо?

— Тише, они что-то кричат.

Оба прислушались. Новоприбывшие сгрудились вокруг моноплана. Три командира отрядов в черных мантиях со значками пролезли сквозь корпус и очутились наверху. Рядовые бойцы бросились к крыльям, ухватились за их края, так что аппарат оказался полностью окружен людьми, а кое-где в три ряда. Один из стрелков

встал на колени.

— Смотри-ка, ставят на тележку… Вот зачем они здесь.

Он поднялся, его друг — за ним.

— К чему это? — сказал он. — У нас ведь нет аэронавтов.

— Однако все равно ставят, — сказал стрелок.

Он взглянул на свой карабин, на людей вокруг машины и вдруг обратился к раненому.

— Присмотри за этим, приятель, — сказал он, передавая ему оружие и патронташ, и бросился к моноплану.

Четверть часа он толкал, тянул, кричал сам, выслушивал крики других, а когда наконец дело было сделано, стоял посреди толпы, громко радуясь успешному завершению работы. К этому времени он уже знал то, что знали все в городе, — Хозяин, хотя и новичок в аэронавтике, хочет полететь на этой машине, сию минуту он едет сюда и не позволит лететь никому другому.

«Только тот, кто подвергает себя самой большой опасности и несет самое тяжкое бремя, — тот и есть истинный Правитель», — так, по рассказам, объявил Хозяин. Стрелок еще выкрикивал приветствия, капли пота еще бежали из-под его взлохмаченных волос, когда поднялся гро-

моподобный рев, перебиваемый всплесками революционного гимна. Толпа расступилась, стало видно, что густой поток голов течет вверх по лестнице. «Хозяин идет! — кричали люди. — Хозяин идет!» Толпа становилась все плотнее. Он начал проталкиваться к центральной лестнице.

— Хозяин идет! Спящий! Хозяин! Наш Бог и Хозяин! — ревели люди.

И вдруг совсем рядом с ним оказались черные мундиры революционной гвардии, и он первый и последний раз в своей жизни увидел Грэма, увидел совсем близко: высокий темноволосый человек в развевающейся черной мантии, с бледным, решительным лицом, с устремленным вперед взором; человек, мысли и чувства которого далеки от мелочной суеты вокруг…

До конца своих дней стрелок запомнил бескровное лицо Грэма. Через мгновение оно исчезло в неистовой толпе. Какой-то парнишка, заливаясь слезами, натолкнулся на него и стал отжимать к лестнице с криком:

— Очистите дорогу монопланy, дурачье!

Громко, резко зазвучал колокол — сигнал очистить площадку.

Под этот звон, отдающийся в ушах, Грэм приблизился к монопланy и вошел в тень на-

клоненного крыла. Несколько человек хотели сопровождать его, но он жестом отстранил их. Надо было вспомнить, как запускается двигатель. Колокол бил все чаще, и все громче звучал в ушах топот отбегающих людей. Человек в желтом помог ему пролезть внутрь сквозь ребра корпуса. Грэм взобрался на сиденье аэронавта, тщательно пристегнулся. Но что это? Человек в желтом указал на две маленькие машины, набирающие высоту в южной стороне. Без сомнения, они поднимались навстречу приближающимся аэропланам. Но сейчас у Грэма была одна задача: взлететь. Ему что-то кричали, о чем-то спрашивали, предупреждали. Это мешало. Нужно было думать о машине, вспомнить каждую подробность предыдущих полетов. Он махнул рукой, отгоняя людей, увидел, что человек в желтом спрыгнул вниз между ребер моноплана, а толпа послушно расступилась и прижалась к решеткам ограждения.

Мгновение Грэм сидел неподвижно, глядя на рычаги, на колесо, перемещавшее двигатель, и на все остальное, — он так мало знал о действии этих хитроумных механизмов. Взглянул на ватерпас; пузырек воздуха был смещен в его сторону. Кое-что вспомнил и потратил десяток секунд

на то, чтобы передвинуть двигатель вперед; пузырек установился посредине трубки. Люди перестали кричать и напряженно наблюдали за его манипуляциями. Пуля ударила в перекладину над головой. Кто стрелял? Свободна ли от людей взлетная полоса? Он привстал, осмотрелся и снова сел.

В следующую секунду пропеллер завертелся, аппарат заскользил по рельсам. Грэм взялся за колесо и сместил двигатель назад, чтобы поднять нос моноплана. Теперь люди опять закричали. Тело пронизала дрожь двигателя, и крики стремительно унеслись назад, ушли вниз, стихли. Ветер засвистел над краем щитка, весь мир с невероятной быстротой рухнул вниз.

Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук — вверх, все вверх. Было приятно ощущать, что он не волнуется, что он спокоен и решителен. Он еще немного опустил хвост машины, открыл клапан в левом крыле и стал подниматься по спирали. Уверенно посмотрел вниз, вверх. Один из монопланов Острога летел наперерез, так что Грэм должен был пройти ниже и под острым углом к его курсу. Аэронавты — крошечные фигурки — смотрели на Грэма. Что они собираются делать? Он напряженно соображал. Один аэронавт поднял карабин,

готовясь выстрелить. Каких ответных действий они ожидали? Внезапно он разгадал их тактику и принял решение. Мгновение апатии прошло. Грэм открыл еще два клапана слева, развернулся к вражеской машине, закрыл клапаны и ринулся прямо на нее, прикрываясь от выстрелов носом моноплана и ветровым щитком. Враги немного ушли в сторону, словно освобождая дорогу. Грэм вздернул нос машины.

Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук. Он стиснул зубы, лицо исказилось непроизвольной гримасой. Удар! Он попал! Удар пришелся под крыло, снизу вверх. Медленно, медленно, как ему показалось, крыло противника словно расширилось от удара. Вот оно пронеслось у него над головой, скользнуло вниз и исчезло из вида.

Грэм понял, что нос его машины опускается. Схватился за рычаги, повернул колесо, отбросил двигатель назад. Моноплан рвануло, нос вздернулся вверх — секунду Грэму казалось, будто он лежит на спине. Машина тряслась и раскачивалась, словно плясала. Он сделал огромное усилие, всей тяжестью навалившись на рычаги, и двигатель медленно пошел вперед. Моноплан поднимался, но теперь не так круто. Грэм на секунду задохнулся, потом снова налег на рычаги. В

ушах свистел ветер. Еще одно усилие, и машина почти совсем выровнялась. Можно было перевести дух. Он стал вертеть головой, высматривая, что произошло с противниками. Повернулся было к рычагам, затем еще раз осмотрелся. На мгновение почудилось, что оба уничтожены. Потом он увидел, что между двумя летными площадками на востоке есть провал, и туда валится что-то плоское, исчезает, как шестипенсовая монетка в щели.

Сначала он ничего не понял, затем его охватило буйное веселье. Он закричал во всю глотку, завопил без слов, и стал подыматься все выше и выше в небо. Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук. «А где второй? — подумал он. — Они что, тоже?..» Обвел взглядом пустые небеса, опасаясь, что вторая машина забралась выше его, но увидел, что она опускается на Норвудскую площадку. Они собирались всего лишь пострелять. Вероятность рухнуть вниз головой с высоты двух тысяч футов — нет, это было чересчур для храбрецов нового времени…

Грэм немного покружился, затем бросил машину в крутой спуск и пошел к западной площадке. Тук, тук, тук, тук, тук, тук. Быстро сгущались сумерки. Дым со Стритемской площадки, прежде

густой и черный, превратился в огненный столб. Полоски и изгибы движущихся путей, прозрачные кровли, купола и ущелья между домами мягко засияли электрическим светом, невидимым при ярком свете дня. На трех действующих площадках, оставшихся в руках сторонников Острога (Уимблдонским парком нельзя было воспользоваться из-за обстрела с Роухамптона, а Стритем превратился в пылающую топку), зажглись сигнальные огни для приближающихся аэропланов. Пролетая над Роухамптоном, Грэм видел на площадке плотную темную толпу народа. Слышал неистовые приветствия. Со стороны Уимблдонского парка просвистела пуля. Грэм набирал высоту, направляясь к пустошам Суррея. Почувствовал дуновение юго-западного ветра; как его учили, приподнял крыло, обращенное на запад, и взмыл вверх, уходя в более разреженные слои воздуха. У-и-р-р, у-и-р-р…

Он поднимался все выше и выше под эту ритмическую пульсацию, пока местность внизу не утонула в голубом тумане, а Лондон лежал вдали, у самого горизонта, как карта, пересеченная линиями света, как маленькая модель города. Юго-запад горел ясным сапфировым светом над темным краем земли, и по мере того как Грэм

забирался выше, зажигались все новые звезды.

Вот оно! На юге, далеко внизу возникли, быстро приближаясь, две полоски туманного света. Затем еще две, затем целый рой стремительно несущихся силуэтов. Вскоре он уже мог сосчитать их. Двадцать четыре. Первая армада аэропланов прибыла! Позади нее появился второй рой, еще больший.

Грэм описал полукруг, вгляделся в надвигающийся флот. Он шел клином — треугольник гигантских фосфоресцирующих теней, летящий низко над землей. Грэм быстро прикинул соотношение скоростей и повернул колесо, перемещая двигатель вперед. Тронул рычаг — вибрация двигателя исчезла. Он начал падать и падал все быстрее. Целился в острие клина. Падал подобно камню сквозь свистящий воздух. Секунда — и он врезался в передовой аэроплан.

Никто из этого множества чернокожих не увидел приближения своей судьбы, никто и думать не мог о ястребе, который ринется на них с небес. Те, кто не страдал от воздушной болезни, вытягивали черные шеи, стараясь разглядеть призрачный город, поднимающийся из тумана, богатый и блестящий город, который «масса Вождь» отдал во власть их послушных мускулов.

Их белые зубы сверкали, глянцевитые лица сияли. Они слышали о том, что было в Париже. Они знали, что им разрешено вволю потешиться над нищим белым отребьем.

И тут на них упал Грэм.

Он целился в корпус аэроплана, но в самый последний момент в голове сверкнула удачная идея. Легкий поворот — удар со всей силой разгона в самый край правого крыла. Грэма подбросило. Нос моноплана скользнул по гладкой поверхности крыла к кромке. Он почувствовал, что огромная машина, продолжая мчаться вперед, тащит моноплан за собой, и мгновение, казавшееся веком, не мог сообразить, что происходит. Потом услышал вопль тысячи глоток и понял, что его машина, покачавшись на краю гигантской плоскости, уходит вниз, вниз; взглянув через плечо, увидел, что несущая балка и противоположное крыло аэроплана взлетают вверх. Между ребрами мелькнули сдвинутые с места сиденья, ошарашенные лица, руки, цепляющиеся за поручни. В дальнем крыле открылись проемы — аэронавт пытался выровнять машину. Позади был виден второй аэроплан, метнувшийся вверх, чтобы избежать воздушного вихря от своего накренившегося собрата. Широкие покачиваю-

щиеся крылья метнулись вверх. Он догадался, что моноплан высвободился; чудовищное сооружение, перевернувшись, повисло над ним, как наклонная стена.

Грэм не сразу понял, что пробил крыло аэроплана и соскользнул с него, но почувствовал, что моноплан свободно планирует вниз и стремительно приближается к земле. Что он натворил? Сердце колотилось под самым горлом, шумно, как мотор, и несколько опасных мгновений он не мог взяться за рычаги — отнялись руки. Наконец взялся, передвинул двигатель назад, секунды две поборолся с его весом, выправил машину, повел ее горизонтально и снова включил мотор.

Он посмотрел вверх и увидел два аэроплана, кружащих высоко над головой, посмотрел назад — армада разлеталась в разные стороны, а подбитый им аэроплан встал на ребро и, как гигантское лезвие ножа, падал на вращающиеся лопасти ветряных колес.

Грэм опустил корму и еще раз огляделся. Летел, не заботясь о направлении. Он видел — сокрушая ветряки, огромное сооружение упало на землю. Нижняя пара крыльев смялась в гармошку под весом аэроплана, затем гигант перевернулся брюхом вверх и, разваливаясь, повис на согнутых

ветряках. Из оседающих обломков взметнулся к зениту тонкий язык белого пламени.

Он увидел, что на него мчится еще одна огромная туша, и взмыл вверх как раз вовремя, чтобы уйти от атаки — если это была атака — второго аэроплана. Тот со свистом пролетел внизу, совсем близко; моноплан провалился футов на шесть и едва не перевернулся от воздушного вихря.

Еще три аэроплана неслись на него — необходимо было проскочить наверх, оставить их внизу. Аэропланы были повсюду, они отчаянно маневрировали — видимо, чтобы избегнуть встречи с ним, — пролетали сзади, сверху, снизу, по сторонам. Далеко на западе послышался шум столкновения, упали два факела. Далеко на юге показалась вторая армада. Грэм упорно набирал высоту. Вскоре все аэропланы оказались внизу, но он сомневался, хватит ли высоты, и пока не атаковал. Затем пошел вниз, на вторую жертву, и солдаты его увидели. Огромная машина накренилась и закачалась, когда обезумевшие от страха люди кинулись на корму за своим оружием. В воздухе запели пули, трещины звездами разбежались на толстом ветровом стекле, защитившем его. Аэроплан снизил скорость, пошел вниз, уходя от удара, но опустился слишком низко. Грэм во-

время заметил ветряные колеса на Бромлийском холме, несущиеся навстречу, отвернул в сторону и вверх, а аэроплан, на который он нацелился, врезался в них. Голоса людей слились в один вопль. Гигантская конструкция секунду стояла вертикально среди шатающихся и разваливающихся ветряков, затем рухнула и рассыпалась на куски. Огромные обломки разлетелись во все стороны, двигатели взорвались, словно артиллерийские снаряды. К темнеющему небу поднялся столб жаркого пламени.

— Второй! — вскрикнул Грэм, услышав взрыв.

Он снова стал пробиваться наверх. Победное веселье и неудержимая жажда действия охватили его. Его стремление к гуманности, неуверенность в себе канули в прошлое навсегда. Он был человеком битвы, был упоен собственной силой. Аэропланы, казалось, рассеивались во все стороны, они хотели только одного — спасения; вопли сотен пассажиров долетали короткими всплесками, когда машины проносились мимо. Он наметил третью жертву, ударил в спешке и не смог опрокинуть ее. Аэроплан ускользнул от него, но разбился, врезавшись в высокий уступ Лондонской стены. Избегая столкновения с ней, Грэм скользнул над темной землей так низко,

что разглядел испуганного кролика, удиравшего вверх по склону. Резкий, крутой подъем, и Грэм полетел над южным Лондоном; кругом было пусто. Справа бушевали сигнальные ракеты сторонников Острога. На юге горели обломки полудюжины воздушных кораблей, остальные спасались бегством — на север, запад, восток. Там они разворачивались и улетали снова на юг, потому что им нельзя было больше оставаться в воздухе. В их теперешнем замешательстве всякая попытка перестроиться была чревата катастрофическими столкновениями.

Он пролетел примерно в двухстах футах над Роухамптонской площадкой. Там было черно от народа, люди неистово кричали. Но почему такая же толпа и крики в Уимблдонском парке? Дым и пламя от горящего Стритема закрывало три дальние площадки. Грэм описал дугу и поднялся выше, чтобы посмотреть, что делается там и в северных кварталах. Первым из завесы дыма выступил квадрат Шутерс-хилла. Площадка была освещена и в полном порядке. Там приземлился аэроплан, из него высаживались негры. Далее показался Блэкхит, из-под пелены дыма выглянул Норвуд. На Блэкхите не сел ни один аэроплан. По площадке Норвуда металось в неистовом

беспорядке скопище маленьких фигурок. Что там происходит? И вдруг он понял. Упорная оборона летных площадок сломлена, народ проник в нижние галереи этих последних оплотов защитников Острога. В этот момент издалека, с северной окраины города донесся и раскатился над городом тяжкий глухой звук — триумфальный аккорд, победный сигнал, — это выстрелила пушка. Губы Грэма приоткрылись, лицо исказилось от волнения.

Он глубоко вздохнул.

— Они побеждают, — крикнул Грэм пустым небесам. — Народ побеждает!

Выстрел второй пушки прозвучал как ответ. И сейчас же Грэм увидел моноплан, взлетающий с Блэкхита. Он пробежал по направляющим, оторвался от площадки, устремился вверх — прочь, на юг.

Грэм мгновенно понял, что это означает: Острог бежит! Он вскрикнул и кинулся в погоню. Используя преимущество в высоте, направил моноплан наискось вниз, настигая врага. При его приближении машина противника стала круто подниматься. Грэм сделал поправку на скорость и пошел прямо на цель.

Внезапно моноплан превратился в тонкую

плоскость, и — что это? — Грэм оказался за ним, продолжая стремиться вперед и вниз со всей энергией своего напрасного рывка.

Он впал в бешеную ярость. Откатил двигатель назад до упора и стал кругами подниматься. Машина Острога тоже крутила спираль и шла вверх. Он полетел к ней и выиграл в высоте за счет разгона и преимущества в весе — там сидели двое. Грэм снова бросился на них — и снова промахнулся! На пролете увидел их лица: аэронавт был холоден и сосредоточен, на лице Острога — твердая решимость. Он не посмотрел в сторону Грэма, уставился прямо перед собой — на юг. Грэм со злостью подумал, каким неуклюжим должен казаться его полет. Внизу показались Кройдонские холмы. Машина снова прыгнула вверх и зависла над противником.

Грэм оглянулся через плечо и вдруг забыл об Остроге. Восточная площадка на Шутерс-хилле, казалось, взлетела в воздух. Яркая вспышка превратилась в высокое серое облако, колпак из пыли и дыма. Мгновение этот колпак стоял неподвижно, из его недр валились огромные металлические конструкции, затем гигантский клубок густого дыма наверху начал разматываться. Народ взорвал эту площадку вместе с

аэропланом! Так же внезапно блеснула вторая вспышка, и серое облако взметнулось над Норвудской площадкой. Пока Грэм смотрел на это, до него докатился глухой удар. Воздушная волна от первого взрыва настигла моноплан. Подбросила его вверх и в сторону.

Мгновение машина падала почти боком, опустив нос, будто не решаясь перевернуться. Грэм стоял на ветровом щитке, вцепившись в колесо управления, качающееся над головой. И тогда ударная волна второго взрыва пришла сбоку.

Он осознал, что цепляется за ребро корпуса, что воздух со свистом несется мимо него вверх. Казалось, он неподвижно висит в небе, обдуваемый ветром. Но земля внизу вращалась — все быстрее и быстрее. Он понял, что падает. Да, он, несомненно, падал. Но не мог посмотреть вниз.

С необыкновенной быстротой он вспомнил все, что случилось после пробуждения: дни сомнений, дни власти и, наконец, ярость от осознания расчетливого предательства Острога.

Все это казалось абсолютно нереальным. Кто он такой? Почему он так крепко цепляется за что-то руками? Почему не разжимает пальцы? Таким падением заканчиваются нескончаемые сны. Сейчас, через мгновение он проснется…

Мысли неслись все стремительней. Увидит ли он снова Элен? Какая нелепость, что не увидит.

И хотя Грэм не мог смотреть вниз, он вдруг почувствовал, что кружащаяся под ним земля уже совсем близко.

Грянул удар, оглушительно затрещали сокрушаемые брусья и стойки.

Перевод И. Левшина